СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

А–Я

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Москва
«Международные отношения»
2002

УДК 398(=81)(031)
ББК 82.3(=Сла)я2
С47

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Славянская мифология. Энциклопедический словарь.
С 47 Изд. 2-е. — М.: Междунар. отношения, 2002. — 512 с.

ISBN 5-7133-1069-8

Подготовленное сотрудниками Института славяноведения Российской академии наук новое (2-е), исправленное и дополненное издание энциклопедического словаря «Славянская мифология» содержит толкование основных образов и символов славянской мифологии. Статьи посвящены славянским божествам, персонажам народной демонологии, обычаям славян, традиционным праздникам, мифологии животного и растительного мира, природных явлений и т.д.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

УДК 398(=81)(031)
ББК 82.3(=Сла)я2

ISBN 5-7133-1069-8

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемая читателю книга представляет собой переработанное и существенно расширенное издание энциклопедического словаря под тем же названием, изданного в 1995 г. Она содержит более 400 статей, посвященных отдельным темам (элементам, символам, стереотипам) традиционной славянской духовной культуры. Цель каждой такой статьи — очертить то культурное содержание толкуемого элемента мира, которое характерно для наивного (т.е. не научного), мифопоэтического сознания, проявляющего себя в традиционных верованиях, мифологических представлениях, обрядовом и бытовом поведении, фольклорных текстах и т.п.

Тематические рамки словаря весьма широки. В статьях рассматриваются:

явления природы и стихии (статьи Ветер, Вихрь, Вода, Воздух, Гора, Град, Гром, Дождь, Засуха, Затмение, Звезды, Землетрясение, Земля, Источник, Камень, Луна, Небо, Огонь, Пожар, Радуга, Река, Роса, Свет, Солнце, Тучи);

локусы внешнего, нежилого пространства (Ад, Граница, Дорога, Дунай, Ирий, Кладбище, Мост, Перекресток, Рай, «Тот свет») и внутреннего, освоенного пространства (Гумно, Дверь, Двор, Дом, Колодец, Крыша, Мельница, Могила, Окно, Очаг, Печь, Порог, Чердак, Труба, Угол);

растения (Барвинок, Береза, Бобы, Бузина, Верба, Грибы, Груша, Дерево, Дуб, Ель, Зверобой, Капуста, Кизил, Конопля, Крапива, Лещина, Липа, Мак, Ольха, Омела, Орех, Осина, Папоротник, Рябина, Тис, Чеснок, Шиповник, Ясень);

животный мир (Аист, Алконост, Бабочка, Божья коровка, Бык, Волк, Ворон, Гады, Еж, Жаворонок, Заяц, Змея, Коза, Конь, Корова, Коршун, Кошка, Крот, Кукушка, Ласка, Ласточка, Летучая мышь, Лягушка, Медведь, Муравей, Мышь, Насекомые, Олень, Орел, Пчела, Рыба, Собака, Сова, Черепаха, Шерсть, Ящерица);

языческие боги и персонажи христианской мифологии (Ангел, Белобог, Берегини, Бог, Богородица, Варвара, Власий, Волос/Велес, Георгий, Дажьбог, Илья, Иоанн Креститель, Иуда, Касьян, Кузьма и Демьян, Мокошь, Николай, Параскева Пятница, Переплут, Перун, Руевит, Сатанаил, Сварог, Свентовит, Святые, Стрибог, Тодор, Триглав, Троян, Хорс, Чернобог, Яровит);

демонические персонажи низшей мифологии (Банник, Бес, Богинка, Вампир, Василиск, Ведьма, Великан, Вештица, Вий, Вила, Водяной, Волколак, Двоедушники, Дворовой, Див, Домовой, Дух-обогатитель, Заложные покойники, Здухач, Злыдни, Змей, Караконджул, Карлики, Кикимора, Коровья Смерть, Леший, Лихорадки, Мавки, Мора, Нави, Нечистая сила, Овинник, Орисницы, Планетники, Подменыш, Полевик, Полудница, Род, Русалка, Стрига, Суденицы, Фараонки, Хала, Хтонические существа, Черт, Шуликуны);

мифологизированные лица (Близнецы, Волхвы, Гончар, Гость, Дети некрещеные, Жених, Женщина, Знахарь, Инородец, Колдун, Крестные родители, Кузнец, Мельник, Музыкант, Невеста, Нищий, «Одномесячники», Охотник, Пастух, Пахарь, Повитуха, Покойник, Предки, Пряха, Ребенок, Сирота, Старик);

народный календарь (Андреев день, Благовещение, Божье тело, Вербное воскресенье, Весна, Воздвижение, Вознесение, Воскресенье, Вторник, Дмитриев день, Задушки, Задушницы, Зима, Иван Купала, Игнатов день, Ильин день, Календарь народный, Карачун, Коляда, Крещение, Лето, Масленица, Новый год, Осень, Пасха, Петров день, Покров, Поминальные дни, Понедельник, Праздник, Преображение,

Пятница, Радуница, Рождество, Русалии, Святки, Семик, Сорок мучеников, Среда, Страстная неделя, Страстной четверг, Сретенье, Суббота, Трифона день, Троица, Четверг, Юрьев день; часть праздников получает описание в статьях, посвященных чествуемому в этот день святому; даты православного календаря при отсутствии специальных оговорок даются по старому стилю);

ритуалы и ритуальные действия (Бесчинства, Битье посуды, Благопожелание, «Борода», Брань, Братчина, Венчание, Встреча, Выгон скота, Гадание, Дар, «Деды», Додола, Жатва, Жертва, Залом, Заумь, Земледелие, Качели, Колядование, Кормление, Костер, Кострома, Кража, Кукеры, Кукиш, Купание, Курбан, Лазарки, Марена, Молчание, Нестинарство, Обет, Обман, Оборотничество, Обходы, Обыденные предметы, Окуривание, Опахивание, Переворачивание предметов, Пережин, Побратимство, Погребение, Погребение вторичное, Полазник, Пост, Похороны, Похороны животных и растений, Похороны-свадьба, Поцелуй, Приглашение, Проклятие, Пролезание, Прощание, Пускание по воде, Ряжение, Свадьба, Сглаз, Скотоводство, «Слава», Слезы, Смотреть, Снование, Ткачество, Узел, Хлеб-соль);

ритуальные предметы и объекты (Алатырь, Амулет, Бадняк, Венок, Гроб, Зеркало, Идолы, Икона, Кольцо, Мартеница, Колокол, Крест, Куриный бог);

орудия труда, утварь, посуда, одежда (Борона, Веник, Веретено, Горшок, Гребень, Дежа, Замóк, Игла, Ключ, Колесо, Лестница, Ложка, Мусор, Нож, Обувь, Одежда, Пест, Посох, Пояс, Прялка, Рубаха, Сеть, Сито, Стол, Ступа, Топор, Фартук, Шапка);

пища (Блины, Вино, Еда, Зерно, Каравай, Каша, Квас, Кисель, Кутья, Мед, Молоко, Печенье, Питье, Соль, Хлеб, Яблоко, Яйцо);

вещества (Воск, Железо, Золото);

человек (Борода, Волосы, Гениталии, Глаза, Глухота, Голова, Голос, Душа, Зубы, Кости, Кровь, Ноги, Ногти, Рот, «Рубашка», Рука, Сердце, Сон, Тень);

мифологизированные признаки, периоды и состояния, категории культуры (Беременность, Брак, Богатство, Веселье, Время, Грех, Доля, Имя, Коитус, Колючий, Круг, Месячные, Нагота, Начало, Обереги, Свой—чужой, Смерть, Траур, Цвет, Число);

болезни (Бесплодие, Бессонница, Болезнь, Колтун);

фольклорные мотивы (Антропогонические мифы, Житие растений и предметов, Жертва строительная, Инцест, Клад, Мировое дерево, Обмирание, Переправа, Сотворение мира, Судьба, Чудо).

В совокупности эти статьи должны дать представление о традиционной «картине мира», о тех способах осмысления, категоризации и оценки явлений окружающей действительности, которыми пользовался носитель культурной традиции, познавая мир и взаимодействуя с ним в своей практической деятельности. Приведенный перечень, конечно, не исчерпывает всего состава культурных символов и всего содержания народных представлений славян о мире и человеке, но мы старались отбирать те единицы символического языка, культурные функции которых выражены наиболее ярко. Трактовка каждого отдельного явления или реалии в народной культуре не может быть изолированной: если речь идет, например, о каком-либо конкретном растении, то его культурные функции и символика могут быть поняты только в ряду других элементов того же «культурного кода». Смысловые связи и отношения между отдельными культурными реалиями в тексте статей выявляются при посредстве отсылок (полужирным). Чтобы облегчить читателю восприятие отдельных статей и дать ему представление о традиционной народной культуре как целостной системе, о символическом языке и мифологическом содержании этой культуры, а также об основных источниках и направлениях ее изучения, мы публикуем обобщающую работу акад. Н.И. Толстого «Славянские верования».

Слово «мифология», фигурирующее в названии книги, может пониматься по-разному и потому требует пояснения. У славян не было мифологических текстов в

собственном смысле слова, подобных, например, древнегреческим. Единой праславянской «высшей» мифологии (т.е. пантеона языческих богов) реконструировать не удается: киевский пантеон отличался от поморского, а у южных славян вообще не было пантеона. Народная традиция славян не сохранила практически никаких следов верховных божеств, в то время как «низшая» мифология (верования в чертей, водяных, домовых, русалок, духов растений и животных, демонов болезней и т.д.) отличается значительным единством и чрезвычайной устойчивостью. Стремление поднять славянскую мифологию до уровня классических мифологий древнего мира побуждало романтически настроенных исследователей домысливать славянских языческих богов, извлекая их имена из фольклорных текстов, песенных припевов и т.п. или просто изобретая их (Купала, Коляда, Кострома, Ладо, Лель и т.п.). См. статью **Кабинетная мифология.** Таким образом, в настоящем словаре мифология трактуется как система мифологических представлений о мире, составляющих содержательную основу большинства жанров и видов народной культуры.

Статьи словаря написаны научным коллективом, создающим пятитомный этнолингвистический словарь «Славянские древности» под общей редакцией Н.И. Толстого. К настоящему времени издано два тома: т. 1. А—Г. М., 1995 и т. 2. Д—К (Крошки). М., 1999. В отличие от «большого» словаря, настоящий, «малый» словарь адресован не столько специалистам, сколько широкому кругу читателей, поэтому в нем опущена необходимая в научных изданиях подробная документация (библиографическая и географическая) приводимого материала. Кроме того, в «малом» словаре отдельные славянские традиции представлены неравномерно: главное внимание уделено восточным славянам (прежде всего русским), а сведения по западно- и южнославянским традициям даются в основном в качестве параллелей. Народная терминология и фразеология, а также фольклорные тексты на диалектах русского, украинского и белорусского языков приводятся в орфографии источников, в некоторых случаях в несколько упрощенном и приближенном к русской орфографии виде.

При отдельных статьях указывается наиболее доступная литература на русском языке. Более подробную библиографию см. в книге: Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. Для дальнейшего знакомства с темой мы можем рекомендовать следуюшие общие труды по традиционной духовной культуре славян (содержашие дальнейшие отсылки к более специальной литературе):

Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А—Г; 1999. Т. 2. Д—К (Крошки).

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

«А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу». Справочно-библиографические материалы. М., 2000.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Власова М. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб., 1998.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост. А.Ф. Некрылова. М., 1991.

Русские. М., 1997.

Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995.

Очерки истории культуры славян. М., 1996.

Славянский и балканский фольклор. М., 1971–2000. Вып. 1–9 (серийное издание).

СЛАВЯНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ

Древней религией славян, их мировосприятием было язычество. Оно охватывало всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры материальной, вернее, культуры производственной, охотничьей и собирательской, так как эта культура вся была проникнута убежденностью ее носителей в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех трудовых процессах. Славянское язычество не было обособлено от верований родственных и соседствующих со славянами народов, оно является самостоятельно развившимся в первое тысячелетие нашей эры фрагментом древней индоевропейской религии. Почти полное отсутствие свидетельств о славянской религии до VI в. и малое их число, относящееся к периоду с VI в. по XI в., вынуждает ученых восстанавливать древнейшую славянскую религию, используя современный материал (записи XIX–XX вв.) и применяя сравнительно-исторический метод, подобный тому, который применяется в лингвистике. Сравнительно-исторический метод вкупе с ареально-типологическим и культурно-географическим (отчасти и лингвогеографическим) дают возможность выделить архаические явления из массы инновационных и с относительной долей вероятности представить их как праславянские, то есть древнеязыческие. При этом в отличие от христианства, представляющего собой достаточно цельную, устойчивую, структурно единообразную, закрытую систему догматов и религиозных символов, славянское язычество являлось неоднородной открытой системой, в которой новое уживалось со старым, постоянно дополняло его, образуя целый ряд напластований. Действительно, если воспользоваться традиционной научной терминологией, можно сказать, что славянское язычество содержало в себе не только свойственные ранней стадии религиозного развития аниматические верования (т.е. убежденность, что все в природе живое — и камень, и огонь, и дерево, и молния, и т.п.), но и анимические (т.е. представления о душе), сочетающиеся, вероятно, с более поздними воззрениями о трансцендентности души (т.е. способности переходить в другую плоть) и о способности сверхъестественных персонажей к различным метаморфозам — превращениям то в козла, то в собаку, кота, копну сена, черный клубок, в младенца и т.п. Сверхъестественные персонажи, после обращения славян в христианство получившие название **нечистой силы**, имели человеческий (антропоморфный), звериный (зооморфный) или смешанный антропоморфно-зооморфный облик. Этой сверхъестественной силой, по убеждению древнего славянина-язычника, была населена вся вселенная, с нею приходилось иметь дело и она была опасна, хотя и не всегда вела к плохому или трагическому исходу. Эту силу можно было умилостивить и даже отпугнуть, что и совершалось согласно особым ритуалам и традициям. Постепенно из этой среды сверхъестественного выделились языческие боги, о которых мы имеем достаточно смутное представление. Видимо, к VI в. славяне имели не только нечто напоминающее пантеон богов или ряд местных «племенных» пантеонов, но и были близки к монотеизму, к верованию в верховного, еще не христианского, единого бога.

Это можно предполагать, опираясь на свидетельство византийского историка Прокопия Кесарийского, сообщающего в своем сочинении «Война с готами» о том, что славяне веровали в Громовержца как высшего из богов и приносили ему в жертву волов и быков. Тем не менее элементы единобожия, возможно, даже локальные, не вытесняли и не вытеснили многобожия, пусть не ярко выраженного и сливающегося

на другом полюсе с духами природы, домашнего очага, демонами болезней и повальных бедствий.

Христианство лишь частично уничтожило довольно свободную и в некоторых отношениях достаточно аморфную структуру язычества, поставило его в иные условия и подчинило своей значительно более высокой иерархии ценностей. Бытовое христианство предоставило языческим мифологическим персонажам и представлениям, как уже говорилось, статус нечистой силы, отрицательного духовного начала, противостоящего силе «крестной», чистой и преисполненной святости. В фольклорном представлении небо оказалось занятым силами небесными, праведными и божественными, а преисподняя, подземный мир, болота, ямы и овраги — силами нечистыми и темными. Земля — место борьбы двух миров и начал, а человек и его душа — средоточие этой борьбы. При этом воля Божья и промысел Божий господствуют над всем и определяют все. Такое народное христианское мировоззрение, типичное для славян обеих конфессий — православной и католической, нельзя считать двоеверием, поскольку оно цельно и представляет собой единую систему верований. Белорусская или польская крестьянка, почитающая св. Николая Угодника и в то же самое время производящая различные манипуляции, чтобы уберечься от ведьмы на Ивана Купалу или в другую пору, не поклоняется двум богам — Богу и Мамоне, а имеет свое определенное отношение и к одному, и к другому миру. Эти отношения в ее представлении не противоречивы, они естественно дополняют друг друга.

Если же посмотреть на генезис, на происхождение народных воззрений о божественной силе и воззрений о силе нечистой, то первые восходят к христианству, а вторые — во многом к славянскому язычеству. Это давало основание еще в XIX в. говорить о распространенном у славян, в первую очередь у русских, двоеверии. Притом понятие двоеверия употреблялось не столько применительно к историческому процессу и истокам народных религиозных верований, сколько к самому характеру этих, уже устоявшихся, верований, к эпохе XIX — начала XX в. Однако если рассматривать этот вопрос с генетической точки зрения, с точки зрения истоков народной духовной культуры, придется признать, что таких истоков или источников было более двух — христианского и языческого. Существовал еще третий источник, во многом принятый славянами совместно или почти одновременно с христианским. Это народная и городская культура, которая развивалась и в Византии, и отчасти на Западе. Так проникали в славянскую среду элементы поздней античности — эллинства, мотивы ближневосточных **апокрифов**, восточного мистицизма и западной средневековой книжности, которые, вероятно, в славянской народной культуре и религии не функционировали и не воспринимались как определенная система, но которые придавали всей славянской культуре эпохи первого тысячелетия определенный облик, лицо, полноту и разносторонность ее внешних — формальных — и внутренних — идеологических и смысловых — проявлений и сущностей. С некоторой осторожностью или условностью к элементам обозначенной нами «третьей» культуры можно отнести юродство (впоследствии ставшее одним из церковных институтов), скоморошество (периодически то гонимое, то поддерживаемое власть имущими), городскую карнавальную, ярмарочную и лубочную культуру, дожившую до нашего века и имевшую свою автономную эволюцию и свои локальные пути развития. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести известный пример ранней росписи киевского Софийского собора, где помимо церковных фресок, выполненных в классическом византийском стиле, на стенах лестницы, ведущей в несохранившийся княжеский детинец, изображены гудцы, скоморохи, потешники. Всему определено место.

Если бы все сводилось к «двоеверию», то есть к двум компонентам, к двум источникам славянской народной духовной культуры в конце I и в начале II тысячелетия нашей эры, культуры, которая имела последовательное и непрерывное развитие до наших дней, вопрос выявления элементов славянских дохристианских языческих

древностей решался бы относительно просто. Все, что оставалось бы за вычетом христианских институтов, черт и особенностей, хорошо известных по многочисленным письменным свидетельствам, можно было бы отнести на счет дохристианского язычества, объяснить как его продолжение, развитие или реликты. Однако дело осложняется в значительной степени наличием фрагментов «третьей» культуры, заимствований и собственно славянских инноваций общего и особенно локального происхождения.

Древние славянские представления о мироздании восходят к индоевропейским временам, и поэтому они отличаются большой архаичностью и в то же время некоторой расплывчатостью и неустойчивостью своих форм и проявлений. **Земля** славянам представлялась плоской, либо плавающей в воде, либо стоящей на четырех быках, от резких рывков которых происходили землетрясения. Считалось, что у земли есть свой край, хотя дойти до него нелегко, это мало кому удавалось и оттуда не было возврата. Небо воспринималось как нечто напоминающее натянутую над землей бычью шкуру, медный ток (площадку для молотьбы), большую крышку от посудины и т.п. На небе пребывали солнце, луна и звезды. Небес насчитывалось много — до семи (ср. выражение: «Быть на седьмом небе»). Эти небеса растворялись в исключительных случаях и в особые дни (ночи), а также во время большой грозы.

Солнце — источник жизни на земле и по сей день называется на Карпатах «ликом Божьим», в других местах — «оком Божьим». В славянском фольклоре оно вместе с месяцем и отдельными планетами персонифицируется, наделяется эпитетами «красное», «ясное», «жаркое» и т.п. Каждые сутки солнце окунается в море или уходит за край земли (под землю), чтобы немного остыть и затем появиться вновь. В определенные дни оно «брачуется» с землей («играет»); его годовому циклу подчинен год славянского земледельца. Порядок крестьянских работ зависит также от фаз второго светила, погасшего, именуемого в славянских народных песнях братом солнца, иногда сестрой,— месяца (луны), «ясного», «светлого» и т.п. Если с солнцем у славян специальные магические действия не связаны, то месяц (луна) иногда оказывается объектом черной магии (ср. «похищение месяца» у болгар), персонажем многих заговоров («от зубов» и т.п.), местом обитания покойников. Новолуние у славян отмечалось нередко разжиганием костров или печением особого пирога, девичьим гаданием о будущем, свадьбами, началом новых работ — сева, посадки деревьев, строительства дома и т.п.

Помимо антропоморфного восприятия солнца и луны в славянской мифологии известны и их зооморфные обличия. Солнце может представляться буйволом, волом, теленком, петухом, а месяц (луна) — коровой, реже козлом, бараном (ср. «рогатый» — облик молодого месяца).

Названия звездного неба отражают древние аграрные и в меньшей мере скотоводческие традиции славян. Так, Большая Медведица у болгар называется «кола» (телега) и состоит из «колес», «волов» и «волка», а «ралом» называется созвездие Орион, состоящее также из двух «волов», «рала», «пахаря» и «волков», собирающихся на них напасть. Плеяды у славян называются «курицей», «наседкой» (*квочка, кокошка*) или «стожарами», т.е. шестами, вокруг которых молотили жито.

Древние славяне, видимо, не знали солярной религии, то есть не поклонялись солнцу, как некоторые древнеиранские племена, не принимали дневное светило в качестве главного божества. Они также не были огнепоклонниками, хотя почитание огня небесного (молнии) и огня земного (сакрального костра и домашнего очага) занимало важное место в их мировосприятии и религиозном поведении. Воплощением небесной силы, вызывающей преклонение и страх, являлись **гром** и молния — по сути дела, одно явление с тремя проявлениями-ипостасями — грохотом, огненной вспышкой и ударом. В некоторых польских, украинских и белорусских диалектах, прежде всего в Полесье, эти ипостаси выражаются тремя словами: «гром, маланка (блискавка), перун». В русском языке и в ряде других славянских языков грозовая стихия выражается двумя словами: «гром и молния». Перун в ряде славянских диа-

лектов означает силу, удар, производимый громом и молнией. Удар этот, по народным представлениям, совершается каменным снарядом — окаменелостью, белемнитом, называемым громовой стрелой, перуновой стрелой и т.п.

В некоторых славянских зонах, прежде всего у сербов, хорошо сохранились индоевропейские представления о дождевых тучах как о небесных стадах крупного рогатого скота, об облаках как молочных коровах и о дожде как небесном молоке, оплодотворяющем и кормящем землю. Это выражается в ряде обрядов и действий, среди которых выделяются сербские плачи для отгона градовых туч. Так, в Западной Сербии вопленица выходит во двор навстречу туче и кричит: «Остановись, бычок! Не пускай твоих белых говяд (коров). Наши черные, они ваших пересилят. Побьют ваших говяд (коров и быков)».

Из этого текста и других ему подобных ясно, что гроза с градом представляется как нападение небесного скота — туч — на землю, которую может защитить земной («черный») скот. Но тот же небесный скот может наградить небесным молоком — дождем. В Сочельник хозяин-серб выходит во двор, приглашает Бога к себе на ужин, а потом на вопрос из дома «Как на дворе?» отвечает, что всюду безоблачно, вёдро, только над нашим домом облачно (тучи): это означает, что в доме всегда будет много молока и молочных продуктов. К диалогу нередко добавляется разъяснение: «На дворе облачно, у меня будут сливки, как толстый ковер». По общеславянским верованиям, пожар от молнии можно потушить только молоком или сывороткой, а никак не водой; в русских вологодских говорах белое градовое облако, идущее впереди черных туч, называется **быком**; Млечный Путь, согласно болгарской легенде, возник из лунного и звездного молока и т.п.

Мифологический символ или знак, а также эмблема (нарисованный знак) могут быть наделены одновременно несколькими смыслами. Так, например, дождь — небесная влага в облике туч — может быть не только молоком, но и семенем, оплодотворяющим землю. Такой смысл строится на противопоставлении «мужской — женский», «оплодотворяющий — оплодотворяемый, способный к зачатию и рождению». Так, например, в польской и сербской загадках «высокий тятька» расшифровывается как «небо», а «плоская мамка» — как «земля» (в то время как зять — «ветер», а девушка — «мгла»), что указывает на восприятие неба как мужского начала, а земли как начала женского. Аналогичные определения неба и земли известны в русских заговорах: небо — отец, а земля — мать.

Что касается формулы «мать-земля», то она широко известна у славян, в особенности у русских («мать-сыра земля») и сербов, и является не просто образным словосочетанием, а выражением сущности народных взглядов на землю, которая в русской традиции имеет еще эпитет «святая». Отношение к земле как к женскому началу, рождающему и плодоносящему, характерно не только для индоевропейской традиции, но и для древней Евразии в целом. Восточные славяне, в первую очередь русские, сохранили культ матери-земли в его очень архаических проявлениях, к которым относится запрещение бить землю палкой или чем-либо иным (кроме случаев ритуального битья, направленного на обеспечение плодородия), тревожить землю до **Благовещения**, пахать, вбивать в нее колья и т.п., плевать на землю (как и в огонь). Болгары в Западных Родопах считали, что, если землю пахать до Благовещения, из нее будет сочиться кровь. Нарушение перечисленных запретов могло привести к засухе и другим бедам. Широко известны обращение к земле и использование ее при клятвах, когда землю брали в рот, ели ее, клали кусок дерна на голову: считалось, что земля праведна и не терпит неправды, она наказывает за клятвопреступление. Вера в святость, божественное начало и одухотворенность земли выступает в народном таинстве исповеди земле (получившем отражение в заключительной части романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).

Белорусские представления о беременности земли до Благовещения и запреты обрабатывать землю до этого дня связаны с древнеславянским делением года на два периода — лето и зиму. Весна и осень считались лишь начальной порой лета и зимы,

порой, предвещающей пробуждение земли, отмечающей это пробуждение, и порой, означающей засыпание земли, временное омертвение природы. Названия «лето» и «зима» одинаковы во всех славянских языках. Более того, лето в ряде славянских языков, в древнерусском и старославянском, означало «год», а исчисление годов мы до сих пор называем «летосчислением». Но лето и зима, видимо, у древних славян также делились на две части: рубеж приходился на день или ряд дней, когда лето и зима были в разгаре, на их «преполовение» (говоря языком церковного календаря). Таким образом, можно предположить, что в древнеславянском языческом аграрном календаре также были четыре точки, делящие год как бы на четыре части, но они не совпадали с современным европейским делением года на четыре сезона. Это древнее деление соответствовало или подчинялось периодам солнечного цикла, дням равноденствия и солнцеворота.

Уже упоминавшийся нами праздник Благовещения приходится на время весеннего равноденствия, а Воздвижение — осеннего равноденствия. Это — рубежи, когда земля «пробуждается ото сна» и «отходит ко сну», к зимней спячке. Почти у всех славян эти дни связаны с культом змей. На Благовещение змеи выходят из земли, а на Воздвижение они уходят в землю, и потому, по русскому поверью, в этот день нельзя ходить в лес. Две другие праздничные даты — рубежи времени: зимой — Рождество Христово и в середине лета — Рождество св. Иоанна Предтечи, более известное как Иван Купала (24.VI. ст. ст., 7.VII. нов. ст.), — почти совпадают с днями зимнего и летнего солнцеворота. Показательно, что на Ивана Купалу празднуется одна ночь — «купальская» ночь, а на Рождество — 12 дней от Сочельника до Крещения: от этих дней зависит судьба всего года. Эти дни у русских называются святками (святые вечера и страшные вечера), у южных славян (сербов, болгар, македонцев) — некрещеными или погаными днями. Они заполнены языческими ритуалами и действиями с ряжением, хождением по домам групп колядовщиков и ряженых, с обрядовыми бесчинствами, гаданиями и т.п., знаменующими начало нового аграрного года, поворот зимы на лето. Не менее ярко окрашены языческим духом обрядовые акты, совершаемые в «купальскую» ночь: возжигание огней у воды и прыганье через них, бросание венков в воду, купание, совершение бесчинств и общение с нечистой силой (против которой принимается ряд предохранительных мер).

Нельзя не обратить внимания на изоморфизм представлений, связанных с поведением мифологических персонажей в годовом и суточном временных циклах — своеобразных расписаниях действий этих персонажей. При этом дневному времени в сутках соответствует древнеславянское большое лето в году, ночи — большая зима, рассвету — весеннее равноденствие (Благовещение), вечерним сумеркам — осеннее равноденствие (Воздвижение), полудню — летний солнцеворот (день Ивана Купалы), а времени от полуночи до первых петухов — двенадцатидневье в пору зимнего солнцеворота (святки, некрещеные дни) (см. также **Время**). Пора восхода и захода солнца — время, наиболее подходящее для магических действий, заговоров, колдовства, обращения к высшей, чаще всего нечистой, силе.

При этом нередко местом для упомянутых действий избирается межа: межевому времени соответствует межевое место (или наоборот). Межевое время — пора активного присутствия нечистой силы, когда она особенно опасна, активна и вместе с тем наиболее открыта, обнаруживаема. Полдень — почти миг, мгновение, когда появляется разящая **полудница** или действуют иные бесы под другим названием. На святки, когда открывается преисподняя (а в самом конце святок, в ночь перед Богоявлением, на миг — и небеса), действуют разные бесы, но более всего сезонные, появляющиеся именно в это время: северновеликорусские **шуликуны**, южнославянские **караконджолы** и им подобные. На Крещение они исчезают, уходят в воду, и эту воду крестят (обряд Иордани), чтобы закрепить, «запечатать» их исчезновение. Так снова мирно сочетается христианство (православие) с язычеством, и первое символически торжествует над последним. Может быть, именно этот финал и позволяет сохранить все предшествующие языческие действа? В суточном цикле выделяется изоморфная

святкам глухая пора ночи (по-полесски «глупи́ца»), когда особенно опасна нечистая сила, которая усмиряется и исчезает с первым пением петухов. Петухи здесь действуют не менее эффективно, чем богоявленская Иордань с ее богоугодными песнопениями. Итак, полдень соответствует дню Ивана Купалы, а глухая послеполуночная пора — святкам или «нечистым» дням.

Для славянских обрядов годового цикла характерен культ деревьев, прежде всего **дуба**, у восточных и отчасти западных славян — **березы**, в меньшей мере — явора (клена), липы, в конкретных случаях и **вербы** (на Вербное воскресенье, Юрьев день). У южных славян широко распространен обряд сжигания рождественского (обычно дубового) полена-бадняка на домашнем очаге. В славянском годовом цикле ему соответствует восточнославянский ритуал сжигания соломенной куклы в купальскую ночь. В одной из сербских зон (около города Лесковац) бадняк воспринимался как антропоидное существо: его пеленали в рубаху и, прежде чем клали на огонь, кормили и поили. Солома — обязательный атрибут не только купальского, но и рождественского обряда. На соломе, покрытой грубым крестьянским покрывалом, происходит у южных славян ритуальная трапеза в Сочельник. Солома — частый компонент родинного и погребального обряда: жизнь начинается и кончается на соломе, что типично для индоевропейских и неиндоевропейских народов. В разжигании огней (костров), в сжигании и постилании соломы видят черты или следы почитания солнца как источника жизни, света и тепла. Для этого есть определенные основания: ср. «игру солнца», которая происходит у славян на Купалу («солнце купается»), на Рождество, на Благовещение, на Воздвижение («солнце сдвигается»), а также на Пасху и в дни, связанные с Пасхой, на Троицу и др.

Солнечной символикой насыщен и фольклор, связанный с перечисленными праздниками, но Сочельник, Пасха и Троица изобилуют также обрядами и символикой, посвященными культу предков. Известны весенние масленичные костры, которые зажигаются, чтобы «греть покойников», приглашение умерших «родителей» к сакральной трапезе в Сочельник или под Новый год (Васильев день), обычай обметать могилы у русских на Троицу: ср. специальные поминальные дни, которые в Белоруссии имеют название **«деды»**. Культ предков сочетается не только с солнечной символикой, но и с символикой и культом плодородия, пронизывающими и насыщающими всю обрядовую сторону славянского аграрного календаря. По славянским языческим верованиям, покойники («родители») активно влияют на судьбу землепашца, создавая благоприятные или неблагоприятные условия погоды. Притом «плохие», грешные, «заложные» (по терминологии Д.К. Зеленина) покойники — утопленники, самоубийцы, опойцы, не отпетые и не принятые Богом, а иногда и землей, — могли предводительствовать градовыми тучами, подобно небесным быкам или пророку Илье. Наконец, по славянским верованиям, особенно ярко выраженным у сербов, покойники на «том свете» занимаются нередко теми же делами, какими они занимались на этом свете, на земле. На «том свете» также может быть хороший или плохой урожай той или иной культуры, и об этом можно узнать тогда, когда на небе появится двойная радуга: одна, обращенная дугой к земле, а другая — дугой к небу. Цвета **радуги** (вернее, толщина каждого цветового пояса) свидетельствуют о будущем изобилии или недороде хлеба (желтый цвет), вина (винограда) (красный цвет) и т.п. Поэтому у сербов и македонцев радуга нередко называется «вино-жито».

Судя по новым данным, собранным в Полесской экспедиции, главным образом по рассказам об «обмирании и посещении того света» и по некоторым старым записям, древние славяне не различали рая и ада (эти представления, видимо, пришли с принятием христианства), а верили в единый загробный мир, который мог находиться и далеко за морем, и на небесах, и в подземном царстве. По полесским верованиям, покойники в поминальные дни могут приходить в родные хаты с кладбища, и некоторые видят, как они идут домой и затем возвращаются на погост, как белые тени. Разнообразие представлений о «том свете» могло быть довольно древней особенностью славянских верований, точно так же, как и разноликость мифологического

восприятия небесного свода, планет, всей вселенной. Нельзя не учитывать и диалектности, локальности многих форм и явлений славянской народной языческой культуры, которая обнаруживается в наше время, но которая, безусловно, существовала и в праславянские времена.

Христианство, энергично потеснившее славянское язычество в сфере народной культуры и занявшее в ней доминирующие позиции, способствовало при этом и известной унификации, и внутренней систематизации языческих верований. Наиболее ярким примером систематизирующего воздействия церковной культуры на нецерковную языческую может служить соотношение и взаимодействие церковного и народного годового календаря.

Народный календарь внешне и формально всецело подчинен церковному календарю, циклическому празднованию господних и богородичных праздников, дней особо почитаемых святых (св. Николая, св. Георгия, св. Ильи, св. Дмитрия, св. Параскевы Пятницы, св. Варвары, св. Власия, св. Феодора Тирона и др.), памятных дней церковных событий, соблюдению постов. Но эта временна́я канва и определенная последовательность сакральных (священных) действий явилась во многом внешней регламентацией, не отменившей, а скорее наоборот, укрепившей, четче организовавшей и унифицировавшей параллельную с христианской (православной или католической) славянскую народную, по своей сути языческую, годовую обрядность. Этнографическая наука демонстрирует множество фактов перехода не закрепленных хронологически окказиональных обрядов (совершаемых «по случаю») в обряды календарные, годовые. Так, например, обряд прятания хозяина за пироги, призванный обеспечить урожай в грядущем году, исполняемый в Рождественский сочельник или на Рождество, был известен до недавнего времени у сербов в Косово и Метохии, в Герцеговине, Черногории, в Западной Болгарии и в восточном Полесье (село Кочищи), а исполняемый в канун Нового года (в «Щедрый вечер») — на Черниговщине (Глуховский уезд). Но в той же Герцеговине около города Требинье сербы обращались к этому обряду сразу после сбора урожая и молотьбы и прятались не за пирог, а за кучу зерна, а в XII в., по сведениям хрониста Саксона Грамматика, балтийские славяне праздновали завершение летней страды испечением огромного медового пирога, за которым прятался жрец и спрашивал жителей острова Руяна (Рюгена), видят ли они его, на что получал ответ, что он все же немного виден за пирогом. Ритуальный диалог завершался пожеланиями, чтобы в будущем году хозяин совсем не был виден (за пирогом большего размера от большего урожая). Этот обряд дошел до нас в основном в качестве календарного, а не окказионального обряда, то есть по случаю окончания сбора урожая. На иной стадии перехода к календарному обряду находится обряд вызывания дождя, который у большинства славян исполняется во время засухи, а у русских он оказался календарно закрепленным и совершался на Троицу, после обедни, во время молебна, когда было принято ронять слезинки на дерн или на пучок цветов. Называлось это малое действо «плакать на цветы», и упомянуто оно А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине» и С.А. Есениным в стихах «Троицыно утро».

Большинство календарных (и не только календарных) обрядов у славян — провоцирующего свойства, то есть ставящих своей целью обеспечение обильного урожая, приплода скота, изобилия благ земных. Затем существует немало обрядов ограждающего, охранительного (апотропеического) свойства, защищающих от болезней, сглаза, козней нечистой силы и т.п. В этом их языческая сущность. Так, битье вербой мальчиков после обедни в Вербное воскресенье с приговором «Верба бье, не я бью!», известное у восточных славян (Полесье), воспринимается как забава или как добрый обычай, оживляющий весенний праздник в преддверии Пасхи. Церковный календарь закрепил за обрядом битья детей вербой воскресенье перед Страстной седмицей и тем самым во многом сохранил этот обряд, в котором приговор имеет вполне «языческую» концовку: «Будь здоров, как вода! Будь богатый, как земля, и расти, как верба!» Обряд, как и праздник, оказался подвижным (не приуроченным

к определенной дате), но обряд битья скотины вербовой веткой в целях приплода скота закрепился за Юрьевым днем (23.IV. ст. ст.).

В годичном календарном цикле сосуществуют две системы духовного воззрения и мироощущения — христианская и языческая: одна — обращенная к небу, божественному началу, другая — к земле, к началу плотскому, к плодам земным, к их изобилию, зависящему, по древним представлениям, не только от человека и Бога, но и от сил сверхъестественных. Эти два мировосприятия и миропонимания сравнительно легко уживались в славянском народном календаре еще и потому, что христианство с его годовыми праздниками побуждало верующих ежегодно переживать в молитве жизнь и страсти Иисуса Христа, а язычество воплощало во многих своих обрядах цикличность природных явлений: возрождение, расцвет, увядание и временную смерть, или «засыпание», природы. Присутствует в календарной обрядности и третий элемент, к которому можно отнести, к примеру, многие «театральные» действа: рождественский вертеп, отдельные маскарадные сцены, сюжеты, реквизит и персонажи, включенные в календарные обряды и обычаи. У южных православных славян наибольшее число ритуалов и обрядовых действий оказалось сконцентрировано на Рождестве, Юрьевом дне и примыкающих к ним дням, а меньшую притягательную силу имели Пасха, Троица, Благовещение, Иванов день, Ильин день; у славян восточных большинство обрядов приходится на дни, связанные с Пасхой, Троицей, Рождеством, Иваном Купалой, Благовещением и в меньшей степени — на Юрьев день, Ильин день и другие праздники.

Безусловно древнего языческого происхождения действия, связанные с так называемой магией первого дня. Такие действия совершаются на Новый год, но чаще на Рождество, когда имитируются сельскохозяйственные работы (пахота, сев, молотьба) и когда детям дают в руки какой-нибудь инструмент, предмет и материал, чтобы у них спорилась работа, например девочке дают иглу, чтобы она начала хорошо шить. Однако подобные обряды совершались и в начале марта, что связано с древним календарем, когда год начинался с марта. К ним следует отнести болгарский обычай «мартеницы», когда 1 марта привязывают белые и красные шнурочки детям, девушкам и молодухам на правую руку или шею, на шею молодым животным и на стволы фруктовых деревьев, чтобы обеспечить плодородие. Шнурочки-«мартенички» носили до появления первой ласточки или аиста. Именно обряды и гадания, связанные с появлением первых перелетных птиц, первым кваканьем лягушек и т.п., являются самыми древними. Они предвещали начало лета (в обоих древних смыслах этого слова, т.е. «года» и «лета»), и с ними первоначально была связана так называемая магия первого дня.

У древних славян был и сохранившийся до сих пор культ воды. Этот культ был тоже связан с магией первого дня, но он был характерен и для многих основных годовых праздников. У южных славян — болгар, сербов и македонцев — рождественское утро в селе часто начиналось с того, что хозяйка шла к колодцу за свежей водой, а вся «старая» вода в доме выливалась (то же самое происходило в доме после выноса покойника). Затем после небольшого ритуала у колодца и перед дверьми дома вода вносилась в дом — появлялась новая вода. Хозяйка должна была соблюдать полное молчание, неся воду в дом, поэтому такая вода называлась «водой молчания», «молчальной водой». Вода является основным символом и «стихией» (см. **Вода**) в обряде праздника Крещения (Богоявления), сохраняющем ряд языческих черт и представлений (уход нечистой силы под воду, гадания и т.п.), она является неотъемлемой частью южнославянского юрьевского обряда, важным компонентом которого оказывается очистительное купание, и восточнославянского купальского обряда с тем же купанием, бросанием венков в воду и разжиганием костров у воды. День и ночь под Ивана Купалу называется на Русском Севере днем Аграфены Купальницы. Обливание водой молодежи происходит у западных славян нередко в пасхальные дни, а обливание у южных славян групп девушек, обряженных зеленью («додоле», «пеперуда»), практикуется во время засухи и имеет целью вызывание дождя. Обряды обливания связа-

ны с культом воды небесной и земной и с ритуальным обеспечением плодородия. У древних славян было представление о непосредственной связи подземных и небесных вод (туч), поэтому вызвать дождь можно было жертвоприношением маковых зерен, борща, которые опускали в колодец, и т.п. У славян сохранился культ источников и колодцев, многие из которых считаются целебными и священными.

С культом огня были связаны обрядовые костры, которые зажигались не только на Рождество и Ивана Купалу, но и на масленицу и Благовещение, а у восточных славян — в Великий четверг и иногда в Юрьев день и в Ильинскую пятницу. Древним славянским обрядом, сохранившимся почти до наших дней, было возжигание «живого огня» и его употребление как средства против эпизоотий — повальных болезней и мора скота. «Живой огонь» добывался трением сухого дерева (обычно липы, реже можжевельника) с особым ритуалом при полном молчании (ср. принесение «молчальной воды») и с обязательным условием тушения во всем селении «старого» огня. Нередко общеславянский обряд «вытирания» «живого огня», когда стадо рогатого скота прогонялось между двух огней, сочетался с прогоном того же стада через специально вырытый для этого случая земляной туннель или через «земляные ворота». Таким образом, очистительное действие огня усиливалось очистительным действием земли. В единичных случаях (на Нижней Волге) скот прогоняли («плавили») через проточную воду — реку, ручей, то есть пользовались очистительной силой воды. Так земля, огонь и вода выполняют в ритуале защиты от падежа скота одинаковые функции. Но наряду с упомянутым ритуалом существует и другой — «опахивание» — который может заменить или подкрепить ритуал с добыванием «живого огня». Чтобы защитить село или деревню от «коровьей смерти» — повальной скотской болезни, село «опахивали» вокруг, совершая при этом целый ряд дополнительных ритуальных действий. Оба обряда — общеславянские, с целым рядом вариантов, и оба обряда окказиональные, так как исполняются в случае падежа скота, а «опахивание» может совершаться и при эпидемии (чумы, холеры и т.п.).

Среди полуокказиональных или полукалендарных обрядов, то есть приуроченных не к определенному дню, а к определенной поре, следует назвать действие, знаменующее окончание жатвы и именуемое чаще всего «бородой» или «божьей бородой». Известно оно почти всем славянам и заключается в том, что жнецы и жницы в конце жатвы оставляют на жниве пучок колосьев, украшают его, нередко кладут рядом хлеб-соль, снедь, водку и поют дожиночные песни. В этом обряде также ярко выражен культ хлеба (еще не обмолоченного). Что касается специально испеченного сакрального хлеба-пирога, то он является непременным атрибутом очень многих календарных и семейных праздников (рождественский пирог «чесница» у сербов, пасхальный «кулич», или «пасха», у восточных славян, свадебный «каравай» у восточных славян и т.п.). К этому же кругу явлений относятся и русские блины, обязательные на масленицу и на поминках. Все это — остатки язычества или продолжение языческих традиций, хотя многие рассмотренные нами символы и сакральные элементы выполняют ключевые ритуальные функции и в христианстве. Так, хлеб «замещает» в литургии Тело Христово; вода освященная — основа таинства крещения; святая вода способна защищать от бесовских наваждений и поползновений; огонь — лампадный и свечной — бескровная жертва Богу; земля — материальная сущность человеческой плоти («яко земля еси есть и в землю отыдеши»).

Таковы в самых общих чертах основные особенности древнего мировосприятия и религии, позволяющие (путем реконструкции) увидеть то целое, что составляло основу духовной культуры древних славян.

Н.И. Толстой

А

АД — часть «того света», где пребывают грешники, испытывающие муки за свои земные грехи.

У всех славян, прежде всего южных и восточных, книжные (церковные) представления об А. смешиваются с народными либо сосуществуют с ними, находясь нередко в противоречивом отношении даже в одних и тех же традициях. Православная книжная и народная традиция противопоставляет А. **раю**, а католическая с XII в. выделяет на «том свете» еще чистилище — переходное место из А. в рай. Наиболее архаичными верованиями можно считать те, по которым А. и рай территориально не расчленены, так что обитатели «того света» мучаются или блаженствуют по соседству. Такие представления отмечены, например, в полесских **обмираниях**, т.е. в рассказах о посещениях «того света». А. и рай воображаются то на небе, то на острове, то за морем, подобно **ирию**. В русской народной духовной поэзии А. и рай разделяет огненная река, в сербской — стена (Косаница в Черногории) или большая ограда (Старая Пазова в Среме).

Согласно сербским верованиям, все покойники находятся на небе (а не под землей или в «нижнем» мире), где А. и рай четко разделены (Косово), при этом рай занимает лучший, утопающий в цветах участок, а небесный А. — тот участок, где кипит деготь и мучаются грешники (Гружа, центральная Сербия), или рай и А. расположены на небе так, что рай выше А., населенного змеями и чертями, объятого тьмой и дымом и навсегда лишенного солнечного света (Косаница). В Боснии рай мыслится на небе, а А. — под землей, при этом А. весь охвачен огнем и у грешников горит то глаз, то рука, то все они варятся в котле (Височская Нахия). Такая картина А. типична для большинства славянских представлений. Редкие примеры размещения А. на земле отмечены у гуцулов, помещающих А. на острове посреди моря, и у белорусов (Гродненщина), полагающих, что А. расположен на краю света в виде огромной горы, посреди которой горит огонь и кипят котлы с грешниками.

Синоним А. — *преисподняя* отражает представления об А., находящемся под землей, совпадающие или восходящие к древнееврейскому ветхозаветному представлению об А. как о «рве преисподнем», «царстве мрака» (Псалтырь), «стране тьмы и сени смертной», где сам свет подобен темной ночи (Книга Иова).

Сам А. мыслится как место обитания бесовской силы, место вечно пылающего огня (ср. церковнославянское «геенна огненная») и в то же время вечного мрака, как глубокое темное подземелье (Польша), как озеро кипящей смолы (восточная Польша). Отсюда название А. — *смола* (восточное Полесье). Это название соотносится с древнеславянским представлением об А. как о «пекле».

В Белоруссии было распространено верование, что А. — пекло, находится под землей в болоте, что сама земля натянута, как кожа или шкура, над водой, а в этой воде на самом дне помещен А., наполненный грешниками и чертями. Ими управляет самый старый черт *Анцыпар*, *Ничыпар*, постоянно живущий в А. «на 12 цепях, за 12 дверями». Подобные представления об А. известны в сказках и быличках. Небольшие, но глубокие ямы на лугу и болоте белорусы зовут «чертовыми окнами»: это вход в А. Он может мыслиться у славян и как пропасть, овраг, пещера, колодец и быть входом на «тот свет» вообще. Для книжной апокрифической традиции характерны

представления о «вратах адовых», охраняемых стражниками-чертями, львом (у западных славян), собакой (у южных славян), змеей (у русских старообрядцев).

Путь души на «том свете» проходит через мост в виде тонкого волоса, бревна, настила и т.п. (часто его ширина зависит от греховности души), пролегающего над А. — пропастью, кипящей смолой и т.п. Грешные души срываются и падают в А., а праведные проходят в рай. Мотив моста-волоса хорошо известен южным и отчасти восточным славянам. На Витебщине в печь хозяйка бросала три полена дров, для того чтобы они ей потом послужили кладками при переходе в рай через адскую реку.

А. — место вечных мук, отсюда диалектное болгарское (Родопы) и македонское (Прилеп) название А. *вечна*. Грешники мучаются вечно в огне, смоле, реже в воде, их бьют раскаленными прутьями, их пожирают змеи, черви, их подвешивают на крюке за ребро, за язык, они лижут раскаленную сковороду, страдают от жажды, голода, от капающей на голову раскаленной серы. Восточные славяне считали, что муки в А. прекращаются на Благовещение и с Пасхи до Вознесения. После Страшного суда адским мукам будут подвергнуты и бесы, а некоторые грешники будут от них освобождены.

Лит.: *Афанасьев А.* Заметки о загробной жизни по славянским представлениям // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1861. Кн. 3; *Соболев А.Н.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913 [то же в книге: «Мифология славян». СПб., 1999].

Н.И. Толстой

АЙСТ — особо почитаемая птица, наделяемая человеческими свойствами, охранитель и очиститель земли от **гадов** и прочей нечисти. Легенда, распространенная в Белоруссии, на Украине, в Польше и северо-западной Болгарии, связывает происхождение А. с человеком. Однажды Бог дал человеку мешок с гадами и велел бросить его в море или занести на высокую гору. Человек из любопытства развязал мешок, и вся нечисть расползлась по земле. В наказание Бог превратил человека в А., чтобы он собирал и уничтожал змей, лягушек и других гадов и очищал от них землю. Со стыда у А. покраснели нос и ноги. А зад почернел оттого, что рассерженный Бог отхлестал А. прутом, огрел раскаленным железом или толкнул в грязь. По другой, украинской, легенде А. стал крестьянин, наказанный за то, что пахал в праздник. С тех пор А. всегда ходит за плугом. Поляки рассказывают также, что в А. был обращен косец в жилетке, у которого перед Христом спали штаны. Коса его превратилась в клюв, а с жилеткой сравнивают черно-белую окраску этой птицы. Говорят, что, прилетая весной, А. скидывает штаны и ходит в жилетке. Дети дразнят А., что он без порток, и выпрашивают у него жилетку. А женщины шутят, что концы от неровно дотканного полотна пойдут А. на штаны.

Люди называют А. человеческими именами: Иваном, Богданом, Адамом, Василием, Войцехом и др. А. приписывают многие человеческие особенности. Считается, например, что его ноги напоминают человеческие. Верят, что А. имеют душу и «чувствуют сердце» человека, понимают его язык и сами раньше умели говорить, как люди; что они принадлежат к христианской вере. Клекот А. принимают за отчаянные мольбы грешника, взывающего о покаянии. Часто рассказывают о том, как А. собираются вместе и справляют свадьбы. Самец и самка неразлучны и привязаны к детям. В случае гибели одного из супругов другой добровольно идет на гибель вслед за ним, а может покончить с собой и из ревности. Если самку заподозрят в супружеской измене, ее судят публично и убивают. Перед отлетом А. собираются на совет и решают, кого они не возьмут с собой. Родство А. с человеком видят также в том, что А. селятся рядом с людьми и не боятся их. Бывает, что они целой гурьбой стучатся в дом во время холодов, чтобы их впустили обогреться.

Представление об А.-человеке отражают и поверья о неведомой земле, куда А. улетают на зиму. По болгарским и

македонским представлениям, в этой далекой заморской земле А. купаются в волшебном озере и становятся людьми. Весной, искупавшись в другом озере, они вновь приобретают птичий облик и летят назад. По польским поверьям, они становятся людьми, омочив свой клюв в крови, а когда омочат себя в воде, вновь становятся А. В польском Поморье рассказывают о другом способе, каким А. возвращают себе птичий облик. Весной на берегу моря они хлопают в ладони, превращаются в А., перелетают море и возвращаются назад. Верят, что если человек попадет на берег того моря, то и он таким же образом может обратиться в А. и перелететь в землю аистов.

С первым увиденным весной А. связаны приметы. Летящий А. предвещает здоровье, резвость, урожай, замужество; неподвижный — боли в ногах, смерть, засуху, безбрачие; пара А. — замужество или роды. При виде первого А. бегут за ним, приседают, кувыркаются, чтобы не болели ноги; катаются по земле, прислоняются к дереву или плетню, чтобы не болела спина; завязывают узел, чтобы не видеть змей; бросают землю, взятую из-под ноги, в воду, которой кропят себя и дом, чтобы не было блох. На Волыни, в Полесье и в соседнем польском Подлясье на Благовещение пекут хлебцы с изображением ноги А., которые дети подбрасывают и просят А. об урожае. У южных славян дети приветствуют А. в надежде, что он принесет кошелек с деньгами.

Поверье, что А. приносит детей, особенно распространено у западных славян. А. вытаскивает их из болота, из моря, приносит в корзине, в лохани, в корыте, бросает в дом через дымоход. В Белоруссии во время празднования родин в дом приходил ряженный аистом и поздравлял с новорожденным. По приметам, ребенка следует ожидать там, где кружит А. Если он встанет на трубу во время свадьбы, у молодых будет ребенок. А. снится к беременности или рождению сына. Тема деторождения связана с фаллической символикой клюва А.: ряженный аистом на святки клюет девушек.

Гнездо А. на доме оберегает жилище от молнии и пожара, от града, злых чар и духов. Уход А. из гнезда грозит смертью кому-либо из домашних. Нарушение запрета разорять гнездо и убивать А. сулит обидчику смерть, телесные уродства, слепоту, глухоту у детей, ущерб в хозяйстве, а чаще всего — пожар. Считается, что А. высечет огонь клювом или принесет в клюве уголь или головню и спалит обидчику дом. Среди других наказаний за вред, причиненный аисту, — засуха, наводнение, ливень, молния или ураган. Болгары считают, что А. — предводитель градовой тучи. Поляки верят, что А. разгоняет градовые тучи, а его клекот предвещает ливень и бурю.

А.В. Гура

А́ЛА — см. **Хала.**

АЛА́ТЫРЬ, л а́ т ы р ь — в русских заговорах, духовных стихах, былинах — камень, «всем камням отец» (один из основных элементов космоса), центр мира, наделяемый сакральными и целебными свойствами. Существует много этимологий мифонима («янтарь», «алтарь» и др.), но ни одна из них не является надежной. Постоянный эпитет А. в заговорах — «бел горюч (горяч)» — дает возможность предположить, что «алатырь» — калька с иранского слова «ал-атар», буквально означающего «бел-горюч».

В заговорах А. соответствует центру магических координат мира. Он находится на «синем море Окиане», на «острове Буяне», в пучине «Черного моря», на «Фаворской горе», в «чистом поле», «дьявольском болоте» и т.д. На нем стоит «мировое дерево», огненный столб, золотая церковь, золотой престол, золотое гнездо и т.п. На него помещены (или из-под него появляются) волшебные помощники, обеспечивающие успех заговора, под него бросаются ключи от болезней, из-под него растекаются по всему миру целебные реки и т.п.

В духовных стихах А. — сакральное место, где выпадает из тучи на землю «Голубиная книга» (А. сближается с Голгофой и каменными скрижалями, полученными Моисеем на горе Синай).

В былинах А. связан с «чужим» пространством; у него ставит шатер Илья Муромец, выехав за пределы Руси; ка-

мень А. с пророческой надписью стоит на распутье трех дорог; на нем выводит птенцов былинный орел.

О.В. Белова

АЛКОНО́СТ, а л к и о́ н — морская птица, согласно книжным легендам, откладывающая яйца в морскую глубину и высиживающая птенцов на море. В течение семи дней, пока птица высиживает яйца, и следующих семи дней, пока она кормит птенцов (*алконостовы*, или *алкионовы дни*), на море царит штиль. Сюжет об А. восходит к свидетельствам античных писателей Аристотеля («История животных») и Плиния («Естественная история») о зимородке (гр. «алкион», лат. «гальцион»), который в середине зимы откладывает яйца в прибрежный песок. В христианской книжности рассказ об А. впервые встречается в «Шестодневе» Василия Великого (IV в.), а среди славянских памятников — в «Шестодневе» Иоанна Экзарха Болгарского (IX–X вв.), где в результате прочтения *алкуон ест(ь) морская птица* как *алкуонесть морская птица* впервые появляется название «алконост», закрепившееся в древнерусской книжности. В «Толковой Палее» (и заимствовавших из нее рассказ об А. древнерусских словарях-азбуковниках XVI–XVII вв.) А. приписывается свойство откладывать яйца в морскую глубину и выводить птенцов, сидя на поверхности воды. В более поздних версиях сказания, содержащихся в сборниках XVII–XVIII вв., говорится, что А. высиживает птенцов, плавая в гнезде по морю. А. символизирует Божий промысел и Божье милосердие. Некоторые черты А. (высиживает птенцов на море) придаются птице Страфиль в русских духовных стихах о Голубиной книге и Егории Храбром.

«Райская птица Алконост и птица Сирин».
Гравюра конца XVIII — начала XIX в.

С XVII в. в Хронографах упоминаются две антропоморфные «райские птицы» — Сирин и А., пленяющие людей своим пением так, что «душа из тела исходит». В XVII–XVIII вв. появляются лубочные изображения А. с человеческим лицом и короной на голове и Сирина в венце. Женоподобный А. кроме крыльев имеет еще пару человеческих рук, в которых держит цветущую ветвь и свиток с цитатой из Пс. 91: «Праведник,

яко финикс, процветет...». Этот образ получил широкое распространение в народном искусстве (лубок, гравюра, прикладное искусство) и искусстве эпохи неоромантизма («Песни радости и печали» В.М. Васнецова).

Лит.: *Белова О.В.* Славянский бестиарий. М., 2000. С. 52–54.

О.В. Белова

АМУЛЕ́Т — предмет, носимый или хранимый как магическое средство защиты от беды: сглаза, болезней, бесплодия, нечистой силы и т.п. А. охраняет людей, детей, скот, домашнюю птицу и дом (см. также **Оберег**). Апотропеическими средствами у славян являются **соль**, железо, серебро и предметы из серебра и железа, **камень**, громовая стрела, деготь, **воск**, растения (**чеснок**, лук, базилик, тис, рута, **кизил**, **крапива**), сосновая кора, засушенная пуповина новорожденного или часть его «рубашки», волчий зуб или кусочек волчьей шкуры, волчья или медвежья **шерсть**, лапа, рог, сердце ежа, ястребиный или орлиный коготь, крыло летучей мыши, ракушки, маленькие серебряные изображения лягушки, зайца, змеи, утки, коня и т.п. К христианским А. относятся различные ладанки, в которых содержатся тексты молитв, ладан, часто воск от освященной свечи и т.п. Старинными славянскими А. были «змеевики», употреблявшиеся наряду с крестами-энколпионами (см. также **Крест**).

В городской и мусульманской традиции А. могли быть и золотые предметы (см. **Золото**): серьга в правом ухе мальчика, монета, пришитая к его шапке, монеты в подвенечном убранстве невесты и т.п.

А. делался «ведающими» людьми — знахарями (знахарками), колдунами, иногда попами и монахами, писавшими апокрифические молитвы, а у южных славян и «ходжами» — мусульманскими муллами, наконец, **кузнецами**. Кузнецы делали А. из серебра или железа, оковывали камни-белемниты, когти, ракушки, изготавливали из серебра изображения зверей и пресмыкающихся, орудий сельского труда.

При изготовлении А. соблюдались особые ритуалы: у южных славян, например, А. часто выковывался нагим кузнецом в глухую полночь из подковы сдохшей кобылы, в восточной Сербии — в канун пятницы при полном молчании нагими мужем и женой. На Балканах и на Карпатах считалось, что для А. нужно брать чеснок, проросший через закопанную в землю голову змеи, убитой при ее первом появлении в новом году.

Болгарские металлические амулеты

А. носили на цепочке или на шнурке на шее, пришивали к платью (на плече, под мышкой и т.п.), к шапке (чаще всего детям), к поясу. Скоту А. вешали на шею, хвост, вставляли в рог в высверленное отверстие. Дома А. (чаще всего подкову) вешали у дверей, прибивали к порогу, в лавках вешали на стену — от сглаза и для удачной торговли.

А. часто состоял из нескольких предметов. Так, гуцулы от сглаза привешива-

ли к правой руке ребенка мешочек с долькой чеснока, осколком кирпича от печи, угольком и глинистой землей из собачьего следа. Собирая эти предметы вместе, гуцулы по поводу каждого произносили особый приговор.

Для ладанок и А. из кожи характерны формы треугольника, овала, круга, креста.

А. могли передавать по наследству, вешать на надгробный крест (на могиле ребенка), иногда на плодоносящее дерево.

К А. близки по функциям предметы (нож, уголь, кочерга, метла, железный треножник, топор), употребляемые для отгона градовых туч, охраняющие от сглаза или нечистой силы пчел, скот на пастбище или в хлеву, отгоняющие нечистую силу и т.п.

Лит.: *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. М., 1981; *Николаева Т.В., Чернецов А.В.* Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991 (там лит.).

Н.И. Толстой

А́НГЕЛ — в церковной книжной традиции Божий посланник, охраняющий людей, посредник между ними и небом. В народном представлении А. — молодые, красивые длинноволосые юноши с большими крыльями, в белых, иногда позолоченных одеждах, обычно с посохом в руке. Чаще всего они невидимы, но иногда могут, по сербским верованиям, принимать облик бабочки или нищего, приходящего во время обеда; по болгарским верованиям, если А. послан с Божьей вестью, он может появляться в виде оленя с золотыми рогами.

А. стоит за правым плечом человека, а **черт** — за левым, потому и плевать, по суеверию, следует через левое плечо, спать ложиться на левый бок, «чтобы придавить черта» (Болгария, Софийский край). Иногда считают, что за правым плечом — добрый А., а за левым — злой (Македония, Охрид). А. и черт каждого человека борются друг с другом; А. охраняет человека от зла, черт склоняет ко злу. А. может быть сильным (болгары о хорошем человеке говорят: «У него сильный ангел») или слабым (болгарское: «У него слабый ангел»); сильный и слабый А. бывает и у животных: например, у коня всегда слабый А. (банатские геры). Человека со слабым А. может одолеть нечистая сила, он может наступить на след, «свихнуться» и т.п. А. бывает милостивым либо упрямым (Гевгелия). Ангелов столько, сколько людей и животных (Болгария). А. сопутствует человеку от рождения до смерти: в час смерти А. стоит в головах, а смерть — в ногах. По верованиям всех славян, А. берет душу умершего и водит ее по местам, где тот жил; по болгарским верованиям, выманивает ее из тела золотым яблоком.

Согласно поверьям белорусов Витебщины, А. обходит спящих людей. Нередко он стоит у окна, поэтому нельзя за окно плевать, выливать помои и т.п. С А. могли приходить на землю души предков, например он приводил их на Крещение, чтобы и они могли креститься в Иордани.

Грудной младенец считается ангелом Божьим, белорусы на Витебщине называют его *анёлак*; по украинским представлениям, он разговаривает с А., а когда у него зарастает темя, он забывает все, о чем говорил с А., и начинает говорить с людьми. Ребенок, умерший крещенным, но не отведавшим материнского молока, становится на небе А., однако немым и не во всем равноправным с другими А.; ему нельзя молиться и т.п. (Витебщина). У южных славян (Полица в Далмации) поминки по младенцу назывались *радование*, т.к. считалось, что родители должны радоваться, получив своего защитника на небесах в виде маленького А.

Владимирские крестьяне верили, что на петухе «ангельский чин» и потому нечистая сила к нему не может подступиться; сербы Косова Поля говорили, что Бог приказал петуху петь на земле, а А. — на небе. Сербы в Боснии считали, что голуби — бывшие А., поэтому не убивали и не ели голубей. По болгарской легенде, кукушка за согрешение была превращена из А. в птицу. Волов в упряжке болгары обычно называли А.: «Не бейте ангелов!», «Не мучайте ангелов!»

По народным легендам, А. — прислужники Божьи, они охраняют небесные врата на каждом из семи небес (Сербия), выносят солнце на восходе (Болгария, Софийский край), носят воду на небо по радуге, летают вокруг престола Божьего (Сербия, Гружа), поют в раю песни (Болгария, район Тырново). Боснийские мусульмане полагали, что среди А., гонящих облака, один слепой, а другой глухой, а на Русском Севере (Шенкурский уезд) считали, что «ветры — это ангелы».

По книжной «творимой легенде», А. созданы «прежде всякой твари», а по другой версии — в четвертый день творения вместе со светилами. Церковная традиция различает девять чинов ангельских: Серафимы, Херувимы и Престолы (высшая категория); чины Господства, Силы и Власти (средняя); чины Начала, Архангелы и Ангелы (низшая). Последние стоят ближе всего к людям, наставляют и поддерживают их. Апокрифическая литература повествует еще о десятом чине — А., которые «въ демоны приложися». Мотив борьбы А.-хранителя и А.-сатаны присутствует во многих произведениях древнеславянской литературы. В древнерусской «Беседе трех святителей» написано: «Иван рече: отчего гром сотворен бысть? Василий рече: два ангела громная есть: эллинский (языческий) старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ, два еста ангела молнiйна. Вопросъ: что есть громъ и молнiя? Толкъ: ангелъ Господенъ летая бьетъ крылома и гонитъ дiавола».

Н.И. Толстой

АНДРЕ́ЕВ ДЕНЬ — день памяти св. Андрея, отмечаемый 30 ноября. Андрей был призван Христом в качестве одного из первых апостолов, поэтому в православной традиции его называют *Андрей Первозванный*. Согласно народным легендам, он проповедовал христианство у скифов и на Балканах, благодаря чему впоследствии считался патроном православия (и покровителем русской церкви).

Народный культ апостола Андрея известен всем славянам, но по характеру обрядности выделяются две самостоятельные традиции: почитание Андрея как покровителя брака, олицетворения мужского начала (в соответствии с греческой этимологией его имени «Андрос», т.е. мужчина), и как повелителя диких зверей (медведей и волков). В первой традиции определяющими оказываются матримониальные мотивы (приметы и гадания, связанные с замужеством), наиболее заметно выраженные в обычаях славян-католиков и униатов. Во второй традиции, наиболее типичной для южных славян, актуальны ритуалы, направленные на защиту от волков и медведей.

Канун А. д. как девичий праздник и время гаданий о замужестве известен у хорватов и словенцев, у западных славян и в западных р-нах восточнославянской зоны (в меньшей степени — у русских). У белорусов и украинцев наиболее популярным для А. д. был такой тип гаданий, при котором девушки сыпали семена льна или конопли в доме (под столом, у порога, вокруг кровати) либо выскакивали полураздетыми во двор и «сеяли» зерна под окнами хаты, у колодца и т.п., при этом приговаривали: «Андрею, Андрею, я на тебя конопли сею, дай мне знати, с кем буду сбирати» (либо: «с кем буду свадьбу играти», «под венцом стояти» и т.п.). В украинском Полесье была широко распространена приуроченная к А. д. игра *калиту доставать* или *калиту кусать*: девушки пекли медовый корж (называемый *калита*), который затем подвешивали на шнурке к потолочной балке; участники игры поочередно «подъезжали» верхом на кочерге к коржу и пытались откусить от него кусок без помощи рук; при этом запрещалось смеяться; того, кто не мог удержаться от смеха, ведущий в игре мазал сажей.

А. д. считался началом зимы. По карпатским верованиям, ночь накануне этого дня — время разгула нечистой силы; для защиты от нее гуцулы жгли «андреевские костры». Утром А. д. в карпатских селах хозяева поджидали первого гостя мужского пола, называемого **полазником**.

У православной части южных славян св. Андрей почитался как хозяин и пове-

литель диких зверей. В западной Болгарии и восточной Сербии А. д. назывался «Медвежий день». Утром этого дня хозяйки варили кукурузу и бросали вареные зерна в дымоход со словами: «Вот тебе, медведь, вареная кукуруза, чтобы ты не трогал растущую в поле и не задирал людей и скот». Несколько початков относили в кукурузное поле, чтобы медведь не портил посевы. В восточной Сербии накануне А. д. хозяйки оставляли три вареных початка на плодовом дереве или на крыше дома, во дворе на поленницах дров — как «ужин медведю». В этот день запрещалось чинить или шить новую обувь, «чтобы не задавил медведь»; ходить в лес, чтобы не встречаться с медведем. В центральных и западных районах Сербии, в Боснии то же самое делали для защиты от волков. С этого дня запрещались все прядильно-ткацкие работы, гребни складывались вместе, «чтобы у волков была закрыта пасть»; не разрешалось сновать и мотать нитки, «чтобы звери не мотались возле загонов для скота»; строго соблюдался запрет на всякое рукоделие (шитье, вязание), «чтобы не схватил медведь» и т.п. В течение всего рождественского поста не плели веревок, не строили изгородей, «чтобы волки не задирали скот».

У болгар повсеместно распространено поверье, что с А. д. (*Едрея*) световой день начинает увеличиваться «на одно просяное зернышко» и все вокруг *наедрява*, т.е. увеличивается, прибавляет в весе. Этой народной этимологией объясняются многие обычаи, связанные с магией плодородия. Чтобы хорошо росло все посеянное, чтобы еды было больше, варили и ели разные зерна, угощали соседей, остатки сыпали курам; опасались давать эту еду чужим людям, чтобы они не отняли плодородие. Считалось, что в тех домах, где отмечали А. д. как следует, год будет благополучным и урожайным.

Лит.: *Виноградова Л.Н.*, *Толстая С.М.* Обычаи Андреева дня у славян // Живая старина. 1994. № 3. С. 26–27; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. М., 1973. С. 205–206, 266–267, 284–285.

Л.Н. Виноградова

АНТРОПОГОНИ́ЧЕСКИЕ МИ́ФЫ — мифы о происхождении (сотворении) человека. В славянской традиции развивались под влиянием библейских преданий, прежде всего апокрифов, о первочеловеке Адаме. Создание человека — завершающий акт **сотворения мира**. В русской Начальной летописи — «Повести временных лет» (начало XII в.) — содержится миф о сотворении человека, приписываемый языческим **волхвам**, но восходящий, видимо, к дуалистическому учению богомилов: Бог мылся в бане, вспотев, утерся ветошью и сбросил ее на землю; из ветоши дьявол сотворил тело человека, а Бог вложил в него душу (ср. словенскую легенду о человеке, возникшем из капли пота Бога).

Апокрифический сюжет, распространенный в болгарской и древнерусской книжной традиции, — сотворение Адама Богом из восьми частей — элементов мироздания: тело взято от земли, кости — от камней, кровь — от моря, глаза — от солнца, мысли — от облака, «от света — свет», от ветра — дыхание, от огня — теплота. Когда Господь оставил Адама одного лежащим на земле, чтобы взять ему «глаза от солнца», сатана вымазал Адама нечистотами. Сняв эту грязь и смешав ее со слезами Адама, Бог сотворил собаку, чтобы та стерегла человека, а сам отправился за «дыханием» для Адама. Сатана вновь явился к человеку и, хотя собака не подпускала его близко, он все же истыкал тело Адама палкой (оплевал его и т.п.), впустив в него 70 недугов. Бог вновь изгнал сатану и очистил человека (вывернул наизнанку — отсюда внутренние болезни). Он послал ангела взять (букву) «аз» на востоке, «добро» на западе, «мыслете» на севере и на юге — из букв было создано имя «Адам».

В фольклоре русских старообрядцев сюжет сотворения Адама «из природы» получил характерную мотивировку: «тело (Адама) из земли: по смерти иде в землю; кровь из морской воды: всю жизнь ходя, как морская волна; глаза из солнца: как солнце светя, так и глаза человечи днем смотрят, а ночью спля». Лишь силу Бог сотворил «из ничего» — чтобы человек мог жить своими трудами. В русском духовном стихе о Голу-

биной книге из частей тела Адама — первочеловека возникают все сословия: от головы — цари, от «мощей» — князья и бояре, от «колена» — крестьяне, из Адамовой головы вырастает **мировое дерево** — «кипарисовое древо» и т.д.

Наряду с преданиями, где А. м. связаны с космогоническими, распространены легенды о сотворении человека из глины, основывающиеся на библейском мотиве о сотворении Адама «из праха земного». В болгарской традиции Бог делал людей, как гончар горшки; после обеда Творец увидел, что работа продвигается медленно, и в спешке стал лепить людей, получавшихся хромыми, больными, гордецами и упрямцами и т.п. Характерен мотив божественной слюны, использованной для размешивания глины: от этой слюны происходит мужская сила (семя); напротив, плевок сатаны, хотевшего оживить слепленное тело человека, наводит на него порчу — болезни (укр., рус.). В украинской легенде Творец использовал оставшуюся у него горсть глины, чтобы приделать человеку половой член, — так было создано грешное тело, иначе человек оставался бы в раю.

В дуалистических вариантах А. м. Бог лепит из глины человека, сатана пытается подражать Творцу, но у него получается козел или собака (волк) (укр.). В ряде преданий наряду с глиной может использоваться тесто: сначала Бог слепил человека из теста, но собака съела творение; Бог слепил пана (Еву) из пшеничного теста, а мужика (крестьянина) — из глины, но собака съедает хлебного человека (укр.).

В некоторых апокрифах (болгарская и древнерусская «Легенда о крестном древе») Адам изображается великаном: Соломон попадает в «костяную пещеру», которая оказывается черепом Адама, в нем могло уместиться 300 мужей. К мотиву перволюдей-великанов примыкает украинское предание о прародителях, которые были так сильны, что, наступая на **камень**, оставляли на нем след (ср. т.н. камни-следовики — петроглифы в виде человеческой ступни); после грехопадения, напротив, камни вдавливались в ступни — отсюда у людей впадина в ступне.

До грехопадения у первых людей была роговая (как ногти) кожа: Адам умолил Господа оставить его потомкам часть «вечной» кожи на пальцах в напоминание о райском бессмертии (рус.; в болгарском варианте Адам и Ева были первоначально покрыты волосами).

Сотворение Евы. Адам пашет землю. Миниатюра из Сборника попа Пунчо. Болгария, 1796 г.

Мотив сотворения первой женщины — Евы — в некоторых легендах продолжает библейский миф: ребро для творения взято «от самого сердца» Адама, чтобы жена любила мужа (рус.); собака вырывает ребро у первочеловека и Бог творит из него Еву и т.п. В других вариантах Адам был сотворен с хвостом и Бог, чтобы отделить человека от животных, отрезал ему хвост и создал из него женщину; первоначально мужчина и женщина были соединены, но сатана оторвал женщину, так что у Адама остался мужской член, а у Евы — влагалище, с тех пор мужчины и женщины стремятся к воссоединению и от этого рождаются дети (бел.).

Другой этиологический мотив А. м. — происхождение кадыка, «адамова яблока», от запретного плода: от съеденного яблока у Евы появляется вожделение к сатане, у Адама — к Еве; от соития с сатаной рождается Каин, с Адамом — Авель. По другому варианту, от сатаны рождается потомок с 12 (7) головами, лишь одна из которых — человечья, остальные — звериные: сатана обещает Адаму съесть лишние головы, если тот «отпишет» ему все свое земное потомство (ср. в статье **Пахарь**). От Каина происходит грешное потомство, которому сатана показал, как построить Вавилонскую башню: Бог смешал языки строителей, и те, забыв Бога, стали поклоняться идолам (рус.).

Согласно западноукраинской легенде, после грехопадения первых людей Бог проклял Еву, повелев ей рожать в муках, а после смерти — нести яйца: каждый день прародительница должна была снести столько яиц, сколько людей умирает на земле. Бог разрезает те яйца пополам и бросает на землю: из одной половины родятся мальчики, из другой — девочки; когда они вырастают, то их женят. Если же половина яйца упадет в море (будет съедена зверем и т.п.), то человек останется на земле без пары.

Об А. м. см. также в статьях **Великан**, **Сатанаил**.

Лит.: *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. 5 // СбОРЯС. СПб., 1890. Т. 46. № 6; *Булашев Г.О.* Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Киев, 1909. Вып. 1; *Толстая С.М.* О нескольких ветхозаветных мотивах в славянской народной традиции // От Бытия к Исходу. М., 1998. С. 21–37 (там лит.); *Кабакова Г.И.* Адам и Ева в легендах восточных славян // Живая старина. 1999. № 2. С. 2.

В.Я. Петрухин

Б

БА́БОЧКА — в народных представлениях насекомое, связанное с потусторонним миром, воплощение души. В разных районах России при виде Б. или мотылька говорят: «Вот чья-то душка летает». Иногда их и называют *душами* или *душечками*. По поверью поляков, душа умирающего покидает тело в виде Б. Родопские болгары верят, что душа умершего в виде Б. или мухи посещает родной дом на сороковой день после смерти. Представление о Б. как душе умершего порождает поверье о не́й как предвестнице смерти, а иногда и образе смерти. У белорусов рассказывают, как однажды старая женщина сидела вечером у раскрытого окна и ей на рукав села влетевшая в окно ночная Б. «Смерцічка ты мая», — ласково сказала женщина. В ту же ночь она скончалась.

По поверью болгар, сербов и хорватов, душа ведьмы во время сна покидает ее тело в облике Б. Такая Б. может по ночам душить спящих людей и сосать их кровь, как вампир.

В ряде случаев поверье о душе ведьмы в виде Б. трансформируется в поверье о самой ведьме, принимающей облик Б., или в поверье о Б. как слуге или помощнице ведьмы, выполняющей ее волю. У южных славян ночную Б. часто называют «ведьмой». Сербы иногда специально мучат и увечат ночную Б., в которой видят обращенную ведьму, с тем чтобы на утро опознать в ком-нибудь ведьму по ожогам и ранам на теле. Ночной Б., залетевшей в дом, подпаливают крылья и отпускают со словами: «Приди завтра, дам тебе соли». И если на следующий день кто-нибудь придет попросить соли, то его отождествляют с той злой душой, которая в виде Б. прилетала в дом. Болгары верят, что ведьма напускает на скотину больших пестрых Б., которые садятся на коров или на овец, ползают по ним и отбирают у них молоко. На Юрьев день большая Б. ведьмы *магесница*, летая по полям, способна отобрать и урожай жита (то же может сделать и сама ведьма), поэтому рано утром в этот день на ниве выжинают крест. Согласно поверью, большую черную Б., посылаемую ведьмой красть молоко у овец, ведьма выводит магическим способом из большого яйца. Ср. образы зооморфных домовых духов, приносящих своему хозяину-колдуну богатство, которых производят на свет из петушиного или другого необычного яйца.

У западных славян ночную Б. соотносят с другим демоном — **«морой»** или «зморой», мучающей людей по ночам. По поверью поляков, облик ночной Б. принимает «змора» — соседка в виде Б. или комара в полночь проникает в дом сквозь оконные щели и, садясь на спящих, налегает на грудь, давит, душит их. Способность душить спящих часто приписывается и некоторым другим животным и демонам, особенно лягушке и домовому.

Некоторые приметы связаны с первыми весенними Б. В Полесье считают, что если весной появится много красных или желтых Б., то будет сухое лето и много меда, а если белых — мокрое лето и обилие молока. В Моравии символика цвета Б. иная: если увидишь весной первую Б. белую, то умрешь в предстоящем году, а если красную — будешь жить (по другим поверьям, будут болеть

глаза). В Болгарии верят, что у человека будет белое или красное лицо в зависимости от того, какого цвета будет первая увиденная им весной Б. — белой или красной. Белорусы Витебской губ. гадали по полету первых весенних Б.: чем выше они летают, тем выше вырастет лен.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 486–492; *Терновская О.А.* Бабочка в народной демонологии славян: 'душа-предок' и 'демон' // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.III.89–6.IX.89. Проблемы культуры. М., 1989. С. 151–160.

А.В. Гура

БА́ДНЯК — полено, сжигаемое в Сочельник на очаге, и основной обряд рождественского цикла праздников у южных славян. Б. горит всю ночь, его стерегут и не спят, поэтому название связывают с глаголом *бдеть* — «не спать, бодрствовать». Обряд распространен в Сербии, Герцеговине, Боснии, Далмации, Истрии (у православных и католиков), в западной, южной и центральной Болгарии, в Македонии, некоторых областях Хорватии и Словении. Первые сведения о нем относятся к XIII в. (Дубровник).

Для Б. чаще всего срубается дуб, реже бук, клен, лесной орех, можжевельник, черешня, груша и др. Срубают обычно дерево в рост человека или несколько выше. В Болгарии Б. — чаще всего дубовый пень или колода. Большие пни горят на очаге долго, иногда до Крещения. В некоторых районах срубают несколько Б., иногда по числу мужчин в доме; для первого после Рождества посетителя — **полазника** — добавляют еще один Б. Известна также традиция срубать и жечь два Б. — «мужской» и «женский» — или же еще и «детские» Б. Иногда два главных полена *бадняк* и *бадњачица* должны быть из разных пород дерева — мужского (напр., *цер* или *храст*) и женского (*граница*) (Сербия, Ресава). У черногорцев племени «кучи» на Новый год (*Женский Божич*) срубают столько деревьев, сколько женщин в доме.

Срубают Б. обычно в Сочельник, рано до восхода или к вечеру перед заходом солнца, но иногда и заранее, за несколько дней. В Груже (Шумадия) празднично одетый хозяин идет в лес с топором, с рукавицей, наполненной разным зерном и кашей, и с маленьким хлебцем. Выбрав дерево для Б., он посыпает его зерном и кашей, преломляет хлебец о ствол и говорит: «Доброе утро, Бадняк, с праздником Рождества!» Половину хлебца хозяин съедает, а другую оставляет на пне от срубленного дерева. В Лесковацкой Мораве за Б. торжественно выезжают на украшенных цветами волах и телеге, а в некоторых селах этой зоны выход в лес совершается тайно. При этом Б. можно красть, т.е. рубить в чужом лесу. Б. нужно срубать при полном молчании одним или тремя (но не двумя!) ударами топора. На Косовом Поле Б., срубленный двумя ударами, в дом не берут; не берут также Б., треснувший до верхушки.

Вносит Б. в дом обычно хозяин. В Сербии Б. нередко заворачивают в рубаху (новую мужскую, женскую), полотно или пеленают, как младенца. В восточной Сербии, в Алексинацком Поморавье, хозяин при входе в дом поднимает Б. вверх со словами: «Такая конопля и такие хлеба в этом году!» Затем хозяйка осыпает Б. зерном, орехами и монетами, чтобы закрома были полны хлеба, а дом — денег. Обычно Б. вносят в дом утолщенным концом вперед и кладут на очаг так, чтобы этот конец был обращен на восток. При этом иногда хозяин целует Б., кланяется ему. Часто Б. мажут медом, салом или льют в пробуравленное в нем отверстие вино, мед, масло, посыпают зерном, разрезают на нем рождественский калач, кладут на него сухие фрукты, ритуальное блюдо — жареное мясо (*печеницу*), деньги, платок и т.п. В Поповом Поле вся семья пролезала под горящим Б., который приподнимал над очагом хозяин или полазник. Полазник двигал горящий Б. в очаге, «чтобы продвигались дела и благополучие дома и хозяйства», мешал в очаге угли веткой

от Б., высекал из Б. искры и произносил благопожелание: «Сколько искр, столько телят, ягнят, поросят...»

Момент, когда Б. перегорит посредине и развалится на две части, считался сакральным. Его торжественно ждали у очага хозяин или дети; первому увидевшему, как перегорел Б., полагалась награда.

Головню и пепел от сгоревшего Б. употребляли в различных магических и лечебных целях: из головни делали колья, вбивали их в поле, из нее же делали клин для сохи, чтобы защитить посевы от града, или кресты, которые относили в хлев, в виноградник и т.п.; головню относили на пасеку, оставляли в фруктовом саду, закапывали в амбаре и т.п.

Пеплом от Б. посыпали посевы, корни плодовых деревьев, натирали скот, его подмешивали в корм курам, пили с водой от головной боли и т.п.

Н.И.Толстой

БА́ННИК, б а́ й н и к, б а́ е н н и к, б а́ й н у ш к о и др., бел. *лазьник*— у русских и белорусов дух — обитатель бани. Живет за каменкой или под полком. Бывает невидим (по некоторым поверьям, имеет шапку-невидимку) или показывается в виде человека с длинными волосами, голого старика, покрытого грязью и листьями от веников, собаки, кошки, белого зайца и др. Есть поверье, что Б. первый раз появляется в бане после того, как там побывает роженица. Считается, что Б. моется в бане и ему следует оставлять воду, мыло и веник, иначе он брызжет кипятком, кидает раскаленные камни, напускает угару. Входя в баню, принято было говорить: «Крещеный на полок, некрещеный с полка» (Смоленская губ.).

Б. вредит тем, кто приходит в баню поздно, после захода солнца, ночью или после двух-трех смен парящихся; Б. душит их или сдирает кожу; Б. пугает заходящих в баню, прикидываясь человеком. Б. может подменить оставленного ребенка. **Подменыши** бывают уродливыми: большеголовыми, пузатыми, не растут, не ходят, не говорят, живут так несколько лет, а потом умирают или превращаются в головешку, в банный веник. Б. иногда защищает от других демонических существ (**овинника**, мертвецов и др.).

Из других функций Б. следует отметить его участие в святочных **гаданиях**: в полночь девушки подходят снаружи к двери бани, задрав юбки, или подходят к челу каменки, или суют руку в дымник: если банник прикоснется мохнатой рукой — будет жених богатый, если голой рукой — бедный. Тем, кто, гадая, сует руку в окно бани, Б. может сковать пальцы железными кольцами. Для того чтобы защититься от вредоносных действий Б., задобрить его, приносят в новую баню хлеб и соль, хоронят под порогом задушенного черного петуха или курицу.

Банный дух может выступать также в женском облике — *банниха*, *байница*, *баенная матушка*, на Пинеге и Печоре — *обдериха*. Обдериха выглядит как лохматая, страшная старуха, иногда голая; показывается в виде кошки; живет под полком; поверья о ней сходны с представлениями о Б. (кроме участия в гаданиях). Как женская разновидность банного духа может выступать также шишига — демоническое существо, которое показывается в бане тем, кто идет туда без молитвы; принимает образ знакомой или родственницы и зовет с собой париться; может запарить до смерти (Владимирская, Саратовская губ.).

Лит.: *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1993. Т. 1.

В. И., В. Т.

БАРВИ́НОК — вечнозеленое растение, апотропей, символика которого, как и других вечнозеленых растений, связана с представлениями о жизненной силе и бессмертии, постоянстве и устойчивости, верности и любви. Используется в свадебном обряде, при похоронах молодых людей, особенно у восточных и западных славян, часто в сочетании с другими растениями. Подобную роль в южнославянской традиции выполняет базилик.

Как и базилик, Б., согласно этиологическим фольклорным мотивам, вырос из останков мертвого тела или на могиле юноши. В некоторых фольклорных текстах Б. объединяется с базиликом, любистком, мятой, полынью или функционально заменяет их в сходных контекстах или магических действиях в разных локальных традициях.

Б. собирают в лесу или выращивают около дома, чтобы и зимой иметь его для украшения ритуальных предметов. Вместе с тем известен запрет девушке сажать и ухаживать за Б.: она может умереть, когда он зацветет. Б. берут на развод, оставляя на земле деньги и кусок хлеба, чтобы Б. не перевелся у того, кто его дает. В Закарпатье, Галиции и юго-восточной Малопольше срезать Б. для свадьбы отправляется свадебная процессия с музыкой и пением. Оставшиеся несрезанными ветки окропляют водой и посыпают зерном. В Закарпатье и Словакии запрещалось срезать на свадьбу Б. там, где рвали его на венок умершему. Если Б. срезали для похорон, хлеб с собой не брали.

Как и другие вечнозеленые растения, особенно хвойные, Б. используют для изготовления или украшения обрядового деревца — майского (Словения, Силезия), купальского (Киевская губ.), свадебного (Украина, южная Белоруссия, Польша). Венок из Б. кладут на свадебный каравай, из Б. вьют свадебные венки и делают «квитки» для участников свадьбы. Девушки украшают себе голову Б., дарят его своим возлюбленным в качестве украшения на шапку, плетут венки для весенних хороводов. На крестинах повитуха одаривает букетиком Б. каждого гостя. Освященные венки из Б. вешают на придорожные кресты, кладут на место строящегося дома, на посевы льна, на гряды капусты, окуривают ими хлебную квашню. Б. используется в любовной магии. Девушки на выданье украшают Б. рождественский хлеб, чтобы в новом году в их доме состоялась свадьба, гадают о замужестве, бросая Б. в реку или миску с водой, наблюдая, сойдутся ли вместе листики Б.

Б. используют при обмывании покойника и при прощании с ним — у хорватов веткой Б. кропят святой водой умершего. Венки из Б. при похоронах умерших детей, девушек и неженатых парней используются как элемент погребального убранства покойных или как украшение молодых участников похоронной процессии (Моравия, Словакия, юго-восточная Польша, Западная Украина). Б. кладут в гроб, на могильный крест, сажают на могилах.

Б. оберегает от нечистой силы, от змей и морового поветрия. Детям он служит оберегом от сглаза. Польские пастухи добавляют размельченный Б. в соль и дают овцам в канун дня св. Яна, чтобы нечистая сила не могла наслать на них порчу. Корову окуривают Б., оберегая от козней ведьмы. Испорченное ведьмой молоко трижды процеживают через венок из освященного Б. Ведьмы отваром корней Б. поливают место, которое хотят заколдовать. Если человек пройдет по нему, он начнет сохнуть и умрет. При полетах на шабаш ведьмы натираются соком Б. Чтобы ружье стреляло без промаха, чешские охотники-браконьеры промывают его отваром Б. Болгары называют Б. *самодивско цветье*.

В качестве лечебного средства используют отвары (настойки) Б. при ревматизме, колтуне, гипертонии, лихорадке; пьют его для изгнания плода; при головной боли обкладывают голову побегами Б.

В.В. Усачева

БЕЛОБО́Г — божество, реконструируемое для западнославянской мифологии на основании двух источников — **Чернобога**, упоминаемого у балтийских славян в «Славянской хронике» Гельмольда (XII в.), и обозначения ряда урочищ типа «Белый бог». Особенно показательным считалось противопоставление, засвидетельствованное двумя названиями гор у лужицких сербов, — «Белый бог» и «Черный бог»; с первым из них связывалась положительная семантика, со вторым — отрицательная. Существует мнение, что и Б. является результатом т.н. кабинетной мифологии (его имя появ-

ляется в поздних, «вторичных», источниках с XVI в., где он определяется как бог удачи и счастья). Тем не менее в разных частях славянской территории отмечены названия урочищ, производные от сочетания эпитета «белый» и слова «бог» (урочище «Белые боги» существовало и под Москвой); они дают некоторые основания (как и обозначения некоторых других мифологических персонажей типа Белуна, подателя богатства у белорусов) для предположения о мифологизированном образе Б., образующем с Чернобогом дуалистическую пару.

В. И., В. Т.

БЕРЕГИ́НИ (др.-рус. *берегыни*) — мифологические персонажи, известные по оригинальным вставкам в древнерусских текстах XIV–XV вв., переводных с греческого: в «Слове св. Григория» (шесть раз в разных списках) и в «Слове св. Иоанна Златоуста» (один раз), посвященных теме «како первое погании вѣровали въ идолы». Одни «погании» поклонялись молнии, грому, солнцу, луне, «а друзии перену (Перуну?). хоурсу. виламъ и мокоши. оупиремъ. берегынѧмъ. ихъ же нарицаютъ три Θ [9] сестриниць... а друзии огнѣви и камению и рѣкамъ. и источникомъ. и берегынѧмъ. и въ дрова» (Софийский сборник XIV в.). Берегиням «клали требы», ибо веровали «упиремъ и младенцы знаменают мертвы и берегенямъ» (Чудовский список XVI в.). В древнерусских текстах известны записи с начальным *в-* («клали требу упиремъ и верегинямъ» — Паисиевский сборник XIV–XV вв.) и *п-* («уклоняйся поревну, и аполовину, и мокоши, и перегини» — «Поучение духовное детям» XVI в., где *поревну* и *аполовину*, видимо, искаженное Перуну и Аполлону).

Значение и функции Б. неясны. Их выводили из этимологии названия и из контекста. Е. Аничков, Н. Гальковский, Л. Нидерле считали Б. русалками и связывали их с культом мертвых (и мертвых младенцев); В. Мансикка, О. Трубачев относили Б. к «береговым феям, русалкам», а Д.К. Зеленин — к трясовицам (ср. **Лихорадки**). А. Брюкнер причислял Б. к нимфам, но не только водным, а и горным, опираясь на архаическое значение слова *брѣгъ*, а В. Иванов и В. Топоров сближали Б. с др.-рус. *прѣгыня* «холм, поросший лесом» (ср. рус. *Баба Горынинка, Змей Горыныч*). А. Ковалевский указывал на украинский обычай «водить перегиню», обряженную девушку, после окончания прополки свеклы, отмеченный на Черниговщине, около Канева, и на Полтавщине, в зоне Лохвицы, и ставил его в связь с Б.

Лит.: *Ковалівський А.* Берегині й перегиня (з дослідом текстів) // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. Харків, 1930.

Н.И. Толстой

БЕРЁЗА — одно из наиболее почитаемых у славян деревьев, которое оценивается то как «счастливое» дерево, оберегающее от зла, то как вредоносное, как место обитания женских персонажей нечистой силы или душ умерших. У поляков Вармии и Мазур Б. считалась вместилищем духов, поэтому в нее так часто попадает молния. В других местах этой же зоны она воспринималась как дерево, приносящее здоровье и благополучие. В Полесье не сажали Б. рядом с домом, чтобы на хозяев не напали болезни и чтобы не вымерла вся семья. По украинским карпатским верованиям, если женатый мужчина посадит Б. во дворе своего дома, то кто-нибудь из домочадцев непременно умрет. На Русском Севере место, где когда-то росли Б., признавалось несчастливым: на нем не решались строить новый дом. Наряду с этим в ряде мест Б. сажали возле дома для благополучия семьи или по случаю рождения ребенка. В Люблинском воеводстве (Польша) Б. считалась деревом, приносящим удачу. У русских ветка Б., установленная в углу строящегося дома, была залогом здоровья хозяина и семьи. Березовые ветки втыкали в поле для урожая злаков и льна; березовое полено закапывали под порогом новой конюшни, чтобы успешно «велись» кони.

Противоречиво оценивается Б. и в народных легендах: то как благословен-

ное дерево, укрывшее Богородицу и Христа от непогоды (пол.) или св. Пятницу от преследований черта (рус.), то как проклятое Богом дерево, прутьями которого якобы хлестали Христа (серб.).

Женская символика Б. проявляется в ритуалах лечения детских болезней: для исцеления недугов девочек носили к Б., а мальчиков — к *дубу* (Полесье). В восточнославянских приговорах при сватовстве Б. и дуб выступали символами невесты и жениха. Чтобы иметь в браке больше мальчиков, чем девочек, молодая при выходе из церкви должна была взглянуть в сторону леса и сказать: «Все в лесу дубы, лишь одна береза» (гуцулы Закарпатья). Белорусы верили, что наросты на березовых стволах образуются от проклятий, произнесенных женщинами («от бабских проклёнов»). В некоторых селах Полесья при похоронах женщины ее гроб покрывали березовыми ветками, а гроб мужчины — ветками тополя.

В демонологических верованиях восточных славян Б. считалась деревом, на котором обитают (сидят, качаются) русалки (ср., например, мотивы белорусских русальных песен: «на белой березе русалки сидели», «на кривой березе русалки сидели»). У поляков одиноко растущие в поле «плакучие» Б. назывались «деревьями духов»: в них якобы вселялись души умерших девушек, которые по ночам выходили из Б. и «затанцовывали» насмерть случайных прохожих. Под такой Б. покоится душа умершего насильственной смертью, и вместо сока в ней струится человеческая кровь. У русских Костромского края об умирающем человеке говорили, что он «в березки собирается». Во многих балладах, легендах, сказках погибшая девушка превращается в Б. Мотивы, связанные с Б., часто встречаются в демонологических поверьях: ведьма летает на березовой палке; надаивает молоко с березовой ветки; бесноватых во время приступа одержимости «бросает на березу»; кони, подаренные человеку чертом в ночное время, утром превращаются в кривые березы.

Б. в роли ритуального деревца была обязательным элементом троицкой обрядности (преимущественно у восточных славян): срубленными березками украшали дворы и ворота, улицы, окна и двери домов, часовни и церкви. У русских в четверг перед Троицей совершался обряд «завивания березки»: девушки шли в лес, выбирали там молодую Б. и под пение обрядовых песен закручивали на дереве ветки в форме колец, связывая их своими лентами, поясами или нитками; рядом с «завитой» Б. водили хороводы, кумились, гадали о будущем замужестве, устраивали совместное угощение. В день Троицы вновь ходили к этому дереву, чтобы «развить», «распустить», «освободить» Б. Наряду с этим совершались обряды и со срубленной «троицкой березкой»: деревце украшали лентами, бусами, цветами, ходили с ним по селу, а затем выносили за его пределы и там сжигали или топили.

Ветки Б., особенно те, которые были использованы в обрядности Семика, Троицы, Юрьева дня, Ивана Купалы и др., оценивались в народной магии как надежный оберег. У всех славян считалось, что заткнутые под крышей, оставленные на чердаке березовые ветки могут защитить дом от молнии и бури; воткнутые посреди посевов в поле, они оберегали урожай от грызунов и птиц, от градобития. С помощью березовых веток, веников и венков старались уберечься от нечистой силы, болезней, стихийных бедствий. Накануне Ивана Купалы ветки Б. затыкали в двери хлева, чтобы преградить путь ведьме; на рога коровам надевали березовые венки для защиты от порчи. Во многих местах верили, что при битье больного березовым прутом болезнь должна отступить.

В знахарской практике к Б. ходили для символической передачи болезни дереву. Например, страдающий малярией ходил в лес, тряс молодую березку, говоря: «Тряси меня, как я тебя, а потом перестань» (пол.). Русские крестьяне обращались к Б. с просьбой об исцелении и при этом скручивали над больным березовые ветки, угрожая дереву, что не отпустят до тех пор, пока болезнь не отступит.

Лит.: Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 169; *Виноградова Л.Н., Усачева В.В.* Из

словаря «Славянские древности»: Береза // Славяноведение. М., 1993. № 6. С. 9–21; *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 188–212.

Л.Н. Виноградова

БЕРЕ́МЕННОСТЬ, бере́менная же́нщина. Б. ж. почитается как олицетворение плодородия, ей приписывается магическая сила, охранительные и др. благотворные свойства. С другой стороны, Б. считается состоянием и временем, опасным и даже «нечистым», отсюда многочисленные запреты и ограничения в поведении Б. ж., направленные на защиту ее и будущего ребенка. Опасность, исходящая от Б. ж., связана с присутствием в ней двух душ и с ее близостью к границе жизни и смерти (ср. русскую поговорку: «С брюхом ходить — смерть на вороту носить»), и это вызывает разнообразные охранительные меры со стороны окружающих.

Способность Б. ж. к магической передаче плодородия используется во многих обрядовых действиях, направленных на рождение детей, плодовитость скотины, домашней птицы, плодовых деревьев, обеспечение урожая. Б. ж. может избавить от **бесплодия**; к ней обращаются, когда ведут корову на случку, — Б. ж. снимает фартук и трижды бьет им корову. Во время засухи Б. ж. обливали водой, чтобы вызвать дождь. При пожаре она обходила дом, и огонь стихал.

Социальные функции Б. ж. резко ограничены: она не может быть крестной матерью, свахой, дружкой на свадьбе, участвовать в похоронах, обмывать покойника и др. Если ее участие было необходимо, принимались специальные защитные меры. Известны поверья, что Б. ж. приносит несчастье, но встреча с ней на улице может расцениваться и как добрый знак.

Поведение окружающих по отношению к Б. ж. должно было предохранить ее от действия злых сил, обеспечить благополучные роды и не повредить будущему ребенку. Люди старались не отказывать в просьбе Б. ж., особенно когда просьба касалась еды, иначе мыши могут погрызть одежду, у ребенка появится родимое пятно и т.п. В присутствии Б. ж. запрещаются ссоры, крики и даже громкие разговоры, способные испугать ее и повредить ребенку.

Сама Б. ж. должна соблюдать необходимые запреты, избегая «нечистых» мест и «нечистого» времени. Ей запрещается стоять и сидеть на пороге, на меже, находиться на перекрестке, на кладбище, подходить к строящемуся дому, выходить из дома после захода солнца; она должна особенно строго соблюдать общие для всех запреты (например, запрет на работу в праздники).

Для защиты от нечистой силы, сглаза и порчи Б. ж. всегда имела при себе предметы-обереги: красные шерстяные нитки, лоскуты, ленты, шнурки, которые она обвязывала вокруг пальца, руки, шеи, пояса; пучок разноцветной пряжи, завязанный «мертвым узлом»; железные предметы — иголку, нож и т.п.; щепки от разбитого молнией дерева, уголь, кусочек кирпича от печи, соль и пр. Оберегом могли служить и специальные действия: выворачивание одежды наизнанку, развязывание узлов на одежде и др.

Множество запретов и предписаний соблюдалось Б. ж. с целью обеспечить благополучное течение Б. и предотвратить выкидыш. Б. ж. пила дождевую воду с опрокинутого вверх дном ведра, остерегалась ступить в след коня и т.п. Во избежание трудных родов Б. ж. запрещалось стоять на пороге, переступать через жердь, оглобли, хомут, веник, перелезать через забор, через окно, перешагивать через топор, вилы, грабли и т.п. На Украине по пятницам Б. ж. не расчесывала волосы, чтобы не обидеть Параскеву **Пятницу**, которая должна прийти на помощь во время родов. Нельзя было брать в руки веревку, переходить под ней, чтобы пуповина не обмоталась вокруг шеи ребенка и не задушила его. По этой же причине запрещалось переступать через ткацкую основу, наматывать нитки.

Во избежание рождения близнецов Б. ж. не ела двойных (сросшихся) плодов. Множество запретов соблюдалось ради того, чтобы ребенок был здоровым, красивым, счастливым, умелым. От по-

ведения Б. ж., по народным представлениям, зависело не только физическое и психическое здоровье ребенка, но и его характер, способности, поведение. Считалось, что дитя будет плаксивым, если Б. ж. ест на ходу, пугливым — если мать ест заячье мясо; будет вором — если мать тайком ела и т.п. Все многообразие запретов и предписаний сводится к соблюдению пространственных и временны́х ограничений и к сокращению контактов с определенными предметами (запрет смотреть, переступать, касаться), животными, явлениями природы, стихиями и т.д. — луной, звездами, огнем, водой, вихрем (запрет смотреть, совершать те или иные действия), с людьми (запрет красть, передразнивать, участвовать в обрядах и т.п.).

Гадания о поле будущего ребенка известны всем славянам. Гадали по форме живота, по тому, справа или слева Б. ж. ощутила первые движения плода; окончив тканье, выбегали на улицу и ждали первого встречного: если встречали мужчину, значит, родится мальчик. Сохранилось древнерусское свидетельство о гадании по поведению медведя: «и чреваты жены медведю хлеб дают из руки, да рыкнет, девица будет, а молчит — отрок будет».

Лит.: Рождение ребенка в обрядах и верованиях. Страны зарубежной Европы. М., 1997; *Сумцов Н.Ф.* О славянских народных воззрениях на новорожденного ребенка // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1880. № 11. Отд. 2. С. 68–94.

С.М. Толстая

БЕС — злой дух, демон. В народной демонологии славян представления о Б. развивались под влиянием церковно-книжной традиции и сближались с поверьями о **черте**.

В памятниках древнерусской литературы («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, XI в.) и летописях к «бесам» оказались причислены высшие и низшие языческие божества, и слово «бес» могло иметь значение «языческий бог», «идол» (изображение божества). В житиях, повестях, заклинательных молитвах Б. выступают как нечистые злые духи, соблазняющие человека и наносящие ему физический и моральный вред (вызывают болезни, кликушество, пьянство, вводят в блудный грех). Б. обычно описывался как существо черного (синего) цвета, ср. рус. *черный*, *синец* 'бес, черт'; Б. мохнатый, крылатый, хвостатый, на руках и ногах — когти, распространяет вокруг себя дым и смрад. Может явиться в образе зверя, змея, черного пса, медведя, волка, воина, монаха, инородца (эфиопа, поляка, литовца), скомороха, иногда — ангела, даже Иисуса Христа. Иконографические

Бесы и колдуньи наводят порчу на людей. Роспись середины XIX в. в церкви Рождества Богородицы в Рильском монастыре (Болгария)

изображения Б. подчеркивают его зооморфный облик (крылья, хвостик, птичьи лапы) и особо — остроконечную голову и волосы «шишом» (ср. рус. диал. *шиш, шишко* 'черт'). В русских памятниках XVII в. встречаются изображения Б. с гипертрофированными гениталиями.

В житийной литературе и заклинательных молитвах представлен перечень способов изгнания Б., вселившегося в человека: святой сковывает (связывает) беса, бьет, изгоняет в пустыню (в морскую глубину, в преисподнюю), заключает в замкнутом пространстве (в пещере, в горах, в яме, в сосуде).

В народной демонологии сохранились представления о Б. как о персонаже, отличном от черта, дьявола и беса книжной традиции. У восточных славян слово *бесы* служит для обозначения всех демонологических персонажей или для называния отдельных категорий духов: рус. *бес полуденный* — полудница, *бес во дворе* — домовой, *бес-волосатик* — леший; укр. *польови біс* — полевик. У кашубов «бес» — антропоморфный злой дух высокого роста с огромными стопами. Польские пастухи называют Б. злых духов в зверином облике. Существует также польское поверье о «белых бесах», обитающих в «верхнем» мире (в отличие от подземных духов — «страхов»). У болгар сохранились представления, по которым Б. — это злой дух, умерщвляющий собак, или дух болезни, передающейся человеку при укусе больной собаки. У сербов существует поверье о Б. как о демоне, вселяющемся в людей и животных и вызывающем бешенство (Косово). Б. называются великаны в сербских и болгарских легендах.

Лит.: *Рязановский Ф.А.* Демонология в древнерусской литературе. М., 1915; *Белова О.В.* Бесы, демоны, люцыперы... // Живая старина. 1997. №4. С. 8–10.

О.В. Белова

БЕСПЛО́ДИЕ — состояние, расцениваемое как наказание, результат порчи, следствие родительского проклятия или как знак судьбы. Считается, особенно у южных славян, несчастьем, грехом, позором. Б. приписывается почти исключительно женщине и обозначается преимущественно лексемами со значением «пустой»: в.-слав. *яловка*, болг. *ялова*, серб. *јаловица*, полес. *пустоцвет, пуста верба* и т.п. Женщинам, не имеющим детей, запрещалось участвовать в календарных и семейных обрядах (особенно свадебном), быть кумой, собирать урожай первых плодов. Считалось, что после смерти они не могут попасть в рай, что на «том свете» ужи будут сосать их грудь и т.п. Магические действия по избавлению от Б. составляют особый раздел народной медицины. Многие приемы предотвращения Б. входят в состав свадебного обряда.

Контакты с беременной, многодетной женщиной, с роженицей и новорожденным считались целительными при Б. Бесплодная женщина старалась посидеть на месте, где произошли роды; полежать рядом с новорожденным вместо роженицы; первой взять в руки появившегося на свет ребенка; поносить одежду многодетной женщины или роженицы; подпоясаться поясом, примеренным перед тем на беременную женщину, и т.п. Широко известен славянский обычай сажать ребенка к невесте на колени, а у южных славян — на коня перед невестой для того, чтобы у нее были дети. С той же целью молодым в брачную постель сначала укладывали ребенка или запеленатую куклу.

В магии против Б. использовались плоды, почки, ветки фруктовых и других деревьев. У южных славян для избавления от Б. женщины съедали три почки с фруктовых деревьев, зацветших впервые, или первые плоды яблони, сливы, винограда. В Боснии веткой сливового дерева одаривали бесплодную женщину с пожеланием ей «рода». В Пиринском крае (Болгария) для предупреждения Б. на плодовое дерево вешали свадебное знамя или венок невесты. Некоторые растения использовали, наоборот, для достижения Б. Например, чтобы избежать беременности, женщина ложилась на расстеленный папоротник или сразу после родов закапывала плаценту под тополь, не дающий семян.

Средствами избежать Б. считались семена бобов, горох, а также **зерно**, хлеб и

предметы, используемые для его приготовления; **пояс** и другое. Молодых на свадьбе осыпали зерном, сыпали пшеницу в ботинок невесте и пр., см. также **Бобы**. В Полесье бесплодные женщины спешили сесть на место, где лежал свежевыпеченный хлеб или даже прямо на буханку хлеба; в Сербии — выпрашивали куски хлеба у нищего или у путника на дороге. На свадьбе невесту усаживали на **дежу**, дотрагивались до молодых хлебной лопатой и т.д. Против Б. подпоясывались вербовым прутом, клали на ночь под голову пояс священника и т.д. Эффективным средством от Б. считались также предметы с отверстиями (кольца, монеты с дыркой, хлебные изделия в виде кольца и т.п.).

Для достижения Б., главным образом при насылании порчи, использовались атрибуты погребальной обрядности (нитки от покрывала покойника, земля с могилы, кость мертвеца), а также предметы, состоящие из двух частей (замок с ключом, складной нож, сцепленные пряжки ремня). Например, клали замок и ключ по разные стороны дороги, где проезжала свадьба, затем закрывали замок на ключ и забрасывали в колодец или хранили у себя, чтобы при необходимости разомкнуть его, избавляя от Б.

Предупреждение и лечение Б. осуществлялись с помощью действий, символизирующих разрывание, развязывание, разъединение. Южные славяне разрывали одежду бесплодной женщины или священнослужителей. В Полесье черепки от разбитого на крестинах горшка клали бездетным в подол фартука или на голову.

Пересчитывание предметов, пальцев и т.п. служило средством для достижения временного Б. Например, чтобы определить количество лет, в течение которых новобрачная не забеременеет, она подсчитывала зерна проса или бобов, захваченные с собой к венчанию; узелки, завязанные на своем поясе; спицы колес свадебной повозки; трубы или черепицу на крышах домов; страницы, перелистываемые священником во время венчания. Стремясь обеспечить себе временное Б., невеста садилась, подкладывая под себя (или за пояс) столько пальцев, сколько лет хотела оставаться бесплодной.

А.А. Плотникова

БЕССО́ННИЦА — болезненное состояние, приписываемое воздействию на человека нечистой силы. Сон могли отобрать, по народным поверьям, «ночница», «щекотиха-будиха», «лесная баба», «полуношник», ведьма (в.-слав.), «плачки», «маруды», «богинки» (з.-слав.), «горска майка», «бабицы», «юда», «вила» (ю.-слав.) и другие мифологические персонажи.

Жители Смоленской губ. представляли себе «ночницу» в виде женщины в черном, которая неслышно проникает в дом, дотрагивается до спящего, отчего тот лишается сна. Беспрестанный плач ребенка по ночам был для белорусов свидетельством того, что «ночница» посещает дом и пристает к новорожденному. Русские северных областей приписывали детскую болезнь «ночная плакса» воздействию злого духа, беса или домового. Если дитя долго не засыпает и плачет по ночам, то в Архангельской губ. это объясняли тем, что к нему «пристал полуношник», которого надо отогнать, или что «матенка-полуноценка» забавляется с ребенком.

Чтобы предотвратить Б., соблюдали ряд особых правил поведения и запретов. Например, нельзя было ложиться спать без молитвы и не перекрестившись; качать пустую колыбель; оставлять на ночь пеленки во дворе; после захода солнца запрещалось выливать на улицу воду после купания ребенка и т.п. Чтобы не спровоцировать плохой сон младенца, не давали взаймы хлебную лопату и жар из своей печи. Широко известно поверье, что если при посещении роженицы гость не присядет в доме хотя бы на мгновение, то новорожденный будет страдать бессонницей.

Для избавления от Б. использовалось множество приемов и ритуалов, направленных на отгон или отпугивание нечистой силы: на ночь подкладывали под подушку предметы-обереги (нож, топор, ключ и замок, веретено, гребень и т.п.);

крестили на ночь окна и двери кочергой либо кочергу оставляли под колыбелью; к потолочной балке подвешивали старый веник; сметали мусор в четырех углах дома и сыпали его в угол колыбели; выставляли за двери перевернутую вверх прутьями метлу. Надежным отпугивающим средством считались и так называемые «покойницкие» предметы: при плохом сне человека окуривали свечой, побывавшей в руках умирающего; подкладывали под подушку зуб мертвеца; сыпали за ворот рубашки человеку, страдающему Б., песок с заброшенной могилы.

При лечении детской Б. часто носили ребенка в курятник или в загон для свиней. Когда вечером куры уже сидят на насесте, мать с младенцем заходит в курятник, бросает кусок хлеба и говорит: «Курочки-рябочки, возьмите хлеб-соль, а Мариночке дайте сон!» (Полесье).

Заговорные формулы сопровождали многие магические приемы от Б., их произносили, поднося ребенка к окну, печи, вынося его во двор, при входе в курятник или свинарник, на мусорной куче, на перекрестке дорог, под деревом. С просьбой забрать Б. и отнести ее в далекие места, в пустые горы, где петух не поет, где собаки не лают и т.п., обращались к заре, вечеру, звездам, месяцу, к дубу, березе, вербе, к лесным зверям, птицам. Часто их просили забрать Б., а взамен дать спокойный сон: «Заря-заряница, красная девица! Возьми бессонницу, а младенцу дай сон и доброе здоровье». В других заговорах пытались воздействовать на самих духов — виновников Б.: их уговаривали оставить ребенка в покое: «Шитуха-бытуха, полуношница, не играй с моим малышом, а играй с ветрами, с мышами за печкой» (с.-рус.); заключали с ними договор: «У меня есть сын, у тебя — дочка, давай посватаемся, побратаемся: на моего сына сонливицы и спячки, а на твою дочку плаксивицы и неспячки» (укр.); старались отогнать от дома: «Криксы-вараксы! Идите вы за крутые горы, за темные леса от младенца» (с.-рус.); высказывали в их адрес прямые угрозы: «Глаза тебе выколю, зубы поломаю!» или «Сквозь сито тебя просею, топором изрублю!» (ю.-слав.).

Лит.: *Виноградова Л.Н.* Заговорные формулы от детской бессонницы // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. М., 1993. С. 153–164.

Л.Н. Виноградова

БЕСЧЍНСТВА — форма ритуального поведения («антиповедение»), характерная для ряда календарных и семейных обрядов, особенно для обходов ряженых (на **святки**, **масленицу** и др.), ночных бдений (вокруг купальского или пасхального костра, в ожидании «игры солнца») и др. молодежных обрядов и сборищ. Элементы Б. встречаются в свадебном и погребальном обрядах, при проводах в армию. Б. в той или иной степени характерны для всех славян, но наибольшее распространение и наиболее устойчивые формы получили в обрядности восточных и западных славян.

Состав действий, относящихся к Б., стереотипен: тайный вывоз или вынос со двора пахотных орудий (борон, сох, плугов), транспортных средств и их деталей (телег, саней, лодок, тачек, оглобель, колес и т.п.), домашней утвари (ручных мельниц, мялок, ступ, ульев, бочек, корзин, лавок, лестниц и т.п.), дров, старой одежды, обуви, соломы, пряжи и т.п.; перемещение этих предметов на чужой двор, на дорогу, на перекресток, за село, в поле, к реке, в лес, на гору, на кладбище, в овраг, в реку, в прорубь, в колодец; затаскивание их на крышу, на дерево, на колодезный журавль; переворачивание, опрокидывание, разбрасывание, разрушение, разламывание, разбирание на части, иногда сжигание плугов, телег; разваливание поленницы дров, стогов сена, сваливание заборов, снятие ворот, калиток; заваливание, подпирание, замыкание, завязывание дверей, ворот; затыкание, закрывание трубы (стеклом, соломой, тряпками); замазывание окон, стен, ворот, калиток, дверей, дверных замков дегтем, сажей, мелом, глиной, грязью, нечистотами; возведение преград — на улице, на дороге в виде баррикад из краденых вещей; натягивание ниток поперек ули-

цы, дороги, от дома к дому; выведение из хлевов скотины, привязывание ее к дверям дома, угон со двора; пугание шумом (битье в косы, сковороды, кастрюли, «молотьба» цепами под окнами, привязывание к дверям колотушек, трещоток и т.п.), чучелами, пугалами и др. Деструктивный характер, время и место совершаемых действий, а также типичные мотивировки (отогнать, напугать ведьму, преградить пути нечистой силе и т.п.) сближают Б. с другими обрядами проводов, отгона и символического уничтожения нечистой силы (ср. изгнание Зимы, Масленицы, ведьмы, русалки, болезней).

Как правило, Б. совершает мужская часть молодежных групп, но возможны и ответные действия девушек — на следующую ночь или в следующий праздник. Б. приписываются также персонажам нечистой силы (**домовому**, **русалкам** и др.).

Объектом или адресатом Б. бывают либо соседи, либо девушки на выданье, не вышедшие замуж или отказавшие женихам, не вышедшие на гулянье и т.п. В первом случае Б. придавалось магическое охранительное и продуцирующее значение: потерпевшие не только не обижались на молодежь, но, напротив, сочли бы себя оскорбленными, если бы их обошли. Наутро после Б. хозяева собирали похищенные вещи по всему селу или извлекали их из кучи нагроможденных предметов. Во втором случае Б. приобретали ярко выраженный матримониальный характер: ворота снимали во дворе девушки и относили на двор ее кавалера; нитки или пряжу натягивали между домом девушки и парня и т.п. Этот вид Б. характерен, главным образом, для западных славян, карпатской, отчасти, полесской и севернорусской зоны. Иногда адресатами Б. выступали поочередно девушки и парни.

В обрядности западных славян Б. связаны преимущественно с новогодним кануном (реже с рождественским сочельником, кануном Андреева дня, дней св. Екатерины, св. Люции), в меньшей степени с масленичным циклом (обычно канун Пепельной среды), иногда со средопостьем (Польша), кануном 1 мая (днем свв. Филиппа и Якуба). У восточных славян новогодние Б. особенно характерны для Украины и Русского Севера. Преимущественно летом совершались Б. в Белоруссии (в ночь на Ивана Купалу) и в южнорусской зоне (на Петров день), реже на масленицу.

У южных славян свидетельства о Б. крайне скудны. Некоторые элементы Б. присутствуют в масленичных обходах ряженых (например, заваливание дверей дровами в отместку хозяевам за недостаточно щедрое угощение — западная Босния), хотя преобладают другие формы «забав»: стук, грохот, шум, борьба и драки, фривольные шутки, задирания, воровство (главным образом, еды из дома) и т.п. Наибольшую близость к восточно- и западнославянским Б. обнаруживают северодалматинские обычаи, приуроченные к кануну 1 мая, когда парни ходят по селу, крадут все, что им попадается (прежде всего орудия труда, повозки и т.п.), переносят предметы из одного двора в другой.

С.М. Толстая

БИТЬЁ ПОСУДЫ — ритуально-магическое действие, характерное для семейных, календарных и окказиональных обрядов, а также для народной медицины. Может иметь как позитивную направленность (пожелание богатства, плодородия, счастья), так и негативную (символика уничтожения, несчастья, смерти). Различается битье старой и новой посуды, целой и порченой, пустой и наполненной.

Б. п. в свадебном обряде, известное всем славянам, ассоциировалось с дефлорацией или родами. У русских утром после первой брачной ночи будили молодых, разбивая **горшки** о двери помещения, в котором те спали, или около постели; после этого молодая подметала черепки, а ей бросали деньги. В Калужском крае горшки били в знак того, что молодая была «цельная», а в эту ночь «разбилась». На Украине и в Белоруссии обычно били посуду, выражая свою радость по поводу того, что молодая оказалась невинной. У сербов молодая переворачивала чашу с водой или вином

или наступала на нее и разбивала, чтобы ей было легко рожать.

Б. п. осмыслялось как пожелание счастья новобрачным. Чехи бросали новый горшок под ноги коня во время проезда свадьбы через деревню, чтобы молодая не знала бед. В Сербии, когда жених отправлялся за невестой, ему подавали чашу с вином, он отпивал и бросал чашу через левое плечо, а сваты топтали ее ногами.

Множество осколков и черепков от разбитой посуды символизировало умножение в семье и хозяйстве. В Архангельской губ. в конце свадебного обеда кидали горшок на печку, приговаривая: «Сколько черепья, столько ребят молодым». В Польше вечером перед свадьбой дети били о двери дома старые горшки и другую посуду, «чтобы у молодых все прибывало». На Украине жених бросал назад горшок с водой и овсом, причем считалось, что если брошенный горшок разобьется, то у молодых родится сын, а если останется целым, то дочь или молодые останутся бездетными.

У восточных славян Б. п. встречается и в крестинном обряде. В конце крестинного обеда повитуха ставила на стол горшок с **кашей** и предлагала разбить его тому, кто даст больше денег; горшок разбивали, и если круто сваренная каша не рассыпалась, то это считали предвестием достатка и благополучия в семье. В Полесье черепки от разбитого горшка кидали в подол, на голову или за пазуху молодым женщинам, чтобы у них было много детей.

Б. п. в похоронном обряде, известное у восточных славян, поляков и сербов, имело значение оберега и символизировало удаление покойника, а также предметов, бывших с ним в соприкосновении, за пределы дома. Русские разбивали горшки, из которых обмывали покойника. В Белоруссии родственница покойного бросала ему вслед зерна, чтобы он не лишал хлеба оставшихся в живых, а после этого разбивала сосуд из-под зерна об **угол** дома. На Украине после поминального обеда мыли посуду и сливали воду в горшок, хозяйка относила его на кладбище, выливала все на могилу, а горшок разбивала. В Поднестровье вдова покойного разбивала после выноса тела новый горшок. В Польше над головой покойника ставили перевернутый горшок, на котором горел огонь; когда гроб выносили, этот горшок несли за ним и разбивали перед церковью, причем черепки выбрасывали куда-нибудь, где никто не ходит (см. **Переворачивание**). Сербы на следующий день после похорон шли на могилу, окуривали ее, а тарелку, в которой были угли, разбивали около **креста**.

В Польше на Страстной неделе совершали символические «похороны жура» — традиционного постного блюда; парни разбивали горшки с журом (или пеплом, нечистотами) о стены или двери домов. К середине Великого поста у поляков приурочивался обряд «выбивания Средопостья»: наполняли золой старые горшки и миски и разбивали их о двери домов; парень бросал горшок с золой перед девушкой, девушка — перед парнем. Украинцы Волынской губ. в **Юрьев день** ходили в поле, где устраивали трапезу, а затем били посуду «на счастливый урожай». В Полесье для вызывания дождя в колодец бросали краденые горшки и кувшины, разбивая их при этом.

В народной медицине Б. п. призвано испугать и прогнать **болезнь**. У восточных славян, поляков, словаков и сербов при конвульсиях накрывали ребенка корытом и сверху разбивали горшок. У украинцев и белорусов били горшок над головой больного, чтобы «отпугнуть лихорадку». Словаки варили лекарственный отвар из трав в новом горшке, который потом разбивали.

В приметах Б. п. могло предвещать или несчастье и смерть, или удачу и богатство. Если посуда разобьется при гостях, то это добрый знак, а если без гостей — плохой (белорусы). Если посуда бьется, то это сулит прибыль, если ломается — убыток (украинцы). Разбить посуду на Рождество — к смерти или несчастью в будущем году (словенцы), у словаков несчастье сулила и посуда, разбитая под Новый год. По русскому поверью, горшки бьются от того, что в доме кто-нибудь свистит.

А.Л. Топорков

БЛАГОВЕ́ЩЕНИЕ — один из главных праздников в календаре православных славян (25.III/7.IV), менее значим в католических традициях. По церковному канону, двунадесятый праздник, посвященный дню, когда архангел Гавриил известил деву Марию о будущем рождении Христа. В народном календаре отмечается как начало весны, как день «открытия земли», пробуждения ее ото сна, выхода из земли гадов, змей, лягушек, мышей, насекомых, появления нечистой силы; как пора прилета птиц, пробуждения пчел, медведя (соотносится с **Воздвижением** и Усекновением, 29.VIII/11.IX, как днями «закрытия земли» на зиму, погружения ее в сон). Б., подобно Рождеству, предвещает и магически предопределяет весь грядущий год.

Ко дню Б. приурочены многие обряды встречи весны. В Белоруссии молодежь забиралась на возвышенные места, на крыши бань, гумен, на поленницы дров и «гукала весну», иногда одновременно жгли костры — «палили зиму» или «грели весну».

У всех славянских народов с Б. связывается прилет птиц из **ирия**: в этот день встречали аистов, пекли лепешки в виде лапы аиста, дети выносили их во двор, подбрасывали и кликали аиста: «Бусню, бусню, на тебе галепу, дай мне жита копу!», затем их раздавали всем членам семьи или только детям, иногда подбрасывали в гнездо аистам (Полесье). У южных славян и на Карпатах Б. считается днем прилета или начала кукования кукушки, возвещающего весну. У русских на Б. выпускали птиц на волю, «чтобы они пели во славу Божию» и принесли счастье тому, кто их освободил.

С Б. у восточных славян начинается пахота, ибо «Бог благословил землю на сеянье». Часто в этот день ходят к пчелам. В Закарпатье хозяин на Б. не выходил из дома, чтобы пчелы не улетали из улья. Болгары и сербы окуривали ульи дымом от тлеющих тряпок и навоза, чтобы к пчелам не приближались змеи и мыши. В польском Поморье на Б. освящали пчел.

К Б. приурочены очистительные обряды, цель которых — отогнать и отпугнуть вылезшую из земли нечисть — гадов, насекомых, нечистую силу, болезни. В Болгарии женщины, иногда дети на Б. до восхода солнца или на закате обходили двор с медным тазом, били по нему ложкой и кричали: «Убегайте змеи, Благовещение вас задавит!» (Добруджа). Битьем в металлические предметы на Б. отгоняли змей и сербы, считая, что змея летом будет держаться от дома на таком расстоянии, на какое распространяется лязг металла. Змей отгоняли также огнем, поджигая мусор, тряпки, старую обувь, солому, конский и коровий навоз и др. В целях оберега применялись и задабривающие действия. Македонцы в р-не Велеса на Б. готовили змеям что-нибудь сладкое (*благо*), чтобы змеи были *благи* и не кусались. У южных славян запрещалось в этот день упоминать змей и ящериц, протягивать веревки, волочить что-нибудь по земле, продевать нитку в иголку, брать в руки иголку, веретено (Полесье) и т.п.

Для защиты от мух, блох и др. насекомых старались при еде не пролить ни капли и не уронить ни крошки. На Б. запрещалось подметать в доме и особенно выбрасывать мусор на огород или поле, т.к. считалось, что от этого разводятся сорняки. К очистительным обрядам относятся также умывание в источнике или реке на рассвете на Б. (сербы), побелка дома (украинцы, белорусы), мытье хлебной дежи (Полесье) и др.

Благовещенские костры считались защитой от болезней, сглаза и нечистой силы. Русские жгли соломенные постели, старые лапти, прыгали через огонь и окуривали одежду. Чтобы предохранить скот от эпидемий, сербы на Б. прогоняли его меж двух костров; в канун Б. в полночь гасили в очагах огонь и добывали «живой огонь».

На Б., как и в другие большие праздники, особенно опасались нечистой силы, защищались сами и оберегали скот. По верованиям болгар, на Б. самовилы и самодивы возвращаются из своих жилищ, где они пребывали со дня Усекновения. На Б. на рассвете они купаются в реках, источниках, колодцах, поэтому утром на Б. опасно ходить к воде.

К Б. приурочены магические ритуалы, гадания, предсказания здоровья, сча-

стья, удачи, богатства, урожая, погоды и т.п. Заботились о том, чтобы в этот день быть здоровым, сытым, хорошо одетым, иметь при себе деньги, потому что так будет весь год (Болгария, Македония, Карпаты). У восточных славян в одну благовещенскую просфору запекали копейку, и кому такая просфора доставалась, тот считался счастливым и удачливым, ему поручали начинать сев или другие работы. Кусочки просфоры клали в семена, зарывали по углам поля от града и засухи, клали в первый сноп, в сусек, чтобы мыши не ели зерна; просфору брали с собой при засеве, привязывали к сеялке, использовали для лечения лихорадки и т.п.

Повсеместно соблюдался строгий запрет на любую работу в день Б. («На Благовещенье и птица гнезда не вьет»). Особенно строгим был запрет прикасаться к земле, «беспокоить землю» до Б. Нарушение запрета грозило засухой и другими бедами. Во избежание засухи и градобития запрещалось топить печь и готовить еду на Б., а также расчесывать волосы — иначе куры будут «расчесывать» грядки.

Лит.: *Толстые Н.И. и С.М.* Благовещение в славянских народных обрядах и верованиях // Введение в храм. М., 1998.

С.М. Толстая

БЛАГОПОЖЕЛА́НИЕ — текст, содержащий пожелание добра, и ритуал его произнесения. Б. регламентирует и взаимоотношения между людьми, и контакты человека со сверхъестественными силами, способными обеспечить его благополучие. Важная особенность ритуала Б. — участие в нем чужого, постороннего по отношению к данной семье (роду, социуму) человека (см. **Свой — чужой**).

Б. чаще всего исполняется в календарных обрядах, обрядах хозяйственного цикла, некоторых окказиональных ритуалах, в родинно-крестинном и свадебном комплексах.

Обязательный компонент Б. как ритуала, имеющего диалогическую основу, — вознаграждение за пожелание. В ответ на высказанное гостем Б. хозяин обязан был угостить его за столом, одарить продуктами, деньгами, вещами или ответным благопожеланием. В текстах Б. присутствует мысль о прямой зависимости судьбы и достатка в хозяйстве от вознаграждения ритуального гостя, ср. такие мотивы Б., как «дайте нам много, чтобы у вас было еще больше», «сколько вы нам подадите, столько мы вам пожелаем» и т.п. Поверье о том, что хозяину, одарившему ритуального гостя, Бог воздаст сторицей, определяло и поведение гостя, обязанного принять угощение, от которого нельзя было отказываться.

Сами тексты Б. очень сходны в разных славянских традициях, главным образом благодаря единству основных их структурных типов. Среди них побудительные формулы со словом «пусть» («Пусть у вас будет полная кошара овец»), пожелания, вводимые союзом «чтобы» («Чтобы сваты и свахи не выходили из хаты!»), и императивные формулы («Будь здоров, как вода, расти, как верба»).

Лит.: *Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н.* Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор. М., 1994.

Т.А. Агапкина

БЛИЗНЕЦЫ́ — в народных представлениях носители одной судьбы, воплощение двойничества, связанного с отрицательной семантикой числа «два». В западной Боснии считали, что для семьи (дома) и для всего села плохо, когда рождаются Б., и лучше, когда один из Б. умрет и тем самым унесет с собой все несчастья, а оставшийся избежит беды. В Словакии нередко появление Б. воспринималось как позор или даже как кара за грехи. Широко известен запрет беременной есть что-либо «близнечное», сдвоенное, сросшееся: плоды, яйца с двумя желтками и т.п. Сербов Верхней Пчини не радовало рождение Б. в семье, но появление Б. у скотины оценивалось положительно, как признак того, что скот будет хорошо вестись и год будет урожайным. В некоторых болгарских зонах (Пловдивский край, Велико-Тырново) рождение Б. считалось счастьем, приносящим дому удачу, благополучие, уро-

жай и приплод. В Полесье в одних местах полагали, что рождение Б. приносит радость и даже прибыль в хозяйстве, в иных, наоборот, считали, что «двойнята никогда не будут жить: один обязательно умрет» либо, если родятся Б., «отец или мать умрет». По некоторым представлениям, если рождаются Б. — мальчик и девочка — счастья им не будет, они умрут, а если родятся Б.-мальчики или Б.-девочки, то они будут жить долго и счастливо. Отрицательная мифологическая сущность Б. ярко выражена в поверье, что Б. появляются в результате их зачатия в канун «дедов» (поминальных дней), т.е. в такие дни, когда запрещалась супружеская близость.

Вера в общность судьбы и души Б. сказывается в сербском запрете присутствовать одному из Б. на свадьбе своего брата (район Нового Пазара). У боснийских сербов (район Власеницы) этот запрет распространяется и на похороны, и поминки: присутствие на этих ритуалах брата — близнеца покойника грозит ему неминуемой смертью. Болгары считали, что смерть одного из Б. может повлечь смерть другого. По этой причине исполнялся «целительный» обряд «раздвоения» Б.: на пороге дома разрубалась топором монета, и затем половинку, упавшую на двор, зарывали в могилу умершего Б., а другую оставляли в семье (Панагюриште). В других болгарских зонах при погребении одного из Б. в могилу ложился побратим живого брата (сестры) и говорил: «Умерший тебе не брат (сестра), отныне я тебе брат (сестра)» либо выбрасывал камень и говорил: «Отныне этот камень тебе брат» (Тетевенско).

У сербов известна традиция называть Б. близкими или почти одинаковыми именами (*Драго* и *Драгица*, *Стоян* и *Стоянка* и т.п.), соответственно тезки могли выполнять в некоторых обрядах ту же функцию, что и Б. У сербов и болгар к Б. приравнивались иногда и т.н. *одномесячники* и *однодневники*, т.е. дети, родившиеся от одной матери или в одной семье (доме) в один и тот же месяц (день) или в один и тот же день недели. В случае смерти с ними нужно было совершать тот же обряд «раздвоения», что и с Б.

Кровная, единоутробная связь Б. была крепка и в то же время опасна, но эта же связь могла направляться на защиту от внешней пагубной силы — чумы, заразы, эпидемии, града и т.п. В сербской, болгарской, македонской, отчасти польской традициях в обряде **опахивания** села почти обязательно участие Б. Пахали чаще всего Б.-братья на Б.-волах, в отдельных зонах волы эти были непременно черными (Косово и Метохия, центральная Македония — Штип), или при опахивании носили и закапывали в землю двух черных петухов одного выводка (Лесковацкая Морава). Такое опахивание часто сочеталось с обрядом добывания «живого огня», который нередко совершали Б. В северо-западной Белоруссии и в центральном Полесье практиковалось опахивание села от холеры или других болезней Б.-мужчинами и Б.-волами.

В юго-западной Сербии в районе Призрена для защиты от чумы две сестры-Б. со схожими именами ткали за ночь обыденное полотно, одновременно совершалось опахивание села близнецами братом и сестрой на волах-Б. В центральной Македонии (Велес) опахивание от чумы совершалось Б.-девушками и Б.-буйволицами. В Польше (Серадзское, Краковское, Люблинское воеводства, Куявы и др.) хлебные поля опахивали Б.-волами для предотвращения градобития.

Н.И. Толстой

БЛИНЫ́ — блюдо, обрядовое использование которого известно у восточных славян, главным образом у русских. Основная символика Б. связана с представлением о смерти и потустороннем мире: Б. посвящают умершим, символически кормят ими души предков, передают Б. на «тот свет» в гробу с покойником и т.п. Особое значение в обрядах имеет горячий, первый Б. и Б., испеченный последним, сухой, лежащий сверху в стопе, в гаданиях — соленый Б.

В день погребения на стол ставят кипу Б.: старший из присутствующих мужчин разламывает первый Б. и кладет на окно для покойника. На похоронах и

поминках первый горячий Б., как и хлеб, не режут, а рвут на части и раскладывают на окнах, чтобы паром от него питалась **душа** умершего. Б. иногда кладут на грудь умершему, в гроб, на могилу. Блинами поминают на могиле, а остатки отдают нищим странникам. На следующий день носят завтрак покойному, тоже оставляя Б. на могиле. Б. пекут на девятый, на сороковой день и в последующие поминальные дни, а также в календарные поминальные («родительские») праздники. Считалось, что кто *печет* Б. на поминки, *печется* о насыщении души умершего. Поминальные Б. разносят по домам, приносят на могилу, в церковь, раздают нищим. В Белоруссии Б. пекут на **«деды»**, чтоб «дедам» (предкам) «пара пошла». Б. используют и как оберег от мертвых, которые часто являются во сне. Для этого с горячим Б. садятся на порог и приглашают к себе умерших обедать.

Б. на масленицу — повсеместное угощение, главным образом, у русских. Первый Б. посвящают Власию или умершим. Его кладут «родителям» на слуховое окно, божницу, крышу или могилу, дают нищим в память о предках или съедают за упокой усопших. В Прощеное воскресенье или в субботу идут с Б. на кладбище «прощаться с родителями». В обряде похорон **Масленицы** блин дают в руки чучелу Масленицы. Б. пекут также на **Вознесение**. Их называют «Христу онучи», «Христовы (или «Божьи») онучи». Их пекут на счастье, берут с собой в поле. Наряду с другими видами хлеба Б. пекут и на Рождество. Первый Б. в Сочельник дают овцам — от мора, скоту отдают остатки Б. и рождественской кутьи. Под Рождество хозяин с кутьей и Б. выходит звать мороз на ужин (см. **Приглашение**).

Разнообразно использование Б. на свадьбе. Угощение Б. накануне свадьбы сопровождается в некоторых местах символическими «похоронами» **невесты** или упоминанием покойника. Невеста в это время должна как бы «умереть» как девушка, чтобы потом «воскреснуть» в новом качестве. После брачной ночи молодых кормят Б., устраивают «блинный стол», мать невесты присылает Б. к выходу молодых из бани. Повсеместно у русских теща угощает зятя Б. в конце свадьбы. Во время угощения невеста старается вырвать у жениха первый Б., чтобы получить власть над мужем. По способу поедания женихом Б. судили о девственности невесты: если она оказывалась «нечестной», жених ломал блин, прокусывал у него середину, откладывал взятый Б. и больше не ел, дарил теще дырявый Б. или клал на Б. не целый рубль, а мелочь, если молодая «не цела».

С Б. девушки гадают о замужестве, чаще всего на святки (обычно для этого используют первый или соленый Б., от которого откусывают все гадальщицы): с Б. под мышкой, за пазухой или на голове выбегают или выезжают на кочерге на улицу и дают его первому встречному мужчине, узнавая его имя; оставляют его на перекрестке «жениху на вечеринку»; наступив на него ногой, слушают на мусорной куче: откуда залает собака, оттуда ожидается жених, и т.п.

Символика Б. в фольклоре, как и в обрядах, связывает их со смертью и с небом как с иным миром. Так, в сказке старик лезет на небо и видит там избушку из Б. В сказке солнце на небе печет на себе Б. (ср. украинскую пословицу: «Вона своїм носом чує, як на небі млинці печуть»). В подблюдных песнях Б. предвещают смерть (смерть несет Б. на блюде).

А.В. Гура

БОБЫ́, ф а с о́ л ь — стручковые растения и ритуальная пища в поминальной и календарной обрядности (у южных славян более распространена фасоль). Зерна этих растений широко использовались в магии плодородия, народной медицине, гаданиях. Семантика и функции Б., фасоли сходны с семантикой гороха и ряда других сыпучих предметов с характерным признаком множественности (**зерно**, орехи).

Сербы в поминальные дни бросали Б. «душам», чтобы, накормив их, отогнать от жилища, что связано с древними индоевропейскими представлениями о Б. и фасоли как о пище мертвых. В Закарпатье записан рассказ о ночном посещении детей мертвыми родителями, кото-

рые варят Б. и фасоль; в горных районах Польши горшок с Б. ставят в гроб умершему (ср. кашуб. «грызть боб» — умереть); болгары клали бобовое зерно в рот покойнику, чтобы он не превратился в вампира.

Как одно из святочных блюд, приготовляемых в канун Рождества, Нового года и Крещения, Б. или фасоль известны у южных славян, на Карпатах, в Подгалье и западной Словакии. В Сербии и Боснии поданное на стол блюдо из жидкой фасоли пробовали по кругу, первую ложку его выкладывали на скатерть. Использовали и бобовую муку: словенцы пекли из нее новогодний обрядовый хлеб «бобов дед». На Карпатах и в Полесье готовили пирог с запеченными внутрь Б., фасолью. Известны и запреты на употребление Б. на святки, мотивируемые возможностью заболевания. Остатки бобовых и фасолевых блюд скармливали курам, коровам, разбрасывали в поле «от сорняков», сохраняли для лечения.

Как праздничная постная пища Б. и фасоль используются во многих других календарных обрядах, особенно у южных славян (например, в дни святых Варвары, Андрея и др.). Б. часто бывают компонентом обрядового блюда, приготовляемого из смеси зерен и круп. Широко распространен обычай одаривать Б. участников обходных обрядов (**полазннка**, исполнителей обряда «пеперуда» и т.д.).

Б. символизировали семя, плод, зародыш, а поедание Б. — зачатие. В восточной Сербии невеста брала с собой столько Б., сколько лет она не хотела иметь детей, а по прошествии срока сеяла их и съедала выросшие Б., чтобы родить ребенка. В Родопах бездетная женщина сажала Б. в черепе убитой змеи и по количеству всходов определяла количество будущих детей. Известное карпатским украинцам, русским и полякам выражение «наесться бобов, гороха» означает «забеременеть».

В народной медицине Б., фасоль используются главным образом для лечения болезней горла и разного рода нарывов, оспы, кори, бородавок и других болезненных образований на коже, обнаруживающих внешнее сходство с бобами. Например, болгары зерна Б. поджаривали, натирали ими чирьи на теле и высыпали под камень со словами «когда прорастет этот боб, тогда у меня появятся чирьи».

Гадания с Б., происхождение которых связывают с византийской традицией, известны по всей Юго-Восточной и Восточной Европе, особенно у южных славян и русских (ср. *кинь бобами, будет ли за нами?*). Наиболее типичные способы гаданий — захватывание Б. в горсть, рассыпание кучками с дальнейшим пересчитыванием, раскладывание на столе по определенной системе, подбрасывание над столом и т.п. Таким образом гадали о виновнике порчи, кражи, об урожае, замужестве, жизни и смерти. В народных толкованиях снов Б. ассоциировались со слезами, т.е. со смертью, бедой и т.п.

В фольклоре широко распространен сказочный мотив о выросшем из бобового (горохового) зерна фантастическом дереве, по которому люди могли попасть на небо. Южнославянские легенды о происхождении Б. повествуют, что Бог приложил много усилий, создавая бобовое зерно, поэтому оно такое твердое; при этом Бог сломал ноготь, что видно по отметине на бобе.

Лит.: *Плотникова А.А.* Бобы, фасоль и горох в символике рождения и смерти // Кодови словенских култура. Београд, 1996. Књ. 1. С. 47–55.

А.А. Плотникова

БОГ — в книжно-церковной традиции верховная сущность, обладающая высшим разумом, абсолютным совершенством и всемогуществом, Творец неба и земли, Промыслитель Вселенной, начало изначальное, вечное, духовное и бесплотное. Слово *бог*, известное всем славянам, первоначально было связано с представлениями о благе, **богатстве** и о персонаже, наделяющем благом, богатством. В народной традиции Б. обычно выступает во плоти — в виде старца с бородой, живущего на небе (в большом дворце, на троне и т.п.), но нередко в виде ходящего по земле в одиночку странника, нищего и т.п. или в сопровождении **свя-**

тых. Б. способен при этом перевоплощаться или исчезать, подобно другой сверхъестественной силе, в том числе нечистой. Б., начальствующий над **ангелами**, вместе со святыми противостоит роду сатанинскому, прежде всего **бесам**, **чертям** и всей нечистой силе. С ними Б. соперничает в делах мирских и человеческих и борется различными способами (ударом грома и т.п.).

Народная религия славян изобилует мотивами дуалистического мироощущения, согласно которому **небо** принадлежит Б., а **земля** — дьяволу, правая сторона — Б., а левая — дьяволу и т.д. Гельмольд свидетельствует в «Славянской хронике» (XII в.), что славяне на пирах пускали вкруговую жертвенную чашу, произнося заклинания от имени богов, а именно — доброго Б. и злого, считая, что все преуспеяния добрым, а все несчастья злым Б. направляются и поэтому злого бога называют дьяволом, или **Чернобогом**, т.е. черным богом (ср. также **Белобог**). Религиозный дуализм нашел свое яркое выражение в средневековом богомильстве, с которым связаны многие апокрифы и народные легенды. Слово *бог* может означать в диалектах и персонажей нечистой силы вроде сербского *бог из воде* — «черт» (часто в ругательствах). Ср. также украинское *богиня* — «злой дух, обменивающий младенцев», сербское *богине* — «оспа», польское **богинка**.

В народном мифологическом восприятии Б. противопоставлен человеку, который смертен и после смерти отдает Б. свою душу (ср. рус. *Богу душу отдать* — умереть). Б. обитает на небе, а человек (люди) — на земле, и потому оппозиция «небесный — земной» в ряде случаев приравнивается к оппозиции «божеский — человеческий» и «верхний — нижний».

В славянских народных песнях и легендах распространены мотивы и сюжеты, в которых Б. предохраняет от беды, предотвращает грех (кровосмешение и т.п.), исцеляет больных, калек, немых, спасает утопленников, мучеников, защищает от огня, совершает чудеса, распределяет роли среди святых, наделяет людей богатством (золотом и серебром), женит Солнце, дает Месяцу «меняться», а Солнцу сиять, принимает облик старца, пастуха, золотого дерева и др. Эти мотивы особенно характерны для южных славян. В этой же зоне, особенно в Болгарии, в колядках нередки мотивы рождения молодого Б. (см. **Богородица**, **Рождество**, **Христос**).

Славянское язычество до крещения отдельных славянских народов отличалось политеизмом со значительной долей пантеизма и явным тяготением к монотеизму, к т.н. верховному богу, что отметил еще Прокопий Кесарийский в книге «Война с готами» (середина VI в.): «Славяне и анты считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего». Такие дохристианские представления фрагментарно сохранялись в фольклорных, обрядовых и апокрифических текстах вплоть до XX в. Более близкое к книжно-церковному восприятие Б. содержится в духовных стихах. В южнославянских фольклорных текстах Б. часто ходит по земле и совершает чудесные дела вместе со св. Иоанном или св. Петром, у восточных славян — со св. Николаем и св. Петром. Св. Никола у восточных славян считался «заместителем» Б.

Имя Б. часто употреблялось в клятвах и проклятиях (при божбе).

Н.И. Толстой

БОГА́ТСТВО — изобилие земных благ, связываемое с представлением о доле, судьбе, удаче, благосклонности **Бога**, предков и др. сил. Общинное, семейное, личное Б. составлял прежде всего скот (ср. связь значений «скот» и «имущество» у славян и др.), обилие урожая и земных плодов, а также золото, серебро, деньги. Древнейшими символами Б. были **шерсть**, мех (овчина, мохнатая шуба, пряжа и т.п.), **волосы**, **зерно**, **муравьи**, пчелы, капли воды (дождь), **земля** (горсть земли) и т.п., т.е. предметы с общим признаком множественности. Б., изобилие, плодородие, благополучие — основная цель многочисленных ритуалов в составе календарных и семейных обрядов, прежде всего связанных с мотивом первого дня, начала (Новый год,

Рождество, родины, свадьба), а также **гаданий** (о судьбе, замужестве) и примет.

Чтобы стать богатым, умывались в Великий четверг водой, в которой лежали золотые и серебряные вещи, монеты; клали деньги под подушку новорожденного (у сербов — при первом посещении младенца), трясли кошельком или хватались за монеты (у всех славян — при появлении молодого месяца, у словаков — при куковании кукушки в канун Юрьева дня, у русских — при первом куковании, у восточных славян — при первом прилете аиста, первом громе и т.п.), либо бросали горсть земли через голову (у словаков — при первом куковании кукушки, если не было денег под рукой), осыпали зерном закопанный послед (у поляков — после рождения младенца). Осыпание зерном известно во многих других обрядах.

Б. предвещают и вызывают т.н. *двойчатки*: яйцо с двумя желтками (болгары), орех с двумя ядрами (русские). Словаки и западные украинцы верят, что человек с волосатым телом должен быть богатым. Б. приносят шерсть, мех, вывороченный кожух, пряжа — все, что мохнато, а не «голо». В русском крестинном обряде (Воронежская, Казанская, Саратовская губернии) было принято нести младенца в церковь и обратно на кожухе, «чтобы был богатым». Так же поступали русины на Карпатах, а в Полесье мать при последнем кормлении ребенка грудью сажала его на вывороченный кожух.

Русские, отправляя молодых в церковь на венчание, сажали их на шубу, «чтобы богато жили» (Владимирская губ.). Там же даже в самое жаркое время наряжали невесту к венцу в шубу, «чтобы ей жить в приволье».

Дождь на свадьбе означал, по верованиям полешуков и хорватов (Самобор, около Загреба), благословение и Б. Предвестниками Б. у болгар и македонцев считаются муравьи, если они появляются около дома или в доме. Черные тараканы — признак Б. и изобилия, потому при новоселье их переносили в новый дом (Тамбовская губ.); их исчезновение предвещало пожар. Тараканов не изводили совсем, а выгоняли из избы «лишних»: баба в одной рубахе объезжала трижды верхом на помеле избу, приговаривая: «Гребу и мету лишних тараканов и посылаю их за Б.». В Вятском крае объезжали дом верхом на ухвате или кочерге в Чистый понедельник утром натощак, «чтобы из дому Б. не уплыло». У восточных славян было широко известно верование, что Б. может принести цветок папоротника, если его сорвать в ночь на Ивана Купалу.

В Полесье считали, что без домовика (домового) в доме и селе не может быть Б. Это указывает на связь Б. со сверхъестественной и нечистой силой. Большим Б. владеют дьявол (черт), змий (змея), домовой и т.п. Дьявол покупает за Б. души. Ср. поговорку: «Не посадишь душу в ад — не будешь богат».

Для сохранения Б. в определенные периоды, дни и время суток стараются не давать и не брать взаймы некоторые предметы и продукты. Так, в Прилепе (Македония) в Великий четверг не давали закваску из дома, чтобы с ней не ушло Б. На Вологодчине беременная, желающая Б. будущему ребенку, не берет ничего взаймы. У белорусов, когда в доме была **толо́ка**, не одалживали огня, т.к. с ним могло уйти Б. и благосостояние; огонь они называли *багатцем*. Македонцы считают, что видеть во сне пожар в своем доме — к Б. (Прилеп). Пчелы во сне тоже к Б.

О Б. часто гадают. Так, на Русском Севере при гаданиях в бане или овине на Крещение, если банник (овинник) прикоснется к голой спине и заду мохнатой мягкой рукой, жизнь у девушки будет богатая, если же жесткой и голой — бедная. В северо-восточной Украине (на Сумщине) тогда же ходили в хлев щупать в темноте корову: прикосновение к рогам означало бедность, к заду — Б. Словачки на св. Андрея гадали на зернах: пшеничное зерно сулило жениха богатого, а овсяное — бедного. В Закарпатье (Нижний Синевир) хозяйка в сочельник, когда пекла *крачун* (обрядовый пирог), надевала овчинный тулупчик шерстью наружу и рукавицы, чтобы в доме в новом году было Б.

Н.И. Толстой

БОГИ́НКА — женский мифологический персонаж, вредящий роженицам, беременным женщинам и обменивающий детей. Представления о Б. известны в Польше, на польско-украинском и польско-словацком пограничье.

Б. чаще всего представляют в виде нескольких (обычно трех или двенадцати) безобразных женщин, высоких, худых, бледных, с отвислыми грудями, вздутым животом и распущенными длинными волосами. Им приписывают зооморфные черты — гусиные, куриные или собачьи ноги, зубы в виде свиных клыков, крючковатый нос. Реже Б. имеют вид красивых молодых девушек. Б. могут принимать облик собак, кошек, лягушек, иметь вид тени, тумана или пара, поднимающегося над водой.

Обычно полагают, что Б. происходят из «нечистых» покойников: самоубийц, женщин, умерших во время родов или в послеродовой период до введения в костел, девушек, умерших до свадьбы, детей, умерщвленных своими матерями, ведьм, грешников, старых дев. Ими становились также дети и женщины, украденные Б.

Б. обитают около водоемов, в подводных ямах, на болотах, в норах, пещерах, оврагах. С весны до осени они живут в прибрежных зарослях, а на зиму уходят под воду. Временем, когда Б. наиболее опасны, считается полдень, ночь, а также время после захода солнца. Из дней недели наибольшая активность Б. приходится на **субботу**.

Основное занятие Б. — нападать на беременных, рожениц, а также женщин в период послеродового очищения, не совершивших обряд введения в костел. Появляясь под окнами дома, Б. зовут женщину по имени, привлекают танцами и пением и, выманив из дома, похищают ее, мучают, таскают по полям, бьют, измазывают грязью, сосут ей груди, выворачивают руки. Б. насылают на рожениц порчу и болезни, отнимают у них молоко. Беременных женщин Б. давят во сне, вынимают у них ребенка из утробы, выкармливают его своим молоком и превращают в демона, а женщину топят. Б. подменивают детей, особенно некрещеных (см. **Дети некрещеные**), рожденных вне брака, оставленных без присмотра, и превращают их в демонов, заставляя служить себе.

Б. могут нападать и на других людей, особенно на путников, которых сбивают с дороги и заводят в чащу, где убивают, топят или щекочут до смерти. Они особенно не любят мальчиков, которых стараются утопить, зато к девочкам бывают благосклонны, стирают им одежду и расчесывают волосы. Поляки полагают, что Б. могут вредить и скоту, гонять и пугать лошадей, заплетать им гривы.

Б. могут и сами рожать детей, обычно девочек; если рождается мальчик, он становится **водяным**. Мужьями Б. становятся обольщенные ими мужчины; иногда полагают, что они могут зачинать детей без мужей, оплодотворяясь от ветра.

Согласно поверьям, Б. купаются в водоемах и стирают белье на прибрежных камнях вальками или своими грудями, развешивают его на деревьях. Б. не любят, когда за ними подглядывают, и любопытных убивают вальками. Сидя на берегах, они расчесывают волосы, прядут, а также поют, визжат, бьют в ладоши, танцуют, увлекая прохожих в свой хоровод, чтобы «затанцевать» их до смерти.

Основным оберегом от Б. считался зверобой, который затыкали в окнах и дверях, клали у изголовья кровати женщины и в колыбель младенцу. Для защиты от Б. под голову роженице клали мужской пояс, железный предмет, в пеленку младенцу втыкали иголку, повязывали ему на руку красную ленту, ставили у кровати вилы.

Е.Е. Левкиевская

БОГОРО́ДИЦА (Богоматерь, Матерь Божья, Дева Мария) — в церковной традиции наименование Пресвятой Девы Марии, родившей Богочеловека Иисуса Христа. Постоянный эпитет Б. у православных славян *Пресвятая, Пречистая*, заменяющий иногда ее имя. Народный культ Б. отличается от церковного большей приземленностью: Б. — защитница от бед, нечистой силы, напастей и страданий, небесная заступница, отзывчивая, милосердная и участливая. Поэтому к ней нередко обращаются в народных мо-

литвах, заговорах, заклинаниях. Б. — излюбленный персонаж народных легенд, имеющих нередко книжный апокрифический источник. Б. считается покровительницей рожениц, что обусловливается мотивом материнства Б. (Матери Божьей) и этимологической связью слов *Богородица* и *роды*. У сербов при родах обращаются к Б. с просьбой о помощи или омывают водой икону с изображением Б. и дают эту воду пить роженице. Чтобы облегчить роды, в Сербии (Гружа) бабу на сносях заранее опоясывают веревкой, которая провисела в церкви у иконы Б. всю ночь. У болгар около Пловдива и в других зонах сразу после родов повитуха кадит роженицу, ребенка и молодок, чтобы они рожали, и затем переламывает обрядовый хлеб со словами: «Ну, святая Б., у кого нет — пусть будет, а у кого есть — пусть повторится» (речь идет о детях). Сразу после рождения ребенка (реже — на следующий день) болгары месят тесто для обрядового пирога и зовут его *богородична пита*. Сербки, страдающие бесплодием, молятся на коленях перед иконой или фреской Б., соскребают с нее краску, растворяют в воде и пьют ее, чтобы зачать.

С культом Б. у южных славян связаны легенды и ряд запретов в предрождественский период, когда Б. «мучилась с Христом». Поэтому сербы в Боснии в Сочельник не поют, а македонки в районе Велеса на святки не занимаются женским рукоделием. С Б. и рождением Христа связаны и болгарские колядные мотивы о деревьях, в том числе об осине. Б. искала в лесу чистое место для люльки с новорожденным Христом и нашла золотой граб, благословила его и повесила люльку. Все деревья поклонились, кроме ясеня, и она его прокляла, как прокляла и осину (болг. *трепетлика*) за то, что та продолжала трепетать, когда все деревья замерли. Замерли и все птицы, кроме кукушки, которая тоже была проклята Б. Аналогичные легенды известны в сербском и македонском фольклоре.

В русской народной традиции культ Б.-матери сближается и сливается с культом матери-земли. Так, в р-не Переславля Залесского еще в начале XX в. существовал запрет бить колотушками на пашне сухие комья земли и тем самым «бить саму Мать Пресвятую Богородицу». Крестьяне Дмитровского уезда Московской губ. в первый день Пасхи ставили икону Б. в лен и сыпали ей «в глаза» горсть овса. Старообрядцы Забайкалья считали, что если в Иванов день — день разгула нечистой силы — «не закрыть корову в стайку с иконой Б., а двор не обойти с воскресной молитвой и не закрыть с нею все ворота, корову обязательно испортят, и она начнет доиться кровью».

Народное почитание Б. связано с т.н. богородичными праздниками — **Благовещением**, Рождеством Пресвятой Б., Введением во храм Пресвятой Б., Успением Б. В некоторых районах Польши (у кашубов, в Подгалье и др.) эти праздники назывались именем Б. и соответствующим сезону или хозяйственному периоду эпитетом, напр., «Травяная» (15.VIII), «Посевная» (8.IX), «Ручейная» (25.III) и т.п.

По севернорусским легендам, Б. на Пасху ходит по земле; по белорусским легендам, ее можно увидеть плачущей в предвестье какой-либо беды. У восточных славян, особенно в русской традиции, в прошлом широко праздновались дни памяти прославленных икон Б. — Казанской (8.VII), Смоленской (28.VII), Владимирской (23.VI), Тихвинской (26.VI) и др.

Многие народные легенды о Б. связаны с апокрифами. У сербов в Боснии есть поверье, что из свечей, поставленных Б. за души покойников, Б. плетет сеть для их извлечения из ада и перемещения в рай. Украинцы Галиции бросали в воду по течению перевясло конопли, веря, что из нее Б. выпрядет нитки и сделает сеть, чтобы забросить ее в адское пекло и вытащить оттуда грешные души. По одной из болгарских легенд, *Божа майка* заснула, но затем ее разбудил св. Петр, чтобы показать ей чудо: как спасенные молитвами грешники переходят из ада в рай по тонкому конопляному волокну. Легенды эти близки к апокрифу «Хождение Б. по мукам». К нему, вероятно, восходит и болгарское верование, что все грешные души в аду

по просьбе Б. освобождаются от мук раз в году — от Страстного четверга до Троицы. Другой известный апокриф — «Сон Пресвятой Богородицы» используется почти у всех славян или в виде амулета (список на листке бумаги), или как молитва-апотропей. Согласно сербской легенде, Б. перед рождением Христа видела сон, как небо переломилось пополам, а потом снова соединилось, а сама Б. после смерти вознеслась на девятое, высшее небо. Южнославянские народные духовные и эпические стихи содержат молитвы и сюжеты о том, как Б. помогает женщине во время родов, пестует ребенка, заключенного в темницу, кормит грудью осиротевшего младенца, восседает со святыми за райской трапезой и т.п. Подобные мотивы присущи и фольклору других славянских народов.

Н.И. Толстой

БО́ЖЬЕ ТЕ́ЛО, праздник Тела Господня — праздник, введенный в обиход католической церковью в память об установлении Христом таинства евхаристии (причащения); отмечается в девятый четверг после Пасхи. Его особенностью были массовые церковные процессии по селу и вокруг посевных полей, которые совершались в первый день Б. т. и затем через неделю, т.е. в следующий четверг, называемый «Октавой Божьего Тела». В народной традиции содержание обрядности примыкает к комплексу обычаев, характерных для Зеленых святок (см. **Троица**) и Иванова дня (см. **Иван Купала**): сбор целебных трав и цветов, плетение венков, украшение зеленью домов, дворов, улиц, храмов; освящение растений; защита людей и скота от нечистой силы.

Л. В.

БО́ЖЬЯ КОРО́ВКА — жучок, мифологическая символика которого раскрывается в его многочисленных наименованиях и обращенных к нему закличках.

Славянские названия Б. к. соотносятся с персонажами мифологического сюжета «свадьба Солнца», который разыгрывается в болгарском обряде Иванова дня — «енева буля». На роль невесты Солнца-Ивана (Еню) выбирается девочка, одетая в красное, как крылья Б. к., свадебное покрывало. Ее солнечная природа проявляется в запрете ставить девочку на землю — «чтобы земля не сгорела». К девочке как к прорицательнице обращаются с вопросами о свадьбе, жизни и смерти, урожае и хозяйстве. Подобная же тематика свойственна и гаданиям с Б. к., например, ее спрашивают о жизни и смерти: «Божья коровушка, / Жить ли мне, / Умереть ли мне / Или на́ небо лететь?» Ср. мотив смерти в украинском поверье: кто растопчет Б. к., у того в семье кто-нибудь умрет.

Центральному персонажу болгарского обряда (невесте и жене Солнца-Ивана) соответствуют названия Б. к. типа «божья девочка» (болг.), «невеста/невестка» (болг., макед.), «жена» (пол.), «девица» (пол., луж., укр.), «сиротка» (пол.), «предсказательница/ведьма» (укр. *ворожка*, словен., с.-х.), названия от имен мучениц, «невест Христовых» (чаще всего Екатерины, Елены, Аполлонии, Магдалины, Варвары, Вероники, Ульяны) и др. Мифический жених представлен лужицкими, чешскими, польскими, белорусскими и украинскими наименованиями Б. к. типа «солнышко» и рус. «Иван» (*иванчик*, *ивашка*, *ванька*, *ваня-женишок*). В названиях Б. к. типа «коробка/сундук/чан» (рус., чеш., словац., с.-х.), возможно, находит соответствие и один из атрибутов упомянутого обряда — специальный сосуд, используемый в гаданиях об урожае и замужестве.

Помимо этого, в названиях типа «мара» можно видеть отголосок западнославянской **марены**, в названиях типа «кукушка» — мотив души мифической невесты («души Марьюшки», как она именуется в песнях русского обряда крещения и похорон **кукушки**), в названиях типа «коровка» — символическое обозначение невесты (ср. рус. *коровка* «невеста» и символику свадебного **каравая**). Названия Б. к. типа «кума, посаженая мать» (болг.) соотносятся с рядом болгарских обрядовых персонажей: с «кумой» — девушкой, предводительницей **лазарок** в обряде «лазарования» (ср. название Б. к. *лазарка* у македонцев), за-

вершавшемся в Вербное воскресенье кумлением, избранием «кумицы» и угощением девушек в ее доме; с персонажем ивановского обряда «енева буля» — «кумой», вынимающей перстни девушек и предсказывающей им женитьбу; с посаженой матерью («кума») на свадьбе.

Возможная связь «кукушечьих» названий Б. к. с русским обрядом крещения и похорон «кукушки», для которого характерно кумление его участниц, подкрепляется ритуальным кумлением в болгарской обрядности Вербного воскресенья. Мотив кумления — связующее звено между болгарскими и македонскими названиями Б. к. типа «кума» и украинскими и польскими типа «кукушка». Б. к. роднит с кукушкой и роль предсказательницы в гаданиях о женитьбе и смерти, а также роль посредницы между разными мирами — ср., например, обращение к Б. к. у чехов: «Божья коровка, куда полетишь — на небеса или в ад?»

Названия, определяющие Б. к. как мать (например, рус. *коровушка-матушка*), соответствуют образу этого насекомого как матери детей в детских закличках (рус. «там твои детки кушают котлетки»). Связь между названиями типа «девица» и типа «мать» подкрепляется христианским осмыслением Б. к. как девы Марии (в кашуб., макед. названиях) и одновременно Божьей Матери (в болг. названиях). С Марией как именем Богородицы связаны и некоторые названия Б. к. с компонентом *мара*. Возможно, Богородица заместила в этом случае некий языческий персонаж, связанный со смертью и болезнями. Поляки Малопольши называют Б. к. «коровкой Божьей Матери» и считают большим грехом убивать ее.

Название «божья коровка» согласуется с гаданиями о скоте у болгар: если под камнем, под который была положена снятая **«мартеница»**, окажутся Б. к., это значит, что будут хорошо плодиться коровы. Это название связывает также Б. к. с миром мертвых: ср. индоевропейские представления о загробном мире как пастбище, на котором пасутся души умерших. Названия типа «(божья) коровка (овечка, барашек, теленок и т.п.)» реализуют общую модель соотнесения насекомых со скотом.

Лит.: *Топоров В.Н.* Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (Coccinella septempunctata) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981; *Терновская О.А.* Божья коровка или ночь накануне Ивана Купалы (соотношение микро- и макроструктур) // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов. М., 1993. С. 41–55; *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 492–500.

А.В. Гура

БОЛЕ́ЗНЬ — состояние, осмысляемое как результат воздействия на человека или домашнее животное нечистой силы, в том числе демонов болезней, ведьм, колдунов, а также людей с дурным глазом и пр.

Демоны болезни имеют, как правило, антропоморфный облик: это может быть женщина, в том числе в белом или в черном (такова болг. Чума), неопределенная фигура, иногда — мужчина. Реже болезни предстают в облике кошки, медведя, свиньи и др.; в виде **гадов** и насекомых — **мыши**, **змеи**, **лягушки**, **бабочки**, мухи. Известен славянам и промежуточный облик демона болезни: в виде человека с зооморфными чертами (индюшачьими лапами, хвостом, клювом, копытами и пр.). Б. могла представляться иноземцем (евреем, цыганкой) или незнакомцем (например, жителем соседнего села). Считается также, что болезнь могут олицетворять столб пара, туман, облако, дым.

Одна болезнь иногда персонифицируется в виде некоего множества существ (7, 12, 40, 77 и др.), ср. представление о сестрах-лихорадках — дочерях царя Ирода. В заговорах они получают имена собственные, часто в соответствии с симптомами болезни (ср. болгарское название оспы *Баба Шарка* и др.), ср. также **Лихорадки**.

Появляются Б., как и **Смерть**, с косой; иногда с луком и стрелами, с платком, рассеивающим заразу; часто в со-

провождении нечистой силы и нечистых животных — **сов**, филинов, **летучих мышей**. Они обходят села пешком, ездят на колеснице, летают по воздуху и на тучах или в вихре, могут ездить верхом на человеке (особенно когда им надо переправиться через воду). Б. обитают там, где земля сходится с небом; часто около воды и источников, на разного рода границах; в болотах, колодцах, в пустынных местах и глухих лесах.

Б. мыслится как наказание человека за нарушение тех или иных запретов, например, запрета на работу в праздник (в этом случае человека могут наказать болезнью и святые, которым этот праздник посвящен). Наказание могло постигнуть человека за оскорбления, нанесенные им природе: за то, что он помочился на огонь или под **деревом**; за матерную **брань**, оскорбившую не только мать, но и Мать-сыру землю, и др. Чаще же человек наказывается за те или иные нарушения, совершенные им в отношении демонов: человек вторгся на место трапезы **вил**; срубил дерево, вблизи которого обитали демоны, и т.п. Человек наказывается и за неосторожность, нарушение бытовых предписаний: болезнь проникает в дом и в человека через незакрытые двери, через оставленные непокрытыми сосуды с водой, через рот во время чересчур громкого смеха, зевка или разговора.

Б. могут застать человека на открытом пространстве, но часто они сами приходят в село к людям, выясняют имена своих будущих жертв: обходят село и помечают их дома, а затем поражают свои жертвы криком, голосом (окликают человека, и если он откликнется, то заболеет), касаются его, облизывают, жалят, целуют, дуют нездоровым дыханием.

Б. как живое существо поселяется внутри человека, в его органах, мучает, выедает или высушивает его изнутри. Чаще всего такое состояние описывается как результат проникновения в человека пресмыкающихся, земноводных и насекомых (жаб, червей, мух, ящериц), ср. в этой связи выражения типа «у него мухи в голове», характеризующее человека со странностями. Обычно это происходит во время сна или во время еды (с пищей или питьем). Этих животных можно увидеть в тот момент, когда после их изгнания, производимого знахарем или священником, они покидают тело человека, чаще всего через рот.

Среди приемов народной медицины значительное место занимают магические действия, символизирующие физическое изгнание и уничтожение болезни. Они производятся над самим человеком, а также над некоторыми предметами, ему принадлежавшими или с ним связанными: одеждой, волосами, ногтями, пóтом и др. Наиболее типичными способами уничтожения являются сожжение, смывание, выбрасывание и удаление болезней; передача Б. другому лицу (подбрасывание в чужой дом) или природному объекту (например, дереву); отправка болезни на «тот свет» (подкладывание предметов в гроб или закапывание их в землю); рассыпание, рассечение болезни, пускание ее по реке, рассеивание по ветру, отпугивание и изгнание шумом, стрельбой, криками. Считалось также, что можно избавиться от болезни путем ее задабривания, кормления (выложить для нее обрядовую пищу), обмана или оскорбления (ритуальное обнажение, брань). Для избавления от Б. широко использовалась и словесная магия, прежде всего заговоры и заклинания.

Т.А. Агапкина

БОРОДÁ — в народной традиции, как и **волосы**, символ жизненной силы, плодородия, роста и обилия (ср. **Волосы**); с точки зрения церковной традиции — «образ Божий», а также знак, отличающий православного от католика.

В Древней Руси Б. была эквивалентом мужского и человеческого достоинства. В русском обычном праве — знак зрелости, социальной полноценности, поэтому лишение Б. являлось ритуализованной формой унизительного наказания. Согласно «Повести временных лет», в XII в. Ян Вышатич, слуга князя Святослава, распорядился выдрать Б. языческим волхвам в наказание за колдовство. Согласно «Псковской судной грамоте» (XIV–XV вв.), за повреждение Б. другого

человека полагался наивысший штраф в два рубля, тогда как за убийство взимался лишь один рубль. Показателен также характерный способ оскорбления противника — плюнуть ему в Б.

Обычай брить Б. довольно рано установился у западных и южных славян, а также у украинцев. У чехов существовал обряд пародийного ритуального бритья всех мужчин в селе в первый день Великого поста: женщины брали бритву, вместо мыла — кусок репы, вместо зеркала — дощечку и, обходя мужчин-односельчан, имитировали бритье. «Выбритый» мужчина платил женщинам деньги, на которые те устраивали угощение. У болгар процедуре ритуального бритья подвергался жених перед свадьбой.

Русские и белорусы долго сохраняли обычай носить Б. Для Московии ношение Б. было более характерно, чем для севернорусских земель. Молодые, т.е. социально незрелые люди, могли не носить Б. Бритье было введено на Руси Петром I, обложившим ношение Б. налогом.

С точки зрения православных обычаев, Б. — деталь образа Божия. Пострижение Б. и усов в допетровскую эпоху считалось тяжелым грехом и сравнивалось с мужеложеством и прелюбодейством, наказываясь отлучением от церкви. Запрет брить Б. объяснялся тем, что человек создан по подобию Божию и, следовательно, грешно по своему своеволию чем бы то ни было искажать этот облик. Противники Петровских реформ утверждали, что «таких людей, кто бороды бреет, не велено в земле погребать», а следует «яко же пса кинуть в ров», поэтому многие сохраняли свои насильно отрезанные Б. и завещали положить после их смерти в гроб, чтобы предъявить на «том свете». Старообрядцы до сих пор считают, что без Б. невозможно попасть в царство небесное, и запрещают входить в церковь бритому человеку, а если старообрядец, живущий «в миру», брился и перед смертью в этом не покаялся, его хоронят без выполнения похоронного обряда. У белорусов еще в XIX в. считалось, что на «тот свет» нельзя являться без Б., поэтому тяжело больные люди специально отращивали Б.

Б. — символ богатства, изобилия и счастья. В Полесье, к примеру, лен и коноплю должен был сеять человек с густой Б. и волосами, чтобы такими же густыми были всходы. Сербы касались монетой Б., желая, чтобы денег было столько же, сколько волос, а македонцы, продав скотину, чесали монетой Б., приговаривая: «Сколько волос в этой бороде, столько пусть будет благополучия и изобилия!» Согласно сербским поверьям, увидеть во сне себя бреющимся или постриженным означает убыток, несчастье, а увидеть себя косматым или бородатым — прибыль и удачу. Словенцы пожелание друг другу счастья, богатства и благополучия выражали фразой: «Длинной бороды, полного кошелька, хорошего настроения!»

У православных существовал ряд предписаний и запретов, связанных с Б.: запрещалось мальчику смотреть в дежу, иначе у него никогда не вырастет Б. Если женщина нарушит запрет ходить во время месячных в церковь (т.е. будет игнорировать специфику женского поведения), у нее вырастет Б. У сербов существовал запрет бриться и стричься в течение недели после Рождества, чтобы не утратить здоровье.

Отсутствие Б. характерно для представителей потустороннего мира и колдунов. Часто отмечается бесплодность, бездетность колдунов, внешним выражением которой является отсутствие вторичных половых признаков, в том числе Б. и бровей. Характерно, что бесы на русских иконах изображались безбородыми и вообще безволосыми. Белорусы считали, что у ведьмы на верхней губе растут усы, зато нет обычной для женщины растительности на теле.

Е.Е. Левкиевская

«БОРОДА́» — пучок последних несжатых колосьев, оставленных в поле (пригнутых к земле, скрученных жгутом, заплетенных косой, связанных ниткой, украшенных цветами и т.п.); реже — горсть срезанных колосьев, связанных в букет. Символизирует окончание жатвы

(наряду с последним снопом и жатвенным венком), передает продуцирующую силу **зерна** будущему урожаю; известна преимущественно у восточных и южных славян.

«Б.» осмысляется как жертва Богу, святому — покровителю урожая, Христу, полевому духу, полуднице, мышам, зайцам, птицам. Ср. ее названия: рус. *богова, божья борода, Илье-пророку борода, Ильюшкина борода, Николина бородка, Николе, Христу на бородку, Покрову, Богу, Спасу, Илье на бороду, Богородице косица, Елене на косу*; укр. *Спасова борода, Спасу на бороду* и т.п.

«Борода» — последние колосья, оставленные в поле после окончания жатвы. Подлясье, Польша. 1962 г.

«Б.» делает молодая жница, у которой живы родители (болгары), или самая ловкая. Запрещалось плести «Б.» бездетной женщине из боязни, что это повредит плодородию. Для «Б.» берут самые красивые колосья.

«Б.» оставляли с поклоном **полевику** с приговором: «Дай Бог, чтобы на другое лето был хороший урожай!» (ярослав.). Колосья пригибали и прижимали камнем к земле; к ним прикрепляли предметы с продуцирующей или апотропейной семантикой: монеты, чеснок, старую шапку, лапоть; обвязывали их красной ниткой, **мартеницей**, «чтобы жито было красное». Обряд завивания, плетения «Б.» включает прополку и рыхление земли вокруг связанных колосьев, «чтобы в следующем году было чистое жито»; посев зерна из колосьев «Б.», закапывание колосьев, хлеба и соли в землю рядом с «Б.», вытрясание крошек хлеба и брынзы из торб жнецов (белорусы, украинцы, болгары); обливание водой или водкой «Б.», серпов, положенных вокруг нее, самих жнецов, омовение рук через «Б.», чтобы получить частицу ее плодоносной силы (Полесье, Белоруссия, Польша, Болгария); кувыркание или катание по земле, стерне или колосьям около сплетенной «Б.», «чтобы жито ложилось от плодов». Иногда перевязанные лентой колосья с «Б.» отрезали, освящали в церкви на Спасов день, хранили до сева и добавляли в семена. Сделав «Б.», водили вокруг нее хороводы и пели обрядовые песни (Белоруссия, Полесье, белорусско-русское пограничье), обходили ее три раза и благословляли ниву на плодородие, а жнецов на здоровье (болгары). После этого «Б.» срезали и несли хозяину, за что он угощал жниц или давал деньги. Хозяин, принимая от жниц жатвенную «Б.», прикладывал ее к подбородку (болгары, македонцы, белорусы). У болгар Баната «Б.» у жнецов забирала самая старая женщина в доме и поливала ее водой.

Лит.: *Зеленин Д.К.* «Спасова борода», восточнославянский земледельческий обряд сбора урожая // *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1934. М., 1999; *Терновская О.А.* О некоторых сходствах и различиях в жатвенной обрядности славян // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

В.В. Усачева

БОРОНА́ — земледельческое орудие, использующееся в народной традиции в ритуально-магических целях. Символи-

ка Б. определяется ее внешним строением. Наличие зубьев сообщает ей свойство оберега и ставит ее в один ряд с другими зубчатыми и острыми предметами (вилами, граблями, **гребнем** и т.п.). Зубья обусловливают и фаллическую символику Б., противопоставляя Б. земле как мужское начало женскому. Защитные свойства мотивируются также решетчатостью Б. (подобно берду, **ситу**) и наличием крестообразной основы и плетеных узлов (подобно **сети**). Ячейки между переплетениями Б. имеют магическую функцию: сквозь них можно увидеть нечистую силу (как и через хомут, рукав, калач и т.п.).

Б. используется в качестве оберега, что отражено и в самом ее названии, связанном по происхождению с обороной, защитой. Так, с целью оберега от нечистой силы обходили село с Б. на голове в купальскую ночь или ставили Б. в хлеву возле коровы, чтобы уберечь скот от **ведьмы**. В руках же самой ведьмы Б. становилась орудием насылания порчи: если она сядет под Б., как под корову, и станет «доить» ее зубья, то пропадет молоко у чужих коров. Чтобы помешать ведьме летать на Б. по дворам и отбирать молоко, в купальскую ночь сжигают в костре найденную где-нибудь старую Б. С помощью Б. выслеживают ведьму: садятся в хлеву под Б., через которую можно увидеть ведьму, приходящую к коровам, самому оставаясь при этом незамеченным. В Белоруссии перед поминальной трапезой через Б., поставленную в дверях, прогоняли души умерших, приговаривая: «А кишь, душечки, на обед: малые через Б., а старые через дверь!» Зуб Б. вбивают в голову мертвецу, если опасаются, что он станет **вампиром**.

Фаллическая (эротическая) символика Б. представлена в обрядах и поверьях, имеющих отношение к браку и деторождению, в фольклорных текстах эротического характера. Считалось, что если в поле забудут Б., к девушкам в деревне не будут свататься женихи. Найдя такую Б., девушки сообща тайком прятали ее в овине или в **крапиве** или рубили и раскидывали подальше. Под Петров день Б. носили на голове из деревни в деревню — в какую принесешь, туда и замуж выйдешь, а на Новый год девушки топором секли украденную Б., чтобы после святок к ним приехали сваты, а зубья разбрасывали по полю. Б. используется при родах. Так, пословица «Жена родит — муж песок боронит» отражает обычай заставлять мужа боронить песок при муках роженицы. Зуб Б. клали новорожденному мальчику под подушку, дабы не пресекся род. Под новый год трясли Б. со словами: «Бороначка, трусися, так ты, курачка, нясися». Б. фигурирует в частушках любовно-эротического содержания: «Уж я шел стороной / Борновать бороной, / Борона железная — / Поцелуй, любезная!» С темой замужества связан обычай волочить Б. по деревне. В канун Петровского поста или в Иванов день волочили краденые Б., чтобы в деревне было больше свадеб. На масленицу таким образом «выборанивали» девок, чтобы выдать их замуж. На святки волочение Б. представляло собой вид девичьего гадания: где выпадут зубья, там быть свадьбе. Брачная символика и символика плодородия проявляется в обычае катания на Б. зубьями вверх (иногда на сохе, в корыте, тачке, на скамейке) молодых, тещи, свата, неженатого парня, повитухи.

Б. используется также в обрядах вызывания дождя. Во время засухи объезжают на Б. вокруг села, боронуют дорогу, высохшее русло реки или болото.

А.В. Гура

БРАК — один из важнейших социальных институтов, связанный с определенной системой ритуальных форм, мотивов и символов.

Наиболее обычен Б. путем договора сторон, который находит выражение в церемониях свадебного сговора, скрепления брачного договора (рукобитье при свидетелях, дача залога, оглашение помолвки, письменная роспись приданого), в публичном засвидетельствовании Б. широким кругом участников свадьбы и односельчан, в выставлении молодых пар на всеобщее обозрение на масленицу. Заключение Б. путем умыкания невесты упоминается в «Повести временных лет» (начало XII в.). Следы купли

невесты сохраняются в обряде выкупа невесты у ее брата, в символической продаже ее косы, в приговоре свата «У вас товар, у нас купец» и т.п. Из форм Б. средневековые источники сообщают о многоженстве у славян, реже о многомужестве. В некоторых местах известен пробный брак, когда свадьба откладывалась до рождения ребенка либо невеста возвращалась к родителям, получая вознаграждение.

Помимо обычного, встречался Б., при котором зятя брали в дом жены. Такого жениха иногда сватала сама невеста, он участвовал в девичнике, готовил приданое, назывался в шутку «молодухой»; говорили, что он «выходит замуж», а невеста «женится» на нем. В повторный Б. чаще всего вступали друг с другом вдовы и вдовцы, т.к. считалось, что овдовевшие соединятся на том свете со своим первым супругом. В первый же Б. с ними вступали неохотно из опасения остаться на том свете без пары. Уличенных во внебрачной связи переодевали в одежду противоположного пола и с позором водили по улицам. При разводе супруги или свидетели разрывали над проточной водой или на перекрестке дорог полотенце, пояс, что-либо из одежды.

Наиболее обобщенный символ Б. — **круг**. Б. заключался путем обхода молодых вокруг дерева, озера, дома, церкви, аналоя, стола, **дежи** и т.п., оборачивания кругом на одном месте; предметными символами служили кольцо, венок, круглый каравай и кольцеобразный калач; отсюда многие свадебные термины: «окручаться» (выходить замуж, жениться), «крученка» (любовная связь), «крутить», «повивать» (менять прическу и девичий головной убор на женский), «окрута», «повойник», «завивало» (головной убор замужней женщины) и др. Символом заключения Б. является перемена невесте прически и головного убора, а также связанное с этим покрывание и раскрывание головы невесты на свадьбе.

Символика Б. как «перехода» выражается в преодолении препятствия, границы, водного пространства: перепрыгивание девушек на Пасху через сани, чтобы выйти замуж; перескакивание во сне через стену как предвестье замужества; переезд молодых через огонь, через реку по пути к венчанию и т.д. Б. символизируют и различные способы сведения жениха с невестой, сажание их рядом на «посад», опоясывание, соединение голов, волос, связывание рук, рукобитье, связывание кочерги с помелом для удачного сватовства, «запрягание» молодых и т.д. Идея брачного соединения и скрепления передается также в свадебных песнях, в которых просят сковать венец, свадьбу; в выражении «свадьбу ковать» (играть свадьбу), в поговорке: «Не куй меня, мати, к каменной палате, прикуй меня, мати, к девичьей кровати!» Б. символизируют также добывание и поимка: мотивы охоты, ловли рыбы, осады города, полона в свадебном фольклоре, охотничьи и рыболовные орудия в свадебном обряде. Действия разрушения и разделения несут в себе идею расторжения связи с прежним состоянием: в свадебных песнях — мотивы топтания травы, ломания калины и т.п., в самом обряде — битье горшка, ломание ложек после угощения, дележ каравая, преломление хлеба над новобрачными и др. Символика Б. раскрывается в противопоставлении чета — нечета (парное число кольев частокола, поленьев в охапке как предвестье Б. в гаданиях, роль обуви в свадебном обряде). Цветовые символы Б. (см. **Цвет**) — белый и красный: белое или красное покрывало, фата невесты, красно-белое свадебное знамя, красный кушак свата и т.д.

Символический Б. — мотив различных фольклорных текстов, обрядов и представлений. Известны фольклорные сюжеты о свадьбе солнца с девушкой, сказки о Б. сестер с солнцем, месяцем и вороном, с ветром, градом и громом. У болгар в Иванов день наряжают в свадебную одежду девочку — символическую невесту Еню (Ивана). Мотив Б. отражен в представлениях, связанных со смертью: в похоронах умерших до Б., оформляемых как свадьба, в сказках и быличках о женихе-мертвеце, в приметах (услышать ночью свадебную музыку предвещает смерть, свадьба снится к смерти и наоборот). В народной демонологии вихрь представляется как свадьба

чертей; существуют поверья о Б. чертей с ведьмами, черта с утопленницей, а также нечистой силы (водяных, змея и т.п.) с людьми. В сказках с мотивом чудесного супруга круг персонажей, вступающих в Б. с людьми, еще шире: это животные, птицы, рыба, цветок, стихии и светила. Мотив «свадьбы предметов» — ступы с пестом, печной трубы с хатой, мотовила с набилками — представлен в обрядовых действиях и играх, преданиях, шуточных стихах и песнях, в бытовых действиях и фразеологии («женить горелку» — сливать водку в общую чашку на свадьбе, «женить квас, пиво» — разбавлять их водой, «женить серп» — обвязывать его колосьями). Любовно-брачные и свадебные мотивы пронизывают всю календарную обрядность — рождественскую, весеннюю, жатвенную.

Лит.: *Сумцов Н.Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881; Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988.

А.В. Гура

БРАНЬ, р у́ г а н ь — форма речевого поведения, наделяемая магической силой.

Матерная Б., с одной стороны, табуирована, с другой — ритуализована в семейных, календарных и земледельческих обрядах. У славян матерная Б. обычно оценивалась как черта мужского поведения. Согласно восточнославянским легендам, мужчина получил право ругаться в награду за почтительное отношение к Богу (указал ему дорогу), в то время как женщине запрещено матерно браниться, потому что она ответила руганью на вопрос Бога. В древнерусской апокрифической литературе и народной традиции (главным образом, южнорусской и полесской) запрет на матерную Б. связан с представлением о том, что она оскорбляет Мать-сыру землю (см. **Земля**), **Богородицу** и родную мать человека. От матерной Б. земля сотрясается, горит, проваливается; матерная Б. тревожит родителей, покоящихся в земле.

Существовали временные запреты на Б. (например, в сакральные дни — в Сочельник, на Пасху, в первый день сева, во время грозы). Запрет браниться в определенных местах объясняется тем, что Б. оскорбляет локальных духов-покровителей: нельзя браниться в доме и в лесу (этого не любят **домовой** и **леший**), там, где висят **иконы**, стоит **печь**. В Полесье недопустимым считалось бранить женщину (от этого под ней горит земля); у русских считалось опасным бранить детей (на «том свете» дети отвернутся от родителей; ребенка, которого выругали «черным словом», могут унести злые духи).

Как греховное, нечистое поведение Б. соотносится с демонологическими персонажами: бранятся домовой, **богинка**, **вампир**. Б. людей привлекает нечистую силу: в дом, где люди ругаются, проникают бесы, ангелы же покидают такое жилище.

Б. широко используется в роли оберега: ею прогоняют лешего, домового, русалку, ходячего покойника, вампира и т.п.; отгоняя градовую тучу, сербы бросали в нее молот и матерно ругались. Бранить могли человека (животное, предмет), которого хотели уберечь от злых сил. Сербские женщины при посещении роженицы бранили младенца, чтобы не сглазить его. Непристойные слова входили в македонские «пчелиные» песни, исполняемые в момент вылета нового роя, чтобы его не сглазили.

Б. в святочном обряде могла произноситься колядниками в адрес негостеприимных хозяев. Б. была важным компонентом пародийных святочных игр: во время игры «в покойника» у русских «отпевание» состояло из отборных ругательств. На Смоленщине, сжигая чучело Масленицы, принято было бранить ее; проводы масленицы сопровождались непристойными шутками и жестами. Непристойная Б., срамные песни, сопровождаемые заголением, исполнялись накануне **Троицы**, в Духов день (Смоленская обл.), **Семик** (Поволжье).

Б. в земледельческих обрядах имеет целью обеспечить плодородие земли и охрану посевов. Перед началом сева в Полесье рекомендовалось троекратно выругаться матом; в Пермской губ. сеятель раздевался донага и ударял мешком изпод льна по своим ногам, произнося непристойный приговор.

Употребление обсценных слов и выражений в свадебных шутках, песнях и приговорах связано с общей эротической окрашенностью обряда и ритуальными действиями, направленными на обеспечение плодородия и охрану от злых сил.

Некоторые свойства Б. (отраженные в ее эпитетах: *крепкая, злая, едкая*), могли использоваться в магических целях. В Полесье матерятся при изготовлении водки, чтобы она была крепкой. Украинцы Галиции, выкапывая растение «сонная одурь» (беладонна), проклинают и бранят его, чтобы увеличить его ядовитую силу.

Лит.: *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 53–128; Русский эротический фольклор. М., 1995.

БРА́ТЧИНА — сельская общинная, религиозно-общинная или городская ремесленная (цеховая) корпорация, имевшая своего патрона и годовой праздник. Словом *братчина* назывался также праздник или пиршество членов Б.

Русская Б. нередко сочеталась с храмовым, обетным или крупным годовым праздником («Никольщина», «Михайловщина», «Кузьминки» и т.п.), иногда бывала приурочена к окончанию сбора урожая, часто также к Ильину дню (20.VII/2.VIII). На Русском Севере для Б. особо выкармливали и закалывали жертвенного быка, вола или барана и варили его в большом котле. На Вологодчине в Ильин день пекли огромный каравай «для всего мира» (ради этого ломали устье печи) и 12 караваев поменьше. У русских братчинами назывались также общие празднования в складчину (*ссыпщина, ссыпка, мирщина*); существовали еще пивные Б., к которым относились и популярные в народе «никольщины» в честь «пивного бога» Николы (ср. рус. *наниколиться* — «напиться в Николин день»).

В Белоруссии и на юге России устраивались «свечные» Б. — общества, собиравшие в праздник меду и воску по десять пудов. Братчики делали большую свечу, зажигали ее «на куте» накануне праздника; она стояла в доме, пока происходил пир, затем на следующий день ее несли в церковь, освящали и возвращали в дом, где снова пировали (это называлось «гуляние свечи»), после чего свечу отправляли в дом того братчика, кому по очереди выпало держать свечу до следующей Б. В Боснии и западной Сербии также делали общую огромную «свечу пахарей», которую несли в церковь, освящали и зажигали по большим праздникам.

Католические Б. в Далмации и Хорватии брали на себя функцию призрения бедных и больных, они устраивали свои праздники в день святого — патрона Б., имели свой фольклор (песни, приговоры, танцы, театр). Первое русское свидетельство о Б. как о праздничной трапезе в Петров день и складчине дано под 1159 г. в Ипатьевской летописи. Б. восходит к дохристианским союзам: мужским (охотничьим, воинским), женским и девичьим. См. также **Жертва**.

Лит.: *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 382–387.

Н.И. Толстой

БУЗИНА́ — в народных представлениях воплощение и вместилище черта и т.п. (преимущественно в западнославянском, отчасти западноукраинском ареале); про́клятое, нечистое и опасное растение; отсюда ограниченное использование Б. в семейных и календарных обрядах и широкое ее применение в магии, оберегах, гаданиях, народной медицине. У русских и белорусов подобные представления и обрядовые функции связаны с **осиной**, **вербой** и некоторыми другими деревьями.

Б., по польским поверьям, существует от начала мира и потому была свидетельницей мифических протособытий (грехопадения Адама и Евы, убийства Авеля) и событий христианской истории (предательства **Иуды**).

Считалось, что под Б. и в ее корнях живет дух, демоническое существо (черт, бес и др.). В польском предании говорится о том, что первый бес поселился в огромной яме и посадил сверху Б., чтобы она охраняла его. На Украине верили, что Б. «насадил черт» и теперь по-

стоянно живет под ней. Поэтому ее нельзя выкапывать с корнем, чтобы не раздражать **черта**. На Западной Украине известны мифологические рассказы о лесных духах, обитающих в зарослях Б., о превращении вампира в куст Б. Сербы считали куст Б. местом обитания **вил**. Вместе с тем Б. — обиталище домашних духов, приносящих хозяевам добро, опекунов хозяйства (ср. **Дух-обогатитель**).

Отношение к Б. как к опасному растению отразилось в запрете выкапывать (выкорчевывать) Б., нарушение которого могло привести к смерти человека, несчастьям и различным болезням, а также к падежу скота. В случае необходимости для выкорчевывания Б. специально нанимали (в Польше, например) калек или душевнобольных.

На Украине и в Польше известна легенда о том, что на Б. якобы повесился Иуда (или дьявол), отчего ее листья и ягоды издают трупный запах, ее нельзя использовать в бытовых целях и т.п. Б. упоминается в проклятиях (ср. сербское: «Пусть у тебя на очаге вырастет Б.»). Известны мифологические рассказы о том, как человек не мог найти дорогу, блуждая вокруг куста Б.

В народной медицине чахотку, лихорадку, зубную боль и другие болезни символически «переносили» на Б. Под Б. закапывали колтун, выливали под нее воду, в которой купали больного ребенка, в надежде на то, что болезнь заберет дух, живущий под Б.; обвязывали Б. нитками из одежды больного и т.д. К Б. были обращены заговоры, которые читали под Б. при лечении зубной боли (у украинцев и поляков) и лихорадки (у чехов и мораван). Эти заговоры содержат мотивы «отсылки» болезни на Б. или договора человека с Б., ср. польский заговор: «Святая бузина, я тебя храню от сожжения огнем, а ты меня храни от зубной боли».

У чехов и словенцев девушки обращались к Б. во время гаданий о замужестве. На святки девушка шла к кусту Б., трясла его, говоря: «Трясу, трясу бузину, отзовись, пес, с той стороны, где живет мой милый», — и слушала, где залают собаки. Считалось, что во время гадания можно увидеть суженого в кусте Б.

У южных славян Б. широко применялась при укусах змей, скорпионов и ос, а также использовалась в народной ветеринарии. Ветки Б. использовались в качестве универсального оберега. Ими украшали дома, хозяйственные постройки, заборы, ворота и др. объекты для защиты от ведьм в канун **Юрьева дня** и дня **Ивана Купалы**. На Балканах ветки Б. (наряду с другими растениями) применялись в обрядах вызывания дождя. Ими украшали с ног до головы **додолу**, куклу Германа, а по завершении обряда сбрасывали ветки в воду.

Т.А. Агапкина

БЫК — в народной традиции особо почитаемое животное, воплощение силы и мужского начала; жертвенное животное.

В южнославянской космологии Б. (иногда буйвол или вол) — космофор, опора земли. В Сербии полагали, что земля держится на четырех Б. — черном (на западе), сивом, половом (на юге), белом (на севере) и красном (на востоке). Б., стоя в густой желтой воде, пьют ее и ею насыщаются, но они стареют и слабеют, и однажды у них подкосятся ноги, тогда земля даст трещины, желтая вода проникнет в них и будет всемирный потоп. Подобные верования известны алтайским, мусульманским, древнеиндийской традициям.

Б. как жертвенное животное известен на Русском Севере, в Нижегородской, Пензенской и Орловской губерниях. Собирая в праздник (Ильин день или др.) мужскую скотоводческую **братчину**, закалывали Б., которого выкармливали всей общиной, съедали его сообща и раздавали его мясо и сохраняли кости, которые якобы приносили удачу. Олонецкие охотники и рыболовы верили, что кость «ильинского» Б. утраивает добычу, и стремились на пиру захватить кусок бычьего мяса с костью, «чтобы захватить счастье», ибо «с тем, кто имеет ильинскую кость, всегда пророк Илья». Они же полагали, что жертвенный Б. «красного цвета» обеспечивает (через пророка Илью) ясную погоду во время жатвы и сенокоса. На Орловщине кости «оброчного» (см. **Обет**) Б. после братчи-

ны закапывали в хлеву, «чтобы не переводился скот в доме».

В селах вокруг Кирилло-Белозерского монастыря тоже приносили в жертву «обещанного» Б.: у Вещозера на храмовый праздник (Рождество Богородицы — 8.IX) у паперти закалывали Б., варили его мясо и раздавали нищим, а остальной «обещанный» скот продавали мясникам, вырученные деньги шли в пользу церкви. В тот же день, по преданию, приходили прежде к церкви олени и прилетали утки, а из Вещозера выходили особой породы быки. В Костромском крае при болезнях и падеже скота устраивали «Микольщину» («величали Великого Миколу»). Для этого «обещали» новорожденного бычка растить до трех лет, чтобы затем заколоть его до праздника зимнего Николы (6.XII) и справить обед на всю деревню. В восточной Сербии в Ильин день зарезали Б., варили его в большом котле и съедали всем селом сообща на месте *Петикладенци*, где было пять священных ключей-колодцев. В них люди умывались по пятницам и воскресеньям и оставляли деньги, на которые и покупали Б. В тот же день в Велесе (Македония) на «оброчном» месте собирались жители нескольких сел и после общей молитвы варили мясо Б. Болгары р-на Хаскова в понедельник, предшествующий дню св. Параскевы Пятницы (14.X), посреди села закалывали Б., варили мясо и съедали за общей трапезой.

В некоторых польских зонах Б. — центральный персонаж троицких обрядов. В Мазовии его покрывали старой сетью и обряжали цветами и ветками, вешали на рога венок из березы и гнали впереди стада либо на Б. сажали чучело рыцаря из ольховой коры и затем сбрасывали его наземь, называя этот обряд воловьей свадьбой. В Куявии Б., покрытый попоной, с цветами на рогах участвовал в торжественном шествии в сопровождении дюжины пастухов, дюжины девушек с цветами и музыкантов, которых встречала вся деревня.

В славянских местных преданиях известны духи — охранители ключей, источников, колодцев и озер, являющиеся в виде Б. Сербы в Метохии рассказывали, что в с. Црна Врана на Подриме из глубокого источника выходил большой Б. и нападал на сельских волов. Тогда кто-то из крестьян выковал железные наконечники на рога своего вола, и вол забодал быка, после чего источник пересох на десять лет. Сербы верили, что Б. охраняет клады, притом «чтобы выкопать клад, надо принести в жертву своего Б. и зарезать его на месте закопанного клада». В Западной Украине записана быличка о **полевике**, охранявшем криницу, в виде летучего Б., то бродившего около ключа, то исчезавшего.

По болгарским представлениям, Б. недосягаем для нечистой силы наряду с волком и медведем. С другой стороны, нечистый сам мог появиться в облике Б., по поверьям сербов-лужичан (стада черных бычков, бычки-телята), украинцев (два дерущихся бычка, бычок — «скотинка лесового бога», бык-полевик и т.п.). Первая туча перламутрового отлива, предвещавшая грозу и град, в Вологодском крае называется *бык*. О связи рогатого скота с небесной водной стихией см. **Тучи**.

Б. — излюбленная маска и персонаж святочного и масленичного ряжения. В Костромском крае была известна святочная игра «в быка». Парень с горшком на ухвате (символ рогов) и с накинутым пологом приходил в избу, мычал около девок и махал головой, как бык. Его продавали, и, когда сторговывались, кто-то из толпы «убивал» Б. — бил по горшку, разбивал его, и парень, изображавший Б., убегал вон из избы, а другие парни били заранее приготовленными соломенными жгутами девок, спрашивая: «С кем быка ела?»

Б. в славянских загадках — субститут месяца, солнца, дня и ночи, неба и земли (рус. «Два быка бодутся — вместе не сойдутся»), потолка и пола, огня и горшка (бел. «Рыжы бык ды чорнага ліже») и др.

Древнейшее известие о жертвенном Б. принадлежит Прокопию Кесарийскому (VI в.). Он сообщил, что славяне веровали в верховного бога-громовержца, в жертву ему приносили Б. и иных священных животных.

Н.И. Толстой

В

ВАМПИ́Р — покойник, встающий по ночам из могилы. В. вредит людям и скоту, пьет их кровь, наносит ущерб хозяйству. Представления о В. у славян наиболее развиты на Балканах, к северо-востоку славянского мира они ослабевают. У восточных славян (прежде всего у русских) вариантом В. является «ходячий покойник». На Украине, западе Белоруссии и юге России смешиваются образы В. и колдуна. Упоминания о В. встречаются в древнерусских письменных источниках начиная с XIV в.

В. — это покойники, умершие неестественной или преждевременной смертью: самоубийцы, умершие от ран, от эпидемических болезней, не отпетые, умершие без исповеди. В. становятся развратники, убийцы, скупцы, пьяницы и другие грешные люди, колдуны, знахари и т.д. Южные славяне считали, что с момента смерти до похорон существует наибольшая опасность превращения в В.: если над телом покойника передадут какой-нибудь предмет или на него что-нибудь уронят, если через него перескочит животное или перелетит птица, если на него попадет дождь, если люди, несущие покойника на кладбище, обернутся назад. В ряде случаев считалось, что превращение в В. зависит от судьбы: В. становились люди, зачатые в «злую» минуту, в пост или праздник, родившиеся в сорочке. По южнославянским поверьям, покойник может превратиться в В. в течение 40 дней после погребения. Если за это время В. не будет уничтожен, то от выпитой крови он приобретает силу и может долго жить среди людей, не возвращаясь в могилу.

Чаще всего В. имеет облик конкретного умершего человека, одетого в смертную одежду. От обыкновенного человека его отличает ряд особенностей: поляки полагают, что у него огромный рост, болгары — что у него огромная голова, украинцы считают, что у В. есть хвост. По польским представлениям, у него нет бровей, по болгарским и сербским — носа, по болгарским — хребта и рук. Характерная общеславянская особенность В.: его необычайно красное лицо и глаза. Южные славяне считают, что В. раздут, как мешок, потому что у него вместо тела одна кожа, полная крови. В. может принимать облик любого животного, особенно того, которое перескочило через его тело перед погребением.

В. встает из могилы ночью. После пения первых петухов В. должен возвратиться к себе в могилу. Его нападениям подвержены прежде всего его родные и знакомые, маленькие дети, молодожены, молодые люди брачного возраста, женщины, спящие люди. В. душит свою жертву или выпивает у нее кровь. В. может свести в могилу всю свою семью, отнять здоровье у родных. Поляки и кашубы считают, что В. убивает людей, звоня в колокол или выкрикивая имена: кто его услышит — умирает. Украинцы, сербы и болгары верят, что В. бывает виновником стихийных бедствий, в том числе града, и эпидемий, особенно чумы. На Украине еще в XIX в. были известны случаи сожжения людей, считавшихся В. По южнославянским поверьям, В. сожительствует с женщинами, в том числе со своей вдовой, болгары считают, что он обесчещивает девушек. По сербским верованиям, дети, рождающиеся от связи с В., сами становятся В. или людьми, способными видеть и убивать В. Южные славяне и украинцы считают, что В. вредит также и домашним животным: пьет их кровь, гоняет всю ночь лошадей и коров, отбирает у них молоко. В. разоряет хозяйство: разбрасывает по дому вещи,

путает нитки в ткацком станке, разливает воду.

Оберегами от В. служат: огонь, режущие и колющие предметы, специальные заклинания и молитвы. Основным является строгое выполнение предписаний и запретов на похоронах: покойника ни днем, ни ночью не оставляют одного, не гасят свет в доме, изгоняют животных. Чтобы предотвратить перевоплощение в В., у трупа протыкают иглой кожу, рассекают труп на несколько частей и так хоронят, подрезают под коленками жилы, втыкают в пятки острые предметы.

В. старались уничтожить, вбивая в его тело или могилу кол: у восточных и западных славян — осиновый, у южных — терновый. У всех славян могилу, где лежал В., разрывали, отрубали умершему голову и клали ее между ног лицом вниз, у южных славян труп выкапывали и сжигали или перезахоранивали.

Лит.: *Власова М.Н.* Русские суеверия. СПб., 1998. С. 169–174; *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895. Т. 1. С. 93–107; *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. М., 1995.

Е.Е. Левкиевская

ВАРВА́РА, Ба́рбара — христианская святая, великомученица (ум. около 306 г.), день памяти которой отмечается 4/17.XII. Народный культ св. В. известен всем славянам, но ярче всего выражен у южных славян. Со дня св. В. или с дней св. **Андрея**, св. **Игнатия**, св. Люции начинается цикл зимних праздников, направленных на обеспечение благополучия грядущего года.

Плодородие провоцируется варкой в день св. В. ритуальной **каши** из зерен пшеницы, кукурузы, гороха и т.п. (панспермия) или только из пшеницы. Каша эта у сербов называется *варица*, как иногда и сам день св. В. Македонцы из Радовиша на св. В. варили пшеницу, «чтобы получить много хлеба и богатый урожай в поле», а в Куманове ели кукурузную кашу, «чтобы земля не запеклась летом», т.е. чтобы не было засухи. В Боснии и Герцеговине варицу ели три дня — на В., Савву и Николу. Во время варки варицы пели: «Варица варилась, козочка котилась, окотила козляток, чтобы полны были загоны. Овечки ягнились... Коровки телились... А за ними волики. Пусть нам вспашут землю...» (Попово Поле). У сербов в Герцеговине (Мостар), Боснии (Янь) и Шумадии (Гружа) рано утром на св. В. молодки выходили из дому за водой к реке или источнику и «кормили» их варицей. Тогда же мужчины мазали варицей воловьи шеи, чтобы их при пахоте не натирало ярмо. Остатки пшеничной варицы сушили и берегли как лекарство от болезней скота (Лесковацкая Морава).

Св. Варвара. Берестяная иконка.
Первая половина XI в. Новгород.
Из раскопок 2000 г.

Во многих районах Украины на св. В. варили кутью и «узвар», чтобы было изобилие хлеба и овощей. Белорусы в Борисовском у. пекли *вареники* (пироги с маком), чтобы скот в хлеву хорошо велся.

Гадание на св. В. по варице было известно у сербов в Герцеговине, при этом бугры и вздутия на каше означали буду-

щий хороший урожай, а трещины — плохой урожай и смерть. Если в середине варицы оказывалась ямка и в ней плавала горошина — в будущем году должен был умереть хозяин; ямки по бокам с востока и запада означали соответственно смерть кого-то из мужчин или женщин. Сербы в Груже смотрели, с какой стороны сначала закипала варица — именно в той они и ожидали урожая.

Первый посетитель — **полазник** в день св. В. почитался в восточной Македонии и Лесковацкой Мораве. Он мог быть даже членом семьи, но чаще это был знакомый, обладавший «легким приходом», т.е. способный принести благополучие в семью. В день св. В. не ходили к соседям, чтобы к ним не перешла удача, принесенная полазником.

Обход домов на св. В. совершали в восточной Словении, в Помурье, группы ребят десятилетнего возраста. Входя в дом, они произносили благопожелание, состоящее из множества однотипных фраз-клише: «Дай Бог вам столько цыплятoк, сколько на моей голове волосков» (далее назывались телята, жеребята, свиньи, злаки и т.д.).

Защита от болезней, по представлениям болгар, обеспечивалась выпеканием на св. В. ритуального хлеба (*пита*) и булочек (*питка*), их мазали медом и раздавали детям «для здоровья» или прохожим на улице и говорили: «Возьми ради св. Варвары и бабы Шарки (оспы), чтобы она была сладкой и медовой (т.е. легкой)» (Пловдивский край).

Табу в день св. В. связаны также с обеспечением плодородия, здоровья и защитой от болезней. В Пловдивском крае запрещалось варить кукурузу, фасоль, чечевицу и особенно давать их детям, чтобы у них не появились оспинки на теле. По той же причине нельзя было шить иглой, вязать спицами, «чтобы не колоть и не дырявить детей», нельзя было ткать, прясть, стирать, «чтобы не навести на скот беду» (Добруджа). Сербки в Боснии, в Височской Нахии, при варке варицы не должны были ничего говорить; в Поповом Поле запрещалось раздувать огонь, дуть в него. В западном Полесье не пряли на св. В., «бо вона вэртёнами замучэна» (см. **Веретено**).

Обряжение св. Варварой и хождение в виде В. в день св. В. совершалось в некоторых краях Чехии и Словакии. Девочки 10–15 лет («Барборки») ходили по домам и послушным детям дарили подарки, а непослушных били метлой.

Св. В. считается покровительницей горняков-шахтеров у всех славян-католиков, равно как и в Западной Европе.

Н.И. Толстой

ВАСИЛИ́СК — зооморфное существо, убивающее взглядом или дыханием. Представления о В., восходящие к античным источникам, включались в средневековые бестиарии (сборники описаний различных животных), проникали в фольклорные легенды.

Западные славяне считали, что В. сотворен дьяволом; выглядит как петух, но имеет голову индюка, глаза жабы, крылья летучей мыши, хвост змеи. Иногда В. имел облик петуха с крыльями дракона, хвостом ящерицы, клювом орла. В древнерусских словарях-азбуковниках В. описывается как змей, одновременно имеющий сходство с петухом. В. рождается из петушиного яйца, высиженного жабой, или из яйца, снесенного и высиженного петухом в алтаре (ср. других мифологических персонажей, появляющихся из петушиного яйца, — черта, летающих змеев, домовых духов, приносящих богатство хозяину).

Взглядом В. проникает сквозь стены и обращает все живое в камень, В. и сам умирает, увидев в зеркале свое отражение. Ядовитым дыханием В. отравляет окрестный воздух, убивает птиц. В. обитает в расщелинах скал, пещерах, подземельях, где охраняет клады. Он не нуждается в пище: ему достаточно полизать камень, чтобы утолить голод. Губителен для В. вид или крик петуха.

Среди персонажей славянской народной демонологии внешнее сходство с В. имеют сербский «петух-змей» и русский дворовой (в виде змеи с петушиной головой).

Лит.: *Белова О.В.* Славянский бестиарий. М., 2000. С. 62, 67–68.

О.В. Белова

ВЕ́ДЬМА — в восточнославянских поверьях женщина, обладающая вредоносными демоническими свойствами; относится к категории «знающих» людей (ср. названия В., образованные от слов «знать», «ведать»: *ведьма, ведунья, знахарка*). В образе В. находят отражение как древнеславянские архаические верования, так и книжно-христианские представления, восходящие к европейским средневековым учениям о ведовстве.

Обычная женщина могла, как считалось, приобрести сверхъестественные способности либо по наследству от матери-ведьмы, либо в результате союза со злым духом, чертом, который вселялся в нее, вступал с ней в любовную связь, заключал какую-то сделку. Ведовские способности могла передать женщине умирающая В., которая старалась перед смертью избавиться от сидящего в ней «не своего духа». Совмещение в В. человеческого и демонического начала понималось в народных верованиях как вид двоедушия: согласно мотивам быличек, пока В. спит, ее душа в виде животного или насекомого выходит из тела, чтобы вредить людям (см. **Двоедушник**).

Обычно В. представлялась старой и безобразной женщиной, с седыми растрепанными волосами, крючковатым носом, горбатой или хромой; ее отличительной особенностью является дикий или хмурый взгляд, покрасневшие и бегающие глаза; она не смотрит в глаза собеседника; в ее зрачках можно видеть перевернутое вверх ногами отражение человека. Характерными чертами внешности В. считались небольшие (скрытые в волосах) рожки и хвост.

Ведьме приписывались такие вредоносные свойства, как: способность портить скот и отнимать у коров молоко; насылать порчу, в результате которой люди болеют, новорожденные по ночам плачут, свадьбы расстраиваются, супруги ссорятся и т.п. В. может сделать так, что жир с чужих свиней «переходит» к ее свиньям; куры в соседнем дворе перестают нестись, а у В. начинают нестись лучше; пряжа с чужих веретен «уходит» на веретено В. Делая **заломы** и **пережины** в чужом поле, В. отбирает урожай в свою пользу. На Украине и в Карпатах верили, что В. могут вызвать непогоду и засуху, наслать град, бурю, наводнение, пожар, похитить небесные светила.

Особенно опасными становились В. в большие годовые праздники (в Юрьев день, на Ивана Купалу, на Рождество), а также в периоды полнолуния или новолуния, в грозовые ночи. Нападая в такие дни на людей и домашний скот, В. оборачивалась жабой, котом, собакой, свиньей и другим животным; могла превратиться в колесо, решето, стог сена либо стать невидимой. Особого рода обычаи были направлены на то, чтобы в это время подкараулить, выследить и разоблачить ведьмарствующих женщин.

Мотив распознавания В. представлен в многочисленных быличках о том, как в ночь накануне Ивана Купалы хозяева караулили В. в своем хлеву и, завидев кота или лягушку, отсекали животному лапу, а на следующий день в пораненной женщине-соседке узнавали В. Считалось также, что В. можно заставить прийти к купальскому костру; для этого на огне кипятили цедилку (полотно, через которое процеживали молоко) с воткнутыми в нее иголками либо лили в костер или на раскаленный серп молоко той коровы, которую «испортила» В.; люди верили, что от этого у нее горело все нутро и она вынуждена была приблизиться к костру, чтобы прекратить свои мучения. Опознать В. можно было и во время церковной службы (особенно пасхальной и рождественской): подозреваемая в ведьмарстве женщина должна была стоять спиной к алтарю, или держала на голове подойник, или старалась дотронуться до иконы, рясы священника, хоругви, или не принимала участия в крестном ходе вокруг церкви.

Еще один широко распространенный мотив, характерный для рассказов о В., — это ее полеты на шабаш: в ночь перед днем Ивана Купалы она мажется колдовским зельем, вылетает через дымоход со словами: «Выезжаю, выезжаю, ни за что не задеваю» и летит верхом на метле (хлебной лопате, кочерге, вилах, в ступе, в решете, на сороке или на животных) к месту общего сбора — на «ведьминскую» гору, «Лысую гору» либо на высокое дерево (дуб, сосну, тополь, бе-

резу). Там В. веселятся, пируют, танцуют вместе с чертями, дерутся между собой и т.п.

Общими для славян являются представления о трудной смерти В., которая не может умереть до тех пор, пока не освободится от своей второй, демонической души, т.е. пока не передаст комунибудь из людей свою колдовскую силу (ср. также **Вештица**).

Лит.: *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 128–132; *Иванов П.В.* Народные рассказы о ведьмах и упырях // Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 430–497; *Власова М.* Русские суеверия. СПб., 1998. С. 60–72; *Виноградова Л.Н.* Общее и специфическое в славянских поверьях о ведьме // Образ мира в слове и ритуале: Балканские чтения-I. М., 1992. С. 58–73.

Л.Н. Виноградова

ВЕЛИКА́Н — мифоэпический персонаж. В народных легендах В. отождествляются с «чужими» народами или воинственными противниками — чудью, гуннами, татарами, турками, шведами.

В. — антропоморфное существо огромного роста (мог взять на ладонь пахаря с упряжкой, реки были ему по колено) и силы (бросал камни величиной с мельничный жернов, вырывал с корнем деревья). Согласно общеславянским легендам, В. были первыми людьми на свете (трансформация ветхозаветного сюжета), участвовали в устройстве мироздания: насыпали горы, курганы, прокладывали русла рек и т.п., при этом передавая друг другу огромные предметы — камни, стрелы, палицы, топоры. Деятельность В. могла носить и разрушительный характер: они уничтожали дома и губили все живое, бросали в небо камни. За гордыню и вредоносную силу В. были истреблены Богом или превращены в обычных людей. В. погибли во время потопа (укр.) или в борьбе с огромными змеями (пол.), были съедены мифической птицей Кук (укр.). С мотивом гибели В. связаны рассказы о древних могильниках и огромных костях, которые сохранялись в Польше и на Украине в храмах и ратушах (служили объектом культового почитания) и использовались как оберег в хозяйстве и лекарство от лихорадки.

Лит.: *Криничная Н.А.* Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988; *Левинтон Г.А.* К мотиву гибели великанов // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1(5). Тарту, 1974. С. 64–68.

О.В. Белова

ВЕ́НИК, м е т л а́ — предмет домашнего обихода, который в народных верованиях ассоциируется с «нечистым», демоническим началом и одновременно выступает в роли оберега. Считалось, что в виде летящей метлы могли появляться духи, приносящие человеку богатство, дух-любовник, огненный змей; верхом на помеле или В. летали ведьмы, колдуньи, босорки, стриги и др. персонажи нечистой силы. С помощью В. ведьма сбивала росу на пастбище, чтобы отобрать у чужих коров молоко. Во вредоносной магии восточных славян старый В. подбрасывали под порог дома, в огород, перебрасывали его через крышу дома, бросали вслед человеку, чтобы навести на него порчу, вызвать в доме ссоры, болезни и несчастья. По севернорусским поверьям, *банник* обитает в куче не ошпаренных банных В., а *домовой* сидит в углу под домашним веником, поэтому при переезде в новый дом хозяева брали с собой старый В., чтобы не оставить домового в прежнем жилье.

С В. связано множество запретов и предостережений: старый В. нельзя было выбрасывать вблизи дома, чтобы на него не наступили домочадцы или скот (это грозило им болезнями); запрещалось бить веником детей и погонять им домашних животных; не рекомендовалось сжигать старый В. в своей печи, так как это могло вызвать бурю, сильный вихрь или нашествие насекомых (вшей, клопов, тараканов).

Вместе с тем В. использовали для защиты от вредоносных сил: против проникновения в дом нечистой силы возле входной двери ставили перевернутую прутьями вверх метлу; оберегая рожени-

цу и новорожденного, В. клали в изголовье кровати или под колыбель; веником расчищали путь свадебному поезду или невесте, которую вели в баню, чтобы оградить ее от порчи. К помощи старого В. прибегали и в случае, когда не удавалась какая-нибудь работа: им били маслобойку, если плохо сбивалось масло; проводили веником по основе, чтобы не путались нитки при тканье; били по дну квашни, если не удавалось дрожжевое тесто и т.п. Метлы и В. втыкали в грядки с овощами и в посевы льна, конопли, злаков, чтобы уберечь их от порчи и стихийных бедствий. Сербы Косова затыкали В. в коровник «от **вештицы**»; жители Полесья подвешивали В. в хлеву как оберег скота; в Силезии клали метлы крест-накрест в дверях хлева в особенно опасные дни (накануне Юрьева или Иванова дня).

Широко использовался В. и в лечебной магии: больных били веником, «обметали» их или прикасались к больному месту; укладывали на В., перебрасывали В. через больного или заставляли его перешагнуть через В.; процеживали через В. воду и обмывали ею заболевшего и т.п.

Особое значение приобретал «покойницкий» В., т.е. тот, которым подметали пол после выноса из дома умершего: его выбрасывали вместе с мусором подальше от дома или бросали в воду, сжигали. У сербов было принято относить такой В. на кладбище, чтобы «душа умершего там и осталась». Украинцы Покутья считали, что «покойницкий» В. следует выбрасывать в отдаленных местах, «чтобы не затоптать покойника»; в польской Силезии это делали с той целью, чтобы «покойник не вернулся в дом». В болгарском проклятье «пусть заметет его черная метла» В. и действие метения являются метафорой смерти. Увидеть метлу во сне означало предвестие беды.

Уничтожение старых и заготовка новых В. обычно были приурочены к Иванову дню: использованные старые В. удалялись за пределы «своего» пространства, туда, где не ступает нога человека и скотины (веники выбрасывали в овраги, в воду, сжигали в ритуальном костре). Растительный материал для новых В. можно было заготавливать лишь после Иванова дня, когда — по поверьям — в растениях уже нет злых духов (болг.). Белорусы Виленской губ. выставляли новые «ивановские» В. на высоких шестах возле дома, чтобы защитить детей от сглаза.

В сербской традиции ритуальными функциями и магической силой наделялась метла, которой подметали гумно. В р-не Косова по окончании молотьбы украшали «стожер» (столб в центре гумна) прутьями метлы или укрепляли ее на вершине столба со словами: «Дай, Бог, в будущем году еще больше!» Прутья этой метлы затем опускали в воду и лечили ею детей от ночного плача.

Активно использовался В. и в очистительных обрядах. Так, в южнославянских ритуалах символического изгнания из дома змей и насекомых (приуроченных к 1 марта, Тодоровой неделе, к Благовещению) хозяева поджигали старые В., обходили с ними свой двор с криками: «Вон, блохи!», «Убегайте, змеи!»

У восточных славян при гаданиях о замужестве девушки часто использовали так называемый «колядный» В. (которым подметали пол в период святок): его подбрасывали вверх, примечая, в какую сторону прутьями он упадет; бросали на дорогу и ждали, кто его поднимет; подкладывали прутья от него себе под подушку на ночь в ожидании вещего сна. В Полесье известен особый ритуал рассечения топором «колядного» веника по истечении святок — это делал тот, кто нарушил запреты шить, ткать и вообще работать в «святые» вечера, чтобы таким магическим способом снять с себя грех.

Лит.: *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Символический язык вещей: веник (метла) в славянских обрядах и верованиях // Символический язык традиционной культуры: Балканские чтения-II. М., 1993. С. 3–36.

Л.Н. Виноградова

ВЕНО́К — ритуальный предмет, символика которого связана с магическим осмыслением круга (ср. аналогичное значение таких предметов, как кольцо, обруч, калач) и защитных свойств растений (ср. ритуальные формы использова-

ния трав, цветов, веток и др. зелени). В обрядах выступает обычно в роли оберега от нечистой силы, сглаза и порчи.

В календарных ритуалах весенне-летнего цикла (**Юрьев день**, **Троица**, Зеленые святки, **Иван Купала**, **Божье Тело** и др.) В. служили непременным украшением их участников, защитой жилых построек и домашнего скота, объектом магических действий и гаданий. Так, у восточных славян на Троицу плели В. во время сбора «троицкой» зелени, предназначенной для украшения дома и двора. В головные В. часто вплетали полынь как надежную защиту от русалок. В южнорусских областях старались в Троицын день не выходить из дома без В., их надевали и старые, и малые, и мужчины, и женщины. У славян-католиков активно использовались В. в обычаях Зеленых святок. В Польше хозяйки надевали В. на рога коровам, а в селах Поморья маленькие веночки плели даже для гусей и др. домашней птицы. В. развешивали также на амбарах и хлевах, придорожных крестах и колодцах, относили в поля и огороды и т.п. В день Ивана Купалы было широко распространено гадание по В., которые бросали в реку или забрасывали на дерево, на крышу своего дома.

Особые маленькие веночки изготавливали участники праздника Божье Тело, отмечаемого у славян-католиков в 9-й четверг после Пасхи. Их плели (по пять, семь, девять штук) и несли с собой участники церковной процессии, а затем часть из них оставляли в церкви, а часть забирали домой как оберег от грома, молнии, нечистой силы, грызунов и других вредителей.

У южных славян и в Карпатах плетение В. и ритуалы с ними составляли основу обрядности Юрьева дня. Венками украшали овец, овчарни, подойники и всю молочную посуду. Над входом в овечий загон укрепляли дугообразный В., под которым прогоняли все стадо. В Хорватии пастухи плели «юрьевские» В. и прикрепляли их к рогам коров, а после праздника забрасывали В. на крыши домов, чтобы вештицы не навредили скоту. В восточной Сербии овчары плели три «юрьевских» В.: сквозь один из них доили овец, второй надевали на шею той овце, которая первой в сезоне окотилась, третий уносили домой. Во многих местах венком украшали ягненка, предназначенного для обрядового жертвоприношения (**курбана**).

В весенне-летних обрядах В. был одним из главных атрибутов ряженья, а иногда и единственным знаком, выделявшим ряженого из числа прочих участников. Например, в восточнославянском обряде «проводов русалки» для ряженой «русалки» делали много В., их надевали ей на голову, шею, руки, всю увешивали венками.

После обрядового использования венки подлежали ритуальному уничтожению (их сжигали, разрывали на части, бросали в воду, забрасывали на дерево и т.п.), но часть из них (либо их остатки) сохраняли в качестве охранительного и лечебного средства или средства, стимулирующего плодородие, приплод скота: В. относили на поля, оставляли их в загонах для скота, скармливали животным и домашней птице, вешали на фруктовые деревья. Использованные в обрядах В. широко применялись и в народной медицине (из засохшей зелени готовили целебные отвары, ею окуривали больных и т.п.).

В свадебных обрядах В. является символом брака и одновременно — символом девичества невесты: например, свадебный В. не надевала выходящая замуж вдова или невеста, утратившая девственность до брака. Брачные венки обычно сохранялись в семье для счастья в супружестве: их хранили в сундуках, зашивали в подушку новобрачной, подвешивали в доме на потолочной балке, возле образов, над дверью, отдавали родителям новобрачных, относили в церковь и т.п. Известны у славян и особые пародийные, шутовские В. (сплетенные из колючек, крапивы, соломы), которые надевали на голову подставной «невесте» или ряженой «молодице». На Украине (Житомирская обл.) такие В. в конце свадьбы надевали отцу или матери новобрачных, если те женили своих последних по возрасту детей.

В. мог быть также атрибутом погребальной обрядности, чаще

всего при похоронах детей и неженатой молодежи. В этом случае В. служил одним из элементов символической «свадьбы», которую устраивали для умершего. В. возлагали на голову покойнику или на крышку гроба (либо их несли перед гробом, оставляли на могиле, привязывали к кресту и т.п.). По карпатским, украинским и белорусским поверьям, такие В. надо было сплести из тех же растений, что и свадебные В.

Жатвенный венок — элемент обряда «дожинки». Чехия. 1981 г.

Символом завершения уборки злаков был жатвенный В. (у болгар и у русских в этой функции выступал последний сноп). Его плели из последних колосьев прямо в поле, украшали цветами и лентами, возлагали на голову лучшей жнице или несли в руках в свой двор и сохраняли в амбаре до засева (зерно из этого В. добавляли в семена при новом севе). Считалось, что жатвенный В. сохраняет продуцирующую силу зерна и передает ее будущему урожаю.

Л.Н. Виноградова

ВЕНЧА́НИЕ — один из центральных обрядов, оформляющих **брак** (наряду с обручением, брачной ночью, переменой невесте прически и головного убора), переходный обряд, связанный с преобразованием отношений, особенно актуальным для невесты. Отсюда сакрализация В., представление о его опасности и, как следствие, разнообразные обереги и запреты. По пути к В. злые пожелания и проклятия имеют особую силу, молодые доступны влиянию колдовства, невесту может похитить водяной, участники поезда могут быть обращены в волков, в камни. В целях оберега во время В. звонят в колокола для отгона нечистой силы, венчаются в шапке, в одежде красного цвета или с вышитыми крестами, опоясываются сетью, едут к В. молча, а возвращаются другим путем. Ритуально отмечены **границы**, преодолеваемые участниками обряда: порог дома, ворота, граница деревни, река, порог церкви, алтарь (аналой). Молодые должны переехать через реку, водой «переливают» дорогу свадебному поезду. Мотивы брода, мощения мостов встречаются и в свадебных песнях о В. В. знаменует разрыв с прежним статусом и ритуальное обновление, поэтому в обряде так значима магия **начала** (В. в воскресенье, первый день недели, первый встречный у церкви, первое поздравление молодых, новая одежда для В.) и отделения (запрет останавливаться по пути к В., оглядываться назад, в прошлое, разрывание девичьей повязки, выбрасывание платка, которым невеста утирала слезы). Разрыв с прошлым меняет обычное течение времени, в которое включено В.: не случайно к В. едут или очень медленно, или во весь опор. Обрядовое **время** получает космическую соотнесенность: венчаются, когда солнце идет в гору, едут к В. и возвращаются по солнцу, заключают брак обходом по солнцу (ср. рус. «посолонь ходить» — венчаться). Молодые подвергаются изоляции (запрет прикасаться к ним, их молчание, бездвижность невесты по пути к В., закрывание ее покровом). Невеста приобретает сверхъестественные способности: может сглазить присутствующих в церкви при снятии с ее лица покрывала, вызвать засуху, если ее не напоить по дороге к В., предсказывает больному срок излечения. Венчальные предметы получают в результате В. магические свойства: продуцирующие, витальные, лечебные, привораживающие, отвращающие.

У южных славян сохранялось домашнее В. с обведением молодых вокруг де-

рева, бочонка с вином или места, где совершалось богомолье. У восточных славян известно В. вокруг дуба в случае умыкания невесты или после В. в церкви, вокруг озера у раскольников, «круг ракитова куста» в былине о Дунае, у вербы или на озере под пихтой в народных преданиях; ср. пословицу «венчали вокруг ели, а черти пели» и выражение «венчать вкруг ели», «вкруг куста» (шутливо о невенчанных).

Ряд действий во время В. имеет характер скрепления брачных уз: молодым связывают руки вместе; они одновременно крестятся, задувают свечи и встают на один «подножник» перед аналоем; выходя из церкви, переступают через замок, который замыкается и бросается в реку. Многие действия и гадания имеют целью повлиять на будущие роды. Чтобы обеспечить рождение детей, на пороге церкви разбивают яйцо, невеста грызет церковный замок, приговаривая: «Мне брюхатеть, а тебе [мужу] прихоти носить», сажают ей на колени мальчика и т.д. Для достижения власти в семье каждый из новобрачных старается выше поднять свою свечу, наступить на ногу другому, обежать его, заставить оглянуться, первым выйти из церкви, дольше сохранить молчание после В. Для скорейшего замужества подруг невеста вспоминает перед аналоем одну из подруг, дает дружке встать на «подножник», тянет его за собой, выбрасывает ногой за порог церкви, толкает аналой ногой, а подруги стараются заполучить ее венок. Во время В. невеста имеет при себе от порчи — иглы в одежде, воск, елей, в башмаке льняное семя, просо, крота, за пазухой чеснок, мак, гвозди, щучьи зубы и т.д.; для богатства и благополучия в хозяйстве — деньги, хлеб и соль, жито, лен, шерсть, чтобы велись овцы; для счастливого брака и любви — наговоренный пирог, хлебец «доля» из остатков теста, хлеб, которым благословляли молодых, сладкие пряники и др. Во время В. запрещено проходить между молодыми, иначе они разлучатся, молодым нельзя ничего завязывать на себе во избежание трудных родов. Присутствовать на В. не разрешается родителям новобрачных и девушкам. С В. связано множество примет: встреча с похоронной процессией грозит новобрачным смертью, бодрое поведение коней — счастливый знак; яркий огонь свечей в церкви предвещает хорошую жизнь, тусклый — мрачную, мигающий — бедную, трескучий — ссоры; у кого из новобрачных раньше сгорит свеча, тот раньше умрет. Вдовством грозит упавший венец, оброненный невестой платок. Если при отъезде из церкви зазвонят к вечерне, жизнь молодых будет недолгой. Дождь во время В. знаменует богатство или счастье, но иногда и слезы, солнце — светлую, веселую жизнь, реже бедность, гром — несчастье или смерть.

Венчание. Рисунок в украинском рукописном требнике XVII в.

Наряду с обычным, известно В. символическое. Так, у сербов супруги совершают повторное «венчание» для избавления от бездетности. Пародийное В. устраивают в конце свадьбы: ряженый «поп» «венчает» старым веником «молодых» (мать невесты с отцом жениха, отца жениха с его свахой, переодетых гостей) на мусорной куче или вокруг ступы. В. разыгрывают святочные ряженые, обводя «молодых» вокруг корзины или стула. В Сербии «венчают церковь», опоясывая ее специально изготовленной длинной свечой. Известно «венчание» коров на Троицу: пастух плетет один венок на рога корове, а другой для ее хозяйки. Мотив В. представлен в поверьях: о вихре — «черт с ведьмою венчается», об «игре солнца» — «солнце до венца идет». Мотив В. как связывающий, скрепляющий, а также противоположные ему мотивы «развенчания» и «невенчанности» отражены в магической практике. Для отгона градовой тучи

сербы машут на нее венчальным венком, чтобы она «развенчалась» и ушла. У южных славян «венчают болезнь»: для избавления от лихорадки вещи больного относят на вербу. Способность заговаривать болезни девушка может «привенчать себе» на всю жизнь, повторяя про себя заговоры во время В. У болгар невенчанных супругов считают виновниками засухи, а во время града выгоняют их из дома. В Полесье отец обрученной девушки, умершей до В., совершает символическое В. ее с деревом, чтобы она не стала русалкой.

Лит.: *Сумцов Н.Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 29, 61, 67–69, 73, 91, 96, 158–159, 181, 184–185, 193, 196–197, 203–204, 206.

А.В. Гура

ВЕ́РБА — в народной культуре символ быстрого роста, умножения, иногда плодородия. Жители сербского Баната в **Юрьев день** опоясывали В. детей и слегка били их вербовыми ветками, «чтобы они росли, как В.». Первые остриженные волосы у маленького ребенка (особенно у девочки) клали на В., чтобы волосы росли быстро и косы у нее были длинными. Болгары вербовыми ветками опоясывали в Юрьев день котлы для первого доения овец, чтобы выросли удои. Поляки сплетенным из вербовых веток бичом погоняли коров, чтобы те давали больше молока. Украинцы ставили стволы В. в прорубь, которую вырубали во льду на Крещение во время водосвятия, а затем приносили эти В. домой и клали в голубятни, чтобы у них водились голуби. Словаки Закарпатья клали кусочки В. на тесто, приготовленное для пасхальных хлебов, чтобы эти хлебы росли в печи так же быстро, как растет В. Восточные славяне, стегая друг друга вербовыми ветками в **Вербное воскресенье**, среди прочего, желали: «Будь здоров, как вода, расти, как верба».

В., обычно растущая вблизи рек, озер и прудов, широко использовалась в обрядах вызывания дождя. Так, например, южнославянские **додолы** зачастую были украшены с ног до головы именно вербовыми ветками, из В. же делали венки для додолы, а также букетики, которыми они кропили людей и скот во время обходов дворов. Русские примечали: когда В. «плачет» (т.е. стоит, склонив ветви вниз), обязательно пойдет дождь.

Вместе с тем В. имела отношение и к разного рода демонам. Белорусы, к примеру, считали, что с Крещения до Вербного воскресенья **черт** пребывает именно в В., а в Вербное воскресенье, когда священник в церкви освящает вербовые ветки, черт вынужден покинуть В. и переселиться в воду или на другие деревья или злаки. Белорусы Витебской губ. именно поэтому остерегались пить воду, зачерпнутую под В. сразу после Вербного воскресенья, поскольку в ней много чертей, которые могут через питье попасть внутрь человека (ср. **Болезнь**). Словаки верили, что на В. обитает **водяной**; болгары — что на ней живут самодивы. При этом белорусы и поляки полагали, что черти предпочитают старые, дуплистые В., ср. выражение: «Влюбился, как черт в сухую вербу». Ср. также **Бузина**, **Осина**.

В народной медицине болезнь человека символически «переносили» на дерево, в том числе и на В. У сербов больной лихорадкой шел к В., прихватив с собой печеную головку чеснока, вешал чеснок на В. и произносил формулу невозможного: «Когда эта головка прорастет, тогда меня схватит лихорадка!» Поляки, чтобы избавиться от лихорадки, опоясывали больного соломенным перевяслом, а потом обвязывали им В., полагая, что если В. высохнет, то болезнь покинет человека.

Широкую известность получили апотропеические и лечебные свойства вербовых веток, освященных в Вербное воскресенье. Из них делали крестики, с помощью которых позже кропили поля освященной на Пасху водой; их втыкали во все хозяйственные постройки и в стены и окна дома, полагая, что они оберегают дом от грозы и всякого зла; клали в посевное зерно, а после жатвы — подкладывали в амбарах под мешки с зерном; втыкали летом в поля и посевы, чтобы уберечь их от града и нечистой силы; при грозе сжигали веточки в печи, полагая, что этот дым разгонит тучи;

окуривали дымом от сожженной ветки больных; давали такую веточку в руки умирающему вместо свечи; помещали их в гроб; выгоняли ими первый раз весной скот на пастбище; хранили в доме за иконами; принеся из церкви, клали в воду: если они распускались к Пасхе, это предвещало счастье, а девушкам — близкое замужество; терли распустившимися почками В. больные глаза и т.п.

На Украине известны легенды, песни, пословицы и другие фольклорные тексты, прямо соотносящие В. с «верхним миром» и областью сакрального, с небом, солнцем, храмом, ср. загадку: «Стоит верба посредине села, распустила ветки на весь свет» (с отгадкой «солнце»).

В этиологических легендах рассказывается о том, как Богородица прокляла В., в том числе за то, что из В. были сделаны гвозди, которыми Христос был прибит к кресту, поэтому В. не дает плодов, под ней нет тени, изнутри она трухлява и т.д.

Т.А. Агапкина

ВЕ́РБНОЕ ВОСКРЕСЕ́НЬЕ — последнее воскресенье перед Пасхой, Вход Господень в Иерусалим, или неделя Ваи, подвижный двунадесятый праздник. Посвящен в народной культуре весеннему возрождению природы, вегетации, **вербе** (отсюда названия: рус. *Вербное воскресенье*, бел. *Вербная нядзеля*, серб. *Врбица*, болг. *Връбница* и т.п.).

Битье вербовой веткой в В. в. распространено у восточных и частично у южных славян, поляков и чехов. Оно совершается обычно утром, после освящения вербы, у церкви или дома и, как правило, с приговором: рус. «Верба красна, бей до слез, будь здоров!», укр. «Не я бью, верба бье / За тыждень — Великдень; / Будь великий, як верба, / А здоровый, як вода, / А богатий, як земля» (чернигов.). Чаще всего взрослые бьют ребятишек, «чтобы росли и были здоровы». С этой же целью в Белоруссии хлестали в этот день и скот, и пчелиные ульи, и землю в огороде. Сербы в Славонии после обедни хлестали друг друга вербой, приговаривая: «Расти, как верба!», а в Банате били лошадей и детей, «чтобы росли, как верба».

Проглатывание вербных почек-шишечек в В. в. было известно на Украине, где дети съедали почки, «чтобы не болело горло». В России их запекали в хлебцы и скармливали скоту (Ярославский край). В Полесье, на Пинщине, в В. в. при выходе из церкви каждый съедал девять вербовых почек-*свечек*, «чтобы не болели зубы и не было лихорадки».

Освященные вербовые ветки относили на кладбище (польское Поморье, Западная Украина, Словакия), там трижды хлестали по могилам покойников-родителей (белорусы); кизиловую ветку втыкали около могильного креста, «чтобы в домашнем хозяйстве все шло в гору» (хорваты); вербовые прутики втыкали в могилы всех родственников (болгары).

Венки из освященных веток вербы делали в В. в. болгары и македонцы; молодежь ходила с венками к реке и бросала их в воду: тот, чей венок уплывал впереди других, считался победителем и назывался «крестный», а остальные были «причастные» и должны были на Пасху прийти к «крестному» с красным яйцом. Венки обычно вешали дома у иконы «на здоровье», туда же клали ветки вербы, которые считались средством от грома, грозы и бури.

Словенцы в В. в. делали связки из веток вербы или нескольких лиственных растений и называли их *бутара*. Это могла быть полутора-, двух- или трехметровая палка, украшенная вербовыми ветками, орехами, пряниками, могла быть и просто связка веток. Ее освящали в церкви, приносили домой, с ней троекратно обходили дом, хлестали двери дома, вешали во дворе на дерево, под стреху, несли в хлев, на пчельник, на сеновал, считая, что бутара защищает от грома и града. Ее употребляли при первом выгоне скота, при первой пахоте, при лечении болезней.

Умывание цветами в В. в., т.е. водой с цветами, сорванными накануне, совершалось сербами в центральной Боснии (Височская Нахия). В западной Словакии было принято в В. в. рано утром умываться из ручья.

Лазарки, ходившие у болгар и сербов по дворам в Лазареву субботу, во многих случаях продолжали свои магические действия в В. в. Выходя из церкви с освященной вербой, они заключали между собой дружеский союз (северо-восточная Болгария). У сербов в В. в. лазарки ходили с вербовыми ветками (Косово) и иногда затыкали их в дверях дома, хлева, в ворота (Банат).

В Далмации и прилегающих к ней краях в В. в. вербу заменяли маслина или кизил, реже ель и лавр. В Чехии дети носили хвойное деревце *лето*, украшенное лентами, бантами, бумажными цепями; они обходили до́ма с пением. Вместе с деревцем носили куклу из белых тряпок с растопыренными руками (см. **Марена**).

Лит. см. в ст. **Календарь народный**.

Н.И. Толстой

ВЕРЕТЕНО́ — орудие прядения, наделяемое магическими свойствами.

Как символ женского занятия В. присутствует в ритуалах и верованиях всех славян. У восточных славян новорожденной девочке часто пуповину перерезали на В., прялке или гребне. У сербов в случае затянувшихся родов через рубаху роженицы пропускали топор или В. и говорили, обращаясь к ребенку: «Если ты мальчик, возьми топор, если девочка — возьми веретено!» Сербка, сажая курицу на яйца, «мешала» их В., «чтобы было больше курочек и меньше петушков».

У южных славян В. использовалось для защиты от демонов; его клали, например, в колыбель ребенка; с помощью перевернутого В. опознавали чертей, пришедших на праздник к девушкам под видом парней; выносили В. во двор во время грозы вместе с другими предметами для отвращения молнии и т.п. В Полесье с помощью В. вызывали дождь, окуная его в воду.

Восточные славяне применяли В. в лечебной магии: кололи В. больного, размахивали девятью В., читая заговор; клали В. в воду вместе с ножом и поили этой водой больного. Русские в Онежском крае, когда ребенок не спал по ночам, делали из лучины маленькое В. и прялку, клали у их изголовья и произносили: «Полунощница, щекотаренка! Не играй моим дитяткой, играй пялочкой, веретеночком да помельной лопаточкой!». В любовной магии использовались и вращение, и острота В. Карпатские девушки крутили В., чтобы парни «так же крутились вокруг них». В Сербии девушки протыкали В. сердце крота с приговором: «Как веретено крутится, так пусть крутится Н. (имя парня) вокруг меня».

Запрет пользоваться В. (и даже видеть его) касался святок и других дней, когда нельзя было прясть, ткать, шить. В Сочельник прятали все В., чтобы летом жнецы «не кололись»; в то же время эти В. должны быть «полными», т.е. с намотанными на них нитками, чтобы в грядущем году такими же полными были кукурузные початки. Словаки прятали В. из опасения, что от взгляда на них могла появиться боль в боку. Сербы не позволяли прикасаться В. или веником к ребенку, т.к. считали, что от этого он перестанет расти.

Уподобление В. змее выражено в полесском представлении, что оставленные на праздник в хате В. «пойдут в лес ужами», что сколько оставишь в хате В., столько увидишь летом змей. Согласно волынской легенде, большая и опасная змея *веретенница* произошла из В., которым женщина пряла на святки, а потом выбросила, вместо того чтобы сжечь.

В. является атрибутом таких мифологических персонажей, как восточнославянские **Пятница** и **кикимора**, которые проказят с В. и не убранной на ночь пряжей — путают и пачкают нитки и т.п. Словенская Перехта в рождественские вечера обходит дома и следит, все ли пряхи кончили прядение; нарушительниц она колет В. в живот, а не соблюдающим пост прокалывает живот и «высасывает все скоромное». В то же время женщины, прядущие в неурочное время, колют своими В. саму Параскеву Пятницу, св. Варвару или Богородицу, которые являются к ним в истерзанном виде как укор в совершенном грехе.

Н.И. Толстой

ВЕСЁЛЬЕ — в народной культуре ритуализованное выражение положительных эмоций, сопровождаемое смехом, пением, танцами, игрой и т.п. В. — обязательный компонент почти всех семейных обрядов и прежде всего свадьбы (ср. *веселье* как название свадьбы у восточных и западных славян, иногда и у хорватов), а также многих календарных обрядов.

В. противостоит печали, горю, как смех — плачу, пение — молчанию, танец — неподвижности и жизнь — смерти. В Сербии, в районе Таково, если в доме часто умирали, чтобы пресечь эту беду, выбирали в семье человека, который после предания покойника земле еще у могилы начинал громко петь; в Лесковацкой Мораве заставляли мать, у которой умирали дети, петь во время выноса гроба с умершим ребенком; не соблюдали траура по умершим детям, запрещали плакать по ним, чтобы весельем преодолеть смерть. В Далмации после смерти ребенка совершался обряд «радование»: родители с соседями радовались тому, что со смертью ребенка семья получила заступника на небесах в виде ангелочка. В качестве реликтов древней славянской тризны в отдельных славянских зонах сохраняются привычки шутить и смеяться на поминках, играть в непристойные игры, рассказывать сказки и анекдоты. См. **Игры при покойнике**.

Магическая роль В. ярко проявляется в обряде **похорон-свадьбы**: умерших девушку или юношу одевали в подвенечную одежду и устраивали посмертную свадьбу с буйным В., музыкой и играми.

Эпитет *веселый* применяется к огню (ср. *весело горит костер*), к зелени и цветам (болгары надевали венки из цветов овцам на рога и говорили: «Как весел венок, так и ты будь веселой!»); *веселкой* во многих восточнославянских диалектах называется **радуга**, предвещающая хорошую погоду и урожай; веселым называется молодой месяц, к которому сербы обращаются в новолуние: «Здорово, здоровяк и весельчак! Венец тебе на голову, а мне в дом здоровье и веселье!» У сербов рождественский хлеб назывался *веселица*, словом *веселяк* называлось жаркое, приготовляемое в Сочельник, так же могли именовать **полазника**. В Полесье ужин в канун Нового года называется *веселая шчэдруха*; повсюду считают необходимым на Новый год веселиться изо всех сил, чтобы веселым был весь год.

Лит.: *Толстые Н.И. и С.М.* Слово в обрядовом тексте (культурная семантика славянского **vesel-*) // *Н.И. Толстой.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Н.И. Толстой

ВЕСНÁ — в народном календаре начало хозяйственного, а в Средневековье — и календарного года (1 марта).

Начало весны приходится преимущественно на масленицу и мартовские праздники (ср. отмечаемый болгарами день 1 марта), середина — на **Пасху** и близкие к ней праздники — **Юрьев день**, дни свв. Марка, Еремии, а завершают цикл **Троица** и **Иван Купала**.

Наиболее заметным ритуалом весеннего времени были **костры**. Они имели значение оберега и символизировали уничтожение нечистой силы; обрядовый огонь связывали с весенним солнцем (тогда как купальские костры отмечали день летнего солнцестояния).

Считалось также, что весна — время разгула нечистой силы. У белорусов и украинцев ведьмы приобретали особую силу в юрьевскую и купальскую ночи. У западных славян ведьмы были наиболее опасны на Пасху и в Вальпургиеву ночь накануне дня св. Филиппа и Якова (1 мая), поэтому в эту ночь их обычно символически «сжигали» или изгоняли, хлопая бичами или стреляя из ружей. По верованиям южных славян, вредоносность ведьм резко возрастала 1 марта и в последний день масленицы. На Украине и в Белоруссии троицкие праздники — период кратковременного пребывания на земле **русалок**, изгоняемых по завершении Русальной недели.

Для периода ранней весны (примерно до Пасхи) характерны ритуалы по очищению земли, в том числе и от змей и кротов, и превентивные меры, направ-

ленные на их изгнание (сожжение старых вещей, мусора, подметание веником в доме и дворе и др.); обряды очищения и обновления жилища (ср. обычай в **Страстной четверг** белить хату), домашней утвари и пищи (ср. обрядовое мытье **дежи**, разбивание старой посуды, уничтожение остатков масленичной пищи); обрядовое обновление огня, а также действия, относящиеся к очищению человека (**пост**, обмывание и др.).

К этому же периоду приурочены ритуалы изгнания (уничтожения) Мясопуста и Карнавала, русские «проводы Масленицы», западнославянские обряды вынесения куклы **Марены**, или Смерти, сожжение или избиение **Иуды** и т.п. В этих обрядах обращает на себя внимание момент удаления изгоняемого персонажа за пределы села, а также необходимость совершения ритуала во имя благополучия живущих: словаки считают, например, что если из села вовремя не вынести Марену, то девушек перестанут брать замуж, скот не будет вестись, летом град побьет посевы.

К ранней весне относятся ритуалы, связанные с «магией первого дня». У южных славян, где хозяйственным рубежом года является Юрьев день, старались встать раньше обычного, чтобы не лениться весь год; у восточных и западных славян мылись в Страстной четверг, чтобы весь год быть чистыми, у русских — много ели на масленицу, чтобы быть сытым в течение года, и т.п.

У восточных и отчасти южных славян известно представление о том, что с осени до весны земля «замкнута»: она «спит», «замерла», в связи с чем до определенного момента ее нельзя трогать: пахать, сеять, копать, строить заборы и др. Чаще всего днем, когда земля «пробуждается» и когда можно начинать работы на земле, называли **Благовещение**, противопоставленное **Воздвижению**, когда земля «замыкается» на зиму (см. также **Осень**). На Благовещение (или в некоторые другие весенние праздники) одновременно с землей «пробуждается» и природа в целом: «оживает» корень у растений, а птицы и **гады** возвращаются из **ирия**.

Отмена запретов на обработку земли, связанных с периодом ее зимнего сна, объясняет многочисленные магические действия, направленные на обеспечение роста культурных растений: ср. масленичные танцы ради «высокого» льна и конопли, катания с гор и на лошадях (см. **Масленица**).

Отличительной чертой ранневесеннего периода являются также обряды, связанные с **выгоном скота** на пастбища или переводом его с зимних пастбищ на летние (ср. обычаи первого выгона скота и обрядового доения, магические действия по охране скота от зверей, змей и нечистой силы).

В обрядности послепасхального периода заметное место занимают ритуалы, относящиеся к будущему урожаю. Это прежде всего обходы полей, сопровождаемые молебнами, трапезой в поле и др. К ним примыкают магические акты по охране посевов и урожая от града и непогоды, полевых вредителей, а также от нечистой силы, которая может отобрать плодородие и «спор». С теми же целями соблюдаются бытовые и хозяйственные запреты, а также празднуются особые дни (у восточных и южных славян, например, «градовые четверги»). К этому же периоду относятся обряды вызывания дождя, совершаемые при засухе или профилактически, а также многочисленные запреты на полевые работы, соблюдаемые в «сухие дни».

Для послепасхальной обрядности специфичны обычаи с использованием свежей зелени и веток. Они начинаются западнославянским «внесением гайка, или лета» (обрядового деревца или ветки) в конце Великого поста, однако апогей весеннего культа растительности приходится на Троицу.

В верованиях восточных и южных славян весна — это период кратковременного пребывания на земле душ умерших. У восточных славян в этом отношении выделяются Страстной четверг, пасхальный четверг (ср. его название «Навский Великдень», см. **Нави**), когда покойники появляются на земле, и Фомина неделя, когда их выпроваживают обратно. Южные славяне считали, что предки покидают землю лишь на Возне-

сение, Троицу или в Духов день, а до этого пребывают обычно на цветах и траве. У восточных славян, кроме того, троицкий цикл обрядов обнаруживает связь с покойниками, умершими молодыми (ср. восточнославянские представления о русалках и обычаи их «проводов»). См. также **Задушницы**, **Семик**, **Радуница**.

Обычно именно в послепасхальный период начинается формирование новых половозрастных групп молодежи (в предшествующий масленице мясоед значительная часть старшей молодежи вступает в брак). Это происходит и во время весенних гуляний молодежи, и в процессе подготовки и проведения некоторых весенних обрядов (например, у болгар в это время начинается набор девушек в **лазарки**; девушка же, не участвовавшая в таком обряде, не может считаться невестой). В этот же период устанавливаются вре́менные молодежные союзы.

Т.А. Агапкина

ВЕ́ТЕР — явление природы, которое в народных представлениях персонифицируется или наделяется свойствами демонического существа. Могущество В., его разрушительная или благотворная сила вызывают необходимость задабривать В.: ласково с ним разговаривать, «кормить» и даже приносить ему жертву. Характерно и деление В. на «добрые» (например, такие, как «святой воздух» — благоприятный, попутный В.) и на «злые», наиболее ярким воплощением которых является **вихрь**.

По поверьям, В. обитает в местах далеких, таинственных и недостижимых. Это и глухой лес, и необитаемый остров в океане, чужие края по другую сторону моря, крутая, высокая гора и т.п. В соответствии с индоевропейскими воззрениями на В. как «дыхание Земли», местами его пребывания считались также пропасти, ямы, пещеры. По представлениям южных славян, их стерегут летучие змеи, одноглазая ведьма или слепой старец, безуспешно пытающиеся закрыть дыру, из которой выходит В.

В. могут подчиняться высшему божеству: в «Слове о полку Игореве» В. — «Стрибожьи внуки» (ср. **Стрибог**). По русским верованиям, В. много, но главных — четыре (соответственно четырем сторонам света); они «сидят по углам земли», старший среди них называется «вихровой атаман»: ему повинуются все остальные, он же посылает В. и вихри дуть туда, куда захочет. В севернорусской традиции известны «ветряной царь», «ветер Мойсий», «ветер Лука», а также «Седориха» — северный В.

Представление о В. как об одушевленном существе отражалось в приглашении, вызывании В., когда он необходим для хозяйственных и иных нужд (при веянии жита, для работы мельниц и т.д.). Самым распространенным способом вызвать В. в затишье считался свист, реже — пение. Чтобы обеспечить попутный В., у русских моряков, особенно поморов, было принято насвистывать. Женщины поморских селений выходили вечером к морю «молить ветер, чтобы не серчал», помогал их близким, находящимся в море. Встав лицом к востоку, они напевным голосом обращались к желаемому восточному В. с просьбой «потянуть» и обещали ему «наварить каши и напечь блинов». В Рязанской губернии с целью вызвать В. при веянии жита старухи изо всех сил дули в ту сторону, откуда его ждали, и махали руками, показывая ему нужное направление.

Дар или жертва В. встречается у всех славян. В. «кормили» хлебом, мукой, крупой, мясом, остатками праздничных блюд; словенцы бросали навстречу В. пепел от костей животного, потроха. Чтобы успокоить сильный В., в Хорватии и Боснии сжигали части одежды, старую обувь. В восточной Польше, приглашая В. во время жары, ему обещали отдать девочку, называя ее по имени: «Подуй, ветерок, подуй, дадим тебе Анусю», и т.п.

По общеславянским представлениям, в В. пребывают души и демоны. Считалось, что с В. летают души больших грешников; сильный В. означает чью-то насильственную смерть. По польским и словацким поверьям, в завывающем В. слышны стоны висельника. Белорусы полагают, что холодный В. дует с той стороны, где утонул человек. По украинским верованиям, появление «ходячих»

покойников сопровождается порывами ветра. В Вологодской губернии считалось, что тихий ветерок возникает от дуновения ангелов, а бурный — результат действия дьявольских сил. В. сопровождает появление таких демонов, как **вила** у южных славян, «поветруля», «витрэница», «ветреник» — в Карпатах, ведьма, черт — у восточных славян.

«Злые» В. являются источниками болезней. Наиболее страшными считаются духи-ветры, нападающие на людей и вызывающие эпилепсию, душевное расстройство. Переносят болезни и небольшие, тихие ветерки: «красный», «белый», «голубой», «желтый» и др. Вместе с В. распространяется и порча. По русским поверьям, знахарки и колдуны портят людей наговорами, которые «по ветру пускают». В Польше о чаровнице говорили, что она бросает чары на В., как будто «сеет».

А.А. Плотникова

ВЕ́ШТИЦА — персонаж южнославянской демонологии, совмещающий в себе признаки реальной женщины, наделенной сверхзнанием, и мифического существа, демона (ср. **Ведьма**).

По сербским поверьям, вештицей могла стать женщина, в которую вселился «дьявольский дух», либо та, что имела связь с чертями. Демонические свойства приобретала (по достижении зрелого возраста) девочка, зачатие или рождение которой случилось в «недобрый час» (например, в период последней лунной фазы, в канун большого праздника), либо ребенок, родившийся «в рубашке» особого, кровавого цвета. Болгары верили, что опасность стать В. грозила прежде всего тем женщинам, которые утратили способность к деторождению; что вселившийся (в виде черной бабочки) в тело женщины злой дух непременно делал ее вештицей.

В. выглядела как старая, седая, сгорбленная баба с растрепанными волосами, сросшимися бровями, заметными усиками над верхней губой, косоглазая или с глубоко сидящими злыми глазами, с длинным носом, кривыми и волосатыми ногами. Считалось, что у нее есть крылья подмышками и незаметный хвостик. Как и большинство персонажей нечистой силы, В. могла менять свой облик: она оборачивалась бабочкой, ночным мотыльком, черной курицей, жабой, кошкой, волком и др. животными.

Подобно восточнославянской ведьме, В. вредила людям, отбирая молоко у чужих коров, урожай с полей, мед у пчел, насылая порчу и болезни, вызывая непогоду, градобитие, засуху. По болгарским поверьям, В. похищала месяц или заставляла его спуститься на землю и доила его, как корову.

Особенно опасными для людей считались вампирические свойства В., которая якобы пожирала новорожденных младенцев и сердца взрослых людей: чудесной палочкой, веткой она дотрагивалась до груди спящего человека, незаметно от него вынимала сердце и съедала его, а тело жертвы к утру срасталось. Люди, сердца которых съедали В., в скором времени погибали (например, от удара молнии или упавшего на них дерева). Часто объектом нападения со стороны В. оказывались беременные женщины и новорожденные дети. В. могла вынуть плод из материнской утробы, высосать кровь из младенцев. О внезапно умершем ребенке говорили: «Проклятые вештицы выпили его сердце».

От вредоносного воздействия В. старались защититься в такие дни, когда они особенно активно вредили людям: накануне Рождества, в период масленицы, в Страстную пятницу, в ночь накануне Юрьева или Иванова дня. Чтобы не дать В. проникнуть в дом, хозяева втыкали в двери и окна нож, иглу, топор; натирали детям пятки чесноком; выставляли за дверь перевернутую вверх прутьями метлу. Для защиты скота размещали в хлеву конский или воловий череп. Перед сном хозяйка произносила заговоры и молитвы: «Когда пересчитаешь все травы в поле и все листья в лесу — тогда уморишь моего ребенка» или «Когда пересчитаешь звезды на небе и песок в море — тогда навредишь мне и моей семье».

У сербов и хорватов известны рассказы о полетах В. на ночные совместные сборища. Местами таких слетов были

высокие деревья (груша, орех, дуб) либо заросли папоротника, можжевельника, либо перекрестки дорог, заброшенные строения. Собравшиеся избирали «главную» В., намечали себе новые жертвы, водили хороводы, устраивали трапезу и т.п.

Если односельчанам удавалось распознать, кто из соседок является В., и заставить ее пообещать больше не причинять вреда, то она теряла свои магические способности и становилась обычной женщиной. Много народных рассказов посвящено теме выслеживания и распознавания В. Одна из них в образе курицы повадилась навещать дом соседа, отчего у него начали умирать дети. Хозяин выследил курицу, поймал ее и накрыл корытом, а утром обнаружил под корытом женщину. Та взмолилась, прося отпустить и дав обещание, что никакие напасти не будут больше грозить этому дому. Чтобы распознать В., люди ловили залетевшего в дом на свет мотылька, опаляли ему крылышки и отпускали со словами: «Приходи завтра, я дам тебе соли». Если утром приходила одна из соседок со следами ожога на теле, то ее считали В.

Л.Н. Виноградова

ВИЙ — персонаж одноименной повести Н.В. Гоголя, по своим внешним признакам и поведению схожий с целым рядом восточнославянских мифологических персонажей.

Отличительная черта В. — смертоносный взгляд, скрытый под огромными веками или ресницами, которые В. может поднять только с помощью нечистой силы. В народных представлениях длинные веки являются признаком демонического существа. Украинская легенда о происхождении чая повествует, что, соблазняя пустынника, дьявол начал ему «вии (веки) напускать», пока стало невозможно старцу глянуть на свет; пустынник веки оторвал и закопал в землю; из них вырос чай. В быличке из белорусского Полесья смерть описывается как чудовищная женщина с огромными веками. Мотив век, поднимаемых вилами (лопатой, крючками), распространен в восточнославянских сказках, однако встречается и в несказочной прозе. В легендах с Волыни упоминается чародей «шелудивый Буняка»; веки его столь длинны, что их поднимают вилами. В Подолии бытовали поверья о некоем Солодивом Буньо, который взглядом уничтожил целый город: его веки также поднимались вилами.

Одним из фольклорных источников литературного образа Вия может считаться образ св. **Касьяна.**

Лит.: *Левкиевская Е.Е.* К вопросу об одной мистификации, или гоголевский Вий при свете украинской мифологии // Studia mythologica Slavica. Ljubljana; Piza, 1998. T. 1. S. 307–315; *Иванов В.В.* Об одной параллели к гоголевскому Вию // Труды по знаковым системам. 5. Тарту, 1971. С. 133–142; *Иванов В.В.* Категория «видимого» и «невидимого» в тексте: еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию» // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973. P. 151–168; *Назаревский А.А.* Вий в повести Гоголя и Касьян в народных поверьях о 29 февраля // Вопросы русской литературы. Львов, 1969. Вып. 2. С. 39–46.

О.В. Белова

ВИ́ЛА — женский мифологический персонаж южных славян (болг. *самодива, самовила, юда*, макед. *самовила*, серб., хорв., словен. *vila*), по ряду признаков сходный с восточнославянской **русалкой** и западнославянской **богинкой**.

В. преимущественно представляется как красивая длинноволосая девушка, в белых одеждах, босая, часто с крыльями. Считают также, что В. невидима днем, ее можно увидеть только в полночь. В. умеет летать, великолепно поет, танцует, обычно появляется у воды, где купается, моет свои волосы и пр. В. способна как навредить человеку (убить, наказать слепотой, наслать паралич, искалечить и пр.), так и помочь ему. Человек, которому помогает В., часто сам приобретает сверхъестественные черты (может бороться с реальными и мифическими врагами, исцелять людей, не поддается сглазу и пр.), особенно это относится к детям, похищенным и взращенным В. или рожденным от В., а также к мужчи-

нам, вступившим с В. в половую связь. Люди, которых В. наделила необычными свойствами, становятся героями, о них рассказывают легенды, воспевают в эпосе.

Характерной чертой быличек, рассказов и поверий о вилах является их появление в небольшой группе: вместе они кружатся в хороводе, совершают невидимые трапезы на дорогах, на перекрестках, у источников. Попадание человека на место, где побывали В., считается опасным: человек надолго заболевает, и снять такую болезнь можно только магическим способом. Для этого ходят к месту, где произошло невидимое столкновение с В., приносят туда специально выпеченную булочку, сладкую воду или сахар, брызгают на дерево, источник или поляну, «принадлежащие» В., со словами заклинания и просьбой излечить больного, называя В. «сестрами», «матерями».

В. нередко отождествляется с **ветром, вихрем**, в котором она «обитает», «летает», «танцует», особенно часто этот сюжет связывается с В., которую болгары называют *юда,* сербы и македонцы — *самовила.* Опасный ветер убивает человека, поднимая его в воздух, высушивает деревья или же становится причиной длительного заболевания пострадавшего (главным образом психического), для излечения которого также обращаются к В.

А.А. Плотникова

ВИНÓ — опьяняющий напиток из винограда, символизирующий в обрядах кровь, здоровье и жизнь. В божественной литургии таинством евхаристии В. превращается в кровь Христову и является вместе с хлебом компонентом Святого причастия.

Народный культ В. распространен преимущественно у южных славян в зонах, где есть давняя традиция виноделия. В районах северных и гористых многие функции В. выполняют водка и *ракия.* У славян есть представление о том, что красное вино — это кровь. Сербы Косова Поля в Чистый понедельник утром умывались и давали детям яз яичной скорлупки В., «чтобы они столько же крови получили в году», а хорваты в Лике считали, что сколько В. они выпьют в Страстную пятницу, столько у них прибудет чистой крови. В Истрии хорваты в день св. Франциска (2.IV) пили В. и ели петушиное мясо в надежде, что это даст много крови и они будут крепче и выносливее.

У западных и восточных славян на Карпатах бытовало верование, что один раз в году (на Рождество, Крещение или в Страстную пятницу) вода в водоемах превращается в В. Поэтому карпатские русины в полночь на Рождество ходили пробовать в ручье воду — не превратилась ли она в вино, а поляки за ужином в Сочельник, когда пили воду, говорили, что пьют В. Сербы в Груже верили, что в ночь на Крещение отворяются небеса, реки и ручьи останавливаются и вода превращается в В., а ветер перестает дуть.

В. — обязательный компонент почти всех семейных обрядов. Сербки в Косове дают В. младенцу сразу после рождения, «чтобы он был румяным», а болгарки во Фракии это делают при первом кормлении грудью. Македонцы сразу после рождения поливают вином головку ребенка, «чтобы волосы у него были кудрявыми» (Велес). Обязательная «повойница» (приношение, подарок по случаю рождения) ребенку у сербов включала хлебную лепешку, соль, лук, сахар и В.

В. в свадебном обряде выполняло важную символическую роль, помимо того, что было неотъемлемым компонентом свадебного пиршества. У капанцев (северо-восточная Болгария) перед венчанием парни и девушки мыли руки вином под очажной дымовой трубой. Водой с В. умывались и молодые, «чтобы оградить себя от колдовства и недоброжелательства». При входе молодых в дом невесты В. пил сначала жених, а потом невеста, которая выплескивала остаток В. на стену дома. При входе в дом жениха свекровь подавала невестке В., та окунала в него пальцы и окропляла притолоки двери.

В. в погребальном обряде было обязательно на поминках, но иногда его пили и раньше. Капанцы обмывали по-

койника водой с В.; эгейские македонцы иногда обмывали покойника В. или мазали его тело маслом, «чтобы он не стал вампиром». Сербы в Лесковацкой Мораве с той же целью покойнику лили воду от только что сваренной кутьи и горячее В. в глаза, уши, рот. На поминках в том же Поморавье брали два кубка с В., передавая их присутствующим перекрестно через стол и постоянно доливая В.

В. клали в гроб с разными целями: или потому, что покойник его любил, или для того, чтобы оно стало целительным, пробыв в могиле 40 дней. Считалось, что такое вино из могилы излечивает чахотку. При «вторичном» **погребении** кости покойника обязательно обмывали вином.

В. в календарных обрядах употребляется часто. В рождественский сочельник сербы, болгары и македонцы поливали вином **бадняк**, угощая его, как человека. Вином сербы тушили бадняк и рождественскую свечу; такое вино в Шумадии считалось целебным, им лечили грудные болезни. **Полазника** на Рождество, в дни св. Игнатия (20.XII) и св. Варвары (4/17.XII) угощали вином. В день св. Трифона было принято подрезать виноград; каждый куст после подрезания поливали вином, чтобы был урожай винограда; каждому встречному подносили фляжку с В.; день кончался всеобщим пиршеством в корчме.

На сербской **«славе»** священник благословляет В. в чаше, поливает им «славский» пирог. Из чаши каждый должен отпить глоток (Косово). В первый день пахоты пахарь поливал вином землю.

В обычаях В. противопоставляется воде и ракии. Далматинцы верили, что если наливать в стакан сначала В., а потом воду, будут рождаться мальчики, а если наоборот — девочки. Македонцы считали, что разлить ракию — к беде, а разлить В. — к покойнику (Охрид).

У западных славян (чехов и словаков) в день св. евангелиста Иоанна (27.XII) носили освящать В. в костел. Сербы в день Усекновения не пили красного В., «чтобы не пить кровь св. Иоанна». Хорваты в Далмации чтили день св. Мартина (11.XI), покровителя виноделов, пробовали новое вино. В восточной Сербии чтили змею, живущую в винных погребах, отливали ей в особую плошку В. и не позволяли ее убивать во избежание градобития (Болевац).

Н.И.Толстой

ВИХРЬ — в народной метеорологии нечистый, опасный ветер, результат деятельности и воплощение различных демонов. Для представлений о В. существенна семантика кручения, верчения, витья как магических действий, имеющих демоническую природу. По этому признаку В. входит в один семантический ряд с **колтуном**, **заломом**, водоворотом.

По народным поверьям, в В. крутятся, танцуют, дерутся, справляют свадьбу черти, ведьмы, **вилы**, полудницы, лешие, шишиги и др., поэтому украинцы говорят о В., что это *черт на свадьбу едет, ведьма замуж идет, черт крупу мелет*; белорусы называют В. *ведьмина свадьба*; поляки — *дьявольская мельница*. У сербов и черногорцев В. поднимает отправляющийся на битву **здухач**. В севернорусской традиции с В. связано появление **лешего**.

Появление В. связывается с неправильной, нечистой смертью, с самоубийством. Украинцы считают, что В. летит в ту сторону, в которую повернуто лицо висельника; русские, поляки и кашубы — что В. гонит душу самоубийцы; в Полесье верят, что В. ночует на могиле самоубийцы. По восточнославянским поверьям, вихрем прилетает домой душа умершего родственника, в нем крутятся проклятые люди, мертворожденные и **дети некрещеные**. Часто В. сопровождает смерть ведьмы или колдуна. По мнению южных славян, В. — это души убитых людей или женщин, вышедших замуж за вдовцов и поэтому после смерти не имеющих пары.

Мчащийся В. представляется черным или огненным столбом, в котором можно увидеть чертей и ведьм с куриными лапами вместо ног. По русским верованиям, увидеть демонов в В. можно, если нагнувшись, посмотреть между ног, по украинским — если посмотреть через

левую руку или рукав, по лужицким — через вывернутую рубаху, по белорусским — нужно плюнуть три раза и сказать: «Черт, черт, покажи хвост». Если бросить в В. нож, то можно ранить находящуюся в нем нечистую силу, и нож окровавленным упадет на дорогу.

Главной чертой В. является его разрушительная, вредоносная деятельность. Последствиями встречи с В. являются смерть, тяжелые болезни и увечья. Людей, которых «вихрь перешел», если они не умирают, разбивает паралич, у них искривляется рот, вырастает колтун, они становятся глухими или немыми. Ребенка, побывавшего в В., ждет несчастливый брак. Полагают, что В. — причина многих психических заболеваний, прежде всего эпилепсии. Русские и украинцы верили, что В. переносит болезни и порчу. Часто считается, что вылечить болезни, полученные от В., невозможно или можно только специальными заговорами. По украинским поверьям, помогает нож, семь раз освященный на Пасху. Болгары «отчитывают» такого больного на месте его встречи с В. или относят туда жертвенный хлеб.

Для предотвращения пагубного влияния В. существуют обереги и специальные средства. Отождествление В. с бесом предписывало креститься и читать молитву во время В., но если молитва не помогала, прибегали к **брани**. Чтобы отогнать В., нужно плюнуть в него, бросить пуговицу или палку.

Запреты на некоторые действия и слова связаны с опасностью еще больше разозлить В. и навлечь на себя и своих близких смерть, болезни и несчастья. По этой причине, как считали украинцы, нельзя показывать В. кукиш, по белорусским представлениям, — лицо, по болгарским — нельзя разговаривать, по севернорусским, — бросать в В. нож (по некоторым представлениям, нож и кукиш, напротив, отгоняли В.). Нельзя ничего шить из полотна, закрученного В., а также надевать одежду, в которой человек попал в В. — в крайнем случае ее нужно было выстирать и подкурить дымом.

По В. иногда гадали о погоде. По лужицким приметам, если В. разыграется после полудня, то девять дней будет идти дождь.

Лит.: *Азимов Э.Г.* Полесские поверья о вихре // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983; *Петров В.* Вірування в вихор і чорна хороба // Етнографічний вісник. Київ, 1927. Т. 3. С. 102–116.

Е.Е. Левкиевская

ВЛА́СИЙ (Влас) — христианский святой († около 316 г.), день памяти которого отмечается 11/24.II, у католиков Блажей, Блаж (3.II); в народной традиции — покровитель скота. В., согласно житию, во время гонения на христиан скрывался в пустынных местах и жил на горе Артеос в пещере, к которой кротко подходили дикие звери, во всем подчинявшиеся В. и получавшие от него благословение и исцеление от болезней. Мотив покровительства скоту отражен в иконографии св. В. Его иногда изображали на белом коне в окружении лошадей, коров и овец или только рогатого скота. В русской традиции В. звали «коровьим богом», а день его памяти — «коровьим праздником». В Новгороде ко дню св. В. к его образу приносили коровье масло. У белорусов в день св. В. («конское свято») объезжали молодых лошадей и устраивали особую трапезу. По северноукраинским представлениям, В. «завидуе рогатою скотыною». В Сибири праздновали день св. В. как покровителя домашнего скота. В восточной Сербии (Буджак) день св. В. считался праздником волов и рогатого скота (*говеђа слава*), в этот день не запрягали волов.

Сакральный хлеб или пирог (*колач*) месили в день св. В. в Лужнице и Нишаве (восточная Сербия); первым разрезал его «за здравие волов» священник (за его отсутствием — хозяин) с молитвой, как на празднике **«славы»**. В Пиринской Македонии в тот же день женщины пекли хлеб или лепешки и спешили отнести их в церковь и раздать еще горячими, веря, что если от хлеба идет пар, скот будет целый год здоровым. В некоторых деревнях хлеб раздавали на улице. Каждый, кто брал кусок такого хлеба, подпрыгивал и произносил благопожела-

ние: «Пусть живут и здравствуют хозяева. Пусть будут здоровы волы. Пусть они брыкаются, мычат и не дохнут». Оставшийся хлеб раздавали скоту. Болгары из Фракии пекли два хлеба (*питы*) и клали один поверх другого, затем отламывали от них кусочки для волов и угощали соседей. В западной Болгарии пекли два хлеба, называя их *св. Петка* (св. Параскева Пятница) и *св. Влас*; первый разламывали и раздавали соседям «за здоровье волов», а второй несли волам и скармливали им. Доставался он и другой скотине. В Панагюриште пекли общий большой хлеб, который разламывали и раздавали всем встречным, при этом угощавший и угощаемый обменивались междометиями «Му-у-у-у!» в подражание воловьему мычанию. В Пловдивском крае день св. В. называли *Муканица* или *Муковден*, т.к. там при раздаче хлеба (питы) тоже принято мычать. В России, на Вологодчине (Кадниковский уезд), в день св. В. пекли караваи ржаного хлеба и торжественно освящали их, а затем раздавали скоту, иногда варили пиво и пировали три дня.

Совместная трапеза в день св. В. совершалась болгарами в нескольких селах Пловдивского края, там люди ходили по селу, мычали и собирали продукты для общего стола. В середине XIX в. в болгарском селе Перушица все, у кого был скот, выходили за село, резали вола, ели и пили сообща. Возвращались домой бегом, мычали, ржали и блеяли, подражая скоту. На Украине (Харьковщина) в этот день пировали и пили горилку, «чтобы коровы были ласковыми».

Выгон скота на водопой рано утром в день св. В. совершался в селах Пловдивского края. Крупному скоту на рога нанизывали хлебцы, которые потом раздавали детям.

Принесение воды из колодца утром на В. было обязательным у украинцев, живущих в районах Белгорода и Курска: вода стояла три дня в красном углу, потом ею кропили скот и часть выливали назад в колодец, т.к. ее уже «освятил св. В.».

Народная этимология связала имя *Влас* со словом *волос* «волос» и «болезнь в виде тонкого волоска или червячка, которой, по поверьям, болеет скот». Чтобы скот не болел *волосом*, хозяин в день св. В. постился. Другая связь — созвучие *Влас ~ ласка* — лежит в основе верованья, что св. В. охраняет от ласки, которая может вредить скоту.

Табу на прядение, вязание, шитье в день св. В. соблюдалось болгарами в Пиринском крае, «чтобы не болел скот и его хозяин». В этот день кое-где запрещали причесываться, чтобы не завелись «власы» в глазах; пересыпать муку, чтобы она не плесневела, и др.

Икона св. Власия у русских часто висела в хлеву. В день св. В. к нему обращались с молитвой: «Святой Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков, чтобы со двора шли — играли, а с поля шли — скакали». При первом выгоне скота в Иркутской губернии приговаривали: «Угодник Божей Власей! Не оставь скотину в путе и в дороге, итить безо всякова препятствия. Ключ и замок — крепкие слова». Украинцы в день св. В. нередко служили во дворах молебны, вносили образ св. В. в хлев или загон для скота, окуривали скот и кропили его святой водой, «щоб скот добре народився та не хорів».

Н.И. Толстой

ВОДА́ — в народных верованиях одна из первых стихий мироздания; источник жизни, средство магического очищения. Вместе с тем водное пространство осмысляется как граница между земным и загробным мирами, как место временного пребывания душ умерших и среда обитания нечистой силы. В космогонических мифах В. ассоциируется с первобытным хаосом, когда еще не было ни неба, ни земли, а были во вселенной только тьма и вода. Символическое значение В. и широкая сфера ее обрядового использования связана, с одной стороны, с ее природными свойствами (прозрачностью, свежестью, быстрым течением, способностью очищать), а с другой — с представлениями о ней как о «чужом» пространстве и входе в потусторонний мир.

Популярные у всех славян верования о том, что в В. обитают черти, водяные и др. вредоносные духи, раскрывают не-

гативную семантику водной стихии, осмысляемой как опасная для человека среда, ср. русские поговорки: «Где вода, там и беда», «От воды жди беды», «Черт огня боится, а в воде селится». По польским верованиям, В. считалась причиной ряда болезней: от воды происходит лихорадка, водянка, простуда, радикулит, желудочные заболевания (ср. поговорку: «От выпитой воды жабы в животе заводятся»). Входя в воду или набирая ее из источника, люди предпринимали целый ряд предосторожностей: крестились, сохраняли молчание, бросали в В. жертвенные дары, обращались к В. с почтительными приветствиями и т.п. Украинцы Карпат, входя в реку, говорили: «Черт из воды, а я — в воду!», а после купания: «Я из воды, а черт — в воду!» В народных легендах возникновение чертей и вредных насекомых связывалось с водяными брызгами и каплями, — св. Петр подсказал черту, как создать себе помощников: «Набери воды и брызгай ею позади себя: сколько упадет капель, столько сделается чертей». Противоречивая оценка В. как целебной и в то же время смертоносной отразилась в сказочных мотивах о «живой» и «мертвой» воде. «Нечистой» и опасной считалась В., которой обмывали посуду после поминок, больного, новорожденного, покойника (ее выливали в глухие места, где никто не ходит, либо использовали во вредоносной магии).

С поверьями о том, что душа умершего погружается в В., связан запрет использовать ту В., которая имелась в доме в момент смерти кого-либо из членов семьи. Болгары называли такую В. «мертвой» и спешно выливали из всех сосудов, чтобы никто не смог ее отпить. У сербов спешили вылить на улицу всю В. из тех домов, мимо которых проследовала похоронная процессия. Хранящуюся в доме питьевую В. непременно закрывали на ночь крышками или полотном, иначе — как говорили белорусы — «в нее черти заберутся».

Негативная символика В. характерна и для народных снотолкований: считалось, что речная и чистая В., увиденная во сне, предвещает слезы и грусть, а мутная и грязная — болезнь и смерть.

Приуроченное к некоторым праздникам церковное освящение В. имело, по народным представлениям, целью изгнание из нее бесов и очищение от скверны. Такая В. называлась «святой» и считалась самой здоровой и целебной, способной излечить все болезни и защитить от нечистой силы. Чудодейственной считалась также В., набранная из источников и колодцев в особое сакральное время (например, на Рождество, в Великий четверг, в ночь накануне Иванова дня). Магические свойства В. повышались, если при ее набирании и перенесении в дом соблюдались определенные правила: например, ходили за ней до восхода солнца; набирали из источника раньше других односельчан («непочатая» В.); при набирании запрещалось отливать зачерпнутую В. из сосуда; по пути за В. и обратно следовало сохранять молчание («немая» В.). Дома такой В. умывались, поили ею больных, кропили скот, использовали в гаданиях. Дополнительную целебную силу придавали воде опущенные в нее растения, монеты, зерно, угли из своей печи и т.п.

Очистительная, апотропейная и продуцирующая семантика В. раскрывается в многочисленных ритуалах окропления, умывания, купания, обливания, питья особой («наговорной») В., бросания в В. предметов. К проточной В. бегали в праздничные дни умываться для бодрости и здоровья; ею обливали больных или согрешивших людей; традиционным благопожеланием у восточных славян была формула «Будь здоров, как вода». Проточная В. осмыслялась как символ быстроты и успеха в разных делах: чтобы быстро шла работа, первое изделие ребенка, обучающегося ремеслу, бросали в ручей; в любовной магии девушки-гуцулки обращались к В. с приговором — «как быстро течет вода, чтобы я так же быстро вышла замуж». Такие свойства В., как полноводность и нескончаемое течение, определили семантику ритуалов, направленных на обеспечение молочности кормящих матерей: они брызгали себе на грудь В. из ручья, чтобы молоко прибывало (серб.). В ритуалах гаданий о будущем использовались такие свойства В., как возможность

видеть в ней свое отражение (ср. русское выражение «как в воду смотреть» в значении предвидеть будущее) или передвигать брошенные на В. предметы. Считалось, что уже само по себе внесение на ночь в дом В., набранной с соблюдением особых правил, могло вызвать у гадающего вещий сон.

В словесных формулах, адресованных воде, предстает ее персонифицированный женский образ, наделенный личным именем (Елена, Ульяна, Иордана), эпитетами и этикетными обращениями («милая матушка-вода», «Христовая мати», «Богова сестрица»); к ней обращались с просьбой очистить от всего злого (от болезни, порчи, тоски); бросая в В. жертвенную пищу (т.е. в обрядах «кормления воды»), просили себе взамен удачи, счастья, женихов, приплода скота и т.п.

Лит.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 147–156; *Филимонова Т.Д.* Вода в календарных обрядах // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 130–143; *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 245–260.

Л.Н. Виноградова

ВОДЯНО́Й — мифологический персонаж, который обитает в воде и топит людей, хозяин и покровитель водного пространства. В. происходят из душ утопленников, в частности тех, чьи тела не были похоронены, из утонувших или проклятых матерью детей, из плода утонувшей беременной женщины. По другим поверьям, В. — это души злых, грешных людей, отбывающих наказание в воде. Согласно восточнославянским и словацким легендам, В. произошли из восставших ангелов, сброшенных Богом в воду. В наибольшей степени представления о В. развиты у восточных и западных славян, хотя типологически они различаются. Восточнославянский В. осмысляется как хозяин водоема, всей рыбы и животных, которые в нем обитают. У западных славян В. не имеет статуса хозяина водоема: он там просто живет, зато подчеркивается его происхождение из утопленников. У южных славян образ водяного духа развит слабо и ассоциируется с дьяволом, сидящим в воде или с неким духом-хозяином озера, имеющим облик коня, барана, жабы или железного человека.

Восточные славяне представляют В. в виде древнего старика, западные — в виде взрослого мужчины, чехи — в виде маленького мальчика, а поляки и словаки часто считают, что В. невидим. В поверьях подчеркиваются аномальные черты в облике В.: он очень высокий или очень маленький, по западнославянским поверьям, у него очень длинные и худые ноги, огромная голова остроконечной формы; русские считают, что он горбат, поляки — что он ходит боком так, что невозможно увидеть его лицо. По общеславянским поверьям, В. лохматый и волосатый, оброс тиной, водорослями и мхом, у него зеленые волосы, длинная борода. Одежда В. преимущественно красного, черного или зеленого цветов. Часто В. имеет зооморфные черты: у него конская голова; чехи считают, что вместо волос у В. рыбья чешуя; русские, поляки, сербы и чехи полагают, что у него на ногах копыта, перепонки между пальцами; русские и сербы считают, что у В. есть хвост. В. может превращаться в любую рыбу или животное, а также в предметы: камень, дерево, бревно и пр. Характерные звуковые проявления В. — громкий смех, хлопанье в ладоши, шлепанье по воде. Типичный признак западнославянского В. — вода, постоянно капающая с его волос, шляпы, одежды, когда он выходит на берег.

Часто считают, что у В. есть семья. Согласно восточнославянским и польским верованиям, В. берет в жены **русалок**, утонувших девушек, западные славяне считают, что он сватает девушек в деревнях. Чехи полагают, что его жена имеет облик женщины с зелеными волосами; согласно севернорусским поверьям — это уродливая женщина с огромной грудью, она заботится о душах утопленников, стирает, рожает детей. По некоторым русским и белорусским представлениям, В. холост.

Места обитания В. — глубокие водоемы, водовороты, омуты, запруды, плотины и мельницы. В. показывается человеку и на берегу: на камнях, мельничных колесах, плотах, мостах, стогах сена.

Время наибольшей активности В. — полдень, полночь, время после захода солнца, лунные ночи. В. особенно опасен во время больших праздников: в ночь на Ивана Купалу, в субботу перед Троицей, а также в период цветения ржи. Зимой В. спит на дне реки, просыпается 1 апреля, ломает лед, мучает мелкую рыбу.

Основная вредоносная функция В. — заманивать людей и животных в воду и топить их. Украинцы считают, что он топит тех, кто плавает над его жилищем; с точки зрения поляков, его нападениям подвергаются те, кто сквернословит, работает в воскресенье, не соблюдает постов; по восточнославянским и сербским поверьям, В. топит тех, кто не перекрестился, входя в воду, а согласно словацким — тех, кто смеялся над ним. На Русском Севере и в Польше полагают, что В. каждый год должен получать своего утопленника.

В. бывает причиной несчастий, болезней, он устраивает водовороты и наводнения, вызывает сильный ветер, затопляет луга, губит посевы на прибрежных полях. Западнославянский В. ходит в гости к людям, посещает ярмарки, участвует в сватовстве и присматривает себе жену, заманивая девушек яркими лентами.

Согласно восточнославянским поверьям, В. охраняет рыбу и птицу, переманивая ее из других озер; пасет табуны своих лошадей и стада своих коров на прибрежных лугах. Плотогоны, **мельники** и рыбаки его почитают и боятся. Чтобы умилостивить В., ему делали приношения: бросали в воду дохлых животных, жертвовали первый улов рыбы, хлеб, соль, водку, деньги. Мельники приносили в жертву В. сало или внутренности свиньи. Чтобы В. не разрушал плотину, в ее основание закапывали череп.

Средства защиты от В.: чеснок, папоротник, веревка, сплетенная из девяти полос липового лыка, пуговица от свадебного наряда, святая вода. В. не может утопить человека, съевшего хлеб из муки, смолотой в ночь на Ивана Купалу. Чтобы избавиться от В., следует загадать ему загадку или задать вопросы, на которые он не сможет ответить.

Лит.: *Левкиевская Е.Е., Усачева В.В.* Полесский водяной на общеславянском фоне // Славянский и балканский фольклор. М., 1996. С. 153–172; *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 49–67.

Е.Е. Левкиевская

ВОЗДВИ́ЖЕНИЕ — праздник Воздвижения Креста Господня (14/27.IX). В народном календаре — начало осени; связывается с движением земли (ее обитателей, некоторых предметов), сменой времен года: ср. рус. «Воздвиженье кафтан сдвинет, шубу надвинет», «В Здвиженье одежду сдвигают», «хлеб в пояс сдвинулся», укр. «здвигается земля з літа на зиму», «кожух іс свитою здвігаються». На В. солнце «надвигается», т.е. играет, переливается всеми цветами радуги. Птицы «двигаются» в отлет, направляясь в ирей. По укр. легенде, Птица-Судья предварительно определяет каждому судьбу по заслугам: одни остаются зимовать в холодном краю в наказание (ласточки), другие — для забавы людей. Остальные выбирают себе вожака. И змеи отправляются в собственный ирей на зимовье (сдвигаются). Они забираются на деревья, чтобы напоследок погреться на солнце, сплетаются в большой клубок, а затем прячутся под землю, которую Господь замыкает вплоть до *Благовещения* (или *Юрьева дня,* дня св. Руфа, 8.IV). Земля не принимает лишь ту змею, которая согрешила, укусив человека. Змеи могут уйти и под воду, поэтому с этого дня купаться запрещено.

Общее для восточных и южных славян поверье об уходе змей в отдельных регионах детализируется и увязывается с др. фольклорными сюжетами. У русских рассказывают, например, о подземной свадьбе змей. На Черниговщине с В. связывается легенда об аисте, выпустившем из мешка *гадов.* По западноукраинским поверьям, над змеями устраивает суд Подземный (хозяин) или Бог; суще-

ствует также предание о сражении змей за королевскую корону. Многочисленны рассказы о людях, которые, нарушив запрет ходить в лес на В., очутились вместе со змеями под землей, где и остались до весны. В этот день смельчак, отправившись в лес, может завладеть рожками змеиного царя.

В. считается пограничной датой для начала или окончания сева озимых, уборки кукурузы, сбора фруктов, посадки деревьев. В Черногории и Боснии на В. вынимали из ульев соты. К В. были приурочены гадания о погоде и урожае. Собранные и освященные на В. растения почитаются как целебные.

На В. совершались обходы домов и полей священником, молитвы об урожае. Предписываемый в этот день пост соблюдается, в числе прочего, ради защиты домашней скотины от медведей; в некоторых местах Русского Севера на В. исполняется очистительный обряд «похорон мух».

В некоторых русских областях В. почиталось «особым днем для лешего» или «игрищем у медведей».

Г.И. Кабакова

ВО́ЗДУХ — в народных представлениях одна из основных стихий мироздания (как и **земля**, **огонь**, **вода**); сфера пребывания душ и невидимых демонических существ. В народных верованиях сближаются представления о В. и дыхании, дуновении, **ветре**. Пространство, заполняемое В., обширнее, чем земля; на В. «покоится» или «висит» небо.

В. служит проводником, средой, через которую насылается порча, распространяется **болезнь**. Появление «злого», «нечистого» воздуха связывают с моментом полного затишья, затмением луны и т.д. Людям, оказавшимся в такое время под открытым небом, предписывается упасть лицом вниз на землю, чтобы «не ухватить этого воздуха», и т.п.

Многие демонологические персонажи, обитающие в воздухе (**духи атмосферные**, **здухач**), в том числе и болезнь, имеют облик пара, ветра, воздушного столба, густого дыма, газа и т.п. (см. **Окуривание**). Опасные для человека духи, вызывающие сильный ветер, вихрь, смерч, могут поднять человека в В. и сбросить вниз, растерзать человека в В. и т.д. Воззрение на В. как среду обитания **бесов** присуще книжной христианской традиции.

Лит.: *Плотникова А.А.* Воздух // Родина. 1994. № 2. С. 103–105.

А.А. Плотникова

ВОЗНЕСЕ́НИЕ — праздник весенне-летнего цикла, отмечаемый на 40-й день после Пасхи, в четверг. У восточных и южных славян связан с представлением о посмертном пребывании души на земле и ее вознесении на небо через 40 дней после смерти. В. замыкает собой пасхальный цикл, в течение которого небесные врата якобы остаются открытыми для всех. Души умерших могут в это время посещать своих близких, а любой усопший в этот период, даже грешник или умерший неестественной смертью (см. **Покойники**), беспрепятственно попадает в рай. После В. св. Петр накрепко запирает врата рая. В период от Пасхи до В. вместо обычного приветствия говорили друг другу «Христос воскресе!». По русским поверьям, в эти 40 дней по земле ходит Христос, поэтому грех плевать за окно (где может стоять Господь), не следует оставлять нищих без подаяния (нищим может оказаться Христос).

В. или его канун почитали праздником мертвых, когда пекли и раздавали поминальные хлебы: у восточных славян в форме «лесенки» (по ней Христос должен подняться на небеса), а также блины, называемые «христовы» или «божьи онучи», в которых Христос идет на небеса. Украинцы устраивали поминки на могилах родных, а словенцы совершали обходы кладбищ. По болгарским поверьям, именно на В. предки возвращаются на «тот свет» после кратковременного пребывания на земле: в этот день на кладбищах разводили костры и поливали могилы водой. Русские в этот день гадали по выпеченным «лесенкам» (см. **Лестница**).

Украинцы и русские на В. ходили «проведывать» посевы. На поле подки-

дывали вверх принесенные с собой «лесенки», ложки, яйца, куски пирогов, чтобы так же высоко выросла рожь; скатерти — чтобы лен был длинным. Взрослые «поднимали» на поле за уши маленьких детей, спрашивая их: «Видишь ли Москву?», и высказывали пожелание: «Расти, рожь, большая, вот этакая». После обхода поля с крестным ходом женщины «катали» по ниве священников, чтобы снопы были большими и тяжелыми.

Южные славяне на В. совершали выходы в поле и обходы посевов с крестным ходом. Накануне дети делали специальный деревянный крест, украшали его цветами, венками и лентами, а наутро, неся крест впереди процессии, обходили село дом за домом и исполняли под окнами особые песни: «Мы крест носим, Бога просим. Пусть Господь даст, чтобы дождь шел, трава росла, нива зеленела...». Хозяйка обсыпала детей пшеничным зерном, подбрасывая его высоко, «чтобы так же высоко росла и пшеница».

В Сербии, Боснии и Хорватии В. считается началом скотоводческого сезона, когда стада впервые выгоняли на летние пастбища, лошадям «ради здоровья» стригли хвосты и гриву, на рога коровам вешали венки. В это время соблюдали также многочисленные запреты, призванные обеспечить охрану скота и его здоровье. Сам праздник В., а также весь период от Пасхи до В. у восточных и южных славян связан с метеорологическими мотивами. Сербы все четверги от Страстного четверга до В. называют «белыми» и в эти дни не стирают, не бьют вальком белье во избежание града; болгары не выносят во двор белую одежду, чтобы не было града и инея. В течение лета со дня В. каждый день специально звонят в колокола, полагая, что тем самым «крестят» облака, чтобы «Бог сохранил землю от вредного воздуха и ветра». В Полесье совершают обряд «вождения стрелы», которому приписывают функцию защиты от грома: «Давайте пойдем стрелой Ушестье (Вознесение) провожать, чтобы нас гром не побил, нашу деревню не спалил». У южных славян на В. во время обходов полей принято было втыкать в поля, виноградники, сады ореховые, кизиловые и др. ветки или сделанные из них крестики, чтобы защитить посевы от града.

В. считалось также пограничной датой, разделяющей весну и лето. Поэтому у восточных славян к В. были приурочены некоторые проводные обряды, например «проводы весны». После В. запрещалось петь весенние песни и др. Пограничный характер праздника В. проявлялся и в обрядах «перехода» в иную социальную группу. У словаков подросшие девочки впервые в этот день получали право появиться на улице в одежде взрослых девушек, сидеть среди них в костеле, гулять с парнями, участвовать в праздниках и посиделках, организуемых молодежью. В Болгарии в этот день девушки одалживали свои одежды подружке, недавно вышедшей замуж, чтобы поскорее последовать ее примеру.

Т.А. Агапкина

ВОЛК — одно из наиболее мифологизированных животных. В народной трактовке близок **медведю** и другим хищникам и тесно связан с **собакой**. Согласно легендам, черт слепил В. из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить. Хтонические свойства В. сближают его с **гадами**. Гады, вороны и галки появились на свет из стружек от выстроганного чертом волка. В. объединяется с нечистыми животными, не употребляемыми в пищу, характерным признаком которых является слепота или слепорожденность.

Определяющим в символике В. является признак «чужой». В. воспринимали как чужого, как посланца иного, потустороннего мира (как Божьего, так и загробного и демонического). Он может осмысляться и как инородец: например, стаю В. называют «ордой», в заговорах В. называют евреями. С В. связывают различные инородные тела: «волк» — название нароста на дереве или черной сердцевины в нем; наросты и опухоли на теле лечат волчьей костью или с помощью человека, съевшего волчатины. «Волчьей» символикой может наделяться каждая из участвующих в свадьбе сто-

рон как чужая по отношению к противоположной. С В., ищущим себе добычи, символически соотносится и сам жених, добывающий себе невесту.

В. выступает как представитель потусторонних и демонических сил. Время разгула В., когда они рыщут стаями, совпадает с периодом разгула **нечистой силы**. В. знается с нечистью и нередко сам причисляется к ней. Неслучайно его отгоняли крестом и даже делали оконные рамы в форме креста, чтобы отпугнуть его от жилья. Чехи иносказательно называли черта волком. В В. может обращаться дьявол и ведьма. В. служит черту конем, и на нем часто ездит ведьма, кума черта. Южные славяне в облике В. представляли упыря — ходячего покойника, встающего по ночам из гроба. Иногда называли волком ходячего мертвеца-**вампира**. Считали, что покойник становится вампиром, если его мать во время беременности ела мясо животного, убитого волком.

Некоторые заговоры от В. говорят о том, что он посещает обитателей загробного мира: «На том свете был?» — «Был». — «Мертвые кусаются?» — «Нет». — «И ты не кусайся». Как и умерших, В. приглашали к рождественскому столу: «Волчок, волчок, сядь с нами сегодня пообедать, а если сегодня не придешь, то не приходи никогда». Поскольку В. так близок умершим, человек при встрече с ним старался и сам притвориться мертвым, чтобы В. его не тронул, отнесся к нему как к своему. А иногда, повстречавшись с В., призывали умерших, обращаясь к ним по имени, звали знакомого умершего охотника или называли имена трех своих предков, как бы прося у мертвых защиты от В.

В. — посредник между людьми и силами иного мира, поэтому в похищенной В. скотине видели жертву, предназначенную Богу. Лишать В. его добычи считали грехом. Верили, что если человек отнимет у В. чужую скотину, тот унесет у него его собственную. Рассказывают, как однажды св. Николай, хозяин волков, наставлял работника, вырвавшего барана из волчьих зубов: «Запомни, ни у кого нельзя отбирать того, что ему Господь Бог предназначил!» Отбитая у В. овца, побывав в волчьей пасти, сама покорно пойдет за ним, пока он ее не загрызет. Если хозяин пожалеет зарезать к празднику своего барана, то В. выполнит это за него: задерет этого барана. Похищение В. скотины воспринималось как жертва и сулило хозяину удачу. Болгары видели в краже В. овцы счастливый знак — верили, что овцы от этого будут хорошо ягниться и давать много молока.

Чаще всего покровителем В. и одновременно охранителем стад считают св. Георгия (Юрия, Егория). В той же роли выступают свв. Николай, Михаил, Мартин, Мина, Даниил, Савва, Лупп, Петр и Павел. Широко распространены былички о человеке, подслушавшем, как хозяин волков (св. Юрий, царь волков) назначает В. их будущую добычу.

Для защиты скота от В. соблюдают запреты на действия и работы, связанные с продуктами скотоводства (овечьей шерстью и пряжей, мясом скота, навозом), на ткацкие работы и пользование острыми предметами. Опасным считается и упоминать В. Поэтому для В. используют другие названия: рус. «зверь», «серый», «кузьма», «лыкус», укр. «скаменник», «малий» и др. Чтобы В. не съел пасущийся скот, кладут в печь железо в день св. Николая, втыкают нож в стол, в порог или накрывают камень горшком со словами: «Моя коровка, моя кормилица надворная, сиди под горшком от волка, а ты, волк, гложи свои бока». При первом выгоне скота с той же целью замыкают замки, посыпают печным жаром порог конюшни. Для защиты от В. используют заговоры, обращенные к лешему, к святым — покровителям В., с тем чтобы они уняли «своих псов».

Глаз, сердце, зубы, когти, шерсть В. часто служат амулетами и лечебными средствами. Волчий зуб дают грызть ребенку, у которого прорезываются зубы. Хвост В. носят при себе от болезней. Нередко оберегом служит само упоминание или имя В. Так, о появившемся на свет теленке говорят: «Это не теленок, а волчонок». Повсеместно перебегающий дорогу или встретившийся в пути В. предвещает удачу и благополучие. Вой В. сулит голод, вой их под жильем —

войну или мороз, осенью — дожди, а зимой — метель.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 122–159.

А.В. Гура

ВОЛКОЛА́К — человек-оборотень, с помощью колдовства превращающийся или превращаемый на определенный срок в волка. Принято считать, что имя *волколак* образовано сложением слов *волк* и южнославянского *длака* «шерсть, шкура».

Представления о В. наиболее полно сохранились в украинской, белорусской и польской традициях, где с В. связаны сюжеты многих быличек: колдун превращает участников свадьбы в волков; человека превращает в В. отвергнутая им девушка; злая теща (жена) превращает нелюбимого зятя (мужа) в В.; колдун превращается в В., чтобы причинять зло людям; муж-В. в урочный час превращается в волка и нападает на свою жену, которая позже опознает его, увидев у него в зубах клочок своего платья. Слово *волколак* в большинстве русских говоров не известно, но русские представления об оборотнях (см. **Оборотничество**) близки поверьям о В. У сербов имя *вукодлак* обозначает вампира, образ которого вобрал в себя основные признаки В. В болгарской традиции под *волколаком* также часто понимается вампир, но сохранились представления и о В. как о человеке-оборотне, и об убийстве охотником волка, под шкурой которого оказывается человек.

Согласно восточнославянским и польским поверьям, В. чаще всего имеет облик обычного **волка**, хотя некоторые особенности его внешнего вида и поведения выдают в нем оборотня: с точки зрения русских, на задних ногах у В. колени выступают вперед, как у человека, а не назад, как у волка; белорусы считают, что у него человеческая тень и он всегда бегает один, вне стаи. По украинским, белорусским и польским поверьям, у убитого В. под шкурой находят остатки истлевшей одежды, свадебные украшения, бусы.

В. могут стать **колдуны** и **ведьмы**. Иногда склонность к оборотничеству предопределена судьбой: украинцы считают, что В. — люди, зачатые накануне Пасхи, рожденные женщиной от связи с волком, а русские полагают, что это люди, проклятые родителями. По чешским поверьям, людей в волков обращает св. Николай, а по южнославянским — св. Юрий, который набрасывает на людей волчьи шкуры.

Восточные и западные славяне полагают, что желая превратиться в В., человек должен перекувырнуться через осиновый пень, перекресток, воткнутые в землю ножи. В других случаях человека опоясывают заговоренным поясом или накидывают его со специальным проклятием, «замыкая» его в зверином облике. Согласно украинским, белорусским и польским быличкам, человек, превращающийся в В., должен раздеться донага или заменить свою одежду ветхой, рваной в знак приобщения к «иному» миру.

Возвращение В. облика человека происходит при исполнении тех же действий в обратном порядке: кувыркании через перекресток (пень, ножи), перешагивании через пояс. Вернуть человеческий облик можно, разорвав символические путы, которые удерживают человека в зверином состоянии. Украинцы и белорусы считают, что для этого нужно перепрыгнуть через ров или перелезть через забор. У В., превращающегося в человека, лопается пояс, слезает волчья шкура, и он становится человеком.

Восточные славяне и поляки верят, что колдун может превратить человека в В. на большой или малый срок, но не навсегда, обычно на семь лет, но если колдун умрет, человек останется В. на всю жизнь. В других случаях полагают, что колдун не может умереть, пока не освободит человека от этого заклятья.

Человек, обращенный в В. насильно, испытывает страх и отчаяние, не нападает на скот и людей. В. избегает настоящих волков и ищет случая, чтобы снова стать человеком. По другим представлениям, В. поступают в услужение к волкам и обязаны по их приказу нападать на скот. В. не может есть сырое мясо и пытается жарить его на углях, оставлен-

ных от пастушьих костров, вынужден питаться кореньями, лесными ягодами, воровать хлеб у жнецов и пастухов. По другим верованиям, В. питается сырым мясом, хотя с трудом к нему привыкает. По украинским и южнославянским верованиям, В. являются причиной солнечных и лунных **затмений**, т.к. поедают солнце и луну, о чем упоминается в сербской рукописи 1262 г.

Е.Е. Левкиевская

ВО́ЛОС, В е́ л е с — в славянской мифологии бог. В древнерусских источниках (начиная с договора русских с греками 907 г. в «Повести временных лет») выступает как «скотий бог» — покровитель домашних животных — и бог богатства. В договорах с греками В. соотнесен с золотом, тогда как другой постоянно упоминаемый наряду с ним бог — **Перун** — с оружием. В Киеве идол Перуна стоял на горе, а идол В., по-видимому, на Подоле (в нижней части города). В христианскую эпоху В. был заменен христианским покровителем скота св. **Власием** (сыграло роль и звуковое соответствие имен), а также Николой и Юрием (**Георгием**). Следы культа В. (чаще всего под видом почитания св. Власия) сохранились по всему Русскому Северу, где были известны и каменные идолы В., и легенда о святилище В. В новгородских и других севернорусских иконах, в молитвах св. Власию явственна связь его культа со скотом. Характерно также переплетение культа В.— Власия с почитанием медведя как хозяина животных. Называние Бояна «Велесовым внуком» в «Слове о полку Игореве» может отражать древнюю связь культа В. с обрядовыми песнями и поэзией. Связь В. с сельскохозяйственными культами очевидна из восточнославянского обычая оставлять в дар божеству несжатыми несколько стеблей хлебных злаков — волотей, называемых «Волосовой бородкой». В своей языческой функции В. воспринимался позднейшей православной традицией (в той мере, в какой она его не ассимилировала, отождествив со св. Власием) как «лютый зверь», «черт», отсюда костромское *еле* — «леший, черт, нечистый», диалектные *волосатик, волосень* — «нечистый дух, черт»; это же позднейшее значение — «черт» известно и в родственном чеш. *Велес* — «злой дух, демон» (тексты XVI–XVII вв.).

Лит.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974; *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

В.В. Иванов, В.Н. Топоров

ВО́ЛОСЫ — в народных представлениях средоточие жизненных сил человека. В магии отрезанные В. (как и ногти, пот, слюна и др.) воспринимались как заместитель (двойник) человека. Нередко отрезанные В. хранили, а затем клали в гроб, чтобы «на том свете дать отчет за каждый волос» (восточные славяне).

В. (как и **шерсть**) символизируют множество, **богатство**, изобилие, счастье. Русские во Владимирской губ. первое яйцо, снесенное курицей, катали трижды на голове старшего ребенка, приговаривая: «Курочка, курочка, снеси столько яичек, сколько у ребенка волосков!». Македонцы в Охриде, продав скотину, чесали деньгами свою бороду, заклиная: «Сколько волос в этой бороде, столько пусть будет благополучия и изобилия». Сербы касались монетой В. на голове и в бороде, «чтобы такими же были и всходы, и урожай». Поляки в районе Жешова в Сочельник взъерошивали В., повторяя: «Вяжись, жито, вяжись!». Словенцы в день св. Барбары приходили в дом и желали хозяину столько телят, свиней, жеребят, возов репы и т.д., сколько на голове В. Женщины на Смоленщине в Юрьев день срывали друг у друга в поле платки с головы и дергали за В., «чтобы у хозяина жито было густое и рослое, как В.».

Расчесывание В. ограничено целым рядом запретов. Сербки причесывались в понедельник, вторник и четверг, а украинки — во вторник, четверг и субботу. Строгий запрет касался пятницы; его соблюдали многие славяне, прежде всего русские. Сербы не расчесывали В. в этот день, «чтобы волки не резали скот». В Сербии (Шумадия, Поморавье) не че-

сали В. во время похорон, «чтобы не болела голова и не выпадали В.». В то же время в некоторые праздники расчесывание В. считалось обязательным. Девушки в западной Сербии и македонки в районе Скопья в Юрьев день расчесывали В. в ржаном поле, «чтобы иметь В. густые, как рожь, и быть здоровыми». На Витебщине пожилые крестьянки расчесывали В. на Пасху, «чтобы у них было столько внуков, сколько В. на голове».

В., выпавшие при расчесывании, нельзя было бросать: ведьмы могли из В. сделать «завой» с наговором (Черниговщина), вихрь мог подхватить, злой человек — наслать порчу и т.п., поэтому В. затыкали в щели, зарывали в землю, закапывали на перекрестке; клали под камень, сжигали (иногда, напротив, сжигать запрещалось). Полагали также, что, если В. оставлять на полу, выметать их и топтать, будет болеть голова, появятся ревматизм «волос» и др. болезни. Мытье В. также предусматривало подобные ограничения.

Стрижка В. регламентировалась в зависимости от возраста, пола и времени — дней недели и лунных фаз. Почти повсеместно ребенка не стригли до года или даже до семи лет, чтобы «не отрезать язык» ребенку, т.е. не задержать развитие речи (русские, белорусы), чтобы «не состричь ума» (словенцы). Для первой стрижки у восточных славян выбирали новолуние, «чтобы В. быстрее росли»; у болгар, лужичан — полнолуние, «чтобы на голове было полно В.». На Украине и в Белоруссии не стригли пастуха с Юрьева дня до Кузьмы и Демьяна (1/14.XI), иначе можно было ожидать болезней скота, плохого отела, нападения волков.

Состриженные В., как и выпавшие, не бросали, а зарывали в землю, клали под камень, прятали от птиц, относили к плодовому дереву, зарывали в муравейник (болгары), засовывали за плетень (украинцы).

Для стимулирования роста В. сербки клали выпавшие В. под каблук; хорваты первые состриженные В. ребенка клали под конек дома или за потолочную балку; словацкие девушки расчесывали В. в Страстной четверг под вербой и пели: «Верба, верба, дай мне В. длиной в три пояса!»; в Герцеговине на Рождество сербские девушки расчесывали В., сидя на **бадняке** и т.п.

В лечебных целях срезанные В. больных забивали в дверную притолоку осиновыми колышками, закладывали в дупло осины и т.п. При помощи В. можно было и наслать болезнь, для чего В. здорового человека закапывали на кладбище (словаки). Хорватские девушки верили, что смогут приворожить молодых людей, если незаметно подложат свои В. им в пищу, а словацкие парни носили за пазухой колечки В. своих избранниц, чтобы возбудить их любовь.

В обряде крестин В. ребенка закатывали в воск и бросали в купель: закружится комочек — «к житью», пойдет ко дну — «не к житью» (восточные славяне). В свадебном обряде совершались многочисленные ритуалы с В.: жениху крестообразно подпаливали В. на голове; поджигали несколько волосков с головы жениха и невесты, чтобы «злучить» (соединить) их (белорусы), и др. В погребальном обряде В. распускали, расплетали или не стригли в знак траура.

Непокрытые женские В., по народным представлениям, могут принести вред людям, хозяйству, урожаю; женщину без платка может утащить дворовой (Русский Север, Череповецкий уезд), съесть волк (поляки-гуралы), убить гром (русские); увидев ее, «солнце плачет» (украинцы Полтавщины); В. женщины, ходившей с непокрытой головой, после смерти превращаются в змей (болгары) и т.д. Распущенные В. считались характерным признаком женских персонажей нечистой силы — **русалок**, **вил**, самодив, **ведьм**.

Н.И. Толстой, В.В. Усачева

ВОЛХВЫ́ — в древнерусской традиции языческие жрецы, звездочеты, чародеи и предсказатели (ср. волхование, волшебство и т.п.). В древнерусских памятниках обличались как лжепророки: способностью предсказывать судьбу (смерть Вещего Олега и т.п.) наделяли волхвов **бесы**. «Повесть временных лет» (начало XII в.) описывает деяния В. в Ростовской земле и Белозерье во время голода

1071 г.: те обвинили в голоде «лучших жен» (знатных женщин), которые якобы прятали припасы, и магическим образом доставали из тел этих женщин «жито, либо рыбу, либо белку». Когда В., расправляясь с «лучшими женами», погубили много народу, воевода Ян Вышатич схватил их; во время допроса В. рассказали ему о творении человека из ветоши, которой Бог утирался в бане: дьявол сотворил человека, Бог же вложил в него душу, поэтому по смерти тело идет в землю, а душа — на небо (см. **Антропогонические мифы**). На вопрос воеводы, какому богу поклоняются В., те ответили — антихристу, что сидит в бездне (в этом рассказе усматривают влияние богомильской дуалистической ереси, согласно которой сатана, а не Бог является творцом материального мира). Ян грозил В. муками на этом и на том свете, те же отвечали, что воевода не может ничего им сделать, как о том поведали им их боги. Воевода обличил лживость их богов, велев пытать В., а затем повесить их на дубе — их трупы растерзал **медведь**.

«Повесть временных лет» описывает также «волхование» кудесника-шамана, которое видел некий новгородец, побывавший у чуди (финских племен севера Новгородчины). Кудесник стал созывать бесов в свою «храмину» и впал в транс (упал, оцепенев), но бесы побоялись явиться в «храмину», т.к. на новгородце был крест (ср. позднейшие народные обычаи снимать крест при гаданиях, произнесении заговоров и т.п.).

К летописной традиции восходит позднейшая книжная легенда — «Сказание о построении города Ярославля», где рассказывается о волхве — жреце идола **Волоса** в селении Медвежий угол (с оболонью для выгона скота — Волосовой логовиной). У идола горел неугасимый огонь — к нему был приставлен волхв, сам обреченный на сожжение, если огонь погаснет. При первом выгоне скота (у славян — весенний Юрьев день) Волосу приносили в жертву тельца и телицу. Жители Медвежьего угла клялись Волосом в верности князю Ярославу, но при появлении князя выпустили на него «лютого зверя» — медведя: Ярослав сразил зверя секирой (ср. медведя с секирой в гербе Ярославля) и построил на том месте церковь Ильи. Данные книжной легенды повлияли на историографические построения, связывающие языческих волхвов специально с культом Волоса, его зооморфными атрибутами (медведь, шерсть — волосатость) и т.п.

Поздние средневековые источники (Стоглав 1551 г. и др.) продолжают обвинять в бесовских действиях В. и кудесников, под каковыми подразумеваются уже чернокнижники, гадающие по «отреченным книгам» («Волховник» и т.п.), иногда — врачи-иностранцы. Таковым по Псковской летописи (1570) считался врач Елисей Бромелий — «лютый волхв», который был подослан немцами к Ивану Грозному и «на русских людей возложил царю свирепство, а к немцам на любовь преложи».

В книжных легендах (Мазуринский летописец, последняя четверть XVII в.) название р. Волхов связывается с именем старшего сына князя Словена, основателя Новгорода. Волхов был «бесоугодник и чародей»: приняв образ «лютого зверя» крокодила, он поселился на Волхове и пожирал или топил людей. Язычники нарекли его богом — Громом или **Перуном**: чародей поставил свой городок на Перыни (урочище на р. Волхов под Новгородом), где стоял идол Перуна. Когда Волхов был «удавлен» бесами, народ с плачем похоронил его под большим курганом; через три дня земля расступилась и поглотила тело крокодила вместе с курганом. В русском фольклоре волшебные свойства приписываются былинному Волху Всеславьевичу, прототипом которого считается полоцкий князь XI в. Всеслав, рожденный «от волхования».

Волхвами (волхитами, волшебниками и т.п.) в русской фольклорной традиции именовали знахарей, иногда — колдунов и колдуний.

В.Я. Петрухин

BÓРОН и в о р ó н а — в народных представлениях нечистые и зловещие птицы, как и другие представители семейства вороновых (галка, грач). В. — вещая птица. Он живет сто или триста лет и владеет тайнами: предсказывает смерть,

нападение врагов, в былинах дает советы героям, в сказках указывает зарытый клад, в песнях приносит матери весть о гибели сына и т.п. Птицы этого семейства имеют черную окраску и противопоставляются кротким и святым птицам, особенно голубю, как зловещие (ср. рус. «каркать», «накаркать»), хищные и нечистые, что находит отражение в представлениях о птичьем облике душ людей, в народных легендах о всемирном потопе и т.д. С другой стороны, на противопоставлении белого (или пестрого) и черного (безобразного) оперения строится комизм ряда сказок о вороне.

В В. видят **нечистую силу**. Он черный оттого, что создан дьяволом. Облик В. может принимать черт. Души злых людей представляют в виде В. и ворон. Считают, что ведьму можно определить по черному В. на крыше ее дома. Согласно легенде, В. выпустили из ковчега, чтобы узнать о конце потопа, но он назад не вернулся. В наказание за это В., бывший белым, как снег, и кротким, как голубь, стал черным, кровожадным и обречен питаться падалью.

Хищность связывает в поверьях В. с **волком**. Существует примета: кто поет в лесу и увидит В., наткнется на волка. Карканье В. над стадом предвещает нападение волка на скот. По польской легенде, воро́ны и галки произошли из щепок, когда дьявол создавал волка, вытесывая его из дерева. В разных версиях сказочного сюжета «Братья-вороны» братья превращаются в В., ворон или волков. Как и других хищных птиц, убитого В. или ворону вешают в хлеву для отпугивания злых духов, которые мучают по ночам коней или коров.

О кровожадности В. свидетельствует его крик, передаваемый возгласом «кровь, кровь!». Чтобы ружье било без промаха, охотники смазывали его дуло кровью В. Мотив крови присутствует и в легенде о вороне: ворона хотела пить кровь, капавшую из ран распятого Христа, за что Бог проклял ее, отчего клюв ее по краям навеки получил кровавый цвет.

Для поверий о В. характерен мотив кражи. Человек станет вором, если съест сердце или мясо В. По одной легенде, В. или ворона уличает св. Петра в краже коней криком «украл!», по другой — вороной стала девка, обвинявшая своим криком Христа в краже. Считают, что ворона своим карканьем «крал! крал!» обличает вора или предсказывает кражу. О человеке, подозреваемом в воровстве, говорят: «Над ним ворона каркает».

Птицы семейства вороновых связаны со смертью и миром мертвых. Хтоническая символика В. представлена в арабском свидетельстве ал-Масуди († 956). Он описывает славянского идола в виде старца с посохом, которым тот извлекает из могил останки умерших. Под левой ногой его помещены изображения В. и других черных птиц. В похоронных причитаниях смерть залетает в окно черным В. Крик В. вблизи жилья предвещает скорую смерть. Во сне черный В. и каркающая ворона тоже сулят смерть.

В. обладает сокровищами и богатством. Он охраняет клады, спрятанные в земле. В белорусской сказке наследники в поисках денег раскапывают могилу скупой помещицы и обнаруживают В. на груди у покойницы, похороненной вместе с деньгами. В. клал деньги ей в рот, но людям не дал к ним прикоснуться. Верят, что в гнезде В. хранятся невидимые сокровища, что, насобирав много золота и серебра, В. золотит себе голову и хвост. Известно поверье о злом духе в облике черной птицы — вороны или грача, который крадет и носит своему хозяину богатство. В белорусской быличке белая ворона помогает ведьме отбирать молоко у чужих коров.

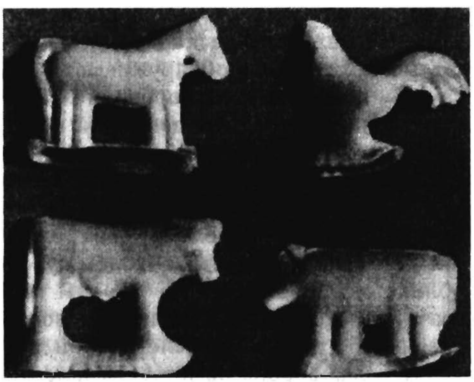
В сказках о животных, анекдотах и поговорках ворона — комический персонаж: на первый план выставляется ее глупость и хвастовство. Она хвалится перед орлом красотой своих детей и просит их не есть. Орел же, увидев самых безобразных из птиц, съедает именно воронят. Ворона меняет свои перья на белые (ср. выражение «белая ворона») и хочет смешаться с голубями, однако те ее прогоняют, но и стая ворон тоже не хочет принять ее назад. Так же и В., надевший лебединые или павлиньи перья, оказывается распознанным и опозоренным. Ворона ленива и нерасторопна (не случайно вороной называют рази-

ню) и поэтому на птичьих выборах прозевала (проворонила) все начальственные должности (царя, губернатора и т.п.) и осталась не у дел. Карканье вороны, нашедшей лепешку навоза, комически обыгрывается в народных шутках.

Лит.: *Сумцов Н.Ф.* Ворон в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 4. № 1. С. 61–86; *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 530–542.

А.В. Гура

ВОСК — вещество, которому приписываются свойства оберега. Широко используется в народной медицине, магии и гаданиях, главным образом как «святое» вещество, противостоящее дьявольским силам (во многом благодаря тому, что из него изготовляли свечи).



Вотивы из воска в виде фигурок животных. Хорватия

В. как оберег применялся в различных сферах деятельности человека: для удачной охоты им покрывали пули; защищая клад, зарывали деньги вместе с восковым крестом; зашивали В. в одежду, чтобы уберечь пчел от ведьмы, и т.д. В. залепляли и отверстия (в стволе дерева, в роге животного), куда предварительно помещали иные вещества и предметы-обереги: ртуть, масло, ладан и проч. В Олонецкой губернии при первом выгоне скота использовали чашечки из В.: в них собирали шерстинки от каждой коровы, после чего прятали в потайное место и произносили заговор от порчи и потерь в стаде. Чтобы воспрепятствовать превращению умершего в «ходячего» покойника или вампира, поляки облепляли шею усопшего пятью шариками из В., украинцы возлагали на грудь покойному восковой крестик, а в руку вставляли свечу.

В народной медицине и профилактической магии известны амулеты из В. На Украине восковые шарики из свечи, освященной в Страстной четверг, носили как ожерелье от лихорадки. У белорусов существовали амулеты из В. в виде тех частей тела, которые предполагалось защитить от болезни. Южные славяне приносили в храм восковые изображения частей человеческого тела и животных. Женщины приносили «жабу» из В., изображавшую матку. Из В. делали такие фигурки, как «дом», «конь», «корова», «петух», «овца», «свинья», «мужское тело», «женское тело», «голова», «рука» и др. Желающий избавиться от болезни или иной беды дает обет в какой-либо праздник и затем каждый год в этот день приносит в церковь свечу и соответствующую фигурку из В. Если дом пострадал от грома, наводнения, приносят «дом»; тот, у кого болеют и дохнут кони, коровы и другой скот, оставляет «коня», «корову» и т.д. При болях по всему телу покупают и приносят «мужское» или «женское тело» и т.д.

Издревле известно литье растопленного воска в воду для распознавания болезни, местонахождения преступника, в гаданиях о жизни и смерти, о замужестве и т.п. Для определения причины болезни знахари выливали расплавленный воск в воду, а для исцеления лили растопленный воск и произносили заговор, например: «Как топится воск, так пусть растопится болезнь». Считалось также, что порча или болезнь «выливаются» вместе с воском. Предполагалось, что В. как «святое» вещество может рассказать правду о будущем. В Моравии знахарка, вытянув из воды застывшую массу воска левой рукой, говорила: «Скажи ты мне, воск, правдивую, святую правду-правдушку!» На святки (а у поляков — в день св. Андрея) особенно

распространены девичьи гадания с В. о суженом: предсказания делаются по очертаниям застывшего В.

Лит.: *Сержпутовский А.К.* Бортничество в Белоруссии // Материалы по этнографии России. Пг., 1914. Т. 2.

А.А. Плотникова

ВОСКРЕСЕ́НЬЕ — день недели, противопоставленный остальным дням как праздник будням. В большинстве славянских языков и диалектов название этого дня (*неделя*) восходит к выражению со значением «не делать, не работать». В русском (из церковнославянского) *воскресенье* закреплена память о дне Воскресения Христова. По сербским верованиям, каждое В. — «малая Пасха». Вместе со **средой**, **субботой**, а в части языков и **пятницей**, В. образует серию «женских» дней; наделяется женской символикой и персонифицируется в образе св. Недели. Особая близость В. к пятнице объясняется христианским мотивом, связывающим день смерти и день воскресения из мертвых (по сербским представлениям, пятница — мать В.).

В народной традиции В. — сакральное время, посвященное Богу, «божий день». В В. ходили в церковь, к святым местам — источникам, деревьям, камням; считали этот день особенно благоприятным для магических способов лечения, предсказаний и т.п.

Повсеместно действовал запрет на хозяйственные и домашние работы в В., обычно вступавший в силу еще с субботы и снимавшийся лишь в понедельник после восхода солнца. Нарушение запрета считалось большим грехом. По хорватским верованиям, запрет вызван тем, что «у всех святых есть руки, а у Недели их нет, поэтому работать грех». Особенно строго запрещалось прядение и тканье; нельзя было в ночь на В. оставлять на виду инструмент и пряжу, т.к. считалось, что св. Неделя приходит ночью и жалуется, что не соблюдавшие запрета женщины «колют ее веретенами», «прядут ее волосы» и т.п. (восточные славяне). В сербском средневековом поучении содержится запрет кроить одежду в В.: «Если скроишь в воскресенье, толку не будет, в муках и страданиях износишь и изорвешь эту одежду». В Черногории избегали даже вдевать нитку в иголку, чтобы не испортить зрение. В В. женщинам запрещалось также стирать белье, расчесывать волосы, ибо это «сокращает жизнь мужьям» (Босния) или «лишает их волос» (украинцы), мыть голову. На Украине, в Купянском уезде (Харьковская губ.) считали большим грехом рубить что-нибудь топором, даже щепок нельзя было наколоть, а следовало их отламывать. Верили, что полено, отрубленное в В., через семь лет само загорится и сгорит. В западной Белоруссии не смели в В. даже выбрасывать пепел из печи, считая, что от этого могут появиться вши. Великим грехом считалось в В. точить ножи, т.к. это означает «перепиливать в аду цепь, на которой сидит Люцифер» (западная Белоруссия).

Вместе с тем в В. не запрещалось и даже предписывалось совершать некоторые ритуальные и символические виды работ, например первую пахоту, сев, первый выгон скота на пастбище, закладку нового дома и т.п. Не запрещалась также работа в пользу нуждающихся — вдов, сирот, больных (*толока, моба* и т.п.). Не считалась грехом и работа вынужденная, необходимая для спасения урожая, скота и т.п.

Украинцы Полтавщины старались именно в В. посадить курицу на яйца; лужичане считали, что в В. «хорошо отлучать теленка от вымени».

Положительная оценка В. отражена в верованиях о судьбе родившихся в этот день: они будут долго и счастливо жить (лужичане, поляки). В Польше считали, что родившийся в В. обладает даром видеть умерших и общаться с ними. Однако на Холмщине полагали в соответствии с этимологией, что такие люди бывают ленивыми. Сербы также считают их плохими работниками. По болгарским представлениям, родившийся в В. должен любить чтение, стать учителем или попом.

По украинским верованиям, в ночь под В. можно обезвредить ведьму, для чего следует подойти к глухой стене ее дома, обернуться, подуть, плюнуть три раза и «дать туда дулю».

Значительно реже встречается отрицательная оценка В.: по лужицким представлениям, заболевший в В. не поправится; поляки верят, что утопленники, обитающие в водоворотах, особенно активны в воскресный день.

В народном календаре к наиболее почитаемым В. относятся: Светлое воскресенье (**Пасха**), Фомино воскресенье, **Троица**, Прощеное воскресенье (см. **Масленица**), **Вербное воскресенье**. У сербов В. на «младой» неделе, т.е. в первую неделю новолуния, считается опасным, страшным днем, его боятся больше других, остерегаются даже месить хлеб. Белорусы в такой день стараются не пропустить церковную службу и особенно строго соблюдают запрет на работу, даже в лес по грибы не ходят, тогда как в другие В. могут и на сено поехать. Вместе с тем именно в этот день старались начать осеннюю пахоту (Горня Пчиня), заключить **побратимство**. Девушки в такое В. гадали о суженом.

Лит.: *Веселовский А.Н.* Опыты по истории христианской легенды // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1876. Т. 184.

С.М. Толстая

ВРЕ́МЯ — одна из основных категорий (наряду с пространством) мифологической картины мира. Включает понятие природного и жизненного времени. Природное В. состоит из астрологических циклов — солнечных (год, сутки), лунных (см. **Луна**) и вегетативных (В. роста и созревания растений). Жизненное В. уподобляется природному, ср. русскую загадку: «Утром на четырех ногах, в полдень — на двух, вечером — на трех» (отгадка: человек в детстве, зрелом возрасте и в старости).

В народной традиции В. наделяется положительным или отрицательным значением. Положительное В. — это время жизни, отрицательное — время смерти, потустороннего мира, нечистой силы. Как и в пространстве, в понятии В. важны границы — полдень и полночь и соответствующие им точки годового и лунного циклов, которые считаются опасным и нечистым В. (ср. такие названия демонов, как *полудница, ночница*). Наибольшую опасность для людей представляет В. между полночью (зимним солнцестоянием) и рассветом (весной), которому в традиционном календаре соответствует период святок (от Рождества до Крещения) и масленицы. Это время разгула нечистой силы. Так же оценивается и время летнего солнцестояния (см. **Иван Купала**).

«Хорошее» В. приносит человеку здоровье, счастье, богатство, успех, «плохое» — болезнь, неудачу, нужду, горе. Одно и то же действие может быть успешным и благоприятным или неудачным и опасным в зависимости от того, в какое В. оно совершается. Этим объясняется обилие магических действий, гаданий, предсказаний, приуроченных к «первому дню», **началу** (года, весны и т.п.), к наиболее важным датам календаря. Для всякого дела старались выбрать «хорошее» В. — день недели, время дня; это было важнейшим условием успеха любого начинания (сева, жатвы, выгона и случки скота, закладки дома, сватовства и т.п.).

В. рождения может, по народным верованиям, определять весь жизненный путь человека, его судьбу. Родившийся в воскресенье у поляков считался счастливым, как и рожденный на восходе солнца. Родившимся в субботу у южных славян приписывалась способность видеть нечистую силу, вампиров, самодив. Родившемуся осенью не позволяли прививать плодовые деревья, для этого привлекали того, кто родился весной, когда все буйно растет. В Польше считались счастливыми дети, рожденные в четные числа.

Часто верили, что **двоедушниками, планетниками, ведьмами**, самоубийцами, упырями и т.п. становятся люди, рожденные в «такой час», в особую злую, неблагоприятную минуту, например, в полночь или безлуние.

Жизненное В., по народным представлениям, образует замкнутый круг, обладающий сакральной и магической силой. Мотив «жития» человека, растения или предмета представлен в обрядах, хороводах, играх, загадках, заклинаниях и т.п. Магический прием «сжатия» В.

применялся в гаданиях, где каждый день символизировал один из предстоящих месяцев или сезонов года, а также в обрядах по изготовлению **обыденных предметов**. Противоположный прием «растягивания» В. использовался при создании магических предметов, например скамеечки, с помощью которой можно было на Пасху или на Рождество в церкви распознать среди прихожан ведьму. Такую скамеечку в Прикарпатье начинали делать в Сочельник и занимались этим в течение года, ударяя топором по одному разу каждый день.

Обрядовое В. воспринимается как разрыв обыденного, земного времени и прорыв в сакральное (священное), вечное В. По характеру временной приуроченности различаются обряды календарного цикла, жизненного цикла и окказиональные, т.е. исполняемые по случаю (мора, болезни, засухи и т.п.). Обрядовое В. задает также временные границы, последовательность и ритм исполнения ритуалов (например, погребение в день смерти, на следующий день или на третий день; сроки соблюдения траура; поминки на 3, 9, 12, 40-й день и т.д.). Регламентировано В. заключения браков, исполнения песен (ср. запрет на пение в пост), заговоров (произнесение трижды, в определенное время суток), загадывания загадок (не позволялось это делать, когда появлялся приплод у скота) и т.п.

Не только обрядовая практика, но и повседневная бытовая и хозяйственная деятельность в традиционном обществе строго регламентирована во В.: хлев нельзя было строить, когда луна была на ущербе, в поле не работали в «градовые дни» (соблюдались запреты во избежание градобития), хозяева ничего не давали взаймы в день, когда отелилась корова, и т.п.

Народный календарь придавал непрерывному цикличному природному В. характер ритуальной системы (строгое чередование праздничных дней и будней, периодов поста и мясоеда, добрых и злых дней и т.п.). Наряду с христианским праздничным календарем у всех славян сохраняется ориентация на лунное В., а также архаические способы измерения суточного В. — по положению солнца, по тени от предметов, деревьев, людей; по положению звезд, поведению животных, птиц (особенно — по пению петухов), насекомых. Аналогичные способы применялись для определения годового В. По смещению солнечного луча на стенах дома польские гуралы определяли В. пахоты, сева: «Если солнце на восходе бросает луч на печь, то это Рождество, если же на притолоку двери,— значит, кончается март и начинается весна, пора пахать». Болгарские крестьяне ориентировались преимущественно на звезды: по их положению узнавали наилучшее В. для начала пахоты, сева, косьбы, уборки урожая, сбора меда и др. «Природное» В. определялось также по появлению листьев, всходам озимых, цветению растений, появлению тех или иных грибов и т.п.

Лит.: *Толстая С.М.* Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М., 1997. С. 62–79; *Ее же.* Время как инструмент магии: компрессия и растягивание времени в славянской народной традиции // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 28–35.

С.М. Толстая

ВСТРЕ́ЧА — в славянских верованиях проявление судьбы. Связывается с понятием счастья, **доли**. Сербы говорят: «Счастья не обретешь, если не встретишь». Известны и русские поговорки типа: «Быть бы худу, да подкрасила (поправила) встреча». Впрочем, В. может иметь и отрицательные последствия, объясняемые действием нечистой силы, демонов, которых можно встретить на дороге или перекрестке.

Часто знак судьбы воплощает первый встречный, поэтому с ним сопряжены многочисленные приметы, предопределяющие события следующего года: поляки Силезии считают, что счастье приносит первая В. на Новый год с молодой особой; в Подгалье опасаются ранней В. на Рождество с человеком в кожухе, думая, что можно получить впоследствии язвы, и т.д. Широко распространен обычай выходить на дорогу, перекресток, к церкви, чтобы попросить в кумовья пер-

вого встречного: тогда в семье не будут умирать дети.

Случайные В. с различными людьми, животными и обрядовыми процессиями (похороны, свадьба) представляют собой «добрые» и «недобрые» для человека знаки. Традиционным является поверье о В. с человеком, несущим (везущим) что-либо полное или пустое: так, полные ведра, сосуд, корзина, воз, узлы, мешки и т.п. означают успех, удачу, а порожний воз, сосуд и др. — несчастье, неудачу, особенно для охотников, рыболовов. Встреча с мужчиной сулит успех всем, кто отправляется по делу, В. с женщиной, наоборот, — невезение. Белорусы и поляки после В. с женщиной не начинают никакой работы; весь день считается испорченным. Особенно опасной у многих славян считалась В. со старой женщиной: ей приписывали способность «сглазить», испортить предстоящее дело. У русских как плохое предзнаменование расценивалась также В. с кривым, калекой, у поляков — с рыжим, горбатым, с человеком, несущим топор или что-либо режущее, поскольку это предвещало травмы. У всех славян негативно оценивалась В. со священником или монахом: чтобы избежать плохих последствий, следовало вернуться домой или продолжить путь, но при этом плюнуть; сделать пальцами рога, показав в сторону от себя; бросить вслед священнику соломинку, шпильку, булавку и т.п. Напротив, счастливой считается В. с инородцем: евреем, цыганом, группой цыган, старой цыганкой.

При В. соблюдается определенный этикет. Наиболее распространен запрет раскрывать цели предстоящего дела, как и задавать вопрос: «Куда идешь?» и т.п. Обычно В. сопровождается приветствием или благопожеланием без упоминания о предмете, к которому оно относится. В дальнейшем разговоре также избегают темы, касающейся охоты, рыбной ловли, судебного разбирательства и т.д.

В. рассматривалась как знак судьбы в гаданиях, главным образом о замужестве. При этом имело значение имя встречного, его социальное положение, внешность, особенности характера и т.п. В Полесье, например, девушки на Рождество выбегали с первым блином на улицу и, встретив парня, спрашивали его имя, узнавая таким образом и имя будущего мужа.

При выносе покойника из дома родственники берут с собой пшеничный пирог или кусок холста, в который завернута восковая свеча и монета. Эти предметы называются «встречник», «первая встреча»; их дарят первому встречному, например для того, чтобы покойному простился его первый тяжкий грех. Получивший «первую встречу» считается счастливым: на «том свете» его будет первым встречать покойный, ограждая от «плохих путей» и постилая холст на пути к местам блаженства.

При В. участников обрядовой процессии с человеком посторонним совершались ритуальные действия для «приобщения» встречного к обряду, часто в принудительном порядке: в Рязанской губернии в последний день масленицы «горбуны» гнали всех встречных плетьми домой готовить к весне соху; в Болгарии девушки «пеперуги», призванные обеспечить дождь, окатывали каждого встречного водой и т.д.

Лит.: *Плотникова А.А.* От знака к ритуалу. Встреча // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. Oakland, California, 1997.

А.А. Плотникова

ВТО́РНИК — день недели, получающий у западных и восточных славян положительную, а у южных славян — отрицательную оценку.

В западно- и восточнославянской традиции во В. или в **субботу** было принято начинать пахоту, сев, жатву и другие хозяйственные работы. Нередко В. избирался днем сватовства (у белорусов) или свадьбы (у кашубов). У южных славян, напротив, В. считается самым неблагоприятным днем недели, то же часто на Карпатах. Его называют слабым, несчастным, тяжелым, считают, как и субботу, днем мертвых, поэтому во В. не начинают никаких дел. В Боснии и Македонии это объясняли тем, что во В. есть один очень опасный час, но никто не знает, какой именно. По В. и пятницам запрещалось стирать и вообще иметь

дело с водой, т.к. это грозило градобитием (сербы, болгары). Однако заговариванием, колдовством и порчей предпочитали заниматься именно в этот день, особенно если это В. на ущербе месяца (Пожега). В районе Болевца во В. не справляли свадеб, не крестили детей, называли В. несчастливым днем; считали, что умерший во В. может вызвать («повторить») смерть в селе в следующий В. (ср. македонское *вторник-повторник*). В Хомолье во В. не отправлялись в путь, не переселялись в новый дом. В Шумадии избегали начинать или завершать работу во В., заключать сделки и особенно воздерживались от занятий с пчелами. Вторником называли неудачливого, беспомощного, глупого человека; словенцы говорили, что такой человек родился во В. Сербы приписывали поражение в Косовской битве в 1389 г. тому, что она произошла во В. Между тем в отдельных селах Косова В. считается благоприятным для начала сева и посадок.

В болгарской традиции В. имеет устойчивую отрицательную оценку. В Пловдивском крае замужние женшины остерегались в этот день стирать, мыть голову и т.п. из страха овдоветь, мужчины же старались не бриться по той же причине. Повсюду в Болгарии не начинали никакой работы: не сеяли во избежание неурожая, не сажали деревьев, чтобы они не оказались бесплодными. Если во В. рождался ягненок (теленок и т.п.), его закалывали, опасаясь, что он принесет несчастье всему стаду. Македонцы верили, что заболевший во В. не поправится; особенно боялись вторничной лихорадки.

В народном календаре есть несколько В., отмеченных специальными названиями и ритуалами. У славян-католиков масленичный В. — канун Великого поста, завершение и кульминация масленичных гуляний, забав, карнавала, магических танцев «на лен, коноплю, репу» и т.п. Во многих областях Сербии праздновали девятый В. от Рождества из страха перед болезнями и громом. В сербском народном календаре известны также *Водный* В. — на пасхальной неделе, *Белый* В. — на масленой или на троицкой неделе, *Черный* В. — после Юрьева дня, *Песий* В. — после Рождества или между Вознесением и днем св. Петра и Павла, *Хромой* В. — на второй неделе Великого поста, *Великий* — на Страстной неделе, *молодой* — в новолуние и др.

«Черный» вторник — в болгарском народном календаре — В. на Тодоровой неделе, первой неделе Великого поста. Считается первым и самым опасным из всех «дурных» В. Родившийся в этот день, по поверью, становился несчастным; о неудачнике говорят: «родился в черный вторник». В некоторых районах Болгарии этот день называется *Сухой вторник* и празднуется во избежание засухи. В Пиринском крае этот день назывался *Куцый, Кривой* или *Плохой вторник*: женщины не делали никакой ручной работы, предназначенной для мужчин, не шили, не вязали, чтобы не навредить скоту. В восточной Сербии этот день назывался *Глухой вторник* и праздновался из страха перед глухотой. В юго-восточной Сербии и смежных районах Македонии первая неделя поста называлась *Луда* (Безумная), а В. — *Луд* (Безумный) *вторник* — в этот день старались не работать из опасения сойти с ума. В Буджаке черными назывались три В.: на масленой, Тодоровой неделе и перед Юрьевым днем. Их праздновали «ради скота», не доили коров и овец.

В Польше (отчасти и на Украине) отмечался В. на пасхальной неделе: девушки обливали парней за то, что те обливали их накануне. В некоторых районах к этому дню был приурочен обряд «маик» или «гаик»: молодежь ходила по селу с украшенным деревцем, поздравляя хозяев с приходом «нового лета».

У восточных славян к значительным датам календаря может быть отнесен лишь В. на Фоминой неделе после Пасхи — **Радуница**, главный поминальный день в году. У белорусов на Пинщине известен еще В. после Троицы, называемый Лошадиной пасхой (*Конскі вялікдзень*): лошадей освобождали от работы, в конюшнях вешали свечи «за здоровье лошадей». Другие В. года отмечены преимущественно гаданиями и приметами.

С.М. Толстая

7 — 1387

ВЫ́ГОН СКОТА́ — обряд, призванный обеспечить благополучие скотины в течение лета. Исполнители В. с. — хозяева и **пастух**; в местах, где стадо вверяется пастуху на целое лето, его роль в ритуалах первого В. с. возрастает. Специфика весеннего В. с. связана с магией первого дня, когда особое значение имеют продуцирующие и охранительные действия.

В. с., как правило, приурочен ко дню св. Георгия (о.-слав.), см. **Юрьев день**, реже — к Пасхе, Благовещению. Некоторые дни считались опасными для первого В. с., например, среда, четверг и пятница перед Пасхой (з.-слав.), период между католическим и православным праздником Благовещения; дни недели, на которые приходились рождественские праздники, и др. Если В. с. не был приурочен к какому-либо календарному празднику, то его старались осуществить в «легкий день», т.е. счастливый, удачный день недели.

Запреты для пастухов и хозяев относятся как ко времени В. с., так и ко всему сезону летнего выпаса. У поляков по дороге на пастбище нельзя было петь, чтобы не возвращаться с плачем; опираться на пастушеские посохи и выпускать их из рук, иначе овцы захромают и будут теряться; нести вербовый прут метелкой вниз, чтобы не бесились коровы. У белорусов Виленской губернии хозяевам, передавшим свой скот пастуху, запрещалось оглядываться и смотреть по сторонам: им следовало идти домой быстрым шагом, чтобы скот с пастбища возвращался без потерь. На Русском Севере хозяйкам, выгнавшим коров, нельзя было ходить растрепанными и босыми, прикасаться к пастуху.

Ветки, прутья, которыми выгоняют в первый раз скотину на пастбище, имеют как апотропейную, так и продуцирующую функцию. Наиболее распространены ветки с «барашками», «сережками», главным образом вербовые, освященные в Вербное воскресенье, а также березовые. У южных славян часто употребляли также любую давшую листву зеленую ветку: она предохраняла скот от порчи, от нее скоту передавалась особая сила для размножения и роста. При выгоне скот били ветками, раскидывали их по дороге перед В. с., подкладывали под порог хлева, украшали ветками коров и т.д. Вербовую ветку часто оставляли на пастбище, чтобы она «пасла» коров в течение лета.

Для защиты скота использовали железные орудия, прежде всего колющие и режущие: нож, топор, косу, серп, ножницы и др., которые подкладывали под порог хлева, под жердь загона или втыкали в землю при выходе скота, реже чертили ими круг, волочили за собой, махали крест-накрест. Чтобы «замкнуть» пасти, зубы волкам, медведям, восточные славяне закрывали на ключ **замок** и прятали его где-либо до поздней осени или бросали в воду. В Полесье скот прогоняют через замок, который закрывают на ключ после перехода животного, сопровождая магические действия заклинаниями против диких зверей и нечистой силы. В горных районах Польши с теми же целями широко использовали цепь, которую связывали крестом, закрывали на замок, раскладывали в конце села и т.д.

Всем славянам в магической практике при В. с. известно употребление предметов из ткани (одежда, полотно, скатерть, полотенце, ленты и пр.) и составных частей ткацкого станка. Так, в Полесье корову перегоняли через скатерть, положенную перед порогом хлева, или полотенце, в котором святили хлеб на Пасху, которым связывали руки молодых во время венчания, и т.п. Использовались также предметы женской и мужской одежды: **пояс**, мужские штаны, **фартук**, платок, сорочка, вывернутый кожух и др. Под порог хлева, в воротах загона подкладывали нит, бердо, кросна для защиты скота от диких зверей и порчи, во избежание потери овец, для эффективности случки скота.

Сильным апотропейным средством при В. с. считалась **соль**. В разных славянских регионах ее подмешивали в корм скоту, сыпали коровам за уши, крупицу освященной соли клали в сумку пастуху и т.д. При В. с. использовался также специальный **хлеб** (бел. *подпаска,* укр. *Юрий,* болг. *овчарник*, *кошара* «загон»). Его давали пастуху в поле, он ел его сам и давал скоту, чтобы стадо хорошо пас-

лось в течение лета. У восточных славян было принято обходить стадо с хлебом в руке или в сумке перед выгоном на пастбище. Ритуальное использование **яйца** при В. с. сопровождалось пожеланиями домашним животным быть такими же круглыми, тучными, гладкими. Яйцо подкладывали или закапывали под порог хлева, катили перед коровой, обкатывали вокруг стада, ударяли им по хребту каждого животного и т.д. В русских селах яйцо подкидывали вверх или перебрасывали через стадо: если оно не разбивалось, это сулило сохранность стада.

Вода в магических действиях и заклинаниях первого В. с. часто символизирует **молоко** дойного стада. В Полесье обливали корову водой при выходе из хлева и говорили: «Прибывай, молоко, как вода в колодце», у западных славян в день В. с. парни обливали водой пастушек, хозяева обливали пастухов и овец, девушки-скотницы обливали коров водой и пели: «Гоу, гоу, коровы идут, молоко под водой несут». С той же целью сербы восточной Хорватии гнали коров через проточную воду, а на Русском Севере после передачи коров пастуху хозяева шли за водой.

Угощение пастухов во многих местах превращалось в праздник по случаю первого В. с. Ритуальным кушаньем на пастбище была яичница, приготовленная из подаренных пастухам яиц (рус. *выгонщина*, *выгонное*). Особенным размахом отличались празднества по случаю В. с. у западных славян: у чехов во время еды все должны были прыгать и вертеться, домой стадо гнали с музыкой; в южной Чехии это было первое народное гулянье весной; в словацких областях угощение устраивали главный пастух или хозяева, заканчивалось оно музыкой, песнями и танцами.

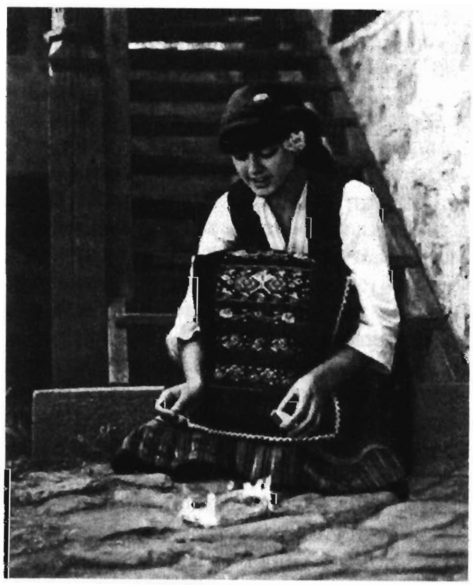
Лит.: *Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994; *Плотникова А.А.* Первый выгон скота в Полесье // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.

А.А. Плотникова

Г

ГАДА́НИЕ — ритуал, направленный на установление контактов с потусторонними силами с целью получения информации о будущем. Исторические свидетельства о разных формах Г. встречаются уже в самых ранних источниках о славянах: например, Прокопий Кесарийский (VI в.) сообщал, что склавины и анты совершали Г. во время жертвоприношений языческим богам; о Г. по жребию перед началом ответственных предприятий говорится в сочинении Константина Багрянородного (X в.), а также в Хронике Титмара (XI в.). Многообразные способы Г. упоминаются в западнославянских актах судебных процессов XIV–XVII веков о ворожбе и колдовстве: гадающие бросали кости или бобы, лили в воду воск или олово, определяли судьбу по виду внутренностей забитых домашних животных; гадали по тени, по случайным встречам, по текстам Псалтыри и т.п.

Считалось, что для угадывания будущего необходимо было посредничество духов умерших или персонажей нечистой силы, поэтому сами Г. осмыслялись как дело нечистое, грешное и опасное. В чешских средневековых источниках сохранились запреты «вызывать умерших» для предсказаний судьбы. Приговорные формулы, призывающие нечистую силу явиться и открыть будущее, широко распространены в севернорусских гадательных ритуалах: перед началом Г. в Костромском крае принято было «созывать нехороших» или «прикликивать чертовщину»: «Черти, лешие, бесы, дьяволы, приходите ворожить!» или «Лешие лесные, болотные, полевые, все черти-бесенята, идите все сюда, скажите, в чем моя судьба?» Чтобы вступить в контакт с потусторонними силами, люди снимали с себя нательные кресты и пояса, развязывали все узлы на одежде, девушки расплетали косы, выходили из дома не перекрестясь, шли к месту Г. тайком ото всех; молча, босиком или в одной рубашке; гадали зажмурившись или прикрыв лицо платком. Вместе с тем предпринимались защитные меры против демонической рати: вокруг себя очерчивали круг лучиной, кочергой, ножом, надевали на голову глиняный горшок, держали друг друга за мизинцы рук.



Гадание по зажженному кольцу из конопляного волокна. Болгария

Для Г. избирались особые «нечистые» места, где, по поверьям, появлялись души умерших или демонические существа: заброшенные дома, нежилые помещения (бани, овины, хлев, подвал, чердак, сени), а также места, осмысляемые как пограничное пространство между «своим» и

«чужим» мирами: печь, порог, внешний угол дома, забор, ворота, источники, проруби, колодцы, перекрестки, межи, кладбища и т.п. Время, считавшееся благоприятным для Г., тоже характеризовалось как переломное, как пограничный период, когда открыта граница между «тем» и этим светом: основная масса Г. приурочена к святочному периоду (когда особым образом активизируется нечистая сила); подходящими для гадательных ритуалов считались также предрождественские даты — дни свв. Екатерины, Андрея, Варвары, Николая, Люции. В весенне-летнем цикле обрядов Г. приходятся на Юрьев день, Пасху, Троицу, Иванов день. Помимо календарных известны также более редкие формы Г. во время свадьбы, крестин, поминок, а также при дожинках и переезде в новый дом.

Содержанием и целью большинства Г. было стремление получить ответы на вопросы о жизни-смерти, о здоровье членов семьи, погоде и урожае, приплоде скота и домашней птицы, о судьбе отсутствующих родственников; о причинах и исходе болезни; о том, приживется ли купленный скот; где и когда строить новый дом и т.п. Однако наиболее популярной можно признать группу матримониальных Г.: молодежь гадала о замужестве (женитьбе), об имени будущего супруга, его внешнем виде, возрасте, профессии, материальном положении, о том, сколько будет детей в браке, кто из супругов дольше проживет и т.п.

В основе многообразных способов Г. лежит универсальное верование о том, что при соблюдении определенных условий человек может с помощью духов получить знаки своей будущей судьбы, которые он должен суметь правильно истолковать. Такими знаками могли быть: сновидения, вещие звуки, произнесенные кем-то слова, отражение на гладкой поверхности, очертания тени, форма растопленного воска или олова, поведение животных, состояние свежих или увядших растений, четное или нечетное количество «гадательных» предметов и т.п. Гадательный ритуал включает три этапа: подготовительные действия, получение вещего знака и его толкование. Например, для того чтобы приснился вещий сон, девушка клала под подушку или под кровать прутья от веника, (либо ключ и замок, гребень, зеркало, пояс или другие предметы); ставила чашку с водой, осыпала кровать зерном; произносила магический приговор, подметала пол от порога к углу дома и т.п.

Значительная часть типов Г. связана с толкованием звуков: гадающие «ходили слушать» на перекрестки, к проруби, к колодцу, выходили на порог дома; лай собаки указывал, с какой стороны прибудет жених, колокольный звон или стук топора сулили беду и смерть, музыка — свадьбу, топот коня или скрип телеги — дальнюю дорогу и т.п. Гадали не только по случайно доносившимся звукам, но и провоцировали их сами: стучали по забору, воротам, стенам хлева, окликали домашних животных: их отклик считался добрым предзнаменованием.

Важную роль в Г. по жребию играла символика предметов: в горшке или под блюдом гадающие размещали хлеб, зерно (символы богатства и благополучия); уголь, золу (символы болезни и печали); кольцо, венок, ветку (символы замужества). В этих коллективных Г. ведущий наугад выбирал один из предметов для того, кому загадывалась судьба. Часто гадали по поведению домашних животных и насекомых: девушки бегали к овечьему загону, пытаясь в темноте нащупать первую попавшуюся овцу, — если попадалась белая, то жених будет блондином, если черная, то чернявым; вносили в дом курицу, петуха либо впускали собаку и клали перед ними целый ряд специально испеченных булочек, принадлежащих каждой из гадающих девушек: чей хлеб схватит животное прежде всего, та из девушек первой выйдет замуж. О нраве будущего мужа, о приплоде скота, погоде на следующий год гадали по поведению паука, тараканов, муравьев, божьей коровки.

Лит.: *Виноградова Л.Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности // Славянский и балканский фольклор: обряд, текст. М., 1981. С. 13–43; *Виноградова Л.Н.* Гадания по звукам // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной

культуре славян. М., 1999. С. 311–319; *Смирнов В.* Народные гадания Костромского края: Очерк и тексты // Четвертый этнографический сборник. Кострома, 1927; *Токарев С.А.* Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 55–66.

Л.Н. Виноградова

ГА́ДЫ — особый класс животных, нечистых **хтонических существ**, включающий в народном представлении прежде всего змей, лягушек и других пресмыкающихся и земноводных, но также и насекомых, мышей, змееподобных рыб, червей и гусениц. Для наименования этих животных используются названия «гады», «щур», «погань», «нечисть» и др.

Близость **змей** и **насекомых** проявляется в одинаковых способах их изгнания; общих оберегах от укусов; в сходном применении настоев из змеи, блох, клопов в народной медицине; в ритуальном убиении, а иногда и похоронах ужа, гадюки, **ящерицы**, жабы, рака, медведки, блохи, вши или паука с целью вызывания дождя. «Гадом», «гадиной» или же «поганью», «поганкой» и т.п. называют также **мышей** или собирательно мышей, крыс и **лягушек**. Многие табуистические (заместительные) названия ласки связывают ее со змеей, червем, мышью, крысой. Из **рыб** к Г. относятся змеевидные вьюны, угри, миноги, которых называют «слепой гадиной» или «змеевым братом». Полагают, что они спариваются со змеями, и считают их змеями в девятом или в двенадцатом поколении.

В некоторых славянских диалектах «гадом» или «гадиной» называют и птиц, чаще домашнюю птицу. Близость их проявляется и в поверьях: **ласточки** и лягушки, воробьи и мыши или **жаворонки** и мыши могут взаимно превращаться друг в друга; птицы, насекомые и змеи уходят зимой в **ирий**; змеи, насекомые и некоторые птицы (жаворонок, перепелка) прячутся на зиму в землю; птицы (желна, ласточка, удод), змея, **черепаха** или **еж** являются обладателями «разрыв-травы»; змеи и птицы (**ворон**, дрозд, **орел**) владеют особым камнем, делающим человека невидимым или способным видеть клады и понимать язык животных; уж «играет» с **кукушкой**; в легендах кукушка, ласточка и змея — три обращенные сестры Лазаря, кукушка — жена мужа-ужа, а соловей и лягушка — их дети и т.д. Поверья, связывающие змею с петухом или курицей, в значительной степени восходят к образу **василиска**. Так, из петушиного яйца или яйца черной курицы появляется на свет змееныш-домовой (см. **Дух-обогатитель**).

Г. тесно связаны с демоническими персонажами. Так, любая змея, уж, полоз, лягушка или карп по истечении определенного возраста и при определенных условиях становятся летающим **змеем**. С другой стороны, из убитого летающего змея или развеянного пепла сожженного змея, по поверьям, зародились змеи, ящерицы и мыши. Змея (уж) и **ласка** часто выступают в роли **домового**.

Г. присущ ряд общих признаков. Это в основном животные, связанные с подземным миром: они обитают в **земле**, а потому часто слепы, в норе, в подполье или под порогом дома, уходят на зимовье в землю и появляются из нее (змеи, черви, мыши, ласка, многие насекомые, некоторые птицы). Они обладают подземными **кладами** (змеи, ласка, ворон). С землей связано и их происхождение: блохи и вши произошли из горсти земли, пыли, праха, пепла; жабы — из грязи, жаворонок — из комочка земли, близкий Г. **волк** — из глины. Они связаны с душой **предка** — «пра-щура» (змея, лягушка, ящерица, волк). Это нечистые, часто дьявольские создания (ср. легенды о сотворении дьяволом змеи, волка). Большинство из них ядовиты (змея, жаба, ласка, угорь).

А.В. Гура

ГЕНИТА́ЛИИ — мужские и женские детородные части тела, оказывающие, по народным представлениям, отталкивающее воздействие на нечистую силу, а также провоцирующие плодородие и изобилие и имеющие целительные свойства.

В качестве апотропея Г. широко использовались в магической практике.

У сербов мать, защищая своего ребенка от сглаза и колдовства, прикасалась рукой к своей вульве, а затем той же рукой гладила ребенка по лицу и голове, произнося заклинание: «Я тебя родила, я тебя и выкормила» и прикасалась тремя пальцами к земле (Гружа, Шумадия). В западной Сербии (Драгачево), чтобы предотвратить градобитие, хозяйка выходила навстречу **туче**, где, по поверью, обитала **хала**, и задирала свой подол, обнажая вульву, и кричала: «Беги, чудо, от чуда чудного! Вы не можете быть рядом!» или «Не иди, змеюка, на змеюку! Эта моя змеюка достаточно таких проглотила!» Подобные действия совершали и болгарки.

У черногорцев сходные приемы применялись для отражения вражеского натиска. Одна из женщин поднималась на возвышение, задирала платье и, похлопывая по Г., выкрикивала бранные слова, бросая вызов противнику (см. **Брань**). Стрелять при этом в женщину считалось позором. Обычай дразнить противника подобным образом был зафиксирован в начале XVII в. у русских голландским путешественником Исааком Массой: под Кромами в стане Самозванца «на гору часто выходила потаскуха в чем мать родила, которая пела поносные песни о московских воеводах и много другого, о чем непристойно рассказывать».

Г. как средство вызывания плодородия использовались русскими из Вологодского края. Для того чтобы скотина была «непраздной», нужно вырвать из вульвы волосок, запечь его в хлеб и дать скотине. В Добрудже хозяин, подготавливая телегу и семена для первого сева, должен был держаться за фаллос, чтобы тем самым добиться хорошего урожая. По представлениям сербов Косова Поля, фаллос связан с ралом. Чтобы избавиться от импотенции, молодому мужу следовало пойти в поле, найти там рало и разобрать его или отправиться ночью в поле на место, где оставлено рало, и вставить свой фаллос в отверстие на грядиле. Этим снималась порча, наведенная дурным глазом.

В закарпатском свадебном обряде новобрачная сажала на колени двухлетнего мальчика и гладила его тестикулы, «чтобы у нее рождались мальчики». По южнославянским представлениям, тестикулы способны отвести неудачу или беду: если, выйдя утром из дома, человек встретит попа, что предвещает несчастье, он должен схватиться за свои тестикулы и почесать их, чтобы отстранить неприятности.

Названия Г. в славянских и индоевропейских языках часто «птичьего» происхождения, что связано с древними представлениями о самих Г. Ряд функционально сходных предметов, в том числе и предметов домашней утвари, как, например, **ступа** с пестом, **замок** и ключ и т.п., символизируют в народном восприятии вульву и фаллос, а их действие — **коитус**.

Н.И. Толстой

ГЕÓРГИЙ (Георгий Победоносец, Егорий, Юрий) — один из самых чтимых у славян святых, покровитель Москвы и русского государства. Дни его памяти 23.IV/6.V — «Юрий вешний», 3/16.XI — «Юрий осенний». В народной культуре св. Г. — защитник скота, волчий пастырь.

Св. Г. творил чудеса и добрые дела, одно из которых через апокрифическую литературу стало широко известно: он победил змия и попрал его конем. Этот мотив запечатлен иконографией и воспринят народной традицией. В народном сознании сосуществуют два образа св. Г.: один из них приближен к церковному культу св. Г. — змееборца и христолюбивого воина, другой — отражает культ скотовода и землепашца, хозяина земли, покровителя скота, открывающего весеннюю пору полевых работ. Так, в народных легендах и духовных стихах воспеваются подвиги святого воина Егория (Георгия), устоявшего перед пытками и посулами «царища Демьянища (Диоклетианища)» и поразившего «люту змию, люту огненну». Мотив победы св. Г. известен в устной поэзии восточных и западных славян. У поляков св. Ежи сражается с «вавельским смоком» (змеем из краковского замка). Русский духовный стих, также следуя иконописному канону, причисляет к змееборцам и Федора Тирона, которого восточно- и юж-

нославянская традиция тоже представляет всадником и защитником скота.

Другой народный образ св. Г. связан с началом весны, с земледелием и скотоводством, с первым выгоном скота, который у восточных и части южных славян, а также в восточной Польше часто бывает на **Юрьев день**. В русских (костромских, тверских) юрьевских песнях обращаются к св. Г. и св. Макарию: «Егорий ты наш храбрый, / Макарий преподобный! / Ты спаси нашу скотину / в поле и за полем, / в лесу и за лесом, / под светлым месяцем, / под красным солнышком, / от волка хищного, / от медведя лютого, / от зверя лукавого»; в сходных хорватских песнях св. Г. приезжает на «зеленом», т.е. сером в яблоках, коне: «Доброе утро, дорогие хозяева! Вот к вам приехал зеленый Юрий на зеленом коне, зеленый, как травушка, росистый, как роса. Привез жита колос и от Бога добрую весть». У хорватов и словенцев в обходе дворов с юрьевскими песнями главная фигура — «Зеленый Юрий» (подробнее см. в ст. **Юрьев день**). В тех же хорватских песнях в день св. Г. иногда присутствует мотив змееборчества и похищения змеем девицы. Словенцы водили Зеленого Юрия или «Весника» и пели: «Зеленого Юрия водим, масло и яйца просим, Бабу Ягу прогоняем, весну рассыпаем». В Штирии словенцы пели: «Святой Юрий, у тебя есть ключ, отвори нам небесный свет!» и при этом деревянным ключом ковыряли землю. В центральной Белоруссии при обходах на Юрьев день «будили» св. Г.: «Юры, уставай рана, / адмыкай зямлю, / выпускай расу, / на цеплае лета, / на буйнае жыта, / на ядранiстае, на каласiтае!», а пасхальные «волочебники» просили Юрия «пустить росу на всю весну и все лето». В восточной Моравии в «Смертное» воскресенье (предпоследнее перед Пасхой) молодежь распевала: «Смертное воскресенье, куда ты дело ключ?» — «Я дало его, дало святому Юрию, чтобы он нам открыл двери рая, чтобы Юрий отомкнул поле, чтобы росла трава, трава зеленая». Для болгарских и восточно-сербских юрьевских песен характерен мотив подковывания коня и объезда полей: «Св. Г. подковывает коня серебром и золотом. Направился св. Г. рано утром на Юрьев день объезжать зеленые поля, зеленые поля, росистые луга».

Св. Г. в славянском фольклоре — повелитель змей (он казнил нечестного пастуха, повелев змее его ужалить), но еще более св. Г. известен как хозяин **волков**. Согласно русской легенде, имеющей параллели у сербов в Боснии, в Славонии и у болгар, один пастух, заметив примятую траву под дубом, залез на него, чтобы узнать, что на этом месте происходит. Он увидел, как скачет верхом св. Г. и за ним бежит множество волков. Остановившись у дуба, св. Г. стал рассылать волков в разные стороны, указывая им, чем пропитаться, и под конец, когда притащился старый хромой волк и спросил, кого ему есть, указал на того, кто «на дубу сидит». Через два дня пастух слез с дерева и был съеден хромым волком. Ср. русский обряд: старший в семье перед выгоном скота ходил на луг до зари «выкликать волка»: «Волк, волк, скажи, какую животину облюбуешь, на какую от Егория тебе наказ вышел?» Потом хватал в овчарне первую попавшуюся овцу и закалывал ее — в поле кидали ноги и голову. Ср. русскую поговорку: «Что у волка в зубах, то Егорий дал». В то же время забайкальские старообрядцы считали, что «Егорий Храбрый... от волков скот оберегал». В Приангарье Егорий Храбрый почитался как покровитель лошадей, в его день на лошадях не работали. В Пиринской Македонии (Петрич) полагали, что св. Г.— повелитель весеннего дождя и грома: вместе с пророком Ильей он разъезжал на коне по небу и от этого слышался гром. В селах Пловдива воспринимали св. Г. как хозяина и «держателя» всех вод: он убил змея, чтобы дать людям воду.

Лит.: *Кирпичников А.* Св. Георгий и Егорий Храбрый: исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879; *Рыстенко А.В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909; *Пропп В.Я.* Змееборство Георгия в свете фольклора // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.

Н.И. Толстой

ГЛАЗА́ — орган зрения, при помощи которого, по народным представлениям, можно воздействовать на окружающий мир и людей (главным образом отрицательно — см. **Сглаз**, порча). Г. соотносятся с внутренним миром человека, они часто считаются вместилищем **души**; по некоторым польским поверьям, в момент смерти душа выходит из тела через Г. Аномалии Г. (косоглазие, сросшиеся брови, длинные веки, отсутствие ресниц, краснота, перевернутое отражение в зрачке и др.), подобно другим телесным недостаткам, трактуются как знак принадлежности человека к демоническому миру. Согласно популярному представлению, «четырехглазая» собака (имеющая черные круги под Г.) способна видеть мертвых и отпугивать нечистую силу. В народной аксиологии Г. наделяются высшей оценкой (ср. «беречь как зеницу ока»); в народной медицине существуют разнообразные магические способы предупреждения и лечения глазных болезней; ради здоровья Г. соблюдаются табу на работу в определенные праздники (например, у южных славян в *Видов день*, 15/28 июня) или на отдельные виды работ. Слепота считается наказанием, посылаемым за большие грехи.

Засорение глаз как наказание за нарушение табу на шитье и прядение в пятницу и во многие праздники — известный мотив в славянской мифологии. По широко распространенным верованиям, от этих действий засоряются и колются Г. св. Параскевы **Пятницы**; виновной в этом «матушка Прасковея» засорит глаза куделью. По верованиям восточных славян, от прядения и шитья в запрещенные дни засоряются на том свете глаза предков-родителей. Во многих случаях запрет налагается и на другие действия: нельзя белить стены — «замажешь родителям очи», нельзя выгребать золу из печи — засыплешь Г. умершим, выливать воду во двор — «мертвым очи зальешь»; мочиться в воду — «все равно, что матери в глаза». Тульские и псковские крестьяне на Троицу ходили на кладбище обметать могилы — «глаза у родителей прочищать»; южные славяне жгли на могилах свечи, чтобы покойникам «там было видно».

С апотропейными целями применялось завязывание и замазывание глаз. У русских Забайкалья сеятель в поле завязывал себе Г. и произносил: «Как я не вижу белого света, так пусть птицы не видят моих семян». Македонцы в «мышиные дни» замазывали дыры в стенах и говорили, что замазывают глаза мышам, а в «волчьи дни» так же «замазывали Г. волкам».

Открытые Г. покойника часто трактуются как предвестие еще одной смерти (он «высматривает» нового покойника).

Лит.: *Толстой Н.И.* Глаза и зрение покойников // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 185–205

Н.И. Толстой

ГЛУХОТА́, г л у х о́ й — признак, в народной культуре приписываемый нечистым духам, грешникам. Г. наряду с другими физическими уродствами воспринималась как Божье наказание за грехи, как результат родительского проклятия или свидетельство неправедности человека. С глухим человеком избегали дружить и родниться, заключать торговые сделки, вместе отправляться в путь; глухие люди по возможности не допускались к выполнению ритуальных функций. Глухому возбранялось быть крестным, сватом, участвовать в обрядовых обходах **кукеров** и колядников, а женщине — быть свахой, **повитухой**, крестной и др. Иногда они подвергались почти полной изоляции.

Признак Г. ассоциировался с миром мертвых. Неслышание умершими всего того, что происходит на «этом свете», — один из главных мотивов славянских похоронных причитаний, ср.: «Дорогой татулечка, забивают твою хатку темную, а ты и не слышишь» и т.п. Г. метафорически соотносилась с такими понятиями, как тишина, немота, запустение: «Пойду я в хатку — хатка немая, гукну в хатку — хатка глухая».

Связь Г. с **«тем светом»** прослеживается в поверьях, относящихся к покойному. В Карпатах считали, что умерший слышит все происходящее вокруг него

до тех пор, пока находится в своем доме, и теряет эту способность, когда его выносят оттуда. Об этом же свидетельствует и распространенное в Карпатах выражение «глухой ангел», применяемое по отношению к ребенку, умершему некрещеным, т.е. к тому, кто не завершил окончательного перехода в «этот мир» и не воспринял Слова Божьего.

Признак «глухой» приписывался некоторым демоническим персонажам, например лешему. На Украине «глухой веткой» называли густую еловую ветку, в которой обитала нечистая сила. Глухота рассматривалась и как следствие неблагоприятного воздействия на человека **хтонических существ** и **гадов**. Так, согласно южнославянским поверьям, человек мог оглохнуть, если услышит писк убитой им саламандры или **лягушки**.

«Глухое время». Понятие «глухой» прилагалось и ко времени. «Глува доба», т.е. «глухое время» — так назывался у сербов период около полночи или от полночи до первых петухов, самое опасное время суток, когда на земле властвует **нечистая сила** и человеку лучше не покидать дома. Болгары считали, что в «глухое время» накануне Юрьева дня ведьмы сбрасывают (крадут) луну с неба и доят ее, как корову. На третий день после рождения ребенка, по верованиям болгар, ночью, в «глухую пору», к нему приходят **орисницы**, чтобы определить его будущую судьбу. В «глухое время» некрещеные младенцы, превратившиеся в птенцов (**нави**), нападают на людей (особенно рожениц) и скот; в это время по земле ходят и другие покойники.

В «глухое время» совершались тайные магические обряды: в частности, у южных славян в этот период ночи происходило **опахивание** села близнецами. В «глухую пору» люди шли на кладбище, раскапывали там могилы вампиров и протыкали их колом, чтобы они не «ходили» и не вредили людям. В «глухую пору» беременные женщины и роженицы старались не покидать дома, чтобы нечистая сила не могла навредить им и плоду или новорожденному.

У восточных славян тот же период ночи носил аналогичные названия «глухая ночь», «глупая ночь», «глупица». Это было время, когда надо было остерегаться нечистой силы и когда могли происходить всякие необычные события. Так, в канун летнего Иванова дня в «глухую ночь» расцветал папоротник. В это же время в обычные дни людям запрещалось смотреть в воду или в зеркало, поскольку считалось, что вместо своего отражения человек увидит там дьявольский лик и испугается. Если человек вынужден отправиться в путь в «глухую» ночь, белорусы советовали ему взять с собой петуха, чтобы тот мог своим криком отпугивать нечистую силу.

Лит.: *Тарасьев А.В.* Откуда у сербов «Глувна» и «Мироносна» неделя? // Philologia Slavica. К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993.

Т.А. Агапкина

ГОЛОВА́ — часть тела, которая ассоциировалась с верхом, главенством, интеллектуальными способностями человека, рассматривалась как средоточие жизненной силы, вместилище **души** и ума.

Согласно космогоническим представлениям, изложенным в стихе о Голубиной книге, вышний мир «зачался» от Г. Бога: «А и белой свет — от лица Божья, / Со(л)нцо праведно — от очей его, / Светел месяц — от темичка, / Темная ночь — от затылечка, / Заря утрення и вечерняя — от бровей Божьих, / Часты звезды — от кудрей Божьих!» (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. С. 211). В том же стихе сообщается, что «у нас в земле цари пошли — / От святой главы от Адамовой» (Стихи духовные. М., 1991. С. 33). В апокрифах и иконографии особое внимание уделяется Г. (или черепу) Адама (она изображается у ног распятого Христа, обсуждаются ее гигантские размеры), а также усекновенной главе Иоанна Предтечи.

По украинским и польским поверьям, **вампир** показывался иногда в виде человека, несущего свою Г. под мышкой. Согласно легендарно-апокрифическим сказаниям, известным в России с XVI в., некоторые русские святые носили в руках свою отрубленную Г. (Меркурий Смоленский, Иоанн Казанский,

игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий). В житии Михаила Черниговского рассказывается о том, что его отсеченная Г. продолжала говорить. В русских сказках отрубленная Г. прирастает к телу по приказанию героя; золотая Г. плавает в озере и от взгляда на нее беременеют; ведьма снимает с себя Г. и чешет волосы.

У чертей, **колдунов**, лобасты, **шуликунов** и др. Г. украшена рожками либо деформирована — вытянута кверху и заострена или очень велика, лысая или, наоборот, взлохмаченная. По болгарским поверьям, у **вампира** огромные Г. и зубы. Чтобы уничтожить вампира, у всех славян разрывали его могилу, отрубали Г. и клали ее между ногами лицом книзу. Аналогичным образом на Карпатах и в Польше отрубали Г. **двоедушнику** и поворачивали тело ногами туда, где была Г.

В языке, поверьях и обрядах Г. устойчиво ассоциировалась с **горшком**. В русских и украинских быличках девушки при гадании или общении с нечистой силой надевают себе на Г. горшки, а бес пытается оторвать им Г., но вместо этого только разбивает горшки. По белорусским поверьям, **охотник**, чтобы стать отличным стрелком, проходит посвящение на **перекрестке** перед толпой чудовищ; у последнего из них Г. покрыта огромным горшком; чудовище снимает этот горшок со своей Г. и надевает на Г. охотника.

У восточных и западных славян **дом** закладывали «на чью-либо голову», т.е. на смерть человека или животных, которые от этого не будут вестись в хозяйстве (см. **Жертва строительная**). Аналогично и **клад** может быть положен «на чью-л. голову» — человека или животного. По русскому преданию, атаман разбойников и колдун Рощин зарыл во Владимирской губ. много кладов, причем каждый раз клал на крышку сундука с золотом отрубленную Г. человека, который как бы становился сторожем сокровища.

В свадебном обряде восточных славян на Г. невесты, обоих молодых или дружки возлагали **каравай** или хлеб; в Вологодской губ. невеста несла каравай на Г. В Карелии отец невесты и другие родственники благословляли молодых, возлагая им на Г. хлеб и **икону**, на Подолье после расплетения косы отец невесты клал ей на Г. хлеб с **венком**. У болгар каравай разламывали над Г. жениха, у сербов подвешивали над Г. невесты.

Существовали разнообразные профилактические и лечебные средства от головной боли: трижды ударяли себя камнем по Г. при первом весеннем громе (белорусы, украинцы, болгары, поляки, чехи), воздерживались от работы в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, мыли Г. отваром трав, которые собирали на **Ивана Купалу** или в **Юрьев день**. В связи с христианским преданием об усекновении главы **Иоанна Крестителя** к последнему обращались с молитвами об исцелении от головной боли.

Среди жестов и поз, связанных с Г., наиболее отмечены в ритуальном отношении поклон, обнажение или покрывание Г., утвердительное или негативное кивание. Опущенная Г. символизирует горе и готовность подчиниться. Согласно примете, если собака воет с опущенной Г., то скоро кто-нибудь умрет.

Своеобразные представления связывались с такими участками Г., как темя, макушка и затылок. Особое символическое значение приписывалось **бороде**, **волосам**, **глазам**, носу, **рту**, **зубам**, а также различным головным уборам. В обрядах широко использовались черепа лошади, медведя и других животных.

Лит.: *Назаренко Ю.А.* Феномен человека в славянской традиционной культуре: голова // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1995. Вып. 8–9. С. 75–97.

А.Л. Топорков

ГО́ЛОС — в народных верованиях славян осмысляется как обязательный атрибут «этого» мира, культурного пространства, в отличие от «того света», отмеченного печатью беззвучия. В славянских заговорах болезни изгоняют туда, где не кричит петух, не блеют овцы, не поют девушки и т.п. Во время похорон и поминок их участники общаются друг с другом шепотом; в доме, где в

течение года кто-то умер, не поют и не веселятся. Негативно оценивается обычно и отступление от правильного голосоведения во время того или иного обряда. Считается, что если невеста во время свадьбы охрипнет или лишится Г., если сорвется Г. у кого-либо из поющих в церкви во время венчания, то это может повлечь смерть одного из новобрачных или неудачный брак в целом. Несчастья постигнут человека и в том случае, если во время исполнения адресованной ему колядки обходники сфальшивят или сорвут Г. В то же время о рождении ребенка обычно принято сообщать криком, громким Г., звоном или выстрелом.

В народной культуре Г. осознается как нечто материальное, подверженное влиянию извне и само могущее стать инструментом воздействия, поскольку мыслится отчуждаемым от человека. Об этом говорит, например, сказочный мотив выковывания Г. (языка), см. **Кузнец**.

С помощью Г. можно также навести порчу. У сербов и болгар, например, запрещалось слушать натощак пение девушек, обходящих дома в Лазареву субботу и исполняющих для односельчан специальные песни: считалось, что своим пением **лазарки** могут довести домочадцев, услышавших их натощак, до полного истощения. Если невеста, потерявшая невинность до брака, попытается скрыть это и после брачной ночи запоет или начнет громко разговаривать, то ее голос «падет» на скот, сад, посевы и хозяйству будет нанесен урон. У белорусов при лихорадке, куриной слепоте и других болезнях надо было пропеть, сидя на каком-нибудь высоком месте: «Кукареку, запою: кто услышит, то ему», — и болезнь перейдет к тому человеку, который услышит это пение.

В то же время и сам Г. человека может быть подвержен неблагоприятному воздействию извне. Обладательницы хороших Г. старались не петь после захода солнца на улице, поскольку ведьмы, получающие в это время особую силу, могли бы лишить их голосов. Отнимая Г. у человека, **черт** завладевал и его душой, принуждая совершать неблаговидные поступки. **Леший** тем же образом отбирал силу у человека, после чего тот медленно умирал.

Громкому Г., пению и крику приписываются особые магические значения и функции. С помощью Г. оказывается возможным оградить культурное пространство от проникновения враждебных и потусторонних сил. Полагали, например, что если с какого-нибудь высокого места человек что-нибудь громко пропоет или крикнет (например, свое имя), то там, где будет слышен его Г., град не побьет посевов, девушек будут быстрее брать замуж, звери в лесу не тронут скот, холодный туман не повредит посевам, летом не будет змей, на такое расстояние вор и злодей не подойдет к дому. Громким Г., пением и криком люди «отворачивали» тучи от села, защищали посевы от ведьм, могущих отобрать урожай, и др.

Г. придавалось и продуцирующее значение. В один из весенних праздников люди, собравшись вместе, начинали громко петь или кричать. Считалось, что там, где слышен их Г., лучше уродятся фрукты и хлеб. В Болгарии в **Юрьев день** девушки кричали с холмов вблизи села: «Где нет голоса, не будет и колоса». Г. мог повлиять и на плодовитость скота и домашней птицы: в России под Новый год колядки исполняли в том числе и для того, чтобы свиньи лучше велись.

Изменение Г., как правило, маркирует перемену некоего состояния или статуса человека — обычно в обрядовой обстановке. Повсеместно известно изменение Г. ряжеными участниками обходных обрядов, связанное с представлением о том, что они (ряженые) олицетворяют потусторонние силы. Ряженые могли говорить с домочадцами нарочито высокими («тонкими») или низкими («толстыми») голосами, подделываться под Г. животных, женщин, детей, умерших родственников, дополнять речь иными звуками (шепотом, свистом, хохотом). Перемена тихого пения на громкое фиксировала в восточнославянском календаре границу между зимним и весенним сезонами.

В приметах и гаданиях широко известно разгадывание голосов. Г., услышанный человеком в какой-либо большой

праздник, обычно предвещает ему смерть; то же значение придается сну, в котором человек слышит Г.; девушке подслушанный мужской Г. предвещает замужество; если человек, собирающийся надолго покинуть родные места, например рекрут, услышит незнакомый Г., это предвещает несчастье.

Лит.: Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

Т.А. Агапкина

ГОНЧА́Р, г о р ш е́ ч н и к — ремесленник, в народных представлениях связанный с землей, огнем, преисподней и нечистой силой.

На Украине богатство Г. приписывали помощи **нечистой силы;** о богатом Г. говорили, что он «щось знає» или «має чорта, який робит». В русской сказке **черт** нанимается в помощники Г. Судя по польским сказкам, анекдотам и присловьям, от дьявола во многом зависело, удастся ли у Г. посуда.

В Польше, садясь за работу, Г. крестил гончарный круг или произносил специальную формулу в качестве **оберега**. Посторонним и детям не позволялось садиться за круг, так как в дело мог вмешаться дьявол. Если работа не ладилась, то это приписывали вмешательству нечистой силы. В конце дня Г. крестил круг или рисовал на нем крест; повсеместно делали **крест** на куске глины, который оставляли на круге, чтобы дьявол не вращал его ночью. Гончарные клейма в виде крестов на днищах **горшков** известны по данным археологии.

Связанное с **огнем**, гончарное ремесло устойчиво ассоциировалось с миром мертвых, ср. русскую пословицу: «Быть тебе в раю, где горшки обжигают!», т.е. в **аду**; эвфемистический (содержащий указание на смерть) ответ на вопрос о том, где находится некий человек: «В Могилевской губернии горшки обжигает». В быличках и сказках горшечник встречается с «ходячими» **покойниками** и одерживает над ними победу. По поверьям мораван, **водяные** иногда приходят на ярмарку, и в этом случае у горшечника хорошо идет торговля.

В Полесье известен запрет красть посуду у горшечника, иначе, когда будешь на **«том свете»** просить его забрать горшок назад, горшечник скажет: «Грызи сама его заместо хлеба!» Вместе с тем в некоторых ситуациях посуду специально крали у горшечников и били для того, чтобы вызвать **дождь**, или для того, чтобы девушки быстрее выходили замуж, а не сидели, «как горшки» (Гомельщина), см. **Кража**.

По поверьям восточных славян, приезд горшечника в деревню мог сказаться на судьбах местных девушек. Например, в Воронежской губ. полагали, что если по улице проедет горшечник, то девушек не будут брать замуж, а белорусы Брестской обл., наоборот, считали, что если горшечник проедет на **святках**, то много девушек выйдет замуж. По поверьям черниговских украинцев, если на **Покров** по селу проедет Г., то будет много свадеб, а если дегтяр — то девушки не выйдут замуж еще целый год. На Витебщине девушки подкладывали в воз горшечнику лапоть с правой ноги: куда отправится воз с горшками, с той стороны следует ожидать суженого. На Гомельщине, чтобы **волки** не бродили вокруг села, женщины подкладывали в воз горшечника нит (деталь ткацкого станка). Туда же на Брестщине засовывали какую-нибудь вещь больного лихорадкой человека, «щоб завиз лихорадку за границю».

Г., как и другие ремесленники, имели у крестьян устойчивую репутацию пьяниц. По украинской легенде, они отобрали у апостола Петра его золотые ризы и пропили их, за что и были обречены на никчемность и пьянство.

У южных славян наряду с гончарством как мужским промыслом известно изготовление глиняных изделий женщинами. В день св. Иеремии (1.V), реже в другие весенне-летние праздники, женщины и девушки из одного села собирались вместе для того, чтобы сделать новые глиняные формы для выпечки хлеба (так наз. *подници*). Они имели круглое днище диаметром 20–55 см и невысокие (до 10 см) стенки. Эти формы делали вручную и сушили на солнце. Их изготовление тщательно регулировалось в отношении выбора места, времени, мате-

риала, состава участников (в отдельных случаях их могли делать только девушки или старухи, в изготовлении подниц не должны участвовать женщины из тех домов, где недавно кто-то умер, и т.д.).

Лит.: *Топорков А.Л.* Гончарство: мифология и ремесло // Фольклор и этнография. Л., 1984. С. 41–47; *Пошивайло О.М.* 1. Гончарство Лівобережної України XIX — початку XX століть і відображення в ньому основних духовних настанов української народної свідомості. Київ, 1991; *Его же.* Етнографія українського гончарства. Київ, 1993.

А.Л. Топорков

ГОРА́ — в народной космологии локус, соединяющий небо, землю и «тот свет»; место обитания нечистой силы, совершения обрядов.

В украинских космогонических легендах горы — это остывшие пузыри, образовавшиеся во время кипения земли, когда Бог, создавая, варил ее; по русским легендам, они возникли, когда Бог и черт сжимали жидкую землю с двух сторон, чтобы сделать ее твердой. В Боснии верили, что Г. возникли, когда Бог, создав слишком большую землю, утрамбовал ее ногами или, по сербским легендам, — стянул ее обручами. Согласно апокрифической легенде, Г. возникли из выплюнутой Сатанаилом земли, которую тот, достав со дна моря, утаил от Бога за щекой. По черногорским поверьям, Г. — камни, вывалившиеся у Бога из прохудившегося мешка, по украинским — плевки дьявола, по белорусским — окаменевшие **великаны**. Г. могла возникнуть из воды в начале мира, как, например, мифическая гора Триглав, известная по хорватским поверьям, — с ее вершины видны все моря земли.

Г. (а также холм, курган и т.п.) — вертикаль, связывающая космический верх и низ (ср. **Мировое дерево**), что определяет двойственность представлений о Г., с одной стороны, как о чистом, с другой — как о демоническом месте. Связь Г. с небом отражена в лексике (ср. церковнославянское *горний* «небесный») и в ритуальной практике. Русские летописи сообщают о поклонении славян языческим божествам на горах. В Древней Руси существовал обычай ставить идолы богов на возвышенности. На Г. (холме) принято было совершать весенние обряды (русское *горка* — «собрание молодежи весной и летом для хоровода»), зажигать костры в весенние праздники, приносить жертвы, скатывать с гор зажженные колеса. Отголоски жертвоприношений горам засвидетельствованы в польских Татрах, где на камнях оставляли лен, хлеб, крестики, образки, а пастухи после молений съедали жертвенного барана. В русских заговорах Г., с одной стороны, — место, где находится Бог, Иисус Христос, Богородица и сакральные объекты (дуб, бел-горюч камень и др.), а с другой — место, где обитает нечисть.

С Г. связаны представления о потустороннем мире. Восточные славяне верили, что после смерти человек должен карабкаться на высокую Г., чтобы достичь «того света»; по белорусским поверьям, на Г. находится рай; по русским — царство мертвых — страна с золотыми горами. На Г. между двумя елями хоронили заложных **покойников**. В заговорах болезни отсылают в «иной» мир, воплощением которого наряду с лесом, водой, оврагом является и Г.

По сербским и болгарским поверьям, в Г. живут **вилы**, по польским — мифические **змеи**, **карлики**, *скарбники* — злые духи, стерегущие **клады**; по русским — проклятые люди, **лихорадки**. На карпатской горе Чорногоре самоубийцы под присмотром чертей куют град. Лысая, или Бабья гора — традиционное место шабаша ведьм. У славян мало специфических горных демонов. У русских на Урале известен *горной* — нечистый дух, обитающий в шахтах, у поляков — демон, чье королевство находится внутри горы Снежки, у болгар — горные русалки *загоркини*. Согласно русским легендам об Александре Македонском, в Г. заключены дикие народы Гог и Магог.

Лит.: *Топоров В.Н.* Гора // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1. С. 311–314; *Токарев С.* О культе гор и его месте в истории

религии // Советская этнография. 1982. № 3. С. 107–113.

Е.Е. Левкиевская

ГОРШО́К, к у в ш и́ н — наиболее ритуализованные предметы домашней утвари. Связаны с символикой **печи** и **земли**; осмысляются как вместилище **души** и духов. Наиболее активно использовались в обрядах, связанных с культом предков. Для похоронных обрядов характерны переворачивание и битье Г. и другой посуды.

В погребальном ритуале славян-язычников сожженные кости мертвецов помещали в глиняные горшки-урны или накрывали перевернутым Г. Согласно «Повести временных лет», радимичи, вятичи и северяне сжигали своих мертвецов «и посемь собравше кости вложаху в судину малу и поставляху на столпе на путех».

Отголосками древнего восточнославянского обряда можно считать такие действия, как помещение в гроб сосуда с пищей, битье Г. при выносе покойника из дома и в других ситуациях, оставление на могиле перевернутого Г. и др. Ср. **Покойник**, **Похороны**. В Киевской губ. в гроб с покойником клали Г. с кашей, хлеб и графин с водкой. В других местах на Украине в гроб ребенку ставили кувшин молока, а взрослым — воду в Г. Белорусы Пинского уезда несли за гробом освященную воду в Г., окропляли ею могилу, остатки воды там же выливали, а сам Г., повернув вверх дном, оставляли в головах покойника сверху могилы для того, чтобы ему на «том свете» пить из него воду. В Гродненской губ. существовал обычай носить на могилу Г. с кашей и ложкой, чтобы умершему было чем подкрепиться. В Кобринском уезде той же губернии Г., в котором варилась кутья, миску и ложку относили на кладбище и клали на могилу так, чтобы миска с ложкой находились под Г. Когда везли гроб в церковь, то на перекрестках стелили солому и ставили старый Г., чтобы, увидя его, люди поминали умершего (Смоленская губ.). В Олонецкой губ. Г. с углями был непременным атрибутом похоронной процессии; после похорон Г. ставили на могиле вверх дном, и угли рассыпались.

В России Г., из которого обмывали покойника, как и другие покойницкие предметы — мыло, гребень, солому, относили на перекресток, на рубеж с другим селением, на чужое поле, закапывали в доме, во дворе, бросали в реку, вешали на высокий кол изгороди. Если умирал хозяин, то такой Г. закапывали под красный угол, «чтобы не переводился домовой»; если второстепенное лицо — то относили на рубеж поля, «чтобы покойник не являлся и не стращал». В местах, где бросали такие Г., часто сооружали столбик, крест или часовенку, и тем не менее эти места считались чрезвычайно опасными (Владимирская губ.).

В Полесье широко распространено поверье о том, что в наказание за воровство Г. человек осужден на «том свете» носить Г. или черепки в руках, на боку или в зубах; тому, кто крадет посуду, в «ином» мире закроют глаза черепком или ему придется пролезть сквозь Г.

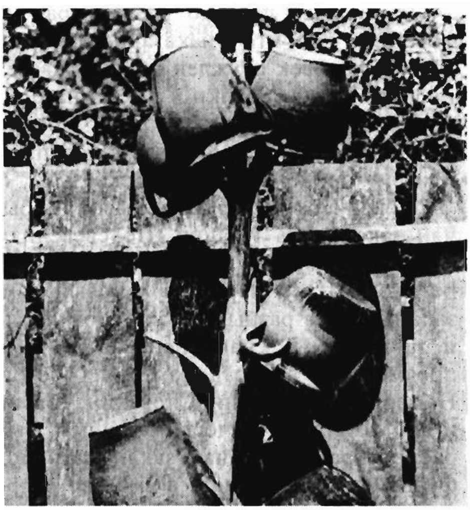
Архаический характер имеет и обычай закапывать горшки. По сведениям так наз. «Каталога магии Рудольфа» (середина XIII в.), переехав в новый дом, закапывали в разных углах, в том числе и за печью, Г., наполненные разными предметами, в честь домашних богов. На территории Чехии, Словакии, России и др., по археологическим данным, был распространен обычай закапывать под фундаментом дома или в ямах во дворе и в саду Г. и другую посуду с пищей, по-видимому, остатками обрядовых трапез.

На Украине девушки закапывали Г. с **кашей** на месте, где собиралась деревенская «улица», чтобы туда притянуло парней. Закапывание Г. с медом или вареной пшеницей в доме либо на пасеке широко практиковалось в пчеловодческой обрядности украинцев.

В поверьях Г. и другие сосуды связаны с атмосферными осадками и небесными светилами. У украинцев, русских и поляков ведьмам приписывалась способность красть с неба месяц, звезды, а также росу и дождь и прятать их в Г. или кувшины. По украинским поверьям, ведьма крадет с неба Венеру и прячет ее

под новым Г., чем вызывает длительную засуху. В Курской губ. затмения объясняли тем, что ведьмы снимают солнце, луну и звезды и прячут их в кувшины. В Житомирской области, если не было видно луны или звезд, говорили, что их «ведьма в Г. взяла».

В Полесье, для того чтобы пошел дождь, вешали на забор или на кол глиняную посуду. Если дождь шел слишком сильно, то кричали хозяйке, чтобы она сняла Г. с кола (Черниговщина). В других местах, наоборот, полагали, что перевернутая глиняная посуда закрывает дождь; поэтому во время засухи били Г. и кувшины, висящие на заборе, или крали их и кидали в колодец.



Суковатая жердь с горшками. Люблинское воеводство, Польша

В Белоруссии и Польше Г., повешенный на забор, должен был уберечь кур от ястребов. В Покутье битый Г. или старая одежда и шапка, надетые на палку, призваны были защитить посевы не только от воробьев, но и от сглаза. В Вятской губ. в Великий четверг до восхода солнца хозяйка дома, нагая, бежала со старым Г. в руках в огород и опрокидывала Г. на кол, где он и оставался в течение всего лета; считалось, что он предохраняет кур от хищных птиц. Отбитое горло кувшина или Г. без дна называются у русских «куриным богом».

Г., кувшин и другие сосуды широко использовались в народной медицине, в магических действиях и гаданиях. У белорусов, украинцев, поляков и мораван сажали летучую мышь в просверленный новый Г. и закапывали его в муравейник; косточки из ее скелета впоследствии использовали в любовной магии. Болгары клали в новый Г. вещи и волосы человека, который находится далеко от дома, и пекли Г. в печи, чтобы человек затосковал и вернулся обратно.

См. также **Гончар, Битье посуды**.

Лит.: *Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. М., 1990. Вып. 2. С. 67–135.

А.Л. Топорков

ГОСТЬ — объект почитания, представитель чужого, иного мира (ср. древнерусское «гость» в значении «чужеземец», «приезжий купец»). Превращение «чужого» в «гостя» связано с обрядовыми формами обмена, включающими пиры, угощения, чествования. В похоронных причитаниях восточных славян «гостем» обычно называют **покойника**.

Хождение в гости — акт в достаточной степени регламентированный. На большие семейные торжества (крестины, свадьбу и др.), а также на некоторые праздники, связанные с хозяйственной деятельностью семьи (начало или завершение жатвы, начало стрижки овец и др.), Г. приходят по приглашению. В то же время известны и ситуации, когда Г. сами проявляют инициативу. Не принято приглашать, но принято незваным приходить на похороны; не предусмотрены приглашения для женщин, посещающих роженицу в первые дни после родов; родственники обязаны посетить друг друга в Прощеное воскресенье; сложную систему представляют взаимные визиты новобрачных и их родственников в течение первого (послесвадебного) года. Вместе с тем существуют дни, когда ходить в гости запрещается: первые дни Рождества, Пасхи, иногда Троицы. В Македонии возбранялось ходить в гости в день св. Игната, поскольку это, по по-

верью, могло повредить скоту и домашней птице. Человеку, пришедшему в дом в этот день, были адресованы специальные проклятия-обереги: «Пусть ваши ягнята родятся недоношенными!» и т.п. Нежелательным было появление в доме постороннего лица в момент исполнения некоторых домашних работ (тканья, замешивания теста и др.); в этом случае отношения Г. и хозяев регулировались с помощью особых приветствий, имеющих цель обезопасить хозяйство и достаток от порчи и возможного урона. Приглашение в гости оформлялось как специальный ритуал: человек из дома, где устраивалось торжество, обходил предполагаемых Г. и нес с собой вино и хлеб. В каждом доме он угощал хозяина, приветствовал его и приглашал на праздник.

Приход Г. также нередко обставляли как обряд, в основе которого — обмен приветствиями между Г. и хозяином дома. Хозяин выражает радость по поводу прихода Г., здоровается с ним, спрашивает о здоровье Г. и его семьи, интересуется тем, как Г. добрался. В ответ Г. приветствует хозяина, сообщает о цели визита (независимо от того, что она, как правило, известна хозяину). Ритуал встречи Г. предусматривает также обмен рукопожатиями и поцелуями; кроме того, хозяин помогает Г. спешиться, берет на себя заботу о его коне и поклаже; иногда сразу же предлагает ему первое угощение. По-разному встречают знакомого и незнакомого: обмен приветствиями с незнакомцем имеет цель «узнать» Г., превратить его из «чужого», возможно, враждебного человека, в «своего».

Во всех случаях Г. воспринимается как носитель **судьбы**, лицо, могущее повлиять на все сферы человеческой жизни. Г. «приносит» в дом добрую волю, выражаемую в произносимых им приветствиях и благопожеланиях, формулах благодарности, застольных тостах, а также подарках. Хозяин же, в свою очередь, стремится как можно лучше принять Г., надеясь путем символического «договора» с высшими силами, представителем которых является Г., обеспечить свое будущее. Хозяин предлагает Г. ночлег, угощение, отводит ему почетное место за столом, а иногда сажает его и во главе стола, порой прислуживает ему стоя, одаривает гостя и т.п.

Роль Г., как правило, достаточно пассивна, он подчиняется требованиям этикета, в то время как хозяин ведет себя очень активно. Г. не может отказаться от предложенного ему угощения, т.к. это не только будет воспринято хозяином как оскорбление, но и может привести к негативным последствиям для хозяина (умрут пчелы, поля зарастут сорняками), а также обернуться несчастьями (главным образом — болезнями) и для самого Г. **Полазнику** — главному Г. года у южных славян — предписывается съесть все, чем его угощают (не выходя из дома), иначе в хозяйстве не будет достатка. Подобного рода обязательства являются взаимными. У сербов на **«славу»** пекут много калачиков, которые разносят по соседям, приглашая их на праздник. Хозяйка, которой принесли такой калач, обязана не только принять его, но и, надломив, съесть кусочек. В свою очередь, придя в дом на праздник, каждый Г. дарит хозяйке дома по такому калачику, который она также должна «почать»: в противном случае будет считаться, что она не хочет видеть этого Г. в следующем году. Принуждение к **еде** — обязательный элемент поведения хозяев. В Белоруссии в течение всего застолья хозяева вынуждены постоянно повторять: «Да ешьте же, ешьте, дорогие наши гости! Что ж вы ничего не едите?», иначе Г. уйдут домой полуголодные.

Поведение Г. в доме строго регламентировано. Г. имеет право попросить у хозяина все, что он видит в доме и в хозяйстве, а также то, чего в доме нет и что хозяин вынужден был доставать у соседей или даже воровать. Вместе с тем Г. ограничен в своих действиях в отношении к хозяину и его семье: он не должен самостоятельно общаться с женщинами, проявлять интерес к приготовляемой пище, обходить дом и хозяйственные постройки без хозяина и т.п. Известны и запреты, касающиеся пребывания Г. в доме: ему запрещается кормить собаку или кошку хозяина, иначе в доме будет недоставать еды.

Суть отношений Г. и хозяина заключается, как правило, в символическом и

реальном обмене **дарами**. Хозяин и Г. обмениваются приветствиями на пороге дома; невеста, получая на свадьбе подарок, целует каждому Г. руку, а молодой кланяется; Г., попав в обстановку будничного обеда, непременно — в отличие от домашних — поблагодарит хозяйку. Г. произносит застольные благопожелания в адрес хозяев, новорожденного или молодоженов, тем самым «отвечая» на предложенное ему угощение. Считается, что человек, впервые пришедший в дом, где есть дети, должен принести им подарок.

Лит.: *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Л., 1990.

Т.А. Агапкина

ГРАД — в народном представлении кара Божья, наказание за грехи и несоблюдение установленного порядка. Считалось, что **планетники** привозят с ледового моря лед и толкут его в ступах, изготовляя Г. Южные славяне приписывали «производство» Г. покойникам-грешникам, утопленникам, висельникам или драконам **халам**, а также святым, «заведующим» градом: Варфоломею, Герману, Марку и др.

Градом наказывалось прежде всего рождение и умерщвление внебрачного ребенка: в Полесье говорили, что целый год будет бить Г. вдоль той дороги, по которой женщина несла убитого ею ребенка. Причиной Г. также считалось нарушение запрета на работу в «градовые» дни и погребение на кладбище заложного **покойника**, особенно висельника.

Считалось, что Г. бьет в нечистое, оскверненное место и не бьет там, где люди приняли специальные защитные меры. Сербы еще зимой выносили на поле кусочек обгоревшего **бадняка** и рождественскую солому; украинцы в Юрьев день катались по земле, «чтоб град ее не бил», белорусы обходили озимые поля, устраивали трапезы на меже, закапывали в поле кости от пасхального поросенка; сербы закапывали освященные пасхальные яйца, а в Юрьев день — живого цыпленка, вылупившегося на Благовещение, втыкали в землю веточки освященной вербы или ореховые колышки, между которыми натягивали нить, выпряденную в ночь перед днем св. Фомы. Белорусы опоясывали поля нитками, выдернутыми из «обыденного» полотенца (см. **Обыденные предметы**). В Подмосковье около Дмитрова в Юрьев день жгли на полях рождественскую солому, «чтобы не бил град», а болгары жгли такую солому на могилах. Для защиты полей от Г. совершали обряд **опахивания**. Сербы устанавливали в селах специальные «градовые» кресты из ореха или дуба высотой до 10 метров, украшали их резьбой, цветами, лентами, пели и танцевали вокруг них, охраняли их и т.п.

При появлении градовой тучи ее старались отогнать заклинаниями и различными магическими действиями (подробнее см. **Тучи**). Когда Г. начинался, его старались остановить тем, что перекусывали или проглатывали несколько первых градин (это должен был сделать первый или последний у матери ребенок), перебрасывали градины через голову, бросали их в печь. Женщины, раздевшись догола или задрав юбки, обегали трижды вокруг дома, чтобы испугать тучу и остановить Г. (см. **Нагота**).

Многочисленные табу в повседневной жизни соблюдались ради предотвращения градобитья летом, когда оно может погубить урожай. У южных славян во все **четверги** от Пасхи до Вознесения запрещалось при стирке бить белье вальком; сербы избегали носить в это время белую одежду и вывешивать на забор или расстилать по траве для стирки белое белье; не сеяли коноплю в «Белую» (пасхальную) неделю; на Черниговщине не ткали и не белили коноплю во время цветения ржи, «чтобы град не побил хлеб на корню». На святки сербы не рубили дрова и не брали в руки топор, чтобы летом не было Г.; в Полесье на святки не разрешалось бросать принесенные в дом дрова, чтобы предотвратить Г. Специальные запреты касались обращения с покойником. В Полесье, в Польше, на Балканах запрещалось везти покойника на кладбище открытым — это могло вызвать Г.

Лит.: *Толстые Н.И.* и *С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от

града в Драгачево и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С. 44–120 (там лит.); *Их же.* Заметки по славянскому язычеству. 4. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 54–83.

С.М. Толстая

ГРАНИ́ЦА — в народных представлениях пространственный рубеж, разделяющий «свой» и «чужой» мир (ср. **Свой—чужой**). Это может быть межа, тын или забор, ворота, **порог**, **окно**, **река** и т.д. В охранительных обрядах (ср. **опахивание**, **обходы**, обегание, осыпание, опоясывание и т.п.) существенна замкнутость Г., призванной защитить от демонов, от мора, града, пожара и др. бедствий. Замкнутая Г. присуща освященным местам — пространству внутри церковной ограды, кладбищу и т.п., куда не допускается нечистое (например, заложные **покойники** погребаются за Г. кладбища).

Установление Г. (межи) в поле нередко совершалось путем особого ритуала: русские Ярославской губ., определяя Г., вырезали из дерна крест и несли его на голове, а в Вологодской губ. брали «кочку» земли и клялись: «Пущай эта земля задавит меня, если я пойду неладно!»; иногда землю брали в рот или клали на спину. Южные славяне часто в подобных случаях приводили на межу детей и клялись их здоровьем. Нарушение Г. считалось великим грехом и влекло за собой суровое наказание (виновник будет тяжело умирать, его тело не будет разлагаться в могиле, он будет носить на «том свете» на себе землю с межи и т.п.); сурово наказывалось также неправильное проведение Г.

Пограничные знаки (межевой камень, крест, дерево, ров и др.) считались неприкосновенными, их нельзя было даже задеть рукой или косой, вокруг них всегда оставляли островок целинной земли. Сербы полагали, что удар косой о камень «будет слышен до самого неба». По поверьям, на Г. обитали разные мифологические персонажи: кашубы считали, что это «страшки», пугающие и сбивающие с пути прохожих; лужичане — что это души захватчиков чужой земли и клятвопреступников; полешуки — что оттуда по ночам вылезают «ходячие покойники» и т.п. Эти души часто кричат: «Здесь граница! Здесь настоящая граница!»

На Г. часто совершали магические ритуалы: македонцы добывали живой огонь, лечили детей; полешуки вешали на Г. на ветке березы убитую лягушку, чтобы вызвать дождь; украинцы на Буковине закапывали на меже с той же целью тряпичную куклу и голосили по ней; лужицкие сербы на Г. отлучали от груди ребенка, рвали на Г. траву и кормили ею коров, оставляли на Г. погребальные носилки и солому, на которую ставили гроб; кашубы, когда везли гроб с умершим на кладбище, подъехав к Г., останавливались и переворачивали покойника затылком кверху, «чтобы он не возвращался». На Г. отсылались болезни разными магическими способами: выбрасывали туда лоскут, которым обтирали больного лихорадкой; закапывали рубашечку больного ребенка. На Г. часто исполнялись заговоры, обычно на утренней или вечерней заре (временна́я Г. дня и ночи).

Г. между «тем» и этим светом — река или вообще вода. Болгары верили, что душа покойника попадает на «тот свет», перелетая через большую и глубокую реку. Русские в Череповецком крае называли такую реку *забыть-река*, т.к. умерший, перейдя ее на 40-й день, забывал все, что с ним было на этом свете. Через эту реку не может перейти нечистая сила: по кашубским поверьям, если кони, на которых везут гроб, встанут на дыбы перед рекой между двумя селами, то в гробу лежит колдун, упырь; чтобы ехать дальше, надо взять земли из вырытой могилы и перебросить ее через гроб и коней. Через такую реку нельзя, по представлениям сербов, переносить яйца, предназначенные для наседки, т.к. из них не вылупятся цыплята.

Невидимая Г. очерчивает расстояние, на которое распространяется звук (крик, шум) или свет, куда достигает брошенный камень. Эта Г. защищает людей от нечистой силы, волков, змей, от града. Сербы считали, что, когда человек вес-

ной в первый раз увидит змею, он должен громко назвать самого себя по имени и тогда весь год змеи не будут к нему приближаться ближе того расстояния, на котором слышится голос. Того же можно было достичь, бросив через голову камень и сказав: «Насколько я заброшу этот камень, настолько не видеть мне змей, ящериц и другой нечисти в году!» В Галиции хозяин нагим трижды обегал хату со звонком и повторял: «Як далеко чути сего дзвінка, аби так звірка за далеко ни сьміла приступити до меі худоби». На Вологодчине в Великий четверг ходили в лес, стучали в сковороды, звонили в колокольчики и кричали: «Волки, медведи, из слуха вон; зайцы, лисы к нам в огород!» В Болгарии и Македонии во многих местах на масленицу, в Юрьев день, Иванов день жгли костры, полагая, что там, куда распространяется свет от огня, не будет бить град.

Способом создания невидимой и непреодолимой для нечистой силы Г. было очерчивание себя кругом с крестным знамением и молитвой или с матерной **бранью**, словами типа *чур* и т.п.

Временна́я Г. как в пределах суток (полночь, полдень, утренняя и вечерняя заря), так и в пределах года (между летом и зимой, между концом и началом года и т.п.) также воспринималась как опасная и «нечистая», принадлежащая демоническим силам (ср. активизацию нечистой силы в **святки**, в дни летнего солнцестояния, в полночь и др.).

Н.И. Толстой

ГРЕ́БЕНЬ — один из острых колющих предметов-апотропеев (ср. **Борона**) и женских символов (ср. **Веретено**).

Существовали правила обращения с Г. в быту. Его нельзя было оставлять на виду, класть на стол, на окно, на **дежу** — «ангел не сядет» (украинцы). Расчесав косу, девушка должна была спрятать Г. (болгары). Новым Г. сначала расчесывали кота, или собаку, или даже свинью, чтобы зубья дольше не ломались (украинцы). При выпадении волос их чесали прядильным Г. На **святки** из дома обязательно выносили Г. и другие ткацкие инструменты, это защищало скот от болезней, а людей — от змей (восточные славяне).

В родинных обрядах Г. служил символом женской доли. Новорожденному мальчику перерезали пуповину на топоре, а девочке — на Г., чтобы из нее вышла хорошая пряха (Полесье). На крестинах бабка передавала куму мальчика через порог, а девочку — через Г.; кумовья, выходя из дома, ступали правой ногой на порог или на Г. (там же).

В девичьих гаданиях Г. клали под подушку и по тому, кто во сне будет им причесываться, узнавали суженого. Часто Г. клали под подушку со словами: «Суженый, ряженый, приходи голову чесать» (русские). На свадьбу девушке принято было дарить Г. Гадание с Г. зафиксировано у западных славян в «Каталоге магии Рудольфа» (XIII в.): «Готовят воду и вместе с гребнем, овсом и куском мяса ставят со словами: „Приди, сатана, искупайся, причешись, своему коню дай овса, ястребу — мяса, а мне покажи мужа моего“».

Г., которым расчесывали покойника, считался «нечистым» и подлежал, как и другие «покойницкие» предметы, удалению, отправлению за пределы жизненного пространства. Его бросали в **реку**, чтобы «поскорее уплыла смерть», или куда-нибудь забрасывали, относили в такое место, где никто не ходит, либо клали вместе с остриженными волосами в гроб. В Болгарии (Горна Оряховица) Г., которым расчесывали покойника, клали в гроб, отломив от него столько зубцов, сколько человек осталось в доме: эти зубцы клали на яблоню, чтобы не умерли домочадцы покойного, или в загон для скота. В некоторых районах Болгарии Г. и мыло отдавали тем, кто обмывал покойника, выбрасывали подальше, в укромное место, «чтобы зло ушло вместе с ним»; ломали Г. и бросали в огонь; бросали в реку и т.п.

Чесальный Г. у всех славян использовался в качестве оберега от нечистой силы, порчи, болезней. Г. или **веретено** клали в колыбель, чтобы ребенок спал спокойно. У сербов новорожденных защищали от **вештиц** и других демонов одним или двумя составленными Г., между которыми помещали головку ре-

бенка. На эти Г. должны были «наколоться» вештицы. В Шумадии Г. оставляли в местах, где опасались появления демонов. В юго-западной Болгарии (Каменица) Г. ставили над умершим и зажигали на них свечи, чтобы защитить дом в случае, если покойник станет вампиром.

Южные славяне, особенно сербы, считали Г. действенным средством защиты скота от волков. От Сочельника до Крещения женщины не прикасались к Г. и держали их соединенными, чтобы «запереть» пасть волку. Во многих районах Сербии в Рождественский сочельник совершали ритуальный прогон скота между двумя Г., после чего Г. соединяли зубьями и помещали над входом в загон. Соединяли Г. и в случае, когда скот терялся, — это должно было уберечь его от волчьих зубов. Этот же прием применялся и против колдовства, порчи и болезней. Для опознания ведьмы два Г. ставили так, чтобы между ними прошла подозреваемая в ведовстве, после чего Г. соединяли, а ведьма приходила просить, чтобы их разъединили, т.к. составленные Г. причиняли ей боль (сербы).

Г. известен и как лечебное средство: в Полесье, когда заболевала корова, хозяйка выносила Г. и забрасывала его на **грушу**, где Г. должен был лежать неделю, после чего его мыли и использовали по назначению. В Пиринской Македонии (район Разлога) знахарка вела больного к реке, наклоняла его над водой и чесала железным Г. от лба до пупа, потом макала Г. в воду и произносила заговор. Так лечили болезнь *сугреби*, «собирая» ее в Г.

Г. — характерный атрибут многих мифологических персонажей: **богинки**, **русалки**, женского водяного духа и др., которые в быличках расчесывали свои длинные волосы. Как орудие порчи Г. использовался в свадебном обряде: два чесальных Г. ставили по обе стороны дороги, а когда молодые проходили, их соединяли; после этого молодые всю жизнь ссорились (сербы).

Г. клали в мешок с семенами, чтобы жито было «частым», как зубья у Г., или помешивали им семена, приготовленные к севу; закапывали Г. в первую борозду, а вечером забирали домой (сербы и македонцы); Г. расчесывали овец, а вычесанную шерсть и сломанный Г. бросали в загон к овцам, чтобы у них было больше шерсти (русские).

С.М. Толстая

ГРЕХ — действие, состояние и поведение, нарушающее религиозную нравственность и христианский закон. Славянская народная мораль строилась по иному принципу, чем церковная христианская, притом в разных сферах духовной культуры и в разных обрядовых и фольклорных жанрах по-разному. В духовных стихах — жанре, идейно близком к церковной традиции, различаются, по Г.П. Федотову, три вида Г.: против матери-земли и родовой религии, против ритуального закона церкви и против христианского закона любви. Согласно духовным стихам, люди впадали в Г., когда «за крест, за молитву не стояли», «великого говения не говливали», «нищую братию обиждали», «голодного не накармливали», «жаждущего не напаивали» и т.п. Еще больший Г. — нарушение запретов: «во пятницу пыли пылили, а в середу золы золили» (см. **Пятница**, **Среда**); «в чисто поле выходили, матушку-рожь заломляли, во ржи спор отъимали» (см. **Залом**); «в ивановски ночи не всыпали, в чистое поле выходили, коровушек закликали, в коровах молоки отъимали, под горьку осину выливали» (см. **Ведьма**, **Иван Купала**, **Молоко**). Душа, совершившая такие Г., считалась про́клятой и обреченной на вечные мучения на «том свете».

Характер наказания зависит от совершенного Г.: «И всяким места уготовленныя; / где праведным быть, где грешныим, / где татьям быть, ворам, где разбойникам, / где пьяницам, где корчемницам, / где еретикам, клеветникам, ненавистникам, / где блудникам быть, беззаконным рабам, / сребролюбцам быть, где грабителям. / Татьи все пойдут в великий страх; / разбойники пойдут в грозы, в лютыя, / а чародеи все изыдут в диавольский смрад; / а убийцам будет скрежет зубный...» Эта картина соответствует народным представлениям об **аде**.

На этом свете наказание за Г. тоже носит, по народным верованиям, конкретный характер. Г. может наказываться смертью, болезнью, параличом, слепотой и др. При этом кара за Г. может постичь как отдельного грешника, так и весь социум. Так, южные славяне полагают, что одной из причин града, потопа или разлива реки оказывается тайно зарытый внебрачный ребенок. Стихия наказывает людей за совершенный Г. и стремится выбросить из земли плод грешной любви. Наказанием за Г. могли быть также мор, падеж скота, нашествие врагов.

Грехом считалось нарушение обычаев, обрядов, табу. Так, славяне считали Г. бить землю, плевать в огонь, мочиться в воду. У восточных славян запрещалось есть во время грозы, топить печь и заниматься рядом работ, за это Бог может покарать громом. Нельзя было передавать что-либо через порог, перешагивать через **бадняк**, бить ребенка веником и т.п. Грехом считались работа в праздники, несоблюдение поста, в особенности если он был принят как **обет**.

Об ответственности всего человечества за отдельные Г. людские красноречиво говорит легенда о том, как когда-то Господь ходил по земле: небо было очень низко над землей, и на земле росла пшеница с тремя колосьями из одного корня. Однажды одна мать вырвала несколько колосков и подтерла ими своего младенца. За этот Г. разгневанный Бог поднял небо высоко, а на земле оставил один колос, который схватила собака. С тех пор, как говорят болгары в Пиринском крае, «Господь и небо высоко, а люди едят собачье счастье».

Н.И. Толстой

ГРИБЫ́ — в мифологии славян занимают промежуточное положение между животными и растениями.

Происхождение Г. связывается с остатками трапезы мифологических существ (ю.-слав. самодив) или с пищей, которую втайне от Христа ели и выплюнули апостолы (з.-слав., укр., бел.). В народных представлениях Г. часто соотносятся с нечистыми животными и растениями, экскрементами и гениталиями животных, инородцами: названия типа рус. *собачий гриб, чертов табак*, словац. «вороний помет», пол. «бычьи яйца», словац. «борода еврея», «цыганский гриб» и т.п.

В зависимости от внешнего вида (выпуклое—вогнутое) Г. делятся на «мужские» и «женские», соотносятся с гениталиями человека и наделяются соответствующей эротической и брачной символикой (сюжет о войне мужских и женских грибов; белорусские свадебные и весенние песни: девушка приносит из леса мухомор и кладет с собой спать). В сновидениях Г. для девушки означают жениха, для женщины — беременность.

В народной демонологии Г. — живые существа, имеют дар речи, превращаются в демонических существ, в золото; представляются заколдованными ведьмами или карликами, отбирают у людей силу и здоровье. Растущие кругами Г. указывают на место игр самовил или присутствие **нечистой силы** (ср. рус. *ведьмины кольца*). Г. превращаются в жаб, червей, бывают причиной появления змей в доме (пол., бел.).

Г. принадлежат потустороннему миру, где человек пребывает до рождения и после смерти (ср. чеш. выражение «Тогда ты еще ходил по грибы, еще грибы пас» в значении «тебя еще на свете не было»). Согласно польским и украинским поверьям, видеть, собирать Г. во сне — к смерти.

Г. связаны с дождем, громом, молнией; ср. рус. поговорку «Растут, как грибы после дождя», выражение «грибной дождь» (дождь при солнце), пол. примету: видеть во сне Г. — к дождю, рус. *громовик* в значении «гриб» и «белемнит» («громовая стрела»), словен. «гриб молнии» (мухомор). По севернорусскому поверью, Г. не появятся, если под дождем искупалась ведьма. Чтобы обеспечить себе везение при сборе Г., в Словении кувыркались при первом громе и катались по траве.

В приметах по Г. судят о погоде, о будущем урожае. Освященные Г. служат оберегом от нечистой силы, от сглаза, используются в народной медицине.

Лит.: *Топоров В.Н.* Семантика мифологических представлений о грибах // Bal-

canica. М., 1979. С. 234–279; *Белова О.В.* Эротическая символика грибов в народных представлениях славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 317–322.

О.В. Белова

ГРОБ — атрибут погребального обряда, осмысляемый как «новое» или «вечное» жилище умершего. В славянских регионах обычай погребения в Г. распространяется вместе с христианством (в Великой Моравии с IX в., на Руси с X в.).

Изготовление Г. уподобляется строительству нового дома. На Карпатах и Русском Севере в стенках Г. на уровне плеч делали отверстия наподобие окошек, в которые вкладывали оконное стекло. Гуцулы в детском Г. в головах с правой стороны вырезают одно окошко, а для взрослого покойника — два. Маленькое окошко, иногда отверстие, прикрытое доской, имелось и в русских Г.-колодах. Окна делают для того, чтобы умерший мог выглядывать из своей «хаты», чтобы душа время от времени видела свое тело, чтобы умерший мог смотреть на других покойников.

Широко известен обычай заготавливать себе Г. задолго до смерти и хранить его на чердаке. Русские почитают это предзнаменованием долгой жизни. Часто в Г. хранили зерно и, если в доме никто не умирал, его брали на посев, подавали как милостыню. Белорусы верили, что, если оставить заранее сколоченный Г. пустым, не насыпав в него жита, он «притянет» к себе мертвеца.

Готовый Г. окуривают воском, освященными травами; кладут внутрь столярные инструменты, которыми пользовались при его изготовлении, закрывают крышкой и умывают над ним руки. Стружки и щепки, оставшиеся после изготовления Г., не выбрасывали, а клали в Г. на дно, набивали ими подушку вместе с листьями березового веника, пускали по воде, выносили за село, в поле; высыпали на дороге перед домом умершего, придавив их камнем, в знак того, что в доме покойник, и т.д.

В соответствии с общеславянскими представлениями о смерти как сне в Г. устраивали постель. Дно Г. выстилали соломой, сеном, сухими березовыми вениками (ср. рус. *пора на веники* — «пора умирать»). Белорусы поперек прутьев развязанных веников клали **пояс** и застилали все длинным куском холста, веря, что покойник должен явиться на «тот свет» опоясанным. Подушка в изголовье Г. набита сухими листьями березовых веников, сеном, сухими пахучими травами и пр. По русскому обычаю, подушку набивали обрезками ткани, из которой шили погребальную одежду, а также куделей; в некоторых местах кудель не клали из опасения, что не уродится лен. Повсеместно остерегаются набивать подушку куриным пером.

По поверьям, умерший сохраняет свои прижизненные потребности и пристрастия, поэтому в Г. кладут пищу — хлеб, пироги, различные виды злаков, кружку меда или пива, бутылку водки, вино, воду, масло, соль, сахар и т.д. Повсеместно помещают в Г. полотно и одежду (сам Г. как вместилище сравнивается с одеждой: «И деревянный тулуп по мерке шьют»): мужчине в изголовье — шапку, женщине — чепец или платок, беременной — пеленки и детские игрушки, умершим до брака — венок, фату и пр. Курильщику кладут в Г. табакерку с табаком, трубку, кисет, хромому — его палку или костыль, сапожнику — шило, плотнику — топор, портному — иглу. У всех славян известен обычай класть в Г. деньги как «подорожную» на «тот свет».

Колдунам, самоубийцам, опасным покойникам, чтобы предотвратить их «хождение», кладут в Г. освященные травы, освященный на Пасху хлеб, ладан; мак, чтобы самоубийца его собирал; терновник; кресты из осины и т.д. В Г. клали предметы, которые надо было «выпроводить» из земного мира: сено, на котором лежал покойный в хате, сосуд, из которого соборовали перед смертью, гребень, которым причесывали, и т.д. Аналогичным образом избавлялись от болезней (например, клали в Г. рубашку больного), от вредных насекомых и пр. Повсеместно кладут в Г. предметы с целью передать их на «тот свет» другому покойному. Если в доме один за другим умирали двое, в Г. второго усопшего

клали куклу, домашнюю птицу, голову черной курицы «взамен третьего покойника» (Сербия).

Чтобы защитить живых, Г. с покойником выносили из дома через **окно**, хлев, заднюю дверь; протаскивали его через дыру, сделанную под порогом (Словакия). При выносе стучали гробом три раза о порог или дверь, чтобы покойник попрощался со своим старым жильем и больше туда не возвращался (в.-слав., з.-слав.), чтобы никто в семье больше не умер (ю.-слав.). Сербы тянули Г. назад на пороге, чтобы покойник «не потянул» за собой живых. При выносе Г. держали в руках хлеб, осыпали Г. зерном; передавали через Г. хлеб и соль по направлению от сеней к печи, чтобы сохранить урожай (Минская губ.). Закрыв Г. крышкой, на нее клали хлеб (рус. *гробовик*), который часто предназначался отпевавшему священнику, как и кусок холста, полотенце, положенные поверх Г.

Заколоченный Г. опускали в могилу на веревках или на длинных широких полотенцах, чтобы дорога на «тот свет» была широкая, как полотно. У южных славян сохранился обычай разбивать о спущенный в могилу Г. глиняную посуду, в которой приносили на кладбище масло и вино. Г. с висельником ставили в могилу вертикально (Русский Север).

Лит.: *Плотникова А.А.* Предметный код погребальной обрядности (вещи в гробу усопшего) // Истоки русской культуры. М., 1994. С. 56–58.

А.А. Плотникова

ГРОМ — в народной традиции карающее орудие небесных сил — Бога, Ильи Пророка, Перуна. Чаще всего гром объясняли тем, что св. **Илья** ездит по небу на колеснице с огненными конями, что Илья или Бог кидают по небу и с неба на землю камни; южные славяне считали, что гром и молния происходят от борьбы змей-драконов **хал**.

Повсеместно у славян существует верование, что Бог, св. Илья или небесный **змей** громом поражают дьявола, черта, которые, прячась и спасаясь, забираются в воду или под дерево, под камень. Поэтому во время грозы людям нельзя укрываться под деревом или в воде. По представлениям белорусов, нельзя сидеть на меже (там водятся черти); опасны места, где зарыт некрещеный младенец, и т.п. Считается, что «гром» (молния) не бьет в некоторые деревья, в **крапиву**, в дом, на котором есть гнездо **аиста**. Сербы полагали, что «гром» не бьет в **орех**, поэтому в грозу опоясывались ореховой веткой. Человек, убитый «громом», у славян мог считаться и праведником, счастливым, и грешником, в котором скрывался черт. Дерево, пораженное «громом», не употребляли для строительства или на дрова, однако ему приписывали иногда целительные свойства (щепкой такого дерева лечили зубную боль). Загоревшийся от молнии дом часто запрещалось тушить (считалось невозможным потушить пожар) или полагалось тушить не водой, а молоком от черной коровы, кислым молоком, сывороткой и т.п.

Во время грозы для защиты от удара Г. зажигали сретенские («громничные») свечи, освященные в Вербное воскресенье ветки **вербы**, жгли в печи лен, травы, троицкую зелень, **венки** и т.п.

Для отгона грозовой тучи выбрасывали во двор лопату, использовавшуюся для выпечки хлеба, или клали крест-накрест лопату и кочергу, выносили **дежу**, освященные предметы, воду и травы, пасхальную скатерть, **яйцо**, **хлеб-соль** и др. См. также **Град**, **Тучи**.

Во время грозы запрещалось держать открытыми дверь, окно или трубу, сидеть у окна, есть, пить разговаривать, ходить с непокрытой головой, босиком, задирать подол и т.п. Все это могло навлечь на человека удар Г. Иногда предписывалось завешивать зеркало, сидеть под балкой с крестом и т.п.

Чтобы уберечься от Г., совершались предупредительные магические действия. На Сретение («Громницы») освящалась специальная «громничная» свеча, которая хранилась в красном углу и зажигалась во время грозы (иногда это была «четверговая» свеча). Под крышу дома западные славяне вешали букетики цветов или веночки, сплетенные в праздник **Божьего Тела**, под стреху затыкали так-

же крапиву, орех или другие растения, рождественскую солому и т.п. Предохраняли от «грома» скорлупки пасхальных яиц и кости от освященного поросенка: их завязывали в узелок и хранили под крышей, а также закапывали в поле, в огороде, в саду. Поля защищали ореховыми, вербовыми и др. ветками, специально сделанными крестиками, которые втыкали по углам поля.

Для того чтобы избавиться от страха перед Г., рекомендовалось есть заплесневевший хлеб или хлеб, поеденный мышами; есть крошки хлеба с ножа; есть цветки ржи, почки вербы и т.п.; детям подпаливали крестообразно волосы на голове, разламывали над головой ребенка две спекшихся буханки, давали целовать «хлебную» лопату.

Главным и наиболее надежным средством защиты от Г. считалось соблюдение и почитание праздников и «громовых» дней, которых особенно много было у южных славян: все **четверги** между Пасхой и Вознесением, несколько дней в период жатвы («Огненная Мария» и др.), Ильин день и др., когда строго запрещалась всякая работа, особенно работа в поле и прядение-тканье.

Первый весенний Г. считался значительным событием и сопровождался множеством магических ритуалов и гаданий. У восточных славян было принято, заслышав раскаты грома, прислоняться к дереву (дубу) или тереться спиной о дерево, дубовый столб, забор и т.д. Это делалось для того, чтобы предотвратить или излечить боль в спине. С той же целью катались по земле или просто падали на землю, что должно было принести здоровье, благополучие, удачу. Болгары и сербы также катались по земле (или перекатывали мальчика), чтобы во время полевых работ не болела спина и чтобы град не побил посевы. К менее распространенным обычаям относятся (у восточных славян): умывание у реки, колодца, обливание водой, после чего следовало утираться красным платком, чтобы быть здоровым и красивым; постукивание камнем или железом по голове, «чтобы быть крепким и не бояться грома»; поднимание тяжелых предметов (телеги, колес, печи и т.п.); зажигание свечи, сжигание под печью освященных вербовых веток. Заслышав первый Г., крестились и крестили трижды тучу. Все эти меры должны были обеспечить силу, здоровье и удачу и защитить от грозы летом.

Лит.: *Толстые Н.И.* и *С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 50–53.

С.М. Толстая

ГРУ́ША — дерево, наделяемое признаками чистоты и святости. Одновременно связывается с **нечистой силой**.

Южные славяне считают Г. святым деревом; согласно некоторым легендам, люди молились Богу не в церкви, а под Г.: «Грушенька моя церковка» (сербы). В северной Болгарии Г. почиталась как хранительница засеянного поля. Белорусы Витебщины мотивировали запрет срубать Г. тем, что на ней отдыхает Богородица, когда сходит на землю. В Словакии сажали Г. возле придорожных крестов, часовен, посвященных Деве Марии. В северной и восточной Болгарии полагали, что в тени Г. не могут пребывать злые духи, а в Пловдивском округе — что Г. оберегает от змей, поэтому, идя на сбор трав, держали в руке ветку Г. или натирали руки грушевыми листьями. В Родопах в день св. Иеремии затыкали грушевые ветки в двери дома, хозяйственных построек, на полях и пастбищах.

Вместе с тем к Г. относились как к месту обитания нечистой силы: в Пиринском крае дикая Г. входит в ряд деревьев, которые называются *«самовилскими»* (см. **Вила**), под ней запрещалось спать, сидеть, привязывать к ней колыбель и т.п. В Полесье опасались стоять под Г. во время грозы. По поверьям, на Г. (растущей в поле, с густой кроной, кривой) обитали **вештицы** и **халы** (Сербия), собирались ведьмы по ночам, танцевали *стриги*; при ритуальном изгнании из села Чумы для нее оставляли жертву на старой Г. Под Г. обитал уж, который каждый вечер высасывал молоко у коровы. Клад зарывали под Г. или сажали Г. на месте зарытого клада. Во многих славянских зонах сухая Г., как и верба, счи-

талась местом обитания черта, поэтому старые деревья не рубили из боязни понести убыток в хозяйстве.

В украинской заговорной традиции Г. соотносится с **мировым деревом** (дубом) и является деревом антимира, деревом зла и бесплодия, и противопоставляется яблоне.

Ветки, плоды, древесина, зола от Г. служили апотропеем и использовались в продуцирующей магии. Древко свадебного знамени делали из сука Г. (болгары), втыкали в свадебный каравай грушевую ветку (украинцы). Когда невеста ехала к венцу, на всех перекрестках разбрасывали сушеные груши; мать осыпала жениха грушами, чтобы он был богатым (Полесье); бесплодная молодица должна была съесть Г. (яблоко), дольше всех провисевшую на дереве (Пловдив). Чтобы новорожденный был здоров, в первую купель клали ветки Г., выливали воду после купания под Г. Первые плоды освящали и раздавали соседям на помин души.

В календарных обрядах чаще использовали ветки и дерево Г. В юго-западной Болгарии, в Македонии для **бадняка** срубали Г., иногда дикую — из-за ее обильного плодоношения, чтобы дом был плодовит и богат. Грушевой веткой **полазник** шевелил огонь в очаге, произнося благопожелания; хозяйка относила ее в курятник, чтобы куры хорошо неслись.

В Сербии лечили бородавки, нарывы, потерев их плодом Г., после чего выбрасывали на дорогу со словами: «Кто меня возьмет, кто меня откусит, на того болезнь, на меня здоровье». В Г. «забивали» болезнь в дырку, просверленную в стволе; в северной Болгарии под Г., тень которой не падает на другие деревья, лечили бездетных. Чтобы обеспечить себе здоровье на целый год, в Иванов день пролезали через венок, свитый на грушевой ветке.

В.В. Усачева

ГУМНÓ — площадка для молотьбы (ток) и помещение для хранения снопов; связано в ритуально-магической практике с обеспечением урожая и достатка. Как символ плодородия и богатства (ср. болг. *харман* — «гумно, ток», «большой урожай») Г. соотносится с амбаром, ср. рус. пословицы: «Есть на гумне, будет и в суме», «Есть в амбаре, будет и в кармане». Пустое или оставленное Г. связывается с нечистой силой; по польской пословице «из пустого гумна или сова, или дьявол вылетит».

Ритуально-магические действия, совершаемые на Г., в основном относятся к жнивной и новогодней, отчасти весенней обрядности. В разных славянских регионах перед заполнением Г. хлебом помещение кропили святой водой, расстилали в воротах Г. полотенце, клали буханку хлеба и через нее перевозили снопы, чтобы старого хлеба всегда хватало, пока не сожнут новый. Чтобы обмолот хлеба прошел успешно, во время работы на Г. соблюдали ряд запретов, например в Сербии, в Полесье нельзя было пить воду, т.к. считалось, что дождь намочит зерно; запрещалось есть, чтобы жито не поразила головня или мыши не съели зерно.

На Г. совершали ритуальные действия, направленные на обеспечение урожая в наступающем году. На Рождество у сербов Боснии, Далмации, восточной Хорватии и Воеводины на Г. устраивали символическую молотьбу с участием детей, которые изображали животных: кричали и топали, двигаясь по Г. вокруг «стожера». У македонцев в зимние и весенние праздники на Г. совершали ритуалы «кормления **ветра**», чтобы он дул летом при веянии зерна. В волынском Полесье рождественский ужин проходил на току: хозяин рисовал там большой круг, а в нем — крест, в круг ставили на холсте миску с кутьей, и все домочадцы на ужин «звали Мороз» с целью «задобрить» его. В Славонии под Новый год надевали хлеб на правый рог волу **полазнику** и гоняли животное по Г. до тех пор, пока оно не сбрасывало хлеб; если вол оставлял на Г. навоз, верили, что год будет плодородным.

Г. — место обитания демонологических персонажей. У вост. славян это *гумéнник, гумéнный* (рус.), *гуменнік* и *гуменніха* (бел.), а также *овинник*. Их старались ублажить и задобрить. В быличках *гумéнный хозяин* предстает в раз-

ных обликах: человека в белом, старика, барана, журавля. В восточной Польше считали, что на Г. может поселиться «злой» — черт, прилетающий с вихрем, тогда всех в доме ждут несчастья, потери в хозяйстве, смерть людей и т.д. У южных славян Г. — место сбора преимущественно злых демонов: это крылатые змеи, **вилы** и особенно **вештицы**, которые, по сербским поверьям, собираются на оставленном, а также пустом, «подметенном» или «медном» Г. Прилетев на Г. (голыми, верхом на ткацких навоях), вештицы танцуют и договариваются, кому причинить зло. Перед полетом они мажутся чудодейственным составом и приговаривают: «Не на колючки, не на кусты, а на пустое гумно».

У южных славян существуют различные топонимы, связанные с мотивом сбора демонических сил на Г. На черногорском побережье около г. Будвы ровная площадка на горе Спас, где собиралась молодежь, называется *Вилино Гумно.* На Вознесение девушки и парни танцевали там и пели песни, посвященные вилам.

А.А. Плотникова

Д

ДА́ЖЬБОГ (др.-рус. *Дажьбогъ*, варианты — *Дажбогъ, Даждь-богъ*) — в восточнославянской мифологии божество, входившее в состав т.н. Владимирова пантеона. Первое упоминание Д.— в «Повести временных лет» под 980 г., из которого следует, что местом культа был холм, на холме находился кумир Д. и здесь Д., как и другим богам, приносились жертвы. Наиболее содержательным (хотя и менее достоверным) является фрагмент о Д. во вставке, включенной в перевод отрывка из «Хроники» Иоанна Малалы, находящегося в Ипатьевской летописи под 1144 г.: «По умрьтвии же Феостовъ (др.-греч. Гефест) егож и Сварога наричить и царствова сынъ его именемъ Солнце, егожь наричють Дажьбогъ. Солнце же царь сынъ Свароговъ еже есть Даждь-богъ». Отсюда следует связь Д. с солнцем и родственные отношения с **Сварогом** (сын — отец), несомненно связанным с огнем. Третий независимый источник, упоминающий Д.,— «Слово о полку Игореве», в котором дважды говорится о попавших в тяжелое положение русских как о внуках Д.: «погыбашеть жизнь Дажьбожя вънука» и «въстала обида въ силахъ Дажьбожя вънука». Эти контексты дают некоторое основание для понимания Д. как родоначальника или покровителя др.-русского этноса, который в свою очередь может трактоваться как наследие, богатство Д. Не исключено, что именно этим обстоятельством следует объяснять наличие имен собственных типа Дажбоговичь в грамоте XIV в. В более поздних источниках за редким исключением имя Д. выступает в сильно искаженном виде. В списке 980 г. имени Д. непосредственно предшествует имя **Хорса** (при этом только эти два имени соединены без союза «и»), который, как и Д. в указанном отрывке, связывается с солнцем (ср. «Слово о полку Игореве»). В том же первом списке 980 г. непосредственно за именем Д. следует имя **Стрибога**. Эти имена образуют пару и формально (сложное двучленное имя с общим вторым элементом — «богъ» и с формой глагола в повелительном наклонении в первом члене: даж/д/ь-, стри-, ср. простри), и содержательно: оба божества, судя по значению их имен и этимологии, имеют отношение к подаче богатства (бог — богатый) и к его распределению — распространению (простирать) и, следовательно, выполняют вероятную социально-экономическую функцию наделения и распределения богатства, имущества, благ (характерно, что предшествующая пара богов в списке — **Перун** и **Хорс** — может по аналогии трактоваться как «природная» — гром/молния и солнце). О широких функциях Д. свидетельствует украинская народная песня, где Д. изображается покровителем свадьбы, встречающим жениха-князя на рассвете (связь с солнцем, восходом), «меж трех дорог»; в другой песне, относящейся к сезонному циклу, Д. высылает соловушку замыкать зиму и отмыкать лето (ср. сходные мотивы в связи с вырием). Ср. мифологизированный образ земного царя в сербской сказке — *Дабог* и следы этого персонажа в эпических песнях о Марко Кралевиче. Эти факты дают основание для предположения о праславянских истоках имени и образа Д. В качестве отдаленного источника Д. определяется мифологизированная фигура подателя (распределителя) благ, к которому обращаются с соответствующей просьбой в ритуале, в молитве, в благопожеланиях (ср. рус. «дай, Боже...»). Данные мифологии балтийских славян позволяют с еще большей уверенностью говорить о

праславянском характере этого божества и о некоторых его особенностях. Как сын Сварога Д. может быть назван Сварожичем. Именно это название упоминается зап.-европ. хронистами.

Лит.: *Топоров В.Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.

В.В. Иванов, В.Н. Топоров

ДАР — один из универсальных способов регулирования отношений внутри коллектива (реже между человеком, потусторонними силами и миром природы); ритуализованная передача некоего предмета от одного лица к другому, а также сам этот предмет. Д. заключает в себе представление о благе (добре) и является материализацией этого блага. Среди разнообразных форм дарения выделяются обмен Д. (т.е. дарение в обмен на Д. или на иные виды ценностей и услуг: работу, похвалу, благопожелание, помощь, ср. рус. *дар* и *отдарок*), раздача (разделение) неких предметов, пищи между многими людьми, также потенциально в обмен на некие услуги или обязательства со стороны принимающего (материальные, моральные), и собственно передача Д. адресату. Д. может получать значение **жертвы**, вознаграждения (угощения, платы или выкупа), может быть магическим средством наделения благом и умножения благосостояния и знаком определенного отношения к адресату.

Основной предмет Д. у славян — хлеб (а также зерно, мука), воплощающий богатство, жизненную силу и долю и в свою очередь представляющий собой «Божий дар», ср. восточнославянское «хлеб — дар Божий». К числу предметов дарения принадлежат также скот, домашняя птица, полотно, одежда, посуда, мед, молочные продукты. Особое место занимают деньги, заменяющие другие предметы дарения или сосуществующие с ними.

Наиболее широкий круг ритуализованных контекстов дара связывает его с мифопоэтическим концептом **доли**. Сама судьба мыслится как данная человеку Богом, ср. *Бог судьбу дает (дарит, наделяет)*, или полученная от родителей. Дарение как ритуальная форма чаще встречается в семейных обрядах: родинно-крестинном, свадебном и похоронном. Среди иных сфер функционирования Д. отметим обходные обряды, Пасху и Юрьев день, а также многие окказиональные и этикетно-бытовые ситуации.

В мифопоэтическом аспекте с идеей приумножения связывается дарение кому-нибудь первых продуктов или плодов (фруктов, молока, овощей, зерна, меда и др.). Мед (особенно первый), а также первый рой предпочитали не продавать, а дарить, в надежде, что Д. будет способствовать роению пчел. Магический эффект Д. зависел от адресата дарения: первые фрукты с плодовых деревьев дарили многодетной матери или беременной женщине, но никогда старухе или бездетной. На Русском Севере полагали, что если после продажи у бывшего хозяина скот перестал вестись, значит, покупатель похитил навоз, а с ним и «счастье» скота. Избавление от этого могло принести только дарение кем-либо из родственников хотя бы одной овцы.

Д. как жертва занимает особое место в кругу отношений человека с духами и миром природы. Особенно популярным у славян было «одаривание воды», практикуемое в оздоровительных, профилактических, апотропеических целях. Чехи кидали в колодец остатки рождественского ужина, говоря: «Колодец, несем тебе рождественский ужин, чтобы ты нам давал хорошую воду».

Особое место среди жертв занимают Д., приносимые в церковь, а также к различным культовым местам. В Словении дети, первый раз пришедшие в церковь в Страстную пятницу к «Божьему гробу», приносили монету и клали ее перед крестом, сыпали пшеницу на гроб Господень, ставили к алтарю масло. Большой известностью пользовался обычай возлагать Д. (в виде одежды, полотенец, пищи, денег) к почитаемым деревьям, в рощи, к камням, источникам (см. **Дерево**).

Во множестве бытовых, этикетных и ритуальных ситуаций Д. закреплял установление определенных отношений между дарителем и тем, кому этот Д. предназначен. Обмен подарками составлял

существо троицкого обычая кумления (ср. взаимное одаривание девушек на Троицу кольцами или платками, обмен нательными крестами при установлении побратимства). На крестины и на свадьбу повсеместно принято было приглашать **гостей**, преподнося им хлеб, полотенце, яблоки, носки, платки.

Дарение как один из видов оплаты фигурирует во всех семейных, календарных и окказиональных обрядах. Жницы, участвующие в толоке, по окончании работы получают не только угощение или прямую оплату, но и нередко специальные подарки (вязаные чулки, полотенце, хлеб). У македонцев в Сочельник отец по очереди посылал детей к очагу посмотреть, не прогорел ли **бадняк**, за что одаривал их сладостями, фруктами и деньгами.

Одной из наиболее известных форм дарения была раздача продуктов, пищи, вещей (ср. пасхальные обычаи, имеющие отчетливые новозаветные аллюзии: делить скоромную пищу за завтраком во время разговления; разрезать одно яйцо на части по числу членов семьи; «молить пасху», т.е. наделять в церкви всех прихожан кусочками пасхального хлеба в Фомино воскресенье; обмениваться подарками при хождении в гости в течение всей пасхальной недели; разносить на Пасху еду в Д. соседям). У южных славян был широко известен обычай «преломления» обрядового хлеба (калача и др.) и разделения его между всеми членами семьи во время некоторых календарных праздников (особенно часто в Сочельник, **Юрьев день** и на семейно-родовой праздник **«слава»**). Так, у болгар **кукеры** по время обхода села разламывали лепешку с запеченной внутрь старой монетой и одаривали всех кусками; по этим кускам предсказывали хозяйственные успехи. Если кусок с монетой доставался земледельцу, то ожидали хорошего урожая; если овчару — много молока и шерсти, если ремесленнику — рассчитывали, что будет удачно продаваться посуда.

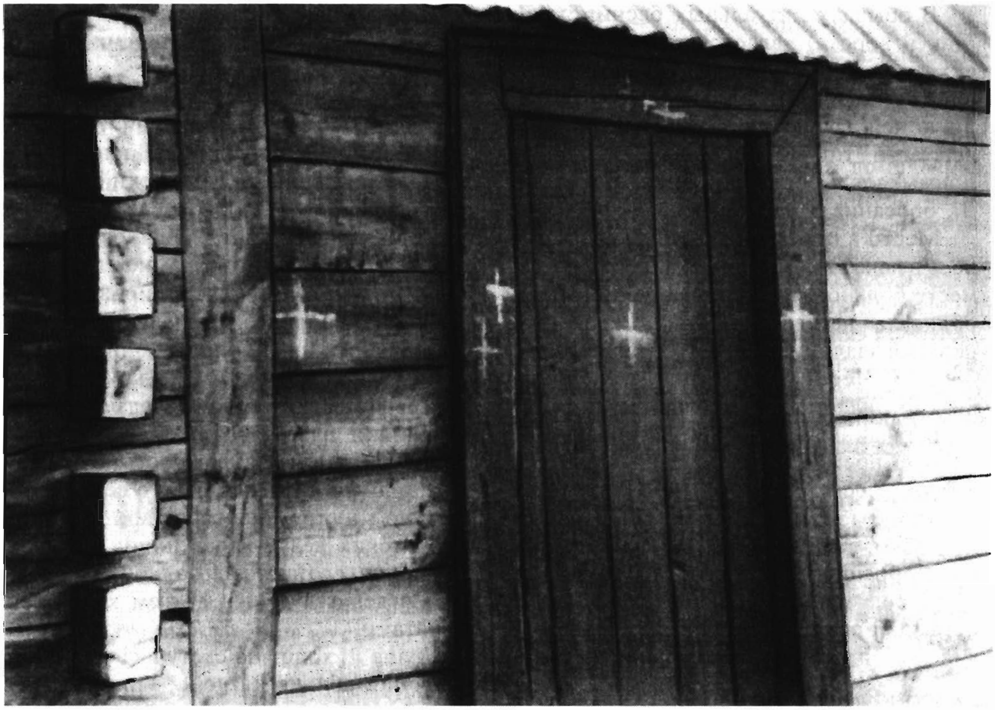
Лит.: *Иванов В.В.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание. М., 1975; *Рикман Э.А.* Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.

Т.А. Агапкина

ДВЕРЬ — часть жилища, связанная с символикой **границы** и с семантикой входа и выхода. В отличие от ворот, Д. относится к границе жилого пространства, обеспечивая его связь с внешним миром (открытая Д.) и защиту от него (закрытая Д.); по ряду признаков Д. противопоставлена **окну**, что проявляется в обычае выносить «нечистого» покойника не через Д., а через окно (или специально проделанный проем в стене). Положительная оценка Д. находит параллель в христианской трактовке Д. как входа в царство небесное: ср. именование Богородицы — «Дверь Спасения», а также значение Царских врат в храме.

В народных верованиях Д. (как и **дом** в целом) получает метафорическое осмысление в анатомическом коде, уподобляясь либо рту (например, при лечении верхнего зуба использовали щепку с верхней балки дверного косяка, а при лечении нижнего — щепку, срезанную с порога), либо женскому детородному органу: ср., например, болгарский приговор при родах: «Как открывается дверь, так же пусть откроется и эта женщина» или русскую загадку о новорожденном: «Какой зверь из двери выходит, а в дверь не входит?»

В обрядовой практике Д. служит чаще всего объектом и локусом охранительных магических действий, относящихся к важнейшим моментам семейной жизни (роды, свадьба, смерть). Нормальным, по народным поверьям, считалось положение закрытых Д.; сон об открывающейся Д. был предвестием беды. Вставляя дверную раму при строительстве дома, украинцы Харьковщины закрещивали ее топором и говорили: «Двери, двери, будьте вы на заперти злому духови и ворови». Открытой держали Д. в особых случаях: если в доме был умирающий, Д. отворяли, чтобы помочь душе покинуть тело, и оставляли незакрытой до тех пор, пока родные не возвратятся с



Дверь дома с изображением апотропейных знаков — меловых крестов (с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл.). 1977 г. Фото О.А. Терновской

похорон. В ряде районов Сербии и Черногории при выносе покойника было принято снимать с петель Д. и переворачивать ее. В южносербской области Косово при выносе умершего Д. снимали и ставили на место только после того, как гроб выносили со двора. Во многих местах у славян в поминальные дни и накануне Рождества Д. открывали или хотя бы оставляли незапертой, чтобы души умерших могли прийти на совместный семейный ужин. В родинном обряде открывание Д., окон и шкафов использовалось как магическое средство для облегчения родов.

Объектом охранительной магии могла выступать как сама Д., так и ее части: порог, притолока, дверные косяки и петли, замочная скважина и ручка. Особое внимание уделялось внешней стороне Д.: для защиты от нечистой силы в Д. втыкали предметы-обереги (нож, вилы, обломки серпов и кос) либо рисовали на ней охранительные знаки. В обычаях весенне-летнего цикла Д. дома и хозяйственных построек были главным объектом украшения растениями-апотропеями. Изнутри дома Д. защищали тем, что закрещивали или «зааминивали» ее; ставили рядом с Д. ухват, топор, нож и др. металлические предметы, перевернутую вверх прутьями метлу и т.п.

Нередко Д. выступала и объектом очистительных ритуалов: по прошествии некоторых праздников, опасных периодов календаря или в случае массовых болезней ее обмывали святой водой, окуривали травами. В Болгарии в завершение свадьбы молодая обмывала свежей водой столбы ворот, Д. и углы дома.

Почтительное отношение к Д. проявляется в запретах сжигать и вообще уничтожать старую непригодную дверь (болг.), а также в свадебных обычаях, когда при входе в дом жениха новобрачная должна была поцеловать правый дверной косяк (серб.) или помазать медом Д. и порог дома (болг.). У южных славян Д. обливали также кровью жертвенных животных.

В обычаях ритуальных **бесчинств** Д. (как и ворота) является типичным объектом шуточных деструктивных действий: ее подпирали поленом, привязывали к ней трещотку, мазали Д. грязью, дегтем и т.п. К подобным действиям примыкает и обрядовое **битье посуды** о Д., бросание в нее камней.

Место в проеме Д. часто использовалось в лечебной магии: лежащего на этом месте больного «обметала» веником или обливала наговорной водой знахарка, перешагивала через него, заговаривая болезнь. Через открытую Д. вели магический диалог двое заговаривающих.

В гаданиях и приметах символика Д. связана прежде всего с идеей «выхода» из дома, осмысляемого либо как замужество, либо как смерть. По русским поверьям, если незакрытые глаза покойника обращены к входной Д., то в доме будет еще один умерший. Если дым от погасшей свечи тянулся к Д., то это сулило девушкам замужество в новом году.

Лит.: *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Из словаря «Славянские древности»: Дверь // Славяноведение, 1997. № 6. С. 3–7; *Байбурин А.Б.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 134–145; *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. С. 107, 109–112, 114, 216–217.

Л.Н. Виноградова

ДВОЕДУ́ШНИКИ — в западноукраинской и польской традициях люди, рожденные с двумя душами — человеческой и демонической (или двумя сердцами) и поэтому обладающие демоническими свойствами. Из Д. происходят **вампир**, **мора**, **волколак**, босорканя (см. **Ведьма**), на Карпатах — человек со «злым» глазом, у поляков — топельник (см. **Водяной**), а также атмосферные персонажи, управляющие градовыми тучами и ливнями.

Основной мотив, сближающий всех Д., — способность демонической души покидать спящее тело и вести самостоятельное существование для того, чтобы приносить вред людям: отнимать у людей здоровье или жизнь, как поступает польский вампир и аналогичные ему западноукраинские персонажи: *босоркун, опырь, ночник*; душить спящих людей, как это делает польская мора; отнимать молоко у чужих коров и портить людей, подобно карпато-украинской *босоркане*; оборачиваться волком и нападать на людей, как карпато-украинский и польский волколак.

К. Д. причисляются люди, способные управлять градовыми тучами и ливнями, а также умеющие контролировать урожайность и плодородие следующего года. На украинских Карпатах они называются *чорнокнижниками*. Сила и необычные свойства, которыми обладают чорнокнижники благодаря наличию второй души, дает им возможность отводить град и ливни от полей своего села и вести тучи в нужном направлении. Души закарпатских ведьм-двоедушниц, пока их тела спят, слетаются в полночь к водоемам и дерутся друг с другом хлебными лопатами.

Душа Д. ходит по свету в своем человеческом облике или оборачивается собакой, кошкой, конем, змеей, мышью, летучей мышью и др., а также предметами: колесом, кочергой.

В то время как вторая душа блуждает по свету, Д. крепко спит, и разбудить его, пока она не вернется назад в тело, невозможно. Обычно душа покидает и возвращается в тело через рот в виде мухи, мыши и т.п. Если изменить местоположение спящего Д. (например, повернуть его головой на то место, где были ноги), душа не сможет вернуться, и Д. умрет, если тело не повернуть обратно. Обычно считается, что Д. ничего не помнит о происходящем с ним во время сна, и днем его поведение ничем не отличается от обычных людей. Как правило, вторая душа Д. блуждает по ночам, а под утро возвращается. Полагают также, что потребность второй души покидать тело и вредить людям не зависит от личной воли Д., что это происходит, когда наступает определенный момент, и тогда Д. вынужден это делать, иначе он умрет.

Причину рождения Д. чаще всего объясняют неправильным поведением его родителей: карпатские украинцы верили, что Д. становятся люди, зачатые женщиной во время месячных, рожденные

женщиной, которая, будучи беременной, посмотрела на священника, несущего чашу во время «великого выхода». По польским поверьям, ребенок становился Д., если мать, отняв ребенка от груди, второй раз начинала кормить его грудью, а если в семье подряд рождаются девочки, то седьмая становится Д. На Карпатах считают также, что обладание второй душой определяется судьбой, рождением под определенной звездой, что ни сам Д., ни его родители в этом не виноваты. Поляки верят, что если человеку, рожденному с двумя душами, при крещении дали только одно имя, он начинает вредить людям.

Узнать Д. можно по признакам, отличающим его от обычных людей: Д. рождаются с зубами, разговаривают сами с собой, у них красная шея, на голове два вихра или два завитка волос на макушке, хвост; по польским представлениям, Д. — лунатики, гуляющие во сне по крышам.

После смерти Д. его вторая душа не умирает, второе сердце не истлевает, а продолжает жить, поэтому, согласно карпатским поверьям, одна половина тела Д. живая, другая мертвая, одна половина лица румяная, другая синяя. После смерти Д. становится вампиром. От выпитой крови оставшаяся в живых нечистая душа Д. набирает силу и материализуется. Умерший Д. является причиной сильных бурь, ливней, града.

Чтобы умерший Д. не вредил после смерти, его хоронят с предосторожностями: в гроб ему кладут различные предметы — его нечистая душа сможет с ними играть, а также мак, дабы он, собирая его, был занят; на кладбище его несут не по дороге, а по обочине; хоронят на краю кладбища. Если Д. вредит после смерти, могилу разрывают, отрубают ему голову, переворачивают тело ногами туда, где была голова, или оборачивают лицом к земле, сердце пробивают липовым, осиновым или боярышниковым колом. В Закарпатье, если подозревают, что Д. «забирает воду» и является причиной засухи, на его могилу льют воду, чтобы он напился досыта.

Е.Е. Левкиевская

ДВОР — огороженное место вокруг дома, включающее хозяйственные постройки; осмысляется как часть жилого освоенного пространства и вместе с тем, примыкая к чужому, внешнему миру, может быть опасным для домочадцев, особенно в определенное время суток (после захода солнца, ночью) и в некоторые календарные праздники.

Наличие ограды или хотя бы условного обозначения **границы** делает Д. местом, защищающим жилое пространство от вредоносных внешних сил, а также объектом различных охранительных ритуалов. У всех славян распространен обычай в дни календарных праздников окроплять святой водой не только **дом**, но и все хозяйственные постройки, углы двора. Чтобы защитить Д. от «гадов» и насекомых, у словаков следовало обежать вокруг него со звонком в руке или подмести его до захода солнца новой, не использованной ранее метлой, у сербов — окадить дымом и посыпать пеплом костра, в котором собран мусор со всего двора. Русские крестьяне, чтобы защитить скот от сглаза, вывешивали на скотном Д. большую связку старых лаптей, отвлекая таким образом внимание опасного человека от животных.

Целый ряд поверий и магических действий связан с представлением о том, что все предметы, находящиеся во Д. или случайно туда попавшие, принадлежат «дому», «хозяйству», поэтому вынос их со Д. ведет к нанесению ущерба благополучию дома и всего хозяйства. С этими поверьями связаны многочисленные запреты отдавать, выносить, передавать что-либо со двора во время важных для хозяйства событий, например при отеле коровы, перед первым выгоном скота в поле и особенно во время продажи скота. Русские крестьяне, передавая скот покупателю, следили за тем, чтобы к копытам животного не прилипла грязь, навоз, солома, щепки со двора и чтобы покупатель не прихватил чего-либо подобного с собой. Считалось, что таким образом успех в разведении скота переносится с одного Д. на другой.

В пределах Д. совершаются многие обряды, способствующие процветанию дома и хозяйства: колядование (о.-слав.),

9 — 1387

дожинки (з.-слав.). Например, в польском Поморье на дожинки к дому пана приносили последний сжатый сноп и девять раз возили его по Д. Во Д. исполняются магические действия, способствующие разведению скота и домашней птицы. Так, чтобы не разбегались куры, на святки у западных славян было принято сметать к стене мусор со двора, у южных славян — кормить их в кругу веревки или цепи.

У русских во Д. совершались ритуалы задабривания **домового**, дворового. По восточнославянским поверьям, от дворового зависело благополучие скота и домашней птицы; выбор животных при купле-продаже связывали с предполагаемым «вкусом» дворового (ср. рус. диалектные выражения, относящиеся к разведению скота: *ко двору, по двору*, что значит — скот хорошо ведется в хозяйстве, и *не ко двору, не по двору*, т.е. скот не ведется, болеет, дохнет).

Восприятие Д. как «не своего», чужого пространства связано с представлением о том, что вне стен дома, в том числе и во Д., человеку угрожают опасные духи-демоны, души умерших, проходящие мимо люди с «дурным» глазом, а также колдуны и знахари, подбрасывающие во Д. вредоносные предметы. Чтобы не задеть кружащих по двору душ умерших, кашубы после захода солнца не выливают во Д. грязной воды, не выбрасывают мусор, не спускают собак; опасаются брать воду из колодца и стоять под крышей у водостока во время дождя. Считается, что во Д. есть несколько особенно «плохих» мест: это место под стрехой, водосток, место, куда сливают помои, мусорная куча. По болгарским поверьям, человек, прошедший там ночью, заболеет, подвергнется действию злых сил, порче. Лечат такие болезни в других частях Д.: около свинарника и рядом с кладкой дров.

В ряде ритуалов и обычаев Д. выступает в роли медиатора, как некое «среднее» пространство, в котором стирается преграда между «своим» и «чужим» миром. Подобное восприятие находит отражение в ритуалах **приглашения** диких зверей, мифических существ и персонифицированных природных явлений (Мороза, Ветра) на рождественский ужин во Д.; в организации таких ритуальных встреч с предками, когда во дворе жгут огромные костры («греют **покойников**»), умершими детьми — русалками, для которых во дворе на Троицу развешивали одежду, и др.

Лит.: *Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994.

А.А. Плотникова

ДВОРОВО́Й, дворови́к — у русских — домашний демон, живущий во дворе и близкий **домовому**. Д. на Смоленщине днем представлялся как змея с петушиной головой и с гребнем, а ночью приобретал цвет волос и облик, приближенный к хозяевам дома. В основном Д. одновременно является и духом **дома**, и духом **двора**, дворовых построек. На Владимирщине местопребыванием дедушки домового во дворе является подвешенная сосновая или еловая ветка с густо разросшейся хвоей, именуемая «матка, матошник, матерник, шапка, куриная лапа», в избе же Д. живет в подвале, клети или подклети.

Лит.: *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1993. Т. 1.

Н.И. Толстой

«ДЕДЫ́» — поминальные дни в народном календаре белорусов и украинцев, отмечаемые от трех до пяти раз в году. Главными из них считаются: 1) последняя суббота масленичной недели; 2) канун Троицына дня; 3) осенние поминки, приуроченные к субботе перед Дмитриевым (26.X.) либо Михайловым днем (8.XI.). Согласно народным поверьям, в эти дни умершие (*деды, родители, души*) приходят в свои дома на поминальный ужин. «Д.» отмечались как поминки по всем умершим членам семьи, но в ряде мест различалось отдельно поминовение мужчин, происходившее в пятницу вечером (которое в Полесье называлось *деды*), и поминовение женщин, происходившее в субботу (которое называлось *бабы*).

Обрядность и верования «Д.» связаны с представлениями о необходимости

должным образом принять и угостить потусторонних «гостей». В народе верили, что тем, кто плохо поминает предков, они мстят бедами и убытками: в хозяйстве пропадает скот, волки задирают корову, случаются неурожаи, болезни и раздоры в семье и т.п. Если не оставить поминальную еду для умерших, они выражают свое неудовольствие ночными стуками, хождением по дому, являются своим родным во сне и укоряют их в несоблюдении обычая. К празднованию «Д.» хозяйки готовили обильный ужин, включавший нечетное количество блюд (пять, семь, девять), среди которых обязательными были *канун, сыта,* **кутья**, иногда овсяный кисель и **блины**. Начав печь блины, хозяйка первый блин еще горячим рвала на куски и раскладывала на все окна дома «для дедов». За поминальным столом каждому следовало поесть понемногу от всех блюд, «иначе покойники будут сердиться». Перед ужином хозяин открывал печную задвижку, дверь или окно, зажигал свечу, окуривал травами стол и горшки с едой. В ожидании прихода душ все молча стояли вокруг стола, следили за пламенем горящей свечи и по ее миганию старались определить, сколько душ пришло в дом. Ужин начинался с обычая «вызывать души»: повернувшись к окну, хозяин приглашал «дедов» к столу («Правядныя радители! Хадитя к нам вячерать, и сами, и вядитя с сабою малых детак...»). На Могилевщине перед ужином между хозяином и хозяйкой происходил ритуальный диалог. Хозяйка ставила на стол стопку блинов; хозяин, сидя за столом, прятался за ними и говорил: «Баба, а баба! Ти бачишь ты мяне?» Та отвечает: «Ни бачу». — «Дай же, Божа, штоб ты и на лето меня ни бачила».

Обязательным ритуалом во время еды было символическое «кормление душ»: часть еды раскладывали на окнах дома или бросали за окно; первую ложку кутьи выкладывали прямо на стол или бросали под стол; ставили на стол пустую миску, куда каждый откладывал понемногу от всех блюд; не убирали и не мыли посуду, оставляя ее «ночевать» на столе. Во время ужина запрещалось шуметь, вставать и вновь садиться, пользоваться ножом; хлеб не резали, а ломали руками; случайно упавшую ложку не поднимали. В некоторых местах Полесья сразу после ужина «дедов выпроваживали» из дома: хозяин поливал пол водой и произносил: «Поели-попили, теперь идите домой».

В северо-восточной Белоруссии считалось обязательным на «Д.» мыться всем домочадцам в бане, а затем оставлять там ведро горячей воды и веник «для родителей».

Как и в другие поминальные дни, на «Д.» соблюдались запреты на многие виды полевых и хозяйственных работ, особенно воздерживались от занятий, связанных с прядением и тканьем. Например, запрет сновать мотивировался в Полесье тем, что «деды запутаются в нитках». Нельзя было оставлять висящей на перекладине одежды; подбеливать печь, «чтобы не замазать глаза дедам»; не подметали пол и не выбрасывали мусор; супруги избегали половой близости.

В западных районах Белоруссии считалось, что на поминки приходят души только тех родственников, кто умер именно в этом доме; по народным представлениям, праведные души свободно входили в дом и участвовали в общей трапезе, а грешные души (выпущенные в этот день из ада) могли лишь заглянуть к родным через окно дома. Не принято было справлять поминки в новом доме до тех пор, пока в нем не умрет кто-либо из членов семьи.

Согласно поверьям, на «Д.» можно было увидеть своих умерших родственников. Для этого надо было весь день поститься и соблюдать обет молчания, а вечером во время ужина сесть на печь и тогда среди сидящих за столом можно увидеть души умерших. Либо для этой же цели надо было в полночь сесть на печь и смотреть на дверь через хомут. В некоторых местах считалось, что увидеть умерших могли только безгрешные люди, а также те, кому суждено было умереть в ближайшее время. Ср. **Задушки, Задушницы.**

Лит.: *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 356–357; *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта

и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890. Т. 1. Ч. 2. С. 505–620; *Толстая С.М.* Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектному словарю // Славянское и балканское языкознание: проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986. С. 100–107.

Л.Н. Виноградова

ДЕЖÁ, квашня́ — деревянная кадка для замешивания хлеба, в традиционной культуре восточных и западных славян — символ богатства и благополучия. У южных славян для заквашивания теста использовался другой вид домашней утвари — деревянные долбленые ночвы. Связанная со сферой женских занятий, Д. осмыслялась как атрибут женщины и наделялась чертами одушевленного существа женского пола.

У поляков, украинцев и белорусов известны поверья, которые регламентировали породу дерева, количество клепок, время и скорость изготовления Д. По украинским поверьям, Д. может быть «женской» и «мужской», причем «женская» обозначалась общеупотребительным словом *дижа (дижка)*, а «мужская» — образованным от него словом мужского рода: *диж, дижун,* реже — *дижур, дыжак, дяжон.* Считалось, что в «женской» Д. хлеб удается, а в «мужской» — нет. На Украине «женской», как правило, являлась Д. с четным количеством клепок, а в белорусском Полесье, наоборот, с нечетным.

С Д. обращались осторожно и даже почтительно. На Украине и в Белоруссии Д. с тестом ставили на столе или на лавке под образами в красном углу. Даже в том случае, если Д. совершенно обветшала, ее нельзя было употребить ни на что, кроме хранения хлеба. Садиться или вставать на Д. разрешалось лишь в особых ситуациях (на свадьбе, при первых пострижинах) и только при условии ритуальной чистоты.

У восточных и западных славян повсеместно известен запрет давать Д. в долг. Украинцы Карпат опасались одалживать Д., так как из-за этого семью покинет достаток. В Виленской губ. этот запрет объясняли тем, что только хозяйка Д. «знает ее норов».

В восточном Полесье, а также в Гродненской, Могилевской и Курской губ. известен ритуал очищения Д. Он приурочен обычно к четвергу на Страстной неделе, к субботе или пятнице на первой неделе Великого поста, к кануну Нового года или Крещения, к празднику Введения Богородицы во храм. Д. мыли, иногда натирали солью, чесноком, луком, подкуривали воском и хмелем, чтобы она весь год была чистой и в ней удавался хлеб. Вымытую Д. накрывали крышкой или переворачивали и как бы «наряжали»: подвязывали красным женским поясом, реже — полотенцем или хмелем, застилали скатертью, сложенной вдвое или вчетверо, сверху клали хлеб и соль, которые впоследствии использовали в магических действиях. После этого Д. выносили из дома и ставили во дворе, иногда на боковом столбе ворот или на заборе. После восхода солнца Д. забирали домой. Смысл ритуала заключался в том, чтобы приобщить ее к силе весеннего **солнца.** Ритуал имел названия: *дежа говеет, дежа исповедуется, дежа идет на отдых, дежа торгует, дежа идет на базар.*.

Ритуальное сажание невесты на Д. широко известно у восточных и западных славян; особенно характерно оно для свадебного обряда в Белоруссии и Польше. Часто Д. ставили на кожух или прикрывали ее сверху вывернутым кожухом. Непременным условием обряда считалась девственность молодой. Посадив молодую на Д., ей расплетали волосы, а позднее сажали на Д. во второй раз, делали женскую прическу и надевали женский головной убор. В Белоруссии на Д. сажали и молодого. В Полесье существовал также обычай вставать на Д. В Ровенской обл. перед выездом молодой из дома выносили Д., на которую «честная» невеста вставала, поднимаясь на воз; если же про нее шла недобрая слава, то вместо Д. молодой ставили какую-нибудь другую кадку, корыто и т.д. Если «нечестная» невеста наступит на Д., то семь лет не будет родить хлеб, не будет вестись скот, не будут жить дети у молодых.

Д. использовалась как оберег при граде и пожаре. В Черниговской губ. при

пожаре выставляли на улицу Д., клали на нее хлеб с солью, помещали тут же икону и молились. В Полесье женщины во время пожара выносили из хаты хлебную Д. и стол, накрытый скатертью, желая показать, что они готовы принимать огонь как гостя и желают его угостить. Мораване, чехи, лужичане при пожаре обращали Д. отверстием против огня, чтобы его не разнес ветер.

На новоселье русские, украинцы и белорусы вносили в дом прежде всего иконы, хлеб с солью и расчиненную Д. В Могилевской губ. хозяин вносил Д. в дом на новоселье, чтобы не выводился хлеб, в Минской губ. — чтобы дом был веселым и богатым.

Русские подблюдные песни, в которых упоминается Д., предвещают богатство и счастье: «На печи дежа / Высока взошла», «Растворю я квашонку / На донышке, / Я покрою квашонку / Черным соболем, / Опояшу квашонку / Красным золотом...»

Лит.: *Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. М., 1990. Вып. 2. С. 67–135.

А.Л. Топорков

ДÉРЕВО — один из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий его пространственный и временнóй образы (ср. **Мировое дерево**). Д. соотносится с разными вариантами мировой вертикали — с мировой осью: согласно сербским поверьям, земля расположена на ветвях боярышника, как на столбе; с **горой** (ср. *Березовую гору* или дерево на *Лысой горе* как место шабаша **ведьм**); с храмом (ср. дохристианский обычай ставить храмы вблизи культовых деревьев или на их месте). Д. соотносится с верхним миром: с птицами (ср. фольклорный образ птицы на вершине мирового дерева), с солнцем («Стоит дерево посредине села, а в каждой хате по ветке», восточнославянская загадка о солнце) и др. В фольклоре Д. маркирует центр мира (ср. в заговорах образ Д., растущего посредине «того света» — в поле, на горе, на острове, в море, под которым сидят Бог, Богородица, св. Николай и др.).

Д. выступает в функции универсального медиатора, посредством которого человек (бог, святой, демон, смерть, душа умершего, хтоническое животное, новорожденный и др.) попадает в мир людей и покидает его, перемещаясь на небо, в потусторонний мир, на «тот свет» и т.д. В магических формулах, с помощью которых детям объясняли, откуда они берутся, одним из наиболее частых является упоминание о том, что детей нашли на дереве («с груши упал», «на вербе тебя поймали»), ср. также характерную фразеологию, связанную со смертью, типа *глядеть в дуб* — «умирать». По Д. в **ирий** отправляются змеи с наступлением осени; на Д., сходя с неба на землю, «отдыхает» Богородица (бел., пол.). Чтобы вернуть подмененного демонами ребенка, надо было положить **подменыша** под куст или дерево (**бузины, осины, шиповника** и др.), откуда демоны должны будут забрать своего и вернуть женщине похищенного ребенка.

Для мифологии Д. существенна его характеристика как пограничного локуса. В быличках человек, оказавшись на Д., задержавшись под ним или заблудившись ночью в лесу, вовлекается нечистой силой (чертями, самодивами и др.) в демоническую мистификацию, а наутро все окружавшие человека ночью «культурные» предметы оборачиваются «природными»: дом, в котором ночью якобы справляли свадьбу и где человек нашел ночлег, и верховая лошадь, на которой человек тайком летал за ведьмой на шабаш, оказываются стволом Д., курительная трубка — сучком, одежда — корой, деньги — старыми листьями.

Особая роль отводилась Д. в похоронном обряде. Похороны под Д. или просто в лесу практиковались у всех славян в отношении мертворожденных и некрещеных детей: их закапывали в саду, под плодовым Д., вербой, любым Д. вообще.

Обычай сажать Д. на могиле известен всем славянам. Чаще всего это были плодовые или вечнозеленые деревья. Повсеместно распространено поверье о том, что, если Д. принялось на могиле, покой-

ник был праведником, если нет — грешником. Д. на могиле было неприкосновенным: его нельзя было жечь, рубить, срывать с него плоды, иначе покойники осудили бы обидчика «своим судом», пугали, наказывали его болезнью и др. У южных славян Д. сажали также на могиле человека, не оставившего потомства; а также на могиле человека, погибшего вдали от дома, в которую вместо тела положены его вещи. На могилах молодых, умерших до брака, сажали деревце, которое носили во время похоронной процессии (см. **Похороны-свадьба**).

Важнейшим аспектом мифологии Д. является его устойчивая соотнесенность с человеком. Болгары считали, что одномесячники (два человека, родившиеся в один и тот же месяц, но в разные годы) имеют одну, общую, судьбу. Чтобы разделить эту судьбу между двумя людьми, их ставили рядом и сажали между ними Д. Считалось, что Д., как и человек, имеет свой «век», рождается и умирает (ср. характерный запрет рубить дерево, которое должно «умереть своей смертью»), переживает периоды расцвета и увядания (ср. загадывание покойника через образ сухого дерева), способно к плодоношению (ср. *родить* о дереве и женщине); «пол» (ср., например, в фольклоре **березу** как женский символ, **дуб** и **клен** — как мужские; сербский обычай относить рубашку роженицы на женское или мужское Д., в зависимости от того, хочет ли она в будущем иметь мальчика или девочку).

Известны фольклорные произведения (песни, баллады, этиологические предания) о превращении человека в Д. (ср. мотив о вырастании Д. на могилах невинно убиенных). Популярны сюжеты о Д. как инкарнации человека после смерти. Обычно они связываются с Д., растущими одиноко, вне леса: говорят, что в таком дереве заключена душа убитого или умершего молодым, а в Д. вместо соков течет кровь, поэтому такое Д. запрещают рубить.

В ряде слав. традиций (Полесье, лужичане, Русский Север) известен обычай сажать Д. при рождении ребенка: считается, что если Д. будет хорошо расти, примется, то и ребенок будет здоров; по сербскому поверью, если несчастливый или больной человек выльет под явор воду, в которой он умывался, явор высохнет. Судьбы Д. и человека могут осмысляться и как взаимоисключающие. Считается, что если Д., растущее около дома, перерастет дом, если корни прорастут под дом, если Д. вырастет около дома само по себе, то тогда дом опустеет, умрет хозяин или хозяйка и т.п. В Полесье говорили, что Д. у дома растет «на чью-нибудь голову».

Связь дерева с «нижним миром» и хтоническими существами находит выражение в ряде фольклорных мотивов (ср. популярный мотив **змея** в корнях мирового дерева; болгарское поверье о том, что **лещина** — крестница **змеи**). Более массовый характер имеют запреты на **Благовещение**, в Лазареву субботу, **Юрьев день, Страстной четверг** (обычно в дни «выхода» змей на поверхность после зимней спячки) вносить в дом или бросать около него ветки, дрова, палки, листву — из боязни привадить змей к жилью на весь год.

В народной демонологии тема Д. представлена обширным кругом мотивов: превращение демона в Д.; жертвоприношения, просьбы, одаривания, адресуемые Д.; Д. как место обитания демона: змей-хозяин живет в Д., которое нельзя срубать; сербские **вилы** рождаются на деревьях, и их мать пеленает их в листья. По общеславянским поверьям, черт (дьявол, нечистая сила вообще) пребывает под Д. или прячется под ним во время грозы, навлекая на себя гром и молнии. Этим объясняется запрет находиться под Д. в грозу, а также выращивать многие Д. у домов, поскольку Господь (Илья и др.), преследуя дьявола, может ударить громом в Д.

Среди множества запретов, связанных с Д., выделяются запреты наносить вред определенным деревьям (прежде всего старым, заповедным, культовым, считающимся покровителями того или иного селения или места; плодовым; последствия нарушения таких запретов сказываются на человеке, его семье и хозяйстве).

Дерево культовое — объект почитания и жертвоприношения; место совер-

шения сакральных обрядов; аналог храма. Почитание Д. и священных рощ (как и других природных объектов) — характерная черта дохристианской эпохи. Подробное описание священной рощи у полабских славян содержится в «Славянской хронике» Гельмольда, в 1155 г. принявшего участие в ее уничтожении. В этой роще росли преимущественно священные дубы: «Их окружал дворик, обнесенный деревянной оградой <...> Здесь был и жрец, и свои празднества, и разные обряды жертвоприношений. Сюда <...> имел обыкновение собираться весь народ с князем и с жрецом на суд. Вход во дворик разрешался только жрецу и желающим принести жертву или тем, кому угрожала смертельная опасность» (*Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963. С. 185–186). С принятием христианства священные рощи и культовые Д. уничтожались. По свидетельству Козьмы Пражского, чешский князь Бржетислав II (конец XI — начало XII вв.) «во многих местах выкорчевал и предал огню рощи, почитавшиеся священными простым народом».

Священные рощи как культовые места сохранились и в XIX–XX вв. в ряде архаических областей славянского мира. У болгар рощи состояли главным образом из дубов; запрещалось рубить деревья и ломать ветки, выносить бурелом и валежник, а всякого, кто посягнул бы на такую дубраву, ожидало несчастье. Места, напоминающие священные рощи, были известны на Русском Севере и у белорусов (рус. вологод. *ку́сты,* бел. *про́щи*). Это были участки леса, состоящие из очень старых Д.; иногда они обнесены оградой, внутри которой, помимо Д., находилась какая-нибудь святыня: часовня, крест, особо почитаемое Д., Д. с явленной на нем иконой, считавшийся целебным источник. Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться, оставляли на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах одежду, ткань, ленту и др. приношения; здесь же совершались крестные ходы в праздники, особенно в дни освящения местных часовен. Иногда священные рощи находились вблизи старых кладбищ (на жальниках). Рощи также считались неприкосновенными, а нарушивших запреты настигали наказания, рассказы о которых формировали корпус местных легенд.

За порчу культовых Д., растущих в роще или отдельно, человек наказывался тяжелой болезнью (помешательством, слепотой, параличом). Попытка компенсировать ущерб, например посадить новое дерево взамен срубленного, смягчает наказание и приносит облегчение. Как и другие святыни, культовое Д. «противилось» перемещению в другое место (срубленное в святом месте Д. вновь оказывается на прежнем месте). Сгоревшее или повалившееся от старости Д. также оставляли в неприкосновенности.

У сербов культовое Д. называлось «за́пис». На его коре вырезался крест. «Запис» считался местной святыней, освященной в один из календарных праздников, отмечаемый в дальнейшем как престольный праздник (общесельская **«слава»**), преимущественно в целях защиты села и посевов от непогоды (поэтому такие праздники приходились в основном на весенне-летнее время года), а также ради урожая и благополучия скота. В качестве «записа» выбиралось либо крупное дерево (**дуб**, вяз, бук, ясень), либо плодовое (**груша**, в том числе дикая, **орех грецкий**). Особенное значение «запис» приобретал в тех селах, где не было церкви. Рядом с «записом» обычно устанавливался и крест (часто каменный), а все место огораживалось. Здесь нельзя было спать и справлять нужду, рубить деревья, ломать или собирать ветки, срывать плоды, взбираться на «запис»; состарившееся Д. оставляли нетронутым.

Ежегодно в престольный праздник процессия во главе со священником обходила с крестным ходом все «записы», под ними читалась молитва; на стволе дерева обновлялся крест, дерево окуривали; часто под «записом» приносили в жертву ягненка, причем так, чтобы кровь жертвенного животного брызнула на ствол и на корни; тут же устраивали трапезу с традиционным «преломлением хлеба». В остальное время «запис» служил местом общесельского сбора во время празднеств; местом, где можно укрыться во время грозы (считалось, что

в освященное дерево не бьет гром); больные оставляли на ночь на «записе» одежду, которая должна была принести им излечение; при отсутствии церкви под «записом» венчали новобрачных, крестили детей и т.п.

Лит.: *Невский А.* Заповедные рощи Вологодского края // Сообщ. Гос. академии истории материальной культуры, 1931. Кн. 11–12; *Агапкина Т.А., Топорков А.Л.* Материалы по славянскому язычеству (древнерусские свидетельства о почитании деревьев) // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988; *Денисова И.М.* Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995. С. 12–56; *Панченко А.А.* Народное православие. СПб., 1998; *Зеленин Д.К.* Тотемический культ деревьев у русских и белорусов // Известия АН. Сер. 7, отделение обществ. наук. 1933. № 6. С. 591–629.

Т.А. Агапкина

ДЕ́ТИ НЕКРЕЩЁНЫЕ — дети от рождения до крещения, считающиеся ритуально нечистыми, «не вполне людьми», принадлежащими еще «тому свету», из которого они пришли в мир живых. Ребенок до крещения мог отождествляться с иноверцем: у русских он назывался *иродом*, у болгар — «еврейчиком», «поганым», а также именами животных, у сербов — «турком», «цыганенком»: Обращение с Д. н. определялось рядом запретов и предписаний: такого ребенка нельзя целовать, выносить за пределы дома, показывать посторонним. Восточные славяне, болгары и поляки считали, что в доме, где есть Д. н., должен ночью гореть свет, чтобы демоны (у русских — **домовой**, *банник*, **леший**, у западных украинцев — *дикая баба*, у поляков — **богинка**, карлики) не подменили ребенка и не подложили своего детеныша — безобразного и крикливого (см. **Подменыш**).

Дети, умершие некрещеными, наряду с мертворожденными и загубленными своими матерями причисляются к «заложным» **покойникам** и переходят в разряд нечистой силы. Их закапывали на краю кладбища, за его оградой, под порогом или под полом дома, в саду под плодовыми деревьями, на перекрестках дорог, у болгар — хоронили голыми, на «чужом» кладбище и т.д.

Души Д. н. не попадают на небо и не знают успокоения, они летают близ своих могил или носятся в воздухе в виде **вихря** или птиц, особенно перед непогодой, и кричат, требуя окрестить их. Услышавший крик Д. н. должен бросить платок или какую-нибудь часть одежды на то место, где раздается крик, перекрестить его и произнести: «Если ты пан, то будь Иван, а если ты панна, то будь Анна». Часто Д. н. нарекали Адамом или Евой. Проходя мимо места, где похоронен такой ребенок, говорили: «Крест на мне и крест на земле, и крест на том ребенке, что некрещеный в земле». После этого душа ребенка считалась окрещенной и принималась на небо.

Если в течение семи лет душа такого ребенка не будет окрещена, то она переходит в собственность дьяволу и превращается в нечистую силу. Согласно общеславянским поверьям, из Д. н. происходят многие мифологические существа: **вампир**, **дух обогатитель**, русалка, русские **кикиморы**, *ичетики* — мелкие демоны, живущие в омутах и на мельницах в виде маленьких мохнатеньких человечков; русский *игоша* — домашний демон в виде безрукого и безногого урода, который проказничает по ночам. На Украине демоны, происходящие из Д. н., называются *потерчата*, или *стратчуки* (от украинского глагола *стратити* — «утратить»). Западные славяне полагали, что души Д. н. становятся **богинками**, блуждающими огоньками, которые заводят человека в трясину и на бездорожье.

Души Д. н. опасны для живых людей, особенно для матерей, имеющих маленьких детей. Выйдя на крик летающего в воздухе некрещеного младенца, женщина могла заболеть или умереть. Согласно южнославянским поверьям, души Д. н. в виде птиц без перьев прилетают к дому, где есть новорожденный ребенок, и стараются навредить ему и родильнице: отнимают молоко, вызывают родильную горячку, бессонницу. Русские считали, что на святки Д. н. выходят из ада, забираются в те дома, где не перекрещивают двери, и забирают все, что хотят.

Спасти душу некрещеного ребенка или облегчить его участь можно поминовением на Троицкой неделе или в Семик — в четверг на седьмой неделе после Пасхи: в эти дни Д. н. можно «выкрестить». Женщина, у которой дети умирали до крещения, должна купить 12 крестиков и раздать их чужим детям. Верили, что за это 12 детских душ будет спасено по молитвам апостолов. Накануне Троицы красили яйца в красный и желтый цвет и раздавали их детям на помин некрещеных душ, а также угощали соседских детей варениками, пампушками и пр. Для этой же цели приносили на перекрестки дорог сотовый мед, веря, что ночью придут души Д. н. есть этот мед и что можно увидеть их следы на песке.

В народе полагали, что части тела Д. н. можно использовать в колдовстве: в России верили, что свеча из жира некрещеного младенца помогает ворам, на Украине и в Лужице для этой же цели использовали мизинец такого ребенка. Полагали также, что из тел Д. н. ведьмы готовят мазь для того, чтобы летать на шабаш.

Лит.: *Кабакова Г.И.* Дети, умершие до крещения // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.

Е.Е. Левкиевская

ДИВ, д и́ в а — в восточнославянской мифологии демонический персонаж. Упомянут в средневековых «Словах» — поучениях против язычества (в форме «дива») и дважды в «Слове о полку Игореве»: приурочен к верху дерева («Дивъ кличетъ врьху древа») и спускается вниз («уже връжеся дивъ на землю»). Демон и женский мифологический персонаж со сходным именем известен у западных славян (обычно связывается с лесом), а также у южных славян (болг. *самодива*, синонимичное самовиле, см. **Вилы**). Слово первоначально было связано, с одной стороны, с русским «диво» и родственными славянскими обозначениями *чуда,* а с другой — со славянскими и балтийскими словами в значении «дикий», происходящими из «божий» (ср. укр. дивий — «дикий», старослав. «дивии», ср. др.-рус. *люди дивия* и т.п.). Развитие в славянской традиции отрицательных значений слов типа «дикий» иногда связывают с влиянием иранской мифологии: у иранцев родственное слово превратилось в обозначение отрицательного мифологического персонажа — дэва. В значении «бог» у иранцев выступало переосмысленное обозначение доли: ср. слав. *Бог.* Оба эти взаимосвязанных процесса объединяют славянские и иранские языки и мифологии. След древнего индоевропейского значения «бог ясного неба» можно видеть в мотиве падения Д. на землю.

Лит.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6.

В.В. Иванов, В.Н. Топоров

ДМИ́ТРИЕВ ДЕНЬ — день памяти св. Димитрия Солунского, отмечаемый православными 26.X/8.XI.

Д. д. считался началом полугодия, называемого у сербов *митровско* и продолжающегося до Юрьева дня, который открывал второе, *джурджевско* (т.е. юрьевское), полугодие. Пограничный характер праздника отразился в поверье, согласно которому в ночь на Д. д. (как и на Юрьев день) ведьмы сбрасывают с неба луну, превращают ее в корову и доят.

Д. д. был началом зимы, ср. календарные приметы: «В Дмитриев день зима лезет на плетень» (рус.); «Пришел к нам святой Дмитрий на белом коне». По болгарскому поверью, в Дмитриев день «дядо Димитър» тряс своей белой бородой и из нее сыпался первый снег.

У южных славян Д. д. считался основной хозяйственной границей года, отделяющей летнюю его часть от зимней. День, следующий за Д. д., назывался во многих местах *разпус*. Тогда заканчивались сроки долговых обязательств и хозяйственных договоров, наниматели расплачивались за полгода работы со слугами, овчарами, пастухами, после чего заключались новые договоры на следующую половину года. В Македонии в Д. д. в селе устанавливали новый деревянный

календарь, на котором обозначали размеры долгов, а также имена должников и заимодавцев. Д. д. обозначал также завершение скотоводческого года, начинающегося в день св. Георгия, а сами святые Юрий и Димитрий считались покровителями скота. В связи с этим овчары, чабаны и пастухи устраивали празднества в корчме, которые длились несколько дней, кололи **курбан**, посещали «сборы» в соседних селах.

У восточных славян Д. д. отмечал завершение осеннего брачного сезона, т.к. только до этого дня (в преддверии рождественского поста и последующих праздников) можно было засылать сватов. «Святы Зміцер — ён на ўсіх хіцер: салады салодзіць, піва робіць, сыноў жэніць, дачок выдаець»; «До Дмитра дівка хитра, а по Дмитрі хоч за старця, аби не остаться». В канун Д. д. отмечали Дмитровскую субботу, на которую приходились основные осенние поминки по умершим (см. «**Деды**»).

Следующий за Д. д. день св. Нестора у болгар и сербов принадлежал к «мышиным» праздникам. В Лесковачкой Мораве в сам Д. д. совершалось ритуальное изгнание мышей. У сербов Косова Поля 27.X/9.XI, в день, называемый «слугой святого Димитрия», запрещалось открывать сундуки, чтобы у змей не раскрывались пасти. В некоторых регионах Д. д. связывался с волчьей темой. У восточных славян считалось, что с Д. д. до весеннего Юрьева дня «волки распущены» и потому нападают на скот. К Д. д. приурочены запреты шить, кроить полотно, прясть, ткать, чесать шерсть, работать со скотом, чтобы избежать нападения волков на овчаров и на стадо.

Т.А. Агапкина

ДОДО́ЛА, «пеперуда», «прпоруша» — в южнославянской традиции весенне-летний обряд вызывания дождя, а также центральный персонаж или участник этого обряда. Название *додола* характерно для сербских, западноболгарских и ряда македонских областей, тогда как в Хорватии название обряда и его участников — *prporuše, preperuše, barbaruša, pepeluše*. На большей части болгарской территории, а также в македонских и восточносербских регионах распространено название *пеперуда* и т.п. Обряд фиксируется и в других балканских традициях (греческой, албанской, румынской), где известен под названиями, близкими южнославянским. Название *додола* восходит к традиционным зачинам и рефренам исполняемых во время обряда песен (серб. «Oj, додо, oj додоле», з.-болг. «Ой, додуле, дай Боже, дож!»); *пеперуда* — «бабочка» — к песенному мотиву полета бабочки, выпрашивающей у Бога дождь. Более архаический смысл названий *додола/пеперуда/прпоруша* связывает их с именами *Перуна* и его действиями или эпитетами (литов. *dundulis* буквально «раскаты грома», латыш. *dūdina pērkuoninš* — «погромыхивает громом»).

Обряд включает обход домов, пение песен, танцы, обливание или обрызгивание участников водой, получение подарков от хозяев. Центральный персонаж процессии, которого водят по селу, — обычно увитая зеленью девочка-сирота, реже мальчик. Перед каждым домом участники процессии поют, а Д. танцует все время, пока продолжается пение. Непрерывное движение (кручение, повороты) Д. во время пения и обливания водой — один из основных элементов обряда. После исполнения обрядовой песни и танца перед каждым домом хозяева дома окатывают Д. водой (ср. с.-х. поговорку «промокла, как додола»), что должно вызвать дождь (в случае продолжения засухи обряд повторяется). Затем хозяева одаривают исполнителей, причем в ряде областей запрещается давать картошку, яйца, бобы, чтобы не вызвать град. Собранные подарки и продукты участники процессии делят между собой; часто устраивается совместная трапеза. Обряд исполняется во время засухи, в основном в период от Юрьева дня до Вознесения или Петрова дня. В западных областях южнославянского ареала участники обряда — преимущественно неженатые парни; в восточных — девушки и девочки. В северо-восточной Болгарии обычай может сочетаться с ритуалом имитации жертвоприношения, например, у капанцев тот же состав девушек после

исполнения обряда *пеперуда* приступает к изготовлению куклы *Герман,* которую затем «хоронят» с той же целью вызывания дождя. В сербских и западноболгарских областях в обряде Д. зафиксировано ношение, волочение креста, что сближает Д. с другим обрядом вызывания дождя: серб. *крстоноше,* болг. *кръсти.*

Зелень — как правило, необходимый атрибут участников обряда. Ветками, цветами и травами украшают основного участника или несут их во время обхода домов. В обряде используются ветки липы, бука, дуба, бузины, вербы, лоза дикого винограда, плющ, дикая герань, различные травы, бурьян, венки из цветов, лопухов и крапивы. Нередко центральный персонаж настолько закрыт зеленью, что выглядит как большой зеленый куст. По окончании обряда ветки, венки, букетики и пр. выбрасывают в реку и купаются сами.

Имитируя дождь (капли), обливание Д. нередко совершают через решето или **сито**; Д. быстро вертится, чтобы разбрызгать вокруг себя побольше воды. В восточной Сербии совместную трапезу устраивали на отмели посреди реки. В восточной и центральной Сербии после обхода села Д. топят в реке крест с безымянной могилы.

В Сербии и Болгарии визит участников обхода в каждом доме завершается гаданием с ситом: хозяйка бросает пустое сито так, чтобы оно покатилось по двору; если оно переворачивается дном вверх, это сулит плодородный год, в противном случае ожидают неурожая. В Лесковацкой Мораве хозяйка толкает сито, выкрикивая: «Полное! Полное!»

А.А. Плотникова

Обливание додолы (пеперуды) водой (с. Чакаларово, Кырджалийский округ, Болгария)

ДОЖДЬ — в народной традиции объект почитания и магического воздействия.

Власть над Д., как и др. атмосферными явлениями, приписывается представителям иного мира — покойникам и особенно висельникам и утопленникам, которые считаются хозяевами и предводителями **туч** — небесных стад коров, быков, волов и т.п. Сербы для отгона грозовых и градовых туч обращались к последнему в селе утопленнику или висельнику, называя его по имени и заклиная отвести своих «говяд» от полей и угодьев. Во время засухи жители Полесья оплакивали мифического утопленника Макарку, размешивая воду в колодце палками и голося: «Макарко-сыночек, вылезь из воды, разлей слезы по святой земле!» Колодцы, источники и др. водоемы на земле, по народным представлениям, связаны с небесными водами как сообщающиеся сосуды, поэтому воздействие на земные воды вызывает «отворение» небесных вод. Во время засухи часто шли к **источникам**, **колодцам** и рекам, освящали воду и молились, вызывая Д., обращаясь к святым. Нередко ходили к заброшенным источникам, прочищали их, обливая друг друга водой, вызывая Д. Совершались обходы села, полей, молебствия у колодца или реки. В Полесье часто в колодец сыпали **мак**, бросали деньги, **соль**, **чеснок**, освященные травы, зерна пшеницы и ржи, просфору и др., лили освященную воду, вычерпывали всю воду из колодца, бросали в воду глиняные **горшки**, кирпич, черепицу, считая, что Д. «запирают» горшечники и черепичники.

В западной Болгарии и в восточной Сербии известен специальный обряд, исполняемый во время засухи с целью вызвать Д.: девушки лепили из глины куклу по имени Герман и затем, имитируя погребение, закапывали куклу на берегу реки или бросали в воду. См. также **Додола.** В подобных ритуалах оплакивания слезы магически уподоблялись Д. В Полесье с той же целью и с той же мотивировкой исполнялся ритуал похорон лягушки: дети ловили лягушку, убивали ее, убирали в одежду из тряпочек, клали в коробок, голосили по ней, как по покойнице, и закапывали у криницы; на «могиле» чертили рукой крест. Вместо лягушки могли убивать какое-нибудь другое маленькое животное или насекомое — рака, ужа, **крота**, медведку, вошь и т.п. Ужа и насекомых иногда подвешивали на дереве или заборе. Верили, что после этого пойдет Д.

Еще более прямой магический смысл имели обрядовые обливания у реки или у колодца. Иногда обливали лиц, которые, по народным представлениям, обладали особой магической силой: беременную женщину (символизирующую мать-сыру землю), **пастуха** (повелителя земного стада, способного воздействовать на небесные «стада» туч), попа (тот же символ пастуха-пастыря). В Полесье обливали также **углы** хаты. Обливание могло носить и «искупительный» характер, его применяли тогда, когда причиной засухи считали нарушение определенных запретов. Так, на севере Житомирщины обливали женщину, которая вопреки строгому запрету пекла хлеб на Благовещение, или выливали воду посреди ее хаты и обливали снаружи углы дома. Искупительный характер носит и обряд поливания водой (или разрушения) могилы нечистого (заложного) покойника, если он в нарушение запрета похоронен на кладбище. Иногда такую могилу раскапывали, а труп бросали в реку. Сербы снимали крест с какой-нибудь безымянной могилы, относили его в реку или ручей и укрепляли так, чтобы он стоял, пока вода его не снесет. Когда устанавливали крест, трижды говорили: «Крест в воду, а дождь на поле! С неведомой могилы крест, с неведомой горы дождь!»

В Полесье и прилегающих районах Белоруссии и России для вызывания Д. совершали обряд «пахания реки»: во время засухи пахали или боронили высохшее русло реки или просто протаскивали по дну плуг. Иногда вместо реки «пахали» дорогу или рыли на дороге ямки, символически «отворяя» воду.

Поскольку засуха понималась как стихийное бедствие, для ее прекращения могли применяться общие защитные меры, помогавшие в случаях мора, болезни, пожара и т.п.: **опахивание** села или придорожного креста, **обходы** села и полей, изготовление обыденного полотна, рушника или установка обыденных (изготовленных за один день) крестов.

Еще одним магическим способом вызывания Д. было разрушение муравейника. Муравейник разгребали палкой, а расползающиеся муравьи символизировали и магически вызывали капли Д. Этот способ известен в Полесье и у южных славян. Сербы, разгребая муравейник, произносили заклинание: «Сколько муравьев, столько и капель!»

Языческие способы вызывания Д., особенно требы у колодцев, сурово осуждались церковью.

Для остановки Д. совершали разнообразные «останавливающие» или «отвращающие» действия: выбрасывали во двор яйцо, выносили или выбрасывали во двор, под дом, на крышу хлебную лопату, кочергу, хлебную **дежу**, жгли в печи троицкую зелень, освященную вербу и т.п. Причиной непрекращающихся, затяжных Д. считалось «осквернение воды». Например, в Боснии думали в таком случае, что в воде есть что-то «поганое» — брошенный когда-то раньше в воду внебрачный ребенок или убитый, и Д. не прекратится, пока труп не извлечен из воды. Во время ненастья женщины выходили из дома, выносили подвенечную рубаху и, называя по имени утопленников из села, просили их отвести ненастье от полей.

Ср. **Засуха**.

Лит.: *Толстые Н.И.* и *С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 1. Вызывание дождя у колодца // Русский фольклор. Т. 21. Поэтика русского фольклора. М., 1981; *Их же.* Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978.

С.М. Толстая

ДО́ЛЯ — у восточных славян, преимущественно у украинцев, персонификация индивидуальной человеческой судьбы, осмысляемой как часть общего блага, счастья. Подобное понимание судьбы сравнимо с образом хлеба, разделенного на части. Д. появляется у каждого человека при рождении и сопровождает его в течение всей жизни. **Долей** у украинцев также нередко называют душу умершего предка, который, посещая дом, приносит добро или зло своим живым родственникам. Часто Д. называется только олицетворение счастливой судьбы, а несчастливая Д. осознается как самостоятельный персонаж или группа персонажей (см. **Злыдни**).

О появлении Д. нет однозначных представлений. Д. рождается вместе с человеком; Д. человеку нарекает мать при рождении, или она дается человеку ангелом или Богом. Д. может оставить человека, если он грешит. После смерти человека его Д. умирает вместе с ним; также верят, что Д. умершего сидит на его могиле или посещает дома родственников.

Д. представляется двойником человека. По украинским верованьям, она имеет вид здоровой старухи в белой хорошей одежде с костылем в руках, женщины с распущенными волосами, однако ее вид может зависеть от того, кому она принадлежит: Д. счастливого человека ходит в красивой одежде, Д. купца имеет облик красивой девушки, крестьянина — здорового черного мужика. Белорусы представляют Д. в виде красивой нагой девушки, всюду сопровождающей человека. Западные белорусы наделяют *Счастье* обликом маленького человека, который носит с собой в сумке разные милости.

Бедность и богатство человека зависят от трудолюбия его Д., которая, как и **домовой**, помогает человеку в выполнении хозяйственных работ. Трудолюбивая Д. крестьянина работает вместе с ним, вяжет в поле снопы и даже ворует для него зерно с соседних полей. Д. может предсказывать человеку перемены в его судьбе, показываясь перед каким-либо событием. У Д. можно узнать, кто из семьи в текущем году умрет. Для этого после ужина в канун **Крещения** домочадцы оставляют свои ложки в миске от кутьи, а сверху кладут хлеб. Ночью Д. перевернет **ложку** того, кто должен в этом году умереть. Чтобы жить счастливо и быть богатым, человек должен найти свою Д. и спросить у нее, каково его призвание, в каком деле он найдет удачу. Поступив так, как советует ему Д., человек обретет свое счастье. Если у человека ленивая Д., он также должен разыскать ее и побить, тогда Д.

начнет работать и помогать своему хозяину.

Есть разные способы, чтобы увидеть Д. В ночь на Пасху нужно пойти в поле и, услышав звон колоколов к заутрене, спросить: «Где моя Доля?» Услышав ответ, нужно идти туда, куда сказано. Вещь, которую Д. даст человеку (например, кусок холста или войлока), нужно беречь, т.к. именно она — источник счастья в доме. В других случаях необходимо на Пасху после обеда выйти на улицу — первый, кто встретится человеку, будет его Д. Если он в нарядной богатой одежде — это счастливая Д., если в лохмотьях — несчастливая (см. **Встреча**). Украинцы считали, что увидеть свою Д. можно только два раза в жизни — сразу после рождения и за несколько минут перед смертью. Украинской Д. по ряду признаков соответствует сербская *Срећа* (слово означает «счастье» и «встреча» и связано с осмыслением счастья как вовремя произошедшей встречи, счастливого случая). *Срећа* выглядит как очень красивая девушка, прядущая золотую нить. Она стережет поля своего хозяина, пасет ему овец, юношам помогает в драках, ребенку приносит сон. Носителем счастья в доме может быть конкретный человек, животное и даже предмет: деньги, кольцо и пр.

Лит.: *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989. С. 472–516; *Сумцов Н.* Культурные переживания. Киев, 1890. С. 217–218.

Е.Е. Левкиевская

ДОМ — символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов. Д. противопоставлен внешнему миру и потому является объектом разнообразных магических ритуалов, совершаемых для его защиты и ограждения от злых сил. В фольклоре и мифологии символами Д. выступают матица, **очаг**, **печь**, **угол**.

Организация домашнего пространства повторяет структуру внешнего мира и отчасти отражает структуру семьи. Место в центре обладает наибольшей сакральной значимостью; жилое пространство Д. делится по диагонали на две части: угол с печью (очагом) — левая сторона — образует женское пространство (ср. рус. *бабий кут)*, правая сторона с красным углом — мужское. Элементам, огораживающим Д. от «чужого» пространства (**крыша**, стены), противопоставлены элементы, обеспечивающие его связь с внешним миром — **дверь**, **окна**. Очаг, печь — организующий центр дома, символ духовного и материального единства живущих в Д. родственников, источник жизни. Особой значимостью обладает **порог** Д., через который осуществляется контакт с «чужим» пространством.

О наделении Д. благополучием, богатством заботились уже при закладке Д. В восточном Полесье при строительстве Д. на мох, которым был устлан бревенчатый потолок, сверху сеяли овес и присыпали его песком: овес всходил, засыхал, что должно было обеспечить богатство Д. С этой же целью осыпали («осевали») матицу (=дом) зерном и хмелем. У южных и восточных славян было принято горсти зерна, гороха сыпать в углы Д., бросать под потолок, на матицу во время святок, на масленицу, а также в канун Юрьева дня, чтобы защитить богатство Д. от ведьмы. Во время жатвы в Д. вносили первый и последний снопы, жатвенный венок — символы богатства и изобилия.

При защите Д. особое внимание уделяли тем его частям, которые открыты внешнему миру. Закрещивали, окропляли дверь, дверной косяк, порог, окна; там же вешали, укрепляли, втыкали различные предметы-обереги (растения, режущую и колющую утварь, зеркало, подкову и пр.). Охранительный смысл приписывался действиям, совершаемым вокруг Д. Символическое удаление чего-либо из Д. способствовало очищению Д. от насекомых, пресмыкающихся, болезней, нечистой силы. Так, в Орловской губ., чтобы вывести из Д. блох, девушка или девочка утром в Чистый четверг голой выметала избу и выносила сор на середину дороги.

Приобщение к домашнему пространству символизировали специальные действия. Бабка-повитуха дотрагивалась ножками новорожденного до печки или обходила с ним вокруг очага. Молодая, прежде чем войти в дом мужа, перебра-

сывала через Д. яблоко, свой пояс и др., чтобы ей повиновались как новой хозяйке.

Уход из дома требовал соблюдения особых правил. У восточных славян при отъезде одного из обитателей Д. не подметали пол, чтобы не замести след, по которому тот должен вернуться домой.

Деревенский дом в Подлясье (д. Плутыче, Белостокское воеводство, Польша), построенный около 1900 г.

В Полесье невеста при уходе из родительского дома забирала с собой что-либо живое (курицу, кошку), чтобы иметь потомство в новом Д. На Русском Севере, если вся семья переходит на жительство в новый Д., то из старого Д. символически забирают богатство и приплод скота, приглашая **домового** на новое место.

Покровителями дома выступают предки, связь с которыми нередко осуществляется через ритуальные трапезы, устраиваемые в пространстве Д.: поминальные и календарные, прежде всего святочные. Широко распространено у славян верование, что души умерших возвращаются домой в определенные дни. Печь, порог, углы дома считаются местом пребывания умерших предков (ср. обычай хоронить умерших, особенно **детей некрещеных**, под порогом (у входа или под полом), закапывать там послед и т.п.). У сербов и болгар опекуном Д. считается патрон, святой-покровитель дома и семьи, икону которого сербы клали в фундамент Д. День памяти святого-покровителя праздновали как именины самого Д. (см. «**Слава**», **Курбан**).

Благополучие Д. и хозяйства зависит также от домовых духов, которые живут в каждом Д. под печью или под порогом. У балканских славян покровителем жилого Д., как и любого строения, может выступать дух, происходящий из замурованной при строительстве тени человека или животного, или даже самого живого существа (болг., макед. *таласам, таласон* и т.п.). Среди представителей животного мира покровителем Д. считается **змея**, уж (реже — **ласка**).

Лит.: *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; *Невская Л.Г.* Семантика дома и

смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 106–121; *Цивьян Т.В.* Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1978. Вып. 10. С. 65–85; *Benedyktowicz D.* Dom w tradycji ludowej. Wrocław, 1992.

А.А. Плотникова

Закладка дома — начальный этап строительного обряда, призванный обеспечить успех строительства, а также благополучие и процветание хозяев будущего дома.

При выборе строительного материала (как правило, древесины) соблюдался ряд запретов, связанных с видом деревьев, местом их произрастания и временем рубки. К ряду запрещенных для строительства дома деревьев относились так называемые священные и проклятые деревья: осина, ель и сосна, **липа**. Словаки избегали заготавливать ель и лиственницу, поскольку эти деревья, по поверьям, «притягивали» гром и молнию.

Важным моментом был выбор места для будущего дома. Запрещалось строить жилище на «святых» (церкви, сады и поля), опасных (кладбища, места побоищ), «нечистых» (перекресток, баня, мельница, болото, свалка) местах: это могло привести к болезни, смерти хозяев или др. несчастьям.

Выбор места постройки часто осуществлялся с помощью гадания: посыпали вокруг будущего строения просо или рожь, по четырем углам выбранного места оставляли четыре кучки зерна, четыре куска хлеба, сосуды с водой. Если наутро (через три, девять дней) все останется нетронутым (особенно если хлеб будет целым), то место выбрано удачно, дом простоит долгие годы и в нем будет достаток. Положительным знаком считалось, если наутро под оставленной сковородой была роса или в сосудах с водой вода прибывала, шерсть в горшках становилась отсыревшей либо были обнаружены муравьи.

У русских при выборе места пекли хлебы, один из которых «назначали» на новый дом. Если хлеб удавался, это было хорошим предзнаменованием, если же хлеб распадался или не поднимался, значит, «будет худо».

Особое значение при З. д. придавалось выбору времени для начала строительства. Русские в Сибири начинали ставить дом в Великий пост (ранней весной). У южных славян старались начать работу в «добрый» час: перед восходом солнца или до полудня, замечая, что «как день растет и развивается, так должен расти и развиваться строящийся дом». В Полесье же закладывали дом после захода солнца, так как боялись сглаза. Часто З. д. приурочивали к полнолунию или новолунию. Если же начать З. д. на ущербе месяца, то дом разрушится.

Фундамент начинали копать с восточной стороны, часто это делал хозяин или самый старший мужчина в доме, который затем бросал мастерам деньги на камни основ, «чтобы они не качались».

При положении основ будущего строения совершали охранительные обряды или зарывали в фундамент предметы-апотропеи: освященные травы, зерно, хлеб, воду, масло, монеты, ладан, кусочки пасхальной свечи или пасхи и веточки ели — от «молнии», чеснок, семена горчицы, ртуть, стекло, «ибо оно не гниет и не разлагается и его боятся нечистые духи».

Во время З. д. соблюдали запреты: в Полесье не начинали строительство, пока в деревне был непохороненный покойник. К заложенному дому запрещалось подходить посторонним людям, женщине, чтобы она не навредила дому или себе (например, не родила бы потом **близнецов,** что оценивалось негативно), бесплодным женщине и мужчине. В день закладки из дома ничего никому не давали.

По окончании З. д. следовало угощение для мастеров или соседей. Для этого случая готовились специальные калачи или пироги из слоеного, «крученого» теста, «чтобы счастье крутилось в доме».

Е.С. Узенева

ДОМОВО́Й — у восточных славян домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий

нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие.

Часто у русских Д. считается духом умершего члена семьи, предка рода. Обычно он имеет вид древнего старика; черного человека; приземистого мужика с большой седой бородой, в белой или красной рубашке. У богатых людей Д. покрыт шерстью, у бедных он голый. Д. может принимать облик любого члена семьи, особенно отсутствующего, любого животного, при этом шерсть животного имеет тот же цвет, что и волосы хозяина дома. Д. может иметь вид змеи. Согласно севернорусским поверьям, в доме, где есть мужчины, Д. имеет вид мужчины; если в семье одни женщины, Д. является в образе женщины.

Места обитания Д. — дом, двор, хлев, конюшня, баня, места, связанные с пребыванием душ умерших: красный угол, печь, за **трубой**, порог входной двери; по полесским верованиям, он живет на чердаке, по русским и белорусским — в подполе.

Как и вся нечистая сила, Д. проявляет себя по ночам, когда занимается хозяйством. Днем он сидит на своем любимом месте — чердаке, за печью и пр. Увидеть Д. можно в полночь, в полнолуние, если смотреть на него через **борону** или через хомут.

Д. — хозяин и покровитель дома, семьи, скота и хозяйства в целом. Русские считают, что без Д. «дом держаться не станет». Д. выполняет все хозяйственные работы: поддерживает огонь в печи, убирает дом, сушит зерно, ухаживает за скотом и даже охраняет дом от воров. Если его рассердить, он наносит вред хозяйству, пугает людей, шумит по ночам в подполе или на чердаке.

Д. считается опекуном скота и птицы в доме, влияет на их здоровье и плодовитость. Если Д. любит скотину, она становится гладкой, сытой, здоровой. Нелюбимую скотину Д. мучит. Русские, приведя во двор нового коня или корову, отдавали их под покровительство Д., прося его беречь и любить.

Д. своим поведением или появлением предвещает будущее, предупреждает об опасности, отводит беду. Обычно не видимый для домочадцев, он появляется в образе хозяина дома перед несчастьем, чаще всего перед смертью члена семьи. Д. давит спящего человека.

Иногда считается, что Д. одинок, но часто, согласно русским и белорусским поверьям, он имеет семью, причем ее состав в точности повторяет состав в доме.

Чтобы Д. хорошо относился к людям, в определенные дни ему совершали приношения: клали хлеб под печку или в углы хлева; на Новый год относили на чердак борщ и кашу; на заговины — кусок мяса или чашку молока «заговеться хозяину». Так же поступали на Пасху и Рождество.

Обычай звать Д. с собой при переезде в новый дом известен преимущественно в русской традиции. Д., оставшийся в старом доме, плачет и воет по ночам, а не позвавшую его семью в новом доме ждут несчастья. Д. переводили в новый дом с частью старого хозяйства: хлебом, лаптями, **веником** и др. В старой усадьбе открывают ворота и со словами «Хозяин домовой, пойдем со мной в новый дом» переносят эти вещи в новое жилище.

Если Д. душит человека, отогнать его можно **бранью** и крестным знамением, поскольку молитвы он не боится. В случае, если Д. давит человека, нужно читать молитву «Да воскреснет Бог», а если Д. мучает скотину, в Полесье вешают в хлеву убитую сороку, зеркало или мужские штаны.

Лит.: *Виноградова Л.Н.* Региональные особенности полесских поверий о домовом // Славянский и балканский фольклор. М., 1996. С. 142–152; *Померанцева Э.В.* Русские рассказы о домовом // Славянский фольклор. М., 1972. С. 242–256.

Е.Е. Левкиевская

ДОРО́ГА — символ жизненного пути, пути души в загробный мир, особенно значимый в переходных ритуалах; место, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми, животными и демонами. Д. — разновидность **границы** между «своим» и «чужим» пространством; мифологически «нечистое» место. Особенно опасны скрещения двух или нескольких Д., развилки и обочины. У восточных славян на **пере-**

крестках было принято хоронить самоубийц, некрещеных детей и других нечистых покойников.

Д., наряду с межой и другими рубежами, — место появления мифологических персонажей. Поляки считали, что в колеях Д. пребывают грешные людские души. Особенно часто на Д. появляются демоны, сбивающие человека с пути: у русских — **леший**, у западных украинцев — *блуд, дика баба*, у сербов невидимые демоны *олалије*, у западных славян — *блуждающие огоньки*, происходящие из душ «нечистых» покойников, у кашубов — *болотник*, который, освещая Д. фонарем, зовет: «Здесь дорога домой, здесь дорога домой...»

Выбрасывание на Д. различных предметов является способом ритуального удаления опасной и вредоносной субстанции за пределы «своего» пространства и ее уничтожения. На Д. «нечистые» предметы затаптывают, разносят, растаскивают ногами, расчленяя вред и опасность на множество частей. У русских при лечении болезней на Д. выбрасывали **ногти** и **волосы** больного, а также предметы, на которые с помощью заговора «переводилась» **болезнь**. Выбрасывание предметов на Д. могло быть и актом вредоносной магии, призванной передать другому лицу порчу или болезнь, поэтому существовал запрет поднимать на Д. найденные вещи и даже прикасаться к ним.

Одним из вариантов ритуального уничтожения является перебрасывание через Д. предметов, от которых необходимо избавиться. В частности, в России и в Полесье для избавления от клопов и тараканов их перебрасывали через Д. в коробочке или перевозили в старом лапте.

Одновременно считалось, что предметы, случайно найденные на Д., обладают лечебной силой и приносят счастье нашедшему их. Например, украинцы для избавления от бородавок старались найти старый башмак и, не сходя с места, перекинуть его через голову.

Предметы оставляли на Д. или развешивали вблизи нее с продуцирующими и защитными целями. Например, для отвращения эпидемий и эпизоотий на придорожных **крестах** вывешивались обыденные полотенца.

В магической практике, в свадебном ритуале и др. практиковалось символическое перегораживание Д. Например, в польских Татрах **пастух** при выгоне стада из села на пастбище чертил поперек Д. границу, чтобы преградить путь злым духам. В свадебном обряде при возвращении молодых от венца Д. перегораживали бревнами, веревкой, лентами и пр., требуя от жениха выкуп за право проезда свадебного поезда. У восточных и западных славян перегораживание Д. крадеными вещами, бревнами, дровами было одним из видов ритуальных **бесчинств**.

Переход дороги человеку или скоту практиковался для отнимания здоровья, счастья, плодовитости. У восточных славян и в Болгарии верили, что у коров можно отнять молоко, перейдя им Д.

Распахивание и боронование Д. в обрядовых целях служило для активизации плодородных сил. В Чехии, у хорватов и словенцев на масленицу ряженые имитировали пахоту и сев, таща по улицам плуг и **борону**. В Полесье пахание и боронование Д. было одним из способов вызывания дождя.

Восточные славяне считали, что нельзя строить дом на том месте, где проходила Д.: в таком доме будет неспокойно жить, а также на Д. нельзя спать, сидеть, громко петь или кричать, справлять естественные надобности.

Лит.: *Невская Л.Г.* Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Семантика текста. М., 1980. С. 228–230; *Щепанская Т.Б.* Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север. СПб., 1992. С. 102–126.

Е.Е. Левкиевская

ДУБ — в традиционной культуре славян самое почитаемое **дерево**, символизирующее силу, крепость и мужское начало; место совершения религиозных обрядов, объект и локус жертвоприношений.

У славян Д. занимает первое место в ряду деревьев и соотносится с первыми элементами других символических рядов, а также с верхним миром; ему при-

писываются положительные значения. Сербы говорили о Д. — *цар дрва*, русские называли его *Царь Дуб*; в сакральной практике именно Д. выполнял ряд культовых функций, в фольклоре и практической магии фигурировал в качестве **мирового дерева**; согласно поверьям и фольклорным текстам, на Д. обитал царь птиц **орел** или птица Кук; в приметах и запретах Д. сопоставлялся с хозяином дома; в главном календарном обряде южных славян Д. использовался в качестве **бадняка**. В заговорах Д. наделяется именем собственным (например, *Карколист, Дорофей*); в болгарской легенде рассказывалось о том, как дубовая роща спрятала Бога, убегавшего от Чумы; в благодарность за это Бог сделал так, чтобы листья с Д. опадали лишь поздней осенью. В славянских языках и диалектах слово «дуб» часто выступает в родовом значении «дерево».

Ранние свидетельства о почитании Д. у славян относятся к X–XII вв. В трактате Константина Багрянородного (середина X в.) сообщается о том, что росы совершали жертвоприношения на о. Хортица, где рос огромный Д. По сведениям из Воронежской губ., молодые после венчания ехали к старому Д. и трижды объезжали вокруг него. У южных славян Д. и его основные виды использовались в качестве «записа». Повсеместно запрещалось рубить и причинять ущерб священным Д.

Д. считались и местом обитания мифологических персонажей. У южных славян большие Д., вязы и буки назывались «самовилскими», или «самодивскими» (на них собирались самодивы, **вилы**, джины, черти). Эти Д. запрещалось рубить, а также спать под ними из-за опасности заболеть или повредиться умом. На больших Д. обитали гигантские мифологические **змеи** — покровители угодий, охранявшие местность от града и непогоды и боровшиеся с **халами**.

Д. связан с громовержцем. На связь дуба и **Перуна** указывает запрет находиться под Д. во время грозы и выращивать Д. около дома, т.к. в первую очередь гром бьет в Д. В белорусском фольклоре Д. и «Перун» фигурируют в сюжетах сказок и заговоров, посвященных преследованию громовержцем змея, сокола и других его противников.

В фольклорных текстах Д. выступает в образе трехчастного мирового дерева, моделирующего Вселенную с ее тремя мирами. В заговорах Д., стоящий на острове, вблизи храма, на горе, посредине океана, обозначает центр мира и сам мир и вместе с тем идеальное иномирное пространство, где только и возможно разрешение той или иной кризисной ситуации (в частности, избавление от болезни). Рядом с Д. или прямо на нем находятся царь, царица, Бог, Богородица и святые, а вокруг Д. в его корнях или на листьях лежит змея (ср. также южнославянского Змея-охранителя, живущего на Д.).

В верованиях, практической магии и фольклоре Д. последовательно выступает как мужской символ. Воду после купания новорожденного мальчика выливают под Д.; когда невесту вводят в дом мужа, она первой входит туда и говорит про себя: «Около двора дубочки, а в дом — сыночки», если хочет, чтобы у нее рождались мальчики.

Д. считался самым крепким деревом: «За один раз дуба не свалишь»; ср. восточнославянский обычай тереться спиной о Д. при первом громе или при виде первой весенней птицы, чтобы спина была крепкой; затыкать за пояс на спине дубовую ветку, чтобы спина не болела во время **жатвы**, и др. Поляки вешали на рога коровам дубовые венки, чтобы коровы были сильными и чтобы рога не ломались при бодании; на Витебщине повитуха обрезала мальчику пуповину на дубовой плахе, чтобы он вырос крепким.

В народной медицине южных славян популярным способом лечения детских болезней, а также способом прекращения детской смертности в семье был обычай закладывать в ствол Д. отрезанные волосы и ногти больного ребенка или нитку, которой предварительно измеряли ребенка, а затем забивать это отверстие колышком: когда ребенок перерастет это отверстие, болезнь оставит его.

Д. служил объектом, на который символически переносили болезни. Белору-

сы выливали под молодой Д. воду, в которой мыли чахоточного больного; поляки при нарывах во рту плевали в отверстие, выкопанное под Д.; украинцы, поляки, чехи, мораване оставляли на Д. одежду больного; болгары, сербы и македонцы посещали почитаемые Д. и привязывали к их ветвям ленточки и нитки из одежды.

Лит.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974; *Ивакин Г.Ю.* Священный дуб языческих славян // Сов. этнография. М., 1979. № 2.

Т.А. Агапкина

ДУНА́Й — в славянской традиции обозначение мифологизированного водного пространства, реки, границы между своим и иным миром, дороги в рай и т.п. Древнейшее предание о дунайской «прародине» славян содержится в «Повести временных лет» (начало XII в.), где говорится о том, как «по многих временах» после вавилонского столпотворения и расселения народов славяне сели на Д. Предание отражает продвижение праславян к дунайской границе Византии в VI в. и формирование общеславянского этнического самосознания в процессе столкновения с иной культурой (византийской цивилизацией). Д. оставался символом славянского единства на протяжении средневековой эпохи: в 1665 г. хорват Юрий Крижанич писал, что русские, лехи (поляки), чехи, болгары, сербы и хорваты зовутся общим именем — «Словинци и Задунаици».

В представлениях славян Д. — это водное пространство вообще, море (в рус. свадебных песнях *море* часто заменяет *Дунай*), **граница** между своим и иным миром (ср. также **свой — чужой**), **дорога** — путь в иную землю, иной мир, **рай**. В хлыстовской песне середины XVIII в. Сын Божий призывает «вольных людей на большой корабль <...> Гребите вниз по батюшки по тихому по Дунаю, от краю други до краю до небеснова до раю». В болгарской песне Д. течет от райского древа — золотой яблони; в польских песнях Д. течет в райском саду; молодец исцеляется от травы, принесенной *«с дуная»*; в русских свадебных песнях по Д. плывет (стоит на Д.) райское дерево и т.п. (ср. образ **мирового дерева** у тихого белого Д. в болг. песнях); представление о Д., как реке, текущей из рая, восходит к византийским апокрифам. В украинской традиции Млечный Путь — дорога из Москвы в Иерусалим. По дороге к Иерусалиму есть река Дунай, о которой говорят: «Пишов на Дунай, та й до дому не думай». На этой реке есть полотняные мосты, которые откликаются, если кто хочет переехать. Эти мосты очень длинны: каждый в пять верст; известны сходные польские поговорки и поверья, русский заговорный мотив о Д., к которому ведет «калинный мост» и т.п. (ср. также мотив отсылки болезни «у Дунав» в сербских заговорах).

Д. оказывается в народной традиции и границей, и центром мира (ср. мотив райского — мирового дерева на Д.), где происходят главные события народной жизни и пересекаются все пути. В украинской щедровке молодецкий конь пьет «з Дунаю» воду и перед ним открываются три дороженьки: одна до Боженьки, другая — «до королейка», третья — «до панойка» и т.п. В польских песнях на Д. встречаются молодые: хлопец поит коня, девица стирает на белом камне и т.п. Д. разделяет жениха и невесту, молодцов и девиц (рус., пол., серб.) — является рубежом в обрядах жизненного цикла, прежде всего свадьбы (пересечение Дуная — символ брака; ср. «Дунай» как характерный припев рус. свадебных и др. песен, рус. и пол. фольклорный мотив выдачи замуж «за Дунай» и т.п.). Невеста, гадающая о суженом, бросает венок в Д. и ждет гостей с трех сторон: из Киева, из Питера и из «дальней Москвы», роняет в Д. перстень, который должен достать суженый, и т.п. Д. оказывается также местом смерти и погребения: девица (молодец) тонет в Д., топит там ребенка (пол., рус.); Стенька Разин, согласно русским историческим песням, завершает свой путь «добра молодца» на Д., просит перевезти его через Д. и похоронить у «белого камешка» между трех дорог — Питерской, Владимирской и Киевской.

Этиологические мотивы девичьих слез, которые «Дунай-речку делают», гибели во время свадебных испытаний былинного богатыря Дуная и превращения его крови в реку также связаны с брачной символикой реки — воды.

Реальный Д. в слав. поверьях и обрядах — объект умилостивительных жертвоприношений: воины русского князя Святослава (хотевшего устроить центр своей земли на Д.), по данным Льва Диакона (конец X в.), совершив погребение убитых на поле боя, топили в Д. младенцев и петухов; ср. жертвоприношение посреди Д. живых курицы, петуха или др. животных болг. рыбаками. По серб. поверьям, в Д. обитает 99 водных духов: сотый — их старейшина; у дунайских водяных козлиные ноги, уши и рожки, на голове — красная феска (ср. **Водяной**). См. также **Река**.

Лит.: *Мачинский Д.А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской мифологии и истории // Русский Север. Л., 1981. С. 110–171 (там лит.); *Цивьян Т.В.* Движение и путь в балканской модели мира. М., 1999. С. 167–200.

В.Я. Петрухин

ДУХ-ОБОГАТИ́ТЕЛЬ — мифологический персонаж, который обитает в доме, находится в услужении у одного из членов семьи и приносит своему хозяину богатство, отобранное у других людей. Д. о. имеется только у **колдунов**, а отношения с ним расцениваются как общение с **чертом**. Представления о Д. о. наиболее развиты на западе Украины и Белоруссии, у западных славян и на Украинских Карпатах. У русских Д. о. часто смешивается с образом змея-любовника (см. **Змей**), у западных украинцев и лужичан он связан с сюжетом о неразменной монете.

Д. о. специально выводят из куриного яйца, имеющего какую-либо аномалию, например отсутствие зародыша или два желтка, а также из яйца курицы, которая поет петухом; из яйца черной курицы. Такое яйцо нужно закопать в навоз или завернуть в шерсть, его нужно носить слева под мышкой или за пазухой семь, девять или сорок дней, после чего из него вылупится Д. о. Человек, решивший вывести Д. о., должен отречься от Бога: он не может посещать церковь, молиться, креститься, мыться, стричься, обстригать ногти, расчесываться. Он должен хранить **молчание**. Место, где высиживают Д. о., — пустой дом, баня, печь. Западные украинцы, поляки и южные славяне полагали, что Д. о. происходит из выкидышей, мертворожденных или умерших некрещеными детей, из душ убийц, людей, умерших без исповеди.

Другие способы получения Д. о. предполагают заключение союза с чертом. По польским и западноукраинским верованиям, Д. о. получают на **перекрестке** в полночь, подписывают договор кровью из мизинца. Д. о. можно купить в аптеке в городе, на базаре у цыган, евреев, венгров. Акт покупки сопровождается отречением от Бога. Иногда Д. о. сам хитростью навязывается человеку в услужение, появляясь в виде мокрого цыпленка, которого хозяева из жалости пускают к себе в дом. Д. о. попадается на глаза человеку в виде красивой **бабочки**. Принеся эту бабочку в дом, человек, сам того не желая, получает Д. о.

У восточных славян, поляков и лужичан Д. о. часто имеет вид змея или ужа. Когда Д. о. переносит богатство по воздуху, он выглядит огненным или светлым, если несет золото, и темно-синим, если несет хлеб. В западноукраинской, сербской и хорватской традициях Д. о. представляют в облике маленького человечка в красных штанишках и в красной шапочке, в которой заключена его волшебная сила. Согласно русским, белорусским и польским верованиям, у Д. о. есть специальное вместилище, куда он складывает украденное добро: сумка или большой зоб, из которого он дома изрыгает принесенное богатство. Сербы иногда представляют Д. о. в виде большого мешка, который, наполнившись, возвращается к хозяину.

В доме Д. о. живет на чердаке, на печи или за печью, за печной трубой, около порога или под столом. Восточные славяне и поляки считают, что Д. о. проникает в дом сквозь печную трубу (см. **Труба печная**). Д. о. не должен ви-

деть никто, кроме его хозяина, иначе он покинет дом.

Д. о. носит в дом добро: сметану, зерно, масло, мед, водку, деньги, воруя их из других домов. Он приносит хозяину мешки с навозом, которые, пролетая через печную трубу, превращаются в **золото**. Д. о. способствует разведению пчел или лошадей, обеспечивает удачу в торговле, в кузнечном деле, в сватовстве, занимается домашним хозяйством. Белорусы, западные украинцы и сербы полагают, что Д. о. разыскивает клады для своего хозяина.

Чтобы Д. о. приносил богатство, хозяин должен кормить его молоком, кашей, яичницей. В пищу, приготовленную для Д. о., нельзя добавлять соли. Если разозлить Д. о., не давать ему еды, накормить соленой пищей или показать его постороннему человеку, он разобьет посуду, замучает домашних животных, разрушит хозяйство и уйдет, забрав с собой счастье, после чего все богатство сразу исчезнет.

Хозяин, имеющий такого «слугу», должен загружать его работой, иначе Д. о. убьет его. Западные украинцы считают, что **душа** человека, имеющего Д. о., после смерти поступает в распоряжение Д. о., который относит ее главному черту. Чтобы избавиться от Д. о., нужно освятить дом или окропить его святой водой. Белорусы и западные украинцы полагают, что Д. о. можно убить, ударив его наотмашь, перебросив через крышу, отнеся на девятую межу. Д. о. можно продать или отдать другому хозяину, вернуть на то место, где его нашли.

Лит.: *Левкиевская Е.Е.* Славянские представления о способах коммуникации между тем и этим светом // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 185–212; *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб.; М., 1891. С. 96–97; *Гнатюк В.* Знадоби до української демонольогії // Етнографічний збірник. Львів, 1903. Т. 15. С. 96–105.

Е.Е. Левкиевская

ДУШÁ — двойник человека при его жизни, имеющий черты мифологического персонажа. После разделения с плотью человека (в случае его смерти или во время сна) Д. покидает тело, принимая облик ветерка, пара, дыма или бабочки, мухи, птицы. Иногда Д. представляют как маленького человечка с прозрачным телом или ребенка с крылышками.

Свое начало Д. берет от матери при рождении человека, по другим представлениям — исходит от Бога. Она «живет» вместе с человеком, находится у него либо в голове, либо в ямке под шеей, в груди, в животе, сердце и т.д. Д. растет, как и человек, чувствует тепло, холод, боль, радость, но питается только паром от пищи. При жизни человека она может покидать его только во сне, поэтому людям снится, что они путешествуют, попадают в необыкновенные места и т.д.

Если человек связан с нечистой силой, то Д., покинув его во сне, творит различные злодейства. Так, по украинским поверьям, тело ведьмы остается бездыханным, пока Д., являясь людям в различных обликах, отбирает у коров молоко, похищает с неба звезды и т.п. Если в это время изменить положение тела ведьмы, то возвратившаяся после ночных странствий Д. не может попасть в свою телесную оболочку и летает вокруг ведьмы, оборачиваясь то курицей, то гусыней, то мухой, то пчелой. Люди, совмещающие в себе свойства реального человека и нечистой силы (колдуны, планетники и др.), по польским и украинско-карпатским поверьям, имеют две Д. или, по другим славянским представлениям, у них нет христианской Д., они продают ее дьяволу, заменяют на «нечистый дух». В русских и украинских верованиях встречается противопоставление Д., присущей человеку (мужчине), и пара, заменяющего душу животным, «нехристям», иногда — женщинам.

После смерти человека Д. покидает тело с последним выдохом умирающего, оставаясь некоторое время поблизости от тела. Чтобы помочь Д. покинуть помещение, нередко открывают двери, форточки, заслонку в печи; из окна вывешивают полотенце, по которому она спускается, а затем при желании возвращается обратно. Считается также, что Д. утирает этим полотенцем свои слезы, отдыхает на нем. Белорусы во время оде-

вания покойного ставят на окне стакан с чистой водой и вешают полотенце, чтобы душа умершего могла вымыться, обсушиться и чистой явиться на «тот свет». Украинцы полагают, что Д. сопровождает тело до кладбища, плача и вопрошая: «Йой, а я де буду?» После похорон Д. часто возвращается в дом, поэтому на поминках у восточных славян принято подавать к столу горячие блюда (борщ, свежеиспеченный хлеб, который специально ломают руками, и т.д.), чтобы Д. могла подкрепиться паром от этой пищи. У белорусов в течение шести недель в красном углу под иконами стоит сосуд с водой: согласно поверью, Д. покойника 40 дней находится в доме и нуждается в питье. На сороковой день после смерти у восточных славян происходят «проводы» Д. на «тот свет»; в Полесье, например, этот обряд называется *поднимать воздух.* Аналогичные представления о Д. усопшего, пребывающей вблизи людей в течение первых сорока дней характерны и для южных славян, исповедующих православие. По истечении данного времени души «путешествуют по земле», поднимаются в высшие воздушные сферы, летят на суд к Богу и т.д.

Наиболее тяжелым считается переход Д. через воду. В различных фольклорных текстах говорится, что души на «тот свет» перевозит св. Никола; иногда подчеркивается, что он перевозит только праведные души. По украинским поверьям, счастливые души пребывают в доме Соломона и Давида, стоящем на земле среди моря. Они непрерывно молятся Богу или пируют за белыми столами, на которых яства не уменьшаются, поскольку души едят только пар. Грешные души мучаются в аду и голодают, т.к. их кормят золой. Считается также, что души грешников беспрестанно носятся по земле, вызывая вихри, бури, ураганы. Души некрещеных детей становятся *навками, мавками, русалками.*

Согласно поверьям, существует тесная связь Д. с телом и после смерти. Чтобы Д. могла время от времени видеть свое тело, украинцы делают в гробу окошечко. В поминальные дни она посещает родной дом, обходит места, где бывал покойник, обязательно появляется у могилы, поэтому родственники усопшего оставляют на могиле пироги, блины, льют водку. Русский обычай подметать могилу березовыми вениками объясняли тем, что Д. якобы приятен запах березовой листвы. Македонцы в первый день Троицы втыкали в могилы ветки грецкого ореха, создавая для Д. тень и прохладу. Повсеместно распространено верование о том, что души возвращаются домой в Сочельник, Новый год, на Троицу и др.

Показываясь людям, Д. принимает облики различных насекомых и птиц, что связано с представлением о ее легкости, способности летать, наличии крыльев и т.д. Так, у поляков и в южной России при появлении бабочек у пламени свечи поминают умерших, молясь и называя их по именам; известны также запреты убивать бабочек, приметы о них как о предвестниках смерти и т.п. Если к дому постоянно прилетает какая-нибудь птица (воробей, кукушка, коршун), то ее отождествляют с Д. умершего. В Полесье о пролетающих в поле птичках говорят, что это летают души добрых людей. Нередко в знак поминовения усопших на могилах или перекрестках дорог рассыпают для птиц зерно. Иногда Д. представляют себе в облике мыши, ящерицы и других хтонических животных.

Лит.: *Гнатюк В.М.* Останки передхристиянського релігійного світогляду наших предків // Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 397–398; *Плотникова А.А.* Дух вон // Русская речь. 1993. № 4. С. 100–102; *Виноградова Л.Н.* Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 141–160; *Толстая С.М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор: Народная демонология. М., 2000. С. 52–95.

А.А. Плотникова

ДЫМ — см. **Окуривание**.

Є

ЕДА́ в народной традиции регламентируется социальными нормами и традиционными обычаями, является составной частью семейных, календарных, хозяйственных и окказиональных обрядов.

Степень ритуализации Е. зависела от ее характера (повседневная или праздничная, домашняя или общественная, частная или официальная), места Е. (дома, во время работы в поле, во время поминок на кладбище и т.д.), времени дня, состава участников (присутствие родственников, священника, других гостей). Правила соблюдались строже во время обеда и ужина, чем во время завтрака и полдника, в присутствии гостей строже, чем в кругу семьи, и во время праздничных трапез — строже, чем во время повседневных.

Поведение людей за столом зависело от их социального и половозрастного статуса (старшие — младшие, взрослые — дети, мужчины — женщины). Особо выделяются роли главы семьи и хозяйки-стряпухи. Хозяин во время Е. занимал почетное место, распоряжался трапезой, наблюдал за порядком и справедливым распределением пищи, хозяйка готовила пищу и подавала ее на стол.

У восточных славян правила поведения за столом мотивируются присутствием в доме икон, а требование аккуратно обращаться с пищей — ее сакральным характером. Е. организуется таким образом, чтобы представить пищу, подаваемую стряпухой, как дары, исходящие от Бога. Хозяин дома, занимающий место во главе стола, под иконами, действует как бы от имени Бога, который незримо наблюдает за людьми и их отношением к дарам, сотрапезники же воздают Богу благодарность.

Перед Е. все молились на иконы или просто крестились, а также мыли руки и вытирали их полотенцем. Есть немытыми руками у русских считалось грехом, потому что вместе с пищей в человека может попасть нечисть. При Е. в поле русские и болгары за неимением воды вытирали руки о **землю**, приписывая ей очистительную силу.

Хозяин садился за **стол** первым, и только после этого занимали свои места остальные члены семьи. При приеме гостей полагалось, чтобы хозяин сначала сам попробовал пищу и питье: этим показывали, что с угощением не насылается порча. Во время обеда не вставали даже в том случае, если вошел старший по возрасту. Гостю лишь кланялись из-за стола и на его слова «Хлеб и соль!» отвечали: «Хлеба кушать!» До конца Е. вставать из-за стола можно было только с разрешения хозяина.

Место, занимаемое за столом, являлось важным показателем семейного и социального положения человека. Наиболее почетным у восточных и западных славян считалось место во главе стола, где сидел обычно хозяин дома, а в присутствии гостей — наиболее почетный из них. По сторонам от хозяина садились старшие мужчины, за ними — младшие, на самом нижнем конце стола — женщины; те из них, кому не хватало места за столом, ели на лавке или возле печи. Известен и другой способ рассаживания: с одной стороны — по старшинству мужчины, с другой, напротив них, — женщины. Стряпуха нередко вообще не садилась за стол, а ела стоя или после того, как все отобедали.

У всех славян полагалось есть чинно, не разрешалось во время Е. ругаться или препираться друг с другом, зато можно было говорить о хозяйстве и работе. В благочестивых семьях обед проходил в молчании. По русскому поверью, за обе-

дом или ужином не смеются, иначе бес будет испражняться в кушанье.

Торопливость в Е. признавалась неприличной и греховной. Если один из сотрапезников брал слишком много пищи, то «большак» спрашивал: «Чего хватаешь? Али за двух хочешь есть?», подразумевая под вторым едоком дьявола (Новгородская губ.). Впрочем, считали, что тот, кто быстро ест, быстро и работает, а тот, кто ест медленно, и работает так же, поэтому при найме работника или кухарки усаживали их за стол и наблюдали за тем, как они едят. По русскому поверью, если ребенок ест быстро, то он будет хорошо работать, когда вырастет.

Согласно поверьям восточных славян, при Е. присутствуют добрые и злые духи: ангелы и черти. Праведное, христианское поведение заслуживает благословение ангелов; греховное, языческое — прогоняет их от стола, радует чертей и побуждает их вмешаться в трапезу.

После ужина миски, из которых ели, обязательно убирали со стола, иначе ночью явится черт и будет из них есть (Витебщина) или посуду станет вылизывать домовой (Харьковщина). Впрочем, после похорон, в поминальные дни и в Сочельник посуду оставляли на столе на ночь для умерших. Еду, оставшуюся с пасхального завтрака, оставляли на столе, прикрыв скатертью, чтобы обеспечить сытую жизнь на весь год (Заонежье).

У восточных славян после Е. полагалось выходить из-за стола с той же стороны, с которой человек заходил на свое место; считалось, что у того, кто обойдет стол кругом, «народится целое застолье ребятишек», не будут жить крестники, умрет жена, мать или другой родственник либо в семье будет ссора. Русские, украинцы и белорусы полагали также, что тому, кто обойдет стол, суждено заблудиться в лесу. Круговой обход стола был возможен только в ритуальной ситуации: во время свадьбы, трудных родов и др.

Наиболее сакральными видами пищи у восточных и западных славян были **хлеб** и **соль**. У всех славянских народов ронять крошки на пол во время Е. считалось большим грехом, поэтому их тщательно собирали, целовали и ели сами, скармливали птицам или скоту, стряхивали в огонь.

Е. регламентируется рядом примет и запретов. Нельзя есть слишком рано — «долю проешь» (Житомирщина). Не следует есть, сидя за спиной ребенка, иначе съешь его силу (Украина). На Вологодчине после питья чая не мыли чашек, чтобы не перевелось богатство. Если кто-нибудь закашлялся во время Е., значит кто-то спешит и следует постучать снизу в крышку стола для того, чтобы он пришел скорее (Орловская губ.). Если девушка любит пенки от молока, то в день, когда она пойдет замуж, будет идти дождь (Гомельщина). Если человек роняет пищу, которую несет ко рту, значит ему кто-то завидует (Словакия).

Восточные славяне объясняли обжорство тем, что вместе с человеком в Е. принимает участие и нечистая сила: «Кто сядет есть, не умывши рук и не помолившись, то этот человек съедает в три раза более, чем ему полагается, потому что это будет есть не он, а с ним сидящие домовые, лесовые и проч.» (Орловщина). Согласно легенде, один богатый мужик садился за стол, не вымыв рук и не молясь Богу; он съедал две ковриги хлеба и полкоровы, но не мог насытиться; странник попросил богача оглянуться, и тот увидел, что за его спиной стояли и ели вместе с ним лешие и домовые; после того как богач вымыл руки и перекрестился, он стал есть нормально; теперь за ним стоял светлый ангел в белой одежде и благословлял его трапезу (там же).

Лит.: *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990; *Топорков А.Л.* Структура и функции сельского застольного этикета у восточных славян // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 190–203; *Морозов И.А.* Застолье // Духовная культура северного Белозерья. М., 1997. С. 140–146; *Швейковская Е.Н.* Прокопьевская трапеза: праздник и повседневность на Русском Севере в XVII веке // Одиссей. 1999. Человек в истории: трапеза. М., 1999. С. 14–20.

А.Л. Топорков

ЁЖ — животное, наделяемое в народных представлениях мудростью, а также отвращающими и лечебными свойствами.

По верованьям болгар, Е. дал совет Богу, как покрыть землю небом. В южнославянских легендах мудрый Е. спас мир от испепеления солнцем. Встав на дороге, он остановил ослицу, верхом на которой Солнце ехало искать себе невесту. Солнце не женилось и не породило много других солнц (у македонцев). Солнце отправилось искать Е., не явившегося на его свадьбу с Луной, и нашло его грызущим камень. Е. объяснил, что от его брака родится много солнц, все сгорит и придется есть камни. Услышав это, Солнце раздумало жениться, а Луна со стыда скрылась от Солнца (у болгар). По болгарским поверьям, Е. — самый мудрый из животных, так как дольше всех живет на свете. Он знает все, что было раньше и о чем люди давно забыли. Он знает также особую омолаживающую траву и никогда не стареет.

Еж. Миниатюра из лицевого списка «Физиолога» (конец XV — начало XVI в.). Российская государственная библиотека, Рогожское собр., № 676, л. 329 об.

По южнославянским и полесским представлениям, всеведущий Е. знает, как добыть и «разрыв-траву», способную открывать без ключа любые замки и запоры. Для этого нужно загородить гнездо с детенышами Е. камнями. Ежиха принесет волшебную траву и разрушит преграду. Тогда можно подобрать траву и использовать ее для воровства. Македонцы верят, что Е. держит эту траву под языком. Поверье о «разрыв-траве» бывает связано и с другими животными: черепахой, змеей, желной, удодом и др.

В боснийской легенде происхождение Е. связывается с чертом: черт бросил вычесанные волосы под колоду для рубки дров — волосы тут же превратились в Е.

В славянских диалектах сближаются иногда названия ежа и барсука. По украинскому и польскому поверьям, существует два вида Е.: один со свиной мордой, другой с собачьей. Первых можно употреблять в пищу, а вторые несъедобны. Такое же поверье известно и о барсуке. Иногда считают, что свиную и собачью морду может иметь и Е., и барсук.

У украинцев иногда различаются две разновидности Е.: «песий» и «свинский». С представлениями о разных видах Е. связано также польское поверье, что Е. может обратиться в свинью. Связь Е. и барсука с свиньей отражена и в лексике: ср. рус. «пороситься» — рожать детенышей (о еже и барсуке), «барсук» — боров, самец свиньи.

Благодаря колючкам Е. обладает отвращающей силой и используется как оберег. Так, у поляков для защиты от **богинок** кладут себе на грудь шкурку Е.; у сербов человек, у которого умирают дети, должен смазать кровью убитого Е. палку, прикрепить к ней шкурку Е. и выставить у входа в дом. Функцию оберега имеет и палка с прикрепленной на конце шкуркой Е., с которой ходят в Словении «куренты» — ряженые участники масленичного шествия. Сербы носят при себе сердце Е. как оберег от болезней, а македонцы пришивают морду Е. к шапке или к одежде для защиты от сглаза. У русских оберегом для новобрачных во время первой брачной ночи служит особый калач «ёж», утыканный окрашенными и позолоченными хворостинками; в Польше хлеб в форме Е. пекут у невесты в канун свадьбы.

Е. и его атрибуты используются и в лечебных целях. Салом Е. мажут скотину от укусов мух, смазывают подпарины (сбитые места) на шее у быков, натирают больного лихорадкой или ревматизмом, смазывают нарывы; мочу Е. подме-

шивают пьяницам в еду, в питье или в водку, чтобы отучить их пить.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 257–261.

А.В. Гура

ЕЛЬ — дерево, используемое в похоронных и поминальных ритуалах, а также известное в качестве обрядового деревца. Относящиеся к Е. мифологические представления и обряды получили развитие преимущественно у восточных и западных славян.

Для культурной семантики и символики Е. существенны ее природные свойства как вечнозеленого, пахучего, колючего, «женского» и бесплодного дерева. Согласно этиологическим легендам, Е. укрыла Богородицу во время ее бегства с Христом в Египет или Христа, прятавшегося от чумы, за что получила благословение и была вознаграждена, оставшись навечно зеленой.

Колючесть Е., а также сильный смолистый запах обусловливают ее применение в качестве апотропея. На Украине еловые ветки (вместе с ветками шиповника и крапивой) втыкали в канун купальской ночи перед воротами, хлевом, в стреху крыши и другие места, чтобы уберечь скот от ведьм, свиней — от болезней. Поляки при первом удое процеживали молоко через положенные крест-накрест еловые веточки, чтобы оно не испортилось. Еловые ветки широко использовались для защиты строений и культурного пространства от непогоды. Мораване украшали ими кресты, которые на Пасху втыкали в посевы от града. Однако более действенным средством считались еловые ветки, освященные на Рождество, Крещение, Сретение, Пасху или в день Рождества Иоанна Крестителя. По сообщению с Витебщины, освященные еловые ветки вместе с ладаном подкладывали при закладке дома под четыре угла, чтобы предохранить его от грома. Ветки, которые были воткнуты в лед по бокам проруби на Крещение, приносили домой, клали за образа и втыкали в крышу — от ветра и грома; привязывали к яблоням в саду, чтобы предохранить деревья от бури; втыкали в стену, клали под дом, в подпол — «чтобы буря не тронула».

Е. — по грамматическому роду названий в славянских языках — по преимуществу дерево женское. Вероятно, именно с «женской» символикой Е. связан запрет сажать и вообще иметь около дома Е., которая якобы «выживает» из дома мужчин. По верованиям сербов, если Е. растет вблизи дома, в нем не будут рождаться мальчики. На Русском Севере не сажали Е. у дома, опасаясь, что в противном случае «мужики не будут жить, умирать будут, одни вдовицы будут».

Запрет сажать Е. у дома может объясняться принадлежностью Е. к неплодовым деревьям (согласно болгарской легенде, Е. «бесплодна», поскольку ее прокляла Богородица). В Белоруссии Е. не сажали из опасения, что «в доме ничего не будет вестись», «ничего не будет родить ни в хлеву, ни дома». Особенно избегали держать Е. у домов молодоженов, чтобы те не остались бездетными.

В России Е. могла быть священным деревом (ср. также священные сосны). Известны легенды о явлении на елях чудотворных икон и о постройке часовен и церквей в местах, где росли такие ели.

В верованиях восточных славян Е. имеет отношение также и к области народной демонологии. Согласно владимирской быличке, домовой живет в большой сосновой или еловой ветке, подвешенной где-нибудь во дворе. Дети лесовых духов лежат в люльках, висящих на Е. и соснах, а дети русалок — под Е. По елям черти водят про́клятых и утащенных ими в лес детей, под Е. леший укладывает спать заблудившихся детей.

Один из популярных мотивов русской демонологии, связанных с Е., — счет хвоинок. Согласно быличкам, этим занимаются по поручению колдунов заброшенные к ним про́клятые дети, а также черти, требующие себе работы у колдунов. Тот же мотив встречается и в заговорах от детской бессонницы (ср.:

«Поди, заря, в лес, сядь на елку, считай себе иголки. Там тебе дело, там тебе работка. Моего дитятка сердечного знай не задевай»).

Е. — дерево, которое нашло широкое применение в похоронной и поминальной обрядности. У старообрядческого согласия бегунов принято было прямо в лесу подкапывать корни большой Е., немного выворачивать ее из земли и в образовавшуюся яму класть тело умершего без гроба, а затем сажать Е. на прежнее место, «яко будто век тут ничего не бывало». С этим согласуется олонецкое свидетельство о похоронах висельников между двумя елями, а также мотив похорон под Е. в сербских эпических песнях.

У западных, в меньшей степени — у восточных славян ветви Е. как вечнозеленого растения, гирлянды из нее и еловые венки — одно из самых распространенных украшений могилы. Срубленную Е. (а также кипарис, сосну, можжевельник), часто украшенную цветами или лентами, могли устанавливать или реже — сажать на могиле парня или девушки, умерших до брака (см. **Похороны-свадьба**). Ср. также **Дерево**.

Т.А. Агапкина

Ж

ЖА́ВОРОНОК — одна из «чистых» птиц, сочетающая в своей символике небесное и хтоническое, божье и богоборческое начала; символ весны.

Согласно польской легенде, Бог подбросил высоко вверх комочек земли, из которого и появилась на свет эта серая, как земля, птичка. Как почитаемую, «божью» птицу, Ж. запрещалось употреблять в пищу, а убивать считалось грехом. Ж. вынимал колючие тернии из тернового венца распятого Христа, пел, сочувствуя его мукам: «Страдает, страдает» (у поляков), ежедневно приносил вести о Нем Божьей Матери, утешал ее в горе и предсказывал воскресение Христово. За это он был взят на небеса и с тех пор неустанно славит Пресвятую Деву своим пением «Аве Мария». Летом высоко в небе Ж. часами проводит время в молитвах. Потом, внезапно замолкнув, взмывает вверх и идет на исповедь к самому Богу.

Вместе с тем Ж. иногда посягает на Бога и идет Его покорять (укр. *корити*). Отсюда украинские названия Ж.: «набогастій», «набогастійко», «корибіг» и т.п. Преисполнившись непомерной гордости за то, что Бог позволил ему так высоко подниматься в небо, он летит вверх и похваляется: «Палячу на нёбу, на нёбу, схвачу Бога за борыду, борыду!», а потом камнем падает вниз со словами: «Меня Бог бил-бил-бил кием-кием-кием! И на землю кинул-кинул-кинул» (у русских). Ж. отваживается соперничать с самим Богом. Хватает соломинку и бросает вызов Богу: «Давай, Боже, биться — кто кого одолеет?» (у поляков); «Полячу Бога киим бить, киим бить!» (у русских), «Ходи, Боже, биться!» (у белорусов, украинцев), «Пойду к Богу, пойду к Богу, убью Бога топором, топором, убью Бога!» (у хорватов). Затем роняет соломинку и падает вниз с криком: «Кий упал! Кий упал! Кий упал!» (у белорусов); «Упустил булаву, упустил булаву!» (у украинцев).

Два разных вида Ж. — обычный и хохлатый — часто не различаются и воспринимаются как одна птица: чуб, по мнению поляков, вырастает у Ж. на третьем году жизни или же, по мнению украинцев, зимой Ж. имеет чубок на голове, а на лето его сбрасывает. Западные украинцы верят, что хохлатый Ж. на зиму превращается в мышь, а летом принимает прежний облик.

Поверья о зимовье Ж. демонстрируют двойственность его природы. Украинцы и поляки считают, что Ж. зимует в мышиной норе, под мхом, в поле под камнем, под комом земли в борозде или в меже. По другим польским поверьям, Ж. проводит зиму высоко-высоко в небе. Ангелы держат его в руках, нежат и ласкают, пока не блеснет первая молния и не раскроются небеса, куда Ж. в это время позволено бывает заглянуть.

По распространенным приметам, Ж. весной прилетает первым. Слишком ранний прилет Ж. предвещает позднюю весну. У западных славян считается, что на Сретение Ж. непременно должен пискнуть, даже если он рискует в эту пору замерзнуть, а 2.III св. Агнешка выпускает Ж. из мешка или из-под камешка. У украинцев прилет Ж. приурочивается к дню Сорока мучеников (9/22.III) или к дню Алексея «Голосея» (17/30.III).

Образ Ж. характерен для символов весенней обрядности. В России, на Украине и в Белоруссии в день Сорока мучеников и в другие праздники пекут птичек из теста, называемых жаворонками. «Жаворонков» оставляют в сарае, несут на скотный двор и подкидывают кверху, дают овцам, одного бросают в

печь. Часто их раздают детям. На Украине верят, что в этом случае хорошо будет нестись домашняя птица. В России дети подбрасывают «жаворонков» вверх и кричат: «Жаваронычки, прилетите к нам, красну весну принесите нам, а мордовкам та лихорадку в бок»; «Жаворонок, жаворонок, на тебе зиму, а нам лето», «на тебе сани, а нам телегу». Во многих местах с прилетом Ж. начинают пахоту и сев. Поэтому хорваты называют Ж. пахарем и сеятелем. Своим пением Ж. призывает к началу полевых работ: «Выезжай (пахать)!» (у поляков); «Сейте, орите, бороните!» (у русских); «Сей, паши, пошевеливайся!» (у хорватов) и т.п.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 633–639; *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. С. 70–72, 74, 92.

А.В. Гура

ЖÁТВА — один из основных периодов земледельческого цикла; в обрядовом комплексе, сопровождавшем Ж., особенно выделяются ее начало (*зажинки*) и конец (*обжинки, дожинки*).

До начала Ж. хозяева ходили смотреть, поспело ли зерно и пора ли приступать к Ж. Перед Ж. совершался крестный ход на ниву, которую священник окроплял святой водой и благословлял (русские). Если хлеб недостаточно созрел, старались его символически «зажать», т.е. срезали по горсти колосьев с четырех углов поля (болгары). Необходимость ритуального зажина объясняли тем, что в противном случае первой зажнет хлеб «полевая хозяйка» либо ведьмы и колдуны, «переманивающие» урожай с чужого поля в свои амбары.

Для начала жатвы главным считался правильный выбор «зажинщицы», жницы, которая славилась здоровьем, силой, ловкостью, проворством, «легкой рукой»; никогда не поручался зажин беременной женщине (называемой в народе «тяжелой»); ей запрещалось даже смотреть, как зажинают, чтобы Ж. не была «тяжелой» (македонцы). Избранная на общей сходке женщина с особой тщательностью готовилась к зажину: мыла в доме божницу, лавки, стол, покрывала

Адам и его сыновья. В роли жнецов выступают первый человек Адам и его сын Каин (слева стоит пастух — второй сын Адама Авель). Раскрашенный инициал из сборника духовных песнопений. Словакия, 1692 г.

его скатертью, чтобы достойно принять первую горсть сжатых колосьев (русские, белорусы). Затем она мылась, надевала чистую белую рубаху и вечером отправлялась в поле. Чтобы Ж. прошла быстро и успешно, зажинщица шла к месту работы быстрым шагом и без остановок; придя к ниве, не мешкая сбрасывала верхнюю одежду и начинала жать; после работы торопливо возвращалась домой (белорусы). Иногда зажин совершался в тайне: зажинщица старалась незаметно пройти на свое поле, а когда возвращалась домой, в селе уже становилось известно, что зажин состоялся, и на следующее утро все хозяева начинали жать (Калужская, Московская обл.). Отправляясь на зажин, брали с собой хлеб и соль, которые укладывали на первые срезанные колосья, а затем возвращали их обратно домой вместе с горстью колосьев.

В начале зажинок произносили заговорные формулы. На Полтавщине зажинщица вставала в поле на колени, крестилась и говорила: «Господы, поможы и дай час добрый, Господы, поможы нам у рукы взять оцей хлиб святый! Поможы мени, Маты Божа, царыця небесна, шоб мени жыто выжать и легенько й веселенько...». У словаков, отправляясь в первый день Ж. в поле, жнецы при выходе со двора вставали на колени и молились, а хозяйка кропила их святой водой и говорила: «Чтобы вам Пан Бог помог счастливо собрать божий дар!» В поле жнецы прежде всего взмахами серпов и кос «закрещивали» ниву, а начав жать, первый колос затыкали себе за шляпу.

Первые сжатые колосья несли освящать в церковь, торжественно вносили в амбар или в дом, ставили под иконы, где оставляли их до молотьбы (см. «**Борода**»).

Иногда накануне Ж. забивали и пекли жертвенного барана или кабана, служили в церкви молебен. В случае необходимости на период Ж. хозяева приглашали односельчан для помощи.

При зажине с помощью магии защищали работников от болей в пояснице и руках: приступавшие к Ж. затыкали за пояс первые сжатые колосья; опоясывались растениями или колосьями ржи с приговором: «Как матушка рожь стала год, да не устала, так моя спинушка жать бы не устала»; первой горстью срезанных колосьев потирали спину; затыкали на спине за пояс дубовую ветку, «чтобы спина была крепкая как дуб»; зажинали левой рукой, перевязанной красной нитью; кисти рук и ручку серпа обвязывали красной шерстяной ниткой или накручивали на правую руку жгут из житных стеблей; «катались» по ниве и т.п.

Почти повсеместно соблюдался запрет забивать серп в землю, чтобы не спровоцировать болей в пояснице. Нельзя было также передавать его один другому из рук в руки: для передачи другому лицу серп клали на землю.

У славян сохранились представления о том, что в несжатых колосьях скрываются обитающие в злаках полевые духи или души умерших (антропоморфные или зооморфные). При оформлении последних оставленных в поле несжатых колосьев жницы иногда говорили, что они *ізловили перепёлку* (Белоруссия, западные области России, восточная Польша), *поймали зайку*; или что, сжиная жито, жнецы *гонят бабу*, а заканчивая Ж., *режут бабу* (Псковская обл.).

Лит.: *Терновская О.А.* Славянский дожинальный обряд: терминология и структура. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.

Л.Н. Виноградова, В.В. Усачева

ЖЕЛЕ́ЗО — один из древнейших металлов, имеющий высокий сакральный статус в народной культуре и используемый в защитной и медицинской магии. Обработка Ж. наряду с выпеканием хлеба, изготовлением полотна и некоторыми другими видами деятельности соотносится с актом творения мира и преобразования хаоса в космос. Ж. символизирует собой «этот мир». Закаливание Ж. в огне и в воде придает ему особую магическую силу. Ж. наделяется положительными свойствами и является одним из универсальных **оберегов**, что обусловлено его прочностью, твердостью, связью с огнем, долговечностью. Эти же признаки делают Ж. символом здоровья.

С другой стороны, Ж. противопоставлено живой природе: оно холодное, неподвижное, оно не растет и не развивается, оно — элемент «мертвого» мира, поэтому Ж. часто выступает как атрибут нечистой силы.

Свойства Ж. используются в магической практике для сообщения человеку и скотине силы и здоровья. На Украине кусок Ж. закапывали под порог в день св. Юрия, чтобы у всех, переступивших порог, были здоровые ноги. В Полесье во время первого грома клали на голову Ж., чтобы не болела голова. В Сербии, чтобы ребенок был здоров, ему вставляли в уши железные серьги, произнося: «Отныне живи, как железо».

Сербы изготовляли из Ж. амулеты, оберегающие человека от злого глаза. Кусок Ж. носит беременная женщина за пазухой как средство от порчи; его кладут под постель роженице, в колыбель или в купель новорожденному ребенку. Ж. служит оберегом людей и скота от нечистой силы, змей и хищных животных. На Украине Ж. клали в гроб колдуну, чтобы он не вредил после смерти, закапывали под порог хлева, чтобы оградить скотину от ведьм. В Болгарии и Сербии в день св. Иеремии гремели железными предметами, чтобы отогнать змей от усадьбы.

Нечистая сила боится даже упоминания о Ж., поэтому у болгар оберегом от **вампира** служит фраза «дайте мне соленое железо». На Русском Севере верили, что водяной не тронет человека, если вслух перечислять железные предметы, а сербы, первый раз увидев весной змею, трижды произносили: «Камень, железо», чтобы летом их не укусила змея.

У всех славян в качестве оберегов используются железные предметы: игла, нож, коса, топор, вилы и др. Амулеты в виде этих орудий выковывали с соблюдением определенных правил. В Сербии женщина, у которой умирали дети, должна была носить амулет в виде бритвы, ножа, серпа и др., выкованный нагим кузнецом из целого куска Ж.

Прочность, нерушимость ограды, ворот, дверей, сделанных из Ж., — постоянный мотив заговоров, например скот защищают от волков «железным тыном». У сербов название Ж. наряду с названиями других металлов положено в основу личных имен, имеющих защитную функцию. Мальчика называют *Гвозден*, чтобы он был, «как железо».

Ж. часто выступает как атрибут нечистой силы, например по севернорусским поверьям, у русалок в руках железные крюки. Железными зубами обладают в русских поверьях **черт** и колдун, встающий по ночам из могилы, в сербских — **вила** и **караконджол** (ср. одно из его названий *гвоздензуб* — «железный зуб»).

При некоторых магических действиях запрещалось использовать Ж. или иметь его при себе. Например, в северо-восточной Болгарии первый сыр, сделанный в день св. Юрия, разрезали деревянным ножом, поскольку запрещалось прикасаться к нему железом.

Е.Е. Левкиевская

ЖЕНИ́Х — один из двух центральных персонажей свадебного обряда наряду с **невестой**.

Ж. олицетворяет активную сторону, от которой исходит инициатива брака. Это находит выражение в использовании применительно к Ж. и его окружению военной, охотничьей и т.п. символики: в свадебном фольклоре (мотивы полона, осады, поимки рыбы, образ Ж.-охотника), в терминологии (названия поезжан как членов военной дружины) и в самом обряде (взятие силой дома невесты, меч, стрела как атрибуты свадебных чинов).

Однако непосредственное участие самого Ж. в свадебном обряде скорее пассивное. Чаще всего он действует через посредников: свата, дружку и других поезжан, которые могут получать те же названия, что и жених. Ж. редко сватает невесту сам, обычно посылает сватов. Он присутствует с родственниками на смотринах невесты и на обручении, где обменивается с невестой кольцами. До дня свадьбы Ж. приезжает к невесте с подарками, однако часто это делает дружка Ж. Накануне свадьбы Ж. устраивает прощальную пирушку для друзей и членов своей дружины, часто приезжает с ними на девичник к невесте, но лишь для

участия в вечеринке и танцах. На самой свадьбе участие Ж. в ходе обряда еще более пассивно. В ряде местностей Боснии и Герцеговины Ж. вообще мог не присутствовать у себя на свадьбе, например, занимался своими повседневными делами, делая вид, что его не касается происходящее в доме. На Русском Севере даже на брачном ложе инициатива принадлежала не столько Ж., сколько невесте. Ж. на свадьбе — чаще всего объект ритуальных действий или пассивный субъект, от лица которого действуют его заместители: его корят или величают в песнях, сводят с невестой, ему выкупают место за столом, делают подарки, его угощает блинами теща, за него расплачиваются с подругами невесты, от его имени угощают посторонних зрителей и т.д. Ж. молчит во время угощения на девичнике накануне свадьбы и на свадебном пиру в своем доме, не разговаривает с невестой на свадьбе в ее доме, по пути к венчанию и обратно, чтобы не оказаться в подчинении у будущей жены.

Ж. в обряде противопоставлен невесте во многих отношениях. Обычно в славянских языках вступление в брак выражается по-разному для Ж. и невесты (ср. «женить» и «выдать замуж»). Отношения между двумя свадебными сторонами меняются на противоположные, если Ж. после свадьбы переходит на житье к жене. Такого Ж. (рус. «влазень», «домовик», «приёмыш», бел. «прываленъ», «баблюк», укр. «приймак») берут в семью в качестве работника на правах хозяина. В такой ситуации термин «жениться» используется применительно к невесте, а «выйти замуж» — к Ж. Ж. в этом случае воспринимают как невесту и иронически именуют «молодухой».

На помолвке или обручении Ж. присваиваются новые названия (например, «князь» у восточных славян), которые употребляются до начала собственно свадьбы или до венчания. Положение Ж. после помолвки внешне отмечено наличием «квитки» (цветка, букетика с лентами, пера и т.п.) на его головном уборе, которую он получает от невесты. У некоторых славян после обручения допускаются супружеские отношения между Ж. и невестой.

У болгар, македонцев и сербов к кануну свадьбы приурочено ритуальное бритье Ж., имеющее характер инициации (как и предсвадебная баня невесты); у словаков оно совершается в шуточном виде в конце свадьбы, после брачной ночи. У болгар для Ж. с кануна свадьбы вступает в силу запрет разговаривать со свадебным кумом и с родителями невесты. Повышение социального статуса Ж. на свадьбе проявляется у русских в том, что его впервые называют по имени и отчеству: Ж. не принимает подарки от невесты, пока она его не «взвеличает». Обвенчавшись, Ж. получает название, характерное для него как главы дома (например, укр. «господарь») и становится для родителей невесты зятем.

Лит.: Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988.

А.В. Гура

ЖЕ́НЩИНА — в славянской традиционной культуре продолжательница рода, хранительница очага. В патриархально ориентированном обществе часто выступает как воплощение ритуально нечистого начала.

В большинстве славянских легенд рассказывается, вслед за Библией, что Ж. была создана или возникла после мужчины, что должно оправдывать подчиненное положение Ж. в традиционном обществе. У восточных и южных славян распространена легенда о происхождении Евы из хвоста черта или собаки: так как собака (черт) украла ребро Адама, Господь отрезал у нее хвост и сделал из него Ж., поэтому она и болтает языком, как собака виляет хвостом. Тема греховности Ж. многократно возникает в славянской этиологии. Пав жертвой дьявола, Ж. согрешила перед Богом и мужчиной. Белорусские легенды рассказывают о том, что изначально мужчина и Ж. были соединены некой кишкой (хвостом). Дьявол соблазнил Ж. и оторвал ее от мужчины, отчего у людей и произошли половые органы. Несовершенство человеческого рода — вина Ж.: изначально человек мог бегать с рождения,

как и все животные, но Ж., увидев, как Господь кидает ее младенца с высоты, испугалась и подхватила его. С тех пор дети начинают ходить позже других живых существ. За неуважительное отношение Ж. к хлебу Бог чуть было не лишил людей хлеба (бел., укр., болг.).

В традиционной культуре Ж. может реализовать себя в полной мере лишь в браке. Хотя свадьба и является важнейшей инициацией для Ж., ее статус меняется постепенно. В течение первого года брака (иногда и дольше) молодая Ж. соблюдает множество ограничений: ей запрещено разговаривать со свекрами и даже смотреть на них (болг.); ей не поручают тяжелых работ по дому, не дают готовить, в частности, печь хлеб. Она не порывает связи с отчим домом: живет у родителей несколько месяцев (с.-рус.) или даже весь год (воронеж.), родители продолжают обеспечивать ее всем необходимым (пинеж.).

Изменение статуса проявляется и в изменении ее облика. Расставание с девичьей прической и костюмом происходит, как правило, на свадьбе, но может приурочиваться и к календарным датам: у болгар — в день св. Георгия, в Гевгелии (Македония) — в Тодорову субботу.

Важнейшим моментом, определяющим положение Ж., было отношение к сексуальной сфере и деторождению. Ж. обязана была утвердить свое положение в семье не только как жена, но и как мать. Если рождение вне брака считалось грубым нарушением моральных норм, то и бесплодная Ж. порицалась окружающими (ср. рус. «у кого детей нет — во грехе живет»). Супружеские отношения также регламентированы во времени: после брака последнего ребенка Ж. больше не имеет права рожать детей, а значит, должна отказаться от половой жизни и перейти в возрастную группу старух.

Женственность, женское начало напрямую связано с женской трудовой деятельностью, поэтому неправильное обращение с куделью, лень могут сделать пряху мужеподобной: у нее начнет расти борода; точно так же случайное прикосновение мужчины к веретену лишает его силы и ловкости; аналогичным образом контакт с дежой и хлебом придает здоровье и красоту Ж., но делает мужчину женоподобным. Если мужчина будет выполнять женские работы, это принесет несчастье дому (болг.). Аналогичным образом Ж. возбраняется исполнять мужскую работу: если Ж. будет сеять лен, он «сгорит» (Полесье).

Ж. противопоставлена мужчине как отрицательное положительному, как левое правому. Ж. всегда должна находиться слева от мужчины (и позади): и в церкви, и в пути. **Ж.-полазник** предвещает неудачу в течение всего года.

Сфера деятельности Ж. как существа физиологически нестабильного, периодически нечистого, сужена. Замужняя Ж. в расцвете сил оказывается исключенной из тех обрядовых ситуаций, в которых необходима ритуальная чистота, и в этом случае ее заменяют девушки, вдовы, старухи.

В годовом цикле большое число праздников, так называемых бабских, празднуется только женщинами и сводится к обетам и воздержанию от женских видов работы (прядения, ткачества, огородничества, приготовления пищи). Они сочетаются с «женским» культом святых, в частности тех, кто защищает от болезней.

Лит.: *Адоньева С.Б.* О ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина. 1998. № 1. С. 26–28.

Г.И. Кабакова

ЖЕ́РТВА, ж е р т в о п р и н о ш е́ н и е — в языческой (дохристианской) традиции главный религиозный обряд. Жертвоприношение призвано было обеспечить нормальные взаимоотношения (взаимообмен) людей с миром сверхъестественного, «тем светом», языческими богами (затем христианскими святыми), обновить и упрочить мироздание в целом. Религиозным культом руководили *жрецы* (ср. **Волхвы**), название которых в русском языке родственно слову «жертва». В языческую эпоху существовала иерархия жертв, приносившихся при отправлении культа. Так, арабский автор Ибн Фадлан описывал в начале X в. похороны знатного руса, на которых приносили в

жертву кур, собак, коров, коней, наконец, девушку-наложницу. О принесении в Ж. наложницы или вдовы на похоронах мужа у русов и славян сообщают и другие средневековые авторы. Жертвоприношение человека было высшим ритуальным актом, увенчивающим иерархию прочих Ж. Людей, согласно средневековым русским источникам, приносили в Ж. Перуну и другим идолам в Киеве: в 983 г. жребий, указывающий на Ж., пал на сына варяга-христианина; тот отказался выдать сына на заклание перед идолом Перуна, и оба варяга были растерзаны язычниками. Так же по жребию приносили в Ж. христиан и **Свентовиту** в Арконе, **Триглаву**, Припегале и др. богам. Немецкий хронист Гельмольд рассказывал о мученической смерти епископа Иоанна в земле балтийских славян в 1066 г.: захваченного в плен епископа язычники водили по своим городам, избивая его и издеваясь над ним, а когда епископ отказался отречься от Христа, отрубили ему руки и ноги, тело выбросили на дорогу, голову же, воткнув на копье, принесли в жертву богу Редегасту (см. **Сварог**) в своем культовом центре Ретре.

Ритуальное расчленение Ж. — характерный обряд, символика которого связана, в частности, с актом **сотворения мира**: ср. мотив русского стиха о Голубиной книге, где из тела первосущества (Бога, Адама) творится весь мир: солнце — из лица Божьего, месяц — от груди, сословия — из частей тела Адама и т.д.

Космогоническому акту близка по символике и **жертва строительная**, необходимая для успешного завершения строительства дома, крепости, города и т.п. Обычно в качестве строительной Ж. использовали череп лошади, который закладывали под фундамент дома (находки таких черепов известны в средневековом Новгороде), а также **петуха** и курицу, которых резали при строительстве жилища (овечьи и коровьи кости закапывались у углах двора или хлева): ср. также «конька» или «курицу» — название конструктивных деталей крыши традиционной русской избы. При этом сам дом представляется в славянской традиции териоморфным и антропоморфным: ср. «лицо» как обозначение фасада, «окно» (око) и т.д. Человек, конь и птица воплощали в традиционной картине мира образ **мирового дерева**, центра мира и космической оси: на Ж., принесенной у основания (корней) мирового дерева, творят весь мир. Ср. мотивы апокрифов об Адаме, погребенном на Голгофе: из его головы вырастает кипарисовое дерево, из того, в свою очередь, делают крестное дерево, на кресте приносится искупительная жертва Христа.

Дерево, особенно почитаемое и стоящее у воды (источника), — обычное место для жертвоприношений. Уже в X в. византийский император Константин Багрянородный описывал жертвоприношения руси на острове св. Григория (Хортица) в устье Днепра, где рос огромный дуб; вокруг дуба втыкали стрелы и приносили в Ж. петухов, кусочки хлеба, мясо и т.п. Эти жертвы приносились русью ради успешного плавания по пути из варяг в греки. Под деревом дружка рубил голову петуху во время свадьбы у чехов. Жертвенной кровью петуха он окроплял присутствующих (традиционная Ж. и ритуальное блюдо на свадьбе всех славян).

Кровавые Ж. приносили в славянской традиции во время главных календарных праздников: на Рождество у южных славян резали овец, кур на пороге дома или на рождественском полене — **бадняке** (бадняк поливали также святой водой, вином, сыпали на него зерно). Мясо съедали во время рождественской трапезы (голову оставляли к новогоднему столу), рогом жертвенного животного ударяли по фруктовым деревьям с приговором: «Я тебя рогом, ты меня урожаем». Ср. рус. обычай жертвоприношения кесаретского поросенка на «свиной праздник» — Василия Кесарийского (1 января) и т.п. Летние праздники — Петров день, Ильин день также сопровождались закланием жертвенных животных: быков (волов), баранов, петухов и общей обрядовой трапезой как у южных, так и у восточных славян, в том числе на Русском Севере, где такое жертвоприношение называлось «моль-

ба», «жертва», «братчина». Обещанный на заклание («обетный») скот окрестные крестьяне пригоняли к церкви на праздник, священник благословлял его, мясо варили в котлах и съедали, раздавали богомольцам и т.п. На Русском Севере существовали архаичные предания о коровах, некогда выходивших из воды (озера), чтобы быть принесенными в Ж., об оленях, выходивших для этого из леса (сходное поверье известно у болгар), и т.п., но люди, приносившие Ж., были жадны и забивали слишком много животных, поэтому они перестали появляться. Жертвенными животными **Ильи**-пророка — громовержца в народной традиции — считаются баран или бык («ильинский бык»): по данным византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского, славяне приносили в Ж. верховному божеству, создателю молний, быков и др. животных. Жертвоприношение в Ильин день должно было избавить от дождей и гроз, обеспечить урожай и т.п. По другой русской традиции, бык считался жертвенным животным Миколы — наиболее почитаемого русскими святого Николая: ср. поговорку «Бык Миколе, а баран Илье». Хтонических существ — лягушку, ужа убивали при засухе, чтобы вызвать дождь.

Бескровные жертвы — зерно, еда, питье, ткани и др. «обетные» предметы приносились в священных урочищах, у деревьев и источников и т.п. Так, у черногорцев кашу, сваренную из зерен разных злаков и плодов (варицу) бросали в день св. Варвары (4.XII) в источник с приговором: «Мы тебе варицу, а ты нам водичку, ягнят, козлят» — и т.д. Характерны также мелкие приношения духам: так, **лешему** оставляли яйцо на перекрестке дорог, чтобы он вернул заблудившуюся корову, **водяным** приносили Ж. при строительстве **мельницы**, остриженные **волосы** (и ногти) затыкали в щели дома в Ж. **домовому** и т.п. В жертву животным, наделенным демоническими чертами, приносили ритуальные предметы: возле норы ласки клали веретено и пряжу, волку несли в церковь лен и коноплю; последние колосья оставляют мышам и птицам, чтобы они не трогали урожая, и т.п. Напротив, скот, ставший добычей волков, воспринимается как Ж., предназначенная Богом (ю.-слав., бел.), Егорием (рус.), Николаем (пол.) и т.п.

См. **Курбан**, **Дар**, **Кормление**.

В.Я. Петрухин

ЖЕ́РТВА СТРОЙТЕЛЬНАЯ — жертвоприношение, совершаемое в магических целях при закладке (реже — во время новоселья) дома или другого крупного строения для обеспечения его прочности и долговечности, а также для благополучия хозяев. Семантика Ж. с. основана на уподоблении строительства дома творению мира, который, согласно космогоническим преданиям, был возведен из жертвы. Согласно древним славянским обычаям, подтверждаемым археологическими данными, в жертву приносили скот и домашнюю птицу.

Принесение жертвы требуется при строительстве не только дома, но и печи, городской стены, церкви, а у южных славян — при строительстве моста, колодца и других строений. Считается, что без Ж. с. здание будет непрочным или вообще не может быть построено, т.к. рассыплется во время строительства. Согласно общеславянским верованиям, в доме, построенном без Ж. с., будут умирать люди, прежде всего хозяева, семью будут преследовать болезни, несчастья, разорение хозяйства. Жертвоприношение совершает старший мастер, хозяин дома или старший член семьи.

У южных славян принятой формой Ж. с. была животная жертва (так называемый **курбан**). Закалывают жертву на первом камне, заложенном в фундамент, или на уже готовом фундаменте, а также под восточным углом дома или под порогом, закладывают — в углу дома, обычно в переднем. Важно, чтобы кровь жертвы окропила камни фундамента или стену.

Аналогом этого обряда у восточных и западных славян служило «закладывание» дома «на чью-либо голову», которое обычно совершалось при положении первого венца. Строители могли заложить дом на голову хозяина, старшего

члена семьи, на голову какого-либо животного или на определенный вид скота, например, на лошадей. Это зависело от мастера: при хорошем отношении к хозяевам он выбирал в жертву животное или птицу, при плохом — закладывал на голову хозяина. Дом закладывали также на голову случайного прохожего, на голову того человека или животного, чей голос услышат во время закладки, поэтому люди опасались подходить к строящемуся дому.

С Ж. с. связано представление о том, что в новом доме вскоре должен кто-нибудь умереть, обычно тот, кто положил последний камень или доску при окончании строительства. Чтобы избежать преждевременной смерти строителей, в доме оставляли что-нибудь недостроенное. Считалось, что в новом доме умрет тот, кто первым в него войдет. Во избежание этого первым в дом пускали какое-либо животное, чаще всего петуха, кошку или собаку. Человек, первым умерший в доме, становился мифологическим покровителем этого дома и семьи (см. **Домовой, Змея**).

Мотив человеческой жертвы сохранился в фольклоре южных славян, в частности в балладе о замурованной жене: три брата-строителя не могли закончить свою стройку, пока они не замуровали в фундамент жену младшего брата, которая раньше других принесла своему мужу завтрак. Заместителем человека могли служить его **тень** или след. У южных славян мастер перед закладкой дома тайком измерял рост первого встречного человека или хозяина дома, его тень или след, а полученную мерку закладывал в фундамент. Если не удавалось снять мерку с человека, то измеряли тень животного, которое позже убивали. Человек или животное, с тени которого была снята мерка, заболевал и через 40 дней умирал, а его душа становилась мифологическим покровителем строения.

В качестве Ж. с. в основание строения помещали еду и предметы, символизирующие богатство, здоровье и плодородие: зерно, печеный хлеб, первую муку, смолотую на новой мельнице, соль, мед, вино, шерсть, деньги, ладан, освященные травы, небольшие иконы и др.

Лит.: *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 61–63; *Зеленин Д.К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов // Труды Института археологии и этнографии. М.; Л., 1937. Т. 15. Вып. 2. С. 13–36.

Е.Е. Левкиевская

«ЖИТИЕ́» РАСТЕ́НИЙ И ПРЕДМЕ́ТОВ — фольклорный мотив, представленный в песнях, обрядах, играх, хороводах, быличках, загадках. В них последовательно перечисляются все этапы роста, созревания, переработки культурных растений, чаще всего льна и конопли (но также и мака, пшеницы, проса, винограда, перца, капусты и др.), излагается или изображается весь их «жизненный путь» от момента сева до получения конечного продукта — рубахи, пояса, полотенца, хлеба, вина и т.д. Этим текстам и действиям приписывалась магическая сила.

В Сербии градовые тучи разгоняли пением песен, рассказывающих о муках и страданиях пшеницы или конопли, на долю которой выпадают самые большие мучения: ее рвут, мочат, мнут, треплют, ткут, варят и т. д. В Закарпатье рассказ об обработке конопли, изготовлении полотна и шитье сорочки служил заговором от болезни. Ср. **Обыденные предметы**. В восточной Сербии чтением текста о возделывании льна лечили боли в груди. Ворожея брала девять веретен, вертел, нож и лопатку для углей и, размахивая ими над головой больного, произносила: «Посеяла я лен, лен на Видов день. Взошел лен, лен на Видов день. Вырвала я лен, лен на Видов день...» (и так далее с перечислением всех действий: «замочила, вытерла, вымяла, ободрала, расчесала, намотала куделю, выпряла, смотала, сшила рубаху...»). Завершался заговор типичными «отгонными» словами, адресованными **болезни**: «Остановись, прекрати! Тебе здесь места нет! Иди в зеленый лес!»

«Повесть льна» и других растений служила средством защиты от *нечистой силы* и демонов благодаря магии «спрессованного» в ней времени (ср. в ст. **Время**). Ср. лужицкое поверье о том, что

при встрече с **полудницей** можно спастись от нее длинным рассказом о возделывании льна или конопли, а также гуцульскую быличку о страннике, спасшемся от упырицы рассказом о выращивании капусты и других огородных работах. Рассказ о «житии» хлеба мог служить оберегом при встрече с волком. В покутской сказке «Черт и хлеб» хлеб спасает героя от черта рассказом о тех муках, которые он претерпевает от своего хозяина, который «раскидывает его по полю, боронит железными зубьями, режет серпом, вяжет в снопы, бьет цепами, мелет жерновами, месит, печет, ест». Черт, услышав все это, говорит: «Раз у тебя такой хозяин, то я не буду с ним и связываться!»

Песня о «житии» льна и других растений может бытовать и как календарная обрядовая — весенняя или купальская. Русская хороводная игра «Уж я сеяла, сеяла ленок» сопровождалась пантомимой с изображением всех тех приемов обработки льна, о которых говорится в песне. В подобной игре «Мак», известной на Украине и в России, вокруг одного молчаливо сидящего игрока двигался хор с песней, повествующей о «житии» мака от сева до созревания.

В Черногории и Македонии были популярны танцы с песней о перце, сопровождаемой имитацией всех работ по выращиванию перца: танцующие женщины «волочили, боронили, собирали, несли, мололи, пекли, ели» перец. Широко известная русская песня «А мы просо сеяли» также восходит к весеннему обряду, воспроизводящему земледельческие работы (причем архаического типа подсечного земледелия), начиная с раскорчевывания пашни и кончая молотьбой.

Популярная сербская масленичная игра «Конопљарица» включала изображение действий по обработке конопляного поля: пахоту, сев, защиту посевов от птиц и т.п. В украинском масленичном обряде изображалась жизнь персонажа «Колодки» (или «Колодия»): в понедельник женщины собирались в корчме, пеленали полено в холст, что означало, что Колодка родилась; во вторник Колодку крестили; в среду были «покрестбины»; в четверг Колодка умирала; в пятницу ее хоронили; в воскресенье «волочили», т.е. привязывали деревянную колоду или полено к ноге парням и девушкам, не вступившим в брак. Элементы «житийного жанра» присутствуют и в некоторых восточнославянских обрядах, разыгрывающих «похороны» обрядового чучела, животного или предмета (см. **Похороны животных**). В русском осеннем обряде, исполнявшемся в день **Кузьмы и Демьяна**, хоронили соломенного Кузьку, но перед этим он должен был прожить целую жизнь: он рождался, его крестили, женили, он умирал. Все подобные обряды и игры имели некогда сакральное и магическое значение — продуцирующее или охранительное.

Мотив «жизненных мук» широко представлен в загадках. Таковы русские загадки о льне: «Топили, сушили, колотили, рвали, крутили, ткали, на стол клали» или о глиняном горшке: «Был я копан, был я топтан, был я на пожаре, был я на кружале, сто голов кормил; сделался стар — пеленаться стал; выбросили за окно и собакам ненадобно».

Лит.: *Толстой Н.И.* Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 139–167.

С.М. Толстая

З

ЗАДУ́ШКИ — у славян-католиков главные в году поминальные дни, совпадающие с днями церковного поминовения Всех Святых (1.XI) и душ умерших родственников (2.XI). День памяти святых впервые был введен в Европе в 998 г. в монастырях бенедиктинцев, а с XIII в. принят во всей западной церкви как официально признанная дата, посвященная памяти по умершим. В народном восприятии день Всех Святых рассматривался как канун главного поминального («задушного») дня (2.XI), к которому приурочен основной комплекс обычаев и обрядов.

Считалось, что в дни осенних З. умершие родственники посещали свои дома, собирались под окнами или слева от двери; проникая в дом, они грелись возле печи, искали приготовленную для них поминальную еду. Перед уходом на «тот свет» души сходились в костел на ночную службу, которую для них служил дух умершего ксендза. Живым запрещалось наблюдать за умершими, нарушителю этого запрета грозила суровая кара.

Ритуал З. начинался с наведения порядка на кладбищах: люди очищали могилы родственников, украшали их ветками, зажигали свечи; устраивалось коллективное моление по умершим, а затем ксендз благословлял могилы и кропил их святой водой. В доме хозяева готовились к приему душ умерших: производили уборку, посыпали пол песком, приоткрывали дверь или окно, придвигали к натопленной печи лавку, куда ставили сосуд с водой, гребень, мыло и полотенце, «чтобы души могли помыться и причесаться» (восточная Польша).

Хозяйки на З. пекли специальный хлеб «для душ». Его относили на кладбище и раздавали нищим, беднякам, детям, священнослужителям, оставляли на могилах. Стремились раздать как можно больше (в ряде мест выпекали и раздавали до 200–300 булочек), веря, что это обеспечит приумножение достатка и благополучия. В некоторых словенских областях получил распространение обычай «сбора хлебов»: в задушный день группы молодежи ходили по селу, посещали кладбище и костел, стараясь собрать побольше поминального хлеба и соревнуясь в этом друг с другом.

Во многих р-нах Словакии в ночь накануне З. хозяева оставляли на столе стакан вина «для душ», а утром посылали детей проверить, убавилось ли оно. У сербов Штирии кроме вина клали на стол хрен, а в Дравской Долине оставляли для умерших вино, хлеб и блюдо каши. Жители районов Словацкой Оравы и Липтова считали обязательным оставлять на столе в ночное время «ужин» для умерших. Там верили, что не нашедшие поминальной еды души будут плакать от голода весь год до следующих З. Специальное угощение (хлеб, муку, кашу, фрукты) люди относили на кладбище, называя это «колядой для мертвых» (словац.).

В дни З. люди соблюдали многочисленные запреты: не работали в поле, не занимались хозяйственными делами, не отправлялись в путь. По польским поверьям, накануне З. следовало как можно раньше лечь спать, чтобы не мешать своим присутствием душам справлять их праздник; запрещалось убирать со стола остатки поминального ужина; поздно вечером выходить во двор и выплескивать за двери помои или воду; не спускали на ночь собак с цепи. Если было крайне необходимо выбросить мусор или вылить возле дома воду, то хозяева намеренно шумно себя вели, чтобы отогнать духов, или произносили специаль-

ные приговоры-предостережения: «Посторонись, душа, а то оболью!». Запрещалось также подбеливать печь и стены дома, чтобы не забрызгать глиной и известкой умерших. Опасаясь навредить какой-нибудь из незримо присутствующих душ, которая могла бы случайно застрять в давильном прессе, словенцы Белой Краины развинчивали его в день З., чтобы «освободить душу» и дать ей уйти в положенный срок на «тот свет». Ср. **Задушницы, Деды**.

Л.Н. Виноградова

ЗАДУ́ШНИЦЫ — поминальные дни в календаре южных славян, исповедующих православие. Число таких дней различно в разных местных традициях (от трех до десяти в течение года). Среди них наиболее популярны: масленичная суббота; летние поминальные дни, приуроченные к Вознесению или Троице; осенние поминальные даты, приуроченные к субботе накануне дней св. Дмитрия (26.X) или св. Михаила (7.XI). В число З. могли также включаться пятница и суббота Страстной недели, понедельник Фоминой недели; у сербов — также вторая, третья и четвертая суббота Великого поста; у болгар — суббота перед Вербным воскресеньем или перед днем Параскевы Пятницы.

Ритуалы этих дней включают ряд обязательных элементов: это возжигание свечей (реже — разведение костров), связанное с представлениями о том, что свет от них освещает умершим путь в земной мир; символическое «кормление душ» или раздача поминальной еды соседям и нищим в память об умерших; поливание могилы водой или вином «за души умерших»; украшение могил зеленью и цветами, обкладывание их дерном и т.п. Исполнителями задушных обычаев выступали, как правило, женщины. Они готовили и носили на могилы вареное жито, обрядовый хлеб, крашеные яйца, фрукты и др. поминальную еду; оставляли ее на могилах родственников, раздавали односельчанам «за души умерших». Старались принести пищу горячей, считая, что души питаются паром от теплой еды. У болгар-капанцев принято было, вернувшись с кладбища, в задушную пятницу готовить новую порцию ритуальных хлебов по числу умерших родных для раздачи соседям на следующий день, причем особые изделия пеклись для умерших мужчин, для женщин, молодежи и детей.

Считалось, что начиная с Пасхи (либо с субботы сыропустной недели) и до Вознесения (либо до Троицы) души умерших пребывают среди живых и что их можно увидеть или услышать с помощью особых магических ритуалов. С этой целью во многих р-нах Болгарии в троицкую субботу (когда, как считалось, души возвращались на «тот свет») женщины приносили в церковь ореховую листву, устилали ею пол, вставали на колени или ложились на эту зелень, так как верили, что «умершие пребывают под листьями» или что «они проходят по ним», при этом запрещалось смотреть наверх, чтобы не спугнуть мертвых, следовало хранить молчание, чтобы услышать их голоса. Если же кто-то непременно хотел увидеть души, то надо было взять зеркало и держать его над водой до тех пор, пока в нем не появится отражение. Случалось, что зеркало для этой цели подвешивали над колодцем, однако это считалось опасным и для мертвых, и для живых. У сербов Шумадии в летние З. (на Вознесение) было принято ходить на кладбище в надежде увидеть своих умерших родственников. Идти следовало ночью, в полном молчании; на могилах зажигали свечи и оставляли немного еды, а к кресту прислоняли зеркало, в котором должен был показаться покойник.

У южных славян широко распространено верование, что перед каждым покойником на «том свете» стоит стол, на котором лежит именно та еда, которую его родные принесли ему на З. Не принято было совершать «задушные» ритуалы в тех домах, где в семье была молодая невестка, приведенная мужем в дом менее года назад. Согласно сербским поверьям, «открывает могилы» весной и «закрывает» их осенью св. Петр. У болгар Странджи известны поверья о том, что до Вознесения души умерших «свободно порхают по цветам», а после этого

дня уходят с земли, ибо затем начинают созревать плоды, и «мертвые в них теряются»; запрет спать днем в этот день мотивировался тем, что иначе умершие могут остаться во сне спящих и не смогут своевременно уйти на «тот свет».

Л.Н. Виноградова

«ЗАЛО́ЖНЫЕ» ПОКО́ЙНИКИ — см. **Покойник**.

ЗАЛО́М (з а́ в и т к а, з а́ к р у т к а) — пучок скрученных, сломанных или связанных узлом колосьев, оставленных ведьмами и колдунами в житном или овсяном (реже — в конопляном или льняном) поле; известен прежде всего у восточных славян как вид вредоносной магии по отношению к хозяину нивы. Считалось, что с помощью З. можно отобрать урожай, погубить скот, навлечь болезнь или даже смерть.

Вредоносный эффект З. обусловлен характером действий над растениями (скручивание, связывание, переламывание), а также смыслом сопровождающих эти действия вербальных приговоров, например таких, как: «Хваробу тебе и в твою семью!», «Хваробу на твой скот!» (Полесье). Несчастья могли адресоваться не только тому, кто сожнет З., но и тем, кто будет молотить снопы или есть «испорченный» хлеб: «Хто буде жать, того буде таскать; хто буде молотить, того буде колотить; хто буде ести, той буде на стенку лезти» (Волынская губ.).

Временем наведения порчи посредством З. считался период цветения злаков, а также ночь на Ивана Купалу (украинцы и белорусы); Семик накануне Троицы (русские). «Знающие» люди делали З. ночью или ранним утром до восхода солнца, раздевшись догола и в тайне от всех. В русских духовных стихах З. причисляется к самым тяжким грехам наряду с колдовством: «Еще душа Богу согрешила: в соломах я заломы заламывала».

Обезвреживание З. поручалось обычно знахарю, лишь кое-где разрешалось срезать З. самой жнице или хозяину поля, однако с соблюдением мер предосторожности. Например, в Гомельском Полесье З. срезали серпом, не прикасаясь к нему рукой, а затем в полдень или в полночь несли его к реке и бросали в водоворот. Чаще всего З. сжигали тут же в поле, прикрывая его дырявым горшком или заваливая осиновыми щепками от дерева, сожженного молнией (Минская губ.). Русские крестьяне выдергивали З. с помощью осинового кола или кочерги (Тульская, Орловская губ.). Еще одним способом защиты от вредоносных последствий З. было привязывание вырванных колосьев к тележному колесу, чтобы того, кто сделал З., «скрутило» так, как крутится колесо (Гомельская обл.).

Для избавления от опасности следовало не просто вырвать и уничтожить З., но и «отговорить», «отшептать» его, т.е. снять проклятие. В заговорах от З. знахарь отсылает заключенные в нем беды на голову того, кто его сделал: «А пошли ему, Боже, на смерть, на болезнь, чтоб ему в углу лежать, ему хлеба не есть и воды не пить, а в могиле быть!» (Смоленская губ.).

Л.Н. Виноградова

ЗАМО́К — предмет, используемый для символического замыкания и отмыкания в магии и обрядах, что семантически сходно с завязыванием-развязыванием узла. В большинстве охранительных и лечебных обрядов З. и ключ имеют единую семантику и выступают как взаимозаменяемые символы.

В охранительной магии закрытый З. использовали для ограждения от опасности охраняемый объект. Чтобы не допустить в село эпидемическую болезнь, болгары во время обряда опахивания закалывали вола и закапывали его в землю вместе с З., закрытым на ключ. Считалось, что болезнь не сможет проникнуть в «закрытое» таким образом село.

В другом случае замком «запирали» самого носителя опасности, чтобы обезвредить его, что синонимично символическому завязыванию, зашиванию, затыканию ему пасти и клыков. У восточных славян в день первого выгона скота в воротах клали открытый З. и замыкали его сразу же после того, как через него перейдет скотина, чтобы замкнуть вол-

кам зубы. Чтобы опасный покойник не вставал из могилы, у словаков его гроб обматывали цепью и замыкали большим З., а на Украине клали З. в гроб.

В медицинской практике замыкание З. символизировало замыкание болезни и применялось, в частности, при остановке различных кровотечений. В любовной магии З. замыкали, чтобы крепче привязать, приковать любимого или мужа и жену друг к другу. В Хорватии, для того, чтобы муж любил жену и не изменял ей, в первую брачную ночь молодая замыкала над мужем З., а утром относила его на безвестную могилу.

Отмыкание замка и открывание всех запоров и дверей практиковалось у восточных славян и сербов во время тяжелых родов, поскольку символизировало открывание женского лона. Открывание З. применялось в сербском обряде символического отделения больного от болезни или смерти: когда умирал один из близнецов или одномесячников, умерший член пары мог забрать живого с собой в могилу.

Замыкание З. могло служить символом магического закрепления желаемого результата. Как З. крепок, прочен и надежен, таким же крепким и прочным должно быть совершаемое дело. Примером этому может служить русский обычай во время свадебного сговора класть под порог дома невесты незапертый З. с вложенным в него ключом. Как только жених переступал порог, сваха запирала З. и кидала его в реку, чтобы свадьба не расстроилась.

Замкнутый на ключ З. используется во вредоносной магии, чаще всего для того, чтобы поссорить, развести супругов. В чарах на бесплодие закрывание З. символизирует закрытие женской утробы, а иногда и мужской силы. Например, в Сербии при насылании бесплодия брали лоскутки от венчальной одежды обоих супругов и закрывали их З.

В славянских мифологических представлениях замочная скважина, наряду с окном, порогом, печной трубой и другими локусами осмысляется как путь в потусторонний мир. Через замочную скважину проникает в дом нечистая сила.

В фольклорных текстах закрывание ключом замка ассоциируется с коитусом, примером чему могут служить русские загадки о З. и ключе типа: «На повети коло клети парень девку дрочит...»

У славян существуют поверья о магических травах, с помощью которых можно открывать любые замки: у русских это «разрыв-трава» и «лом-трава», у восточных славян — цветок папоротника, у сербов — *расковник*.

Е.Е. Левкиевская

ЗА́СУХА — в народных представлениях стихийное бедствие, посылаемое людям свыше в наказание за грехи; может быть также вызвано злокозненными действиями демонов или колдунов, «запирающих дождь». По болгарским верованиям, З. наступает и в случае, если св. Илья, заведующий небесной влагой, разболеется и не сможет «водить облака». Главной причиной З. считается «осквернение земли», т.е. погребение нечистых покойников — самоубийц, утопленников, висельников, которых «земля не принимает». Отсюда такие древние способы магического прекращения З., как разрушение могилы, выбрасывание трупа в воду или современный «ослабленный» вариант — разрушение, снятие креста с могилы. По верованиям восточных славян, заложные покойники и особенно утопленники и опойцы страдают неутолимой жаждой и высасывают всю влагу из земли на огромном расстоянии от могилы. В Болгарии причиной З. считали погребение неоплаканного покойника, а также «попадание дождя в могилу», т.к. это могло «закопать дождь» (Пиринский край, Добруджа). Сербы Кордуна верили, что З. мог вызвать «связанный» покойник, т.е. тот, кого похоронили, не развязав на нем всего, что было завязано (пояс, шнурки и т.п.), а также «сухой» покойник, т.е. похороненный необмытым.

Засухой грозит также нарушение запретов, связанных с землей. Согласно верованиям, земля «спит» от **Воздвижения** (14/27.IX) до **Благовещения** и прикосновение к ней в это время недопустимо: нельзя копать, рыть ямы, вкапывать

столбы и т.п. Сооружение заборов, оград и построек весной, до Благовещения, приводит к «загораживанию дождя» летом, поэтому в случае З. такие заборы и постройки разрушали, чтобы «искупить грех» и освободить дождь. Аналогично нарушение запрета на ткаческие работы (снование, прядение, тканье и др.) было опасно тем, что работающий в неурочное время мог «засновать» дождь. Если такой грех раскрывался, то во время З. обливали водой повинную в нем женщину или ткацкий станок, который могли даже вытаскивать из дома и ломать (Полесье). Жители Силезии считали, что З. может навлечь на округу роженица, не совершившая в церкви положенный очистительный обряд «вводины» через шесть недель после родов. Причиной З. становятся преступления против «родового закона»: кровосмешение, братоубийство, рождение внебрачного ребенка, нарушение супружеской верности и т.п. В Болгарии, в Страндже, в случае продолжительной З. старые женщины (чаще вдовы) шли к согрешившей девушке, вели ее к реке или источнику и обливали водой.

Магическая связь огня, очага, печи с З. (небесным огнем) лежит в основе представления о том, что печь хлеб, жарить что-нибудь в праздник Благовещения, когда такие действия запрещены,— грех, влекущий за собой З.: «будет так печь, как печется на сковороде» (Полесье). Болгары в окрестностях Тырново считали, что виновником З. может быть тот, кто складывал печь в период между Пасхой и Юрьевым днем. Этой же связью объясняются и верования, по которым **гончары** и черепичники являются виновниками З., их ремесло связано с огнем, печью, обжигом. В западной Болгарии было известно о магических действиях, совершаемых горшечниками, нуждающимися в ясной, сухой погоде: они якобы закапывали в землю осленка или кошку для того, чтобы предотвратить дождь во время сушки черепицы. Ср. способ противодействия: чтобы прекратить З., вызванную действиями черепичников, у них похищали (см. **Кража**) кирпич или черепицу и бросали их в воду.

Для предупреждения З. соблюдалось множество других запретов и предписаний хозяйственного и бытового характера (например, нельзя было оставлять на зиму нетрепаный лен; запрещалось сажать весной чеснок и т.п. — Полесье). Совершались также специальные превентивные обряды вызывания дождя. Например, болгары Приазовья, когда пекли хлеб из муки нового урожая, сначала кусочек этого хлеба бросали в воду, чтобы Бог дал дождь, а потом уже ели хлеб; если кусочек хлеба, брошенный в колодец, попадался кому-нибудь в ведро, его приносили домой, делили между всеми членами семьи и, перекрестившись, ели.

См. также **Дождь**.

С.М. Толстая

ЗАТМЕ́НИЕ солнца или луны — природное явление, которому в народной традиции приписывается отрицательное воздействие на людей; объясняется преимущественно злокозненными действиями демонов; нередко воспринимается как Божья кара за грехи людей или как предвестие бедствий (войн, голода, мора и т.п.), ср. **Землетрясение**.

Представления о столкновении Солнца с Месяцем как причине З. известны украинцам и полякам: считается, что Месяц «влезает» на Солнце; ночное светило «дерется» с дневным; послужив некоторое время, солнце и луна «меняются», при этой «смене» они могут столкнуться и упасть на землю, отчего произойдет светопреставление.

Всем славянам известны поверья о З. как результате нападения вредоносных демонов на небесные светила. Мифические существа якобы пожирают месяц или солнце. Эти действия приписываются, например, **волколаку**, что засвидетельствовано еще в сербском Номоканоне по списку 1262 г.: «Влькодлаци лоуноу изѣдоше или слнце»; змееподобным летающим демонам, драконам; животным — волку, псу, в том числе мифическим: например, шестипалым волку, вепрю, быку (восточная Сербия); нечистой силе, «злым духам». По поверьям украинцев Закарпатья, З. происходит, когда солнце поедает летающий змей *шаркань* или

«Колдунья морочит людей, говоря, что „свалит“ месяц с неба и выдоит его». Роспись церкви св. Архангела Михаила (с. Лешко, Благоевградский округ, Болгария). XIX в.

«його хтять крилатиі вовкулаки зъісти». Связь змеи с З. отмечается в польских поверьях: убитые и оставленные на солнцепеке уж, змея или другое пресмыкающееся вызывают З. (Галиция); греющиеся на солнце змея или уж вызывают «болезнь» солнца, отчего происходит З.

Нередко считается, что З. происходит оттого, что мифологические персонажи закрывают, заслоняют собой небесные светила. По польскому поверью, З. возникает тогда, когда летающий **змей** прикрывает собой солнце. Мотив змея-дракона, готового заслонить (или поглотить) солнце встречается в изобразительном искусстве — на болгарских церковных фресках и др.

З. может быть результатом кражи солнца или месяца, приписываемой ведьмам, колдунам-чернокнижникам, дьяволу. Черногорцы полагали, что З. вызывают дьяволы, захватывая в плен небесные светила. У западных и восточных славян считается, что ведьмы и колдуны с помощью магических действий могут вредить небесным светилам, вызывая их З. По карпатским и южнославянским представлениям, светила похищают с неба ведьмы, отчего происходит З. Преимущественно в Болгарии распространены поверья о том, как ведьмы «сваливают» месяц (реже — солнце) на землю и «выдаивают» его как корову.

При угрозе З. предпринимались защитные действия с целью отгона от светил опасных демонических персонажей, в основном, создание шума — стрельба из ружей, громкие крики, стук и звон посудой и металлическими предметами. Например, в Шумадии (Сербия) при З. солнца или месяца говорят, что нужно разогнать крылатых драконов — **хал**, для чего стреляют из ружей в направлении светила, звонят в колокола, коло-

кольчики для скота, стучат кастрюлями и т.п.

По украинским народно-православным представлениям, Бог допускает З. для покаяния и исправления людей, давая им возможность почувствовать тяжесть («тьму») их грехов. Представляя солнце в образе мужчины, а луну — женщины, жители Подольской губ. считали, что светила закрывают свои лица руками, чтобы не видеть людских грехов.

З. луны и солнца — это знамение конца света, предвестник войны, эпидемии, болезней, мора, голода, неурожая, пожара, наводнения, гибели державы или царства и других крупных потрясений. Нередко эти природные явления привязываются к конкретным историческим событиям. Так, у южных славян З. солнца считалось предвестием поражения сербов и болгар от турок, гибели христианства, в то время как З. месяца сулило гибель туркам. В «Слове о полку Игореве» З. солнца оказывается в ряду символических знамений несчастного конца похода.

Во время З. крестьяне Владимирской губ. для того чтобы избежать беды, надевали чистое белье, зажигали пасхальные свечи и окуривали себя ладаном. На Витебщине полагали, что если солнечное З. застанет человека или животное в открытом поле, то мало кто из них проживет больше года. По верованиям западных славян и словенцев, З. вредно для здоровья людей и скота, поскольку в это время с неба падает некая пыль, заражающая воздух. При З., как полагают поляки, следует спрятаться под крышу, загнать в помещения скот, закрыть колодцы, чтобы «затмение» на них не попало и не отравило бы все вокруг. Вместе с тем у западных и южных славян существовал обычай специально выставлять во время З. посуду с водой. Это делали с целью защиты от З., например, чтобы «напоить» небесные светила. Чехи при З. освящали в церкви воду и смотрелись в нее. Сербы избегали смотреть в сторону солнца в течение всего времени З., чтобы не ослепнуть, но наливали в миску воду и наблюдали за З. через отражение в воде. Воде, специально налитой для этой процедуры, приписываются магические и целебные свойства. Так, в центральной Сербии на воде, в которой отражается «поедание солнца дьяволами», замешивают булочку и пекут ее на камне над отверстием, куда сажают живую змею. Если после этого змея уползает из села, то считается, что «болезнь ушла из села», в противном случае следует откусить от булочки, чтобы болезнь не пришла в дом.

Лит.: *Плотникова А.А.* Затмение // Живая старина. 1997. № 1. С. 6–7.

А.А. Плотникова

ЗА́УМЬ — разновидность ритуальной речи, бессмысленный набор непонятных, искаженных слов, обычно ритмически организованных и зарифмованных. З. часто имитирует иноязычную речь. З. используется в сакральных и магических ситуациях: для общения с потусторонним миром, для передачи речи нечистой силы, как способ обозначения сакральных понятий, а также для коммуникации с животными, маленькими детьми, иностранцами, т.е. с «не-людьми» или «не вполне людьми».

В заговорах и апокрифических молитвах З. используется как способ замещения «опасных» имен, а также наиболее эффективного воздействия на демонов, как, например, в русском любовном заклинании XVIII в.: «Пошли ко мне на помощь рабу своему часть бесов и дьяволов: Зеследер, Пореастон, Коржан, Ардун, Купалолака...»

З. характеризует в быличках и поверьях язык нечистой силы и наряду с хромотой, кривизной, слепотой и др. физическими недостатками свидетельствует об ущербности, неполноценности демонов, их неспособности говорить на нормальном человеческом языке. По лужицким поверьям, **карлики** одно слово выговаривают с начала, а другое — с конца, перемежают речь немецкими фразами, некоторые человеческие слова заменяют своими; русские считают, что леший способен только повторять за людьми концы произнесенных ими слов. Фрагменты З. часто обрамляют или начинают речь демонов, которая в своей

основной части соответствует нормам языка: русский домовой начинает свою речь словами «хынь, хынь».

Известны письменные формы З., некоторые из которых ведут свое начало от каббалистических заклинаний и применяются в качестве амулетов от лихорадки, бешенства и др. Написанные на бумаге заговоры носят на теле, прикладывают к больному месту, съедают, сжигают и пр. Наиболее известны среди них «Сатор»-формула, или «печать царя Соломона», и «Абракадабра». Канонический вид «Сатор-формулы» представляет собой магический квадрат — акростих-палиндром, состоящий из слов: «Сатор Арепо Тенет Опера Ротас» [Сеятель Арепо содержит колеса со старанием], все строчки которой читаются как по вертикали, так и по горизонтали. Формула «Абракадабра» основана на идее уменьшения и имеет вид усеченной колонки, в конце которой от всего слова остается только одна буква. Письменные заумные формулы подобного типа часто исполнены в виде геометрических фигур — креста, ромба, треугольника, пентаграммы, слова в них соединены крестиками.

Элементы З. используются в загадках для шифровки загадываемого объекта, встречаются в детских считалках чаще всего как искажение слов чужого языка (например, рус. считалка «эне бене рекс...» является искажением немецких слов); в различных тайных языках — воровском, профессиональном арго, в языке нищих, в школьных языках для сокрытия смысла речи от посторонних.

З. обычно оформляется как повторение групп звуков, часто содержащих фиксированные сочетания согласных или гласных звуков, которые проходят через весь текст, иногда значительно варьируясь. Ср. в русском заговоре от лихорадки: «Пикус, пакус, алипакус» или в болгарском заговоре от укуса змеи: «Сарандара, сарандара, марандара, марандара...»

З. часто основана на сознательном или невольном искажении иноязычных текстов или подражании им, как, например, в украинском заговоре от лихорадки, который считается написанным по-гречески: «Эты отезамата + Отакорин фито + Отанти м отероно +». Произнесение или написание отдельных слов или текстов задом наперед чаще всего употребляется в заговорных формулах. Таким же способом — от конца к началу могут произноситься и христианские молитвы, чаще всего «Отче наш».

Культовая З. используется как сакральная речь в религиозной практике различных сект: хлыстов, бегунов, пятидесятников, штундистов и др.

Лит.: *Сперанский М.М.* Тайнопись в югославских и русских памятниках письма. Л., 1929.

Е.Е. Левкиевская

ЗА́ЯЦ — животное, наделяемое в народных представлениях мужской эротической символикой и демоническими свойствами.

Любовно-брачная мужская символика З. проявляется в свадебном обряде и песнях. На свадьбе белорусы изображают скачущего З., а украинцы танцуют танец «заєць» со стеблями соломы в зубах наподобие заячьих усов. Как к З. обращаются к жениху в русских свадебных величаниях. В русских хороводах З. — жених, выбирающий себе невесту. Мотив женитьбы З. на кунице или сове встречается в белорусских и украинских шуточных песнях и сказках; образ З. фигурирует в белорусских и польских песнях с любовно-брачной тематикой.

Эротическая и фаллическая символика З. представлена в сербских анекдотах. В русском песенном фольклоре встречается мотив совокупления З. с девушкой. У восточных славян известны сказки о З., обесчестившем лису или волчицу. Ср. также загадку о снеге на озимом хлебе: «Заюшка беленький! Полежи на мне; хоть тебе трудно, да мне хорошо». На Украине к молодым после брачной ночи приходят с чучелом З. и «доят» его, как корову, что сопровождается эротическими шутками. Символику коитуса передают фольклорные мотивы заламывания зайцем капусты (у восточных славян), заячьего укуса и охоты на З. (у поляков), шуточное мо-

равское выражение «выгонять зайцев из норы» и др.

З. олицетворяет плодоносящее начало: детям говорят, что их приносят З. (у украинцев, кашубов), кровь З. используют от бесплодия, а жиром З. роженице смазывают женские органы при трудных родах (у сербов), пометом З. кормят кур, чтобы они лучше неслись (у белорусов, болгар). В белорусской сказке пан, чтобы обсеменить поле, покупает у мужика «севчика», которым оказывается З. В Белоруссии и Македонии сон о пойманном З. предвещает беременность и рождение сына.

Заяц. Миниатюра из лицевого списка «Слова о рассечении человеческого естества» (XVIII в.). Ин-т русской литературы (Санкт-Петербург), кол. И.Н. Заволоко, № 257, л. 28

Связь образа З. с фаллической символикой подтверждают полесские обрядовые пожелания жениху и невесте: «Дарую зайца, штоб ў мароз стаяли яйца» и т.п. Фаллическая символика З. представлена в сюжете о заячьем пастухе, в украинском названии песта для выжимания постного масла «заяць», в русской поговорке «Хуёвина на заячьем меху» и т.д. У южных славян та же символика реализуется в способе лечения сифилиса заячьим пометом (в Боснии и Герцеговине).

З. связан с нечистой силой. По русским поверьям, леший может нагнать или угнать З., проиграть их в карты соседнему лешему. Восточнославянский запрет упоминать З. на воде во время рыбного промысла объясняется тем, что З. находится в подчинении лешего и неподвластен водяному. Украинцы считают, что З. создан чертом и служит ему. В болгарской сказке дьявол скачет верхом на З. Черт принимает образ З.: перебегает дорогу, заманивает в чащу (в быличках восточных славян), преследует охотника, предлагает поцеловать себя в зад, его не берут пули (у западных славян) и т.д. У сербов для оберега от З.-оборотня охотник должен иметь черную собаку без единого светлого пятна. С заячьим хвостом поляки представляют себе черта, русские — ведьму. На Украине и в Белоруссии верят, что в облике З. появляются ведьмы и колдуны. В З. обращается домовой (у белорусов) и дух, приносящий хозяину деньги (у хорватов). Встреча с З. повсюду считается несчастливой приметой.

Связь с огнем обусловлена прыткостью З. (ср. в загадке: «Он и бегат, как огонь»). Словами «заенька», «зай», «зайко» русские называют огонь в разговоре с детьми. Появление З. возле жилья является предвестием пожара.

Некоторые признаки З. используются в народной метеорологии. Признаки «белый» и «пушистый» актуализируются в рус. «зайцы» — хлопья снега, изморозь, иней в избе; «заяц» — клуб белого пара, выходящего зимой из теплого помещения. Рус. «заинька», «зайка», «зайчик», «зайцы» обозначает белую пену на гребне волн. У южных славян сходные названия обозначают волны, поднимаемые ветром.

З. упоминается в связи с луной в восточнославянских детских игровых пес-

нях, закличках и считалках. Обычно эти образы соотносятся друг с другом метафорически: «Заяц-мисяць, де ты був? / — В лиси» (у украинцев); «Заяц-месяц / Сорвал травку, / Положил под лавку» (у русских) и т.п. Связь образов З. и месяца подтверждается и некоторыми южнославянскими параллелями. Общей для З. и месяца (особенно молодого) является их мужская и брачно-эротическая символика. Ср. пример сочетания обоих символов на полесском свадебном каравае: верх его украшен фигурками З., месяца и шишек из теста.

По распространенному поверью, З. спит с открытыми глазами. Выражения «спать, как заяц», «заячий сон» у всех славян используются для обозначения чуткого сна. Поэтому беременной нельзя есть и видеть З., чтобы будущий ребенок не спал с открытыми глазами. З. может вызывать как сон, так и бессонницу. Кожу З. сербы используют против сонливости, украинцы при бессоннице избегают есть зайчатину и вообще не упоминают З., чтобы не потерять сон и чтобы не нападала сонливость. С влиянием З. на сон связан и образ З. в колыбельных песнях.

Лит.: *Сумцов Н.Ф.* Заяц в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 10. № 3. С. 69–84; *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 177–199.

А.В. Гура

ЗВЁЗДЫ — небесные тела, соотносимые с судьбами людей и оказывающие влияние на земные события. К З. причисляются также кометы (рус. *хвостатая звезда*, серб. *репата звезда*, укр. диал. *зирка с метлою*, *мітла*) и метеориты. Особое значение в народной астрономии имеют созвездия (Млечный Путь, Плеяды, Орион и др.) и отдельные крупные З. — Полярная звезда, Венера, представляемая как «утренняя» (болг. *Зорник*, серб. *Даница*) и «вечерняя» (болг., серб. *Вечерница*) З. в соответствии с временем появления на небе, и др.

В космологических представлениях З. уподобляются «гвоздям» на плоскости или куполе неба (ср. рус. загадку о небе и звездах: «Сито, вито, гвоздями убито»); они вращаются вокруг одного основного «гвоздя», «столба», «оси», «пупка» мира — Полярной звезды (рус. *стожар*, *кол*). По сербским и македонским верованиям, З. прикреплены к небу и имеют «ножки», на которых держатся. З. представляются как «глаза» Бога, ангелов или как отверстия, «окна» на небе. Яркость З. уподобляет их драгоценным камням, бисеру, серебру, золоту, зажженным свечам.

З. персонифицируются так же, как месяц и солнце: о З. говорят, что они «рождаются», «спят», «ходят», «убегают», «купаются», «играют», «говорят» и т.д. В славянском фольклоре З. выступают как «дети» (реже «сестры») Солнца и Месяца. Встречаются и следы культа З.; так, в одном из рус. заговоров находим: «...встахомъ заутра и помолихсе Господу Богу и дьнницѣ»; до сих пор считается, что исполнится желание, высказанное во время падения звезды с неба.

По о.-слав. представлениям, З. неразрывно связаны с судьбой человека. Звезд на небе столько, сколько людей на Земле; с рождением человека «зажигается» звезда (или Бог, ангелы зажигают «свечку»); она растет вместе с человеком, а затем падает на землю или гаснет, как свеча, когда он умирает. Если звезда человека «сильная», то он справляется со своими бедами, если «слабая», то и он слаб. Болгары о счастливых и несчастных (или больных) людях говорят: «Такая у него звезда» (ср. укр. *така моя планида*, рус. *под счастливой звездой родился* и др.).

Падение звезды у южных славян часто указывает на побег человека из плена, из тюрьмы, поэтому при виде падающей звезды нельзя удивляться (Черногория), следует молчать, чтобы ее хозяина не поймали (Македония, Сербия), или сказать: «За колючки, за куст, прячься!»

У всех славян падение звезды означает смерть его земного двойника. У южных славян считается, что звезда падает на могилу умершего (болг. Родопы); при виде падающей звезды говорят, что «кому-то идет свеча на могилу» (серб.

Косово). Сильный звездопад считают знаком гибели целого государства. Болгары рассказывают, что перед сербско-болгарской войной 1885 г. целые потоки З. устремлялись на землю. Запреты считать З., показывать на них пальцем известны всем славянам и связаны с поверьем, что, считая З. или показывая на них, человек может натолкнуться на свою собственную звезду: она упадет, погаснет, а человек умрет. Считается, что ведьма или чернокнижник могут найти чью-нибудь звезду, похитить ее или сбросить на землю, чтобы погубить человека.

В З. превращаются души умерших, нередко — самоубийц или некрещеных детей. Македонцы Гевгелии полагают, что З. — души умерших, появляющиеся тогда, когда засыпают живые. На Волыни считается, что самоубийцы, висельники, утопленники, а также разбойники после смерти превращаются в звезды и обрекаются на «вечное скитание». В виде З. могут являться демонологические персонажи. Чаще всего представления о демонах связываются с падающими З., метеоритами, кометами.

В предсказаниях особый смысл обычно приписывается падающим З. и кометам, которые считаются знаками различных несчастий: смерти людей, войн, голода, эпидемий и т.д. В гаданиях по З. определяли судьбу человека, наведенную на него порчу, благоприятное время для полевых работ и др.

Магическое влияние на находящиеся на земле предметы оказывало сияние З., по поверьям, особенно распространенным в Болгарии и Македонии: под звездным небом оставляли на ночь приготовленное для посева зерно, одежду (в том числе одежду больного), лекарственные травы, предметы для гадания. Считалось, что после этого ведьмы не смогут отобрать у хозяев урожай, одежда будет недоступна для порчи, травы приобретут особую силу и т.д.

В загадках З. уподобляются рассыпавшимся по всему миру мелким предметам (например: «Рассыпался горох / На 12 (на 70) дорог; / Никому не собрать: / Ни попам, / ни дьякам, / ни серебреникам»). По приметам, под Рождество и Новый год большое число З. на небе предвещало богатый урожай зерна, гороха, картофеля, овощей, фруктов, ягод, грибов, а также и яйценоскость кур, дойность коров, приплод скота, хорошее роение пчел.

А.А. Плотникова

ЗВЕРОБО́Й — растение, используемое в магии и лечебной практике как апотропей и отгонное средство.

Темно-оранжевый цвет сока лепестков послужил основой таких названий З., как «заячья кровь», «христова (божья) кровь» и т.п. Согласно легенде, рядом с крестом распятого Христа вырос желтый цветок З., который получил свою целебную силу от крови Христа. Ряд южнославянских названий указывает на связь З. с Богородицей, например, в сказке из юго-восточной Сербии появление пятен на листьях З. объясняется тем, что Богородица месила хлеб, вымыла руки, и от капелек, которые упали на листья, образовались пятна (ср. южнославянское название З. «богородицына трава»). По боснийским поверьям, ржаво-красные пятна на листьях — это кровь, оставленная Богородицей во время месячных. Для избавления от бесплодия надо носить при себе освященный З. (Босния и Герцеговина) или пить отвар З. натощак. В чешской легенде (Ходско) название З. *прострженелец*, т.е. простреливающий, объясняется тем, что этот цветок благословил Господь и наделил его силой поражать злых духов.

В средневековой Польше зверобой называли «fuga daemonum» и считали растением чернокнижников. Ему приписывалась способность отгонять грозу, охранять от чар и дьявольского искушения, отгонять и усмирять демонов (украинцы, зап. славяне). Как оберег его клали на порог дома, втыкали в щели дома и хлева. По поверьям, З. надежно защищает скот от ведьмы, поэтому в Юрьев день при первом весеннем выгоне скот окуривали сухим З. (украинцы, словаки); хранили З. в коровнике, на скотном дворе, добавляли в корм скоту для усиления его плодовитости.

У западных славян охраной роженицы и младенца от **богинок** служил З.,

освященный в день Успения Богородицы и заткнутый за двери и окна дома, в замочную скважину, положенный в колыбель, в пеленки новорожденного, в постель матери. Для облегчения родов освященный З. клали роженице под подушку. Верили, что богинка, мамуна не сможет украсть ребенка, если женщина после родов носит З. за пазухой. Болгары умываются отваром З., чтобы избавиться от злых духов: от чумы, **караконджула**, таласъма, **вампира**.

З. собирают накануне Ивана Купалы или в полдень Иванова дня и считают чудодейственным, отсюда его наименования типа бел., з.-рус. *святоянское зелье,* полес. *сьвинтиян*, укр. *іваново зілє, іванок крещатий*, *іванів цвіт,* бел. *свентоян, святоянник* и т.п.

З. использовали в гаданиях. В Хорватии девушки бросали венки З. на крышу дома: если венок задерживался там, то гадающая может не ждать сватов в этом году; скатившийся венок или перелетевший через конек сулил ей замужество. Использовали З. в любовной магии (ср. словац. название «любовник», укр. «любый»), чехи и болгары считали его приворотным зельем; украинцы восточной Словакии называли его *перелесник,* он помогал от безответной любви.

В народной медицине особую силу имеет З., собранный в Иванов день и освященный в день Успения Богородицы. Полагают, что З. помогает от болезней, причиненных злыми духами, ведьмой. Лекарством от девяноста девяти (ста) недугов называют его в Карпатах, от семидесяти «ліх» (украинцы), от девяти болезней (македонцы), «на всего человека» (поляки Силезии). В Болгарии почитается как одно из универсальных лекарственных растений; больным неизвестной болезнью советовали ивановскую ночь провести на поляне, где много цветущего З. При разных недугах сербы советовали носить З. за пазухой или за поясом; белорусы от бессонницы клали под подушку.

В.В. Усачева

ЗДУХА́Ч — по сербским и черногорским поверьям, человек или животное с демоническими свойствами, обладающие способностью бороться с непогодой, защищать свои угодья от нападения других атмосферных демонов. Во время сна душа З.-человека или З.-животного покидает тело и, отправляясь на борьбу с демоническими противниками, ведет за собой ветры и гонит градоносные тучи. Группа З. — защитники края, селения или даже одной семьи.

По внешним признакам З. — обыкновенный человек (мужчина, девушка, новорожденный), который при приближении непогоды впадает в сон, а его душа борется с бурей, принимая облик ветра, орла, мухи. Проснувшись обессиленным и уставшим, он обнаруживает на себе раны, полученные во время битвы. О внезапно умершем человеке говорят, что он был З. От простых людей З. отличаются необыкновенной силой (ср. серб. поговорку: «Силен, как здухач»), способностью спать глубоким, беспробудным сном; они часто бывают сонливы, задумчивы, чудаковаты; могут становиться невидимыми для обычных людей. У них «легкая рука», что приносит процветание дому и селу. Считается, что З. обладают способностью к прорицанию. Некоторые реальные исторические лица с героической судьбой представлялись простому народу здухачами.

В роли З. нередко выступают животные: пастушеская собака, кошка, курица, конь, овца, баран, козел, вол, которые издают звуки во время сна или ведут себя неспокойно при приближении непогоды.

З. относятся к «добрым», «справедливым», «честным» духам и причисляются к святым и ангелам, с которыми они «часто встречаются». Но если З. отдает себя в распоряжение дьяволу, то после смерти он может превратиться в **вампира**.

Летая в воздухе, З. бьются друг с другом в одиночку или целым войском. Во время их битвы слышится сильный свист ветра, ломаются деревья, а самые сильные столкновения проявляются в резких порывах ветра, вихрях и разрушительных ураганах. Оружием З. служат кизиловые прутья, веточки, соломинки, щепки, перышки, скорлупки, сосновые

шишки, копны сена, обгоревшие с обеих сторон лучины и поленья, вырванные с корнем деревья, метлы с гумна, веретена, домашняя утварь.

Изредка встречаются поверья о З. как об исключительно вредоносном персонаже.

А.А. Плотникова

ЗЕЛЁНЫЕ СВЯ́ТКИ — см. **Троица**.

ЗЕМЛЕДЕ́ЛИЕ, основное традиционное занятие славян (наряду со **скотоводством**). Славянская этнонимия свидетельствует о значении З., в частности, характера почв для формирования этнокультурных зон: ср. малопольский и среднеднепровский этноним *поляне* — жители поля, пашни, рус. *лях* — поляк, житель ляды, нови, поросшего молодым лесом и кустарником поля. В «Повести временных лет» (начало XII в.) поляне противопоставлены как «смысленые мужи» *древлянам* (*деревлянам*) и др. племенам, живущим в лесах «звериньским образом», и т.п.

Для славян характерно представление о высоком статусе земледельческого труда в сравнении с военными и даже магическими функциями — см. **пахарь**. Ср. также восходящие к библейским апокрифам легенды о первенстве земледельческого труда: Бог посылает изгнанным из рая Адаму и Еве, плачущим в лесу, ангела с «жменей жита» и заступом, чтобы Адам вскопал участок земли и засеял его хлебом; Ева получает жменю конопляного семени — на платье; Адам отправляет Каина сеять жито, Ева предлагает родить дочь, чтобы сеять коноплю (рождается Авель — укр.; характерен рус. обычай сеять лен обнаженными, чтобы вызвать сострадание земли). По др. украинской легенде, ячмень и горох выросли из слез Адама, когда тот после изгнания из рая обрабатывал землю.

Календарная обрядность славян в целом подчинена аграрным циклам с характерным отношением к матери-сырой земле (ср. **Земля**) как к живому существу, которая вынашивает плод — беременна до **Благовещения** (весеннего равноденствия): ее нельзя обрабатывать до этого времени и т.п.; др. рубеж — **Воздвижение** (осеннее равноденствие) — начало или окончание сева озимых и т.п. Соответственно аграрные обряды, связанные с пахотой, севом и т.п., наделялись эротической (брачной) символикой. Аграрная символика характерна также для новогоднего святочного (ритуальный сев на Новый год у восточных и южных славян) и летнего купальского циклов, равно как для сезонов пахоты, сева и жатвы (при этом обрядовые символы вроде жатвенного венка и последнего или первого снопа хранились до нового сева или урожая; см. также **Жатва**).

Аграрные ритуалы, сами объекты и продукты З. наделялись универсальной продуцирующей и охранительной силой: ср. ритуальную пахоту и обряды **опахивания** — защиты от болезней скота, роль зерна, **хлеба**, гречихи, проса, ржи, винограда, **деревьев** и их плодов, огородных культур и др. в календарных и семейных обрядах, локусов — поля, гумна, **мельницы**, овина и др. Соответствующей символикой наделялись орудия З.: **борона**, грабли, жернов, лопата хлебная, плуг, соха и др., а также **дежа** и т.п., тягловые животные — **вол**, **конь**. О мифологизации и драматизации земледельческих работ см. в ст. **«Житие» растений и предметов**.

Лит.: *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963; Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 119–122, 151–153, 245–251, 262–263.

В.Я. Петрухин

ЗЕМЛЕТРЯСЕ́НИЕ — природное явление, трактуемое как Божья кара за людские грехи. Поверья, относящиеся к З., известны в основном южным славянам; менее распространены они на славянском востоке и западе (в силу редкости самого феномена З.).

Происхождение З. связывается с представлениями о выходящих из Земли газах, парах, ветрах и ядовитых водах; особенно часто — с поверьями о Земле как плоском круге, покоящемся на животных (рыбах), на воде, на столбе, на частях тела святого: считается, что в

случае их сотрясения, содрогания, перемещения возникает З. Всем славянам известны поверья о том, что З. происходит, если рыба переворачивается на другой бок («встрепенется») или выпускает из зубов свой хвост; две рыбы начинают двигаться, например, задевают и бьют Землю хвостами. В стихе о Голубиной книге З. объясняется движениями мифической рыбы-кита.

У южных славян часто встречаются характерные для всего азиатского мира сюжеты о З., связанные с движением вола (буйвола, быка), который держит землю. З. происходит от того, что вол перемещает Землю с одного рога на другой, вздрагивает, ревет, поводит одним ухом; на его шкуре шевелится лишь один волосок; вол или корова наклоняются вниз, чешутся; бык, буйвол или олень встряхивают головой или рогами, когда им на ухо садится муха, и т.д. Нередко представления о быке и рыбе в основании **Земли** совмещаются: в Боснии верят, что З. вызывает шевелящий ухом вол, который стоит на рыбе и держит Землю. По болгарским поверьям, З. происходит и от того, что начинают шевелиться черепаха, медведь, петух, на голове которых находится Земля. Кроме того, на самом юге славянских областей причиной З. считается купающийся в озере змей (Македония), змей-дракон *кулшедра* (южное Косово).

У южных славян З. объясняется также сотрясением или повреждением дерева, на ветках которого размещается Земля, или столба, на котором она держится. Так, в Гевгелии (Македония) полагают, что земля «трясется», если буйвол трется о столб, который держится на черепахе. Аналогичные поверья связаны с представлениями о **мировом дереве** и апокрифическими сказаниями о начале и конце света. В восточной Сербии рассказывают, что вся земля располагается на ветвях огромного боярышника, к которому привязан большой черный пес. Этот пес постоянно грызет боярышник, и, когда остается совсем немного, он начинает рваться изо всех сил, чтобы его сломать. От этого Земля трясется, но не разрушается, поскольку сто́ит стволу треснуть, как св. Петр крестит дерево жезлом и боярышник снова делается целым. Наиболее известны сказания и поверья о привязанном к столбу (оси, палке) дьяволе: З. происходит, когда дьявол грызет столб или сотрясает его, чтобы вырваться.

Тем, что З. — это кара Божья за людские грехи, объясняются и реальные последствия от З. (например, превращенная в мечеть церковь св. Софии в Софии была почти разрушена землетрясением). Считается, что Бог, рассердившись на людей, с гневом смотрит на Землю, поэтому она дрожит и сотрясается. З., как и другие стихийные явления и небесные знаки (**затмение**, появление кометы), предвещает различные бедствия: войну, болезни, засуху и проч.

Во избежание З. у южных славян соблюдаются некоторые запреты. Так, по представлениям болгар, нельзя бить по квашне при замешивании хлеба, т.к. буйволу, который держит землю, может показаться, что его бьют по рогам, и он начнет покачивать ими.

Чтобы предотвратить З., предпринимались охранительные действия: жители Болгарии при первых признаках З. вставали и выпрямлялись, заставляя и домашних животных стоять прямо; стреляли в воздух и призывали на помощь души умерших, ставили топор острием вверх и т.д.

Во время З. совершаются некоторые магические действия. Черногорцы считают, что человек, обратившийся во время З. к Богу, получит от него все, что пожелает. Сербы верят, что можно распознать вора, если при начале З. взять горстку земли из-под правой ноги, добавить слюны, сделать из нее в ладони «булочку» и носить ее зашитой в поясе.

А.А. Плотникова

ЗЕМЛЯ́ — одна из основных (наряду с водой, огнем, воздухом) стихий мироздания; центральная часть трехчастной вселенной (небо — земля — преисподняя), населенная людьми и животными; символ женского плодоносящего начала и материнства.

В космогонических мифах земная твердь возникла как результат первого

акта творения мира: из добытой со дна моря горстки З. Бог создал сначала малый клочок суши, а затем (при содействии своего антагониста) раздвинул ее, сотворив земной простор. Согласно популярным славянским поверьям, З. — это плоская твердь, окруженная водой и накрытая сверху небесным куполом. Представления о зооморфных существах (гигантской рыбине или нескольких мифических рыбах, змее, черепахе и т.п.), удерживающих на себе З., характерны для мифологии восточных и особенно южных славян; реже встречаются в западнославянских верованиях. В болгарских и сербских космогонических поверьях землю удерживают на своих рогах бык или буйвол; она покоится на теле змеи, лежащей на спине вола, который в свою очередь стоит на гигантской рыбе, и вся эта пирамида держится на огромной черепахе. Более редкими являются мотивы, согласно которым З. располагается на ветвях деревьев или на столбе (см. **Землетрясение**).

Признаки персонификации З. могут быть отмечены в таких народных верованиях, согласно которым она ведет себя как живое существо: спит, болеет, беременеет, родит, стонет, плачет, гневается на людей за их грехи. Универсальная для всех славянских традиций женская символика З. раскрывается через метафору материнства и плодовитости (способности приносить урожай). Белорусы считали, что принимая в себя семена, З. «беременеет» и дает новый урожай, что она всеобщая Мать и кормилица: живых питает, а мертвых к себе принимает. Известное в русских фольклорных текстах и фразеологии выражение *Мать-сыра земля* обозначает оплодотворенную небесной влагой плодородную З. Соответственно, пересохшая и бесплодная З. предстает в духовных стихах в образе «вдовы». Архаические представления о небе и З. как супружеской паре сохранились в таких заклинательных формулах, как: «Ты Небо — отец, ты Земля — мать!» или в загадках о земле и небе типа: «Мать — низко, отец — высоко» (пол.). По болгарским верованиям, от брака неба и З. родился месяц. Мотив материнства в поверьях о З. имеет отношение не только к космическому образу универсального плодоносящего начала, но и к реальной матери конкретного человека. Это проявляется в запретах бить З., мотивированных опасением оскорбить свою умершую мать. Почитание З. как «матери» способствовало сближению этого круга представлений с образом **Богородицы** (у сербов З. называлась «Земля-Богоматерь»). Считалось, что матерная брань оскорбляет всех трех «матерей» человека: его родную мать, сырую З. и Богородицу.

В славянских верованиях З. наделяется признаками святости и ритуальной чистоты; в молитвах и заговорах к ней обращались с теми же просьбами, что и к божественным силам: «Помилуй, спаси и сохрани, святая земля и Божая мати!» (полес.). О грешном человеке говорили, что он недостоин того, чтобы «земля святая его на себе носила». По широко известным представлениям, З. не принимает в себя тела «нечистых» покойников; погребение их в З. нарушает погодное равновесие и общий миропорядок; тела таких мертвецов остаются в З. нетленными или З. сама «выбрасывает» их на поверхность.

Как высший нравственный авторитет и символ праведности З. часто использовалась в народных правовых обычаях, присягах и клятвах. Польская поговорка гласит: «Правда из земли вырастает». У русских при межевых спорах люди, доказывающие свою правоту, клали себе на голову ком З. или кусок дерна; случаи клятвы с З. на голове упоминаются в слав. исторических свидетельствах XI в. В Череповецком уезде при земельных конфликтах крестьяне, произнося клятву, брали щепотку З. в рот или клали ее на голову, на спину, за пазуху; оспаривая свое право на покос, люди клали вырезанный из З. дерн себе на голову и говорили, что если они свидетельствуют ложно, то пусть «сама Мать-сыра земля прикроет их навеки» (рус. рязан.). Аналогичные обычаи известны также у сербов, болгар и македонцев: каждого, кто прилюдно давал свидетельские показания в спорных делах, болгары вынуждали держать в руках З. как доказательство правдивости сказанного.

Обычай исповедоваться земле отмечался у новгородских еретиков-стригольников, что фиксировалось в источниках XIV в., и сохранялся у старообрядцев вплоть до XIX в. В сербской традиции односельчане вынуждали женщину, уличенную в занятиях колдовством, покаяться в грехах земле. Большую популярность имел у славян обычай целовать З. в разных ритуальных ситуациях: например, при первой вспашке З. или при первом севе; в обычаях примирения или испрашивания прощения; при произнесении клятвы, присяги или молитвы. В Орловской губ. при первом громе бабы крестились и целовали З. В конце жатвы принято было благодарить З. за урожай и целовать ее: ср. болгарскую поговорку: «Целуешь горсть земли — значит, целуешь хлеб».

Представления о З. как месте обитания человека тесно связаны с понятием своего рода и Родины. Переселенцы перед отъездом в чужую землю брали с собой горсть родной З., чтобы прижиться на новом месте; так же поступали паломники и богомольцы, надолго покидавшие родные края, чтобы в случае смерти насыпать в глаза умершему или на его могилу «родной землицы». Святость родной З. определялась тем, что она «своя» и тем, что в ней похоронены родовые предки, родители. «Родительская» З., взятая со своего двора или с могил родственников, считалась священной и способной защитить от бед. Соответственно, в заговорах все болезни, зло и несчастья отсылались «в чужую землю» (т.е. в «пустую», «далекую», «черную», «девятую», «немецкую» землю).

Мотивы святости З. сосуществуют в народной культуре с представлениями о том, что если небо принадлежит сфере божественного, то З. — сфере дьявола (см. **Бог**).

С землей как границей между человеческим и хтоническим мирами связана народная фразеология, обозначающая приближение смерти: «он уже землей пахнет» — говорили о безнадежно больном, или «земляное дитя» — о ребенке, который долго не проживет (в.-слав.). Болгары тоже говорили о смертельно больном, что он «пахнет землей». В польских снотолкованиях вспаханная пашня или засохшая, потрескавшаяся З. были предвестием смерти.

Лит.: *Толстой Н.И.* Покаяние земле // Русская речь. 1988. № 5. С. 132–139; *Соболев А. Н.* Обряд прощания с землей перед исповедью, заговоры и духовные стихи. Владимир, 1914; *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1. С. 114–150; *Булашев Г.О.* Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях. Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. Киев, 1909. С. 329–337.

Л.Н. Виноградова

ЗЕ́РКАЛО — в народных представлениях символ «удвоения» действительности, граница между земным и потусторонним мирами. Наделяется сверхъестественной силой, способностью воссоздавать не только видимый мир, но и невидимый и даже потусторонний. В некоторых регионах Болгарии верили, что к небу прикреплено огромное З., отражающее все сущее на земле, а в районе Видина луну называют Божьим зеркалом. По словенским поверьям, утром на Юрьев день с солнца спадает чудесное З., в которое можно увидеть все, что делается на свете.

Как и другие **границы** (межа, окно, порог, печная труба, водная поверхность и т.п.), З. считается опасным и требует осторожного обращения. Для русских раскольников З. — это вещь запретная, созданная дьяволом. Повсеместно считается, что разбитое З. сулит несчастье, т.к. означает нарушение границы; повсюду известен запрет смотреться в З. ночью, а также во время грозы. Строго соблюдается обычай завешивать З. или поворачивать его к стене, когда в доме находится покойник. Если этого не сделать, покойник станет вампиром, т.е. будет вторгаться с «того света» в мир живых. Тем же страхом перед открытой границей в потусторонний мир объясняется требование закрывать глаза покойнику.

Во время родов, как и в случае смерти, в доме завешивают З. и следят, чтобы роженица не могла увидеть себя в З.

Запрещается также смотреться в З. женщине во время месячных, беременности и в послеродовой период, когда она считается «нечистой» и перед ней, по народной фразеологии, «открыта могила». З. представляет опасность и для новорожденного ребенка, отсюда запрет подносить к З. ребенка в возрасте до одного года, иначе ребенок не будет говорить (или долго не будет говорить, будет заикаться); испугается своего отражения, не будет спать; не будет расти; зубы у него будут болеть (или трудно резаться); он увидит «свою старость», будет выглядеть старым и др. Большинство мотивировок связано с представлением о потустороннем мире как о царстве молчания, неподвижности (невозможности роста), перевернутости (ребенку нельзя показывать З., иначе жизнь его «отразится, перевернется»). Опасность состоит не только в соприкосновении через З. с «тем светом», но и в последствиях самого удвоения (посредством отражения в З.), грозящего «двоедушием» (см. **Двоедушник**), т.е. раздвоением между миром людей и миром нечистой силы, превращением в колдуна, ведьму, вампира.

Однако тот же эффект удвоения может оцениваться положительно и сознательно использоваться для защиты от нечистой силы. На этом основано применение З. как оберега: если нечистая сила отразится в зеркале, она утрачивает свои магические способности. В Полесье З. наряду с серпом, **бороной**, мужскими штанами, убитой сорокой, **крапивой**, освященной **вербой** и др. предметами широко используется как оберег хлева для охраны скотины от домовика и ведьм. В качестве оберега З. прикрепляли над дверями дома (поляки), клали в колыбель под голову ребенка (сербы), носили при себе женщины и девушки (сербы). В южнославянском свадебном обряде З. укрепляли на караваях, на головном уборе невесты; будущая свекровь дарила сосватанной девушке З. (сербы). Македонцы в Дебарском Поле, напротив, следили, чтобы в одежде и реквизите на свадьбе не оказалось З., с помощью которого можно было «испортить» молодых так, что у них рождались бы только девочки.

З. использовалось для общения с обитателями загробного мира. Болгары верили, что с помощью З. можно увидеть умерших, когда они пребывают среди живых в период от Пасхи до Вознесения (или Троицы); для этого надо навести З. на воду в **колодце** и позвать их (Пловдивский край). У сербов Заечара З. обязательно присутствовало при исполнении *кола* для мертвых; считалось, что оно «привлекает» покойника на этот танец. Зеркалом украшалось погребальное деревце, могильный крест или флаг, З. ставили на могилу. В других местах в праздники, носящие поминальный характер, наоборот, запрещалось смотреться в З. (русские, поляки).

Общеизвестно и отражено в литературной традиции обрядовое употребление З. при **гаданиях** (главным образом святочных). Гадания с З. совершаются в специальном («нечистом») месте (в бане, на печи и т.п.) и в особое («нечистое») время (вечер, полночь). Гадающие смотрят как бы сквозь З. прямо на «тот свет», чтобы увидеть жениха или знак своей судьбы (смерти). Само это действие сопряжено с большим риском: как только покажется видение, нужно сразу же закрыть З. или перевернуть его, иначе видение «ударит по лицу», «придет да задавит» и т.п. Сходные гадания совершаются с водой в доме, у колодца, над прорубью. Для большего эффекта берутся два З. Иногда З. клали под подушку вместе с другими символическими предметами, чтобы увидеть суженого во сне.

Лит.: *Толстая С.М.* Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 111–129 (там лит.).

С.М. Толстая

ЗЕРНÓ — средоточие вегетативной силы, символ плодородия, возрождения жизни, бессмертия, вечного обновления, здоровья; наделяется продуцирующей и защитной символикой; как и другие мелкие сыпучие предметы имеет значение множественности и **богатства**.

В обрядовых трапезах З. выступает в качестве главного ритуального блюда.

У восточных славян рождественская и новогодняя **кутья** варилась из З. разных злаков с добавлением бобов; у южных славян в день св. Варвары, в день св. Анны или Андреев день готовилось обрядовое кушанье *варица* из З. злаковых, кукурузы и бобовых, чтобы все посеянное принесло богатый урожай. В день Афанасия зимнего (18.I) женщины сообща варили кашу из З., часть ее закапывали в землю для плодородия (Родопы), на Средокрестие (среда четвертой недели Великого поста) пекли печенье *кресты*, кладя в тесто ржаное З., «чтобы хлеб уродился» (русские).

В канун Рождества и Нового года на столе помещали З. всех культур, веря, что это благоприятно повлияет на будущий урожай. Это З. затем скармливали животным, домашней птице, чтобы они были здоровы и плодовиты. В новогоднюю ночь привязывали колос с крупным З. к плодовому дереву для усиления плодоношения (Великопольша). В Сочельник бросали З. пшеницы в потолок, чтобы родился хлеб, чтобы роились пчелы, чтобы рос молодняк и был таким резвым, как летящие З. (Закарпатье, Гуцульщина).

На Рождество и Новый год осыпали З. домашних и дом, колядников, **полазника**, ритуальные предметы (**бадняк**, «подлазничку», сноп). З. охраняло от порчи молодоженов и наделяло их плодородной силой, обеспечивало обильный урожай хлеба в новом хозяйстве, символизировало счастливую жизнь и здоровое потомство. При осыпании молодых зерном присутствующие старались его поймать, а потом сыпали невесте в подол (восточная Моравия). В Чехии и Силезии считали, что у невесты будет столько детей, сколько на нее упадет хлебных З. во время свадебного осыпания. У сербов и хорватов, когда молодая входила в дом мужа, свекровь бросала на нее З. пшеницы и говорила: «Сколько зерен пшеницы, столько тебе, невестка, Бог да пошлет счастливых детей!».

В первую купель ребенка клали З. или кусочек хлеба, вкладывали в ручку новорожденного несколько хлебных З.; в люльку бросали горсть З. В Силезии на крестины младенцу приносили в дар З., чтобы мальчик стал хорошим хозяином и всегда имел хлеб. В родинных обрядах, кроме символики богатства и чадородия, выступает очистительная функция З.: послеродовую грязь смывали водой и зерном, повитуха и роженица поочередно сыпали друг другу на руки З. (украинцы Волыни).

В похоронных обычаях преобладает охранная функция З.: зерном посыпали покойника, порог дома, дорогу до могилы (восточные славяне). После выноса покойника посыпали зерном лавку, на которой стоял гроб. Полагали, что смерть оскверняет З., поэтому, чтобы З. «не пугалось», «чтобы оно не умерло», не утратило способности к плодоношению, при выносе гроба ворошили З. и три раза подбрасывали горсть З. вверх (Закарпатье); кто-нибудь из домочадцев шел в амбар и шевелил З. (Хорватия). Родственница покойного при выносе гроба бросала ему вслед З., чтобы он не лишал хлеба оставшихся в живых (Белоруссия). В поминальные дни рассыпали З. на могилах.

З. приносили в жертву сверхъестественным существам и духам предков, чтобы обеспечить плодородие; З. из первого снопа жертвовали на церковь.

К Рождеству, Пасхе, **«славе»** в Словении и Хорватии, а также в Польше и Словакии существовал обычай проращивать зерно в горшке, что призвано было помочь зерну, посеянному в поле.

З. наделялось функцией защиты людей и скота от нечистой силы, болезней: в дни, когда особенно активизировалась нечистая сила, обсыпали весь двор З., закапывали под порогом дома освященную в Сочельник пшеницу (восточные славяне), разбрасывали З. по углам комнаты (гуцулы). Зерном пшеницы, сбереженным с Сочельника, можно было спастись от ведьмы, положив его под язык (украинцы восточной Словакии).

Зерно в гаданиях символизировало богатство, достаток, скорое замужество. По русскому поверью, «хлебное зерно в сору — замужество».

В народной медицине особой целебной силой наделялось З. первого и последнего ржаного снопа. Ячменным З. прикасались к «ячменю» на глазу, после

чего бросали его в огонь или в колодец. Для избавления от болезни ее «кормили» З. Во время эпидемий обходили село, осыпая его зерном. Зашитое в одежду З. является амулетом и защищает от всякой болезни.

В.В. Усачева

ЗИМА́ — сезон года, когда, по народным представлениям, природа «умирает» или «засыпает», а земля «заболевает», «отдыхает» до наступления весеннего тепла и света (см. **Весна**). В народном календаре началом З. считается рождественский (Филипповский) пост (у католиков — адвент) или отдельные даты ноября и декабря (см. **Андреев день, Варвара, Игнатов день, Кузьма и Демьян**). Кульминацией зимнего цикла праздников являются **святки**, охватывающие период с **Рождества** до **Крещения**. С этим же временем связано представление о середине зимы и повороте природы к весне (ср. рус. *Спиридон* (12/25.XII) *поворот, солнцеворот; Со Спиридона солнце на лето, зима на мороз*). Окончание З. не имеет точной датировки и смыкается с началом весны (см. **Трифона день, Сретение**). Конец З. может отмечаться ритуалами проводов, или изгнания зимы (см. **Масленица**).

Т.А.

ЗЛЫ́ДНИ — у восточных славян персонажи, олицетворяющие несчастливую судьбу, бедность, беду. Их часто представляют себе в виде множества мелких демонов (обычно 12), которые невидимо обитают в доме; они могут оборачиваться маленькими человечками или нищими стариками. Нападая на человека, З. вскакивают ему на плечи и «ездят» на нем, в результате все его хозяйство приходит в упадок, сам он впадает в нищету и болезни.

Белорусская *Злыдня* представляется невидимой женщиной без языка, глаз и ушей, которая прежде была змеей, или худым животным с облезшей шерстью. Украинская *Недоля* может иметь вид нагого человека, дряхлого старика, растрепанной девушки с лицом старухи, старой черной, горбатой женщины в рваном платье, калеки, дохлой собаки, голой кошки, зайца, совы, мыши, птицы с большими крыльями, яйца и др. Недоля входит в дом не спросясь хозяина, садится на печь, грызет сухие корочки и кутается в тряпье, потому что ей всегда холодно. Если у человека несчастливая судьба, т.е. Недоля, ему ни в чем нет удачи, он не вылезает из нищеты, хотя и много работает. У него болеют дети, не плодится и дохнет скот, на его поле всегда бывает плохой урожай.

Избавиться от З. очень трудно, но возможно: их можно переловить и куда-нибудь запереть. В быличках бедняк хитростью заставляет З. залезть в мешок, который он бросает в болото или в яму и заваливает камнем. З. можно связать и оставить на дороге, и тогда они перейдут к тому, кто их освободит.

Сербский аналог несчастливой судьбы — *Несреча* (букв. — «несчастье» и «невстреча») имеет вид седой старухи с мутными глазами. Сербы считают, что изменить свою судьбу невозможно: если человек несчастлив, ему ничем нельзя помочь. В сербской быличке рассказывается, как богач, желая помочь своему бедному соседу, положил для него на мосту кошелек с деньгами, но тот перешел через мост зажмурившись и не заметил денег (ср. **Доля**).

Лит.: *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989. С. 472–516.

Е.Е. Левкиевская

ЗМЕЙ — у южных славян атмосферный демон, борец с алами (см. **Хала**) и другими предводителями градовых туч, защитник посевов от града и непогоды, покровитель сельских угодий; мифологический любовник, от связи которого с женщиной рождаются юнаки и борцы с градовыми тучами. В песнях встречается аналогичный женский персонаж — *змеица, змейкиня* — который вступает в связь с молодыми мужчинами. У восточных и западных славян З. — опасный демон, черт или ходячий **покойник**, любовные отношения с которым губительны для женщины.

З. происходит из животных, изживших естественный для них срок жизни:

из девяти- или сорокалетних змеи, ящерицы, карпа, которых в течение этого срока никто не видел. Он рождается также из яйца, снесенного и высиженного курицей, которое не заметил человек. Согласно македонским верованиям, З. рождается от связи между мифологическими существами, например: между З. и самовилой (см. **Вила**), а также от связи земной женщины со З. или солнцем; в результате половых отношений мужа и жены в ритуально запрещенные периоды времени. Болгары считали, что З. становится ребенок, рожденный после смерти отца.

Беременность женщины, вынашивающей З., протекает ненормально долго: 11, 15, 20 месяцев или три года. Ребенок-З. рождается с крыльями под мышками, от рождения обладает необычайной силой и начинает ходить на второй или третий день. Такого ребенка до 40 дней никому не показывали, чтобы он не умер. Узнав о рождении З., ночью собирались девять или 12 девушек или старух, молча пряли пряжу и за один день шили ему рубашку, чтобы закрыть крылья; после облачения в такую рубашку ребенок-З. получал огромную силу.

В воздухе З. выглядит как большая крылатая змея, падающая звезда, метеор, радуга, огненная птица с хвостом. По болгарским верованиям, З. выше пояса выглядит как красивый юноша, а ниже — как пестрый уж. Его тело покрыто золотистой рыбьей или роговой чешуей. При контактах с человеком, особенно со своей возлюбленной, З. принимает человеческий облик. Приблизившись к дому, в который он летит, З. рассыпается золотыми искрами и превращается в красивого и стройного молодого человека.

З. обитает в горных пещерах, норах и старых дуплистых деревьях, на неприступных горных лугах, в озерах и больших водоемах. З. прилетает к своим жертвам по ночам и остается у них до первых петухов или до сумерек. Активность З. усиливается во время грозы.

Главной функцией З. является его борьба с демонами, насылающими на поля градовые тучи. Побежденный З. падает на землю в виде человека или большой змеи. По болгарским поверьям, нива, на которую упал З., становится необычайно плодородной. Полагают, что у каждого села есть свой З.-защитник. Обладая огненной природой, З. вызывает **засуху** там, где слишком долго находится, поэтому известны ритуальные приемы выпроваживания З. из села во время засухи.

З. является мифологическим любовником, который вступает в сексуальные отношения с земными женщинами, принимая человеческий облик. В Македонии и восточной Сербии такая связь часто воспринималась положительно. По болгарским поверьям, З. имеет доступ к девушкам, если они умываются водой, оставленной открытой во время грозы, если в младенчестве мать клала их на место, на котором режут хлеб, моют посуду, выливают помои, к девушкам, зачатым или родившимся в один день с ним. Женщина или девушка, которую посещает З., сохнет, бледнеет и быстро чахнет. Смерть девушки в результате подобной любви считалась свадьбой со З. Детей, рожденных от З., считали героями, юнаками или людьми, обладающими необыкновенными свойствами: огромной силой, способностью отвращать градовые тучи, убивать демонов. Многие болгарские и сербские исторические лица считались сыновьями З.

У болгар известны жертвоприношения, призванные задобрить З., чтобы он охранял село от непогоды: три обнаженные вдовы молча замешивают тесто и пекут три каравая. На следующее утро после восхода солнца ставят намазанные медом караваи под дерево, которое считается его жилищем, и закалывают там черную курицу.

У восточных и западных славян основной функцией З. являются его сексуальные отношения с женщинами.

В воздухе З. выглядит как светящийся клубок синего цвета, летящее огненное коромысло, огненный веник. На земле он принимает облик покойника-мужа или возлюбленного женщины. По русским поверьям, у З. нет спинного хребта, у него человеческий облик, но несколько голов. Гостинцы, которые он приносит женщине, утром превращают-

ся в лошадиный навоз. З. появляется из облаков и, рассыпавшись искрами над крышей, проникает в дом через печную трубу.

З. мучает свою жертву, сосет у нее из грудей молоко или кровь, а под конец убивает. От связи З. с женщинами рождаются демоны или уроды. Беременность в этом случае протекает ненормально долго — до трех лет и часто кончается ничем: в животе женщины оказывается песок, она рожает головешку и т.п. Если от такой связи рождаются дети, они нежизнеспособны.

По поверьям восточных славян, главной причиной домогательств З. является нарушение запрета плакать, голосить по умершему, тосковать по находящемуся в отлучке мужу. Девушку может погубить без благословения поднятая ею на дороге вещь: бусы, платок, перстень, крест с загнутыми концами, которыми З. заманивает жертву или в которые он сам обращается.

Для изгнания З. на него накидывают крест или недоуздок. Над женщиной, ставшей его жертвой, читают молитвы от блудного беса по требнику Петра Могилы, ее бьют до первой крови. В доме, куда летает З., читают Псалтырь, а окна, двери, печную трубу закрещивают. Власть З. над своей жертвой длится до тех пор, пока женщина не расскажет об этом постороннему человеку.

Для избавления от З. его стараются удивить чем-то необычным (см. **Чудо**).

Лит.: *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 96–98.

Е.Е. Левкиевская

ЗМЕЯ́ — один из ключевых персонажей народной зоологии, воплощающий все характеристики **гадов**. Родственные названия и поверья объединяют З. со **змеем**. Важнейшая характеристика З. — ее хтоническая природа. З. сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала. Ей присущи апотропейные и вредоносные свойства; она ядовита и целебна; нечистая тварь, источник зла и в то же время наделяет человека чудесными способностями и имеет покровительственные функции. Змее соответствует ряд предметных символов. Это длинные, чаще гибкие предметы: нитка, веревка, бусы, волосы, ветка, палка, веретено, пастушья свирель, фаллос.

Мужской образ З. тесно связан с ее фаллической символикой (ср. русскую поговорку о мужчинах: «Галавища в маслище, сапажища в дегтище, а партки набиты змеей»). Женская символика З. отражена в южнославянских поверьях о превращении З. в девушку, в легендах и заклинаниях.

Отождествление З. с дьяволом обусловлено христианским взглядом на З. как воплощение сатаны. По народным легендам, З. попадали с небес при свержении в преисподнюю **нечистой силы**, произошли из крови Каина, из тела дьявола, из чрева убитого дракона, из пепла побежденного змея. За убийство З. прощается несколько грехов.

Хтоническая символика З. (связь с подземным мраком и миром мертвых) отражена в родстве слов «змея» и «земля», в южнославянских заговорах от змеиного укуса: прикладывая землю к месту укуса, произносят: «Земля землю (пусть) целует!» Способность З. влиять на дождь и град сближает ее с мертвыми (см. **Покойник**). Домовую З. отождествляют с душой предка, а могильную — с душой погребенного. Хтонической природой обусловлен и антагонизм З. и солнца: в южнославянских легендах З. поглощала солнце, его лучи, высасывала его глаза, а в поверьях других славян солнце радуется убитой З. или не может зайти, меркнет от взгляда З., высасывающего его силу. Поэтому убитую З. зарывают или вешают в тени, иначе солнце будет багроветь, «болеть» или плакать. Хтонизм З. достигает космических масштабов в поверьях апокрифического происхождения об огромной З. в основании Земли, о гигантском уже в море посреди Земли.

З. связана с водой, грозой, ветром. Известны южнославянские поверья о крылатых З., обитающих в озерах, о З. — покровителях водоемов. Вода из источника, в котором живет З., считает-

ся целебной. Убиение З. способно вызвать дождь. З. может «запирать» воду в источнике и вызывать засуху. По польским поверьям, град на людей насылают З., а украинцы связывают появление вихря и бури со З., у которой выросли крылья.

У змей есть царь или царица — укр. «гадячий царь», бел. «царь-уж», рус. «змеиная мать» и др. У такой З. на голове корона, драгоценный камень, звезда, рога, петушиный гребень; ее отличительными признаками могут быть белый цвет, золотая или кошачья голова, петушиные ноги и т.п. У южных славян в роли царя З. известны также носатая гадюка, крылатая З., змей, у лужичан — домовая З. Царь З. обитает в подземном мире на краю света (у болгар), в недрах земли (у поляков), под корнями **лещины** с омелой (у поляков, сербов), под белым камнем (у украинцев). В определенные дни года он собирает всех З.: пробуждает их от зимнего сна, назначает каждой З. ее жертву, выслушивает исповедь о проведенном лете.

З. приписывают ряд фантастических особенностей. Так, разрубленные части З. способны срастаться, убитая З. может оживать от мочи лягушек, от осины, особого змеиного камня, корня или травы. Распространено представление о змеиных ногах. З. показывает их, когда ее бьют (у русских, македонцев, сербов) или испытывают огнем (у украинцев, хорватов, боснийцев). По южнославянским поверьям, девять или 12 пар скрытых ног З. можно увидеть только в Юрьев день; человек, увидевший их, умрет. Легенды объясняют причину утраты З. ног тем, что солнце прокляло ее за укус в глаз (у болгар), Бог — за искушение Евы (у далматинцев, сербов, болгар), Богородица — за то, что З. испугала ее (у поляков), и т.п. Особо опасны З., которых считают слепыми. Так, медянка, по мнению украинцев, получает зрение лишь в Иванов день (24.VI) и тогда может пробить человека насквозь. Особо ядовита слепая *веретеница* — вид гадюки или безногая ящерица, причисляемая к З. На Украине происхождение З. *веретенник* связывают с выброшенным веретеном, которым пряли в святочные вечера.

Всем славянам известны представления о домовой З.-покровительнице. Она оберегает, приносит достаток и благополучие, благодаря ей хорошо ведется скот. Ей оставляют молока, остатки ритуального ужина. Нередко в ней видят воплощение души предка, бывшего хозяина дома. Верят, что она присутствует (часто незримо) в каждом доме, живет под порогом, под печью, в подполье и показывается лишь перед смертью кого-либо из домашних. По болгарскому поверью, на Благовещение домовая З. пересчитывает членов семьи, а кого не досчитается, тот умрет в течение года. Южнославянские поверья приписывают З. роль покровителя и других локусов: источника, земельного надела, целой местности. Охранительницей старого дерева болгары считают двуглавую или старую большую З. Полевая З. у болгар и сербов охраняет межи, оберегает поле от града. У сербов убитую в поле З. закапывают и ставят крест, чтобы не умер хозяин поля.

К чудодейственным атрибутам З. относятся камень, золотое яблоко, перстень, корона, гребень на голове и рожки. Обладание ими дает человеку счастье, защиту от З., болезней и града, богатство, неистощимые запасы зерна или денег, способность видеть клады, лечить людей, понимать язык животных, насылать порчу. Завладеть этими атрибутами можно, когда З. оставляет их у водопоя или купается в реке на Петра и Павла (29.VII), поставив перед З. миску с молоком, расстелив платок или пояс. З. могут указывать людям охраняемые ими клады. Сам **клад** может обращаться в З. З. наделяет человека также «живой травой», оживляющей людей, целебной травой, «разрыв-травой», открывающей любые запоры. Человек, отведавший З., будет понимать язык животных или трав (у южных славян), станет ясновидящим (у украинцев, русских).

З. используют в магических целях. Язык З. дают съесть собаке, чтобы она была чуткой и злой (у поляков), носят под языком, чтобы выиграть суд (у мораван), голову кладут в семена во время сева для богатого урожая (у хорватов) и т.д. Растения (чеснок, лук, бобы и др.), проращиваемые через голову З., исполь-

зуют в любовной магии (у южных славян), для распознания ведьмы (у украинцев, сербов и хорватов) или черта (у болгар, сербов), для оберега от нечистой силы (у украинцев, болгар, сербов), для лечения скота (у болгар). Палкой, которой разогнали З. и лягушку или двух З., разгоняют тучи (у белорусов, украинцев, поляков); помогают при родах разрешиться от бремени (у сербов, боснийцев); усмиряют пургу (у белорусов) или пожар (у украинцев).

З. выходят из нор 25.III, на Благовещение (у украинцев, поляков, южных славян), на Сорок мучеников (у южных славян), в Юрьев день (у хорватов, чехов, словаков), в Тодорову или Лазареву субботу (у сербов), после первого весеннего грома (у русских). У македонцев известна обрядовая встреча З. на Евдокию (1.III) или на Сорок мучеников. До Юрьева дня, пока из недр земли не выйдет яд, укус З., по верованиям хорватов и чехов, не опасен. Особенно значим момент летнего солнцестояния (Иванов и Петров дни), когда З. в лесу собираются вместе во главе с их царем, а затем перестают жалить. З. уходят в норы на св. Марину 17.VII (у болгар), Ильин день (у украинцев), Преображение (у болгар), Успение Богородицы, 15.VIII (у болгар), св. Варфоломея, 24.VIII (у словаков), Усекновение главы Иоанна Крестителя, 29.VIII (у русских, болгар), Рождество Богородицы, 8.IX (у сербов, поляков, мораван), Воздвижение (у хорватов, восточных славян), Покров Богородицы (у болгар, украинцев). Перед уходом залезают на деревья, чтобы последний раз взглянуть на небо (у украинцев), услышать церковный звон (у белорусов). З., которая кого-нибудь укусила, земля не принимает. З. уходят на зимовье на край света в пещеру змеиного царя (у болгар), в **ирий**, куда улетают и птицы (у украинцев, белорусов), в яму или нору, соотносимую с миром мертвых.

Специальные дни посвящены изгнанию З. и оберегам от них, особенно у южных славян («змеиный день» у сербов и болгар): первый день марта, Сорок мучеников, Благовещение, Юрьев день, св. Еремия (1.V) и др. Обереги и запреты, связанные со З., направлены на защиту скота и людей. Оберегами служат огонь костра, угли, печная утварь (у южных славян); металлические и острые предметы, особенно игла (у южных славян); освященные предметы (у поляков); змеевидные хлебцы (у болгар); папоротник (у словенцев), колючий шиповник (у поляков), пахучие чеснок (у южных славян) и хрен (у поляков); ритуальный шум, окуривание дымом, бросание камня (у южных славян), вынесение веников подальше от дома (у украинцев) и др. Запреты касаются чесания волос (у сербов), прядения (у болгар, поляков), использования ниток (у южных славян, украинцев), веревок (у болгар, сербов), бус (у русских) и др. гибких предметов (у сербов, македонцев), веток (у поляков), выступающих в этом случае как символы З.; пользования острыми колющими или режущими предметами, символизирующими жало З. (у южных славян, украинцев); раскрывания ножниц, складных ножей, гребней и сундуков, напоминающих раскрытую пасть З. (у сербов, македонцев); пахоты, и копания (у болгар, поляков, украинцев) земли как змеиного локуса.

А.В. Гура

ЗНА́ХАРЬ, з н а́ х а р к а — лицо, обладающее сверхъестественным, магическим знанием и использующее его для лечения людей и скота, охраны от колдовства, отвращения градовых туч, прорицания судьбы и т.д.

Обладание магическим знанием ставит фигуру З. в один ряд с другими «знающими» людьми, прежде всего **колдуном** и **ведьмой.** Но в отличие от них З., как правило, не имеет контакта с нечистой силой, а использует силу заговоров, растений, воды и сакральных предметов. В народном сознании знахарство часто сближается с ремеслом, что объединяет З. с **повитухой, кузнецом, пастухом, музыкантом, мельником** и др. обладателями профессионального знания.

Отношение к знахарству двойственное: в одних случаях считается, что З. действует от имени Бога, в других — что знахарское знание, как и знание колдуна, греховно, оно не дает З. умереть,

поэтому его необходимо перед смертью передать другому.

З. лечил все болезни людей и скота, но в первую очередь болезни, полученные в результате колдовства: порчи, **сглаза**, оговора, испуга. Часто З. специализировался на лечении какой-либо одной болезни: зубной боли, детской бессонницы, кровотечения, змеиного укуса и пр.

З. находил пропавшие или украденные вещи, возвращал заблудившийся и уворованный скот, а также указывал на вора; предохранял скот от порчи на весь пастбищный сезон, останавливал падеж скота, обезвреживал **заломы**; предсказывал будущее, гадая на картах, на бобах, по воде или по звездам; привораживал девушкам женихов, охранял молодых на свадьбе от порчи, уничтожал вредных насекомых и мышей в доме, защищал посевы от вредителей, отгонял градовые тучи, обеспечивал удачную рыбную ловлю и охоту. З. мог разговаривать с мертвыми, видеть «тот свет».

Знахарское мастерство всегда приобретается: обычно опытный З. обучает начинающего. Хотя знахарство считается преимущественно женским занятием, З. может быть и мужчина, преимущественно холостой. Лучшими З. считаются «чистые» женщины: старуха, одинокая женщина или вдова; иногда, напротив, замужняя и рожавшая женщина.

Реже подчеркивается сакральный и потусторонний источник знахарского мастерства. По сербским и болгарским поверьям, способность лечить передают Богородица или христианские святые, чаще всего св. Параскева Пятница, являясь людям во сне. З. становятся люди, соприкоснувшиеся с потусторонним миром, например, украденные лешим, пережившие состояние **обмирания**, получившие знание заговоров от странников, нищих, юродивых.

Главным инструментом З. является **заговор**, основанный на обращении к Богу, святым и добрым силам природы, который произносится или непосредственно над больным, или наговаривается на различные вещества и предметы: воду, водку, соль, хлеб и т.п., которые З. дает съесть или выпить больному и которыми обтирает или обмывает больное место. В лечении З. применяет лекарственные травы, отвары и настои из них; используются предметы, которым приписывается магическая сила: **земля**, шкура **змеи**, громовая стрела, нож и другие острые предметы; освященные предметы: святая вода, пасхальная скатерть, венчальная свеча и др.

Лит.: *Астахова А.М.* Заговорное искусство на реке Пинеге // Крестьянское искусство СССР. Л., 1928. Т. 2. С. 38–45; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. Л., 1991. С. 340; *Минько Л.И.* Знахарство. Минск, 1971.

Е.Е. Левкиевская

ЗÓЛОТО, золотóй — металл и признак, символизирующие богатство, красоту, долговечность, соотносимые с представлениями о «верхнем» мире, сфере божественного, с высшими ценностями и в то же время с «тем светом». Признаком «золотой» наделяется все чудесное, сверхценное (ср. выражения *золотой век, золотой дождь, купаться в золоте* и т.п.). По поверьям словенцев, удачливые люди в ночь на Страстной четверг могли найти золотое блюдечко или золотое зеркальце, обладавшие чудесными свойствами.

З. соотносится с символикой света, солнца, месяца: ср. болгарское представление о дожде, идущем при солнце, как о золотой колеснице, впряженной в золотых коней, а также польское поверье о том, что Бог сидит на небе на золотом троне, от которого расходятся солнечные лучи. В космогонических верованиях славян солнце обычно описывается как золотое колесо или золотое кольцо. Согласно представлениям болгар, солнце — это висящий в небе золотой колокол. В болгарских песнях, посвященных мифологическому сюжету о женитьбе Солнца, Солнце, решившись жениться на земной девушке, спускает за ней золотые качели, чтобы поднять ее на небо.

З. и «золотой» как атрибут и признак в традиционной культуре имеют непосредственное отношение к Богу, Богородице, ангелам и святым. В заговорах св. Юрий запирает скот «золотыми замками и ключами», Богородица накрыва-

ет людей золотой ризою, пеленой, скатертью, имеет золотые ключи и крест; на горе стоит золотой монастырь, где в золотом кресле или на золотом престоле сидит Михаил-архангел или Богородица, св. Юрий накладывает на коня золотое седло, а св. Никола трубит в золотую трубу.

З. как символ богатства и удачливости — один из самых популярных образов в величальных песнях, благопожеланиях, гаданиях, ср. сербское гадание о замужестве: девушка завязывает золотую и обычную нить на двух головках лука; если головка с золотой нитью за ночь вырастет выше, девушка выйдет замуж в богатый дом. Золотыми изображаются в колядках ворота и столбы хозяйского двора; мифические горы и мосты; дерево, растущее посреди хозяйского двора.

В свадебном фольклоре эпитет «золотой» прилагается ко всему, что имеет отношение к невесте (ее косе, венку, кольцу) и молодоженам вообще: У болгар зажиточные хозяева старались покрыть сусальным З. все свадебные атрибуты для благополучия молодых: венки, обрядовое деревце и его украшения. В фольклорных текстах, прославляющих или величающих того или иного человека, часто используется эпитет «золотой». В сербских любовных заговорах и магических приговорах на красоту эпитет «золотой» характеризует девушку, совершающую это магическое действие: «Все девушки сороки и вороны, а я птица-перепелица с золотыми крыльями...»

Подобно другим металлам, З. наделяется свойствами оберега или лечебного средства, ассоциируется со здоровьем, крепостью и чистотой: ср. обычаи умываться с З. от сглаза, при первом ударе грома; лечить золотом самые разные болезни; сербский обычай невесты обвязываться золотой нитью при входе в дом мужа, «чтобы ей никакое зло не могло повредить, как ржавчина не портит золота». У сербов существовал обычай вдевать в правое ухо новорожденному золотую серьгу, если он рождался в семье, где до этого умирали дети, или давать появившейся на свет девочке одно из имен-апотропеев типа *Злата* или *Сребра*, чтобы ребенок был крепким. Так же и в заклинаниях, призванных обеспечить живучесть младенца, его описывали как ребенка «из чистого золота и серебра».

Змей, приносящий деньги и З. и рассыпающийся золотыми искрами, — один из популярнейших персонажей славянской мифологии. З. является основным атрибутом и эпитетом, а иногда и метафорой Змея и змеи вообще. Змеиный царь восточнославянских поверий и быличек имеет золотые рожки, золотую голову, золотой перстень; болгарские предания повествуют о зме́е с золотыми крыльями под мышками, живущем в золотых палатах, а также о зме́е, выходящем из земли в Страстную субботу и держащем в пасти чудесный золотой камень (каждый, кто добудет его, сможет осуществить любое желание). По сербским поверьям, если закопать в землю под порогом дома змею и суметь вырастить из нее дерево, то по ночам оно будет приносить золотые монеты.

З. — признак и атрибут «того света», которым характеризуются все относящиеся к нему животные, растения, предметы и локусы: ср. в заговорах золотую корону и золотые рога у месяца; дорогу, «высыпанную золотом», «дуб золотокорий» с золотыми кореньями, на котором лежит золотое гнездо, а в нем сидит ворон или орел с золотыми крыльями, клювом или глазами. В тридесятом царстве русских сказок, обнаруживающем все признаки мира мертвых, все окрашено в золотой цвет.

Т.А. Агапкина

ЗУ́БЫ — по народным представлениям связаны с понятием жизненной силы (ср. **Волосы**, **Ногти**).

Чтобы З. прорезывались легко и безболезненно, детям вешали на шею волчий или заячий зуб, золотой с изображением орла, камешек из желудка рака, мазали ребенку десны кровью из гребня черного петуха, курицы, голубя, кровью рыбы линя. О появлении первого З. у ребенка оповещали родных, приглашали гостей, устраивали застолье. Чтобы З. были белыми и крепкими, мать мазала первый З. ребенка грудным молоком,

стучала по нему серебряной монетой, кусочком железа (южные славяне). Тот, кто первым замечал появившийся З., произносил благопожелание, получал деньги от отца, покупал ребенку рубашечку.

Южные славяне отмечали застольем выпадение первого молочного З. у ребенка, как и появление первого З. Чтобы постоянные З. были крепкими, выпавший З. забрасывали на крышу дома, перебрасывали через дом (иногда вложив его в кусок хлеба); подбрасывали или кидали на землю. З. кидали в подпечек, за или на печь, в печь, в мышиную нору в надежде, что новый З. принесет **мышь**. Бросая З., произносили: «Мышка, мышка, на́ тебе репный зубок, а дай мне костяной». С подобной просьбой обращались к собаке, вороне, сороке, галке, лисице, к бабе-яге, **виле**. Для быстрого роста постоянных З. собирали выпадающие молочные З.; заставляли ребенка проглотить один из них; забивали первый выпавший З. в ствол **дуба**, в старую вербу; бросали в реку, чтобы новые З. появлялись так же быстро, как течет вода.

З. были мерилом возраста: ср. рус. фразеологизмы «поглядеть кому в зубы», т.е. узнать его лета, «мы на этом зубы съели», т.е. пожили и приобрели жизненный опыт. О ребенке, которому еще нет пяти-семи лет, болгары говорили: «У него еще зубы не сменились». Старый человек, лишаясь З., постепенно утрачивал силу и считался «слабым», как младенец. Считалось, что лечение заговором будет успешным только в том случае, если у знахарки целы все З. или хотя бы часть их. Полагали, что колдун и ведьма с утратой З. теряли силу и способность наводить порчу на людей.

В приметах и снах появление первого З. наверху предвещало раннюю смерть ребенка, если сначала прорезывались нижние З., ребенок выживет и будет жить долго. В снах выпавший З. предвещал болезнь, смерть: с кровью — болеть самому или умрет кто-то из близких родственников, «кровных»; без крови — дальний родственник или знакомый.

Рождение ребенка с двумя З. осмыслялось как признак его демонической природы: он мог стать колдуном, ведьмой, вампиром, **двоедушником**, а после смерти ходячим покойником. Характерной чертой мифологических персонажей считались аномальные З.: длинные, острые, железные, хрустальные, похожие на клыки животных, желтые, красные, зеленые, черные.

Для предотвращения зубной боли следовало есть освященные в день св. Агаты хлеб и соль (западные славяне); яблоки, освященные в день Успения Богородицы (украинцы, поляки); съесть в Страстной четверг, в Вербное воскресенье семь—девять сережек освященной вербы (белорусы, мораване); грызть щепки от «громобоя», чтобы зубы были крепкие, «як грім» (Полесье). Весной, когда в первый раз слышали гром, кукование кукушки, грызли деревянный колышек, держали в зубах железо, стучали железным предметом, камнем по зубам, целовали землю; увидев в первый раз молодой месяц, обращались к нему с просьбой «снять зубную скорбь».

Полагали, что от зубной боли защищали свв. мученики Антипий (11.IV), Фоманида (13.IV), Тихон (29.VI), Аполония (9.II) и др. Страдавшие зубной болью праздновали дни этих святых, молились им. Для исцеления от зубной боли шли к святым камням; кусали больным З. дуб, сосну или камень (русские); советовали больному кусать церковную паперть с троекратным произнесением заклятия: «Как камень сей крепок, так закаменей и мои зубы — крепче камня!». Надежным средством от зубной боли считали камешки, найденные в мышиных гнездах (украинцы), в поле под колосьями **«бороды»**, **куриный бог** (русские), белемнит (поляки). Прикладывали к больному З. челюсти и З. хищных животных, зубья бороны, граблей (не менее дюжины), найденные на дороге; на границе поля терли черепком десны, бросали его через голову и говорили: «Чтобы тебе, черепок, не гнить, а вам, моим зубам, не болеть!»

Зубную боль снимал знахарь, прикоснувшись к больному З. рукой, которой задушил крота, или кровью крота (чехи, поляки); с той же целью произносили заговор, обращенный к кроту: «Кротик, ты кротик! Я пальцем своим из тебя всю

кровь испускаю и им больные зубы излечаю» (русские); к червяку, который точит З.; к рябине, дубу, бузине. Лечили зубную боль, прикасаясь к больному З. щепкой от разбитого молнией дерева, щепкой или сломанной веткой от **рябины**, осины, бузины, дуба, произнося заговоры, а потом щепку или ветку прикладывали к стволу, передавая зубную боль растению. В заговорах обращались к **луне** с просьбой вылечить или защитить от зубной боли: «Князь молодой! Рог серебряный, рог золотой! Пусть занемеет мой зуб, как у мертвеца!»

В.В. Усачева

13 — 1387

И

ИВА́Н КУПА́ЛА (Ива́нов день) (24.VI/7.VII) — одна из главных дат славянского народного календаря, совпадающая с церковным праздником Рождества Иоанна Крестителя. В народной традиции соотносится с днем летнего солнцеворота, симметричного в годовом круге Рождеству (как времени зимнего солнцеворота), с которым И. К. объединяют общие мотивы и обрядовые действия. Как и Рождество, Иванов день считается временем откровения тайн природы, когда растворяются небеса и земля, «играет» или останавливается солнце, начинают говорить растения и животные, вода становится чудодейственной и целебной либо превращается в вино и т.п. Основное содержание обрядности этого дня представляет собой сложный комплекс ритуальных действий и верований: 1) сбор растений, украшение зеленью домов, дворов, людей и домашнего скота; 2) хождение к воде, купание, обливание водой, сплавление по реке венков и трав; 3) разжигание костров, игры и хороводы возле них, символическое уничтожение в костре нечистой силы, перепрыгивание через огонь; 4) выслеживание и отпугивание ведьмы; 5) ночные **бесчинства** молодежи.

Ритуалы с зеленью — один из самых устойчивых (общеславянских) элементов обрядности И. К. О сборе трав, плетении венков, опоясывании полынью в этот день сохранилось множество средневековых свидетельств. В ряде мест выход за целебными травами был особым образом ритуализован. В Болгарии молодежь шла во главе с опытной женщиной; при сборе трав исполнялись обрядовые песни; прямо в поле плели большой венок, через который пролезали для здоровья все участники обряда. Ходили за зеленью до восхода солнца, так как считалось, что целебные свойства растений сохраняются до освящения их солнцем. По болгарским верованиям, с этого дня в зелени уже нет злых духов, поэтому ее можно заготавливать. У южных славян и в Карпатах был широко известен обычай гадать по этим растениям: их подвешивали на ночь под крышей дома, а утром каждый из домочадцев проверял, сохранил ли свежесть или завял его букетик (последнее было предвестием болезни и смерти).

Действия у воды и с водой (умывание, обливание, купание, гадания по брошенным в воду цветам, венкам или банным веникам т.п.) известны в ритуалах И. К. у всех славян, но в разных местах они приурочены к разным моментам праздника. У болгар принято было купаться на рассвете И. К. сразу после сбора трав. Поверье о том, что в ночь накануне И. К. вода становится благословенной, известно в Словении. У восточных славян обычно купались на рассвете, когда «купальский» костер полностью догорал. Вообще во многих местах купание в реках разрешалось только с И. К., когда вода якобы становилась особенно чистой и здоровой.

Возжигание «ивановских» костров — центральный акт обрядности И. К. в украинско-белорусской зоне и у западных славян, а также в Словении и Хорватии. Огни жгли накануне И. К. (поздним вечером и часто до самого утра) за селом, на выгоне, на холмах, у реки либо на границах села, на развилках дорог и т.п. Целью жжения костров чаще всего считалось «сожжение ведьмы». Материал для костра готовили заранее. Молодежь стаскивала со всей округи хворост, старые метлы, бочки, колеса и т.п. либо собирала дрова по дворам: многие хозяева считали большим грехом не дать чего-

нибудь для ивановского костра. В Полесье в костре сжигались чучело «ведьмы», купальское деревце, метлы, старая обувь, конский череп и т.п. Считалось, что к обрядовому костру должны были выйти все женщины села; не пришедшая обвинялась в «ведьмарстве». Над углями догорающего костра молодежь прыгала, чтобы защитить себя от нечистой силы, болезней и порчи. Не догоревшие остатки (угли, пепел, головешки) использовались как магическое средство повышения плодородия: их разбрасывали по полям, садам и огородам.

У южных славян ритуалы разжигания костров (развитые в Словении и Хорватии) по мере продвижения на восток теряют свою силу и практически сходят на нет в восточной Сербии, Болгарии и Македонии. В Болгарии лишь в некоторых областях жгли общесельские костры и прыгали через них для здоровья или для избавления от насекомых. В р-не Варны старались в ивановскую ночь добыть (способом трения) так называемый новый огонь, от которого разжигали домашний очаг во всех домах.

В ночь накануне И. К., по народным поверьям, ведьмы особенно активизируются: отбирают молоко у коров, вредят хлебным полям, делая в них «заломы», летают на шабаш, похищают небесные светила. Люди в эту ночь не только оберегали свое хозяйство от них, но и старались их выследить, распознать и обезвредить. Для этого, например, кипятили на купальском костре воду, в которой варили цедилку (полотно для процеживания молока) с воткнутыми в нее иголками, считая, что это причиняет ведьме нестерпимые боли и вынуждает ее явиться к ивановскому костру, чтобы просить о пощаде. Замеченных возле костра мелких животных (лягушек, мышей, кошек) ловили и бросали в костер, считая их воплощением ведьмы (Полесье).

Именно в эту ночь, как полагали в народе, можно было наблюдать необычные явления: «раскрываются» небеса, все растения склоняются к земле и лишь одна, самая целебная, травка стоит прямо; если ее сорвать и дать бесплодной женщине, то та вскоре забеременеет; вода в источниках перестает волноваться и замирает; звезды спускаются на землю; подземные клады выдают себя свечением или выходят на поверхность; зацветает папоротник и др. чудесные растения; «играет», «танцует» или «купается» солнце.

Лит.: *Тавлай Г.В.* Белорусское купалье. Минск, 1986; *Климець Ю.Д.* Купальська обрядовість на Україні. Київ, 1990; *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX — нач. XX вв.). М., 1979. С. 228–252; *Толстая С.М.* Материалы к описанию полесского купальского обряда // Славянский и балканский фольклор: генезис, архаика, традиции. М., 1978. С. 131–142; *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Мотив «уничтожения — проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 99–118.

Л.Н. Виноградова

ИГЛА́, б у л а́ в к а — в народной культуре предмет-оберег и одновременно орудие порчи.

И., воткнутые в одежду, служили оберегом от всякого зла и нечистой силы. В Полесье И. втыкали в стену, на которой сновали, в полные веретена и клубки ниток, когда шли сновать в чужой дом, в полотно во время тканья. Поляки верили, что И., купленную на найденные деньги, надо носить в шапке, т.к. она приносит счастье, а И., которой шили одежду для покойника, положенная в посевное зерно, защитит будущие посевы от воробьев. Как оберег И. использовалась во всех «опасных» ситуациях: при рождении ребенка, на свадьбе, на похоронах, во время болезни.

Посещавшие роженицу женщины в подол своей рубашки втыкали И., чтобы не принести в дом болезни и порчу (бел.). И. втыкали в край занавески, за которой стояла кровать роженицы (морав.), в ее одежду, если она выходила из дома (пол.).

И. клали под постель новорожденного, чтобы его не испортили и не подменили злые духи (пол.), втыкали в рубашечку (рус.), подкладывали под подушку ребенка от бессонницы (о.-слав.).

Распространенным оберегом на свадьбе были булавки и И., иногда без ушек, И. с красной ниткой или новые, И., воткнутые острием вверх или крестообразно (рус., бел., полес.). Во время свадебного пира И. втыкали в пол, чтобы колдун не наслал на молодых порчу. Польской невесте подруги на девишнике заплетали косу, вплетая в нее множество И. и булавок.

В похоронном обряде И. втыкали в одежду умершего, клали в гроб (в.-слав., словац.). Чтобы покойник не стал «ходячим» или вампиром, считалось, что надо колоть И. (терном, ножом) ему лицо, ухо, шею, живот (серб.). В Болгарии И. с красной ниткой втыкали в белый платок, вывешенный на дверях дома, где лежит умерший, что должно было облегчить ему дорогу на «тот свет».

При первом выгоне скота на пастбище среди прочих апотропеев использовалась и И. (серб.). От сглаза и порчи прикрепляли И. к хвосту или к рогам коровы (полес.), вплетали в гриву коня (бел.); вбивали в рог коровы, у которой ведьма отбирает молоко (пол. мазур.); пропускали молоко испорченной коровы через цедилку с девятью (или тремя) воткнутыми в нее И. Если масло долго не сбивалось, бросали в маслобойку И. (бел.).

В лечебной практике И. часто использовалась для остановки кровотечения, а также для приготовления питья от «дури» и бешенства (бел.), от «колотья» и ломоты (чеш., гуцул.) и т.п. Например, чтобы вылечить «куриную слепоту», надо было посмотреть на восток сквозь ушко освященной на Пасху И. (укр.). От лишая знахарка обводила трижды вокруг больного места «мертвецкой» И. (серб.) или водила иглой крест-накрест (рус.).

И. является символом женщины и женских работ. И. дарили новорожденной девочке или клали в корыто при первом купании (словац., пол.). Сербы считали, что И. в одежде невесты или И., воткнутая в порог комнаты новобрачных, могла быть причиной рождения исключительно девочек. Наоборот, при отеле скота специально втыкали И. в том месте, где отелилась корова-первостенка, чтобы она «все телила телок» (смолен.).

При одалживании И. считалось, что надо сначала слегка уколоть того, кому ее даешь, иначе можно поссориться (в.-слав.), что надо сначала вдеть в И. длинную нитку, а не давать ее «голую» (полес.), что нельзя давать И. в понедельник (серб.).

Красть И. считалось грехом, за который на «том свете» черти будут прогонять через игольное ушко (укр.), душа будет мучиться в аду до тех пор, пока не истончится до нитки и не пролезет в игольное ушко (бел.).

По восточнославянским и польским представлениям, ведьма, змора или огненный змей могут оборачиваться иголкой, поэтому не советовали поднимать найденную И., а поднятую следовало тут же переломить и выбросить.

М.М. Валенцова

ИГНА́ТОВ ДЕНЬ — день памяти христианского святого Игнатия (Богоносца), отмечается 20.XII/2.I.

И. д. особенно популярен у южных славян: он открывает рождественско-новогоднюю обрядность, служит точкой отсчета нового года и увеличения светового дня. С И. д. начинаются святочные гадания, собираются дружины колядников, заготавливается **бадняк.** В этот день в некоторых областях закалывают поросенка, встречают первого гостя (см. **Полазник**). Обязательным является выпечка **караваев**, посвященных **Богородице**, «деду Игнату». Вечером устраивается ритуальная трапеза с преломлением хлеба и **благопожеланиями**, идентичная обрядовым застольям накануне Рождества, Нового года и Крещения.

В основе обрядовых актов И. д. лежит семантика **начала**, и они призваны продуцировать удачу в разных сферах народной жизни. Во многих местах это праздник птицеводческий, «куриный», который отмечается для того, чтобы умилостивить духов куриных болезней. Объектом магических действий И. д. становится и домашний скот. В Болгарии хозяйка бросает на пол орехи, дети спешат их собрать, чтобы ягнята были резвыми. В Боснии чабаны постятся, чтобы волки не нападали на овец, и др.

Обрядность И. д. отражает культ Богородицы, у которой, согласно апокрифическому преданию, начались в этот день родильные муки. С И. д. до Рождества девушки и молодые замужние женщины (особенно беременные; см. **Беременность**) выпекают и раздают в честь Богородицы хлеб, соблюдают запреты, чтобы избежать мук при родах и произвести на свет здоровых детей.

В ряде областей И. д. осмысливается как недобрый, «тяжелый» день, как начало опасного периода, когда активизируется нечистая сила; см. **Святки**.

А.А. Плотникова, И.А. Седакова

И́ДОЛЫ — кумиры, статуи и другие изображения языческих богов. Описания И., изготовленных по преимуществу из дерева, в культовых центрах балтийских славян составлены западноевропейскими хронистами XI–XII вв., перечень кумиров, установленных князем Владимиром в Киеве на холме в 980 г., — русским летописцем XII в. (см. в ст. **Перун**).

Археологические данные об И. ограничены: во-первых, большая часть языческих святилищ была разрушена при христианизации славян, деревянные статуи погибли, во-вторых, находки И., прежде всего монументальной каменной скульптуры, как правило, случайны, их датировка и принадлежность тому или иному народу спорны.

Самый известный каменный И., обнаруженный в р. Збруч (левый приток Днестра) в 1848 г., датируется X–XI вв. Предположительное его место — на ближайшем городище-«святилище» Богит (у г. Гусятин, Тернопольская обл.), часть находок на мысу которого интерпретируется как остатки человеческих (детских) жертвоприношений И. (при большей вероятности того, что это следы разгрома городища врагами). Четырехгранный столб из серого известняка, высотой 2,67 м, увенчан изображением четырехликого и четырехтелого «божества» под одной шапкой, придающей И. в целом фаллическую форму. На одной стороне женский персонаж (с подчеркнутой грудью) держит в руке кольцо (браслет), на другой — питьевой рог, на третьей — мужской персонаж с саблей у пояса (оружие, не характерное для древних славян) и изображение коня, на четвертой — антропоморфный персонаж, лишенный специальных атрибутов. Средний фриз изображает хоровод из двух женских и двух мужских фигур, держащихся за руки; нижний фриз несет изображения трех фигур, поддерживающих руками верхние ярусы; свободная от изображений сторона нижнего фриза интерпретируется как часть, к которой примыкал жертвенник.

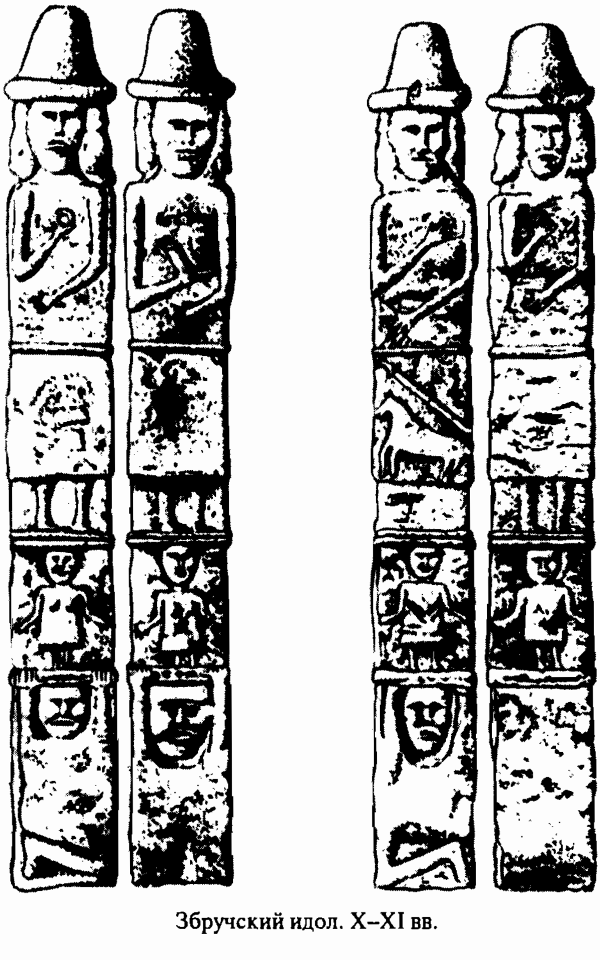
Аналогии Збручскому идолу известны в малой скульптуре всех славянских регионов: четырехгранный деревянный стержень с четырьмя ликами (конец IX в.) обнаружен в Волине (Поморье, Польша), роговое острие, увенчанное четырьмя головками, — в Преславе (Болгария) и др.

Характерный признак высших богов языческого пантеона — многоглавость-позволяет сопоставить Збручский идол и его аналоги с балтийско-славянским четырехглавым **Свентовитом**; фаллическая форма характерна для И. — воплощений связи между землей и небом; четыре лика связаны с четырьмя сторонами света, три фриза Збручского идола — с членением вселенной на небо, землю и преисподнюю (ср. **Мировое дерево**). Збручский идол характеризует славянский пантеон: четыре божества верхнего фриза включают мужские, женские персонажи (ср. Перуна и **Мокошь**, окаймляющих список богов Владимирова пантеона, специальную связь Мокоши с влагой и питьевой рог в руке женской ипостаси); один из персонажей — конник с саблей: ср. предположения о «степном» — иранском происхождении **Хорса** и **Семаргла**, включенных в пантеон Владимира. Соответственно хоровод среднего фриза относится к земному миру, внизу изображены хтонические существа преисподней.

Другая серия изображений, сопоставляемых с богами, — трехголовые И.: каменная скульптура из Вакан (Хорватия, датировка неясна), сохранившая два лика (третий сколот), сходная скульптура из Глейберга (Дания, датировка не-

ясна), круглый деревянный стержень с тремя бородатыми ликами, увенчанный фаллической шапкой, — в Свендборге (Дания, X в., — датские находки приписываются балтийским славянам) и ряд других предметов мелкой пластики с мотивом треглавого существа (Балтийский регион, Поморье) увязываются с культом **Триглава**.

ставлениями о сдвоенности и т.п. (ср. ст. **Близнецы**, **Глаза**); другая скульптура (1,57 м) — женская, без характерных символических атрибутов. Антропоморфные конструкции использовались при сооружении открытого раскопками святилища в Грос Радене (IX в., Мекленбург, Германия), в частности в качестве двух главных опор кровли.



Збручский идол. X–XI вв.

Находки монументальной деревянной (дуб) скульптуры на поселении XI–XII вв. Фишеринзель (оз. Толленсе, Нейбранденбург, Германия) отчасти могут характеризовать западнославянский (лужицкий) пантеон: двуглавое божество (высота 1,78 м) с изображением глаз (?) на груди соотносится с близнечными персонажами славянского фольклора, пред-

Далеки от ясности функции малой антропоморфной скульптуры: помимо многоглавых изображений, известны деревянные жезлы с навершиями в виде мужских голов (раскопки в Новгороде, X–XIV вв.), соотносимые иногда с домовыми (без достаточных оснований) или включаемые в более широкую категорию культовых жезлов.

В период христианизации государственные и церковные власти в первую очередь уничтожили И. и святилища. Уничтожение принимало форму поругания ложных (бесовских) святынь: ср. низвержение Перуна и др. кумиров в Киеве (988 г.), волочение его И., привязанного к хвосту коня, с холма, причем 12 мужей били его «жезлами»; сброшенного в Днепр Перуна провожали до порогов — за пределы Русской земли («Повесть временных лет»). Сходным образом был срублен и сброшен в Волхов И. Перуна в Новгороде: ср. обычай «пускать по воде» и ритуальное уничтожение обрядовых чучел типа **Костромы** и т.п. Идолу Свентовита по приказу датского короля набросили веревку на шею, протащили посреди войска на глазах славян и, разломав на куски, бросили в огонь.

В древнерусских поучениях против язычников и последующей полемической литературе идолопоклонством именовались народные обряды (равно как иные прегрешения, в том числе пьянство), что повлияло на позднесредневековые (ср. «Слово об идолах» в Густынской летописи XVII в.) и ранние научные представления о «ложных богах» вроде Купалы, Коляды, Лады, Леля, Ярилы и их И. в позднейших преданиях (о строительстве церкви на месте И.). Как идолопоклонство воспринималось и поклонение природным объектам в культовых местах, в т.ч. почитание **камней** и др. фетишей.

В.Я. Петрухин

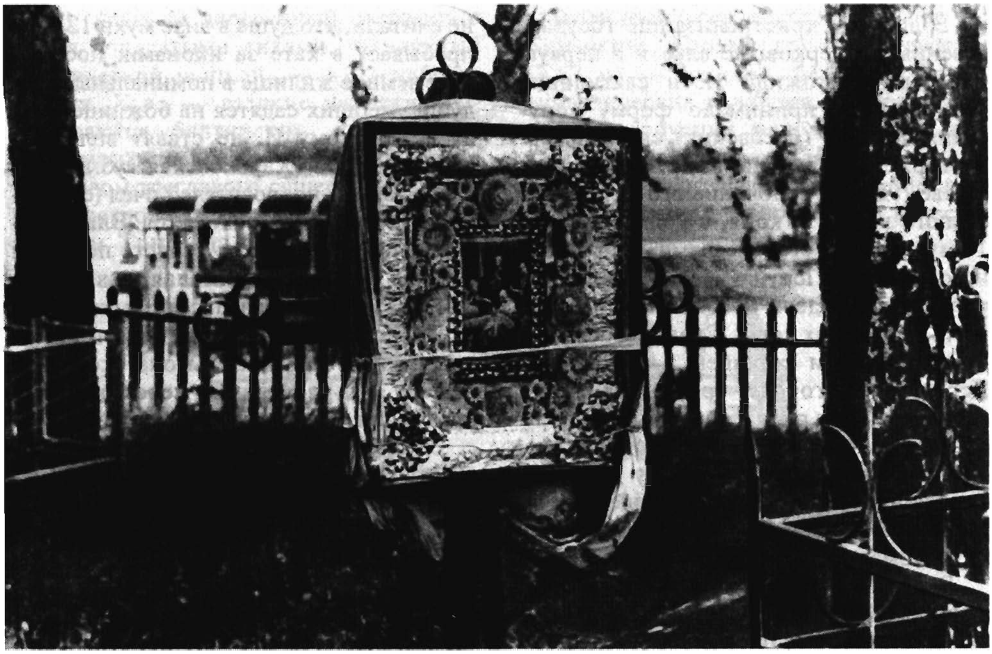
ИКО́НА — культовое живописное или резное изображение Христа, Богородицы, христианских святых, библейских событий; объект религиозного почитания. У восточных славян широко использовалась в очистительных, охранительных и магических обрядах.

Семейные и родовые И. связаны с культом предков и покровителей дома. Считалось, что за домашними И. находились души «родителей», для чего на божницу им ставили блины, горячий хлеб, напитки. Русские верили, что душа умершего «сидит в избе за образами» до погребения тела; украинцы на Ровенщине считали, что душа в виде мухи 12 дней пребывает в хате за иконами; посещая свое земное жилище в поминальные дни, души умерших садятся на божнице между И., поэтому И. не ставят вплотную одна к другой (Харьковская губ.).

И. святых-покровителей пчел (свв. Зосимы и Савватия) и скота (св. **Власия** — в день памяти к образу святого полагали коровье масло, св. **Николая**, свв. **Флора** и Лавра) ставили на пасеке, в коровниках, хлевах и на конюшне, с ними совершали обход во время выгона скота или вешали над воротами, через которые проходили животные.

У всех славян особо почитались И. чудотворные и явленные (например, Владимирской, Иверской, Ченстоховской, Остробрамской Божьей Матери, Троеручицы, св. Николая, св. Георгия), способные отвратить все бедствия и болезни. Обретение И. — один из наиболее популярных сюжетов народно-христианских легенд, связанных с местными культами. Чудесное явление И. на дереве (у воды, в источнике, в лесу, на горе), прибытие по реке (в т.ч. против течения), появление из-под земли считались знамением для постройки храма, основания обители (села), копания колодца. Исход И. из церкви знаменовал будущее разрушение церкви, «уход» И. из дома — вымирание семьи.

Действия с И. обусловлены представлением о ее сакральности. Для зажигания свечей перед И., приносимыми из храма в дом или обносимыми вокруг деревни с крестным ходом, использовался полученный трением *живой огонь*. Перед И. приносили клятвы; иконой благословляли молодых на сговоре и свадьбе, клали И. в гроб умершему, с И. встречали купленную скотину. Воду, которой мыли И. перед праздником, выливали только под красный угол; вода в колодце считалась целебной после погружения в него иконы. Обветшавшие И. запрещалось сжигать (о погибшей в огне И. говорили, что она «вознеслась», «взята на небо») или уничтожать: их **пускали по воде**, зарывали на кладбище. Согласно народным легендам, наказанием за осквернение И. (кражу, сжигание, распиливание и т.п.) были болезнь, пара-



Оброчная икона на кладбище в д. Неглюбка Ветковского р-на Гомельской обл. 1982 г. Фото Н.И. Зубова

лич, смерть от удара громом, утопление, помешательство.

Наряду с хлебом, солью, освященной водой их оставляли на месте, выбранном для постройки дома, вносили в дом (наряду с крестом, священной книгой, освященной водой, свечой) на новоселье. В доме И. располагались в божнице в красном углу, который почитался как святое место внутри жилища.

И. использовались в магических обрядах. Для вызывания дождя в Пензенской губ. погружали в родник или в реку образ св. Ильи. В Вологодской губ. И. ставили на окно лицом на улицу, чтобы предотвратить удар грома.

При святочных гаданиях в центр очерченного **круга** клали И. изображением вниз, на И. ставили хлеб и соль (Русский Север). Русские и украинцы считали, что желающий стать колдуном или ведьмой должен был встать на И., в т.ч. на ту, которой его благословили родители при вступлении в брак, испражниться на И.; чтобы ружье было без промаха, нужно было, стоя на И., повернутой ликом вниз, прострелить благовещенскую просфору.

Согласно приметам, падение И. со стены или трещина на И. предвещают смерть. В Полесье верили, что увидеть И. во сне — к скорби. О судьбе больного гадали, обливая образ св. Пантелеймона водой: если часть воды останется на И., больной умрет. В Полесье при поисках утопленника пускали по воде И. со свечой: И. останавливалась на том месте, где лежало тело.

Лит.: *Успенский Б.А.* Семиотика иконы // *Успенский Б.А.* Семиотика искусства. М., 1995. С. 221–294; Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.

О.В. Белова

ИЛЬИ́Н ДЕНЬ — день памяти пророка Ильи, отмечаемый 20.VII/2.VIII. И. д. праздновался во избежание грома и молний (ср. хрононимы: укр. *Громове свято*, серб. *Илиjа громовник*, болг. *Гръмовник*). И. д. считался временем летних гроз и бурь, страх перед последствиями которых (пожары, разрушения, гибель урожая) породил отношение к И. д. как опасному и крайне неблагоприятному

(ср. рус. *Илья немилостивый, Илья сердитый*). И. д. входил в цикл дней, празднуемых для защиты от **грома** и **пожаров**: ср. также сербское поверье о том, что св. Пантелей (отмечаемый 27.VII) приходится Илье-пророку братом, а Огненная Мария (30.VII) — сестрой. В России в И. д. совершались молебны в поле и в церквях и часовнях, посвященных **Илье**; запрещались различные виды хозяйственных и домашних работ (косьба, вывоз сена, жатва, а также стирка, колочение белья вальками); несоблюдение этих запретов могло навлечь на село, дом, угодья грозу, сильные ветры, пожары. В России в И. д. совершались молебны от засухи.

У южных (реже и у восточных) славян известны поверья о том, что от грома в И. д. портятся орехи: они становятся червивыми, пустыми, сгорают изнутри, «их съедает молния». Плоды лесного ореха и сам кустарник расценивались как прибежище демонического или хтонического существа, поражая которое, гром (громовержец) наносит вред и самим плодам (см. **Лещина**).

И. д. считался календарной границей, когда проявлялись первые признаки **осени**. Болгары говорили, что в И. д. Илья надевает первый из своих семи кожухов и поворачивается в сторону зимы, а в России считалось, что «на Илью до обеда лето, а после обеда осень». Верили, что с И. д. перестает греть солнце («До И. д. и под кустом солнце сушит, а после И. д. и на пустоши роса не обсыхает»); начинаются утренние холода и даже заморозки («На И. д. и камень прозябает», «До Ильи — хоть разденься, а после Ильи в зипун оденься»); сокращается световой день («Петр и Павел час убавил, Илья-пророк два уволок»); опадают листья с деревьев («Придет Петрок — оторвет листок, придет Илья — отщипнет и два»); начинаются дожди и ненастье («До Ильи и поп дождя не намолит, а после Ильи и баба фартуком нагонит», «Прийде Iлля, то наробить у полі гнилля»). С И. д. запрещалось **купание**.

С И. д. связывалось сезонное исчезновение животных (змей, птиц и др.; ср. **Воздвижение**), а также начиналось «волчье» время: открывались волчьи норы и волки могли нападать на скот; в некоторых местах в И. д. начинался сезон охоты на волков и охотники считали, что, затравив в И. д. волка, они обеспечат себе удачу на будущее.

С И. д. отменялись запреты на пищу нового урожая. В И. д. пасечники в первый раз подрезали соты и угощали всех **медом**. К И. д. должно было закончиться роение пчел; после него пасечники отгоняли чужой залетевший к ним рой, считая его ненадежным (ср. рус. «Ильинский рой не в корысть»). У восточных славян с И. д. связано появление хлеба из муки нового урожая (ср. приметы: укр. «На Іллі новий хліб на столі», бел. «На Илью поўну печь хлеба нальлю»). Хлеб из новой муки приносили для благословения в церковь, оставляли его перед иконой Ильи.

И. д. был одной из хозяйственных границ года: в И. д. могли начинать **жатву** («Илья жниво зачинает») или заканчивать уборку урожая (укр. «Ілля на полі копи лічить»), а также завершать косьбу: «Илья-пророк — косьбе срок»; после И. д. косили толокой в помощь вдовам, сиротам и одиноким старикам (ср. бел. «Iвановэ сена — пановэ, а Іллінэ — удовінэ»).

Одним из наиболее заметных событий И. д. была **братчина** — осенний праздник урожая.

Лит.: *Макашина Т.С.* Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 83–101.

Т.А. Агапкина

ИЛЬЯ́ — ветхозаветный пророк, в народной традиции повелитель грома, небесного огня, дождя, покровитель урожая и плодородия. День памяти св. И. — 20.VII/2.VIII.

И. — «грозный святой». Согласно славянским народным легендам, опирающимся на библейскую традицию, И. был взят живым на небо. До 33-х лет И. не мог ходить и был исцелен и наделен огромной силой Богом и св. Николаем, после чего был вознесен на небо (рус.; ср. былинный сюжет об Илье Муромце).

И.-пророк ездит по небу на огненной (каменной) колеснице, запряженной огненными (белыми, крылатыми) конями (в.-слав.), или на белом коне (болг.), отчего и происходит гром. Зимой И. ездит на санях, поэтому грозы и грома не бывает (рус.). Гром происходит также оттого, что И. катает по небу бочки (болг.). Сила И.-громовержца столь велика, что ее приходится сдерживать: Бог возложил на голову И. тяжелый камень (рус.), сковал ему одну руку и ногу (укр. карпат.); сестра Ильи Мария Огненная (св. Богородица, св. Елена) скрывает от него день его праздника, иначе И. от радости побьет молниями весь свет (серб., болг.); у И. есть только левая рука; если бы он имел обе руки, то перебил бы всех дьяволов на земле (банатские геры). По русскому поверью, перед концом света И. три раза объедет свет, предупреждая о Страшном суде; согласно карпатской легенде, явится на землю умирать или примет мученическую смерть через отсечение головы на шкуре огромного вола, который пасется на семи горах и выпивает семь рек воды; пролившаяся при этом кровь И. сожжет землю. По легенде из Галиции, конец света наступит, когда И. так ударит громом, что земля рассыпется и сгорит; ср. рус. духовный стих «О Страшном суде», в вариантах которого И. карает грешный человеческий род.

В сербских песнях И. разрешает спор земли и неба о правде и кривде, побывав на земле и узнав, что «кривда на землице черной». И. наказывает людей за их грехи, запирает небо на три года так, что не греет солнце и не идет дождь, насылает оспу.

Русские крестьяне на Смоленщине считали, что на земле идет дождь, когда И. развозит по небу воду для святых и проливает ее. По верованиям болгар, И. заставляет души умерших цыган делать град и пускать его на поля грешников. Молния — это след от колесницы И. или огненные стрелы, бросаемые И. с неба в чертей, ламий, **хал**. От удара копыт коня И.-пророка или от громовых стрел И. образуются источники, почитающиеся в народе святыми.

Как податель урожая и приплода скота И. выступает в обрядовом фольклоре (колядки, щедровки, подблюдные, волочебные, жнивные песни). По болгарскому поверью, белые летние облака — это овцы И.-пророка. Среди календарных обрядов, направленных на увеличение плодовитости и охрану скота, у русских отмечаются: «обещание» Илье, когда в канун Ильина дня режется заранее откормленное животное и лучшая часть мяса жертвуется в церковь; зажигание «живого огня» в Ильинскую пятницу. На Ильин день устраивали **братчину**. Болгары на Ильин день колят **курбан** (петуха, вола, быка, барана), пекут обрядовый хлеб («боговица», «колач за св. Илия»). У юж. славян Ильин день считается праздником скорняков, суконщиков, портных.

В в.-слав. заговорах и молитвах И. помогает найти клад, улучшить урожай хлеба и цветущих трав, вызвать и прекратить дождь, завлечь зверей в ловушки; защищает людей от пожара, порчи, сглаза, болезней, колдунов, разбойников, оружия, нечистых духов (в том числе огненного змея), скот — от хищных зверей; исцеляет от кровотечения из ран, лихорадки, ночного плача.

Особенности народного культа И.-пророка свидетельствуют в пользу того, что св. И. является христианским заместителем славянского языческого бога-громовника Перуна. В народном культе святых функции И. могут частично отождествляться с функциями св. Георгия (змееборчество, воин-всадник, покровительство охоте, волкам). Антиподом карающему И. представляется милостивый св. **Николай**.

Лит.: *Макашина Т.С.* Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 83–101.

О.В. Белова

И́МЯ — персональный знак человека, определяющий его место в мироздании и социуме; мифологический заместитель, двойник или неотъемлемая часть человека; объект и инструмент магии.

Имянаречение — акт, придающий новорожденному статус человека. Дети до крещения, т.е. до получения И., нередко трактуются как животные или де-

монические существа, а умершие без И., по общеславянским верованиям, превращаются в демонов, их души блуждают по свету, плачут и просят «дать им имя». См. **Дети некрещеные**.

Правила выбора И. и именования различны в разных этнических, конфессиональных и локальных традициях. Самым распространенным было присваивание новорожденным календарного И., т.е. И. святого, которому посвящен ближайший ко дню рождения ребенка праздник. При этом избегали или даже запрещали давать И. по календарю «назад», т.е. в соответствии с праздником, предшествовавшим дню рождения. По польскому поверью, названный «назад» ребенок не будет расти; то же находим в украинских и сербских обычаях. Называние детей И. родителей, И. деда и бабки, известное всем славянским традициям, регламентируется специальными правилами. В западной Болгарии очень редко при крещении нарекали именами деда и бабки и еще реже — И. отца и матери. У русских был обычай первому сыну давать И. деда с отцовской стороны, второму — И. деда с материнской стороны, третьему — И. отца; аналогично девочек нарекали И. бабушек и матери. Необычные, редкие, забытые, старинные И. могли, по народным верованиям, предотвратить смерть новорожденного в семье, где умирали дети. С целью обмануть нечистую силу православные сербы нарекали детей мусульманскими И., а мусульмане — сербскими. У всех славян для защиты младенца, родившегося слабым или появившегося на свет после смерти предыдущих детей, прибегали к имянаречению по первому встречному, которого приглашали в кумовья.

Широко распространено представление, что «давать имя на имя» опасно, т.к. «один из тезок сживет со свету другого». Часто избегали называть ребенка именем умершего члена семьи, однако, по обычаю сербов из Восточной Герцеговины, личное И. должно как можно дольше сохраняться в семье, поэтому детей охотно нарекали И. умерших родственников, в том числе умерших детей.

«Останавливающие» И. (*Стана, Станка, Станица, Стоян* и т.д.) употреблялись у южных славян для остановки смерти детей, прекращения рождения девочек или рождения детей вообще. Тот же принцип «этимологической магии» действует при наречении детей «благопожелательными» И. или И. животных.

Табуирование и сокрытие И. применялось для защиты человека от нечистой силы, наводящей порчу «на имя» и бессильной, когда настоящее И. жертвы неизвестно. Русские, чтобы защитить ребенка от колдуна, скрывали его «истинное» И. и пользовались другим, «ложным» И. У сербов данное при крещении И. скрывалось от нескольких дней до многих лет (до поступления в школу, ухода в армию, вступления в брак), иногда оно оставалось неизвестным окружающим и даже матери всю жизнь: это практиковалось в семьях, где умирали дети. И. ребенка сербы избегали сообщать чужим людям; сам по себе вопрос о том, как зовут ребенка, считался опасным; настоящее И. ребенка сербские матери никогда не произносили в бранных формулах и проклятиях, чтобы проклятие не исполнилось.

После свадьбы женщина должна была соблюдать строгие правила именования мужа, его родителей, братьев и сестер, исключающие употребление настоящих И.; муж также не называл жену ее личным И. В Сербии старые женщины считали позором, если молодая жена назовет своего мужа по И.

Перемена И. широко использовалась в народной медицине как средство «перерождения» человека, расторжения его связи с болезнью и обмана демонических сил, насылающих болезнь.

И. умерших (особенно утопленников) обладают защитной силой: при встрече с волком надо назвать И. трех (или девяти) умерших родственников, тогда волк не тронет; при встрече с русалкой следует вспоминать И. покойников; в случае пожара рекомендуется трижды обежать дом, выкрикивая И. двенадцати утопленников; чтобы не приспать ребенка, женщина должна вспомнить И. трех утопленников (Полесье).

Тождество И. способствует, по народным представлениям, успеху магических действий. При лечении наиболь-

ший эффект достигается тогда, когда больной и целитель носят одно и то же И. (хорваты) или когда средство лечения принадлежит тезке больного.

Лит.: *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Имя в контексте культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада российской делегации к XII Международному съезду славистов. М., 1998; *Топоров В.Н.* Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 141–149; *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1979.

С.М. Толстая

ИНОРÓДЕЦ, и н о в é р е ц — в традиционной культуре представитель иного этноса или конфессии, соотносимый с категорией «чужого» (см. **Свой—Чужой**). Отношение к И. характеризуется двойственностью: с ними связаны понятия опасного, греховного, потустороннего, нечистого; в то же время И. воспринимаются как носители сакрального начала, податели блага, здоровья, удачи.

Мифические И. (первые люди, враждебные соседи) в народных легендах — **великаны**, людоеды, демонические существа: у сербов «черные арапы» — трехглавые хтонические демоны; у болгар «латиняне», «эллины», «жиды» — великаны-людоеды, иногда одноглазые; у хорватов песьеглавцы-турки (или татары) — чудовища-людоеды.

Внешний облик, языковые особенности, характерные черты быта, стереотипы поведения И. становятся темой этиологических легенд. Согласно болгарским и западноукраинским легендам, перхоть и веснушки появились у евреев, когда после воскресения Христа их обрызгал подливой оживший вареный петух. Поляки считают, что речь цыган трудно понимать с тех пор, как цыганка поранила себе язык, спрятав в рот гвоздь, предназначенный для распятия. Болгары рассказывают, что обычай обрезания у мусульман появился, когда один турок хотел оскопить себя, совершив кровосмешение. По легенде из Галиции, цыгане не имеют пристанища за то, что цыган сделал лишний гвоздь для распятия. Повсеместно у славян бытует поверье, что евреи обречены на скитания, т.к. прокляты Богом за распятие Христа. Инородцам и иноверцам приписываются зооморфные черты или скрытые дефекты: согласно польским и русским поверьям, евреи имеют маленькие хвостики, а у лютеран по шесть пальцев на ногах.

Чужой язык осознается как признак нечеловеческой природы, отсутствия разума или отождествляется с немотой. Иноязычная речь приписывается водяному и лесным диким людям (говорят по-немецки, по-еврейски, «по-египетски», по-испански, по-венгерски; ср. в церковнославянских памятниках — бесы говорят «по-сирийски»).

В представлениях об И. — иноверцах преобладающим является мотив праведности своей веры и греховности чужой. В христианской традиции язычники ассоциируются с псами (Откр., 22:15), ср. в связи с этим выражения для описания чужой веры, безверия или отклонения от «правильной» (своей) веры: рус., укр., пол., серб. «песья (собачья) вера», укр. и рус. выражение *собака татарин*, укр. пословицу «Жид, лях и собака — все віра однака». Нарушающих обычаи называют «цыгане», «недоверцы» (так же поляки называют мифических одноглазых людей; ср. рус. *полуверки, полуверицы* — умершие некрещеными дети, прóклятые, похищенные нечистой силой).

В этой связи крещение осмысляется не только как обретение истинной веры, но и как приобщение к «своему» этносу: ср. названия некрещеных детей *еврейче* (болг.), *жидок некрещеный* (ю.-рус.) и формулу распространенного у болгар, македонцев, словаков и лужичан ритуального диалога при передаче крестными или повитухой окрещенного младенца матери: «Дали вы мне его язычником (евреем), отдаю его вам христианином».

Традиционным является представление об отсутствии души у И.: у них есть только *пар, пара*, как у животных. Подобно животным, мазуры, русины, поляки, евреи рождаются слепыми и прозре-

«Еврей». Масленичная маска ряженого. Чехия

вают на третий (девятый) день (бел., укр., пол.). И. могут происходить от животных или превращаться в них: турки появились от сожительства человека с собакой или змеей (болг.), поляки — из побитой Богом собаки (укр.); еврейка превращена в свинью (о.-слав.); журавли происходят от цыган (укр.); вол произошел от русина (укр. карпат.).

Происхождение И. связывается с чертом. Цыгане произошли от черта и хромой девушки из числа фараоновых людей, преследовавших евреев во время исхода из Египта (Галиция), и именно

этим родством объясняется черный цвет волос у цыган. По верованиям белорусов, от черта зависит благополучие татар, украинцы считают, что черт обеспечивает богатство евреям. Черт, водяной, леший принимают облик немца, француза, литовца, еврея, «арапа».

В народных верованиях устойчива связь И. с колдовством и магией. Белорусы считали колдунами цыган, евреев и полешуков; украинцы — белорусов, русских, евреев; поляки Подлясья — жителей восточного Полесья. Магической силой наделялись также предметы, принадлежащие И.: в Полесье для вызывания дождя бросали в колодец горшок, украденный у еврея (см. **Кража**); нитки от еврейской ритуальной одежды вплетали в рыболовную сеть для увеличения улова.

И. как податели блага выступают в календарных и семейных обрядах. У южных славян и на Карпатах счастливой приметой считается приход в дом И.-**полазника**. Во время сватовства или венчания хорошо было иметь при себе предмет, одолженный у евреев (ю.-вост. Польша). На Балканах в семьях, где умирали дети, в восприемники к новорожденному приглашали турка, цыгана, католика для православного ребенка, православного — для католика. По сербскому поверью, ребенок будет здоров и хорошо развит, если в первый раз его накормит грудью цыганка. Хорошей приметой считалось встретить И. в дороге или увидеть И. во сне.

В обрядовых играх маски И. связаны с символикой плодородия и представлениями о потустороннем мире. В цыган, евреев, татар, венгров, турок, «арапов», китайцев рядятся на святки, на масленицу, на Страстной и пасхальной неделях, на свадьбе, во время «игр при покойнике».

Лит.: *Белова О.В.* Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях // Славяноведение. 1997. № 1. С. 25–32; *Топоров В.Н.* Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Вып. 2. Этнопсихологический стереотип в средние века. М., 1990. С. 4–14.

О.В. Белова

ИНЦЕ́СТ — кровосмешение, в народных представлениях один из наиболее страшных грехов; популярный мотив мифологических сказаний, эпоса, сказок, баллад, песен, апокрифических рассказов и др. В повседневной жизни И. как таковой (совокупление кровных родственников) запрещался обществом, в то время как иные формы, близкие к И. (снохачество, например), были распространены достаточно широко. Обычное право препятствовало бракам между кумовьями (**крестными родителями**), а также между их детьми.

В славянском фольклоре тема И. представлена несколькими группами текстов. Эдипов комплекс, согласно легендам, послужил источником предательства Иуды и его судьбы: родители Иуды увидели сон, в котором он убивал отца и женился на матери, поэтому они бросили его в море; Иуда спасся и совершил-таки грех; мать поздно распознала в нем сына по некоторым приметам.

Известные в болгарском фольклоре мифологические рассказы об И. между **близнецами** (братом и сестрой) передают сюжет о «небесной свадьбе». И. между ними отнесен ко времени первотворения, и потому это единственная в славянском фольклоре ситуация, когда И. мыслится нормальным и оправданным. Солнце хочет жениться на своей сестре — Луне или Зарнице (Венере), а Месяц — на своей сестре Вечернице (Венере). Утренняя и вечерняя ипостаси Венеры оказываются близнецами, братом и сестрой, которые женятся, не подозревая о родстве между ними. Чаще же в фольклорных текстах речь идет об И. между братом и сестрой. В южнославянском фольклоре мотив И. присутствует в легендах о Бабе Марте, неудовлетворенной сексуальными возможностями своих братьев *Голям Сечко* и *Малък Сечко* (т.е. января и февраля). Инцест Бабы Марты с братьями Январем и Февралем трактуется как начало нового космического цикла.

В балладах, напротив, И. обычно совершается по незнанию (неузнаванию) родственников, что, однако, приводит к трагическому финалу: согрешившие брат и сестра решаются на самоубийство.

Тема И. брата и сестры особенно характерна для купальского цикла; предполагают, что во время игрищ на Ивана Купалу допускалась полная сексуальная свобода, хотя прямых свидетельств об этом нет. В то же время отнесенность инцестной темы к Купале согласуется с матримониальными ритуалами, гаданиями о замужестве, травестизме, эротическими песнями, популярными в купальском цикле. В Сербии в ночь на Иванов день девушки отправлялись в горы, зажигали костры и там пели песни о Марте и девяти ее братьях, в которой содержался намек на И. Марты и ее братьев. Баллады об инцесте исполнялись в летний Иванов день и у словенцев.

Тема последствий И. и наказания за него в восточнославянских балладах представлена такими мотивами, как «брат и сестра превращаются в цветок», «брата с сестрой не принимают в монастырь», «брата с сестрой не трогают дикие звери», «они не могут утонуть». В болгарских этиологических легендах о темой И. (между кумовьями, братом и сестрой) связано происхождение пятен на месяце: родственники, преступив обычное право и нравственные нормы, были наказаны Богом и помещены на месяц. Согласно поверьям, различные стихийные бедствия (град, проливные дожди, кровавый дождь, наводнение и засуха) — это возмездие, посылаемое людям в наказание за грех кровосмешения. Отдельные свидетельства называют в качестве последствий И. рождение **вампира**, **ведьмы**, **волколака**, **змея** или превращение в них человека. И. рассматривается и как причина болезней и уродств у детей.

С И. связаны легенды о происхождении матерной брани. В России рассказывали о том, как дьявол смутил одного человека: человек тот убил отца, а на матери женился, с тех пор и начал человек ругаться, упоминая в брани имя матери.

В магии тексты, содержащие мотив И., как и некоторые другие мотивы «чудес» и невиданных удивительных событий, наделяются апотропеической функцией. В Македонии в Юрьев день, оберегая молоко от ведьм, под стреху ставят брата с сестрой, одевают их и при этом произносят формулу невозможного: «Когда сойдутся брат с сестрой, тогда и возьмут молоко у тебя из вымени».

Лит.: *Пропп В.Я.* Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. М., 1976; *Путилов Б.Н.* Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте. М., 1964; *Мелетинский Е.М.* Об архетипе инцеста в фольклорной традиции // Фольклор и этнография. Л., 1984.

Т.А. Агапкина

ИОА́НН КРЕСТИ́ТЕЛЬ — новозаветный персонаж, связанный с евангельскими сюжетами о Крещении Иисуса Христа и царице Иродиаде, породившими в народной традиции ряд поверий и запретов магического характера.

В этиологических легендах И. К. выступает как мифический родоначальник, первый человек, которому дьявол повредил ногу, и с тех пор у людей спереди на ноге выемка (серб.). Согласно эсхатологическим легендам, И. К. первым из святых сойдет на землю перед концом света и будет убит; после его смерти явится Христос и наступит Страшный суд (нижегород.).

Большинство народных рассказов о И. К. отражают книжные христианские сюжеты; ими же обусловлены наименования святого, принятые в традиционной культуре.

Иоанн Предтеча именуется *Креститель, Креститель Христов (Господень)* (рус.), *Иван Самокреститель* (архангел.), потому что крестил Христа и установил обряд крещения. Первоначально И. К. был весь в шерсти, как овца, и только после крещения шерсть с него свалилась (орлов.; ср. изображения И. К. в канонической и лубочной иконографии). Приходящих к нему на крещение он сначала бил железным костылем, чтобы «грехи отскочили», а потом крестил; И. К. был праведником и аскетом: не ругался, не ел хлеба, не пил вина (орлов.). Он является одним из самых почитаемых святых, в заговорах может приравниваться к евангелистам (*Иван Пятитечий* — приангар.).

Из дней почитания святого в народной традиции наиболее значимы **Иван**

Купала и Иван Головосек (день Усекновения главы Иоанна Предтечи, 29.VIII/ 11.IX).

Ряд наименований и эпитетов И. К. связан с купальскими обрядами: рус. *Травник*, серб. *Биљобер*, *Метлар* — со сбором трав; серб. *Свитњак* — с возжиганием огней; серб. *Игритељ* — с игрой солнца; серб. *Наруквичар* — с обычаем обматывать руки красной пряжей и носить ее до Петрова дня, чтобы руки не болели. Народная этимология названия *Купала* опирается на представление о том, что И. К. «купал» Иисуса Христа, когда крестил его (рус.).

Другой круг наименований святого и посвященного ему праздника (в.-слав. *Головосек, Иван безглавый* в заговоре из Вятской губ.), а также комплекс обрядов и поверий связаны с христианской легендой о мученической смерти И. К. через отсечение головы.

Обрядность праздника Усекновения во многом связана с запретами на все, что напоминает голову, кровь, блюдо, меч, отрубание. Повсеместно у славян запрещалось есть в этот день шаровидные плоды: арбузы, яблоки, лук, капусту, репу и т.п.; запрещалось употреблять блюда и тарелки, брать в руки серп, косу, топор. Овощи нельзя было резать, хлеб надо было ломать. По белорусскому поверью, в течение года отсеченная голова И. К. почти прирастает к своему месту, но лишь только люди в день *Ивана Головореза* станут резать хлеб, голова снова отпадает. У южных славян строго соблюдался запрет на красные плоды и напитки (ибо «это кровь святого Иоанна»). Столь же магический характер носит соблюдаемый русскими запрет в этот день петь песни и плясать, мотивируемый тем, что «Иродова дочь плясанием и песнями выпросила отрубить голову Иоанна Крестителя».

Усекновение признается одним из самых опасных праздников: ребенок, родившийся в этот день, будет несчастным; полученная в этот день рана не заживет (ю.-слав.). В тот день недели, на который пришлось Усекновение, в течение целого года не начинали никаких важных дел: пахоты, сева, не отправлялись в путь, не устраивали свадьбы. Македонцы не кроили в такой день одежду, боснийцы не начинали снование, боясь, что все сшитое, вытканное или скроенное «посечется». Сербские женщины на Усекновение не расчесывали волос, чтобы волосы «не секлись».

В белорусском Полесье бытует поверье, что лунные пятна — это голова И. К.: «Сидит человек и голова отсечена — это Ивана Хрестителя сечение головы».

Согласно народным верованиям, И. К. исцеляет от болезней головы; в заговорах и молитвах к нему обращаются с просьбой об избавлении от нечистой силы, порчи, лихорадки, кровотечения, золотухи, родимчика у детей, гнева начальства, болезней скота.

О.В. Белова

И́РИЙ, и́рье, вы́рий, вы́рей — мифическая страна, находящаяся на теплом море на западе или юго-западе земли, где зимуют птицы и змеи. Первое упоминание об И. содержится в Поучении Владимира Мономаха (1096 г.): «И сему ся подивуемы, како птица небесныя из ирья идут».

Согласно восточнославянским верованиям, осенью в И. улетают птицы, насекомые и уползают змеи, а весной возвращаются оттуда. Украинцы считают, что ключи от И. находятся у **кукушки**, поэтому она первая туда улетает и последняя из птиц возвращается весной, она же несет на своих крыльях в И. уставших птиц; последним туда улетает **аист**. Бог проклял воробья и лишил его права улетать в И. Все птицы и змеи направляются в И. на **Воздвижение** (14.IX по ст.ст.), на земле остаются только те змеи, которые кого-либо укусили. В Полесье считают, что змеиный И. находится под землей и представляет собой большую яму в лесу.

Русские полагают, что все птицы возвращаются из И. в день **Сорока мучеников**; по украинским верованиям, в этот день прилетает только **жаворонок**, а **ласточка** вылетает из И. в день архангела Гавриила (26.III по ст.ст.). Украинцы различают птичий и змеиный И.

Словом *вырей, ирей* у русских и белорусов могут называться сами перелет-

ные птицы (ср. рус. тверское *вырей* — «жаворонок»), стаи птиц, улетающих на зиму или возвращающихся весной, а также стаи змей, которые, как полагают, под предводительством своего царя идут на зимнюю спячку.

Понимание И. как «того света», куда попадают души умерших, тесно связано с мотивом зимовки там птиц и змей, которые, согласно славянским верованиям, являются воплощением душ умерших. В одном из белорусских причитаний по отцу говорится: «все пташечки в вырай полетели, и ты вслед за ними».

Змеи ползут в И. по деревьям, что поддерживается представлением о **дереве**, связующем этот и тот мир. Наиболее архаичным можно считать представление, согласно которому путь в И. пролегает через **воду**, в частности через омут или водоворот (ср. взгляд на воду как на один из путей в потусторонний мир). Это представление подтверждается восточнославянскими поверьями о том, что на зиму ласточки и другие мелкие птицы прячутся в **колодцы**, омуты, водовороты, прибрежные травы и т.д. В Гродненской обл. сохранилось верование, что птицы осенью сбиваются в большой шар и опускаются в море. Это согласуется с представлениями о том, что И. находится в воде, море, что там существуют теплые колодцы.

Связь И. с водой и водоворотом подтверждается объяснением первоначального смысла слов *ирий, ирей, вырей*. Согласно одной из гипотез, это слово со значением «мифический край, где зимуют перелетные птицы» восходит к индоевропейскому корню **iur* — «водоем, море». Толкование И. как страны, находящейся за морем, согласуется с народными представлениями о загробном мире, путь в который лежит через водную преграду.

Лит.: *Безлай Ф.* Немецкое *Himmelreich* и славянское **irijь, vyrijь* // Советское славяноведение. 1976. № 5. С. 65–67.

Е.Е. Левкиевская

ИСТО́ЧНИК — место выхода на земную поверхность подземных ключей («водоносных жил»), несущих, по народным представлениям, чудодейственную целебную воду. Среди прочих водоемов И. наделяется признаками особой чистоты, целебной силы, благодаря своей связи с подземными и небесными водами. Почитание И. определяется верой в магические свойства проточной воды, которая называется «живой», «чудесной». Представления о небесном происхождении подземных вод лежат в основе народных определений родниковой воды как «небесного семени» или «божественной крови» (серб.). Сохранились многочисленные исторические свидетельства о том, что славяне поклонялись водным И., возле которых они совершали массовые моления, гадания и жертвоприношения, обряды вызывания дождя, заключения союзов и умыкания жен; в средневековых церковных поучениях упоминаются запреты «нарицати себе Бога в реках и студенцах».

Мотив взаимосвязи подземных, земных и небесных вод присутствует в народных преданиях, повествующих о происхождении святых И. Так, по восточнославянским легендам, сразу после сотворения земли Бог повелел идти дождям, а птицам приказал разносить дождевую воду в разные земные И. по всему свету. Возникновение родников объяснялось в русских апокрифических преданиях тем, что мифический змей Индрик, двигаясь в подземелье, прокладывает путь водным протокам и ручьям. Внезапное появление святых И. считалось чудом, сотворенным божественными силами: в русских нижегородских легендах рассказывается о том, как Серафим Саровский стукнул по земле своим посохом и из земли тотчас забил чудодейственный ключ. По другой русской легенде, И. возник от удара копытом коня Ильи-Пророка. В польских топонимических преданиях рассказывается о местных И., возникших на месте, где наблюдались разные чудеса: например, там, где прямо из земли вышли две коровы, или там, где курица закопала снесенное ею яйцо.

Чудодейственными и священными считались в народной традиции И., стекающие с гор или бьющие из-под камней, из-под корней старых деревьев.

По русским поверьям, «громовые» или «гремячие» И. появлялись от удара в землю грома. Обнаружив такие пробившиеся из земли новые ключи, крестьяне ставили рядом с ними часовни с образами Богоматери или св. Пятницы. К таким И. ходили больные в надежде на исцеление, здоровые — чтобы предохранить себя от болезней; люди в любое время года купались в таких И., обливали друг друга водой, прикладывали ее к груди, голове, глазам, набирали воду для магических целей. О лечении глазных болезней водой из святого И. упоминается в житии Константина Святославича, скончавшегося в Муроме в XII в. Во многих славянских лечебных заговорах встречаются образы ключевой воды (быстрых потоков) как средства «смывания» грехов и болезней или очищения от скверны. Целебные свойства приписывались родниковой воде в связи с тем, что она якобы вытекает из святого первоисточника; болгары называли его «материнский источник»; в словацких заговорах сообщается, что вода из такого И. течет «от пана Христа».

К И. люди предпочитали ходить рано утром до восхода солнца; шли туда и обратно молча, не оглядываясь, не здороваясь со встречными; при набирании воды старались опередить друг друга, чтобы набрать самую целебную, никем не потревоженную («непочатую») воду; при набирании воды бросали в И. монеты, хлеб, обращались к воде с ритуальными приветствиями и поздравлениями; на берегу и прибрежных кустах оставляли (как жертву И.) свои платки, шейные кресты, лоскутки одежды и т.п.

Целебные (или вредоносные) свойства И. зависели от мифических «хозяев водоемов». По болгарским поверьям, каждый И. имеет своего особого духа-покровителя (это могли быть: *хала, ламя, змея, стопан, самодива).* Если горный поток выходил из берегов и уносил какое-нибудь животное, население Родоп воспринимало это как наказание со стороны духа воды за то, что люди не справили своевременно возле И. очередной **курбан**. Почитанием И. и опасением навредить духам-охранителям воды объясняются запреты и правила поведения у воды. Повсеместно у славян запрещалось плевать и мочиться в проточную воду (словаки говорили, что нарушитель этого запрета «плюет в лицо Божьей Матери»). Не разрешалось также осквернять целебные И. стиркой белья, бросать в них мусор и падаль, водить к И. на водопой скот. В южнорусских преданиях широко распространены мотивы об исчезновении И. в наказание за нарушение подобных запретов.

Степень чистоты и целебных свойств И., по народным верованиям, не была одинаковой в разное календарное время. По белорусским свидетельствам, самые массовые паломничества к родникам и святым И. начинались весной после первого грома, т.к. считалось, что гром, преследующий чертей, очищает водоемы от нечистой силы. Обрядовое хождение к И. отмечалось у южных славян в Юрьев день или накануне Пасхи и Вознесения. Широко распространены также обычаи хождения к И. в праздник Крещения, когда, как считалось, вода на один миг становится целебной и чудодейственной.

Л.Н. Виноградова

ИУ́ДА, Ю́да — по новозаветному преданию, один из апостолов, предавший Иисуса Христа. В славянской народной традиции И. — персонаж легенд, мифологических рассказов и обрядового ряженья.

Согласно народным легендам, причина преступления И. кроется в его прошлом: И. зачат в постный день (в пятницу), поэтому должен стать злодеем и убийцей; мать была беременна И. целый год; судьба И. решается перед его рождением в споре двух ангелов, и во второй половине жизни И. достается злому ангелу; И. родился рыжим, что подтверждало его злой нрав (ср. украинские и русские представления о рыжине, косоглазии, картавости как «нечеловеческих» признаках). Родители бросают И. в бочке в море, т.к. видят сон, что их сын убьет отца и женится на матери; через много лет И. действительно совершает убийство и кровосмешение, мать узнает его по метке: шраму на животе или на

бедре, золотой булавке в голове (см. **Инцест**). После раскаяния (33 года носил воду на вершину горы и поливал сухую палку, пока она не зацвела) И. принят в число учеников Христа. Иногда И. выступает как «двойник» Христа, полностью повторяющий его судьбу: И. и Иисус родились в одном селе, вместе росли, дружили; И. предал Христа, но и сам был распят на кресте. На предательство И. толкают жадность, зависть, чувство соперничества и даже этническое различие (согласно полесской легенде, Иуда был евреем, а Христос — русским).

Совершив предательство, И. покончил с собой, чтобы опередить Христа, скорее попасть в ад, быть спасенным вместе с другими людьми и сохранить свои серебреники, но опоздал и навечно остался в пекле. Согласно славянским легендам, И. повесился на **осине**, из-за чего она все время дрожит и горькая на вкус, на бузине, на рябине, на дубе; хотел удавиться на **березе**, которая от страха побелела; кровь И. попала на ольху, и древесина приобрела красноватый цвет; был придавлен деревом, выпустил себе внутренности, разбился при падении, его тело разложилось от неведомой болезни. Из тела И. выросли табак, хрен, лук, чеснок. После смерти И. попал в ад, где сидит на коленях у Сатаны как самый великий грешник. По украинскому поверью, душа И. может скитаться по земле и вселяться в человека, нарушившего пост на Страстной неделе, вызывая падучую. С именем И. связано представление о том, что после его смерти среди людей появились висельники, утопленники и самоубийцы.

Славяне сближают И. с различными демонологическими персонажами, ср. укр. *юда* — «злой дух, нечистая сила». У южных славян бытуют поверья о «юдах» — злых демонах, которые по ночам душат детей и вредят людям (Болгария, Македония). В белорусских сказках «Юда — беззаконный черт» — человекоподобное лесное существо, оборотень со смертоносными клыками. В рассказах сибиряков «Иуда беззаконный» сближается с водяным: если отказать И. в просьбе, он утащит в пруд, под мельничное колесо.

У западных и южных славян-католиков к Страстной неделе приурочены обряды «сожжения» и «изгнания» И. Соломенное или деревянное чучело, называемое «Иудой», носили по улицам, били, дергали за волосы, вешали на площади, на кладбище, топили в реке, сбрасывали с башни костела, ломали и сжигали возле костела. Головешкам от этого костра приписывалась магическая сила хранить хозяйство от нечистой силы, из них делали «иудины крестики», которые втыкали на поле в качестве оберега от града, ливня, ведьм или в день св. Яна (24.VI) закапывали во дворе в навоз, чтобы в хлев не вошла ведьма. В Чехии и Словакии «И.» участвовал в предпасхальных процессиях ряженых. Раскрашенную деревянную (тряпичную, соломенную) фигуру И. возили на тачке по селу, исполняя песни о предательстве И., о муках и смерти Христа.

У западных славян широко распространены пасхальные обрядовые печенья в виде человеческих фигурок и петель под названием «иудины петли». Эти печенья мазали медом, чтобы в течение года человека не кусали змеи и не заманивали в топь болотные огоньки.

Представления об И. связаны также со «злыми днями»: у лужичан и поляков несчастливым днем считается 1 апреля — в этот день якобы родился И.

Лит.: *Соловьев С.В.* К легендам об Иуде-предателе. Харьков, 1895.

О.В. Белова

К

КАБИНЕ́ТНАЯ МИФОЛО́ГИЯ — совокупность персонажей, без должных оснований относимых к славянским языческим богам и фигурирующих в ученых сочинениях по славянской мифологии с XVIII в. по наши дни.

В основе К. м. лежит представление о славянском язычестве как пантеоне «личных» богов, осмысляемых либо в антропоморфных образах, либо в виде идолов. Создание К. м. стимулировалось желанием воссоздать славянское язычество, недостаточно отраженное в древних источниках, несовершенными приемами донаучного, а в значительной степени и научного исследования, обилием разного рода вторичных и даже фальсифицированных источников. Существовала также устойчивая тенденция моделировать славянское язычество по образцу древнегреческой или римской мифологии.

Наиболее последовательное выражение К. м. получила в книге А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869, т. 1–3). В одном ряду с «подлинными» богами славянского язычества здесь упоминаются и такие, отнесение которых к богам (а в отдельных случаях и само существование) сомнительно (Белобог, Вазила, Весна, Горыня, Жыж, Жыцень, Зирка, Зюзя, Купала или Купало, Лада или Ладо, Лето, Ляля, Масленица, Овсень, Цеця, Чур, Ярила или Ярило).

Среди персонажей К. м. имеются такие, имена которых представляют собой названия сезонов (Лето, Весна) или календарных праздников (Купала, Коляда, Масленица). Эти названия могли осмысляться как имена собственные в календарных песнях, а также закрепляться за обрядовыми антропоморфными чучелами. Вообще названия чучел и кукол часто рассматриваются исследователями как имена языческих богов (Кострома, Морена). Имена таких персонажей К. м., как Лада или Ладо, Лель, Полель, образованы, по-видимому, в результате специфической интерпретации полубессмысленных припевов обрядовых песен, ср. в «Густынской летописи» (XVII в.): «Сего Ладона, беса, по некаких странах, и доныне на крестинах и на брацех величают, поюще своя некия песни, и руками о руки или о стол плещуще, Ладо, Ладо, преплетающе песни своя, многажды поминают». Уже в «Славянской и российской мифологии» А.С. Кайсарова (1804) теоморфный характер приписывался некоторым героям русских сказок (Баба Яга, Горыня). Десятки белорусских «богов» описаны в статье П. Древлянского (псевдоним П.М. Шпилевского) «Белорусские народные предания» (1846); описания П.М. Шпилевского изобилуют фантастическими деталями и не заслуживают доверия ни в целом, ни в частностях; однако на сведениях этого автора во многом основываются А.Н. Афанасьев и последующие авторы, говоря о таких персонажах, как Ярила и Чур, а также Вазила, Жыж, Жыцень, Зюзя, Цеця и др.

Лит.: *Зубов Н.И.* Научные фантомы славянского Олимпа // Живая старина. 1995. № 3. С. 46–48; «А.Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу». Справочно-библиографические материалы. М., 2000.

А.Л. Топорков

КАЛЕНДА́РЬ НАРО́ДНЫЙ — исторически сложившаяся система членения, счета и регламентации годового времени, организующая обрядовый цикл (календарные обряды), хозяйственную и бытовую практику, в значительной мере

также и верования, и бытование фольклора.

В основе К. н. лежит христианский (церковный) календарь, определяющий состав, порядок, иерархию единиц годового времени (прежде всего **праздников, постов** и мясоедов), в значительной степени и их терминологию. Однако содержательная сторона К. н., интерпретация праздников, периодов и сезонов, а также приуроченные к ним обряды, обычаи, запреты, предписания в целом не выводимы из христианского учения и являются органическим компонентом народной традиции.

Единицы К. н. неоднородны и разномасштабны. Кроме иерархической структуры «год–месяц–неделя–день» (ср. загадку: «Стоит дом в 12 окон, в каждом окне по четыре девицы, у каждой девицы по семь веретен, у каждого веретена разное имя»), выделяются сезоны, периоды, серии и другие группировки дней. Главные единицы К. н. соотнесены с разными природными явлениями: год и день — элементы большого и малого солнечных оборотов; месяц и неделя, хотя и привнесены христианским календарем, сохраняют соответствие с более древним счетом времени по лунным циклам (отсюда *месяц* — 'луна' и 'месяц, отрезок года') и фазам **луны**. Об этом свидетельствуют хронологические значения древних славянских месяцев и соответствующее им членение года, не совпадающее с юлианским календарем.

Единство К. н. поддерживается существованием симметричных в годовом круге парных праздников (ср. *Никола вешний* и *Никола зимний*, *Юрий весенний* и *осенний*, *Афанасий зимний* и *летний*, *святки* рождественские и *святки* на Троицу и т.п.), праздников-«родственников» (ср. рус. «Масленица — Семикова племянница»), терминологической «перекличкой» (*белая неделя* может быть у сербов на масленицу, на Пасху, после Троицы), значимостью для всего года того дня недели, на который пришелся один из крупных неподвижных праздников (особенно крещенский сочельник, **Благовещение** и др.), почитанием отдельных дней недели на протяжении больших периодов, особенно **пятниц** и **четвергов**, а также «сухих» дней, «градовых» дней и др.

Начало года в народной традиции связывается главным образом с весной и пробуждением природы (в России до конца XV в. официальный календарь начинался с 1 марта, а затем до Петровских реформ — с 1 сентября). Практически оба начальных срока (зимний и весенний) в К. н. сохраняют актуальность и прогностическое значение для всего года.

Согласно языковым и этнографическим данным, изначально год у славян делился не на четыре, а на два сезона: лето и зиму. Во всех славянских языках для обозначения лета и зимы служат одни и те же слова — *лето* и *зима*, тогда как в обозначениях весны и осени такого единства нет. На северо-западе Болгарии лето и зима назывались соответственно *летнее солнце* и *зимнее солнце*, а в Пиринском крае считали, что эти два солнца идут разными путями: одно — ближе к земле, другое — дальше от земли. Летнее солнце появляется на **Благовещение** (25.III), а исчезает на **Воздвижение** (14.IX), когда его сменяет зимнее солнце. Эти же точки оказываются главными границами летнего и зимнего времени у восточных славян. У южных славян подобное значение может приписываться также **Юрьеву дню** (23.IV) и **Дмитриеву дню** (26.X).

В свою очередь, середина летнего и зимнего периода отмечены двумя крупнейшими праздниками (**Иван Купала** и **Рождество**), соотносительными по смыслу, символике и ритуальным формам. Тем самым год получает деление, не совпадающее с «официальными» границами сезонов, но приблизительно соответствующее точкам солнцеворота и равноденствия. Это делает год изоморфным суткам: в суточном круге день и ночь соответствуют лету и зиме, полдень и полночь — Ивану Купале и Рождеству, восход и заход солнца — Благовещению и Воздвижению, и даже опасный период **святок** находит себе параллель в «демоническом» отрезке суток от полуночи до рассвета.

Обрядовая структура К. н. представляет собой цикл, условно членимый на

следующие комплексы: (1) святочный (рождественский); (2) масленичный; (3) ранневесенний (недели Великого поста, день Сорока мучеников, Благовещение и др.); (4) средневесенний (Пасха, Юрьев день, Никола вешний, Вознесение и др.); (5) поздневесенний (троицко-купальский период); (6) летний (жатвенная обрядность, Ильин день, Успение, Иван-Головосек и др.); (7) осенний, слабее всего выраженный в ритуальном плане (Семенов день, Рождество Богородицы, Покров, Дмитриев день, Михайлов день и др.); (8) зимний (адвент, Андреев день, Варварин день, Люция, Никола зимний и др.).

Календарные обряды реализуют единый набор ритуальных форм (обходы, обряды с зеленью, ритуальные трапезы и угощения, возжигание огней, ряжение, изготовление и уничтожение ритуальных предметов, обереги, пение и т.п.), из которых в каждом комплексе и в каждом конкретном обряде в зависимости от его содержания фигурируют лишь некоторые. Например, продуцирующие и инициальные ритуалы приурочены главным образом к рождественскому и весенним комплексам, очистительные — к весенним, отгонные и защитные — к троицкому и купальскому, **обходы** и **костры** встречаются во всех комплексах и т.д.

Границы комплексов нередко оформляются как «встреча» и «проводы» с характерным набором ритуальных действий: в первом случае это призывание, угощение, изготовление и внесение ритуального предметного символа и т.п., во втором — выпроваживание, удаление, изгнание, уничтожение его. В качестве символов, обозначающих границы периодов, выступают зелень, ритуальное деревце, чучело, пища, костры, ряженые персонажи.

Единство календарных обрядов проявляется также на уровне их мифологического содержания. Кардинальными для календарной мифологии следует считать представления о необходимости ритуального «подкрепления» и магического стимулирования природного порядка (наступления весеннего тепла, начала вегетации, сохранения плодородия земли после снятия урожая и в конечном счете — самого движения времени) и соблюдения необходимого равновесия в отношениях с потусторонним миром, от которого зависит земное благополучие. Отсюда исключительное значение продуцирующей магии, поминальных ритуалов, а также особая мифоритуальная роль тех периодов, когда, по народным поверьям, души предков ходят по земле (святки, масленица, пасхальная неделя, русальная неделя). Третьим важнейшим компонентом календарных верований является демонологический, определяющий годовое расписание появления, активизации и исчезновения мифологических персонажей и роль охранительных ритуалов и отгонных мотивов в К. н.

См. также **Весна, Зима, Лето, Осень, Праздник, Время.**

Лит.: Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. М., 1973–1983. Т. 1–4; Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост. А.Ф. Некрылова. М., 1991; *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.

С.М. Толстая

КА́МЕНЬ — один из первоэлементов мира (наряду с **землей**, **водой**, **огнем**, **воздухом**); символ мертвой природы. Твердость, прочность, долговечность, неподвижность, неподверженность изменениям определяют его использование в охранительной, продуцирующей и лечебной магии. В народной космогонии К. трактуется как опора, основание, стержень, ось мира и уподобляется **дереву мировому** и **горе**.

В первые времена К. были подобны живым существам: они чувствовали, размножались, росли, как трава, и были мягкими; с тех пор на К. остались углубления — следы ног Бога, Богородицы, святых, нечистой силы. К. перестали расти, когда Бог проклял людей и землю за грехи. Происхождение крупных каменных глыб, валунов, скал и т.п. часто объясняется окаменением людей (иногда животных), великанов, проклятых или наказанных за грехи. В народной традиции распространено почитание культовых К., особенно связанных с именами

святых или легендарных героев: Богородицы, св. Параскевы, Марко Кралевича и др.

К. выступает как заместитель человека: по обычаю южных славян, в случае смерти одного из **близнецов** или **одномесячников**, чтобы предотвратить смерть второго, нужно в гроб умершему положить камень и сказать: «Оставляем тебе в качестве брата этот камень: а X. (имя живого брата. — *Авт.*) берем себе братом».

К. используется для обезвреживания опасности, чтобы ее источник стал мертвым и неподвижным, как К.: чтобы волки не нападали на скотину, сербы в день св. Саввы раскаляли на огне К. Чтобы предохранить воду в колодце от порчи, поляки туда кидали К. Крепость и нерушимость К. определяют его использование в магических приемах сохранения крепкого здоровья: украинцы, болгары, поляки и чехи, чтобы не болела голова, во время первого грома трижды ударяли себя К. по голове.

Принадлежностью К. к мертвой природе (он холодный, неподвижный, бесплодный, не растет, не развивается) объясняются запреты сажать **ребенка** на К., — поляки считали, что иначе он не будет расти. В Польше существовал также запрет закапывать послед под К., иначе следующие роды будут тяжелыми. Камню из-за его неподвижности приписывались свойства останавливать, прекращать болезнь или опасность. В южнославянской лечебной практике останавливающими свойствами якобы обладал *становит К.* [«останавливающий камень»] — большой, широкий, отдельно стоящий К.: если у женщины умирали дети, она, стоя на таком К., должна была связать носочки и скроить рубашку своему ребенку, чтобы «остановить» **смерть**.

В похоронном обряде также используются «останавливающие» свойства К.: после выноса тела К. (наряду с железными предметами) помещают на то место, где лежал покойник, чтобы защитить домочадцев от смерти. Древний обычай устанавливать надгробные К. также объяснялся стремлением «связать» душу, «привязать» ее к могиле, дать ей обиталище, чтобы она не блуждала по свету. В похоронном обряде, а также в лечебной практике К. использовался в архаичной функции каменного орудия, заменяя собой нож, ножницы: у сербов при изготовлении покрова и одежды для покойника полотно рассекали камнем; у белорусов камнем отрезали пуповину новорожденному мальчику, чтобы он был сильным.

К. является местом пребывания демонов: **русалки**, **водяного**; на грудах К., собранных с полей, танцуют **ведьмы**. Место под К. связано с потусторонним миром: под ним скрывается во время грозы дьявол и демоны, происходящие из душ **детей некрещеных**; поляки считали, что там пребывают грешные души.

Иногда К. в силу своей твердости ассоциировался с мужским началом. У болгар известен мотив чудесного зачатия юнака от К., который носила с собой его мать. Белорусы считали, что если в земле под супружеской кроватью лежит К., женщина забеременеет мальчиком.

У южных славян К. применялся в юридических ритуалах как орудие наказания (забивание камнями), как знак поругания (его должен был носить осужденный за прелюбодеяние), как символ клятвы и проклятия.

Лит.: *Демиденко Е.Л.* Значение и функции общефольклорного образа камня // Русский фольклор. 1987. № 24; *Макаров Н.А., Чернецов А.В.* К изучению культовых камней // Советская археология. 1988. № 3.

Е.Е. Левкиевская

КАПУ́СТА — одна из основных овощных культур традиционного рациона (особенно во время поста), многие этапы выращивания которой ритуализованы.

В день св. Андрея (30.XI/13.XII) в южной Болгарии ели К., зерновые и бобовые, чтобы в будущем году получить большой урожай этих культур. Чтобы вилки́ К. уродились тугими и крупными, в Сочельник (белорусы), в день Татьяны Крещенской (русские) женщины свивали клубки пряжи как можно туже и крупнее; в восточной Польше за

рождественским ужином, когда ели К., сжимали руками друг другу головы.

Семена К. следовало сеять до восхода солнца; на прибывающей луне, чтобы головки были твердыми (Моравская Словакия), взяв семена в рот (Закарпатье), крепко повязав голову платком (Великопольша).

Посадку капустной рассады приурочивали к одному из весенних праздников. У русских такие дни получили эпитет «Рассадницы» (день св. Лукерьи 13/26.V, Мавры 3/16.V, Ирины 5/18.V).

Запрещалось сажать К. в понедельник, вторник, четверг [мужские дни] (Полесье), на новолуние, в первые дни после полнолуния — сгниет (белорусы), в «сухой день» (вторник перед Пасхой) — К. пойдет в кочерыжку; в четверг — черви съедят (русские); в «кривую среду» (последняя перед Троицей) — уродится кривая, маленькая, червивая (Пинщина).

Чтобы головки К. хорошо завязывались, а кочаны выросли большие, круглые и крепкие, во время посадки рассады держались обеими руками за голову, повязывали голову полотенцем, платком; присаживались на корточки (Горный Спиш); опрокидывали друг друга в борозду (поляки).

Чтобы кочаны К. уродились большими, тугими и белыми, прибегали к частичному или полному обнажению: женщины и девушки (в редких случаях и мужчины) бегали по бороздам без юбок или совсем обнаженные (Русский Север, Сибирь). Украинки сажали К. в белой рубашке, оголив зад, чтобы К. была белая, крепкая и круглая (Чернигов. обл.).

Первый посаженный росток накрывали чугуном, большим горшком, а горшок — белой скатертью или белым лоскутом, сверху клали камень, произнося приговор: «Как горшок большой, как тряпка бела, как камень твердый, так и вилки капусты пусть будут больши, белы, тверды» (Сибирь).

Чтобы кочаны завивались, на Троицу в лесу завивали березку и пели: «Вейся-ко, вейся, капуста, / Вейся-ко, вейся, вьюная! / Как мне капустке не виться, / Как мне зимой не валиться» (Костром. обл.); при посадке прыгали и кружились (зап. Полесье); хозяйка трижды завязывала голову платком, «щоб капуста вънзалась» (Полтавщина). На масленицу в Польше и Словакии исполняли обрядовый танец «на капусту»; у вост. славян водили хороводы, чтобы К. вилась.

Чтобы защитить К. от вредителей, в грядки втыкали крапиву с приговором: «Крапива червям, а капуста нам» (Забайкалье). Первого увиденного на К. червяка перекусывали и зарывали в землю. Горсть земли с могилы разбрасывали по грядкам с приговором: «Как у тебя (имя покойного) зубы не разжимаются, уста не растворяются, так бы и у червяка на мою овощь зубы не растворялись» (Сибирь).

В России рубку К. начинали с Воздвижения (14/27.IX), в день Сергия Радонежского (25.IX/8.X) (*Сергий-капустник, капустки*), в Сибири — со дня Рождества Богородицы. В этот период, называвшийся *капу́стница, капустки*, начинались девичьи вечеринки, род посиделок: *капу́стники, капу́стки, капустенские вечера*, которые длились две-три недели. *Капустницы* — девушки и женщины, пришедшие на рубку К., — входя в дом, поздравляли хозяев с К., как с праздником. В Тверской губ. во время рубки К. исполнялись *капустные песни*.

Первое ритуальное употребление К. в Калужской губ. происходило на Петров день; варили первые щи, чтобы К. была кочанная, и в день Николая Кочанника (*Никола Кочанный, Кочанский, кочанный день* 27.VII/9.VIII), когда К. завивается в кочаны. В день Пантелеймона Кочанного (9/22.VIII) было в обычае печь пироги с К., угощать детей и нищих странников, чтобы осенью собрать богатый урожай К.

По распространенному поверью, детей находят в К., под листом К.; их приносит зайчик и сажает на капустной грядке. Ср. рус. *капустничек* — ребенок, рожденный вне брака.

К. стоит в ряду растений, наделяемых брачной символикой: за измену парень ссекает К. на грядках у девушки, которая изменила. Кочан К. (вместе с гусем и гречишной половой) ставили после свадьбы на стол перед родителями нечестной невесты (Минская обл.).

К. широко использовалась в народной медицине: больную голову обкладывали свежими листьями К., клали их на ожог, на воспаленное место при роже, на раны; капустной рассадой, посеянной в день Сорока мучеников, обкладывали больного во время приступа эпилепсии и т.п.

В.В. Усачева

КАРАВА́Й, к о р о в а́ й — главный свадебный хлеб, большой, чаще всего круглый, который делят на свадьбе для угощения всех ее участников.

Название «коровай» известно только восточным и южным славянам. У западных славян для наименования главного свадебного хлеба часто используется термин «колач». В роли К. могут выступать различные хлебные изделия, например, большой пряник с украшениями, рыбный пирог на Русском Севере.

В символике К. сочетаются мужское и женское начала. Слово «коровай» этимологически связано с названием коровы, символизирующей невесту, а суффикс *-ай* позволяет видеть в К. символ быка-жениха. Коровье-бычью символику К. проясняют белорусские свадебные песни: в каравайном тесте замесился теленок, К. рогат, сдобрен коровьим маслом и сыром. С рогами связаны названия украшений на К.: скрученных из теста рожков, обвитых тестом веток.

С девичьей символикой связаны некоторые детали украшения К., в каравайных песнях К. уподобляется невесте. Но К. может соотноситься и с женихом. К. присуща фаллическая символика. Ср. мотив **коитуса** в белорусских каравайных песнях: «Печь наша рогочет, караваю хочет», а также белорусский обычай сажать невесту на К. перед брачной ночью. Не случайно К. пекут лишь невесте-девушке, но не вдове. Мотив коитуса воплощают и фигурки на К.: боров верхом на свинье, петух на курице, гусак на гусыне и т.п. Фаллическую символику имеют фигурки шишек на К., пара яиц, запекаемых в К. (при дележе К. их стараются украсть у дружки, чтобы опозорить его), **заяц** как персонаж каравайных песен.

Как и некоторые другие символы **брака,** К. обычно круглой формы, реже кольцеобразной. Внутрь К. иногда запекают курицу, петуха, яйца, монеты для богатства, начиняют куриным, говяжьим, свиным мясом, пшенной кашей, сыром. На К. помещают различные фигурки из теста (птички, животные, жених и невеста, ребенок, шишки, сердце, крест, солнце, месяц, звезды), опоясывают К. ободом из теста, часто в виде плетеной косы, обвязывают белым полотенцем, красным поясом и др.

К. пекут у обоих молодых или только у невесты, обычно в канун свадьбы, изредка к обручению и даже наутро после брачной ночи. У восточных славян и у поляков месят тесто и пекут К. женщины (каравайницы), не разведенные и не вдовы, обычно нечетное число. В Белоруссии дрова для печения К. берут из трех дворов и от трех «счастливых» пород деревьев. У русских К. пекут не только женщины, но и подруги невесты, ее мать, муж с женой, иногда в присутствии жениха, посаженного на вывернутую шубу. Воду после печения К. выливают под плодовое дерево. В песнях в изготовлении К. участвуют небесные силы: Бог месит, Пречистая святит, ангелы воду носят, муку сыплют, месяц в печь сажает, солнышко запекает.

К. как даром Божьим благословляют молодых, разламывают у них над головой, встречают им новобрачных после венчания. На свадьбе К. ставят на стол перед молодыми (у русских, болгар), подвешивают над головой невесты (у сербов), выставляют перед переменой невесте головного убора (у поляков). У русских во время венчания невеста держит за пазухой две горбушки от обоих К., которые молодые потом вместе съедают для скрепления брачного союза.

Центральным обрядовым действием с К. является его дележ — символическое деление общего блага на части и наделение каждого своей **долей**. К участию в дележе К. приглашают Бога, а при раздаче К. гостям — «раздаривании на мир Божий» — высказывают пожелание наделить «счастьем-долей». У белорусов и украинцев середину К. обычно дают молодым, нижнюю корку — музыкантам, а

остальное раздают по старшинству **гостям** и посторонним. У восточных славян во время брачной ночи К. часто находится в спальне новобрачных. У русских дележ и раздача К. бывают связаны с дефлорацией невесты: К. ломают после брачной ночи; в случае «честности» невесты гостям после брачной ночи подают курники, середину кулебяки наполняют рыбой (в противном случае оставляют пустой и затем посылают отцу невесты).

Лит.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 243–258; *Топоров В.Н.* Об одной мифоритуальной «коровье-бычьей» конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 491–532.

А.В. Гура

КАРАКО́НДЖУЛ, к а р а к о́ н д ж о л — святочный демон, связанный с водной стихией, поверья о котором распространены у сербов, македонцев и болгар, находившихся в контакте с турками и греками (см. **Святки, Шуликуны**). Термин заимствован из греческого языка через турецкое посредство и означает «злой дух».

К. появляется ночью в облике получеловека-полуконя (иногда с крыльями) черного цвета или чудовища на белом коне, курицы, собаки, кошки, овцы, верблюда и других животных, а также мужчины или женщины с различными аномалиями (с железными зубами и рогами, с длинными ногтями). К. иногда описывается и как невидимая злая сила — **ветер** или **голос**. Верят, что К. живут семьями и имеют детей.

В происхождении К. отмечается временна́я привязанность к святкам: К. — это души свиней, заколотых к **Рождеству**; дети, рожденные или зачатые в период от Рождества до **Крещения** (их называют *караконджулче*). Умершие во время святок (особенно дети) также превращаются в К. Нередко К. уподобляется **вампиру**: это покойник, через тело которого до погребения перепрыгнула кошка или перелетела птица. По другим поверьям, К. становятся по наследству живые люди.

Места обитания К. (подводное или подземное царство, заброшенные мельницы, кладбище, глухой лес, ущелья и овраги) указывают на хтонический характер этого демона. К. нападает на людей и ездит на них верхом или заманивает их к водоемам, обрывам и урочищам. К. душит людей, протыкает их гребнем для чесания льна (который носит на спине), длинными ногтями царапает женщинам лица, пьет кровь, похищает и съедает детей, разносит болезни и лишает людей рассудка.

В доме, куда К. проникает через дымоход, он мочится на огонь или в незакрытые сосуды с водой. Если моча К. попадет на ребенка, тот заболевает неизлечимой болезнью. К. заглядывает в окна, пугает детей и указывает на того члена семьи, которому предстоит умереть в следующем году. К. мучает скотину, сплетает хвосты лошадей.

Собравшись вместе, К. устраивают веселые застолья, празднуют свадьбы, водят хороводы на току. К. может разговаривать (угрожать расправой или спрашивать, когда Крещение), подделывать голос и звать человека по имени. Когда К. недоволен чем-либо, то пищит в дымоходе, стучит в двери дома и по крыше.

Уберечься от К. можно, соблюдая святочные запреты. Как стемнеет, стараются не выходить из дома и не выполнять домашнюю работу (прясть, стирать, белить и др.). От Рождества до Крещения носят с собой в кармане чеснок (детям зашивают его в одежду), за поясом — шерсть, гребень, узелок с хлебом и солью. В святки от К. тщательно охраняют дом: затыкают дымоход, запирают двери, на крышу бросают ветки аспарагуса или **ели**. Опрыскивают комнаты освященной в **Игнатов день** водой, мажут кресты дегтем на воротах, в очаг бросают лошадиный череп, старую одежду, серу. Чтобы отвлечь К., дают ему «занятия»: шерсть для чесания или головку подсолнуха для подсчета семечек. В кануны святочных праздников для К. оставляют стол с угощениями.

Повсеместно практикуются особые действия, чтобы родившийся или зачатый в святки ребенок не превратился в К. Такому младенцу изготавливают **обыденную** рубашку, опускают его в прорубь, при **купании** в воду кладут полынь и грязную рубашку, сосульку.

К. — частый персонаж фольклорной прозы; во многом он идентичен черту и другой нечисти. Широко распространены былички о К., которые рассказываются преимущественно на святки.

И.А. Седакова

КАРАЧУ́Н, к о р о ч у́ н, к е р е ч у́ н — в народной традиции термин, закрепленный главным образом за рождественским циклом обрядов и верований.

У украинцев, поляков, словаков, мораван, болгар, сербов этим словом обозначаются зимний солнцеворот — Рождество и Сочельник, 24 и 25.XII., период святок, а также рождественский хлеб и рождественское деревце. В болгарских диалектах этим словом может называться летний солнцеворот — день св. Феодора (8.VI). В др.-рус. языке *Корочунъ* обозначал пост перед Рождеством, солнцеворот — Спиридоньев день (12.XII), предрождественский пост, обряд колядования.

В русском и белорусском языках слово *карачун* употреблялось для обозначения внезапной смерти, смерти в молодом возрасте, предсмертных судорог, а также злого духа, черта, демона, сокращающего жизнь.

Общим элементом всех этих значений надо признать значение ‘переворот, поворот, резкое и значимое изменение состояния’, представленное в названиях дней зимнего и летнего солнцеворота, являющихся границей зимы и лета; в обозначениях смерти и пограничного состояния между жизнью и смертью (агонии); в названиях нечистой силы, вызывающей смерть, особенно преждевременную.

Обрядовое и магическое значение имеет рождественский хлеб — *крачун*, известный на Карпатах (у украинцев, поляков, словаков и мораван). Крачун считался символом семейного богатства. Хозяйка пекла его в вывернутом кожухе и в рукавицах (укр.), в середину хлеба клали зерна разных злаков, чеснок, травы, облатку, втыкали стебель овса или пихтовую веточку, ставили баночку меда и освященной воды, обвязывали К. жгутом льна или конопли, чтобы все это уродилось и было благополучно. В Словакии К. делили на каждого члена семьи, давали скоту ради здоровья и плодовитости, а остаток клали перед дверью хлева ради охраны от ведьмы. Кусок К. и все «испеченное» в нем сохраняли как лекарство, оберег и сильные магические предметы. С К. гадали, катая его по полу: если он перевернется на верхнюю корку, это означало несчастье в скотоводстве или смерть кого-нибудь из членов семьи. Гадали также по форме, которую К. примет в печи (укр.).

Лит.: *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 203–207.

М.М. Валенцова

КА́РЛИКИ — западнославянские мифологические персонажи в виде маленьких человечков, обитающих по соседству с людьми и вступающих с ними в различные взаимоотношения, характер которых зависит от отношения к ним людей. К. — мифологический «народец», имеющий свой бытовой и семейный уклад, язык, религию и привычки. Жизнь К. представляется как отражение человеческой жизни, но часто в искаженном виде, указывающем на их принадлежность к потустороннему миру. Сильнее всего представления о К. развиты у лужичан и кашубов. Славянские верования в К. сформированы под влиянием западноевропейских, прежде всего немецких, поверий.

У лужичан К. осознавались как первые люди, первопоселенцы, которые жили перед заселением этих мест славянами. К. отличаются от людей прежде всего очень маленьким ростом. Поляки и лужичане полагали, что К. так малы, что семь пар К. помещается в печи. По польским поверьям, у К. несоразмерно большие головы, приземистые туловища, некрасивые лица, растрепанные волосы, большие бороды. Их одежда часто была

пестрой, а штаны разноцветными, поэтому поляки необычно одетому человеку говорили: «Выглядишь как карлик». У К. есть большие шапки, обычно красного цвета, которые делали их невидимыми и в которых заключалась их волшебная сила. Если сорвать с К. эту шапку, он придет ее выкупать.

По месту обитания К. делятся на домашних, лесных, горных и подземных, но кроме места жительства ничем друг от друга не отличаются. Лужичане считали, что К. днем спят, а вечером и по ночам приходят в человеческие дома, где едят и веселятся. К. выходят из своих жилищ только в лунные ночи.

К. делятся на мужчин и женщин, среди них есть старые и молодые, у них есть свои семьи, они справляют свадьбы, рожают детей, причем в повитухи и крестные зовут людей; они умирают, своих покойников сжигают, а пепел и кости закапывают в землю. Они знают ремесла, являются хорошими кузнецами и даже научили людей строить дома. К. любят музыку, часто поют и танцуют на печке.

У К. под землей есть свое хозяйство, они держат коров и сеют жито, колосья молотят в печи, а зерно мелют между двумя камнями. У К. есть своя печь для выпечки хлеба. Согласно некоторым поверьям, К. не имеют своей домашней утвари и приходят к людям готовить себе еду. К., которые живут в горах и под землей, считаются хранителями **кладов**.

С одной стороны, полагали, что К. были язычниками и справляли свои праздники под большим дубом. Они переселились под землю, когда стало распространяться христианство и появились первые колокола, от звона которых они умирали. С другой стороны, полагали, что у них есть свои священники, происходящие из украденных человеческих детей. К. зовут людей на крестины; детей своих они «крестят», погружая в купель. Язык К. отчасти похож на человеческую речь, но слова они выговаривают невнятно и неполно или одно слово выговаривают с начала, а другое — с конца. Некоторые считают, что К. говорят на человеческом языке, но дважды повторяют каждое слово или прибавляют к нему отрицание «не» (см. **Заумь**).

Отношения К. с людьми строятся как отношения соседей. К. хорошо относятся к людям, не вредят и даже помогают им в работе, если люди не причиняют К. зла: сбивают женщине масло, помогают человеку строить дом, пасут скот. Любимым лошадям К. подсыпают в кормушку овес, у нелюбимых отнимают корм. Для К. оставляют на печке еду — соль с мукой или молоко в ореховой скорлупке. К. одалживают у людей домашнюю утварь, а также просят еду. Половину подаренного им пирога они возвращают назад со словами: «Принесли вам ваш непирог назад». В награду за услуги К. платят человеку драгоценностями, за одолженные вещи дают человеку дары, которые приносят счастье, пока находятся в той семье, которой они были подарены. К. обладают способностью прорицания и предсказывают людям будущее. Если же человек обижает К., оскорбляет их насмешками или нарушает условия «добрососедства», они мстят ему: вредят скоту, насылают неурожай, бьют посуду.

К. подменивают некрещеных детей, оставленных без присмотра, взамен подкладывая своего горбатого **подменыша**.

Е.Е. Левкиевская

КАСЬЯ́Н (преп. Кассиан Римлянин) — христианский святой V в., память которого отмечается 29.II (13.III). В народной агиографии характеристика К. резко отличается от канонической, ср. его эпитеты: *К. немилосливый* (сибир.), *грозный* (калуж.), *завистливый, злопамятный, недоброжелатель, скупой*. Круг преданий о К. составляют этиологические легенды, объясняющие празднование дня этого святого только по високосным годам, и рассказы, подчеркивающие связь К. со злыми силами и его демоническую природу.

Согласно восточнославянским и болгарским легендам, К. лишен ежегодного праздника за свою заносчивость, за отказ помогать людям в беде. К., боясь запачкать нарядное райское платье, не хочет помочь крестьянину вытянуть воз,

починить сломанную ось, отказывает в помощи вдове; злословит о св. **Николае**, спасающем тонущий корабль. Богатый и ленивый, К. ничего не делает для нуждающихся, кичится своим благородным происхождением — он «из панов, княжий сын»; будучи молодым и сильным, он намеренно опрокидывает в грязь св. Николая, а крестьянский воз толкает одним пальцем. Осуждается буйный нрав К. (в пылу спора подпалил усы Иоанну Крестителю), его пьянство (рус., бел.). К. противопоставляется св. Николаю, за свою добродетель награжденному двумя праздниками в год, в то время как «именины» К. празднуются лишь раз в четыре года. Русское поверье связывает К. с верой в «дурной глаз»: когда К. праздновали ежегодно, в мире было много бед — К. «имеет глаз и своим глазом косил»; чтобы уменьшить причиняемое зло, Бог дал К. один праздник через три года. По украинской легенде, К. первым из людей сделал серп и косу, но при этом покалечил трех своих братьев (имя *Косьян* возводится здесь к *коса, косить*); после смерти К. ходит по свету раз в четыре года, и от его взгляда творится всякое зло (ср. рус. поговорки: *К. на скот взглянет, скот валится; К. на что ни взглянет — все вянет; К. на народ — народу тяжело; К. на траву — трава сохнет; К. на скот — скот дохнет*); с помощью ветров К. насылает мор на людей и скот. В некоторых русских сказках К. — хитрый мужик, которого Бог наказывает за обман, дав праздник раз в четыре года.

В русских и украинских легендах о К.-демоне он — сторож ада, бьющий молотом дьявола, но 29.II — К. именинник, и дьявол успевает навредить людям. К. — пленник преисподней, где черти бьют его молотом и только 29.II дают взглянуть на свет; бывший ангел, закованный в цепи за то, что предал Бога, рассказав сатане о готовящемся свержении с неба нечистой силы. К. заключают под землю (заваливают камнем) 12 ангелов (ср. былинный сюжет о К.-атамане, зарытом по пояс в землю). Согласно верованиям, записанным на Полтавщине, К. — черное, покрытое шерстью существо; живет в темной пещере, лежит в яме, засыпанный землей; ресницы К. достигают колен; 29.II нечистая сила поднимает ему веки, К. оглядывает мир, и тогда болеют люди и животные, вянут растения, случается мор и неурожай (ср. **Вий**).

Представления о К. как демоническом существе, хромом, косом, обладающем губительным взглядом, обусловлены отрицательным отношением славян к високосному году и народной этимологией, связывающей имя К. со словом *косой* 'кривой, хромой'. В високосный год совершались особые молебны перед иконой св. Касьяна Римского, чтобы год прошел счастливо (владимир.), чтобы К. «удержал дьявола, который рыщет по свету и напускает на людей болезни и невзгоды» (перм.). В *касьяновский год* стараются не венчаться, у коров в этот год пропадает молоко (укр.). 29.II до восхода солнца не встают с постели, иначе К. нашлет болезнь; не выходят из дома, не выпускают скот и птицу, чтобы К. «не глянул»; стараются не работать, иначе К. накажет и заболят руки (рус., укр.); накануне 29.II сажают цыплят под квашню, а то «Касьян головы им заворачивает» (цыплята погибают или делаются уродами — сибир.). Родившийся 29.II человек будет несчастлив (укр.). Чтобы К. *не перекосил*, его поминают в четверг на масляной, пасхальной и троицкой неделях (курск.). В честь *Касьяна* празднуют четверг на троицкой неделе (воронеж.).

Положительные характеристики К. редки. По украинской легенде, К. был сыном бедняков, много работал, за что и был взят Богом на небо. В Киевской губ. К. считался покровителем девушек, родители молились ему, чтобы он сохранил их дочерей в чистоте и целомудрии. По поверью со Смоленщины, год у супругов пройдет мирно, если провести 29.II в семейном согласии.

Лит.: *Ливотов Е.В.* Поверие о високосном годе в связи с народным представлением о личности преподобного Кассиана Римлянина // Русское обозрение. 1897. № 1. С. 366–377; *Мендельсон Н.М.* К поверьям о св. Касьяне // Этнографическое обозрение. 1897. №. 1. С. 1–21.

О.В. Белова

КАЧЕ́ЛИ, качаться на качелях — средство и форма досуга, которой в народной культуре приписываются магические функции (прежде всего продуцирующая и апотропеическая). К. наиболее популярны у восточных и южных славян, у западных встречаются крайне редко.

К. устраивались у южных славян на **масленицу** или в **Юрьев день**, у восточных — в день **Сорока мучеников** и на **Пасху**. В отличие от других развлечений (хороводы, пение и т.п.) качание на К. разрешалось во время Великого поста, а затем, прерываясь на период Страстной недели, возобновлялось на Пасху и продолжалось в течение всей Светлой недели. Последним днем, когда могли качаться на К., было Петровское заговенье — восьмое воскресенье по Пасхе.

На качелях. Х.-Г. Гейслер. Гравюра. XIX в.

Качание на К. признавалось обязательным для молодежи и воспринималось как магический способ «подвигнуть» девушку или парня к супружеству. В Болгарии юрьевские качели были обязательными для девушек, вступающих в возраст невест; в других областях качались на К. только те парни и девушки, которые не вступили в брак в истекший мясоед и надеялись сделать это осенью. В Македонии в Юрьев день молодые девушки качали на К. старых дев и били их при этом крапивой, «чтобы те вышли замуж в течение года».

У южных и восточных славян качание на К. относилось к магическим действиям, способствующим вегетации; люди качались, чтобы лен и конопля выросли высокими. В Сербии на масленицу старики качались на К., чтобы «конопля, пшеница, рожь и ячмень выросли высокими». В Болгарии на масленицу самые старшие женщины в доме, положив за пазуху яйцо, качались «чтобы конопля была большой». В Македонии в Юрьев день старики качались и говорили друг другу: «Покачаюсь, чтобы быстрее созрел хлопок».

Чтобы обеспечить себе здоровье на весь предстоящий год, для К. выбирали зеленое, крепкое и молодое дерево, полагая, что качание на сухом или старом дереве может привести к болезням и неудачам в течение года. Нередко качались на **кизиле**. По верованиям сербов и хорватов, весеннее качание на К. предохраняло человека в течение года от болей в спине.

У южных славян масленичное качание на К. предохраняло человека на масленицу от нападения *вештиц* и самодив (см. *Вила*), особенно опасных для человека в это время. Реже прибегали к качанию на К. для защиты человека от колдовства вообще (для этого на Гомельщине парни на руках качали девушек над купальским костром), от змей, от укусов комаров в летнее время.

Качание на К. и на ветвях деревьев считалось одним из любимых занятий женских мифологических персонажей. По верованиям восточных славян, русалки раскачиваются на ветвях деревьев, на К., на троицкой зелени, которой украшают дома, на колосьях в поле. У южных славян эта особенность поведения приписывалась **вилам**: в их честь специально устраивают К. на каком-нибудь высоком дереве. У сербов и македонцев считалось, что на К. любят качаться вещ-

тицы, самовилы, дьяволы и др. Чтобы избежать встречи с ними, люди не качались на К. после захода солнца, а на ночь обязательно снимали К.

Лит.: *Агапкина Т.А.* Концепт движения в обрядовой мифологии славян // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Т.А. Агапкина

КА́ША — одно из главных блюд традиционного рациона. В обрядах символизировала плодородие, обилие, рост, приумножение. К. готовили из целых или дробленых зерен (реже из муки) пшеницы, ячменя, проса, гречихи. Нередко К. служила главным обрядовым блюдом (ср. у русских в связи с этим праздник по случаю окончания жатвы и крестины с ритуалами раздела и выкупа К. назывались «каши»; праздник рожениц и повитух, 26.XII — «бабьи каши»).

К. была обязательным блюдом на свадьбе. По свидетельству летописей, «молодым в подклет приносят кашу, и они кашу черпают и за себя мечут». К. рассылали почетным особам. В Архангельской губ. молодым за «княжим столом» разрешалось есть только К., которую молодая ела под накинутым на нее платком. У русских К. готовила и выносила на стол сваха или свекровь, за что невеста одаривала ее полотенцем. В Полесье К. варилась сладкой, если невеста была девственницей, и несладкой или соленой в противном случае; только в случае девственности невесты происходил обряд выкупа К., во время которого жених разбивал горшок К. так, чтобы К. осталась целой.

Употребление К. на родинах и крестинах ребенка сопровождалось магическими действиями, призванными обеспечить новорожденному счастье, здоровье и быстрый рост, женщинам — плодовитость, земле — плодородие. Широко распространены обычаи поднимать горшок с К. вверх, накрывать его полотенцем или холстом, бросать деньги на горшок К., разбивать горшок с К. См. **Крестины**.

На похоронах и поминках у восточных славян принято было подавать **кутью**, которую носили также в церковь, на кладбище, оставляли на окне «для душ», раздавали нищим за помин души.

У южных славян в день св. Варвары готовили *варицу* — К. из смеси зерен разных злаков и кукурузы, гороха и др., чтобы вызвать плодородие. Сербы по *варице* гадали об урожае и о жизни—смерти: бугры и вздутия на К. означали будущий хороший урожай, трещины — плохой урожай и смерть; ямка в середине *варицы* означала смерть хозяина, по бокам — смерть других членов семьи и т.п.

Обрядовой К. отмечали окончание жатвы, начало молотьбы, сева, переселение в новый дом и др.

Лит.: *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. Избранные труды. М., 1996.

М.М. Валенцова

КВАС — кислый напиток, который готовили в поминальные праздники, на свадьбе, родинах. В Полесье на Радуницу К. в составе других кушаний носили на могилы близких. На Смоленщине на сороковой день после смерти варили К. или брагу и готовились к «отпуску» души на «тот свет».

У русских накануне свадьбы в обряде мытья невесты в бане девушки лили на каменку К. с хмелем или вином, остатки которого потом допивали. После венчания родители жениха встречали молодых хлебом и К. Угощение К. или пивом связывалось с магией плодородия. В Смоленской губ. в первый день свадьбы, еще до венчания, жених и невеста сначала переливали К. из одного ведра, поставленного посреди комнаты, в другое. Затем дружка, держа молодых за руки, трижды обводил их вокруг ведер с К. и сажал за стол.

Хлебный К. имел значение оберега. Верили, что пожар, вызванный молнией, можно было потушить только молоком или квасом, пивом, яйцами, но отнюдь не водой (в.-слав.); чтобы огонь такого пожара не распространялся дальше, в пламя бросали обруч с квасной шайки (рус.).

В качестве магического лечебного и апотропейного средства использовался К. с **солью** или квасная гуща, оставшая-

ся после приготовления напитка. При трудных родах роженице давали выпить квасной гущи или солода (рус.). Отелившейся корове для того, чтобы скорее отошел послед, также давали квасную гущу, ячмень или ячменный солод (рус.). Новорожденному перед первым купанием вливали в рот немного К., чтобы он не боялся простуды (бел.). Прикладыванием соленой квасной гущи лечили болезнь пальцев — «ногтоеду» (рус.). Особенно действенной против болезней, вызванных *дурным глазом*, считалась соль, смоченная гущей К. и пережженная в печи на раскаленных угольях в Чистый четверг (укр.).

Чтобы в молоке было больше сливок, молочный горшок мыли кислым К. с солью и ставили в печку (сибир.).

Известны запреты на приготовление К. В Купянском уезде Харьковской губ. верили, что после Пасхи русалки выходят из воды и, появившись в домах, купаются в хлебном К., если он сварен в четверг. В Обоянском уезде той же губернии К. не делали в понедельник, чтобы черт не вы́купал в нем своих детей. В К., в молоке и других напитках, по поверьям украинцев, купаются черти, которым уже нельзя купаться в освященной Спасителем воде.

М.М. Валенцова

КИЗИ́Л (болг. *дрян*, серб. *дрен*) — у сербов, болгар и македонцев символ здоровья, силы и молодости. Это обусловлено такими свойствами К., как раннее цветение, крепость древесины и долголетие: ср., например, сербский обычай делать из К. посох, который дарят парню на совершеннолетие в знак его возмужания.

Происхождение К. относится ко времени первотворения: к спору Бога и дьявола. Согласно болгарской легенде, спустившись с небес на землю, Господь сел отдохнуть на растущий посредине океана К. В водах океана он увидел свое отражение и создал из него дьявола. При разделе всего сущего между Богом и дьяволом последний выбрал К. как рано цветущее растение, ошибочно полагая, что К. приносит столь же ранние плоды. Господь же избрал черешню и в очередной раз обманул дьявола. Поэтому в отдельных областях Болгарии К. считается дьявольским деревом. Появление плодов на К. маркирует в народном календаре начало осенних молодежных посиделок.

У сербов в Косово послед после родов относили на К., чтобы ребенок был здоров и чтобы у матери в будущем были дети. В Хомолье пуповину новорожденному перерезали на кусочке кизилового дерева, «чтобы ребенок был здоров, как кизил». В Лесковацкой Мораве в воду, в которой купали новорожденного, клали К., «чтобы ребенок был здоров и развивался». Сербы только что родившегося ягненка или теленка слегка тянули за уши вверх и говорили: «Пусти ореховое, возьми кизиловое».

В Родопах под Новый год хозяйка слегка хлещет скот кизиловой веткой, чтобы он был здоров и плодился в течение года. В Боснии в Юрьев день с помощью кизиловой ветки кропят скот святой водой. Весьма популярным у южных славян стал обычай замешивать маленькие веточки К. в рождественские и новогодние хлебы, специально предназначая ка́ждую веточку отдельным породам скота и домашней птицы, а также всем домочадцам и дому в целом. В Лесковацкой Мораве на каждую породу скота клали в новогодние хлебы по веточке, отмечая на ней зарубками количество имеющихся в хозяйстве животных этой породы. При разделе хлеба примечали, кому из домочадцев какая веточка досталась. Считалось, что в течение года каждая порода скота будет расти и развиваться аналогично судьбе того человека, который нашел эту ветку. По окончании застолья в Новый год эти ветки относили в хлев, конюшню, овчарню и т.п. В Добрудже вечером в канун Нового года разрезали хлеб с запеченными внутри кизиловыми веточками. Полагали, что человек будет иметь успех в разведении именно той породы скота и домашней птицы, чью веточку он получил в куске новогоднего пирога.

Тот же обычай практиковался и в отношении людей. Например, сербы в Леваче и Темниче клали в новогодний пирог среди прочего и кусочек К.: на-

шедший его, как считалось, будет весь год здоров и удачлив. В Сочельник черногорцы срубали в лесу, помимо **бадняка**, еще и вертел из К., чтобы все домочадцы были здоровыми и сильными, как К. На Косовом поле с той же целью в Сочельник после ужина около дома в землю вбивали колышек из К. и все члены семьи обвязывали вокруг него свои пояса. В Скопской Котлине в ночь на Юрьев день под подушку клали кусочек К.; в Юрьев день качались на ветвях К., а в Груже опоясывались кизиловым прутом.

К. употребляли и в пищу: в Алексинацком Поморавье в день Сорока мучеников люди с утра глотали по цветку К., говоря: «Пусть я буду здоров, как кизил!» Чаще же с плодов К. начиналась рождественская трапеза: люди причащались, положив в полную чашу с вином кизиловую ветку, съедали перед обедом несколько плодов К.

Человек, который хотел избавиться от сонливости, слабости и лени на весь предстоящий год, увидев в первый раз ранней весной цветущий К., «передавал» ему сон: «Когда я вижу зеленый кизил, передаю ему свою летнюю дремоту и лень».

Ср. **Пролезание, Вербное воскресенье.**

Т.А. Агапкина

КИКИ́МОРА — русский и белорусский женский мифологический персонаж, обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности хозяйству и людям.

К. представляют себе в виде маленькой, безобразной, скрюченной старушки, смешной, уродливой, неряшливой, одетой в лохмотья. Она так мала и суха, что не выходит на улицу, боясь быть унесенной ветром. Иногда считалось, что К. имеет вид маленькой девочки или зооморфный облик: свиньи, собаки, зайца, утки.

К. мог стать ребенок, проклятый родителями, или дочь, загубленная своей матерью. Она могла появиться в домах, построенных на «плохом» месте: там, где был зарыт удавленник или неотпетый покойник, где был убит или умер ребенок. Согласно источникам XVIII в., К. — ребенок, похищенный или обмененный нечистой силой. К. могли «напустить» печники или плотники при постройке дома, желая навредить хозяевам: они закладывали сделанную из щепок и тряпочек куколку под матицу или между бревен в переднем углу.

Появляясь в доме, К. творит мелкие пакости: бросает и бьет горшки, мешает спать, стучит вьюшкой, кидается из подполья луковицами, с печи — шубами и подушками; выдергивает волосы у хозяина, перья у кур, стрижет шерсть у овец и делает из этой шерсти постели для скота. Досаждает людям воем, писком, шумом. Пересчитывает скотину, но считать умеет только до трех. Полагают, что если К. завелась в доме, то она обязательно выживет из него хозяев. Иногда считалось, что К., насланная в дом колдуном, может погубить человека, свести его со света; она также мучает скотину, гоняет лошадей.

В редких случаях представления о К. смешивались с образом жены **домового**. В этом случае полагали, что К. может помогать хозяйке печь хлебы, качать детей, мыть крынки, заботиться о скотине.

Основным признаком К. является ее связь с прядением, шитьем. По ночам она играет с прялкой, веретеном и пряжей, может допрясть за хозяйку, но чаще рвет, мусолит и путает шерсть, жжет кудель, оставленную на ночь без благословения. Прядет К. постоянно подпрыгивая, при этом сучит нить не слева направо, а наоборот. К. также пытается шить, но швы, ею сделанные, неровные. Как гласит русская пословица, «от кикиморы рубахи не дождешься».

Иногда по поведению К. можно судить о будущем: она появляется перед смертью кого-либо из членов семьи, предвещая беду, выходит из подполья или плачет.

Считалось, что если поймать К. и выстричь крестообразно у нее на темени волосы, она станет человеком, но сохранит какие-нибудь недостатки: кривизну, заикание, слабый ум.

К. обитает в доме, реже — во дворе, бане, хлеву, на гумне, в пустых домах. В

доме живет в местах, связанных с умершими: за печкой, на чердаке, на печи, в подполье. К. появляется и проявляет себя по ночам, иногда только на **святках** или в ночь перед **Рождеством**, до святок живет на улице, потом уходит неизвестно куда. На святках она рожает детей, которые вылетают в трубу и живут на улице до Крещения.

Защитой от К. является молитва, упоминание Божьего имени, а в некоторых случаях — брань. Оберегом от К. служит «**куриный бог**». К. боится **можжевельника**. К., насланную колдунами, можно уничтожить, отыскав в доме куклу или другой предмет, с помощью которого навлекли К. Этот предмет следовало выбросить за пределы усадьбы или сжечь.

Лит.: *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 65–95; *Черепанова О.А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. С. 124–133.

Е.Е. Левкиевская

КИСЕ́ЛЬ — обрядовое блюдо, преимущественно поминального и жертвенного характера, распространенное у восточных славян и в восточных районах Польши и Словакии. Традиционный К. — это запаренная кипятком мука (овсяная, реже пшенная, пшеничная и др.), подслащенная и оставленная сбраживаться, или «кваситься», в тепле, затем процеженная и упаренная в печи. Ели К. холодным, разрезая ножом на куски, с медом, маслом или молоком.

К. считался обязательным блюдом на поминках наряду с кутьей и блинами. У русских поминальный К. варился особым образом: в заквашенный раствор муки втыкали пучок горящих лучин, а кипятили его с помощью горячих камней. Так же К. готовили и на Вознесение, веря, что Иисус вместе с опарой поднимается на небо. В русских волшебных сказках связь К. с миром мертвых отражена в сюжетах, где герой попадает на «тот свет» или в тридевятое царство и видит молочные реки с *кисельными* берегами.

К. варили в «родительские» субботы (у русских — перед масленицей, Дмитриевым и Троицыным днями, во вторник Фоминой недели); поляки — на **Задушки**.

На свадебном столе среди угощений также встречается К. (ср. выражение «толкут на кисель», которым называются пляски после свадебного угощения), хотя в других местах К. не подавали, считая его исключительно поминальным блюдом. В Новгородской губ. К. варили для новорожденного теленка, причем заквашивали его также с помощью горящих лучин. В Вологодской губ. К. подавали среди праздничных блюд на крестинах ребенка.

Во многих великорусских областях овсяный К. варили в Чистый четверг перед Пасхой. Его ставили за окно, выносили на ночь на крыльцо, относили рано утром в огород, оставляя его там или выливая на землю, залезали с чашкой К. на **крышу**. При этом говорили, что «кормят» Мороз, приглашали его на угощение, чтобы он не повредил урожаю: «Мороз, Мороз, не морозь (вар.: не побей, — *М.В.*) мой овес, иди кисель поешь». Иногда К. оставляли до пасхальной трапезы, например в Московской губ. Мороз закликали, когда разговлялись или во время пасхального обеда: хозяйка ставила К. на подпольное окошко или выходила с ним на улицу; также закликали Мороз в открытую печную трубу. На ритуальное угощение киселем приглашали диких зверей. В Калужской губ. в Чистый четверг ребятишки ходили с К. в овин «зверей кликать». См. **Приглашение**. Такое же закликание Мороза и диких зверей исполнялось у русских в кануны Рождества и Нового года, когда, выставляя К. на улицу, просили Мороз «не клевать» овес. Белорусы также подавали овсяный К. на ужин в Сочельник. Поляки ставили клюквенный или овсяный К. на балке под потолком, а потом ели его в начале рождественского ужина.

Во время поста (в полночь перед днем св. Власия) угощали К. **домового** (рус.). Белорусы накануне Благовещения отмечали праздник *комоедица*, во время которого «угощали» К. медведя, чтобы уми-

лостивить его и воспрепятствовать ему портить посевы овса. Местами готовили К. в Юрьев день (бел.).

В некоторых деревнях Олонецкого края К. варили в четверг на Троицкой неделе, который называли *киселев день.* Его праздновали в память о том, как женщины якобы обливали врагов-грабителей горячим овсяным К. Овсяным К. русские отмечали также день Натальи-*овсяницы* (8.IX), когда в одних местах начинали, а в других заканчивали уборку овса.

М.М. Валенцова

КЛАД — спрятанное в земле или в стене дома богатство. Бывают «чистые», т.е. незаклятые К., которые может забрать любой человек без вреда для себя. Но большинство К. «нечистые», заклятые, охраняемые нечистой силой и доступные тому, кто знает специальные магические способы их нахождения и получения.

Пряча богатство, его владелец «кладет зарок», т.е. произносит заклинание, где определяет условия, при которых можно овладеть К., например выдержать семидневный **пост**, принести **жертву** и др. К. бывает положен «на чью-либо голову» (например, на гусиную, собачью, бычью). Это означает, что забрать К. может только тот, кто убьет это животное на месте нахождения К. Сокровище может быть заклято на голову отца или матери того, кто попытается взять клад; на 40 человеческих голов, и тогда должны умереть 40 человек, попытавшихся овладеть К., и только сорок первый сможет его забрать.

Согласно поверьям, существуют особые демоны, охраняющие К.: у русских — *кладенец*, *копша*, *кладовые бесы*, которых на Ивана Купалу выбирают бесы из своей среды, у белорусов — *кладник*, демон, одетый в сапоги с золотыми подковами, золотой пояс и шапку, питающийся только хлебом, подобранным на улице, у украинцев и поляков — *скарбник*, у болгар — *стопан* (хозяин). Часто клады стерегут черти, проклятые люди, у западных славян — **карлики**, у болгар и лужичан — змей. Хранителями К. бывают легендарные разбойники, атаманы и короли.

Места, в которых спрятаны К., — лес, поле, пещеры, горы, подземелья старых замков. К. часто зарывали под камнем, корнями дерева. К. может быть сокрыт во дворе и даже в пределах дома, например, в стене, в погребе, под печкой. Согласно верованиям, закопанные в земле К. поднимаются на поверхность, открываются или светятся из-под земли, тогда их можно увидеть и забрать. Такое бывает накануне **Ивана Купалы**, в **Вербное воскресенье**, в полночь перед большими праздниками: перед **Рождеством**, Новым годом, **Благовещением**, **Юрьевым днем**, **Пасхой**.

Местонахождение К. можно определить по некоторым признакам: когда сокровища поднимаются на поверхность земли, на этом месте виден огонь, отблески света, бледные огоньки. К. может показаться в виде старика, красивой девушки, любого животного, белой птички, а также предмета, например клубка.

Для овладения К. необходимо знать условия, на которых он зарыт. Для этого нужно подслушать произносимое при сокрытии К. заклятие. В этот момент можно изменить условие заговора, самому произнеся другое, более легкое, т.к. действенным является последнее заклятие. К примеру, бродяга, подслушав владельца К., заклинавшего его «на три головы молодецкие», изменил заклинание, сказав «на три кола осиновых», и, когда владелец ушел, срубил три осиновых кола и забрал К.

Тот, кто пытается забрать К., не зная магических приемов, подвергает себя и своих близких опасности: тяжелой болезни и даже смерти. Демоны, стерегущие К., пугают, отгоняют и убивают неосведомленного человека. К. «не дается» ему, а лишь глубже уходит в землю или из золота превращается в черепки. Если К. показывается в виде животного, птицы или предмета, нужно ударить по нему наотмашь и сказать: «Аминь, аминь, рассыпься!» или бросить на него что-либо из одежды.

По чешским поверьям, тот, кто увидит бледный огонек на месте нахождения К., должен положить в него четки,

белую тряпку или кусок хлеба, тогда К. выйдет на поверхность. Болгары полагают, что место, где находится К., нужно посыпать пеплом от **бадняка**. На следующий день на пепле будут видны следы, по которым определяют, какую жертву нужно принести К. Если видны следы животного или птицы — закалывают ягненка, барана или петуха, если следы человека — считается, что демон — «хозяин» К. ждет человеческой жертвы. Прежде чем раскапывать К., это место нужно «зааминить», а во время добывания К. нужно сохранять молчание, что бы ни грезилось. Универсальным средством для поиска и овладения К. считается цветок папоротника и плакун-трава. Папоротник показывает то место, где зарыт К., а плакун-трава прогоняет стерегущую его нечистую силу.

Несмотря на принятые меры предосторожности, человек, нашедший К., часто бывает несчастлив, тяжело болеет и преждевременно умирает или сходит с ума, потому что эти деньги несчастливы и закляты чертом. Восточные славяне и болгары верили, что часто проклятие падает на семью кладоискателя и его потомков.

Лит.: *Витевский В.Н.* Клады и кладоискание на Руси. Казань, 1898; *Соколова В.К.* Преданья о кладах и их связь с поверьями // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 169–180; *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 287–290.

Е.Е. Левкиевская

КЛА́ДБИЩЕ — место погребения усопших, где, по поверьям, пребывают души умерших и демоны; «святое» место, где совершаются поминальные обряды. Как часть мифологизированного пространства К. противопоставлено селу, т.е. миру живых.

Первый похороненный на новом К. покойник считается родоначальником всей кладбищенской общины «предков». Строго соблюдается общий этикет поведения на К. У восточных славян при встрече на К. нельзя говорить «добрый день», «до свидания» (говорят: «прощайте»), чтобы в дальнейшем на К. не встречаться. Около К. нельзя петь песни; мимо К. следует проходить пешком новобрачным во время свадьбы, возвращающимся с крестин куме с ребенком. У всех славян тяжелым преступлением считается осквернение К., могил предков. Старые кладбища нельзя перепахивать, как нельзя сдвигать и надгробные памятники, иначе вымрет семья; выносить что-либо с К. (например, оставленную на крестах одежду). На К. запрещается ломать ветки, рвать цветы и даже вдыхать их аромат, чтобы не потерять чувство обоняния. По полесским поверьям, у хозяйки, которая сломает на К. зеленую ветку и выметет ею золу из печи, всю ночь в доме и под окном будут бродить покойники. У сербов запрещается рубить деревья на К., т.к. души покойных не смогут отдыхать в тени деревьев и вкушать их плоды.

Могилы на К. копают на месте, выбранном заранее родственниками или самим покойным при жизни. Близким людям обычно запрещается копать могилу. В Белоруссии, например, это делали бесплатно старики или нищие, при этом они избегали разговоров о покойнике; закончив работу, объявляли убиравшим усопшего женщинам, чтобы они вылили в могилу воду, которой обмывали тело. Если при копании могилы обнаруживаются более ранние захоронения, то могильщики бросают туда деньги и другие ценные вещи, чтобы потревоженные мертвецы «не прогнали» вновь пришедшего. Если могила оказывалась мала для гроба и ее приходилось расширять, то это означало, что вслед за погребаемым туда же отправится новый покойник, обычно его родственник. В случае слишком большой могилы полагали, что одной жертвы мало и вскоре появится следующая. Особенно опасными представлялись такие происшествия, как осыпание краев могилы и падение туда кого-нибудь из сопровождавших покойника.

Во многих областях Украины и Белоруссии был распространен обычай «печатать могилу»: украинский священник под особые песнопения чертил железной лопатой знак креста над могилой и крестообразным движением бросал на гроб землю; белорусы перед опусканием гро-

ба в яму или по насыпанному уже пригорку стучали с четырех углов крест-накрест лопатой. Погребение без такого «печатания» считалось неполным: именно оно не позволяло покойнику выйти из могилы. Могила как место вечного пребывания умершего благоустраивается и нередко оформляется в виде дома. Так, белорусы устанавливали на могилах прямоугольные деревянные сооружения. Такой «приклад» напоминал крышку гроба, он имел окошечки и покрывал весь пригорок целиком; нередко его называли «хаткой». У русских на могилах устанавливали «часовенки» — кресты с двускатным покрытием и с иконкой. На Русском Севере помимо обычного креста на К. можно увидеть продолговатое четырехугольное сооружение («голубец»), открытое сверху или же покрытое плоской крышей, на которой ставят крест. На могиле делают и своеобразный «сад»: сажают цветы, плодовые деревья. В гомельском Полесье на Радуницу следовало, например, посадить на могиле дерево, а вокруг нее воткнуть березовые прутья.

По представлениям западных славян, души, живущие на К., сохраняют привычки людей при жизни. По верованиям болгар и македонцев, мертвые выходят в полночь из гробов, гуляют по К. и посещают друг друга. Всем славянам известно поверье о том, что в определенные часы (главным образом в полночь) и праздники (чаще — в поминальные дни) на К. можно видеть души мертвых. Когда покойника несут на К., его встречают души тех, кого он провожал в последний путь: они виснут на гробе, отчего гроб становится неимоверно тяжелым, как считают в Полесье.

В поминальные дни (см. **Задушницы**, **Задушки**, **Радуница**) и календарные праздники перед масленицей, на Фоминой неделе, на Троицу и др. для душ выпекают специальный хлеб, оставляют еду на К.; приносят им одежду; чистят и украшают могилы. Их приветствуют, как живых, приглашают их к трапезе:

Кладбище в с. Выступовичи Овручского р-на Житомирской обл. 1981 г. Фото А.Ф. Журавлева, О.А. Терновской

(бел.) «Святые радзицели! Ходзице к нам хлеба-соли откушаць». В Рязанской губ. поминальную пищу, которую приносили на К. на Радуницу, вкушали вместе живые и мертвые, выходящие якобы «из темницы» и невидимо присутствующие с живыми до захода солнца.

Огонь или огоньки, замечаемые на К., считаются знаками душ умерших. По сербским поверьям, при появлении огоньков или огней не следует ходить на К., т.к. в это время там блуждают души умерших; болгары полагают, что на такие огни нельзя смотреть, иначе ослепнешь.

Нередко К. считается местом скопления демонов — душ злых, неправедных людей, **детей некрещеных**, иноверцев и т.п. «Злые» души нападают на прохожих, являясь в том виде, как были захоронены, в белых одеждах, которые не следует трогать, или в виде столба пара, воздуха. По польским и полесским поверьям, возле К. появляются духи-демоны, предвещающие смерть увидевшему их; **русалки**, издающие ночью на К. пугающие звуки. В разных славянских традициях известны поверья и былички об обитающих на К. вампирах, которые вылезают «из дыр» в могилах, седлают ночных прохожих и т.п. (см. **Вампир**). К. стараются обходить стороной, особенно ночью. Проходя мимо К. ночью, следует читать молитвы, креститься (в.-слав., ю.-слав.), подать голос, «чтобы родители услышали и не пугали».

На К. осуществляются магические действия и ритуалы с целью излечения от болезни или бесплодия, изгнания из села нечисти, а также для приобретения человеком чудесных знаний или нанесения порчи. Особое значение в этих действиях приписывается земле, песку, растениям с К., найденной кости и др. предметам. В севернорусских деревнях этой землей терли себе грудь, держали за пазухой, клали в воду, которой обливались после похорон, для того чтобы прошла тоска по умершему. У многих славянских народов эта земля считалась очень опасной: например, сербы остерегались приносить ее домой; людей, копавших могилы, заставляли разуваться и вытрясать землю из обуви; никто из домашних не решался до нее дотронуться. Изгоняя болезнь, в Полесье варят в воде песок с К. и купают больных детей, после чего его возвращают на то место, откуда брали. Больного лихорадкой посылают ночевать на К. Могильную землю как одно из сильных колдовских средств использовали в магических целях ведьмы: например, в Полесье кладбищенскую землю, песок бросают на пути новобрачных, чтобы испортить молодым жизнь или вызвать их смерть.

У южных славян на К. также исполняются ритуалы разделения «**одномесячников**» и заключения **побратимства**.

А.А. Плотникова

КЛЮЧ — см. **Замóк.**

КОЗА́, к о з ё л — символ и стимулятор плодородия. В то же время считается животным, имеющим демоническую природу; выступает как ипостась нечистой силы и одновременно как оберег от нее.

В календарных обрядах, связанных с аграрной магией, присутствует ряженая К. или маска козы. Святочные и масленичные обходы с ряженой К. наиболее распространены у украинцев и белорусов, в меньшей степени у русских. Атрибуты ряженой «К.» — вывернутый шерстью наружу кожух, деревянная голова с рогами и бородой из соломы или лозы и движущейся нижней челюстью.

Ядром в.-слав. рождественско-новогоднего обряда «вождения козы» является песня с припевом «О-го-го, коза», где в гиперболизированных образах рисуется картина будущего урожая («где коза ходит, там жито родит», «где коза рогом — там жито стогом», «где коза хвостом — там жито кустом» и т.п.). Песня сопровождалась танцем-пантомимой, центральным моментом которого было «умирание» и «воскрешение» К., символизировавшее круговорот времени и возрождение природы. В Польше деревянная рогатая фигура К. участвовала в процессии ряженых в последний вторник карнавала. На Украине маска К. фигурировала также в свадебном и погребальном обрядах (в «играх при покойнике»).

Рисунок Л.С. Ленчевского и Т.И. Сафоновского к этнографическому описанию обряда «Коза». 1926 г. (с. Кунча, окр. г. Шепетовка, Украина). В подписи под рисунком перечислены персонажи: 1) Соломенный дед, 2) Коза, 3) Судья, 4) Турок, 5) Казак, 6) Врач, 7) Цыган, 8) Баба с ребенком

С плодовитостью К. связана ее эротическая символика: в белорусских и польских песнях присутствуют мотивы любовных ухаживаний волка за К. и брака К. с волком в песнях, а съеденная волком К. символизирует доставшуюся жениху невесту.

К. как жертвенное животное фигурирует в своеобразном действе, совершавшемся в разных районах Чехии в день св. Якуба (25.VII), когда с колокольни или другого возвышенного места сбрасывали козла с позолоченными рогами, убранного лентами и цветами. Его кровь собирали и хранили как лечебное средство от испуга. Фракийские болгары закалывали К. на свадьбе, после брачной ночи. Запреты использовать К. в качестве жертвы (банатские геры не закалывают К. на поминальную трапезу; македонцы не используют К. как **курбан**) мотивированы тем, что К. — нечистое, демоническое животное.

В этиологических легендах К. — создание дьявола (укр. «чертово семя», пол. «дьявольское создание», чеш. «чертова порода») и потому внешне похожа на него. Украинцы считают, что домашняя К. сотворена чертом, и если ее покропить освященной водой, то она сейчас же сдохнет. У К. короткий хвост, т.к. дьявол, загоняя коз на пастбище, оторвал им хвосты (пол., укр. карпат.). Согласно польскому поверью, К. имеет всю силу в хвосте; чтобы К. не объедали деревьев, им в хвост надо воткнуть иголку. В Закарпатье говорят, что К. все время норовят залезть на деревья, потому что у них «чертовы» ноги; К. когда-то имели на ногах когти и лазали по деревьям; черт проспорил Богу своих коз, и Бог лишил их когтей; на коленях у К.

желтая шерсть, т.к. черт, выгоняя их со двора Господа, бил их по ногам, отчего текла кровь и окрасила шерсть. В легендах К. как нечистое животное противопоставляется корове и овце — чистым и «божьим» созданиям.

По общеславянскому поверью, в виде К. появляется дьявол. Козлиные ноги (рога, уши, борода) присутствуют в облике черта, лешего, домового, водяного. Поляки считают, что в глазах у ведьмы можно видеть отражение К. В Костромской обл. бытует поверье, что на «том свете» удавленники превращаются в К. В Киевской губ. верили, что накануне Пасхи в виде К. может показаться клад. У К., как дьявольского создания, ведьма не может отобрать молока. Верхом на К. ездит дьявол.

К. (само животное, части его тела, мясо, молоко) выступает как оберег. По македонскому поверью, К. нельзя сглазить. Русские и украинцы держали в хлеву козла, которого якобы любит домовой (или черт) и потому не вредит лошадям. Овчары держали К. на выгоне для овец, полагая, что К. не дает колдунам приблизиться к отаре (польские Бескиды). В Костромской губ. от падежа скота прибивали на дворе козлиную голову. В Польше, если корову сглазили, следовало смешивать коровье молоко с козьим — это отвращало сглаз; козьим молоком заливали пожар, возникший от молнии; изгоняя беса из одержимого, клали ему в рот кусочек козлятины.

Лит.: *Курочкін О.* Українські новорічні обряди: «Коза» і «Маланка». Опішне, 1995.

О.В. Белова

КÓИТУС — половой акт, расцениваемый в народной культуре как нечистый и опасный (а потому связанный с многочисленными запретами) и практикующийся или имитируемый как магическое средство активизации плодоносящего начала, скрепления брачных уз, а также насылания порчи.

Восприятие К. как нечистого, а в христианском переосмыслении — греховного и постыдного, является причиной его табуирования. Для названия К. обычно используются эвфемизмы, нередко шутливые: рус. *грех*, *вертеть*, *толочь*, *жениться*, укр. *Боже сохрани*, *танцювать у читирі коліна кадрель*, *годувать коня*, *махать*, *мусолить*, *лизать*, *чухраться*, *шморгаться* и т.д. У русских при К. занавешивали или отворачивали к стене иконы и снимали с себя крест. Весь год после брачной ночи новобрачные не причащались, считая это грехом. Печать «нечистоты» нередко оставалась на молодой жене вплоть до рождения ребенка. Как занятию нечистому, К. приписывалась способность наносить порчу. У поляков печник, складывающий печь, мог незаметно нае... в глину, чтобы у хозяев в этом месте за печью жил сверчок.

Однако в некоторых ситуациях допускалась свобода полового поведения, особенно молодежи (например, свальный грех на посиделках). Общинные праздники типа **братчин** допускали ритуальное половое общение взрослых, в том числе близких родственников. Ограничения на К. определялись признаками старческого возраста: утерей трудоспособности, моральным запретом рожать детей после 50 лет (у русских), вступлением в брак всех детей (у восточных славян). О стариках, переставших спать вместе, на Украине говорили: «Они уже и руки помыли».

Запреты К. часто диктуются требованиями ритуальной чистоты. По этим соображениям воздерживались от К. перед севом: иначе жито вырастет нечистым, с сорняками. У белорусов имевшему К. перед севом полагалось для очищения облиться водой. В Македонии пчеловоду после К. с женой запрещалось идти к пчелам как особо чистым созданиям. Нередко К. избегали перед стиркой белья, уборкой в доме, чисткой колодца, печением хлеба. Польские пастухи воздерживались от К. на пастбищах, чтобы в сырах не завелись черви. Существовал запрет К. по большим праздникам, в Великий пост, в воскресные и постные дни недели. У болгар от К. воздерживались на «громовые» дни во избежание пожара от удара молнии.

Запрет К. продиктован и представлением о его опасности. Его избегали в ситуациях начала: перед дальней доро-

гой, охотой, рыбной ловлей, первой пахотой, началом снования. Например, К. с женой накануне путешествия грозил тем, что коням будет тяжело везти такого «грешного человека», конь сотрет кожу сбруей или околеет. Половое воздержание новобрачных в первую брачную ночь мотивировалось опасностью порчи или влияния злых духов. У русских и словаков этот запрет иногда объяснялся тем, что иначе не будет вестись скот.

К. выражает также символику брачного соединения. Сам супружеский акт новобрачных служит физическим скреплением брака. Поэтому К. и дефлорация часто считались обязательными в первую брачную ночь. У лужичан К., намеренно совершаемый парнем и девушкой за девять дней до Рождества или в среду первой недели Великого поста, служил залогом их вступления в брак в течение года. Подобный же смысл имело и совместное спанье парней с девушками и жениха с невестой в ее доме незадолго до дня свадьбы (рус. *яровуха*), а также эротические игры подруг невесты с парнями — членами свадебной дружины жениха и их совместный ночлег парами в канун свадьбы (у словаков). Посредством К. оформлялось ритуальное родство посаженых родителей (у лужичан), первого дружбы и первой друхны на свадьбе и крестных родителей в день крещения младенца (у поляков).

Продуцирующая символика К. находит выражение в ритуально-магических действиях, способствующих деторождению, приплоду скота, вегетации, плодородию и урожаю. У сербов К. совершали под плодовым деревом, на поле перед севом, во время сева проса; считалось, что быстрый К. способствует быстрому росту кукурузы; чтобы велись и плодились кони, старались переспать с цыганкой. Магическую функцию — повышение плодородия земли — имел К. или его имитация на полях в весенние праздники: в Иванов день (у болгар), в Юрьев день (в Полесье), на масленицу (у македонцев).

К символам К. относятся различные действия, связанные с проникновением вглубь, внутрь: долбление и втыкание (в названиях К.), продырявливание (ср. сексуальные коннотации глагола *решетить* в рус. «заветных» сказках). Особенно распространен в этом ряду укус пчелы (кашуб. «пчела укусила» — о забеременевшей девушке, белорусское толкование сна о пчелином укусе как предвестья беременности), шершня (символ дефлорации невесты в украинских и белорусских песнях о брачной ночи), мухи (польские шуточные песни о мушином укусе инородца в зад при покупке капусты). Символом К. является мотив охоты на зайца в польских песнях; метафорически К. передает моравское выражение «выгонять из норы зайцев»; К. предвещает сон о зайце в русских и украинских сонниках. Кусающий, грызущий добычу волк тоже ассоциируется с К. Ср. некоторые обереги скота от волка, связанные с К.: женщинам, спящим с мужьями, нельзя прикасаться к животному жиру и творогу в «волчьи дни» (у болгар), в последнюю ночь мясопустной недели муж не должен иметь К. с женой (у украинцев), пастух должен соблюдать целомудренность во время пастьбы скота (у русских). Символика К. выражается также в клевании: у западных славян девушка, которую клюнет гусак при гаданиях о замужестве, первой выйдет замуж; в болгарской легенде происхождение женского полового органа объясняется тем, что аист клевал Еву между ног. С К. символически соотносится рытье, поэтому поляки считают, что кроты нароют бугров в поле в наказание за К. в воскресенье. У русских дружка, укладывая молодых в постель, наказывает жениху: «Ройся в шерсти».

Лит.: *Афанасьев А.Н.* Русские заветные сказки. М., 1992; Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.

А.В. Гура

КОЛДУ́Н — лицо, способное творить добро и зло с помощью магических действий и средств, влиять на атмосферные явления, урожай, здоровье людей, брак, плодовитость скота и др. (ср. **Ведьма**).

Чтобы стать К., нужно отречься от Бога и заключить договор с нечистой силой ночью на перекрестке или в бане;

отречься от родителей, стоя на иконе, положенной на перекрестке вниз ликом; залезть ночью на придорожный крест и сесть на него задом.

К. мог получить «знание» по наследству от умирающего К. или ведьмы, которые перед смертью передают свою власть над подчиненной им нечистой силой другому лицу, чаще всего родственнику.

Восточные славяне и сербы считали, что способность к колдовству приобретается от рождения. К. становятся те, кто родился под определенной планетой или, как считают сербы, — в рубашке, а по русским верованиям, — люди, проклятые матерью во чреве. Сербы полагали, что человек будет уметь колдовать, если при его крещении священник уронит из рук какую-либо вещь. По русским и украинским поверьям, если девушка вне брака родит дочь и это повторится у трех поколений, то родившийся в четвертом поколении мальчик будет уметь колдовать; украинцы полагали, что К. станет ребенок, который родился с зубами, причем родители в течение семи лет будут это скрывать от окружающих. Часто способность к колдовству приписывают **инородцам**.

К. может насылать болезни и вызывать смерть людей, прибегая к порче (см. **Сглаз**). К. может насылать на людей бесов; превращать людей в животных на время или на всю жизнь (см. **Волколак**); мучить и душить спящих людей (ср. **Мора**). К. может испортить свадьбу, остановив свадебный поезд, наслав на молодую бесплодие, лишив молодого мужской силы, обернув свадьбу волками, поссорив жениха и невесту. К. умеет вызывать любовь между женщиной и мужчиной или ненависть между мужем и женой.

К. портит скот и отнимает у коров молоко. Для этого он подкладывает порчу в хлев или закапывает ее в навоз, выдаивает молоко, воткнув колышек в стену, и т.д. На Русском Севере, украинских Карпатах и у западных славян способность к колдовству приписывается **пастуху**.

Восточные славяне считают, что К. может губить посевы, отнимать урожай с чужих полей, вредить их хозяевам, в результате чего хозяин поля лишается большей части своего урожая. По украинским верованиям, К. портит леса, сады, пчел, а по русским — может испортить охотника, рыболова так, что у них не будет удачи в их деле.

К. может повелевать всеми животными и насекомыми, особенно змеями. У южных и западных славян К. имеет власть над атмосферными явлениями: он насылает и отгоняет градовые тучи, ливни, вызывает солнечные и лунные затмения, ветры и **вихри**, засуху.

К. может творить и добро: лечить людей и животных, переводить порчу или болезни с людей на животных; ворожить, гадать, предсказывать будущее, находить пропажи.

Лит.: *Антонович В.* Колдовство: Документы. Процессы. Исследования. СПб., 1877; *Новомбергский Н.* Колдовство в Московской Руси XVII в. СПб., 1906; *Сумцов Н.Ф.* Колдуны, ведьмы и упыри. Харьков, 1891.

Е.Е. Левкиевская

КОЛЕСО́ — утилитарный предмет, совмещающий в себе символику круга и движения; ассоциируется с вращением небесных светил; наделяется вредоносными признаками (как возможная ипостась ведьмы) и одновременно свойствами оберега.

Солярная символика К. проявляется в фольклоре, верованиях и народном орнаменте: ср. космогонические поверья о том, что солнце — это «большое колесо» (полес.); то солнце после своего захода превращается в К. и катится всю ночь под землей к востоку (рус.); а также популярный образ солнца как К. в восточнославянских обрядовых песнях («Колесом, колесом сонычко в гору йде»). В украинских песнях солнце изображалось как К., которое «выше тыну стояло, много дива видало».

Другой ряд значений раскрывается в демонологических верованиях о К. как одной из ипостасей ведьм и колдунов либо как средстве передвижения нечистой силы: «Ведьма превращается в колесо, в овцу, в че́го хочешь. Колесо как-

то катилось, а кто-то — хоп! — одну спицу и вырвал, а женщина (ведьма) вот без руки и осталась» (Калужская обл.); «Если увидишь на Купалу, як бежить колесо, дак взять и на веревку его и повесить, та ведьма и умре!» (Черниговская обл.). По украинским житомирским поверьям, в купальском костре сжигались старые К., метлы и бороны — для того, чтобы ведьма не могла на них ездить. Согласно южнорусским поверьям, ведьма преследует человека в Ивановскую ночь в виде катящегося по дороге К., и если его проткнуть палкой, то наутро женщина-ведьма окажется пробитой колом. Чтобы распознать, кто в селе занимается колдовством, жители Орловской губ. в ночь накануне Петрова дня катали по улицам надетое на палку новое К.: считалось, что оно должно лопнуть возле дома, где живет колдун. Кашубы тоже верили, что если возле чьего-то двора отскочит К. у едущей телеги, то именно там живет ведьма. Для того, чтобы отогнать ведьму от хлебного поля и не дать ей отобрать урожай, вечером накануне Ивана Купалы парни насаживали на кол старое К., поджигали его и обходили вокруг ржаной нивы (Смоленская губ.).

У восточных славян был известен обычай катать К. по улицам села, приуроченный к Юрьеву дню (укр. карпат.), Иванову дню (бел., укр.), Петрову дню (ю.-рус.): старое тележное К. (либо колесо, сплетенное из веников, либо большой венок из зелени, резиновые покрышки и т.п.) зажигали и скатывали с горы вниз или катали его по селу; иногда устраивали на колесе сидение и катали на нем девушек. Такое катание К. приобретало значение оберега от нечистой силы. Например, на Гуцульщине зажженные К. пускали с горы в Юрьев день как средство защиты против ведьм; белорусы Витебщины считали, что если на Купалу катать по улице К., то это причиняет мучение местным ведьмам. В Полесье (Гомельская обл.) хозяева катали К. вокруг своего дома, чтобы защитить цыплят от коршуна, домашний скот — от диких зверей, а затем укрепляли это К. на высоком шесте и оставляли стоять до следующего Иванова дня.

На масленицу, на Ивана Купалу, в Петров день и др. праздники кое-где было принято устанавливать посреди села К. на высоком шесте; это сооружение соотносилось с универсальным у славян образом **мирового дерева** (либо выступало в роли обрядового деревца) и в то же время обозначало ритуальный центр празднества. Так, на Украине и в Белоруссии вокруг такого шеста с надетым на него К. устраивали купальские гулянья, игры и хороводы. В русских масленичных обрядах сверху на К. сажали ряженых «мужика» или «бабу с прялкой»; прикрепляли к К. знамя и в таком виде возили повозку по селу.

В хозяйственной и лечебной магии нередко практиковалось протаскивание предметов сквозь ступицу К. Например, чтобы обезвредить вырванную со своего поля «завитку», ее сначала протаскивали сквозь ступицу К, а потом сжигали (полес.). При укусе змеи рану мыли водой, которую затем проливали через колесное отверстие (рус.). Белорусы, чтобы обеспечить всхожесть семян, пересыпали их через ступицу К.

В восточнославянских детских закличках, призванных сбить с пути летящих птиц, К. символизирует замкнутое круговое движение. У белорусов и украинцев такие заклички адресовались аистам, журавлям или гусям: «Дядька бусел (т.е. аист), закружись колесом! Твои дети за лесом!» или «Колесом дорога!».

Негативная семантика К. проявляется в белорусских запретах, относящихся к невесте, наступать ногой на К., садясь в телегу или сходя с нее, «иначе у молодой столько лет не будет детей, сколько спиц в колесе». Хозяева не позволяли собаке есть то сало, которым подмазывали тележные К., иначе бы она заболела бешенством.

Л.Н. Виноградова

КОЛО́ДЕЦ — объект и локус, осмысляемый как пограничное пространство, как канал связи с потусторонним миром.

Посещение К. и набирание воды было окружено многочисленными запретами, которые соотносились с суточным и календарным временем и каса-

лись конкретных лиц. Считалось, например, что нельзя пить воду из К. в **Юрьев день**, когда земля «открывается» и выпускает яд (чеш.). Запрещалось ходить по воду женщинам, имеющим месячные, беременным женщинам и роженицам (в.-слав., з.-слав.).

Упоминания о «молениях бесом у кладезя», о поклонении К. и о жертвоприношениях возле К. являются общим местом в обличениях язычества начиная с XI в.

В обрядах вызывания дождя у К. совершались молебствия, взаимное обливание; из К. вычерпывали воду, раскапывали и расчищали заброшенные К. и источники. В Полесье для обеспечения дождей принято было обходить К. с иконой и хлебом-солью; колотить палками воду в К., разбрызгивая ее по земле; оплакивать возле К. последнего в селе утопленника; бросать в К. самосейный мак, семена льна, соль, хлеб, украденные горшки или черепки битых горшков и т.п. В болгарском обряде «Герман» для прекращения засухи «хоронили» фигурку Германа возле реки или у К.

К. в поверьях предстает как «чистое» место, находящееся под покровительством Богородицы, св. Пятницы, и в то же время как опасный локус, связанный с нечистой силой, духами болезней, душами умерших. По ю.-слав. поверьям, до восхода солнца на **Благовещение** в источниках и К. купаются **вилы** и самодивы, около К. обитают духи болезней. У восточных славян живущими в К. духами назывались *колодезник*, водяной, русалка, жаба и др. По болгарским поверьям, каждый К. имеет своего покровителя.

К. использовали как канал связи с «тем светом». Болгары на заре склонялись над К., ожидая, что при восходе солнца на водной глади появятся силуэты умерших родственников. У русских запрет отливать из ведра воду при набирании ее из К. мотивировался тем, что «оттуда на нас родители смотрят» (калуж.).

К. служил местом символического «кормления» духов предков и нечистой силы с целью обеспечения удачи и здоровья, для увеличения богатства хозяйства, для сохранения чистоты колодезной воды. Повсеместно у славян в К. бросали часть рождественской, новогодней, крещенской, пасхальной трапезы. Западные славяне таким образом «кормили» души предков, в чешских селах — угощали водяного.

На Троицу К. украшали обрядовой зеленью. У сербов вечнозелеными растениями украшали К. на Рождество — ради урожая. Поляки в день св. Агаты и накануне Крещения бросали в К. освященную соль и лили «святую» воду — для защиты от нечисти. Повсеместно вода в К. и в источниках считалась чудодейственной накануне Рождества, Крещения, Пасхи и других больших праздников: ею умывались, кропили постройки, замешивали на ней обрядовый хлеб.

В свадебных обрядах у славян широко распространен обычай водить к К. новобрачную наутро после брачной ночи. Хождение невесты за водой носило характер испытательного ритуала и символизировало ее приобщение к семье мужа. По белорусскому обычаю, впервые пришедшая к К. молодая должна была положить возле него кусок свадебного пирога, сыр и деньги. У болгар около К. с молодой снимали свадебное покрывало, трижды обводили вокруг К., после чего она кланялась К., мазала его маслом, бросала в К. зерно, хлеб, деньги.

Возле К. и с помощью колодезной воды лечили больных. Водой из нового К. мыли детей, чтобы они не плакали (рус.), поили бесплодных женщин (болг.), кропили людей и скот ради защиты от ведьм (чеш.). В воде, принесенной из трех К., знахарка могла увидеть болезнь или того, кто наслал порчу. При лечении бешенства больного водили к К.: если он видел в К. свое отражение, то можно было рассчитывать на выздоровление, в противном случае болезнь считалась неизлечимой (макед.). В К. бросали предметы, символизирующие болезнь: горох, которым потерли лишай, коросту, завязанную в тряпочку (пол.); три ячменных зерна, которыми потерли ячмень на глазу (карпат). Чехи, считая, что лихорадки живут в К., заговаривали у К. эту болезнь.

Как и другие водные источники, проруби, К. часто служил местом девичьих гаданий о будущем. На святках девушки бросали в К. первый блин, хлеб, кутью, заглядывали и кричали в К., замыкали К. **замком** (восточные и западные славяне).

Согласно фольклорным мотивам, К. служит путем, ведущим в иной мир. В сербских эпических песнях Королевич Марко, по совету вилы заглядывая в К., узнает час своей смерти.

Лит.: *Толстые Н.И.* и *С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 1. Вызывание дождя у колодца // Русский фольклор. 1981. Т. 21. С. 87–98; *Толстой Н.И.* Мифологическое в славянской народной поэзии. 2. Предсказание смерти в колодце или сосуде // Живая старина. 1996. № 1. С. 28–29.

М.М. Валенцова, Л.Н. Виноградова

КО́ЛОКОЛ, колоко́льный звон — предмет христианского культа, получивший в народной культуре разнообразные ритуальные и магические функции. Колокола были заимствованы славянами из Европы в X–XIII вв. и вписались в круг сакральных символов славянской культуры.

В славянских преданиях, духовных стихах, а также в древнерусской литературе и летописных сказаниях одним из наиболее популярных мотивов о чудесных К. был самозвон. Таким образом К. предупреждали людей о приближающейся беде или выражали свое отношение к тем или иным событиям истории. По польскому преданию, однажды сирота вытянула из реки маленький колокол, отнесла его в село и повесила в костеле. Вскоре она умерла, и некому было даже позвонить в память о ней. Тогда этот К. зазвонил сам, и звонил до тех пор, пока не разбился.

В легендах о затонувших К. «провал» селения или церкви обычно мотивируется угрозой нападения врагов (иноверцев), которые могут осквернить или украсть святыню или реликвию (церковь, икону, книги, колокола); в других случаях «провал» описывается как своего рода наказание, результат Божьего проклятия, ниспосланного на людей за их грехи. Ушедшие под воду или землю селение, церковь недоступны людям в обычное время, хотя жизнь там идет своим чередом, не согласуясь с земной лишь во временны́х координатах (позже—раньше). В одну из праздничных ночей граница между мирами нарушается и люди могут наблюдать жизнь этого города (церкви), слышать доносящиеся из-под земли или воды звуки этих селений, в том числе и К. з. Человек, увидевший К. в воде или случайно наткнувшийся на него, пытается достать К., но при этом нарушает некоторые правила поведения и потому ему не удается вытащить К. По чешскому преданию, женщина, полоскавшая в реке белье, зацепила им К., утонувший в реке около Старого Болеслава, и вытащила его наружу. Увидев К., она так удивилась, что громко закричала, отчего К. сорвался и ушел в глубину.

Время, когда звонили К., воспринималось как благоприятное для начала важных дел и хозяйственных работ, а также для многих ритуалов и магических актов. Бо́льшая их часть относилась к самому человеку и его здоровью, а также к сферам его деятельности — скотоводству, пчеловодству и садоводству. В Скопской котлине (обл. Македонии) в первый день Рождества Христова хозяин, заслышав удары колокола, трижды проводил скребницей по каждому животному, стоящему в хлеву, и давал им немного жита из решета, чтобы обеспечить приплод и здоровье скота, а хозяйка кормила в обруче кур зерном, чтобы в течение года вся домашняя птица была при доме и не разбредалась. На севере Словении под К. з. в Страстную субботу хозяйка слегка била коров березовым прутом, чтобы у них родились телята и было много молока, а также закармливала скот корнями, травами и цветами, собранными в Страстной четверг, чтобы предохранить домашних животных от болезней.

Особенно популярным среди праздничных звонов был пасхальный. На Пасху каждый человек мог подняться на колокольню и звонить в К. У русских девушки в течение всей пасхальной недели собирались на колокольне, пели там

песни, плясали, звонили в колокола, дети играли тут же с пасхальными яйцами и т.д. На Украине и в восточной Польше считалось, что пасхальный звон положительно влияет на рост гречихи, поэтому парни старались на Пасху первыми добежать до колокольни, будучи уверенными в том, что тогда в семье у них урожай гречихи будет больше всех.

Молчание К. маркировало «демоническое» время. В Польше широко известны поверья о том, что уж или жаба, в течение семи лет не слышавшие К. з. и звуков человеческой речи, превращаются в «смока» — дракона с семью головами, ногами, двумя хвостами и крыльями. Избегание К. з. было условием совершения магических ритуалов, подразумевающих вмешательство нечистой силы. Словенцы Штирии считали, что если в яме, находящейся в таком месте, где нет солнечных лучей и куда не доходит К. з., сварить живого кота, то можно получить кость, обладающую способностью делать человека невидимым.

Молчание К. также отмечало время, когда на земле присутствовали души умерших, а местом их пребывания становилась пустующая по ночам церковь или колокольня: ср. былички о людях, оказавшихся вблизи церкви в поминальный день и наблюдавших службу мертвых. Сербы Дубровника рассказывали о человеке, услышавшем ночью К. з.: он отправился в церковь якобы к заутрене, но обнаружил, что в церкви все не так, как обычно: у священника и у прихожан были лица без носа, а свеча, которую дали ему в руки, наутро оказалась костью мертвеца.

Более других сфер жизни с К. з. была связана область смерти. Как только человек умирал, его родственники шли в церковь, чтобы заплатить за поминальный звон по умершему. Иногда в К. били и сами родственники. По умершей женщине обычно ударяли дважды, а смерть мужчины оглашалась тремя ударами. Если же покойник был богат, то звонить по нему могли и целый час. Существовали различные виды проводного звона. У далматинцев на острове Брач удары большого К. извещали о смерти мужчины, а малого — о смерти женщины.

К. з. широко использовался в качестве апотропея. Практика отвращать градоносные тучи с помощью К. з. получила массовое распространение у южных и западных славян. Болгары Баната, отгоняя градовые тучи, били в К. Однако не все К. равным образом годились для этих целей. В словенской области Нижняя Краина звонари нескольких соседних сел соревновались друг с другом, кто из них первым зазвонит в свой К. на Троицу. Считалось, что К., звон которого раздастся первым, будет иметь бóльшую силу при отгоне туч. Обязанность звонить при виде приближающейся тучи возлагалась обычно на звонаря. По рассказам сербов-граничар, однажды местные жители избили своего звонаря за то, что он отказался звонить во время града, отчего все их посевы оказались уничтоженными. Звонарь должен был нести эту службу бóльшую часть года — с ранней весны до поздней осени, пока была актуальна угроза града или ливня.

К. з. считался действенным средством против многих болезней. У русских было в обыкновении «водить под колокола» (т.е. ставить под К. на колокольне) клику́ш, поскольку бесы, одолевающие их, якобы не выносят К. з.; так же поступали с детьми и взрослыми при испуге, при лихорадке и других болезнях. У хорватов Самобора, чтобы избавить младенца от мучающего его ночного духа, окуривали пеленки дымом от смазки К. В народной медицине нашлось применение и веревке от К.: сербские женщины хватались за нее во время звона, чтобы избавиться от болей в руках, болгарки поили больных детей водой, в которую был положен кусок от такой веревки.

Лит.: *Оловянишников Н.И.* История колоколов и колокололитейное искусство. М., 1912; *Агапкина Т.А.* Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

Т.А. Агапкина

КОЛТУ́Н — спутанные плотным комом волосы на голове; болезнь, имеющая, по представлениям западных и

восточных славян, демоническое происхождение; следствие порчи или вселившегося в тело человека злого духа.

К. — это существо, живущее в теле человека: в глазах, в шее, в спине, груди, в руках, ногах, в сердце, в жилах, мозгу, животе. Белорусы считали, что К. есть у каждого, но проявляется он, если его раздразнить или если наслана **порча**. Демон, поселившийся в человеке, мстит колтуном, если ему не угодить, и он будет мучить человека всю жизнь. К. в поисках выхода из тела человека влезает в **голову** и поселяется в **волосах**, свивая их в ком. Обращаясь к К., его следует называть ласковыми уменьшительными именами, например: «Мой колтунчик, не мучь меня» (пол.).

Причиной появления К. может быть **летучая мышь**, вцепившаяся в волосы; птица, которая унесла вычесанные и брошенные человеком волосы и выстелила ими гнездо. По представлениям поляков и украинцев, К. сидит, притаившись в зарослях **бузины**, и может пристать к человеку, который проходит мимо; он появится у того, кто срубит бузину или отломит от нее ветку в недобрый час. Болезнь могла наслать **ведьма**, злой человек, злой дух, **черти**, бродяги, евреи, существа из чужого мира. К. возникал от испуга, переживаний, от тоски, бедности, грязи, от ветра и холода.

Для избавления от К. больного заговаривали на восходе или заходе солнца; окуривали, поили травами; использовали отвар **омелы**, питающейся, как и К., чужими соками. К. запрещалось срезать, его надо было распутывать по волоску или ждать, когда он сам отпадет. Пережигали каждый волосок раскаленными щипцами, серпом, куском железа или громничной стрелой; отбивали камнем на камне по двадцать волосков в день; отрубали **топором**. Для этого важно было правильно выбрать время и место: К. удаляли при растущей **луне** или после полнолуния, в четверг на новолуние, в погожий день под вечер. Поляки считали, что К. можно отрезать только раз в году — в Страстную пятницу перед ритуальным купанием в реке, произнося специальное заклинание. Срезав, К. завязывали в тряпку вместе с монетой и хлебом, закапывали в муравейнике, под порогом дома; на перекрестке дорог, за границей села, под бузиной и в других местах, где обитают злые духи; прятали в дуплистых старых **вербах**, между балками на **чердаке** дома; сжигали, бросали в текущую воду. Несоблюдение правил срезания К. могло привести к слепоте, глухоте, потере рассудка, смерти. От К. охраняли всякого рода **амулеты**. Ср. также **Вихрь**, **Залом**.

В.В. Усачева

КОЛЬЦÓ, перстень — украшение, символ венчания и брака, а также амулет и оберег от нечистой силы. Семантика К. основывается на защитных свойствах металла и магии **круга**.

В свадебном обряде К. является символом единения молодых, выполняет защитную функцию, а в некоторых ситуациях становится заместителем жениха и невесты. При сватовстве, обручении, сговоре или венчании стороны обменивались К. Принятие или дарение К. служило залогом согласия девушки выйти замуж. При браке по принуждению девушка иногда противилась надеванию ей К. отцом (рус.). У поляков обручение так и называлось «колечки». В болгарском обряде *засевки* при замешивании свадебного калача в муку бросали К. жениха или К. обоих молодых, иногда через К. наливали и воду. У восточных славян обменивались К., опуская их в стакан с вином, что имело также значение оберега.

Венчальные К. использовались и в других обрядах: считалось, что женщина, которая месит хлеб на Рождество, должна иметь на руке К., иначе калачи получатся «нечистые» (серб.); К. наряду с др. предметами клали на столик, выносимый навстречу градовой туче, для защиты урожая от града (серб.).

Иногда с обручальным К. хоронили покойника (укр., полес., болг.), веря, что оно помогает в пути на «тот свет» (болг.). Известны и запреты надевать К. и др. украшения умершему (укр., полес.).

В народной медицине для лечения ячменя на глазу и золотухи больные места обводили обручальным К. (рус.);

К. носили, чтобы не болели руки; клали в купель больного ребенка (укр.). Считалось, что кровотечение быстро остановится, если несколько капель крови упадет сквозь К., снятое с руки мертвеца (серб.).

При трудных родах повитуха снимала с роженицы К. и другие украшения, давала пить воду, которой обливала обручальные К. (сев.-рус.). По македонским верованиям, если две роженицы встретятся взглядом, их дети умрут; чтобы этого не произошло, женщинам следовало обменяться К. Для оберега новорожденного клали ему под голову К. (серб.), купали в воде с серебряным К. или монетой (рус., болг.). Также в качестве оберега следовало носить К. во время беременности (Русский Север). Македонцы верили, что проклятия матери детям не исполнятся, если она носит на руке К.

Замкнутый круг кольца осмыслялся как символ закрытости, удержания своего при себе. Когда свадебная процессия шла за невестой, та старалась первой увидеть жениха через К. (болг., серб.). Если один из супругов уходил из семьи, покинутому следовало украдкой посмотреть на него через венчальное К.

Для оберега и для лечения скота доили коров и овец через К., например при появлении в молоке крови или после отела; в Юрьев день через К. доили первую овцу (болг., серб.), овцу после первого ягнения (серб.). В Закарпатье хозяйка во время первого отела коровы снимала свое К. и другие украшения из боязни «испортить» корову.

В аграрной магии К. с завязанной на нем красной ниткой опускали в сосуд с зерном, предназначенным для посева; с приговором-оберегом пропускали через К. жито, приготовленное для обрядового засевания (макед.).

С другой стороны, по верованиям поляков, ведьма держит в К. находящуюся в ее услужении нечистую силу. Считалось, что поднятые девушкой на дороге без благословения К. или бусы становились причиной любовных домогательств змея, который заманивает этими предметами жертву или сам в них обращается (болг.).

В гаданиях К. символизировало замужество, реже — богатство и благополучие. В календарных девичьих гаданиях (типа рус. *метать кольцо*) К., помещенные в сосуд с водой, символизировали девушек — хозяек К., каждой из которых предназначалась «подблюдная» песня, исполняемая в момент вынимания К. Также К. клали под подушку, надевали перед сном на палец правой ноги, ожидая увидеть во сне жениха (рус.). Хозяйка клала К. в кашу, сваренную на Новый год: если оно доставалось хозяину, это сулило дому благополучие (бел.).

М.М. Валенцова

КОЛЮ́ЧИЙ, колючесть — признак растений и предметов, используемых в защитной, лечебной, отгонной, реже — в любовной магии. *Колючий* является синонимом *острого:* в народной культуре предметы и растения с такими признаками имеют общую семантику и сходным образом используются в магической практике. Сюда относятся боярышник, терновник, **шиповник**, крыжовник, ежевика, можжевельник, репейник, реже — хвойные деревья, а также другие растения, обладающие шипами и колючими листьями. Из предметов — **гребень**, грабли, вилы, вертел, **игла**, **нож** и т.п. Использование К. и острых предметов и растений определяется их способностью ранить, калечить, впиваться в тело, причинять боль, вред. С другой стороны, охранительная функция К. растений основана на их способности цепляться за одежду, удерживать, не отпускать кого-л. (ср. сербское название терновника *вукоджица*). С этим свойством связано их использование в приворотной магии.

Чаще всего К. предметы и растения применяются в качестве оберегов людей и скота от нечистой силы и болезней. Чтобы защитить дом от нечистой силы, ворота, двери, окна дома и хлева обвязывали ветками К. растений, у южных славян — преимущественно боярышником и терновником, у западных — шиповником и диким крыжовником, у восточных — репейником и можжевельником. У южных славян дверь запирали колышком из боярышника, а в замочную скважину втыкали шипы К. растений, чтобы нечистая сила не проникла в дом. **Вам-**

пиру в гроб клали ветки К. кустарников, чтобы они цеплялись за его одежду и не выпускали его из могилы. Чтобы уберечь скотину от ведьм, на Украине, у южных и западных славян в четверг перед Троицей и в Юрьев день затыкали К. растения в хлеву. Сербы при первом доении над воротами хлева вешали венок из шиповника, а чехи перед началом мая, накануне дня св. Филиппа и св. Якуба, в порог хлева и в навоз втыкали ветки крыжовника или шиповника.

Наряду с К. растениями в этой же роли использовались острые предметы, которые затыкали в **порог**, крышу, двери и **окна** дома или хлева, обносили их вокруг охраняемого пространства, а иглы и булавки втыкали в одежду, чтобы обезопасить человека от порчи.

Охранительные свойства имел также **костер** из веток К. растений: в Сербии и на Западной Украине вампиров и ведьм сжигали на огне из терновника или боярышника, в Чехии в костры, разводимые в Юрьев день, клали ветки крыжовника и терновника, чтобы к дому не приближалась нечистая сила. Русские после выноса покойника топили печь можжевельником, чтобы покойник не мог вернуться. Оберегом служили не только сами К. и острые предметы и растения, но и упоминание о них в магических формулах. В Сербии в день св. **Иеремии** девушки, чтобы отогнать змей, обходили село с песней, в которой сообщалось, что все змеи убежали, а единственная оставшаяся «оба глаза выколола о две колючки терновника, о четыре шиповника».

В ряде случаев применялось символическое укалывание, закалывание, прокалывание возможной опасности. В день св. **Димитрия** деревянными копьями колют во все дыры в доме, амбаре, других хозяйственных постройках или затыкают эти копья в землю, что должно уничтожить всех мышей в доме. В Сербии в Тодорову субботу женщины колют иглой камень, чтобы проколоть глаза змее.

К. растения и острые предметы использовались для лечения болезней: на Русском Севере считают, что все болезни боятся чертополоха. Белорусы отваром К. трав лечили колющие боли, в частности колики и колотье в боку. У западных славян К. растения использовались для лечения коров, испорченных ведьмой, и для возвращения отобранного молока. Для этих целей в Словакии хозяйки делали венок из шиповника и сквозь него процеживали молоко, кипятили молоко на огне из веток шиповника, выливали в навоз молоко от испорченной коровы и били по этому месту прутом шиповника, надеясь тем самым исколоть ведьме лицо.

В приворотной магии использовалась способность К. растений задерживать кого-либо, цепляться за одежду, чтобы «зацепить» суженого. В календарных обрядах, направленных на увеличение плодородия, укалывание символизирует коитус. В Словакии в день св. **Андрея** и во время адвента ряженые парни натягивали на лицо или на руку кожу ежа и старались уколоть девушек. На Русском Севере во время святок ряженые парни, так называемые веретельники, вставляли себе между ног веретена и кололи ими девушек.

К. растения, в частности терновник и шиповник, считались «дьявольским» творением. Например, на Украине полагали, что репейник и вообще К. растения посадил дьявол, чтобы люди, цепляясь за них, ругались и таким образом грешили.

Е.Е. Левкиевская

КОЛЯДА́ — ключевой для рождественско-новогоднего комплекса термин, обозначающий разные обрядовые реалии. У восточных и южных славян известен как название **Рождества** и его кануна. Словом «коляда» может называться: ужин в Сочельник (Полесье); сноп, внесенный в дом накануне Рождества (бел., укр., в.-пол.); обрядовый костер, который жгли в ночь перед Рождеством (македон.); праздничный хлеб или жаренный на святки поросенок (рус., болг.). Наиболее типично использование термина в обряде **колядования**. В разных славянских языках «колядой» назывался сам ритуал обхода поздравителей по домам; группа его участников; дар, подаяние за колядование; песня, исполняемая при обходе. В русских песнях-ко-

лядках упоминается персонаж по имени *Коляда*, который «рождается накануне Рождества», «приезжает на конях», «ходит по дворам» и т.п. В южнорусских поверьях *Коляда* — мифическая баба, которая в ночь перед Рождеством ходит по домам и проверяет, кто сколько напрял пряжи. В Рязанской обл. «колядой» назывался один из персонажей святочных ряженых, одетый в вывороченную шубу.

Л.В.

КОЛЯДОВА́НИЕ — приуроченный преимущественно к святкам ритуал **обхода** домов, участники которого исполняли благопожелательные приговоры и песни в адрес хозяев дома, за что получали угощение.

У западных славян колядники начинали ходить еще во время предрождественского поста; у южных славян — со дня св. Игната (20.XII/2.I). Но наиболее типичным периодом колядования считались первые три дня святок (Сочельник, Рождество, день св. Степана), а также канун и первый день Нового года и Крещения. Чаще всего такие обходы взрослых колядников совершались в вечернее и ночное время. По южнославянским обычаям, колядовать можно было с полуночи до восхода солнца. Вместе с тем известна и практика утренних колядных обходов, когда задолго до рассвета по домам ходили с поздравлениями дети, называемые «колядниками», «полазниками», «посевальниками», «щедровальниками»; они желали хозяевам благополучия в следующем году и совершали ряд магических действий: осыпали дом зерном, разносили хвойные ветки, выбивали искры из рождественского полена и т.п.

В Балкано-Карпатском регионе, где обряд колядования отличался особой популярностью, наиболее типичным и ритуально значимым было участие в обходах мужской «колядной дружины». В нее могли входить мужчины и старики, однако чаще участвовали взрослые неженатые парни. Группу колядников (числом от пяти-шести человек до 10–15) обычно составляли: предводитель, старший по возрасту женатый мужчина, хорошо знавший обычаи и песенный колядный репертуар; «певцы», среди которых различались «починальники», или «запевалы», и «песельники-подхватники»; музыканты; танцоры; ответственный за сбор продуктов («мехоноша»). За пределами Балкано-Карпатской зоны такой сложной организации внутри колядной группы не наблюдалось: в белорусском и южнорусском К. отмечалось лишь наличие «поводыря» и «мехоноши», а в среднерусских областях колядники чаще всего ходили беспорядочной толпой. Согласно южнославянским поверьям, колядником мог стать любой житель села мужского пола, кроме тех, кто страдал физическими недостатками (хромоногие, горбатые, одноглазые, безрукие и т.п.), или людей с психическими расстройствами; избегали принимать в колядные дружины незаконнорожденных, сирот и тех, у кого в недавнее время умер кто-нибудь из близких родственников.

Участники К. (если они не были ряжеными) ходили по домам, одетыми в праздничную одежду, украшенную особыми букетиками, на шапки надевали венки из вечнозеленых растений и бумажных цветов. Наряду с этим у славян широко известен обычай, по которому в состав колядников включались ряженые (см. **Ряжение**).

Ряд особенностей отличает детское колядование: небольшие группы детей (не имевших обыкновения рядиться) исполняли особые («детские») колядки и приговоры — рифмованные благопожелания или краткие формулы с просьбой одарить за К., например: «Колядин, колядин, я у батька один, по колена кожушок, дайте, дядька, пирожок!».

Посещение колядников, по народным поверьям, обеспечивало хозяевам урожайность в поле, приплод скота и общее благополучие в доме. Обычно сами участники обряда следили за тем, чтобы по оплошности не пропустить чей-нибудь дом: это было бы воспринято как большая обида и предвестие беды. Исключение делалось лишь в отношении тех домов, где в течение года кто-нибудь умер (там обычно не колядовали). В соответ-

Колядники (с. Выбел, Плевенский округ, Болгария)

ствии с правилами колядники двигались по селу в направлении с запада к востоку, а в горной местности — с нижнего края села вверх, чтобы так же «процветало и шло в гору» хозяйственное благополучие в посещаемых ими домах. В колядных текстах сами исполнители называли себя «Божьими слугами», «Божьими посланниками», «небывалыми гостями», приходящими на землю один раз в году. При входе в дом они говорили: «Я в дом и Бог со мной!», а при выходе: «Мы отсюда, а Господь — сюда!» (болг.). Вместе с тем участие в К. во многих местах осмыслялось как опасное и «нечистое» занятие: например, кое-где считали, что участников обхода впускать в дом нельзя и что одаривать их следует через особое (печное или дымовое) окно (сев.-рус.); у южных славян колядники в течение нескольких дней после обходов воздерживались от половых контактов с женами. У всех славян широко известен обычай, по которому все, кто участвовал в К. (особенно ряженые), должны были пройти обряд церковного очищения или искупаться в проруби; бывало, что их насильно обливали богоявленской водой, чтобы очистить от скверны.

Лит.: *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв.: Очерки по истории народных верований. М., 1957; *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: генезис и типология колядования. М., 1982.

Л.Н. Виноградова

КОНОПЛЯ́ — техническая культура, которую славяне узнали раньше, чем лен.

Возделывание К. на всех этапах — от сева до тканья полотна — сопровождалось магическими действиями и считалось (за исключением сева) сугубо женским занятием. В верованиях и фольклоре с К. связывается мотив «жизненных мук» (см. **«Житие растений»** и предметов): ни одно другое растение не претер-

певает столько страданий, превращаясь из семени в полотно или рубаху (семя закапывают в землю, стебли дергают, мочат, сушат, треплют, чешут, прядут и т.д.), поэтому песни о «муках» К. используются в качестве оберега, сербы с их помощью отгоняют градоносную тучу и т.п.

Перед севом хозяйка трижды объезжала на кочерге участок, предназначенный для К. (Могилевская губ.). Сеяли босиком, молча, сняв шапку, с завязанными глазами, иначе птицы выклюют семена, посеянная К. не взойдет; во время сева нельзя было здороваться и отвечать на приветствие. Чтобы обеспечить белизну волокна К. и чтобы семенные головки были крупными, в семена клали яйца, разбрасывали их по полю, закапывали в землю, перед севом ели яйца или яичницу.

Для магического возбуждения вегетации и обеспечения роста К. на Рождество, масленицу, в первую неделю Великого поста, на Ивана Купалу, в Петров день прыгали с лавок, столов, печей; поднимали или подбрасывали вверх предметы; женщины катались с гор на санях, на скамьях, на донцах от прялок, катались на лошадях (восточные славяне); качались на **качелях**, танцевали с подскоками — «на высокий лен и коноплю» (западные и южные славяне); зажигали костры и прыгали через них — чем выше, тем лучше урожай К. (русские, чехи, болгары). Чтобы К. выросла высокой, девушки выбирали для танцев самого высокого парня (словаки, болгары); семена К. на поле несли на плечах, т.е. высоко (белорусы). Чтобы К. выросла густой, тонковолокнистой, выбирали сеятеля с густыми волосами и бородой.

К. имела продуцирующую функцию. Новорожденного перевязывали *матками* (женская особь конопли с семенами), если же его обвязать *плоскунами* (мужская особь К. без семян), он будет бесплодным. Девочке в первую купель клали К., чтобы волосы были длинные (чехи). При посещении роженицы приносили с собой одно пасмо К., которое клали в люльку, чтобы ребенок-мальчик был усатым, а девочка «волосата» (сербы).

Чтобы у молодоженов были дети и у молодой были легкие роды, мать клала невесте за пояс семена К., которые во время венчания она высыпала на пол; при нежелании иметь детей невеста брала на венчание «мужскую» К. (сербы). Семенами К. посыпали молодых на свадьбе (русские). Чтобы оградить молодых от порчи, им насыпали в обувь семена К., опоясывали стеблями К. по голому телу (Моравия, Словакия), раскладывали вокруг невесты стебли К. и поджигали (болгары). Молодая, входя в новый дом, разбрасывала по избе конопляное семя, чтобы выгнать из дома злых духов и ведьм (моравско-словацкое пограничье).

Чтобы покойник не стал вампиром, его покрывали конопляным полотном (сербы), опоясывали поверх рубашки пасмом К., могилу обкладывали К. или конопляной паклей и поджигали (болгары). Покойника окуривали дымом от К., пепел и остатки К. клали в гроб (сербы).

В календарных обрядах К. использовалась в качестве оберега и продуцирующего средства. На Благовещение куски конопляного полотна клали на пол по углам избы, поджигали его и окуривали все вокруг, чтобы гады, выползшие из земли, не заползли в дом (Закарпатье), чтобы уберечься от укуса змеи (Болгария). В Лесковацкой Мораве в Мышиный день (9.XI) молодежь обходила дом со стеблем конопли и изгоняла мышей, а затем собирала все стебли и устраивала из К. костер в центре села. В Подолии на Купалу собирали конопляный цвет и рассыпали перед входом в дом и в хлев, чтобы преградить путь ведьме.

К. как апотропейное растение использовалась в народной медицине. В Восточной Сербии от эпилепсии употребляли «забытую» К., т.е. оставшуюся в поле неубранной. От заразных болезней детей опоясывали паклей, которой обмывали покойника, затем ее сжигали и мазали ребенка сажей; рядом с колыбелью клали зеленую К., чтобы ребенок лучше спал (сербы). Нитка из К. и льна, изготовленная в **Страстной четверг**, служила лечебным средством при переломах и вывихах (русско-белорусское пограничье).

В.В. Усачева

КОНЬ, кобы́ла, ло́шадь — в народной традиции одно из наиболее мифологизированных животных, воплощение связи с миром сверхъестественного, «тем светом», атрибут мифологических (эпических) персонажей. Связан одновременно с культом плодородия (солнца и т.п.), смертью и погребальным культом. Отсюда роль К. (и соответствующих обрядовых персонажей при ряжении и т.п.) в календарных и семейных обрядах (прежде всего в **свадьбе**), гаданиях и др.

По археологическим данным, К. (наряду с **собакой**) был главным жертвенным животным на похоронах, проводником на **«тот свет»** (ср. сказочные мотивы коня — чудесного помощника героя, помогающего проникнуть в тридевятое царство, на вершину стеклянной горы и т.п.). Ср. лужицкое представление о том, что конь (и собака) может видеть смерть, о чем свидетельствует его беспокойное поведение и т.п. Характерен общеславянский фольклорный мотив вещего коня, предсказывающего **смерть** своему хозяину (Марко-Кралевичу в сербском эпосе, святому Глебу, чей конь сломал ногу, когда князь отправился к месту гибели, и т.п. вплоть до средневековых легенд о коне Ивана Грозного, который пал в Пскове, и царь в страхе перед собственной смертью отказался от расправ над псковитянами). В наиболее мифологизированном контексте этот мотив известен в «Повести временных лет» (под 912 г.), где **волхв** предрекает Вещему Олегу смерть от коня.

Конь (конский череп) и **змея** — характерные воплощения хтонических сил и смерти в общеславянской традиции. Мифического змея — предводителя змей в Хорватии именуют «змеиный конь», «вилинский конь» (ср. **Вила**); волосы из конского хвоста превращаются в змей (македон.). При этом конь, и особенно всадник — герой или святой (субститут языческого божества), выступают как противники **змея**, злых сил, болезней в фольклорных и изобразительных текстах (в том числе на иконах «Чудо Георгия о змие» и т.п.). Ср. русский заговор: «На море Киане, на острове Буяне, на бел-горючем камне Алатыре, на храбром коне сидят Егорий Победоносец,

Оберег — конский череп, выставленный во дворе дома для защиты от нечистой силы. Болгария

Михаил Архангел, Илия Пророк, Николай Чудотворец, побеждают змея лютого огненного» и т.д. Согласно древнейшему известию в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (XII в.), белый конь бога **Свентовита** ночью сражался с врагами и возвращался темным от грязи. Особое значение имела масть коня: белый (золотой) конь был атрибутом Господа Бога, Юрия-Егория в польской и восточнославянский традициях (в белорусских заговорах); в русской волшебной сказке белый всадник — ясный день, красный всадник — красное солнце, черный всадник — воплощение ночи; в сербской песне св. Николай едет на синем, красном и белом коне (ср. в ст. **Цвет**). В соответствии с двойственной природой коня-медиатора амбивалентными свойствами наделяется конский череп: ср. полесский ритуал сожжения на купальском костре черепа лошади как воплощения «ведьмы», смерти и т.п. и использование конского черепа в качестве оберега скота, пчел, огорода (при отдельных случаях применения его для наведения порчи — пол.). Повсеместно конский череп использовался в качестве строительной жертвы.

Связь К. с «тем светом» и знанием **судьбы** определяла его роль в гаданиях: коня Свентовита выводили из храма к трем рядам вонзенных в землю копий и следили, с какой ноги тот начнет ступать: если с правой — предприятие будет удачным и можно выступать в поход. В русских святочных гаданиях лошади завязывали глаза, садились на нее задом наперед и следили, куда она пойдет: там гадающую ждет замужество. При гаданиях, чтобы увидеть суженого, идут в полночь к конюшне — услышавшая ржание выйдет замуж (лужицк.); по поведению К. гадали о смерти (если конь бьет копытом о землю — к смерти), любви (если К. ест сено, пьет воду — парень любит девушку — пол.). Соответственно конь, воплощающий в гаданиях связь с иным миром и будущим, оказывался демоническим существом: ср. вологодскую быличку о девках, во время гаданий призывавших «дьявола» показаться «прямо в лицо» — гадающих чуть не затоптали появившиеся неведомо откуда лошади. Конь мог появиться и на месте, где зарыт **клад** (укр., черный конь в серб. быличке). В украинской быличке *чорна кобыла* явилась матери и сыну, остановившимся в поисках *доли* у могилы на дороге: человеческим голосом она обещала сыну отвезти его к колодцу, где дают счастливую долю; сын искупался в колодце, и одним скоком кобыла вернула его к матери, а затем исчезла.

В обрядах семейного цикла К. был задействован прежде всего в ритуалах «перехода»: др.-рус. княжеский обряд постригов — первой стрижки волос у княжича сопровождался ритуальным сажанием на коня (этот обряд инициации сохранился у русских и в казачьей среде). В свадебной обрядности особое значение имели кони, запряженные в повозку с молодыми. В русском средневековом свадебном обряде К. давали в качестве выкупа за невесту (ср. позднейшие игровые варианты обмена жены на коней и т.п. в русском и украинском фольклоре); жеребцов и кобылиц, согласно «Домострою» (XVI в.), привязывали у сенника (подклета), где молодые проводили первую брачную ночь. Производительная сила коня и человека при этом считались взаимосвязанными: перед случкой кобылу должна была кормить из подола беременная женщина (рус.). При похоронах считалось, что лошади очень тяжело везти покойника; в Витебской губ. старший в доме с плачем целовал копыта лошади; у русских на кладбище лошадь распрягают, обводят по солнцу вокруг саней и запрягают вновь.

В обрядах календарного цикла К. конские праздники и связанные с ними персонажи (святые, ряженые) отмечали смену календарных циклов. Ср., в частности, катание молодежи на лошадях на **масленицу** (рус.: «на конех ристание» обличается в послании Тихона Задонского, ок. 1765 г.), скачки парней, пасущих коней, в первый день «зеленых святок» (пол.), сербские конные состязания на Рождество (известие 1435 г.), белорусский обычай перескакивать на жеребцах через купальский костер — вплоть до состязаний ряженых «коней»

из соседних деревень (на Юрьев день, рус.). Соответственно с семантикой смены сезонных циклов связаны фольклорные образы всадников, воплощающих календарные праздники — Коляды (рус., пол.), Авсеня (рус.), Божича (серб.; ср. сербский рождественский обычай разъезжать на лошадях с криком «Божич!»), «зеленого Юрия», едущего на зеленом коне (хорв., см. **Георгий**) и др. «Конь», «кобыла» — общеславянские образы ряжения на святки (вождение «бесовской кобылки» упомянуто в царской грамоте 1648 г.), связанные не только с аграрной магией, но и с символикой брака, соития и т.п.

Покровителями коней считались святые всадники — Георгий-Юрий (о.-слав. покровитель скота; ср. именование коней «Егорием храбрым» в Приангарье), «конские боги» Флор и Лавр у русских, Феодор (Тодор) Тирон у южных славян (день его памяти — Тодорова суббота — именуется *Конски Великден*, «конская пасха»). Реже в качестве специализированных покровителей коней выступает св. **Власий** (который также иногда изображается на иконах всадником) и Никола (Николай): в Белоруссии праздник Власия назывался «конское свято» — в этот день объезжают молодых лошадей, не работают на лошадях, устраивают для них специальную трапезу; Николу могли представлять всадником в сербской традиции, наряду со св. Саввой и др. Конь белый (в.-слав., болг.), огненный (в.-слав.) — атрибут **Ильи**, разъезжающего по небу верхом или в колеснице; гром — грохот конских копыт (ср. русские загадки, где гром — топот или ржание коней).

Характерна также связь коня с персонажами низшей мифологии — вилами у южных славян (самим вилам иногда приписываются конские ноги), русалками у восточных (русалку изображал ряженый «конь»), **домовым** и др. Нечистую силу, в том числе домового, можно увидеть, надев на шею хомут. Домовой — *хозяин лошадиный* может любить лошадей особой масти или, наоборот, невзлюбить коня, который пришелся *не ко двору*. Лошадь неопределенной — пегой масти опасна в хозяйстве, на ней в хлев может въехать хлявник (бел.).

В магии особую роль играл не только лошадиный череп, но и копыта, предметы упряжи (в том числе хомут), подкова, волос, отыскав который можно было угадать любимую масть домового, и т.п. При купле лошади старались получить и узду, чтобы лошадь пришлась ко двору, не тосковала по прежнему дому, передать узду «из полы в полу», взять след из-под правого копыта и т.п. (в.-слав.).

В.Я. Петрухин

КОРМЛЕ́НИЕ ритуальное — один из видов жертвоприношения (см. **Жертва**); магический акт угощения, рассчитанный на умилостивление природных стихий, демонов, умерших предков, духов болезней и др. мифологических персонажей.

Наиболее многочисленны у славян ритуалы К. домашних духов и душ умерших предков, от расположения которых зависело успешное ведение хозяйства и благополучие дома. Для них выделялась первая ложка от всех праздничных или поминальных блюд, отливались напитки, откладывался первый испеченный блин или ломоть хлеба. Пищу размещали под столом, по углам дома, на печи или за печью, клали на окно или божницу, относили на перекресток дорог, на могилы, бросали в колодец, в проточную воду, подвешивали к дереву и т.п. (см. **«Деды», Задушки, Задушницы**). Часто перед началом общесемейной трапезы хозяева совершали ритуал приглашения духов к праздничному столу: «Деду-деду, иди до обеду!» или «Святые родители, приходите к нам вечерю вечеряти!» (см. **Приглашение**).

Угощение в виде «относа» пищи в лес, к воде, в поле предназначалось духам природы (лешему, водяному, полевику). Например, пастух оставлял в лесу на пне хлеб-соль и говорил: «Хозяин, на́ тебе хлеб и соль! Паси мой скот, штоб

не было ему никакой шкоды!» (рус. смоленск.). Подношения духам регулярно делались в наиболее ответственные моменты хозяйственного года (перед началом сева, жатвы, выпаса скота, перед выходом на промыслы и т.п.) или в случае пропажи скота, при заболеваниях, стихийных бедствиях.

Считалось, что с помощью К. можно было урегулировать все виды взаимных отношений человека со сверхъестественными силами: например, «кормили» печь, бросая в нее часть еды, чтобы задобрить огонь и предотвратить пожар (поляки); предлагали угощение надвигавшейся градовой туче, вынося во двор столик с едой и прося тучу обойти село стороной (сербы); накануне некоторых календарных праздников оставляли во дворе (на крыше, дереве, под порогом) початки кукурузы, хлеб, вареное зерно для лесных зверей и полевых грызунов в надежде, что они не будут вредить хозяевам. Пищей одаривали также духов болезней, чтобы задобрить и обезвредить их: для избавления от лихорадки специально пекли булочки или варили зерно и относили угощение к болоту или в прибрежные заросли (русские).

К. совершалось в расчете на ответную благодетельную реакцию со стороны сверхъестественных сил. Жители Вологодчины на Новый год приносили в церковь свиные колбасы и шкварки и, размещая их перед образом Святой Девы, говорили: «Ты еси — и нам даси» (см. **Дар**).

Л.Н. Виноградова

КОРО́ВА — наиболее почитаемое из домашних животных, требующее особой защиты от нечистой силы, способной отобрать молоко.

В древности славяне, по-видимому, не забивали коров на мясо. К. не режут, а продают даже в случае болезни или старости. И фактическая, и условная продажа заболевшей К. воспринимается как магическое средство, способствующее ее выздоровлению. У западных и южных славян в случае срочного (из-за болезни) забоя К. ее мясо не потребляли хозяева, а продавали его соседям или всем жителям села. Забивать К.— нетелей, яловок разрешалось на свадьбу, поминки и в редких случаях — на общественные праздники.

К. играет важную роль в погребальном обряде у восточных и западных славян. У восточных славян существовал обычай дарить К. священнику или бедняку сразу после похорон. На Украине и у западных славян верят, что крупный рогатый скот оплакивает смерть хозяина. В некоторых местах домашние животные сопровождают гроб с телом хозяина до церкви. По поведению К. можно предсказать смерть в доме. Красная или черная К. снятся к смерти. К. и телята, которых дарят беднякам, попадают на «тот свет», где имеются специальные загоны для них.

В свадебном обрядовом комплексе и сопутствующем фольклоре К. ассоциируется с женщиной, невестой. К. — обязательная часть приданого невесты у восточных и западных славян. У южных славян парни, приходящие колядовать на Рождество в дома любимых девушек, шли чистить хлев. У казаков на Тереке в святочные ночи парни срывали калитки с домов девушек легкого поведения, делали на площади из них «загородку», куда загоняли коров этих девушек.

На Русском Севере и у южных славян известны легенды о мифических К., обитающих в озерах. Иногда они выходят на прибрежные луга, и тогда человек может отбить одну К. от стада, обежав вокруг нее. Такая К. дает очень много молока и всегда крепка и здорова.

К. и бык связаны в народной культуре также с небесной водой, облаками, осадками. По их поведению (когда они поднимают головы к небу, бьются рогами, подпрыгивают) можно было предугадать дождливую погоду. Черные и темного окраса К., возглавляющие стадо при возвращении с пастбища, также предвещали дождь. В Сербии верили, что внутри дождевого облака находится бык или К. и можно услышать доносящееся оттуда мычание. Такие же представления вы-

ражены в белорусской загадке: «Белая корова тростник поломала» (снег). Поэтому во время засухи вызывают дождь сжиганием коровьего навоза.

Более четко выражена в славянской народной культуре связь облачности, атмосферных осадков, воды с **молоком**. Русские считали, что если молоко при доении сильно пенится, то это к ненастной погоде, а «темные святки», облачность в ночь под Рождество Христово сулят большие удои молока в наступающем году. У южных славян утром в **Юрьев день** хозяйка взбивала масло из молока, а дочь залезала на крышу дома. «Какая погода? — спрашивала мать. По всей земле — солнце, над нашим домом — облако», — отвечала девочка. Этот обряд должен был способствовать увеличению молока у К. С той же целью К. выгоняли пастись в Юрьев день, на Троицу, в день Ивана Купалы очень рано, «на росу».

Вода — основное магическое средство, применявшееся для повышения молочности К. При первом выгоне К. в стадо на Юрьев день, Рождество и в другие праздники К. обливали водой, окропляли святой водой, прогоняли между полными ведрами. С этой же целью обливали и пастухов. Украинская хозяйка всякий раз, беря воду из колодца, обращалась к воде с заговором, в котором просила прибавить молока К. На Русском Севере пастух должен был на все время летнего выпаса закопать «отпуск» (письменный текст заговора) в сырое место у воды, иначе у К. будет мало молока. В Карпатах существовал обычай первое молоко, выдоенное после отела, выливать в быструю речку.

Молоко К. противопоставлено небесному огню, стихии огня. Если первый весенний гром загремит, когда К. еще не в хлеву, то они не будут давать много молока. В некоторых местах Болгарии верят, что молния и гром выпивают у К. молоко. В животноводческой практике всех славян существует запрет подходить к огню, очагу сразу после дойки К.: прежде нужно вымыть руки.

К. — объект постоянной заботы или, наоборот, преследований **домового** (или других опекунов хозяйства — **ласки**, ужа, петуха). Ласку и ужа нельзя убивать, т.к. вместе с ними сразу же падет К. Следует держать К. той масти, которая совпадает с окрасом домашней ласки. Существуют верования, что уж сосет молоко у К. Убивать такого ужа нельзя: К. будет тосковать по нему и погибнет. Нельзя бить К. палкой, которой убили ужа: К. будет «сохнуть».

К. может быть демоническим существом. Украинцы и белорусы представляли себе холеру в образах женщины с коровьими ногами, черной К., женщины, сидящей на черной К. В К. может оборачиваться ведьма, в виде К. может являться **клад**. Гуцулы верят, что в хозяйстве может быть демоническая К. «полу-бэрок» — К. с коротким ребром. Если она сдохнет, то в этом хозяйстве сдохнут подряд еще девять К.

С.П. Бушкевич

КОРО́ВЬЯ СМЕРТЬ, Черная Немочь — у русских персонификация смерти рогатого скота. Появляется в виде коровы или кошки, чаще всего черной, или собаки, иногда в облике коровьего скелета (поздний символ, возникший по образцу популярного облика человечьей смерти). С К.С. борются различными обрядами: **опахиванием** селения, умерщвлением **коровы**, кошки, собаки или иного небольшого животного и петуха (чаще всего путем закапывания живьем), зажиганием «живого», т.е. добытого трением, огня (ср. *Огонь*), перегоном скота через ров или тоннель, вырытый в земле, тканьем «обыденного», т.е. вытканного в один день холста (см. *Обыденные предметы*). При опахивании иногда поют, призывая К.С. выйти из села, т.к. в селе ходит св. *Власий* (покровитель скота).

Когда на Курщине и Орловщине при опахивании попадалось навстречу какое-нибудь животное (кошка или собака), то его тотчас убивали как воплощение Смерти, спешащее укрыться в виде

оборотня. В Нижегородской губ. для отвращения заразы крестьяне загоняли весь скот на один двор, запирали ворота и караулили до утра, а с рассветом разбирали коров; при этом лишняя, неизвестно кому принадлежащая корова принималась за К. С., ее взваливали на поленницу и сжигали живьем.

Н.Т.

КО́РШУН, я́ с т р е б и некоторые другие виды семейства ястребиных (орел, канюк, лунь, скопа) и отчасти соколиных (кобчик, чеглок) образуют единый образ крупной хищной птицы (ср. также **Орел**), наделяемой символикой нечистоты и смерти, демоническими и отвращающими свойствами.

Символику К.-ястреба, его связи с другими птичьими персонажами и параллели с другими славянскими традициями наиболее полно отражает украинско-подольский обряд изгнания и похорон К. в первый понедельник Петровского поста. Утром хозяйки выгоняли кур из хаты через **нож** или **топор** для защиты их от К. Днем женщины шли на пастбище, где пели, махая платками в сторону леса: «Ой, Шуляку — чорна птахо, до нас не літай, / <...> курей наших не хапай». Мужчины приносили сюда привязанных на палки убитых К. и воронов. Женщины шли с ними в лес, там ломали зеленые ветки и, махая ими, проклинали «шуляка-яструба»: «Птице-чорна, смерте наша, / Ти нас не займай, / Обминай!» Потом совершались ритуальные похороны К. и женщины танцевали на его могиле. В другом варианте обряда бабы изготовляли «шуляка» из платков, клали его на большой платок, по углам которого насыпали кучки зерен и клали между ними хлеб, лук, сыр и мясо. Повернув «шуляка» к мясу, бабы приговаривали: «Не йды до курей, а иды до падла». В конце разрывали «шуляка» на части, устраивали пирушку и угощали друг друга водкой со словами: «Выпийте, кумо, щоб шуляк курчаток не поив».

Обрядовая параллель К.-ястреба и **кукушки** (ср. украинский обряд изгнания и похорон К. и русский обряд крещения и похорон кукушки) дополняется поверьем об обращении кукушки в ястреба или К. по окончании ее кукования сразу после Петрова дня (29.VI).

В контексте упомянутых обрядов и верований следует рассматривать и «ястребиные» названия незавившегося кочана капусты: укр., бел. «шуляк», рус. «ястребуха». Альтернативные варианты для кукушки после Петрова дня — либо обращение ее в ястреба, либо укрывание в капусте (в белорусском Полесье).

Иные параллели украинского обряда изгнания К. — это кашубский обряд казни «коршуна» в Иванов день (24.VI) или в воскресенье за три недели до этого дня. В обряде участвовали «палач», «солтыс» (сельский староста) или «ксендз» и «судья», который зачитывал приговор. Птицу насаживали на кол. Слуги «солтыса» обращались к К. с обвинительной речью, и «палач» отрубал К. голову. Чаще, однако, голову отрубали не К., а вороне, которую всей процессией отправлялись хоронить с приветственной песней св. Яну. У других западных славян параллели к украинскому обряду изгнания К. более отдаленные: в Чехии и Лужице обряд, сходный с кашубским, совершался по окончании жатвы и был связан не с К., а с петухом или селезнем.

В украинском обряде изгнания К. наблюдается функциональная общность К. и **ворона**, поэтическим воплощением которых в песенных текстах является образ «черной птицы», несущей смерть. Такое же сходство демонстрирует детская игра в К. или ворона, в которой эти птицы наделяются общей символикой смерти. В украинских вариантах игры «ворон» роет ямку, чтобы варить кипяток и заливать им очи детям. Копание ямки символизирует похороны, а заливание очей — смерть. У украинцев и русских такая игра называется «в коршуна», у чехов и боснийцев — «в ястреба». У белорусов она тоже связана и с К. («у коршуна», «шуляк»), и с вороном («у крука», «у ворана» и т.п.): К. (ворон)

копает ямку, чтобы собирать камушки и выбивать ими детям зубы. Характерна причина мести К. (реже ворона) детям: «Они мою капусту поели!» (у белорусов), «Белую капусту в моем огороде пощипали» (у украинцев). См. выше мотив капусты. В Гомельском уезде игра дополняется шуточным вариантом похорон К.: «коршуна» в бане засыпают песком.

Ястреб и К. как нечистые и зловещие птицы наделяются демоническими свойствами. По польским представлениям, ястребиный облик может принимать черт, в ястребе скрывается злой дух; по украинским — ястреб нападает на животных, как черт на людей. Ср. также русское выражение «черт коршуноватый».

Чтобы ястреб не душил кур, нужно первое снесенное курицей яйцо отдать нищему (у поляков); запрещено приносить домой клин, которым расщепляли дерево, сжигать старый веник (у поляков), мотать пряжу, когда в печи горит огонь (у украинцев); на Рождество называют ястребов голубями, чтобы задобрить и обезвредить их (у белорусов). Вместе с тем, как и всякий хищник, ястреб обладает отвращающими свойствами. Поэтому убитого ястреба поляки прибивали на воротах хлева, поляки и украинцы вешали в конюшне для защиты от ведьм и чертей, украинцы выставляли для устрашения воробьев.

Крик К. считают приметой дождя. Согласно легендам, К. (иногда канюк) наказан Богом за то, что в незапамятные времена не рыл или не чистил с другими птицами море, озеро, пруд и т.п. (у восточных славян, поляков), замутил воду Божьей Матери, стиравшей рубашки младенцу Христу (у поляков). С тех пор он имеет право пить лишь дождевую воду и, томясь от жажды, жалобно просит: «Пить, пить!» О крике К. во время засухи русские говорят: «Каня плачет, у Бога пить просит».

Лит.: *Венгрженовский С.* Языческий обычай в Брацлавщине «гоныты шуляка». (Этнографический очерк) // Киевская старина, 1895. Т. 50. С. 282–323; *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 542–556.

А.В. Гура

КОСМОГОНИ́ЧЕСКИЕ МИ́ФЫ — см. **Сотворение мира**.

КОСТЁР — ритуальная форма, известная всем славянским народам; составная часть многих календарных, а также семейных, хозяйственных, лечебных и других обрядов. Большая часть К. приурочена к праздникам весенне-летнего цикла (от **масленицы** до **Петрова дня**); реже их жгли в другое время (осенью, под Рождество или Новый год).

У славян преобладают масленичные и купальские К., имеющие в том числе и солярную символику (см. **Солнце**). Масленичные К. известны у русских, болгар, сербов и македонцев; купальские — на всем западе славянского мира: у украинцев и белорусов, западных славян, словенцев и хорватов. В соответствующих локальных традициях масленичные и купальские К. являются центром календарного праздника, объединяющим вокруг себя весь комплекс совершаемых в это время ритуалов и магических действий. Юрьевские К. известны на Карпатах, на западе Словакии, а также у хорватов; троицкие — окказионально у западных славян, а также у русских, петровские — у хорватов, реже у русских.

Общим для з.-слав. ареала является обычай жечь К. на **Страстной неделе** (со среды до субботы) около церквей; священники освящали этот огонь, а прихожане разносили его по домам и разжигали у себя в домах «новый» огонь, предварительно затушив в печах старый. К. жгли и в пасхальную ночь, и в ночь на пасхальный понедельник; вокруг них собирались, веселились, трапезничали, стреляли. Преимущественно на юге Польши, в Великопольше, в Словакии, у моравян и на востоке Чехии К., возжигаемые на Страстной неделе, связывались с именем **Иуды**.

На востоке Балкан (Болгария, Македония, вост. Сербия) основным был мас-

леничный К. Его раскладывали прямо на земле, иногда вокруг столба; пускали огненные стрелы; едва ли не самой популярной формой масленичного К. на этой территории были гигантские факелы, которые зажигали отдельно от большого костра или параллельно с К., разводимым на земле.

Преимущественно в восточной Сербии, а также кое-где на западе Болгарии в один или несколько праздничных дней (1, 9, 25 марта) молодежь жгла на заре К., называемый у сербов *рана, ранило*, веселилась вокруг него, пела, играла и т.п. Фактически в те же сроки болгары, сербы и македонцы сжигали во дворах, вблизи домов или в садах мусор, чтобы от К. было побольше дыма, который должен был защитить их и хозяйство от змей, насекомых, болезней, непогоды и др.

Календарные К. обычно возжигали на специально отведенных для этого местах, всегда одних и тех же. Предпочтение отдавалось возвышенностям за селом — холмам, пригоркам, в горной местности — доступным вершинам; К. жгли также по берегам рек и озер, на перекрестках, выгонах и иных открытых местах за селом, часто вблизи леса, пастбища, поля или виноградника; иногда — на главной площади, посредине села, у старого дерева; юрьевские — обычно вблизи пастбищ и загонов со скотом.

Материал для К. собирали за несколько дней или даже недель до праздника и сносили его в одно место; это поручалось детям или молодым людям. Часто горючий материал для К. нужно было обязательно украсть из чужого двора, причем в этом случае хозяева терпимо относились к подобным проделкам молодежи. Участниками обрядов и увеселений, устраиваемых вокруг праздничного К., были представители всех групп сельского социума; наиболее же активной их частью была молодежь; в юрьевских К. южных славян главную роль играли пастухи.

Календарные К. представляли собой: 1) груду горючего материала (собственно костер); 2) жердь (часто с укрепленными на ней предметами, например, **колесом**), срубленное или растущее дерево, пучок веток или зелени; 3) факелы или предметы, их имитирующие; 4) горящие стрелы или «шайбы». Помимо стационарных костров практиковалось катание по земле горящих колес, бочек, бревен, а также пускание К. по воде. Наиболее характерным для общесельских К. является сочетание нескольких форм.

Календарным кострам придавался смысл очистительного действия. Это заметно по обыкновению сжигать в К. остатки ритуальной пищи, культурных растений, все вышедшие из употребления предметы, даже те, которые не горят. Для некоторых видов календарных К. очистительное значение было главенствующим: таковы восточнобалканские мартовские К., когда люди чистили дворы и сады и сжигали мусор.

Календарные К. имели также значение превентивного оберега. Болгары считали, что там, где виден свет от К., летом не будет града; болгары, сербы, хорваты, словенцы перепрыгивали через К., чтобы избавиться от блох и обезопасить себя на лето от укусов змей; хорваты и словенцы прогоняли скот через юрьевские К. или окуривали его дымом, чтобы защитить скот от злых сил, укусов насекомых и гадов. В Болгарии по окончании гуляния парни отбрасывали от себя подальше сгоревшие факелы и говорили: «Бегите, блохи, вши и все гады, прочь от меня!» Словаки считали, что человек, удачно перепрыгнувший через купальский К., может в течение всего года не бояться смерти; в зап.-рус. областях матери сжигали в К. одежду больных детей в надежде, что в нем сгорят все их болезни.

К. жгли во время первого выгона скота на пастбище. В таких случаях К. раскладывали в воротах двора или хлева. У южных славян К. жгли в воротах загона перед возвращением скота после первого выгона, чтобы скот прошел по горячему пеплу. К. жгли при эпидемиях (по краям села) и во время мора скота: их

разводили на улице или во дворе и прогоняли скот через горячие угли.

Пребывание около К. и соприкосновение с огнем, как считалось, обеспечивало человеку здоровье на весь предстоящий год. У хорватов, поляков, белорусов и др. люди переходили или перепрыгивали через К., чтобы не болели ноги и кости, чтобы избавиться от головной боли, лихорадки; мазали друг друга сажей и т.п. У хорватов в Далмации старики при этом говорили: «Сохрани меня, Боже, от всех болезней», а дети в Македонии: «Пусть я буду жив и здоров целый год, после того как перепрыгну через костер». В разных славянских традициях принято было переносить через К. маленьких детей, чтобы они были здоровы; для них в белорусском Полесье и других местах рядом с большим К. разжигали совсем маленький.

Общесельские К. были одним из способов ритуального уничтожения (изгнания) ведьм. В Полесье в купальском К. сжигали чучело ведьмы или, разводя большой костер, говорили, что «жгут ведьму». По этой причине на Украине и в Белоруссии каждой женщине-хозяйке необходимо было лично присутствовать у костра, иначе ее могли заподозрить в том, что она ведьма. Оберег скота от ведьм составлял смысл карпатских и южнославянских юрьевских К. Мотив сожжения **вештиц** был характерен для масленичных К. в южной Сербии, Македонии, а также кое-где в Болгарии. В южной Сербии, например, на масленичное заговенье по улицам жгли К. из соломы, называемой *кара вештица* — «черная ведьма», прыгали через них и кричали: «Черная, черная ведьма, ты, баба, ведьма». У черногорского племени кучи 1 марта в загонах и дворах жгли костры из мусора, полагая, что таким образом «сгорает ведьма».

Общесельские К. имели продуцирующее значение, обусловленное главным образом семантикой огня и горения. Весной хозяйки и молодежь поджигали пучки кудели и подбрасывали их вверх, «чтобы лен рос выше и лучше», подбрасывали вверх зажженные веники с криком: «А у меня лучше лен»; жители Славонии полагали, что у тех, кто выше прыгает через К., будет лучше урожай пшеницы; болгары пускали от К. огненные стрелы, чтобы жито лучше уродилось; жители западной Сербии, обходя с факелами загоны со скотом, говорили: «Факел горит, корова плодится, жито родится».

Огонь и горение как метафоры любовного акта провоцировали развитие любовно-брачной темы в обычаях, связанных с возжиганием К. В Полесье, например, удачный прыжок через К. предвещал девушке, что она раньше своих подруг выйдет замуж; если во время прыжка с девушки спадал венок, а парень успевал подхватить его, то он получал право на брак с этой девушкой; в Банате парни переносили через костер своих девушек. У южных славян любовно-брачная тема получила особое развитие в обрядах, связанных с факелами, огненными стрелами и «шайбами» (небольшими деревянными дощечками, надетыми на длинный прут, который вращали в воздухе, чтобы «шайба» отлетела как можно дальше). В Словении парень, пуская деревянную шайбу, загадывал: куда она упадет, оттуда он возьмет невесту. Болгары, запуская стрелы, выкрикивали имена девушек, к которым собирались посвататься, тем самым оглашая свои брачные намерения.

Во множестве случаев перепрыгивание через К. приобретало черты ритуального испытания молодых людей и девушек и тем самым сближалось с посвятительными обычаями. Девушка или парень должны были не задеть колышка, находящегося в середине костра, не сбить лапоть, привешенный к нему, не разжать рук, которыми во время прыжка они держатся друг за друга, прыгнуть выше или дальше всех. Парни соревновались и в том, кто ловчее других собьет головешкой прикрепленный сверху лапоть; кто попадет небольшой головешкой в девушку (это также сулило быстрое замужество) и др.

Т.А. Агапкина

КО́СТИ (людей, животных, мифологических персонажей) в народных представлениях выступают как сакрализо-

ванные предметы, отношение к которым определяется христианской традицией (мощи, останки предков, погребенных в соответствии с обрядом), и как объекты, связанные с потусторонним миром («кости мертвецов», останки «заложных» покойников).

В отношении к человеческим останкам определяющим является запрет трогать («беспокоить») К. покойников: нельзя перекапывать старые могилы; при нахождении костей во вновь вырытой могиле необходимо бросить туда монету, чтобы «откупить место» (о.-слав.). Ритуальные действия с К. в южнославянском обряде «вторичного **погребения**» (Болгария, Македония, юж. Сербия, Хорватия) способствовали окончательному определению статуса покойника (праведник, грешник, вампир) и его загробной участи.

Непогребенные К. могли стать причиной появления ходячего покойника. Известны рассказы о том, как нашедший на дороге кость мертвеца пригласил ее на обед (Словения), как девушка позвала случайно найденную К. на свадьбу (Белоруссия) — в результате мертвец явился и наказал потревоживших его.

Представление о К. как вместилище души нашло отражение в идиоматических выражениях: ср. «у него душа запеклась в костях» (об очень старом человеке, «зажившемся» на свете). Пока сохраняются К. человека, остается жива и его душа, и это является залогом будущего воскресения из мертвых (серб.). По белорусским верованиям, у человека есть одна К., в которой сосредоточивается «причастие». После погребения она сохраняется в земле до Страшного суда, когда из нее восстановятся все тело и К. умершего.

В отличие от людей, у чертей и вампиров нет К. (серб., Косово). Наличие «лишних» К. также свидетельствует о не вполне «человеческой» природе того или иного существа. По белорусскому поверью, «асилки» (богатыри-силачи) имеют в своем теле так называемые чертовы ребра.

Освященные К. животных от ритуальных трапез на масленицу, Пасху, Юрьев день, день св. Игната, Рождество запрещалось выбрасывать, как и другие остатки пищи (скорлупу от яиц, крошки от кулича) — их тщательно собирали и сохраняли для разного рода магических целей. Пасхальные К. закапывали или втыкали в землю, чтобы избавиться от сорняков и полевых вредителей и повысить плодородие земли и скота. Сжигание освященных К. должно было предотвратить дождь (бел.) или остановить грозу (словен.). Подвешивание или забрасывание К. на чердак, затыкание под стреху или в стену дома защищало от молнии (вост. Польша, Белоруссия, Полесье, с.-зап. Хорватия, Словения. Пускание К. по воде применялось в некоторых полесских селах в семьях, где был утопленник. В Болгарии этот ритуал приурочен к Юрьеву дню: К. жертвенного ягненка бросали в проточную воду от града, в Добрудже — «чтобы овечье молоко так же текло, как течет вода» (см. **Пускать по воде**).

Гадания по К. животных особенно распространены у южных славян и приурочены к кануну Нового года (Сербия), к масленице (Словения), к Юрьеву или Ильину дням (Болгария). По форме, цвету, пропорциям лопаточной К. домашнего животного судили об удаче в личных и общественных делах на предстоящий год.

К. животных и людей использовались в магии как приворотное средство, как способ сделаться невидимым (так называемая кость-невидимка, получаемая из сваренной в полночь черной кошки), для наведения порчи (ведьмы подбрасывали К. животных в хлев или в борозду), как оберег от «коровьей смерти» (клали К. из могил во двор).

Повсеместно у славян бытует поверье о «мертвой кости» или «навьей кости» (нарост на теле), которая может стать причиной беды или смерти. Появление ее связывают с нарушением запрета работать в четверг на троицкой неделе — укр. *Навський Великдень*, т.е. «Пасха мертвых». Чтобы избавиться от «мертвой кости», терли руку о скобу церковной двери (рус.); терли нарост костью с кладбища (пол.) или давали погрызть его ребенку, родившемуся после смерти отца (серб.); прикладывали К. мертвеца

во время колокольного звона (укр.); привязывали к руке взятую из могилы серебряную монету (макед.) и т.д.

В народной медицине использовались К. от ритуальных трапез, К. мертвецов и павших животных.

О.В. Белова

КОСТРОМА́, Кострýб — в традиционной культуре русских и украинцев персонажи календарного обряда и хороводной игры, приуроченных к весенне-летнему времени.

Кострома означает игровой персонаж и саму игру. Игроки встают в круг, в центре которого находятся К. (обычно она лежит неподвижно и молчит) и ее мать, которые и ведут диалог с остальными. Он начинается с вопросов о здоровье К., после чего перечисляются этапы «болезни» и «умирания» К. и в итоге сообщается о ее смерти. Дети тянут К. хоронить, а затем она вскакивает и ловит всех подряд.

В ряде русских областей был известен обряд «похорон Костромы», совершавшийся накануне Петровского поста. Для этого изготовлялось чучело К., на которое надевали женскую одежду. *Костромушкой* могли называть чучело коня-русалки; К. могла изображать молодая женщина или девушка. Для изготовления чучела использовали обмолоченный ржаной сноп (солому), иногда сорняки, прутья или же наряжали прядильный гребень.

Чучело или девушку клали на носилки (в колоду, в корыто), несли по селу, вокруг церкви, а затем относили к реке, в поле, в лес, пародируя похоронную процессию: женщины оплакивали «умершую», «поп» «кадил», держа в руках вместо кадила камень или лапоть. Дойдя до места, чучело раздевали и бросали в воду (сжигали, оставляли на поле, реже — закапывали в землю); если К. изображала реальная женщина, то ее оставляли в лесу под деревом.

Названия *Кострома, Коструб* являются производными от слова *костра,* которое в восточнославянских языках и диалектах означает 'остатки культурных растений после их обработки', а также 'жесткие части растений (прутья, розги)', 'непригодные для употребления растения и их части'. Эти значения находят соответствие в материале (солома, сорняки, прутья), из которого изготовлялось чучело К. в русских обрядах «похорон К.».

Связь К. с растительностью подтверждается и в обрядах. Некоторые игры с участием Костромы (Коструба) воспроизводят процесс обработки растительного сырья и превращения его в полотно. К. берет прядиво, обтирает его, заливает, мнет, трет, прядет прядево, снует, навивает, ткет, мочит и колотит холсты. После этого К. заболевает и умирает, а затем встает и танцует.

Именно этот заключительный эпизод игры и обряда (смерть и последующее воскресение Костромы) дал повод для восприятия образа К. как сезонного духа (духа растительности) и для сопоставления его с другими культами и обрядами, посвященными исчезающим и возвращающимся духам и божествам, ср. **Масленица, Иван Купала, Марена** и др.

Лит.: *Зилинский О.* Из истории восточнославянских народных игр (*Кострома—Коструб*) // Русский фольклор. Л., 1968. Т. 11. С. 198–212.

Т.А. Агапкина

КО́ШКА, кот — домашнее животное, наделяемое в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями и часто выступающее в паре с **собакой**.

К. оценивается неоднозначно: и как чистое животное, и как нечистое. Говорят: «У кошки шерсть погана, а рыло чисто; у собаки рыло погано, а шерсть чиста»; «Собаку можно целовать в морду, а не в шерсть, кошку — наоборот». По болгарским поверьям, К. радуется смерти хозяина, а собака плачет; К. добавляет хозяину мучений в аду, раздувая пламя под его котлом, а собака носит воду и заливает огонь. Поверья объясняют происхождение К. как от дьявола, так и из рукавицы Божьей Матери. В легенде о всемирном потопе К. спасает Ноев ковчег: затыкает хвостом дыру, которую прогрызла мышь, сотворенная дьяволом.

Убивать К. запрещено, иначе ни в чем не будет удачи. Считается, что если человек будет спать с К., у него помутится рассудок. Опасно везти К. лошадьми, потому что лошадь от этого сохнет. К. запрещено впускать в церковь. К. и собаке нельзя давать есть пищу, освященную в церкви. Однако у поляков на Пасху им иногда специально давали освященного хлеба с маслом. Этот обычай объясняется народным представлением, что люди имеют хлеб благодаря К. и собаке: согласно распространенной легенде о хлебном колосе, за непочтительное отношение к хлебу люди ныне пользуются хлебом, который Бог оставил только на долю К. и собак. Плохая примета, если К. (любая, не только черная) перебежит дорогу или встретится в пути. Охотнику и рыбаку встреча с К. сулила неудачу в лове. В связи с этим старались не упоминать К. во время охоты или называли ее иначе (например, запéченкой).

В облике черной К. часто представляют нечистую силу. В то же время К., как полагают, способна видеть нечистую силу, невидимую для человека. В образе К. может появляться черт. В кошачьем облике представляют души умерших, особенно тех, кто искупает после смерти свои грехи или умер не своей смертью. В виде К. показывается смерть маленьким детям. В черной К. видели также воплощение болезней: холеры и «коровьей смерти».

Русские верят, что черные К. и собака оберегают дом от попадания молнии, однако считают и опасным присутствие их в доме во время грозы. Это объясняется поверьем, что во время грозы Бог старается поразить черта молнией, а черт прячется от Бога, обращаясь в К., собаку или другое животное. У украинцев известен рассказ о том, как лесник во время грозы увидел черную К., которую не брал гром, и застрелил ее освященной оловянной пуговицей. После этого ему во сне явился св. Георгий и сказал, что он убил сатану, который семь лет дразнил святого.

К. присущи черты домашнего покровителя. Присутствие ее в доме благоприятно сказывается на хозяйстве и скоте. Верят, что счастье в дом приносит краденая К. А в несчастливом доме К. не водятся. При переезде в новый дом хозяева часто пускают в него сначала К., а лишь потом вселяются сами. Входя вслед за ней, хозяин идет в угол, который должен облюбовать себе домовой. Принесенную в новый дом К. сажают на печь рядом с дымоходом, т.е. туда, где, по распространенным поверьям, обитает домовой. Нередки рассказы и о домовом, который обращается в К.

К. используют в народной магии и медицине. Верят, например, что у черной К. или кота имеется чудодейственная кость. Если добыть ее, она сможет сделать человека невидимым или наделит его способностью все знать. Тот, кто в полночь на перекрестке дорог наколет такой костью себе палец и подпишется кровью, получит себе в услужение черта-домового, который будет приносить в дом краденые деньги, зерно, молоко от чужих коров и т.д. (см. **Дух-обогатитель**). В некоторых русских губерниях для предотвращения начавшегося падежа скота считалось необходимым зарывать павшую скотину в хлеву вместе с живой К. Чтобы уберечься от холеры, проводили вокруг села борозду маленьким плугом, в который запрягали К., собаку и петуха, непременно черных. Опухшее вымя коровы лечили, царапая по нему когтями домашней К. Ребенка, больного чахоткой, купали в купели вместе с черной К., чтобы болезнь перешла на К. От насморка следовало нюхать дым обжигаемого кошачьего хвоста. Белую кошачью шерсть использовали как средство от ожога.

По народным представлениям, кот способен благотворно влиять на сон. Поэтому образ кота, как и зайца, часто встречается в колыбельных песнях. Перед тем как впервые положить ребенка в колыбель, туда кладут кота, чтобы ребенок крепко спал. Представление о родстве К. и зайца отмечено у сербов, считающих, что заяц произошел от К.

В народной культуре К. выступает символическим аналогом **медведя**, а собака — волка. В восточнославянских сказках, в русских и лужицких быличках нечистая сила, напуганная медведем

(черт, кикимора, водяной и т.п.), называет его «кошкой». У русских крестьян известен способ вызывать с помощью К. лесного духа — «боровика», имеющего медвежий облик.

А.В. Гура

КРА́ЖА — в народной морали греховное, «нечистое» дело, наказываемое как обществом, так и высшими силами; в обрядовой практике — магический прием, придающий добытым таким способом предметам особую сакральность и магическую силу. Широко применяется в разнообразных обрядах как охранительного, так и продуцирующего характера. Является способом «остранения» предмета, выведения его из привычного ряда, придания ему черт чужого, случайного, найденного, «нездешнего», посланного из иного мира.

У южных славян распространен обычай символической кражи новорожденного ребенка из семьи, где один за другим умирали младенцы, в семью, где дети росли здоровыми и благополучными. Это должно было уберечь новорожденного от предначертанной ему судьбы.

В обрядах вызывания дождя (см. **Дождь**) наиболее действенными оказывались краденые предметы: горшки и черепица, которые бросали в воду; рушник, который мочили; веник, из которого в некоторых районах Болгарии делали куклу Германа; пряжа, из которой за одну ночь изготовляли полотно или рушник; плуг, который словенцы бросали в воду, и т.п. В западной Сербии при приближении градовой тучи женщины крали у соседок муку, а затем возвращали ее, надеясь, что подобным образом туча «вернется» восвояси, не причинив вреда.

Для магического обеспечения плодородия поляки считали нужным украсть семена для засева, особенно проса, капустной рассады и т.п. Сербские пчеловоды полагали, что первый рой следует покупать, второй — одалживать, а третий — красть. Корове ради удоев и благополучия рекомендовалось дать травы с чужого луга или украденной у пекаря хлебной закваски. Когда домашняя птица переставала нестись, хорватские крестьяне старались украсть у соседей гусиные или утиные яйца и подложить их под своих птиц, сознавая, что это принесет вред соседу, который должен будет, в свою очередь, прибегнуть к К. Хорватские сваты, выходя из дома невесты после сватовства, старались украсть что-нибудь «живое» (например, петуха): это должно было способствовать счастливому браку. Если в семье умирали дети, новорожденного повивали первый раз завязкой от мешка, украденной на мельнице (Сербия).

Дополнительным средством сакрализации предмета является его кража у лиц, имеющих высокий сакральный статус, например у вдов, беременных женщин, у **гончара**, **инородца**, у лиц с какими-либо магическими именами и т.п. Сербы верили, что если украсть у попа немного принесенной ему в Юрьев день жареной баранины, а затем обойти с этим мясом село и угодья, то это обеспечит хороший урожай. Полешуки во время засухи бросали в колодец глиняные горшки, которые надо было красть у гончаров или евреев.

Кража входила в сценарий некоторых календарных обрядов. У восточных славян молодежь, готовившая купальский костер, крала со дворов для сжигания в нем старую утварь, одежду, обувь, колеса и т.п.; в обряде новогодних и иных **бесчинств** участники крали телеги, сани, лодки, калитки и т.п.; ряженые колядных дружин крали из дворов или домов все, что удавалось, особенно если они были недовольны угощением хозяев, причем самой суровой «местью» считалась К. лемеха; сербские **додолы** по окончании обхода ели из блюда, незаметно похищенного из какого-нибудь дома. Сакральное рождественское полено — **бадняк** — иногда предписывалось срубать не в своем лесу, а в чужом: в Сврлиге считалось, что краденый бадняк особенно полезен для домашней птицы; с чужого поля следовало брать и солому для устилания пола. Обрядовый характер подобных актов подтверждается тем, что краденые вещи после исполнения обряда часто возвращались хозяевам, а также тем, что «пострадавшие» прини-

мали их как должное и не предъявляли претензий к похитителям.

Разнообразное применение находили краденые вещи в ворожбе, колдовстве и любовной магии. У сербов-граничар девушки похищали у какой-нибудь вдовы цевку и другие ткацкие предметы, с помощью которых они разными ухищрениями старались приворожить понравившегося им парня и заставить его разлюбить соперницу. Объектом магических (в том числе лечебных) действий часто становились «мертвецкие» предметы — повязка, которой подвязывали челюсть покойнику, шнурки, которыми связывали ноги, иголка, которой шили подушку для гроба, и т.п.

Не ритуальное, а вполне реальное воровство окружено в народной традиции также суеверными и магическими представлениями. Известны магические способы приобретения удачливости в воровстве; способы распознавания вора и отыскивания украденного. Например, сербы из Боки Которской считали, что следует позвать цыгана, который, глядя в решето, «увидит» вора. На Благовещение воры считали необходимым «заворовывать», т.е. украсть что-нибудь хотя бы символически, чтобы обеспечить себе удачу на целый год.

Воры считают своим покровителем св. Николая (иногда св. Михаила) и молятся ему.

С.М. Толстая

КРАПИ́ВА — растение, основное свойство которого — жечь, жалить, колоть (ср. названия: рус. *жигучка,* укр. *жалива,* бел. *жигливка* и т.п.). В народной культуре играет роль оберега и отгонного средства; причисляется к «дьявольским» растениям, соотносимым с «чужим» миром; вместе с тем наделяется символикой плодородия.

Согласно легендам, К. произошла из прóклятых или грешных людей либо выросла на месте их гибели. О К. в народе говорили, что ее посеял дьявол и она проклята Богом (украинцы).

У южных славян первую К. ели для сохранения здоровья на весь год. В Боснии на Пасху причащались вином и хлебом (по-христиански), а потом К. У болгар и сербов, когда в Юрьев день первый раз ели К., произносили формулы отгона болезней и пожелания здоровья. В Страстную субботу болгары варили К. и мазали крапивой крупный рогатый скот, чтобы он не бесновался.

Апотропейные свойства К. широко использовались для защиты от болезней, порчи, нечистой силы, стихийных бедствий, несчастий. У южных славян в Юрьев день К. клали на ночь под голову, украшали ею голову, опоясывались ею, хлестали себя и друг друга К.; затыкали К. в цепь очага, чтобы никогда не угас огонь и не опустел дом и т.п. В день Ивана долгого (1/14.VI) у русских водили хороводы, участники которых жгли друг друга К., желая избавиться от болезней.

Накануне Иванова или Духова дня в качестве оберега от ведьм, колдунов и другой нечистой силы раскладывали К. на окнах, на порогах, вешали К. на дверях домов; перед купанием в реке в воду бросали К. для защиты от русалок (восточные славяне), держали в руках К. как оберег от водяного (чехи); на Русальной неделе для охраны от русалок К. зашивали в пояс (болгары); в окна домов бросали К. с приговором: «Крапива в дом, а клоп вон» (Русский Север).

При первом выгоне стада на пастбище в день св. Георгия южные славяне перед ритуальным доением украшали зеленью и К. загоны для овец, всю молочную посуду, белорусы процеживали молоко через пучок К., доили скот через венок из К., украинцы Закарпатья бросали К. в подойник, «чтобы овцы не болели», «чтобы скотине, как и крапиве, ничто не вредило». Для обилия молока, сметаны, масла крапивой кормили скот, натирали вымя коровам и овцам (сербы); горшки для молока, маслобойку мыли мочалкой, сделанной из К., после чего ее сжигали, чтобы злой человек не похитил «спор» (чехи, словаки). Для защиты скота от ведьм накануне дня Ивана Купалы К. затыкали в щели скотных дворов; вешали коровам на лоб венки из К. (поляки); переводили скот через кучу К. (восточные славяне).

Охранные и продуцирующие свойства К. использовались в аграрных обря-

дах: в посевное зерно клали корень К., который после сева закапывали посреди поля (сербы). На гряды капусты сажали выкопанную с корнем К., приговаривая: «Крапива червям, а капуста нам» (Забайкалье). Чтобы никто не мог отобрать плодородие, чехи Моравии клали К. в первую телегу навоза, вывозимого в поле. Крапивой украшали **дежу**, в которой замешивали обрядовые хлебы (Болгария).

К. использовали в колдовстве и магии: ее сжигали для отгона градовых туч; втыкали в одежду, в цепь очага, чтобы молния не ударила в дом. У сербов старая ведьма «посвящала» новую, ударяя ее веником из К. На Юрьев день во время качания на качелях девочки ударяли взрослых девушек по ногам К., чтобы их «распалить» и чтобы они вышли замуж (македонцы).

Негативная символика К. отражена в поверьях: обильно разросшаяся К. осмыслялась как предвестие смерти, запустения, разрухи. В народных песнях запустелые дворы поросли крапивой, вдова сравнивается с сухой К. Представления о К. как о растении «чужого», «дикого», «аномального» мира отразились в выражениях: *найти в крапиве* — родить внебрачного ребенка; *крапивница* — мать внебрачного ребенка, рус. *крапива, крапивник* — внебрачный ребенок, подкидыш; *прыгать в крапиву, скакать в крапиву* — о прелюбодеянии, внебрачных связях.

В.В. Усачева

КРЕСТ — один из древнейших сакральных знаков в мировых мифопоэтических и религиозных системах; главный символ христианства (является также монограммой имени Христа). В народном орнаменте К. называется «божьим знаком» (макед.); К. и его разновидность (свастика) выступает как солярный знак: символизирует свет (**солнце**) и плодородие; представляет собой также геометризованный вариант **мирового дерева.**

В христианской традиции известны различные типы К.: Т-образный («тау-крест»); «крест св. Андрея» с диагональной перекладиной; «латинский» (равноконечный, но чаще с удлиненной вертикальной перекладиной) и «греческий» (равноконечный, иногда с расширениями на лопастях) крест. У южных славян К. латинского типа встречается на надгробиях, прялках, в орнаменте (Сербия, Босния, Герцеговина, Черногория, Македония, особенно часто Далмация), но в целом преобладает К. греческого типа (на надгробиях, прялках, пасхальных яйцах, обрядовых хлебах, над входом в дома). Равноконечный К. как княжеский знак встречается на документах с XII в.

Знаком К. отмечались предметы, наделяемые в традиционной культуре сакральным статусом, почитаемые или опасные места. Вырезали К. на **бадняке** (полене, сжигаемом в Сочельник); во время горения сторона с К. должна была находиться сверху (хорваты). К. делали ножом на нижней стороне **каравая** хлеба перед его разрезанием (поляки). На **Крещение** восточные и западные славяне почти повсеместно чертили дымом К. на дверных притолоках. К. ставили возле очага, на границе села, на перекрестке, в поле, под деревом (у южных славян К. ставили рядом с почитаемым общиной деревом или вырезали К. на дереве, см. **Дерево** культовое).

Для обрядовых целей К. изготавливали из липы, орешника, рождественской соломы, рождественского полена, колосьев, теста, глины. Как основной обрядовый атрибут К. выступает в ритуалах, приуроченных к Крещению (погружение К. в прорубь — «иордань»); **Вознесению** или **Юрьеву дню** — обходы сел с крестным ходом, иногда с целью вызывания дождя; дню **Ивана Купалы** (св. Яна) — сжигание К., сделанного из разбитых бочек (сев. Словакия). На **Воздвижение** (укр. *чесный хрест*, болг. *кръстов ден*, серб. *крстовдан*) скот мазали дегтем, изображая при этом знак К. (серб.). На Средокрестье (среда на 4-й, *Крестопоклонной*, неделе Великого поста) выпекали печенье в виде К., которое использовали при первом выгоне скота, при засевании, при гаданиях об урожае и судьбе (восточные славяне).

Изготовленный из бадняка К. сербы бросали в первую засеянную борозду; сажая курицу на яйца, помечали каждое знаком К., чтобы вылупились цыплята.

Чтобы удался хлеб, перед выпечкой делали К. из теста на дверях (Метохия). Если женщина хотела забеременеть, она надевала фартук с вышитыми К. (Македония).

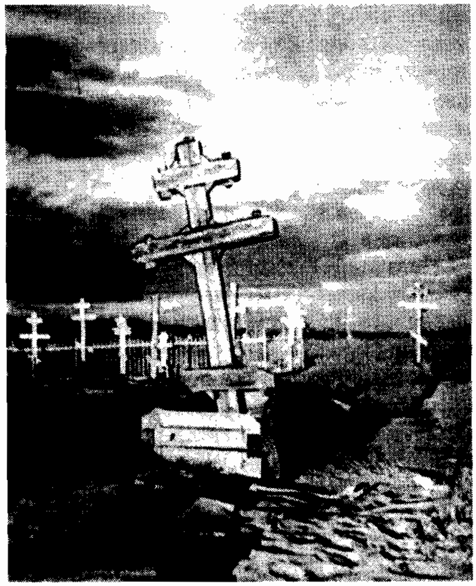
Значение К. как оберега связано с символикой закрещивания: осеняли себя (или объект, на который направлено действие) крестным знамением, начиная или заканчивая работу, выходя из дома, отправляясь в путь, садясь за стол, отходя ко сну. К. защищал от града, дождя, грозы: в Сербии ставили освященные деревянные К. на границе села; поляки устанавливали на поле К. из обгоревших в пасхальном костре ветвей как защиту от молнии. В восточной Словакии считали, что в дерево, на котором вырезан К., не бьет гром. Чтобы остановить дождь, делали К. из **соли** (северо-восточная Болгария).

Кресты в доме и на хозяйственных постройках изображали мелом, свечой, чесноком, **кровью** жертвенного животного, тестом, дегтем.

Нательный К. — неотъемлемый атрибут христианина, который человек получал при совершении таинства крещения и с которым не расставался всю жизнь. Обмен нательными К. составляет часть обрядов кумления или **побратимства** (рус. *крестовое братство*). Потеря нательного К. предвещала несчастье или внезапную смерть (владимир.). Крестом отпугивали демонических существ и зверей, встреча с которыми опасна или сулит несчастье: черта, вампира, русалку, волка, зайца и др. К. широко используется в магии и гаданиях.

В погребальной обрядности и верованиях К. фигурирует как символ смерти. Могильные К. (особенно антропоморфные конструкции) выступают как субститут покойника или как вместилище его души. У белорусов самые большие К. ставились на могилах стариков, маленькие — на могилах детей. «Женские» К. отличались толщиной. В Шумадии К. на могиле ребенка одевали в его одежду. В Полесье иногда на К. на женских могилах вывешивали фартуки, а на мужских — рушники.

Придорожные, памятные, поклонные, обетные, обыденные кресты имеют статус местных святынь. Их функции — оберегать посевы от града (у сербов), селения от болезней и засухи (у восточных славян), обозначать места погребения «заложных» покойников (например, на перекрестках дорог или на возвышенностях), места провалившихся храмов и зарытых кладов. На обетных, обыденных К. вывешивали приношения: рушники, платки и т.п. С памятными К. в



Крест и намогильный сруб в единой конструкции. Кладбище в с. Стрельна Терского р-на Мурманской обл. 1975 г. Фото И.Н. Шургина

народных рассказах связаны мотивы: чудесного явления (ср. предания о «явленных» иконах), за которым следует постройка часовни или церкви; наказания за осквернение К. (попытки перенести К. с почитаемого места, поместить в баню, в ригу или уничтожить его караются болезнью). Почитаемые К. могли восприниматься как антропоморфные существа. В Гдовском у. С.-Петербургской губ. рассказывали, как большой К. разъезжал верхом на коне вслед за свадебными поездами. Всем указанным типам К. приписывались целебные свойства: для лечения болезней использовался мох, растущий на К., щепки, осколки К., а также вывешенные на К. приношения

(например, страдающие глазными болезнями вытирали глаза рушниками, висящими на обыденном К.) и вода, которой обмывали К.

Лит.: *Шляпкин И.А.* Древние русские кресты. I. Кресты новгородские до XV в., неподвижные и не церковной службы. СПб., 1906; *Толстой Н.И.* Антропоморфные надгробия // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 206–212.

О.В. Белова

КРЕ́СТНЫЕ РОДИ́ТЕЛИ — духовные восприемники. У сербов различают четыре вида кумовства: «мокрое», т.е. крестное кумовство, два «сухих»: «венчальное» и «стриженое», т.е. возникающее в процессе обряда пострижин, и одно заключенное «в неволе» из соображений безопасности. Самым важным при этом остается крестное кумовство.

В разных традициях свобода·выбора кумов была различна. Так, у сербов и болгар кумовство часто наследовалось по мужской линии, кумом всех детей в семье становится посаженный отец на свадьбе родителей. К. р. выбирали среди родственников или, наоборот, среди соседей, друзей, чтобы расширить круг социальных связей. Но такой расчет имел и негативную сторону: возможности выбора брачного партнера тем самым сужались, т.к. духовное родство было препятствием для брака. Так, например, русская Кормчая книга запрещала браки между духовными родственниками до седьмого колена.

Количественный и половой состав кумов тоже различен. Число кумов зависело от положения семьи: к внебрачному ребенку шла только одна крестная, а к другим детям — по две-шесть крестных (Польша). На Правобережной Украине было также несколько пар К. р. (три-пять), число их иногда доходило до 8–10 (у чехов), 15 (в польском Покутье) и даже 20 пар (у гуцулов). Существуют и определенные ограничения на участие в обряде крещения. Во многих традициях беременная женщина не идет в кумы, иначе у ее крестника будет тяжелая жизнь, или он вскоре умрет, или же умрет его мать (Силезия), не может быть кумой и женщина во время месячных очищений, иначе у ее крестницы будут подолгу длиться регулы и даже у крестника-мальчика будет менструация (Полесье).

К. р. — самые важные участники крещения, на них лежит целый ряд материальных и моральных обязательств. У сербов кум с согласия родителей или без оного дает **имя** крестнику, которое объявляет позже, на обеде. Повсеместно кум оплачивает крещение, дарит подарки священнику, покупает крестик, кума приносит в подарок крестильную рубашку или ткань. К. р. также дарят подарки на большие праздники, на именины, когда ребенок идет в школу, к первому причастию, на конфирмацию. К. р. иногда подбирают пару своему крестнику (русские), они всегда почетные участники свадьбы, дарят самые дорогие подарки. Крестник устраивает накануне свадьбы угощение для кума (болгары), на свадьбе крестница делает своей крестной и ее мужу самые ценные подарки (Заонежье).

Быть К. р. почитается большой честью. Говорили, что тот, кто на этом свете не крестил детей, на «том свете» будет воспринимать лягушек (болгары, живущие в России). И, наоборот, тот, кто окрестил за свою жизнь сто детей, попадет в рай. На «том свете» крестники защищают от чертей своих восприемников (Харьковщина); крестный тоже будет защищать своего подопечного от чертей (Заонежье). К. р., особенно крестный отец, почитаются больше, чем родные, ср. укр. «куми рідніши, чим брати», «батьки суджені, а кум и кума люблені», серб. «сначала Бог, потом кум», «кум почитается на земле, а Бог на небе».

Кумовьев меняют только в том случае, если дети в семье умирают один за другим, когда рождаются только дочери или у самого кума нет детей. Родители приглашают в крестные первого встречного на дороге, на перекрестке или у церкви. Или же ребенка кладут на перекрестке, и первый встречный кидает на него монету, дает ему имя и стрижет, становясь тем самым крестным (южные славяне).

Кумовство создает нерасторжимые связи и между К. р. и крестниками, и между кумами. Сексуальные отношения между ними строго запрещены. Нарушение запрета считается тяжким грехом, который отразится на здоровье крестника. При этом мотив «духовного **инцеста**», совокупления К. р. постоянно возникает в фольклоре. Так, известны многочисленные предания о возникновении «кумовых» озер на месте, где согрешили кумовья (украинцы), о превращении кумовьев в камни (поляки). Мотив запретной любви постоянно встречается и в песнях, исполняемых у восточных славян на крестинах. Кум в этих текстах превращается в цветущую рожь, а кума — в калину (украинцы).

Лит.: *Листова Т.А.* Кумовья и кумовство в русской деревне // Советская этнография. 1991. № 2; *Сумцов Н.Ф.* К истории развития понятий народа о нравственном значении кумовства // Киевская старина. 1889. Т. 10.

Г.И. Кабакова

КРЕЩЕ́НИЕ, Богоявле́ние — один из больших христианских годовых праздников, который отмечается 6/19.I. У православных празднуется в память о событии крещения Христа в Иордане, у католиков также в память о поклонении трех царей-волхвов новорожденному Христу. Главные содержательные моменты обрядности и верований этого дня связаны с очистительной символикой воды и креста (закрещивания), изгоняющих нечистую силу из земного пространства. Для восточнославянской традиции наиболее значимым является канун К., народные названия и обрядность которого во многом повторяют терминологию и обычаи рождественско-новогоднего комплекса (приготовление обрядовой пищи, праздничный ужин, гадания и приметы о погоде и т.п.). У южных славян восточной части Балкан в комплекс крещенских праздников, помимо кануна К., могли включаться и следующие два дня: день Иоанна Крестителя (7/20.I) и Бабин день (8/21.I), соотносимые друг с другом как «мужской» и «женский» праздники.

К. воспринималось как переломное время и завершение святок, т.е. как переход от «нечистого» святочного времени к новому периоду, когда земное пространство освобождается от вредоносных духов (см. **Святки**). Полночь накануне К. считалась именно тем моментом, когда происходит смена времени, а в природе совершаются какие-то чудеса: «открываются» небеса и у человека, увидевшего это, исполняется любое желание; перестает дуть ветер; животные способны говорить; сны оказываются вещими. Чудодейственной, целебной, «святой» становится вода в водоемах. В знак окончания святок хозяева выносили из дома рождественскую солому и сноп, простоявший в углу две недели, выметали накопившийся за это время домашний мусор; обрядовый хлеб, пролежавший с Рождества на божнице, относили скоту и домашней птице. Со дня К. снимались многие запреты на хозяйственные работы и занятия, связанные с прядением и тканьем.

Центральным событием праздника было церковное освящение воды, которое могло происходить как в церкви, так и возле́ реки или другого источника. У восточных славян принято было заранее делать на реке прорубь и устанавливать ледяной крест; к проруби сходилась вся деревенская община в ожидании момента, когда священник опустит крест в воду. В этот момент мужчины стреляли из ружей, чтобы отогнать нечистую силу. На Украине это называлось «розстрілювати коляду». В белорусских селах тоже принято было стрелять из ружей в том убеждении, что дьявол после водосвятия выскакивает из воды и надо выстрелами отогнать его от села. У южных славян популярным был обычай, по которому группа парней прыгала в воду сразу же после ее освящения, чтобы достать крест и оказаться первым в этом деле.

У восточных и южных славян было принято купаться в водоемах после освящения воды. Такое купание было почти обязательным для участников святочного ряжения и колядования («чтобы смыть с себя скверну бесовских масок» или смыть «личину беса»); этим же способом пытались избавиться от болезней и порчи.

Принесенной в дом богоявленской водой хозяева кропили жилье, домочадцев, двор и хозяйственные постройки, скот, ульи, огороды, поля, лили ее в колодец, добавляли в корм скоту, в бочки с вином и т.п. У сербов Хомолья беременные женщины пили эту воду при трудных родах, веря, что смогут «открыться» (т.е. успешно разродиться) так же, как небеса открывались в день К. Весной «святую» воду в сосудах развешивали на фруктовых деревьях, чтобы те не померзли; ею поливали озимое поле против градобития и т.п.

Почти повсеместно у восточных и западных славян (а также у словенцев) соблюдался обычай рисовать кресты (у католиков — также и начальные буквы имен «трех королей»). Это делали мелом либо чесноком, углем, иногда и тестом на дверях, окнах, воротах и заборах, чтобы оградить жилье от бесов, змей и всякой нечисти.

Преимущественно в южнославянской и западнославянской традициях известны ритуалы крещенских обходов по домам ряженых. У славян-католиков популярными были обходы трех ряженых «королей» («Каспера», «Мелихера» и «Бальтазара»), которые, войдя в дом, кропили домочадцев «святой» водой и надписывали на дверях и окнах кресты. В Болгарии с очистительной целью совершался обряд *совойница*: девушки, наряженные «женихом» и «невестой», ходили по домам с водой и веткой базилика, окропляя в каждом дворе все постройки и домочадцев.

Как и к другим святочным праздникам (Рождество, Новый год), к К. были приурочены многочисленные гадания (о замужестве, здоровье, приплоде скота и т.п.) и приметы о погоде и урожае в наступившем году. У восточных славян считалось, что теплая погода на К. или мокрый снег предвещали хороший урожай злаков, а метель и ветер — к урожаю грибов и ягод. Сербы и болгары судили по направлению ветра, каким будет лето (дождливым, засушливым, «здоровым», удачным и т.п.).

Л.Н. Виноградова

КРОВЬ — в народных представлениях средоточие и символ жизни, субстанция жизненной силы, обиталище души. К. имеет многообразные ритуально-магические функции, прежде всего продуцирующие; составляет основу важнейших социальных институтов и концептов (кровное родство, кровная месть, кровавая жертва). Символическими заместителями К. (главным образом по признаку цвета) выступают вино, красные нитки и полотно, калина и др.

К. соотносится с понятием рода и родства (ср. рус. *кровное родство*). В традиционной культуре кровное родство имеет сакральный статус, кровосмешение признается тяжким грехом (см. **Инцест**). По строгости запретов и предписаний (главным образом касающихся брака) к кровному родству приравниваются многие виды ритуального родства (кумовство, молочное родство) и прежде всего **побратимство** у южных славян, при заключении которого «пили» или «слизывали» кровь друг друга. С идеей родства связана символика К. в сновидениях: выпадение зуба с К. предвещает смерть ближних («кровных») родственников.

Кровная месть — древнейший социальный институт, дольше всего сохраняющийся у южных славян. По народным представлениям, душа убитого не обретет покоя, пока он не будет отомщен родственниками: К. убитого может «кипеть» и этим выражать желание мести (Сербия); пролитая К. ходит тенью за убийцей и зовет к отмщению (Болгария). С принятием христианства закон кровной мести был существенно ограничен и заменен другими видами наказания.

По украинскому поверью, в К. находится душа человека. В сказках оставленная дома частица К. героя чернеет, когда он погибает; братья узнают судьбу друг друга, втыкая ножи в дерево: если брат жив — из ствола течет К., если умер — вода (рус., словац.). Ср. общеславянские фольклорные мотивы о крови растений и произрастании деревьев и цветов из К. убитых людей. Кровотечение расценивается как потеря жизненной силы и требует немедленной остановки. В заговорах это реализуется в

мотивах зашивания, замыкания, запекания К., уподобления К. камню. Для прекращения кровотечения из носа навешивали на шею замок или замкнутые железные путы (рус., бел.), брали в каждую руку по ключу (рус.), старались, чтобы несколько капель К. упали через обручальное кольцо (рус.).

Повсеместно у славян распространен запрет употреблять К. в пищу. Исключение составляет ритуальное питье «первой крови», например при забое скота. К. некоторых животных — **лягушки** (пол.), угря (чеш.) — считалась ядовитой.

Появление К. на продуктах или растениях — признак наведения порчи или нарушения какого-либо запрета. Появление у коров кровавого молока объясняется действиями ведьм (укр., бел.); тем, что под коровой пробежала **ласка**, пролетела **ласточка** (полес.); что корова наступила на лягушку или место, где лежала **змея** (с.-рус.). Корова будет доится кровью, если убить змею, живущую в хлеву (пол.), разорить гнездо ласточки (укр. закарпат., пол.) или **аиста** (пол.). Если женщина нарушала запрет прясть в пятницу, то в хлебе, выпеченном ею в этот день, появляется К. (закарпат.). К. на хлебе, овощах, растениях появляется в результате нарушения запрета что-либо резать в день Ивана Головосека (в.-слав., ю.-слав.).

К. жертвенных животных использовалась в обрядах для увеличения плодородия земли и скота, наделения людей здоровьем, защиты от несчастий и сглаза, для вызывания дождя. Ее выливали на порог дома или хлева, закапывали под плодовым деревом, в огороде, у очага, ею обмазывали ворота, обрызгивали хозяйственные постройки, лица людей и т.п. Эта К. использовалась в гаданиях. У болгар в Софийском округе было принято собирать К. всех жертвенных ягнят в один сосуд в течение лета: если К. в сосуде начинала бурлить, это означало приближение градовой тучи.

Магические действия с К. животных и человека имели продуцирующий и апотропеический характер. В Болгарии для выздоровления заболевшего члена семьи в заговенье рождественского поста на гумне закалывали барана, петуха или курицу, К. собирали в ямку и обрызгивали ею стены дома. Чтобы в семье не умирали дети, у входа в дом выставляли палку, смазанную кровью ежа (серб.). Охотники смачивали кровью убитого медведя или ворона ружье, чтобы оно было без промаха (рус.); чтобы уберечь ружье от сглаза, внутренность ствола протирали теплой К. убитого животного (бел.). В день, когда «домовой бесится» (28.I), колдун выметал все углы в доме и во дворе веником, смоченным в К. черного петуха, изгоняя злого домового (рус.).

К. мифологических персонажей отличается от человеческой: у **лешего** она синяя (с.-рус.), у **черта** — черная (з.-укр.), хотя может быть и красной (см. **Цвет**). К. черта тягучая, похожая на деготь (укр.) или смолу (карпат.); ее используют при ворожбе, чтобы у коров нельзя было отнять молоко (з.-укр.), частицами от «крови черта» подкуривают ребенка от испуга (карпат.). Из К. черта происходят оводы (бел.), из К. змеи — клопы (босн., герцеговин.). Демонологические персонажи (**вампир**, змора, **вештица**, **ведьма**) пьют К. человека, чтобы отнять у него здоровье, укоротить жизнь или убить его, восполнив таким образом собственный запас жизненной силы. См. **Месячные**.

О.В. Белова

КРОТ — хтоническое животное, занимающее пограничное положение между зверями и **гадами**, близкое к **ласке** и **мыши**. Хтоническая символика К. проявляется в мотивах слепоты и неприятия солнечного света, в приметах, предвещающих смерть, в символическом соотнесении кротовины (кучки вырытой земли) с могилой и др.

К. иногда описывают как мышь в земле (у украинцев), с мышью его объединяют и некоторые названия (бел. *поўх*). Ряд названий К. связан с собакой: у украинцев — «щенюк», у сербов — «земляная собака», у болгар и македонцев — «слепая собака». Слепота К. отражена и в его русских названиях: *слепец*, *слепух* и т.п. По русскому поверью, Бог ослепил К. за то, что он копал землю на Благове-

щение. Согласно легендам, Бог обещал дать К. глаза, когда он выроет столько бугров, сколько звезд на небе (у русских); Бог услал К. в нору в наказание за то, что тот первым из всех тварей стал портить райские насаждения, и определил, что глаза его будут уменьшаться, так что к моменту светопреставления кроты станут совершенно без глаз (у белорусов). К. избегает солнечного света и, по представлениям болгар, вылезает из норы лишь раз в неделю: в субботу до восхода солнца.

В болгарской легенде отец проклял сыновей за ссору из-за земли, которой отец наделил поровну каждого. Сыновья превратились в К., и теперь у каждого из К. по 40 кротовин, а им все тесно. Ср. болгарское поверье, что каждый К. выкапывает по 40 кротовин. Согласно сербско-хорватской легенде, крестьянин, желая хитростью присвоить себе чужое поле, закопал на нем своего сына и в присутствии судьи обратился к земле, чтобы она сама сказала, чья она. «Твоя, твоя», — послышался из земли голос сына. Когда отец принялся откапывать сына, оказалось, что он ушел глубоко в землю, превратившись в К. Мотив превращения в К. присутствует в македонских, болгарских, западноукраинских вариантах этой легенды. Доказательство человеческого происхождения К. видят в сходстве передних лап К. с рукой человека.

Как и другие хтонические животные, главным образом гады, К. фигурирует в обрядах вызывания дождя. В Белоруссии считают, что если повесить на кол живого крота головой вниз, то пойдет дождь.

Функция домашнего покровителя, свойственная хтоническим животным, у К. проявляется прежде всего по отношению к скоту. Живого или убитого К. вешают в конюшне, чтобы у коней была лучше шерсть (у белорусов), чтобы они были сильными, тучными и лучше плодились (у поляков). Поляки верят, что и коровы тучнеют, если под хлевом гнездятся К. В Малопольше накануне дня св. Войцеха (23.IV) впускают К. в хлев, чтобы скот хорошо велся в течение года. Словенцы, выгоняя на Юрьев день коров на пастбище, бросают им вслед землю из кротовин со словами: «Будьте тучными, как кроты!»

Магические способы изгнания и изведения К. и обереги от них ставят К. в один ряд с мышами и другими вредителями полей и огородов. Болгары втыкают в норку К. веретено и шерсть, чтобы он занялся прядением и не рыл в огороде. Против К. сербы сеют в огороде бобы, болгары устрашают их стрельбой, лужичане и болгары закапывают в огороде К. пальцами вверх, русские кладут на кротовину конский череп. В Страстной четверг хозяин объезжает на кочерге вокруг огорода, приговаривая: «Крот, крот, не ходи в мой огород, в день Чистого четверга тебе в ... кочерга». Часто используют освященные предметы (у болгар, мораван, украинцев), бросают в огород череп рождественского поросенка или втыкают в кротовины свиные кости (у болгар, сербов). В качестве оберега от К. соблюдают запреты: не прядут от Рождества до Крещения (у украинцев) и в день Обращения в веру св. Павла (у поляков), не едят хлеба в саду (у болгар), не трогают одежду в сундуках (у украинцев), не кладут на стол шапку (у чехов, поляков), не спят с женой в воскресенье (у поляков).

К. и вырытая им земля обладают усмирительными, нейтрализующими свойствами. Кротовину бросают через рой пчел, чтобы он сел на землю, через горящий дом, чтобы усмирить пожар; перед первым выгоном скота посыпают рога животных землей из кротовины, чтобы скотина не была бодлива; девушка дает съесть парню вареное сердце К., чтобы он полюбил ее (у поляков). Усмиряющие свойства К. находят применение в народной медицине: с помощью К. заговаривают раны и опухоли, лечат нарывы, унимают желудочную боль.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 261–272.

А.В. Гура

КРУГ — один из наиболее значимых мифопоэтических символов, отражающий представления о циклическом времени («круг жизни», «годовой круг»)

и основных формах структурирования пространства (деление на «свое» и «чужое», где К. выступает как граница замкнутого, охраняемого пространства). См. **Свой—Чужой**, **Граница**.

Сохранились свидетельства о том, что при закладке села предварительно опахивали место будущего поселения, отделяя таким образом «свое» пространство от «чужого» (укр.). По украинской легенде, первое жилище также имело круглую форму: Бог построил шалаш вокруг шеста.

Идея К. реализуется в целом ряде обрядовых действий при помощи круговых движений и предметов, имеющих форму К. Это обходы (дома, хозяйственных построек, села, полей) на **Рождество**, **Чистый четверг**, **Пасху**, **Юрьев день**, перед началом сева или в экстремальных ситуациях (засуха, эпидемия и т.п.), **опахивание** селения, оползание или опоясывание храма, обвязывание предметов и частей человеческого тела, **пролезание** или пронимание через круглые отверстия. Ритуальное доение овец на Юрьев день производится через **кольцо**, браслет, калач с отверстием посередине, камень с круглым отверстием (ю.-слав.). Перед первой дойкой овцы должны пройти через венок (серб.). На Рождество кур кормили в обруче, в очерченном или сделанном из соломы, веревки, вожжей К., чтобы они не разбегались и неслись у себя во дворе, чтобы уберечь их от хищных птиц (в.-слав., серб.); в Словении практиковалось ритуальное кормление домашней птицы и свиней «в кругу» на масленицу и в Страстную пятницу.

Движению по К. придается магическая сила: после свадьбы свекровь и молодая, войдя в дом, трижды обходят вокруг очага (макед.); роженицу обводят вокруг стола для облегчения мучений (в.-слав., з.-слав.); после родов женщину с ребенком на руках трижды обводили вокруг стола — этот обряд предшествовал церковному обряду очищения (Моравия и горные районы Словакии); если хочешь что-то забыть, нужно обнаженным три раза обежать вокруг дома (Закарпатье). Для защиты от ведьм, отнимающих у коров молоко, гуцулы катали деревянный обруч, обвязанный сеном. Круговое движение является важной составляющей народных медицинских практик. Например, больного обводят вокруг дерева (ю.-слав., в.-слав.), знахари обводят больное место рукой (о.-слав.), во время приступа лихорадки больной бегает вокруг церкви, могильных или придорожных крестов (бел.). По кругу исполняются обрядовые танцы (хоровод, хоро, коло), при этом значимым является направление круговых движений (справа налево — «по солнцу» и слева направо — «против солнца»; ср. направление движения крестного хода соответственно в католической и православной традиции). Сербский хороводный танец «коло» обычно движется слева направо; поминальный «танец для мертвых» исполняется в обратном направлении.

В то же время круговое движение характерно для нечистой силы (человека «закручивает» **вихрь**, водит по кругу леший, круги остаются на месте танцев **вил** и самодив: «вилино коло» и т.п.). Пересечение границы такого К. опасно для человека, грозит ему болезнью или смертью.

Если в канун Рождества человек, раздевшись догола, трижды обежит вокруг своего дома, а потом заглянет в окно, он увидит судьбу каждого из домочадцев в будущем году (Закарпатье). У сербов целый комплекс действий, связанных с К., совершался, если в семье умирали дети. Через кольцо, сделанное из цепи, сливали освященную воду и купали в ней ребенка; делали К. из соломы, на которой родился ребенок, и поджигали ее. Очерчивание магического К. на земле железным предметом (ножом, косой, топором), мелом, углем, красной краской, осыпание освященным маком, круговое окуривание, сопровождаемые произнесением заговоров, защищают человека от нечистой силы, ходячих покойников, ведьм. К. служит защитой от демонов при ночлеге в лесу, в поле и т.п. — вне «своего», культурно освоенного пространства. Гадающий становится в центр К., обеспечивая свою безопасность при контакте с потусторонними силами (ср. русский приговор во время девичьих гаданий на святки: «Бог (ангел) — в кругу,

бес — по-за кругу»). К. мог использоваться и во вредоносной магии: если сквозь К., сделанный из недогоревших погребальных свечей, посмотреть на женщину, она станет бесплодной (серб.).

В народном орнаменте К. связан с солярной и женской символикой. Апотропейное значение придается изображению концентрических кругов, креста в круге.

О.В. Белова

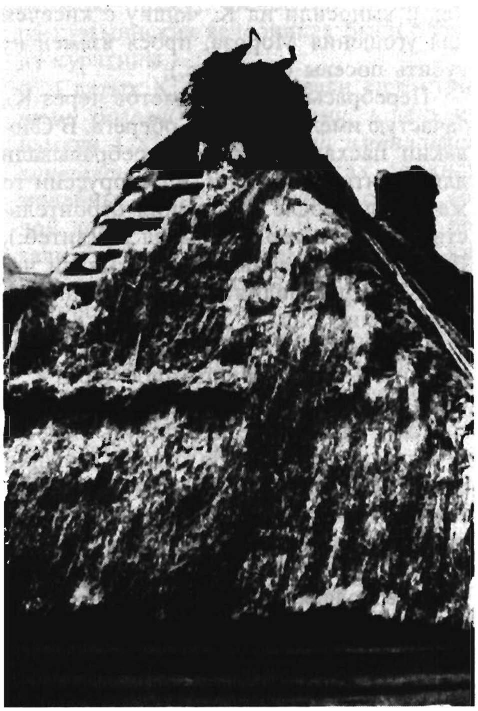
КРЫ́ША — верхняя часть жилища, ограничивающая «свое», освоенное, внутреннее пространство от «чужого», природного, внешнего. В символическом плане К. разделяет верх (небо) и низ (мир людей).

На К. «отсылают» вышедшие из употребления ритуальные предметы: пасхальные вербовые прутья (морав.); свадебные реквизиты (знамя, деревце, покрывало невесты, лопату, которой сажали каравай в печь); мусор, подметенный в доме в субботу перед Пасхой (чеш.); венок, через который кумились в Фомино воскресенье (Воеводина), и др.

Чтобы уберечь дом от молнии, грома, бури, пожара, на К. или под К. помещали освященные предметы, например кости пасхального поросенка, майскую или троицкую зелень, а также солому из постели умершего (словац.), рождественскую солому (болг.), топор, положенный острием кверху (серб.), и др.

Для защиты от нечистой силы в канун Иванова дня на К. клали листья лопуха (пол.), венки из «ивановских цветов» (серб.), освященные травы, серп, косу (полес.).

На К. выставляли обрядовые предметы как знаки, оповещающие о важных событиях в жизни семьи: свадебное деревце (в.-слав.), свадебное знамя (серб., макед., болг.), венок невесты (словац.), свадебное соломенное чучело «дед» (пол.). В случае «нечестности» невесты выставляли на К. ее дома разъезженное колесо (рус.); залезали на К. и сообщали всему селу, что невеста оказалась недевственной (болг.). У мораван майское деревце, поставленное парнем на К. дома своей возлюбленной, означало брачное предложение. Под К. повитуха прятала послед новорожденного (рус. тамбов.), туда же клали послед отелившейся коровы (рус. перм.). Повсеместно при завершении строительства нового дома на К. укрепляли деревце или ветку (восточные и западные славяне), крест из плодового дерева (болг.). Карпатские русины, построив дом, на целый год оставляли незаделанным небольшое отверстие в крыше, чтобы через нее вылетали из дома все несчастья.



Крыша дома в с. Осовая Малоритского р-на Брестской обл. 1977 г. Фото О.А. Терновской, А.Ф. Журавлева

Через К. как верхнюю границу дома, по верованиям славян, выходит из дома душа умирающего, поэтому в случае длительной агонии приподнимали или снимали конек К. (см. также **Чердак**).

Через К. происходило общение с «иным миром», с мифологическими персонажами и духами. В день св. Андрея оставляли на К. вареную кукурузу «для медведя» (серб.), во вторник первой не-

дели Великого поста — кусок обрядового хлеба, помазанного медом — для облаков, чтобы летом они давали дожди (болг.). Во время эпидемии чумы старые женщины поднимались на К. крайнего дома в селе и за одну ночь пряли и ткали полотно «для Чумы» (болг.). В сербском юрьевском обряде с К. произносили магическое заклинание летних дождей. В Сочельник, стоя на К., приглашали градовую тучу на обед (Косово), приглашая тучу на обед, оставляли на всю ночь на К. цедилку, которая приобретала способность отгонять градовые тучи (макед.); выносили на К. чашку с киселем для угощения Мороза, прося взамен не губить посевы овса (рус.).

Перебрасывание предметов через К., зачастую имело значение оберега. В Словакии пасхальное яйцо перебрасывали для защиты от молнии, в Белоруссии то же делали после окончания строительства: чтобы ветер не срывал К. (витеб.). В Сочельник сербы перебрасывали через К. огарок **бадняка**, чтобы защитить дом от злых сил.

Иногда это действие имело функцию гадания. Если переброшенное через К. в Фомино воскресенье яйцо разобьется, то считали, что в доме кто-нибудь умрет в течение года (бел.). На святки девушки перебрасывали через К. свою обувь, считая, что перелетевший башмак пророчит замужество (в.-слав.), и др.

В ритуалах **бесчинств** у восточных и западных славян на К. затаскивали украденные у соседей калитки, возы, плуги, бороны и другой хозяйственный инвентарь и домашнюю утварь.

М.М. Валенцова

КУЗНЕ́Ц, к о в а́ л ь — в славянской мифологии культурный герой. В легендах о пахоте на чудовищном змее (см. в ст. **Пахарь**) К. (в украинских преданиях — Божий Коваль) выковывает первый плуг и запрягает в него змея, который пропахивает гигантские борозды — Змиевы валы (древние укрепления в Среднем Поднепровье). Вероятно, с мифом о герое-кузнеце и пахаре связан образ легендарного основателя Киева — Кия: его имя восходит к обозначению палицы — кузнечного молота. В распространенном у восточных и западных славян сказочном сюжете змееборец скрывается от преследующего его змея (змеихи) в кузнице, где К. убивает чудовище молотом или перековывает его в чудесного коня.

В древнерусской «Повести временных лет» (начало XII в.) с греческим богом-кузнецом Гефестом (Феостом) был отождествлен славянский **Сварог**: Гефест изображен в русской летописи (в соответствии с византийской традицией) земным царем, при котором с неба упали кузнечные клещи и стали ковать оружие. Гефест-Сварог ввел обычай единобрачия (моногамии). Это деяние К. — культурного героя получило отражение в народной традиции, в том числе в восточнославянском фольклоре: в свадебных песнях К. кует свадьбу; во время святочных гаданий так называемые подблюдные песни о К. предвещали богатство и свадьбу — К. кует свадебный венец, обручальный перстень и т.п. Эротическую символику имеют и свадебные игры в К.: парни, ряженные кузнецами, «подковывали девок»: задирали им ноги клещами, били молотком по приставленной к ступне палочке и т.п. (ср. народный эвфемизм — «подковать девку», т.е. вступить во внебрачную связь, рус., пол.). Характерный фольклорный мотив состязания **черта** с К. — перековывание старого в молодого и т.п. В южнославянской традиции К. выковывает амулеты, способствующие деторождению.

Кузнечное ремесло в народной традиции считалось высшим умением, искусством, связанным со сверхъестественным знанием, колдовством (вплоть до способности к оборотничеству), в том числе общением с нечистой силой, чертями и т.п.: ср. родственные слова типа русского «козни» и другие обозначения чародейства, колдовства. К. может перековывать **голос** — из грубого сделать тонкий и т.п. Сверхъестественными способностями и знаниями наделялись и представители других профессий — **гончар**, плотник, **мельник** и др.

В восточнославянской традиции святыми покровителями кузнечного искусства считались **Кузьма и Демьян** (на основании сходства имени «Кузьма» со

словом «кузнец»): иногда они сливались в народном сознании в единый образ Кузьмы-Демьяна, Божьего Коваля. В белорусских заговорах золотая кузня Кузьмы-Демьяна стоит прямо на камне **Алатыре**. В менее распространенном русском поверье кузнецом считается Илья-пророк, который кует громовые стрелы. Ими он преследует чертей, потому черти не любят кузнецов, а молния не ударяет в кузницу.

В.Я. Петрухин

КУЗЬМА́ и ДЕМЬЯ́Н (Косьма и Дамиан) — христианские святые (дни памяти — 1/14.VII, 17/30.X, 1/14.XI), покровители ремесел, брака, домашней птицы; почитаются также как врачи-бессребреники. Согласно житийной литературе, К. и Д. — родные братья и бескорыстные целители, «просвещают разум к учению грамоте». Одно из первых упоминаний братьев-святых на Руси относится к последней четверти XI в. (новгородские берестяные грамоты).

В восточнославянских заговорах К. и Д. (иногда воспринимаемые как один персонаж) излечивают от зубной боли, кровотечения, грыжи и т.д., защищают людей и скот от колдунов, порчи, сглаза.

Более распространено в народной традиции представление о К. и Д. как о «божьих кузнецах»-змееборцах. В белорусской сказке «Иван Попялов» К. и Д. защемляют язык змеихи раскаленными щипцами и убивают ее. По украинскому поверью, **кузнец** Кузьма-Демьян сковал людям первый плуг, ухватил клещами за язык змея, истреблявшего людей, запряг змея в плуг и заставил пропахать землю от моря до моря. В некоторых губерниях России считали молот постоянным атрибутом К. и Д. Кузнецы считали К. и Д. своими покровителями, не работали в день памяти святых и к 1.XI выполняли какие-либо «обетные» работы, а вырученные деньги раздавали нищим или покупали на них свечи к иконам К. и Д. В русской традиции этим святым отводили важную роль в заключении брачных союзов. Ср. мотивы свадебных песен с просьбой «сковать свадебку крепку, вековечную, нераздельную», «случить молодых» и свадебные приговоры типа «Кузьма-Демьян, скуй нам свадьбу до белой головы, до седой бороды».

К. и Д. почитались женщинами как покровители семейного очага и супружеского счастья. В день К. и Д. (1.XI) девушки устраивали *ссыпки, ссыпчину, братчину* (коллективную трапезу из собранных в складчину продуктов), на которые приглашали парней, а в летние Кузьминки (1.VII) замужние женщины собирали братчину. К святым К. и Д. обращались, прося помощи в рукоделии (с 1.XI традиционно начинали прясть зимнюю пряжу). Основным угощением на кузьминских вечеринках были блюда из курятины.

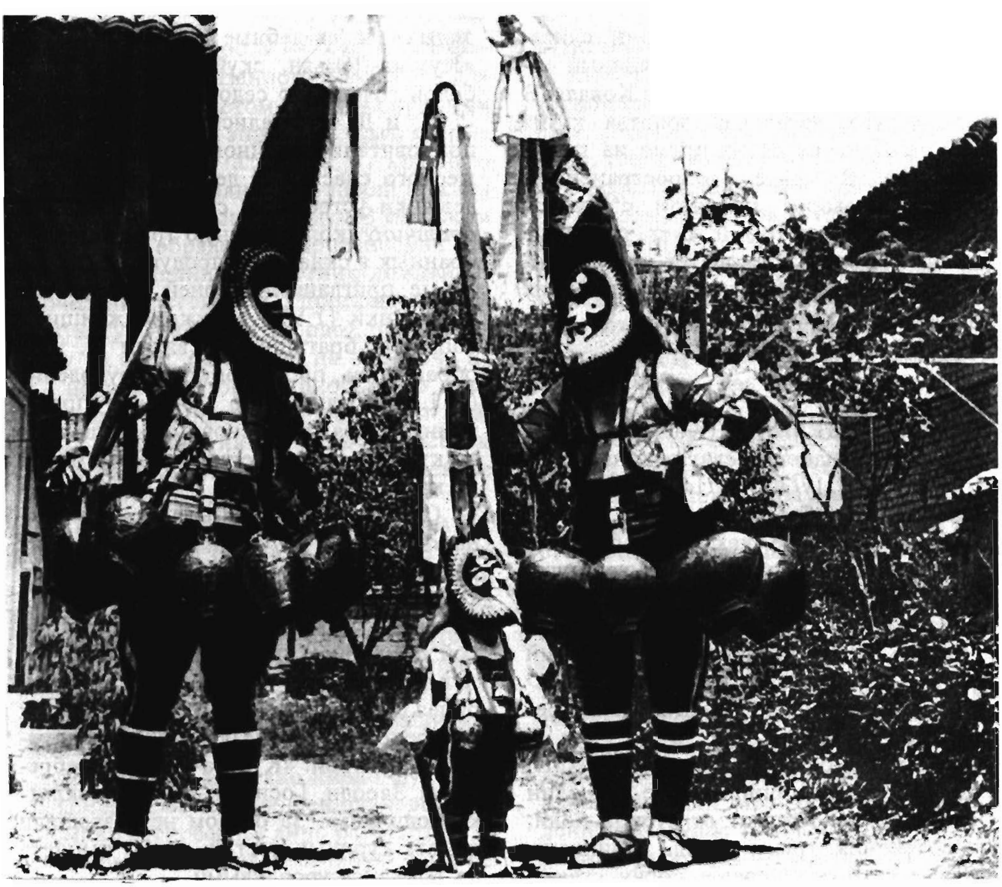
Святых К. и Д. называли еще *куриными богами, курятниками*, а день их памяти 1.XI — *курячьими именинами, кочетятником*: в курятниках служили молебны, священник кропил святой водой домашнюю птицу. В этот день резали кур (ср. рус. «Кузьма-Демьян — куриная смерть»), «чтобы птица водилась»; в Курской губ. трапезу в этот день начинали молитвой: «Кузьма-Демьян сребреница! Зароди, Господи, чтобы писклятки водились». За обедом не разрешали ломать куриных костей, чтобы цыплята не родились уродливыми.

Лит.: *Гіппіус В.* Коваль Кузьма-Дем'ян у фольклорі // Етнографічний вісник. Київ, 1929. Кн. 8. С. 11–51; *Макашина Т.С.* Святые Косма и Дамиан в русском фольклоре // Живая старина. 1994. № 3. С. 18–21.

О.В. Белова

КУ́КЕРЫ — ряженые на масленицу в восточной Фракии и отдельных регионах восточной и юго-восточной Болгарии.

Обряд исполняется исключительно мужчинами, преимущественно холостыми, в течение масленичной недели и в следующий за ней понедельник. В дружине К. строго распределены роли. Предводителем выступает «кукер» или «хаджия», другие участники шествия — «баба» или «кукерица» («невеста»), «царь», два или четыре «сборщика налогов», «парикмахер» и др. В наряде К. преобладает одежда из шкур, вывернутая мехом наружу. Их маски причудливо



Кукеры (с. Павел Баня, Казанлыкский округ, Болгария)

украшены разноцветными монистами, зеркальцами, перьями. Все участники увешаны различной величины колокольчиками, а в руках несут деревянные сабли. «Баба» одета в старые лохмотья, в руках у нее — корзинка с прялкой и пряжей, «ребенок» из дерева и тряпок. Во многих селах «баба» при обходе домов имитирует роды (выпускает котенка) или же выкрадывает настоящего ребенка. «Сборщики подати» несут цепь, которой ловят окружающих, собирая «невыплаченные» долги. «Парикмахер» «бреет» деревянной саблей зазевавшихся прохожих.

Помимо традиционных действий колядующих (пожелание благополучия и сбор подарков) К. представляют комические сценки, их обходы сопровождаются шумом и буйными танцами, во время которых участники звенят колокольчиками и бубенцами, размахивают деревянными фаллосами, прогоняя «зло» и нечистую силу; преследуют бездетных женщин, чтобы «оплодотворить» их. Кульминация игр К. — обрядовое «запахивание и засевание», а главный его персонаж — «царь». Для него на сельской площади устраивается трапеза, во время которой он провозглашает тосты за здоровье, урожай и плодовитость всего живого. Затем он начинает погонять К., запряженных вместо коней в плуг. На сельской площади «царь» распахивает три борозды и засевает их. После этого К. символически убивают «царя» своими саблями, а тот через некоторое время «воскресает».

А.А. Плотникова

КУ́КИШ — оскорбительный жест, наделяемый эротической символикой и используемый в качестве оберега от нечистой силы и сглаза.

У русских при встрече с людьми, пользующимися дурной славой, показывали им К. через левое плечо или между ногами. Демонстрировали также К. при встрече с **колдуном**, чтобы парализовать его силу, а также вошедшему в дом — чтобы он не «перебил» работу. Белорусы показывали К. при встрече с волком («як складзена дуля, так штоб твае склаліся зубы»). Хорваты трижды закрещивали кукишем, предварительно на него плюнув, **мору**, которая мучила ребенка.

В Харьковской губ. считалось, что если под воскресенье пойти к жилищу **ведьмы**, стать спиной к глухой стене, повернуть назад голову, подуть, плюнуть три раза и «дать туда дулю», то она обязательно придет утром и скажет: «На што ты мини дулю давав?» По украинским поверьям, чтобы узнать ведьму, следовало пройти мимо собравшихся во время праздника женщин, надев картуз козырьком назад (см. **Переворачивание**) и сложив два К. Одну руку с К. засунуть в карман, а другую за пазуху. Если среди женщин есть ведьма, то она непременно выдаст себя тем, что начнет ругаться.

В народной медицине К. использовался как магическое средство при лечении некоторых болезней, в частности «ячменя» на веке. В России подносили к больному глазу К. со словами: «Глазной кукиш, на́ тебе шиш» или «Ячмень, ячмень, на́ тебе кукиш, что хочешь, то и купишь: купи топорок, руби себя поперек».

Лит.: *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990.

А.Л. Топорков

КУКУ́ШКА — одна из наиболее мифологизированных птиц. В народной традиции наделена женской символикой. По поверьям, у К. нет пары: муж ее утонул или она сама убила его, сжила со света или спрятала под мост. По одной легенде, «кукуш» покинул К. еще во время всемирного потопа. Поэтому, согласно поверьям, К. спаривается с удодом, самцом вороны, ястребом, соловьем или даже петухом. В южнорусском весеннем обряде крещения и похорон «кукушки» участвовали в основном девушки. Фигурку «кукушки», изготовленную из растений, одевали в сарафан, повязывали платком, чаще черным, потому что считали К. вдовой.

В куковании К. слышится безутешный плач, горестное причитание или жалобный зов. О человеке, который оплакивает покойного родственника, болгары говорят: «Кукует как кукушка». В Черногории на могильных крестах изображали столько К., сколько родственников и особенно сестер скорбело по умершему. Согласно легендам, кукушкой стала женщина или девушка, которая тосковала по погибшему или загубленному мужу или возлюбленному и тщетно звала его либо неустанно оплакивала смерть сына, брата или отца, жаловалась на разлуку с ним или вымаливала у него прощение. В К. превратилась сестра в наказание за потерю или кражу у брата ключей. С тех пор К. зовет брата: «Я-куш, бра-туш, прос-нись, клю-чи наш-лись!» или «Мак-сим, вер-нись, клю-чи наш-лись!». В одной из легенд К. становится девка, наказанная Христом за ложь: она, защищая св. Петра, укравшего коней, кричала: «Ку-пил!»

В виде К. представляли душу умершего. В похоронных причитаниях к покойнику обращались со словами: «Прилетай же ко мне кукушечкой, прокукуй мне свою волюшку». В облике К. душа как бы слетает на землю побеседовать с родными. Часто в К. видели вестницу с «того света». В районах, пограничных с Белоруссией, существует обычай голосить с К.: женщины, потерявшие близких или находящиеся в разлуке с ними, уходят в лес и там, услышав К., общаются наедине с ней, причитая и выплакивая ей свою боль. К. выступает здесь в роли посредника между этим и «тем светом»: у нее выспрашивают новости с «того света» о своих близких, через нее передают им наказы и просьбы.

Крик К. часто расценивался как зловещее предзнаменование. Говорили: «Кукушка кукует, горе вещует», поэтому,

заслышав ее, старались отвести беду заклинанием: «Хорошо кукуешь, да на свою б голову!» Кукование вблизи жилья считали предвестьем неурожая, а на крыше дома — смерти, болезней или пожара. Говорили, что если в первый раз весной услышишь К., кукующую тебе в глаза, будешь плакать, а если в спину — умрешь. К. предвещает смерть, несчастье или дороговизну, когда кукует на заходе солнца. Широко известно гадание по кукованию о сроке наступления смерти. Для этого к К. обращались с вопросом: «Кукушка сера, загадывай смело, сколько лет жить и когда помереть». Чтобы К. подольше куковала и не улетела с ветки, старались подкрасться к дереву и перевязать его поясом. Девушки по кукованию К. гадали о том, сколько лет им осталось до выхода замуж. Предвестьем свадьбы служил иногда и голос К. возле жилья: «Ноне кокушка у нас на дому куковала — не пришлось бы Натаху замуж отдавать».

К Петрову дню К. обычно прекращает куковать. В это время созревает ячмень. К. клюет его, давится ячменным колосом или зерном и теряет голос — хрипнет или захлебывается. Говорят: «Потеряла кукушка голос на ячменный колос». На Украине умолкание К. объясняют тем, что на Петров день она давится сыром, вареником или сырной лепешкой, т.к. к этому дню заканчивается Петровский пост и люди разговляются сыром. В некоторых местах в Петров день специально варили вареники, чтобы «удавить» К. После этого дня К. летает молча и прячется в капусте или в крапиве от птиц, которые бьют ее за то, что она подкидывает свои яйца в их гнезда. По другим поверьям, она обращается в ястреба, с которым имеет внешнее сходство, и нападает на кур (см. **Коршун**). Поэтому о К. говорят: «До Петра поет, а после Петра кур дерет».

Как и другие птицы, К. на зиму улетает в **ирий**. Она улетает туда первой и последней возвращается весной, т.к. ее считают ключницей, хранительницей ключей от ирия. По другим поверьям, К. осенью никуда не улетает, а зимует, подобно ласточкам, под водой или прячется в землю. С прилетом К. и первым кукованием связан ряд примет и магических действий. Ранний прилет и кукование К., когда лес еще не оделся листвой, предвещает неурожай, голод и мор, а ворам неудачу, потому что в лесу укрыться им будет негде. Плохое предвестье — кукование ее на Благовещение. В одних местах день первого кукования считают неблагоприятным для посадки растений, в других к началу кукования приурочивают сев льна. Нельзя купаться, пока не закукует К. Услышав первую К., берут из-под правой ноги горсть земли и кладут ее под постель, чтобы не было блох. При первом куковании К. нужно быть веселым, иметь в кармане деньги и позвенеть монетами — тогда весь год будешь весел, счастлив и богат. Если же К. «окукует» тебя натощак, это не к добру.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 682–709.

А.В. Гура

КУПА́НИЕ — действие, имеющее в славянской обрядности прежде всего очистительное значение. Поскольку одним из основных источников здоровья считается **вода**, то разного рода омовения, купания, обливания, окропления и прочие процедуры занимают огромное место в обрядности календарных и семейных праздников. Чаще всего эти действия в разных славянских традициях совершались на Страстной неделе, что связано с христианским значением **Страстного** («Чистого») **четверга** как «дня очищения» (из лат. dies viridium). У восточных славян основные оздоровительные действия с водой совершались в Чистый четверг, в католических же традициях — главным образом в Страстную пятницу.

Поскольку у восточных и западных славян в это время было еще достаточно холодно, то собственно К. в источниках встречаются крайне редко (лишь изредка упоминается о коротком К. в проруби, точнее — о погружении в нее). В Белоруссии люди мылись в бане, положив в лохань с водой серебро, чтобы тем самым усилить очистительный эффект омовения. В южнорусских областях счи-

талось необходимым помыться во дворе очень рано, до самого восхода солнца, пока ворон не искупал своих воронят. Русские обливались водой под куриным насестом, чтобы весь год быть здоровыми. На западе славянского мира преобладает традиция омовений в проточной воде, ибо именно этой воде приписываются оздоравливающие свойства. Словаки при этом говорили: «Водичка чистая, крестная матушка! Омываешь ты берега и коренья, омой и меня, бедное и грешное создание!» Поляки Великопольши мылись у источников сами и приносили воду домашним, тем, кто не мог пойти к источнику. Так же поступали и словенцы, приносившие домой воду из источников, сильно бьющих из-под земли. Популярны были и массовые обливания, практиковавшиеся на западе славянского мира обычно в первые пасхальные дни. Так, польские парни в пасхальный понедельник волокли к колодцам девушек и обливали там водой, говоря: «Чтобы ты всегда была свежей и здоровой».

В восточнобалканских традициях аналогичные процедуры чаще совершались в канун Юрьева дня: это и обрызгивание спящих домочадцев свежей водой, и К. детей в «цветочной» или «виноградной» воде, куда предварительно были положены веточки лозы, вербы или **кизила**, и омывание водой у источников в ночное время.

Очистительный смысл особенно заметен в ритуализованных К. Например, болгары купались в зимний Иванов день (7.I), входящий в ряд очистительных праздников (Крещение, 6.I, и Бабин день, отмечаемый 8.I). В Болгарии и Македонии холостяки, друзья, кумовья и другие участники прошедшей свадьбы купали в источнике новобрачных (главным образом молодых мужей), чаще всего прямо в одежде, символически смывая с них «нечистоту» и грехи.

Обычные, необрядовые, К. были строго регламентированы в славянском календаре. В каждой местной традиции существовала фиксированная дата, ранее которой запрещалось купаться. Во многих традициях это был **Иван Купала:** до его наступления вода была еще не окрещена, в ней обитали **ведьма** или **водяной**, и они могли утопить человека. Говорили, что Иоанн Креститель крестит воду, после чего в ней можно плавать. Запрет купаться до **Петрова дня** объясняли ссылкой на Евангелие, где описывается, как апостол Петр пытается ходить по воде и тонет (Мф.14:28–31). У западных славян, на Русском Севере и в других местах рассказывали о том, что в один из летних или весенних праздников святой или Господь опускают в воду горячий камень, отчего вода начинает согреваться и после этого можно купаться.

Окончание сезона К. приходилось обычно на праздники конца лета и начала осени, причем первым в их ряду был **Ильин день** (а также **Преображение**, день св. Варфоломея и др.). С этих дней запрещали купаться, иначе можно было утонуть, заболеть, замерзнуть и т.п.; ср. рус.: «До Ильи мужик купается, а с Ильи с водой прощается», укр. «Илле — то очи залле». Считалось, что после Ильина дня вода становится холодной и непригодной для купания. Это объясняли тем, что Илья бросает в воду лед («Илья кинул ледьня»), что олень ступает в воду или обмакивает в ней свои копыта, конь Ильи-пророка роняет подкову в воду, медведь опускает в воду лапу или вскакивает в воду, дьяволы начинают жить в воде и т.п. Болгары, живущие на побережье Черного моря, полагали, что с Ильина дня «море оборачивается», т.е. становится бурным и холодным.

Кроме профилактических К. и омовений в славянской обрядности широко практиковалось лечебное К. больных, часто в отварах специальных трав и настоях, а также К. в святых и лечебных источниках.

Особое значение в обрядности придавалось первому К. новорожденного. Воду после него выливали в особое место: под плодовое или молодое дерево, чтобы и ребенок рос хорошо и быстро и был здоров.

Т.А. Агапкина

КУРБА́Н — у южных славян обряд жертвоприношения домашнего животного (обычно овцы или ягненка), совершаемый по случаю календарных, се-

мейных и общесельских праздников (см. **Жертва**). К. — центральный ритуал **Юрьева дня**. В этот день одного из первых родившихся в новом году ягнят (обычно белого) отделяли от стада, надевали на него венок из трав и цветов, прилепляли к рогу свечу, специально поили и кормили, окуривали ладаном, после чего мужчина закалывал его. Кровь ягненка, по поверью, обладала магической силой. Запеченного ягненка съедали в тот же день во время общесельской трапезы, а кости закапывали в муравейник, чтобы овцы лучше велись.

Т.А.

КУРИ́НЫЙ БОГ, курячий бог, курячий поп — в русской традиции оберег в виде камня с естественным отверстием, который охраняет кур от порчи (см. **Сглаз, порча**) и нечистой силы, способствует их разведению и плодородию. К. б. защищает кур от **кикиморы**, которая выщипывает им перья и клюет в голову. Иногда полагают, что благотворное воздействие К. б. распространяется не только на кур, но и на скот и хозяйство в целом. Название *куриный бог* в русских верованиях связывается с тем, что куры по ночам молятся Богу, роль которого он и выполняет, хотя в действительности можно предположить аналогию с поверьями о *скотьем боге*, функциями которого был наделен св. **Власий**.

Камень для К. б. должен быть найден случайно в поле или на дороге. В качестве К. б. могли использовать также черепок с дыркой, горлышко от разбитого кувшина или рукомойника, надетый на забор горшок, дырявый лапоть, в который иногда вкладывали сложенные крестом соломинки, или связки старых лаптей, медвежья лапа, полено с выдолбленным углублением для ладана, а иногда — каменные или деревянные идолы, которым приданы человеческие очертания. Как правило, это старые, разбитые, изодранные предметы, что символизировало их принадлежность к потустороннему миру. Обычно это были предметы с отверстиями или углублениями, ассоциирующимися с женскими **гениталиями**, что связано с одной из функций К. б. — способствовать плодородию домашней птицы.

Чтобы защитить кур от сглаза, К. б. обычно помещали наверху, на видном месте, чтобы он сразу бросался в глаза и взгляд пришедшего в первую очередь падал на него и не задерживался на курах. Его клали на насесте, вешали в курятнике под застрехой над насестом, над гнездом наседки или во дворе на колу или над тем местом, где гуляют куры. К. б. иногда было принято вешать не на веревке, а на мочале. К. б. в виде перевернутого горшка, надетого на забор, должен был символически закрывать кур от опасности.

Лит.: *Зеленин Д.К.* Магическая функция примитивных орудий // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917–1934. М., 1999. С. 100–139.

Е.Е. Левкиевская

КУТЬЯ́, ко́ливо, кану́н — ритуальное поминальное блюдо славян, **каша**, сваренная из целых зерен пшеницы (реже ячменя или других круп, последнее время — из риса), политая медом или медовой сытой. Готовится на поминках по умершему, а также в годовые поминальные праздники (**Задушки**, **Задушницы**, **«Деды»**); К. носят в церковь и на **кладбище**; едят сами и раздают соседям и **нищим** за помин души. Обычно К. едят в начале трапезы или в конце ее, оставляют на ночь на столе «для душ умерших». У восточных и западных славян К. обязательно варят в кануны Рождества, Нового года и Крещения, так что в Полесье сами праздники-кануны называются *кутья*, или *Бедная кутья* (перед Рождеством), *Богатая кутья* (перед Новым годом), *Голодная (Водяная) кутья* (перед Крещением), у русских *кутейником* называют Рождественский сочельник. «На кутью» у восточных славян приглашали Мороз, диких зверей, у южных славян коливом угощали стихии, души умерших и духов болезней — чтобы задобрить их и обеспечить себе их благоволение и защиту (см. **Приглашение**). Известны гадания с рождественской К.

М.В.

Л

ЛА́ЗАРКИ — у балканских славян весенний девический обряд **обхода** села и сельских угодий в Вербную субботу — день св. Лазаря (макед., болг. *лазарки*, серб. *лазарице, лазарће*) — с целью способствовать благополучию и достатку в доме, урожаю в поле и пр. Участницы, нарядно одетые, обходят дома с танцами и песнями, в которых высказываются благопожелания хозяевам, за что получают подарки (яйца, муку, крупу и пр.). Исполнение обрядового танца Л. отмечено характерной для весенне-летних девических обходов символикой непрерывного движения, «витья», «кружения», которое должно благоприятно повлиять на урожай, завязь плодов, роение пчел.

На символическом и функциональном уровне обход имеет много общего с королевскими обрядами, которые известны западным славянам (чеш., словац. *králenky*) и в западной части южнославянской территории, включая Сербию (серб. *краљице*); возможно их общее архаическое происхождение — развитие обряда Л. из обрядовых игр *краљице* после расселения славян на Балканах и частичной христианизации обряда под влиянием близкой греческой традиции, что сказалось прежде всего на названии обряда Л. Вариант обряда, наиболее близкий сербским *краљице,* сохранился в северо-восточной Болгарии, где группа исполнителей называется *буенец, буенек* и включает персонажи *буенек* и *булка* («невеста»). *Буенек* (*буенец*) — девушка-предводитель дружины, одетая в мужскую рубашку и меховую шапку с цветами, с деревянной саблей, топором или вербовой палочкой с привязанной на ней тряпкой. «Невесту» изображает девочка восьми-десяти лет в одежде невесты, с закрытым красной тканью лицом. Во время быстрого и «буйного» танца *буенец* «предводитель» вертит саблей над головой «невесты». В кумановских селах (Македония) основная участница процессии (*лазарка* или *лазар*) также одевалась в мужское платье и носила оружие.

Л. известны на всей территории расселения балканских славян, включая центральную Сербию и частично северо-восточную Боснию, где в XX в. отмечаются редуцированные его формы (Л. в исполнении цыганок и пр.). У сербов участницы нередко рядились в «Лазаря» и «Лазарицу», причем основная участница покрывала голову белой вуалью, все одевались в праздничную одежду и украшали ее цветами, которым приписывалась лечебная сила, поэтому при обходах каждый стремился заполучить цветок из одежды участниц. Во время исполнения обрядового танца никто не смел останавливаться, иначе бы «посевы перестали расти». В Кюстендилском крае (западная Болгария) девушки *лазарки* наряжались как невесты, поскольку невесты считались «самыми плодовитыми»; по выходе из села участницы специально проходили через зазеленевшее поле (что в любое другое время категорически запрещалось) и пели: «Там, где мы прошли, зародилось, народилось...». Одаривание участниц яйцами нередко мотивируется защитой сельских полей от града.

Особая специфика обряда отмечается в восточной Фракии и природопских областях: там накануне праздника делают куклу *Лазар* или *Лазарка* из тряпок и крестовины прялки с намотанной на нее женской одеждой. Девочка-сирота носит куклу, рядом четыре ее сверстницы поют лазарские песни.

Лит.: *Василева М.* Лазаруване. София, 1982; *Плотникова А.А.* Культурно-языко-

вое членение балканославянского ареала (на материале обрядовой терминологии) // Славянское языкознание. М., 1998. С. 489–507.

А.А. Плотникова

ЛА́СКА — пушной зверь, связанный в народных представлениях с женской эротической символикой и хтоническим началом. В славянских диалектах существуют общие названия для Л., куницы, горностая, белки, барсука; Л., куница, лисица и белка представлены в качестве одного и того же персонажа в различных вариантах сказочного сюжета об ожившей шкурке животного.

Хтоническая природа в той или иной мере обнаруживается у большинства этих животных, в основном куньих. Например, у горностая: былинный герой «по подземелью ходил белым горностаем». Л. указывает местонахождение закопанного в земле клада. В белорусских и украинских песнях известен мотив **мирового дерева**, у корней которого обитают горностай, бобры или соболи. Родство Л. с гадами проявляется в общих названиях для Л. и **змеи**, червя, **мыши**. Подобно змее, Л. считается ядовитой. Л., ящерица и уж выступают в одной и той же роли в разных вариантах былички о том, как эти животные отравили питье людям, унесшим их детенышей. Как уж и лягушка, Л. способна отбирать молоко у коров, а пробегая под коровой, портить его, отчего в нем появляется кровь.

Л. присущи функции домового. Южные славяне верят, что убийство Л. (как и домовой змеи) повлечет смерть кого-либо из домашних или любимой скотины. По словацкому поверью, в Л. воплощена душа хозяйки дома, подобно тому как в облике змеи предстает душа хозяина. Распространено представление о Л. как охранительнице дома и скота. В Полесье ее называют домовиком, считают, что она живет в каждом доме, в земле под домом, в подполье, под порогом конюшни, в хлеву (т.е. в местах обитания домовых духов). Как и домового, Л. можно увидеть, войдя в хлев со свечой в Страстной четверг, и по окраске ее шерсти определить, какой масти следует держать скотину. Присутствие Л. в хлеву способствует размножению скота одинаковой с ней масти. Каждая корова имеет свою Л.-покровительницу той же масти. Верят, что вслед за убитой Л. подохнет и корова одной с ней масти. Как и домовой, Л. мучает скот, заезживает коней, заплетает им гриву в виде косы. Домовой по ночам заплетает косы женщинам и бороды косичкой старикам, а Л. может погрызть ночью волосы женщинам и усы мужчинам.

У южных славян Л. связана с прядением и ткачеством: в легендах в Л. обращена невестка, проклятая свекровью за то, что ленилась прясть или, наоборот, кроме прядения, ничем не хотела заниматься; в качестве оберега от Л. у ее норы кладут прялку с веретеном. В белорусской детской песенке Л. говорит, что она занималась тканьем у Бога. У гуцулов ей посвящен день св. Екатерины (24.XI) — покровительницы прях и браков. У русских же роль пряхи и ткачихи ярко представлена у «горностайки» — персонажа сказов об ивановских ткачах. С мотивами ткачества в различных славянских традициях связаны также куница, выдра, белка, соболь, барсук.

У этой группы животных отчетливо выявляется любовно-брачная и эротическая символика. Одни выступают как женские, другие — как мужские персонажи. У южных славян распространены наименования Л., связанные с названиями невесты и молодухи. Чтобы умилостивить Л., к ней обращаются как к девушке с обещанием выдать ее замуж. В западноукраинских свадебных песнях невесту тоже иногда называют ласицей.

У южных славян Л. используется в любовной магии: чтобы муж любил жену, она рассекает пополам пойманную Л. и заставляет мужа пройти между частями ее тушки. Любовно-эротическая символика горностая и куницы отчетливо видна в различных вариантах сказочного сюжета «Ночные видения»: горностай бегает по спящим мужу и жене, ласкается и лижет их; куница перескакивает с мужа на жену. Показательны в этом отношении и диалектные названия женских гениталий: «куна», «куница», «соболетка», «горностай», «ласица».

В фольклорных текстах с ними отождествляется и выдра.

Общим элементом, связывающим два автономных комплекса представлений — женскую брачно-эротическую символику и роль покровителя дома и скота, является функция плетения, которая в качестве женского занятия (прядения и тканья) объединяет Л.-невесту с рядом женских прядущих существ, в том числе с домашними духами и **русалкой**, а как плетение конских грив — роднит домовую Л. и с образом **домового**, и с женскими духами (русалками и т.п.). В последней своей функции образ полесской Л.-домовика можно рассматривать как связующее звено между западно- и южнославянскими женскими демонологическими персонажами (зморой, **богинками** и **вилами**) и восточнославянским мужским образом домового. Кроме того, в обоих комплексах представлений присутствуют любовно-брачные мотивы, которые, с одной стороны, свойственны южнославянскому образу Л.-невесты и аналогичным образам других пушных зверей (особенно куницы) в восточнославянском фольклоре, а с другой — характеризует также отношение Л. к скоту («любовь» к скотине одной с ней масти) в восточнославянской традиции. Эротическая символика проявляется и в некоторых ткаческих представлениях, связанных с пушными зверями.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 199–257.

А.В. Гура

ЛА́СТОЧКА — чистая, святая птица, наделенная женской символикой и сочетающая в себе небесное и хтоническое начала. В песне Л. уподобляется Божьей Матери: «Ой на Дунаєчку, на бережечку, / Там ластівочка та купалася, / То не ластівочка, то Божа Мати...» Л. и голубь — любимые Богом птицы. Своим пением Л. славит Бога. Щебетание ее воспринимается как молитва: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас». В народной легенде о распятии Христа Л. старались избавить Его от мучений: кричали «умер, умер!», похищали гвозди, вынимали колючие тернии из Его венца и носили Ему воду.

Согласно южнославянским легендам, Л. после всемирного потопа спасла человека от кровожадной змеи, которая откусила ей хвост, отчего он стал раздвоенным. Л. спасла солнце от пожирающей его змеи, скрыв дневное светило под своим крылом или унеся высоко в небеса. В болгарских легендах Л. становится невеста солнца или девушка, выданная за разбойника. Во время бегства ее схватили за фату или за волосы и вырвали клок, отчего у Л. стал раздвоенный хвост. В польской легенде появление у этой птицы «выреза» в хвосте и красного зоба связывается с наказанием Л. за кражу у Божьей Матери ножниц и клубка красных ниток.

Л. присущи функции покровительницы дома и скота. Гнездо Л. под крышей обеспечивает дому счастье. Если Л. бросит гнездо, вся семья в доме вымрет. Убивший Л. не будет иметь удачи в разведении скота, а разоривший ее гнездо сам лишится крова или ослепнет, на лице у него появятся веснушки, у него умрет мать или кто-нибудь из домашних, сдохнет корова, у коровы пропадет молоко или она будет доиться кровью. Считают также, что гнездо Л. оберегает дом от пожара и что Л. спалит дом обидчику, разорившему ее гнездо: недаром у нее есть красное пятно, словно от ожога. Встречается примета, что девушка скоро выйдет замуж, если Л. совьет гнездо на ее доме или залетит к ней в окно. Если Л. и голуби летают возле дома, когда в нем справляют свадьбу, молодые будут счастливы в супружестве. Кто носит при себе сердце Л., будет любим женщинами. Л. и ее гнездо используются в любовной магии.

Л. — вестница весны. Говорят: «Ласточка весну начинает, а соловей кончает». В песнях ее называют ключницей: она приносит из-за моря золотые ключи, которыми отмыкает лето и замыкает зиму. Чаще всего прилет Л. приурочен к Благовещению (25.III/7.IV). В некоторых районах южной России на Сорок мучеников (9/22.III) к прилету птиц пекли «ластовочек» с раскрытыми крыльями.

В северо-западных губерниях прилет Л. приурочен к дню св. Егория (23.IV/6.V). В это время готовятся к пахоте, жарят яичницу и выезжают в поле. Л. щебечут: «Мужики в поле, мужики в поле, а бабы яи-и-шню жарить!» Или: «Улетели — молотили, улетели — молотили, прилетели — па-а-шут!» Иногда в щебете Л. слышится жалоба на опустевшие за зиму закрома: воробьи поклевали все зерно. Весной при виде первой Л. стараются умыть лицо, чтобы не было веснушек, прыщей или солнечных ожогов. Умываясь, говорили: «Ластивко, ластивко! На тоби веснянки, дай мени билянки!» Считается также, что если умоешься на первую Л., станешь резвым и веселым, избавишься от сонливости и хвори.

У украинцев, белорусов и поляков распространены поверья о зимовье Л. в воде. В день св. Симеона Столпника (1/14.IX) Л. собираются вместе и жалуются этому святому на то, что воробьи занимали их гнезда, а дети их разоряли. Сразу после этого или на Воздвижение (14/27.IX) они прячутся в колодцы, чтобы таким путем скорее попасть в **ирий**. Осенью люди стараются не вычерпывать воду из колодцев, чтобы не помешать Л. вылететь в ирий. По другим поверьям, Л. прячутся в реки и озера, сцепляются лапками или крыльями в цепочки и спят под водой. Весной из воды вылетают лишь молодые Л., а у старых опадают перья и они превращаются в лягушек.

Л. обнаруживает сходство с лаской. Названия их родственны по происхождению. С помощью Л., как и по окраске ласки, определяют выбор масти скота. При виде первой Л. берут из-под ноги землю и ищут в ней волос. Какого цвета он окажется, такой масти и следует покупать лошадь, чтобы она понравилась домовому. Л., пролетевшую под коровой, считают причиной появления крови в молоке, так же как и ласку, пробежавшую под коровой.

В загадках щебетание Л. представлено как иноязычная речь: «по-немецки говорило», «по-татарски лепетало», «по-турецки заводило» и т.п. В Хорватии верят, что Л. знает латынь, и передают ее пение латинскими словами. В болгарских песнях Л. называют «граматиками» — учеными, книжниками. У сербов об ученых людях говорят, что они умудрены книжными знаниями, как Л.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 618–633.

А.В. Гура

ЛЕ́СТНИЦА — в традиционной культуре символизирует «вертикаль», путь наверх и путь между мирами, нижним и земным, верхним и земным.

У восточных славян известно приготовление специальных хлебов, символизирующих Л. (обычно это была длинная лепешка с налепленными сверху перекладинами), в поминальной обрядности — главным образом на 40-й день после смерти человека. Эту «лестницу» освящали в церкви (считалось, что под пение «Вечной памяти» душа восходит к Престолу Божьему), ею поминали усопшего, ставили за воротами на стуле, чтобы облегчить душе, отлетающей в этот день на небеса, путь наверх; иногда сорокадневная «лестница» толкуется как знак «лествицы испытаний», проходимых душой на пути к раю. Для будущего восхождения на небо «лестницы» пекли и в день Иоанна Лествичника (30.III/12.IV).

С этим обычаем согласуется известный мотив восточнославянских «обмираний» (рассказов людей, пребывавших некоторое время в состоянии летаргического сна, о своем путешествии на «тот свет»): в них говорится, что попасть туда можно, поднявшись вверх по Л.

«Лестнички», выпекаемые на **Вознесение**, приходящееся на 40-й день по Пасхе, связывались с вознесением Христа на небо: говорили, что по ним «Бог на небо полезет». Кроме того, вознесенские *лесницы, лестнички, лесенки* крестьяне южнорусских губерний приносили в поле. Их ставили стоймя в подросшие хлеба, молились и затем съедали, чтобы стимулировать рост хлебов. Часто «лесенки» крошили на поле и разбрасывали по нему, иногда выстраивали «лесенки» одна на другую как можно выше; дети кидали «лесенки» в посевы, жертвуя их русалкам и таким образом

оберегаясь от последних. Известны гадания по «лесенкам» (см. **Вознесение**).

В славянских заговорах рукописной и устной традиций описывается золотая Л., по которой с неба или горы на землю к страждущему исцеления спускается Господь, Богородица или святые, несущие больному спасение: «В чистом поле стоит Осион-гора, с этой горы золотая лисвенка, серебряные ступенци. И по этой лисвенке спускается сама Пресвятая Богородица и идет к рабу Божию младеню грыж заговаривать».

Л., осмысляемая как способ связи с потусторонним миром, используется в некоторых магических процедурах. У хорватов девушка в Андреев день ложится спать под Л., чтобы во сне увидеть суженого. У русских ребенка, больного «родимцем», пронимали под Л., приговаривая: «Тихонький, не ломайся над ребенком, ломайся над лестницей» (см. **Пронимать**).

Лит.: *Страхов А.Б.* Из истории и географии русского обрядового печенья (поминальные и вознесенские «лестницы») // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1983. С. 203–209.

Т.А. Агапкина

ЛÉТО — в народном календаре и мифологии наименее маркированный сезон, начало которого совпадает с завершением весеннего цикла (см. **Троица**), пик приходится на период летнего солнцестояния (см. **Иван Купала, Купание**), а календарные даты второй половины лета воспринимаются уже как наступление **осени**. Основными мотивами ритуалов, верований и примет лета являются защита от **грома**, молнии и вызываемых ими **пожаров**, культ растительности, завершение летних полевых работ (косьба, **жатва** и др.) и постепенное снятие запретов на продукты нового урожая (см. **Ильин день, Преображение**).

ЛЕТУ́ЧАЯ МЫШЬ — нечистое животное, соединяющее в себе свойства птицы и «гада» (мыши, лягушки). Л. м. болгары считают птицей, которая выводится из яйца. Диалектные названия Л. м. сближают ее как с птицей, так с мышью и лягушкой. Названия типа «полумышь-полуптица», «полуптица-полумышь» встречаются у словенцев и хорватов. В древнерусском сказании о птицах Л. м. просит птиц: «Приимѣте и мене до себе и упишѣте мене в кныги животнія до живота своего; не знаю бо, хто мене сотворивъ: если Богъ, то людемъ на посмѣхъ, а если чортъ, то его братъ, бо я не птахъ; когда мишочій судъ будетъ, то я буду птахою, а коли пташый судъ будетъ, то я буду мишою». Согласно болгарской легенде, в Л. м. Бог превратил беглого преступника. Она укрывается от людей и животных и появляется лишь ночью. Перед животными выдает себя за птицу, показывая свои крылья, а перед птицами — за животное, показывая голову и ноги.

Согласно русским, украинским и польским поверьям, Л. м. становится обычная мышь, съевшая что-нибудь освященное: свечу, кусок кулича или мясо. Поляки верят также, что в Л. м. превращается семилетняя мышь, избежавшая кошачьих когтей.

Л. м. тесно связана с нечистой силой. Украинцы считают ее другом черта, поляки — злым духом, душой спящей ведьмы и вампиром, белорусы — душой умершего колдуна, лужичане — вампиром, русские — кикиморой. Поляки верят, что ведьмы, взяв под мышку листья, могут делать из них Л. м. и выпускать их прямо из подмышки.

В Польше, Белоруссии и на Украине считается опасным, если Л. м. вцепится в волосы. Она вызывает появление колтуна, тащит человека в колодец и топит в нем, отрывает голову, вкручивается в голову и съедает мозг, делает человека безумным. Если она вырвет прядь волос, человек иссохнет и умрет.

Способность Л. м. предохранять от сглаза объясняют слепотой этого животного. Крыло, голову, кожу Л. м. зашивают в одежду для защиты от сглаза (у болгар, македонцев) или от пули (у лужичан). В Польше Л. м. вешают в конюшне как оберег коней от сглаза, прибивают к дверям для защиты от ведьмы.

Способность Л. м. «прилепляться», цепляться к отвесным поверхностям (ср. ее болг. название «прилеп») лежит

в основе ряда магических действий. Болгары верят, что к человеку, носящему при себе Л. м., «прилепится» богатство. Л. м. или ее голову болгары вешают в амбаре, чтобы он был полон, в лавке — чтобы в ней было изобилие товара, а украинцы закапывают под порогом дома, чтобы иметь успех в денежных делах, кладут в сундук с деньгами, чтобы деньги прибывали сами собой. В Польше и Лужице игроки в карты имеют при себе Л. м., чтобы выиграть. Русские охотники на медведя берут с собой Л. м., считая, что в этом случае медведь непременно выйдет на охотника. Польские корчмари для привлечения пьяных прибивают Л. м. к стене корчмы.

Широко распространено использование Л. м. в любовной магии. Из обглоданного муравьями скелета Л. м. извлекают две косточки, одной из которой привораживают возлюбленного, а другой отвораживают. В Болгарии девушки и парни, желающие вступить в брак, носят при себе Л. м., чтобы к ним «прилепился» тот, в кого они влюблены. Привораживающие свойства Л. м. связываются и с ее слепотой. Натерев руки высушенной Л. м., незаметно касаются плеча своего избранника или избранницы — «ослепляют» его, как говорят в таком случае болгары.

В Белоруссии больной лихорадкой три дня должен носить под мышкой завернутую в тряпку Л. м., а затем выпустить ее: считается, что, приняв на себя лихорадку, Л. м. отнесет ее далеко от человека. В Болгарии кровью Л. м. лечат ребенка от испуга и различных внутренних болезней.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 603–609.

А.В. Гура

ЛЕ́ШИЙ — в мифологии восточных славян хозяин леса, покровитель лесных зверей и птиц. Л. происходит из про́клятых людей, некрещеных или обмененных детей (см. **Дети некрещеные**, **Подменыш**), из «нечистых» покойников. Согласно легенде, лешими стали сброшенные с неба ангелы, которые упали в леса.

Л. имеет вид мужика или старика с белой бородой, одетого в обычную крестьянскую одежду, но некоторые детали подчеркивают его потустороннюю природу: правая пола одежды у него запахнута за левую, левый лапоть надет на правую ногу, а правый на левую, а когда он садится, всегда закидывает левую ногу на правую. Иногда полагали, что Л. никогда не бывает подпоясан. Одежда у него белого, красного, черного или зеленого цвета. У Л. нет бровей и ресниц, правый глаз неподвижен и больше левого; волосы зачесаны налево, у него нет правого уха, он не отбрасывает тени. По некоторым русским поверьям, кровь у лешего синяя или сам он синий. Белорусы полагают, что Л. имеет узкое лицо, длинную клинообразную бороду, один глаз и одну **ногу** пяткой вперед. Обычно Л. показывается людям в виде знакомого или родственника.

Характерная черта Л. — его способность изменять свой рост. Он может быть вровень с верхушками деревьев или ниже травы. Л. может превращаться в любого зверя и любую птицу, в дерево, куст или гриб. В севернорусской традиции появление Л. обычно связано с различными погодными явлениями, особенно **вихрем** или резким **ветром**. Местом обитания Л. является весь лес, однако его излюбленные места — коряги, вывернутые с корнем деревья, лесные избушки.

Л. сторожит лес и безраздельно распоряжается всем, что там есть. Л. охраняет и пасет стада лесных зверей, является начальником над всеми **волками**. Он часто перегоняет с места на место табуны зайцев, волков, белок, полевых мышей и крыс.

Л. опасен для человека и часто вредит ему: сбивает с дороги, заводит в чащобу, заставляя блуждать, кружить в течение многих часов. Л. морочит человека и глумится над ним: прячет шапку или корзину, укладывает спать на муравейник, заставляет залезть на дуб, заводит в болото. Особенно часто это случается с теми, кто пришел в лес не благословясь или кто, войдя в лес, не «попросился» у Л. Обречен на блуждание в лесу и тот, кому Л. пересечет дорогу.

Л. похищает или заманивает к себе девушек и женщин и живет с ними. Детьми Л. считаются похищенные до крещения младенцы. Полагают, что жены Л. происходят из душ загубленных им девушек, которые были прокляты своими родителями. Чтобы возвратить людей, которых увел Л., на **перекрестках** дорог клали для него угощение: сало, горшок с кашей, блины. Еду заворачивали в чистую тряпку с красной ниткой, кланялись на четыре стороны не крестясь и просили Л. вернуть родственника.

Поскольку Л. считался хозяином всех зверей и дичи, то без договора с ним **охотник** не мог охотиться, иначе он оставался без добычи или погибал. В тех областях, где скотину пасли в лесу, **пастух** должен был заключить с Л. договор на право пасти скот в его угодьях. Для этого пастух шел в полночь в лес и призывал Л. Факт договора пастух должен был держать в строжайшей тайне, иначе Л. мог убить его.

За нарушение договора Л. карает пастуха, вредит ему самому или скоту. Пастух мог вымолить у Л. прощенье, встав в лесу на колени и принеся подарок в виде хлеба, стопки водки или денег. Если пастух нарушает обещание отдать Л. одну корову из стада, Л. убивает его.

Л. ходит по лесу ночью до первых петухов, после чего спит в лесной избушке. Летом Л. справляет свадьбу, во время которой в лесу поднимается буря. Л. уходят на зиму под землю в день св. Ерофея (4/17.X) и вновь появляются весной, когда начинает таять снег и размыкается земля.

Оберегами от Л. служили соль и огонь, магический круг, очерченный осиновой палкой, ножом или кочергой, а также липовая палка, очищенная от коры (см. **Липа**, **Осина**). Полагали, что если при встрече с Л. молитва не помогает, необходимо ругаться матом (см. **Брань**).

Лит.: *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 414–415; *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 14–15; *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Е.Е. Левкиевская

ЛЕЩИ́НА, лесной орех — кустарник, плоды, ветки и древесина которого широко используются в продуцирующих целях. Венки из Л. клали на сосуд, в который первый раз доили овец в **Юрьев день** (у южных славян); из ее веток плели корзину, в которую снимали вылетевший из улья рой пчел, чтобы было больше меда, подкладывали ветки Л. под насест, чтобы курица вывела больше цыплят, втыкали кусочки Л. в одежду новобрачных и плели из ее веток венки для них же, изготовляли из древесины Л. первое веретено для начинающей прясть девочки, чтобы работа у нее спорилась.

Л. широко известна в магии и в качестве оберега. Южные славяне употребляли ее для облегчения родов, для лечения лихорадки, бородавок и многих других болезней. У болгар, поляков, хорватов и словенцев в магии было весьма популярно разжигание огня из веток Л.: это предшествовало магическому ритуалу «гашения горячих углей в воде», проводимого в лечебных целях, а также служило способом распознавания ведьмы, отбирающей у коров молоко: при разжигании такого огня ведьма начинала испытывать мучения. Словенцы во время рождественских гаданий, вызывая на перекрестке нечистую силу, очерчивали себя магическим кругом с помощью ветки Л.

Ветки Л. нашли разнообразное применение в календарных обрядах: словенцы и хорваты использовали их для ритуального стегания людей и скота; поляки, чехи и словаки освящали ветки Л. в **Вербное воскресенье**, украшали ими жилье на Троицу, с веткой Л. обходил дома **полазник**.

У южных славян Л. часто выступала в роли **дерева**. В Боснии известны рассказы о том, что Л. можно было исповедаться, а ее плоды или почки употреблялись вместо просфоры на Рождество и Пасху. Жители Боснии в том случае, если в доме случалась беда, обходили трижды вокруг Л. и просили Бога

помочь им. Л. обнаруживает приметы дерева познания: сербы считали, что если положить в рот мясо змеи, жившей под Л., то начнешь понимать язык животных, а если съесть сердце такой змеи, поймешь язык трав.

Во всех славянских традициях Л. относится к тем благословенным деревьям, в которые, как полагали, не бьет гром. Ветки Л., кол, крестики и большие кресты, сделанные из нее, втыкали в поля и виноградники, ставили в углах домов, хлевов и амбаров, жгли лещину при грозе; человек мог чувствовать себя в безопасности, спрятавшись во время грозы под Л., заткнув за пояс ветки Л. или прикрепив их к шапке, поскольку, как считалось, в этом случае дьявол не сможет спрятаться под шляпу от преследующего его грома. Ореховую палку, с помощью которой человеку случалось отогнать змею от жабы, сербы держали в доме, поскольку она отводила любое зло, в том числе разгоняла градовые тучи.

Связь между Л. и громом можно усмотреть и в представлении о том, что наряду с **папоротником**, цветущим в купальскую ночь, чудотворными свойствами обладает и ветка Л., цветущая также один раз в году: на **Благовещение**, в **Страстной четверг** или на **Ивана Купалу**. Если оторвать такую ветку и идти туда, куда она ведет, можно найти клад, раскрыть водный источник.

Вместе с тем известны поверья о том, что гроза (гром) в одну из летних ночей портит орехи. Они чернеют, червивеют, а чаще сгорают изнутри. Это случается обычно в ночь накануне Ильи, на Купалу, в ночь накануне дня св. Петра и Павла, а у восточных славян — обычно в так называемую рябиновую ночь (летнюю ночь с сильной грозой), часто приходящуюся либо на Купалу, либо на канун Успения Богородицы. См. **Ильин день**.

По поверьям, Л. прогоняет змей и иных хтонических существ, противостоящих «высшим силам». Прутьями из Л. изгоняли змей 1 марта и на Благовещение и изготовляли из древесины Л. посох для овчара или пастуха. Жители Сербии считали, что прутом Л. легче всего убить змею, поэтому дети, расхаживая босиком по траве, носили с собой палку из Л., полагая, что она защитит их от укуса. У чехов прутом из Л. хозяева били по стенам дома и хозяйственных построек, изгоняя оттуда мышей. См. **Дерево**.

Л. имеет отношение к области смерти и «тому свету»: плоды Л. были своего рода «хтонической едой»: на святки, т.е. в период, когда среди живых незримо присутствовали души предков, хозяева обязательно рассыпали орехи по полу и кидали в углы (где обитали души), тем самым прикармливая их.

Причастность Л. к области потустороннего, к смерти прослеживается в специфическом ритуале, известном болгарам и сербам. При рождении в хозяйстве ягненка (жеребенка и т.д.) все домашние стремились как можно быстрее поднять его с земли, и первый, взявший его на руки, произносил: «Пусти ореховое, возьми кизиловое». Тем самым только что родившееся животное физически отрывали от хтонической сферы и желали как можно быстрее оставить ее («пусти ореховое») и начать расти и крепнуть («возьми кизиловое»); ср. представления о **кизиле** как дереве здоровья и крепости.

В фольклорной символике Л. присутствует и эротическая тема. У русских запрещалось ломать лещину потому, что от этого якобы «парней девки не будут любить, а бабы мужиков». В украинских песнях часто фигурирует «ореховая корчма» с красавицей-хозяйкой: такая корчма воспринимается как место веселья, гуляний и внебрачной любви. Плоды и ветки Л. нашли широкое применение в любовной магии. К примеру, у южных славян, если девушка хотела покорить парня, она должна была сорвать молодую ветку Л. и трижды ударить ею парня по спине, после чего он уже не мог бы смотреть ни на кого другого.

Лит.: *Агапкина Т.А.* Мифология деревьев в традиционной культуре славян: лещина (Corylus avellana) // Studia mythologica Slavica. Ljubljana, 1998. № 1.

Т.А. Агапкина

ЛИ́ПА — дерево, во всех славянских традициях почитаемое как святое. У южных славян старые большие Л. традиционно росли вблизи церквей и храмов, особенно древних; под этими Л. устраивались суды, проводились праздники и собрания жителей. Под Л. останавливались крестные ходы во время религиозных процессий по полям, здесь устраивались трапезы и т.п. У словенцев, например, Л., растущая в середине села, была традиционным местом сбора парней, отмечавших свой праздник в день св. Флориана. Здесь зажигались костры, велись разговоры, отсюда же начинался и обычный для праздника обход села, после чего в очагах зажигали новый огонь.

До самого последнего времени у южных славян существовали реальные почитаемые Л. Липа считалась также счастливым деревом, которое не боялись держать около домов и сажать на могилах. Говорили также, что хорошо заснуть под Л. Священный характер дерева обусловил использование древесины Л. для высекания «живого» огня, с помощью которого ежегодно обновляли огонь в домашних очагах.

В связи с этим естественным был запрет трогать почитаемые Л., наносить им ущерб, рубить их, ломать ветки, справлять под ними естественную нужду и т.п. Известно было, что у сорвавшего ветку Л. непременно падет конь, но если человек вернет ветку на место, конь выздоровеет. Поляки также остерегались срубать Л., полагая, что в противном случае умрет либо сам человек, срубивший дерево, либо кто-нибудь из его семьи. Рассказывали даже о «кровоточащих липах», после срубания истекавших кровью, которая не останавливалась до захода солнца.

В славянской мифологии и фольклоре Л. связана с рядом архаических сюжетов. У русских, например, бытовала легенда о Л., выросшей в три ствола из одного корня: говорили, что в этом месте некогда прохожий изнасиловал и убил девушку, из колена которой и выросло замечательное дерево, оберегаемое местными жителями. Л. — в качестве чудесного дерева — фигурирует также в севернорусской сказке (типа сказки о золотой рыбке): в ней говорится о том, как мужик, который пытался срубить в лесу Л., был остановлен ее голосом; она просила не рубить ее, а взамен обещала выполнить любое его желание; по указу своей жены он вытребовал от нее богатство, но когда попросил сделать так, чтобы его с женой все боялись, Л. превратила их обоих в медведей.

У восточных и западных славян Л. была тесно связана с православным культом и христианскими легендами. Именно она считалась деревом Богородицы; говорили, что на ней отдыхает Богородица, спускаясь с небес на землю. На Л. вешали образки и иконы; на Л. же, согласно преданиям, чаще других деревьев появлялись («являлись») чудотворные иконы. Согласно легендам, Л. прикрыла своими ветвями Богородицу с маленьким Христом во время их бегства в Египет.

Высокий сакральный статус Л. и связь с комплексом положительных значений определили ее использование в качестве универсального апотропея. Повсеместно считалось, что в Л. не бьет молния, поэтому ее сажали у домов и не боялись скрываться под ней во время грозы. Русские вешали крестики из Л. на шею человека, мучимого наваждениями. Они же втыкали во время выпаса скота липовую ветку посредине пастбища для того, чтобы коровы не разбредались далеко и их не могли тронуть звери в лесу. Повсеместно в России считалось, что у ведьмы можно отбить охоту к оборотничеству, если ее ударить наотмашь голой липовой палкой. Так же смелые люди отгоняли от себя привязавшегося к ним черта. Жители Герцеговины во время венчания держали над головами новобрачных липовую ветвь в качестве оберега. Ею украшали дома и загоны со скотом в Юрьев день и на Троицу.

Как и многие другие деревья, Л. играла важную роль в народной медицине: повсеместно на нее переносили разные болезни, забивая в ствол дерева куски одежды больного, его ногти и волосы; окуривали дымом от сожженной древесины Л. больных людей и скот и др.

Т.А. Агапкина

ЛИХОРА́ДКИ, трясави́цы — у русских демоны болезни в облике женщин. Л. бывают различными, и общее число их, как правило, 12. В русских заговорах часто перечисляются их имена: в записи XVIII в. — *тресея, гладея, храпуша, пухлея, желтея, немея, глухея* и др. Наличие этих имен только в заговорах, так же, как и весьма различный состав этих имен, среди которых немало греческих и с неясной этимологией, показывает, что Л. относятся к книжно-апокрифическому слою славянской и русской демонологии. Само число 12 и резко отрицательная семантика «сестер-трясавиц» связаны с апокрифическим мотивом дочерей царя Ирода. Девы-Иродиады — простоволосые женщины дьявольского обличия. В некоторых заговорах их 7, 10, 40, 77, а в народных преданиях Л. может ходить и в одиночку. При этом из табуистических соображений ее зовут ласкательно-приветливыми словами: *добруха, кумоха, сестрица, тетка, гостьюшка, гостейка* и др. Образ Л. в отличие от образа чумы в славянской традиции слабо выражен и поэтому не отражен в быличках, обрядах и поверьях.

Н.Т.

ЛО́ЖКА — предмет домашней утвари, используемый в календарных и семейных обрядах, в народной медицине и гаданиях. Л. обычно символизирует того члена семьи, которому она принадлежит, а также человека вообще. В Вятской губ. на свадьбе связывали вместе ложки жениха и невесты, говоря: «Как эти ложки связаны крепко-накрепко, так бы и молодые друг с другом связаны были».

Л. была одной из немногих личных вещей крестьянина; ложки помечали, избегали пользоваться чужими. Л. ассоциировалась обычно с женским началом: по примете, известной у восточных славян, если упадет Л. или вилка, то придет женщина, если **нож** — мужчина. Тем не менее особое значение приписывалось Л. мужчины: подчас она противопоставлялась остальным по размерам и форме; мужской ложкой не разрешали мешать пищу, чтобы муж не ввязывался в женские дела и не ссорился с женой. На Украине полагали, что с помощью Л. умершего хозяина можно избавиться от родимого пятна, бородавки, нарыва, опухоли в горле. В Полтавской губ. такую Л. называли «ведьмарской»; ее высоко ценили и считали, что, прикоснувшись ею к больному горлу, можно мгновенно вылечить ангину. Л. парня или девушки использовали в любовной магии: ее прижигали, чтобы приворожить к себе понравившегося человека.

Перед едой Л. клали обычно выемкой кверху, что означало приглашение к **еде**; после же трапезы Л. переворачивали. Вместе с тем в Орловской губ. не разрешалось класть Л. «вверх лицом» перед трапезой, иначе умрешь с раскрытым **ртом** и глазами. По поверью белорусов, во время поминальной трапезы Л. после каждого приема пищи нужно класть на стол, чтобы ею ели «деды», а класть Л. нужно непременно выемкой вверх, иначе покойники перевернутся в могилах лицами вниз.

Во время поминок ставили лишний прибор (в том числе и Л.) для умершего. В Польше и в Белоруссии во время ужина под **Рождество** и Новый год не разрешалось поднимать Л., т.к. она упала из-за вмешательства умерших, незримо присутствующих за столом.

Белорусы после поминок складывали ложки в кучу и оставляли до утра на столе, чтобы быть всем вместе на **«том свете»**. Там же на **«деды»** ложки складывали на ночь вокруг миски с поминальным блюдом, а утром по положению Л. судили о том, приходили ли ночью предки; если утром Л. оказывалась перевернутой, значит, ею пользовался умерший.

На Украине и в Белоруссии в ночь под Рождество участники ужина также оставляли свои ложки на столе, складывая венчиком на бортик миски с остатками **кутьи**, или втыкали их в кутью; считали, что если Л. за ночь упадет или перевернется, то ее владелец в этом году умрет. Гуцулы гадали под Новый год: устанавливали после ужина ложки на лавке, прислонив их к стене; если одна из ложек упадет, то это сулило ее хозяину смерть. Мораване после ужина в

Рождественский сочельник бросали Л. через голову; если она упадет черенком к **дверям**, то это предвещает человеку скорую смерть. На Русском Севере на ночь выносили на улицу ложки, наполненные водой: если она замерзала с ямочкой, то это сулило хозяину смерть, а если с бугорком — то жизнь.

Л., постоянно связанная с едой и ртом, соотносилась с пастью дикого животного, грызуна, птицы, портящей посевы, и т.д. Поэтому, чтобы обезопасить поля от птиц и полевых вредителей, а скот от нападения хищников, в определенные праздники использование приборов, особенно ложек, было ограничено. В Сербии хозяйка перед **Юрьевым днем** скрещивала ложки и связывала их со словами: «Связываем волку пасть». У сербов часто не употребляли ложки и вилки во время трапезы в Сочельник и на первых неделях Великого поста; ложки связывали, прятали, вешали возле курятника, чтобы хищные птицы не нападали на домашнюю птицу; связывали веревкой, чтобы «воро́ны не клевали кукурузу». В Польше, когда под Рождество ели кашу, ударяли Л. об Л. или били Л. соседа по лбу со словами: «Прочь, голуби, с проса, грехичи, прочь!»

В различных обрядовых ситуациях ложки подбрасывали, воровали и даже ломали. В Калужской губ. на **Вознесение** женщины шли в рожь, готовили там яичницу и после еды бросали ложки вверх, приговаривая: «Как высоко ложка летает, так бы высока рожь была». В Костромской губ. в **Семик** девушки варили **кашу**, а потом кидали ложки через завитую **березку**: в какую сторону черенком упадет Л., оттуда будет и суженый. В Польше в Сочельник ложки не клали на стол, а держали в зубах, чтобы не болел крестец; хозяин подбрасывал ложкой горох, «чтобы бычки и телочки брыкались».

В народной медицине широко использовали воду, которой ополаскивали ложки. В Вятской губ. ребенка перед купанием окатывали водой, полученной с трех ложек, вилок и ножей, и приговаривали: «Как ложки, вилки и ножи лежат спокойно, так, раба божья (имя), будь тиха и спокойна».

Обращение с Л. регулировалось рядом бытовых правил и запретов. Украинцы следили, чтобы на столе не оказалась лишняя Л., иначе ею будут есть «злыдни»; не разрешалось «вешать» Л. на миску, чтобы «злыдни не лазили в миску». Нельзя оставлять Л. на ночь в горшке, т.к. нечистый будет перебирать ими и тарахтеть, отчего дети не смогут заснуть. Нельзя пользоваться чужой Л., от этого в углах рта появятся «заеды» или на человека нападет обжорство.

Лит.: *Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. М., 1990. Вып. 2. С. 67–135; *Его же.* Структура и функции сельского застольного этикета // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 190–203.

А.Л. Топорков

ЛУНА́, м е́ с я ц — небесное светило, устойчиво ассоциирующееся в народных представлениях с загробным миром, с областью смерти и противопоставленное **солнцу** как божеству дневного света, тепла и жизни. По болгарским верованиям, солнце и Л. движутся в разных направлениях: Л. — справа налево, т.е. «против солнца», так, как чертят круг в черной магии. В фольклоре, однако, эти два светила связываются отношением родства (то это родные братья, то брат и сестра, то муж и жена); их культы имеют много общих мотивов и ритуальных форм (при виде как восходящего солнца, так и нарождающегося месяца было принято снимать шапку, креститься и читать молитву; **затмение** Л., как и затмение солнца, объясняется пожиранием светила волком, псом, чертом или мифическим чудовищем и т.п.).

Лунный свет считался у всех славян опасным и вредным, особенно для беременных женщин и новорожденных, отсюда запреты выходить и выносить ребенка из дома ночью, когда светит Л., и даже класть его в доме так, чтобы на него падал лунный свет. Поляки верили, что если Л. «перейдет» через спящего ребенка, то ребенок заболеет; в таком случае ребенка спасали тем, что ставили

на окно сосуд с водой, в котором Л. должна была «утопиться». У белорусов некоторые детские болезни объяснялись тем, что «месяц засветил ребенка»; их лечили следующим образом: брали валек для белья, пеленали его в детскую пеленку и на всю ночь выкидывали на двор, чтобы на него светил месяц,— тогда дитя поправится. Сербы и македонцы считали, что Л. «пьет» жизнь человека.

У славян, как и у многих других народов, известно верование, что умершие души отправляются на месяц. Сербы по месяцу узнавали, жив или погиб кто-то из близких, кто ушел на войну или вообще находится вдали от дома. Для этого нужно было взять человеческий череп, трижды окунуть его в ключевую воду и в полночь во время полнолуния посмотреть сквозь него на месяц. Так гадали жены о своих мужьях; считалось, что если муж жив, то жена увидит его перед собой, если же он погиб, она увидит его на месяце.

По другим представлениям, во время безлуния, т.е. во время смены месяца, месяц освещает загробный мир. Мотив посещения месяцем «того света» отражен в широко распространенных заговорах от зубной боли, произносимых «на молодой месяц».

В Белоруссии молитвы, читавшиеся при виде молодого месяца, посвящались душам, которые «не дождались нового месяца», т.е. недавно умершим. Католики Боснии в этом случае читали «Отче наш» и «Богородицу» за спасение душ тех, кто попал в ад и кого некому помянуть.

Лунный свет привлекает **русалок**. Они как бы купаются в нем, раскачиваясь на ветках и расчесывая волосы. Сербы считают, что при свете Л. из воды выходят души утопленников и сидят на вербах. Если сказать, что при Л. светло, как днем, то они мучаются, разражаются проклятиями и уходят в воду. У южных славян широко распространено поверье о том, что колдуньи могут своей ворожбой сбрасывать месяц на землю. Македонцы называют их «месечарки» и считают, что у них есть хвост и что своим колдовством они могут извести и погубить человека. Они же отбирают молоко у коров и делают это с помощью месяца. «Месечарка» после сложных колдовских манипуляций обращается к месяцу со словами: «Я теленок, а ты корова». Тогда месяц спускается с неба и превращается в корову. Колдунья прикасается к нему и становится невидимой. Затем она говорит: «Я женщина, а ты *месечина*, я внизу, а ты наверху». Тогда месяц вскрикнет и начнет подниматься на небо, а колдунья отправляется туда, где она хотела отобрать молоко. «Сбрасывание месяца» считается самым страшным грехом.

Затмение Л. южные славяне объясняли тем, что Л. поедают **халы**. Люди очень жалеют месяц и боятся, что когда-нибудь халам удастся съесть его целиком. Тогда наступит тьма и конец света, потому что солнце, брат месяца, из жалости тоже перестанет светить. Во время затмения стараются не говорить, не смеяться, а старики и старухи плачут. Люди пытаются защитить Л. стрельбой и созданием шума.

У всех славян в прошлом, а во многих регионах и до последнего времени сохраняется лунное время — традиционная система счета времени по фазам Л., хотя одна и та же фаза может оцениваться то как благоприятная, то как неблагоприятная или опасная для того или иного предприятия. Время молодого, растущего месяца обычно трактуется как благоприятное для начала любых работ, особенно для роста, для всего растущего, развивающегося. С полнолунием связано представление о добром времени для земледельческих работ, ибо полнота месяца сулит богатый урожай. Время безлуния, предшествующее нарождению нового месяца, повсеместно считается крайне неблагоприятным и опасным, как всякая пространственная или временная **граница** (порог, межа; полночь, полдень и т.п.). Человек или животное, зачатые в такие дни, по представлениям болгар, не будут жить, рано умрут. У всех славян известно верование, что ребенок, родившийся в «гнилые» дни, «на межах», «на перемене», останется бесплодным, бездетным. В Полесье остерегаются начинать какое-либо дело в «пустые» дни: не сеют и не сажают, не водят на случку

скот, не покупают скот, не заготавливают урожай, не отправляются в дальнюю дорогу. Все эти представления об опасности безлуния связаны с верованиями, согласно которым месяц в это время освещает потусторонний мир — мир мертвых.

С.М. Толстая

ЛЯГУ́ШКА, жа́ба — нечистое животное, родственное **змее** и другим **гадам**. Жабу считают матерью ужа, верят, что она «играет» с ужом, как муж с женой, и спаривается с ним (у украинцев). Л., семь лет не видевшая солнца, превращается в летающего **змея**; как и у змей, у Л. есть свой царь с короной на голове (у поляков). Л. и жаб считают ядовитыми. Яд их сильнее змеиного, но кусать человека им запрещено от сотворения мира (у белорусов).

Женская символика Л. представлена в сербских и македонских рассказах об обращенной в Л. девушке. Из-за сходства лап Л. с человеческими руками украинцы считают, что Л. в прошлом была женщиной. Белорусы полагают, что в доме будет много Л., если первым посетителем на Рождество, Пасху и другие большие праздники окажется женщина. Происхождение Л. русские легенды связывают с людьми, утонувшими во время всемирного потопа, с библейским войском фараона, потопленным в водах Чермного моря. До сих пор будто бы у самок Л. длинные волосы и женская грудь, а у самцов борода. В будущем они вновь станут людьми, а ныне живущие люди превратятся в Л. Поэтому бить Л. — грех.

Л. свойственна любовно-брачная символика. В русской сказке странник видит ночью в спальне у счастливых супругов Л., которая скачет то на мужа, то на жену. Л. используются в любовной магии. Например, на Украине парень ловит в болоте Л., первой подавшей голос на восходе солнца, прокалывает ее иголкой с ниткой, а затем незаметно продевает эту иголку сквозь юбку девушки. Старые девы, чтобы выйти замуж, находят в болоте Л. и, приседая, стараются попасть по ней с размаху голым задом (у русских). О забеременевшей вне брака кашубы говорят, что она объелась Л.

В виде Л. представляют души умерших (особенно **детей некрещеных**) и души детей, которым предстоит появиться на свет. В Польше при виде Л. в доме высказывают пожелание вечного упокоения. С этими представлениями связана и распространенная мотивировка запрета убивать Л.: умрет мать, реже — умрет сам убивший.

Убиение Л., как и других гадов, способно вызвать дождь. Поэтому у восточных славян во время засухи убивают Л., вешают ее на ветку дерева, бросают в колодец, хоронят у криницы, возят в лапте вокруг села.

У многих славян Л., как и змее, приписывают роль домашнего покровителя. Например, словаки верили, что в каждом доме есть своя «хозяйка» в виде Л. По поверью боснийцев, такая Л. благотворно влияет на молоко у коров. В облике Л. может появляться домовой (у восточных славян, поляков).

Чаще всего в жабах и Л. видят обращенных ведьм, которые в этом облике проникают в хлев и отбирают молоко у чужих коров, высасывая его из вымени. Согласно одному русскому поверью, проклятая родителями или некрещеная девушка превращается в «лягушку-коровницу», выходящую по ночам из воды выдаивать коров. По преданию, в окрестностях Кракова под парой лип живет Л. с человеческим телом, которой в Великую пятницу бросают освященную зелень, отчего коровы дают много молока. Молочная тема представлена также в способах порчи (отбирание молока у коров с помощью Л.), в запрете убивать Л. (пропажа молока у коровы и рвота молоком вследствие нарушения этого запрета), в лечебной практике (лечение лихорадки молочным отваром из Л.) и в приметах о первом весеннем кваканье Л. (если оно пришлось на скоромный день, коровы будут давать больше молока).

С началом кваканья Л. связаны приметы о погоде. С первым весенним криком Л. в Болгарии, Македонии катаются по земле, чтобы не болела спина; в Польше встают на колени и молятся или

сеют овес и ячмень; в Сербии и на Украине изгоняют блох. У поляков считалось, что св. Бартоломей (24.VIII) прутьями от хмеля загоняет Л. в болота, после чего они уже не квакают, т.к. их рты зарастают илом. В Л. превращаются к весне старые **ласточки**, перезимовавшие в болоте под водой.

Характерным мотивом в представлениях, связанных с Л., является слепота. Она проявляется в мотивировке запрета убивать Л. (убивший Л. ослепнет — у поляков), в способах порчи с помощью Л. (чтобы ослепить человека, натирают ему дверь лягушиным жиром — у лужичан) и как вредоносная способность самой Л. (от ее плевка в глаз человек слепнет — у поляков).

В народной медицине Л. как существо холоднокровное особенно часто используется для лечения лихорадки, которая символически соотносится с огнем и жаром. У русских на прыгучести Л. основан способ удаления червей из раны животного: на шею ему вешают на нитке живую Л.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 380–391; *Миловидов Ф.Ф.* Жаба и лягушка в народном миросозерцании, преимущественно малорусском. Харьков, 1913; *Судник Т.М.*, *Цивьян Т.В.* О мифологии лягушки (балто-балканские данные) // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 137–154.

А.В. Гура

М

МÁВКИ — персонажи украинской демонологии, происходящие из душ умерших (ср. укр. диалектные названия М. — *навки, нявки, мертвушки*, которые восходят к древнеслав. *навь* — умерший). По целому ряду признаков М. сближаются с **русалками**. Согласно народным представлениям, мавками становились малолетние дети: мертворожденные, либо умершие на Русальной неделе, либо те младенцы, которых не успели окрестить перед смертью (см. **Дети некрещеные**); реже считалось, что ими могли стать дети, проклятые родителями или похищенные чертями.

В западных р-нах Украины рассказывали, что М. появлялись в виде ночных птиц или птенцов, издающих жалобный писк; в период Зеленых святок (духовско-троицкий цикл праздников) их можно было видеть на полях, перекрестках дорог или в лесу в образе малых детей в белом; они преследовали людей и просили, чтобы те их окрестили. Если случайный прохожий слышал жалобы М., которые пели: «Мене мати народила, нехрещену положила», то должен был сказать: «Иван да Марья! Хрещаю тебе во имя Отца и Сына и Святого Духа!». С этого момента блуждающая душа могла попасть на «тот свет»; если же в течение семи лет никто из людей ее так и не «окрестит», то умерший младенец превращался во вредоносного духа — М. или русалку (ср. местное название этих персонажей *мавки-семилетки*).

Особенностью внешнего вида М. (в отличие от русалок) считалось отсутствие кожного покрова на спине, в результате чего сзади у них можно было видеть все внутренности. По гуцульским поверьям, на зиму М. исчезают с земли (живут в горных пещерах и ямах), а появляются среди людей весной и летом, бегают группами, стайками по лесам и полонинам, сажают или собирают цветы, купаются в реках и озерах, водят хороводы, любят музыку и танцы. Там, где они играли и плясали, трава растет гуще и зеленее. Однако люди считали их опасными и вредоносными духами: М. могли сбить путника с дороги и завести его в глушь; защекотать до смерти; оторвать человеку голову или наслать на него болезни. В некоторых гуцульских селах верили, что М. проникают по ночам в дом и сосут грудь спящих людей (и мужчин, и женщин), и тогда те начинают болеть, чахнуть и в конце концов умирают. Защитой от М. (как и от русалок) служат, по народным верованиям, чеснок, хрен и полынь.

В тех местах, где М. сближаются с русалками и представляются в облике молодых красивых девушек (укр. Прикарпатье, Волынь), популярны суеверные рассказы о том, что М. заманивают парней и вступают с ними в любовную связь, либо зачарованный М. парень сам выслеживает ее в лесу возле озера, крадет ее одежду и вынуждает выйти за него замуж; однако такой брак не бывает счастливым: М. исчезает, а околдованный ею супруг погибает от тоски. В одной из гуцульских быличек, «нявка» навещает овчара, пасущего стадо на полонине, живет с ним как жена, а по ночам высасывает из него кровь, в результате чего он гибнет. Ср. также **Нави**.

Лит.: *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 70–71, 147, 151, 164; *Гнатюк В.М.* Остатки передхристиянського релігійного світогляду наших предків // Українці: Народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 394–395; *Во-*

ропай О. Звичаи нашого народу: Етнографічний нарис. Київ, 1991. Т. 2. С. 167–171.

Л.Н. Виноградова

МАК — растение-апотропей. В магической практике чаще используется «самородный» М.-самосейка, который цветет белым цветом в отличие от полевого М. с красными цветами. Главная культурная функция М. связана с его способностью противодействовать нечистой силе: пока демон не соберет множество рассыпанных маковых зернышек, он, по поверьям, не может двинуться дальше и нанести вред. В заговорах и проклятиях выражения «рассыпаться маком» или «сесть маком» означают «исчезнуть, погибнуть, пропасть» (восточные славяне), «сеять мак между людьми» — «сеять вражду» (поляки). Иногда защитные функции М. объяснялись его снотворными свойствами (см. **Бессонница**), способностью усыпить нечистую силу и опасность.

М. считался действенным оберегом от ходячего **покойника**: его клали в гроб покойнику, подозреваемому в знахарстве, сыпали М. в могилу и вокруг могилы самоубийцы, висельника, колдуна, приговаривая: «Тогда в дом войдешь, когда этот мак соберешь (пересчитаешь, съешь)» (Украина, Польша). Украинцы на Карпатах М.-самосейкой, лежавшим на столе в Сочельник, осыпали всю усадьбу, идя по солнцу, чтобы предотвратить посещения вампира. Во время похоронной процессии бросали М. вслед гробу, сеяли его по дороге от дома до кладбища.

М. осыпали угол, где лежала роженица с новорожденным (чехи, словаки). В свадебных обрядах сыпали М. в чулок невесте (Воронежский край), давали новобрачным с собой маковую головку для защиты от колдунов и дурного глаза. М. сыпали в хлеву и вокруг хлева с приговором: «Кто этот ведюк (белый мак) соберет, тот от моей коровки спор заберет»; после отела осыпали корову и теленка с теми же словами (Полесье, Закарпатье, Словакия, Хорватия). Украинцы отелившейся корове просверливали рог, сыпали туда освященный М. и забивали осиновым колышком; к правому рогу коровы привязывали узелок с ладаном и самосейным М. В Сочельник хозяева обходили с рождественским хлебом, медом и М. двор и густо посыпали около коровника «диким» М., «щоб відьми, його визбираючи, не могли приступити до худоби». М. защищал также людей и скот от змей: в канун годовых праздников обсевали, окуривали маком хату, клали его на окно, чтобы змеи не заползали в дом; осыпали М. корову, чтобы ее не укусила змея.

С помощью М. можно было распознать **ведьму**, для чего надо рассыпать по дороге, где ходит скот, «самородный» М.: тогда у ведьмы, которая отбирает молоко чужих коров, своя корова будет доиться молоком с червями (брестское Полесье). По другим поверьям, корова ведьмы не сможет перейти через рассыпанный М. и с ревом повернет назад.

В обрядах вызывания **дождя** множество маковых зерен уподобляется каплям дождя, поэтому при продолжительной засухе М. сыпали в **колодец** или в три колодца, в девять колодцев; набирали М. в рот, бежали к колодцу и высыпали его; завязывали М. в узелок и на нитке спускали в колодец, а когда начинался дождь, вытаскивали. Это делала вдова, старые женщины или дети (Волынь, Галиция, Полесье). По мнению некоторых исследователей, персонификацией М. можно считать мифического Макара или Макарку, к которому в Полесье обращаются с просьбой о даровании дождя.

В продуцирующей магии и гаданиях множество маковых зерен ассоциировалось с изобилием и богатством. Словаки в первую купель девочки сыпали М., чтобы у нее было много ухажеров; чехи в Сочельник кормили кур маком, надеясь получить от них столько яиц, сколько зерен М. склюет курица.

М. входил в состав ритуальных трапез, в том числе рождественских и поминальных, а также был известен как добавка к постовым печениям, например на Украине пекли коржи с М. на Ивана Купалу, на Маккавеев (1 августа) и в другие дни.

Широко распространенная хороводная игра «Мак», воспроизводящая процесс выращивания М., имеет магическое продуцирующее значение (См. «**Житие растений**»).

Лит.: *Судник Т.М., Цивьян Т.В.* Мак в растительном коде основного мифа (Balto-Balcanica) // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.

В.В. Усачева

МАРЕ́НА, Море́на — в западнославянской мифологии воплощение Смерти, персонаж ритуалов проводов зимы и встречи весны.

В весенних (великопостных) обрядах западных славян Мареной или Смертью называлось соломенное чучело, одетое либо в тряпье, либо в праздничную одежду — воплощение смерти и зимы и, одновременно, оберег от них. В одно из последних воскресений Великого поста чучело носили с песнями по селу, а потом уничтожали за селом: топили, сжигали, разрывали на части, вешали на дерево, разбивали о дерево, били палками, сбрасывали в пропасть, закапывали в землю и т.п. Верили, что уничтожение чучела обеспечит скорый приход лета, хороший урожай, сохранит село от наводнений, от пожара, защитит от смерти, а девушкам обеспечит замужество. Обычно чучело Марены сооружали и носили девушки, однако известна и его мужская параллель, которую носили парни — Маржак, Смертяк и т.п. Иногда группы соревновались между собой, парни преследовали девушек с их чучелом, старались его похитить. В Моравской Валахии девушки закапывали чучело М. в землю, чтобы его не нашли парни, иначе, как считали, девушки не выйдут замуж.

После уничтожения чучела девушки бежали, не оглядываясь, домой, в убеждении, что та, которая отстанет или, еще хуже, упадет, в течение года умрет. Тот, кто не ходил со Смертью или пришел последним, был уверен, что в этом году умрет сам или умрет кто-либо из его семьи (чеш., морав.). Чехи говорили: «От Морены нет спасения». В Верхней Лужице сбивший камнями чучело Смерти с шеста, верил, что останется жив в наступающем году. Похоронная и матримониальная семантика обряда прослеживается в обычае лужичан одевать чучело в рубаху последнего умершего в селе человека и подпоясывать его поясом последней вышедшей замуж девушки. В Моравии обряда с М. не проводили, если в течение Великого поста в селе кто-нибудь умер.

Масленица. Группа девушек с чучелом Мажаны (*Marzanna*), символизирующим зиму и смерть (д. Судол, Опольское воеводство, Польша). 1976 г.

Обычно второй частью обряда с М. было внесение в село зеленых веток или деревца — символа наступающей весны, жизни, здоровья, счастья. В некоторых вариантах обряда вынос Марены и внесение зеленого «лета» слились в один ритуал: куклу вешали на деревце. В поль-

ской Силезии в каждом доме на окне ставили деревце с маленькой куклой «мажанкой». В Моравской Валахии в середине поста ходили с «мареной», то есть украшенным деревцем, в кроне которого была укреплена куколка, и др.

На Украине купальское деревце иногда называлось Мареной. Его украшали венками, цветами, бусами и лентами. Около него ставили соломенную куклу, одетую в женскую рубаху и также украшенную (*купало*). Пока девушки пели и скакали через костер, парни подкрадывались, отнимали М., разрывали, разбрасывали или топили в воде. Части разорванной М. девушки относили в огород для плодородия. В Белоруссии в ряде мест тоже делали соломенную куклу *Мара*.

М.М. Валенцова

МА́РТЕНИЦА — у болгар и македонцев небольшое украшение, амулет из шерсти или ниток, которое повязывают в первый день марта, чтобы в течение года быть здоровыми и счастливыми. Украшения типа М. известны и другим балканским народам: грекам, албанцам, румынам.

М. делают женщины накануне праздника преимущественно из пряжи или ниток красного и белого цвета. Встречаются М. из разноцветных ниток (Родопы), а также с синими (Софийский, Мелникский р-ны), черными (р-н Охрида в Македонии) нитками. Иногда в М. вплетаются дополнительные апотропеические предметы: серебряные монетки, металлические амулеты, сухой чеснок, кусочки кизиловой ветки, ракушки и пр. В районе Охрида М. принято плести молча, зажмурив глаза или же отведя руки за спину; впоследствии по количеству сплетенных вслепую красных и белых ниток гадают об урожае соответственно вина и жита в следующем году.

М. привязывают на руки, ноги, шею, пояс; нередко делаются М. для скота, преимущественно, молодняка, недавно посаженных плодовых деревьев, а также и для различных предметов утвари и построек во дворе: так, ими украшают ткацкие станки, прялки, пестик для сбивания масла; двери дома, загона; ульи, насесты, виноградники и пр. В Западной Болгарии девушки, перед тем как повязать на шею М., оставляют их на ночь на дикой красной розе, чтобы быть красивыми в течение лета.

М. носят на теле в течение трех, девяти (до праздника Сорока мучеников), 25 (до Благовещения) дней. Затем их снимают и прячут под камень, вешают на зазеленевшее во дворе плодовое дерево, бросают в реку, закидывают на крышу дома. Нередко М. носят до тех пор, пока не увидят первую весеннюю птицу, иногда змею. В районе Русе дети подбрасывают М. «к солнцу» и говорят, обращаясь к цапле: «На тебе М., а мне дай здоровье». Спрятав М. под камень, на следующий день по ней гадают о плодовитости скота. По поверьям из Пиринского края, прилипшее к М. насекомое сулит удачу в разведении скота, при этом полагают, что муравьи на М. означают множество коз или овец, божьи коровки — крупный рогатый скот, паук — разведение ослов. Подобным образом (по наличию на М. насекомых, соломинок, щепочек) девушки гадают о замужестве.

А.А. Плотникова

МА́СЛЕНИЦА — неделя, предшествующая Великому посту и разделяющая в календаре зиму и весну. Широко отмечалась у русских, западных славян и южных славян-католиков, менее широко — у православных южных славян и очень скромно — на Украине и в Белоруссии.

Дети и молодежь выходили на катальные горы с блинами «встречать Масленицу», веселились, катались с гор. Основной едой на М. были блины (помимо молочных продуктов и рыбы). Первый блин обычно предназначали умершим: его клали на божницу или слуховое окошко — «для родительских душ», а иногда отдавали нищим также на «помин души».

На М. устраивали своеобразные смотрины молодоженов: ставили их к столбам ворот и заставляли целоваться у всех на глазах, «зарывали» в снег или осыпали снегом; когда молодые ехали в

санях по селу, их останавливали и забрасывали старыми лаптями или соломой, а иногда устраивали им «целовник» или «целовальник», т.е. когда односельчане могли прийти в дом к молодым и поцеловать молодую. Молодоженов катали по селу, но если за это получали плохое угощение, могли прокатить не в санях, а на бороне.

Парней и девушек, не вступивших в брак в течение прошедшего года (не выполнивших своего жизненного предназначения), наказывали. На Украине, в южнорусских областях и у поляков, а также у словенцев и отчасти хорватов парню или девушке к ноге привязывали «колодку»: кусок дерева, ветку, ленту и заставляли некоторое время ходить с ней. Чтобы отвязать колодку, наказанные откупались деньгами или угощением.

На М. совершались продуцирующие обряды, направленные на усиление роста культурных растений. Чтобы лен и конопля выросли «долгими» (высокими), в России женщины катались с гор, стараясь съехать как можно дальше, а также дрались, громко пели.

Наиболее важным днем масленичной недели было воскресенье: заговенье перед началом Великого поста. В России и у православных южных славян этот день называли Прощеным воскресеньем (макед., болг. *Проштени поклади*), когда близкие люди просили друг у друга прощение за все причиненные им обиды и неприятности; у русских было принято по вечерам посещать кладбища и «прощаться» с умершими. Основным эпизодом последнего дня были «проводы масленицы», нередко сопровождаемые возжиганием костров. В России к этому дню делали чучело Масленицы из соломы или тряпок, наряжали его обычно в женскую одежду, несли через всю деревню, иногда посадив на колесо, воткнутое сверху на шест; выйдя за село, чучело либо топили в проруби, либо сжигали или разрывали на части, а оставшуюся солому раскидывали по полю. Иногда вместо куклы по селу возили живую «Масленицу»: нарядно одетую девушку или женщину, старуху или даже старика-пьяницу в рванье. Затем под крик и улюлюканье их вывозили за село и там высаживали или вываливали в снег («проводили Масленицу»).

У западных и южных славян (словенцев и хорватов) русской «Масленице» соответствовали «Запуст», «Менсопуст», «Пуст», «Фашник» и некоторые другие персонажи-чучела, «проводами» которых завершалась масленичная неделя (в конце обряда их сжигали, закапывали в землю, бросали в реку, колодец, море, «вешали»). Всем южным славянам известны обычаи маскарадных игр на М. с ряжением в животных, имитацией свадьбы (с персонажами «баба» и «дед»), что, как правило, сопровождалось юмористическими сценками и эротическими шутками. Традиция устраивать карнавальные и маскарадные шествия усиливается по мере продвижения на запад южнославянского ареала (адриатическое побережье Черногории, Босния, Хорватия, Словения). В западных южнославянских областях, как и у западных славян, на М. широко известны и зооморфные маски («козел», «бык», «медведь», «верблюд», различные птичьи маски). Ряжение в животных есть ритуальный способ обеспечения плодородия и урожая с помощью животворной силы, что составляет доминанту всей масленичной обрядности.

Там же, где не делали чучела М., обряд «проводов масленицы» состоял главным образом в возжигании общесельских костров на возвышенности за селом или у реки. В костры помимо дров бросали всякое старье: лапти, бороны, кошели, веники, бочки и другие ненужные вещи, предварительно собранные детьми по всей деревне, а иногда и специально для этого украденные.

У балканских славян (болгар, македонцев, сербов) ритуальному огню — большим кострам, факелам, горящим стрелам — во время масленицы приписывалась отгонная сила. В юго-восточной Сербии через костры, называемые «черная ведьма» (*каравештица*) прыгали дети, криками изгонявшие из села ведьм, после чего собирали по домам яйца в качестве вознаграждения. У болгар каждый старался перепрыгнуть через масленичный костер, т.к. считалось, что это

защитит людей от вредных насекомых и болезней в течение года; верили также, что освещенные этим огнем места не затронет летом град.

В России «проводы масленицы» сопровождались удалением за пределы культурного пространства скоромной пищи, символизирующей М. Поэтому в кострах иногда сжигали остатки блинов, масла, лили туда молоко, однако чаще просто говорили детям, что в костре сгорели все скоромные блюда (ср.: «Моло́ко сгорело, в Ростов улетело»).

Прощание с М. завершалось в первый день Великого поста — Чистый понедельник, который считали днем очищения от греха и скоромной пищи. Мужчины обычно «полоскали зубы», т.е. в изобилии пили водку, якобы для того, чтобы выполоскать изо рта остатки скоромного; в некоторых местах для «вытряхивания блинов» устраивали кулачные бои. В Чистый понедельник обязательно мылись в бане, а женщины мыли посуду и «парили» молочную утварь, очищая ее от жира и остатков скоромного.

Лит.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977; *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

Т.А. Агапкина, А.А. Плотникова

МЕД — поминальное и жертвенное блюдо, символ здоровья, благополучия, «сладости» жизни, красоты, счастья. Ср. мотив медового источника у **мирового дерева**.

М. считается пищей душ умерших. В похоронной обрядности из М. и с М. готовят кутью, коливо, канун (хлеб, накрошенный в воду, подслащенную медом), сыту (разведенный в воде М.), кисель; им мажут блины и ритуальные хлебы, добавляют его в пиво и брагу. М. и кутью с М. обязательно подавали на поминках.

М. и медовые кушанья готовили на праздники, связанные с культом предков: на **святках**, особенно в Сочельник, и на **Рождество**, на **Пасху**, в **Страстной четверг**, на **Вознесение**, **Троицу** и др. У белорусов на Радуницу поливали могилы водкой и медовой сытой.

М. с рождественского стола хранили весь год, т.к. он обладал лечебными и апотропейными свойствами: им лечили горло, ожоги, раны, мазали новокупленную скотину, чтобы она хорошо велась (словац., хорват.); давали стельной корове (укр. закарпат.). По мнению болгар, М. способен отвращать магию, **сглаз**. Верили, что М. оберегает от змеиных укусов. Поэтому М. или хлеб с М. ели натощак сами и давали скоту в Вербное воскресенье или Страстной четверг (морав.); давали скоту в Сочельник (словац.); мазали М. и маслом вымя и морду коровам (Верхняя Краина); мазали М. лоб всем домочадцам ради оберега (словац.)

М. присутствовал в обрядовых жертвоприношениях духам и христианским святым. В сочинении XII в. «Вопросы Кирика» сказано: «Аще же Роду и Рожанице крають хлебы и сиры и мед?» У болгар после рождения ребенка М. оставляли для угощения **орисниц**, для умилостивления злых духов, вредящих роженицам. М. входил в состав ритуального угощения участников родин и крестин, в первую очередь роженицы и кумовьев. Его добавляли в воду при первом купании новорожденной девочки, мазали М. детей.

Ярко выражена жертвенная и апотропейная функция М. в обычаях дней св. Екатерины (4.XII), св. Варвары (6.XII), св. Харлампия (10.II) и др., празднуемых ради здоровья и в честь Оспы и Чумы. Болгары печенье, хлебы или **кашу**, помазанные М., раздавали детям, прохожим, оставляли на крыше, на воротах — в жертву болезням. Чтобы излечиться от болезни, насланной **вилой**, больной приносил ей в дар М. (серб.).

У русских М. жертвовали св. **Илье** (вятск., орлов.), в **Ильин день** пасечники угощали всех М. У болгар медом мазали рот жертвенного барашка, предназначенного для св. Георгия; на Руси — голову лошади, приносимой в дар водяному.

В восточной и южной Сербии М., вино и масло лили на **бадняк**, смазывали М. место рубки бадняка или оба его

края. В Болгарии сами деревья и срубленный бадняк мазали воском, елеем и М.

М. клали в основание нового дома, мазали им четыре угла комнаты (пол.).

В свадебной и родинной обрядности М. символизировал плодовитость и «сладкую» жизнь. Каравай мазали сверху М. (бел., болг.), замешивали для него тесто в корыте, смазанном М. (серб.), добавляли М. в тесто (чеш.). Во время свадьбы угощали М. новобрачных (серб., бел., словац.); мазали М. губы жениху и свекрови (болг.), лоб дружкам и подружкам, чтобы они скорее вступили в брак (словац.); М. и маслом на свадьбе мазали волосы невесты (пол.), притолоку и косяки дверей (болг., серб.).

М.М. Валенцова

МЕДВЕ́ДЬ — один из главных персонажей в народных представлениях о животных. М. наиболее близок **волку**, с которым его объединяют сходные демонологические и другие поверья.

Происхождение М. народные легенды связывают с человеком, которого Бог обратил в зверя в наказание за провинности. М. стал мельник, который обидел гостей на свадьбе или обвешивал людей фальшивой меркой. Им стал человек, вздумавший напугать Христа: в вывернутом кожухе выскочил из-под моста и бросился ему под ноги. В М. был обращен человек, который спрятался под овечьей шкурой и не пожелал приютить Бога; пекарь, посмевший выйти к Христу с руками, измазанными в тесте, или месить хлеб ногами. По некоторым легендам, Бог превратил человека в М. за убийство родителей, за негостеприимность или за жажду власти, которая внушала бы людям страх и трепет.

Человеческое происхождение М. отражено и в поверьях. Считалось, что если снять с М. шкуру, то он выглядит как человек: самец — как мужчина, а медведица — с грудью как у женщины. У М. человечьи глаза, ступни и пальцы, он умеет ходить на двух ногах, умывается, кормит грудью, нянчит и любит своих детей, молится, радуется и горюет, как человек, понимает человеческую речь и сам иногда говорит, постится весь Рождественский пост: сосет лапу. Как и люди, он неравнодушен к меду и водке. Он «думец» и наделен разумом, но, как говорят, «в медведе думы много, да вон нейдет». Доказательство его человеческого происхождения охотники видят в том, что на М. и на человека собака лает одинаково, не так, как на зверя.

Улей в виде медведя. Россия. XIX в.

Как и волк, М. может задрать корову лишь с Божьего позволения, а на человека нападает лишь по указанию Бога, в наказание за совершенный им грех. На женщин он нападает лишь для того, чтобы увести к себе и сожительствовать с ними. Верят, что от связи человека с

М. рождаются на свет люди, обладающие богатырской силой.

М. — родной брат **лешему**. Его иногда и называют лешим или лесным чертом. Некоторые лесные духи имеют облик М. В то же время нечистая сила боится М. Черт бежит от него прочь. М. может одолеть и изгнать **водяного**. Он чует ведьму в доме. С помощью М. снимали порчу с дома и со скота. Чтобы не допустить к скоту «лихого домового», в конюшне вешали медвежью голову, а когда **домовой** шалил, в хлев вводили М. «Свой» домовой, заботящийся о скотине, может иметь облик М. Подобно поверьям о волках-оборотнях, существуют рассказы об обращении колдунами участников свадеб в М. Говорят, что под шкурой убитой медведицы охотники обнаруживали невесту или сваху, бабу в сарафане.

Образу М. присуща брачная символика, символика плодовитости и плодородия. Свадьбу предвещает рев введенного в дом ручного М., а также подблюдная песня о М. М., приснившийся девушке, сулит ей жениха. М. символизирует жениха в свадебных песнях. На свадьбе, чтобы заставить молодых целоваться, кричат: «Медведь в углу!» «Петра Ивановича люблю», — должна ответить невеста и поцеловать жениха. Если невесту заставить посмотреть в глаза М., то по его реву можно определить, девственница она или нет. Когда невеста оказывалась недевственной, пели, что ее «разодрал» М. Чтобы муж перестал изменять жене, она мазала влагалище медвежьим салом. Считалось, что женщина излечится от бесплодия, если через нее переступит ручной М. С идеей плодородия связан обычай ряжения медведем в свадебных, святочных и масленичных обрядах.

У восточных славян считается, что М. ложится в берлогу на Воздвижение (14.IX); среди зимы, на Ксению-полузимницу (24.I) или на Спиридона-солнцеворота (12.XII) поворачивается в берлоге на другой бок, а встает на Благовещение (25.III) или на Васильев день (12.IV). По представлению сербов, болгар, гуцулов и поляков, М. выходит из берлоги на Сретение (2.II) взглянуть на «рождающееся» солнце (у поляков это день Громничной Божьей Матери, называемой также «Медвежьей»). Если в этот день он увидит свою тень, то возвращается в берлогу и спит еще шесть недель (до «теплого» Алексея, 17.III), т.к. 40 дней еще будут стоять холода.

При встрече с М., чтобы он не тронул, прикидываются мертвыми, а женщина показывает ему свою грудь. Для защиты скота от М. его, как и волка, иногда приглашают на рождественский или новогодний ужин, не совершают первый выгон скота в день недели, на который пришлось Благовещение. Южные славяне празднуют специальные «медвежьи дни» для защиты от М.: на свв. Андрея (30.XI), Савву (14.I) и Прокопия (8.VII). В эти дни для М. оставляют на дворе на ночь вареную кукурузу, подбрасывают ему хлеб в дымоход, не запрягают скот, не ходят в лес, не упоминают М., не изготовляют и не чинят обувь.

Шерстью М. окуривают рожениц и больных лихорадкой. Сквозь челюсти М. протаскивают больного ребенка. Съевший сердце М. исцеляется от всех болезней. Салом М. мажут лоб, чтобы иметь хорошую память. Правый глаз М. вешают ребенку на шею для храбрости. Когти и шерсть используют как амулет.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 159–177.

А.В. Гура

МЕ́ЛЬНИК — в народной культуре персонаж, который знается с нечистой силой, прежде всего с водяным. У восточных славян считалось, что для того, чтобы поставить **мельницу**, нужно было принести жертву водяному: о мельниках рассказывали, что они заманивали прохожих и толкали их в омут или под колесо мельницы — иначе утонет сам М.; М. продавал душу водяному и т.п. Мельники приносили жертвы водяным, бросая в воду дохлых животных, хлебные крошки и т.п.; по праздникам лили в воду водку; в Белоруссии при заморозках опускали под мельничное колесо кусок сала, иначе водяной слижет смазку с

колеса; под дверь мельницы закапывали живьем черного петуха, а в самой мельнице держали животных черного цвета (петуха и кошку). Хозяин ветряной мельницы бросал в воздух несколько пригоршней муки, чтобы подул ветер.

В русских быличках М. ловит водяного, заскочившего к нему в лодку в виде рыбы, набросив на него крест, и отпускает, взяв обязательство не размывать мельницу. М. может гостить у водяных духов, водяные же — превращаться в парней и добиваться любви мельничих.

В русской святочной игре в мельницу («с мельницей ходить», «жернов возить») участвуют ряженые М. и черт, который портит «мельницу», но его прогоняет заклинаниями М. Святочная «мельница» по своей эротической символике близка «кузнице» (см. **Кузнец**): чтобы смазать «мельницу», поддевают девкам палками подолы, «мельницу» изображает старик, на голый зад которого кладут решето, и т.п. Ряженый М. мог «перемолоть» старика в молодого (ср. «кузнеца» или черта, который перековывал старых в молодых).

Вода с мельничного колеса считалась у сербов целебной: на Юрьев день они купались в ней, чтобы все вредное «отпало» от тела так же, как вода отскакивает от мельничного колеса.

В разрушенной мельнице обитают черти: в украинских быличках **черт**, прикинувшись М., зазывает мужиков на такую мельницу молоть; он мелет быстро и бесплатно, но мука оказывается перемешанной с песком. Мельница — обитель **русалок**, которые расчесывали волосы, сидя на мельничном колесе, вертелись вместе с ним, портили жернова и плотины.

М., связанный со стихией воды, как и кузнец, **гончар** (связанные, соответственно, с огнем и землей — глиной), относился к группе мифологизированных персонажей, обладающих особым умением, обитающих на границе освоенного людьми жилого пространства (за пределами села, у **воды**) и наделяемых сверхъестественными, в том числе колдовскими, способностями.

В.Я. Петрухин

МÉЛЬНИЦА — объект и локус, наделяемые в народных верованиях демоническими свойствами. Сочетание в М. природного и культурного начал, производимое ею превращение одного вещества в другое, использование силы стихий (воды, ветра), а также постоянный шум — все это определяет отношение к М. как к дьявольскому изобретению.

М., особенно водяная, а также заброшенная, разоренная — это место обитания мифологических персонажей. Верят, что под мельничным колесом живет **водяной**, на М. **русалка** моет волосы, на столбах разрушенной М. сидят **черти**, а на крыше — **вампир**. Пустые М. стараются обходить стороной: **караконджулы** празднуют там свадьбы и могут затащить к себе прохожего. Черт заманивает на М. крестьянина, бесплатно мелет ему муку, но смешивает ее с песком и пр. **Ласка** — животное-демон также связана с М., болгары даже именуют ее «мельничной кошкой» (*воденично коте*). Если она повадится лазить в курятник, особыми заклинательными формулами ее отсылают на М.

Мельник, по поверьям, обязательно должен знаться с нечистой силой, прежде всего с водяным (ср. рус. сибир. *мельник* — водяной).

Части М. (колесо, жернова, конек, камень и др.) в силу своих специфических функций получают устойчивые символические значения и нередко используются в различных ритуалах. Так, уберечь скотину от падежа при эпидемии можно, зарыв в воротах украденную в полночь задвижку мельничной запруды. Вращающееся колесо М. способно повернуть ход болезни, поэтому, например, на него выливают воду, которой обмыли больного. Используется оно и в любовной магии; ср.: «Как быстро вертится колесо, так пусть вертятся в голове N. мысли обо мне» (болг.). С постоянным движением колеса ассоциируются быстрота и работоспособность, именно на него кладет первую самостоятельную пряжу девочки ее отец с пожеланием, чтобы у дочери спорилась работа. К магическим свойствам М. и ее частей добавляется очистительная сила воды,

вступающей в контакт с М. При трудных родах, чтобы ребенок быстрее появился на свет, роженицу опрыскивают водой с колеса. Такой водой умывались и молодые люди в **Юрьев день**, чтобы весь год быть ловкими и здоровыми. Считалось, что можно снять с человека порчу, если бросить его одежду в воду под М.

М. независимо от ее типа (ветряная, водяная, ручная) в славянских языках является одной из самых архаичных и устойчивых метафор говорения и болтливости; ср. *молоть языком*, *молоть вздор*; рус. диал. *мельник* — «болтун» и т.п. Та же метафора служит для интерпретации сновидений: мельник во сне означает ссору, пустая мельница — бесполезные разговоры. На корреляции М. и речи построены магические действия (преимущественно с трещоткой М.), направленные на то, чтобы ребенок начал говорить.

В многочисленных славянских паремиях работа М. и ее частей соотносится с речевым аппаратом, ср. рус. «Язык — безоброчная мельница», «Язык — жернов, мелет что на него ни попало» и др.

М. и жернова в загадках обозначаются по шумовому эффекту: рус. «Тах-тарарах, стоит дом на горах»; болг. «Бешеная собака в селе лает» и др. В волшебных сказках повествуется о чудо-М., которая сама мелет, сама веет и пр. Сооружение М. входит в ряд заданий, которые невеста дает жениху. В сказках о падчерице, в легендах о святых М. — один из локусов, где происходит действие.

У восточных славян известны святочные игры ряженых «чертова мельница», где в качестве хозяина выступает медведь или черт. Западные славяне, хорваты и словенцы на **масленицу** устраивают «мельницу», «переделывающую» стариков и старух в молодых.

И.А. Седакова

МЕ́СЯЧНЫЕ — в народных представлениях состояние, когда женщина считалась «нечистой» и подвергалась изоляции. Основные названия М. (как показателя не только этого состояния, но и в целом периода расцета в жизни женщины) связаны с красным **цветом**, красотой и цветением, ср. *цвет, цветет, краски, Червоний Іван* и т.п. У восточных славян известны предания о происхождении М. Рассказывают, что Богородица, родив Христа, положила свою окровавленную рубашку в горшок и велела служанке, не открывая его и не разглядывая рубашки, бросить горшок в реку; любопытная служанка открыла горшок, заболела сама, и с тех пор все женщины раз в месяц болеют тем же.

При наступлении половой зрелости мать девушки мазала ей **кровью** щеки или брови или слегка била ее по лицу, чтобы девушка была красива, румяна, чтобы ее любили парни и т.д. При появлении первых регул в некоторых местах девушки должны были прятаться в укромном месте, откуда могли появляться, лишь закрывшись с головой.

Появление регул отражалось в изменении **одежды** девушки (появление нижней юбки, **фартука**), украшений, манеры поведения, походки. В России при первых М. в гости к девушке собирались все женщины села, пировали и, расстелив на полу **рубашку** девушки, плясали на ней или устраивали девушке символическую свадьбу, отмечая ее переход в группу молодежи брачного возраста. Из старших девушек выбирали для нее «жениха» и «невесту» и оставляли их на ночь вдвоем — *молодиться*.

Окончательное прекращение М. (когда женщина «теряла свой цвет», «переставала цвести») также переводило ее в иную возрастную категорию и изменяло характер участия в социальной и ритуальной жизни (например, женщина могла стать **повитухой**).

Поведение женщины во время М. регламентировалось строгими запретами. Кровь от М., как и после дефлорации и родов, а также женское белье тщательно скрывались от посторонних глаз, иначе это могло бы повредить женщине (М. станут нерегулярными, длительными и болезненными, или, напротив, их могут «украсть»), а также потому, что эту кровь могли использовать для порчи; воду после стирки белья выливали там, где никто не ходит, и т.д. Категоричес-

ки запрещались половые сношения, поскольку они могли привести к тому, что родившийся ребенок станет **вампиром, волколаком, ведьмой**.

Женщине во время М. запрещалось посещать церковь, ходить на **кладбище** и показываться перед **иконами** (или мыть их), пить святую воду, есть или печь просфоры. Ограничению подвергалась сфера общения женщины и ее ритуальные функции: она не могла быть крестной матерью, а также участвовать в праздничных трапезах, совершаемых в первые дни жизни новорожденного (в такие дни под **порог** дома подкладывали железные предметы, чтобы «нечистые» женщины, перешагнув через них, лишались своей вредоносности).

Во время М. запрещалось принимать участие в севе и пахоте, сажать, полоть и собирать овощи, виноград, плоды с деревьев, сидеть на мешках с зерном (нарушение запретов грозило гибелью урожая от полевых вредителей и непогоды), а также переступать через домашних животных, приближаться к пасеке и т.д. Строго возбранялось приближаться к охотничьему и рыболовному инвентарю, чтобы не «испортить» его. «Нечистой» женщине нельзя было квасить капусту и солить огурцы и сало, печь праздничные пироги, стирать чужую одежду (человек, ее надевший, заболеет), сновать и ткать (одежда и полотно будут непрочными), изготавливать глиняные формы для выпечки хлеба (они будут биться, в них не станет удаваться хлеб) и т.д.

В славянской магии с помощью рубахи, которую женщина носила во время М., или воды, в которой ее стирали, предотвращали **беременность** (лили эту воду на каменку в бане или в печь), привораживали мужчин (давали кровь в питье и пище), наводили порчу (подливали воду в сад или в хлев) и т.п.

Лит.: *Агапкина Т.А.* Славянские обряды и верования, касающиеся менструации // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996.

Т.А. Агапкина

МИРОВÓЕ ДÉРЕВО, древо жизни — в славянской мифологии мировая ось, центр мира и воплощение мироздания в целом. Крона М. д. достигает небес, корни — преисподней.

Образ М. д. характерен для русских загадок и заговоров. Ср. загадку о дороге: «Когда свет зародился, тогда дуб повалился, и теперь лежит»; этот образ объединяет разные — вертикальные (дерево от земли до небес) и горизонтальные (дорога) координаты мира. М. д. воплощает не только пространственные, но и временные координаты; ср. загадку: «Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по четыре гнезда» и т.д. — о годе, 12 месяцах, четырех неделях и т.д. В заговорах М. д. помещается в центре мира, на острове посреди океана («пуповине морской»), где на камне **Алатыре** стоит «булатный дуб» или священное древо кипарис, береза, яблоня, явор и т.п. На М. д. в заговорах обитают святые — Богородица, Параскева и др.; у корней дерева — демонические и **хтонические существа**: прикован на цепи бес, обитает в гнезде («руне») змея (Шкурупея) и т.п.

В свадебном фольклоре и «вьюнишных» песнях (исполнявшихся для молодых — «вьюнцов») образ М. д. воплощал плодородие живой природы, древо жизни: в кроне свивает гнездо соловей, в стволе — пчелы, приносящие мед, у корней — горностай, выводящий малых деток, или сами молодые, супружеская кровать; возле «трехугодливого» дерева стоит терем, где происходит пир и приготовлены «медвяны яства» (мед — пища бессмертия во многих традициях). Мотив медового (молочного и т.п.) источника у мирового дерева сопоставим с мотивом райского дерева, плывущего по реке (**Дунаю**). В восточнославянском фольклоре образ М. д. непосредственно связан со свадебным обрядом: жених должен ставить коней не у «несчастливого дерева» калины, а у счастливого явора, где пчелы приносят мед, стекающий к корням, чтобы напились кони, у корней обитают бобры, в кроне — сокол и т.п. Для образа М. д. в южнославянском фольклоре характерна поляризация вершины (где обитает птица — символ молодых и т.п.) и корней со змеиным гнездом.

В традиционной культуре успех любого обряда ставился в зависимость от того, насколько выполняемый ритуал соответствует общей картине мира: отсюда важность образа М. д., воплощающего эту картину, как в фольклоре (будь то заговор или свадебная песня), так и собственно в обряде. Ср. использование обрядовых деревьев, символов мировой оси, во время свадьбы (см. **Дерево**), строительства дома (когда обрядовое деревце помещалось в центре планируемой постройки) и т.д. вплоть до позднейших обычаев устанавливать рождественскую (новогоднюю) елку и т.п. У сербов символом благополучия всего села считалось священное дерево — «запис» с вырезанным на нем крестом; в старину у этого дерева совершали жертвоприношения (см. **Жертва**), кровью кропили корни, ствол и вырезанный крест. С символикой М. д., помимо обрядового деревца, связаны многочисленные обрядовые предметы: рождественское полено — бадняк у южных славян, ритуальный хлеб, каравай и др. Всякий обряд, таким образом, совершался в моделируемом центре мироздания, у М. д., и повторял акт сотворения мира, обновления космоса (в Новый год и др. календарные праздники), обновления социальной жизни (свадьба и др. семейные обряды) и т.д. В фольклоре образ М. д. может заменяться образом столпа, «бруса» (ср. загадку о дороге: «Лежит брус во всю Русь»), горы (ср. русскую поговорку: «Мир — золотая гора») и т.п.

В средневековых апокрифах, повлиявших на сложение славянской народной картины мира, передается, в частности, миф о сотворении мира, где земля держится на воде, вода — на камне, камень — на четырех китах, киты — на огненной реке, та — на вселенском огне, а огонь — на «железном дубе, посаженном прежде всего другого, и все корни его опираются на Божью силу» («Разумник», апокрифический текст X–XI вв.). В «Легенде о крестном древе» пресвитера Иеремии (Болгария, X в.) Моисей сажает у источника дерево, «сплетенное» из трех деревьев (ели, кедра и кипариса), — прообраз Троицы; из этого дерева, по многим пророчествам, должен быть сделан крест для распятия Христа. Соломон повелел срубить дерево, чтобы поместить в Храм, но оно не уместилось в Храме и было выставлено снаружи. Когда пришло время распятия, дерево распилили на три части: из нижней — корневой сделали крест для Христа, установив его на Голгофе, где была погребена голова Адама; кровь Спасителя, излившись на голову, спасла душу первочеловека. Кипарис — крестное дерево в русском фольклоре, «всем деревьям отец», растущее на святых Сионских горах; к этому дереву, согласно духовным стихам, выпадает Голубиная книга, повествующая об основах мироздания.

В древнерусских апокрифах о Соломоне дерево с золотыми ветвями, месяцем у вершины, нивой у корней символизировало идеальное государство, где месяц — царь, нива — православное крестьянство. Ср. русскую загадку: «Стоит древо, имеяй на себе цветы красные, а на древе сидит птица и щиплет со древа цветы красные и мечит в корыто. Цветов не наполняется, а красные цветы с древа не умаляются»; древо — весь мир, цветы — «человецы», корыто — земля, птица — смерть; сколько смерть похитит, «толико и родится в мир».

О мотивах райского древа и древа жизни см. также в статье **Рай**.

Лит.: *В.Я. Петрухин.* Древо жизни // Живая старина. 1997. № 1. С. 8–9 (там лит.); *Его же.* «Перебранка» на мировом древе: к истокам славянского мифологического мотива // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 340–348.

В.Я. Петрухин

МОГИ́ЛА — см. **Кладбище**.

МО́КОШЬ — в восточнославянской мифологии богиня. М. — единственное женское божество древнерусского пантеона, чей идол в Киеве стоял на вершине холма рядом с кумирами **Перуна** и др. божеств. При перечислении кумиров богов Киевской Руси в «Повести временных лет» под 980 г. М. замыкает список, начинающийся с Перуна. Обособленное место занимает она и в по-

следующих списках языческих богов, хотя в них М., при сохранении ее противопоставления мужским богам, может быть выдвинута на первое место. Память о М. на Украине сохранялась до сер. XIX в. По данным северорусской этнографии, М. представлялась как женщина с большой головой и длинными руками, прядущая по ночам в избе; поверья запрещают оставлять кудель, «а то Мокоша опрядет». Непосредственным продолжением образа М. после принятия православия стала **Параскева Пятница**. Пятницу в украинских ритуалах XIX в. представляла женщина с распущенными волосами, которую водили по деревням. Пятнице приносили жертву, бросая в колодец пряжу, кудель; название этого обряда — «мокрида», как и имя М., связано с корнем «мокрый», «мокнуть» (вместе с тем возможна и связь со словами, обозначающими «прядение»). Ср. также русскую Среду, Середу — женский мифологический персонаж, связанный, как и Пятница, с нечетом, женским (враждебным) началом: считалось, что Среда помогала ткать и белить холсты, наказывала тех, кто работал в среду. На общеславянский характер М. указывает словенская сказка о колдунье Мокошке, западнославянские топонимы типа «Мокошкин верх» (ср. положение кумира М. на вершине холма) и др. М. продолжает древний образ женского божества — жены (или женского соответствия) громовержца Перуна в славянской мифологии. Ср. также топонимы соседних урочищ в землях полабских славян, отражающих имена Перуна и М., — Prohn и Muuks, а также сниженные образы М. в славянской традиции — **мара**. **Марена** и т. п.

Лит.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983.

В.В. Иванов, В.Н. Топоров

МОЛОКО́ — у славян один из главных видов пищи (наряду с хлебом), объект мифологических верований, магических ритуалов и защиты. Материнское М. как «генетический» продукт наделяется сакральным значением; молочное родство охраняется обычным правом наряду с другими видами ритуального (искусственного) родства (ср. **Побратимство**). Вместе с тем материнское М. может ассоциироваться с греховным началом в человеке: по верованиям западных белорусов, душа умершего младенца, не успевшего попробовать «грешного материнского молока», идет прямо в рай (эти дети становятся ангелами на небе), а душа вкусившего М. сначала попадает в чистилище.

Согласно болгарским этиологическим легендам, М. произошло от одной из трех голов змея *лами*: св. Георгий отрубил их, из них потекли три реки: М., пшеница и вино. Словенская легенда говорит о том, что М. для людей спасла кошка: когда-то вымя у коров было на все брюхо и молока было, «как воды»; люди возгордились: бабы купали в М. детей да и сами умывались им. Тогда Бог отнял у коровы вымя, но кошки замяукали и упросили Бога оставить корове несколько сосков (известен аналогичный сюжет с хлебным колосом).

У всех славян М. обнаруживает связь с небом и атмосферными явлениями — дождем и молнией (громом). По древнейшим индоевропейским представлениям, дождь — это М. небесных коров-**туч**. Широко распространено убеждение, что пожар, зажженный молнией, можно потушить только М. (иногда — кислым, сывороткой, от черной коровы). В Болгарии популярны легенды, рассказывающие о том, как ведьмы стаскивают с неба **луну** и выдаивают ее, как корову; из лунного молока они сбивают чародейное масло. Ср. мотив луны в полесском заговоре: «Прибывай, молоко, с полного месяца, с ясной зари, золотой горы». Карпатские украинцы верят, что на мифической Черной горе есть молочный источник **навий**; в сказках молочные реки текут в царстве мертвых; в поверьях восточных славян Млечный Путь — это дорога на «тот свет».

По болгарским поверьям, змеи очень любят М. и часто сосут коров или родильниц; у них очень «сильные» глаза, которыми они привораживают самых

молочных коров. Чтобы расположить к себе домовую **змею**, ей ставили миску с М. Так поступали не только болгары, но и словенцы, белорусы, украинцы, поляки. Вологодские крестьяне верили, что дьявол не может обмыться ни в реке, ни в колодце, ни в луже (потому что Спаситель освятил воду на Крещение), а может обмыться либо в воде, стоящей на столе, либо в пресном М.

В магических действиях, направленных на повышение удоев М., широко используется уподобление М. воде и символика текущей воды. Поляки Жешовского края совершали пасхальные обливания водой в убеждении, что без них М. у коров убывало или вовсе пропадало. Архангельские крестьяне, когда в **Вербное воскресенье** первый раз выгоняли скот вербовыми ветками, эти ветки затем опускали в реку или ручей, чтобы у коровы было больше М., а пастух с той же целью прятал в воду свой «отпуск». В Полесье обращались к **колодцу**: «День добрый, колодезь Максим, и ты, земля Татьяна, чтоб у коровки прибывало молоко, был сыр, сметана. В колодези вода жерлами, а у коровки молоко жирами». В Вятском крае М. «отпирали» с помощью заговора: «...Бабушка Соломонидушка, Христова повивалушка, отопри у рабы Божьей Пеструшеньки молочко из жилочек — в вымечко, из вымечек — в сисечки, из сисечек — в подоенку».

Магическим средством увеличения удоев считалась **роса**. Ср. в полесском заговоре: «Божа мати по росе ходит, росу собирает, этой корове споры наделяет». С помощью росы ведьмы и колдуньи могли также отобрать М.

У южных славян «магии молока» была подчинена бóльшая часть обрядов Юрьева дня, и особенно ритуал первого доения овец: доили в особую, украшенную цветами посудину, пропускали струю М. сквозь предметы, имевшие форму **круга** — венок, хлеб с отверстием, камень с отверстием, обручальное кольцо; бросали на дно подойника серебряные деньги, совершали обряд в воротах загона, украшенных цветами, ветками **клена**, **кизила**, **шиповника**. Первое надоенное М. выливали в текучую воду, чтобы целый год М. текло, как вода.

Отбирание М. приписывалось ведьмам, колдунам и людям с дурным глазом. Для этого использовались разнообразные приемы: ведьма оборачивалась лягушкой или ужом и высасывала М. у коровы в купальскую ночь; собирала росу на чужом поле и давала пить своей корове; выходила во двор, махала на все стороны платком и говорила: «Коровки, коровки всяческой масти, пусть ваше молоко ко мне идет!» — после чего вешала платок в своем доме и с платка лилось столько М., сколько она хотела (западная Белоруссия). По поверьям, ведьма умела доить чужих коров и с помощью ножа, который она втыкала в соху или в столб, — М. стекало по острию ножа (восточные славяне), и с помощью метлы, которой она ударяла корову по вымени, забирая М. «на метлу», и с помощью корки хлеба, положенной под камень на дороге, по которой шло стадо, и затем скормленной своей корове (болгары), и с помощью следов коровы, над которыми она производила какие-то манипуляции (поляки), с помощью заговоров и многого другого.

Виновником порчи М. могла быть пробежавшая под коровой **ласка** или пролетевшая под ней **ласточка**, от этого в М. появлялась кровь или оно делалось густым и тягучим.

Для защиты скота от порчи применялись разнообразные защитные действия и соблюдалось множество запретов и предписаний, регламентирующих обращение со скотом (содержание, кормление, выгул, случку, отел, куплю-продажу), с М., молочной посудой, хлевом или загоном для скота, а также поведение **пастуха**. Например, выносимое из дома М. рекомендовалось солить, чтобы его не испортили (восточные славяне); при кипячении М. строго следили за тем, чтобы оно не выкипело в огонь: от этого у коровы «высыхает» М. и трескаются соски; молочную посуду мыли целебными травами, окуривали ладаном, украшали цветами, выставляли под звезды и т.п.

Существовала целая система мер по преодолению наведенной порчи. Например, словенцы, чтобы вернуть корове М., считали необходимым ударить ее штанами пастуха, дать ей хлеба, намо-

ченного в воде из трех источников, повесить в хлеву жабу и т.п.

Если у кормящей женщины пропадало М., сербы Попова Поля приносили воду и пропускали сосуд с водой через штанину брюк ее мужа, приговаривая: «Я обратил воду к воде и привел молоко к молоку. Мое молоко шло по горам, по высям и по разным травам, пока пришло ко мне!» Русские омывали водой родильницу и новорожденного: первую — «на обилие молока», второго — «на долгую жизнь».

Само М. наделялось магическими благотворными свойствами и широко использовалось в народной медицине и в качестве оберега. Например, сербы в Поморавье молоком поливали **полазника**; словенцы умывались М., чтобы быть молодыми и красивыми; восточные славяне обливали молоком новорожденного; смазывали М. косяки дверей и окон в случае стихийных бедствий и т.п.

Лит.: *Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994.

С.М. Толстая

МОЛЧА́НИЕ — форма ритуального поведения. В традиционной культуре М. (отказ от речи) выявляет принадлежность того или иного существа к потустороннему миру и сверхъестественным силам вообще (ср. в этой связи отношение к немому, равно как и к слепому, глухому (см. **Глухота**), как к человеку «нечистому», опасному, знающемуся с нечистой силой). Человек, отказывающийся от речи или же неспособный к ней, воспринимается как не-человек, как «чужой». Наиболее очевидна эта особенность в поведении ряженых — людей, на время связавших себя с потусторонними силами и потому вынужденных вести себя сообразно нормам их поведения. М. характерно как для главных персонажей того или иного обряда, так и для рядовых участников процессий. Ряженые парни, которые носят по селу обрядовое чучело **Марены**, по дороге не разговаривают, а лишь иногда издают невразумительные звуки. Южнославянские **русалии**, обходящие дома на Русальной неделе, не только не здороваются, не прощаются и не разговаривают со встречными, но и не говорят друг с другом, за исключением своего вожака.

Ритуальное М. строго соблюдается в некоторые моменты похоронно-поминальных обрядов. Так, запрещается разговаривать во время агонии, чтобы не мешать душе расставаться с телом и не усугублять страданий умирающего; в полном молчании проходит зачастую и поминальный ужин, во время которого, по поверью, души усопших незримо присутствуют за столом. М. как наиболее очевидная черта «поведения» умершего проявляется и в других обрядах жизненного цикла, сопровождающихся обязательной изоляцией главного действующего лица обряда, которая символизирует его вре́менную смерть: так, в определенные моменты свадьбы невеста ни с кем не разговаривает, ни на кого не смотрит, не двигается.

В магии и обрядовой практике запрет разговаривать (говорить самому, здороваться, отвечать, откликаться на чей-нибудь голос или зов) вступает в силу преимущественно в те моменты, когда человеку необходимо вступить в контакт с представителями «иного» мира, нечистой силой. М. как обрядовое воздержание от речи помогает человеку устанавливать связь с «иным» миром (ср. практикуемые в аналогичных ситуациях полное или частичное обнажение, снятие креста). К подобным ситуациям относятся прежде всего гадания, любовная, лечебная магия. В Польше мать больного ребенка относила его под куст **бузины**, полагая, что болезнь отберет демон, живущий под бузиной, возвращалась домой, где в полном М. выполняла три работы, а затем забирала ребенка. Молчать принято было после совершения некоторых магических актов, в частности после произнесения лечебных заговоров.

Воздерживаясь от речи, человек предохраняет себя от влияния потусторонних сил (при этом запрещается также раскрывать рот, смеяться, кричать) или просто остается незамечен ими. Ср. запрет разговаривать при выкапывании кладов, которые сторожит нечистая сила, во время грозы (когда дьявол, преследуе-

мый Богом, может проникнуть в человека через открытый рот), во время жатвы, когда сжинают последний сноп (называемый в этом случае «молчальным», «молчанушкой») или срезают последний пучок колосьев, **«бороду»** (место обитания духа нивы). Нарушение запрета разговаривать может привести к тяжким недугам: у девушки, заговорившей в то время, когда она несет с поля домой последний сноп, будет слепой жених; человек, проронивший хоть слово при извлечении клада, онемеет. М. обязан соблюдать человек, впервые весной выехавший в поле сеять, женщина, замешивающая тесто для обрядовых хлебов к какому-нибудь большому празднику, или тот, кто первым в селе набирает до восхода солнца «молчальную воду», которой придается особая лечебная и магическая сила.

Вместе с тем когда сам человек представляет опасность для окружающих, его добровольное М. — это способ уберечь людей от нежелательного влияния на них. Работник, сделавший гроб, относит его в дом умершего, сохраняя полное М.; в противном случае это может повредить тому, с кем он заговорит.

М. известно и как форма ритуального и бытового этикета. У южных славян после свадьбы молодая женщина обязана соблюдать М. — не разговаривать с близкими родственниками мужа (его родителями, братьями). У болгар девушки в знак уважения к главной из них, называемой «кумица», в период от Вербного воскресенья до Пасхи не разговаривают между собой в ее присутствии.

Т.А. Агапкина

МО́РА — у южных и западных славян демон, который душит и мучает спящего человека, наваливаясь ночью ему на грудь.

Поляки и кашубы считают, что если в семье подряд рождаются шесть или семь дочерей, то последняя становится М. По чешским верованиям, М. становятся дети, родившиеся с зубами, а по сербским и хорватским, — дети, рожденные в «рубашке», обычно кровавой или синей. Сербы полагают, что М. — девушка, родившаяся в кровавой сорочке, которую повитуха сожгла на огне. Сербы и хорваты также считают, что М. — дочь **вештицы**, а также что М. становятся дети, зачатые женщиной в праздник или во время месячных. По польским поверьям, девочка, из которой получается М., имеет две души — добрую и злую, при этом злая душа вылетает из тела спящей М. и вредит людям, но сама М. ничего не подозревает (см. **Двоедушники**). Демонические свойства М. проявляются ночью, а в остальное время она ничем не отличается от окружающих. Западные славяне считают, что М. душат людей помимо своей воли, когда придет их час. Согласно болгарским и польским поверьям, М. — души людей, умерших без исповеди, похороненных с нарушением погребального ритуала, а также **детей некрещеных** или неправильно окрещенных младенцев. У поляков, чехов и лужичан известны поверья и о М.-мужчинах.

Поляки считают, что М. невидима или выглядит как неясно различимая человеческая тень, у нее прозрачное тело, она худа, костлява, у нее ненормально длинные ноги, руки, ногти. По сербским поверьям, М. может принимать вид ночной бабочки или комара, а также животных, связанных с потусторонним миром: летучей мыши, кота, мыши.

М. забирается на грудь спящего человека, давит и мучает его, пьет у него кровь, а у женщин сосет из грудей молоко. По некоторым поверьям, существует несколько разновидностей М.: одна сосет и душит людей, другая сосет сок деревьев, третья — овощи и сорняки. Жертва М. бледнеет, чахнет и скоро умирает.

М. может проникнуть в помещение через любое, даже самое маленькое отверстие, в том числе через замочную скважину. Поляки и кашубы полагают, что М. передвигается в решете, на метле, колесе от тачки, мотовиле, коловороте от прялки (ср. **Прялка**) или в тележке с одним колесом.

В качестве оберегов от М. используются нож, иголка, воткнутая в одежду, топор или другой железный предмет, чеснок, пояс, который кладут поверх

одеяла, хлеб, зеркало. Чтобы прекратить посещение М., необходимо ее распознать. Для этого человек, которого душит М., должен сказать ей: «Приходи утром, дам тебе хлеба и соли». Первая пришедшая утром женщина и будет М. Ей нужно дать обещанное, после чего она больше не будет приходить в этот дом. От М. можно избавиться, поймав то животное, в которое она обернулась, и искалечив его.

Уже при рождении ребенка можно распознать в нем будущую М. и предотвратить вред, который она может причинить. Если у новорожденного были зубы, мать во время первого кормления давала ему в рот кусок дерева, чем переносила вредоносность своего ребенка на деревья. Согласно сербским верованиям, если девочка рождалась в кровавой «сорочке», нужно в первый же вечер подняться с этой сорочкой на крышу дома и оттуда крикнуть: «У нас родился ребенок в кровавой сорочке!» Это избавляло ребенка от судьбы М. Сербы также считали, что М. может стать обычной женщиной, если захочет; для этого она должна признаться в том, что она — М., кому угодно, даже дереву или земле, и обещать больше не причинять зла людям.

Е.Е. Левкиевская

МОСТ — в народных верованиях соединяет этот и «тот свет». Согласно украинским представлениям, душе после смерти предстоит перейти по кладочке через огонь, и если она оступится, то не дойдет до Царства Божия. Белорусы Гомельщины полагали, что душа умершего переходит через воду по мостику.

В Белоруссии на следующий день после поминок по женщине в память о ней делали кладку через какое-нибудь мокрое, топкое место или же перекидывали мостик через канаву либо ручей; вырезали на дереве, срубленном для М., дату смерти и серп; затем садились на дерево, выпивали, закусывали и поминали умершую. Каждый, кто переходил по такому мостику, также должен был ее помянуть.

В фольклоре М. осмысляется как наиболее опасная и ответственная часть пути в потусторонний мир, способ **переправы** через водную или огненную преграду, а также место поединка с мифическим противником.

В восточнославянских сказках на калиновом М. герой вступает в единоборство со змеем. Иногда схватка происходит на ледяном М., который создан на море дыханием змея, или на трех мостах: сначала на медном, потом на серебряном и, наконец, на золотом. Одна из трудных задач в русских сказках — построить за ночь большой чудесный М.: одна мостина серебряная, другая золотая.

Для обрядовой поэзии характерна тема мощения мостов. В колядках и волочебных песнях рассказывается о том, что к хозяину пришли гости издалека, преодолев множество препятствий, и в частности построив калиновые мосты через **Дунай**. В украинской колядке по калиновому М. уходят от человека его молодые лета и счастливая **доля**. В другом тексте хозяин дома идет через Дунай по калиновому М. и встречает ангелов; они подхватывают его под руки и несут в рай.

В свадебной поэзии и девичьих гаданиях восточных славян М. и вода связаны с символикой любви и брака. Девушка ставила на ночь у кровати сосуд с водой или сделанный из дров колодец, а потом связывала из прутьев или палочек мостик и клала его сверху; во сне ей должен был явиться жених и перевести через М.

Как небесные мосты осмысляются иногда **радуга** и Млечный Путь. По поверьям русских Тульской губ., радуга — это М., по которому ангелы поднимаются на небо с душами праведников или, наоборот, опускаются на землю, чтобы передать праведным людям Божью волю. Там же считали, что по Млечному Пути, как по М., из ада в рай поднимаются души умерших. Те, кого поминают в молитвах на земле, беспрепятственно проходят в рай, но если кого-нибудь из них на земле проклинают, то Бог изгоняет их из рая в ад и, когда они падают вниз, от них летят искры, которые превращаются на земле в змей и других гадов.

Небесный М. упоминается и в русских загадках: «Золотой мост на сотню верст» (лучи солнца, свет); «Протянулся мост на семь верст, а в конце моста золотая верста» (неделя, дни недели); «Намощен мост на семь верст, на мосту яблоня, на яблоне цвет во весь вольный свет» (семь недель Великого поста и Пасха).

Лит.: *Бараг Л.Г.* Сюжет о змееборстве на мосту в сказках восточнославянских и других народов // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 160–188; *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М., 1982. С. 157–164.

А.Л. Топорков

МУЗЫКА́НТ — наряду с другими «знающими» (**пастухом**, **мельником**, **охотником**, **кузнецом** и т.п.), лицо, которому приписываются колдовские способности (см. **Колдун**). Связь с музыкой, которая в народных представлениях обладает магическим свойством и имеет демоническое происхождение, придает М. статус человека, находящегося в постоянном контакте с потусторонним миром. В календарных и свадебном обрядах М. — один из обязательных участников, получающий за свою игру вознаграждение. При раздаче **каравая** ему выделялась нижняя корка, в которую запекались монеты. М. с волынкой сопровождали группы *волочебников* — исполнителей пасхальных волочебных песен. Представления о магических способностях М. особенно сильны на Карпатах. У восточных славян, особенно у украинцев и белорусов, М. часто были профессиональные **нищие** — лирники. В Древней Руси М. обычно были скоморохи, чья деятельность осуждалась и преследовалась церковью как бесовская. Согласно церковным канонам, игра на музыкальных инструментах (как и любое увеселение) была запрещена во время поста — с них на это время снимали струны, а у западных славян в канун Великого поста существовал обычай «похорон контрабаса».

Согласно поверьям карпатских украинцев, чтобы овладеть музыкальным мастерством, нужно прибегнуть к помощи нечистой силы. Человек, желающий стать М., должен до восхода солнца пойти на перекресток и, раздевшись донага, заиграть на скрипке. Для этой же цели нужно ночью закопать на перекрестке свирель, наполненную водкой. Через семь дней музыкальный инструмент нужно откопать. Если черт принял подношение, водки окажется половина. Еще через семь дней свирель выкапывают окончательно. Если там совсем не окажется водки, человек будет в совершенстве играть на свирели даже во сне. На Карпатах считалось, что некоторые мелодии М. подслушивает у лесного демона *чугайстера* или у черта, но не может воспроизвести из них одну ноту; полагали также, что играть эти мелодии может только тот, кто их услышал, другие М. не способны их перенять.

Музыка привлекает к М. нечистую силу. Во многих быличках рассказывается, как черти под видом подгулявшей компании встречают М., возвращающегося со свадьбы или вечеринки, и просят поиграть им на скрипке за хорошую плату. Музыканту кажется, что он находится в красивом доме, а под его музыку пляшут дамы и кавалеры. Он играет несколько суток подряд, но ему представляется, что прошло всего несколько часов. Лишь случайно (перекрестившись или упомянув имя Божье) М. обнаруживает, что сидит в чаще леса на пне, а вокруг пляшут черти. Согласно карпатским поверьям, женские демоны *витреницы* любят танцевать на горных полянах, поэтому они часто крадут того, кто хорошо играет на свирели или гуслях, и держат его у себя до старости, заставляя непрерывно играть. В другом карпатском сюжете в качестве М., играющего танцующим витреницам на волынке, выступает сам черт.

На Русском Севере, Карпатах и у западных славян функции М. частично совмещались с функциями пастуха, обязательным атрибутом которого являлись рожок, иногда барабан, а на Карпатах — флейта и трембита. Игре пастуха на музыкальном инструменте приписывались защитные свойства. К примеру, у словаков накануне Нового года и дня св. Лю-

ции пастухи обязаны были как можно громче играть на своих инструментах, чтобы отогнать нечистую силу.

Лит.: *Левкиевская Е.Е.* О «демоническом» в музыке и музыкальных инструментах (карпатская народная традиция) // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 305–310.

Е.Е. Левкиевская

МУРАВЕ́Й — насекомое, символика которого определяется в основном признаком множественности. М. наделен и хтонической символикой. Арабский автор ал-Масуди († 956) описывает славянского идола в виде старца с посохом, которым тот извлекает из могил останки умерших. Под правой ногой его помещены изображения муравьев, под левой — воронов и других черных птиц. Атрибуты мертвеца в качестве источника, порождающего М., фигурируют в магическом способе насылания порчи у поляков (волосы с бороды покойника, добытые из могилы, и каменную крошку с надгробия бросают на очаг, чтобы расплодились М.). Известны славянам и представления о М. как облике души.

Роль домашнего покровителя выражена у М. слабее, чем у многих «гадов» и некоторых домашних насекомых, в основном в виде примет. Так, у русских М. в доме — к счастью, у болгар и македонцев — к богатству. Нередко плохим предзнаменованием считалось появление в доме лишь черных М.: черные предвещали смерть, а рыжие — счастье.

Появление М. в доме связывалось у поляков с нарушением запрета есть в Великую пятницу после полудня или после захода солнца освященную в этот день еду. У болгар женщины соблюдают запрет на все виды работ в день св. Афанасия («Черный день», 5.VII), чтобы М. и другие насекомые не поели посевов. М. посвящен также день св. Мавры — по созвучию имени этой святой с названием М. (болг. «мрава» — муравей).

Характерный для М. признак множественности по-разному используется в гаданиях и магических действиях, связанных со скотом, в практике рыболовов, в обрядах вызывания дождя, в приметах, толкованиях снов и фольклорных текстах (приговорах, загадках).

М. символически соотносятся со скотом. В польских колядках хозяевам желают столько овец и телушек, сколько в лесу М. В Болгарии кладут снятую с себя **мартеницу** под камень и потом проверяют, что под ним: если М., то народится много ягнят. Сербы кладут в муравейник голову печеного рождественского животного, кости зажаренных в Юрьев день ягнят и т.п., чтобы скота расплодилось столько, сколько М.

Белорусские рыбаки ради обильного улова рыбы окуривают сеть муравейником (множеством М.) при первом выезде на рыбную ловлю, вырезают удочку из дерева, растущего в муравейнике.

В обрядах вызывания дождя копошащиеся М. символизируют капли дождя. В Полесье и в Сербии во время засухи разгребают муравейник палкой, произнося заклинания: «Як этые мурашки плувуць, так и дощ пусьць плыве»; «Сколько муравьев, столько и капель». Символика капель проявляется у М. и в русском толковании сна: много М. — к слезам. По-иному признак множественности выступает в другом русском снотолковании: М. снятся к богатству.

В девичьих гаданиях М. символизируют множество сватов. В Сараеве девушка накануне Юрьева дня бросает горсти М. из муравейника на свой дом со словами: «Муравейник на дом, а сваты в дом!»

У поляков на основе признака множественности с М. символически соотносятся опилки: если плотник, строящий дом, подсыплет туда опилок, в доме разведутся М.

М. используют для распознавания ведьмы. В Белоруссии в Юрьев день рассыпают муравьиные кучи по улице. Считается, что ведьма через такую улицу пойдет в обход и таким образом можно будет ее определить. На Украине дорогу обливают отваром муравейника, и когда выгонят стадо, корова ведьмы не пойдет по дороге, а встанет, заревет и станет лизать облитое место — так станет известно, кто в селе ведьма.

В народной медицине с помощью М. лечатся от ревматизма, от ударов и ломоты в костях, от лихорадки и бешенства. На Украине и в Белоруссии лечатся муравьиным маслом. Считается, что М. «бьют масло» на Ивана Купалу или в ночь на 1 августа, когда оно выходит на поверхность муравейника в виде комка, а с восходом солнца тает. Этим маслом мажут волосы, чтобы они лучше росли, натирают больные руки и ноги, лечат другие недуги и даже верят, что оно приносит счастье.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 510–515.

А.В. Гура

МУ́СОР — в верованиях и магии славян атрибут дома, символ жилища и его обитателей.

При переселении в новый дом М. переносили с собой (рус., пол.). Ритуальное подметание дома невестой на второй день свадьбы демонстрировало ее приобщение к дому, включение в новую семью. М. соотносился с богатством, счастьем в доме. Запрещалось подметать и выносить М. на Новый год или в течение всех святочных дней, чтобы не вымести счастье, подметать после обеда, чтобы не «вымести» хозяина (рус.). Пока покойник находился в доме, не подметали, чтобы не вымести живых (рус.), душу умершего (полес.), домашнее счастье (серб.). После выноса гроба дом обязательно подметали и М. сжигали (пол., словац., морав.), чтобы в доме не задержался дух умершего; выносили М. на такое место, где не ходят, чтобы «не втаптывали покойника в землю» (пол. Покутье).

М., собранный во время праздников, имел продуцирующую силу. Святочный М. через несколько дней сжигали в саду (укр., з.-рус.), обсыпали им плодовые деревья, чтобы они хорошо родили (полес., словац.). У мораван с той же целью сжигали в саду М., подметенный в Страстную пятницу. Ради плодородия и защиты от сорняков на Новый год выносили М. на поля (бел. пинск.).

М. фигурирует в магических действиях, направленных на защиту от вредных насекомых, змей и волков. Чтобы в доме не водились гады и насекомые, сжигали М. вместе с метлой в понедельник на Тодоровой неделе (болг.), выбрасывали М. на мусорную кучу, на перекресток, на чужой двор или в реку на Новый год (серб., бел.), на Благовещение (бел.), в Чистый четверг (укр., пол.), на Страстной неделе (чеш., морав.). В Полесье, чтобы волк не повадился в хлев, подметали избу в Сочельник и выносили М. за огород.

М. мог служить апотропеем. В ночь перед Рождеством хозяйка оставляла подметенный М. перед дверью дома для защиты от ведьм (чеш.). Святочный М. и солому сжигали в воротах, чтобы через них не ходило недоброе (укр., бел.). Накануне Крещения выметали из дома М., чтобы в нем не остался чертенок (рус.). На масленицу сжигали М., чтобы изгнать нечистую силу из дома (черногор., словен.). У сербов собранный в кучу М. сжигают каждый год утром на Тодорову субботу, в день Сорока мучеников, на Благовещение, в Юрьев день или день св. Иеремии для того, чтобы избавиться от демонов и змей.

М. также мог препятствовать сглазу, порче. Вошедший в дом, где снуют, должен был бросить в ткацкую основу щепотку М. из-под порога, чтобы не сглазить работу (полес.). Предназначенную для продажи скотину обсыпали пеплом, маком или М. (словац.).

В лечебной магии для того, чтобы изгнать детскую бессонницу, с ребенком на руках подметали дом от угла к порогу и выбрасывали М. за порог, изображая, что выбрасывают болезнь (рус.). Чтобы вылечить «сухотку», клали ребенка под порог, сметали на него из всех углов М., а потом осторожно «выбрасывали» его вместе с сором на двор; затем ребенка через **окно** передавали обратно в дом, а М. скидывали в сторону (пол., Куявия). У словаков для магических действий от сглаза и бессонницы брали М. из-под порога костела или из-за алтаря; у западных белорусов — собирали М. из трех соседских домов.

Для гаданий использовался М., подметенный в Сочельник, костра́ (отбросы льна и конопли после трепания и чесания. — *Ред.*) или семена льна и конопли. Девушки садились или наступали на М., рассыпали его на перекрестке или на навозной или мусорной куче и ждали знаков судьбы (в.-слав., словац.). В Словакии для того, чтобы узнать, жив ли близкий человек, выметали из углов и из-под порога М., и если в нем было насекомое, то считали, что человек жив (словац.). Девушки сыпали на мусорную кучу костру́, М., семена льна или конопли и слушали, с какой стороны залает собака, в ту сторону, как полагали, и пойдут замуж (полес., словац.).

М. запрещалось бросать в огонь, выбрасывать, стоя лицом на восток и навстречу солнцу (болг.), выносить М. после захода солнца, высыпать его на дорогу (полес.). М. клали перед матерью нечестной невесты, чтобы опозорить ее перед всей свадьбой (Полесье, Ровенская обл.).

Ведьмы использовали М. во вредоносной магии. С его помощью можно было навести порчу (укр.), сотворить из него червей (пол.). Чтобы избежать этого, подметенный М. сжигали или бросали на навозную кучу (у словаков и чехов). В Полесье считали, что у того, кто наступит в сумерках на М. (или на воду), будут болеть ноги или он ослепнет.

Опасной считалась и мусорная куча — место, на котором, по народным верованиям, собираются демоны, души покойников, ведьмы. Поэтому избегали ходить на «сметник», чтобы не стать жертвой порчи (серб.). Западные славяне, чтобы уберечься от ведьм, в ночь перед 1.V ставили на мусорной куче березовые или можжевеловые ветки.

На мусорной куче перед заходом солнца лечили и заговаривали болезни. В Закарпатье на «сметнике» в новолуние «избавлялись» от **подменыша**, которого после чтения заговора клали на М. и били метлой.

В конце свадьбы, когда разыгрывали пародийную шутовскую свадьбу с ряжеными, на куче с М. ряженый «поп» венчал «молодых» (полес.). В Восточной Словакии сюда выливали воду после первого купания новорожденного, чтобы ребенок рос так же быстро, как и куча.

М.М. Валенцова

МЫШЬ — нечистое животное, относимое в народном сознании к **«гадам»**. Согласно сербской легенде, М., змеи, ящерицы и другие «гады» вышли на свет Божий из чрева змеиного чудовища **халы**, убитого св. Нестором.

В легендах отражена и дьявольская природа М. У болгар М. произошли от дьявола, лопнувшего в церкви от запаха ладана, у сербов — от одной из уцелевших в церкви М., в которых превратился разлетевшийся на мелкие осколки черт, ударившийся в закрытое окно при попытке вылететь из церкви. В легендах о всемирном потопе М. или дьявол прогрызают дыру в Ноевом ковчеге.

В облике М. белорусы представляют души умерших, которые питаются ночью недоеденным хлебом. Если кошка поймает такую М., домашним грозят бедствия за гибель предка. В связи с этим М. в приметах предвещают смерть: когда погрызут кому-то одежду (у русских, мораван), шуршат под кроватью (у белорусов) или плодятся в доме (у сербов).

В поверьях М., так же как змей и ящериц, характеризуют мотивы свиста и музыки. Так, сербы считают, что музыкальная игра ночью приманивает М. в дом, а запрет свистеть в доме объясняют тем, что от этого плодятся М.; в кашубской сказке М. наделяет человека волшебной дудочкой и т.п. Ср. также польское поверье о выманивании свистом крыс из дома.

Ущерб, причиняемый мышами, метафорически уподобляется ущербу от кражи. У южных славян знаком того, что кто-то из домашних крадет что-то в доме, служит поеденная М. одежда или появление их в доме. Распространенное представление о том, что беременной женщине нельзя отказывать в любой просьбе, иначе виновнику отказа М. погрызут одежду, основано на соотношении прибыли и убытка: ущерб, наносимый беременной (отказ дать что-либо), компенсируется ущербом, наносимым М. виновнику такого отказа.

Чаще всего для изгнания, изведения М. и оберегов от них используются освященные предметы и соблюдаются запреты на еду, у южных славян — запреты на работу с применением острых предметов. Для избавления от М. у поляков обходят вокруг дома с освященной пасхальной едой; у болгар кладут в чулане дубовую ветку; у белорусов не упоминают о М. за едой; у украинцев не вынимают одежду из сундуков на Рождество, не едят в амбаре, невеста едет к венчанию натощак. Чтобы М. не поели зерна, поляки оставляют им в поле последний пучок несжатых колосьев; свозят снопы с поля ночью, когда все спят; по дороге сквозь спицы колес бросают камни; опрокидывают на бок первый сгруженный воз; оставляют мышам зерна на дне телеги.

У южных славян оберегам от М. посвящены специальные «мышиные праздники», из которых наиболее распространен день св. Нестора, 27.XI. В этот день не режут ножом хлеб, не стригут ножницами, не рубят дрова, чтобы М. не грызли одежду и посевы своими острыми зубами, а также не прядут, не вяжут, не берут в руки иголку, не месят хлеб, не открывают сундуков с одеждой, не берут зерно из амбаров, не наливают молоко и не достают сыр из кадушек, не открывают чуланы, где водятся М., не трогают попорченные ими предметы, не упоминают М. Совершают имитативные магические действия, чтобы залепить или замазать М. пасть и глаза: мажут навозом очаг или пол в погребе, зашивают подол спереди и сзади. В мышиную нору втыкают головешку, побег чеснока, перевернутый наоборот. Обереги от М. приурочены также к дню св. Екатерины, Андрееву дню (у болгар), дню св. Еремии (у болгар, македонцев), дню св. Мартина (у македонцев), к субботе Масленой недели («мышиной субботе») и к субботе накануне масленицы (у сербов).

У болгар для изгнания М. из села совершали обряд «мышиной свадьбы». Две женщины ловили пару М., наряжали их, как молодоженов, мышиной «невесте» надевали фату, связывали их и сажали в тыкву или в корзину. Крестьяне изображали сватов, священника, свадебных кума и куму, обходили с М. село, а за селом бросали их с высокого холма или оставляли в лесной чаще. При этом желали им пожениться в другом селе и больше не возвращаться. Потом устраивали пирушку с песнями и плясками, как на настоящей свадьбе.

С М. связано много примет: М. покидают дом — к пожару или беде (у русских), М. перебежит дорогу — к неудаче (у болгар), если М. погрызет девушке приданое, она выйдет замуж за богатого (у болгар), если М. попортят купцу товар, его можно будет продать скорее и выгоднее (у русских) и т.д.

Ряд поверий и действий, связанных с М. как грызуном, касается **зубов**.

В народной медицине широко известны способы лечения грыжи с помощью М. Живую М. дают есть больному падучей или неизлечимой болезнью. Настоем М. на растительном масле лечат больные суставы, ушную боль и т.д.

Лит.: *Сумцов Н.Ф.* Мышь в народной словесности // Этнографическое обозрение, 1891. Кн. 8. № 1. С. 49–94; *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 403–416.

А.В. Гура

Н

НА́ВИ — южнославянские, украинско-карпатские и украинские мифологические персонажи — души некрещеных младенцев, мертворожденных детей (иногда — души женщин, умерших в родах). Названия типа «нави» восходят к древнерусским словам *навь, навье* и др., обозначающим мертвых и их мир: «из навии въскрьсе», «навьмь мъвь творять», «приходили к намь навья мытся». «Нави» упоминаются в «Повести временных лет» (под 1092 г.) в рассказе о происшествии в Полоцке, который подвергся ночному нападению «навий» (названных здесь «бесами»), избивающих жителей и оставляющих на их телах смертоносные язвы.

Моровое поветрие в Полоцке в 1092 г.: «Тем и человеци глаголаху, яко навье бьють полочаны». Миниатюра Радзивилловской летописи XV в.

Южнославянские «нави» чаще всего имеют орнитоморфный облик (птенцы, цыплята, большие черные птицы и др.), выдают свое присутствие характерным писком или свистом, ведут себя агрессивно по отношению к людям; главная их злокозненная функция — нападать на свою мать и на рожениц, мучить их в течение 40 дней после родов, высасывать у них молоко, лишать сна, насылать болезни, душить детей, выпивать кровь у новорожденных и их матерей; нападать на пастухов и конюхов по ночам, выпивать молоко у овец и коров и т.п.

В украинских Карпатах, а также спорадически в других регионах Украины за этими именами закреплены два основных персонажа: в детском и женском обличьях. Гуцульские *нявки* — души некрещеных младенцев (см. **Дети некрещеные**), мертворожденных детей, а также детей, убитых своими матерями непосредственно после рождения; они нападают на детей и женщин, сосут у них кровь, душат женщин. Украинские **мавки** — некрещеные младенцы или дети, уворованные вскоре после рождения дьяволом; они живут в лесах, а на Пасху собираются на крестный ход к церкви и просят себе креста. В отличие от южнославянских навий и гуцульских нявок у украинских мавок «вампирские» функции не выражены.

В украинских Карпатах и на Украине теми же именами могут обозначаться женские персонажи, приближающиеся как к восточнославянским и карпатским русалкам, так и к болгарским русалиям. Они появляются чаще всего на троицкой неделе или в Петров пост; танцуют и вытаптывают траву; приглашают к себе на игрище овчара, который играет для них на сопелке; они обитают в воде и могут затащить туда человека, решившего в это время купаться; насылают засуху, вихри, болезни.

На восточнославянской территории область распространения мифонимов типа «нави» непосредственно примыкает к обширной зоне бытования хрононимов *Навский (Намский) четверг, Навская Паска*. На Украине и в Белоруссии этот хрононим относится к Страстному четвергу (редко), а обычно — к

четвергу пасхальной недели и обозначает поминальный день, когда люди совершают характерные поминальные действия на могилах (убирают, чистят, оставляют там еду, угощают нищих и т.п.).

Иногда Страстной и пасхальный четверги, у восточных славян называемые «Навскими», посвящались непосредственно «мавкам» и «нявкам». Например, на юго-западе Брянщины, если в доме был ребенок, умерший некрещеным, то в память о нем в Страстной четверг устраивали обед. В Харьковской губ., а также в других местах, четверг пасхальной недели назывался *Мавский велыкдень* (т.е. был производным от украинского названия мифологического персонажа *мавка*). *Мавки* — души умерших некрещеными детей — выходили в это время из воды и оставались на земле до Преполовения или до **Троицы**. В этот день устраивали семейные поминки по умершим детям. Например, на Витебщине в пасхальный четверг, называемый *Навское воскресенье*, «нужно было сварить столько белых яиц, сколько в семье было умерших детей, и съесть их на открытом месте, покатав предварительно по траве, чтобы невинные дети с высоты неба видели и благословляли помнящую их семью».

Лит.: *Агапкина Т.А.* О тодорцах, русалках и прочих навях // Studia mythologica Slavica. Ljubljana, 1999. № 2.

Т.А. Агапкина

НАГОТÁ — полное или частичное обнажение человеческого тела; практикуется в сельскохозяйственной магии, в колдовской практике и эзотерических ритуалах, в календарных обрядах и играх, имеющих оргиастический характер. Признак нагой — одетый соотносится с оппозициями природа — культура, человек — нечеловек (ср. болгарское и сербское название некрещеного ребенка: *голчо, гољчо*). Обнажение как бы возвращает человека в природное состояние, выводя его за рамки культурного и человеческого. Нагота призвана также защитить человека от влияния демонических сил. Частичное обнажение в сочетании с демонстрацией ягодиц или половых органов в обрядах и фольклоре вызывает комический эффект, а в ситуации войны или ссоры оценивается как оскорбительное действие.

Отношение к Н. в народной культуре было в целом терпимым и далеким от пуризма. В XIX в. на Русском Севере мужчины мылись в общественных и частных банях вместе с женщинами. В Заонежье еще в начале XX в. девушки купались обнаженными после бани на глазах у всей деревни; местные мужчины никак на это не реагировали, но осуждали приезжих, которые, на их взгляд, воспринимали это неадекватно. Знахарь мыл накануне свадьбы невесту в бане, чтобы уберечь ее от порчи.

В сельскохозяйственной магии Н. наделяется продуцирующей символикой. В России мужчины сеяли лен и коноплю без штанов или в обнаженном виде; на Смоленщине голый мужик объезжал на лошади конопляное поле. В Сибири нагишом сеяли репу; после посадки капусты женщины обегали участок без юбок, с распущенными волосами. Белорусы Витебской губ. после посева льна катались нагими по земле, чтобы лен вырос долгим и волокнистым. В Заонежье перед началом жатвы, чтобы очистить поля, засоренные овсюгом, жницы выбирали девушку, которая трижды до восхода солнца раздетая обегала поля.

При соприкосновении с почвой, злаками, росой обнаженное тело вбирало в себя продуцирующую силу и, в свою очередь, передавало ее природе. В Заонежье девушки, чтобы стать привлекательнее, в ночь на Ивана Купалу катались обнаженными во ржи; выбирали для этого поля зажиточных хозяев, которые имели неженатых сыновей. В ту же ночь девушки умывались из трех лесных ключей: раздевались донага, молча подходили к источнику, умывались с мылом и обдавали все тело водой, а потом шли к следующему ключу. У болгар, чтобы избавиться от бесплодия, женщины катались нагишом по росе перед восходом солнца в Юрьев день; то же проделывали и девушки в надежде выйти замуж.

Н. встречается в профилактических и лечебных обрядах, связанных с деть-

ми. В Пермской губ. повитуха обходила без одежды вокруг бани с ребенком на руках, чтобы он не плакал ночью. В Архангельской обл. мать брала на руки больного ребенка и шла с ним голая вокруг бани; считалось, что виноват в болезни тот, кто первым ей встретится.

Демонстрация гениталий и переодевание призваны были подействовать на нечистую силу, отогнать или обмануть ее. В русском Поморье женщина во время сенокоса отгоняла лешего: подняв сарафан, она хлопала ладонью по телу, прикрикивая: «Н-н-а, леший! Ничего не получишь!» Если человек заблудился в лесу, то ему следовало раздеться догола, вывернуть наизнанку одежду и переодеть обувь с правой ноги на левую и наоборот.

Обнажение «срамных» частей тела характерно для святочных игр, молодежных развлечений и девичьих гаданий. На Русском Севере девушки отправлялись в полночь в баню и, завернув подол на голову, пятясь, входили в баню и приговаривали: «Мужик богатый, ударь по жопе рукой мохнатой!» Полагали, что если к телу прикоснется волосатая рука, то жених будет богатым, если — безволосая и жесткая, то он будет бедным и жестоким, а если — мягкая, то характер у него будет мягкий. У словенцев в купальскую ночь девушка, раздевшись донага, сметала мусор к дверям, а затем оборачивалась и смотрела на стол, надеясь увидеть там будущего мужа. У сербов, чтобы изготовить магические орудия миниатюрной формы, имеющие значение амулета или оберега, кузнец ковал их в полночь, молча и раздевшись догола.

У русских обнажение как форма ритуального поведения практиковалось в масленичных обрядах. Так, на Русском Севере, на Урале, в Сибири и в других местах в последний день масленицы при стечении народа один или несколько мужиков разыгрывали на улице (на морозе), «как Масленка парится в бане»: для этого они раздевались донага, брали веник, входили в «баржу» или «лодку» и там «парились» на потеху публике. Иногда та же сценка принимала форму пародийного очистительного обряда, которому подвергались все, кто принимал участие в масленичных бесчинствах.

Полное или частичное обнажение было одним из важнейших условий совершения эзотерических ритуалов и колдовских практик. В таком виде девицы и женщины совершали обряды **опахивания** (у русских, болгар и в других местах). В Заонежье при эпизоотии две вдовы нагишом, с черным котом и петухом в руках трижды обходили деревню, а потом закапывали их живыми у околицы. В Орловской губ., чтобы не было блох, в Чистый четверг девушка или молодая женщина до восхода солнца должна была без одежды вымести сор из избы и, положив его на заслонку от печи, вынести на середину дороги. В Болгарии мужчины нагими «изгоняли» из села змей или высекали «живой огонь» в обрядах вызывания дождя. У гуцулов музыкант, если хотел получить от нечистой силы умение хорошо играть, на Благовещение перед восходом солнца шел на перекресток, где раздевался догола и играл на скрипке, после чего ему не было равных в игре.

В колдовской практике обнажение сближается с другими формами антиповедения: распусканием волос, непристойными движениями, руганью и т.п. Ведьмы нагими собирали росу на Ивана Купалу, шли в чужой хлев, чтобы отобрать молоко у коров, делали в поле **заломы**, отправлялись на сборище или на шабаш и т.д. У южных славян в Юрьев день до восхода солнца ведьма нагишом объезжала чужие загоны со скотом, сидя верхом на вале ткацкого станка, чтобы отобрать молоко у чужих коров.

В обнаженном виде являются людям многие персонажи народной демонологии: русалка, полудница, банник с банницей, водяной, шутовка, шишига. В России банник принимал иногда образ голого старика, покрытого грязью и листьями от веника; обдериха пугала моющихся в бане, обернувшись голой девкой. В народных рассказах о посещении загробного мира и в лубочных картинках в обнаженном виде рисуются души умерших грешников. Частичная

или полная Н. характерна для русских юродивых.

Лит.: *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984. С. 116–119; *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 29, 31; *Логинов К.К.* Девичья обрядность русских Заонежья // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 66–67; *Логинов К.К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 22, 34, 96, 113; *Толстой Н.И.* «...выходила потаскуха в чем мать родила» // Живая старина. 1994. № 4. С. 6–7; Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995. С. 38, 294, 334; Кодови словенских култура: Делови тела. Београд, 1999. Год. 4; *Станоева И.* Тялото — голо и облечено // Български фолклор. София, 1994. № 2. С. 74–82.

Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков

НАСЕКÓМЫЕ — хтонические существа, воспринимаемые как нечисть (кроме **пчелы** и **божьей коровки**) и поэтому подвергаемые ритуальному изгнанию (см. **Гады**). Для Н. характерна символическая соотнесенность со скотом. В символике **муравьев**, блох, вшей, клопов, мух, пчел существенную роль играет признак множественности.

С гадами Н. роднит дьявольская природа (дьявол сотворил мух, ос, шершней, шмелей), ядовитость (бабочки, паука, медведки и др.), использование в обрядах вызывания дождя (вши, блохи, паука, медведки, муравьев). По украинскому поверью, мошки, комары, мухи завелись из пепла; согласно южнославянским легендам, блохи, мухи и комары произошли из искр от змеиного удара хвостом по углям, блохи — из горсти земли, из праха или пепла змеи, вши — из пыли, пепла, из крови змеи.

У всех славян распространены представления о Н. как образе **души**: в виде мухи, **бабочки**, муравья, жучка душа покидает тело человека во время сна, особенно ведьмы, в виде мухи или бабочки она вылетает из умирающего и посещает родной дом после смерти, светлячков воспринимают как души людей, с душами живых членов семьи отождествляют зимующих в доме мух.

Разнообразны ритуально-магические способы изведения Н. у восточных славян. Часто пойманного таракана хоронили, считая, что остальные пойдут за ним следом. Сажали его в лапоть или клали в «гробик» из репы или ореховой скорлупы и везли на ниточке на кладбище, там закапывали и ставили крестик. Иногда привязывали таракана ниткой за лапку и тащили на кладбище, когда туда везли покойника. По пути голосили: «Забери, голубчик, всех своих братиков, сестричек да мою хату мне очисть». Таракана бросали в могилу, когда в нее опускали покойника. Клопов спроваживали на «тот свет», подкладывая в гроб покойнику и приговаривая: «Куды гроб, туды клоп». Разыгрывали похороны блохи с мухой, посаженных в огурец: наряжались попом, кадили смолой, голосили, стучали в косы, изображая колокольный звон, всей деревней провожая «мертвецов» на кладбище. Закапывая блоху, причитали: «Попрыгунья блошка, подогни ножки, перестань скакать, пора ложиться' помирать».

В некоторых местах таракана всей семьей волокли из дома на нитке через плечо и погоняли хворостиной: «Нейдет, пойдет... Ухнем!» Тянули за ниточку через дорогу под пение свадебной песни о том, как везут невесту с богатым приданым в новый дом. В день св. Тимофея Прусского (10.VI) выволакивали на двор в лапте пару прусаков и секли лапоть с угрозой: «Убирайтесь, прусаки, не то побьют вас мужики!» Выносили на коромысле двух тараканов к реке, приговаривая: «Пошли, поехали, живые покойники», а затем бросали в воду. Иногда тараканов бросали вслед выгоняемому стаду, веря, что все тараканы уйдут за стадом в поле.

От Н. избавлялись также путем передачи или подбрасывания кому-либо. Незаметно приносили тараканов соседям, в сенях читали заговор: «Сорок тараканов, сорок первый таракан — вся стая их, идите к соседу такому-то, а в нашей избе чтобы не слышно, не видно — духу не было. Аминь, аминь, аминь». Клопов бро-

сали священнику в спину со словами: «Куда поп, туда и клоп», тайком клали ему в шапку или под седло лошади, говоря: «Попы, попы, возьмите наши клопы».

В заговенье Рождественского поста одна женщина обегала вокруг дома верхом на кочерге и стучала в дверь, а другая выходила к ней верхом на помеле. Первая спрашивала: «Чем заговелись?» — «Хлебом-солью». — «А клопы чем заговелись?» — «Клоп клопа съел». На Новый год открывали настежь дверь и выгоняли из хаты тараканов старым веником: просили их идти поколядовать к соседям. Сверчков отсылали «к месяцу на свадьбу», разъезжая по хате верхом на клюке с распущенными волосами. Мух изгоняли по окончании жатвы, высылая на небеса за снегом: «Черные мухи из хаты, белые в хату».

От тараканов избавлялись лишь «бескровным» способом. Бить и давить их, особенно черных, считалось грехом, поскольку черные тараканы в доме предвещают богатство и счастье. Их даже приносили с собой при переезде в новый дом и прикармливали по большим праздникам, т.к. верили, что благодаря черным тараканам лучше будет вестись скот. Когда тараканы покидали дом сами, считали это предвестьем пожара или смерти кого-нибудь из домашних. Роль домашнего покровителя приписывалась и другим Н. В Полесье верят, что паук приносит в дом богатство и благополучие, называют его «хозяином». У поляков запрещалось убивать пауков в хлеву, иначе скот будет сохнуть. По поверьям чехов, поляков, украинцев, присутствие в доме стрекочущего сверчка сулит счастье и деньги. Хорошей приметой считали также появление в доме муравьев.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 416–526; *Терновская О.А.* К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми. Одна система ритуалов изведения домашних насекомых // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 139–159; *Терновская О.А.* Ведовство у славян. II. Бзык (мухи в голове) // Славянский и балканский фольклор. М., 1984. С. 118–130.

А.В. Гура

НАЧА́ЛО — в народных представлениях момент или фаза, магически предопределяющая дальнейший ход и завершение всего события, процесса, состояния и т.п.

По поверьям, судьба человека зависит от времени его рождения: если ребенок родился в несчастливые (*поганые, некрещеные* и т.п.) дни или периоды года, то он будет несчастлив, долго не проживет, станет колдуном и т.п.; несчастливым младенец будет, если он появился в полдень или в полночь (чеш., словац.).

Удача или неуспех в делах связаны с временем их Н. (с фазами месяца, «хорошими» и «плохими» днями). У восточных славян сев и строительство нового дома следовало начинать в новолуние; запрещалось начинать новую буханку хлеба после солнечного заката (в.-слав.); выпадение дождя при начале любого дела почитали за знак успеха и удачи и др.

Временны́е границы праздников и праздничных периодов оформляются специальными обрядами встреч и проводов, маркируются ритуальными действиями (ср., например, печением специальных хлебцев-«жаворонков» для встречи весны). Особенно ярко магия Н. проявляется в обрядности праздников, считающихся началом Нового года. В эти дни старались не ссориться, не плакать, получше наесться, покормить скот, чтобы благополучным и сытым был весь год; высказывали вслух пожелания, которые, как надеялись, должны исполниться в текущем году; особое внимание уделяли первому посетителю на Рождество, который должен был быть здоровым, молодым и удачливым парнем, чтобы эти качества он перенес на посещаемый дом (см. **Полазник**); у сербов Воеводины в Сочельник ни один из хлебов не должен остаться неначатым; у мораван хлеб, испеченный специально для девушек, должен быть «начат» (разрезан) на Новый год обязательно парнем, чтобы девушки вышли замуж, и др.

Свадьба как обряд Н. новой жизни молодоженов имеет множество элементов магии Н. Ряд работ невесты, которые она должна выполнить в первый раз в доме мужа (доение коровы, замешивание

теста, подметание дома и т.п.), имели обрядовый характер, и им придавалось большое значение для будущей жизни супругов.

Рождение ребенка также было строго ритуализовано. Стараясь «обеспечить» ему счастливую жизнь, ребенка клали на овчину, чтобы он был богатым, посыпали солью, купали в травах, чтобы он был здоровым, поднимали к потолку, чтобы он рос большим, обрезали пуповину на орудиях труда, чтобы он был трудолюбивым, и др. Инициальные обряды, маркирующие вступление парней и девушек в другие социовозрастные группы, имели по большей части испытательный характер: проверялось, годны ли физически, достойны ли морально они вступить в новое общество.

Не менее отчетливо отмечается Н. различных крестьянских работ: пахоты, сева, косьбы, жатвы, первого выгона скота на пастбище, первого доения молока; женских домашних работ: прядения, тканья; и ряда др.: строительства дома, рытья колодца. Первостепенное значение в них придается тому, кто начинает работу, особенно если он это делает первым в селе. От него требовалась удачливость, богатство, «легкая» рука, он не должен быть сиротой. В день Н. работы он должен быть в чистой одежде, сытым (или, наоборот, работать натощак), внутренне чистым, т.е. помолиться, обратиться к Богу. Кроме того, он должен выполнить ряд магических действий, обеспечивающих удачу (например, закопать в борозду яйцо, воткнуть на поле освященные ветки вербы, при первом выгоне скота погладить корову яйцом, подложить ей под ноги магические предметы, окурить травами и т.п.). Важность Н. работ подчеркивается существованием их ритуального начинания, когда работа исполняется лишь символически. Так, обрядовая запашка может совершаться не на поле, а в селе, и не пахарем, а ряжеными, не в положенное время, а зимой, часто в праздничный день, когда собственно работа запрещена.

Во всех ситуациях Н. активно использовались **гадания** и предсказания будущего.

Н. действий обозначается словами с приставкой *за-*; ср. термины: *заговены, запашка, заигрыши*, укр. *запасуют (скот), загорувати* и др.

Лит.: *Бондарь Н.И.* Магия начала (Некоторые аспекты традиционных верований славянского населения Кубани) // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 2; *Валенцова М.М.* Семантика *начала* и *конца* в календарной обрядности чехов и словаков // Там же. С. 64–82.

М.М. Валенцова

НЕ́БО — часть мироздания, «верхний» мир, созданный Богом. Чаще всего представляется выпуклой крышкой, колпаком, крышей или потолком, накрывающим землю; сначала Бог сотворил слишком широкую землю, которую Н. не могло покрыть, тогда пришлось землю «сжать», отчего на ней образовались горы и овраги. Н. низко нависало над землей, и до него можно было достать рукой, люди задевали его головой, но оно поднялось высоко после того, как баба, сажавшая хлеб в печь, ударила его лопатой, косец проткнул вилами, пахарь — палкой, которой погонял волов (южные славяне).

По одним представлениям, Н. подобно шкуре быка или вола, натянутой над землей; ср. загадки о Н.: «Распростер кожу буйволиную, насыпал гороху и пустил голубя его стеречь» (Болгария), «Палажу кажух, пасыплю гарох, палажу бохан хлеба» (Белоруссия). Близко к этому представление о Н. как полотне, свитке пергамента и т.п., ср. сербскую загадку: «Один рулон полотна всю землю покрывает», а также фреску из монастыря Студеница, на которой два ангела разворачивают Н. — свиток пергамента. По другим верованиям, соответствующим библейскому мотиву «тверди небесной», Н. — это твердая корка в семь слоев или складок, это глиняная миска, поднос, крышка из стекла, земли, металла и т.п.; оно подобно медному току или гумну. К внутренней части небесного свода прикреплены, как лампады, звезды и луна, которые движутся по своим путям.

Мотив каменного Н. отражен в сербских песнях («Ясное небо проломилось,

и упали холодные камни»), в украинских колядках («З синього камінця синєє небо»), в русском рязанском выражении *каменное небо* — о безоблачном Н., а также в широко распространенном поверье о том, что Н. раскалывается, разламывается во время грозы, что в особенно важные дни христианского календаря, прежде всего на Богоявление и в день Иоанна Крестителя, Н. отворяется. По сербским верованьям, Н. — это крышка из камня, и Бог восседает там на каменном престоле.

У украинцев отмечено представление о двух небесах: видимом Н., приближенном к земле и состоящем из голубой облачной материи, и невидимом «верхнем», «горнем» твердом Н., сияющем пронзительным светом, подобно огню, и иногда раскрывающемся при грозе. Поляки считали Н. вращающимся шаром, который висит в воздухе или стоит, опираясь на гвоздь, столб, ось.

К древним книжным источникам и апокрифическим текстам восходят представления о семи небесах, широко известные у славян. На «горнем» Н. находится Божий престол, там обитают ангелы, святые, души праведных; оттуда Бог и вся его «сила небесная» наблюдают за земной жизнью и деяниями людей через солнце — Божье око (Босния) или же по отражению в Н.-зеркале (Болгария). На нижних небесных этажах помещаются грешные души.

Небесный мир в народной космологии представляется либо как изоморфный (подобный) земному, либо как зеркальный по отношению к нему. Н. взаимодействует, сообщается с подземным, «нижним» миром (души предков, водная стихия). Отсюда большое значение небесных явлений и знамений (предвещающих плодородие, урожай или войны, мор, болезни) для жизни людей. Земные события могут не только быть аналогом событий небесных, но и дублироваться на Н. (или наоборот). С рождением человека появляется на небе его двойник — загорается его звезда, со смертью человека она падает и исчезает. Движение звезд и планет славяне (и другие народы Евразии) объясняли вращением их вокруг небесного столба (жерди, палки, кола), веретена или гвоздя, которые ассоциировались с Полярной звездой. При этом «ось неба» соотносили с «пупом земли», из которого, по некоторым легендам, произрастало и высилось до небес **мировое дерево** (райское дерево).

Н. часто отождествляется с **раем** или же представляется как место, где находятся рай и **ад** или только рай. По польским поверьям, Н. подобно дому, в котором есть двери (ворота), окна на все стороны света и даже форточка. Ключами от Н.-рая владеют Архангел Гавриил и Петр и Павел. На Н. помещаются также дождь, град, ветер и т.п.

Путь в Н. крут и тернист. Там, где Н. сходится с землей, расположены золотые палаты Солнца, там же живут самодивы, змеи, болезни (Болгария).

Н. воплощает высшую религиозную ценность и приравнивается к Богу, наделяется божественной чистотой и сакральностью и противопоставляется грешному земному миру людей. На Н. царит вечная радость и красота, веселье, пение, любовь, весна и т.д.

Антропоморфизм представлений о Н. проявляется в приписываемых ему способностях радоваться, сердиться, плакать, помогать людям, вознаграждать их, карать и т.п. В славянской мифологии известен мотив священного брака Н. и земли (ср. в сербской загадке о Н. и земле «Высокий папаша, плоская мамаша...»).

Н.И. и С.М. Толстые

НЕВЕ́СТА — один из центральных персонажей свадебного обряда наряду с **женихом.**

В ходе обряда поэтапно меняются социально-возрастное положение и родственные отношения Н. Процесс обрядового «перехода» для Н. более актуален, чем для жениха, она более уязвима для злых сил, ей в отличие от жениха приходится переходить на чужую сторону, в новую семью. Поэтому большинство оберегов, вступающих в силу после сватовства, касается именно Н., а обрядность, связанная с ней, разнообразнее, чем у жениха. Н. нередко начинали именовать девушку уже по достижении

брачного возраста. Отличительные атрибуты ее до вступления в брак — различные кольцеобразные девичьи головные уборы, оставляющие открытой макушку, в том числе **венок**.

На сватовстве Н. выражала свое согласие на брак с помощью условных знаков: выходила из укрытия и садилась за стол (у русских), мела пол от порога, соскакивала с лавки на расстеленную верхнюю одежду свата (у белорусов), колупала печь (у украинцев, поляков), соглашалась выпить (у словаков), брала деньги от свата (у черногорцев) и т.д. В некоторых местах, особенно у русских, после сватовства устраивались смотрины Н., на которых ее заставляли показаться в разных нарядах, пройтись, помериться ростом с женихом, обслужить гостей. Предбрачный сговор сторон завершался обручением, или помолвкой, после чего Н. называли «сговоренкой», «княгиней» и т.п.

Обряды кануна свадьбы знаменуют для Н. разрыв с прошлым: Н. прощалась с подругами и родным домом, оплакивала девичью жизнь. У русских, у чехов плач считался обязательным для Н. (для этого ей кое-где даже натирали глаза луком): иначе ей придется плакать всю замужнюю жизнь. У русских Н. оплакивала свою косу, кра́соту, «волю», девичий наряд; у белорусов давала подругам примерить свой венок, танцевала с каждой перед отъездом к жениху; у украинцев раздавала им ленты на память; у поляков прощалась с хлебом, целуя его. У македонцев в целях оберега Н. подруги неотлучно находились у Н., ночевали вместе с ней перед свадьбой. У русских и у южных славян устраивалось ритуальное мытье Н. с магическими действиями и оберегами. К кануну свадьбы у восточных славян, поляков, мораван, болгар, македонцев приурочивалось расплетение косы Н. (иногда вслед за тем заплетание ее по-девичьи или по-женски), представляющее собой начальную фазу перемены невесте прически и головного убора.

Ослабление социальных связей Н. до окончательного оформления брака сближает этот переходный период со смертью, что проявляется в символических «похоронах» Н. при угощении **близнами**, в изоляции Н. — в запрете прикасаться к ней, ее молчании, отдельном угощении, бездвижности (Н. по пути к венчанию лежит, как сноп), отделении от внешнего мира (закрывание лица Н. покрывалом). Сакральность Н. в этот период обнаруживается в ее сверхъестественных способностях: по поверьям южных славян, Н. могла сглазить окружающих в момент снятия с лица покрывала, вызвать засуху, если ее не напоить по дороге к венчанию, обладала даром прорицания (предсказывала больному срок излечения). Белорусы воспринимали Н. как «нечистого человека»; в белорусских и украинских свадебных песнях люди в церкви и ее мать не узнают обвенчанную Н., матери жениха сообщают, что ей привезли невестку, как зверя, черта с болота, волчицу из темного леса («на народ як глянець, дык народ аж вянець»), а при выведении Н. после брачной ночи поют, что ведут тура. Мотив неузнавания Н. в ее новом качестве согласуется с происхождением самого слова «невеста», первоначальное значение которого было «неизвестная». После венчания Н. переставала плакать и именовалась уже не «княгиней», а «молодицей», «молодухой» и т.п. С выкупом косы Н. стороной жениха власть над Н. переходила к жениху. Заплетение двух кос и надевание женского головного убора, полностью закрывающего волосы (повойника, чепца и т.п.), означало переход Н. в группу женщин. Ритуальные действия при вступлении Н. в дом жениха знаменовали приобщение ее к новому домашнему очагу. Например, у поляков Н. входила в дом жениха с хлебом или зажженной свечой, принесенными из родного дома, целовала порог, кланялась печи, разводила огонь, обходила вокруг стола, садилась на хлебную **дежу**, кормила скот. Лишение Н. невинности в первую брачную ночь расценивалось в некоторых традициях как опасное для Н., в других — как обязательное, поэтому в случае импотенции жениха Н. призывала старшего «боярина» (у украинцев) или дефлорацию совершала специальная женщина (у болгар). Нередко жениха в эту ночь заменял его дружка, музыкант, старший брат, отец, крестный, дядя

и т.п. На Украине, в Болгарии, Македонии большое значение придавалось целомудрию Н. и его публичному засвидетельствованию (осмотр постели, сорочки). «Нечестную» Н. подвергали ритуальному наказанию, считали ее причиной бед в семье и в селе (мора скота, засухи).

В конце свадьбы повсеместно происходил обряд мытья или умывания Н. после брачной ночи. Очистительный характер имело также первое после свадьбы посещение Н. церкви. Для проверки хозяйственных способностей Н. заставляли идти по воду, топить печь, мести дом, прясть, печь хлеб, доить корову и т.п. Во взаимных визитах в конце свадьбы и в последующие праздники (на масленицу, в Великий пост, на Пасху, в Петров день) устанавливались новые семейно-родственные отношения Н. У болгар родители и родственники жениха «прощали» Н., которая целовала им руку и кланялась, после чего с нее снимался запрет разговаривать с ними, и она называла их ласковыми прозвищами. На пирушке для замужних женщин Н. просила принять ее в свою компанию. Невесте присваивались новые наименования, действующие в первый год брака («вьюница», «молодуха», «молодица» и т.п.).

Лит.: Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988.

А.В. Гура

НЕСТИНА́РСТВО — обрядовый комплекс, кульминационным моментом которого является танец на горящих углях. Известен только на юго-востоке Болгарии в нескольких причерноморских селах Странджи и в северной Греции, где живут болгарские переселенцы.

Танцуют на углях, как правило, пожилые женщины, реже мужчины. Дар Н. передается по наследству.

В день свв. Константина и Елены совершается обход святых мест (целебных источников, оброчных деревьев) и сельских домов процессией нестинаров, несущей иконы святых на длинных древках, украшенные монетами и «одетые» в ризы, к которым пришиты вотивы с просьбами об исцелении людей и животных. Обязательным ритуалом является жертвоприношение (**курбан**) у источника, церкви или векового дерева, за которым следует общесельская трапеза, где каждой семье дается часть курбана (мясо и хлеб с солярной символикой) для здоровья и плодородия.

После захода солнца (или в полночь) на сельской площади нестинары совершают обрядовые танцы босиком на углях с иконой в руках, во время которых св. Константин «вселяется» в них, благодаря чему они обретают способность пророчествовать. Согласно преданию, нестинары — это воины св. Константина, спасшие иконы от пожара, борцы за веру и добро.

Е.С. Узенёва

НЕЧИ́СТАЯ СИ́ЛА, н е́ ч и с т ь — общее название для всех низших демонологических существ и духов, синонимичное таким названиям, как *злые духи, черти, дьяволы, бесы* и т.д. Народные представления о Н. с. отчетливо отражают дуализм божественного и бесовского начала, которому подчинились и дохристианские верования о природных духах. Общим для всех персонажей низшей мифологии является их принадлежность к «отрицательному», «нечистому», «нездешнему», потустороннему миру (иногда более четко — к **аду**, преисподней) и связанная с этим противопоставленность положительному, здешнему миру; их злокозненность по отношению к людям (при наличии персонажей амбивалентного характера).

По народным верованиям, восходящим к книжной, апокрифической традиции (прежде всего легенды о сотворении мира), Н. с. создана самим Богом (из его отражения в воде, из плевка, из ангелов-отступников или согрешивших ангелов, изгнанных Богом с неба на землю и в преисподнюю) или Сатаной, создавшим в противоборстве с Богом свою армию нечисти. Ср. у русских такие народные названия Н. с., как *ангел с рожками, антихрист, бог с рогами, сатана, еретик* и т.п. Менее связаны с книжной традицией поверья о том, что разного рода демонологические существа по-

являются из некрещеных детей, самоубийц, детей, проклятых родителями, людей, похищенных Н. с. (лешим, водяным, русалками и т.д.), детей, рожденных от сношения с Н. с. Широко распространено у славян верование, что Н. с. (дьявол, черт) может вылупиться из петушиного яйца, носимого под мышкой слева (ср. **Дух обогатитель**). Н. с. вездесуща, однако ее собственным пространством являются лишь «нечистые места»: пустоши, дебри, чащобы, трясины, непроходимые болота; **перекрестки**, росстани дорог; мосты, **границы** сел, полей; пещеры, ямы, все виды водоемов, особенно водовороты, омуты; **колодцы**, сосуды с водой; нечистые деревья — сухая **верба**, орех, **груша** и др.; подполья и чердаки, место за и под печью; баня, овины, хлев и т.д. Место обитания — один из главных признаков номинации Н. с.: *леший, боровой, лозатый, моховик, полевик, луговик, межник, водяной, омутник, вировник, болотник, зыбочник, веретник, травник, стоговой, дворовой, домовой, овинник, банник, амбарник, гуменник, хлебник, запечник, подпольник, голбешник* и т.д.

Н. с. имеет наибольшие возможности действия и наиболее опасна для людей в «нечистое» время года и суток: в так называемые некрещеные, или поганые, дни рождественских **святок**, в ночь на Ивана Купалу и т.п., в полночь (глухую ночь) и полдень, после захода и до восхода солнца; в определенные нечистые периоды жизненного цикла — от рождения до крещения, от родов до «ввода» в церковь и т.п. Ср. названия *полудница, ночницы, святочницы* и т.п. Для отдельных персонажей существуют свои особые периоды: для **русалок** — русальная (троицкая) неделя, для **шуликунов** — рождественские святки и т.д.

Для внешнего облика Н. с. характерна расплывчатость, многоликость, неопределенность и изменчивость, способность к перевоплощениям. Так, для лешего характерна резкая изменчивость роста (то выше леса, то ниже травы), для русалки — устойчивый женский (реже детский) облик, для домового — антропоморфность или зооморфность и т.д. Наиболее распространен антропоморфный облик Н. с. (в виде старика, старухи, женщины, девушки, мужчины, парня, ребенка), однако с постоянно выраженным некоторым аномальным для человека (звериным) признаком; чаще всего это остроголовость, рогатость, хвостатость, хромота (беспятость), звериные ноги, когти, отвисшие груди, отсутствие спины, бескостность, большеголовость, волосатость, косматость, черный цвет шерсти и т.д. Антропоморфная Н. с. отличается либо наготой, либо черной или белой одеждой с некоторыми характерными деталями: остроконечной шапкой, солдатским мундиром с яркими пуговицами и др. Нередко Н. с. принимает и зооморфный облик, как правило, небольших животных: ласки, белки, зайца, кошки, собаки, свиньи, мыши, лягушки, змеи, рыбы (чаще щуки), сороки и др. Н. с. может появляться в виде неодушевленных предметов и явлений: катящегося клубка, вороха сена, камней; огненного, водяного или пыльного столба, колеса, вихря и т.п. Кроме антропоморфного, зооморфного и предметного воплощения, Н. с. может представляться бесплотной.

К внешним признакам Н. с. относятся также характерные аномальные (для человека) проявления: сиплый, громкий голос, шум, треск, гул, вой; скорость перемещения, стремительные вращательные движения, быстрые смены облика. Для отдельных персонажей характерны свои специфические формы поведения и образа жизни: черти пируют, пьют вино, играют в карты, женятся и устраивают свадьбы; русалки танцуют, поют, раскачиваются на деревьях, расчесывают волосы и т.д.; леший пасет волков, плетет лапти, у него есть маленькие дети; домовой ухаживает за скотиной, предсказывает смерть и т.п.

Отношение Н. с. к людям неоднозначно: наряду с злокозненными демонами, коих большинство, есть и демоны, которые могут делать добро, и даже доброхоты (например, леший может сообщить сверхзнание, научить знахарству; домовой может возлюбить скотину и ухаживать за ней и т.п.), но в целом люди относятся к Н. с. со страхом. Даже упоминание Н. с. считается опасным, при

необходимости назвать какого-нибудь демона плюют, крестятся, пользуются эвфемизмами (задабривающими или указательными названиями): *тот, он, не наш, нежить, красавец, соседушко, хозяин, царь, господин, князь* и т.п.; широко употребительны названия по родству и социальным отношениям: *баба, матерь, дед, дядя, сестрица, подруга, помощники, сотрудники, гость* и т.д. Злокозненность Н. с. по отношению к человеку проявляется в самых разных видах. Наиболее типичные действия: демоны пугают людей звуком (стуком, гулом, воем, треском), прикосновением (мохнатой лапы), давят во сне, душат человека, насылают бессонницу, щекочут до смерти; «водят» людей, сбивают их с пути, увлекая в чащобу или топь; учиняют беспорядок: переворачивают предметы, сдвигают их с места; навлекают на людей болезни (особенно душевные); искушают людей, смущают соблазнами, толкают на грех, побуждают к самоубийству, соблазняют женщин, похищают и обменивают детей, мучают скотину, отнимают молоко и т.д. Многие из этих действий являются специфическими функциями отдельных персонажей: **леший** «водит», сбивает с пути людей и скотину, **домовой** пугает стуком, прикосновением, **русалка** щекочет, упырь соблазняет женщин, **богинки** крадут и подменивают детей и т.д., что нередко отражается и в именах: *гнетюк, жмара, лизун, ломея, обдериха, водило, лоскотуха, щекотун, игрец, смутитель, костолом, кожедер, обмениха, летавец, икотница, лиходей, баловница, ведун, облакогонитель, опрокидень, перевертух, перекидчик, крапуша, шепотник, обертень* и т.д. Наименее специализированным (наиболее обобщенным) персонажем низшей мифологии у славян является **черт**, выступающий нередко как видовое понятие по отношению к остальным персонажам. При этом, однако, черт всегда воплощение злого начала.

Страх перед кознями Н. с. заставляет людей прежде всего избегать нечистых мест и нечистого времени: не купаться в реке до и после определенного времени, не ходить в лес и в поле в Русальную неделю, не выходить из дома в полночь, остерегаться святок и т.п.; не оставлять открытой посуду с водой и едой, закрывать колыбель, заслонять в нужное время печь, окна, трубу, завешивать зеркало и т.п., а также совершать специальные действия-**обереги**: чтение молитвы, «заминивание» Н. с., очерчивание **круга** и т.п. Н. с. боится крестного знамения, четных чисел, пения петуха и др. Для отпугивания Н. с. может применяться также эффект **чуда**, т.е. рассказ о какой-нибудь чудесной истории. Применяются также растения-обереги, особенно **мак**, полынь, **крапива** и др., железные колющие и режущие предметы и т.д. Вместе с тем люди иногда сознательно вступают в союз с Н. с., например, совершают **гадания**, для чего снимают с себя крест, идут на перекресток дорог, в баню или другие нечистые места; лечат с помощью заговоров, насылают порчу и т.п. Промежуточное положение между миром Н. с. и миром людей занимают лица, знающиеся с Н. с., «продавшие душу черту», — ведьмы, колдуны, знахари и пр.

В славянском фольклоре сюжеты и мотивы, связанные с Н. с., представлены прежде всего в быличках, бывальщинах, сказках и легендах книжного, апокрифического происхождения.

Лит.: *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1903 (переиздания — 1991, 1993); *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995; *Власова М.* Русские суеверия. СПб., 1998.

С.М. Толстая

НИКОЛА́Й — один из наиболее почитаемых у славян христианских святых (дни памяти — 9/22.V и 6/19.XII). В восточнославянской традиции культ Николы по значимости приближается к почитанию самого Бога (Христа). По народным верованиям, Никола — «старший» среди святых, входит в св. Троицу и даже может сменить на престоле Бога. У восточных и западных славян образ св. Николая по своим функциям («начальник» рая — владеет ключами от неба;

перевозит души на «тот свет»; покровительствует ратникам) может контаминироваться с образом св. Михаила.

В народных легендах и духовных стихах, отчасти сложившихся под влиянием канонического жития святого, Николай — покровитель моряков и рыбаков (спасает корабль во время бури; ср. обычай рыбаков первый улов жертвовать св. Николаю), защитник обездоленных (тайно подбрасывает деньги в дом бедного человека, опекает вдов и сирот), «скорый помощник» (помогает вытащить из болота крестьянский воз, сохраняет посевы от града и скот от хищных зверей). За постоянную и бескорыстную помощь людям (ср. «Николай чудотворец», «Никола угодник», «Никола добрый») Николе назначены два праздника в год. Св. Николая считают своим покровителем торговцы, охотники, мельники, овчары.

В день Николы Вешнего первый раз выводили коней на выпас — «Пришел Николай — коней выпасай» (рус., укр.), начинали стричь овец, сеять гречиху и купаться (укр.). В Болгарии ко дню св. Николая (з.-болг. «Сухой св. Никола», «Летняя Никола») приурочивались обряды вызывания дождя, см. **Додола**. Соблюдался также обычай колоть **курбан**: кровью жертвенного животного окропляли посевы, оброчные приношения, стены церкви.

На Руси день Николы Зимнего традиционно отмечали коллективной трапезой («никольщина»), для которой специально варилось пиво. В украинской колядке это пивоварение представляется одним из сакральных обычаев, нарушение которых влечет за собой разрушение миропорядка: «Чому так нема, як було давно, / Як було давно, а з первовіку: / Святим Миколам пива не варять...» На Украине «никольщину» справляли также в день Николы Вешнего. В Болгарии зимний праздник в честь св. Николая назывался «Рыбный св. Никола» (обязательным угощением в этот день был карп, который, согласно легенде, является «слугой» св. Николая), «Мокрый св. Никола». Кость из головы карпа, имеющая форму креста, использовалась как оберег детей от сглаза. У православных южных славян св. Николай почитался как родовой и семейный патрон (см. **«Слава»**), как покровитель девушек на выданье (обычай жертвовать цветы и дары к иконе св. Николая).

В русских заговорах св. Николай защищает от колдунов, порчи, болезней, оружия, огненного змея, летающего к девице; исцеляет людей и скот. В сербских заговорах «св. Никола, св. Еврем и св. Йован» едут на белом коне, прогоняя и унося болезни.

Основные функции св. Николая (покровитель скота и диких зверей, земледелия, пчеловодства, связь с загробным миром), противопоставление Николая как «милостивого» святого «грозному» св. Илье в фольклорных легендах свидетельствуют о сохранении в народном почитании св. Николая следов культа языческого божества (Волоса).

Лит.: *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского.) М., 1982.

О.В. Белова

НИ́ЩИЙ — лицо, ущербное в социальном отношении, осмысляемое как посредник между этим и «тем светом», как представитель и заместитель сакральных сил на земле (ср. **Сирота**). У восточных славян Н. часто были лирниками и певцами духовных стихов (см. **Музыкант**) и объединялись в особые сообщества, имевшие своих старейшин, тайный язык и т.п.

Отсутствие у Н. собственного дома и хозяйства, постоянное пребывание в дороге (см. **Путь**), одиночество и отсутствие семьи (см. **Безбрачие**) делают его лицом вне социума. С этой точки зрения Н. мыслится как человек обездоленный, убогий, несчастный, поэтому в некоторых ритуально значимых ситуациях встречи с Н. старались избегать, чтобы его ущербность не перешла на окружающих. В частности, при возвращении от венца встреча с Н. предвещала молодоженам бедную жизнь.

Отношение к Н. в народе было терпимым и участливым, поскольку счита-

лось, что нищенство как жизненная доля может достаться любому человеку (ср. русскую пословицу «От тюрьмы да от сумы не зарекайся»); с христианской точки зрения нищенство рассматривалось как форма праведной жизни, поскольку освобождало человека от собственности, приучало к аскетизму и смирению гордыни, что в некоторой степени сближало Н. с монахом. В духовном стихе «О нищей братии» подчеркивается, что право нищенствовать заповедал сам Христос, оставив нищей братии «Христово имя» (т.е. право просить «Христа ради»). Согласно легендам, Христос и многие святые часто представали перед людьми в образе Н., чтобы испытать их нравственные качества.

Необходимость подаяния Н. как богоугодное дело подчеркивалась церковью. В народе считалось, что раздаваемая Н. милостыня снимает с человека грехи и облегчает посмертную участь. Широко известны многочисленные притчи и легенды о грешнике, который получил за гробом прощение, потому что при жизни щедро подавал Н.; о грешнице, которая была спасена от адских мук за луковку, которую она подала Н. Напротив, отказ Н. в милостыне и крове грозил возмездием свыше. Например, девушка, которая спряталась, чтобы не подавать Н., превратилась в кукушку.

Поскольку Н. рассматривался как посредник между этим и «тем светом», то подаваемая ему милостыня символизировала долю, выделяемую Богу и умершим предкам. Считалось, что души умерших питаются той едой и одеваются в ту одежду, которую при жизни подали Н. и которую раздают за их поминовение живые родственники. Поэтому после похорон одежду покойного, полотенце, которым покрывали гроб и остатки еды с поминального стола раздавали Н., а также подавали милостыню едой и деньгами в другие поминальные дни. Иногда предписывалось отдать Н. первый плод от нового урожая, чтобы благополучно сохранить остальное. К примеру, в Польше Н. отдавали первое яйцо, снесенное курицей, чтобы ее не тронул ястреб. Вещам, принадлежащим Н., приписывались магические свойства. Например, целебными считались хлеб и крошки из сумки Н.: их давали ребенку, долго не начинавшему говорить.

«Пограничный» статус Н., его постоянное пребывание «в миру» наделяли его особым всеведением. В одной из быличек Н., остановившийся на ночлег в доме роженицы, узнает от ангелов судьбу родившегося ребенка и рассказывает об этом матери. В другой быличке Н., заночевав в лесной избушке, подслушал жалобы проклятого матерью парня, вынужденного жить вместе с нечистой силой. Придя затем к родителям парня, Н. рассказывает им об услышанном и помогает его спасти.

Лит.: *Прыжов И.Г.* Нищие на Святой Руси // 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. СПб.; М., 1996. С. 105–154.

Е.Е. Левкиевская

НÓВЫЙ ГОД — см. **Святки**.

НÓГИ — одна из самых мифологизированных частей человеческого тела. Н. связаны с хтоническим началом, поскольку более других частей тела приближены к земле и с ней соприкасаются.

Известен запрет ходить босиком по земле до **Благовещения** (основной календарной границы года). Контакт с землей в период, когда здесь царствуют хтонические силы, когда она находится в состоянии зимнего сна, считался опасным. В России верили, что прилетающие весной жаворонки клевали детям ноги и руки, отчего у последних появлялись *цыпки*, кожа на ногах трескалась и краснела. По-видимому, это можно рассматривать как наказание, адресованное тем, кто нарушает запрет и раньше положенного срока осмеливается обнажить Н. и коснуться земли.

Вместе с тем именно через Н. (особенно босые) в землю отправляли (передавали) все то, от чего стремились избавиться. У болгар, например, когда на свадьбе выяснялось, что невеста оказалась «нечестной», свекровь танцевала босиком прямо по земле, чтобы все плохое ушло в землю и не сказалось ни на

людях, ни на хозяйстве. Мотивы Н., которые, соприкасаясь с землей, «принимают на себя» всю исходящую от земли опасность, заметны в заговорах (в основном от болезней скота). В них может описываться, как болезнь входит в животное через Н.: «Ішлі пералогі [болезнь скота] па шырокай дарогі да каню ў ногі, а з ног у морду, а з морды в ноздры и т.д.», а также и обратный процесс — то, как болезнь покидает тело животного через ноги и уходит прочь: «Пайшла та кроў у рогі, а з рог в ногі да ўпала і прапала».

Семантика Н. актуализируется и в поминальных ритуалах. Ср. хотя бы соблюдаемую до сих пор практику хоронить умерших в обуви (по преимуществу новой) — для того, чтобы они могли преодолеть трудный и долгий путь из этого мира в «тот мир»; обычай выносить покойника из дома вперед ногами (чтобы он ушел окончательно и не возвращался, чтобы не увел за собой других); сказочные мотивы железной обуви, которую герой или героиня, отправляющиеся в «тридевятое царство», просили для них сковать; популярные в мифологических рассказах мотивы следов, оставленных предками в поминальные дни на предварительно рассыпанном на полу пепле или песке. С другой стороны, «ходячего» покойника или вампира лишают возможности «ходить» и вредить живым, «отбирая» у него именно способность к хождению: протыкают пятку иглой, подрезают жилы под коленями и др. Аналогичным образом интерпретируются археологами и обожженные нижние части скелетов, найденных в древнерусских погребениях начала XI в.

Через мотивы, связанные с Н., в славянских верованиях реализуется оппозиция человек — нечеловек. Одним из проявлений хтонического начала у мифологических персонажей является характерная хромота, одноногость или безногость, особая походка, неспособность ходить и нетипичные для человека способы передвижения: укажем хотя бы на Бабу-ягу, лежащую на печи или летающую в ступе, или на зооморфность конечностей у некоторых персонажей, например, на копыта черта.

Причастность Н. к нижнему, хтоническому миру объясняет поверье, согласно которому, когда человек лежит на смертном одре, в головах у него находятся ангелы, а в ногах — черт; практикуемое в черной магии обыкновение совершать крестное знамение, водя ногой по земле, а также восточнославянский запрет качать ногой, закинув ногу на ногу, поскольку в этом случае человек якобы «колышет», «качает» или «тешит» черта. Показательно, что проникновение в «антимир», населенный демонами, равно как и выход из него, осуществляются прежде всего с помощью Н. Чтобы увидеть домового, надо было, стоя на ступеньке сарая или заброшенной избы, посмотреть во двор назад, вниз, через собственные расставленные Н. Чтобы избавиться от козней лешего и найти дорогу домой заблудившемуся человеку надо было посмотреть назад через расставленные Н.

Тема ущербности ног (конечностей) — предков, мифологических персонажей и хтонических животных — заставляет обратить внимание и на новорожденных, не так давно появившихся в этом мире и еще не совсем к нему адаптированных, что, с мифологической точки зрения, выражается, между прочим, и в неспособности к хождению. Процесс воспитания и «взращивания» ребенка описывается в языке выражением *поставить/ставить на ноги*, ср. также в русском заговоре, читаемом над новорожденным: «Ножки, ходите, свое тело носите». Периферийность новорожденного, его близость к пограничью миров и — как следствие — к хтоническому началу заметна в обычае помещать ребенка если не в колыбели, то в ногах у матери.

Огромное значение придавалось Н. в системе обычаев и запретов, связанных с ребенком и его первыми шагами. У южных славян беременной не рекомендовалось есть ножки домашних животных, чтобы у ребенка при ходьбе не трещали суставы, а также сидеть, скрестив Н., чтобы у ребенка не заплетались ноги при ходьбе. У русских уже при отнятии от груди ребенку желали: «Пошли тебе Бог семеро ног»; аналогич-

ные формулы с упоминанием «железных», «золотых» и «кизиловых» ног (см. **Кизил**) произносили и южные славяне при первых шагах ребенка. Южные славяне после первого года жизни ребенка совершали ритуал, называемый «проходница»: выпекали особый хлеб (часто величиной со ступню или с отпечатком детской ножки), торжественно преломляли и раздавали его гостям. Когда ребенок долго не начинал ходить и страдал «сидяками», восточные славяне объясняли это тем, что его Н. перевязаны невидимыми путами, которые надо было символически «разрезать» между ног ребенка.

Н. связаны с материально-телесным низом, что объясняет ряд магических действий, направленных на стимулирование воспроизводства. В славянских святочных песнях при «вождении козы» встречается мотив «куда коза ногою, там жито копою», также связывающий Н. с производительным началом.

По тем же причинам магические и обрядовые действия с участием ног имеют матримониально-эротические коннотации. Примером тому могут служить обряды с «колодкой», когда на **масленицу** молодому парню или девушке, вовремя не вступившим в брак, привязывали к ноге полено или кусок дерева, символизировавшие отсутствующую у них брачную пару. На западе славянского мира известен также обычай масленичного «подковывания» девушек на выданье и молодых женщин, когда компания парней обходила те дома в селе, где жили девушки, и ряженый «кузнец» «подковывал» девушкам ноги, чтобы они не сбивали их во время танцев.

Принадлежностью Н. к материально-телесному низу мотивированы некоторые запреты, в частности зафиксированный еще А. Олеарием в XVII в. у русских запрет лежать на лавке в доме ногами к иконам, дабы не оскорблять их, а также известный русским запрет расставлять ноги, стоя на молитве, иначе между ними проскочит бес.

Здоровые («резвые», «крепкие») Н. были целью многих ритуалов и магических действий: в праздник (обычно под Рождество) клали во время трапезы под стол кусок железа или металлический предмет, на который все ставили Н., чтобы они были «железными», или закапывали такой предмет под порогом, чтобы каждый, кто наступит на него, имел здоровые Н.; в Иванов день бегали босиком по росистой траве; подвешивали к иконам серебряные «ножки»-вотивы, прося святых об избавлении от болезней ног. Чтобы обезопасить человека от болезней и порчи, красными нитями перевязывали те части человеческого тела, которые осмыслялись как его границы (шею, руки и Н.).

Лит.: *Седакова И.А.* Первые шаги ребенка: магия и мифология ходьбы // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 284–305.

Т.А. Агапкина

НО́ГТИ — в народных представлениях средоточие жизненных сил человека. В магии отрезанные Н. (наряду с **волосами, зубами**, по́том, слюной и др.) воспринимались как заместитель человека. Согласно апокрифической легенде, тела первых людей были покрыты роговым покровом, но после того как Адам и Ева согрешили, Бог в наказание лишил их этого покрова, оставив лишь Н. на **руках** и **ногах**.

Стрижка Н. регламентировалась в зависимости от времени, возраста человека и ритуальных запретов. На Русском Севере Н., как и волосы, было принято стричь в Страстной четверг. У восточных славян запрещалось стричь ребенку Н. до года, чтобы он не был подвержен порче, — мать должна обкусывать их зубами. Первый раз Н. стриг отец. У русских **пастуху** запрещалось стричь Н. и волосы в течение всего пастбищного сезона. У восточных и южных славян остриженные Н., как и волосы, запрещалось выбрасывать: их зарывали в землю, подкладывали под камень, затыкали в щели и углы дома, пускали по текущей воде. В Белоруссии и Болгарии запрещалось сжигать Н. во избежание бед и болезней. У белорусов Н. вместе с волосами приносили в жертву лешему и домовому.

У восточных славян было принято собирать остриженные Н. за пазуху или в

специальный мешочек, а после смерти класть в гроб. Во-первых, считалось, что на «тот свет», в рай нужно влезать по высокой стеклянной горе, и сделать это будет легче тому, у кого при себе окажутся Н., которые после смерти прирастут к пальцам. Во-вторых, полагали, что в загробном мире не примут человека, разбрасывавшего при жизни остриженные Н., и он должен будет ходить по земле до тех пор, пока не соберет их.

У русских и белорусов Н., как и волосы, использовались для лечения болезней, полученных в результате порчи, поэтому у спящего больного тайком обстригали Н. и ими подкуривали его — болезнь перейдет на того, кто ее наслал.

У восточных и южных славян Н. использовались ведьмами и колдунами для наведения порчи наряду с волосами, костями, яичной скорлупой и т.п. Н. закапывали под порогом, в воротах, в хлеву того, кого хотели испортить.

Человек, обладающий злым глазом, чтобы не испортить кого-либо, должен посмотреть или плюнуть себе на Н. Так же поступали и те, кто хотел уберечь себя от возможной порчи.

В народной демонологии длинные Н. считаются характерным признаком нечистой силы — чертей, **водяного**, **лешего**, колдуна, **волколака**, а также демонов болезней — чумы, оспы и др. У **вампира** после смерти и в могиле продолжают расти Н. и волосы.

Е.Е. Левкиевская

НОЖ — является **оберегом** наряду с другими острыми и режущими предметами из **железа** (ножницы, **игла**, **топор**, коса, серп).

Н. носили с собой, подкладывали под себя, под подушку или на дно колыбели для защиты некрещеного младенца, женщины в предродовой и послеродовой период, жениха и невесты во время свадебного обряда. Для защиты от **ведьмы**, волков, **вихря**, града втыкали Н. в землю, стену или порог, проводили вокруг себя ножом магический **круг**, закрещивали ножом окна и двери.

Белорусы Гомельщины клали мальчику в колыбель Н., чтобы он стал плотником, а девочке — гребень, чтобы она умела прясть. В Житомирском районе во время похорон клали в колыбель Н. или ножницы, «чтобы не приступила смерть» к ребенку. В Полесье мать подкладывала под себя Н. при кормлении грудью ребенка. На Украине **крестные родители**, отправляясь в церковь крестить ребенка, переступали через Н., положенный у **порога** или на порог, чтобы к ребенку не мог подступить нечистый дух. Увидев в лесу или в поле **русалок**, украинцы чертили ножом круг на земле и ложились в нем на землю ничком, полагая, что русалки их не тронут.

Архаический характер имеет использование ножей в похоронной обрядности. В древнерусских захоронениях находят ножи и серпы: их втыкали в кострище или в урну, а при ингумации — в дно могилы. В Македонии клали Н. под голову умершему, чтобы он не превратился в **вампира**. В Воронежской губ. клали Н. под стол, на котором положен покойник, чтобы тело не разлагалось.

У восточных и западных славян считалось, что Н., брошенный в вихрь, ранит черта, и на нем останется кровь. Украинцы использовали для этого Н., освященный на **Пасху**.

Особое магическое значение приписывали Н., воткнутому в землю. Южные славяне для защиты от града втыкали в землю ножи, косы, топоры или головешки от **бадняка**. В Волынской губ., чтобы разогнать грозовую тучу, ножом, освященным вместе с пасхальными яствами, трижды крестили приближающуюся грозовую тучу и молились за души умерших без покаяния, а потом Н. всаживали в землю. По поверьям Орловской губ., если вскочить в круговорот вихря и воткнуть в землю Н., то зарежешь черта. Белорусы втыкали Н. в то место, на котором упал ребенок.

В Вятской обл., выпуская корову из хлева, вбивали камнем Н. в порог и говорили: «Как с этого ножа медведь мяса не ест, так и нашу Пеструхоньку не ешь», после этого через Н. переводили корову. В Ровенской обл., чтобы уберечь скотину, вставали до восхода солнца, раздевались, брали Н. или косу под левую руку, трижды обегали вокруг хлева и втыкали

Н. в стенку. В Белоруссии, если пропала корова, то втыкали Н. в порог, в стену или в притолоку над дверями, чтобы звери не тронули скотину. В белорусском Полесье, если скотина заблудилась в лесу, хозяин обращался к знахарю с просьбой «засечь» ее. Знахарь шел в лес, находил дерево, больше других покрытое зелеными листьями, поднимал кверху принесенный с собой Н. и читал заговор, в котором просил Бога и св. Юрия «засечь» скотину. Произнося последнее слово заговора, знахарь вбивал Н. в дерево и возвращался домой. На следующий день перед восходом солнца он снова шел в лес и вынимал Н. из дерева. Если тот оставался чистым, то это означало, что животное не погибло и уже не сойдет с того места, где оно находилось, когда его «засекали», а также что оно защищено от волков.

В Белоруссии и на Украине, чтобы навредить ведьме, отбирающей молоко у коров, процеживали молоко через Н., серп или иголки. Например, в Черниговской обл., если корова доилась кровью, то лили молоко на Н., положенный под цедилкой на подойник, — этим «ведьме перерезаешь язык».

Вместе с тем в быличках Н. описывается как одно из орудий ведьм, отбирающих молоко: ведьма втыкает Н. в соху, столб или дерево — и молоко течет по острию ножа, а в соседнем стаде начинает реветь корова, которая остается с пустым выменем. Украинцы Овручского района говорили, что, когда ведьма захочет молока, она идет к себе в хлев, забивает в соху Н. и подставляет доенку, молоко так и бежит струей с Н.

В русских быличках колдун перепрыгивает или кувыркается через Н. или 12 ножей, воткнутых в землю лезвиями кверху, чтобы превратиться в волка, а ведьма таким же образом превращается в собаку или свинью. Потом волк-оборотень возвращается и перепрыгивает через те же ножи с другой стороны, однако если за это время кто-нибудь вынет ножи, то он так и останется зверем.

В русских гаданиях девушка накрывает стол для суженого, причем ставит на скатерть два прибора с ножами и вилками; когда придет суженый и сядет за стол, девушка должна сорвать скатерть со стола; если же она не успеет, то суженый ее зарежет (Костромская губ.).

Н. имел и фаллическую символику: в Славонии невеста, которая не хотела иметь детей, покупала в лавке не торгуясь складной Н. и держала его при себе сложенным во время венчания.

Обращение с Н. регламентировалось множеством правил и запретов. По поверьям восточных славян, если Н. лежит на столе лезвием кверху — быть ссоре; нельзя есть с Н. — будешь сердитым. Нельзя играть ножом — будет ссора; если найдешь Н. на дороге, нельзя его брать, иначе и помереть тебе от ножа (рус.). Нельзя водить ножом по молоку или сметане — от этого у коровы молоко будет с кровью (полес.). Нельзя ножом резать хлеб в молоко, а можно только крошить его руками, иначе у коров вымя потрескается (укр. и пол.). Не оставляй Н. на ночь на столе — лукавый зарежет; нельзя дарить Н. или иголку во избежание ссоры (рус., укр.). Во время поминок в Белоруссии старались обходиться без ножей, чтобы не ранить нечаянно душу умершего. В Ровенской и Волынской обл. во время свадьбы, собрания молодежи или большого праздника в стол втыкали снизу Н., чтобы гости меньше ели.

В Польше под Рождество гадали с Н. о будущем урожае: клали Н. между житным хлебом и пшеничным пирогом и оставляли так на столе до Нового года; если Н. заржавеет со стороны хлеба, то не уродится жито, а если со стороны пирога — то пшеница.

Лит.: *Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. М., 1990. Вып. 2. С. 67–135.

А.Л. Топорков

ÓБЕРЕГИ — магические средства, предохраняющие человека и его мир (дом, скот, урожай, орудия производства и т.п.) от потенциальной опасности: нечистой силы, **болезней** (в том числе **сглаза,** порчи), хищных животных, змей, градовых туч и т.д. Смысл О. состоит в том, чтобы создать преграду между охраняемым объектом и опасностью, магически «закрыть» охраняемый объект, сделать его невидимым, нейтрализовать носителя опасности, нанести ему вред, уничтожить его, отогнать опасность или же наделить сам охраняемый объект защитными свойствами и способностью сопротивляться злу. В качестве О. часто используются специальные ритуальные предметы (свадебный венок и части свадебной одежды, майское деревце, пасхальная скатерть и др.) или остатки от них (пепел от купальского костра, кости пасхального поросенка и т.д.). К универсальным О., применяемым в любой опасной ситуации, принадлежат тексты, предметы и действия с христианской символикой (молитва, крест, ладанка, святая вода, сотворение крестного знамения и др.).

О. служат различные по жанру тексты: заговоры (например, против градовых туч, при первом выгоне скота, для защиты посевов от воробьев), приговоры (к примеру, полесский приговор «соль тебе в очи, кочерга в зубы, горшок между щек», применяемый против сглаза), канонические и апокрифические молитвы (например, «Отче наш», «Сон Богородицы» и т.д.), песни (в частности, сербские колыбельные песни, защищающие ребенка от порчи, а также купальские песни, оберегающие от ведьм и русалок), рассказы о «**житии растений**», загадки, короткие ритуальные формулы, диалоги, **брань**.

Другой формой О. являются предметы, например ключ и **замóк**, призванные «запереть» носителя опасности, **фартук**, полотенце, полотно, которыми накрывали отелившуюся корову, чтобы защитить ее от сглаза; перевернутый горшок, под который помещали камешки по числу голов скота, чтобы сделать животных невидимыми для волков. На Русском Севере при первом выгоне скот кормили с печной заслонки, чтобы «заслонить» его от хищников. Чрезвычайно распространены (особенно в защитной магии южных славян) острые, режущие предметы, призванные обезвредить носителя опасности или его уничтожить. К их числу относятся: коса, **нож**, **топор**, вилы, **игла** и др., чьи магические свойства усиливались за счет железа, из которого они изготовлены (оно, как и все металлы, благодаря своей твердости и прочности также причислялось к О.). В ряде случаев (например, при отвращении града) уничтожать опасность могли предметы, связанные с огнем (кочерга, ухват, сковорода, хлебная лопата); **колючие**, жгучие или едкие растения (боярышник, шиповник, **крапива**, чеснок, полынь и др.). Можно было обезвредить носителя опасности, уподобив его покойнику, для этого применялись предметы, связанные с похоронами (мерка от гроба, одежда покойника, земля с могилы). О. служили предметы, на которые «переводилась» опасность. Например, у русских перед домом вывешивалась связка старых лаптей, чтобы «злой глаз» падал на лапти, а не на дом; у украинцев для этой же цели перед ульями клали камень, чтобы «злой глаз» об него «сломался» (ср. **Куриный бог**).

Одной из основных форм О. являются ритуальные действия, производимые с целью оградить защищаемое про-

странство или объект, создать вокруг него магический круг (**обходы**, **опахивание**, опоясывание, очерчивание, например, кочергой, чтобы нечистая сила не подошла к человеку); действия, направленные на отгон опасности, удаление ее за пределы «своего» пространства или перевод ее на другой объект: выметание, отпугивание с помощью ритуального шума (выстрелов из ружей, колокольного звона, музыкальной какофонии); действия, направленные на обезвреживание или символическое уничтожение носителя опасности (например, у южных славян колют иглой камень, чтобы выколоть волкам глаза; зашивают подол платья, чтобы зашить им рты; замазывают глиной углы дома, чтобы замазать хищникам глаза и уши); действия, направленные на ритуальное очищение охраняемого объекта (омывание, окропление, окуривание освященными травами). Ряд защитных действий и обрядов имеет целью задобрить носителя опасности. Сюда относится «кумление» (например, у сербов принято «кумиться» с волком или змеей, чтобы те не причиняли вреда), принесение **жертвы**, в том числе **кормление** носителя опасности (чтобы предотвратить нападение медведя, в так называемые медвежьи дни южные славяне выносили ему на поле початки кукурузы). Статус О. имеют некоторые жесты, например **кукиш**.

Различные формы О. используются как самостоятельно, так и в сочетании друг с другом. Семантически сходные О. могут заменять друг друга. К примеру, в качестве О. от русалок используется полынь, но если при встрече с русалкой у человека не было при себе полыни, он мог отогнать нечистую силу, произнеся слово «полынь».

Е.Е. Левкиевская

ОБÉТ, з а в é т, о б р ó к — обязательство, добровольно налагаемое на себя человеком или общиной ради избавления от бед, болезней и т.п., а также предмет или жертвенное животное, приносимые по обещанию в церковь или иное почитаемое место. См. также **Жертва, Жертвоприношение**.

О. могли быть коллективными и личными; давали О. на определенный период времени (несколько месяцев, год) или на всю жизнь; прибегали к О., как правило, в чрезвычайных обстоятельствах (стихийные бедствия, война, эпидемия, тяжелое заболевание). К принятию О. могли побуждать вещие сны: по верованиям жителей украинского Полесья, приснившийся волк означал, что «оброк в цэркву надо отнести».

Формы О.: строительство храмов, которое полагало начало местному «обетному» празднику или соблюдению «заветных» дней; приобретение икон для храма или часовни с последующим установлением праздника в честь иконы; проведение молебнов; паломничество к святым местам; уход в монастырь; безбрачие; соблюдение «обетных» постов сверх принятых церковью постов и постных дней (среды и пятницы); «обетные» отказы от питья спиртного и др.

Формы «обетных» («заветных») приношений: поставить в храме свечу известного веса; внести денежное пожертвование (мелкие монеты — наиболее распространенный вид приношений и к почитаемым источникам, деревьям, крестам); пожертвовать в монастырь излеченное животное (лошадь, корову); пожертвовать в церковь или почитаемому месту тканые изделия (ленты, пояса, платки, полотенца, простыни, рубахи), шерсть, лен (ср. обетное опоясывание храмов и почитаемых крестов в ю.-слав. традициях); внести в храм (к почитаемой иконе) приношение-вотив (см. **Воск**) с изображением частей человеческого тела, фигурок человека или животного; пожертвовать почитаемому месту (камню, кресту, дереву) нательный крест; откормить по обету домашнее животное (корову, быка, овцу) и пожертвовать его церковному причту — «Богу» и общине — «в казну». На Русском Севере пожертвования животных приурочивались к дню св. Ильи (ритуальный забой так называемого ильинского быка с последующей коллективной трапезой), св. Анастасии («чтобы овцы зимой больше плодились»); приношение к святому месту различных продуктов (хлеб, пироги, яйца).

Оброчные кресты в с. Казацкие Болсуны Ветковского р-на Гомельской обл. 1981 г. Рис. В.Е. Гусева

Оставляя «обетные» приношения у местных святынь, богомольцы брали «святую» воду из источника, кору и щепки деревьев, песок и мелкие камешки, кусочки воска. Этим предметам приписывалась магическая сила, ими пользовались не только в случае болезни, но и в любых кризисных ситуациях.

В народном сознании приношение «обетных» предметов, моделирующее ситуацию обмена между человеком и сакральными силами, принадлежит к сфере «религиозных» практик и противопоставлено недолжной («черной») магии как обмену между человеком и нечистой силой.

Лит.: *Кремлева И.А.* Обеты в народной жизни // Живая старина. 1994. № 3. С. 15–17.

О.В. Белова

ОБМА́Н — магический прием, используемый для защиты от нечистой силы, болезней и других опасностей.

В южнославянской традиции широко применялись основанные на мотиве О. ритуалы защиты новорожденного в семьях; где «не живут» (т.е. умирают в младенчестве) дети. Для того чтобы злая судьба (смерть) не унесла ребенка, ее старались обмануть, ввести в заблуждение, изобразив дело так, что родился не ребенок, а волчонок или дьяволенок (отсюда защитные «звериные» имена типа сербского *Вук* — волк*)*, что ребенок не родился, а был найден или куплен (т.е. это не тот, кого должна забрать смерть), что ребенок родился не в этом доме, а в другом, у других родителей. Все эти мотивы получали воплощение в обряде: в течение семи дней возле роженицы лежал запеленатый валек для белья, заменяющий ребенка; сразу после рождения ребенка повивальная бабка или мать выносили его на дорогу, на перекресток, на мост, к церкви и т.п. и там оставляли, дожидаясь в укрытии, чтобы какой-нибудь прохожий подобрал ребенка. Нашедший становился кумом или объявлял себя родителем, продающим своего ребенка, а мать становилась покупателем и т.п. Иногда, чтобы обмануть судьбу, мать разыгрывала сцену смерти новорожденного, изображала свое горе, громко

оплакивала его. Случалось, что родители инсценировали продажу своего ребенка в другой, благополучный дом. На О. демонов были рассчитаны у сербов такие имена детей, как *Мртвак* (т.е. «мертвый»), *Кривош* (т.е. «кривой»), *Малко* (т.е. «маленький») и т.п. С этой же целью ребенка до определенного времени называли не настоящим его именем, данным при крещении, а другим, чужим именем, причем девочка могла носить мужское имя, а мальчик — женское, ребенок, рожденный в христианской семье, мог носить мусульманское имя или наоборот (см. **Имя**). Мотив О. лежит также в основе запрета хвалить ребенка, особенно новорожденного, и предписания ругать его, называя его безобразным, «гадом» и т.п. Как разновидность О. может пониматься и обычай «кувады»: во время родов муж роженицы ложился в постель и изображал родовые муки, отвлекая внимание злых демонов от жены и ребенка.

С помощью О. южные славяне защищали **близнецов**, а также «однодневников» и «**одномесячников**» от смерти, грозящей им, по народным верованиям, в случае смерти их «двойника». В Косово в случае двух смертей в одном доме в течение года обманывали смерть тем, что при вторых похоронах в гроб клали тряпичную куклу, как бы заменяющую третьего покойника.

У всех славян известен фольклорный мотив О. смерти. В Полесье рассказывают быличку о том, как один человек, желая обмануть смерть, сделал себе вращающуюся кровать: когда смерть приходила и становилась в ногах, он поворачивал кровать и смерть оказывалась в головах. Но в конце концов человек понял, что смерти не миновать: «Крути не крути, а треба умерти».

Вербальный О. (сообщение неправды) был одним из способов отгона градовой тучи. В западной Сербии при появлении тучи женщины с одного края села, с одной горы кричали женщинам, живущим на другой горе, и спрашивали, в какой день недели в этом году был Юрьев день. Ответ должен был быть неправильным, следовало назвать один из предшествующих дней, тогда туча оказывалась обманутой и поворачивала в обратную сторону.

Значительно реже использовался О. в продуцирующей магии. Например, сербы во время крашения пряжи считали полезным рассказывать какую-нибудь неправду, тогда дело удавалось лучше.

Лит.: *Толстая С.М.* Магия обмана и чуда в народной культуре // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995; *Усачева В.В.* Ритуальный обман в народной медицине // Живая старина. 1996. № 1.

С.М. Толстая

ОБМИРÁНИЕ — народное название летаргического сна, который понимается как временная смерть, когда душа спящего посещает «тот свет». Широко распространенные рассказы об обмираниях обычно включают мотив о том, как герой получает (чаще всего во сне) предуведомление (от посла с «того света» или от Бога) о предстоящем обмирании. Основная часть рассказа содержит указание на продолжительность сна (три, пять, семь или двенадцать дней), сведения о проводнике, указывающем герою путь в загробном мире (обыкновенно это умерший родственник или святой); картины загробного пространства, разделенного на отдельные зоны соответственно разрядам покойников; описание мучений грешников за различные весьма конкретные грехи (отнимание молока у коров, заламывание колосьев в поле, убиение детей во чреве, колдовство, несоблюдение обрядов и т.п.). Путешествующий не может вмешиваться в происходящее на «том свете». Среди обитателей загробного мира он может встретить своих родственников, но облегчить их участь он не может. Часто гостю сообщают дату его настоящей смерти. Концовка рассказа повествует о пробуждении от сна и возвращении к жизни. Проснувшийся сообщает близким об увиденном на «том свете», однако обычно ему разрешается говорить не обо всем или разрешается говорить все, кроме «трех слов» (реже вообще запрещается рассказывать об увиденном). Нарушение этих запретов грозит смертью. Подобно быличкам,

тексты обмираний содержат «формулу достоверности», т.е. указание на реальное лицо, испытавшее обмирание, место и время действия и т.п.

В одном из подобных рассказов, записанных в Полесье, некой вдове явился во сне «старый дед», объявил, что она заснет крепким сном на пять дней, и велел приготовить на это время детям еды. Так она и сделала и только лишь вынула хлеб из печи, как сразу же уснула мертвым сном. На третий день собрались ее хоронить, но дети плакали и не дали ее похоронить, объясняя, что мать проснется. И правда: точно через пять дней, час в час, вдова проснулась и рассказала, что ходила «по всех мытарствах», и ей там сказали, о чем из виденного можно рассказывать, а о чем нет. И она это исполнила.

В другом полесском тексте описывается само такое хождение по мукам. После трехдневного сна женщина рассказала, что покойный отец водил ее по «тому свету» через 12 дверей: за одной дверью мучились женщины рвотой молоком — это те ведьмы, что молоко у коров отнимали; за другой крутили солому — это те, что заломы на полях делали; за третьей женщины месили кровавое мясо — это те, что умертвили детей во чреве; затем были «колдуницы», варившиеся в кипящей смоле, и т.д. За последней дверью рассказчица встретилась с погибшим на фронте сыном (в войну 1941–1945 гг.).

Тексты обмираний имеют много общего с другими фольклорными жанрами, прежде всего с духовными стихами, где описываются преступления «грешних душ» (заломы, отнимание молока, проклятие или удушение младенца и т.п.). Эти мотивы восходят к таким древним апокрифическим текстам, как «Хождение Богородицы по мукам» и «Сон Богородицы», а также к жанру средневековых европейских видений, рассказывающих о посещениях «того света».

Лит.: *Толстые Н.И.* и *С.М.* О жанре «обмирания» (посещения «того света») // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979; *Толстая С.М.* Полесские «обмирания» // Живая старина. 1999. № 2.

С.М. Толстая

ОБОРОТНИЧЕСТВО — способность принимать чужой облик (превращаться в животных, растения, предметы), которая в народных верованиях приписывается людям со сверхъестественными способностями (ведьмам, колдунам) и **нечистой силе**. Считалось, что тот, кто обладал неким сверхзнанием, мог принять вид другого человека, животного, насекомого, природного объекта, чтобы навредить людям или скрыться от преследований.

Согласно популярным мотивам суеверных рассказов и сказок, для того чтобы отобрать у чужой коровы молоко или урожай с полей, ведьма превращалась в жабу, змею, кошку, собаку, свинью и т.п. Стараясь остаться незамеченной или напугать человека, она принимала вид стога сена, колеса, решета, клубка ниток, ветки, палки, куста. По восточнославянским поверьям, в виде ужа, ласки, кота, петуха, маленького человечка, паука и т.п. мог появляться перед домочадцами домовой дух. Облик коня, теленка, собаки, водоплавающей птицы, рыбы принимал водяной. В многообразных ипостасях (в виде козла, барана, овцы, свиньи, коня, собаки, волка, зайца и др. животных) являлся людям черт. Если же он хотел вступить в контакт с человеком, то превращался в молодца, странника, горожанина, солдата, священника, ребенка, мог также показаться человеку его родственником или соседом.

В разных ипостасях появлялись на земле и души умерших: они прилетали в виде птиц, насекомых, принимали вид животных, блуждающих огней, вихря, столба пыли, тучи. В фольклорных песнях, балладах и сказочных мотивах дýши невинно гонимых или загубленных молодых людей превращались в деревья и цветы.

Изменить свой облик могли люди, ставшие жертвами колдовства: например, в свинью или собаку превращала ведьма не полюбившегося ей зятя. Колдун мог обернуть в волков или собак всех участников свадьбы. Представления о том, что в определенные календарные сроки человек мог обернуться волком или по чьей-то злой воле становился на некоторый период **волколаком**, отно-

сятся к числу древнейших славянских верований.

Многообразно представлены мотивы О. в сюжетах волшебных сказок. Наряду с мифическими героями (Бабой-ягой, змеем, ведьмой, колдуном) оборотнические свойства проявляют «мудрые девы», царские дочери, которые способны менять свой собственный вид и помогают изменять облик сказочному герою в разных критических ситуациях. Например, в виде птиц прилетают на озеро заколдованные девушки, в виде лягушки достается крестьянскому сыну его суженая. Целая серия превращений представлена в сказочных эпизодах, когда герои убегают от погони. Спасаясь бегством от Водяного царя, Василиса Премудрая оборотила своих коней колодцем, себя — ковшиком, а царевича — старичком; во второй раз она сделалась ветхой церковью, а царевича превратила в попа; в третий раз сделала коней «рекою медовою», царевича — селезнем, а себя — серой утицей.

Типичными способами, с помощью которых происходило превращение сказочных героев, были удар о землю, битье человека чудесным прутом или палочкой, кувыркание через голову (через пень, коромысло, через воткнутый в землю нож и т.п.), питье наговорной воды, купание, пролезание в отверстие, магическое слово и др.

Способностью превращать согрешивших людей в животных и камни обладали, по народным поверьям, также персонажи христианского культа. Многие этиологические легенды о происхождении животных и птиц связаны с представлениями об О. По украинским поверьям, когда Господь однажды проходил мимо мельницы, мельник, чтобы напугать прохожего, надел вывороченный кожух, влез под мост и зарычал как медведь. Рассердившись, Господь сказал: «Чтоб ты так ревел, пока светит солнце»; так появились на свете медведи. В популярной легенде о том, как Христос наказал людей за неверие, рассказывается следующее: люди накрыли женщину корытом и стали спрашивать Спасителя: «Если ты Бог, то отгадай, что спрятано под корытом». В наказание за такое испытание Христос ответил: «Там свинья», в результате чего спрятавшаяся женщина действительно сделалась свиньей.

Лит.: Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 234–235; *Ящуржинский Х.П.* О превращениях в малорусских сказках // Українці: Народнi вiрування, повiр'я, демонологiя. Київ, 1991. С. 554–574; *Ипатова Н.А.* Оборотничество как свойство сказочных персонажей // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 240–250.

Л.Н. Виноградова

О́БУВЬ в обрядности и верованиях связана с хтоническим началом (см. **Земля**) и материально-телесным низом (см. **Ноги**). Особое «культурное» значение придается хождению босиком, которое осмысляется как частичная **нагота**, положительно влияющая на плодородие (ср. рождественский обычай обвязывать соломой неплодоносящие плодовые деревья, выходя в сад босиком), как способ достижения ритуальной чистоты (босиком ходят южнославянские **додолы**), как лечебно-профилактическое средство (ср. юрьевский обычай ходить босиком по **росе**). В поминальной обрядности и комплексе представлений о пути покойника на «тот свет» большую роль играет новая О., которую надевают на умершего. Старая О. используется в качестве **оберега** (ср. обычай вывешивать старый лапоть, чтобы хищные птицы не таскали цыплят: ср. **Куриный бог**), а также уничтожается в обрядовых **кострах** вместе с другими старыми предметами.

Т.А.

ОБХО́ДЫ — обрядовое посещение домов с магической целью, приуроченное к разным календарным датам.

Многообразие структурных вариантов О. зависит от характера ритуальных действий и целей визита: например, приходят в дом, чтобы исполнить обрядовые песни, поздравительные и благопожелательные приговоры; разыгрывают (нередко с участием ряженых) драматизированные сценки магического или религиозного характера; совершают действия,

имеющие продуцирующее или охранительно-очистительное значение (осыпают хозяев зерном, обливают водой, бьют ветками, танцуют с домочадцами для урожая, выметают углы дома, производят ритуальный шум, символически изгоняют из дома злых духов и т.п.); водят по домам ряженого, сообщая, что собирают угощение именно для него; носят некий ритуальный предмет, предъявляя его хозяевам как знак конкретного праздника или как некий благопожелательный символ (украшенное деревце, ветки, камень или кусок железа, макет рождественской звезды, крест, вертеп и т.п.). Хозяева принимали участников О. как желанных гостей, веря, что их посещение обеспечит благополучие в семье и в хозяйстве.

Основная часть обходных обрядов приурочена к осенне-зимнему периоду. У славян-католиков ритуальные хождения по домам начинались с предрождественского поста (т.е. в течение четырех недель до Рождества). Так, в день св. Николая (6.XII) ходили ряженые «николаи», «микулаши», в день св. Варвары (4.XII) — «варвары» или «барборки», в день св. Люции (13.XII) — «люции», «люцки» и т.п. Наиболее массовыми и разнообразными были О. святочного и масленичного комплексов (см. **Колядование, Кукеры**).

Участие ряженых — типичная черта многих О. В зимнее время рядились в вывороченные кожухи, закутывались в солому, надевали устрашающие маски, изображали из себя чудовищ, нечистую силу, покойников, стариков, животных и др.; а в весенне-летний период (Юрьев день, Троица, Русальная неделя, Иванов день) традиционным материалом для ряженья была свежая зелень, ветки, цветы, венки; ср. восточнославянские обычаи «вождения русалки», «куста», «тополи», сербские обходы «Зеленого Юрия» и т.п. (см. **Ряжение**).

По сравнению с многолюдными шумными хождениями ряженых (обычно это происходило в вечернее или ночное время), иначе выглядели утренние О. детей и подростков, которые совершались как магия «первого» посещения ритуального гостя, чьи положительные качества (молодость, здоровье, удачливость) должны были принести домочадцам благополучие и удачу (см. **Полазник**).

Благопожелательная семантика может быть признана наиболее типичной для большинства обходных обрядов, участники которых приходили в дом, чтобы обеспечить хозяевам здоровье, урожай, приплод скота, яйценоскость птицы; чтобы изгнать из дома злых духов, змей и прочую «нечисть» (см. **Лазарки**); чтобы излечить больных (см. **Русалии**); чтобы предотвратить летнюю засуху (см. **Додола**). По западнославянским поверьям, девушка в ближайший год не выйдет замуж, если ее дом не посетят колядники. Ритуальной обязанностью хозяев было вознаграждение пришедших; считалось, что чем щедрее их одарить, тем успешнее пойдут дела в хозяйстве. Именно идея взаимного дарообмена лежит в основе большинства обходных ритуалов (см. **Дар**).

Значительно реже участники О. совершали ритуальные действия, направленные против хозяев: например, накануне Великого поста парни носили ведро с разведенной глиной или навозом и пытались в каждом доме вымазать домочадцев (польское Поморье); или на масленицу ходили по домам, где жили не вышедшие замуж девушки, и старались привязать им к ноге «колодку» как наказание за безбрачие. В таких случаях хозяева не «одаривали» визитеров, а «откупались» от них угощением, чтобы избежать участия в нежелательном обычае.

Л.Н. Виноградова

ОБЫ́ДЕННЫЕ ПРЕДМЕ́ТЫ — предметы, изготовленные с магической целью и с соблюдением особого ритуала в течение одного дня (от восхода до захода солнца) или одной ночи (от захода до восхода солнца). Чаще всего это был холст, полотенце, рубаха, деревянный крест, церковь, которые изготовлялись по обету или для защиты от стихийного бедствия — засухи, града, мора, войны и т.п.

Ритуал создания тканых изделий состоял в том, что по предварительному уговору в одну избу или в одно место

села сходились женщины (иногда только старые, «чистые», обычно вдовы), реже девушки, приносили с собой пряжу (или нитки) и старались до положенного срока спрясть нитки, выткать полотно и, если речь шла о рубахе, сшить. Холст или полотенце ткали как можно длиннее, иногда в несколько десятков метров. Вытканное полотно жертвовали в церковь, вешали на икону или несли на придорожный крест, опоясывали им церковь, дом, обходили с ним село, поле, прогоняли по нему или под ним скот (на Черниговщине после этого полотно сжигали) и т.п. Тканье обыденного рушника могло сопровождаться параллельным ритуалом: изготовлением и установкой мужчинами обыденного креста (обычно очень большого). Иногда кресты сооружались независимо от тканья полотна, например у русских «холерные» кресты или у южных славян «градовые» кресты, т.е. кресты для защиты от холеры и града.

У сербов был известен обряд магического «рождения» рубахи. Как только становилось известно, что будет война, собирались в полночь девять старух и до утренней зари в полном молчании (ср. *Молчание)* ткали полотно и шили из него одну рубаху, через которую должны были пролезть все, кто уходил на войну. Это должно было защитить их от смерти. Обыденные рубахи изготовлялись и в случае эпидемии чумы и назывались чумными; их за одну ночь пряли, ткали и шили две сестры-близнецы с «останавливающими» именами (например, Стоя и Стоянка).

В Белоруссии рыбаки плели в день св. Алексея (17.III) обыденную сеть, чтобы хорошо ловилась рыба. Известны также случаи выпекания обыденного хлеба, которому приписывались магические свойства — возвращать оборотню-волколаку человеческий облик, излечивать бешенство и другие болезни.

На Руси с давних пор существовал обычай в случае мора строить обыденные церкви: ср. в Москве храм «Илья Обыденный» (подобные храмы были и в других городах Московской и Новгородской Руси). Строительство начиналось с рубки деревьев в лесу и кончалось освящением церкви и службой в тот же день.

Во всех подобных обрядах полнота и завершенность всего процесса, его «спрессованность» во времени сообщали продуктам труда сакральность и магическую силу.

Лит.: *Зеленин Д.К.* «Обыденные» полотенца и обыденные храмы // Живая старина. 1911. Вып. 1.

С.М. Толстая

ОВИ́ННИК — у русских и белорусов мифологический покровитель овина — места для сушки снопов с очагом или печью. В Древней Руси овин был местом поклонения огню, о чем свидетельствуют источники: «молятся огневи под овином...».

Кроме овинника, называемого также *подовинником* или *дедушкой овинным*, а у белорусов — *осетником* или *осетным* (от белорусского *осеть* — «овин»), мифологическими хозяевами овина могли быть и женские персонажи — *овинница* или *жареница*. В русских заговорах упоминаются *подовинник батюшка* и *подовинница матушка*.

О. в обличье огромного черного кота с горящими глазами живет в яме для огня под настилом овина. По другим поверьям, он имеет облик человека с длинными всклокоченными волосами дымчатого цвета, старика или очень высокого лохматого мужика, а также может принимать вид одного из членов семьи, которой принадлежит овин. О. способен оборачиваться медведем или собакой. Увидеть О. можно на Пасху во время заутрени, когда он сидит в кострище в самом углу настила.

Характер О. в народных поверьях противоречив. С одной стороны, он проявляет себя как рачительный хозяин, охраняющий овин от всякой нечисти и способствующий хорошему намолоту зерна. Он помогает своему хозяину — человеку: по ночам переносит снопы на ток, довеивает зерно, ночью стережет солому. Считалось даже, что О. — добрый и милостивый дух, способный защитить человека от упырей и чертей, если ему помолиться. Согласно русским бы-

личкам, О. до первых петухов дрался со старухой-упырицей, напавшей на парня, и отстоял его. В другой быличке О. защищает человека от происков банника.

По другим представлениям, О. труслив и убегает от человека. Рассердившись, он может подпалить овин, особенно если его топить в те дни, когда овин — «именинник», а именно: в день Феклы-Заревницы (24.IX/7.X), на Воздвижение (14/27.IX) и на Покров (1/14.X). В этом случае он даже может убить хозяина. Рассерженный О. способен запихать хозяина в печь. О. пугает людей страшным хохотом и хлопаньем в ладоши. В овине не принято было оставаться на ночь, но если необходимо переночевать, у О. просили разрешения: «Овинный батюшко, побереги, постереги от всякого зла, от всякого супостата раба Божия».

Когда первый раз в сезоне затапливали овин, просили О. сохранить его от напастей, а перед каждой очередной топкой овина у «хозяина» просили позволения. По окончании сезона сушки снопов вставали лицом к овину, снимали шапку, кланялись и говорили: «Спасибо, батюшко овинник, послужил ты нынешней осенью верой и правдой». Чтобы задобрить О., ему приносили жертвы: в день свв. Косьмы и Дамиана (1/14.XI) хозяин приносил в овин пирог и петуха. Петуху отрубал голову и ноги и бросал их на крышу избы, чтобы велись куры, а кровью кропил по всем углам овина. В этот же день в овин приносили и горшок специально сваренной для О. каши или просто приходили его поздравить. Полагали, что увидев О., нельзя креститься, иначе он сожжет всю усадьбу. На святках девушки приходили к овину гадать о браке: просовывали в окно овина руку или выставляли в дверь обнаженную заднюю часть тела. Считалось, что если О. дотронется до тела девушки голой рукой, то будущий муж будет бедным, а если мохнатой — богатым.

Женский овинный дух *жареница* живет в овине у печки и излучает из себя свет и огонь. Полагают также, что ее можно видеть в полдень на огороде или гороховом поле. Некоторые исследователи считают, что первоначально этот дух был связан с солнечным культом и лишь позже стал восприниматься как дух овинного очага.

Е.Е. Левкиевская

ОГО́НЬ — в народных представлениях одна из основных стихий мироздания (наряду с **водой, землей, воздухом**). О. противопоставлен воде и одновременно сближается с ней по признакам бесформенности и текучести; и О., и вода являются посредниками, связывающими мир мертвых и мир живых, «тот» и «этот» свет. Символика О., как и воды, имела двойственный характер. На одном полюсе — образ яростного и мстительного пламени, грозящего смертью и уничтожением (см. **Ад, Пожар**). На другом — стихия очищающего пламени, воплощающая творческое, активное начало.

О. стихийный противопоставлен О. домашнему, несущему свет и тепло. Приготовление пищи в **печи** являлось фундаментальной метафорой преобразования природных явлений в факты культуры. В фольклоре и обрядности О. сжигает, уничтожает и одновременно возрождает к новой жизни, очищает, возвращает молодость и здоровье.

О. воспринимался и как непосредственный адресат языческого культа, и как посредник между человеком и божеством. В Древней Руси О. называли Сварожичем, т.е. сыном **Сварога**. Обычным местом поклонения О.-Сварожичу был овин, что свидетельствует о сельскохозяйственном характере его культа. Древнерусские язычники жгли костры на своих святилищах и поддерживали негасимый О. перед идолом **Перуна**. Они сжигали своих мертвецов, веря, что с пламенем погребального костра те переносятся в рай. По свидетельству арабского автора ал-Масуди (X в.), славяне «сожигают своих мертвых, а также скот, оружие, украшения; когда умирает муж, сжигается с ним жена его... жены их стремятся к самосожжению, чтобы войти за мужьями в рай».

О. представлялся славянам живым своенравным существом. Он ест, пьет и спит подобно человеку, а рассердившись,

может и отомстить пожаром за непочтительное отношение. В Вологодской губ. об О. говорили не иначе как ласкательно: «Огонек, огонек, батюшка огонек!» Гасили О. на ночь со словами: «Спи, батюшка огонек!» Плевать в огонь считалось грехом; согласно поверью, того, кто мочится в О., тот иссушит заживо. Украинцы Подолья оставляли в печи на ночь горшок с водою и полено, чтобы О. было что есть и пить. На Ровенщине полагали, что огни отличаются друг от друга и имеют разные имена, например,один из огней именуется Андреем.

Внутренний О. поддерживает тепло человеческого тела, однако его избыток приводит к болезни (ср. русское название лихорадки — *огненная*). В славянских заговорах и магических действиях любовное чувство уподоблялось О. Например, в русском заговоре говорилось: «В печи огонь горит, палит и пышет и тлит дрова; так бы тлело, горело сердце у рабы Божией (имярек) во весь день, по всяк час...» Женщины сушили в печи вырезанный из земли след мужчины или какую-нибудь принадлежащую ему вещь, чтобы он так же сох от любви.

В народной культуре метеориты осмыслялись как падающие на землю огненные змеи. Образ змея, имеющего огненную природу или пышущего О., известен в сказках, былинах, духовных стихах и книжных произведениях. Архаичен и образ огненной **реки**, отделяющей мир мертвых от мира живых.

Сакральный характер приписывался О., загоревшемуся от удара молнии, а также рукотворному «живому» огню, который добывали старинным способом при помощи трения. Выражение «живой О.» известно в разных славянских языках и восходит, по-видимому, к праславянской эпохе. Такой О. русские называли также: *новый, деревянный*, реже — *святой, самородный, трудовой, небесный*. Чтобы остановить падеж скота, прогоняли стадо через **костер**, зажженный от «живого О.». Иногда скот прогоняли между двумя кострами или разводили костры на разных концах деревни, чтобы оградить ее от болезни. Так же поступали и для прекращения эпидемии тифа или других болезней: вытирали «живой О.» и через разведенный небольшой костер переходили все здоровые, а затем переносили и больных.

Со стихией О. связаны небесные светила и явления (**солнце**, молния), **золото**, красный и желтый **цвета**; устремленность О. кверху, неподвластность земному притяжению сближают его с ветром и **душой** человека.

Лит.: *Журавлев А.Ф.* Из русской обрядовой лексики: «живой огонь» // Общеславянский лингвистический атлас. 1976. М., 1978.

А.Л. Топорков

ОДЕ́ЖДА в традиционной культуре славян выступает как противоположность наготе по признаку «культура — природа» и идентифицирует человека по этническим, половым, возрастным, ритуальным и другим признакам, маркируя оппозиции свой—чужой, мужской—женский, старый—новый, будни—праздники, обыденное—сакральное.

Разные части О. имеют неодинаковую семантическую нагрузку и функционируют в различных сферах народной культуры. Так, среди деталей мужской О. наиболее «нагруженными» являются **рубашка**, **шапка**, штаны и **пояс**, из женских атрибутов — рубашка, пояс, **фартук**, используемые в календарной и семейной обрядности как охранительные и продуцирующие средства.

У славян широко известно поверье, что первая О. человека воздействует на всю его последующую жизнь. Поэтому новорожденного нередко принимали в рубашку, сшитую самой старой женщиной в семье, чтобы он унаследовал ее судьбу и жил долго, в старую нестиранную рубашку отца, «чтобы он его любил», старую О. отца или матери, а для пеленок использовали части О. взрослых, чтобы ребенок непременно унаследовал их положительные качества. Если в семье умирали дети, то **повитуха** принимала новорожденного в штаны отца или в рубашку, сшитую старой женщиной во время родов.

У славян существовали особые виды одежды, свидетельствующие о вступлении в брачный возраст: понева — вид

женской набедренной О., фартук и украшения у девушки, пояс и шерстяные штаны у парня. Замужние женщины отличались особой прической (убранные волосы) и головным убором: чепец, кокошник, наметка, белый платок. Молодая в первый год после замужества носила яркую, праздничную О. со множеством украшений, что имело охранительную и продуцирующую функцию.

Новая О. использовалась в свадебном обряде (костюм жениха и невесты), при похоронах, первом севе, посеве льна. У русских в первый день Нового года девушки надевали все новое, чтобы у них всегда были обновы. Старая О. использовалась чаще в качестве апотропея (в родинах, ряжении, аграрно-скотоводческой магии). В Московской губ. отелившуюся корову окуривали из старого лаптя, стоптанный лапоть вывешивали в курятнике.

О. часто выступает в роли двойника человека, метонимически замещая его. Так, у сербов Краины беременная женщина, у которой не держатся дети, до рождения просит попа окрестить ребенка, совершив ритуал над его рубашкой, чтобы защитить его от смерти. В Болгарии известны случаи помолвки и даже бракосочетания невесты с шапкой или штанами жениха. Ю.-слав. погребальный обряд предусматривает возможность оплакивания и даже погребения одежды покойного, если смерть случилась вдали от дома. Сходные по семантике действия известны и русским, где на сороковой день в дом приходил обмывальщик в одежде покойного, как бы представляя последнего (Пензенская губ.).

Широко известны магические манипуляции с О. в народной медицине, любовной и вредоносной магии. О. больного относили на дерево, на придорожный или кладбищенский крест, протаскивали через прокоп в земле, через расщепленный ствол дерева, бросали в воду источника и др. В сев.-зап. Сербии верили, что венчальная О. помогает при родах, а у русских в подобных случаях использовали штаны мужа роженицы. В свадебное платье или фартук невесты словаки закутывали детей, страдающих «слабостью», а в полесской традиции ребенка во время судорог накрывали «вінчаним платтям».

Желая обеспечить себе любовь до смерти, девушка должна была связать кусок своего белья и кусок от белья парня и закопать их на кладбище под могильным крестом (Спиш, Словакия). В Полесье известно поверье, что плодовитость невесты можно уничтожить, надев на нее мужскую О.

В календарной обрядности О. использовалась при **ряжении** (колядование, масленичные обходы) и в аграрной магии. У всех славян широко известно переодевание в О. противоположного пола, что имело продуцирующее значение. Переодевались и на южно-славянской свадьбе при замешивании хлеба и в маскарадных играх после объявления о невинности молодой. На Брянщине при посеве льна хозяин надевал женский фартук, куда клал семена, а в Рязанской области, отправляясь сеять, мужчина нес семена в собственных штанах.

Во многих славянских традициях известен обычай подкладывания под порог хлева различных частей О. (фартука, штанов, пояса). Считалось, что расстелённая под ногами скота О. «привязывает» его к дому, хозяевам.

У южных славян в мужских и женских календарных **обходах** использовалась свадебная О., что должно было обеспечить молодежи скорое вступление в брак.

Существовал ряд запретов на изготовление О. в определенные периоды времени. В Славонии женщины не пряли в доме, пока там лежит покойник, иначе будут неметь руки. У словаков в Горегронье нельзя было прясть в Пепельную среду: конопля и лен не вырастут, а нитки принесут несчастье тому, кто носит О. из них. У южных славян запрещалось шить и чинить О. в средопостную среду, Андреев день, Лазарев день. У балканских славян широко известно табу на изготовление мужской О. во время «волчьих дней», чтобы волки не трогали пастуха и его стадо или охотника.

Нередко в обрядах и повседневной жизни использовалась О., вывернутая наизнанку для защиты от «злых сил» и

«сглаза», ночного путника, роженицы, жениха и невесты на свадьбе, родственников покойного во время траура, чтобы душа не узнала их и не смогла бы им причинить вреда, если те случайно обидят ее. Но одетая навыворот шуба могла иметь и продуцирующее значение, как пожелание богатства, плодовитости и благополучия в свадебном обряде и при крещении ребенка, когда его перед выходом в церковь клали на вывернутую шубу.

Цвет О. имеет знаковую функцию в семейной обрядности: при трауре — черный и белый; на свадьбе — красный и белый; старики носят черную О.; у некоторых мифологических персонажей: демоны судьбы — в черной О., юды, самовилы, ведьмы — в белой, змеи имеют серебряную рубашку.

В фольклоре известны «чудесные» атрибуты О.: шапка-невидимка, сапоги-скороходы, плащ-невидимка у южных славян.

Лит.: *Г.С. Маслова*. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.

Е.С. Узенёва

«ОДНОМÉСЯЧНИКИ», «однодневники» — у балканских славян дети из одного семейства (задруги, села), рожденные в один и тот же месяц (день недели), а потому считающиеся в народе «связанными» одной судьбой, подобно **близнецам**. Наиболее опасное проявление общей судьбы — гибель одного из них, влекущая за собой смерть другого. По поверьям из восточной Сербии, «О.» могут быть человек и животное (медведь, волк, собака), поэтому заболевание (смерть) предполагаемого «О.» связывается с болезнью (смертью) животного, рожденного в тот же месяц или день.

Считается, что, подобно близнецам, «О.» остро чувствуют беды и неприятности друг друга, даже не зная о них. Чтобы один из них не повторил несчастной судьбы другого, их как можно скорее «разделяют» («ограждают» одного от другого) различными магическими способами: кормят яйцом с двумя желтками через забор, ограду или на мосту через реку, на переправе через реку (чтобы разделить их оградой или водой); велят лечь или встать в саду и выкапывают между ними яму, куда сажают плодовое дерево, заставляя их держать ствол с разных сторон; повитуха разрубает для них монету на пороге дома и дает половинки каждому из «О.», чтобы они хранили их всю жизнь. Как и близнецам, «О.» запрещено находиться в доме вместе во время свадьбы одного из них, пробовать от свадебных блюд.

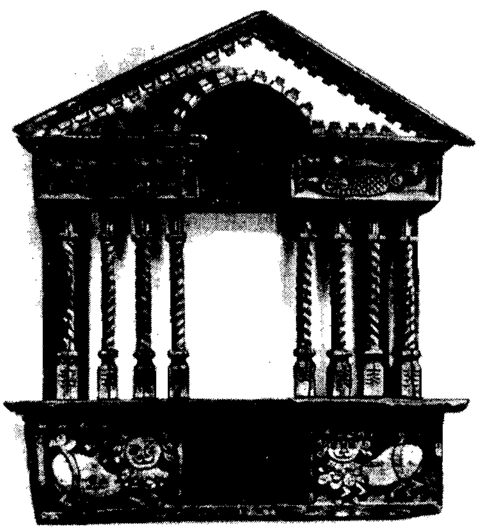
После смерти одного из «О.» прибегают к разным средствам ограждения от смерти другого «О.»: выкупу от умершего, символической подмене человека (например, кладут в гроб мерку живого «О.» или равный по весу камень, куклу из тряпок), «обману» судьбы и смерти (например, болгары умершему привязывают к пальцам красную нить, живому — черную, а при погребении нити подменяют). У сербов распространены различные формы символического выкупа от умершего «О.» Живой бросает в гроб умершему половинку разрубленной на пороге дома монеты; желтый цветок со словами: «Я тебе — желтый цвет, а ты мне — белый свет». Прибегают также к символическому соединению с судьбой третьего лица, подходящего по возрасту и полу. Например, сербы вставляют в путо ногу умершего и живого «О.» (или сковывают их цепью), затем «О.» обращается к присутствующему сверстнику и просит: «Ты мой божий побратим, отпусти меня». Тот освобождает его, и они становятся побратимами (см. **Побратимство**). У болгар будущий побратим (первый или последний ребенок; ребенок, у которого живы родители) ложится в гроб, изображая покойного, а затем встает и обнимает живого О. со словами: «Умерший тебе не брат (сестра), с этого момента я твой брат (сестра)». К аналогичным формам «освобождения» от умершего прибегали и в случае тяжелой болезни оставшегося в живых О.

А.А. Плотникова

ОКНÓ — часть **дома**, наделяемая многообразными символическими функциями. Как нерегламентированный вход в

жилище, противопоставленный **двери**, О. использовалось для выноса покойника, передачи ребенка, произнесения диалога-ритуала и иных магических действий. В народных верованиях и фольклоре О. связывало человека с Богом и миром предков, а также с небесными светилами и природными стихиями.

Двери и окна дома закрещивали рукой, **ножом** или другими предметами на ночь или в дни, когда в доме находились некрещеный ребенок или **покойник**. Чтобы уберечься от сглаза или вторжения нечистой силы, втыкали в окна изломанные **иглы**, чертили на них кресты мелом или ножом. В Вятской губ. крестили окна и двери на ночь со словами: «Будьте святы и благословенны, мои окошечки, дырочки, щелочки, уголочки. Отгоните всех врагов от окошечек, уголочек, дырочек».



Наличник окна светелки крестьянской избы. Нижегородская губ. Середина XIX в. Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник. Инв. № 4614д

У восточных и западных славян через О. передавали младенца, если рожденные в этой семье дети умирали. Такая передача была призвана обмануть смерть и враждебных духов и обеспечить ребенку долгую жизнь (см. **Пролезание**). Через О. также выносили детей, которые умерли некрещеными, а иногда и взрослых, умерших не своей смертью, чтобы они не возвращались обратно. В Новгородской губ. умерших от холеры вытаскивали в заколоченных гробах через окна, которые тотчас крестили рукой с повторением слова «аминь»; считалось, что холера проводит покойника до могилы, но обратно уже не сможет вернуться. На Карпатах и в Польше гроб выносили через О. или через специальный лаз под порогом, чтобы покойник не стал **вампиром**. В Заонежье в новый дом лезли по лесенке через О., если хотели обмануть **домового** из старого дома. В русских «черных» заговорах человек отправляется в поле, покидая дом через О.

Чтобы облегчить агонию или тяжелые роды, отворяли в доме окна и двери. **Душа** человека покидает дом через О. в виде птицы (Полесье, словаки). Русские, как только замечали, что человек умирает, ставили на О. чашку с водой, чтобы душа, покинувшая тело, могла омыться и улететь. В поминальной обрядности О. являлось местом общения с душами умерших: в момент смерти или после поминок вывешивали из О. кусок полотна или полотенце, чтобы душа поднялась по ним в дом, а потом спустилась обратно, вытерлась этим полотенцем либо отдохнула на нем; через О. провожали на **кладбище** души после поминок и т.д. Белорусы в ночь после осеннего поминовения мертвых клали для них на О. **блины** и **кутью** (ср. **Похороны**).

Согласно приметам, птица или **летучая мышь**, влетевшие в О., предвещают смерть кому-нибудь из домочадцев. В быличках **ведьмы**, обернувшись сороками, вылетают через О. или печную **трубу**. В русских похоронных причитаниях смерть влетает в О. черным вороном или сизым голубком; на О. садится птица, предвещающая смерть; обращаясь к умершей сестре, плакальщица призывает ее прилететь птичкой домой и сесть на окошко; в доме, оставшемся без хозяина, окошки почернели и потемнели, «на слезах стоят стекольчаты околенки», на окошке видна «злодийная тоскичушка». Гроб описывается в причитаниях как темное и тесное помещение без окон или с единственным О., противо-

поставленное светлому и просторному дому. В то же время гроб уподоблялся жилому дому, и в нем даже прорубали иногда небольшое оконце.

У русских через О. не разрешалось плевать, выливать помои и выбрасывать **мусор**, т.к. под ним стоит ангел Господень. Вообще «стоять под О.» в символическом аспекте обозначает быть нищим или посланцем Бога. В Заонежье запрет плескать грязную воду от мытья за О. в период от **Пасхи** до **Вознесения** объясняли тем, что «Христос с сумой под окнами ходит». Чтобы покойник не тревожил после смерти, в Вятской губ. клали ему в **гроб** хлеба и соли со словами: «Вот тебе, Иван, хлеб и соль. У стола не стой, в окошко не гляди и домой не ходи».

Через О. осуществляется ритуальный диалог между хозяином или хозяйкой, с одной стороны, и колядниками, волочебниками или человеком, говорящим от лица Бога, — с другой. В Заонежье в день перехода на новоселье хо́зяин обходил дом с **иконой** и сковородником, а хозяйка окликала его из О. словами: «Кто ходит?», на что он отвечал: «Бог ходит! Ангелы-святители ходят!»

Согласно легенде, известной у восточных славян, первые дома строились без окон и люди пытались наносить свет в жилище **ситом** или решетом; только позднее Бог посоветовал людям прорубить окна. Дом Бабы-яги в русских сказках, как правило, не имеет окон. Увидеть во сне дом без окон предвещает смерть. В русских заговорах описывается «огненная изба со 100 окон, со 100 девиц».

Лит.: *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 140–145; *Его же.* К описанию структуры славянского строительного ритуала // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 218–220; *Топоров В.Н.* К символике окна в мифопоэтической традиции // Балто-славянские исследования. 1983. М., 1984. С. 164–185; *Невская Л.Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. М., 1993. С. 76–79; *Мороз А.Б.* Божница и окно: семиотические параллели // Слово и культура. М., 1998. Т. 2. С. 114–125.

А.Л. Топорков

ОКУ́РИВАНИЕ — магический способ защиты от болезни, насекомых, нечистой силы. Окуривают дымом различных трав, веток, растений, соломы, смолы, шерсти, кожи, костей, тканей, мусора и пр.

При разжигании ритуальных костров в разные дни календаря (на Пасху, Троицу и т.д.) часто особое значение придается дыму, который, по поверьям, защищает посевы от вредителей и порчи. Македонцы окрестностей Скопья первого марта «дымили» соломой для отгона змей и блох; сербы на Сорок мучеников дымом от костров прогоняли змей, насекомых, болезни. С целью защиты урожая от града поляки Ловицкого повета устраивают дымовую завесу, поджигая в разных концах поля солому. Восточные и западные славяне грозовые тучи отгоняют дымом сжигаемой освященной вербы; в карпатских селах говорят при этом: «Пусть тучи в небе разойдутся так же, как расходится дым от этой вербы!».

О. широко применялось в лечебной магии, особенно при порче, сглазе, испуге, бессоннице. Чтобы избавить ребенка от испуга, в сербских селах его окуривали волчьей и медвежьей шерстью. В Полесье жгли клочок шерсти того животного, которого испугался ребенок, и говорили: «От тебя дух, а из него испуг». В русских селах стремились добыть клочок волос или одежды человека, который «сглазил» ребенка, добавляли к этому травы и окуривали ребенка при бессоннице. Отгонные формулы с упоминанием дыма используются в заговорах: например, в Полесье при лечении ребенка от испуга его обвязывают нитью четверговой свечи, которую затем сжигают со словами: «Дыми́шча, дыми́шча, иди́тя уро́ки з дыты́шча». Эпидемические болезни скота лечили, окуривая его подожженным навозом и дымом «живого огня». При лечении ряда болезней (особенно болезней зубов, горла) предписывается вдыхать дым различных сжигаемых предметов (шерсти, волос, янтаря, корней растений и пр.).

Некоторые ритуалы О. направлены непосредственно против активизирующихся в какое-либо время демонов, ср. серб. поговорку: «Где ладаном пахнет,

там черт не появляется». Южные славяне окуривали роженицу и новорожденного, подверженных действию злых сил в течение первых сорока дней. Изгоняя нечисть в Сочельник, болгары с лемеха окуривают ладаном стол, помещения в доме и хозяйственные постройки вечером в Сочельник. Сербы каждый вечер последней недели перед Великим постом поджигали кожу, рога животных, чтобы защититься от ведьм. Избавляясь от вампира, поджигали старые тряпки ночью, во время его предполагаемого появления. Чтобы ведьмы не отобрали молоко, в различных славянских зонах окуривают скот (в календарные праздники, в день первого выгона в поле, после отела и т.д.). Русские охотники окуривали травами ружья, чтобы колдуны не навели на них порчу.

Дым воспринимается как медиатор, связующее звено между землей и небом, земным и потусторонним мирами. В селах Русского Севера душу умершего отсылают «на свое место» вместе с дымом, открыв для этого печную заслонку (вид дыма или пара, по славянским поверьям, может принимать и сама **душа**). В Полесье остатки поминальных блюд выливают на дрова, чтобы дым от горящих дров «до Бога шел». На Украине заблудившегося человека или домашний скот звали, крича в печную трубу «под первый дым», т.е. как только разведут огонь в печи: заблудившийся услышит «по дыму» зов и вернется домой.

По направлению дыма (из печной трубы, от свечи, **бадняка**, ритуальных костров) гадают о благополучии в доме, об урожае, здоровье, жизни и смерти, замужестве и т.д. Повсеместно у славян поднимающийся кверху дым означает долгую жизнь, здоровье домочадцев или выздоровление больного, а также урожайный год, свадьбу. Если Д. стелится по хате, идет вниз, вбок, «падает», то это знаменует болезни, смерть хозяина или кого-либо из домочадцев. По украинским поверьям, не выходящий из хаты дым сулит раздоры и драку в доме. Дым, идущий к двери, к порогу, предсказывает смерть больного или кого-либо из собравшихся за праздничным столом родственников.

Южные славяне в отгонных формулах против дыма обращаются к нему как к живому существу: называют его по имени (серб.-хорв. *Карадим,* т.е. «густой, черный дым», *Костадим, Сакадим*), задабривают и изгоняют из дома, предлагая ему за дверью яйца, хлеб, вино и пр. В южной и восточной Сербии считается, что дым идет на того, кто помочился на перекрестке.

В виде дыма появляются разные демонические персонажи. По русским преданиям, в черный дым превращаются исчезающие, улетающие черти, бесы. По дыму распознают нечистую силу: в дыму сжигаемых в Сочельник поленьев можно увидеть ведьму; дым из печной трубы в доме ведьмы идет против ветра; если из земли поднимается дым, значит здесь закопан клад, и т.д. Поляки полагают, что в дыме от просыпанной в огонь муки при выпечке хлеба обитают **планетники**.

В виде дыма нередко представляются болезни. Кашубы считают, что серым дымом на человека налетает холера, отчего тот сразу умирает. Восточные славяне полагают, что при лечении от порчи болезнь вылетает из больного в виде темных клубов дыма; такой дым не безопасен для окружающих здоровых людей.

А.А. Плотникова

ОЛЕ́НЬ — животное, наделенное божественной и солнечной символикой и выступающее главным образом в фольклоре. В символике О. тесно переплетены черты народного, книжного, христианского, языческого, античного и др. происхождения.

Как почитаемое животное, О. запрещено убивать. По болгарскому поверью, существует О., носящий крест на рогах, убийство которого грозит человеку смертью. С христианской традицией связаны образ О. с распятием на рогах в болгарских песнях и представление об О. как слуге Божьем у болгар: когда Господь желает сообщить что-то людям, он посылает своего ангела или святого в образе О. В украинской сказке ангел принимает облик О., чтобы наказать царя Иона, похвалявшегося тем, что он силь-

нее Бога. Ср. также белорусскую загадку об О.: «Жив — и в церкви не быв, помер — не поховали, а быв богоносец». В книжной традиции (в «Физиологе») О. — символ Спасителя.

Болгарская песня так описывает священного О. — посланца Божьего: «На лбу у него солнце сияет, на груди у него месяц, рога у него — чистое золото». Сходный образ О. представлен в русском свадебном величании: «На правой бедре млад светел месяц, на левой бедре красно солнышко, по всему оленю часты звезды». Южнославянский эпический мотив поглощения О. змеей и освобождения его охотником Ильей выражает идею борьбы хтонического и небесного, солнечного начал (змеи и О.) и соотносится с мифологическим образом солнечного затмения.

У южных славян и у русских на Севере распространена легенда об О., добровольно приносившем себя в жертву в Юрьев день, в день свв. Константина и Елены, в Петров день или Ильин день. Согласно легенде, О. сам прибегал к церкви на заклание; иногда прибегали два О., одного из которых приносили в жертву, а второго отпускали. Легенда с мотивом добровольного жертвоприношения О. в определенный день года известна и в античной традиции.

Брачная символика О. присутствует в восточно- и западнославянском фольклоре: в колядках и свадебных песнях с мотивами пособничества О. в женитьбе и охоты за златорогой ланью-девицей. В севернорусской свадебной песне молодец не стреляет в О., обещающего пригодиться ему на свадьбе. Мотивы брака характерны и для русских хороводных песен. Например, в игре «Олень» участник, изображающий О., отказывался от старой старушки, от молодой молодушки и брал себе красную девушку.

По болгарским и сербским демонологическим поверьям, на крылатых О. ездят **вилы** и самодивы; по карпатоукраинским — женские лесные духи пасут О. как свой скот; по русским — в облике оленихи может появляться леший.

Оленье молоко обладает целебными свойствами. Болгары верят, что мальчик, сосавший молоко из вымени оленихи, вырастет сильным юнаком и к нему не пристанет никакая болезнь. Рога О. имеют отвращающую силу и используются как оберег. Их держат в доме для защиты от порчи и нечистой силы, трут и пьют с водой от испуга и порчи, вырезанные из них крестики носят как амулет. Согласно болгарским космологическим представлениям, О. держит на своих рогах землю. Когда ему на ухо садится муха, он трясет головой, и происходит землетрясение.

Лит.: *Сумцов Н.Ф.* Олень в произведениях народной словесности и искусства // Сумцов Н.Ф. Культурные переживания // Киевская старина. 1890. № 1; *Шаповалова Г.Г.* Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 209–223.

А.В. Гура

ОЛЬХА́ — дерево, часто упоминаемое в этиологических легендах восточных и западных славян. В них рассказывается о том, как дьявол, который соперничал с Богом при сотворении мира, пытался создать волка, однако не смог оживить его; по воле Божьей волк ожил и бросился на дьявола, который спрятался от волка на О. Тогда кровь от прокушенной волком пятки дьявола попала на О. и кора ее сделалась красной. Согласно другой легенде, Бог создал овцу, в ответ на это дьявол тут же создал козу и, желая похвастаться своим творением перед Богом, потащил козу за хвост к Богу. По дороге коза вырвалась от дьявола и спряталась на О. С тех пор у козы нет хвоста (он оторвался при бегстве), а кора у О. от крови козы стала красной. Говорят, что от этого при срубании О. плачет кровавыми слезами. Связь О. с нечистой силой объясняет популярный запрет прятаться под ней во время грозы, т.к. молния бьет в О. На Русском Севере принято было оставлять на О. жертву полевому или лесному духам — обычно в виде хлеба с солью. Ср. **Иуда**.

О. используется в народной медицине и наделяется свойствами апотропея. При лихорадке надо пойти в лес и сесть на свежесрубленный пень О., и тогда лихорадка перейдет в дерево. Поляки счита-

ли, что вода, омывающая корни О., становится черной; если искупаться в такой воде, то тело станет черным, но при этом человек будет сохранен от всех болезней.

В Польше на Троицу ветками О. украшали дома, чтобы отвернуть грозу и град. Поляки втыкали ветки О. в посевы ячменя, чтобы кроты не разрывали почву, а также клали ветки О. под снопы, чтобы обезопасить от мышей. Белорусы считали, что О. может обезопасить домашних от посещений «ходячего покойника», поскольку на ней «красная кровь сатаны». По тем же причинам в Полесье люди сажали О. вблизи домов, чтобы «черт не привязывался» к человеку. Словаки клали кусок ольхового листа в обувь новобрачным, идущим к венцу.

У южных славян О. употребляется в народной медицине, из нее высекают «живой огонь»; она упоминается и в легендах о распятии Христа: ольховые ветки ломались при бичевании Христа, за что Христос и благословил это дерево.

Т.А. Агапкина

ОМЕ́ЛА — вечнозеленое растение-паразит, живет на ветвях лиственных деревьев; символ плодородия, жизни и бессмертия. В верованиях славян имеет противоречивую природу. Оно наделяется демоническими чертами: по болгарским поверьям, в О. скрываются самодивы. С другой стороны, О. — священное растение. Ею украшают себя девушки и невесты, ее затыкают за балку потолка в доме «для здоровья и счастья» (болгары). Считается, что О. вечна, она не исчезает, не увядает, растет без корней, не касаясь земли, не имеет семени: ее происхождение считают чудесным; О. сама размножается, она растет между небом и землей; полагают, что она спадает с неба на ветви священных деревьев (дуб, ясень, акация). По мнению болгар, омелу сажают на деревьях птицы. На Руси ее называют «вихорево гнездо». О. — растение самодив, юд (болгары), **вил** (Сербия, Македония), поэтому когда его рвут, оставляют на дереве нитку или деньги. О. не вносят в дом, в других местах, наоборот, дом, в котором есть О., считается счастливым, а его хозяева всегда здоровы. О. — магическое растение, которое приносит счастье, охраняет человека и домашних животных от колдовства. Кто дотронется до нее на Новый год, будет счастлив весь год. В Словакии перед Рождеством искали белые плоды О. для украшения праздничного стола. В Чехии О. сжигали на огне, чтобы защитить дом от удара молнии.

В народных верованиях О. связана с кладами. Под лещиной, на которой растет О., живет (белая) змея с дорогим камнем на голове, а под ее корнями лежат несметные сокровища (поляки). Клад из-под земли можно добыть в Иванову ночь с помощью О., растущей на дереве, в дупле которого обитает дятел: для этого надо постучать по дереву и тогда дятел сорвет О. и бросит вниз (Лужица). Если выкопать из-под корней такой лещины короля змей, сварить, съесть и заснуть, то проснешься молодым (поляки). Если незаметно, пока змея спит, взять О., сварить и выпить отвар, можно узнать, от какого недуга исцеляет та или иная трава (хорваты). Болгары приписывают О., растущей на грецком орехе, чудесную способность превращать медь в серебро и золото. Продуцирующая функция О. отразилась в обычае поляков: чтобы летом было много меда, клали в ульи О., которую надо было сорвать перед Рождеством так, чтобы она упала не на землю, а в чьи-то руки. В Чехии крестьяне давали овцам О. с ели, чтобы они не утратили плод. Польские и чешские средневековые травники советовали класть детям в колыбель О., которая росла на яблоне или на боярышнике, чтобы их не пугали злые духи и не снились страшные сны.

Листьями и плодами лечили ревматизм (*ветровитост*), чахотку, эпилепсию и др. болезни. Иногда предпочтение оказывали О., растущей на определенных деревьях. Гуцулы от астмы советовали употреблять О. с груши, поляки от головокружения — О. с дуба, при конвульсиях — О. с лещины; у болгар особенно целебной считалась О., растущая на грецком орехе. В Чехии ценилась О., выросшая на груше, яблоне, боярышнике, ею лечили безумие. Для профилак-

тики головной боли, при головокружении ветки О. вешали в доме (центр Польши). Ее плодами излечивали бесплодие (Болгария). Отвар О. использовали для избавления от **колтуна**. Снятой с березы сухой омелой окуривали скот (Енисейская губ.).

В.В. Усачева

ОПÁХИВАНИЕ — магический обряд, призванный оградить некое культурное пространство (обычно село) и его жителей от мора, эпидемии, а также стихийных бедствий. О. состоит в том, что вокруг села прокладывается борозда, символизирующая непреодолимую границу. Ср. **Круг**.

У восточных славян О. чаще всего предпринималось в случае мора и падежа скота. Нередко основным мифологическим объектом, от которого таким образом защищали село, была «**Коровья смерть**» — персонификация смерти крупного рогатого скота. При появлении первых признаков падежа скота старухи, вдовы и целомудренные девушки собирались ночью на окраине села, раздевались донага (см. **Нагота**) или до рубах, распускали волосы и, вооружившись печными заслонками, ухватами, косами и другими предметами домашней утвари, впрягались в соху и пропахивали борозду вокруг села. Считалось, что Коровья смерть не сможет преодолеть этой границы. Остальные жители села не только не допускались к участию в обряде, но даже не имели права присутствовать при нем. Если во время О. женщины на своем пути встречали кого-нибудь постороннего, то путника обычно немилосердно избивали; встреченное животное (кошку, собаку) принимали за олицетворение Коровьей смерти и обычно убивали. Если обряд имел профилактический характер и имел место еще до того, как наступала эпидемия, то О. совершалось в полной тишине; если же падеж уже начался, то движение обрядовой процессии сопровождалось страшным шумом, который должен был помочь изгнать Коровью смерть из села. Нередко женщины несли с собой иконы св. **Власия** как покровителя скота.

В других славянских традициях О. могло совершаться по самым разным поводам. Поляки Виленской губ. при приближении засухи вырубали в лесу **дуб**, запрягали в него парня, который «опахивал» таким образом село, затем из этого дуба делали крест и ставили его при въезде в село. Болгары в Страндже за одну ночь изготовляли из древесины дуба плуг и хомут, в которые запрягали быков перед опахиванием села в случае приближения чумы или другой болезни. См. **Обыденные предметы**.

У южных славян обряд О. был тесно связан с культом **близнецов**. Обычно опахивали село братья-близнецы; при этом они впрягали в соху волов-близнецов; для опахивания изготовляли особое рало, которое делали из деревьев-«близнецов», т.е. выросших из одного корня. Во время О. в землю закапывали двух петухов, взятых из одного выводка.

Лит.: *Журавлев А.Ф.* Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор. М., 1978.

Т.А. Агапкина

ОРЁЛ — Божья птица, царь птиц и владыка небес. Имеет также черты сходства с образом хищной нечистой птицы (см. **Коршун**).

В белорусской загадке О. наделен царскими и божественными атрибутами: «Под дубом райским, под крыжом царским два орлы орлують, одно яйцо балують (Крещение)». По украинскому поверью, все О. происходят от царей. Роль О. как хозяина небес отражена в русской легенде о том, как Александр Македонский хотел взойти на небо, но О. не пустил его туда. О. управляет небесными стихиями. Южные славяне считают О. предводителем грозовых туч. Ср. русскую загадку о туче: «Летит орлица по синему небу, крылья распластала, солнышко достала». В русском заговоре О. мечет молнию: «Летел орел из Хвалынского моря кинул громову стрелу во сыру землю». По южнославянским представлениям, О. осуществляет связь между горним и подземным мирами: сво-

бодно проникает на небеса и спускается в преисподнюю.

Многие мотивы, связанные с О. в народной традиции, книжного происхождения. Южнославянские поверья приписывают О. необыкновенное долголетие. Он живет дольше других птиц и способен возвращать себе молодость, купаясь в озере с живой водой на краю света (ср. в Библии: Пс. 102:5). Книжное происхождение имеет поверье о волшебном камне в гнезде О.: «орлов камень», или «огневик», защищает от огня, болезней и порчи.

С коршуном и ястребом О. сближают некоторые поверья и легенды. Так, поляки верят, что кукушка превращается как в ястреба, так и в О. и что ястребы и О. не рождаются сами, а происходят от кукушки. По сербским представлениям, О., подобно коршуну, не имеет права пить воду во время безлунья (перед нарождением молодого месяца), во время Петровского поста или в самое засушливое летнее время до Ильина дня. В это время вода обращается для него в кровь и он вынужден страдать от жажды в наказание за то, что он якобы не выполнил поручение Бога очистить или выкопать источник.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 610–612.

А.В. Гура

ОРЕ́Х ГРЕ́ЦКИЙ — у сербов, македонцев и болгар символизирует хтонические силы и мир предков. Балканским славянам практически повсеместно известно поверье о том, что человек, посадивший О. г., умрет тогда, когда дерево сравняется по толщине с шеей этого человека, его талией или когда на нем появятся первые плоды. Это поверье объясняет популярные у южных славян запреты сажать дерево О. г. вблизи дома, пересаживать орех с места на место и т.п.

Дерево О. г. считалось опасным еще и потому, что человека, заснувшего в его тени, подстерегали самые разные болезни (запрет спать под ореховым деревом встречается в средневековых европейских травниках). Согласно южнославянским верованиям, на больших ореховых деревьях любили собираться **вилы**, самодивы и **вештицы** и другие мифологические существа, что также делало небезопасным пребывание под ним.

Связь с миром предков заметна и в популярных болгарских и македонских обычаях, приуроченных к **Вознесению** и **Троице**, когда, согласно поверьям, души умерших, временно пребывающие на земле в течение троицкого периода, возвращались обратно на «тот свет». В эти дни люди отправлялись в церковь, где, разложив по полу ореховые ветви, преклоняли колени или ложились на ветви и прислушивались к звукам, якобы исходящим от веток. Считалось, что таким способом можно увидеть и услышать мертвых. Ореховыми ветками также устилали могилы, создавая тень для душ. Ветки О. г. служили своеобразным «мостиком» между «этим» и «тем» светом, путем, по которому души приходили в «этот» мир и уходили обратно. Если бы никто из домочадцев не пришел в этот день в церковь и не разложил на полу ореховые ветки, то души не смогли бы вернуться обратно и остались бы запертыми на «этом свете». Болгары помещали ветки О. г., принесенные в эти дни из церкви, над воротами дома и двора: считалось, что они защищают людей от **русалий**.

Плоды орехового дерева (орехи) считались пищей мертвых. В период от Рождества до Крещения, когда на земле незримо присутствовали духи умерших, оставляли орехи по углам дома «для предков», рассыпали их по полу, а под конец этого периода, на Крещение, раскалывали эти орехи и гадали по ним. Полный орех предвещал благополучие, сухой и пустой — бедность и несчастья. Представление о связи орехов с хтонической сферой и с душами умерших косвенно отразилось в южнославянском запрете есть орехи в период от Рождества до Крещения, чтобы не навредить душам умерших.

Лит.: *Граматиков Г.* Орехът в традиционната народна култура // Българска етнография. 1992. № 4.

Т.А. Агапкина

ОРЙСНИЦЫ, суденицы, наречницы — женские мифологические персонажи, демоны судьбы, представления о которых распространены преимущественно у южных и отчасти у западных славян. Полагают, что О. посещают ребенка вскоре после его рождения и предсказывают ему судьбу, описывают его жизненный путь (женитьбу, рождение детей, болезни, смерть и т.д.). Все важные события (в основном, трагические) в жизни человека объясняются пророчеством О. Изменить предначертанное О. не в силах ни Бог, ни святые. Независимо от подобных фаталистических воззрений, вся ритуальная практика родин направлена на то, чтобы обеспечить ребенку счастливое будущее.

В представления об О. вплетены христианские мотивы. Многочисленные речения типа «такую судьбу предсказали ему О.» существуют параллельно с высказываниями наподобие «такова уж Божья воля». О. каждый день сообщают Богу, сколько детей родилось, и спрашивают, кому какую судьбу назначить. Существуют поверья, что в качестве трех О. приходят Иисус Христос, Богородица и св. Петр.

О. невидимы, услышать их могут только мать ребенка, повитуха или случайный гость. О. чаще всего бывает три, реже одна. Обычно О. — сестры или состоят в другом родстве. Одеты они в белые (реже черные) одежды. Их возраст колеблется — от молодых девушек до древних старух, так же, как и внешность: добрые О. очень красивы, злые же безобразны. Изредка встречаются свидетельства, что О. — мужчины, например, седобородые старцы. О. приписываются демонические черты — у них огромные головы, длинные зубы, они передвигаются как змеи и т.д. О. смешиваются с другими женскими мифологическими персонажами: самодивами, вредоносными демонами родильной обрядности и духами болезней.

Приходят О. ночью (иногда с прялками) и, стоя у изголовья кровати, у порога, очага или открытого окна, долго спорят перед тем, как вынести окончательный приговор. Чаще всего последнее слово остается за самой старшей. Нередки свидетельства, что О. записывают обстоятельства судьбы новорожденного в толстую книгу. К посещению О. готовятся, стремясь их умилостивить и избежать бедствий или хотя бы их сократить. С О. связано множество запретов и рекомендаций: не следует в эту ночь оставлять ребенка и мать одних, спать и гасить огонь и др. Чтобы задобрить О., им оставляют угощения (сладости, вино, хлеб), золотые украшения и деньги. Новорожденный обязательно должен быть одетым в эту ночь, чтобы О. не застали его голым. Если в семье до этого умирали дети, родители младенца, стремясь «обмануть» О., переносят его в другой дом, а в люльку вместо него помещают какой-либо предмет.

О том, были ли О., судят по знакам: считается, что на носу, между бровей или на подбородке ребенка остаются точки, появляется сыпь на лице и вокруг рта, краснеет нос и др. На следующий день после посещения О. над ребенком читают молитвы — или в церкви, куда его носит мать, или в доме, где устраивают угощение.

Хорошо сохранились представления об О. в фольклоре. В сказках часто встречается мотив поиска несчастливым человеком своей О. В песнях доминирует несколько сюжетов: гибель невесты или жениха в день свадьбы, женитьба сына на собственной матери и др. До сих пор в болгарских селах бытуют былички о том, как сбываются предсказанные О. трагические события: смерть юноши или девушки в день 16-летия и др.

И.А. Седакова

ÓСЕНЬ — период угасания природы, в народном календаре представленный главным образом приметами, описывающими изменения в природе, особенно в поведении животных. В это время Бог «печатает» **землю**, и до **весны** земля «закрыта», «мертва», «спит» и т.д. Начинает остывать вода, в связи с чем после определенного срока запрещается купаться (см. **Купание**); сокращается световой день (см. **Ильин день**). Осенними датами детерминированы сроки отлета птиц в теплые края, время ухода змей под землю

(см. **Воздвижение**), исчезновение насекомых (ср. осенние обычаи «похорон мух или пауков», см. **Насекомые**), окончание летнего скотоводческого сезона (истощаются летние травы) и переход к зимовью скота в хлеву, окончание действия ряда хозяйственных договоров (см. **Дмитрия св. день**) и др.

О. — время завершения сельскохозяйственных работ (косьбы и уборки урожая), в связи с чем на почитаемые даты О. приходятся основные жатвенные обряды (см. **Жатва, «Борода»**), а также праздники урожая: дни отмены запретов на пищу нового урожая — хлеб, виноград (см. **Преображение**), морковь, горох, картофель, яблоки и др. Осенний мясоед, длящийся более двух месяцев (между Успенским и Филипповским постами) — основной период заключения браков (см. **Покров**). С одним из праздников ранней осени связывалось завершение весенне-летних уличных гуляний молодежи и переход к зимним формам досуга, таким, как посиделки.

Т.А.

ОСЍНА — в народных представлениях прóклятое дерево, в то же время широко используемое в качестве апотропея.

Рассказывают, что О. виновна в том, что позволила мучителям Иисуса Христа сделать из своей древесины крест, на котором его распяли, гвозди, которыми он был прибит к кресту; Богородица либо сам Христос прокляли О. и наказали ее вечным страхом, от которого та трясется по сей день. Согласно другим рассказам, О. не проявила почтения: в момент рождения Христа и при Его кончине не затихла и не склонилась, а продолжала шелестеть листвой и трепетать. Потому она дрожит без причины, не дает плодов и не может укрыть человека своей тенью. Наконец, говорят, что мучимый страхом и раскаянием **Иуда** долго не мог найти дерево, которое согласилось бы «принять» его, и лишь О. сжалилась и позволила ему повеситься на ней, за что тут же и была проклята Богом.

О. широко используется в славянской обрядности для контактов с нечистой силой. Желая завести дружбу с **лешим**, человек должен был встать на ствол О. и обратиться к лешему со специальным приговором. На Русском Севере считалось, что дорога, по которой леший заманивает к себе путников, устлана стволами О. Восточные славяне верили: чтобы вернуть себе подмененного демонами ребенка, надо положить **подменыша** на осиновые ветки или под осиновое корыто и сильно побить, после чего демоны заберут своего и вернут женщине ее ребенка.

О. также считается местом обитания демонов. В местах, где в изобилии растет О., «вьются» или «гуляют» черти. «О. черт колышет», «О. черта носила» — так объясняют дрожание осиновых листьев.

О. используется и в качестве медиатора, ср. сербское поверье о том, что с помощью О. женщина может за одну ночь приманить в дом мужа или любовника, находящегося где-нибудь очень далеко, в другой стране. О. часто выступает и в качестве пограничного локуса. Восточным славянам известны былички о **музыканте**, который шел поздно вечером в соседнее село играть на свадьбе и наткнулся по дороге на обгорелую О., за которой ему почудился дом. Решив переночевать там, музыкант вошел внутрь и застал в доме веселящуюся компанию, пригласившую его поиграть для них. Музыкант играл до полуночи, и за каждую сыгранную им мелодию хозяева кидали ему в шапку по пригоршне денег. В полночь он заснул, а проснувшись утром, обнаружил, что никакого дома нет, а сам он стоит вблизи О. с шапкой, полной осиновых листьев, а скрипка его висит где-то на самой верхушке дерева.

О. является инструментом демонической деятельности. Ведьма варит зелье на огне из осиновых поленьев. Колдун, желающий на время превратиться в волка, использует для этого О. Найдя в лесу осиновый пень, который при срубании дерева забыли осенить крестом, он должен схватиться зубами за край его и перекувырнуться через голову. Колдун вбивал под строящийся дом осиновый кол, чтобы навредить хозяевам; ведьма втыкала осиновый кол в землю в том

месте, где она выдаивала молоко из чужой коровы.

В качестве апотропеического средства используются ветки О., колья и колышки из нее, реже — кресты из нее, а также огонь, разведенный из осиновых дров или веток. В колыбель ребенка втыкали несколько осиновых колышков или же просто делали новую, но не с железными гвоздями, а с осиновыми.

О. широко применяли при похоронах самоубийц, людей, умерших насильственной смертью, а также колдунов и ведьм. В случае мучительной смерти колдуна или грешника осиновый кол вбивали в потолок или крышу их дома. В образовавшееся таким образом отверстие должен был пробраться черт, чтобы поскорее забрать в ад душу колдуна и избавить его от дальнейших мучений. Случалось, что при кончине колдуна нечистая сила, владевшая его душой, выходила из его тела в виде какого-нибудь животного черного цвета: собаки, кошки или поросенка. Это животное полагалось немедленно убить, проткнув осиновым колом, иначе заключенные в нем черти вошли бы в другого человека и сделали бы его колдуном.

При похоронах, подозревая в покойнике будущего упыря, в могилу вбивали осиновый кол или клали на грудь умершему осиновые крестики. На огне из осиновых дров когда-то сжигали колдунов, полагая, что это обезопасит живущих от их вредительства после смерти; таким же образом поступали с самоубийцами (в частности, утопленниками), надеясь тем самым вызвать дождь.

В календарных обрядах О. используется в качестве оберега от ведьм и колдунов, причем именно в те периоды, когда деятельность последних заметно активизируется, главным образом на Купалу, в Юрьев день, изредка — в другие праздники. Чтобы ведьма и колдун не проникли в хлев, в ворота и стены хлева вставляли ветки О., а осиновые колышки втыкали в землю по углам хлева или подпирали ими ворота. Чтобы распознать ведьму, накануне праздника из молодых побегов О. сплетали подобие бороны или огромной корзины, относили ее в хлев и прятались там под борону или корзину; ночью, когда ведьма появлялась в хлеву, человек мог узнать ее, но сам бы при этом не пострадал.

О. применялась и в народной медицине, главным образом в качестве нечистого дерева, на которое — без ущерба для последнего — могла быть перенесена любая болезнь. Особенно это касалось лихорадки, поскольку дрожь от нее уподоблялась трясению О. В народной медицине нашли применение такие магические приемы, как «забивание», «пригвождение» болезни, «перенесение» и «передача» ее другому объекту: помещали в отверстие в стволе О. пук волос и ногтей больного, его «мерку» (нить, с помощью которой промерили его рост и размах рук), дули туда и заколачивали отверстие осиновым колом; дотрагивались руками или ногами до дерева, садились на свежесрубленный пень; дотрагивались кусочком О. до больного места; согнув дерево, пролезали через щель; вешали одежду больного на О.; заговаривали болезнь над О.; втыкали осиновый кол в том месте, где с человеком случился припадок. См. **Бузина, Верба**.

Лит.: *Агапкина Т.А.* Символика деревьев в традиционной культуре славян: осина // Кодови словенских култура. Београд, 1996. № 1. С. 7–22.

Т.А. Агапкина

ОХÓТНИК — наряду с другими «знающими» (**пастухом**, **музыкантом**, **мельником**, **кузнецом**, пасечником и др.) лицо, которому приписывались магические способности (см. **Колдун**).

По русским поверьям, чтобы успешно охотиться, нужно заключить договор с **лешим**: без его позволения О. не только оставался без добычи, но и мог заблудиться, погибнуть. О. получал от лешего «особую статью», т.е. заключал договор на определенных условиях, например не брать дичи больше, чем разрешал леший, приходить на охоту в определенные дни и пр. В противном случае леший наказывал О.: хлестал верхушками деревьев, насылал на него болезнь. По договору леший загонял в силки дичь и

пригонял под выстрел множество зверей, а О. стрелял на выбор. Если О. вынужден был заночевать в лесной избушке, он должен был попросить у лешего разрешения: «Пусти, хозяин, не век вековать, а одну ночь ночевать», в противном случае тот всю ночь пугал О. или выгонял из избушки.

Чтобы охота была удачной, в течение всего сезона О. должен был соблюдать ряд запретов и предписаний: не разговаривать со встречными людьми, не здороваться за руку, накануне охоты не вступать в половые отношения с женой, не упоминать на охоте о женщине, не называть некоторых животных по их настоящему имени, а использовать для этого табуированные имена, например, русские О. избегали упоминать ворона и звали его «курицей».

Охотник. Миниатюра из Мирославова Евангелия (л. 95). 1180 г.

О. владел магическими приемами охоты. На Русском Севере, собираясь на медведя, О. брал с собой летучую мышь, веря, что медведь сам выйдет на него. Гуцулы перед охотой на медведя постились и молились. В Восточной Польше верили, что О. будет удачлив в охоте, если весной поймает первую увиденную им желтую бабочку. Русские О. для этой же цели носили в кармане сучок, на котором куковала кукушка. При отправлении на охоту имели значение приметы: если О., идущему на промысел, встретились женщина или священник, дорогу перебежал заяц, перелетели ворон или сорока, то охота будет неудачной.

Чтобы ружье стреляло без промаха, а в силки попадала дичь, О. прочитывал над ними специальные заговоры, а ружье смазывал медвежьим жиром или кровью, а также кровью ворона. Повсеместно считалось, что охотничьи снасти и ружье легко поддаются **сглазу** и порче. Например, если сказать: «Не стрелок стреляет, а черт мишень подставляет», ружье будет «испорчено». Известны многочисленные обереги, в том числе заговоры, защищающие орудия лова от сглаза и исправляющие причиненный вред. В частности, считалось, что не подвержено порче ружье, которое промывается водой, освященной в Великий Четверг, или в ствол которого положены рябиновые листья. Полагали, что ружье и снасти могут «испортиться», если через них перешагнет женщина, особенно в период месячных, а если по недосмотру такое происходило, орудия охоты окуривали освященными травами. Гуцульские О. полагали, что, если убить вошь, оказавшуюся на ружье, из него уже никогда не попадешь в зверя.

У сербов О., убив волка, носили его или волчью шкуру по селу, заходя в каждый дом и выпрашивая дары. В символическом виде охота изображалась в болгарском обряде «заячья игра», в которой один из участников изображает О., а другие зайцев. При сватовстве невесты сваты часто представлялись охотниками, которые хотели бы поймать соколицу или куницу.

Согласно восточнославянским и польским быличкам, нечистая сила часто морочит О., представляясь ему в виде желанной добычи, например черт в виде зайца заводит О. в чащу и с хохотом убегает или скрывается в дупле; в другом случае оказывается, что такого «зайца»

не берут пули, а сам он, погрозив О. лапой, гонится за ним до самого дома. Сербы полагают, что на случай встречи с животным-оборотнем О. должен иметь в ружье записку с оберегом или брать с собой черную собаку без единого светлого пятна. В быличках западных славян, особенно поляков, встречается мотив дикой охоты, заимствованный из западноевропейской мифологии: мимо человека, заночевавшего в лесу, с диким свистом и криками проносится на конях группа О. в богато убранных одеждах — они оказываются или чертями, или душами тех О., которые так любили этот промысел, что охотились по воскресеньям, и поэтому после смерти вынуждены носиться по лесам, искупая свой грех.

Е.Е. Левкиевская

ОЧА́Г — основной элемент структуры жилища, связанный с культом огня. О. — сакральный центр дома, место совершения обрядовых и магических действий, направленных на обеспечение благополучия дома, здоровья домочадцев и успеха в хозяйстве (см. **Печь**). По народным представлениям, в О. обитали домашние духи и предки.

У южных славян в новом доме О. делали в последнюю очередь. Место О., находившееся в центре или восточной части жилища, освящали и кадили ладаном. В Болгарии, если строили на месте старого дома, то вначале зажигали огонь в старом О., оставляли там хлеб, мед и вино. Первый огонь зажигала самая старшая в семье женщина, принося угли из домов родных и произнося благопожелания: «Чтобы никогда не угасал этот О. и чтобы кипели на нем горшки и котлы для свадеб и угощений». У русских в Саратовской губ. при переходе в новую избу переманивали старого домового из-под печки старой избы: насыпали в лапоть горсть земли и высыпали ее под печку новой. В Болгарии на новоселье каждый гость приносил подарок, который вешал на О.

Огонь в О. никогда не затухал. Пустой О. (без огня) терял свою созидающую силу. Согласно представлениям болгар, на пустом О. совершаются вредоносные магические действия.

Очажными атрибутами молодая семья обзаводилась на свадьбе или при освящении нового дома. В южной Болгарии (Родопы) невеста получала очажные щипцы и треножник от своего отца как часть приданого. А в Ловечском крае их дарил сельский кузнец на свадьбу или новоселье.

У О. осуществлялись многие семейные обряды, именно там проходило приобщение нового члена к семье. Так, у болгар крещеного младенца оставляли на время у О. При усыновлении ребенка в обл. Охрида его проносили над О. В р-не Пчини в Сербии над О. совершали первое купание новорожденного, чтобы он долго жил и был привязан к дому.

Во время свадьбы у южных славян, когда молодая впервые входила в новый дом, ее вели к О., который она целовала, трижды обходила, ворошила в нем угли, зажигала огонь, прикасалась к кухонной утвари, мешала и солила еду. В Сербии, Хорватии невеста одаривала О. деньгами или яблоком с воткнутой в него монетой. У македонцев в р-не Охрида кум трижды ударял молодую головой о камин или заслонку, чтобы она всегда была привязана к дому и была хорошей женой. В Болгарии известны случаи, когда убежавшая без согласия родителей девушка разрыхлила угли в доме своего избранника, и домашние не могли ее вернуть в родительский дом, т.к. брак считался состоявшимся. В Словакии невеста приносила с собой пепел из отцовского О. и тайно высыпала его в печь в доме своего мужа. У белорусов молодая, оставляя дом родителей, причитала: «Добрая доля, да идзи за мной, с печи пламенем, з хаты камином!»

Около О. исполнялись ритуальные действия во время календарных праздников: в Сочельник, Рождество, на Новый год, Благовещение. У О. накрывали праздничную трапезу, проходили обряды с поленом **бадняком**; **полазник** подходил прежде всего к О. Болгары здесь закалывали черную курицу в честь духа-покровителя семьи (*стопан*, *наместник*) и оставляли ему еду в Сочельник и Новый год, т.к. он охранял семью, ее

богатство. Вокруг О. обносили рождественскую солому, тут пекли обрядовый хлеб (*чесница*) и готовили ритуальную еду (*печеница*).

О. — источник богатства и изобилия. В Болгарии колядующие на Новый год (*сурвакари*) бросали в О. речной камень и желали хозяевам, чтобы деньги текли им в карманы так же легко, как течет река через камни, и чтобы их кошельки были так же тяжелы, как тяжел камень. У словенцев (округ Мурска Собота), чтобы выводилось больше цыплят, хозяйка садилась на О. со словами: «Сколько волос у меня на голове, столько цыплят в моем дворе».

Продуцирующая сила О. переносилась и на его атрибуты. Так, очажная лопатка использовалась при первом громе: ею стучали по квашне, горшкам и амбару с пожеланием, «чтобы полнилось зерном», «чтобы был плод». Девушки в Болгарии совершали опахивание села очажной лопаткой, чтобы выйти замуж.

О. и его атрибуты широко применялись в магии и народной медицине: к печи обращались с просьбой о помощи, перед ней совершали магические действия, использовали огонь, горящий в ней, угли. Так, для облегчения агонии в Пиринском крае шапку или платок умирающего терли о дымоход или бросали в него. У словаков при тяжелых родах женщина опиралась спиной о печь. Больного сухотами, чесоткой или лихорадкой помещали в печь, иногда облепляли тестом (Карпаты, Польша, Нижегородская губ.). В Болгарии знахарки снимали порчу, собирая золу с четырех сторон О.

Основные характеристики огня (очистительная и защитная) переносились на О. и его атрибуты. Очажные щипцы и лопатка использовались для отгона градовой тучи и в весенних обрядах (1 марта, Сорок мучеников, Благовещение, Еремию) для защиты от змей и ящериц. Щипцы и лопатка обязательно находились около роженицы и младенца до 40-го дня после родов, чтобы защищать их от злых духов и болезней. У болгар новорожденного посыпали пеплом, до крещения ребенок был намазан сажей.

С О. как священным местом был связан ряд табу. Так, в Болгарии детям запрещалось рыться в огне, втыкать в О. нож, пинать ногой головню, иначе у мальчика, который это сделает, отекут тестикулы.

В Сербии О. исповедовались грешники. Около О. заключались договоры, давались и возвращались заемы. У черногорцев самым страшным было проклятье очагом.

Е.С. Узенёва

Цепи, висящие над очагом, у южных славян, символизируя центральную часть домашнего пространства, выступают как знак согласия и взаимности, а также служат оберегом от диких зверей, нечистой силы, ср. аналогичные свойства веревки, нити, пояса, предметов домашней утвари из **железа** и пр. Согласно народным преданиям и легендам, раньше цепи свисали с неба, и люди клялись на них, дотрагиваясь руками: в случае лжесвидетельства Ц. поднимались вверх и становились недосягаемыми. Ц. воспринимаются и как атрибут святых — Саввы, Петра; у сербов празднуется день поклонения «святым цепям» — *Часне вериге* (16.I/29.I).

Висящие над очагом Ц. как часть центра дома охраняли от прикосновения к ним посторонних лиц: чтобы вызвать в доме раздоры, недоброжелатели дотрагивались до Ц. колючкой. И, наоборот, приобщая невесту к новому дома, ее вели к Ц. над очагом, к которым ей следовало прикоснуться. В Черногории эти Ц. клали на покойника, пока он находился в доме. На висящих над очагом Ц. вывешивали ритуальные атрибуты: веточки **полазника** на св. Игната, перья жертвенного петуха в канун св. Мраты (11.XI/24.XI), кусочки шерсти от каждого домашнего животного и т.д.

Очажные цепи как оберег во время града выносят во двор; перед трапезой на Рождество каждый из членов семьи берется рукой за Ц. и переступает через огонь; вокруг них обносят решето с вылупившимися цыплятами, защищая от птиц-хищников, и т.д. Сербы в так на-

зываемые волчьи дни (например, в канун св. Мраты) или на Рождество связывали очажные цепи ниткой; болгары подвешивали к ним камни по количеству животных в хозяйстве или ключ с целью «замкнуть волчью пасть». Цепь может заменять обруч, веревку в рождественском ритуале кормления в кругу кур, чтобы они не разбегались в течение года. Полагается на Рождество «погрызть» очажные Ц., чтобы зубы были крепкими и здоровыми, как железо.

А.А. Плотникова

23 — 1387

П

ПА́ПОРОТНИК — растение, по поверьям, цветущее один раз в году, в купальскую ночь (см. **Иван Купала**). Рассказы о караулении и добывании цветка или семени папоротника известны в фольклоре большинства европейских народов; исключением являются Балканы: здесь подобные легенды встречаются крайне редко. В европейском фольклоре известно два основных сюжета о добывании П.: «добывание чудесного предмета» и «случайная находка простака».

В купальскую (реже рождественскую) ночь человек специально отправляется в лес, чтобы добыть П.; для этого он забирается в самую глубь леса; найдя растение, он караулит момент цветения; ближе к полуночи вокруг растения собирается нечистая сила, которая пытается напугать человека и заставить его ретироваться; точно в полночь расцветает необыкновенный цветок (появляется цветок, из которого мгновенно созревает и опадает семя); человек хватает цветок (семя), разрезает ладонь и закладывает его в ладонь; на обратном пути нечистая сила пытается отобрать цветок у человека.

Второй сюжет: в купальскую ночь человек случайно попадает в лес, чаще всего для того, чтобы отыскать волов (лошадей), потерявшихся (украденных) накануне; бродя по лесу в полночь, он натыкается на расцветший П., цветок которого случайно попадает ему в обувь (лапоть, носок); в этот момент человеку открываются тайны: он узнает, где находятся пропавшие животные, начинает понимать язык растений и животных и т.д.; однако по дороге цветок так же случайно выпадает у него из обуви (цветок путем обмана отбирают черти, барин и др.), и человек теряет обретенные знания. В ночь цветения П. случается страшная гроза.

Цветок (или семя) П. помогает отыскать клады. П. наделяет человека особым зрением, позволяющим увидеть то, что находится под землей, т.е. раскрывает перед ним земные недра, а также отпирает все замки. По словенским поверьям, если в купальскую ночь вырвать из земли П. с корнем, то на конце корня найдешь золотой перстень.

У южных славян легенды о цветущем П. известны лишь на западе и юго-западе балканославянского ареала. Сербы-граничары рассказывали, что в Ивановскую ночь П. за одну ночь отцветает и созревает, а его зерно падает на землю. Человек, сумевший завладеть этим единственным зернышком (когда оно попало ему в чулок), неожиданно прозрел и узнал все чудеса на свете. Случайная потеря «цветка познания» приводит к мгновенной утрате его чудесного дара.

Человек, владеющий цветком или семенем П., становится невидимым. При добывании цветка П. актуализируется демоническая сфера. Черногорцы считали, что П. в Ивановскую ночь стерегут **вилы**, и если человек хочет сорвать цветок, то он должен усесться в П. перед полуночью и все время размахивать в воздухе ятаганом, чтобы вилы и **вештицы** не смогли к нему приблизиться.

Т.А. Агапкина

ПАРАСКЕ́ВА ПЯ́ТНИЦА — см. **Пятница.**

ПАСТУ́Х — главный персонаж в обрядах и верованиях, связанных с защитой, сохранностью скота, особенно во время летнего выпаса. П. выполняет целый ряд обрядовых действий, обеспечивающих благополучие стада. Особым почтением пользуется П. на Русском Севере, где его

считают колдуном, имеющим связь с лешим и другими потусторонними силами. Считается, что П. заключает с лешим договор, по которому «дает» ему лучшую корову и обязуется соблюдать ряд запретов (не собирать лесных ягод и грибов, не отгонять комаров и мух, не разорять муравейники и т.д.), за что леший обеспечивает ему сохранность стада. Скрепляя договор, П. произносит заговор («отпуск»), обходит вокруг стада с **замком** и ключом, бросает запертый замок в лес, закапывает бумагу с написанным заговором в укромном месте, где оставляет его до конца выпаса скота и т.д. В некоторых русских и полесских селах П. все лето не стрижется, не имеет половых отношений, не берет с собой в поле нож и др.

Множество обрядовых действий совершает П. (иногда вместе с хозяевами) при первом выгоне скота в поле. Чтобы прогнать нечистую силу, «зло», сосредоточенное на пути к пастбищу, П. в Моравской Валахии и в Карпатах громко хлопали бичами, свистели, звонили в колокольчики, играли на трубе, дудке и т.п. В Карпатах главный П. вел стадо на пастбище окольными путями, закапывал на окраине села цепь с замком или веревку, на которой спускали в могилу покойника (чтобы не разбегались овцы), рисовал пастушеской тростью крест на земле, чертил ножом поперек дороги «границу», которую не смеют пересечь духи, бросал на мост горсть соли, натирал овцам копыта чесноком и т.д. По прибытии на место выпаса гуцульский П. всаживал топор слева от двери в пастушью хижину, добывал огонь трением сухих поленьев, подкладывал тлеющую головешку у входа в загон, кропил стадо святой водой. Как правило, у восточных славян пастух обходил скот с хлебом, солью, яйцами или яичницей, свечой, топором, замком и ключом и т.д. У всех славян важное значение имели предметы, которые П. клал себе в сумку при выгоне скота. Так, оберегая стадо, П. носил с собой на пастбище яйцо, хлеб в виде креста, крупицу освященной соли, свечу, различные «магические» травы, освященный мел, угольки, а у южных славян — пули, использованные при выстреле в момент отправления на пастбище. Чтобы П. не задремал на пастбище и не был ленивым, в день выгона скота его обливали водой.

На Рождество в украинских Карпатах и Словакии П. разносили по домам прутья, которыми следовало весной выгонять скот. В Высоких Татрах П. раздавали накануне выпаса прутья с хвойными «лапами», за что получали от хозяев деньги и угощение. П. отводилась важная роль в обрядах, совершаемых во время падежа скота: он добывал «живой **огонь**» для очистительного костра, прогонял стадо через костер или «сквозь землю», т.е. вырытый в земле ров. В Словении и северо-западной Хорватии на П. возлагались обязанности устраивать большой сельский костер на Пасху.

Обычай чествования П. распространен у всех славян. Помимо регулярной платы натурой, П. одаривали в день выгона скота и по окончании выпаса осенью; в Брестской области такое угощение называлось соответственно «запасне» и «допасне». Кроме того, П. чествовали на Пасху, в Юрьев день, на Троицу, в Петров день и т.д. В качестве угощения П. обычно готовили яичницу или снабжали яйцами для ее приготовления. У русских чествование П. называлось «мирская яичница». На Смоленщине приготовление пастухами и подпасками яичницы превращалось в сложный обряд, цель которого состояла в том, чтобы «зверь» «не увидел», «не коснулся» «скотинки», чтобы «у зверя не разомкнулись зубы» и т.д. Иногда П. сами ходили по хатам и собирали подарки, но чаще П. стоял у околицы села и принимал пироги, лепешки, деньги и холсты. В высокогорных областях Словакии главным П. устраивалось «угощение на пастбище», оно заканчивалось музыкой, традиционными песнями и плясками. В Польше во время пиршества совершался обряд выбора «короля пастухов»: им становился тот, кто первым пригнал скот на пастбище.

Лит.: *Дурасов Г.П.* Обряды, связанные с домашним скотоводством в Каргополье в конце XIX – XX в. // Культура Русского Севера. Л., 1988.

А.А. Плотникова

ПА́СХА — христианский праздник Воскресения Христова, завершающий семинедельный Великий пост.

Время пасхальной службы считалось благоприятным для совершения магических действий и гаданий, в частности для обеспечения удачи. Воры в эту ночь «заворовывали», т.е. старались незаметно украсть что-нибудь у прихожан, чтобы чувствовать себя в безопасности весь год; охотники при возгласе священника «Христос воскресе!» стреляли вблизи церковного порога в воздух, полагая, что от этого их ружья будут бить без промаха; рыбаки вместо ответа «Воистину воскресе!» говорили: «А у меня рыба есть!», чем якобы обеспечивали себе полные сети на весь сезон; девушки обращались к Богу с просьбой послать им женихов.

Проспать пасхальную службу было непростительным грехом. В качестве наказания таких людей на следующий день купали или обливали водой (ср. указ Синода от 1721 г., по которому, в частности, запрещалось «по старинному суеверному и вредному обычаю купать или обливать водою не бывающих у заутрени»). Человеку, проспавшему пасхальную заутреню, в течение года грозили неудачи.

В пасхальную ночь распознавали нечистую силу. Придя в церковь в новой одежде, можно было увидеть колдунов, стоящих спиной к алтарю; принеся в церковь специальным образом приготовленный творог или сыр, узнавали среди прихожан ведьм по небольшим хвостикам. На П., как и в **Страстной четверг**, поднявшись на чердак или на колокольню со свечой, горящей еще с заутрени, можно было увидеть **домового**. Пасхальная ночь была временем, когда на земле появлялись умершие. Спрятавшись во время крестного хода в церкви, за алтарем, можно было наблюдать, как покойники молятся и христосуются между собой. Верили, однако, что человек, выдавший свое присутствие в церкви, мог поплатиться за это жизнью.

По окончании заутрени люди стремились как можно быстрее добраться (добежать или доехать) до дома, чтобы в течение года опережать остальных во всех делах. Впрочем, часто, не заходя домой, направлялись на кладбище известить умерших родственников о Воскресении Христа и похристосоваться с ними.

Пасхальный завтрак проходил обычно в узком семейном кругу, т.к. ходить в **гости** в первый день П. было не принято. Первое пасхальное яйцо часто съедали всей семьей, разделив его по числу домочадцев. Обычай делиться друг с другом пасхальной пищей получил у восточных славян широкое распространение; в частности, в первый день П. священник и причт, а также домочадцы «молили паску», т.е. обменивались кусочками кулича или ели его сообща, разрезав на мелкие части. Обычай делиться с ближними пасхальным яйцом получает специфическое истолкование в мифологических рассказах: человек, потерявший дорогу в лесу, должен вспомнить, с кем в последний раз он делил пасхальное яйцо; после этого он сможет найти дорогу и вернуться домой.

Немало магических свойств приписывалось освященным пасхальным **яйцам**, их скорлупе, а также остаткам других пасхальных блюд, например костям поросенка. С пасхальным яйцом обходили загоревшееся строение или кидали его в огонь, надеясь, что яйцо поможет остановить **пожар**; с пасхальными яйцами искали заблудившуюся скотину, клали их в посевное зерно, оглаживали ими корову при первом весеннем выгоне, закапывали в поле, чтобы у льна головки были величиной с яйцо; кости поросенка также закапывали в посевы, чтобы уберечь их от града.

В течение всей недели начиная с первого дня П. священники в сопровождении причта и наиболее благочестивых прихожан обходили с иконами все дома в селе и служили там пасхальные молебны, за что получали вознаграждение.

С вечера пасхального воскресенья по домам ходили группы мужчин (*волочебников* — в Белоруссии, *христованников* — на юго-западе и западе России) и поздравляли хозяев с праздником. Они исполняли под окнами специальные песни, в которых помимо обычных величальных образов, рассказывающих о богатстве крестьянского двора, перечис-

лялись основные годовые праздники традиционного аграрно-хозяйственного календаря крестьянина. Аналогичные обходы на пасхальной неделе были и у западных славян. Так, поляки обходили дома, нося или везя с собой живого или деревянного петуха как символ воскресшего Христа.

У западных славян на пасхальной неделе практиковались массовые молодежные обливания. Понедельник был мужским днем (парни, мальчики, мужчины поливали женщин и девушек), а вторник — женским. Парень старался облить понравившуюся ему девушку, в ответ на что, при согласии, она одаривала его крашеными яйцами или преподносила другие подарки; во время пасхальных обливаний обнаруживалась и общественная оценка поведения той или иной девушки: считалось постыдным, если девушку не облили в пасхальный понедельник; это означало ее осуждение молодежным сообществом за развязное поведение или иные прегрешения.

Среди пасхальных развлечений основное место занимали игры с крашеными яйцами, и прежде всего катание яиц по земле или со специальных лотков, а также «битки» — битье крашеными яйцами. У восточных славян в течение всей пасхальной недели любой человек мог подняться на колокольню и звонить в **колокола**; этому звону нередко приписывался магический смысл. Из других пасхальных забав выделяются **качели**, а также хороводы, имеющие аграрно-хозяйственную и любовно-брачную тематику (в последних обычно назывались будущие супружеские пары и величались молодожены, поженившиеся в течение последнего года). Обязательными для пасхальных праздников были взаимные посещения близких родственников.

На пасхальной или следующей за ней Фоминой неделе имело место массовое поминовение умерших. См. **Задушницы, Нави, Радуница**.

Т.А. Агапкина

ПА́ХАРЬ, о р а́ т а й — в славянской мифологии культурный герой. Согласно широко распространенному фольклорному сюжету, П. вытеснил с земли первобытных **великанов** — воплощение диких, необузданных сил природы. В этиологических мифах о происхождении Змиевых валов (древних укреплений в Среднем Поднепровье) и рек П. действует вместе с другим культурным героем — **кузнецом**. По украинскому преданию, Бог послал на землю чудовищного змея, который требовал человеческих жертв. Когда пришел черед царевича, тот бежал от змея, читая молитву, и спасся в кузнице, где свв. Борис и Глеб ковали для людей первый плуг. Змей языком высадил дверь кузницы, но святые ухватили его за язык раскаленными щипцами и запрягли в плуг. Они провели плугом борозду, которую и называют «Змиевым валом». Другой вариант того же предания — о Кузьме-Демьяне, Божьем Ковале, который заставляет змея пропахать землю до самого Черного моря: там пахарь дает змею напиться и тот, выпив полморя, распадается на части — превращается в мелких змей и «гадов».

В славянских легендах, восходящих к апокрифическому «Слову об Адаме и Еве», первый П. — Адам (Ева — первая **пряха**). Бог дал Адаму плуг, чтобы он в поте лица добывал себе хлеб. По болгарскому апокрифу, Адам запряг волов и стал пахать, но дьявол не дал ему возделывать землю, объявив, что земля принадлежит ему, и потребовал расписку, которой Адам отдавал бы себя во власть дьявола. Адам перехитрил сатану, вручив ему расписку, что он и дети его будут принадлежать Владыке земли, имея в виду Бога. В болгарском апокрифе «О крестном древе» (X в.) сам Иисус вспахал ниву на пути в Вифлеем. Ср. украинские колядки, где Бог пашет золотым плугом на золотых волах, св. Петр (или Павел) их погоняет, а Богородица приносит в поле пахарям еду. Известен также русский заговор, произносимый при сборе целебных трав: «Святой отец праведный Абрам все поле орал, Симеон Зилот садил, Илья поливал, Господь помогал. Небо — отец, а земля — мать. Благослови, Господи, эту траву рвать». См. о символике пахоты (обработки земли) как о брачных отношениях, оплодотворении в ст. **Земля.**

В русском былинном эпосе П. Микула Селянинович сильнее князя-**волхва**; согласно чешской раннеисторической традиции, П. Пршемысла избирают князем после чудесного знака: в его руках начинает зеленеть сухая ветвь, которой он погонял волов (ср. с этим библейским мотивом восточнославянский обычай держать вербную ветвь во время ритуала первой пахоты). В сербской юнацкой песне Марко Кралевич пашет «султанские дороги»: турки требуют, чтобы герой не распахивал дороги, Марко же велит туркам не топтать его пашню; подняв плуг вместе с волами, Марко избивает турок. В славянской народной культуре с древнейшего периода особое значение придается земледельческому труду: ср. племенные названия и названия народов, восходящие к обозначению поля, — поляне, поляки, ляхи (от «лядь» — расчищенный от леса участок земли).

Орудия пахоты — плуг, соха почитались священными: согласно русским источникам XVII в., в Москве «в навечерие Богоявления... кликали плугу» — взывали к плугу; у поляков накануне Рождества лемех плуга клали на стол, чтобы кроты и мыши не портили пашню. Плуг (орало) изображался у болгар на обрядовом новогоднем хлебе. В день встречи Нового года на Западной Украине обходили дворы с плугом, изображая пахоту и осыпая дворы овсом и кукурузой; в песнях-колядках ряженые пели о волах, медведях, воронах и др. птицах, запряженных в плуг, заклинали уродить жито и т.п. В русской традиции на Пасху избирался П., производивший ритуальную запашку; при первой пахоте использовались ритуальные предметы, освященные на Пасху, что должно было обеспечить урожай (в.-слав.). Вместе с тем проведение ритуальной борозды, **опахивание** села, предохраняло от мора.

В.Я. Петрухин

ПЕРЕВОРА́ЧИВАНИЕ ПРЕДМЕ́ТОВ — магическое действие в составе погребального и некоторых других обрядов, призванное предотвратить «возвращение» покойника, его «хождение» после смерти или отогнать **нечистую силу**. Это может быть вращение по вертикали или по горизонтали, а также выворачивание наизнанку (обычно одежды). Уже во время агонии часто переворачивали самого умирающего так, что его голова оказывалась на месте ног. При погребении колдуна его выносили из избы не ногами, а головой вперед и у первой реки переворачивали тело в гробу навзничь (Вологодский край). Переворачивание лавок, табуреток или стульев, на которых стоял гроб, известно в разных славянских традициях. В России в новгородских деревнях и селах до недавнего времени, когда выносили из избы покойника, крестили дверь и «валили», переворачивали табуретки, на которых стоял гроб. То же делали на севере Польши: переворачивали лавки, «чтобы на них не сел покойник». Черногорцы снимали с петель входную дверь и переворачивали ее, если в семье скончался молодой мужчина.

Во многих местах было принято переворачивать сани или телегу, на которой гроб везли на кладбище. На юге Польши телегу переворачивали и оставляли так до следующего дня, потому что иначе «на телеге будет тяжело ездить». В Вологодской губ. сани оставляли опрокинутыми полозьями вверх и с обернутыми назад оглоблями недалеко от дома до сорокового дня, веря, что покойник, стремящийся вернуться домой, увидев перевернутые оглобли, возвратится в свою могилу. Сербы умерших младенцев относили на кладбище в колыбели, а после погребения колыбель переворачивали и оставляли на могиле.

В славянском погребальном обряде известно также переворачивание посуды. Полесские крестьяне при приближении кончины домочадца выливали всю имевшуюся в доме воду во двор, а сосуды переворачивали вверх дном. Переворачивали и оставляли на могиле также горшки или миски, в которых за гробом несли горячие угли. На Русском Севере (Олонецкий край) на кладбищах, по свидетельству Г.И. Куликовского, «на каждой могиле лежит лопата и стоит кверху дном обыкновенный печной горшок». У сербов было принято перед наступлени-

ем смерти зажигать свечу и одновременно переворачивать все зеркала, корыта, ведра и ими не пользоваться до конца похорон. П. п. известно также в южнославянских обрядах защиты от **града** — переворачивали треножник, трапезный столик и др. предметы, рассчитывая этим повернуть назад надвинувшуюся на село тучу.

На Балканах в знак **траура** женщины часто носили вывернутую наизнанку верхнюю **одежду**, а мужчины — вывернутые шапки. Выворачивание одежды применялось также для отгона приставшего в пути животного (собаки, лошади, овцы): на него махали одеждой, а затем надевали вывороченное платье и продолжали путь. Сербы, если им нужно было куда-нибудь отправиться ночью, переворачивали шапку, кафтан или иную одежду, чтобы защитить себя от нечистой силы. Помогал этот прием и в случае, когда человек не мог выбраться из леса, где его «водил леший» (надо было надеть обувь с правой ноги на́ левую и наоборот). Использовался он и при лечении: белорусы больному ребенку надевали вывернутую наизнанку рубашку или клали его в колыбели «наоборот»: ножками «в головашки».

Переворачивание нечистого, заложного покойника в могиле было распространенным приемом, позволявшим избавиться от его «хождения»: тела́ ведьм, колдунов, упырей переворачивали в могилах со спины лицом вниз и забивали в могилу осиновый кол или (у южных славян) кол из боярышника.

Переворачивание, таким образом, соотносилось с представлением о потустороннем («перевернутом») и демоническом мире, поэтому вне связи с этими мирами оценивалось негативно. Например, запрещалось держать буханку хлеба коркой вниз (это предвещало смерть кого-либо из домочадцев), переворачивать после еды миску или класть ложку тыльной стороной кверху, если это не поминальная трапеза, когда подобные действия предписывались ритуалом.

Лит.: *Толстой Н.И.* Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

Н.И. Толстой

ПЕРЕЖИ́Н, прожи́н — известный у русских (частично — у белорусов) способ магического отбирания урожая с чужого поля; вид вредоносной магии (ср. **Залом**). Представляет собой сжатую во ржи узкую полоску («еле заметную тропинку»), которая тянется с одного края поля на другой; либо две дорожки шириной в палец, которые пересекают поле крест-накрест. По белорусским (р-н Гродно) поверьям, ведьмы во время цветения ржи срезают по углам чужой нивы несколько стеблей и относят в свой амбар, чтобы «перенять» урожай. Иногда хозяева замечали, что в их поле выжаты небольшие круги (величиной с блюдце), и считали их П. (Костромской край).

Эти злокозненные действия приписывались «знающим» людям (колдунам-пережинщикам, ведьмам-пережинщицам) или нечистой силе — лешему, полевику, злому духу. Подходящим для П. временем считался период цветения злаков, ночь накануне Ивана Купалы или начало жатвы.

По севернорусским представлениям, посевы рядом с П. обычно бывают не вытоптаны, колосья не помяты, следов на земле не видно, поэтому говорили, что колдуны делают П., «вися в воздухе вниз головой» и выстригая колосья ножницами: «Нечистая сила держит колдуна за ноги, и он срезает колосья». Жители Калужской обл. рассказывали, что колдунья привязывает к левой ноге крохотный серп и идет с ним через поле, сжиная стебли ржи. По другим поверьям, женщины-ведьмы делали П. тайком от односельчан с помощью обычного серпа: накануне Ивана Купалы ведьма, раздевшись до нижней рубашки и распустив волосы, без креста и пояса, сжинает несколько пучков злаков и переносит их на свое поле. Выходя делать П., «знающие» люди переворачивали в доме все иконы «вверх ногами» и открывали настежь двери своего амбара, чтобы чужое зерно «текло в их сусеки». Если сосед случайно заглянет в амбар пережинщи-

ка, то увидит, что зерна там не лежат обычным образом, а стоят торчком. В Можайском р-не Подмосковья рассказывали, что сельский мельник мог опознать того, кто делал П.: начиная молоть привезенное кем-то на мельницу зерно, он видел, что «оно стоит в мешках торчком».

Чтобы распознать среди односельчан пережинщиков, крестьяне Владимирской губ. за неделю до начала жатвы, договорившись между собой, сжинали каждый на своем участке по горсти первых колосьев, сносили их в одно место и зажигали костер, считая, что у охотника до чужого урожая от этого погорит в поле весь хлеб.

Близкие к этим поверья об отбирании урожая (без термина «пережин») известны в болгарской мифологии: женщина-ведьма в ночь на Иванов день идет к чужому полю, произносит магическое слово, в результате чего все жито склоняется вниз, а «царь нивы» (стебель с двойными колосьями) остается стоять; тогда она срезает эти колосья и уносит на свое поле. Эти действия называются «отбиранием жита».

Лит.: *Терновская О.А.* Пережины в Костромском крае // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 117–129; *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 73; *Власова М.* Русские суеверия. СПб., 1998. С. 388.

Л.Н. Виноградова

ПЕРЕКРЁСТОК — роковое, «нечистое» место, принадлежащее демонам. На П. совершаются опасные и, наоборот, исцеляющие действия, гадания, произносятся заговоры; полагают, что на П. нечистый дух имеет власть над человеком.

По русскому выражению, «на перекрестке черти яйца катают, в свайку играют». По поверьям, на распутьях дорог можно увидеть **ведьму**, **русалок**, **лешего**, **черта**. Проход через П. сопряжен с различными опасностями. В Закарпатье, например, при выгоне скота колдуны и колдуньи закапывали на П., где проходит стадо, «манту» (соль с кусочком пасхи) со словами: «Беру сметану, оставляю молоко...» Для безопасности перехода через П. часто совершают действия-обереги: когда везут ребенка в церковь на крещение, в западном Полесье на П. заранее выбрасывают три прутика из веника; при выгоне скота в польских Татрах главный пастух чертит ножом на П. «границу», которую не смеют пересечь злые духи; в Закарпатье стараются обойти П. окольными путями. Русские крестьяне в качестве «жертвы» лешему за корову оставляли в лесу на П. яйцо или печенье из ржаной муки.

На П. человека подстерегали болезни. В русских губерниях во время **опахивания** при массовой эпидемии скота исполнители обряда предпринимали особые действия на П.: очерчивали сохой крест и зарывали в землю ладан, били топорами по земле, кричали: «Гони, гони! Бей! Долой с нашей земли!» Таким образом для **Коровьей смерти** закрывался вход в село через П.

П. считается и местом пребывания душ умерших, особенно заложных **покойников** («нечистых» умерших). Здесь хоронят самоубийц и найденные трупы, около которых «для охраны» ставят кресты и часовенки. В поминальные дни на П. рассыпают для птиц (душ) зерно.

Распространены гадания на П. Восточные славяне «подслушивают» на П.: откуда донесутся какие-либо звуки, туда девушка пойдет замуж. У лужичан девушка, набрав в рот капусты, идет в новогоднюю ночь на распутье дорог в ожидании, что первый встречный и окажется ее мужем.

На П. происходят предопределяющие судьбу **встречи**. Так, если в семье часто умирали дети, лучшим средством исправить ситуацию считался выход отца новорожденного на распутье дорог, где он выжидал проезжих и прохожих: первых встретившихся мужчину и женщину он приглашал в кумовья своему ребенку. У южных славян такого ребенка ненадолго оставляли на П., чтобы первый встречный «нашел» новорожденного и принес родителям, которые в свою очередь давали своему ребенку имя *Најда*, *Најден* и т.п.

С целью избавиться от болезни, пере-

дать ее другому человеку, животному на П. выливали использованную лечебную воду и т.д. Если нельзя было определить, чем болен ребенок, белорусы просеивали через решето пепел и оставляли его на распутье дорог так, чтобы на миску падал лунный свет, а ветер мог свободно разносить содержимое «на все четыре стороны». Предполагали, что, если через три дня ветер развеет пепел, дитя освободится от неведомой болезни.

А.А. Плотникова

ПЕРЕПЛУ́Т (церковнослав. *Переплутъ*, ср. рус. «плут», «плутать» или «переплыть», если П. имел отношение к мореходству) — восточнославянское божество, упоминаемое вместе с *берегинями* в «словах» против язычества. По гипотезе В. Пизани — восточнославянское соответствие Вакха-Диониса. Данные о П. недостаточны для точного определения его функций. Не исключена связь с именами богов балтийских славян типа Поренут, Поревит и с табуированными именами, производными от имени громовержца (**Перун**).

В.И., В.Т.

ПЕРЕПРА́ВА — преодоление водной или иной преграды, символизирующей границу между миром живых и миром мертвых. Осмысляется как наиболее ответственная часть пути в иной мир, связанная со смертельным риском и испытаниями, результат которых не предрешен заранее. Человек переправляется через реку (в том числе и огненную) или море с помощью **моста**, лодки, корабля, вброд, пешком или верхом на коне или птице; иногда превращается для этого в сокола.

Эпизод или мотив П. встречается в сказках, былинах, обрядовых и необрядовых песнях, духовных стихах. Часто он имеет драматический характер. П. необходима и неизбежна для фольклорного персонажа, желающего изменить свою судьбу, однако он рискует жизнью, отваживаясь на нее: он может утонуть, оказаться в пламени огненной **реки**; на мосту его ожидает поединок со змеем и т.д. Чтобы благополучно переправиться на другой берег, герой должен проявить мужество и смекалку.

В песне «Когда было молодцу пора-время великая» из Сборника Кирши Данилова (XVIII в.) молодец подъезжает к реке Смородине и просит ее показать броды и мосточки; река отвечает ему «человеческим голосом, да и душой красной девицей», что обычно берет с «конинного брода» по коню, а с калинова мосточка — по удалому молодцу, но его она и так пропустит. Переехав через речку, молодец начинает над ней насмехаться, дескать, «она хуже, быстра река, тое лужи дожжевыя»; тогда река Смородина заманивает его и, разлившись, топит в глубоком омуте.

Мотив П. разработан во множестве версий в свадебной поэзии. В одних песнях молодец ведет девицу через реку по шатким мосточкам или найденной тут же жердочке. В других свадебных песнях девушка гуляет в саду у реки и видит милого на другом берегу; он зовет ее к себе, а она боится: «Ах я рада б перешла, переходу не нашла, / Переходец нашла — жердочка тонка, / Речка глыбока, водица мутна...». В третьих — девушка приходит к крутому берегу и кличет громким голосом перевозчика; жених сначала предлагает прислать за ней раззолоченный корабль, потом коней и наконец сам прилетает к ней в образе сокола.

В девичьих гаданиях восточных и южных славян, основанных на вызывании вещего сна, П. также символизирует замужество. Так, например, русские девушки Костромского края делали из прутьев веника «мостик» над чашкой воды и ставили ее под кровать со словами: «Суженый-ряженый, переведи меня через мост!»; во сне должен был привидеться жених, переводящий через реку.

В духовных стихах о Страшном суде путь на «тот свет» рисуется как П. через огненную реку. Архангел Михаил охраняет П. либо перевозит на другой берег души в ладье.

Лит.: *Виноградова Л.Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 21–23;

Потебня А.А. Переправа через воду как представление брака // *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989. С. 553–566; *Еремина В.И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 149–165; *Самоделова Е.А.* Рязанская свадьба: Исследование местного обрядового фольклора. Рязань, 1993. С. 114–136.

А.Л. Топорков

ПЕРУ́Н — в славянской мифологии бог грозы (грома). Общеславянский культ П. восходит к культу бога грозы (грома) в индоевропейской мифологии и имеет много общих черт с аналогичным культом Перкунаса в балтийской мифологии. Бог грозы уже в индоевропейской традиции связывался с военной функцией и соответственно считался покровителем военной дружины и ее предводителя (у славян — князя), особенно на Руси. Его представляли в виде немолодого мужа: по древнерусскому летописному описанию, голова его деревянного идола была серебряной (седина?), а усы — золотыми. По данным других индоевропейских традиций, особое мифологическое значение имела борода громовержца, что косвенно отразилось в русских фольклорных формулах, относящихся к «бороде Ильи», образ которого заменил П. в эпоху двоеверия. Главным оружием П. были камни (пол., «громовый камень» — название белемнита) и стрелы (др.-рус. «громовая стрела», пол. «громовая стрела»), а также топоры, являвшиеся, как и стрелы, предметами языческого культа (в древнерусских христианских текстах — «богомерзкие вещи»). Миф о П. частично восстанавливается по его следам в белорусской и некоторых других славянских традициях, где громовержец соотнесен еще с самим П. (бел. *пярун*, «гром»), и по многочисленным сказочным, былинным и др. фольклорным трансформациям, где П. заменяют **Илья** и другие персонажи с позднейшими именами. П., первоначально в образе всадника на коне или на колеснице (ср. позднейшую иконографию Ильи-пророка), поражает своим оружием змеевидного врага (в изначальном варианте мифа — то мифологическое существо, которому соответствует **Волос-Велес**, в поздних текстах — сказочный **Змиулан** и т. п.), последовательно прячущегося от него в дереве, камне, в человеке, животных, в воде. При дальнейших трансформациях мифа может изменяться имя (но не облик) П. и его противника, но основная сюжетная схема остается неизменной. После победы П. над врагом освобождаются воды (в архаических и поздних трансформациях мифа — скот, женщина, похищенная противником П., — см. **Марена, Мокошь**) и проливается дождь. Поэтому наиболее очевидной интерпретацией мифа о П. является его истолкование как этиологического мифа о происхождении грома, грозы, плодородного дождя. Этому мифу соответствуют общеславянские ритуалы, само название которых указывает на связь с культом П.: болг. «пеперуна» с многочисленными табуистическими и звукоподражательными вариациями типа *пеперуда, перперуга, преперуда*, серб.-хорв. *прпоруша* и т. п.; такое же объяснение предлагается и для названий аналогичных ритуалов типа болг. и серб.-хорв. **додола**. Эти ритуалы вызывания дождя включают обливание женщины, возможно, первоначально связанной с жертвами П. Характерной чертой мифов и ритуалов, связанных с П., является их соотнесение с дубами и дубовыми рощами (ср. «Перунов дуб» в средневековой западноукраинской грамоте) и с возвышенностями, на которых ставили в древности идолы П. (в Киеве и Новгороде) и его святилища. Соответственно по всей древней области расселения славян известны названия возвышенностей и гор, которые происходят от имени П. Связь П. с горами и дубовыми рощами восходит к индоевропейскому периоду. В балтийской и славянской мифологиях П. приурочивается к четырем сторонам света, что видно, в частности, и из названия четверга как «дня П.» в полабской традиции. Согласно древнерусскому источнику, «Перунов много» (Перунъ есть многъ), что относилось к наличию нескольких географических и сезонных ипостасей П., каждая из которых в мифологии балтийских славян, по-видимому, нашла продолжение в самостоятельном божестве, воплощающем лишь одну из ипостасей П. В пантеоне Киев-

ской Руси П. почитался как высший бог, что видно и по его месту в списках богов.

Лит.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974 (лит.); *Их же.* Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

В.В. Иванов, В.Н. Топоров

ПЕСТ — см. **Ступа и Пест**.

ПЕТРО́В ДЕНЬ — день памяти Петра и Павла, отмечаемый 29.VI/12.VII. П. д. — одна из ключевых дат летнего цикла, имеющая много общего с главным летним праздником — Ивановым днем (см. **Иван Купала**).

П. д. считался календарной границей года, после которой в природе начинались изменения, свидетельствующие о приближении осени. По русским поверьям, в П. д. св. Петр якобы «оплевал» листья, поэтому после этого дня уже не заготавливали трав и растений, не ломали ветки на веники и т.п. Болгары верили, что после П. д. начинает холодать, солнце поворачивает к зиме, птицы перестают петь, а трава расти. В южнорусских губерниях на рассвете П. д. люди ходили «караулить солнце»: смотреть, как при восходе оно «играет», переливаясь разными цветами. У восточных славян (особенно у русских) в ночь на П. д. часто совершались **бесчинства**.

У южных славян (особенно широко в Хорватии) в П. д. часто жгли **костры**. **Пастухи** зажигали огромные факелы и носили их вокруг загонов со скотом. Иногда П. д. был одним из нескольких летних праздников, когда принято было жечь костры (наряду с Ивановым и Видовым днями). Пастухи совершали действия, призванные защитить скот: они плели венки, которыми украшали скот, загоны и изгороди, вешали венки на молочную посуду и т.п.

До П. д. во многих славянских традициях соблюдался запрет есть фрукты нового урожая, главным образом яблоки. Сербы из окр. Болевца полагали, что в П. д. св. Петр на небе делит фрукты между умершими детьми. Верили, что в П. д. св. Петр трясет в раю яблоню, потом собирает детей и угощает их яблоками; если же чья-нибудь мать нарушила запрет, ее ребенок лишается яблока. В П. д. матери, прежде чем отведать фруктов, относили их на кладбище, давали нищим, раздавали в память об умерших или устраивали угощение для соседских детей, и только после этого запрет есть фрукты снимался.

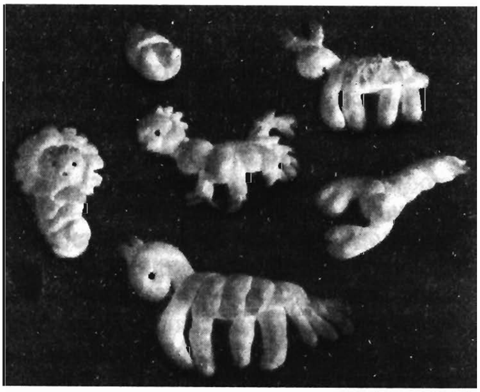
Кое-где у южных славян в П. д. совершалось коллективное заклание животного (вола, петуха и др.) и последующее пиршество (ср. **Братчина**).

В России на П. д. молодожены посещали родителей невесты; поскольку к П. д. кончался Петров пост, то говорили. что молодожены приходят «на сыры». К этому дню отец невесты готовил для дочери новые вилы и грабли и дарил ей в П. д., чтобы молодая женщина в новой семье могла участвовать в предстоящем сенокосе.

Т.А. Агапкина

ПЕЧЕ́НЬЕ — хлеб обрядовый, выпекаемый с магической целью. П. или хлебцы различной формы обычно готовились в календарные праздники, особенно часто — на святки и некоторые весенние праздники (**Благовещение**, **Сорок мучеников**). Хлебные изделия в виде фигурок животных, птиц, сельскохозяйственных орудий имеют сответствующие названия: «козульки», «коровки», «копытца», «жаворонки», «серпы», «бороны» и др. У южных славян (прежде всего у сербов и болгар) распространен обычай выпекать под Рождество очень большое количество хлебцев: их форма и названия отражают многочисленные сферы хозяйственной деятельности, которые должны принести прибыль в следующем году (например, «нива», «гумно», «улей», «корова с теленком» и т.д.). Выпечка П. в форме домашних животных часто приурочивалась к праздникам, посвященным животным или их святым-покровителям. Обрядовые действия с этим хлебом заставляют предполагать, что фигурки из теста заменили собой жертвенное животное. Так, на Рязанщине в день осеннего Егория пекли печенье «кони», ко-

торое молодые люди собирали с каждого двора и несли в поле, где оставляли со словами: «Егорий милостивый, не бей нашу скотину и не ешь. Вот мы тебе принесли коней!» Очень часто хлебные изделия в форме животных скармливали скоту с пожеланиями, «чтобы скотина лучше водилась». Для этого в центральнорусских областях «коней» на Новый год давали съесть лошадям, фигурки коров — коровам и т.д.



Фигурное печенье — угощение на свадьбе и крестинах. Южная Чехия. Реконструкция 1981 г.

Фигурное П. в виде животных и птиц нередко изготовлялось на святки специально для колядующих, а также для раздачи детям и нищим. В селах Московской области фигурки коров из теста подавали колядующим, чтобы обеспечить благополучие в хозяйстве. Считалось также, что скот начнет болеть и пропадать, если «обходчикам» не подать «коровку».

Широкое распространение у восточных славян имеет обычай выпекать в середине Великого поста хлебцы в виде **креста**. Это печенье хранили до первого выезда в поле или до первого выгона скота. Считалось, что оно помогает при весенних работах: способствует будущему урожаю, охраняет при выгоне на пастбище скот и т.д.

А.А. Плотникова

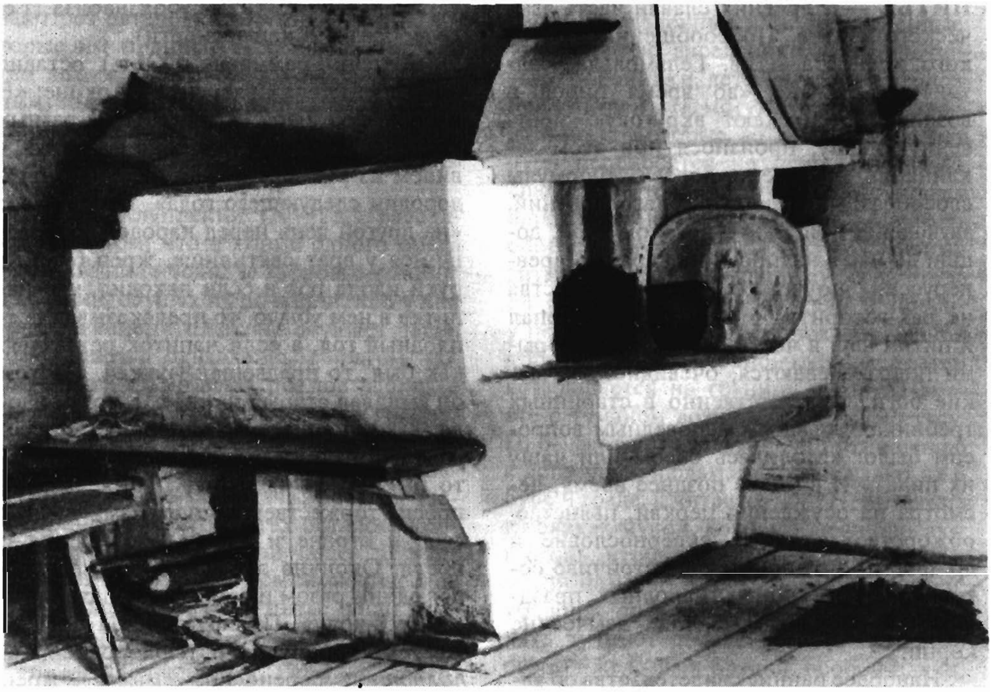
ПЕЧЬ — у восточных славян наиболее мифологизированный и символически значимый предмет обихода.

П. играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы. Как вместилище пищи или домашнего огня она воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия и в этом отношении соотнесена со **столом**. Поскольку же через печную трубу осуществляется связь с внешним миром, в том числе и с «тем светом», П. сопоставима с дверью и окнами. Печная труба — это специфический выход из дома, предназначенный в основном для сверхъестественных существ и для контактов с ними: через нее внутрь проникают огненный **змей** и черт, а наружу вылетают ведьма, душа умершего, болезнь, доля, призыв, обращенный к нечистой силе, и т.п.

В противовес красному углу, в котором хранятся иконы и человек как бы предстает перед лицом Бога, П. воплощает сакральность иного типа. В ней готовят пищу, на ней спят, а в некоторых регионах используют также и в качестве бани; с ней по преимуществу связана народная медицина. В связи с этим и символика П. отнесена главным образом не к сфере ритуально-праздничного или этикетного поведения человека, а к его интимной, «утробной» жизни в таких ее проявлениях, как, с одной стороны, соитие, дефлорация, развитие плода, рождение, а с другой — агония, смерть и посмертное существование.

Характер символического осмысления П. во многом предопределен тем, что поддержание домашнего огня и приготовление пищи были специфически женскими занятиями. Незаметная, подчас даже намеренно скрытая от мужчин повседневная деятельность женщины протекает как бы в присутствии предков и под их покровительством.

Разные символические значения П. актуализировались в зависимости от обрядового контекста. Если в свадебном и родинном обрядах она символизировала рождающее женское лоно, то в похоронном — дорогу в загробный мир или даже само царство смерти. В восточнославянском обряде «перепекания ребенка» П. символизирует одновременно и могилу, и рождающее женское лоно, причем за-



Глиняная печь конца XIX в. в сельском доме в Подлясье
(д. Новоберезово, Белостокское воеводство, Польша)

совывание ребенка в П. призвано убить и болезнь, и самого больного ребенка, чтобы возродить уже ребенка здорового.

На Украине, в Белоруссии и в Польше было принято, вынув хлеб из П., положить туда одно, два или три полена для того, чтобы по ним на «том свете» перейти через пекло, через огненную реку или канаву с кипящей смолой. Известны, однако, и другие мотивировки: вынув хлеб из П., нужно бросить туда полено, чтобы хлеб не выводился, «чтобы не зевала П.», т.е. не было голода. На ночь в П. клали полено и ставили горшок с водой, чтобы у П. или у огня было что есть и пить.

Домашний огонь постоянно поддерживали в П. и сохраняли ночью в виде горячих углей. Их старались не передавать в другой дом, иначе вместе с огнем семью могли покинуть достаток и благополучие. Известен бродячий сюжет о разговоре двух огней: один из них жалуется другому, что его хозяйка плохо за ним следит, и сообщает, что собирается в виде наказания устроить пожар и сжечь ее дом.

Когда кто-нибудь уходил из дома, П. закрывали заслонкой, чтобы ему повезло в пути и его не поминали лихом оставшиеся хозяева. В Полесье хозяйка, вынув из П. хлеб, закрывала ее заслонкой, иначе, по поверью, когда она умрет, у нее будет рот «раззявлен». При приближении грозы заслоняли трубу, чтобы черт или другая нечистая сила не могли туда спрятаться и гром не ударил в хату. Через трубу зовут пропавший в лесу скот в надежде, что он вернется обратно.

Лит.: *Топорков А.Л.* «Перепекание» детей в ритуалах и сказках восточных славян // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 114–118; *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 53–54, 116–117, 215–216; *Невская Л.Г.* Печь в фольклорной картине мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. 2. М., 1999. С. 101–109.

А.Л. Топорков

ПИТЬЁ — у древних славян часть языческого культа. По сообщению немецкого хрониста XII в. Гельмольда, балтийские славяне «во время пиров и возлияний... пускают вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом заклинания от имени богов». Формулы своеобразных заклятий-благословений, звучавших при П. в Киевской Руси, дошли до нас в надписях на чарах. В древнерусских поучениях против язычества не раз говорится о наполнении черпал и питии чаш в честь бесов, под которыми подразумеваются, очевидно, языческие боги. Соответственно в старинных требниках обычным исповедным вопросом было: «Молилась бесом или чашу их пила?» И в более позднее время, несмотря на осуждения церкви, пьянство, обжорство, а также сквернословие и др. формы антиповедения устойчиво сохранялись во многих народных праздниках и обрядах, имеющих языческие корни.

Наиболее ранние свидетельства об алкогольных напитках и ритуальных возлияниях у славян восходят еще к середине I тыс. н.э. Византийский автор Приск рассказывает о том, что в 448 г. славяне, жившие на территории нынешней Венгрии, угощали посланцев византийского императора к правителю гуннов Аттиле вместо вина медом, и приводит его славянское название.

Арабские географы IX–X вв. подтверждают, что основной алкогольный напиток у славян делался из меда. Гардизи сообщает и о его ритуальном использовании: «Когда минует год после смерти (покойника), готовят много меда, собирается вся семья покойника на этом холме, пьют мед и поминают его». В книге Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. описаны похороны знатного руса, которые он наблюдал своими глазами. Пока мертвый еще не был сожжен, русы предавались беспробудному пьянству: «Они, злоупотребляя набизом (спиртным напитком. — *А.Т.*), пьют его ночью и днем, так что иной из них умрет, держа кубок в руке». Вместе с умершим сжигали и девушку, которая соглашалась последовать за ним в мир смерти; перед тем как убить ее, ей также давали выпить кубок набиза (т.е. своеобразную чашу смерти).

Саксон Грамматик (XII в.) оставил описание идола Святовита в Арконе: «В правой руке идол держал рог из разных металлов, который ежегодно наполнялся вином из рук жреца, для гадания о плодородии следующего года». После этого «на другой день перед народом, собравшимся у врат святилища, жрец брал из руки идола рог и если находил, что напитка в нем убыло, то предсказывал бесплодный год, а если напиток оставался, как был, то предвещал урожай... Потом он выливал старый напиток к ногам идола, в возлияние ему; наполнял рог свежим напитком и, почтив идола, как будто он должен был пить прежде жреца, просил торжественными словами счастья себе и стране и людям обогащения и побед. Окончив эту мольбу, он осушал рог одним разом и, наполнив опять, клал в руку идолу». Полнота сосуда предвещает благополучие и плодородие (т.е. *полноту* в переносном смысле), жрец произносит магическое благопожелание (прообраз современных тостов) и пьет напиток не прерываясь. В ритуале принимает участие не только священнослужитель, но как бы и само божество.

«Повесть временных лет» рассказывает о том, как в 945 г. княгиня Ольга, желая отомстить древлянам за смерть мужа, устроила тризну (погребальный пир) на его могиле. «Посем седоша деревляне пити, и повеле Ольга отроком своим служити пред ними... И яко упишася деревляне, повеле отроком своим пити на ня, а сама отъиде кроме и повеле дружине своей сечи деревляны». Выражение «пити на ня» многозначно: «пить за здоровье, пить за них, пить за их честь, напоить (т.е. перепить), чтобы потом избить».

П. имело обязательный характер при встрече **гостя**, во время церемониальной или обрядовой трапезы, что приводило к бытовому и ритуальному пьянству. «Кто не пьет лихо, тому нет места у русских», — писал швед Петр Петрей в начале XVII в. Иностранцы неоднократно отмечали специфическую манеру русских пить водку не прерываясь. В былинах святорусские богатыри выпи-

вают без остановки огромные чаши, которые им подносит Владимир-князь, и тем доказывают свою готовность к ратным подвигам. По свидетельству англичанина Климента Адамса, царь Иван Грозный также выпивал чашу «одним духом».

Павел Алеппский (XVII в.) рассказывает о том, что в конце одного обеда гости «выпили чаши за здоровье хозяина и хозяйки, осушая их до капли, ибо у них обыкновение, что кто не осушает чашу, тот считается отъявленным врагом, потому что не выпил за полное здоровье хозяина дома». Как отмечал С. Герберштейн (XVI в.), русские пьют чашу до дна и при этом говорят, что они желают великому князю «удачи, победы, здоровья и чтобы в его врагах осталось крови не больше, чем в этой чаше». В этом случае актуализировалась символическая связь **вина** с **кровью** и питье чаши приобрело характер магического акта.

Лит.: *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. С. 148–156.

А.Л. Топорков

ПЛАНЕ́ТНИКИ — существа, пребывающие в дождевых и градовых тучах, управляющие движением туч, осадками, ветром, погодой. Характерны для демонологических представлений карпатско-южнославянского ареала. В южнославянской (особенно сербской) традиции власть над **тучами** приписывается так называемым *погибалцам*, т.е. «нечистым», «заложным» покойникам. Кроме того, предводители туч могут представляться в виде орла, змея, дракона (см. **Хала**). В южнопольской традиции эта функция принадлежит П., или *хмурникам*, которые тянут тучи по небу, держат их, чтобы не шел дождь; сбивают туман в тучу, наполняют тучи водой с помощью **радуги**, толкут железными цепями лед, превращая его в град, посылают на землю дожди, наказывают градом за грехи (рождение и умерщвление внебрачного ребенка, сожительство дочери с отцом и т.п.). П. имеют антропоморфный облик; в них превращаются **дети некрещеные**, скинутые или приспанные матерью, отравленные или умерщвленные; утопленники, висельники и др. «нечистые» покойники, дети **богинок** и стригоней (упырей). П. могут быть также **двоедушники**, которые во время грозы или бури переносятся на небо. Иногда П. спадают на землю с туч вместе с ливнем или сходят на землю, чтобы поправить оборвавшуюся веревку. П. может опуститься только на **границу** сел, тогда он идет к ближайшему селу и просит у первого встречного молока от черной коровы и яйца от черной курицы, а затем возвращается на границу и оттуда вместе с туманом возносится на свою тучу. П. бывают дружественны по отношению к встречным людям, предупреждают их о буре и граде. Считается, что П. питаются в облаках мукой, которую люди бросают в огонь, чтобы защититься от града. П. могли называть и обыкновенных людей, умевших предсказывать погоду и отгонять тучи от своего села (с помощью острых железных орудий, особой палки, которой разнимали лягушку и ужа; специального заговора-молитвы и т.п.). П. близки серб. **здухач**, др.-рус. *облакопрогонник, облакогонитель*.

С.М. Толстая

ПОБРАТИ́МСТВО — институт ритуального родства (наряду с кумовством, молочным родством и т.п.) и сам ритуал заключения П., известные в народной традиции всех славян, но дольше всего сохранявшиеся на Балканах (среди восточных славян — у казачества). Воспринимается как связь, опосредованная (или дарованная) Богом (ср. сербские формулы *по Богу брат/сестра, Богом брат/сестра*) и потому более сильная, сакральная в отличие от кровного родства, которое имеет не божественную, а «человеческую» природу. В обычном праве приравнивается к кровному родству и охраняется теми же запретами (прежде всего табу на брак) и теми же наказаниями за их нарушение, что и кровное родство.

Различается несколько видов П. Смысл первого состоит в восполнении недостающих родственных связей, естественной ущербности родовой или се-

мейной структуры, когда, например, девушка, не имеющая братьев, заключает П. с парнем, принимающим на себя ответственность за названую сестру и соответственно все необходимые обрядовые роли (например, в свадебном обряде). П. может заключаться ради примирения враждующих семей или родов и предотвращения или остановки кровной мести (с этой же целью может использоваться кумление и брак). Иногда П. превращается в календарный обряд с общей благопожелательной семантикой. Так, в Банате во многих селах в понедельник Фоминой недели совершается обряд заключения побратимства и посестримства: участники идут к воде (реке или источнику), плетут венок, мочат его в воде и через него целуются; затем обмениваются подарками и яйцами; потом венок пускают по воде или забрасывают на крышу или плодовое дерево. Ср. троицкое кумление девушек у русских.

В Болгарии календарный обряд П. совершается чаще всего на Иванов день зимой (7.I), реже в день зимнего Афанасия. Парни, желающие вступить в братские отношения, идут в церковь, священник их обвязывает одним поясом и благословляет; они обмениваются букетиками плюща или самшита, перевязанными красной шерстяной ниткой, к которой прикрепляется старинная золотая монета. В дальнейшем они в этот день и в другие крупные праздники ходят друг к другу в гости, дарят друг другу одежду, чулки и т.п. Брак между их детьми не допускается.

Наиболее распространенный способ заключения П. у южных славян: надрезают одним и тем же лезвием указательные пальцы на левой руке, затем слизывают друг у друга кровь и сжимают надрезанные пальцы, после чего целуются и с этого момента становятся братьями; соответственно остальные члены их семей приобретают новые роли в системе родственных отношений. Более редуцированные ритуалы — питье из одной чашки, одевание побратимов в одну большую рубаху, пролезание через расщепленный ствол шиповника, связывание их цепью и др. У русских был распространен обмен тельными крестами, откуда название П.: *крестовое братство*.

Обряд П. мог заключаться между лицами противоположного пола для предотвращения нежелательного брака между ними. В южнославянских песнях встречается мотив: парень и девушка, которых обвенчали против их желания, в брачную ночь заключают П. и тем избегают супружеских отношений.

У сербов различают П. «по крови» и «по неволе». Во втором случае П. выступает в качестве апотропея, как средство, защищающее от болезни, сглаза, смерти, любой беды. Чаще всего к П. прибегали с целью спасения **близнецов**, **«одномесячников»** или однодневников (иногда тезок) в ситуации, когда смерть одного из них угрожает жизни другого. Соединение спасаемого с другим лицом (побратимом) восстанавливало нарушенный бином и устраняло опасность. У сербов в окрестностях Сокобани, если в доме был больной ребенок или другой член семьи и не помогали никакие лечебные средства, больному искали побратима (или посестриму).

П. могло заключаться не только с людьми (в том числе с инородцами и иноверцами), но и с разного рода природными и иномирными существами. По некоторым сербским верованиям, человек при встрече с волком может защитить себя тем, что символически побратается с ним, сказав: «Побратим, уступи мне дорогу!» Точно так же можно кумиться с мышью, змеей, лисицей с целью оберега от них. В заговорах П. предлагают **виле**; в песнях девушка называет своим побратимом солнце; в заклинаниях, обращенных к градовой туче, часто присутствует обращение «по Богу сестра».

В народной медицине восточных славян также известен мотив братания (а также кумления, сватовства) как один из способов лечения. Например, в Полесье для избавления от детской бессонницы носили ребенка к дубу и обращались к нему с предложением: «Побратаймоса, посватаймоса...»

В эпосе и песнях южных славян широко представлен мотив П. человека с мифическими существами (вилами, самовилами и др.), с деревьями (елью, яво-

ром), с животными (особенно часто со змеями), с болезнями. Чаще всего, однако, разрабатывается тема запрета на брачные связи побратимов (как препятствия для счастья героев), тема нарушения запрета, последствий этого тяжкого греха и наказания за него (три года нет дождя, идет град; виновных сжигают, и тогда дождь «возвращается» и т.д.). В русском фольклоре тема П. особенно характерна для былин: былинные герои братаются с боевым противником или соперником, чтобы завершить миром поединок, в котором оба проявили доблесть и отвагу. «Крестовый брат» — надежный защитник и опора своего побратима; заповеди братства свято соблюдаются.

Лит.: *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 130–142; *Толстой Н.И.* Магические обряды и верования, связанные с южнославянскими «одномесячниками» и «однодневниками» // Малые формы фольклора. М., 1995. С. 144–164.

С.М.Толстая

ПОВИТУ́ХА — повивальная бабка, *баба* (ср. *бабить* — принимать ребенка), *пупорезка* и др. Своими действиями П. не только помогает роженице и способствует появлению младенца на свет, но и магическим образом влияет на его **судьбу**. Именно ей Господь Бог или святые показывают, как сложится жизнь у только что родившихся младенцев.

Народная традиция наделяет П. двойственным статусом: она посланница Божьей Матери (очень ярко этот мотив отражен у южных славян) или заместительница Ее повитухи (по апокрифам, Иисуса Христа принимала *бабушка Соломонида*). П. максимально приближена к лицам сакральным — ей дозволяется исполнять некоторые церковные обряды (окрестить ребенка и дать ему имя). В то же время П. в силу своих знаний и умений уподобляется колдунам и знахарям. Она также является «нечистой», поскольку связана с «нечистотой» родов, роженицы и младенца.

Двойственность наблюдается и в оценке деятельности П. Повивальная бабка совершает богоугодное, «чистое» дело: чем больше детей примет она земле, тем счастливее будет на небе. Существуют и поверья, что П. — грешница и на «том свете» будет таскать мешок с пупами, которые она в своей жизни отрезала. П. опасна и может навредить: отдать послед роженицы женщине бесплодной и лишить первую потомства, вынуть у беременной плод и заменить его головешкой и др. Если П. сделает во время родов что-нибудь не «по закону», ребенок всю жизнь будет несчастен.

К П. предъявляются особые требования: она не должна быть бездетной (чтобы роды не были тяжелыми); желательно также, чтобы и ее дети, и те, которых она принимала, были здоровыми и удачливыми. П. может становиться женщина, у которой прекратились месячные. Необходимо, чтобы П. была богатой и благочестивой, обладала народно-медицинскими знаниями, владела бы и заговорной, и молитвенной традицией. Считается, что Богородица велела П. всегда быть готовой к приему новорожденных и никогда не отказывать женщинам в помощи.

П. исполняет весь ритуально-магический и бытовой «сценарий» родов. Она поддерживает и приободряет роженицу, читает молитвы, шепчет заговоры, открывает окна и двери, водит будущую мать вокруг стола или через улицу, «выкликает» младенца и др. Особенно велика ее роль в случае трудных родов и при появлении на свет бездыханного младенца (которого она «оживляет» известными ей способами).

П. принимает ребенка обязательно неголыми руками (чтобы тот жил безбедно), с особыми ритуалами перерезает пуповину и завязывает пупок. Особое внимание П. уделяет выходу последа и действиям с ним (обмыванию, захоронению или уничтожению). Все акты сопровождаются пожеланиями П. (чтобы ребенок был здоровым, трудолюбивым, хозяйственным, вовремя вступил в брак), которые, как полагают, сбываются. Несчастливая судьба человека порой объясняется неверным поведением П. во время родов.

П. является также своего рода творцом характера и физических свойств ре-

бенка. П. «правит» тельце младенца, чтобы все соответствовало норме и отвечало народным эталонам красоты («расправлен, теперь уродцем не будешь»), заговаривает от грыжи, сглаза и бессонницы.

П. призвана уберечь младенца и мать от злых духов, особенно опасных до крестин и «сороковой» молитвы матери. П. обязана магическим способом «обеспечить» достаточное количество грудного молока у матери.

По окончании родов устраиваются очистительные обряды (баня, размывание рук — *зливины, жмуринки* у восточных славян) с обязательным одариванием П. Важную роль П. играет в обрядах родин и крестин: приглашает всех на пиршество, оповещая о рождении мальчика или девочки; готовит ритуальные блюда; наставляет крестных родителей, как себя вести, и пр.

П. почитают на протяжении всей жизни (иначе на «том свете» придется лизать ей руки). Культ П. продолжается и после ее смерти. Нередко хоронят П. с особыми почестями: в гроб кладут полотенце, на руки надевают варежки. П. обязательно поминают, посещают ее могилу.

П. посвящены специальные праздники и дни календаря: 26–27 января (у русских Сибири), второй день Рождества (у украинцев); 8/21 января — *Бабин день* — развернутый обрядовый комплекс в ее честь (южные славяне).

Известны сказки о том, что П. принимает потомство у нечистой силы (в семье **черта**, **водяного**, **караконджола**), за что получает богатое вознаграждение.

Лит:. *Листова Т.А.* Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой // Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989; *Кабакова Г.И.* Золотые руки // Philologia Slavica: К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993. С. 60–70.

И.А. Седакова

ПОГРЕБЕ́НИЕ — в традиционной культуре элемент похоронного обряда (см. **Похороны**), ритуал, воплощающий мифологизированные отношения между живыми и мертвыми, потомками и предками, этим и «тем» светом. В языческую эпоху у славян господствовал обряд трупосожжения на костре: кости с кострища собирали в горшок — урну, над кострищем насыпали курган. Для языческой погребальной обрядности характерным было сочетание противоположных устремлений: удалить на «тот свет», уничтожить мертвеца (и все, связанное со смертью, в частности вещи умершего) в огне погребального костра и одновременно сохранить возле живых благодетельного **предка** — отсюда возведение памятников (курганов и т.п.), собирание костей в урну — новое «тело» (см. об антропоморфизме глиняной посуды в ст. **Горшок**) и т.п. Ср. также древний обычай устраивать под курганом загробное жилище — дом-могилу (сруб, окруженный изгородью-частоколом) и позднейшее наименование гроба в русской традиции — «домовина». Кладбище могло восприниматься как некрополь, селение мертвых (ср. рус. «погост» — центр сельской округи и кладбище) и т.д.

Персонаж славянского фольклора, непосредственно связанный с обрядом П., — Баба-яга: Яга, лежащая в избушке на курьих ножках, расположенной на границе «того света» (леса), и помогающая герою волшебной сказки найти путь в иной мир, связана с образом благодетельного предка, обитающего в доме-могиле. Напротив, Яга, собирающаяся изжарить попавших к ней детей в печи, враждебна людям: ее саму сжигают. Обряд сожжения считался наиболее интенсивным способом удаления умершего (и вообще всего вредоносного) на «тот свет»: в описании похорон руса у арабского автора X в. Ибн Фадлана один из совершавших обряд говорит, что умерший с погребального костра тотчас входит в рай, погребенного же в земле едят черви. Черви, змеи и прочие **«гады»** воплощали опасность, исходящую от разлагающегося трупа: в русской сказке колдун говорит, что расправиться после смерти с ним можно лишь сожжением; из тела его поползут разные гады, которых также надо бросать в костер, иначе с ними уйдет от смерти сам колдун.

Древнерусское описание похорон Совия (вставка в «Хронику» Иоанна Мала-

лы, XIII в.) включает три фазы обряда П.: Совия хоронят в земле, но там ему нет покоя, т.к. его едят гады; затем его хоронят на дереве, но там его кусают комары и пчелы; затем его сжигают, и он чувствует себя на «том свете» как дитя, спящее в колыбели. Погребение на дереве явно связано с представлениями о **мировом дереве**, связующем все зоны космоса: ср. древнерусское описание погребального обряда вятичей и других славянских племен, помещающих урну с прахом «на столпе на путях» («Повесть временных лет», XII в.), — столп здесь также воплощает мировое дерево.

Смерть князя Владимира. Миниатюра из Сильвестровского сборника XIV в.

Умерший, отправляясь на «тот свет», в загробное путешествие, проходил через все зоны космоса, от дома (дома-могилы) до рая и т.п. Фазы погребального обряда соответствовали представлениям о перемещении умершего на «тот свет» из дома-могилы (для загробного путешествия в могилу помещали коней, лодку и т.п.); ср. мотивы дома-могилы и дороги на «тот свет» в похоронных причитаниях и т.п. Сам погребальный памятник — надгробие (в том числе могильный крест как аналог мирового дерева), курган (аналог мировой горы; ср. так называемый курган Крака, легендарного основателя Кракова, где совершались календарные обряды) — воплощал космическую модель; дом-могила был одновременно входом на «тот свет».

Вторжение заложных **покойников** (вампиров и т.п., ср. **Нави**) в мир живых в традиционной культуре преодолевалось специальными обрядами удаления трупа из могилы или пригвождения его к земле, «убийства» (осиновым колом) и т.п. Умершего раньше срока, холостого (и в силу этого опасного для живых) хоронили со специальными свадебными обрядами. Карнавальные похороны чучел и др. воплощений смерти и т.п. совершались во время календарных праздников: ср. П. ритуальной куклы Германа, **Марены** и т.п.

Лит: Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.,1990.

В.Я. Петрухин

ПОГРЕБÉНИЕ ВТОРИ́ЧНОЕ — обряд, распространенный в некоторых южнославянских регионах: южной Македонии, юго-восточной Сербии, некоторых р-нах Боснии, Герцеговины и Далмации, северо-западной Словении, спорадически в Хорватии, северной и юго-восточной Болгарии, а также в греческой Македонии, православной Албании и Румынии. Обряд состоит из нескольких частей: раскапывают могилу (через три, пять, семь, реже девять и более лет), иногда в определенные календарные сроки (часто в одну из поминальных суббот); вынимают кости, очищают и моют их, поливают вином, складывают в определенном порядке в чистое полотно или горшок, относят в церковь; на следующий день совершают полный церковный ритуал погребения и зарывают кости в могилу (иногда их относят в костницу). Манипуляции с костями могут совершать и без специального разрывания могилы, а по случаю нового погребения в ту же мо-

гилу. Обряд чаще всего объясняют необходимостью проверить, не превратился ли покойник в вампира (об этом свидетельствует, по поверьям, нетленность тела); если вампиризм устанавливался, то принимались защитные меры: труп сжигался или пробивался колом из боярышника. По другим представлениям, могилу раскапывали, чтобы еще раз увидеть покойника и воздать ему последние почести. У словенцев особым почитанием пользовался череп покойника.

Свидетельства о П. в. сохранились с XIII в. Несмотря на запреты и суровые меры, принимавшиеся церковью для искоренения этого обычая, он дожил до XX в. и кое-где фиксировался еще в 50-е гг.

С.М. Толстая

ПОДМЕ́НЫШ (обме́ныш) — в мифологии восточных и западных славян ребенок, подброшенный людям нечистой силой взамен похищенного новорожденного. Считалось, что подменять детей могли **богинка,** мамуна, **полудница**, краснолюдки, дьяволица (з.-слав.) либо **русалки, ведьмы, лешие, черти, банник** (в.-слав.).

По севернорусским поверьям, такая подмена была особенно вероятной в бане сразу после родов, пока ребенок оставался некрещеным. Для родителей факт обмена не сразу становился очевидным, лишь со временем можно было заметить в ребенке признаки П.: рахитическое сложение, непомерно большая голова, тонкие руки и ноги, уродливое лицо с оттопыренными ушами, острые когти на пальцах рук. Но главной приметой нечеловеческой сущности П. был беспрестанный плач по ночам, визгливый крик и капризность младенца. Он либо ничего не ел, либо, наоборот, отличался прожорливостью; например, мог поглощать по крынке молока и буханке хлеба каждый час (рус.). П. плохо развивался, мало двигался, долго не умел ни ходить, ни говорить, был хмурым и неприветливым, однако иногда выделялся необычной силой, «был силен, как конь» (рус. арханг.). Как правило, такие дети постоянно болели и редко доживали до совершеннолетия (считалось, что они умирали в семилетнем возрасте).

В Вятской губ. верили, что П. (подкинутый людям лешим) имеет колдовские способности и, если доживает до зрелого возраста, становится очень деятельным человеком, приносит в дом достаток. Согласно польским поверьям, П. мог обогатить своих приемных родителей за хорошее с ним обращение; считалось, что он незаметно исчезает по ночам, а возвращаясь, приносит золото; однако, если ему не приготовили любимого блюда или как-то обидели, он навсегда исчезал из дома, а принесенное им золото превращалось в прах.

Самым надежным способом вернуть себе своего ребенка (и тем самым избавиться от П.), по широко известным представлениям, было битье подменыша розгой или прутом до тех пор, пока подбросивший его демон не заберет своего уродца, отдав людям их дитя. Такое битье совершалось как магический акт, который происходил в строго определенном месте (например, возле горящей печи, на пороге дома, на мусорной или навозной куче, на мосту, в поле на меже, на перекрестке дорог и т.п.). Орудием битья служили березовая или вербовая хворостина, прут орешника. Исполнителями могли быть мать похищенного младенца, специально приглашенная для этого знахарка, пастух, мальчик, родившийся у незамужней девушки. В фольклоре западных славян известно немало быличек о том, как в момент битья внезапно появляется виновница подмены (богинка, мамуна, чертовка), хватает своего плачущего детеныша и сердито бросает людям их ребенка. По другим поверьям, вернуть себе своего похищенного нечистой силой младенца можно было еще и таким способом: хозяйка делала вид, что готовит для П. кашу в половинке яичной скорлупы; при виде такой странной посуды П. до такой степени удивлялся, что, не произносивший прежде ни одного слова, он вдруг сообщал, что хоть и живет уже тысячу лет, однако такого чуда никогда не видел, после чего сразу же исчезал, а на его месте появлялся похищенный ребенок.

Чтобы предотвратить подмену, ново-

рожденному завязывали на руке красный шнурок; надевали на него красную шапочку; старались ни на минуту не оставлять его в доме или бане без присмотра; даже во время сна мать старалась не поворачиваться к нему спиной; не гасили по ночам свет; строго следили, чтобы на лицо ребенка не падал лунный свет; окуривали на ночь колыбель или клали в нее растения-обереги, подкладывали под нее старый веник и т.п.

Лит.: *Власова М.* Русские суеверия. СПб., 1998. С. 363–367.

Л.Н. Виноградова

ПОЖА́Р — стихийное бедствие, посылаемое людям в наказание за грехи как Божья кара. П. может происходить как от молнии, т.е. небесного огня, так и от огня земного.

Во избежание П. у восточных славян хранили в доме освященные предметы: ветку **вербы**, «четверговую свечу», а также головню с П., зажженного молнией. Причиной П. считалось нарушение запретов работать в летние праздники (на **Илью**, Марию, Паликопу и др.), проявление неуважения к огню, разрушение гнезда **аиста**, обида, нанесенная огненному змею, и др. Например, в Вологодской губ. полагали, что нельзя утром раздувать огонь, не помолившись Богу, т.к. от этого бывают пожары.

Поскольку П. рассматривался как наказание свыше, тушить его порой считалось грехом. В тех же случаях, когда на П. все-таки пытались воздействовать, стремились не столько потушить его, сколько локализовать, прибегая к различным суеверным способам. В России, особенно среди женщин, было широко распространено мнение о том, что П., зажженный молнией, следует тушить **молоком**; если же молока не хватит, то квасом, но ни в коем случае не водой; по поверью, такой огонь от воды только больше разгорается. При тушении П. от грозы использовали также освященные предметы: бросали в П. пасхальное яйцо или обходили с ним загоревшееся строение, кидали в огонь вербу, обходили горящий дом с зажженной четверговой свечой или с иконой Божьей Матери «Неопалимая Купина», стояли лицом к огню с иконой св. Николая (Миколы), затапливали печки в соседних домах; ср. поговорку: «дым на дым или огонь на огонь нейдет». Англичанин С. Коллинс (1660-е гг.) рассказывал, что иногда русские «держат иконы перед огнем, думая, что помощь зависит от их произвола. Один русский, думая остановить огонь таким образом, держал своего Миколу так долго, что сам едва не сгорел и, видя, что помощи нет, бросил его в огонь».

К пламени П. относились как к одушевленному существу. Например, русские Пошехонья считали, что нельзя носить вещи из горящего жилого дома по направлению к другому строению, т.к. пламя «потянется» вслед, не желая отдать то, что у него отнимают. Там же рассказывали, что один крестьянин, помогая вытаскивать вещи из горящего дома, унес тайком рукавицы к себе домой; пламя сразу же перекинулось на жилище вора.

Первыми из загоревшегося здания выносили наиболее почитаемые предметы: иконы, стол, **дежу**. В Ярославской губ. считали, что если в огне П. горит икона, «то над этим местом появляется столб пламени наподобие горящей свечи».

Для русских любовных заговоров характерен образ всемирного П., охватывающего землю и небо. В духовных стихах огненная **река** также осмысляется как вселенский П.

Лит.: *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982 (указ.); *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1993.

А.Л. Топорков

ПОКО́ЙНИК — по мифологическим представлениям, опасное существо, способное «ходить» после смерти; в похоронном обряде воспринимается как носитель смертоносной силы и одновременно как объект почитания, потенциальный предок-опекун рода (см. **Предки**).

В народной терминологии и фразеологии, связанной со смертью, П. изображается как странник, отправившийся в дальний путь (ср. восточнославянские выражения об умершем: «пошел до дому»,

«отошел», «собирается в далекую дорогу»), либо как переселенец, достигший загробного мира, который примкнул к сонму предков: «пошел до дедов», «отправился к праотцам», «с дедами гуляет», «с предками здоровается». В загадках и поговорках статус П. определяется через свойства, отличающие его от человека: «Обулся не так, оделся не так, поехал не так, заехал в ухаб и не выедет никак», а также через признаки, характеризующие неподвижность и безжизненность умершего: «Не дышит, не пышет, не ворохнется», «Нос есть — не нюхает, уши есть — не слышит», «С руками, с ногами, а с лавки не слезет». В похоронных причитаниях П. называется «гостем», «путником», которому предстоит трудный переход: «Куда же ты снаряжаешься? Во котору путь-тропу дальню дороженьку?»; его возвращения в дом родственники ожидают в установленные поминальные дни. Все этапы похоронного обряда были призваны обеспечить переход П. на «тот свет» и придать такому переходу необратимый характер, т.к. пребывание умершего в земном пространстве среди живых воспринималось как опасное нарушение нормального положения вещей (см. **Похоронный обряд**).

В демонологических поверьях славян мотив хождения «оживших» П. к родственникам — один из наиболее популярных. Такими «беспокойными» (т.е. склонными к хождению) покойниками могли быть все недавно скончавшиеся; о них говорили, что до истечения 40 дней или года после смерти они еще «не определились к месту», не перешли безвозвратно в загробный мир, поэтому часто вторгаются в мир людей во внеурочное время (см. **Вампир**). Визиты П. к людям, по народным воззрениям, опасны тем, что П. старается увести за собой близкого человека, который сильно тоскует по умершему. Считалось, что покойников вынуждают «ходить» оставшиеся окончательно не разорванными связи с живыми: сильная привязанность к членам семьи и тоска по любимым; чувство мести и обделенности; не исполненное близкими людьми желание умирающего; неулаженная ссора; невозвращенный долг и т.п. На вопрос о том, почему П. «ходят», в народе говорили: «А завись какая-то у них» (сев.-рус.), «чтобы отомстить за что-то живым» (укр.), «чтобы посмотреть, есть ли в доме порядок» (рус.), «чтобы помочь родным по хозяйству» (пол.), «его водит тоска по родне» (бел.). Верили, что причиной «хождений» могло быть нарушение общепринятого правила класть в гроб с умершим его любимую вещь или надевать на него определенную (выбранную им самим) одежду, либо неточное соблюдение людьми прочих похоронных обычаев. Если все эти обстоятельства мешали переходу души умершего в иной мир, то он становился чрезвычайно опасным духом, наносящим вред людям, и причислялся к категории «нечистых», «заложных» П.

«Заложными» назывались в русских верованиях все умершие «не своей» смертью, т.е. неестественной, насильственной, преждевременной (самоубийцы, убитые в драках и сражениях, погибшие в результате несчастного случая, мертворожденные некрещеные младенцы, молодые люди, не вступившие до смерти в брак). К «заложным» относились также те, кого похоронили с нарушением предписанных ритуалов; те, кто при жизни занимался колдовством и состоял в контактах с нечистой силой; люди-**двоедушники**; дети, проклятые родителями и некоторые др.

Слово *заложный*, введенное в научный обиход Д.К. Зелениным, было известно в диалектах Вятской губ., где оно обозначало умерших внезапной смертью и отражало особый способ их захоронения: покойников не закапывали в землю, а «закладывали» кольями, палками, ветками, листвой, оставляя тело на поверхности земли. Считалось, что их «не принимает» святая Мать-земля, т.е. могила «не держит» в себе П., он выходит из нее и бродит как привидение, преследует и пугает путников, посещает дома своих родственников, насылая болезни. Главным вредоносным свойством «заложных» П. была способность вызывать стихийные бедствия (бури, град, затяжные дожди или засуху, летние заморозки и неурожай). Исторические свидетельства об обычае выкапывать из земли погре-

бенных самоубийц для предотвращения таких несчастий встречаются в древнерусских памятниках начиная с XIII в. Считалось, что «нечистых» П. следовало хоронить на пустырях, в оврагах и топких местах, в крайнем случае — вблизи кладбища, но за его оградой. Если происходили стихийные бедствия или массовые эпидемии, сельские жители, несмотря на многочисленные запреты со стороны светских и церковных властей, тайком выкапывали из могилы тело «заложного» П., относили его за границу своего села, бросали в глухих местах или старались обезвредить опасное воздействие умершего (например, забивали в гроб осиновый кол, переворачивали труп в гробу лицом вниз, на шею П. накладывали серп или обломок косы, сыпали на могилу раскаленные угли).

Периодом общих поминок по всем «заложным» П. считался у русских **Семик**, а у других славян — троицко-духовский комплекс или Русальная неделя (см. **Троица**, **Русалии**). Еще в XVII–XVIII вв. в это время устраивались (по требованию служителей церкви) массовые захоронения в общей могиле всех не погребенных по христианскому обряду «нечистых» П., оставленных — как этого требовал старинный обычай — на поверхности земли.

Лит.: *Зеленин Д.К.* Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1917–1934. М., 1999. С. 17–34; *Власова М.* Русские суеверия. СПб., 1998. С. 391–408; *Виноградова Л.Н.* Чтобы покойник не ходил: комплекс мер в составе погребального обряда // Истоки русской культуры (Археология и лингвистика): Тезисы докладов конференции. М., 1993. С. 39–42.

Л.Н. Виноградова

ПОКРÓВ Пресвятой Богородицы (1/14.X) — в русском народном календаре начало **зимы**, первое зазимье: «На Покров до обеда осень, а после обеда зима». По погоде этого дня, по тому, как падают листья с деревьев, откуда дует ветер, какие птицы улетают на юг, загадывали о характере предстоящей зимы. На Русском Севере с П. крестьяне начинали готовить свои дома к зиме: затыкали пазы в стенах изб мхом, говоря при этом: «Батюшка Покров, покрой нашу избу теплом, а хозяина добром». На юге России только с П. начинали топить избы. Праздник Покрова знаменует собой начало зимнего сезона и в скотоводческом календаре. Отмечая переход на зимние корма, крестьяне на Покров «закармливали» скот на зиму. Для этого еще с жатвы приберегали в избе последний сноп необмолоченного овса, на П. его делили по числу голов скота и давали ему прежде иного корма. К этому времени завершались основные полевые работы, и часть мужской молодежи получала возможность уйти на заработки; с П. возобновлялись осенние торги и ярмарки. П. окончательно ставил точку в летней жизни, переводя всю домашнюю деятельность в избу: «Зазимье пришло — засидки привело», «Пряхи с Покрова по ночам засиживают».

С П. начинались прерванные на период летних полевых работ свадьбы. Брачные мотивы этого праздника, равно как и брачно-эротическая символика названия П. и самого действия (покрывания), нашли отражение в любой магии, практикуемой девушками в этот период. Так, ложась спасть в канун Покрова, девушки обычно просили у П.: «Покров-батюшка, покрой землю снежком, а меня, молоду, женишком» или: «Ты, Покров-Борогодица, покрой меня, девушку, пеленой своей нетленной идти на чужую сторону!» Христианская символика праздника П. была существенно переосмыслена в народной традиции. В сам день П. с утра пораньше девушки бежали в церковь поставить свечку: считалось, что та, кто сделает это первой, выйдет замуж раньше других. На Вологодчине и в некоторых других местах девушки, собравшись вместе, за день выпрядали льняную нить и ткали из нее холст, который в П. несли в церковь для освящения, возлагали его к **иконе** Покрова и молились о замужестве. Формированию будущих семейных пар немало способствовали посиделки, которые с П. становились в русском селе ежевечерними.

Т.А. Агапкина

ПОЛА́ЗНИК — ритуальный гость, первый посетитель, который приходит в дом в один из осенне-зимних праздников в период с дня св. Дмитрия (26.X/8.XI) до Богоявления (праздника Трех королей). Обряд известен славянам карпато-балканского ареала: украинцам, полякам, словакам, словенцам, сербам, хорватам, болгарам. Приход П. — залог будущего благополучия, счастья, здоровья. Его посещение основано на инициальной магии, магии первого дня. П. называют «божественным гостем» и воспринимают как посланца предков, связующее звено между «этим» и «тем» мирами.

Надеясь с помощью П. повлиять на судьбу, его специально выбирают и заранее приглашают посетить дом. Это должен быть человек добрый, состоятельный, удачливый, ловкий, веселый, здоровый, добропорядочный. В некоторых местах предпочитают П.-мужчину, в других — им может быть женщина или ребенок. Приход мужчины предвещает рождение в будущем году детей и животных мужского пола, приход женщины сулит женское потомство.

П. входит в дом не с пустыми руками: он должен взять во дворе ветку, щепки или солому, а войдя в дом, положить их около очага или за дверь и сесть на них, имитируя курицу, сидящую на яйцах. Хозяйка посыпает его пшеницей, бобами, орехами, сушеными фруктами, чтобы магически вызвать плодородие. С этой же целью П. рассевает из решета около очага зерно, орехи, бобы, приговаривая: «Пусть родится там, где плуг (рало) ходит и где не ходит!» (болгары). В других местах П. шевелит огонь в очаге веткой плодового дерева и говорит: «Сколько искр, столько цыплят, козлят, ягнят, телят, жеребят, детей!» В Польше пришедшие «на подлазы» обсевали овсом избу и всех присутствовавших, произнося благопожелания: «На счастье, на здоровье, на Рождество Христово, чтобы вам все удавалось, умножалось в кладовой, на скотном дворе и на поле». Для П. готовят угощение, ему дарят рубаху, полотенце, носки или шерсть. Роль П. выполняет иногда член семьи (хозяин), первый вышедший из дома и внесший в дом щепки или солому. Он повторяет те же действия, что и приглашенный П., и произносит благопожелания, в которых перечисляет все желаемые блага.

В некоторых местах особенно хорошим считается П.-животное или птица: вол, конь, корова, свинья, овца, петух; иногда предпочтение отдается молодому животному — теленку, ягненку. Животное приводят в дом, обводят три раза вокруг стола и угощают.

У поляков и словаков «подлазничка» — елочка, верхушка хвойного дерева — сосны, ели, пихты, украшенная яблоками, орехами, облатками, которую прикрепляли к потолку или подвешивали над столом в избе на Рождество как символ благополучия и удачи в наступающем году. С этой же целью хвойные веточки прибивали крестообразно над дверями конюшни, хлева, амбара, затыкали в сенях, в кладовой, в помещениях, где держали скотину, хранили сено, зерно. Ветки хвои, украшенные ленточками и бумажными цветами, дети разносили по домам с пожеланиями здоровья, счастья, богатства.

У поляков и словаков П. — это еще и украшение из соломы, лучинок и камышовых тростинок, представляющее собой сложное сооружение из шестиугольников, четырехугольников, скрепленных между собой и украшенных бумажными цепями, цветной бумагой, разноцветными перышками и облатками. Оно имело тот же символический смысл, что и зеленые «подлазники», и также подвешивалось к потолку комнаты над столом.

У карпатских украинцев «полазник» — обрядовый хлебец, опоясанный льном, которым одаривают пришедшего в один из зимних праздников человека-П.

Лит.: *Усачева В.В.* Об одной лексико-семантической параллели (на материале карпато-балканского обряда «полазник» // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. С. 21–76; *Ее же.* Обряд «полазник» и его фольклорные элементы в ареале сербскохорватского языка // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 27–47.

В.В. Усачева

ПОЛЕВИ́К, полево́й — у восточных славян демон, связанный с хлебопаше-

ством и земледелием. Полевики чаще имеют облик маленьких и уродливых человечков, живущих в хлебных полях, обладающих человеческой речью и способностью поражать жнецов и жниц солнечным ударом во время жатвы. Обычно они появляются в полдень (см. **Полудница**) в отличие от других демонов (см. **Черт, Кираконджалы** и т.п.), активизация которых связана с полночью. П. сродни «житный дед», сидящий в кукурузе, украинская «залізна баба» и др. духи нивы, выступающие в зооморфном облике козла, быка и иных животных. Европейская традиция богата представлениями о духе нивы или хлеба, прячущемся в дожиночный сноп или пучок колосьев, остающийся несжатым и имеющий название «божьей бороды», «бороды св. Ильи» и т.п. П. охраняет хлебные поля от беды, сглаза, вредоносной силы, и это роднит его с **русалками**, появляющимися в жите во время его цветения. На Рязанщине П. подобно **лешему** сидит на кочке и ковыряет лапти, но в то же время он похож на водяного, т.е. может утопить человека. На Орловщине П. воспринимался почти как **домовой** и звали его «полевым домовым», выделяя еще и «межевого» — хозяина полей в облике старика с бородой из колосьев. В северной Белоруссии каждый П. имел свое поле — поля и луга то одной, то нескольких смежных деревень, не отделенных друг от друга лесом или водой. На Русском Севере П. — белый человек, часто дующий, свищущий и тем насылающий ветер, или молодой мужик с длинными ногами, быстро бегающий, имеющий рожки и хвост с кистью на конце, которым он поднимает пыль, чтобы себя скрыть. Его тело покрыто шерстью огненного цвета и потому при беге он кажется искрой и увидеть его трудно (виден в жаркие летние дни, а иногда и в лунные ночи). В поле помимо П. могут появляться также полудница, ряжица, кудельница.

Н.И. Толстой

ПОЛУ́ДНИЦА — у восточных и западных славян женский мифологический персонаж, появляющийся в полдень на поле и нападающий на жнецов.

На Русском Севере П. — молодая девушка очень высокого роста, одетая в белую блестящую одежду, или красивая женщина с огромной сковородой в руках. Часто ее представляли женщиной с большой грудью, косматой, с длинными волосами. На польско-украинском пограничье П. известна в виде страшной взлохмаченной старухи с железными зубами. Согласно западнославянским поверьям, П. происходит из душ грешных людей и ведьм, живет в аду, а во время жатвы в полдень появляется в поле и мучает спящих жнецов. Она расчесывает волосы и поет.

П. можно увидеть на межах в период цветения ржи и созревания хлебов; она охраняет хлебные злаки от палящих лучей полуденного солнца. Иногда полагали, что есть добрая и злая П. Добрая закрывает в полдень огромной сковородой хлеб и травы от жаркого солнца, злая оборачивает раскаленную добела сковороду обратной стороной и прижигает верхушки злаков и цветы растений. П. охраняет поле от людей, следя за тем, чтобы они не ходили туда в этот период и не мяли хлебов. Детей, чтобы они одни не ходили в поле, пугали: «не ходи в рожь, полудница тебя обожжет» или: «полудница тебя съест».

Особенно сурово поступает П. со жнецами, которые, пренебрегая запретом, работают в поле в полдень: она насылает на них солнечный удар, может свернуть голову или защекотать до смерти. П. косили косами встретившихся на их пути людей, воровали маленьких детей. Поэтому запрещалось в полдень сеять, жать, оставлять детей без присмотра.

Чтобы спастись от П., нужно до двенадцати часов дня подробно рассказывать ей обо всех этапах какой-либо сельскохозяйственной работы, например о выращивании льна начиная с момента его посева и кончая тем, как из него изготовляют полотно [см. **«Житие растений»**].

В поверьях П. иногда смешивается с русалками, которые также появляются в поле в белых рубахах во время цветения хлебов и щекочут встретившихся им людей.

Лит.: *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. М., 1995. С. 220–224; *Померан-*

цева Э.В. Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 143–158.

Е.Е. Левкиевская

ПОМИНА́ЛЬНЫЕ ДНИ — см. **«Деды», Задушки, Задушницы, Радуница, Семик.**

ПОНЕДЕ́ЛЬНИК — день недели, получающий в народных верованиях неоднозначную оценку. У восточных и западных славян это самый несчастливый, тяжелый день, когда избегали начинать какие-либо работы, отправляться в путь и т.п., считая, что дело, начатое в этот день, не будет иметь успеха. Поляки считали, что рожденный в понедельник станет работящим, а умереть в П. плохо. Словаки называли П. «яловым» днем и старались в этот день ничего не сажать, не вести корову к быку, кобылу к жеребцу и т.п., во многих местах в П. не пекли хлеб. Считали плохим знаком, если в П. первой в дом войдет женщина. По верованиям украинских крестьян (Купянский у. Харьковской губ.), в П. нельзя сновать — это грех, т.к. в этот день «сновался мир» и в этот же день произойдет второе пришествие. Считалось опасным в П. готовить квас — «в семье будет утопленник», а также разводить щелок для стирки белья: надо было выпить три ложки этого щелока, иначе «на том свете будут заставлять пить его из тех яичных скорлупок, которые выбрасываются, а не сжигаются, как следовало бы делать». Там же (и в др. областях Украины) представляли себе П. в виде старика, встречающего и провожающего души умерших на пути в загробный мир: «Як старому скверно идти на гору без палки, так и на тот свет скверно идти без П.». Но П. помогает пройти «через лавку над пропастью» только тем (прежде всего женщинам), кто его почитает — «понедельничает», постится в этот день недели и воздерживается от работы (особенно от прядения и шитья). Тем женщинам, кто не чтит П., он может отомстить, наслав смерть или болезнь на их мужей. Часто женщины «понедельничали» по **обету**, надеясь таким образом избавиться от болезней или других несчастий.

В традиции южных славян П. имеет абсолютную положительную оценку. Именно этот день выбирали для начала важных хозяйственных дел: пахоты, сева, жатвы, закладки дома, тканья; в этот день старались отправиться в дальний путь и т.п. Однако в сербских селах Хомолья, где также в П. старались начать любое дело, никогда не начинали в этот день пахоту. Сербские овцеводы считают, что дети, зачатые в П., наделяются исключительным умом и здоровьем; по болгарским верованиям, дети, рожденные в П., удачливы, они имеют своим покровителем самого Господа Бога.

Положительное значение иногда придавалось П. и у восточных славян: по инициальной магии, магии «первого дня», П. считался благоприятным для некоторых полевых и огородных работ: часто в П. старались мочить лен, сажать фасоль, тыкву, огурцы, рассчитывая, что они «первыми взойдут» и будут хорошо расти. П. как первый день определяет удачу или неудачу на всю неделю: рус. «С понедельника на всю неделю (идет счастье или несчастье)».

В течение года наибольшее значение придавалось первому П. Великого поста (в.-слав. *Чистый* П., *Полоскозуб*; серб. *Тодоров* или *Чисти* П.; болг. *Чисти* или *Песи* П.; родоп. *Похлупен*, т.к. в этот день «запирают души мертвых»), когда «чистили» посуду от скоромной пищи и «полоскали зубы»; у южных славян иногда отмечался также П. следующей недели, когда «разбегаются» тодоровские кони (см. **Тодор**). В католической традиции, в меньшей степени у православных славян (на Украине, в Сербии) праздновался *Водный* (серб.) или *Обливанный* П. на пасхальной неделе, когда было принято обливать водой девушек или проспавших заутреню и т.п. Сербы придавали значение также П. на масляной неделе (*Сырный* или *Белый* П.), который праздновался «ради скота».

С.М. Толстая

ПОРО́Г — часть дома, в традиционных представлениях символическая **грани-**

ца между **домом** и внешним миром, «своим» и «чужим» пространством (см. **Свой—чужой**).

В повседневной жизни с П. как с пограничным и потому опасным локусом связывалось множество запретов: не разрешалось садиться или наступать на П., здороваться или разговаривать через него, передавать друг другу что-либо через П., особенно детей. По украинским приметам, нельзя есть на П., иначе люди будут сплетничать; нельзя переливать через П. воду после стирки или помои, иначе нападет куриная слепота; запрещалось мести хату от П., иначе заметешь в хату «злыдней» и ее станут обходить стороной сваты; нельзя выметать **мусор** через П., особенно **беременной**, иначе у нее будут трудные роды, а у ребенка — частые рвоты. Если рубить что-нибудь на П. или бить по нему, то тем самым пустишь в дом **ведьму** и жаб, а также отдашь себя во власть **лихорадок**, которые живут у П. Нахождение на П. связывалось со смертью, ср. в подблюдной песне: «На пороге сижу, за порог гляжу».

П. как границу дома защищали с помощью оберегов. На Русском Севере в П. нового дома еще на этапе строительства закладывали капельку ртути или высушенную змеиную шкурку, а также прибивали к П. подкову или обломок косы-горбуши. Гуцулы закапывали под П. в Юрьев день кусок **железа**, чтобы у тех, кто его переступит, были здоровые **ноги**. Русские, построив после пожара новую баню, закапывали в землю под ее порогом задушенную черную курицу.

Отправляясь в церковь крестить ребенка, украинцы и западные славяне для защиты от сглаза клали на П. или около него горячие уголья, нож, **топор** либо серп. На Полтавщине младенца передавали крестной матери через лежащий на П. дома топор. В Житомирском р-не крестные родители переступали через **нож**, положенный кверху острием на П. В Курской губ. новорожденного мальчика передавали крестной через П., чтобы он стал «хранителем дома».

С П. были связаны многочисленные эпизоды семейных обрядов. На свадьбе молодая, входя после венчания в дом мужа, не должна касаться П., почему ее подчас и вносили на руках. Впрочем, кое-где в России невеста, наоборот, становилась на П. или прыгала с него со словами: «Кышьте, овечки, волчок идет!» На Украине молодая наступала на П., утверждая этим свои права в новом доме.

До XIX в. на Украине сохранялся обычай закапывать под П. умерших некрещеными младенцев; это соответствовало осмыслению П. как места, где обитают души умерших, и как границы между миром живых и миром мертвых. В Полтавской губ. мертворожденных детей закапывали под П., веря, что священник окрестит его, когда переступит через П. с крестом в руках.

При выносе гроба из дома у всех славянских народов было принято трижды ударять им по П., что символизировало прощание умершего с жилищем. Так поступали, чтобы покойник больше не возвращался домой (восточные и западные славяне) или чтобы в семье больше никто не умер (южные славяне). Впрочем, в некоторых местах, наоборот, не разрешалось задевать гробом за П. и дверные проемы. В Заонежье верили, что если такое случится, то душа покойного останется в доме и ее нелегко будет выжить.

При трудных родах роженицу трижды переводили через П. избы, что символизировало выход ребенка из материнской утробы. В Вятской губ. новорожденного клали сначала на шубу на стол, а после несли на П. и говорили: «Как П. лежит тихо, спокойно и смирно, так и мой ребенок, раба божья (имя), будь тихий, спокойный и здоровый». В Заонежье женщина, возвращаясь домой после родов, переступала через младенца, положенного в избе вдоль П., со словами: «Как порог этот крепок, так и ты будешь крепок... Все уроки и призоры, останьтесь на П., а с собой возьму здоровье».

В семейных обрядах и особенно в народной медицине с П. связывается идея преодоления тоски, привычки, от которой хотели избавиться, болезни и избавления от страдания. У украинцев Харьковской губ. ребенок-**сирота** в день похорон отца или матери должен был, сидя на П., съесть кусок хлеба с солью, чтобы не тосковать по умершему и не испытывать страха. В Вологодской обл.

от тоски спрыскивали больного водой через П., причем знахарка стояла снаружи, а больной — в избе. В Заонежье, чтобы отлучить ребенка от груди, мать кормила его в последний раз, сидя на П. или стоя, поставив ноги по обе стороны П.

П. был местом совершения множества лечебных процедур и ритуалов. У русских при боли в спине или пояснице человек ложился на П., а последний в семье ребенок — мальчик клал ему на спину **веник** и легонько рубил его топором, при чем происходил обрядовый диалог: «Что сечешь?» — «Утин (болезнь) секу». — «Секи горазже, чтоб век не было». В Вятской губ. мать «загрызала грыжу» у ребенка, сидя на П.; знахарка меряла на П. ребенка, а потом рубила на П. его «рев, переполох». В Архангельской обл. на П. лечили от испуга: больного ставили на П., знахарка обходила его, держа в руках нож и топор, затем вонзала их в П.; при этом говорили: «Что сечешь?» — «Испуг секу, топором зарубаю, ножом засекаю, боль и испуг унимаю».

На П. символически уничтожали колдунов, ведьм и другую опасность. У мораван женщина, которая подверглась влиянию колдовства, вбивала топор в П., этим она выкалывала чародейнице глаза и колола ее тело. Гуцулы под Рождество обходили скот с хлебом, медом и ладаном, замыкали хлев и тогда вбивали в П. топор, чтобы замкнуть волку пасть. Словаки вбивали топор в П. во время грозы в качестве оберега.

Сидение и стояние на П. как действие, противоречащее повседневной практике, широко применялось в славянской магии, в том числе связанной с нечистой силой, и могло сопровождаться иными действиями, имеющими кощунственный характер. На Русском Севере девушки гадали, сидя или стоя на П. бани; выходя из бани, девушка левой ногой наступала на П., а правой на землю и произносила слова заговора-присушки; чтобы увидеть в бане черта, заходили в нее ночью и, ступив одной ногой за П., снимали с шеи **крест** и клали его под пяту. В Заонежье считалось, что на **Пасху** каждый может увидеть **домового** и поговорить с ним: для этого следовало не пойти на заутреню, а сесть на П. и зажечь свечу, принесенную с заутрени в Великий четверг. В Полесье хозяйка в **Страстной четверг** пряла особую нить до восхода солнца на П., иногда раздетая донага.

Лит.: *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 135–140.

А.Л. Топорков

ПО́РЧА — см. **Сглаз.**

ПО́СОХ, п а́ л к а — один из основных атрибутов участников различных обрядов, в т.ч. ритуальных обходов (**колядников, полазника, кукеров** и др.), демонов; аналогичен жезлу, дубинке, пруту, ветке, а также некоторым предметам домашней утвари (кочерге, ухвату, помелу, лопате). Нередко магические свойства П., продуцирующие и защитные, связываются с его «происхождением»: породой дерева, предшествующими действиями с ним и пр. Особая мощь приписывается посоху или палке, бывшим в контакте со змеей.

П. используется в качестве орудия отгона нечистой силы, болезней, насекомых. У южных славян ряженые колядники размахивают в доме П. и дубинками, имитируя борьбу с нечистой силой и «прогоняя» ее изо всех углов. Полесские колдуны отгоняли от села градоносную тучу, делая П. кресты в воздухе. На Черниговщине хозяин, раздевшись догола, с П. в руках обходил поле и втыкал его там, чтобы птицы не клевали просо.

Во время ритуальных обходов села П. может иметь смысл фаллического символа: болгарские «кукеры», севернорусские «веретельники» с посохами и палками в руках преследуют женщин, имитируя известные движения. Продуцирующая роль П. прослеживается в действиях колядников, которые дотрагиваются палками или прутьями до людей, скота, построек, наделяя их плодовитостью; в действиях **полазника** — первого посетителя на Рождество, который палкой ворошит угли в очаге или высекает искры из горящего на очаге полена **бадняка**, произнося благопожелания. П. вы-

ступает и как атрибут дружек на свадьбе. В Полесье дружка стучал палкой в дверь, в потолок и спрашивал разрешения одаривать невесту у ее родителей. Во время свадебного шествия на П. вешали платки, полотенце; его использовали как шест для свадебного знамени.

В качестве оберега использовались П. и палки из различных пород дерева: на Украине в канун Ивана Купалы в воротах затыкали осиновую палочку, чтобы во двор не вошла ведьма; у балканских славян прут боярышника служил защитой от вампира; чехи протыкали тело покойного дубовым колом. Вербовые палки повсеместно использовались при выгоне скота в поле: ими погоняли скот, подкладывали под порог хлева, оставляли под кустом на пастбище и т.д.

В магии использовались палки, «получившие» дополнительную силу после каких-либо действий или событий. В Полесье палку, найденную под муравейником, подкладывали в хлев, чтобы плодились свиньи; застрявшей в ветвях грушевого дерева палкой гнали на случку корову; березовый колышек, с помощью которого вязали снопы, затыкали за пояс, чтобы во время жатвы не болела спина; палку, которую приняли в лесу за змею, использовали как оберег от птиц в поле и т.д. У сербов особая мощь приписывалась П., с помощью которого убили змею перед днем св. Георгия: в такой П. вставляли змеиную кожу и гнали ею скот на продажу. Палкой, с помощью которой у змеи отобрали лягушку, птицу и пр., отгоняли градоносную тучу, примиряли ссорящихся, «били» роженицу при родах, корову при отеле, например со словами: «Разделись с теленком, как змея с лягушкой».

С помощью П. ведьмы и колдуны наводят порчу, отбирают молоко у коров, превращают людей в животных и т.д. Верхом на палках (прутьях, кочергах, ухватах и т.п.) ведьмы слетаются на шабаш. По поверьям южных славян, палки и посохи демонов обычно черного или красного цвета. В сказках человек, отнявший у нечистой силы волшебную палочку, становится непобедимым.

А.А. Плотникова

ПОСТ — воздержание от скоромной пищи, сексуальных отношений и развлечений; в обрядовой практике — магический прием.

Чередование П. и мясоедов лежит в основе церковного и народного календаря. Православные славяне соблюдали четыре П.: Великий, Петровский, Успенский и Филипповский (или Рождественский пост; у католиков — адвент). В течение недели постными днями считались среда и пятница; однодневные П. соблюдались также в некоторые праздники (в навечерие Богоявления, в день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи и на Воздвижение). В постное время категорически запрещалось потребление мясной и молочной пищи, а также яиц; что же касается рыбы, то у католиков ее можно было есть во время постов, у православных же — обычно только во время больших праздников, приходящихся на время П. (например, на Благовещение, Вербное воскресенье), а также иногда по субботам и воскресеньям в течение П.

Отношение к нарушению П. было различным и зависело от его значимости, а также от местных традиций. Восточные славяне наиболее строго соблюдали Великий и Успенский П., кануны Рождества и Крещения; во время Великого поста самый строгий (полный) П. (с отказом от пищи и воды) соблюдался в конце П., в Страстную пятницу, а также в его первые три дня. На масленичной, пасхальной и троицкой неделях постные дни, наоборот, отменялись и скоромную пищу можно было есть всю неделю без ограничений (такие недели назывались «сплошными»). Малолетние (до трех лет) дети, беременные и кормящие женщины, старики, больные и путешествующие часто освобождались священником от постовых ограничений.

Завершение постового времени всегда воспринималось как праздник и часто сопровождалось ритуальным уничтожением какого-нибудь предмета, символизирующего П. Западные славяне на **Страстной неделе** уничтожали, например, постную похлебку как основную пищу периода Великого поста. На Русском Севере перед Рождеством кое-где

делали куклу «Филиппа», которую и сжигали в конце Филипповского поста.

Религиозные соображения также играли свою роль в выборе способов и форм П. Православные считали, что те люди, которые неожиданно выздоровели после соборования, до конца жизни обязаны были соблюдать П.: им нельзя было есть скоромное, пить спиртные напитки, жениться, ссориться и т.п. Русские старообрядцы были убеждены, что только тот человек, который перед смертью принял покаяние и успел попоститься 40 дней, имел право быть похороненным по принятому у старообрядцев чину. У восточных славян пожилые люди часто постились не только по средам и пятницам, но также и по понедельникам: они верили, что, когда они умрут, св. Понедельник как проводник душ проведет их души через все мытарства к Божьему престолу. Более строго, чем это требовалось, постились в России и «вековуши» — старые девы, не ушедшие в монастырь, но ведущие крайне строгий образ жизни и фактически удалившиеся от мира, живущие отдельно от своих семей.

В традиционной культуре индивидуальный и групповой П. считались действенным магическим средством, а также способом достижения ритуальной чистоты. Так, в Польше священнослужитель, которому вскоре предстояло освятить специальный колокол, предназначенный для отгона градовых туч, должен был провести в молитвах девять дней, и при этом ничего не есть и не пить.

Пощение использовалось и как апотропеическое средство: русские заставляли воздерживаться от скоромной (а иногда и от любой) пищи жениха и невесту в день венчания, чтобы ничто не могло повредить им (в том числе чтобы избежать порчи через еду и питье). Белорусы считали, что у того, кто постится в среду на пасхальной неделе, поля не пострадают от града. В Белоруссии же женщина, начинающая жатву, также должна была поститься с обеда до ужина, чтобы впоследствии мыши и птицы не ели сжатого хлеба. У болгар, чтобы на овец не нападали волки, принято было поститься каждую пятницу.

П. был и искупительной жертвой. Так, белорусы при потере тельного крестика, чтобы предупредить несчастье, постились (строго) три пятницы подряд. Болеющие лихорадкой считали необходимым поститься по субботам. В России было известно особое понятие «лекарственный П.», который соблюдался теми, кто хотел излечиться от какой-либо болезни. Особый смысл придавался П., соблюдаемому на Пасху, во время всеобщего разговления. Так, поляки верили, что П. на Пасху и в Рождество поможет излечить больного эпилепсией родственника.

Люди постились и с целью добиться приумножения хозяйства. Так, белорусы считали, что если ничего не есть в пятницу перед Благовещением, то летом человек будет удачлив в поиске яиц диких птиц; пчеловоды не ели и не пили ничего в Сочельник до самой зари, чтобы у них лучше роились пчелы; в Полесье, а также в других местах хозяева и пастухи постились в Юрьев день, чтобы скот хорошо плодился и чтобы его не задрали волки.

Популярным у славян было пощение девушек перед гаданиями о замужестве. В Словении и Хорватии девушки верили, что если ничего не есть весь день и лечь спать голодной, то ночью можно увидеть во сне жениха.

Вместе с тем постные дни, которых в течение года было немало, воспринимались как неудачные с хозяйственной точки зрения, ассоциировались с бедностью. Повсеместно у славян считалось, что если Юрьев день придется на среду или пятницу (как постные дни), в течение года коровы и овцы будут давать молока меньше, чем обычно. Русские полагали необходимым подкладывать под курицу-наседку лишь те яйца, которые были снесены в скоромные дни (вторник, четверг, субботу), иначе из них не вылупятся цыплята. Украинцы Карпат не крестили детей в постные дни, иначе ребенок всю жизнь будет бедным.

Лит.: *Скабалланович М.* Великий пост. Киев, 1916; *Смирнов С.И.* Как говели в Древней Руси. СПб., 1901.

Т.А. Агапкина

ПО́ХОРОНЫ, похоро́нные обря́ды — в народной культуре важнейший комплекс семейных обрядов, завершающих жизненный цикл. Как ритуал «перехода» (на «тот свет») П. сходны по структуре и символике с другими обрядами жизненного цикла — родинными и свадебными (см. **Брак**).

Похоронные обряды начинались с момента приготовления к **смерти**, переодевания умирающего, которому давали в руки горящую свечу; в случае трудной агонии — расставания души с телом открывали двери, окна, печную заслонку, ломали конек крыши (подобные действия у восточных и южных славян совершали и при трудных родах — расставании ребенка с материнским чревом). На Русском Севере при умирающем ставили чашку с водой, чтобы душа омывалась.

О смерти оповещали родственников и односельчан, тогда же начиналось оплакивание, причитание. Принято было выливать всю воду, имевшуюся в доме, занавешивать **зеркало** (закрывать вход на «тот свет»). Покойника обмывали, переодевали в смертную (белую) одежду, которую предварительно лишали всех застежек и др. металлических частей. Девушку, умершую до вступления в брак, хоронили в свадебной одежде, у украинцев ее гроб сопровождал «жених» — таким образом в обряде преодолевалось нарушение жизненного цикла (см. **Похороны-свадьба**).

Особые обряды сопровождали изготовление **гроба** и помещение в него покойника, ритуальных предметов и т.п.; на место, где лежал покойник, клали оберег — топор, камень, **дежу**, украинцы разбивали на этом месте **горшок**, южные славяне забивали гвоздь, на Русском Севере бросали камень вслед покойнику, «чтобы остальные были живы» (об оберегах см. в статье **Вампир**). До самих похорон приняты были ночные бдения при покойнике, в том числе (на Западной Украине и в других регионах) «игры при покойнике» («веселые поминки»), включающие карнавальные действа и восходящие к дохристианским обычаям тризны и т.п.

Похороны совершались на третий день, гроб несли в церковь и к месту **погребения** на руках или в телеге, иногда на санях (см. также статью **Могила**); сани и телегу могли переворачивать после П. (как и другие предметы в доме покойника), «разделяя» таким образом мир живых и «тот свет» (ср. **Переворачивание предметов**). Избу после выноса покойника выметали, иногда осыпали пол зерном. У восточных и южных славян все этапы П. сопровождались причитаниями (бел. *голошение* и т.п.), описывающими, в частности, дорогу покойника на «тот свет». По возвращении с **кладбища** устраивали поминки («тризну») с ритуальными блюдами (горох, блины, кутья), для покойника клали ложку (под скатерть) и хлеб, совершали также обряд «поисков покойника»: обход жилых и хозяйственных построек. Поминки совершали также через день, через неделю, на сороковой день (когда душа окончательно расставалась с телом) и через год после П. О поминальных обрядах см. также в статьях **«Деды»**, **Радуница**. См. также **Похороны животных**.

Лит.: Этнография восточных славян. М., 1987. С. 410–416; *Невская Л.Г.* Балто-славянское причитание. М., 1993; Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. СПб., 1997. Т. 1–2; Живая старина. 2000. № 1. С. 2–27.

В.Я. Петрухин

ПО́ХОРОНЫ ЖИВО́ТНЫХ, предметов и др. — магический ритуал, воспроизводящий погребальный обряд. Имеет охранительный или «отгонный», реже — продуцирующий характер. Объектом таких «похорон» могут быть чучела мифических персонажей — **Масленицы**, Зимы, Смерти, **Костромы**, **Ярилы**, **Кузьмы-Демьяна**, **Марены**, Германа; широко распространены похороны животных, птиц и насекомых — кукушки, соловушки, воробья, мух, пауков, тараканов, клопов, вшей, лягушки, рака, ужа и др.; символических предметов — стрелы, сулы, контрабаса и др. В ритуалах этих «похорон» имитируются основные действия и элементы погребального обряда: смерть (убиение, умерщвление, в том числе потопление и повешение кукол, чучел, птиц, насекомых, животных; разыг-

рывание смерти участником обряда, изображающим Масленицу, Кузьму-Демьяна и т.п.); обряжение в смертную одежду; прощание с покойником, отпевание, оплакивание, голошение; похоронная процессия, рытье могилы, собственно погребение (закапывание в землю), поминки. В них воспроизводятся также основные реалии погребального обряда: покойник (соломенная, тряпичная, глиняная и т.п. кукла, чучело; деревце, трава, веник, живой человек, исполняющий роль покойника; убитый зверек, птица, насекомое; символический предмет — лента, шпилька, монета, букетик цветов); саван (рогожа, лоскут), гроб (корыто, ящик, коробка, носилки), могильная лопата (палка), могила (ямка), кладбище (огород, поле), поминальная еда.

В Полесье во время засухи, чтобы вызвать **дождь**, ловили и убивали **лягушку**, обряжали ее, т.е. заворачивали в какой-нибудь лоскут, клали в спичечный коробок, голосили по ней, как по покойнику: «Ой, жабка наша померла, ой, ой!», причем нужно было по-настоящему плакать, лить слезы. На Ровенщине хоронили рака: ловили рака, выкапывали ямку-«могилу», ставили над ней крестик, плели веночки и голосили: «Наш раченьку, да наш батеньку, да наш соколеньку, да як мы тебе хоронимо...». С той же целью вызывания дождя убивали ужа, гадюку или насекомое (медведку) и подвешивали на забор или на ветку, иногда поливали водой и т.д.

В Калужской губ. «хоронили Масленицу»: делали из соломы большую куклу, надевали на нее рубаху и сарафан, на голову повязывали платок; женщины, одна из которых изображала попа с кадилом, вели ее под руки по деревне, а затем сажали на носилки и накрывали пеленкой. Пройдя до конца деревни, участники процессии раздевали куклу, разрывали ее на части и разбрасывали солому; «поп» размахивал кадилом, кричал «Аллилуйя!», а похоронная процессия пела песни.

С.М. Толстая

ПО́ХОРОНЫ-СВА́ДЬБА — обычай устраивать символическую свадьбу во время похорон молодых людей, не успевших вступить в брак. По народным поверьям, умерший, который при жизни не обрел своей супружеской пары, не мог перейти на «тот свет» и был обречен скитаться в земном мире. Наряду с теми, кто умер не окрещенным и не получившим имени, с теми, кто согрешил, покончив жизнь самоубийством, неженатые и незамужние парни и девушки включались после смерти в категорию «нечистых» **покойников**, души которых становились вредоносными демонами. Чтобы предотвратить это, родственники внебрачных умерших при их похоронах устраивали видимость «свадьбы»: обряжали покойника в свадебный наряд; плели венок и украшали свадебное деревце; пекли такой же каравай, как на свадьбе; на похороны приглашали музыкантов и гостей, которые пели свадебные песни.

Еще в начале XX в. украинцы и белорусы практически всегда смотрели на похороны девушки как на ее «замужество», т.е. одевали умершую, как под венец. Ее родня раздавала участникам похорон подарки, как на свадьбе. Иногда для покойницы избирался из числа ее знакомых «жених», который шел в свадебном наряде за гробом. У западных славян при похоронах девушки плели два венка: один надевали на голову умершей, а другой символизировал ее жениха — его бросали в могилу или вешали на могильный крест. В Восточной Сербии подобные обряды фиксировались еще в 50-е гг.: в окрестностях Петровца при похоронах жениха, уже сговоренного к свадьбе, устраивали так называемую «мертвую свадьбу»: после похорон юноши «венчали» его оставшуюся в живых невесту с одеждой умершего. Случалось, что на роль условной «невесты» приглашали какую-нибудь сельскую девушку и при похоронах еще не обрученного парня. В Тимочкой Краине (Сербия) ряженая «невеста» несла в траурной процессии два венка, один из которых она бросала в могилу, а второй была обязана носить еще какое-то время после похорон. На таких похоронах обычно играла веселая музыка, а на могиле исполнялся обрядовый хоровод («хоровод по мерт-

вому»). Такие же ритуальные формы похорон-свадьбы были известны на всей территории Болгарии.

Условным партнером умершего в ритуале символического венчания иногда выступало растение или камень. Так, в Михайловградском крае Болгарии отмечен обычай венчать неженатого умершего с камнем: при похоронах юноши слева от него клали камень, обвязанный женской косынкой, а при похоронах девушки справа от нее размещали камень с надетой на него мужской шапкой. В других вариантах обряда юношей венчали с камнем, а девушек — с сухой веткой ежевики. Известны также случаи, когда брачным партнером умерших молодых людей выступала верба или фруктовое дерево.

Древнейшим упоминанием об обычае похороны-свадьба является свидетельство арабского путешественника Масуди (X в.), который сообщал, что на Руси при похоронах неженатого человека его до погребения «женили».

В славянском песенном фольклоре смерть молодого героя часто описывается как «свадьба» или «венчание» с сырой землей или с могилой; если герой тонет в реке, то женой его называется речная волна, сватами и гостями — рыбы и т.п. В похоронных причитаниях по неженатым подробно разрабатываются мотивы выбора невесты для умершего, свадебных приготовлений, похороны называются «невеселой свадебкой», у покойника спрашивают, к какой девушке он отправился свататься, и т.п.

Лит.: *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 347; *Соколова В.К.* Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности: Образ «свадьбы-смерти» в славянском фольклоре // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 188–195; *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 64–98.

Л.Н. Виноградова

ПОЦЕЛУ́Й — форма этикетного и ритуального поведения славянских народов. Целоваться было принято не только при встрече, но и при прощании. Как отмечал француз Жак Маржерет, русские «целуются <...> всегда, ибо у них это нечто вроде приветствия, как среди мужчин, так и среди женщин — поцеловаться, прощаясь друг с другом или встречаясь после долгой разлуки». Само слово «поцелуй» свидетельствует о том, что он несет пожелание быть целым, цельным, здоровым. П. мог сопровождаться пожеланием здоровья и сам в скрытом виде содержал такое пожелание.

П. устанавливал между людьми взаимную симпатию и обоюдное влечение. В Подольской губ. если будущая мать говорила до родов, что она отдаст ребенка, что он ей обуза и т.п., то ее заставляли поцеловать новорожденного: считалось, что после этого она уже не сможет не любить его. В Закарпатье после венчания и приезда в дом мужа молодая целовала под сердце свекровь, а свекровь — молодую, чтобы они жили в любви друг к другу.

С П. передавалась и сексуальная энергия, он стимулировал плодородие и усиленный рост. На Брянщине во время первого выгона скота женщины целовали пастуха, чтобы коровы «гуляли». В Пермской губ. последний день масленицы назывался «целовник»; парень, скативший с ледяной горы девушку, должен был поцеловать ее.

П. — обычный способ выражения приязни **гостю**. Поцелуйный обряд в России XVI–XVII вв. представлял собой сложное действо, включавшее взаимный обмен поклонами и питье вина «друг к другу». По словам Адама Олеария (1630-е гг.), поцелуйный обряд — величайший знак почета и дружбы, оказываемый русскими гостю. После угощения хозяин велит своей жене, пышно одетой, выйти к гостю и, пригубив чарку водки, собственноручно подать ему. Иногда в знак особого расположения хозяина разрешается поцеловать хозяйку в уста. Павел Алеппский сообщает, что русские, угощая гостя, «приводят к нему свою жену, чтобы он и все присутствующие поцеловали ее в уста, причем муж ее спокойно смотрит на это, и никто не может ее не поцеловать, а то выгонят из дома».

Церковный ритуал «святого целования», совершаемый в пасхальную утреню, вошел в быт восточных славян и воспринимался в прошлом как общенародный обычай. Он имел всесословный характер и утверждал равенство людей перед лицом общей радости — воскресения Христа. В XVII в. приветствовать друг друга П. полагалось не только в Пасхальное Воскресенье, но и в течение 40 дней от Пасхи до Вознесения.

При прощании с покойником в церкви присутствующие целовали его в губы. Шведский дипломат Петр Петрей (1610-е гг.) наблюдал, как «подходят к гробу родители покойного, братья, сестры, жена, дети, друзья, родные и все присутствующие, целуют его на расставанье, прощаются с ним, потому что дольше ждать ему нечего, а пора и в дорогу». Так и в XIX в. при прощании в церкви с покойником все непременно целовали его в губы.

П. Петрей рассказывает также о том, как русские устраивают пирушки в поминовение умерших. «Они справляют это пением, каждением, целованием друг друга в губы: последнее водится и между мужчинами и женщинами в доказательство их искренней, сердечной и душевной радости, и при этом вполне верят, что души их умерших друзей получают от того большое облегчение, даже чувствуют радость и удовольствие, в каком бы месте они ни находились».

У славян было широко известно целование сакральных объектов: икон, креста, земли и др., что часто сопровождалось произнесением клятвы или присяги. По сообщению англичанина Джильса Флетчера (1588 г.), давая присягу при решении какого-нибудь спорного дела, «русские клянутся крестом и целуют подножие его, как бы считая его самим Богом, имя которого и должно быть употребляемо при этом судебном доказательстве». К крестному целованию можно было привести насильно, и это не отменяло обязательного выполнения клятвы.

Лит.: *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. С. 49–64.

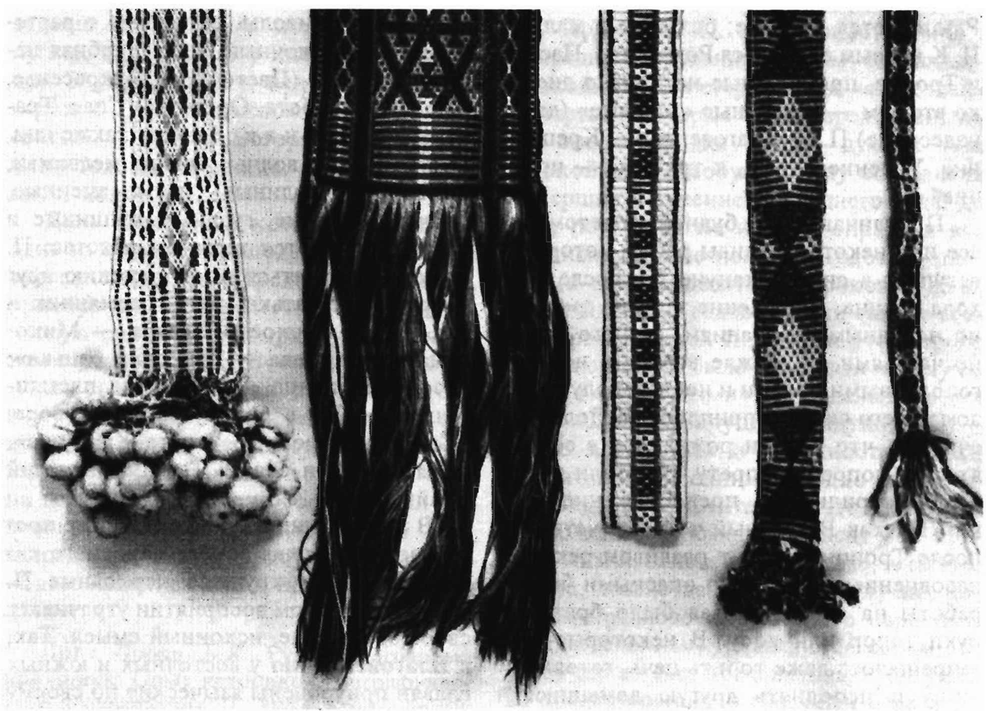
А.Л. Топорков

ПО́ЯС — в народных верованиях символ дороги, пути через мифические и реальные преграды (так же как нитка, пряжа, волокно, веревка и даже цепь). П. как часть одежды, принимающая форму **круга**, часто используется в качестве оберега. Белорусы повязывали П. ребенка сразу после крещения, на Украине при проводах умершего из хаты родственники нередко завязывали П. ворота, «чтобы больше покойников не было»; считалось, что подпоясанного человека «бес боится», его не тронет ни домовой, ни леший. Вместе с тем снятие П. означало приобщение к потустороннему миру, нечистой силе и т.д. Поэтому П. снимали при добывании цветка папоротника в ночь на Ивана Купалу, при поисках клада, во время исполнения обрядов против эпидемий и падежа скота; этот же прием используют севернорусские девушки для гаданий: перед сном кладут П. под подушку, приговаривая: «Пояс мой, пояс, покажи жениха и поезд». Специально вытканный за один день из остатков льна П., по поверью крестьян из Минской губ., позволяет подпоясавшемуся увидеть на Радуницу мертвых.

С помощью П. устанавливается связь между «своим» и «чужим» пространством, «старым» и «новым» домом. Так, у белорусов при переходе в новый дом хозяин притягивает всех членов семьи внутрь избы за нитку или П., молодая, входя в дом мужа после венчания, бросает свой П. на печь. При первом выгоне скота в поле у восточных славян было принято расстилать в воротах П., чаще красный; его также привязывали к рогам коровы, клали пастухам в сумки и т.д. При покупке скота его вводили в новый дом через П., во Владимирской губ. в этот момент приговаривали: «Забывай старого хозяина, привыкай к новому!» На Русском Севере перед первым выгоном скота хозяйка плела из трех льняных ниток П., нашептывая: «Как этот плетешок плетется, так милая скотинка плетись на свой двор из следа в след, из шага в шаг. Нигде не заблуждайся, ни в темных лесах, ни в зеленых лугах, ни в чистых полях...» Этот П. она носила до самого выгона скота, когда снимала его с себя и закапывала у выхо-

да со двора со словами: «Коль крепко и плотно пояс вокруг меня держался, так крепко коровка круг двора держись». Расстилая П. перед порогом хлева или воротами двора, следили, чтобы корова «не уволокла его ногами», поскольку это сулило несчастье по дороге на пастбище.

В славянских верованиях П. — это источник жизненной силы, поэтому он часто наделяется оплодотворяющими и оздоровляющими свойствами. У южных славян бездетные женщины в стремлении иметь потомство кладут под подушку П. священника или носят при себе



Традиционные восточнославянские пояса из собрания Российского этнографического музея (Санкт-Петербург). Слева направо: пояс мужской (Карпаты, Восточная Галиция, с. Карлова — русины); пояс мужской (Карпаты, Восточная Галиция); пояс женский (Полесье, Минская губ., Пинский уезд, с. Лунинец — полешуки); пояс женский — «крайка» (Полесье, Черниговская губ. и уезд, слобода Чернеча — украинцы); пояс женский (Русский Север, Вологодская губ., Тарногский уезд, д. Печенга — русские)

Магические свойства П., скрепляющего союз молодых, используются в свадебном обряде: поясом обвязывают невесту или жениха и невесту, узел с приданым невесты, пирог для жениха после первой брачной ночи, рюмку или бутылку для жениха и т.д. Мощь П. могла быть использована и в злокозненных действиях на свадьбе. Так, по поверьям поляков и белорусов, с помощью скрученного П. ведьма могла «оборотить» весь свадебный поезд в волков.

кусочек такого П., опоясываются травами на Юрьев день; распространен обычай опоясывания церкви ниткой, пряжей и т.д. В Тамбовской губернии с целью расположить молодую к рождению детей к ней на колени сажали мальчика, она целовала его и дарила «девичь пояс».

Лит.: *Байбурин А.К.* Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992; *Костоловский И.В.* К поверьям о поясе у крестьян

Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1909. № 1.

А.А. Плотникова

ПРА́ЗДНИК — одно из главных понятий народного календаря, «сакральное» время, противопоставленное повседневному, «профанному» времени будней. Различаются великие, большие и малые П. К первым относятся Рождество, Пасха и Троица, празднуемые несколько дней; ко вторым — остальные «годовые» (двунадесятые) П. — Благовещение, Крещение, Успение и т. д., к третьим — прочие.

П. отличаются от будней запретом на все или некоторые виды работ, который вступает в силу накануне П., после захода солнца. Нарушение запрета грозит, по народным верованиям, разного рода несчастьями, и прежде всего — неблагополучными родами и неблагополучием домашнего скота и приплода. В Полесье считали, что калеки рождаются в семьях, где, вопреки запрету, работали в П. Сербы верили, что пренебрежение таким П., как Русальный четверг (четверг после Троицы), грозит разливом реки и наводнением. Особенно опасными были работы на земле; нельзя было брать в руки топор или косу. В некоторые П. запрещалось даже топить печь, готовить пищу и исполнять другую домашнюю работу. На Черниговщине в «великие» П. не мели хату; повсюду в П. остерегались одалживать что-либо из дома. Накануне крупных П. запрещались супружеские сношения.

Будучи христианским по составу П., народный календарь сохраняет дохристианское мифологическое понимание П. Названия праздников нередко включают эпитеты, не имеющие ничего общего с христианским содержанием П. П. (и дни) могут быть «святыми, светлыми, чистыми, благими», с одной стороны, и «злыми, погаными, вредными, некрещеными, страшными, тяжелыми, кривыми, пустыми, напрасными, никакими» — с другой. Дни (праздники) могут быть также мужскими и женскими, молодыми и старыми, куцыми и хромыми, безумными (бешеными) и глупыми, гнилыми и глухими, мертвыми и веселыми, крепкими и тяжкими, богатыми и бедными, крутыми и ленивыми, толстыми (жирными) и голодными, теплыми и холодными, сухими и мокрыми, огневыми и водяными, градовыми и ветряными и т.п. Для обозначения П. широко используются цвета: дни бывают белыми, красными, черными, зелеными, пестрыми; символы, связанные с растениями: ср. Яблочный Спас, Вербная неделя, Цветное (Цветочное) воскресенье, Кленовая суббота, Ореховый Спас, Травяная пятница и т.п.; бывают также дни, П. и периоды волчьи, лисьи, медвежьи, конские (лошадиные), песьи, змеиные, птичьи, куриные, гусиные, мышиные и др.; используются термины родства: П. могут обозначаться по отношению друг к другу как батька, мать, племянник и т.п. Ср. полесское «Варвара — Миколина матка, Сава — Миколин бацька»; рус. «Масленица — Семикова племянница» и т.п.; в белорусском заговоре: «Святая Покрова — мамка Христова», «Святэй дух и святая Троица, и святэй Трайчонак» и т.п.

В толковании и оценке П. также проступает языческая основа народного календаря. Даже крупные церковные П. могут в народном восприятии утрачивать свое содержание, исконный смысл. Так, к **Благовещению** у восточных и южных славян приурочены языческие по своему характеру обряды встречи весны и обряды очистительного характера, совершаемые с целью защиты от змей, насекомых, сорняков и т.п. «Благая весть» понимается как весть о наступлении весны, пробуждении земли от зимнего сна. Обрядность и фольклор праздника **Рождества**, хотя его христианский смысл, безусловно, не утрачен, включают элементы, связанные с культом предков и представлением об опасности всего периода рождественских П. (**святок**).

Само понимание П. как опасного для людей разрыва границы между «тем» и «этим» миром составляет элемент языческой картины мира. Все П., как большие, так и малые, считаются опасными. На Житомирщине на все годовые П. «обсевали» маком хату, хлев и очерчивали их мелом. Сербы считали, что ре-

бенок, родившийся в Сочельник, будет несчастным, а родившийся на Рождество — еще несчастнее; родившийся на Пасху останется сиротой и т.п. Особая злокозненность приписывается некоторым П., например у восточных славян — Варваре, Чуду, Десятухе и др.

В фольклорных текстах и в верованиях часто выступают персонифицированные П., которые могут приходить, пугать, наказывать, у них просят помощи. В украинских и белорусских заговорах к П. обращаются так же, как к святым, к Богу и Богородице: «Праздники годовые, великие, малые, приступите, поможите...».

День недели, на который пришелся один из крупных «неподвижных» П., т.е. закрепленных за определенной датой, приобретал на целый год особую магическую силу, его выбирали для удачи в том или ином деле. Воспоминание о П. могло спасти человека, заблудившегося в лесу; надо было лишь вспомнить, в какой день недели было Рождество, затем взять земли из-под ног и посыпать себе на голову, тогда «блуд» освобождал человека. Чтобы летом избежать в лесу встречи со змеей, надо было сказать: «Благовещение было в такой-то день недели».

Лит.: *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. М., 1973–1983. Т. 1–4.

С.М. Толстая

ПРЕ́ДКИ — умершие родственники, определяемые в народной культуре как «праведные душечки», «благословенные родители», «святые деды», «отцы-матери», «свои предки»; воспринимаются как духи—опекуны дома и хозяйства и как высший авторитет для всей семьи и рода.

К категории П. причислялись те из родственников, которые умерли «своей» смертью (т.е. естественной, ненасильственной) и, как считалось, благополучно перешли на **«тот свет»**. По некоторым поверьям, различались так называемые старые П. (давно умершие) и новые (дватри последних поколения умерших родственников), которых родня еще помнила поименно. Безымянные «старые» П. соотносились с мифическими родоначальниками, первопредками, участвовавшими в изначальном освоении мира и жившими в идеальном «золотом» веке; ср. рус. поговорку: «Предки на дереве едали, да золотом платили, а потомки на золоте едят, да ветром платят».

Праведные П. противопоставлены в народных верованиях душам «нечистых» покойников, т.е. умершим «не своей» смертью, которые стали вредоносными и опасными для людей духами (см. **Покойник**). Особую группу составляли умершие в течение последнего года: до тех пор, пока по ним не справили все индивидуальные поминки годового цикла (в третий, девятый, сороковой день, полугодовые и годовые), они еще не воспринимались как П., а после этого срока их уже можно было поминать наряду со всеми «родителями» в определенные дни (см. **«Деды», Задушки, Задушницы**).

В верованиях и обрядности славян почитание П. занимает одно из центральных мест. Считалось, что от их расположения и помощи зависят все сферы жизни человека: здоровье, счастье, удача, хозяйственное благополучие, погодное равновесие и т.п. По народным представлениям, П. являются своим сородичам во сне, предсказывают будущее и предостерегают о грозящей беде; участвуют в жизни семьи (охраняют дом, скот и посевы, помогают собирать урожай, заботятся о новорожденном); обнаруживают свое незримое присутствие в доме ночными звуками, ищут оставленную для них поминальную пищу и т.п. Практически все персонажи, причисляемые в народной демонологии к домашним духам-опекунам, по своему происхождению связаны с родовыми П. (см. **Домовой**). В свою очередь, первейшей обязанностью живых родственников было заботиться о своих П.: в поминальные дни люди соблюдали особые правила поведения и строгие запреты, чтобы не навредить «душечкам»; приносили на могилы родственников ритуальную пищу или приглашали их в дом на общесемейную трапезу (см. **Кормление, Приглашение**); для П. топили баню и

оставляли на ночь теплую воду и чистое полотенце; перед началом важных хозяйственных и семейных предприятий устраивались жертвоприношения в честь П. (см. **Жертва**).

Мотивы «прихода» П. на землю и возвращения на «тот свет» характерны не только для обычаев поминальных дней, но и в целом для мифологии календарного времени (см. **Календарь народный**). По широко распространенным воззрениям, в один из предпасхальных дней или на Пасху «раскрываются небеса» и все души П. на короткое время выпускаются на волю, чтобы погулять в земном мире и навестить своих родных. Затем они вновь вынуждены вернуться «на свои места», а люди устраивают им символические «проводы». Весенний цикл народных праздников весь пронизан ритуалами поминовения предков (см. **Весна, Благовещение**, **Пасха, Троица**). Другим таким временем, когда душам П. позволено появиться среди живых, считался святочный период (см. **Рождество, Святки**).

В древнеславянских источниках сохранились многочисленные упоминания о языческих обычаях поклоняться умершим и приносить им жертвенные дары. По-видимому, именно обожествляемые П. подразумевались под персонажами, именуемыми в исторических книжных памятниках как **Род и рожаницы**, которым язычники «кладут требы», оставляя для них хлеб, сыр и мед.

Л.Н. Виноградова

ПРЕОБРАЖЕ́НИЕ ГОСПО́ДНЕ — двунадесятый праздник, отмечаемый 6/19.VIII. В народном календаре — один из первых праздников урожая.

До П. практически повсеместно запрещалось употребление в пищу плодов нового урожая (яблок, многих овощей, винограда и др.). На П. хозяева приносили в церковь колосья пшеницы и семена нового урожая; над ними читались молитвы; их кропили святой водой. Часть освященной пищи отдавали нищим («На второй Спас и нищий яблочко съест») и жертвовали церкви, а семена и колосья часто оставляли до следующего урожая, чтобы именно зернами начать сев.

В России праздник П. известен под названием *Второй*, или *Яблочный Спас*. Это связано с тем, что наиболее строгий запрет относился к потреблению яблок, которые впервые освящали именно на П. Известны многочисленные поверья, объясняющие и комментирующие этот запрет. Говорили, в частности, что св. Петр трясет в раю яблоню, потом собирает души умерших детей и угощает их яблоками; если же чья-нибудь мать нарушила запрет, то ее ребенок лишается яблока. Поэтому запреты этого дня наиболее строго соблюдались матерями, у которых когда-либо умерли дети. После освящения яблок в церкви и их раздачи яблоки приносили домой, где ими разговлялась вся семья (ср. **Петров день**).

На Русском Севере на П. справляли «гороховый день»: празднично одетые люди шли на гороховое поле, где разговлялись молодым горохом, угощали друг друга и поздравляли с урожаем.

У южных и западных славян П. считался днем, с которого начинался сбор винограда; после освящения его в церкви виноград разрешалось употреблять в пищу.

Т.А. Агапкина

ПРИГЛАШЕ́НИЕ — магический акт обращения к персонифицированным природным и потусторонним силам с предложением (просьбой) принять участие в рождественском (или новогоднем, крещенском) ужине, а также сам произносимый при этом заклинательный текст. В число приглашаемых могли входить Бог, святые (Николай, Герман), ангелы; умершие родственники; персонифицированные праздники (**Коляда**, Щедрец); демоны (ведьма, домовой, черт, духи болезней); вредоносные стихии (мороз, ветер, туча, буря, град); звери (чаще всего волк), птицы, змеи, насекомые. Признаком, объединяющим этот разнородный ряд, является приписываемая им власть над природными стихиями, осадками, урожаем, а также их способность навредить посевам, скоту, самому человеку, в связи с чем их старались задоб-

рить и угостить в Рождественский сочельник, чтобы они не приходили в другое, неподходящее, неурочное время. Например, в Полесье звали на ужин «мороз»: «Мороз-мороз, ходи до нас кутью есть, а у летку не иди, нашего хлеба не морозь!», а болгары обращались к градовой туче: «Приходи, туча, ужинать! Принесли мы тебе еду. Сегодня тебя зовем, а летом — чтобы наши глаза тебя не видели!» Магическая цель предопределяет особую манеру произнесения текста П.: троекратное повторение всей формулы или отдельных ее частей, необычный способ интонирования, форсирование звука (кричат «на всю хату», «во весь голос»), неестественность голоса (говорят на высоких тонах, визгливым или заунывным голосом).

Ритуал П. сочетал в себе «пригласительные» и «отгонные» действия. Перед началом ужина (либо непосредственно перед подачей главного ритуального блюда — кутьи, каши, гороха, обрядового хлеба) хозяин выходил на крылвцо, подходил к воротам либо, оставаясь в доме, приближался к окну, к двери, к печи, открывал их. Эти действия символизировали установление контакта с потусторонними миром. Часто они сопровождались символическим «кормлением духов»: подношением тарелки с кутьей к окну или к двери, откладыванием части пищи в отдельную миску, подбрасыванием горсти кутьи, вынесением еды во двор и т.п. «Пригласительный» смысл имел обычай ставить на стол лишний прибор, освобождать место за столом «для гостя». Вместе с тем ритуал П. мог включать действия, направленные на превентивное «изгнание» приглашаемых, на предупреждение их появления летом. В Полесье хозяин, выждав паузу после приглашения, стучал палкой, кочергой в стены или двери дома, бил по забору или по воротам, стрелял из ружья, производил громкий шум, что находило соответствие в формулах угроз, запугивания и отгона в текстах П. У восточных славян морозу грозили, что в случае его прихода летом его побьют палками (розгами, кочергой, железными метлами), «задерут бороной», «пообрывают уши» и т.п.

Ритуал и тексты П. известны в восточной Белоруссии, в Полесье, в южной Польше, в зоне Карпат, в юго-восточной Болгарии, в Македонии, в восточной Сербии.

Лит.: *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: структура текста // Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов. М., 1993. С. 60–82; *Их же.* Ритуальные приглашения на рождественский ужин: формула и обряд // Малые формы фольклора. Сб. статей памяти Г.Л. Пермякова. М., 1995. С. 166–197.

Л.Н. Виноградова

ПРОКЛЯ́ТИЕ — в славянской традиции словесный ритуал, имеющий целью нанести урон определенному адресату (в противовес **благопожеланию**). По народным поверьям, П. распространяется на девять поколений. Результатом П. считаются трагические события в жизни, невозможность вступить в брак, бесплодие, рождение в семье уродов, смерть младенцев, болезни и пр.

Действенность П. зависит от многих обстоятельств: субъекта, объекта, времени («добрый» и «недобрый» час, будни—праздники) и места произнесения. Наиболее суровым считается родительское П., которое особенно опасно для малых детей. Полагают, что если мать скажет ребенку (особенно некрещеному или такому, который, отказавшись от материнской груди, снова стал сосать): «Чтоб ты пропал от моей головы», то он обязательно убьется, утонет или попадет во власть нечистой силы, превратится в **русалку**, **лешего** и др. Если **беременная** произносит П., оно переходит на ее **ребенка**. Чтобы нейтрализовать действие П., «пересылают» угрозу на говорящего («Из твоих уст тебе на голову»), а также совершают паломничества, служат молебны. Наоборот, чтобы П. сбылось, мужчина, произнося формулу, снимает **шапку**.

Содержание П. — это пожелание смерти, болезней, бедности, неудачи, раздоров в семье и пр.: «Чтоб он себе шею сломал»; «Чтоб у него дитя сгину-

ло!» (полес.); «Чтобы тебя земля не приняла!» (болг.). Осуществить П. призваны святые, Бог, Богородица или демоны, персонифицированные болезни, светила, вода, огонь: «Каб цебя пярун тряснув!» (бел.) и др.

Общее значение П. может выражаться конкретно или метафорически. П. с мотивом гибели называют ее многочисленные причины (от нечистой силы, диких зверей, грома, огня, воды) или реалии и действия похоронной обрядности: «Чтобы я у тебя на поминках кутью ел».

Разновидностью П. является народная анафема, которая отличается от церковной по месту, действиям и текстам (с упоминанием имени виновника несчастья или без, ср. сербские проклятия: «Будь проклят Голуб Цецея!»; «Будь проклят тот, кто поджег дом!»). Анафема может сопровождаться ритуальными актами, например бросанием камней, в том числе на могилу уже умершего человека.

Некоторые П. утрачивают свои ритуальные свойства и переходят в **брань** или в слова-паразиты.

Фольклорные тексты нередко строятся на мотиве сбывшегося П. Прóклятые заболевают, умирают или превращаются в птиц, зверей, деревья, травы и пр. Этиологические легенды объясняют особенности животных (черепахи, крота и пр.) и растений (осина, бузина и пр.) П., произнесенными человеком, Богородицей, Богом, святыми. Много сказок и быличек повествуют о судьбе прóклятых, заклятых и их чудесном освобождении.

И.А. Седакова

ПРОЛЕЗÁНИЕ — магическое действие, пролезание (протаскивание) больного через расщепленный ствол дерева, через ветки, дупло, через отверстие между двумя деревьями, растущими из одного корня, или между выходящими наружу корнями, через обод на бочке, ворот рубахи, между кольями забора или ступенями **лестницы** и др. Пролезание сквозь отверстие имело семантику второго рождения (перерождения, начала): больной как бы оставался по ту сторону отверстия, а по эту принимался (появлялся) его здоровый двойник. Обычно пролезание совершалось профилактически; у южных славян так поступали при начале эпидемии или в какой-нибудь календарный праздник, всем селом, в надежде уберечь людей от болезней и мора.

Южные славяне в качестве профилактической меры пролезали через расщепленный ствол или корни **кизила**. В Пиринском крае Болгарии пролезали через кизил, для чего связывали вместе два близко растущих кизиловых деревца, через отверстие между которыми проходили жители села. Считалось, что после этого все будут здоровы целый год. В Сербии в 9-й вторник после Рождества всех жителей протаскивали через корни кизила.

У восточных и западных славян повсеместно распространена практика пронимать больного через ствол дуба (обычно молодого), специально расщепленный для этого, расколотый ударом молнии, реже через дупло, под большим корнем и даже через ветви дерева. Особенно часто протаскивали (пронимали) детей, страдающих рахитом и бессонницей, слабых, болеющих грыжей, эпилепсией и др. Как правило, родители, стоя по обе стороны от дерева, трижды передавали друг другу ребенка через отверстие. При этом на дереве оставляли рубашечку ребенка, а также следили за тем, зарастет ли дерево после этого. Если оно зарастало, ожидали выздоровления. У сербов через расселину в стволе старого почитаемого дуба пролезали бесплодные женщины в надежде забеременеть. То же делали и мужчины при половом бессилии. Белорусы при сглазе у ребенка трижды продевали его через хомут.

Русские, чтобы сторожевые собаки были злыми, пропускали их через отверстие в бороне или обод колеса. После рождения ребенка белорусы (для того, чтобы ребенок не был восприимчив к болезням) передавали ребенка через **окно** из дома на улицу и обратно.

Иногда подобное действие совершалось и через некие более крупные отверстия. Широко известно использование глубокого прокопа в земле для того, чтобы в случае мора скота прогнать через

него стадо. Украинцы «просаживали» детей при бессоннице под столом, а сербы на Рождество пролезали всей семьей под горячим **бадняком**, чтобы быть здоровыми.

Лит.: *Щепанская Т.* Пронимальная символика // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 1999. Т. 47. С. 149–190.

Т.А. Агапкина

ПРОЩА́НИЕ — 1. ритуал, совершаемый при расставании людей друг с другом (в том числе и с умершими); 2. обрядовая просьба о прощении, которая может быть обращена не только к живым, но и к умершим, а также к земле, воде и другим природным стихиям и объектам.

У восточных славян П. при расставании подразумевало взаимное прощение грехов (в связи с этим «прощай!» до сих пор употребляется при расставании надолго или навсегда в отличие от «до свидания!»). Ежегодно следовало просить прощения друг у друга в воскресенье перед Великим постом, которое потому и называлось «Прощеное воскресенье». Даниил Принтц фон Бухау (1570-е гг.) сообщает, что под вечер русские «взаимно посещают друг друга, многими поцелуями испрашивают прощения в обидах, если какие-нибудь случились, и по причине Великого поста, в который умирают для мира, прощаются при многих лобызаниях». Согласно описаниям начала XX в., прощаться приходят младшие к старшим, нижестоящие к вышестоящим. Прощаются только родственники или близкие знакомые. Придя к старшему, младший кланяется ему в ноги, иногда же довольствуется простым поклоном, говоря: «Прости меня, Христа ради, если в чем согрешил против тебя». На это старший отвечает: «Меня прости, Христа ради». После этого оба целуют друг друга. В Прощеное воскресенье ходили также на кладбище «прощаться с родителями» (см. **Масленица**).

Взаимное прощение и утверждение обоюдной любви характерно и для ситуации П. с умершим. По словам П. Петрея, наблюдавшего русские нравы начала XVII в., «подходят к гробу родители покойного, братья, сестры, жена, дети, друзья, родные и все присутствующие, целуют его на расставанье, прощаются с ним, потому что дольше ждать ему нечего, а пора и в дорогу». У всех славян считалось обязательным, чтобы умирающий попрощался с близкими, попросил у них прощения, примирился с теми, с кем был в ссоре; присутствующие тоже просили прощения у умирающего. Невозможность проститься с отсутствующим родственником считалась одной из причин тяжелой агонии.

Еще в начале XX в. во Владимирской губ. старики перед смертью ходили в поле или просили отнести их туда «с землей и с вольным светом проститься». На поле старик вставал на своем участке на колени и с крестным знаменьем клал четыре земных поклона на все четыре стороны. Прощаясь с землей, говорили: «Мать-сыра земля, прости меня и прими!», а прощаясь с вольным светом: «Прости, вольный свет-батюшка!»

Чтобы излечиться от болезни, «приставшей» где-нибудь в дороге, русские отправлялись на перекресток или на то место, где приключилось несчастье, и говорили: «Прости, матушка-сыра земля, раба Божия такого-то!». Аналогичным образом «прощались» и с водой. В Воронежской губ. при боли в спине или пояснице кланялись трижды земле, говоря: «Прости меня, матушка-земля, в чем я согрешил». В Ярославской губ. если в дороге заболит рука или нога, то говорят: «Мать-сыра земля, прости меня, Христа ради: не ты на меня нашла, а я на тебя, без молитвы».

Во Владимирской губ. существовал обряд П. с землей перед исповедью. Отправляясь на исповедь, старушка предварительно «прощалась» с домашними, причем кланялась каждому члену семейства и говорила: «Простите меня, Христа ради!» После этого шла за ворота на улицу и крестилась, обернувшись к часовенке; потом творила поклоны на четыре стороны, прося прощения у «крещеного люда». Во второй раз женщина творила поклоны на четыре стороны, но уже «свету вольному», причем произносила: «Уж ты, красно-ясно свет солнышко, / Уж ты, млад-светел государь ме-

сяц, / Вы часты звезды подвосточныя, / Зори утренни, ночи темныя, / Дробен дождичек, ветра буйные, / Вы простите меня грешную, / Вдову горюшную, неразумную...» Далее старушка шла на задворки, кланялась там «матушке-земле», становилась на колени, умывала землей себе руки и причитала: «Еще раз, моя питомая, / Испрошу у тея благословеньица, / Благословеньица со прощеньицем, — / Что рвала я твою грудушку / Сохой острою, расплывчатой...» В покаянном стихе, записанном там же, просят прощения у солнца красного, месяца, звезд, темной ноченьки, буйных ветров, бури, темных лесов, гор, вольных рек, сырой матушки-земли и др.

Во время обряда «размывания рук», который совершался на 3-й, 9-й или 12-й день после родов, мать и повитуха троекратно поливали друг другу воду на руки и взаимно просили прощения. В Смоленской губ. родильница, кланяясь бабке в ноги, говорила: «Баб, прости меня и в други, и в трети». Бабка отвечала: «Бох тебя прощаить — и я прощаю». Потом бабка обращалась к роженице с той же просьбой о прощении.

Лит.: *Листова Т.А.* Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 151–154; Стихи духовные. М., 1991. С. 170–174.

А.Л. Топорков

ПРЯ́ЛКА — приспособление для прядения — палка или доска, часто укрепленные в подставке (*донце*), на которую привязывают пряжу (*кудель*) — символ женского начала и оберег от нечистой силы.

П. сопровождала девушку от рождения до замужества. У восточных славян пуповину новорожденной девочки перерезали на П. или **веретене**; через П. передавали новорожденную крестной матери; клали П. в колыбель девочки. Личную, подписанную П. не давали взаймы, иначе, как считали в Полесье, будет пожар или погибнут пчелы. На Русском Севере парень, написавший на П. девушки свое имя, обязан был на ней жениться. Обычно жених дарил девушке новую, сделанную и украшенную своими руками П.

Прядение продолжалось весь осенне-зимний период, прерываясь лишь на рождественские праздники. В последний день масленицы женщины, празднуя

Лопасть прялки. Борецкая роспись (д. Скобели, Виноградовский р-н, Архангельская обл.). Начало XX в.

окончание прядения, катались с ледяной горы на донцах П., при этом считалось, что чем дальше они проедут, тем длиннее уродится лен (рус., бел.), а та, которая упадет с П., не доживет до осени (бел. витеб.). У чехов в конце масленицы П., украшенную лентами, возили на телеге по селу, а потом «продавали» в трак-

тире. На Рождество или на все святки П. и все прядильные инструменты выносили на чердак или в чулан (в.-слав., болг., серб.), чтобы их, как говорили в Воеводине, *бабицы* (духи) не заплевали.

У сербов Воеводины на Рождество при посещении скота хозяйка приносила с собой П. и немного пряла́, «чтобы скот не был голым». В Славонии первой посетительнице дома на Рождество давали П., чтобы она немного попряла ради урожая льна и вóда кур. Такое же значение имело прядение молодой невесты после первой брачной ночи: она пряла на поданной ей свекровью П., «чтобы богатее жить» (рус.).

Прядение также является функцией некоторых мифологических персонажей, а П. оказывается связанной с «тем светом». Дев судьбы — **орисниц** представляют тремя женщинами с П., которые прядут или разматывают клубок с пряжей (з.-болг., макед.). По верованиям восточных славян, нечистая сила (**кикимора**, **домовой**, **русалка**, ночница, Доля, Пятница и др.) прядет тогда, когда П. оставлена на ночь (или на праздник) с неоконченной куделью или без благословения. Иногда, оставляя П. на ночь, произносили оберег: «Хозяюшко домовой, не трогай моей прялочки, пусть она тут лежит», а веретено убирали (Рус. Север). Сама П. могла восприниматься как атрибут нечистой силы или ее заместитель (ср., например, кашуб. *мора* 'нечистый дух' и 'самопрялка'). Девушки верили, что если не допрясть кудели накануне Рождества, то П. придет за ними в церковь при венчании (рус.), если оставить П. с куделью на ночь или на праздники, то П. будет преследовать, пугать, танцевать рядом (полес.). Верили, что, если ночью привидится кикимора с П. на лавке, быть в той избе покойнику (рус. вологод.), если ударить прялкой девушку, то ей попадется плохой муж или плохие свекр со свекровью, а если ударить П. ребенка, то он заболеет (болг.)

Мотив прядения отражен в ряжении. В этом случае прядение символизировало богатство, размножение. У русских «кикимора» при обходе домов «пряла» в углу на принесенной с собою П. (рязан.). «Коляда» ходила по домам, обернутая куделью, носила с собой П. и проверяла результаты работы девушек (ю.-зап. России). Главный обрядовый персонаж кукеров — *Майка*, которая считалась символом счастья, ходила с П., куделью и веретеном и пряла в каждом доме (болг., макед.).

П. служила оберегом для девушки. По представлениям болгар, П. охраняет девушек и молодиц от любви змея и самовил (см. **Вила**), от злой встречи, сглаза и порчи. Поэтому девушка, идя в поле на работу, брала с собою П. и по пути, особенно когда встречала много людей, пряла. После свадьбы деверь, который неотлучно ходил с невестой и охранял ее, дарил ей расписанную П. в качестве оберега. У русских для лечения детей от ночного плача и от испуга клали под колыбель мальчику топор, а девочке — П.; чтобы вылечить бессонницу у девочки, под матицу с приговором втыкали П. с куделью и веретеном (владимир.). Чтобы ласка не вредила курам, у болгар бросали на курятник П. с куделью. П. использовали в обряде разделения **«одномесячников»**: в случае смерти одного из братьев расщепляли материнскую П. и одну половину клали в могилу, а другую забрасывали дома на чердак (Болгария, Панагюриште).

М.М. Валенцова

ПРЯ́ХА — в народной культуре персонаж, связанный с наиболее ритуализованным женским занятием. Представление о прядении нити, воплощающей жизнь, судьбу, **долю**, восходит к индоевропейской древности — образам мифических прях у мирового древа; ср. болгарских **орисниц**, сербскую Сречу, которая прядет золотую нить. Об архаической символике прядения свидетельствуют изобразительные мотивы **мирового дерева** и др. на русских прялках; на Новгородчине в Великий четверг пряли левой рукой нити на каждого члена семьи и привязывали к березе: у кого пропадет нить, тот умрет. В сербской традиции мать после рождения ребенка должна спрясть нить, чтобы новорожденный вырос трудолюбивым (ср.

веретено). В славянской традиции функциями прях, определяющих судьбы, наделяются как высшие персонажи, в том числе **Богородица**, св. Варвара и Параскева Пятница (ср. **Пятница**) — покровительницы рожениц и прях, так и низшие демоны — **кикимора**, *мокоша*, которые считаются продолжением сниженного образа славянской языческой богини **Мокоши**. Способностями прясть чудесную пряжу наделяются также пушные зверьки, прежде всего **ласка**.

«Ева преде, Адамова супружница». Миниатюра из Сборника попа Пунчо. Болгария, 1796 г.

В русских поверьях нечистая сила овладевает пряжей у тех П., которые нарушили запреты или не помолились на ночь: кикимора, мара, мокоша портят и путают пряжу; **русалки** прядут оставленную на ночь в бане пряжу и пытаются соткать себе одежду; невидимая *пряха*, прядущая по ночам, кикимора предвещает смерть близких или другое несчастье. Параскева наказывает прях, нарушающих запрет на прядение в праздник (в пятницу). Напротив, изготовленная в праздник (Великий четверг) «оборотная нить» (которую пряли, вращая веретено «от себя») служила оберегом. См. также **Ткачество**, **Прялка**.

В.Я. Петрухин

ПУСКА́НИЕ ПО ВОДЕ́ — ритуальное действие; способ передачи из «этого» света на «тот» предметов или сообщений. Мифопоэтической основой пускания по воде служит космологическое представление о движении всех вод из центра мира, сверху вниз, с неба на землю, т.е. на «тот свет».

Пускание по воде часто имеет жертвенный характер. В Сербии, умываясь у источника на Крещение, люди спускали в воду несколько цветков базилика со словами: «Богу и святому». На Русском Севере в качестве жертвы **водяному** перед началом рыбной ловли на воду спускали тряпицы с четверговой солью (см. **Страстной четверг**) и высушенные четверговые хлебцы.

Предметы, спускаемые по воде, обычно предназначались умершим. Хорваты пересылали таким образом утопленнику свечу, которая не была зажжена в момент его смерти: ее втыкали в поминальный хлеб и пускали его по течению реки. В Сербии в Страстной четверг совершался обряд «пускание воды душам умерших». Женщины наполняли водой из реки сосуд и тут же выливали ее обратно, при этом они называли по очереди имена всех умерших, которым вода предназначалась. У западных украинцев и у румын бытовало поверье о мифическом народе, называемом «рахманы» и живущем у великих вод, под землей, там, куда стекаются все реки. Верили, что рахманы — христиане, но поскольку у них не было собственного счета времени, люди сообщали им о наступлении Пасхи. Для этого в Страстной четверг пускали по воде яичные скорлупки, которые через некоторое время доплывали до рахманов, и те праздновали свою Пасху.

Обычай пускать по воде вышедшие из употребления предметы осмыслялся

как ритуальный способ их погребения в чистой и святой стихии. На воду пускали отслужившие иконы, старые богослужебные книги, высохшие просфоры, остатки освященной пасхальной пищи, вербовые ветки, освященные в Вербное воскресенье и пролежавшие в доме целый год, старые, пастушеские орудия или музыкальные инструменты и др. В этом контексте может быть истолкован и летописный рассказ об изгнании (путем пускания по воде) языческих идолов Перуна в Киеве и в Новгороде. Тем же способом славяне избавлялись и от остатков ритуальных предметов или обрядовой пищи, а также от большинства предметов, бывших в соприкосновении с покойником: стружек от гроба, носилок, соломы, на которой его обмывали. Ритуальное изгнание болезни также нередко осуществлялось в форме пускания по воде одежды больного, нитки с узелками, с помощью которой пытались вывести бородавки.

Известно также пускание. по воде семян и плодов некоторых культурных растений, костей скота и домашней птицы, преследующее цель передать растениям и животным энергию движения воды и обеспечить их рост и развитие. На Украине по воде пускали скорлупки яиц, из которых только что вылупились цыплята, чтобы те хорошо росли. Сербы при сборе кукурузы пускали по воде несколько вылущенных початков кукурузы, надеясь, что и кукуруза «потечет» из земли, как вода вниз по реке. В Сербии же матери пускали по воде первую изготовленную девочкой пряжу, чтобы и работа у девочки в будущем «текла, как река». Тот же принцип известен и во вредоносной магии. В средневековой Польше больного, страдающего увеличением зоба, лечили, высушивая корень какого-нибудь растения. Но если больной вовремя не заплатил лекарю за лечение, последний, вместо того чтобы высушить корень, пускал его по реке, чтобы и зоб рос у больного до бесконечности.

Пускание по воде **венков** — одно из наиболее распространенных девичьих гаданий. На Троицу и Купалу девушки пускали по воде венки из цветов и трав, иногда вставив в середину свечку. Направление движения венка указывало девушке, куда она выйдет замуж, а утонувший венок или погасшая свеча сулили безбрачие или смерть.

Т.А. Агапкина

ПЧЕЛА́ — насекомое, пользующееся особым почитанием. П. воспринимали как Божью тварь, называли Божьей угодницей, Божьей мудростью и наделяли святостью. Считалось, что П. жалит только грешника. В улей с П. никогда не бьет гром. П. обязаны Богу самим своим происхождением, в отличие от шмелей, шершней или ос, которых сотворил дьявол, соперничавший с Богом.

По народным представлениям, П. водятся только у добрых людей, а злых не любят. Они обладают способностью сплачивать людей, связывать их духовным родством. Белорусы верят, что П. сближают добрых людей. Общие П. у двух разных хозяев соединяют их братскими узами. Такие П. хорошо роятся и дают много меда и воска. Братские отношения между хозяевами возникают в том случае, когда от одного из них рой опустится в улей другого или когда на свадьбе новобрачным дарят половину своих П. Духовное родство, основанное на совместном владении П., рассматривается как священное, данное самим Богом. Роль П. в сближении людей проявляется у белорусов также в старинном обычае изготовлять общую для односельчан братскую свечу, которая хранится поочередно у всех жителей деревни. Близкий по смыслу обычай известен и в польском Поморье: если один из двух соседей, имеющих П., умрет, то другой должен пойти к его П., постучать палочкой по ульям и три раза сказать им: «Пчелки, ваш хозяин умер». Тогда П. останутся на своем месте и не улетят в другое.

П. символически соотносится с образом Богородицы. Народная традиция наделяет П. не только чистотой и святостью, но также девственностью и безбрачием. В заговорах ее называют «девицей-пчелицей». Согласно легенде, пчелами стали слезы прекрасной девы, сидевшей на камне посреди моря. В загадках П. опи-

сываются как незамужние девицы или монашки: «Сидят девицы в темной темнице, вяжут сетку без иглы, без нитки»; «Сидит монашенка, вяжет сеточку». В сказках П. хитростью избегает свадьбы со шмелем: откладывает ее на осень, когда отощавший шмель умирает. Мотив непорочного зачатия встречается в сербских поверьях о П. Считается, что самим Богом установлено размножение П. без спаривания: пчелиная матка просто откладывает яйца, из которых появляются на свет П. Тот же мотив отражен и в русских загадках о П.: «Не девка, не вдова, не замужняя жена, детей выводит»; «Живет не девка, не баба, не солдатка, не вдова и не мужняя жена; мужа у ней нет, а детей много». Среди пчеловодческих праздников особенно выделяется день Зачатия св. Анны. В этот день пчеловоды просили в молитвах о зачатии пчелиных роев, которое сравнивали с зачатием св. Анны, родившей Пресвятую Деву: «Анна зачала деву Пресвятую Богородицу, так и вы, мои пчелы, зачинайте дело во имя Божие, часты рои, густые меды». Пчеловоды отмечали также день Игнатия Богоносца, который христиане связывали с началом родовых мук Богородицы.

Известна сербская легенда о происхождении П. из слез матери, которая оплакивала загубленного, а потом воскресшего сына. Здесь образ матери представляет собой прямую аналогию образу Богоматери. Соотнесенность пчелиной матки с Божьей матерью видна и в их языковых наименованиях: *матка* и *Матерь*. Царская символика роднит ее с Царицей Небесной: в украинской молитве к пчелиной матке обращаются «царица-матка», а в русской легенде в пчелиную матку Бог превращает царицу рогатых людей, живших некогда на земле. В заговорах пчелиную матку называют, как Богородицу, Марией. Культ Богородицы присутствует в пчеловодческих обрядах. Богородице приписывают занятие пчеловодством и считают ее покровительницей П. и их владельцев. На Успение Богородицы для хорошего приплода П. в церкви угощают освященным медом. Пчеловоды молятся о П., возложив свечу на икону Богородицы, обращаются к П. с богородичной молитвой. Сходная символика П. имеется и в западноевропейской традиции, где П. и ульи символизируют Деву Марию как источник всяческой сладости.

Колода-борть в с. Листвин Овручского р-на Житомирской обл. 1981 г. Фото О.В. Беловой

В разных славянских зонах известны поверья о душе в облике П. Например, в Болгарии в Духов день молящиеся слушают, как жужжат мухи и П., считая, что это души их умерших близких. С этими представлениями связана и роль П. как предвестниц смерти в толкованиях снов.

Признак множественности символически соотносит П. со звездами, снегом, каплями дождя, слезами, искрами огня, песком и т.п. Так, много звезд на небе в рождественскую ночь сулит много П. летом; в некоторых загадках звезды загадываются через пчел, а вьющиеся возле улья П. уподобляются метели; сон о

роящихся П. толкуется как предвестье снега, дождя, слез или пожара; искры огня символизируют П. в крещенском гадании (куда полетят искры, оттуда весной прилетят П.); обилие искр от **бадняка** предвещает обилие П., во время первого весеннего грома сыплют перед ульями песок, чтобы они наполнились П., и т.д.

Известен пчеловодческий обычай приносить жертву **водяному**: в ночь на Преображение бросают в воду свежий мед и воск, топят в мешке первый рой или лучший улей. В награду за это водяной умножает П. и оберегает пасеку. Иногда пасеку специально ставят у реки, чтобы водяной охранял П. Роль водяного как покровителя П. унаследовали русские святые Зосима и Савватий, в дни памяти которых (17.IV и 27.IX) пасечник погружает мед в воду (иногда около мельницы), читая заговор, чтобы обеспечить себе успех в пчеловодстве на предстоящий сезон. Связь П. с водяным подтверждается и русским поверьем, что П. первоначально отроились от лошади, заезженной водяным дедом и брошенной в болото; рыбаки вытащили неводом из болота пчелиный рой, от которого расплодились П. по всему свету. У южных славян отголоски представлений о связи П. с водяным духом можно видеть в мотиве водяной мельницы в сербских легендах о П. (ими становятся слезы матери, сын которой утоплен чертом в мельничной запруде; дьявол придумывает способ подачи зерна на мельнице, созданной Богом и св. Саввой, а П., подслушав, сообщает об этом Богу) и пчеловодческой практике (мельничное мотовило на пасеке для удержания П., вода с мельничного колеса для кропления П.), у западных славян — в польской легенде о мухах (пчелах дьявола), которых черт производит на мельнице способом, подобном тому, каким обдирают зерно перед размолом.

Лит.: *Сумцов Н.Ф.* Из сказаний о пчелах // Этнографическое обозрение, 1893. Кн. 17. № 2; *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 448–486.

А.В. Гура

ПЯ́ТНИЦА — день недели, соотносимый в народных верованиях с **воскресеньем** и чтимый в память о «страстях Господних»; часто объединяется со **средой** («постные» дни); день строгого поста и воздержания, прежде всего от «женских» работ — прядения, тканья, шитья, стирки, мытья и т.п. Практически каждая П. в году считалась опасным днем, особенно строго соблюдались запреты и предписания в П. перед крупными праздниками. Это делалось «ради здоровья», часто по обету в благодарность за избавление от болезни или несчастья, а также из страха перед карой за нарушение запретов. Если ребенка искупать в П., он может заболеть «сухотами»; если в этот день стрясать плоды с фруктовых деревьев и вообще взбираться на них, деревья засохнут (поляки); если женщина прядет в П., у нее «терпнут» (коченеют) руки, у нее сгорит прялка, а саму пряху унесет ветер (украинцы); в хлебе, испеченном в П., появится кровь (Карпаты); если в П. есть овечий сыр или пить молоко, овцы перестанут плодиться (хорваты). В Болгарии по П. мужчины не брились, а женщины не мыли волос, «чтобы не овдоветь»; в Полесье постились, «чтобы гром не убил»; не пололи огород, «чтобы граду не было»; не пряли, иначе можно было повредить глаза, «на том свете в рот и в глаза будут лезть веретена», «придет Пятница — заколет веретенами» и т.п. В П. остерегались что-либо давать из дома, особенно молоко, сыр, масло, шерсть, вообще продукты животноводства, «чтобы волки не нападали на скот», а также огонь из очага (сербы). Большим грехом считалось у всех славян нарушение табу на супружескую близость в ночь на П. и среду.

П. — «несчастный» день, в П. избегали начинать какие-либо важные дела в уверенности, что дело не будет иметь успеха (хорваты, то же поляки, словаки и др.), в частности, это касалось обручения и венчания (хорваты о. Брач). Если в П. пойдет дождь, он не прекратится целый день, три дня, пять дней или будет идти до следующей П. (сербы, Сврлиг). Если на П. придется Рождество, то в наступающем году умрет много женщин, особенно рожениц, или вообще будет

несчастный год для людей и скота (сербы); кто в П. смеется (поет), тот в воскресенье будет плакать (все славяне).

Вместе с тем в Полесье в П. старались посеять жито, выгнать первый раз на пастбище коров, подложить яйца под наседку, начать строительство дома и т.п. Нередко П. считалась подходящим днем для магического избавления от **вештиц**, сглаза и болезней.

Персонифицированный образ Пятницы известен всем славянам; народная св. Пятница (также и св. Неделя) — покровительница прях и рожениц, часто отождествляется с христианской святой Параскевой Пятницей и с Богородицей; с другой стороны, в образе Пятницы находит отражение дохристианский культ богини Мокоши; у восточных славян Пятница сближается также с персонифицированной **Долей**. По южнославянским верованиям, св. Пятница — мать или сестра св. Недели. Македонцы считали *Петку* мстительной, поэтому опасались работать в П., если же все-таки работали, то надеялись на заступничество св. Недели. Женщин, почитающих пятницу, св. Пятница извещает о приближающейся кончине, а когда женщина умирает, Пятница ходит вокруг дома и громко плачет (украинцы Карпат). Согласно карпатской быличке, Пятница — женщина «на гусячих ногах», с огромными грудями, которые она забрасывает на спину (эта черта часто приписывается **русалке**); П. приходит к женщине, которая вопреки запрету в П. золила белье, и грозит ей наказанием; женщина спасается тем, что восклицает: «Ой, Пятница, осиянская гора горит!», и П. с криком «Ой, там мои дети сгорят!» убегает. По болгарским поверьям, П. может принимать облик змеи и появляться в доме, где женщина нарушила запреты.

В духовных стихах, быличках и поверьях Пятница жалуется, что люди ее не уважают и оскорбляют тем, что в П. прядут, шьют, стирают, пекут хлеб, золят белье, поют песни, танцуют и т.п. и тем самым «колют ее веретенами», «прядут ее волосы», засоряют ей глаза кострой от пряжи, мочат ее, золят и т.д. В католических традициях аналогичные свойства и действия часто приписываются св. Люции.

У славян, как и других народов Европы, получил широкое распространение средневековый апокриф о 12 пятницах, которые следует чтить строгим постом; нарушение этого требования считается тяжким грехом и карается самой суровой карой: виновника постигнет внезапная смерть, он утонет в море, сгорит в огне, погибнет от грома и т.п. Этот сюжет нашел отражение в духовных стихах, устных рассказах и в верованиях. По украинским поверьям, после шестой из 12 пятниц Пятница явится во сне и откроет человеку половину его будущего; после двенадцатой П. она изложит ему все его будущее. Состав этих почитаемых 12 пятниц различен в локальных традициях. Кроме них, в народном календаре почитались и отмечались особыми ритуалами, запретами и предписаниями Страстная пятница (у всех славян), девятая (иногда также десятая) пятницы после Пасхи (у восточных славян), поминальные пятницы (см. **Деды**) и др.

У православных славян к значительным праздникам относятся дни св. Параскевы Пятницы (28.X/10.XI), Параскевы Сербской (14/27.X), а также Петки Тырновской (26.VII/8.VIII). С этими днями связаны в основном запреты на «женские» работы.

С.М. Толстая

Р

РА́ДУГА — небесное явление, получающее в народной традиции мифологическое истолкование. В славянских языках Р. имеет множество названий, нередко отражающих народные представления и верования о Р.: *дуга, райская дуга, райдуга, веселка, веселуха, Божий лук, пояс, Божий пояс, бабин пояс, Богородичин пояс, золотой мосток, коромысло, краса, красуля* и т.д.

Широко распространено верование, что Р. предвещает конец дождя и ясную погоду, откуда диалектные названия *ясна*, *ясновка*, *ясница* и т.п. Но изредка встречаются и противоположные представления, что Р. к дождю (Польша). В Вологодском крае учитывали и форму дуги: крутая дуга — к вёдру, а пологая — к продолжительному дождю. В Черногории считали, что если Р. появилась на востоке, она предвещает хорошую погоду, а если на западе — дождь. Видеть Р. — к добру.

У всех славян существует верование в то, что Р. набирает, высасывает, «пьет» воду из озера, моря, реки или колодца, подобно **змею**. Поэтому ее часто называют «змей» или «смок». В Новгородской губ. «радугу называют змеей: она, опустив жало свое в воду, набирает в себя воду, а после выпущает, отчего и бывает дождь; на концах радуги повешено по котелку с древними золотыми монетами» (рукописное сочинение 1878 г.).

Иван Франко писал, что «народ представляет себе радугу как некое существо, выпивающее воду из каких-то источников, прудов и т.п., а иногда с водою она выпивает лягушек и рыб, которые позже при больших грозах падают с неба далеко от того места, где они были высосаны в воздух». На Западной Украине существует представление, что Р. может всосать в себя и выбросить на другой конец своей дуги человека. Поэтому радуга вызывает суеверный страх, к ней опасаются подходить. У хорватов известно проклятие: «Пусть тебя радуга всосет!» Сербы считают, что Р. охотнее всего пьет воду у водяных мельниц и потому около них нельзя купаться. В Закарпатье из страха перед Р. запрещают указывать на нее пальцем.

Сербы, македонцы, болгары и западные украинцы верят, что прошедший под Р. изменяет свой пол. В западной Болгарии говорили, что если кто-то хочет изменить свой пол, он должен пойти во время дождя на реку и там, где радуга «пьет воду», на том же месте должен пить, и тогда он превратится из мужчины в женщину и из женщины в мужчину. Это свойство Р. может быть использовано для того, чтобы магически переменить пол будущего ребенка: если женщина, у которой рождались только девочки, пойдет напиться воды на том месте, где «пьет» радуга, то после этого у нее будут рождаться мальчики (там же).

Р. является символом урожая, плодородия, изобилия, ср. белорусское название *богатка*. По мнению болгарских крестьян, когда Р. долго не появляется на небе, следует ожидать неурожая, засухи и голода; отсутствие Р. означает, что «*дядо Господ* сердится на людей». Болгары и сербы гадали по Р. об ожидаемом урожае, причем разные цвета Р. обозначали разные культуры. Хорваты говорят: «Белое означает хлеб, красное — вино, зеленое — жито и пшеницу», или: «Синяя полоса — это капуста, овощи, желтая — растительное масло, красная — вино; какая полоса шире — того и уродится больше»; ср. южнославянское название Р. *вино-жито*. Болгары считают, что зеленый цвет— это трава, желтый —

просо, красный — вино, а оранжевый — жито.

В восточной Сербии двойную Р. (обращенную концами к земле и к небу) называют «близнец» и считают, что по яркости и широте полос дуги, обращенной к земле, можно предсказать урожай на земле, а по дуге, обращенной к небу,— урожай на «том свете».

С библейскими представлениями о всемирном потопе (Бытие, IX, 8–17) связано восприятие Р. как божественного знака благополучия и благодати. Ср. рус. архангельское «божья дуга, знаменье господне», карпат. «божий знак», укр. «знамене», «святка» и др. На основе ветхозаветного текста и апокрифов возникли народные предания о Р., например западноболгарское: «Бог сказал Еве — пока существует радуга, люди будут плодиться, а как только она исчезнет, наступит второе пришествие».

В Болгарии известно также представление о том, что Р. — это «пояс Господа, который он полощет во время дождя или сушит после дождя». Вместе с тем Р. называют и «поясом самовил» (см. **Вила**). У сербов и хорватов говорят, что Бог с помощью Р. показывает женщинам, как надо ткать и какие цвета употреблять.

Лит.: *Толстой Н.И.* Из географии славянских слов. 8. «Радуга» // Общеславянский лингвистический атлас. 1974. М., 1976.

Н.И. Толстой

РА́ДУНИЦА — в России, на востоке Белоруссии и северо-востоке Украины поминальный день, приходящийся на вторник, реже — понедельник Фоминой недели. Р. признана православной церковью как день, в который люди могли разделить с усопшими радость Воскресения Христова после праздника **Пасхи**.

Радуницкое поминовение включало в себя панихиду в церкви, посещение кладбищ, во время которого служилась панихида и «родителям» устраивалось разговление (на могилы выкладывали крашеные яйца, куличи, мясо и другие пасхальные блюда), а также домашнее поминовение (готовили баню для мертвых, оставляя для них воду с веником, чистое белье, а сами при этом не мылись и даже не заходили в баню; наутро на золе, рассыпанной на полу, искали следы умерших). На Украине в этот день справляли *радульные деды*, когда, как считалось, предки посещали свои дома (см. **«Деды»**). Сближение *Радуницы* с *радоваться* отразилось в обычае устраивать на кладбище и в доме игры и веселиться на Р. (ср. рус. «На Радуницу до обеда плачут, после обеда скачут»): на могилах напивались, по дороге домой пели, по возвращении с кладбища играли в карты и т.п.

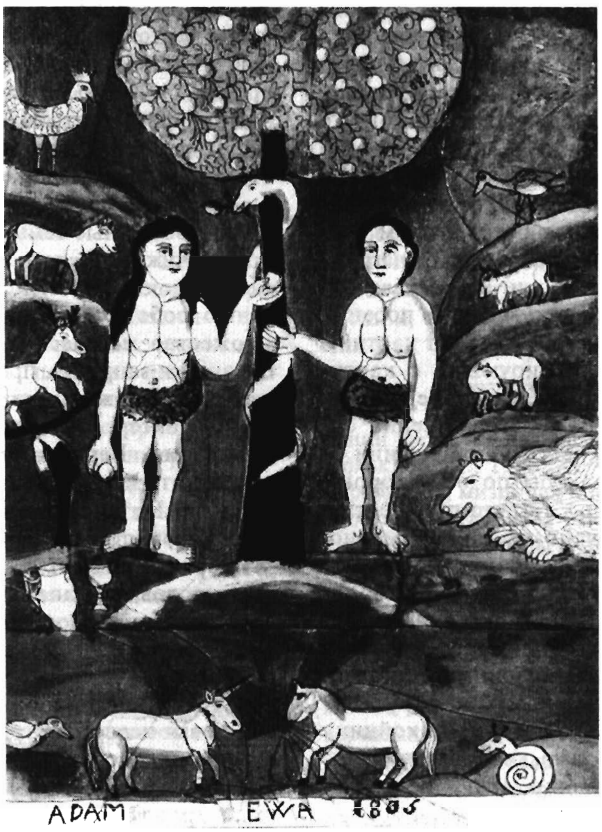
Т.А. Агапкина

РАЙ — часть потустороннего мира, блаженная страна, в которой пребывает Бог, ангелы, святые и души праведных. Славянские народные представления о Р. сложились под сильным влиянием христианства; в дохристианских верованиях деление на Р. и **ад** четко не выражено; слово *рай*, как и *вырей* (**ирий**), обозначало вообще потусторонний мир, мир мертвых, ср. словен. *райник* — покойник. Р. нередко отождествляется с **небом** или его верхними слоями, наделяется высшими этическими и эстетическими достоинствами как мир праведности, чистоты, красоты и совершенства и противопоставляется аду. На **мировом дереве**, согласно белорусской свадебной песне, у корней помещаются черные соболи, в середине — боровые пчелы, а сверху — райские пташки. В белорусских верованиях Р. — то же, что *вырай*; птицы населяют Р. с тех пор, как Бог изгнал из рая согрешившего человека; при этом Бог делит птиц, как и людей, на добрых и злых и пускает в Р. только добрых: зимой в Р. они своим пением тешат святых людей и ангелов, а летом пребывают на земле и услаждают людей.

Согласно другим верованиям, Р. находится где-то очень «далеко, за горами, за морями» или на высокой железной **горе**; чтобы после смерти попасть в Р., нужно всю жизнь собирать срезанные ногти, тогда после смерти они срастут-

ся и помогут вскарабкаться на гору (белорусы). Болгары помещают Р. на востоке, где восходит солнце, а ад — на западе.

По севернорусским представлениям, Р. — это «сад вечно зеленый, находится на небе, ад же под землей. В раю ничем не кормят, да и есть там не захочется, потому что там дух (т.е. запах) хорош, как в саду». Образ рая как цветущего сада, соответствующий этимологическому значению греческого названия Р., встречается уже в описании «похорон руса» у Ибн Фадлана (X в.) и составляет наиболее устойчивый стереотип в народных верованиях. Полесский крестьянин представлял себе Р. как огромный сад в небе, огороженный высокой, в десять верст, стеклянной стеной, прикрытой стеклянным сводом. Там никогда не бывает зимы и непогоды, всегда светит солнце, причем не жарит, а греет; там не бывает ни грома, ни молнии; всюду яркая зелень, огромной высоты деревья, масса ярких цветов — синих, белых, красных, издающих такое благоухание, что непривыкший может задохнуться. Там обитают всякие звери, но они никого не трогают: волк не нападает ни на коней, ни на овец, медведь не трогает пчел. Праведные души живут в мире и согласии, возлегают на пуховых подушках и ничего не делают — обо всем заботится Бог и не жалеет для них ни хлеба, ни остального. Когда ангелы приносят новую душу с этого света, ее встречают звуки труб, колокольный звон, радостная музыка. По мнению полешука, темные пятна на



Адам и Ева в раю. Картина на стекле. 1835 г. Кросненское воеводство, Польша

солнце — это Р., просвечивающий через светило.

По некоторым сербским представлениям, Р. — это зеленый луг, на котором резвятся дети, собирают охапки цветов, чтобы вечером отнести их Богу. В Р. длится вечная весна, всегда светит солнце и звучит чудесное пение ангелов (болгары). Обитатели Р. — праведные души — бесплотные тени, облаченные в белые одежды; они не едят, не пьют, не вступают в брачные связи. Женщины живут со своими первыми мужьями, а мужья — с первыми женами; супруги вдов и вдовцов становятся в Р. их слугами. Перед каждым сложено то, что он своими руками подавал ближним, а также то, что после его смерти домашние раздавали на помин его души.

Р. представляется бесконечным блаженством, которым после смерти награждаются праведные души. В рассказах об **обмираниях**, повествующих о посещении «того света», присутствуют картины Р. (обычно контрастирующие с картинами адских мук), в которых нередко Р. и ад оказываются пространственно совмещенными в некоем помещении и находящимися как бы по обе стороны длинного коридора, так что путешествующий во сне видит их одновременно. Образу Р. как «помещения» отвечают представления о том, что у Р. есть ворота или двери, запирающиеся на ключ; ключами от Р. владеет св. Петр (или Петр и Павел), св. Михаил или св. Николай. По свидетельствам иностранцев, русские при похоронах вкладывали покойнику письмо к св. Николаю, которого они считали стражем райских врат. Люди безгрешные или «отмолившие свои грехи» при жизни попадают после смерти прямо в Р.; в разных локальных традициях к этой категории умерших могли относиться разные группы лиц: дети до семилетнего возраста; люди, убитые молнией; иногда также женщины, умершие родами; люди, умершие на светлой неделе, и др. По поверью калужских крестьян, радуга, набирая воду, захватывает утопленников на небо и тогда они попадают прямо в Р.

В славянских легендах и поверьях широко представлена библейская тема «утраченного» рая, изгнания из Р. первых людей.

С.М. Толстая

РЕБЁНОК, д е́ т и — в мифологических представлениях посланцы иного мира: они падают с неба, произрастают на деревьях, на огороде (в капусте, огурцах), их приносят птицы (аист), их вылавливают из воды, находят в траве, в лесу, на дороге, покупают у нищих, у цыган и т.п. (так у восточных славян взрослые объясняют детям их происхождение). В то же время Р. — «дар Божий», он находится под покровительством Бога, Богородицы, святых, ангелов, которые защищают его от демонических сил.

Рождение детей — основная цель **брака**. Бездетные семьи стремились усыновить чужого Р., считая, что он «развяжет мешок», т.е. положит начало рождению собственных детей. Существует множество магических ритуалов, предписаний и запретов, призванных воздействовать на рождаемость детей, их число, пол, характер, способности, судьбу (см. **Бесплодие**, **Беременность**, **Повитуха**), обеспе́чить здоровье, нормальный рост и развитие Р., защитить его от болезней, сглаза, нечистой силы.

Обряды, исполняемые в первые дни после родов, должны были обеспечить Р. долгую жизнь и здоровье. Особое внимание уделялось Р., родившемуся в семье, где «не держались» дети. Чтобы уберечь новорожденного от смерти, приглашали в кумовья первого встречного, совершали символическую продажу Р. в благополучную семью, давали ему защитное **имя**, стремясь обмануть смерть. См. **Обман**.

Р. до крещения и наречения именем считается еще не вполне принадлежащим миру людей (у южных славян его нередко называют именами животных, демонов или инородцев: «улитка», «цыпленок», «волколак», «цыганенок», «турчонок» и т.п.). По народным представлениям, он пребывает на границе этого и «того» света и потому особенно подвержен опасности, а умерший до крещения или мертворожденный Р. превращается в демона. См. **Дети некрещеные**.

Большую роль играет пол Р. Если рождение сына всегда было желанным, то появление на свет девочки оценивалось, как правило, негативно (ср. сербскую поговорку: «Кого Бог хочет проклясть, тому он дает дочь»). С первых минут жизни Р. различия по полу определяли характер касающихся его ритуальных действий и запретов: если мальчику повитуха отрезала пуповину на топоре или на книге, то девочке — на гребне или веретене; плаценту мальчика закапывали в центре дома, а девочки — под порогом (чтобы она вышла замуж) или под печью (Полесье). В ряде случаев, однако, половая дифференциация нивелируется (ср. средний род слова *дитя*; отсутствие до определенного возраста различий в одежде мальчиков и девочек и др.).

В жизни Р. выделяется несколько этапов, получающих обязательное обрядовое оформление. Они связаны с физическим и психическим развитием: появлением зубов, первыми шагами, отнятием от груди, стрижкой волос, овладением речью, далее — с приобретением трудовых навыков (например, первую спряденную девочкой пряжу или нить надо было сжечь или пустить по воде, чтобы девочка стала хорошей пряхой). Целью этих обрядов было магическое обеспечение Р. счастья и успеха в жизни и особенно — своевременного и удачного брака, рождения детей.

Дети являются участниками и исполнителями многих обрядов продуцирующего характера: они совершают **обходы** домов и произносят благопожелания на Рождество, Новый год, масленицу, Пасху, Ивана Купалу и в др. календарные праздники; в свадебном обряде обычно участвует мальчик (его сажают на колени невесты, чтобы магически способствовать рождению у нее сыновей); мальчику поручают бросить первую горсть зерна в начале сева; девочки участвуют во многих действиях, требующих ритуальной чистоты (например, при сборе купальских трав) и т.д. Первый и последний в семье Р. всегда пользовались особым отношением и, как правило, имели специальные названия (ср. *первенец*, *поскребыш*, *мизинец* и т.п.). Им приписывали особые умения, удачливость, магические способности: лечить, останавливать град, вызывать дождь и т.п. Обрядовые роли Р. и его магические возможности зависели также от того, живы ли оба его родителя (дети-сироты были значительно ограничены в своих ритуальных функциях, но в некоторых случаях именно им поручали ответственные обрядовые роли), состоят ли родители в законном браке (незаконнорожденный, внебрачный Р. считался удачливым и часто выбирался на ту или иную обрядовую роль, но он мог считаться опасным и отстраняться от участия в обрядах).

Детский фольклор включает в себя разнообразные жанры: колыбельные песни, потешки, загадки, считалки и пр. Во многих волшебных сказках главным героем является Р.-богатырь, обладающий нечеловеческими способностями. Былички повествуют о том, что демоны (леший, водяной и др.) принимают облик Р.

Лит.: *Виноградова Л.Н.* Откуда дети берутся? Полесские формулы о происхождении детей // Славянский и балканский фольклор. М., 1995; *Кабакова Г.И.* О поскребышах, мизинцах и прочих маменькиных сынках // Живая старина. 1994. № 4; *Ее же.* Дитя природы в системе природных и культурных кодов // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения-I. М., 1992; *Науменко Г.М.* Этнография детства. М., 1998.

РЕКА́ — объект почитания и место совершения многих обрядов. Язычники Древней Руси совершали жертвоприношения и иные культовые действия или на Р. (например, на острове Хортица, расположенном посреди Днепра), или на специальных святилищах возле Р., озер, среди болот. Еще Прокопий Кесарийский (VI в.) сообщал, что анты и склавины почитают «и реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания». Об обожествлении Р. и почитании водных мифических существ свидетельствует славянская вставка в переводе «Слова» Григория Богослова (XI в.); среди языческих суеверий здесь упоминаются и такие: «Ов реку

богыню нарицаеть и зверь, живущь в неи, яко бога нарицая, требу творить».

Известны предания о споре друг с другом олицетворенных Р.: Волги и Вазузы, Днепра и Десны, Дона и Шата. В «Слове о полку Игореве» Р. олицетворяются и люди обращаются к ним как к живым существам, которые могут быть и милостивы (Донец и Днепр Словутич), и враждебны (Каяла, Немига, Стугна).

Р. осмысляется и как **дорога** в иной мир, расположенный на другом берегу или на острове посреди моря, в которое впадает Р., и как граница между мирами. Она символизирует также течение времени, вечность и забвение. Русские Владимирской губ. говорили, что умерший грудной ребенок три дня тоскует по матери, а потом ангелы несут его «на забытну́ю реку» и дают испить ее воды, после чего младенец забывает о матери. По поверьям Вологодского края, этот свет отделен от другого «Забыть-рекой»; перейдя через нее на 40-й день после смерти, человек забывал все, что с ним было на земле.

Архаический характер имеют ритуалы **пускания по воде** различных предметов и «кормления» Р. Чтобы избавиться от болезни, русские опускали на воду кусочек хлеба со словами: «Пришел я к тебе, матушка вода, с повислой да с повинной головой. Прости меня, простите и вы меня, водяные деды и прадеды!»

Р. связана с идеями судьбы, смерти, страха перед неведомым, с физиологическими ощущениями холода и темноты, эмоциональными переживаниями утраты, разлуки, ожидания. В народной лирике девушка в горе идет к Р. и плачет, сидя на берегу, а ее слезы текут в воду или просто уподобляются течению Р.

В русских сказках известны образы молочной Р. с кисельными берегами, Р. из пива, вина и водки, Р.-оборотня, огненной реки (см. **Кисель**). В сказках, былинах и духовных стихах в Р., море или около них живут **змей** или дракон, с которыми вступают в бой Иван-царевич, Добрыня или Егорий Храбрый. В былине Змей Горыныч нападает на Добрыню, когда тот купается в Пучай-реке (варианты: Израй, Сафат, Днепр и др.) и заплывает в ее третью струю. Пучай изображается подчас как огненная Р.: «Свирепая река да е сердитая: / Из-за первоя же струйки как огонь сечет, / Из-за другоей же струйки искра сыплется, / Из-за третьей же струйки дым столбом валит. / Дым столбом валит да сам со пламенью».

По древнеславянским космологическим представлениям, огненная Р. лежит в основе мира, по ней плавают четыре золотых кита, они держат камень, камень держит воду, а вода — землю («Вопросы, от скольких частей создан был Адам», сербская рукопись XV в.). Русские Западной Сибири рассказывали, что огненная Р. протекла на том месте, где упал с неба Сатана со своими дьяволами; затем по Божьему велению она провалилась в преисподнюю и будет течь там вечно; в этой Р. помещается **ад**.

В русских заговорах появление огненной Р. также относится к эпохе создания мира: «Сотворил Господь небо и землю и всю подвселенну; протекала река огненная, в той же огненной реке крестилась сила Господня, Петр и Павел, Михаил Архангел, сам Иисус Христос». Она имеет космические масштабы, достигая в высоту неба, а в глубину — бездны. В заговоре на сохранение скота обращаются к Господу с просьбой провести вокруг стада «реку огненную глубиною до самыя бездны».

В древнерусских апокрифических текстах огненная Р. изображается как место адских мучений («Книга Еноха», «Хождение Богородицы по мукам», «Видение апостола Павла»). В русской и украинской иконографии XV–XVII вв. христианское осмысление огненного потока (кара за грехи) сочеталось с языческим (путь в иной мир); огненный поток сближался по форме и символике не только с рекой, но также со змеей и столбом. Старообрядцы второй половины XVII в. понимали самосожжение как прохождение через огненную Р.

В русских духовных стихах Михаил-архангел выступает как перевозчик через огненную Р. и как судья, который определяет участь умерших. Праведники идут через огненную Р., как посуху, с пением херувимской песни, грешники же остаются на этом берегу либо погружаются в пламя. Когда настанет Страш-

ный суд, огненная Р. зальет землю «с востоку солнца и до запада» и выжжет все живое.

Русские Олонецкой губ. при погребении бросали в могилу медные деньги для уплаты за перевоз через огненную Р. На Смоленщине женщины, идя в баню, брали с собой лучину, чтобы в будущей жизни положить ее через огненную Р. С этой же целью украинцы клали одно или два полена в печь после того, как из нее вынимали хлеб.

А.Л. Топорков

РОД — в древнерусских поучениях против язычества (XI–XII вв.) мифологический персонаж, воплощающий судьбу. Упоминается вслед за главными языческими богами вместе с женскими персонажами — рожаницами. Р. и рожаницам совершали особые жертвоприношения едой (кашами, хлебами, сырами) и питьем (медом). Культ рожаниц, как и других женских персонажей, упоминаемых в форме множественного числа (**берегыни**, **лихорадки** и т. п.), связан с женской средой, представлениями о продолжении рода и судьбе новорожденного, которому рожаницы (ср. хорв. роженицы и т. п.) определяют долю. Р. и рожаницам близки образы Суда и судениц у южных славян.

Лит.: *Клейн Л.С.* Памяти языческого бога Рода // Язычество восточных славян. Л., 1990; *Петрухин В.Я.* «Боги и бесы» русского Средневековья: род, рожаницы и проблема древнерусского двоеверия // Славянский и балканский фольклор. М., 2000. С. 314–343.

В.И., В.Т.

РОЖДЕСТВÓ — один из главных годовых праздников, отмечаемый в честь рождения Христа (25.XII/7.I); считается переломным моментом года, когда солнце поворачивается на лето, в природе происходят чудеса: вода в водоемах на мгновение превращается в вино, домашний скот получает способность разговаривать, открывается граница между «тем» и этим светом и т.п. В народной традиции цикл рождественских праздников обычно включает три даты (Сочельник, Рождество и следующий за ним день) и характеризуется множеством продуцирующих ритуалов, призванных обеспечить хозяйственное благополучие в течение всего года.

В Сочельник (24.XII/6.I) производились все основные приготовления к празднику. У южных славян главной заботой этого дня были обряды, связанные с доставкой в дом рождественского дерева, предназначенного для сжигания в очаге (см. **Бадняк**). Широко распространен у славян обычай приносить из леса небольшие елочки или хвойные ветки, украшать их колосьями, орехами, лентами, бумажными цветами и подвешивать все сооружение над столом верхушкой вниз — это делалось для обеспечения семьи счастьем и удачей. К потолочной балке подвешивали также особые украшения из соломы или бумаги, именуемые *паук, свет, квочка* и т.п. Общеизвестным элементом обрядности этого дня было внесение в дом необмолоченных снопов и соломы: ее расстилали на полу или на столе; на ней сидели домочадцы или топтали ее ногами (подражая при этом голосам домашних животных); разбрасывали по соломе орехи и сухие фрукты; на соломе валялись и хозяева, и дети. Украинцы Закарпатья приносили ржаной сноп, называемый *дед, дедух, коляда*. У поляков Белостоцкого воеводства с таким снопом связан специальный ритуал: хозяин скрывался за ним и спрашивал жену, видит ли она его; на ее ответ: «Нет, не вижу!» — он говорил: «Дай же, Боже, чтобы весь год из-за ржи меня не видела».

Все предпраздничные хлопоты должны были закончиться до сумерек, когда же на небе появлялась первая звезда, вся семья собиралась за накрытым столом. К ужину готовили нечетное количество постных блюд (в т.ч. вареную пшеницу, кутью, горох или фасоль, хлебную выпечку и т.п.). Во многих местах принято было обвязывать цепью ножки стола, за которым происходила трапеза, чтобы «завязать пасть волку», «чтобы семья держалась вместе», «чтобы ноги были крепкими, как железо». Под столом размещали части плуга, ярмо, кнут, топор

и другие орудия труда. Перед началом ужина хозяин приглашал к столу диких зверей, вредоносные стихии (мороз, ветер, тучу), души умерших предков (см. **Приглашение**).

В Словакии начинали трапезу с того, что зажигали свечу и молились в память об умерших. Поляки Краковского воев., накрывая стол, оставляли свободное место «для душ». В украинских карпатских селах на стол выкладывали столько лишних ложек, сколько в семье было умерших за истекший год. У всех славян соблюдались запреты, связанные с верой в незримое присутствие душ: не разрешалось за ужином сидеть слишком тесно, внезапно вставать и вновь садиться, пользоваться ножами и вилками, поднимать с пола упавшую ложку и т.п. Популярными были также **гадания** о будущем, которые совершались во время ужина в Сочельник и сразу после него. Остатки пищи не убирали со стола на ночь, считая, что ими будут питаться прибывшие к общесемейной трапезе души умерших.

Рано утром на Р. домочадцы готовились к приему первых ритуальных гостей: колядников, полазников, визит которых призван был обеспечить хозяевам удачу и достаток. См. **Колядование**, **Полазник**.

Обязательным ритуалом в рождественское утро было внесение в дом свежей воды: хозяева отправлялись за водой как можно раньше, чтобы набрать ее прежде других. Такая «новая», «первая», «непочатая» вода считалась особенно целебной, ею умывались все члены семьи для здоровья, а часть отливали для замешивания теста на обрядовый хлеб. У словаков почти повсеместно был известен обычай посещать ранним утром ближайший **колодец**, поздравлять его с праздником и «угощать», бросая в него остатки пищи от вечерней трапезы: это должно было обеспечить достаток чистой воды на весь год. При замешивании теста для рождественских хлебов хозяйка должна была сохранять полное молчание; руками, вымазанными в тесте, она прикасалась к домашним иконам; вы-

«Рождество Христово». Картина на стекле. Около 1820 г. Моравия, окрестности г. Брно

скакивала в сад и обхватывала фруктовые деревья, чтобы они были плодородными.

Обильный завтрак или обед — один из главных компонентов рождественской обрядности. У русских готовили большое количество мясных и мучных изделий. За стол садились всей семьей и сначала разговлялись мясным блюдом. У южных славян обязательным рождественским блюдом была *печеница* (зажаренный поросенок, ягненок или домашняя птица). В ряде мест Сербии и Болгарии начинали завтрак с печеных воробьев, чтобы обеспечить себе такое же проворство, резвость и легкость, какие свойственны воробьям. Хорваты выставляли на стол блюдо с зелеными побегами заранее посеянного и пророщенного зерна, такое украшение называлось «гобин» (т.е. изобилие, урожай) и символизировало будущий обильный урожай.

После трапезы совершались магические обряды, которые должны были повлиять на успешное ведение хозяйства. Например, для урожайности плодовых деревьев хозяин выходил в сад с топором, замахивался на каждое дерево, угрожая его срубить, и спрашивал, будет ли оно плодоносить в этом году; обвязывал стволы рождественской соломой; закапывал под корнями остатки праздничного ужина; тряс ветки или осыпал их зерном и т.п. Повсеместно принято было посещать свой скот, поздравлять его с Р., угощать обрядовой пищей. Хозяйки приносили кур и гусей в дом и кормили их зерном в замкнутом круге (обложив веревкой), чтобы они в течение года не отбивались от дома.

Несмотря на общеизвестный запрет работать в праздник, многие считали, что в день Р. надо «обычая ради» символически переделать (хотя бы начать) все основные домашние и хозяйственные дела: девушки брались за рукоделие, прядение, мужчины запрягали тягловый скот и т.п.; это должно было обеспечить успех во всех работах в наступающем году.

Л.Н. Виноградова, А.А. Плотникова

РОСÁ — атмосферное явление, получающее в народной метеорологии мифологическое объяснение. По одним верованиям, Р. «сеют» звезды (серб.), она «спадает» с Венеры (укр.) или «падает с неба» (бел., укр., пол.) ночью (болг.); Р., как и дождем и громом, распоряжается св. Илья, ее могут сеять на землю **вилы** (болг.), **русалки** (укр.); по другим поверьям, Р. «выходит из земли» (бел., укр., пол.), Р. — это «пот земли» (болг.). Болгары Пловдивского края верили, что летающий **змей** питается молоком и Р., а белорусы — что из Р. родятся слепни и оводы. По Р. гадают о погоде: обилие Р. обещает хорошую погоду; реже густая и не просыхающая к утру Р. считается предвестием дождя (черногорцы, гуцулы).

Р. часто именуется «Божьей», ей приписываются целебные и магические свойства: она наделяет пчел медом, коров — обильным молоком, людей — здоровьем. Особенно почитается юрьевская, ивановская и троицкая Р. У болгар было принято утром в день св. Георгия кататься по росистой траве для здоровья. Полесские крестьяне на восходе солнца в Юрьев день катались нагими по лугу или по озимым всходам (обряд назывался *пайсці на росу*), это придавало физических сил и предохраняло девушек от нападения русалок. На юрьевскую Р. выгоняли скот, стараясь, чтобы корова или овца хотя бы немного поела росистого жита с чужого поля. У словенцев был обычай умываться Р. или ходить босиком по росистой траве утром в Иванов день.

Русские также верили в продуцирующие способности ивановской росы. Корову после отела обмывали березовыми вениками, связанными в Иванов день и лежавшими под ивановской росой или под тремя росами. После Иванова дня молоко в кринках ставили «под три росы», чтобы увеличить удои. Девушки из Московской губ. в купальское утро брали чистые полотенца, таскали их по полю, а затем выжимали, сливая росу в бутылку, чтобы впоследствии применять ее как лекарство от головной боли. В Сербии в окрестностях Болевца девушки утром Иванова дня «обирали росу» для целей любовной магии; они платками собирали Р. с житного поля, после чего каждая дома замешивала на Р. неболь-

шой круглый хлебец из пшеничной муки с отверстием посередине; через это отверстие надо было посмотреть сначала на солнце, а потом на своего избранника.

Словенцы наделяли магической силой прежде всего троицкую Р. Жители Прекмурья на Русальной (троицкой) неделе набирали Р. в подойник, а в других местах Словении выгоняли на рассвете скот, чтобы он поел росистой травы. Девушки умывались росой с ржаного, пшеничного или овсяного поля, чтобы быть красивыми, не иметь на лице веснушек, чтобы хорошо росли волосы, чтобы не болели глаза и т.п. (обычай назывался «собирать росицу»). Для этого надо было встать пораньше, чтобы опередить ведьм, которые придут собирать Р. для своих колдовских нужд. В Савиньской долине девушки старались умыться росой в то время, когда колокол созывает людей на службу, и на таком месте, откуда слышен звон трех церквей. Умывание росой часто предписывалось тем, кто приступал к лечению заговором, гаданию или другим магическим ритуалам, и считалось условием их успеха. Словенские хозяйки замешивали на троицкой Р. хлебец, который служил закваской на все лето. Подобным образом болгары заквашивали молоко ивановской Р.

Во вредоносной магии Р. использовалась прежде всего для отнимания молока у коров. Словенские колдуньи рано утром в Юрьев день протягивали по Р. полотно, собирая Р. с травы, отчего у коров, которым доставалась такая трава, на все лето пропадало молоко — их молоко переходило к корове колдуньи. По поверьям словенцев Штирии, колдуньи занимались этим на Троицу: они собирали простыней Р. с луга, отбирая молоко у чужих коров, а затем окропляли ею корм своей коровы. Пастухи вставали в этот день до солнца, чтобы предупредить злокозненные действия ведьм. Крестьяне опасались также, что ведьмы соберут Р. с житного или пшеничного поля, после чего жито с этого поля не будет размалываться в муку и не будет насыщать скот.

У восточных славян отбирание молока связывалось главным образом с днем Ивана Купалы. По верованиям белорусов, ведьма могла собрать Р. полотенцем, скатертью, платком или уздечкой, затем повесить их в своем хлеву и тогда молоко потечет с полотна или уздечки струей. С этой же целью накрывали своих коров намоченным росой полотном.

По некоторым верованиям, Р. могла быть опасной для скота или домашней птицы. Русские Костромского края считали, что падеж скота и скотские болезни бывают «от вредных рос». По мнению польских крестьян, юрьевская роса вредит курам и вызывает «вылевки», т.е. преждевременно снесенные яйца, поэтому кур и другую домашнюю птицу в Юрьев день не выпускали на двор, пока Р. не высохнет. Словенцы опасались «росы св. Вита», от которой якобы могут умирать люди, и «вознесенской росы», которая способна лишить коров молока, отчего в день Вознесения до солнца не выгоняли коров.

С.М. Толстая

РОТ — часть тела человека, культурное значение которой связано с говорением.

Р. человека символически уподоблялся другим отверстиям, прежде всего тем, что имелись в доме. Белорусы Витебщины считали, что, принимаясь за важную работу или отправляясь в путь, следовало на время закрыть в доме окна и двери, чтобы у людей, которые могли помешать делу, «зачинилися» бы рты и языки «на пересуды». Весьма устойчивой была аналогия между ртом и печной заслонкой — деревянной или металлической доской, закрывающей устье печи. Чтобы «после смерти рот у человека не был открыт», рекомендовалось при жизни держать закрытой печную заслонку.

Р., особенно открытый, в приметах и поверьях ассоциировался с говорением, сплетнями, болтовней. Открытый Р. издавна считался указанием на склонность человека к болтовне и сплетням: так, в рукописном памятнике XVIII в. «Собрание нужнейших статей на всяку потребу» говорилось: «У которого человека рот полуоткрыт бывает — этот человек клеветлив». Украинцы Ровенского уезда полагали: оттого, что хозяйка, вынув из печи обед, забудет закрыть печь заслон-

кой, на человека «розявляють рот», т.е. начинают сплетничать. Белорусы Витебщины считали, что когда у человека чешется язык, это значит, что в данный момент кто-то клевещет на него. Для пресечения этого надо было посыпать язык перцем, уколоть его иглою или же завязать на чем-нибудь узел, чтобы и у болтунов «завязались рты». По полесским поверьям, тех, кто при жизни болтал и сплетничал, на «том свете» будут за язык кусать мухи или комары. Согласно текстам об **обмираниях** (рассказах о посещении «того света» во время летаргического сна), известных на северо-западе России, на «том свете» сплетниц «тянут за языки».

Тема «замыкания» чужих злых ртов и языков — одна из самых популярных в восточнославянских заговорах, оберегах и проклятиях, ср.: «Святые угодники Федосий и Медосий, размахните трубы медные, скуйте (имярек) губы и зубы, чтобы она меня не судила, не винила»; «Как на матушку оне церковь руки не подымут та и рот не разинут, вот так и на наш княженецкий поезд руки не подымали, рта не разевали» (свадебный оберег); «Соль вам на очи, головня в рот» (оберег, применяемый в том числе для защиты детей от недоброго глаза и злого языка). Все те же темы и мотивы пронизывают восточнославянские заговоры, произносимые перед судом, ср.: «Камения вам на язык, камения вам на губы, зубы и уста, каменейте вы сами!»

Особенно актуальным было замыкание чужих ртов, когда человек отправлялся туда, где были чужие и, возможно, недоброжелательно настроенные к нему люди. У сербов-граничар девушка, собираясь на посиделки, плела косу и при этом говорила: «Я не косу плету, а сплетаю уста всему миру, чтобы о злом они молчали, а о хорошем шумели». В Воеводине жена, отправляя в дорогу мужа, сплетала несколько его волосков и говорила: «Как эти волоски вязаны, так и его уста, глаза, уши и руки пусть будут связаны, чтобы он ничего не видел и не слышал того, что говорят против него».

Мотив замыкания Р. встречается и в комплексе действий, касающихся новорожденного. Матери, младенцы которых слишком громко кричали по ночам, старались «замкнуть» им рты: так, в Полесье, чтобы ребенок не плакал, мать должна была дотронуться пяткой до его рта, тем самым «запечатав» его, ср. в русском заговоре от детского крика: «Комарок-пискунок, повесь на Машенькин роток замок».

Р. как естественное отверстие делал человека уязвимым перед демоническими и хтоническими силами. Повсеместно известно требование крестить рот при зевании, чтобы «нечистый» не вошел в человека, а также держать рот закрытым (не говорить и не смеяться) во время грозы, когда черт прячется от ударов грома, его преследующих, и может залететь в человека через Р. Через открытый Р. входят в человека (обычно во сне) и выходят из него хтонические животные (змеи, лягушки, ящерицы), вызывающие тяжелые заболевания; в кликушу таким же способом входит черт, провоцируя истеричные приступы; черти залезают в рот умирающему, чтобы завладеть его душой. Ср. сближение ада с горлом, ртом в апокрифических молитвах, где болезни ссылают «аду в челюсти» («Что ад разинул?», где *ад* — пасть), в лубочных картинках, на которых Сатана держит грешников в пасти, а также в иконографии ада: Сатане в пасть вливается сверху огненная река с мучающимися в ней грешниками.

Через рот из человека выходит душа — в виде пара, дуновения или вылетает в виде бабочки, мухи или других насекомых; в русском духовном стихе ангелы вынимают через уста душу Лазаря. По русским поверьям, выход души можно заметить по судорожным движениям рта умирающего, когда он будто бы задыхается, выпуская из тела свою душу.

Т.А. Агапкина

РУБА́ХА — важнейший элемент традиционного славянского костюма. В обрядности нередко выступает в роли двойника человека, может уподобляться человеческой коже. Женская Р. ассоциируется с материнской утробой, а некоторые ритуальные действия с Р. — протаскивание сквозь рубашку новорожденного,

манипуляции с подолом рубахи — осмысляются как продуцирующие.

Р. часто соотносилась с судьбой, **долей** человека. Так, у восточных славян известно поверье, что продать Р. — значит продать свое счастье. В Польше (Покутье) в новую Р. обязательно заворачивали хлеб, чтобы тот, кто будет носить ее, никогда не был голодным. Поляки также верили, что если на нитках, которыми шьют Р., завязываются узлы, то она будет изношена в здравии, если же нитки не путаются, не завязываются, то хозяин Р. умрет, не износив ее. У болгар невеста во время свадьбы надевала две Р. — одну белую, «чтобы судьба ее была чистой», а другую красную, «чтобы молодая была здоровой и плодовитой».

Первой одеждой новорожденного нередко была отцовская Р., непосредственно с него снятая, «чтобы ребенок был здоровым и отец жалел его». Болгары при рождении надевали на младенца Р. самой старой женщины в семье, чтобы он унаследовал ее судьбу. На Украине перед крещением повитуха клала завернутого в отцовскую Р. младенца на кожух, приговаривая: «Щоб добре росло і щасливе було». Согласно сербскому поверью, с ребенка Р. надо снимать через ноги, а не через голову, иначе он перестанет расти.

Используя Р. или нитку от нее, можно было нанести порчу владельцу или приворожить его. На Руси невеста после бани вытирала лицо приготовленной для жениха Р., чтобы муж больше любил. После первой брачной ночи жених вытирал руки сорочкой невесты, а она — Р. молодого.

Однако чаще Р. использовали при лечении болезней: у русских испуг смывали с Р., в которую человек был одет, когда испугался; Р. оставляли на берегу реки, чтобы вода смыла болезнь. Р. больного протаскивали через прокоп, вывешивали на культовом дереве, на крестах и т.п. В Сербии, чтобы забеременеть, бесплодная женщина клала свою Р. внутрь мужниной и оставляла их переночевать на ярме.

Подвенечной Р. приписывались целебные свойства. Она употреблялась при тяжелых родах (у восточных и южных славян), болезнях, для облегчения агонии (у поляков). В Сербии через год после свадьбы молодой рвал свою подвенечную Р., чтобы долго жить. Этой Р. «прогоняли» градовую тучу на Балканах и в Полесье, сербы ею покрывали улей, чтобы пчелы к нему привязались.

Повсеместно у славян покойника хоронили в подвенечной Р., а болгары и македонцы верили, что муж и жена по ней узнают друг друга на «том свете». Если же супруг хотел вступить во второй брак, то, согласно русскому поверью, на умершем воротник Р. оставляли расстегнутым.

Особой магической силой обладала «обыденная» Р., спряденная, вытканная, сшитая за одну ночь или день при определенных условиях. Такая Р. могла спасать от эпидемий и смерти. Подобную Р. изготовляли и надевали на новорожденного той матери, чьи дети умирали, сквозь нее протаскивали больных и уходящих на войну.

Р. использовалась и в сельскохозяйственной магии. В Болгарии на первый сев хозяин отправлялся в чистой белой Р. Чтобы обеспечить здоровье и успешный сбор урожая, болгары-павликяне не снимали Р., одетую в начале жатвы, до конца обмолота зерна. Галицкие русины, посеяв семена конопли, бороновали своей Р.

У южных славян существуют запреты вывешить белые Р. в особые праздники, чтобы не вызвать град. А в день св. Симеона Летнего (1.IX) в Болгарии то же табу соблюдалось, чтобы колосья пшеницы не остались пустыми.

У сербов ношение Р. наизнанку на масленицу могло предохранить детей от ведьм или способствовать обретению врагов.

Белая Р. — атрибут ряженых на святки у восточных славян (см. **Коляда**), а также некоторых святых (св. Афанасий, св. Елена, которая носит град в своем рукаве) и мифологических персонажей: ведьм, русалок, самовил. Согласно южнославянским поверьям, вампиры и змеи одеты в Р., в которых заключена их магическая сила.

См. также **Одежда**.

Е.С. Узенёва

«РУБА́ШКА», «с о р ó ч к а» — народное название околоплодного пузыря, оболочки, в которой рождаются некоторые дети, что в народных поверьях расценивается как явление необычное, указывающее на сверхъестественные свойства новорожденного.

В большинстве славянских народных традиций родившийся в «рубашке» ребенок считается счастливым: умным, красивым, богатым, удачливым в делах. В Полесье такому ребенку доверяют начинать сев, нести на освящение в церковь кресты, венки, сплетенные из последних колосьев во время жатвы, обходить в случае опасности село или охваченный пожаром дом. У балканских славян рожденный в «Р.» ребенок считается наделенным особой силой; это герой, способный бороться и побеждать врага, как реального, так и мифологического. В этом случае родители ребенка тщательно оберегают «рубашечку» от противника, который стремится завладеть ею. Там же известны поверья о смерти ребенка в случае уничтожения его «двойника» — «рубашечки».

Как правило, «рубашечку» сушат и сохраняют как амулет. Впоследствии владелец берет ее с собой в путешествие, в суд или на войну, чтобы вернуться целым и невредимым. В Белоруссии девушка привязывает свою «сорочку» к поясу, выходя замуж; ее также кладут обладателю в гроб, чтобы она сопровождала его на «том свете».

В Польше рожденных в «Р.» детей считают колдунами и вампирами. Верят также, что родившийся в «сорочке» может сглазить человека, скот. Сербы называют такого ребенка «вещим» и считают, что он «дружит» с **вилами**, способен предсказывать судьбу и т.д.

Южные славяне обращают внимание на цвет «рубашечки»: белая предвещает успешную, счастливую жизнь; красная, голубая, зеленая означает, что ребенок может стать убийцей, колдуном или **вештицей**, **морой**, ветровняком и пр.

Лит.: *Кабакова Г.И.* На пороге жизни: новорожденный и его «двойники» // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 108–113; *Плотникова А.А.* «Рубашечка» и «постелька» новорожденного // Кодови словенских култура. Београд, 1999. № 4. С. 158–167.

А.А. Плотникова

РУЕВИ́Т — в мифологии балтийских славян бог войны, отождествляемый западноевропейскими хронистами с римским Марсом. Его атрибуты — семь мечей у пояса и восьмой в правой руке. Дубовый идол Р. имел семь ликов. В культовом центре Коренице на юге острова Рюген из трех храмов — Р., Поревита и Поренута — главным считался храм Р.; в одном из перечислений богов в др.-исл. «Книтлингасага» Р. стоит на первом месте.

В.И., В.Т.

РУКА́ — в языке, фольклоре и народных представлениях символ власти, овладения, подчинения себе, ср. русские выражения: «у него руки дóлги» (т.е. власти много), «у него руки длинны» (о воре), «быть у кого под рукою» (в подчинении, подданстве), «своя рука владыка» (т.е. своя воля), «правая рука» (главный помощник), «наложить на что-нибудь руку» (присвоить себе), «держать кого-нибудь в руках» (т.е. подчинить своей воле) и т.д. Р. может быть «тяжелой» и «легкой»; если человек с легкой, счастливой рукой посадит дерево, то оно непременно примется; если же у него тяжелая рука, то дерево погибнет (яросл.).

Рукопожатие у славян имело характер этикетного и ритуального жеста. В «Повести временных лет» (под 968 г.) русский воевода и печенежский князь заключают мир, подавая руки друг другу и обмениваясь подарками. В Московской Руси рукопожатие практиковалось при общении с иноземными послами, причем осмыслялось как проявление царской милости; послам разрешалось «подержать» царскую Р.; в 1602 г. датчан попросили, чтобы они жали Р. царя «по-русски, слабо, а не тискали бы, как это делают немцы». В народной традиции «ударить по рукам» обозначало заключить сделку (например, при купле-продаже). В русской свадьбе руко-

битье составляло отдельный ритуал. При встрече русские подавали друг другу Р. и говорили: «Права рука, лево сердце».

Умывать руки считалось необходимым перед едой, после соприкосновения с покойником, после родов, даже после общения с иноверцами. Русские считали грехом есть немытыми руками, т.к. считали, что вместе с пищей в человека может попасть и «нечисть». При еде в поле руки за неимением воды могли вытереть и землей, приписывая ей такую же очищающую силу. На Украине, в Белоруссии, в центральной и южной России, а также в Болгарии совершалось ритуальное умывание рук **повитухи**. В России обряд «размывания рук» совершался на 3-й, 9-й или 12-й день после родов: мать и повитуха троекратно поливали друг другу воду на руки и взаимно просили прощения. В Курской губ. считали, что «сама Божья Матерь по рождении Спасителя размывала так же руки с бабушкой Соломонией»; в Симбирской губ. опасались, что без этого обряда у повитухи «на том свете руки будут по локоть в крови». На Украине при совершении обряда роженица поднимала правую руку, и повитуха трижды лила ей на Р. воду, причем роженица поддерживала правой Р. левый локоть и выпивала немного воды с левой ладони; затем руки меняли и так делали трижды, после чего роженица обменивалась ролями с повитухой.

Особые свойства приписывали Р. мертвеца; воры разрывали могилу и отрезали Р. у покойника, а потом обходили с нею вокруг дома в надежде, что хозяин не проснется, а собака не залает (Костром. губ.). В русской сказке «Василиса Прекрасная» у Бабы-яги «вместо дверей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами». В сказках и быличках руки выступают и как самостоятельные персонажи; в уже упомянутой сказке о Василисе Прекрасной на Бабу-ягу работают три пары рук.

В русских, украинских и белорусских сказках широко представлен сюжет «Безручка» или «Косоручка»: брат изгоняет из дома свою оклеветанную сестру и отрубает ей руки; она выходит замуж, но вновь оклеветана и изгнана вместе с ребенком; наконец происходит чудесное исцеление: руки отрастают, когда Безручка пытается достать уроненного в воду ребенка. Мотив рук, возвращенных Богородицей, известен в апокрифах и в литературной традиции, в частности, в русской «Повести о царевне Персике» начала XVIII в.

На Афоне и в России почитался чудотворный образ Троеручицы и его списки. Согласно церковной легенде, Иоанн Дамаскин, живший в Дамаске в VIII в., был оклеветан, и халиф приказал отсечь у преподобного правую Р. Иоанн помолился перед иконой Богородицы, а когда утомился, то задремал. Во сне ему явилась Богородица и возвестила об исцелении. Действительно, проснувшись, Иоанн обнаружил, что Р. срослась, и в благодарность приложил к образу серебряное изображение отсеченной кисти.

В сказках, заговорах, песнях известен мотив рук из **золота** (ср. рус. «золотые руки»). У чудесного ребенка в русских сказках «по колено ноги в серебре, по локоть руки в золоте». В болгарских колядах хозяину приписываются позолоченные руки.

В быличках гипертрофированные руки приписывались нечистой силе: у банника Р. большая и мохнатая, у домового руки как бы покрыты овчиной, у шутовки — руки тощие и холодные, у ведьмы — костлявые, у бесов на руках и ногах большие когти. На Русском Севере пастух перед началом выпаса скота заключал договор с лешим — бился с ним по рукам; для этого он надевал шерстяные рукавицы, а на правую рукавицу, сверх того, — особую соломенную Р. Во время гаданий под Новый год девушка, задрав юбку, становилась к окну овина и спрашивала: «Овинник-родимчик, суждено что ли мне в нонешнем году замуж идти?» Считали, что если овинник погладит голой Р., то девушка будет жить замужем бедно, если мохнатой — то богато, а если вообще не погладит — значит сидеть в девках.

В славянском мире широко известны так называемые вотивы: изображения органов человеческого тела (в том числе рук), отлитые из металла или из воска;

их приносили в церковь и клали перед иконой или подвешивали к ней, чтобы показать, что молятся об исцелении этого органа или в благодарность за его исцеление.

Особым образом осмыслялись пальцы (в частности, безымянный и мизинец), а также пальцы, сложенные в кулак и в кукиш. Среди жестов ритуальное значение приписывалось битью, благословению, вождению человека за Р. или под руки с обеих сторон, возложению рук, закрещиванию, скрещиванию рук на груди и др.

Лит.: *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. С. 23–48; *Кабакова Г.И. Золотые руки* // Philologia slavica. М., 1993. С. 60–70.

А.Л. Топорков

РУСА́ЛИИ — языческий праздник древних славян, упоминающийся в исторических источниках начиная с XI в., в которых осуждались «поганские» обычаи «плясати в русалиех», надевать маски животных, играть на сопелях и гуслях, петь «бесовские» песни. Судя по этим свидетельствам, Р. отмечались в канун Рождества Христова и Богоявления, а также на неделе после Троицы или в летний Иванов день.

Этнографические данные XIX в. позволяют соотнести исторические данные с «русальными» обычаями южных славян. В Македонии в святочный период ходили по дворам группы мужчин, называемых «русалии», которые устраивали магические танцы и хороводы вокруг больных людей с целью их исцеления. Участники этих ритуалов на весь период святок соблюдали особые правила поведения: они не должны были креститься перед едой и на ночь; здороваться при входе в дом и при встрече с односельчанами; сохраняли молчание; ночевали всей группой в чужом доме. Магия врачевания была главной целью их обходов по домам. Русальскую дружину хозяева встречали с большими почестями. Считалось, что их приход в дом способствовал сохранению здоровья домочадцев и изгнанию болезней.

В северной Болгарии и северо-восточной Сербии подобные группы «русалиев» ходили от села к селу в течение недели, следующей за Троицей, для лечения тех, кто болел «русальской» болезнью. По поверьям, «русальскую» болезнь насылали женские мифические существа (*русалии, самодивы*), появлявшиеся на земле в весенне-летний период. Группа мужчин-«русалиев» состояла из нечетного числа участников (пять, семь, девять человек), одетых в меховые шапки, на которые укреплялись цветочные венки, обутых в кожаные лапти, с колокольцами на поясе, в руках они держали большие палки. «Русалии» исполняли вокруг больного (которого для этого выносили из дома во двор или на поляну) танцы с круговыми движениями и подскоками; часто они доводили себя до особого экстатического состояния и конвульсий, обеспечивая тем самым эффективное исцеляющее воздействие на больного.

В других славянских традициях обряды с названием *русалии*, по этнографическим материалам XVIII–XIX вв., не зафиксированы, однако почти повсеместно у славян известен созвучный с этим календарный термин — Русальная неделя. По-видимому, он восходит к латинскому наименованию античного праздника роз (*rosalia, rosaria*), который отмечался в период цветения роз и включал обычаи поминовения безвременно скончавшихся молодых людей и возложения венков на их могилы.

У восточных славян к Русальной неделе приурочен обряд «проводов русалки» (варианты названий: «похороны русалки», «изгнание русалки»), распространенный в южнорусских областях и восточном Полесье: группа девушек выбирала из своей среды «русалку», надевала на нее венок или много венков (иногда всю увешивала зеленью) и в последний день Русальной недели поздно вечером выводила ряженую за село в ржаное поле или к реке, на кладбище, в лес; там с «русалки» срывали венки и бросали их в костер, в воду, за ограду кладбища, а затем разбегались с места «проводов», чтобы изгоняемая «русалка» не догнала и не навредила. Подобный

сценарий «изгнания русалки» является ритуальным соответствием характерных для восточных славян верований о сезонном появлении на земле (в первый день Русальной недели) душ незамужних девушек или детей (называемых «русалками») и об их возвращении на «тот свет» в последний день этой недели (см. **Русалка**).

Лит.: *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русского духовного стиха: Генварские русалии и готские игры в Византии. СПб., 1889. С. 260–262; *Арнаудов М.* Русалийски игри у българи и румъни // Студии върху българските обреди и легенди. София, 1972. С. 128–155; *Златковская Т.Д.* Rusalia — русалии: О происхождении восточнославянских русалий // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 210–226; *Виноградова Л.Н.* Русалии на Балканах и у восточных славян: Есть ли элементы сходства? // Балканские чтения-II: Симпозиум по структуре текста. М., 1992. С. 59–64.

Л.Н. Виноградова

РУСА́ЛКА — персонаж восточнославянской демонологии, обычно появляющийся на земле в течение Русальной недели (примыкающей к празднику Троицы) и связанный по своему происхождению с душами умерших. По украинским и белорусским, а также южнорусским поверьям, русалками становились умершие до замужества девушки (особенно те, что уже были просватаны и не дожили до свадьбы), либо умершие на Русальной неделе, либо некрещеные дети, либо утонувшие девушки и молодые женщины; ср. украинские варианты названий Р.: ***мавки, навки*** (от «навьи» — души умерших) или ***мертвушки***.

Представления о внешнем виде Р. противоречивы: в одних местах они представлялись как молодые красивые девушки, обнаженные или в белых одеждах; как покойницы, похороненные в свадебном наряде (в венках, с фатой на голове); в других — Р. описывались как страшные, уродливые, косматые бабы с непомерно большой грудью, которую они перебрасывали за плечи. О таких Р. в восточном и центральном Полесье говорили, что они «кудлатые, как ведьма», «горбатые и старые», «черные, заросшие шерстью», что «у них груди, как каменья», а в руках они держат клюку, кочергу, валек для стирки белья. В южнорусских поверьях Р. характеризовались чертами потусторонней «нежити»: «русалка в белом, косы распустит длинные, лица не видно, руки холодные, сама длинная, высокая» или «в лице краски нет да руки тощие»; «волосатая, с закрытыми глазами и в белой одежде». В ряде мест их представляли себе в виде полуженщин-полурыб и называли **фараонками**, что связано с образами поздних апокрифических преданий. Места обитания Р. связаны с календарными сроками их пребывания на земле. Считалось, что они приходили с «того света» один раз в году на Троицкой или Русальной неделе в то время, когда цветет рожь. В это время их можно было встретить в ржаном поле, у воды, на деревьях, в лесу, на перекрестках дорог, на кладбище. Они приходили в свои дома, где прежде жили, и там сидели за печью или в углах дома. После отведенного им срока пребывания на земле Р. уходили «на свои места» (в могилу, воду, море, на небо).

Приуроченность появления Р. в земном пространстве к сезону цветения злаков раскрывает их связь с вегетацией растений (что подтверждается и «цветочным» именем Р., восходящим к названию цветов розы). Пребывание Р. в цветущем ржаном поле мотивируется тем, что они защищают посевы и способствуют урожаю злаков. Вместе с тем они же могут навредить хозяевам, нарушившим запрет работать в поле на Русальной неделе, — тогда Р. вытаптывают или высушивают посевы. По рассказам жителей Полесья, она «кому зародит хлеб, а кому, наоборот, уничтожает все жито».

Р. причислялись к опасным и вредоносным духам, способным наслать болезни, вызвать стихийные бедствия, засуху или непрекращающиеся ливни, градобитие и т.п. Согласно народным поверьям, в течение Русальной недели они преследуют людей, не соблюдавших

ритуальные запреты, заманивают на бездорожье или в воду, душат, щекочут до смерти, похищают и портят пряжу, нитки и полотно, забирают себе младенца, оставленного жницей в поле. Привычными их занятиями считались купание в водоемах, расчесывание своих длинных волос, плетение венков, пение и танцы в житном поле.

Во избежание встречи с Р. и чтобы не навредить им, люди соблюдали в течение Русальной недели многочисленные запреты: не работали в поле и огороде, не белили стены дома и печь («чтобы русалкам глаза не забрызгать»), избегали всех работ, связанных с прядением, тканьем и шитьем («чтобы не зашить русалок или чтобы они не запутались в нитках»), не ездили в лес за дровами («чтобы не привезти в дом русалок») и т.п. На ночь в последний день Русальной недели оставляли на столе для Р. поминальный ужин, а на заборе или на ближайшем от дома дереве оставляли для них одежду. В соответствии с поверьями об уходе Р. после этого времени на «тот свет» в восточном Полесье и в южнорусских областях совершался обряд «проводов русалки» (см. **Русалии**).

За пределами восточнославянской зоны поверья о Р. известны в восточной Польше (р-н Подлясья), частично в Словацких Карпатах, а также в северо-восточной Болгарии.

Опоэтизированный образ Р., широко представленный в романтической поэзии XIX в., лишь отдаленно напоминает фольклорную Р.: это почти всегда девушки-утопленницы; водяные красавицы, живущие в хрустальных дворцах на дне водоемов; выходящие по ночам на берег и расчесывающие свои зеленые волосы; заманивающие путников, чтобы защекотать или утопить их; эти Р. мстят неверным любовникам, из-за которых они утопились; ищут любви земного юноши, обещая ему несметные богатства.

Лит.: *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995; *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. С. 63–66; *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 68–91; *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 88–135; *Власова М.* Русские суеверия. СПб., 1998. С. 448–464.

Л.Н. Виноградова

РЫ́БА — животное, связанное с водной стихией и наделяемое хтонической символикой.

Отсутствие голоса у Р. определяет запрет кормить ею детей, пока они не научатся говорить, иначе они долго будут немы, как Р. Немота как признак мира мертвых играет существенную роль в представлениях о Р. как душах — не только душах умерших, но и душах детей, еще не появившихся на свет. Поэтому Р. связана как со смертью, так и с рождением. Представление о душе в облике Р. отражено в сказке о том, как бездетная царица, съев рыбку, рождает ребенка. Женщине сон о Р. мог сулить беременность. У некоторых западных славян появление на свет детей объясняли тем, что «водяная мать» вылавливает из глубокого омута их души в виде Р. Связь Р. с душами умерших, находящимися на «том свете», представлена в белорусской загадке о Р.: «На тым свете живый, а на гетым мяртвый». Украинцы Буковины представляли царство мертвых как страну блаженных «рахманов» — наполовину людей, наполовину рыб. Р., увиденную во сне, принимали иногда за знак близкой смерти. Не случайно Р. использовалась и в качестве поминального блюда.

Сны о Р. как обитательнице земных вод часто толкуются в народной традиции как предвестие дождя (влаги небесной) или слез (влаги человеческой). Как водяное существо с холодной кровью Р. способна остудить или загасить жар. Поэтому рыбой лечили горячку: давали больному съесть рыбку, извлеченную из внутренностей щуки, окуривали его рыбьими костями с рождественского стола, прикладывали к ступням ног половинки линя. В народных толкованиях снов Р. как холоднокровное животное могла предвещать стужу.

Хозяином Р. и «рыбным пастухом» считают **водяного**. Он перегоняет стада Р. из одних озер и рек в другие, охраняет их, заключает с рыбаками договор о Р. и помогает им в ловле. Но если его рассердить, он не напустит Р. в сети, спутает и порвет невод, накажет за ловлю Р. ночью. Водяной и сам появляется в облике Р. — щуки, сома или осетра.

О ловле Р. молились св. апостолу Петру. К его дню (29.VI) приурочен праздник рыболовов. В Белоруссии главой над Р. считали также Алексея — человека Божия, переплывшего море в решете. В его день (30.III) пряли несколько ниток для сети, чтобы Р. ловилась. В Болгарии занятие рыболовством приписывали св. Николаю. В день «Рыбного» Николая (6.XII) готовили Р. и раздавали ее во здравие моряков и рыболовов. Поедание в этот день Р. осмыслялось как жертва этому святому.

Имеются поверья о некоторых видах Р. Так, на лбу щуки якобы запечатлены крест и копье, которым был пронзен распятый Христос. Пчеловоды клали щуку под освященную пасху, растирали лобную кость щуки и, смешав с медом, закармливали ею пчел. Острые щучьи зубы обладают отвращающим действием. Поэтому челюсть от первой пойманной щуки вешали над входом в дом для оберега от всякого зла, а хребтовые кости — в воротах для предохранения от повальных болезней. Щучьи кости носили при себе, чтобы летом не укусила змея. Для оберега скота щучью голову вешали в печную трубу и при первом выгоне скота подкладывали под ноги корове, чтобы она переступила через нее.

Известна легенда о происхождении камбалы. Когда архангел Гавриил возвестил Пресвятой Деве, что от нее родится Спаситель, она сказала, что готова будет поверить этому, если оживет Р., один бок у которой был уже съеден. В ту же минуту Р. ожила. Так появилась на свет однобокая камбала. Согласно легенде из польского Поморья, камбала узнала, что Р. выбрали себе королем селедку, и так скривила рот, что он навсегда остался кривым.

Два черных пятна на жабрах трески считают следами пальцев апостола Петра, который вынимал у нее изо рта монету для уплаты подати. Западные украинцы показывают эту «рыбу с грошом», выловленную св. Петром, на звездном небе.

Согласно нижегородскому преданию, на дне реки Суры обитает стерляжий царь. В лунные ночи на прибрежном камне его жена — водяная русалка чешет свои зеленые волосы, а стерляжий царь плещется рядом и трется о ее белую ногу. Если рыбак увидит их, ни одной стерляди ему уже не поймать.

Карп у болгар посвящен св. Николаю и являлся ритуальным блюдом в его день (6.XII). Согласно легенде, когда во время бури волны пробили дно лодки св. Николая, он схватил из воды карпа и заткнул им пробоину. С тех пор существует обычай жертвовать св. Николаю карпа в Николин день: голову и правый бок печеного карпа раздавали перед церковью, носящей имя святого. Крестовидной костью из головы карпа оберегали детей от дурного глаза, избавляли от бессонницы, заговаривали опухоли. Хорваты утверждали, что на голове карпа изображена Богоматерь с младенцем Иисусом. В восточной Сербии и западной Болгарии верили, что сорокалетний или столетний карп превращается в летающего **змея**.

Змеевидных угря и вьюна причисляли к «**гадам**», считали погаными и родственными змеям. Верили, что угри спариваются со змеями. Вьюна называли «змеев брат», считали змеей в двенадцатом поколении. Отсюда распространенный запрет употреблять этих Р. в пищу. Угря позволялось есть лишь в случае, «когда в семи городах рыбы отыскать будет не можно» (у русских). Угрей не ловили и из опасения, что он может удушить человека. Кровь его считали смертельно ядовитой. Однако на западе Украины суп из вьюнов был обязательным рождественским блюдом, а в Польше угрей готовили на Рождество, на свадьбу и к дню св. Михаила (29.IX). В польском Поморье устраивали угощение угрями 7.X в день «Угревой Божьей Матери». По полесской легенде, вьюн произошел из гвоздя, который цыгану велели вбить в лоб распятому Христу. В это время муха села на лоб Христу. Вместо этого

цыган придавил муху, севшую на лоб Христу, а гвоздь бросил в реку. Гвоздь ожил в воде и стал вьюном.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 369–372, 746–758.

А.В. Гура

РЯБИ́НА — дерево, используемое в магии и народной медицине, главным образом в качестве оберега.

В Новгородской губ., вернувшись с кладбища, вешали над дверью рябиновые прутья, чтобы покойник не возвратился домой. В Воронежской губ. сваха сыпала жениху за голенище сапога рябиновые коренья, чтобы на него не навели порчу на свадьбе. В 1630 г. некий сын боярский, обвинявшийся в колдовстве, рассказал на следствии, что, идя на свадьбу к своему брату, он сломил по дороге ветку гнилой Р. и сказал: «Как хто пойдет на свадьбу или куды-нибудь и сломит... ветку рябины, и того де человека притка (болезнь) никакая не возьмет».

При различных болезнях человек трижды пролезал сквозь Р., расколотую надвое и связанную по краям, или сквозь рябиновый куст. В Житии Адриана Пошехонского рассказывается, что после мученической смерти святого (1550 г.) его тело закопали на пустоши, где росла Р.; на это место один раз в году, в Ильинскую пятницу, съезжались из разных городов люди и устраивали ярмарку; сюда же приходили больные — взрослые и дети, которые пролезали сквозь ветки Р. в надежде обрести исцеление (см. **Пролезание**). На Русском Севере **пастух** отправлялся в лес и вырывал с корнями три деревца — Р., **ель** и сосну, расщеплял их до вершины, клал в воротах и по ним первый раз весной выгонял скот на пастбище.

Р. использовалась в общении с нечистой силой. Чтобы выведать у **лешего** причину болезни человека, олонецкий знахарь отправлялся в лес, находил там рябину, расщеплял ее ствол пополам, пролезал через отверстие, а затем оставлял в этом расщепленном стволе письмо для лешего с вопросами. Вместе с тем Р. помогала и защититься от нечистой силы. Так, лешего можно было отогнать кнутом, рукоятка которого сделана из Р. По связи с Р. на Русском Севере лешего иногда даже называли *рябинник*.

Многие заговоры произносили возле Р., стоящей на муравейнике; можно было также сделать посох из Р., погрызть его и оставить щепочку во рту за щекой, чтобы не бояться в дороге никакого колдовства. Заговор от лихорадки произносили у корня Р., а потом, вырыв его из земли, клали на постель возле больного человека.

В России и Белоруссии существовал запрет рубить, ломать кусты Р., использовать Р. на дрова и даже обрывать ягоды Р. Белорусы Гродненской губ. считали Р. мстительным деревом: кто ее поломает или срубит, тот вскоре умрет сам или же умрет кто-нибудь из его дома. Р. нельзя было рубить и потому, что знахари «переносили» болезнь с человека на Р.: кто срубит такое дерево, сам заболеет и умрет.

Согласно восточнославянским поверьям, у того, кто причинит Р. вред, будут болеть зубы. При зубной боли тайно на утренней заре вставали перед Р. на колени, обнимали и целовали ее и произносили заговор: «Рябина, рябина, возьми мою болезнь, отныне и до веку тебя не буду есть», а потом возвращались домой, не оглядываясь и стараясь ни с кем не встретиться.

У южных славян некоторые сходные значения и функции приписывались близкому к Р. ботаническому виду *брескиња*. Она считалась опасным деревом: если попытаться ее срубить, то у человека окоченеет рука или нога. О ней говорили, что «брескиня» произошла из девушки и потому ее грех срубать. Так и у восточных славян запрет срубать Р. объясняли тем, что Р. — про́клятая кем-то женщина.

В народных песнях, преимущественно лирических, Р. символически сопоставляется с тоскующей женщиной, а горечь ее ягод ассоциируется с безрадостной жизнью.

Лит.: *Тульцева Л.А.* Рябина в народных поверьях // Советская этнография. 1976. № 5.

Т.А. Агапкина

РЯ́ЖЕНИЕ — обрядовое и игровое перевоплощение с использованием масок и других приемов изменения внешности; наиболее характерно для участников календарных **обходов** святочного и масленичного периодов. Элементы Р. известны также в свадебном, родильном и дожинальном обрядах. Об обычаях Р. упоминается в многочисленных древнеславянских письменных источниках с XII в. В них осуждаются языческие обычаи надевать на себя «личины бесов».

Группа масленичных ряженых: «туронь», «журавль», «медведь». Петрковское воеводство, Польша. 1966 г.

В календарных обрядах обходного типа участвовали чаще всего маски, изображавшие: 1) животных (коня, козу, тура, медведя, верблюда, журавля, аиста и т.п.); 2) персонажей загробного мира (умерших предков, деда и бабу, покойника, смерть, страшилищ) или нечистой силы (черта, ведьму, русалку, кикимору, растительных или лесных духов и т.п.); 3) пародийную брачную пару (ряженых «жениха» и «невесту») либо участников свадебной церемонии; 4) христианских святых (Андрея, Варвару, Николая, Люцию, ангелов); 5) лиц, символизирующих сферу «чужого», т.е. представителей чужих этнических, социальных и профессиональных групп (цыгана, еврея, немца, купца, барина, солдата, нищего и т.п.). Народные названия ряженых отражают представления об их потусторонней природе: *кудесники, чудики, лешаки, черти* (в.-слав.); «чаровники», «деды», «смерть» (западные и южные славяне).

Для изменения облика ряженые чернили себе лица сажей или надевали маски, закрывали лицо тканью, подкладывали горб, закутывались в ветки свежей зелени или в солому, обкручивали соломой руки и ноги, надевали вывороченную мехом наружу шубу или необычные головные уборы (например, остроконечные колпаки), навешивали на костюм бубенцы, колокольчики, старые веники, лапти и т.п. Во многих случаях пытались придать своему виду устрашающие чер-

ты: закутывались в белое полотно, вставали на ходули, приделывали длинные зубы из репы, носили в руках тыкву с вырезанными светящимися глазницами. Вместе с тем участники Р. стремились выглядеть необычно, странно, смешно (например, переряживались в одежду противоположного пола, подбирали элементы одежды, несовместимые с остальным нарядом: разные рукава, на ногах разная обувь, на голове корзина или горшок).

Р. воспринималось как дело греховное и опасное; обычно в страшные маски «нечистиков» и «покойников» рядились лишь мужчины (иногда самые отчаянные из женщин), но никак не девушки и не дети. По севернорусским данным, участники святочного Р. редко соглашались на эти рискованные роли добровольно, предпочитая распределять их по жребию. По прошествии праздничного периода все принимавшие участие в Р. обязаны были пройти обряд церковного очищения или искупаться в проруби в день Крещения.

Поведение ряженых сводилось к нескольким стереотипным действиям: они старались испугать присутствующих, угрожали хозяевам дома и детям; гонялись за девушками и приставали к ним; некоторые маски сохраняли полное молчание или издавали неясные звуки, мычание; другие разговаривали неестественно высокими или очень низкими голосами. Зооморфные ряженые и сопровождавшие их лица часто разыгрывали однотипные сценки с мотивами «умирания», «лечения» и «оживления» центрального персонажа. Иногда в обязанности антропоморфных ряженых входило символическое очищение дома (например, обметание углов, обливание водой). Нередко ряженые подчеркнуто демонстрировали антиповедение: вели себя шумно, буйно, агрессивно, делали вид, что хотят разлить всю имеющуюся в доме воду, обсыпать домочадцев пеплом из печи, вымазать их сажей, украсть что-либо и т.п. В юго-восточной Сербии ряженые изображали борьбу с демонами, размахивали саблями или палками, изгоняли из домов и дворов невидимых противников. В ряде р-нов восточной и юго-восточной Болгарии широкую популярность получили обычаи масленичного Р. **кукерами**, которые имитировали ритуал вспашки и сева.

К весенне-летнему периоду (Юрьеву дню, Троице, Иванову дню) приурочены ритуалы вождения по домам ряженого, закутанного в зелень (у восточных славян — «куст», «тополя», «весна», «русалка»; у западных славян — «троицкий король»; у южных — «зеленый Юрий», «додолы», «пеперуды»). Центральный персонаж ряжения двигался во главе процессии; его вели под руки сопровождавшие; он отличался пассивным поведением и молчаливостью; лицо его было закрыто зеленью венка или платком. Хозяева старались щедро одарить таких ряженых, обливали их водой, танцевали с ними для обеспечения себе хорошего урожая. См. **Русалии, Додола.**

Лит.: *Ивлева Л.М.* Ряженье в русской культуре. СПб., 1994; Обрядовое ряженье // Живая старина. 1995. № 2. С. 29–42.

М.М. Валенцова, Л.Н. Виноградова

С

САТАНАЙЛ, с а т а н а́, д ь я́ в о л — в славянских космогонических легендах глава злых духов. Имя С. восходит к христианскому сатане, однако функции С. связаны с архаическими дуалистическими мифологиями. В дуалистической космогонии С. — противник бога-демиурга. В средневековом южнославянском и русском апокрифе «Сказание о Тивериадском море» Тивериадское озеро представлено как первичный безбрежный океан. Бог опускается по воздуху на море (ср. космогонический сюжет в Книге Бытия) и видит С., плавающего в облике гоголя. С. называет себя богом, но признает истинного Бога «господом над господами». Бог велит С. нырнуть на дно, вынести песок и кремень. Песок Бог рассыпал по морю, создав землю, кремень же разломил, правую часть оставил у себя, левую отдал С. (ср. оппозицию правого и левого как воплощения благого и злого). Ударяя посохом о кремень, Бог создал ангелов и архангелов. С. же создал свое бесовское воинство.

Подобные легенды сохранялись у болгар, украинцев и русских: сатана — обитатель первичного океана (в виде водоплавающей птицы, черта в пене, в лодке; в некоторых сказаниях Бог создает сатану из своей тени); Бог велит ему нырять за землей (иногда сатана сам предлагает Богу создать землю). Сатана трижды ныряет, но лишь на третий раз, помянув Божье имя, достает землю, утаив часть во рту. Бог творит землю, которая начинает расти на море и во рту у сатаны; тот выплевывает утаенную часть, из нее возникают холмы и горы. По другим вариантам, Бог засыпает на сотворенной земле, сатана пытается сбросить его в воду, тащит его в одну сторону, потом в другую, так по всем сторонам света, но земля разрастается, и сатане не удается утопить Бога; напротив, он невольно совершает ритуал благословения земли, начертав крест во время своих попыток. Наиболее архаичный вариант дуалистического сказания, записанный в Заонежье, представляет Саваофа в виде белого гоголя, сатану в виде черного.

После творения земли, ангелов и бесов возгордившийся С. пытается создать собственное небо (в соревновании С. с Богом возникают семь небес), но архангел Михаил низвергает его (отбирая у противника божественное имя *ил*) и всю **нечистую силу** на землю. Так появились нечисть, **бесы** и **черти** на земле. Сам сатана проваливается в преисподнюю. В сербохорватских дуалистических сказаниях сатана и падшие ангелы захватывают с собой солнце (или оно изначально находится в руках противника Бога — Дуклиана, мифологизированного императора Диоклетиана, гонителя христиан). Архангел (или Иоанн Креститель) затевает с сатаной ныряние в море, и когда дьявол (или Дуклиан) ныряет, покрывает море льдом и уносит солнце на небо. Дьявол пробивает лед, но настигает архангела уже на небе, вырвав часть его ступни (с тех пор у людей выемка в ступне).

Продолжением дуалистических космогоний с участием С. являются **антропогонические мифы**. Древнейший из них пересказан в «Повести временных лет» (под 1071 г.): **волхвы** поведали о том, как Бог мылся в бане, вспотел и отерся «ветошкой», которую сбросил с небес на землю. Сатана стал спорить с Богом, кому из нее сотворить человека (сам он сотворил тело, Бог вложил душу). С тех пор тело остается в земле, душа после смерти отправляется к Богу. В позднейших восточнославянских и болгарских вариантах творение человека более при-

ближено к ветхозаветному мифу: Бог создает человека из глины и уходит на небо за душой, оставляя сторожем собаку, еще не имевшую шкуры; сатана соблазняет собаку шубой или хлебом (усыпляет холодом) и оплевывает человека. По возвращении Бог выворачивает свое творение наизнанку — из-за оплеванных внутренностей человек становится подверженным болезням. По другим вариантам, дьявол истыкал человека пальцем (шилом), чтобы душа в нем не держалась; Бог заткнул все отверстия травами (которые стали лечебными), кроме одного, из которого исходит душа со смертью (болг.); дьявол тщится создать человека, подобного сотворенному Богом, но у него получается **волк**, которого оживляет Бог (волк откусывает дьяволу часть ноги, поэтому он хром). Такими же неудачами завершается подражание в творении овса — дьявол сеет сорняки; вместо коровы у него выходит коза и т.д. В русских преданиях сатана насаждает яблоню — древо познания, осину (на которой повесился Иуда), хмель и т.п., чтобы искушать человека.

В русских легендах сатана претендует на власть над людьми: ведь они сотворены из земли, добытой им со дна океана. Он получает власть над мертвыми людьми, поэтому они должны были пребывать в преисподней — аду до сошествия в ад Христа.

Лит.: *Кузнецова В.С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998; *Димитрова-Маринова Д.* Богомильская космогония в древнеславянской литературной традиции // От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. М., 1998. С. 38–58.

В.Я. Петрухин

СВА́ДЬБА — см. **Брак, Венчание, Жених, Невеста.**

СВАРО́Г, Сваро́жич — в славянской мифологии бог огня. По данным древнерусских поучений против язычества, культ Сварожича был связан с культом огня: язычники «огневи молять же ся, зовуще его сварожичем» («Слово некоего христолюбца»). В славянском переводе хроники Иоанна Малалы (XII в.) С. отождествлен с древнегреческим Гефестом. В древнерусском пантеоне особо тесные связи соединяли С. с Дажьбогом, названным в летописи сыном С. («... сего ради прозваша и богъ Сварогъ... и по семь царствова сынъ его именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ... Солнце царь сынъ Свароговъ еже есть Дажьбогъ», Ипатьевская летопись 1114 г.). Отрывок о Свароге, отце солнца, связан с вставкой о Совии в «Хронике» Иоанна Малалы. Оба эти текста, видимо, отражают общую культурную традицию, связанную с введением трупосожжения. У балтийских славян Сварожич (иначе называвшийся Радгостом) почитался в культовом центре редариев Ретре-Радгосте как один из главных богов, атрибутами которого были конь и копья (ср. **Свентовита**), а также огромный вепрь, согласно легенде, выходивший из моря (ср. вепря как зооморфный символ солнца). У чехов, словаков и украинцев со С. можно связать огненного духа Рарога; ср. также Страха (Раха) в восточнославянских заговорах.

В.И., В.Т.

СВЕНТОВИ́Т — в западнославянской мифологии «бог богов», упоминаемый Гельмольдом и Саксоном Грамматиком (XII в.). С. — высший бог, связан с войной и победами; его атрибуты — меч, знамя, боевые значки, в том числе изображавшие орла, и копья. Культовый центр С. — четырехстолпный храм в балтийско-славянском городе Аркона. Символический цвет С. — красный: его храм был увенчан красной кровлей, в капище был пурпурный занавес, в сундуках — множество пурпурных одежд. Белый священный конь при храме С. после ночи оказывался покрытым грязью: верили, что ночью он выезжал для борьбы с врагами. При гаданиях коня подводили к трем рядам копий, и если он спотыкался на левую ногу, это считалось дурным предзнаменованием, если же ступал с правой ноги — добрым. Отве-

ты оракула С. считались наиболее весомыми. Идол С. имел четыре головы, расположенные справа, спереди и сзади (это описание сопоставляется с четырехглавым Збручским идолом), что позволяет соотнести С. и его четырехстолпный храм с четырехчленной (север — юг — запад — восток) моделью мира в славянской мифологии. Четырехчленность С. находит многочисленные параллели в других традициях с четырехглавыми божествами или четверками богов, охранителей стран света. Имя С., очевидно, представляет собой эпитет. Есть основания думать о глубинной первоначальной связи С. с громовержцем (см. **Перун**), в образе которого особенно подчеркнута воинская функция.

Лит.: *Топоров В.Н.* Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология. 1986–1987. М., 1989.

В.В. Иванов, В.Н. Топоров

СВЕТ — в народной традиции соотносится с солнцем, месяцем, звездами, днем, летом, теплом, золотом, белым, красным и желтым **цветами**, красотой, жизнью, является воплощением истинности, праведности и святости.

Семиотическая оппозиция С. — тьма коррелирует с противопоставлениями день — ночь, лето — зима, добро — зло, жизнь — смерть, верх — низ, правое — левое, причем первые члены этих оппозиций обычно оцениваются положительно, а вторые — негативно. С. представляет собой не отдельную стихию, как **вода**, **огонь** или **воздух**, но пронизывает собой эти стихии, составляя их важнейшую субстанцию (ср. употребление прилагательного *светлый* в значении — прозрачный: *светлая вода*).

Народной традицией было усвоено и переосмыслено библейское учение о божественном происхождении света (Быт. 1:1–4). Согласно «Стиху о Голубиной книге», «белой свет» зачался «от лица Божья, / Со(л)нцо праведно — от очей его, / Светел месяц — от темечка» или «зачался наш белый свет — / От святого Духа Сагаофова; / Солнце красное от лица Божья, / Самого Христа Царя небесного» (Стихи духовные. М., 1991. С. 29, 32). Сверхъестественным происхождением солнечного света обусловлен и его ослепительный характер, непереносимость для человеческого глаза. По украинским поверьям, только праведник может смотреть на **солнце** и видеть, как оно «играет», переливается разными цветами.

Светоносной, солнечной природой, по народно-христианским воззрениям, обладают Бог-Отец и Иисус Христос, **Богородица**, ангелы и **святые**, тьму же воплощают дьявольские силы. Если **рай** располагается на востоке и именуется «пресолнечным», то **ад** локализуется на западе и погружен во тьму. Освещая земную поверхность, солнце как бы передает ее во власть божественных сил, а скрываясь на ночь, оставляет во власти зла. В былинах и духовных стихах «святорусская» или «светлорусская» земля изображается как залитое С. открытое бескрайнее пространство (ср. выражения «белый свет» или «вольный свет» — о мире в целом). В духовных стихах эпитет «светлый» вообще сближается со «святой»: светоносность рассматривается как проявление святости (ср. нимб в иконописи).

Солнечный С. изливается на человека как Божья благодать, и он же отвращает нечистую силу. В сказке белорусов-полешуков рассказывается о том, как Бог создал **луну** в помощь солнцу, **черт** подлетает к ней, грызет и пытается скинуть с неба; когда от луны остается небольшой огрызок, солнце направляет на черта свои лучи и тот спасается бегством.

В заговорах на красоту С. связан с идеей женской привлекательности: девушка желает сиять как вода или как крест на церкви, быть светлее месяца или милее свету белого. В русских любовных заговорах С. выступает как непременное условие жизни: «Как без свету, без белого, много ли проживешь, так бы и он (парень) без меня не прожил». Многие заговоры начинаются с того, что человек отправляется в широкое поле, «на Божий свет»; здесь он «одевается» светом и небесными светилами: «Божьим светом осветюся, облаком оботкну-

ся, мелкими частыми звездами обтычуся».

С. соотнесен с жилищем человека (см. **Окно**) и с его телесным миром; **глаза** не только воспринимают С., но и как бы сами испускают его вовне, а когда человек умирает, С. «теряется» из очей. Темнота соответствует состоянию человека, убитого горем, и картина заходящего вечером или спрятавшегося за тучами солнца вполне отвечает общему эмоциональному настрою похоронных причитаний. Горе выражается здесь в том, что «не глядят да ясны очюшки на белой свет» или «пекёт солнышко да не по-прежнему, как светёл месяц светит не по-старому».

С. месяца, зари и звезд оказывал, по народным поверьям, магическое воздействие на плодовитость овец, удойность коров и наделял целебной силой соль, мыло и золу, оставленные на подоконнике в ночь под **Страстной четверг**. В Киевской губ. корове давали «зоряну воду», чтобы у нее было больше молока; для получения такой воды ее выставляли в ясную ночь под **звезды** («зори»). В приметах яркий С. звезд предвещает богатый урожай ягод, грибов и хлеба. В русских загадках С. описывается как материальный предмет или живое существо: молоко, сукно, белая кошка, золотое веретено или золотой мост и т.п.

А.Л. Топорков

СВОЙ—ЧУЖÓЙ — одна из основных семантических оппозиций в народной культуре; соотносится с такими признаками, как «хороший—плохой», «праведный—греховный», «чистый—нечистый», «живой—мертвый», «человеческий—нечеловеческий (звериный, демонический)», «внутренний—внешний».

С последним признаком связаны представления о «своем» и «чужом» пространстве, которое мыслится как совокупность концентрических **кругов**, при этом в самом центре находится человек и его ближайшее родственное окружение (например: человек—дом—двор—село—поле—лес). Степень «чужести» возрастает по мере удаления от центра, «свое» (культурное) пространство через ряд **границ** (околица, река, **гора** и т.п.) переходит в «чужое» (природное), которое в свою очередь граничит или отождествляется с потусторонним миром. В фольклорной картине мира «свое» (освоенное, достигаемое) и «чужое» (другие страны, «тот свет») могут соотноситься по вертикали: ср. представления о пути в «иной» мир через восхождение на высокую гору или дерево или через нисхождение под землю (ср. **Ирий**).

Оппозиция «свой—чужой» в приложении к социуму осмысляется через разноуровневые связи человека: кровно-родственные и семейные (свой/чужой род, семья), этнические (свой/чужой народ, нация), языковые (родной/чужой язык, диалект), конфессиональные (своя/чужая вера), социальные (свое/чужое сообщество, сословие).

Оценка «чужих» как враждебных и опасных существ восходит к архаическим верованиям о том, что все пришедшие извне и не принадлежащие ближайшему сообществу люди являются представителями «иного» мира и обладают сверхъестественными свойствами (ср. наделение **инородцев** (иноверцев) зооморфными чертами и устойчивое соотнесение их с областью магии и ведовства).

К «чужим» заведомо относятся нелюди (демонические существа, **предки**, животные), люди «извне» (инородцы, люди иного социального происхождения и положения, странники). Отличительными признаками «чужого» являются его внешность, одежда, запах, бытовое, обрядовое и речевое поведение.

Признаки «чужести» могли приобретать и члены «своего» коллектива (семьи, общины). «Чужими среди своих» становились люди, обладающие эзотерическими знаниями или умениями (**знахарь**, **мельник**, **кузнец** и др.), меняющие социовозрастное (молодожены) или социальное (рекруты) положение или исполняющие определенные ритуальные роли (ряженые). Причислению человека к категории «чужих» могли способствовать физические недостатки (слепота, немота, **глухота**) или окказиональные факторы (период после родов или **месячные** у женщин). Для людей, временно

пребывающих в статусе «чужих», предусматриваются особые способы возвращения их в область «своего»: очистительные ритуалы для ряженых, молодоженов, роженицы.

Как проявление «чужести» воспринимается отклонение от общепринятых норм поведения, которое угрожает благополучию социума в целом и требует немедленного исправления (ср. формы символического наказания «нечестной» невесты или людей, нарушивших запрет копать землю и городить заборы до праздника Благовещенья).

Появление «чужих» этносов и профессиональных сословий связывается с нарушением этических норм в далеком прошлом (согласно болгарским легендам, турки произошли в результате **инцеста** матери и сына или от связи человека и животного — женщины и собаки, овчара и змеи; влахи — это потомки изгнанных из человеческого общества разбойников) или с контактами людей и **нечистой силы** (по легенде из Галиции, цыгане — потомки женщины и черта, по гуцульским поверьям от женщины и черта произошли «волохи»-пастухи). С позиции этноцентризма положительно оценивается только свой этнос: именно он обладает «правильным» укладом жизни, «человеческим» языком и праведной верой. Характерной особенностью восприятия «чужих» конфессий является отношение к ним как к безверию («чужой» Бог не может быть истинным Богом) или как к поклонению дьявольским силам.

Принадлежностью к сфере «чужого» определяется в народной традиции статус **гостя**, **нищего** (странника), священника, **колдуна**, что проявляется в особом «ритуализованном» отношении к ним.

«Чужим» принадлежит особая роль в календарных обрядах, связанных с символикой «первого дня» (например, у всех славян счастливой приметой считался приход **полазника**-инородца на Рождество, Новый год) или призванных обеспечить богатство и благополучие на целый год (ср. святочные и масленичные маски ряженых «цыган», «евреев», «турок» и др.). В магических обрядах вызывания дождя использовались предметы, украденные у «чужих» (похищали горшок у **гончара**, соседа, иноверца); одним из распространенных приемов «магии против смерти» было приглашение в семью, где часто умирали дети, инородца или иноверца в качестве кума для ребенка. В кризисных ситуациях (тяжелая болезнь, отсутствие молока у кормящей женщины) обращались за помощью к «чужим» священникам: раввину (укр., пол.), православному попу (словен.). В то же время предметы, принадлежащие «чужим», их культовые места и даты «чужих» праздников считались опасными. Белорусы говорили, что нельзя дотрагиваться до еврейских богослужебных книг — кожа на руках потрескается. Не рекомендовалось также заквашивать капусту в еврейский праздник Кущей — сгниет.

Лит.: *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Изгой» и «изгойничество» как социально-политическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода // Труды по знаковым системам. Тарту, 1982. Вып. 15. С. 110–121; *Виноградова Л.Н.* Как распознать чужого среди своих? // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. Oakland, 1997. Вып. 1. С. 53–62.

О.В. Белова

СВЯ́ТКИ — двухнедельный период зимних праздников, начинавшийся с Рождественского сочельника (24.XII) и кончавшийся Крещением (6.I). По церковному календарю, крайние даты этого периода посвящены памяти евангельских событий, связанных с рождением Христа и крещением его в Иордани; в народной традиции к этим датам примыкает также празднование Нового года, который приходится на середину святочного цикла. О том, что все три даты (Рождество — Новый год — Крещение) воспринимались как единый цикл праздников, свидетельствует как повторяющийся комплекс однотипных ритуалов, так и народная терминология этих дат: например, при широко известном у восточных славян названии всего святочного периода *Коляды* Рождественский сочельник именовался в украинско-бе-

лорусской зоне и в Полесье как «Первая коляда», день накануне Нового года — «Вторая коляда», а канун Крещения — как «Третья коляда».

Особое мифологическое значение святок в народном календаре определяется «пограничным» характером этого периода, когда солнце поворачивается с зимы на лето, когда заканчивается старый и начинается новый год, когда отмечается один из главных праздников христианской церкви — Рождество Христово. Чрезвычайная насыщенность обычаями, обрядами, магическими действиями, гаданиями, запретами, приметами выделяет С. из всего календарного комплекса. Вместе с тем С. считались опасным периодом, временем, когда души умерших и персонажи нечистой силы активно вторгаются в мир людей. По восточнославянским поверьям, Бог, радуясь рождению сына, выпускает с «того света» и души умерших, и нечистую силу гулять по белу свету. Этим объясняется негативная трактовка святочного времени как «бесовского», «нечистого», «злого», «страшного» и «вредного». У южных славян святочные дни назывались «погаными», «некрещеными», «караконджуловыми», «вражьими» и т.п.

Подобными поверьями в значительной степени определяется и обрядность святочного комплекса. Так, в связи с представлениями о «приходе» с того света душ умерших предков (а также о появлении на свет Спасителя) любой гость, входящий в дом накануне Рождества или Нового года, воспринимался как особа священная, от которой зависело благополучие семьи на весь год, поэтому первым требованием было угостить или одарить каждого посетителя; по первому пришедшему в дом гостю гадали о будущем, вынуждали его участвовать в домашних магических обрядах (см. **Полазник**). Как сакральных гостей и «Божьих посланников» принимали хозяева участников колядных обходов (см. **Колядование**). Так же ритуально обставлено было торжественное внесение в дом святочных символов: **бадняка**, рождественского снопа, называемого «дедом», «дидухом», либо ритуального хвойного деревца («подлазнички») и т.п. Белорусы Гомельщины, внося в дом сено, говорили, что это «коляды пришли».

С этим же кругом представлений о незримом присутствии духов в жилом пространстве человека связаны и многочисленные запреты. Прежде всего запрещались все прядильно-ткаческие работы и действия с использованием острых и режущих орудий: нельзя было прясть, сновать, ткать, шить, скручивать, связывать, рубить, резать, колоть шилом и т.п., иначе, как считалось, приплод домашних животных уродится «кривым», «слепым» и вообще увечным. Весь период С. остерегались выносить из дома мусор, чтобы «не вынести свою удачу». Забота о духах-опекунах, незримо присутствующих в доме, лежит в основе запретов убирать со стола на ночь остатки ужина, поднимать с пола упавшую ложку, мыть посуду сразу после праздничной трапезы.

Приход персонажей из иного мира инсценировали святочные ряженые, среди которых наиболее популярными были фигуры страшилищ, оборотней с зооморфными чертами, «стариков», «деда и бабы», «покойников» и т.п. (см. **Ряжение**).

Центральным моментом всех трех святочных праздников была общесемейная ритуальная трапеза, которая готовилась как поминальный стол: обязательным блюдом была кутья, сыта, канун или коливо; у русских — блины и овсяной кисель; во многих местах у восточных славян и в карпатской зоне на стол ставили лишний прибор («для души», «для гостя», «для ангела»).

К святочным праздникам были приурочены магические ритуалы, призванные обеспечить хозяйственное благополучие семьи на весь год (см. **Рождество**). Большое число обычаев (либо запретов) было связано с «магией первого дня» и обусловлено принципом: «насколько успешным будет начало года, настолько удачно он и закончится». Например, накануне Рождества не поили овец водой, чтобы их не мучила жажда все лето (белорусы); завязывали ножницы для стрижки овец, чтобы в течение года волки не задирали скот (карпатские украинцы); прятали или выносили из дома на

период С. все веретена, чтобы летом не встречаться со змеями (Полесье), и т.п.

Присутствие духов в пространстве людей обеспечивало, по народным воззрениям, возможность заглянуть в будущее, чем и объясняются многообразные формы святочных **гаданий**. Особое место занимали прогностические приметы, по которым старались угадать погоду и урожайность в грядущем году.

Поверья о возвращении пришельцев с «того света» обратно в царство мертвых в последний день С. получили ритуальное оформление в обычаях, интерпретируемых как символические «проводы духов»: ср. восточнославянские обряды «изгнания коляды» или «кутьи», «старого года», «зимы», «мороза» и др. условных персонажей (см. **Крещение**).

Лит.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. М., 1973. С. 209–216, 244–261, 271–279; *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957; *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования. М., 1982; *Курочкін О.В.* Новорічні свята українців: Традиції і сучасність. Київ, 1978; *Богатырев П.Г.* Народный календарь // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 202–226.

Л.Н. Виноградова

СВЯТЫ́Е — персонажи христианской литературы и культа, усвоенные устной народной традицией. События и деяния, явившиеся основой почитания и канонизации святых, продолжают жить в книжных текстах и близких к ним фольклорных жанрах (духовные стихи, легенды). В обрядовом фольклоре (колядках, щедровках, жнивных песнях и т.п.) и верованиях славян образы Христа, Богородицы, ангелов, святых претерпели существенную трансформацию и приблизились к персонажам низшей мифологии и духам.

Многие христианские С. заменили в народном сознании языческих богов, восприняв их функции и заняв их место: пророк **Илья** заместил громовержца Перуна, св. **Николай** и др. — «скотьего бога» **Велеса** (Волоса), св. Параскева **Пятница** — богиню **Мокошь** и т.д. Соответственно языческой схеме за каждым святым закреплялись определенные сферы природы и человеческой деятельности. Св. **Георгий** (Егорий, Юрий) почитался как покровитель скота. До сих пор на Русском Севере совершаются егорьевские обходы скотины со словами: «Святый Ягорья, попаси моих коровок!», «Святый Ягорья! Нам помогай, коровок спасай от лютого зверя, от злого человека, кто от моей коровы молоко отнимает...» Св. Илья заведует громом и дождем, во время грозы он разъезжает по небу на огненной колеснице и мечет оттуда стрелы-молнии и камни, поражая нечистую силу и грешников. На Руси были храмы Ильи Сухого и Ильи Мокрого, в которых совершались моления о дожде и о ясной погоде. Илье приписывалась и власть над урожаем. В белорусских колядках поется: «Ходит Илья на Василья, где пугой махнет — там жито растет». Св. Илья начинал жатву — «зажинал золотым серпом, правой ручкой».

У сербов св. Савва считался покровителем и защитником волков. В «свой» день (14.I) он, по народным верованиям, залезает на грушу, созывает волков, угощает их и распределяет, чей скот станет их жертвой в течение года. Св. Савву считали также хозяином градовых туч. Когда они надвигались, к святому обращались с просьбой «отвести своих говяд от села». Св. Стеван признавался у сербов патроном ветра, и в его день (2.VIII) не работали, чтобы ветер не принес с собой болезни. **Богородица** у всех славян почиталась защитницей беременных и рожениц. Параскева Пятница следила за соблюдением норм и запретов, касающихся прядения и тканья, пряла по ночам на оставленной прялке, путала пряжу и нитки, ломала инструмент, наказывая женщин, занимавшихся прядением и тканьем в неурочное время, например в пятницу или в праздник. См. также **Андрей, Власий** и др.

К С. обращались за помощью во всех случаях жизни с молитвой, им давали обеты, приносили жертвы и подарки, на них обижались за неисполнение просьб и даже наказывали: отворачивали икону с изображением С. к стене, разбивали

ее, бросали в воду и т.п. Формы обращения со С. в повседневной жизни мало чем отличались от способов обращения с домовым, лешим, водяным или русалкой. В заговорах их имена соседствуют с именами мифических персонажей, в «заветных тетрадях» обращенные к ним молитвы могут перемежаться рецептами черной магии и т.п. В Рождественский сочельник Бога, Богородицу, С., ангелов приглашали на ужин вместе с морозом, ветром, волками, птицами, демонами туч, нечистой силой (см. **Приглашения**). У кашубов под именем Николая был известен злой дух, который загадывал загадки заблудившимся в лесу; если человек отгадывал, Николай выводил его из леса, а если нет, то человек попадал во власть нечистой силы, продавал душу дьяволу.

Часто люди заключали со С. договор об обмене благами. Окончив жатву, на поле оставляли несжатым пучок колосьев — «на бороду» Христу (или Волосу, Николе, Илье, **Кузьме и Демьяну**; см. **Борода**). Приносили в жертву святым кур, свиней, баранов и др. животных во время семейных и сельских календарных праздников.

Вместе с тем С. почитали из страха перед ними, из боязни навлечь на себя их гнев. Так, в Полесье говорят: «Мы празднуем Михайлу, чтоб гром не побил хату. В этот день не рубим дров, не стираем, ножом ничего не режем, кросен не ткем. Чтоб не обиделся Михайла».

Культ С. лежит в основе народного **календаря**. Имена С. (часто в трансформированном виде) служат названиями праздников, а сами С. воспринимаются как персонифицированные праздники.

В любом сборнике заговоров можно найти обращения к С. с просьбой об исцелении. Фигура святого может выступать в заговорах и в роли чудесного помощника из волшебной сказки и защитника от злых сил. В архангельском заговоре от лихорадки свв. Кузьма и Демьян и отец Симеон, встретив 12 «косматых, волосатых и беспоясных» дев, «вынимают сабли вострые и ладят сказить им головы».

В духовных стихах, основанных на сюжетах и мотивах канонических, житийных и апокрифических христианских текстов, образы С., хотя и обогащаются фольклорными чертами, сохраняют свой сакральный ореол. В них повествуется главным образом о земных подвигах С., из коих наиболее популярны у восточных славян Николай, Егорий, Димитрий Солунский, Федор Тирон, Михаил-архангел, Кузьма-Демьян, а также Алексей — человек Божий, Иосаф-царевич, Борис и Глеб, почитаемые не столько за их чудотворную мощь, сколько за горькую судьбу.

В сказках-легендах к излюбленным героям относятся святые Петр, Николай и Кузьма и Демьян, оказывающие помощь нуждающимся и наказывающие обидчиков и грешников; нередко, однако, им приписываются действия и поступки, весьма далекие от благочестия.

С.М. Толстая

СГЛАЗ, п о́ р ч а — вредоносное магическое воздействие на человека и его хозяйство, вызывающее болезни, разлад в семейных отношениях, неурожай, неудачи в делах, расстройство хозяйства, в тяжелых случаях — смерть людей и падеж скота. Сглаз и порча отличаются друг от друга способами воздействия.

Способность причинять вред своим взглядом приписывается **ведьмам, колдунам**, а также людям, которые обладают «злым глазом» невольно, по стечению обстоятельств: рожденным в «злую» минуту, под определенной планетой, зачатым в праздники или в период, когда у женщины были месячные. Широко распространено мнение, что если мать сначала прекратит кормление грудью, а через некоторое время снова даст грудь ребенку, то он приобретет способность к С. Часто считается, что человек со «злым глазом» помимо своей воли причиняет вред всему, на что ни посмотрит. Но С. бывает и намеренным, если взгляд сопровождается недобрыми мыслями или чрезмерной неискренней похвалой.

Под порчей понимают совокупность магических приемов, применяемых ведьмами, колдунами и другими «знающими» (например, строителями) для причинения ущерба здоровью, благополучию и благосостоянию человека. В отличие

от С., который бывает невольным, П. всегда «наводят» намеренно.

В качестве орудия П. применяют старые, битые, сломанные, пустые, использованные предметы, что символизирует их принадлежность к потустороннему миру: яичную скорлупу, яйца без зародыша, змеиную шкуру, кости и черепа животных, разбитые горшки, хлебные корки, тряпки, перья, спутанные волосы, связанные узлом веревки; предметы, бывшие в соприкосновении с покойником (мыло, которым его обмывали, мерку и стружки от гроба, землю с могилы и др., а также острые, колющие предметы (битое стекло, гвозди, иголки). Одними из форм П. считаются **залом** и насылание на дом **кикиморы**.

Орудия П. подкладывают под порог, пол, печь, под угол дома, закапывают во дворе, огороде, хлеву, иногда оставляют на **дороге**: если человек наступит на подброшенный предмет или поднимет его, он будет «испорчен». Колдуны «насылают» П. и по воздуху, пуская по ветру пыль, волосы и пр. со злым наговором на того, кому она предназначена. Иногда П. «насылают» на определенное имя, тогда окажется «испорченным» первый же человек с таким именем, на которого она попадет.

Наиболее подвержены влиянию С. и порчи люди, находящиеся в «переходном» состоянии: новорожденные дети (до крещения или до момента прорезывания зубов), беременные женщины и роженицы, молодожены, а также молодые животные и скот после отела (особенно первотелки), растения в период цветения и созревания, пчелы в период роения; любая значимая работа в процессе ее выполнения: тканье полотна, сбивание масла, приготовление теста, пахота, сев, выгон скота, охота (см. **Охотник**), рыбалка и т.п.

Чтобы «снять» порчу и вылечить от С., прибегали к помощи **знахаря** или **колдуна**, более сильного, чем тот, который «навел» порчу. Для избавления от С. прибегают к заговорам, которые читают над больным или наговаривают на питье или еду, которую дают больному, а также применяют ритуальное очищение больного: обмывание наговоренной водой, окропление святой водой, окуривание освященными травами. Для избавления от порчи находят в жилище символизирующие ее предметы и с чтением заговоров удаляют за пределы жилого пространства (выбрасывают на межу, текущую воду, сжигают), после чего производится ритуальное очищение дома и усадьбы. Для защиты от С. и порчи применяют разнообразные **обереги**.

Е.Е. Левкиевская

СЕМА́РГЛ, Сима́ргл (др.-рус. Семарьглъ, Симарьглъ, Сим-Рьглъ) — в восточнославянской мифологии божество, входившее в число семи (или восьми) божеств древнерусского пантеона, идолы которых были установлены в Киеве при князе Владимире (980 г.). Имя С. восходит, по-видимому, к древнему имени «Семиглав» (ср. характерную для славянских богов поликефалию, в частности семиглавого **Руевита**). Согласно другой гипотезе, имя и образ С.— иранское заимствование, восходит к мифической птице Сэнмурв. Д. Ворт связывает С. с птицей **Див**. Функции С. неясны; вероятно, они связаны с сакральным числом семь и воплощением семичленного древнерусского пантеона. Характерно, что в некоторых текстах «Куликова цикла» имя С. искажено в Раклий и это божество рассматривается как «языческое», татарское.

Лит.: *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999.

В.И., В.Т.

СЕМИ́К — четверг перед Троицей, у русских день поминовения «заложных» **покойников**, а также неизвестных и ничейных покойников, предшествующий поминовению **предков** в троицкую субботу (см. **Троица, Задушницы**). К С. уже в XVII в. было приурочено погребение погибших, казненных либо умерших от голода и болезней, в скудельницах или убогих домах. В этот день обычно на кладбище устраивали поминки, переходящие в буйство. Во многих местах считалось, что С. установлен в память имен-

но об утопленниках, поэтому в С. от людей требовалось соблюдение запретов, связанных с водой: нельзя было ни мыть, ни стирать, ни полоскать, иначе бы в семье непременно кто-нибудь утонул.

Лит.: *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.

Т.А. Агапкина

СЕ́РДЦЕ — орган человеческого тела, осмысляемый как средоточие эмоционально-чувственной жизни человека, вместилище любви, тоски, веры, страха Божия и т.д. В фольклоре и верованиях в С. насылают огонь, слова, сухоту, тоску, его рассекают топором, поражают обычной или огненной стрелой, распарывают, вырывают из тела, оковывают железными обручами, запирают на ключ, студят и т.д. В русском фольклоре С. обычно именуется *ретивым*, т.е. скорым на гнев и др. движения чувства.

По восточно- и западнославянским представлениям, в С. локализуется **душа**; ср. вологодское: «Душа человека помещается в сердце, а исходит изо рта». Впрочем, С. иногда противопоставляется душе, например, в пословицах: «Сердце — вещун, а душа — мера», «Сердце душу бережет и душу мутит». В западноукраинской и польской традициях люди, рожденные с двумя душами или сердцами, наделяются демоническими свойствами. После смерти **двоедушника** его второе С. продолжает биться, и он становится **вампиром**.

В русских былинах победитель вынимает у своего поверженного противника его С. и печень. Южнославянская **вештица** поедает человеческие сердца; дотрагиваясь чудесной палочкой до груди спящего человека, она вынимает его С. и съедает, после чего тело на груди срастается; человек без С. в будущем обязательно погибает.

По русским поверьям, чтобы лишить **колдуна** силы, следовало поднести **нож** к его С. В Белорусском Полесье, вернувшись после купальского **костра**, женщины собирались в чьей-нибудь хате и всю ночь кипятили в воде тряпочку для процеживания молока; верили, что от этого у **ведьмы** кипит и горит С. По русскому преданию, Степан Разин заключен в **горе** и обречен на вечные муки: к нему летает **змей** и сосет его сердце.

Если колдун продолжал ходить после смерти, русские забивали кол из **осины** ему в спину напротив С. На Карпатах и в Польше разрывали могилу двоедушника, который продолжал вредить после смерти, и С. его пробивали липовым или осиновым колом.

В заговорах-присушках восточных и южных славян любовь насылается в С. как **огонь**, отчего С. должно гореть, таять или кипеть, например: «Как горит щепка в огне, так бы *горело сердце* (имярек) по мне (имярек)»; «Коль жарко в сем горне золотом уголье дубовое, *толь бы жарко таяло сердце* у... рабы (имярек) по мне, рабы (имярек)» (Олонецкая губ., XVII в.); «... так бы обо мне — муже — у красной девицы серцо кипело кровью горечей...» (Пермская губ., нач. XX в.). В заговорах на охлаждение влюбленных, наоборот, ледяной царь студит С. В вятской присушке девушка насылает на мужчину тоску, а потом запирает его С. 12-ю ключами и замками: «Заперла его сердце, а ключи взяла к себе».

В русских духовных стихах в соответствии с Новым Заветом С. осмысляется как орган любви к Богу; оно наполнено *состраданьем, радостью духовной, умилением* и т.п. В причитаниях С. испытывает отрицательные эмоции: оно *болит, дрожит, крушится, обмирает, пугается, щемит,* предчувствует несчастье, ему *тяжелешенько*, его *холодит заботушка*.

Лит.: *Владимирцев В.П.* К типологии мотивов сердца в фольклоре и этнографии // Фольклор и этнография. Л., 1984. С. 204–211; *Никитина С.Е.* Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 26–38.

А.Л. Топорков

СЕТЬ, м р е ж а, н е́ в о д — предмет, обрядовая функция и символика которого определяются наличием переплетений, ячеек и особенно **узлов**. Почитание и ритуальное использование С. известно по древнеславянским источникам с XIII в.

У восточных славян С. часто использовалась в свадебном обряде в качестве оберега. На Русском Севере жених и невеста перед венцом опоясывались по голому телу поясом из невода, сеткой с рыбачьих вентерей или мережкою и так ехали к венцу. Аналогично в южнорусских губерниях, «провожая жениха с невестою в храм для венчания, <...> молодых перепоясывают по брюху сеточкою, снятою с рыбачьих вентерей: к перепоясанным так колдун никогда не прикоснется». В Тихвинском уезде Новгородской губ. нередко весь свадебный поезд опоясывался под рубашкой сеткою. В Олонецкой губ. (Пудожский уезд) молодых вели в отдельное помещение или клеть, и когда те подходили к постели, сватья, которая убирала их, валила их спать и связывала им ноги сетью, «чтобы никто не испортил» (по преданию, «если ворог хочет спортить молодых, то ему надо развязать каждый узелок, а у сети узелков много»), — запись 10-х гг. XX в. Опоясывание сетью в брачном обряде не только предохраняло брачующихся от порчи, но и способствовало деторождению, стимулировало зачатие (ср. **Пояс**).

У южных и западных славян С. использовалась в погребальном обряде. На севере Македонии в районе Скопья ночью умершего покрывают рыбацкой С., чтобы он не стал вампиром, «чтобы не утащил с собой кого-нибудь». У кашубов распространено верование, что тот, кто похоронен с С., «должен сначала развязать все узлы на С., прежде чем вернуться на землю». С такой же мотивировкой пользовались сетью на Русском Севере для избавления от сглаза. На Пинеге при заговаривании «урока» от С. отрезали кусочек и ссучивали его с конопляным волокном «от себя» (т.е. крутя в обратную сторону) и читали слова: «Как от сети узла никто не может ни развязать, ни распустить — ни еретик, ни клеветник, ни завидник, так же бы рабу божию (имярек) никто не мог бы ни испортить, ни изурочить».

В хорватском масленичном обряде по селу ходили группы обнаженных парней, обернутых только в С., несмотря на холодную пору года. И нагота, и С. в данном случае являются способом отгона, отталкивания нечистой силы. С этим обрядом перекликается мотив русской сказки «Мудрая дева» из собрания А.Н. Афанасьева. Царь, обращаясь к мужику, задает деве задачу-загадку: «Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка». Мудрая дева-семилетка поутру сбросила с себя всю одежду, надела на голое тело С., в руки взяла перепелку, села верхом на зайца, приехала во дворец, протянула царю перепелку: «Вот тебе государь, подарочек». Перепелка вспорхнула и улетела.

Иная символика С. (невода) характерна для славянской книжной, христианской традиции. Она базируется на евангельском эпизоде встречи Христа с братьями-рыболовами Симоном, называемым Петром, и Андреем, закидывавшими С. в Галилейское озеро. Увидав братьев, Христос сказал: «Идите со мною, и я сделаю вас ловцами человеков». И они тотчас, оставивши сети, последовали за Христом (Мф. 4:18–20; Лк. 5:1–11). Таким образом, если в фольклорной традиции С. является предметом-оберегом и выполняет функцию отталкивания нечистой силы, то в христианской, книжной традиции это символ силы притягательной, обращающей людей к добру, к правде Божией. В известном инициале новгородской Флоровской псалтыри XIV в., хранящейся в Российской национальной библиотеке в Петербурге, изображаются два рыбака, держащих С. (мрежу), которая внизу завязана узлом и наполнена рыбой. Этот рисунок как бы иллюстрирует евангельский эпизод о братьях-рыбаках, будущих апостолах Петре и Андрее.

Любопытные образцы переплетения христианской и народной символики С. находим в карпатском обряде и веровании, записанном Иваном Франко. В районах Дрогобыча, Стрыя и Коломыи женщины, вытаскивая коноплю из воды, одно перевясло бросали по течению воды. Это делалось потому, что «Божья Мать ловит эти перевясла, сушит их, треплет, прядет и из выпряденных ниток делает сети. Перед Страшным судом эти сети

она будет три дня забрасывать в пекло: того, кто сравнительно мало грешил, она вытащит из пекла». Аналогичный мотив отмечен на Балканах, в центральной Боснии: Богородица из свечей, зажигаемых за души покойников, плетет большую С. и забрасывает ее в ад; в аду тот, кто не очень грешен, хватается за эту С. и таким образом выбравшись из ада, отправляется в рай.

Лит.: *Толстой Н. И.* Этнографический комментарий к древним славяно-русским текстам. 1. Сеть (мрежа) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.

Н.И. Толстой

СИРОТА́ — воспринимается как лицо социально и ритуально ущербное. Тяжкая участь и беззащитность С., лишенного опекунов и защитников, отмечается в пословицах (например, «Житье сиротам — что гороху при дороге, кто мимо идет, тот и урвет»; «В сиротстве жить — день деньской слезы лить»), в похоронных плачах и свадебных причитаниях невесты-С. Заключая брак, жених-С. обычно «шел в приемыши», т.е. поселялся в доме у тестя и занимал зависимое положение.

Как и **нищий**, С. считался обделенным, лишенным **доли**, а поэтому не мог участвовать в семейных обрядах, чтобы не распространить свою обездоленность на окружающих и на саму обрядовую ситуацию. С. не допускается к участию в свадебном обряде. Например, у болгар в обряде бритья жениха, предваряющем свадебную церемонию, в роли брадобрея не мог выступать С. У сербов муку для свадебного каравая должна просеивать девушка, у которой живы оба родителя. Следили, чтобы мальчик, участвующий в некоторых этапах свадьбы, не был С. В Болгарии С. не могла присутствовать в послеродовом обряде, в котором на третий день после родов чествуют духов судьбы **орисниц**. С. не принимал участия и в некоторых календарных обрядах, исполняемых ради плодородия и правильного течения жизни. В Болгарии в день св. Германа, празднуемого для предотвращения града, куклу, изображавшую Германа, изготавливали в том доме, где живы оба родителя. В Сербии запрещалось С. разжигать первый огонь в новом доме.

С., не имея опеки среди людей, получал ее от Бога, забравшего у него родителей, но за это предоставившего С. свое особое покровительство (ср. пословицы: «За сирого и вдового сам Бог на страже стоит», «Дал Господь сиротинке роток — даст и хлеба кусок», «За сиротою сам Бог с калитою»). Имея покровительство в сакральном мире, С. мог обращаться туда за помощью. В частности, невеста-С. перед венчанием приходит на могилу своих умерших родителей, чтобы попросить у них благословения и опеки. С., как и нищий, имел статус посредника между миром людей и «иным» миром. Слово С., как и слово нищего, быстрее доходит до Бога. Поэтому помощь, оказываемая С., считалась богоугодным делом и уравнивалась в глазах общества с помощью вдове, подаянием нищему, деньгами, отдаваемыми на церковь, и осмыслялась как Божья доля, которая должна была обеспечить дающему после смерти прощение грехов и достойное существование в загробном мире, а при жизни — удачу в делах. Например, при засеве земледелец просил Бога уродить хлеба «на всякую долю, на нищую долю, на сиротскую долю...»

Связь с миром предков повышала ритуальный статус С., и определяла его участие в обрядах. В Болгарии в день св. Лазаря во время ритуального обхода девушками-**лазарками**, просят девочку-С. покружиться с куклой Лазаря, чтобы велись пчелы, ягнята и телята. В сербском и болгарском обрядах вызывания дождя девочку-С., называемую **пеперудой** или **додолой**, украшают зеленым ветками и водят по селу.

Предвестием сиротства в сновидениях считался сон о роящихся пчелах.

Лит.: *Трофимов А.А.* Убогий сирота // Живая старина. 1999. № 1. С. 25–26.

Е.Е. Левкиевская

СИ́ТО, р е ш е т о́ — предметы домашней утвари, воплощающие идею богатства, плодородия и изобилия. Использу-

ются в ритуалах как символ неба и как вместилище даров, в народной медицине играют роль оберега и роль оракула — в гаданиях.

В южнославянских традициях многократно обыгрывается связь названия сита со словами, обозначающими «сытость»; ср. болгарское благопожелание: «Дайте ситото, да е сита годината», т.е. «Дайте сито, чтобы был сытый год». В Болгарии при первом кормлении ребенка грудью повитуха держала над матерью С. с кусочком хлеба, чтобы дитя всегда было сыто. Аналогичным образом в Сербии клали первый хлеб в С., чтобы была «сита година».

Одно из наиболее устойчивых и архаических значений С. и решета основано на их уподоблении небесному своду; ср. русские загадки «Сито вито, решетом покрыто» (небо и земля), «Из-под липова куста бьет метелица густа» (муку сеют), а также названия мелкого дождя: русское *ситник, ситовник, ситуха*, серб. *ситна киша* и т.п. По поверью Житомирского уезда, радуга «тянет воду из моря на небо; на небе устроено как бы решето, но оно всегда задвинуто; когда радуга натянет воды, оно отодвигается и идет дождь». Белорусы Слуцкого уезда полагали, что вода просеивается через облака, как сквозь С., иногда облака разрываются и тогда дождь льет как из ведра. Поверье о том, что туча пропускает воду через свои поры, как через С., отмечалось также у украинцев Подольской губ., в Прикарпатье, Болгарии и имеет параллели у др. народов мира. В связи с этим у восточных и южных славян лили воду через С., чтобы вызвать дождь, а в Гомельской обл., наоборот, переворачивали решето, стремясь остановить дождь.

Восточные и южные славяне наделяли целебными свойствами и использовали в народной медицине воду, пролитую через решето. В Полесье с лечебными или профилактическими целями поливали водой через решето ребенка или домашних животных; брызгали через решето воду на корову и теленка после отела; от испуга обмывали ребенка водой, пропущенной предварительно через перевернутое решето, и давали ребенку попить ее; трижды обходили больную корову, поливая вокруг нее водой через решето; при эпидемии или эпизоотии таким же способом поливали улицу. В Вологодской губ. в Великий Четверг брызгали через решето воду на овец, «чтобы в заборах дыры казались им меньше». В Курской губ. при детской болезни «сушец» сажали на окно под решето кошку и над решетом купали ребенка; считалось, что болезнь перейдет на кошку и та издохнет, ребенок же останется в живых. В Черногории ребенка, больного лихорадкой, обливают на перекрестке водой через решето; считается, что болезнь перейдет на того, кто первым пройдет по этой дороге.

Мотив ношения воды решетом известен в сказках и песнях. С особой устойчивостью он встречается в сказке о мачехе, ее дочери и падчерице. В сказке из Тульской губернии мачеха прогнала падчерицу из дома, и та нанялась к Бабе-яге: «Баба-яга дала ей решето, да и говорит: ступай топи баню и воду этим решетом таскай. Она затопила баню, стала воду таскать решетом. А сорока прилетела: „Чики-чики, девица — глинкой, глинкой!“ Она замазала глинкой, насилу натаскала». Когда Баба-яга дает то же задание мачехиной дочери, та прогоняет птичку, которая хотела дать ей добрый совет. Верование в то, что в награду за целомудрие дается чудесная способность носить воду решетом, известно не только в Европе, но и в Индии и является индоевропейской древностью.

Ношение воды решетом и литье воды через него известны не только как фольклорные мотивы, но и как ритуальные действия. Так, например, в Полесье утром после свадьбы молодую в шутку посылали принести воду решетом; на свадьбе лили воду через решето на землю, «чтобы все велося, родилося». В Вятской обл. с помощью решета унимали тоску; для этого лили воду через решето со словами: «Как на решете вода не держится, так бы у меня, рабы Божьей (имя), по рабу Божьему (имя) тоска не держалась».

В севернорусских причитаниях при описании гроба — посмертного жилища упоминается о том, что в него «решетом

свету наношено». Этот мотив возводится к легенде, известной в русских и украинских пересказах: когда люди построили первый дом, они забыли проделать в нем окна и пытались, выйдя на улицу с решетом, поймать в него солнечный свет и наносить его в жилище.

У всех славян известно гадание с решетом о воре: подвешивают решето на ножницах или на веревочке и произносят имена подозреваемых; считается, что оно начнет поворачиваться тогда, когда произнесут имя преступника.

С. и решето фигурируют во многих пословицах и фразеологизмах. У всех славян об опытном человеке говорили, что он «прошел сквозь сито и решето»; о различном отношении к новым и старым вещам — «новое ситце на колку нависится, а старое и под лавкой наваляется»; о бессмысленном времяпрепровождении — «носить воду решетом» и т.д.

Лит.: *Stojković M.* Sito i rešeto u narodnom vjerovanju // Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena. 1929. Knj. 27. S. 43–53; *Топорков А.Л.* Почему «решетом свету наношено»? // Русская речь. 1985. № 1. С. 121–123; *Его же.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. М., 1990. Вып. 2. С. 67–135; *Цивьян Т.В.* Об одном образе румынского мифологического словаря // Philologia slavica. М., 1993. С. 220–225.

А.Л. Топорков

СКОТОВО́ДСТВО — основное (после **земледелия**) традиционное и наиболее ритуализованное занятие славян. Практически все календарные обычаи, связанные с земледелием, включают ритуальные действия, связанные с плодородием и благополучием скота (в том числе кормление ритуальными блюдами и т.п.). К специализированным скотоводческим праздникам относятся первый **выгон скота** (на Егорьев день), лошадиный праздник (день свв. Флора и Лавра, день св. Тодора у южных славян; см. **Конь**), коровьи именины (на день св. **Власия**; ср. **Корова**), свиной праздник (день св. Василия Кесарийского) и др. Соответственно покровителями С. считаются свв. **Георгий**, **Николай**, **Власий**: последние предположительно заменили в народной традиции языческого скотьего бога — **Волоса**. Специальные обряды совершались в связи со случкой, отелом, куплей-продажей, доением, забоем скота, стрижкой овец и т.п. В обрядах, связанных с выпасом скота, особую роль играла мифологизированная фигура **пастуха**. Магическим путем стремились предохранить скот от болезней (ср. **Коровья Смерть**, **Опахивание**), от диких зверей, нечистой силы, особенно **домового**, **ведьмы** и др. Сами домашние животные наделялись символическими свойствами — воплощали богатство, плодородие и считались одновременно хтоническими существами (конь, **коза** и др.), связанными с «тем светом»; использовались как жертвенные животные (ср. **Жертва**, **Курбан**).

Лит.: *Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994.

В.П.

«СЛА́ВА» — сербский праздник в честь патрона-покровителя дома, села, рода, церкви или профессиональной деятельности, имеющий прямые соответствия у других балканских славян — македонцев (*слава, служба*), болгар (*служба, слуга, светец, обрук, курбан* и др.); ср. **Курбан**. Во многом аналогичен русским **братчинам**. В этот день обычно запекают жертвенное животное, готовят специальный обрядовый хлеб, устраивают трапезу, во время которой произносят благопожелания, направленные на процветание дома, хозяйства и пр.

А.П.

СЛЁЗЫ, п л а ч — в народной традиции не только естественное выражение горя, печали, боли, обиды, но и форма ритуального поведения. Обязательным считалось оплакивание умершего: неоплаканный покойник мог, по поверьям, превратиться в **вампира**. Сербы, если случалось, что кто-либо из семьи погиб на войне, пропал без вести или умер да-

леко от дома, совершали оплакивание над его **одеждой** или другими принадлежавшими умершему предметами (например, оружием); так же поступали в поминальные дни. Верили, что неоплаканный покойник не получит на том свете отпущения грехов («слезы смывают грехи»); что он не будет помогать оставшимся на земле родственникам, если они не оплакивают его (восточные славяне); что чем дольше плачут по покойнике, тем меньше он будет мучиться на том свете. Вместе с тем обычно строго следят за тем, чтобы С. не упали на покойника: от этого он «будет мокрым» или «ему будет тяжела земля». Известны и запреты на С., например нельзя, по распространенным представлениям, оплакивать ребенка (особенно первого), иначе он будет на том свете «купаться в слезах»; чрезмерный плач по умершему приводит к тому, что его могила наполняется водой, «гроб плавает в воде» и т.п. (об этом он часто сам сообщает, являясь родственникам во сне). Плач регламентируется во времени и пространстве: нельзя плакать ночью (после захода солнца), нельзя плакать после погребения и возвращения с кладбища домой; ср. у западных украинцев предостережение: «не звертай плач до дому».

Плач может быть способом общения с обитателями загробного мира. В погребальных плачах принято обращаться к умершим с просьбой принять к себе нового члена, позаботиться о нем, а также обращаться к только что умершему с просьбой передать на тот свет сообщения и приветы ранее умершим родственникам. На Псковщине известен обряд «плача с кукушкой»: женщины, потерявшие своих близких, дожидались летом прилета кукушки — посланницы с того света, уходили в поле или в лес и выплакивали ей свое горе и скорбь, передавали свои чувства и послания на тот свет.

Плач невесты — необходимый элемент свадебного обряда у восточных славян (особенно у русских). Со слезами невеста прощалась с родителями, родным домом, со своими подругами, с девичьей волей.

Среди календарных обрядов ритуальный плач встречается редко. Известен, однако, старинный русский троицкий обычай «плакать на цветы», который упомянут Пушкиным в «Евгении Онегине», где сказано о патриархальной семье Лариных: «В день Троицын, когда народ, зевая, слушает молебен, умильно на пучок зари они роняли слезки три»; ср. также у Есенина: «Я пойду к обедне плакать на цветы». В с. Новопанском Рязанской обл. до сих пор в Троицын день женщины утром идут к обедне с травой, которая должна быть оплакана; ее сохраняют во время обедни и с нею же идут к вечерне. На вечерне, становясь на колени, прижимают ладонями траву к лицу и плачут. В Подмосковье во время троицкого молебна девушки старались уронить несколько слезинок на пучок мелких березовых веток; этот пучок тщательно сберегали и считали залогом того, что в это лето не будет засухи.

С. уподобляются **дождю**. В полесском обряде вызывания дождя женщины обращались к мифическому Макарке с призывом: «Макарко, сыночек, вылезь из воды, разлей слезы по святой земле!». В духовном стихе о Голубиной книге говорится, что «дробен дождик от слез Божиих; роса утренняя и вечерняя от слез царя небесного, самого Христа». В польских сказках небесные девы плачут и идет дождь, превращающийся в три реки; в болгарских загадках дождь — Богородицына слеза; по старым русским представлениям, дождь — это С. святых, плачущих о бедах и грехах человеческих. В фольклоре часто плачет сирота, мать, потерявшая ребенка или расставшаяся с ним, плачут дети, старики, разлученные влюбленные; в сказках и легендах плачут животные, небесные светила, реки и моря, горы и тучи; плачет Христос-дитя, предвидя свою судьбу, плачет Богородица над гробом своего сына, плачет весь мир в час смерти Христа.

Лит.: *Толстой Н.И.* «Плакать на цветы». Этнолингвистическая заметка // Русская речь. 1976. № 4; *Толстая С.М.* Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и голоса в традиционной культуре славян. М., 1999; *Тульцева Л.А.* «Умильно на пучок зари...» (К реконструк-

ции одного из пушкинских образов *милой старины*) // Этнографическое обозрение. 1999. № 3.

С.Т.

СМЕРТЬ — одно из главных понятий мифологической картины мира, противопоставленное понятию жизни; момент перехода человека из этого мира на «тот свет», в потусторонний мир; граница между ними и одновременно — основное содержание и характеристика того света. С. неизбежна, предопределена судьбой, но время и обстоятельства своей С. человеку знать не дано. Люди, однако, стремились угадать срок своей С. с помощью разных примет. С. предвещают многие сны: выпадение зуба, белые одежды, белый конь, дом без окон, яйцо, встреча с умершим родственником и многие др.; необычайные или редкие явления: собака долго воет, курица поет петухом, птица бьется в окно, крот роет под домом, кукушка «вещает», ворона каркает, стены или пол в доме трещат, звезды падают с неба и т. п. Иногда люди пытались предотвратить С., избежать ее, обмануть или отсрочить.

Кончина, момент «расставания души с телом» требует, по народным представлениям, специального обрядового оформления, без которого переход души в иной мир затруднен или невозможен и она обрекается на вечное скитание.

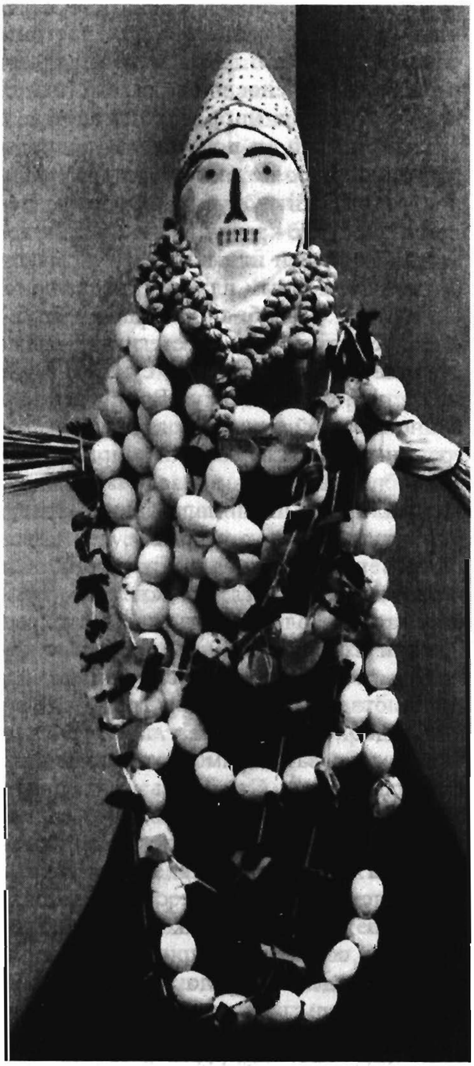
Во время кончины появляется, приходит за душой какое-то мифическое лицо — Смерть, Бог, архангел Михаил, святой. По верованиям восточных славян, ангел и черт в момент агонии борются за душу умирающего и кто из них победит, тот и берет душу. Считается, что легко умирают праведники, а тяжелой С. наказываются грешники, колдуны, которые не могут умереть, пока не передадут свое знание.

К обязательным элементам обряда при кончине относятся: прощание умирающего с близкими, исповедь, зажжение свечи, «карауление» души. Строго соблюдается тишина, запрещается плакать и причитать, чтобы не спугнуть, не сбить с пути душу. Самым большим наказанием считается С. без покаяния и без свечи: покойник будет блуждать во тьме, станет вампиром и т.п. Свечу, освященную на Сретение, в Страстной четверг или на Крещение, дают в руку умирающему или ставят в изголовье в чашку с зерном или мукой.

Чтобы облегчить агонию, совершали разного рода магические действия: перекладывали умирающего на пол, часто на солому, клали его вдоль матицы, к двери, за печь, переносили в стодолу (овин), переворачивали ногами в изголовье и т.п.; вынимали из-под головы подушку («куриное перо не дает умереть»), клали под голову житную или гороховую солому, снопик с крыши, веник, моток нестираной пряжи или полотна; укрывали белым или черным платком, пасхальной скатертью, свадебной одеждой. Чтобы «пропустить душу», расстегивали одежду, отворяли окна, двери, сундуки, снимали печную заслонку. В случае особенно тяжелой агонии (колдуна, знахаря, грешника) просверливали дыры в потолке или в стене, вбивали в потолок вилы или кол, поднимали балку-матицу, разбирали потолок и крышу, печь; звонили в колокол; обливали, кропили и поили водой — «святой», «немой» (принесенной в молчании), дождевой с крыши или из дорожной колеи, водой с колокола, с каменного креста или иконы; поили отваром, настоем из трав, из зелени свадебного венка и т.п. Окуривали ладаном, травами, дымом от оставшихся на берде ниток. Старались не говорить об умирающем, считая, что чем меньше людей знает о нем, тем легче ему умереть. Согласно верованию, в момент кончины гаснет или падает с неба звезда. Кончина понимается как «второе рождение», а сопровождающий ее обряд во многом сходен с обрядом родов.

Совершаемый над умершим погребальный обряд (обмывание, облачение, отпевание, оплакивание, погребение, поминание, траур) не только обеспечивал беспрепятственный переход души из области жизни в область С. (ср. открывание дверей, окон, выливание воды из сосудов и т.п.), но и защищал живых от последствий соприкосновения со С. (ср. такие действия, как закрывание глаз, завешивание зеркала, ночное бдение при покойнике и т.п.). Нарушение или не-

полнота обряда грозили, по народным представлениям, «возвращением» покойника, превращением его в вампира или возвращением смерти в дом, село (см. **Похороны**).



Чучело смерти (*Smrtka*), с которым дети на Смертной неделе (5-я неделя Великого поста) ходили по деревне, а потом сжигали его или бросали в воду. Южная Моравия, окрестности г. Брно. Раскрашенная фигура украшалась скорлупой пустых яиц

Несмотря на опасность, момент С. мог считаться благоприятным для некоторых хозяйственных дел. Так, в Полесье старались, пока мертвец не погребен, посадить тыкву или другие овощи, считая, что в этом случае они хорошо уродятся. Предметам, использованным в погребальном обряде (платку, которым подвязывали покойнику челюсть; шнурку, которым были завязаны его ноги; иголке, которой шили саван и подушку; полотну, на котором опускали гроб в могилу, и т.д.), часто приписывалась магическая и целебная сила.

Персонифицированная Смерть в виде костлявой и безобразной старухи с косой является героем многих народных рассказов, быличек и сказок; в календарных обрядах С. — персонаж ряжения, а также чучело, уничтожаемое во время карнавальных похорон; ср. **Марена**.

С.М. Толстая

СМОТРЕ́ТЬ — действие, играющее символическую роль в похоронном и свадебном обрядах, при гаданиях, общении с душами умерших и с персонажами народной демонологии, в народной медицине. Взгляд осмысляется как материальный контакт, устанавливающий магическую связь между человеком и явлением природы, предметом либо его символической сущностью. При этом взгляд представляется чем-то отчуждаемым от человека; он воплощает его страх или тоску и позволяет избавиться от них: отправить в мир смерти и запереть там (см. **Голос, Душа, Тень**). При выносе покойника из дома или по возвращении с кладбища у восточных славян дотрагивались до **печи** или заглядывали в нее, чтобы не бояться покойника. Русские Владимирской губ., придя с похорон домой, грели в печи руки или, открыв заслонку, смотрели на чело и на кирпичи, или шли к печи задом и смотрели в нее. В Нижегородской губ. при выносе покойника заглядывали в печь дети, девушки и женщины. На Новгородчине, вернувшись с кладбища, заглядывали в печь и в подполье со словами: «Ух, нету!» При выносе гроба остающиеся дома дети смотрели в печку, засунув в нее голову, чтобы не видеть покойника и самим не умереть скоро.

По поверью белорусов Слуцкого уезда, если в хате лежит больной, то нужно, входя в нее, сначала посмотреть на печь, а потом на красный угол, чтобы болезнь не пристала к вошедшему. Украинцы Ровенской обл. заглядывание в затопленную печь рекомендовали как лечебное средство от детского испуга. В Вологодской губ. молодая, приехав после венчания в дом молодого, смотрела на печь или печной столб и затем трижды обходила с мужем вокруг **стола**, что знаменовало собой ее приобщение к новому дому. С другой стороны, на Украине не позволяли, чтобы молодая, входя в дом жениха, заглядывала в печь. На Подолье в это время возле печи как можно теснее становились бабы и своими телами закрывали ее отверстие. Полагали, что если невеста посмотрит в печь и скажет про себя: «Велыка яма, сховается тато и мамо», то родители жениха скоро умрут. Таким образом, заглядывание в печь осмысляется, с одной стороны, как способ освободиться от нежелательных переживаний, отправив их на «тот свет», а с другой стороны — как способ воздействия на мир смерти.

На Украине по возвращении с кладбища заглядывали не только в печь, но и в пустую **дежу**, чтобы умерший «не стоял в очах», чтобы не тосковать и скорее забыть свое горе. По поверью, бытовавшему на Коростенщине, чтобы забыть покойного, следовало после того, как его вынесут из хаты, приоткрыть крышку дежи, заглянуть в нее и сразу же снова закрыть. Смысл этих действий заключается в том, чтобы замкнуть, запереть свой взгляд в деже. По белорусскому поверью, если в дежу заглянет мужчина, то у него перестанет расти борода; если же девушка, то она сама станет расти пышно, как поднимающееся тесто.

При гадании смотрят в воду или в **зеркало**, что позволяет открыть границу между миром обыденным и сверхъестественным и заглянуть в будущее. В то же время установление контакта с иным миром опасно и для самого гадающего и требует соблюдения ряда предосторожностей. Так, например, в Пошехонье девушки под Новый год гадали у проруби на реке: зажигали свечку или лучину и внимательно смотрели в воду, где должен был показаться суженый. По поверью, суженый мог утащить гадающую в воду; поэтому, увидев его образ в воде, девушки должны «чураться», т.е. говорить: «Чур меня!»

Чтобы увидеть домового, лешего, распознать ведьму, смотрели на них через борону, замочную скважину, иные отверстия. Заключение существа, находящегося на расстоянии от человека, в магический круг призвано было выявить его истинную сущность.

Особый вид контактов с иным миром связан с запретом смотреть; ср. русское гадание, при котором девушка с закрытыми глазами ищет на улице дежу, поиски во дворе сорока щепок с зажмуренными глазами в день Сорока мучеников и т.п. См. **Глаза**.

А.Л. Топорков

СНОВА́НИЕ — этап ткаческого производства, создание основы, т.е. продольных нитей будущего полотна. В народном сознании символически связывается с созданием (основанием) мира Богом (ср. полес. «свет сновался», «Адам и Ева засновались»), откуда проистекают запреты сновать в понедельник (первый день творения), в субботу (когда свет уже был создан), работать или оставлять неоконченную основу на ночь (время активности нечистой силы, антагонистов Бога) и в некоторые праздники. Способ С. — многократные проходы нитей туда и обратно — отождествляется с символическим закрыванием, преграждением, в связи с чем запрещалось сновать в поминальные дни, чтобы не преградить дорогу душам умерших, которые приходят на землю, на Русальной неделе (время появления и жизни на земле русалок); не разрешалось работать в праздники, особенно в **Благовещение**, чтобы не «засновать» дождь и не вызвать засуху; на **святках** (чтобы не повредить потомству, чтобы не бегали волки), и др. Также регламентировалось снование в различные дни недели, в зависимости от фазы месяца, времени суток. Во время С. соблюдалось множество оберегов и запретов, избегали присутствия во время ра-

боты посторонних. С готовой основой совершали магические действия, направленные на удачное завершение тканья: поднимали основу вверх (чтобы лен рос высоким), садились на нее (чтобы полотно «садилось», было плотным), били ею об лавку и т.п.

М.М. Валенцова

СОБА́КА — животное, наделяемое в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями и часто выступающее в паре с кошкой.

С. и кошка как домашние животные метафорически соотносятся с парой диких зверей — волком и медведем. С. выступает символическим соответствием волку. Волка считают собакой лешего, св. Георгия или св. Саввы. Соотнесенность С. и волка проявляется в сербской легенде о сотворении С. Богом, а волка — дьяволом. Наряду с известными быличками о заклятии колдуном человека на определенный срок в волка существуют аналогичные рассказы и о заклятии человека в С. Сходство обнаруживается и в оберегах от волка и от С. при встрече с ними.

Пара С. и кошка фигурирует во многих словесных формулах, в поверьях, легендах и т.п. Например, для отвращения от себя сглаза и порчи произносят заклинание: «На пса уроки — на кота помысл» (у русских), «На пса сглаз, на кота чахотка» (у поляков). С. и кошка сопоставляются по принципу мужской — женский, например в русской поговорке: «Кошка да баба в избе, мужик да собака на дворе». В белорусской корильной песне с бесхвостым псом сравнивают холостого мужчину, а по русскому поверью, тот, кто любит кошку, будет жену любить. Русские говорят: «Собака обжора, а кошка сластена»; «Собаку можно целовать в морду, а не в шерсть, кошку — наоборот».

С. и кошка часто объединяются или, наоборот, противопоставляются друг другу в представлениях о чистоте или нечистоте этих животных. Русские, например, считают: «Собака не то, что кот, животное нечистое». При этом распространен взгляд на С. как на друга человека. У болгар С. благословенное животное, а кошка — проклятое: С. плачет, а кошка радуется смерти хозяина; С. заливает водой огонь, который кошка в аду раздувает под его котлом.

Символическая амбивалентность С. и кошки и двойственность отношения к ним проявляется в наделении их как божественными, так и дьявольскими чертами. Характерна в этом отношении роль С. в русских легендах: по одной, она создана Богом из грязи, которой дьявол обмазал сотворенного Богом человека, чтобы охранять человека от дьявола; по другой — была стражем на границе ада и рая. Происхождение как С., так и кошки связывается с божественной рукавицей. В болгарской легенде С. стала рукавица, брошенная Богом. По мнению украинцев, С. и кошке нельзя есть освященного в церкви, иначе они сдохнут, ослепнут или уйдут из дома и одичают. Однако у поляков на Пасху им дают освященного хлеба. Распространены поверья об обращении ведьмы в С. и кошку, о появлении черта и вампира в собачьем и кошачьем обликах. У некоторых восточных славян в образе С. или кошки, особенно черных, персонифицировалась **Коровья Смерть** или холера. Кроме того, облик С. может принимать водяной, полевой, банник и др. При этом С. — обычная или отмеченная особыми признаками (первородная, родившаяся в субботу, черная, «четырехглазая», т.е. с пятнами над глазами) — обладает способностью видеть нечистую силу и отпугивать ее.

С. и кошка имеют отношение к грому. Русские верят, что черные С. и кошка оберегают дом от молнии, но и считают опасным присутствие их в доме во время грозы. Поляки и македонцы выгоняют С. и кошку из дома во время грозы, полагая, что они притягивают молнию и что они тем опаснее, чем длиннее у них хвосты. Подобные воззрения обусловлены способностью черта обращаться в этих животных.

С. и кошку роднят и черты домашнего покровителя, сближающие их с лаской. Украинцы отождествляют с лаской последнего, тринадцатого щенка в

помете, который после того, как женщина целый год держала его у себя за пазухой, становится злым и способным защищать от ведьмы. По польскому поверью, черные С., кошка и петух, живущие мирно друг с другом, оберегают дом от нечистой силы, по русскому — от грозы и вора. Украинцы верят, что счастье в дом приносит приблудная С. У восточных славян нередки рассказы об обращении домового в С. В таком виде его можно увидеть в углу двора на Пасху. Выбор масти скота, определяемый чаще всего домовым или окраской ласки, диктуется иногда и цветом шерсти С. или кошки: какой масти С. или кота встретит хозяин во время обхода своей усадьбы в Чистый четверг, такой масти следует держать скот (у украинцев). Под основание дома закапывают живых С. и кошку той масти, какой желают иметь скотину (у русских). Домовой в виде большой С., увиденный на чердаке после пасхальной заутрени, сам говорит, какой масти скотину нужно держать (у украинцев).

Вытье С. в приметах предвещает смерть, мор, болезнь, голод, войну, пожар, кражу, нищету.

А.В. Гура

СОВÁ — зловещая нечистая птица, символ одинокой, безбрачной женщины.

В С. видят воплощение черта. Поляки верят, что она произошла из черта, поэтому не выносит дневного света, а живет вечно. По представлениям поляков и сербов, в С. нередко оборачиваются ведьмы.

Для народных представлениий о С. характерен мотив смерти. У поляков отмечено поверье, что С. днем мертва и оживает только в темноте. Повсеместно своим появлением возле дома С. предвещает смерть. Смертоносным считают и крик С., передаваемый возгласами «поховай!» (похорони!) (у украинцев), «отправляйся в ямку на церковный погост!» (у поляков), «сдохни!» (у чехов) и т.п. Известны поверья о С. как воплощении души умершего, часто некрещеного ребенка. Своим криком С. скликает души умерших (у поляков), выманивает детей из дома и лишает их жизни (у сербов). С., охраняющие клады, являют собой души давних владельцев зарытых сокровищ (у поляков).

Крик С. воспринимается и как предсказание рождения ребенка: «ку-гу!» (подражание детскому плачу) (у белорусов), «вродив!», «сповий!» (спеленай!) (у укранцев), «колыхай, баюкай!» (у поляков). Образ новорожденного в связи с С. возникает и в некоторых белорусских жатвенных песнях (жницы призывают друг друга ловить С. в жите, объясняя это желанием иметь плачущего младенца).

Тема враждебного отношения к С. других птиц, ее неприятия и преследования ими разрабатывается в ряде легенд и поверий. С. по ночам скрывается от позора, чтобы избежать насмешек птиц из-за того, что она хвасталась красотой своих детей (у поляков); боится мести птиц за то, что не вернула одолженные у них перья (у хорватов, белорусов). Птицы гоняют С. за то, что она разбойница (у поляков), за то, что она ленилась готовить дары на свадьбу и крала их у птиц (у сербов), за то, что она опоздала на птичью свадьбу и опозорилась на ней (у поляков).

По-иному мотив одиночества С. выражен в болгарских легендах (в виде разлуки с братом): в результате материнского проклятия за невыполненную просьбу принести воды брат и сестра стали филином и С., которые могут лишь слышать друг друга, но никогда не могут увидеться. В сочетании с женской символикой мотив одиночества выступает применительно к С. как признак безбрачия. С. предстает как символ женщины безбрачной (вдовы, старой девы) или распутной (неверной жены, распутной девицы). У русских С. ассоциируется прежде всего со вдовой. «Совушка — вдовушка бедокурная», — гласит поговорка. Образ С. присутствует в свадебном величании вдовы. В шуточных песнях о выходе С. замуж к ней обращаются как к вдове. Вдовство предвещает у белорусов крик С., передаваемый возгласом «астань сама!» Одинокую жизнь предвещает и сон о С. Крик С. и некоторые подблюдные песни о С. сулят рождение внебрачного ребенка у вдовы или де-

вушки. Белорусское бранное выражение «сава смаленая» адресуется девушке, родившей до брака.

Образ С. развивает и эротическую символику. Совой у русских называли распутную, «корчемную» женщину. В польских загадках С. прямо соотносится с женским половым органом: «Между двумя ногами крутит сова усами»; «Летит сова из Макова, а из задницы у нее капает». В украинских эротических анекдотах С. является свидетельницей любовной связи жены, изменяющей мужу, и вцепляется в гениталии. Мотив прелюбодеяния в неявном виде присутствует в некоторых магических действиях, связанных с С.: чтобы жена ничего не могла утаить от мужа, муж прикладывает к правому боку спящей жены сердце С., тогда она скажет всю правду. Брачно-эротическая символика присуща образу С. и в свадебном обряде. Например, в украинских песнях, исполняемых перед брачной ночью, С. символизирует невесту. В шуточных песнях пару невесте сове часто составляет воробей.

Как и другие хищные птицы, С. наделяется отвращающими свойствами и находит применение в качестве оберега. У лужичан С. прибивают к дверям дома, чтобы отвратить от него болезни и несчастья, у поляков — к воротам овина для устрашения мышей, у украинцев С. вешают в конюшне, чтобы домовой не мучил лошадей.

Образ С. как вдовы, одинокой, безбрачной женщины обнаруживает родство с образом **кукушки**. С. и кукушка — обе изгнанницы и вынуждены скрываться от птиц. С кукушкой С. сближают также некоторые сходные названия (у болгар) и имитация их крика (ср., например, крик С. «ку-гу!»).

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 568–586.

А.В. Гура

СÓЛНЦЕ — небесное светило, почитавшееся славянами как источник жизни, тепла и света.

В древнерусском языческом пантеоне солнечную природу имели **Хорс**, **Дажьбог** и **Сварог**, причем в поучениях против язычества огонь называли Сварожичем, т.е. сыном Сварога, а Дажьбог в «Повести временных лет» отождествлен с С. и также назван сыном Сварога. Древнерусские проповедники призывали не называть С. и огонь богами. В «Слове о том, како погани суще языци кланялися идолом» поклонение небесному огню — С. объясняется тем, что он творит «спорынью» и способствует созреванию зерна: «Огнь творит спорыню, сушит и зреет. Того ради окааньнии полуденье чтуть и кланяются, на полъдень обратившеся». Причинами солнечных **затмений** у всех славян считалось то, что на С. напали демоны (волколак, **хала**, летающий **змей** шаркань и др.), С. столкнулось с месяцем, его украли ведьмы, колдуны или дьяволы.

Народные представления о С. и **свете** испытали влияние церковно-книжной традиции. Византийская и древнерусская гимнография уподобляла Христа «праведному солнцу», а христианство — исходящему от него свету. Иисуса именовали также «незаходимым», «истинным», «разумным», «мысленным» солнцем, а иногда и «Богом-солнцем». В древнерусской литературе и в былинах с С. метафорически сближали князя (*Владимир Красное Солнышко*), а в песнях и причитаниях XIX в. «светлое» или «красное солнышко» — это родственник или просто любимый человек.

В фольклоре С. называли ясным и красным, светлым и святым, добрым и чистым. Во многих славянских традициях солнцем клялись или упоминали его в проклятиях. Оно предстает как разумное и совершенное существо, которое или само является божеством, или выполняет Божью волю. В народных представлениях С. — это лицо или око Бога либо оконце, через которое Бог смотрит на землю. По украинским поверьям, С. — это колесо от той колесницы, на которой ездит по небу **Илья**-пророк, а по другой версии, С. поднимают на своих крыльях ангелы Божьи.

В славянских поверьях С. следит с неба за делами людей и вечером рассказывает о них Господу. В полдень и перед тем, как опуститься за горизонт, оно не-

много замедляет свой ход и отдыхает. По преданию, после распятия Христа С. от горя остановилось на небе и не заходило трое суток. У всех славян известно поверье об игре солнца: на восходе в день Ивана Купалы, на Пасху или в другие праздники С. переливается разными цветами или подпрыгивает. На Пасху оно радуется воскресению Христа, а на Ивана Купалу — купается в воде (полес.).

В славянском фольклоре С. может персонифицироваться как в женском, так и в мужском образах. В сказках оно живет там, где земля сходится с небом, имеет мать и сестру, похищает себе жену у людей; к С. отправляется человек, чтобы узнать, почему оно восходит веселое, а вечером садится печальное и темное (сюжет использован П.П. Ершовым в стихотворной сказке «Конек-горбунок»). В русской сказке старик выдает своих дочерей за С., Месяца и Ворона Вороновича; чтобы накормить старика блинами, когда он приходит в гости, С. печет их на самом себе. У южных славян известны эпические песни о женитьбе С. на земной девушке. В русских песнях и загадках С. изображается в девичьем образе: «Красная девица в зеркало глядится», «Красная девица в окошко глядит». В украинских колядках хозяин дома сравнивается с месяцем, его жена — с С., а звезды — с их детьми; также и в белорусской свадебной поэзии месяц — это мужчина, а С. — женщина. В песне из Тамбовской губернии девушка рассказывает о себе: «Мне матушка — красна Солнушка, / А батюшка — светёл Месяц, / Братцы у меня — часты Звездушки, / А сестрицы — белы Зорюшки». В сербских песнях девушка спорит о красоте с С., утверждая, что она красивее, чем оно; солнце жалуется богу, а тот советует С. сжечь девушке щеки. В закличках, исполняемых детьми, чтобы перестал идти дождь, упоминаются дети С.: «Солнышко-ведрышко, выгляни в окошко! Твои детки плачут, на лавочке скачут».

В русских, украинских и белорусских заговорах, а также в украинских и сербских песнях известен мотив чудесного одевания светом, солнцем, зарей, облаком, месяцем, например в олонецком заговоре XVII в.: «Се яз, раб, имрек, стану благословя[сь], пойду перекрестясь, оболоку на себя красное солнце, опояшусь све[т]л[ой] зорей, поттычюсь частыми звездами, возьму в руке млад светел месяць и пойду в чистое поле, и стречю своего аггела...». В русской сказке у чудесного ребенка руки «по локти в золоте, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, а против сердца красно солнце».

Почитанием С. обусловлено множество правил и запретов: не становись к С. спиной даже во время работы в поле, не справляй нужду так, чтобы это могло видеть С., не плюй в его сторону, иначе воцарится тьма, не показывай на него пальцем, не то выколешь ему глаз и т.д. После захода С. не давали ничего из дома в долг, особенно огня, чтобы счастье и достаток не покинули семью, не выбрасывали мусор на улицу, не починали новую ковригу хлеба.

В обрядах, фольклоре и народном искусстве С. могут символизировать колесо, золото, костер, сокол, конь или олень, глаз человека, золотой колокол и др. Множество солярных знаков, которые, по-видимому, играли роль оберегов, обнаружено в восточнославянских археологических материалах X–XIII вв., главным образом в украшениях женского костюма. Это круг, крест в круге, колесо, розетка и др. Солярные мотивы обычны в орнаментации народной одежды и тканей, в резьбе на различных частях крестьянских домов, мебели, орудий для прядения и ткачества.

Лит.: *Петров В.* Мітологема «сонця» в українських народніх віруваннях та візантійско-гелліністичний культурний цикл // Етнографічний вісник. Київ, 1927. Кн. 4; *Даркевич В.П.* Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // Советская археология. 1960. № 4; *Робинсон А.Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: памятники литературы и искусства XI–XVII веков. М., 1978. С. 7–58; *Соколова Л.В.* Солнце // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. С. 24–27.

А.Л. Топорков

СОЛЬ — универсальный апотропей. В Архангельской обл. говорили: «На соль да на хлеб супостата нет».

Нечистая сила не любит С. На стол в первую очередь ставят соль, т.к. без нее дьявол играет и скачет через стол и все портит; без соли не будет удачи и обилия в доме (болг.). Перед днем св. Анны (9.XII) посыпали солью перед домом и во дворе — от ведьм (болг.). Для угощения домового варили кашу без соли (пол.), если же домовой шалил, портил скот, то наговаривали на соль и воду и спрыскивали этой водой скотину (рус.). Могилу вампира посыпали солью, чтобы его дух не возвращался в село (болг.).

От соли распадаются чары и колдовство, сглаз и порча. «Соль тебе в очи, печину (головешку) в зубы» — так говорили (иногда и бросали С., уголек, кусочек глины) вслед человеку, подозреваемому в способности сглазить (в.-слав.). Болгарские женщины и девушки для предупреждения сглаза носили в одежде С., освященную в Сочельник.

Встреча гостей (т.е. чужих) **хлебом-солью** имела двойное значение: гостеприимства и оберега. Хлебом-солью встречали также невесту и новоокрещенного младенца как новых членов семьи, не ставших еще окончательно своими.

В свадебном обряде при обручении старший сват, прежде чем надеть кольца молодым, помешивал ими С., стоявшую на хлебе (в.-серб.); мать невесты давала ей перед отходом на венчание мешочек с С. и пеплом; постель новобрачных кропили водой и солили (в.-словац.).

У русских С. сыпали на порог и на углы стола, чтобы облегчить роды, клали С. в колыбель, под подушку ребенку, крупинку С. клали в шапочку или на лоб ребенка, когда выносили его на улицу. Болгары посыпали ребенка толстым слоем С. после купания на второй или третий день после рождения и оставляли так на ночь или на несколько часов, а потом снова купали; или купали ребенка в соленой воде — чтобы ребенок не потел. На крестинах крепко посоленная пища (*сброд, пересол*) доставались отцу ребенка (в.-слав.).

Болгары посыпали С. руки мертвеца, чтобы плодородие и богатство остались в доме и чтобы дух умершего не возвращался, но перед тем, как опустить гроб в могилу, С. из руки покойного забирали, чтобы сохранить часть его **доли** в доме, иначе, по поверьям, будет умирать скот.

С. жертвовали стихиям: бросали в огонь, в воду, в колодец (з.-слав.); в другое время С. запрещалось бросать в очаг во избежание несчастий в доме (болг.). В праздничные дни для увеличения магической силы С. ее освящали в церкви или прокаливали в печи. У западных славян особенно ценилась С., освященная на Крещение и в день св. Агаты (5.II), у восточных славян — *четверговая соль*, освященная в Чистый четверг. У украинцев в Сочельник или Чистый четверг обжигали С. в печи; она использовалась для лечения людей и скота, от сглаза и от ведьмы.

С. как магическое вещество не одалживали после захода солнца и перед некоторыми праздниками (Иваном Купалой, Рождеством, св. Люцией и др.).

У восточных славян известны обряды *«солить молодых»* и *«солить» девушек*. В первом молодоженов, сыгравших свадьбу в текущем году, во время масленичных гуляний закапывали в снег, во втором после окончания масленицы (времени свадеб) в Чистый понедельник парни бросали или закапывали в снег девушек, не просватанных в прошедшем году. В обоих обрядах снег символизировал С., а сами обряды совершались с целью оберега молодоженов и девушек (ср. мотивировки: «чтобы непросватанные не закисли до следующего мясоеда», т.е. чтобы они не потеряли здоровья, молодости, силы).

М.М. Валенцова

СОН — состояние человека, воспринимаемое как близкое к смерти («вечному сну»). Говорят: «Сон смерти брат», «Сонный, что мертвый» (у русских), «Сон — наполовину смерть» (у сербов). О сонливом человеке говорят, что его «смерть притягивает» и он скоро умрет. Распространено представление, что во

время С. душа, половина души или одна из двух душ человека, особенно ведьмы, временно покидает тело, в различном облике (чаще всего зооморфном) выходя из его рта, и путешествует по местам, которые человек видит во С. Этим объясняется опасность резко будить крепко спящего человека, переворачивать его тело во время С., так как его душа не сможет найти пути назад и человек заболеет падучей, лишится памяти, рассудка и даже умрет. На том же представлении основан и способ распознавания ведьмы у некоторых южных славян: спящую женщину, заподозренную в колдовстве, поворачивали ногами к изголовью и затем ждали, когда на чердаке поднимет шум злой дух, который вышел из нее и не может вернуться назад. Отделение души от тела происходит также при **обмирании**, когда душа человека успевает посетить тот свет.

Запрещено не только переворачивать, но и целовать спящего, особенно ребенка, иначе он заболеет или умрет. Нельзя кормить спящего ребенка грудью: он будет плохо расти. Если ребенок смеется во С., значит его забавляют ангелы. Скрежет зубами во С. означает, что спящий борется с чертями. Когда человек разговаривает во С., считают, что он долго не проживет. Если взять его в это время за мизинец, он расскажет всю правду. Для прекращения бреда во С. следовало потрясти спящего за нос. Чтобы просыпаться в желаемое время, нужно носить на шее особую косточку из петушиного крыла или ударить большим пальцем ноги о дно кровати несколько раз, обозначая час, когда нужно проснуться.

Запреты и предписания касаются позы спящего и его одежды. Спать ложатся головой к углу с иконами (а не к порогу) и поперек половиц (а не вдоль, как кладут покойника). Мужчине нельзя спать на животе, а женщине, особенно беременной, — на спине, так как этим могут воспользоваться черт и нечистая сила. Опасно спать с открытым ртом, так как в человека может вселиться черт или заползти змея. Чтобы уберечься от злых духов, мучающих человека по ночам, ложатся спать на правый бок. Однако иногда считают, что во время С. на правом боку можно придавить ангела-хранителя, всегда находящегося справа от спящего. Если ребенок спит ничком, уткнувшись в подушку, он осиротеет, а если с открытыми глазами — сам долго не проживет. Считалось, что спящий в одежде часто болеет. Однако кое-где женщинам запрещалось спать без платка. В целях оберега от нечистой силы иногда спали подпоясавшись, но существовало и представление, что ангел примет спящего человека за сноп, если у него не снят пояс и не расстегнуты пуговицы.

На связи С. со смертью основаны различные способы усыпления, которыми пользовались воры: сыпали вокруг дома или перебрасывали через него землю с могилы, обходили вокруг дома с отрезанной рукой мертвеца, с метлой, которой подметали комнату, где лежал покойник, зажигали свечу от покойника, свечу из жил или жира мертвеца.

Обычай бдения, воздержания от С., соблюдался во время похорон, родов и свадьбы, в определенные календарные праздники, а также на заходе солнца и в полдень. Существовали и запреты спать в определенных местах, особенно в местах появления нечистой силы: на меже, на перекрестке дорог, в бане, в тени лещины, под скрипучим деревом, в котором томится душа грешника. Того, кто спит на столе как на почитаемом месте, в наказание будут преследовать змеи, а тому, кто ест хлеб в постели и спит на хлебных крошках, будут сниться змеи. Нельзя, чтобы на спящего светил полный месяц: человек станет лунатиком, месяц может увлечь его на «тот свет», а у ребенка будет зеленый кал.

Лунные фазы влияют на сновидения: на новолуние они обычно сбываются. Исполнение сновидений зависит и от дней недели. Так, С., приснившийся в ночь на воскресенье или на праздник, сбывается до полудня (ср. русскую поговорку: «Праздничный сон до обеда»), а С. на понедельник «пустой». Вещие С. зависят также от времени ночи (до или после полуночи) и от положения тела спящего. С., приснившиеся под утро, исполняются быстрее. Сбываются

сновидения, приснившиеся человеку, спящему на правом боку, и не сбываются при положении тела навзничь или ничком. Чтобы запомнить приснившийся С., клали под голову камень, а проснувшись, кусали угол подушки и избегали смотреть в окно. Чтобы поскорее забыть С., нужно взять себя за темя. Если желаешь присниться человеку, увиденному во С., нужно перевернуть подушку. Чтобы не сбылся страшный С., также переворачивали подушку, выворачивали наизнанку белье и наволочку, не рассказывали С. три дня, вешали полотно на придорожный крест в дар Богу, садились на поперечную лавку, хватались за дерево или за железо со словами: «Куда ночь, туда сон. Как не станет срубленное дерево на пне, чтоб так не стал сон на правде». Вещие С. вызывали различными магическими способами: например, девушки, чтобы увидеть во С. суженого, ложились спать натощак, клали под подушку мужские штаны, кольцо, гребень и т.п. и произносили специальные заклинания. По сновидениям гадали не только о женихе, но и выбирали на основе их предсказаний место для строительства дома или церкви. Сербы верили, что можно передать свой С. другому человеку в Юрьев день до восхода солнца. Для этого окликали кого-нибудь, ждали, пока он отзовется, и говорили: «Передаю тебе сон на Юрьев день».

Лит.: *Балов А.* Сон и сновидения в народных верованиях. Из этнографических наблюдений, собранных в Ярославской губернии // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 208–213; *Дерунов С.* Материалы для народного снотолкователя. III. Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 149–151; *Романов Е.* Опыт белорусского народного снотолкователя // Там же. 1889. № 3. С. 54–72.

А.В. Гура

СО́РОК МУ́ЧЕНИКОВ — день памяти Сорока мучеников, отмечаемый в христианском календаре 9/22.III, в обрядности и мифологии которого широко разрабатывается символика числа 40.

По восточнославянским поверьям, в день С. м. в родные края возвращаются 40 стай птиц или же в этот день птица должна положить в гнездо 40 палочек (т.е. начать его строить). Отмечая возвращение птиц, восточные славяне в этот день пекли фигурное печенье типа «жаворонков» (птичек), предназначенное для детей. Их съедали, дети играли с ними на улице, приветствуя прилетающих птиц словами: «Жаворонки, прилетите, красну вёсну принесите», относили на поле, на огороды и др.

В Сербии в день С.м. пекли *младенчиħи* — небольшие пшеничные калачики или каравайчики, которые смазывали медом и украшали веточками плодовых деревьев. Ими угощали молодоженов, давали скоту, разносили детям и соседям. Каравайчики были разной формы: «нож», «сабля», «ножницы», «овца» и др. Дети носили их по домам и обменивались ими. Особые каравайчики пекли для свинопаса, овчара и пастуха: нижнюю их часть отдавали скоту, а остальное съедали сами. Считалось нужным испечь столько каравайчиков, сколько голов скота пастухи имели у себя в стаде. Иногда пекли сорок или сорок один калачик в память о мучениках; чаще же смазанные **медом** калачики дети разносили по соседям в память об умерших.

В Болгарии хлебцы, приготовляемые в день С. м., часто имели антропоморфную форму и были предназначены для раздачи посторонним или иной формы жертвования (их, например, закапывали в землю). Каравайчики раздавали детям, которые трижды катали их по какой-нибудь могиле, приговаривая: «Откатывайся зима, прикатывайся весна», или зарывали в землю кусочек, а остальное съедали сами. В других местах делали сорок каравайчиков и раздавали их детям, чтобы «баба Марта была милостива к тем ягнятам, которые родятся».

В Болгарии этот день праздновался в честь «бабы Шарки», т.е. оспы. Накануне здесь готовили по крайней мере сорок хлебцев в форме куклы, называемых *младенци*, на них делали стеблем или трубочкой углубления на манер оспинок. На хлебцах, приготовляемых для детей, эти «оспинки» делали неглубокими, для взрослых — побольше и чис-

лом, и размером. В день С. м. их намазывали медом, окуривали и раздавали по домам.

Согласно южнославянским поверьям, день С. м. — это граница зимы и лета, когда Господь забивает в землю раскаленные шипы, и она начинает согреваться. В эти же дни из земли вылезают на поверхность змеи и насекомые, а также прилетают птицы (аисты, жаворонки). День С. м. был первым в ряду нескольких праздников (**Благовещение**, день св. Иеремии), когда совершались ритуалы изгнания змей. Болгары и сербы убирали дворы, сгребали мусор и сжигали его, чтобы охранить себя от **змей**, обходили дома с зажженными тряпками. Накануне этого дня дети били по очагам и кричали: «Убегайте, змеи и ящерицы», а женщины перед восходом солнца зажигали тряпки и откидывали их подальше со словами: «Бросаю этот кусок, чтобы напугать змей и ящериц!» Болгары жгли перед воротами навоз и били по нему камнями, чтобы также испугать змей.

Изгнание змей сочеталось с преклонением перед ними и опасением нанести им какой-либо вред. В Сербии день С. м. посвящался змеям, что отразилось в его названии «Змеиный день» и в запрете убивать змей.

Т.А. Агапкина

СОТВОРЕ́НИЕ МИ́РА — сюжет космогонических мифов и легенд, развивавшийся в славянской традиции под воздействием библейской, прежде всего апокрифической.

Наиболее известный фольклорный космогонический сюжет сохранился в русском духовном стихе о Голубиной книге. Голубиная книга («Книга глубины» — основы мира), написанная самим Царем Небесным, выпадает из тучи (к крестному — мировому дереву, на Фаворскую гору, к камню Алатырю); истолковать ее может лишь царь Давид (Давыд Евсеевич) по просьбе князя Владимира (крестителя Руси) или царя Волотомана (др.-рус. *волот* — **великан**). Согласно «Книге», белый вольный свет «зачался от суда Божьего», солнце красное — от лица Божьего, месяц — от груди, звезды — от риз Божьих, темные ночи — от дум Господних, утренние зори — от его очей, буйные ветры — от Святого духа, дробный дождик — от слез Христа (по другим вариантам свет — от Святого Духа, от лица Божьего, солнце — от очей и т.д.). За сотворением мира в стихе следует антропогонический миф: у людей разум — от самого Христа, помыслы — от облаков небесных, «мир-народ» — от Адама, сотворенного из космических стихий (кости — от камня, тело — от земли, кровь — от морских вод; ср. **Антропогонические мифы**).

Тот же стих содержит фольклорную космографию: «Белый (православный) царь — над царями царь, Святая Русь — всем землям мать, Адамова голова (Лобное место — Голгофа) — всем головам мать, Иерусалим (пуп земли) — всем городам отец, камень **Алатырь** — всем камням отец, кипарис (крестное древо) — всем деревьям мать, плакун-трава, возникшая из слез Богородицы, — всем травам мать, океан — всем морям отец, Фаворская (Сионская) гора — все горам мать, кит-рыба — всем рыбам мать, потому что на трех (семи) китах покоится земля, Индрик (единорог) — всем зверям отец и т.д. Духовный стих завершается мотивом борьбы двух «лютых зверей» (в другом варианте — два зайца) — Правды и Кривды: победившая Правда пошла на небеса, Кривда распространилась по земле. Источники духовного стиха — древнерусские апокрифы «Беседа Иерусалимская» и «Беседа трех святителей», где «высота небесная, широта земная и глубина морская» соотносятся с тремя ипостасями Троицы — Отцом, Сыном и Духом Святым, небеса — обитель Творца до сотворения мира — описаны как «три каморы» (свода), солнце сотворено от риз Господних, луна — от воздуха и престола Господня, гром и молния — от огненной колесницы, к которой приставлены два «громных ангела» (в одном из вариантов апокрифа им приписываются имена **Перуна** и **Хорса** — древнерусских божеств). На фольклорную космографию повлияла апокрифическая картина мира: **земля** держится на трех китах в океане, дно которого опирается на железный столп, тот стоит

на неугасимом огне (ср. **Ад**) и т.п. **Землетрясение** происходит оттого, что один из китов, вол, на котором держится земля (серб.), шевелится. Небесная твердь уподоблялась не только каменному своду (трем, семи, девяти сводам и т.д.), но и глиняному сосуду, крышке и т.п.: у южных славян известны рассказы о том, что первоначально **небо** было низко над землей, но его оттолкнули своими орудиями косец или пахарь, с тех пор оно стало недосягаемым.

В славянской традиции распространилось и книжное представление о мире, как **яйце**: известна польская легенда о земле, сотворенной из яйца, упавшего с **мирового дерева**.

Дуалистические версии сотворения мира (и человека) у восточных и южных славян восходят к архаическим космогоническим мифам о двух творцах — добром и злом, — плавающих в виде двух птиц (гоголей — черного и белого, уток и др.) в волнах первичного океана. Эти версии развивались под воздействием апокрифической (богомильской?) книжности, прежде всего «Сказания о Тивериадском море» (см. **Сатанаил**). В украинских колядках дуалистическая космогония имеет уже выхолощенный характер: два голубка спускаются на два дуба среди мирового океана и держат совет, как им «основать свет»: со дна моря они достают песок для суши и синий камень для неба. В фольклоре восточных и южных славян сохранились пережитки космогонических мифов о браке неба и земли, оплодотворяемой небесным дождем (ср. рус. *Мать-сыра земля*), о небесной свадьбе солнца и месяца. В сербской песне Денница (планета Венера) женит Месяц, сватает у тучи молнию, в кумовья зовет самого Бога, которому дарит небеса, деверьями — Петра и Павла, которым достается летний зной (Петров день), старшим сватом — Иоанна Крестителя, получившего крещенские холод и снег, воеводой свадебного поезда — святого Николу (он получает власть над водами), возницей — Илью-пророка (его дары — молнии и громовые стрелы). К космогоническим сюжетам примыкают многочисленные этиологические легенды о происхождении светил, земли, **гор**, водоемов, грома и т.д.

Лит.: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 2. С. 458–493; *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. 5 // СбОРЯС. СПб., 1890. Т. 46. № 6; *Кузнецова В.С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998 (там лит.); От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре. М., 1998. С. 21–78.

В.Я. Петрухин

СРЕДА́ — день недели, часто объединяемый с **пятницей** по признаку требуемого в эти дни поста. В значительной степени общими для этих дней являются и запреты, предписания и приметы. По украинским представлениям, С. — девушка, и ее почитают прежде всего девушки и женщины, к ней они обращаются за помощью. В С., как и в пятницу, соблюдается запрет на «женские» работы: прядение, тканье, шитье (все славяне), часто также мытье волос, бритье (болгары). Последствия нарушения этих запретов могли быть самые тяжкие, например женщина, нарушившая запрет мытья волос, могла овдоветь (болгары); нарушившая табу на прядение и шитье будет страдать болезнями — коликами, головной болью и т.п. (украинцы Карпат), у нее могут «сгореть дети и дом» (болгары). За несоблюдение поста и других запретов в С., в отличие от пятницы, нельзя было вымолить прощение, т.к. «нигде нет церкви св. Среды» (Сербия, Лесковацкая Морава). Перед С., как и перед пятницей, запрещались супружеские сношения. Болгары считали, что ребенок, зачатый в канун С., родится «с изъяном», а рожденному в С. покровительствует св. Богородица; по белорусским верованиям, человек, родившийся в С., — счастливый.

Для начала полевых работ С. иногда считалась благоприятным днем. Сербы Хомолья именно в С. старались начать пахоту или хотя бы одну борозду пройти в этот день, чтобы все дальнейшие работы были успешными. В Пожеге, наобо-

рот, С. называли несчастливым днем и избегали что-либо важное начинать в С.

В течение года особенно значимыми были С. на поминальной и масленой неделе, когда нельзя было замешивать кислый хлеб и делать что-либо в поле; С. на четвертой неделе Великого поста, когда у восточных славян (*средокрестье*) пекли постные хлебцы в виде крестов, которые потом брали с собой, выходя на первую пахоту в поле или выгоняя первый раз скот на пастбище; сербы пересчитывали яйца, снесенные домашней птицей, веря, что сколько до этого дня снесено яиц, столько будет в хозяйстве приплода скота; третья или четвертая С. между Пасхой и Вознесением (полес. *сухие, громовые*), которые праздновались «от грома»; четвертая известна также как *Переплавная*: по полесским верованиям, в этот день Бог или Богородица «переплывает» через реку, и только с этого дня можно было купаться; С. на троицкой неделе (в.-слав. *кривая среда*, серб. *крива среда*, болг. *руса сряда*) — опасный день, в который нельзя сажать, иначе все вырастет «кривое» (сербы). Южные славяне опасались С. на первой неделе Великого поста, называя ее *Луда* или *Черна* и считая, что нарушивший запреты в этот день может быть наказан падучей или безумием.

С.М. Толстая

СРЕ́ТЕНИЕ ГОСПО́ДНЕ — праздник, отмечаемый христианами 2/15.II. В народном календаре С. имело значение сезонной границы: этим праздником у восточных и западных славян отмечалась половина зимы, а в южнославянских регионах — и начало весны (ср. **Трифонов день**), с чем было связано значительное число примет погоды и урожая. Хорошая солнечная погода обычно предвещала долгую зиму, а мороз — раннюю весну; метель на С. обещала раньше обычного «подмести» все корма для скота и др.

У восточных (реже у западных и южных) славян о С. говорили: «Сретение — зима с летом встречается», в дополнение к чему рассказывали о том, как именно борются зима с летом: «Лето зиму по щеке ударяет: „Полно тебе, зиме, зимовать — пора мне, лету, летовать“». Восприятие С. как начала весны отразилось в таких приметах, как: «На Сретение кафтан с шубой встретились, а цыган шубу продает» и др.

С. по многим параметрам сближалось с новолетием, что отразилось в представлениях о судьбоносности **встреч**, случающихся в этот день: сербы верили, что если встретить в этот день здорового человека, то и весь год будешь здоров (и наоборот). В некоторых местах С. считалось неудачным и опасным днем: жители Смоленщины и македонцы не выполняли в этот день никаких работ, чтобы не встретиться с волками; украинцы Черниговщины полагали, что родившийся на С. будет несчастлив; у болгар беременные женщины воздерживались от работ с острыми предметами из боязни, что будущий ребенок будет иметь на теле знаки и следы их работы.

Во всех славянских традициях большое значение придавалось свече, которую в этот день освящали в церкви. У украинцев и белорусов ее называли «громничной свечкой», ср. *Громницы* как одно из восточно- и западнославянских диалектных названий Сретения. Эту свечу хранили в течение года: ее зажигали во время грозы и града, давали в руки тяжело умирающему, окуривали дымом от нее больных, чертили дымом кресты на балках и матице, зажигали ее в доме, чтобы уберечься от «ходячего» **покойника**; прикрепляли к посуде, из которой весной засевали; обходили с зажженной свечой скот при первом выгоне на пастбище; подпаливали детям волосы при головной боли, терли ею горло при болях; вешали над входом в дом в купальскую ночь, чтобы защититься от ведьмы, и т.д.

Т.А. Агапкина

СТАРИ́К — одна из наиболее значимых фигур в традиционной культуре славян. Старики в народных представлениях приобретают амбивалентный статус: их в высшей степени почитают, но одновременно и боятся, т.к. верят, что они обладают магическим знанием и находятся в контакте с «иным миром».

С. как глава семейства, рода выполняет самые важные сакральные действия: окуривает праздничную трапезу, читает молитвы и **благопожелания**, преломляет **караваи**; отгоняет градовую тучу; разжигает огонь в новом доме; совершает жертвоприношения и др. С. — один из главных персонажей **свадьбы**, южнославянской «**славы**». С. посвящены отдельные дни календаря: в Болгарии 7.I/20.I в день Иоанна Крестителя совершают ритуальное купание стариков в реке.

Особое место отводится С. в обычаях, связанных с культом предков: в погребальной и поминальной обрядности (см. **«Деды»**), в рождественско-новогоднем цикле, где некоторые реалии и действия именуются «стариками», «дедами»: укр. *дідуха палити* — жечь новогодние костры («чтобы грелись предки»); болг., макед. *дедник* — **бадняк**; *дедове* — остатки обрядовой пищи, которые предназначаются Богородице или умершим; укр. *дідо*, болг. *дедо* — солома, которой устилают пол в Сочельник, и мн. др.

С. — обязательный (часто главный) персонаж святочных и масленичных ряженых процессий, именуемых у южных славян *старци*. Часто С. выступает в паре со старухой и разыгрывает шутливые (порой с эротическими элементами) сценки. В Белоруссии С. на Рождество водит козу; в Словакии в обряде, идентичном выносу **Марены**, парни ходят с соломенным чучелом, изображающим С. В полесской свадьбе ряженый стариком выкупает место для жениха.

Двойственность статуса пожилых людей особенно проявляется в народной демонологии. Нечистая сила (**домовой, леший, водяной, полевик, вампир**, хранитель кладов, духи болезней) по своему внешнему виду уподобляется С. Полагают, что С., переживший свой «век», превращается в вампира. С этими поверьями связаны превентивные действия при погребении очень старых людей (им отрезают пятки, раны на теле прижигают раскаленным железом и пр.). Мифологическим «стариком с бородой» пугают детей, чтобы они не шалили и не подходили к **колодцу** или к реке.

С. также приписывается способность колдовать, лечить, ворожить, заговаривать, насылать порчу (например, на молодоженов), отбирать урожай с чужих полей при помощи **заломов** (см. **Колдун**).

В фольклорных произведениях описывается, как Бог или святые в облике **нищих** стариков ходят по земле, показывают благочестивому христианину муки грешников в аду, а повитухе — кто из родившихся в этот день какой смертью умрет и др. Стариками рисуются многие сказочные персонажи, соотносящиеся с календарем, астрономией и метеорологией (месяцы, праздники, солнце, ветры и др.). Распространены легенды, повествующие о том, что в древности стариков убивали. Своей смертью им разрешили умирать лишь после того, как один С. при помощи мудрого совета спас народ от голода. С. — частый образ в славянских загадках: «Стоит старик над водою, сам трясет бородою» [Тростник], «Сидит старик кусковьем набит» [Овин] и др.

И.А. Седакова

СТОЛ — особо почитаемый предмет домашнего интерьера. Для восточных и западных славян наиболее характерен высокий С., стоящий в красном углу; южные же славяне (сербы, македонцы, болгары) традиционно пользовались низким круглым столиком, который появился у них под турецким влиянием. В некоторых районах Украины, Белоруссии, Польши и Словакии известны были и другие виды С.: С.-скрыня, глиняный С. и др.; пользовались также для еды широкой переносной лавкой, табуреткой и т.д.

У восточных славян С. составлял неотъемлемую принадлежность дома, например при продаже дома С. обязательно передавали новому владельцу. Такие свойства С., как его неподвижность и неотделимость от жилища, используются в ряде обрядов. В Воронежской губ. купленных кур вертели вокруг ножки С., приговаривая: «Как С. от избы не отходит, так бы и вы, куры, от двора не отходили!» Передвижение С. становится возможным только при совершении обряда,

например во время свадьбы или похорон.

Символическое осмысление С. в народной традиции во многом определялось его уподоблением церковному престолу. Формулы «стол — это престол» и «стол — это престол Божий» известны у всех восточных славян. Широко распространены и предписания типа: «Стол — то же, что в алтаре престол, а потому и сидеть за столом и вести себя нужно так, как в церкви» (Олонецкая губ.). Не разрешалось помещать на С. посторонние предметы, т.к. это место самого Бога. У восточных и западных славян на С. постоянно находился **хлеб**, что как бы превращало его в престол, ср. поговорку: «Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска». На Русском Севере не разрешалось стучать по С., ибо С. — это ладонь Бога или Богоматери, протянутая людям. Там же С. называли материнским сердцем, подразумевая, во-первых, сердце матери и, во-вторых, сердце **Богородицы**.

В Орловском уезде во время обеда и ужина крестьяне старались подольше посидеть за С., «потому что, по их мнению, сколько за столом просидишь, столько в Царстве Небесном пробудешь». В Харьковской губ. на второй или третий день после крестин совершался обряд «ходить (садиться, собираться) в рай», во время которого, в частности, обходили вокруг С. или сидели за С. По-видимому, соотнесение С. с раем объясняется одним из значений церковного алтаря: «земной рай, где жили наши родители».

Во многих славянских обрядах известен ритуальный обход С. (свадьба, родины и др.). На Украине и в Белоруссии вокруг С. обносили новорожденного; в Костромском крае баба-повитуха трижды обводила вокруг С. роженицу со словами: «Освободи, Господи, душу грешную, а другую безгрешную». В то же время вне ритуала обход С. возбранялся.

Место, занимаемое за С., — важный показатель семейного и социального положения человека, что многократно обыгрывается в обрядах и фольклоре (см. **Еда**).

Лит.: *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; *Топорков А.Л.* Происхождение элементов застольного этикета у славян // Этнические стереотипы поведения. Л., 1984. С. 223–242; *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990; *Лулева А.* Трапезата — вещ-знак в традиционната българска къща // Хлябът в славянската култура. София, 1997. С. 217–226.

А.Л. Топорков

СТРАСТНА́Я НЕДЕ́ЛЯ — последняя неделя семинедельного Великого поста, когда, согласно Новому Завету, Иисус Христос принял крестные муки за грехи человеческого рода. Наиболее мифологически и ритуально насыщенными днями на этой неделе являются Страстная среда, **Страстной четверг**, Страстная пятница и Страстная суббота. В эти дни совершались поминовения умерших, а также повсеместно шло приготовление к празднованию Пасхи: хозяйки пекли пасхальные хлебы, красили яйца, запекали мясо; мужчины строили качели и карусели, заготавливали дрова и др.

Поминовения усопших на С. н. были наиболее популярны у южных славян. Болгары считали, что в Вербное воскресенье или на С. н. раскрывается небо и предки возвращаются на землю, где остаются до Троицы. Поэтому на С. н. у болгар и сербов принято было посещать кладбище и поминать покойников. Женщины раздавали на кладбище обрядовые хлебы (просфорки, лепешки, часто в нечетном количестве и из пресного теста) и устраивали поминальный обед дома; оставляли на могилах коливо и крашеные яйца; пускали по воде специально приготовленные хлебы; жгли на могилах свечи, украшали цветами кресты и памятники. В некоторых местах Болгарии к числу поминальных относили три последние дня Великого поста либо Страстную субботу, когда женщины посещали могилы и совершали там названные действия.

Скорбный характер Страстной пятницы, а также ограничения Великого поста нашли отражение прежде всего в многочисленных запретах, накладывае-

мых на человека и его бытовое и хозяйственное поведение. Даже в быту говорили меньше обычного, чтобы не проронить пустого слова. Как и в течение всего поста, избегали громкого уличного пения; петь можно было только в доме: здесь в семейном кругу люди пели «божественное»: духовные стихи, псалмы, читали Псалтырь и пр. Подобные формы досуга заменяли обычные бытовые разговоры. Были запрещены уличные игры и хороводы. По поверьям болгар, за соблюдением этих запретов следили самовилы (см. **Вила**), не позволяющие людям развлекаться в пост.

Бóльшая часть ритуалов С. н. — своеобразное обыгрывание событий христианской истории, связанных прежде всего с бичеванием Христа, а также землетрясением, последовавшим за Его смертью. В момент смерти Христа словенцы со страшным треском валили на землю несколько предварительно подпиленных деревьев, а в течение всех трех дней — со среды до пятницы — с грохотом разбивали и топтали собранные со всего села старые доски, посуду, бочки и другие деревянные предметы, называя это *пугать Бога*. В пятницу — в ознаменование смерти Христа и землетрясения, а в ночь с субботы на воскресенье — в знак Его Воскресения — у церквей и костелов принято было стрелять. Поляки Поморья в память об этом землетрясении били в барабан в пасхальную ночь, и при звуках этих ударов люди спешили на службу в костел.

К этому добавлялись обряды, посвященные «изгнанию **Иуды**» или «**Поста**», а также обыкновение заменять молчащие в последние дни С. н. **колокола** грохотом трещоток и колотушек. За таким занятием молодежь проводила три последних дня Великого поста, оглашая окрестности неимоверным шумом. Этим «творилась память» Иисусу Христу. В среду, четверг и в пятницу у хорватов совершался «барабан»: по окончании службы парни сильно били длинными прутьями по скамьям в церкви и гремели трещотками.

Страстная пятница в быту и повседневной жизни была временем вселенской скорби по поводу кончины Иисуса Христа, выражающейся не только в строгом посте и других ограничениях. В Страстную пятницу, по поверьям, вся природа скорбит вместе с людьми и затихают птицы. Со скота снимали колокольчики, хозяйки запирали в темных сараях домашнюю птицу, чтобы она не шумела и хоть немного попостилась (по словенским поверьям, это воздержание летом защитит птицу от нападения хищников). Запрещалось свистеть: словенцы считали, что в момент смерти Христа от радости свистели черти. Верили, что человек, засвистевший в пятницу, будет унесен чертом, а тот, кто на минуту забудется и закричит, уже никогда в жизни не сможет закричать. Матери запрещали детям играть на улице и шуметь, а также просили не топать ногами по земле, чтобы не ранить ее гвоздями от каблуков, ведь в землю уже положен Христос. Украинцы не шумели, не разговаривали дома в полный голос и не ссорились. У кашубов в Страстную пятницу принято было плакать; а если дети не плакали, то их били ветками.

Т.А. Агапкина

СТРАСТНÓЙ ЧЕТВÉРГ — четверг на последней неделе Великого поста (см. **Страстная неделя**).

У восточных и южных славян С. ч. был связан с культом мертвых. Предков в этот день «поили», для чего поливали могилы вином и водой, выставляли горшки с водой у домов (там, где можно ожидать появления душ), раздавали на кладбище кувшины для воды. В Западной Болгарии в С. ч. сразу после первых петухов женщина шла к источнику, набирала там несколько кувшинов воды и отправлялась с ними на кладбище, где выливала по одному-два кувшина на каждую принадлежащую семье могилу. Широкую известность получил обычай пускания воды мертвым. Кое-где в С. ч. обустраивали могилы.

Специфической чертой поминовений в С. ч. является обычай разводить поминальные семейные **костры**: их жгли на кладбище, вблизи «своих» могил, а также во дворах и на других традиционно принадлежавших семье участках земли.

Так, в сербском селе Свиница, расположенном на румынском берегу Дуная, такой костер разводили утром на пороге дома и предназначали его всем умершим в этой семье, а затем жгли костры на кладбище, в изголовье каждой могилы. Считалось, что таким образом «греют» покойников. Великочетверговые поминальные костры известны на украинских Карпатах и в других местах.

У восточных славян С. ч. повсеместно назывался в народе «Чистым», т.к. на него приходились основные очистительные ритуалы Страстной недели (в католическом мире они могли совершаться утром в Страстную пятницу). Люди мылись в бане, иногда обливались водой у проруби или даже купались в ней, а также приносили домой для умывания свежую воду из источников для того, чтобы, омывшись ею, избавиться от болезней (главным образом кожных) и обеспечить себя здоровьем на весь год. Люди также сбрасывали в проточную воду старую одежду (чтобы зло и болезни уплыли вместе с ней); мыли и высушивали на солнце предметы домашней утвари (например, **дежу**); приносили домой ветки можжевельника и жгли их дома на листе **железа**, а затем перешагивали через огонь в апотропеических целях; окружали дом магическим **кругом** (объезжали его верхом на кочерге, очерчивали мелом и др.), оберегая дом и домочадцев от всякого зла, от проникновения в дом змей, лягушек, белили дом и др.

У восточных славян С. ч. был единственным днем в году, когда, как считалось, можно было увидеть **домового**: для этого брали свечу, принесенную домой с вечерней службы в церкви, и пасхальное яйцо и шли на чердак, где оставляли ему яйцо, чтобы и домовой мог «разговеться» на Пасху. Если человеку показывался мохнатый, в шерсти, домовой, то ожидали богатства и удачи, если голый, без шерсти, — нищенства. В этот же день пытались заручиться расположением домового, чтобы он оберегал скот: для этого под угол дома выкладывали для него еду. Ночью ходили в лес, где, сняв с себя крест, призывали **лешего** и расспрашивали его о судьбе.

В С. ч. совершали ритуалы, напоминающие приглашение зверей и мифологических существ на рождественский ужин. Для этого, например, дети выносили наружу овсяный кисель и «звали зверей»: «Волки, медведи, лисицы, куницы, зайцы, идите к нам кисель есть!», полагая, что насытившиеся звери не тронут летом ни скот, ни сады.

Известен обычай изготавливать в С. ч. вещи, имеющие магическую силу. Так, на восходе солнца, сидя на пороге дома, хозяйка выпрядала особую нить, крутя веретено и суча нить в обратную сторону. Этой нитью перевязывали руки, чтобы они не болели при жатве; вплетали ее в рыболовную сеть, чтобы улов был больше, и т.п. Повсеместно известно и приготовление особой «четверговой» соли: ее специально пережигали в печи, освящали в церкви или выносили на улицу «под звезды», полагая, что от этого соль, оскверненная некогда Иудой во время Тайной вечери, «очистится» и приобретет целительные свойства.

На С. ч. приходились многочисленные обычаи, связанные с домашними животными. В открытую печную трубу хозяева созывали по кличкам всю скотину, чтобы летом, во время выпаса, скот не разбредался и возвращался с пастбища домой. Женщины на огороде вешали на колышки забора перевернутые горшки, с тем чтобы коршуны и ястребы не таскали цыплят (см. **Куриный бог**).

Считалось также, что все, совершенное в С. ч., в итоге обернется удачей и прибылью. Так, соседка стучала в окно своей приятельницы и спрашивала у нее: «Дома ли овечки?», на что хозяйка отвечала: «Дома, дома». Такой диалог продолжается до тех пор, пока они не переберут по очереди весь скот, все огородные и зерновые культуры и весь хозяйственный инвентарь — в надежде на их сохранность и умножение в будущем году. В С. ч. также трясли деньгами, будучи уверены в том, что они не будут переводиться в карманах весь год.

Лит.: *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

Т.А. Агапкина

СТРИБО́Г (др.-рус. *Стрибогъ*) — божество древнерусского пантеона, кумир которого был установлен в Киеве в 980 г. В «Слове о полку Игореве» ветры названы Стрибожьими внуками, которые стрелами веют с моря, что, видимо, указывает на атмосферные функции С. В древнерусских текстах имя С. постоянно сочетается с именем *Дажьбога,* что дает основание противопоставлять или сближать их функции и значение (дать — распространить долю, благо).

Лит.: *Топоров В.Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989.

В.И., В.Т.

СТРИ́ГА (от лат. striga) — персонаж карпато-балканской демонологии, совпадающий по основным признакам с **ведьмой.** Поверья о С. известны в Словакии, южной Польше, Словении, Хорватии. По представлениям поляков Подгалья, С. — злая колдунья, способная отбирать молоко у чужих коров и овец, нападать на спящих детей и пить их кровь, насылать болезни на людей и скот (ср. **Вештица**). По словацким верованиям, С. особенно опасны для людей в период со дня св. Люции (13.XII) до Рождества. В западноукраинских и словацких диалектах *стригой* называют ночную бабочку и считают ее душой ведьмы, вылетевшей из тела спящей женщины, чтобы вредить людям. Наряду с этим словом *стрига* нередко обозначался дух умершего человека, **вампир**, ночной призрак либо душа умершей ведьмы.

В некоторых районах Русского Севера и Поволжья известен термин *стрига* (по-видимому, от рус. глагола *стричь*), относящийся к колдунье — «пережинщице», которая в ночь на Ивана Купалу тайком ото всех состригала колосья в чужом поле, перенимая в свою пользу урожай (см. **Пережин**).

Л.В.

СТУ́ПА и ПЕСТ — предметы домашней утвари, используемые в свадебных обрядах и в народной медицине. С. символизирует собой сексуальное женское начало, а П. — мужское.

По сербским обычаям, чтобы рожать поровну мальчиков и девочек, молодая, войдя в дом мужа, должна присесть и на П., и на С. В шуточной песне из Орловской губ. дед предлагает бабе лечь на кровать: «Твоя ступа, мой толкач, / Я засуну, ты не плачь!» Откровенно эротический характер имеют славянские загадки о С. и П., например: «— Баушка белянка! / Что у те за ямка? / — Дедушка сокол! / Что у те за кол?» В полесской свадебной припевке упоминается женитьба С. и П.: «Ой, высилле, высилечко / Нам Бог даў, / Ожэниўса толкач, / Ступу взяў». В Гомельской обл. известно шуточное объяснение того, откуда появляются дети: «З неба упаў, / Да у ступу папаў, / А с ступы вылез — / И вот якой вырас».

В Казанской губ. сваха, придя в дом невесты, отыскивала в сенях С. и трижды вертела ее вокруг себя, чтобы состоялась свадьба и молодую трижды обвели вокруг аналоя. В Вятской губ., чтобы сватовство прошло успешно, сваха трижды поворачивала С., приговаривая: «Как не упря́мится ступа, так бы не упрямилась и невеста». В Пензенской губ. после отправления свахи из дома жениха его родные катили за ней С., выражая этим надежду, что сваха «утолчет и угладит» все проблемы.

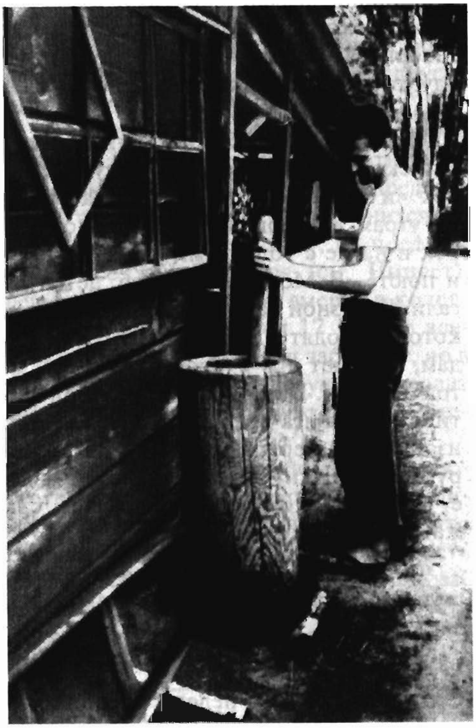
На Украине и в Белоруссии, когда невесту увозили в дом к жениху, сопровождающие старались украсть С. и жернова. В связи с этим, приезжая к жениху, пели: «Выды, маты, подэвы, / Што мы тоби прывэзлы, / Ой, ци жорна, ци ступу, / Ци невисту-залупу!» (Волынская обл.). Кое-где на Украине в конце свадебного обеда сваты с музыкой выносили из каморы **каравай** и трижды, танцуя, обходили с ним вокруг С.; каравай делили на С., поставленной посередине хаты. В севернорусском свадебном обряде невесту иногда сажали на С. В украинском Полесье на свадьбе С. рядили в женский наряд, а пест — в мужской. В Житомирской обл. в последний день свадьбы «венчали» родителей новобрачных вокруг С.; при этом в С. наливали воды и били по ней пестом так, чтобы облить всех водой;

обход С. сопровождался шуточными диалогами и непристойными песнями, пародирующими церковную службу. На Псковщине и в Саратовской губ. бытовала святочная игра, во время которой «венчались» вокруг С., изображающей аналой.

У русских, украинцев и сербов С. часто применяли в народной медицине. Считали, что в ней можно истолочь болезнь или «перетолочь» больное животное на здоровое. В Казанской губ. во время приступа лихорадки рубаху, штаны, пояс и крест больного клали под С. и говорили: «Марья Идровна, отпусти его, не то я тебя под ступой заморю; коли ты не оставишь, и я тебя не выпущу!». Железная и золотая ступы упоминаются в заговоре XVII в. из Олонецкой губ. В заговоре от недругов из того же рукописного сборника XVII в. рекомендовалось, выходя из дома, толкнуть левой рукой С. и сказать: «Как ся ступа пала, так бы мои недруги повалялись пред мною и попадали». В севернорусских заговорах от детской бессонницы: «Полуношница Анна Ивановна, по ночам не ходи, рабы Божьей (имярек) не буди! Вот тебе работа: днем играй пестом да ступой, а ночью матицей». В Гомельской обл., если ребенок не спит, мать трижды обходила С., со злостью толкала ее и произносила: «Я табе покажу!»; считалось, что ребенок после этого успокоится. По сербским поверьям, тот, кто страдает от лихорадки или боли в животе, пусть выпьет воды из С., три раза перевернется через голову, потом ляжет и заснет; когда он встанет, будет здоров, а С. нужно оставить перевернутой на ночь.

В Брянской обл. советовали во время пожара перевернуть С. кверху дном, чтобы ветер утих и не разнес огонь. В гомельском Полесье во время засухи парни бросали в колодец С., П. и кувшины, чтобы вызвать дождь.

Бытовое использование С. и П. регламентировалось многочисленными правилами и запретами. По полесским поверьям, не следует оставлять на ночь П. в С., иначе ночью им будет толочь нечистая сила; украинцы Харьковской губ. не оставляли также С. открытой, т.к. иначе перед смертью рта не закроешь. По польским поверьям, в течение трех дней после смерти человека нельзя толочь в С. и молоть в жерновах, т.к. душа умершего три дня пребывает в С. или в жерновах.



Ступа для толчения табака (с. Речица Ратновского р-на Волынской обл.). 1997 г. Фото Г.И. Кабаковой

В русских сказках Баба-яга «ездит в ступе, пестом погоняет, вперед метлой дорогу разметает» или «ездит в ступе, пестом упирается, помелом побивается, хлещет сама себя сзади, чтобы прытче бежать». В белорусской сказке «Мал Малышок» из Могилевской губ. Баба-яга едет верхом на козле, погоняя железным толкачом. По поверьям Болховского уезда Орловской губ., «у колдунов и ведьм необходимыми орудиями... служат: ступа, толкач, помело, сыч или филин, кот большой, треножник, кочерга и кадка с водой... Ведьмы прилетают на помелах, ухватах или ступе, в руках у них бывает толкач или рог с табаком». В украинской сказке из Черниговской губ.

самая старшая, киевская, ведьма приезжает на шабаш верхом на П. По поверьям белорусов Волковыскского уезда Гродненской губ., Баба-яга — хозяйка всех ведьм, вместо ног у нее железные песты; когда она идет по лесу, то, ломая его, прокладывает себе ими дорогу. В белорусском заговоре на успех в суде говорится: «Не іду на суд, да еду. Ступаю еду, таўкачом паганяю, макам след засыпаю».

По поверьям белорусов-полешуков Пинского уезда, русалки живут на дне рек «и в мае месяце до восхода солнца по утрам в хорошую погоду выходят из рек и нагие с толкачами пляшут во ржи и поют». В Могилевской губ. детей пугали Железной бабой: она хватает детей, которые ходят одни по полям и огородам, бросает их в свою железную С., толчет и ест. В старинной лубочной картине «Баба-яга и Крокодил» Баба-яга изображена верхом на свинье; в правой руке она держит вожжи, а в левой — П., с помощью которого собирается сражаться с Крокодилом.

Лит.: *Топорков А.Л.* Откуда у Бабы-яги ступа? // Русская речь. 1989. № 4.

А.Л. Топорков

СУББО́ТА — день недели, ассоциирующийся в народной традиции прежде всего с поминовением умерших; у южных славян часто называется днем мертвых. См. **Деды**. У южных славян обычно объединяется со **вторником** и получает общую отрицательную оценку как опасный и неблагоприятный день. По болгарским обычаям, в С. нельзя стирать, чтобы мыльной водой не залить глаза мертвым; нельзя шить и кроить одежду — тот, кто станет ее носить, умрет; сербы старались в С. не начинать никаких серьезных дел, избегали устраивать в С. свадьбы и т.п. Македонцы также считают С. плохим днем, когда люди «не хотят даже умирать», когда исполняются дурные сны, и т.п. Болгары особенно остерегались суббот в марте, воздерживаясь от стирки белья, битья пестом в ступе и других ударов, чтобы предотвратить летнее градобитие. Изредка встречается и положительная оценка С., противопоставляющая этот день недели остальным, ср. сербскую поговорку: «Все дни вылиты из серебра, только суббота из чистого золота».

Родившимся в С. (людям и животным, в частности собакам) приписываются способности видеть умерших и общаться с потусторонним миром (болгары Пиринского края), распознавать ведьм и прочих демонических персонажей, отгонять чуму и другие болезни, оборачиваться змеями (Пловдивский край). Сербы называют людей, рожденных в С., *субботники*, считают их «видовитыми» (Болевац) и верят, что им не может навредить ни **хала**, ни чума, ни вампир (Тимок). Их считают счастливыми, но иногда, наоборот, думают, что субботние дети «не будут долго жить».

У восточных и западных славян С. тоже объединяется со вторником и соответственно считается счастливым, благоприятным и «легким» днем, подходящим для начала полевых работ, например пахоты (Русский Север), жатвы, для заключения брака (Польша) и др. Однако в Полесье по субботам воздерживались от большинства «женских» дел: не сновали кросен, не белили стен, не резали скот, не золили белья и т.п., мотивируя все эти запреты тем, что в С. «свет сновался». Украинцы на Карпатах боялись в С. заболеть, веря, что в этом случае от болезни невозможно излечиться.

С.М.Толстая

СУ́ДЕНИЦЫ — мифические существа женского пола, определяющие судьбу человека при его рождении. С. ходят вместе как три сестры, младшей из которых лет 20, а старшей — 30–35. Они бессмертны и приходят издалека, обычно в полночь на третий (реже на первый или седьмой) день после рождения ребенка в его дом, чтобы «судить» или «наречь» ему жизненную судьбу. Согласно болгарской традиции, этот «суд» происходит так, что сначала нарекает судьбу младшая из С., затем средняя и наконец старшая, и ее слово оказывается самым вещим и определяющим. В сербской же традиции считалось, что старшая обычно предлагала новорожден-

ному смерть, средняя — физические недостатки, а младшая, по желанию которой обычно и сбывалась судьба, оказывалась самой милостивой и говорила, сколько жить ребенку, когда ему идти к венцу, с чем столкнуться в жизни и каким счастьем обладать. Установленная судьба оказывалась неумолимой. Верили, что эту судьбу С. писали младенцу на лбу (ср. рус.: «Так ему на роду написано»). По представлению чехов, С. приходят в белых одеждах со свечами. У восточных славян образ С. вырисовывается бледно, почти исключительно в быличках и народных новеллах. У греков С. соответствуют мойры — пожилые женщины, одетые во все черное, посещающие новорожденного на третью, а иногда и на пятую ночь (в древнегреческой мифологии такие существа определяют судьбу ребенка до его рождения). Существа, подобные С., были известны римлянам (парки), балтийским (Декла, Карта, Лайма), германским (норны), кавказским и др. народам. Ср. **Орисницы.**

Н.И. Толстой

СУДЬБА́ — предначертанный человеку свыше жизненный путь, определяющий главные моменты жизни, включая время и обстоятельства смерти. С. понимается как приговор некоего суда, совершаемого либо высшим божеством, либо его посланцами-заместителями — персонифицированными духами судьбы *(Долей,* Усудом — см. *Суд* и т.п.). Назначенную судьбу могут открывать, изрекать странники, нищие, случайные встречные, которые в народном сознании воспринимаются как представители иного, потустороннего мира. Мотив суда отражен в южнославянских верованиях о том, что на третий день после рождения ребенка в дом являются **судeницы**, чтобы предопределить С. новорожденного. Роженица в ожидании судениц наводила порядок, переодевалась в чистую одежду, пеленала ребенка в чистые пеленки, при этом обязательно присутствовала бабка-повитуха. Возле ребенка ставили стакан вина, клали специально испеченную лепешку, ветку базилика и золотую монету.

Сербы считают судениц невидимыми девушками, которые проникают в дом через дымоход. Ср. **Орисницы.**

Понятие С. связано также с мотивом участи, дележа общего блага на части и наделения каждого своей долей, который многократно воспроизводится в славянских календарных и семейных обрядах (ср. ритуал деления каравая и других ритуальных блюд).

Известно множество сказок, легенд, быличек на тему неотвратимости судьбы: при рождении мальчику предсказано, что он убьет отца и женится на матери, его бросают в воду, но предсказание все же сбывается (см. **Инцест**), девушке предсказывают смерть в колодце, когда ей исполнится 17 лет; ее всячески оберегают, колодец забивают, но в день семнадцатилетия девушка выходит гулять, падает на крышку колодца и умирает и т. п.

Неопределенность, недоступность, потусторонность, невидимость, неслышимость и бесплотность того или тех, кто наделяет людей судьбой, сокрытость С. и в то же время ее непреложность заставляют людей искать и отгадывать свою С., пользуясь некими знаками С. и магическими приемами, устанавливающими контакт с тем миром, где решаются людские судьбы.

Этот мотив отгадывания, распознавания С. является основой весьма развитой в традиционной культуре системы **гаданий**, прежде всего гаданий девушек о замужестве; гаданий о судьбе новорожденных (по времени рождения, по звездам и т.п.) и судьбе больных (т.е. о их выздоровлении или смерти). Во всех случаях гадание понимается как общение с нездешними силами и часто как дело греховное. Общение обычно происходит во сне или косвенно, т.е. девушки получают «оттуда» некоторые знаки, подлежащие прочтению.

При всей неотвратимости С. она нередко становится объектом игры, С. стараются обмануть или изменить, что, как правило, не имеет успеха или приносит мнимый и временный успех.

С.М. Толстая

Т

ТЕНЬ — заместитель, двойник человека, эквивалент его души. Представления о Т. как о некой самостоятельной субстанции, которая может отделяться от человека, определили отношение к Т. как к мифологическому персонажу, связанному с потусторонним миром. У поляков облик Т. имеет **мора**, у южных славян — **вампир;** в виде Т. появляются души умерших. В то же время некоторые персонажи могут не иметь собственной Т., например у русских — **леший**, **черт**, **колдун**, у южных славян — дети, рожденные от вампира. Согласно болгарской богомильской легенде, Бог сотворил дьявола из своей Т. Умение магическим путем менять местами свое тело и Т., «переводить» на Т. свои физические ощущения — характерная черта восточнославянских **ведьмы** и **колдуна**: чтобы их обезвредить, нужно бить осиновым поленом по их Т. Если же ударить самого колдуна или ведьму, они не будут испытывать боли.

Т. бывает агрессивной по отношению к своему хозяину: она наваливается на человека, который «играет» со своей Т., например специально меняет положение рук, заставляя меняться свою Т. Поэтому на Русском Севере детям запрещалось манипулировать своей Т., чтобы она во сне не напала на них. Сербы различают Т. как двойник души (*сен*) и Т. как двойник тела и предметов (*сенка*). Тенью-душой помимо человека могут обладать животные, деревья, камни, что придает им особую магическую силу. Человек может потерять свою Т.-душу, которая будет блуждать по свету самостоятельно. Сербы также считают, что Т. может проникнуть в голову человека через органы зрения и помутить ему разум.

Согласно верованиям, то, что происходит с Т. человека, должно произойти с ним самим, поэтому запрещалось вставать на чью-либо Т., чтобы не повредить человеку; у сербов участники ритуальных обходов шли лицом к солнцу, чтобы не топтать свои Т. Русские верили, что Т. может покинуть человека перед его смертью. По Т. гадали о будущем: в сочельник во время ужина один из домочадцев выходил во двор и через окно смотрел на сидящих за столом: человек, который не отбрасывал Т., должен в текущем году умереть. У болгар было принято наблюдать за своей Т. при первых лучах солнца на Ивана Купалу: если Т. была целой, это знаменовало хорошее здоровье на весь год.

Представления о Т. как о двойнике человека объясняют ее использование в лечебных обрядах: белорусы больного горячкой выносили в солнечный день во двор, клали на широкую доску и углем очерчивали его Т., после чего доску сжигали или топили. Русские верили, что Т. человека может быть источником его болезни, в результате которой он худеет, слабеет и сохнет. В этом случае считали необходимым «вынуть» из человека его Т. и уничтожить ее. Для этого больного ставили к стене, чтобы на ней обозначилась его Т., которую обкалывали булавками и обводили мелом или измеряли ниткой. Нитку сжигали, а булавки клали на порог, прося Т. забрать свою болезнь. У болгар при лечении некоторых болезней знахарка в трех местах ударяла ножом или топором по Т. больного, чтобы «отсечь» от него виновника болезни.

В южнославянских строительных ритуалах Т. является заместителем **жертвы строительной**: мастер перед закладкой дома тайком измерял Т. первого встречного человека или хозяина дома, а полученную мерку закладывал в фундамент. У сербов и болгар, если не удава-

лось снять мерку с человека, то измеряли Т. животного, которое позже убивали. Человек или животное, с Т. которого была снята мерка, заболевал и через 40 дней умирал, а его душа становилась покровителем строения. Строительной жертвой становился человек, Т. которого при закладке дома падала на фундамент, — мастер замуровывал ее вместе с первым камнем, а человек умирал; сербы считали, что по неосторожности мастер мог замуровать собственную Т.; чтобы избежать этого, при закладывании дома он не должен был стоять против солнца.

Пространство, которое закрывала Т. от какого-либо строения, считалось частью этого строения, например полагали, что человек, похороненный под сенью церкви, находится под ее покровительством. В Черногории и Герцеговине самоубийц запрещалось хоронить в Т. церкви.

Е.Е. Левкиевская

ТИС — дерево, используемое в качестве универсального апотропея в магии южных и западных славян.

Согласно поверью, известному в Сербии, Т. — это мировая ось, его крона достигает неба, а корни — ада; у его подножия находится вода и вход в нижний мир (см. **Мировое дерево**). Считается также, что Т. растет в чистых местах и на нем собираются **вилы**. Святое дерево используется для лечения многих болезней, особенно эпилепсии и туберкулеза.

Т. широко употреблялся как защитное средство: из него делали разного рода амулеты; крестики из Т. носили под рубашкой; кусочки Т. вплетали в гривы коням и прикрепляли к рогам коров и к колокольчикам, висящим на овцах; часто с его помощью оберегали детей: вшивали им в ворот кусочек тисового дерева; делали из Т. части колыбели и детской кроватки; поляки использовали Т. для охраны скота и людей от бешенства и укуса диких и бешеных собак. В канун праздника Трех королей по окончании святок поляки освящали кусок Т. и окуривали дымом от него скот; тем же способом защищали скот и людей от ведьм.

В южнославянских регионах особую силу приобретал кусок тисового дерева, прошедший освящение в ритуале «караулить тис». Отрубали кусок тисового дерева, девушка или парень разводили огонь во дворе, клали кусок Т. вблизи огня (но так, чтобы огонь не тронул древесины) и в течение ночи дежурили вблизи огня, т.е. «караулили» Т. После рассвета парень стрелял из ружья и громко объявлял о том, что ритуал совершен. Этот кусок Т. использовали для изготовления амулетов, с его помощью оберегали детей и скот. Облегченным вариантом обряда можно считать обычай оставлять кусок Т. на ночь в церкви с последующим использованием его в качестве апотропея.

Вместе с тем на западе славянского мира Т. относился к числу достаточно опасных растений. Так, в средневековых травниках, пришедших из Западной Европы, говорится о том, что тень Т. ядовита и потому под ним нельзя спать; нарушивший запрет может умереть во сне; считается также, что тень Т. вызывает болезни и отнимает у человека сон. Южные славяне остерегались жечь тис, полагая, что человек, сделавший это, умрет в том же году.

Т.А. Агапкина

ТКА́ЧЕСТВО — процесс создания ткани, соотносимый в народной культуре с актом творения мира и символизирующий жизненный путь и судьбу человека.

Продуцирующая семантика Т. основана на метафорическом отождествлении создания (тканья) полотна и событий жизни: начало тканья соотносилось с рождением человека, а окончание — со смертью; навитую на станок основу необходимо было сразу же соткать на один оборот воротила, если этого не сделать, считалось, что ребенок, родившийся в эту ночь, не будет расти или умрет. Если в момент окончания тканья в дом войдет человек, верили, что он вскоре умрет (Полесье).

Как и прядение, Т. тесно связано с **«тем светом»**, душами умерших и демонами (у восточных славян — с **домовым**,

кикиморой, Пятницей и др.). Запрет заниматься ткаческими работами в годовые поминальные праздники (на **«деды», задушки, задушницы**) и на святки мотивирован тем, что можно загородить дорогу душам умерших, которые в это время приходят в свои дома.

Запрет ткать весной (перед Благовещением, на масленичной неделе, на первой неделе Великого поста, в период между Вознесением и Троицей и некоторые др.) вызван опасением «заткать», «засновать» летние дожди или воспрепятствовать случке домашнего скота. У сербов, однако, запрет снимался, если ткали вещи девушке в приданое.

Процесс тканья окружен рядом запретов и предписаний (временны́х, пространственных, персональных), требует соблюдения оберегов и произнесения магических приговоров и формул. Особенно строго регламентировано обрядовое Т., с помощью которого можно противостоять природным бедствиям и эпидемиям, лечить болезни. Хорошо известно славянам тканьё обыденного полотна (полотенца, рубахи; см. **Обыденные предметы**) для защиты села от мора, падежа скота, от засухи, от ходячих покойников.

Широко используется в магической практике ткацкий (так же, как и прядильный — см. **Веретено, Прялка**) инвентарь, в частности воротило (вращаемая часть ткацкого станка, на которую навиваются нити основы или готовая ткань), нит (часть ткацкого станка, регулирующее подъем нитей для прохождения челнока), бердо (гребень, служащий для разделения нитей основы), а также отрезанные нитки, основа (нитки, подготовленные для тканья) и сами вытканные изделия. Готовое полотно символизировало дорогу, жизненный путь. Его дарили новорожденному, повитухе и кумовьям; на свадьбе — невесте, а невеста — свекрови, по полотну невеста входила в дом мужа; на похоронах новым холстом покрывали гроб, выстилали дорогу перед гробом; куски полотна приносили в жертву **дворовому**, закладывали в фундамент нового дома, вешали на деревья и источники.

Бердо, нит, мялка, воротило служили оберегом от нечистой силы, «продуцирующими» предметами. Например, болгары в качестве оберега клали около колыбели ребенка бердо; чтобы защитить дом от вампира или от эпидемии, укрепляли на дверях нит; с помощью мялки лечили от испуга, порчи, «самовильской» болезни, в последнем случае протаскивая больную девушку под мялкой. В Сербии, размахивая бердом, отгоняли градовую тучу; у русских при первом **выгоне скота** из хлевов клали у порога нит, чтобы скот через него переступил, и т.п. Воротило, или навой, использовалось в обрядах вызывания дождя, стимулирования плодородия и рождаемости, а также во вредоносной магии. Для облегчения родов роженицу переводили через навой или через нит (полес.); чтобы бесплодная женщина зачала, болгарский **кукер** во время обрядовой игры дотрагивался воротилом до ее одежды. Кукерские обходы села с воротилом совершались ради плодородия и урожая. Оно использовалось у болгар для изготовления обрядовой куклы в ритуале вызывания дождя. Во время засухи девушки иногда крали воротило у женщины, которая долго держала полотно на стане невытканным, и поливали его водой (болг. Фракия), окунали в воду или бросали в чужой колодец ниты от ткацкого стана или веретено (Полесье). В Сербии воротило с нитями, которые насновала одна из сестер-**близнецов**, использовалось для отгона градовых туч. У южных славян ведьма, чтобы «отобрать» урожай с чужих полей и молоко у чужих коров, нагишом объезжала соседские угодья в Юрьев или Иванов день верхом на пустом воротиле (болг., серб., словен.).

Как и другие орудия Т., воротило связано с идеей жизни — смерти. Болгары верили, что если в день смерти кого-либо из домашних воротило на станке стоит в положении желобом вверх, то в семье будет еще покойник. В Полесье говорили, что тот, кто садится на навой, после смерти увидит свою мать.

Лит.: *Павлова М.Р.* Магические приговоры в ткачестве // Славянское и балкан-

ское языкознание: Структура малых фольклорных текстов. М., 1993, С. 170–182; *Павлова М.Р.* Полесские обряды и поверья, связанные с ткачеством // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983, С. 111–113; *Владимирская Н.Г.* Материалы к описанию полесских народных представлений, связанных с ткачеством. Снование // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983. С. 225–246.

М.М. Валенцова

ТО́ДОР, т о́ д о р ц ы — у болгар и сербов календарный демон, «нечистый» покойник, превратившийся в **волколака** и **караконджула**; демоническая ипостась св. Федора, память которому отмечалась в 1-ю субботу Великого поста. Т. появлялся по ночам из могил в течение всей Тодоровой (1-й недели Великого поста) недели и бродил по селу в облике караконджула или волколака до первых петухов, а затем вновь уходил в могилу. Он ездил верхом на белом коне и мог затоптать всякого, кого встретил бы на пути; смерть ожидала и тех, кого он мог ударить рукой или палкой.

Аналогичны Т. и тодорцы — невидимые хромые кони или всадники (в облике людей, но с хвостами), которые бежали по земле по ночам в течение Тодоровой недели или сразу после нее; они, как и Т., нападали на припозднившихся путников и наказывали людей, нарушивших бытовые и хозяйственные запреты. Тодорцам присущи хромота, белый цвет коней и плащей, в которые были завернуты всадники, элементы оборотничества (конь-всадник). Тодорцы принадлежат темноте и мраку (выскакивают прямо из-под земли), и свет для них невыносим и опасен. Поэтому в течение всей Тодоровой недели люди стремились вернуться домой засветло, чтобы с наступлением темноты не встретиться с тодорцами, не жгли огней ни в доме, ни снаружи, а также рано ложились спать и поздно вставали, чтобы на них не напали тодорцы. Если бы тодорцы заметили свет в окнах, они бы разбили окна копытами и затоптали домочадцев.

С темой Т. и тодорцев связаны некоторые представления, касающиеся Тодоровой недели — одного из самых опасных (наряду со **святками**) периодов южнославянского календаря. У болгар, сербов и македонцев человек, не доживший до конца строгого поста, соблюдаемого в течение первых трех дней Тодоровой недели, считался «нечистым» покойником и великим грешником, на что указывали особенности его погребения: такого покойника хоронили в мусорной куче, навозной яме или в крайнем случае с краю кладбища; его не вносили в церковь, и священник не отпевал его, а из дома его выносили не через дверь, а через пролом в стене. Умерший в течение Тодоровой недели, как считали болгары, мог также превратиться и в Т. У болгар и сербов к Тодоровой субботе были приурочены годовые поминки по умершим, при этом часть поминальных блюд, приготовляемых к «тодоровской» **задушнице**, специально «предназначалась» тодорцам, а приготовленные хлебцы в форме подков (или с оттиском подковы сверху) имели значение умилостивительного дара тодоровым коням и, возможно, всем «нечистым» покойникам в целом (во время «тодоровской» задушницы раздавали не только выпеченные хлебы, но и сырое зерно).

Лит.: *Толстой Н.И.* Балканославянские обряды: *Тодорица / Тодоровден // Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 135–142; *Агапкина Т.А.* О тодорцах, русалках и прочих навях // Studia mythologica Slavica. Ljubljana, 1999. № 2.

Т.А. Агапкина

ТОПО́Р — наряду с другими острыми железными предметами (ножом, серпом, косой и др.) — оберег и отгонное средство против нечистой силы и болезней. У восточных славян Т. клали под ноги скотине при первом выгоне на пастбище, чтобы уберечь ее от порчи и хищников; для этой же цели на Русском Севере пастух обходил стадо с Т.; болгары забивали Т. в дерево, чтобы защитить себя от волков. В Полесье Т. клали под порог,

чтобы вампир не смог проникнуть в дом; на Украине и у западных славян под постель роженице и под колыбель новорожденному наряду с другими железным предметами клали Т., чтобы оградить их от порчи и злых духов. Чтобы оградить живых от влияния смерти, Т. клали под лавку, где лежал покойник, или на лавку после выноса тела. Сербы клали Т. около обмолоченного жита, оставшегося вне амбара, чтобы защитить его от ночных демонов. В карпатском свадебном обряде дружка, вводя в дом новобрачных, ударял топором крест-накрест о притолоку двери, чтобы обезвредить возможную порчу. На Русском Севере считали, что **водяной** не сможет повредить человеку, если тот вслух упомянет о Т. и других острых предметах. Т. использовали, чтобы остановить град, символически «рассечь» градовую **тучу**.

Чтобы защитить от злых сил новорожденного ребенка, сербы для него делали амулет в виде маленького Т. Его изготовляли в полночь накануне пятницы муж и жена, раздевшись донага и сохраняя молчание. Ребенок, для которого был изготовлен амулет, должен был носить его всю жизнь в качестве оберега.

Т., как предмет, сделанный из **железа**, используется в магической практике для сообщения человеку и скотине силы и здоровья. На Западной Украине, ложась спать на Новый год, около постели клали Т., а утром вставали на него, чтобы ноги были здоровыми и крепкими. Чтобы рана на ноге быстрее зажила, под ноги клали Т. Для этой же цели чехи утром в Страстную пятницу вставали босыми ногами на Т. Чтобы легче родить, сербские женщины пили воду, в которой был вымыт острый Т. В Полесье после выноса покойника из дома через порог бросали Т., чтобы оставшиеся члены семьи были здоровы.

В народных верованиях Т. ассоциировался с мужским началом. В Белоруссии, если супруги хотели иметь мальчика, они в изголовье кровати клали Т., а если девочку — серп. У восточных славян было принято пуповину новорожденному мальчику отрезать на Т. Согласно полесским аграрным обычаям, перед началом пахоты нужно воткнуть в землю Т., чтобы обеспечить хороший урожай.

Иногда лезвие Т. ассоциировалось с острыми зубами грызунов и хищников, поэтому у болгар в первый день Великого поста запрещалось прикасаться к лезвию Т. и других острых предметов, чтобы вредители не нападали на поля.

На украинских Карпатах и в Восточной Словакии применялись ритуальные топорики, которые служили знаком власти и магической силы старшего пастуха.

Е.Е. Левкиевская

«ТОТ СВЕТ» — загробный мир, место пребывания душ умерших людей, а также разного рода духов и мифических персонажей. В системе славянских верований «Т. с.» — одно из центральных понятий, связанных с представлениями о посмертном существовании души и о тесных связях земного и потустороннего миров.

В народных поверьях и фольклорных текстах «Т. с.» описывается противоречиво: как отдаленное пространство, расположенное высоко в горах или за горами, морями, за непроходимыми лесами, на краю света, на острове посреди океана, за горизонтом (обычно — на западе или севере), либо вверху за облаками, либо внизу глубоко под землей. Вместе с тем считалось, что и в ближайшем пространстве, окружавшем человека, есть места, соотносимые с зоной смерти и входом в иной мир (например, кладбище, колодец, места у воды, болота и овраги, а в пределах жилого пространства — печная труба, подпол, углы дома).

Путь на «Т. с.» представляется долгим, трудным и опасным. Странствие героя в загробный мир — один из самых популярных мотивов в разных фольклорных жанрах. На этом пути приходится преодолевать множество препятствий: продираться сквозь заросли, переправляться через водную преграду, карабкаться вверх по горам или по дереву, спускаться вниз в бездонную яму или падать в колодец, переходить по мосту, жердочке, по тонкому волосу над пропастью и т.п. В сказочных сюжетах достичь «Т. с.» герою удается лишь с по-

мощью мифических животных (птицы, волка, оленя) или при содействии демонических персонажей. В поверьях «проводниками» на «Т. с.» служат умершие родственники или ангелы, св. Николай, Архангел Михаил и др. Главным рубежом, отделяющим этот свет от «Т. с.», считается мифическая река, переправившись через которую умерший забывает свою прошлую жизнь и приобщается к миру духов. Последней преградой на пути к «Т. с.» оказываются «врата загробного царства», охраняемые чудовищами или святыми христианского культа.

По одним верованиям, «Т. с.» предстает неким подобием земной жизни: там также светит солнце, поют птицы, растут деревья, стоят дома, где обитают души умерших, которые поселяются такими же своими семьями, что и при жизни, и занимаются привычными занятиями. Необычность этой страны отмечена лишь тем, что это край небывалого изобилия, богатства и благополучия: там стоят золотые и серебряные дворцы, растут золотые плоды, текут молочные реки и т.п. По другим представлениям, «Т. с.» прямо противопоставлен земному миру: это вечно темный, застывший, холодный, беззвучный, мокрый, безрадостный и обездоленный мир. Отрицание всех основных параметров, характеризующих пространство человека, — один из главных приемов описания загробного мира в похоронных причитаниях и заговорах. «Обратность» того света по отношению к земному миру может быть отмечена и в поверьях, по которым умершие питаются антипищей (падалью, навозом), а золото и дары, переданные из иного мира, оборачиваются на земле гнилушками и золой.

Представления о разделении «Т. с.» на рай и ад возникли, по-видимому, под влиянием христианства. Архаические народные верования изображают два этих мира территориально не расчлененными. По апокрифическим преданиям, «Т. с.» расположен на земле за водным пространством, где соседствуют и праведные, и грешные души. Сказочные герои, достигшие «Т. с.», встречаются в одном мире как с Богом и святыми, так и с грешниками, терпящими наказания за грехи. «Т. с.» как единое пространство, включающее рай и ад, по народным представлениям, является не только местом пребывания душ умерших и мифических существ, но и той страной (называемой **ирий** или вырей), куда на зиму переселяются птицы, змеи, насекомые. Считалось, что птицы перелетают туда осенью по Млечному Пути, а змеи переползают вверх по деревьям (либо птицы зимуют под водой на дне озер и колодцев, а змеи уходят под землю). Весеннее «открывание» земли и ворот загробного мира освобождает птиц и змей, и они вновь появляются на земле, а вместе с ними на волю выпускаются на определенное время и души умерших, которые могут навестить своих живых родственников.

Лит.: *Афанасьев А.Н.* Заметки о загробной жизни по славянским преданиям // *Афанасьев А.* Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996. С. 289–305; *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. С. 281–297; *Елеонская Е.Н.* Представление «того света» в сказочной традиции // *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994. С. 42–50; *Соболев А.Н.* Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913.

Л.Н. Виноградова

ТРА́УР — система правил и запретов, соблюдаемая членами семьи, родственниками и близкими умершего. Продолжительность Т. или отдельных его видов может быть разной (один—три дня, девять дней, 40 дней, полгода, год, несколько лет, пожизненный Т.), это зависит от степени близости к умершему (более строгий и более длительный Т. соблюдается по отношению к супругу, детям, родителям, братьям). Формы и виды Т. различны в разных локальных традициях. Знаком Т. чаще всего бывает **одежда** и головной убор (черного или в древности чаще белого цвета вся одежда; черная одежда и белый платок у женщин в некоторых балканских регионах, отсутствие головного убора у мужчин, у южных славян часто — выворачивание верхней одежды наизнанку или надева-

ние ее задом наперед, завязывание пояса спереди, у женщин способ завязывания платка — на макушке, под подбородком или на шее и т.п.), внешность (распущенные волосы у женщин, борода у мужчин; у женщин на Балканах, особенно в Черногории, часто царапание лица, вырывание волос), внутреннее и наружное убранство дома (запрет на побелку дома в течение года; на Балканах черный, реже белый платок или полотно, вывешенные на дверях; в них часто завязывали несколько монет и втыкали иглу с красной ниткой; крест, нарисованный на дверях, и др.). Одним из главных знаков Т. обычно является воздержание от любых проявлений веселья, от пения, смеха, игры на музыкальных инструментах, танца, громкой речи, участия в праздничных сборищах и застольях, а также ограничения в пище и питье (например, кое-где у болгар в период Т. не пьют молока). Нередко соблюдаются запреты на женские работы — прядение, тканье, шитье, замешивание кислого теста, метение дома, а также на мытье, расчесывание и стрижку волос, употребление косметики и украшений (у женщин на Балканах); в первые три дня после смерти часто запрещается любая работа. Соблюдающие Т. ограничены в своих ритуальных функциях: они не могут крестить детей, участвовать в свадебных церемониях, обрядовых обходах и т.п. В их дома не заходят колядники, на Пасху в них не красят яйца (или красят их не в красный, а в зеленый или желтый цвет).

По широко распространенному обычаю южных славян, Т. не соблюдается в случае смерти первого ребенка: мать не носит траурной одежды, не раздает «на помин души», не ходит на могилу и т.п., чтобы не утратить способности рожать детей.

Т.А., С.Т.

ТРИГЛА́В — в мифологии балтийских славян трехглавое божество. Согласно средневековым западноевропейским авторам (Эббон, Герборд и др.), три головы символизировали власть Т. над тремя царствами — небом, землей и преисподней. У Эббона он назван высшим богом. Т. последовательно связан с троичной символикой: в Щецине его треглавый идол стоял на главном из трех священных холмов, при гаданиях вороного коня Т. трижды водили через девять копий, положенных на землю (идол имел на глазах повязку из золота, что, по-видимому, связано с причастностью Т. к гаданиям). Герборд описывает главную из четырех контин — храмов и пиршественных чертогов в Щецине: там стоял трехглавый идол Т., головы которого срубил христианский епископ и отправил в Рим (в другом описании головы Т. были покрыты серебром). В южнославянской и, возможно, восточнославянской традициях треглавый персонаж — **Троян**.

В.Я. Петрухин

ТРИ́ЗНА — см. **Погребение, Похороны.**

ТРИ́ФОНА ДЕНЬ, Трифун Зарезан (1.II) — первый весенний праздник, известный у балканских славян, который ритуально отмечал начало годового сельскохозяйственного цикла. Связан с виноградарством и виноделием, патроном которых считался св. Трифон из Фригии (Малая Азия), казненный в 250 г. н.э. По сербскому преданию, со дня его смерти исчезли насекомые, уничтожавшие виноградную лозу, поэтому его почитают как защитника виноградарей и винограда. В этом качестве св. мученик Трифон упоминается в сербской рукописи XVII в. Известны легенды о способности святого лечить взглядом нервные болезни. В народном представлении как покровитель плодородия св. Трифон мог лечить бесплодие (у людей, животных, деревьев).

У южных славян широко известно предание о Трифоне и Богородице (брате и сестре, матери и сыне), согласно которому святой был проклят или наказан за любопытство (отрезал себе нос виноградарским ножом), когда встретил Богородицу, идущую на 40-й день после рождения Христа в церковь.

В Т. д. в селах священник совершал службу, освящал воду, после чего каждый хозяин отправлялся в свой вино-

градник, где отрезал одну или три виноградных лозы по краям угодья, поливал их вином и ракией, «чтобы был урожай», и посыпал пеплом, «чтобы гроздья винограда были крупнее» (область Скопье, Македония). Обряд осуществлялся, как правило, мужчинами, в р-не Тимока — беременными женщинами, «чтобы виноград хорошо родил».

В юго-западной Болгарии в середине сада хозяин зарывал бутылку со святой водой для защиты плодов от града. В Куманово (Македония) селяне катались вдоль кустов винограда, чтобы так же катались бочки с вином. Если лозу отрезали двое, то благопожелание хозяина нередко превращалось в ритуальный диалог: «Дед Трифон, ты где?» Другой отвечал: «Слышу, слышу!» Хозяин пророчествовал: «Не видно тебя из-за черных и белых гроздьев винограда». Затем следовала мужская трапеза.

Болгары из отрезанных прутиков лозы плели венки, которые относили домой и вешали на икону. В северной Болгарии также выбирался «царь лозы», которого на руках или в колеснице везли в село, где лили вино в каждом доме, чтобы был богатый урожай.

В Радовише (вост. Македония) в этот день бесплатно угощали вином и тот, кто падал на землю пьяный, выбирался «царем пьяниц» на весь год.

В некоторых областях Сербии Т. праздновался вместе с сельской «**славой**», для чего пекли специальный каравай.

Нередко Т. д. отмечался для защиты от града, от птичьих налетов, от гусениц и кузнечиков (Попово), мышей и пресмыкающихся. В р-не Тимока мужчины стреляли из ружей над огородами, отпугивая кротов, а женщины не брали в руки веретена, чтобы птицы не кружились около посевов.

Т. д. и следующие два дня — св. Богородица (2.II.), св. Симеон (3.II) — связаны в обрядовый комплекс *Трифунците*, почитаемый в различных районах Болгарии для защиты от волков, мышей, медведей, зайцев или змей (Македония). В западной Болгарии женщины не прядут, т.к. крот роет землю так же, как вертится веретено. Хозяйки втыкали горящие головни в землю в своих садах, чтобы прогнать кротов. Если не соблюдать запретов на работу, может родиться ребенок с зашитым ртом или сросшимися пальцами рук или ног.

В тех областях, где виноградарство было слабо развито (Родопы), для Т. д. характерны ритуальные действия типа «отрезания», «отсекания» (*трифоносване*), направленные на неплодоносящие деревья, бездетных женщин и животных. У болгар известно также и «надрезание» лезвием бесплодных мужчин.

В Воеводине св. Трифон почитался как покровитель гусей («гусиный» святой), т.к. по преданию он в молодости их пас. Женщины перед тем, как положить яйца под гусыню, клали их в мужскую меховую шапку, чтобы гуси рождались хохлатыми и мужского пола.

Во время праздника женщины избегали домашней работы, чтобы плоды не были червивыми.

С Т. д. заметно увеличивался день, и в народе говорили: «Трифон воткнул огарок в землю, поэтому снег и лед начали таять». В Сербии в этот день гадали о погоде: если на Трифона идет снег или дождь, то год будет дождливым и плодородным, а если солнечно — будет сухо и неурожайно.

В иконографии св. Трифон изображался с виноградарским ножом или как пастух гусей (Воеводина).

Св. Трифон считается вероятным преемником анатолийско-фракийского бога плодородия и вина Сабазия—Диониса.

Е.С. Узенёва

ТРО́ИЦА — один из важнейших праздников православного церковного календаря, отмечаемый в 50-й день после Пасхи (отсюда его второе название — *Пятидесятница*). В народной традиции Т. включается в комплекс нескольких праздничных дней. У русских он начинался с **Семика**, т.е. четверга седьмой послепасхальной недели; следующая заметная дата этого цикла — суббота накануне Т., отмечаемая у восточных славян как одна из главных поминальных дат в году (ср. названия этого дня: «ро-

дительская суббота», «задушная» или «духовская суббота», «троицкие деды»). Вслед за троицким воскресеньем начиналась неделя, называемая у восточных славян «троицкой», «Русальной», «Проводной» и т.п., а у славян-католиков «Зелеными святками» или «Зеленой неделей». В ее составе выделялись две главные даты: Духов день и четверг, называемый в южнорусских областях и в полесской зоне «Троица умерших», «Навская Троица», «Русалчин великдень».

В народных верованиях этот период календаря воспринимался как вредоносный и опасный (ср. его полесские названия: «вредная» или «кривая» неделя); рожденным в это время людям предрекали несчастливую судьбу, а умершим — что они станут «нечистыми» духами. Судя по некоторым фольклорным текстам и поверьям, «Святая Троица» представлялась как единый женский персонаж.

Приуроченный к этим дням народный обычай украшать свежей зеленью дома, хозяйственные постройки, церкви, дворы и улицы села является общим для всех славян (как православной, так и католической ориентации). Накануне дня Пятидесятницы заготавливалась «троицкая зелень»: люди привозили целые возы срубленных веток и молодых деревьев, трав и цветов. Из них плели ритуальные **венки**; этой зеленью устилали пол в домах и церквях; ветки втыкали в окна и двери домов, в ворота и заборы, подвешивали над колодцами; деревца закапывали во дворе возле дома, под окнами, по углам дома, вдоль сельских улиц и т.п. По прошествии трех дней всю «троицкую» зелень выносили за пределы жилого пространства и уничтожали ритуальными способами: сплавляли по воде, сжигали в обрядовых кострах, забрасывали на деревья или крыши домов. Остатки засохших трав и веток сохраняли в качестве лечебного средства или оберега от нечистой силы, стихийных бедствий, вредителей-грызунов и насекомых. Особенно массовыми и повсеместными были обычаи семицко-троицкого цикла у русских, среди них выделялись широко известные ритуалы с «троицкой» березкой. В Семик девушки ходили в лес «завивать» березки: закручивали ветки в кольца, скрепляя их лентами (см. **Береза**). При этом совершался обряд кумления, т.е. девушки попарно целовались сквозь такие березовые круги и обменивались своими крестиками или другими вещами под пение особых песен («Покумимся, кума, покумимся, чтоб нам с тобой не браниться...»), после чего называли друг друга кумой. В Троицын день вновь приходили к этому месту, развязывали березовые ветки и «раскумливались», возвращая себе свои вещи.

Важным элементом троицкого цикла являются поминальные обряды, наиболее ярко выраженные у восточных и южных славян. На Русском Севере Т. и предшествующая суббота считались главными в году поминальными датами. В церковных источниках XVI–XVII вв. осуждался народный обычай, когда «в Троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробом умерших с великим воплем». Суббота накануне Т. считалась одной из главных поминальных дат и у южных славян (см. **Задушницы**).

В южнорусских областях и в Полесье пятница и суббота перед Т. отмечались как дни, когда можно было поминать «нечистых» покойников. На Черниговщине говорили, что это главные в году поминальные **«деды»**, когда непременно следовало помянуть всех утопленников и висельников из своего рода. С обычаями поминовения тех, кто умер насильственной или преждевременной смертью, соотносятся поверья о появлении на земле в это время душ умерших детей или девушек, не доживших до замужества, т.е. **мавок** и **русалок**. Родители, пережившие смерть незамужних дочерей или малолетних детей, особенно тщательно исполняли поминальные ритуалы: оставляли на ночь на столе еду, предназначенную душам; вывешивали на ограду одежду для русалок; соблюдали запреты шить, прясть, белить стены дома и печь, работать в поле, чтобы не навредить незримо присутствующим русалкам. Чтобы помянуть своих умерших в младенчестве детей, матери относили на

кладбище и раздавали односельчанам крашеные яйца и пироги.

В северных р-нах Болгарии Т. и Русальная неделя почитались как «праздник русалок и самодив», поэтому женщины воздерживались от всех видов работ вне дома, чтобы русалки не наказали их неизлечимой болезнью. Этот же период считался единственным в году временем, когда можно было излечить больных «русальской» или «самодивской» болезнью: для этой цели по селу ходили особые ритуальные лица — мужские дружины, которые исполняли магические хороводы вокруг больного (см. **Русалии**).

Согласно широко распространенным у восточных и южных славян поверьям, в последние дни троицкого цикла души умерших возвращаются в загробный мир, поэтому в обрядности этого периода отражаются многочисленные мотивы «прощания» с ними и «проводов», т.е. выпроваживания умерших из земного пространства. Например, болгарский и македонский обычай в Духов день устилать пол в церкви листвой **ореха** совершался для того, чтобы попрощаться с душами и помочь умершим перейти обратно на «тот свет».

У восточных славян заключительный этап троицкого цикла характеризуется многообразными формами ритуальных «проводов»: например, уничтожение троицкой зелени; «изгнание русалки», «вождение куста» (или «весны», «тополи», «утицы»); «проводы» пары ряженых «Семика и Семичихи»; «похороны кукушки» и т.п.

Лит.: *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 188–227.

Л.Н. Виноградова

ТРОЯ́Н — божество в древнерусской книжной традиции. В апокрифическом «Хождении Богородицы по мукам» (XII в.) отнесен к восточнославянским богам наряду с **Хорсом**, Велесом (Волосом) и **Перуном**. В «Слове о полку Игореве» мифический певец *Боян* достигает поэтического вдохновения, «рыща по тропе Т.»; Русская земля в «Слове» названа «землей Трояней»: в эту землю вступает «дева обида», вставшая в «силах Дажьбожья внука» (см. **Дажьбог**) — видимо, среди русского народа. Т. в «Слове» связан как с мифологемой пространства, так и с мифологемой времени: «века Т.» — обозначение языческой эпохи и времени княжения первых русских князей-героев; седьмой (последний) век Т. относится к правлению Всеслава Полоцкого (XI в.), последнего мифологизированного князя-оборотня (ср. **Волхвы**). В южнославянском фольклоре Т. — демонический герой, царь с козлиными ушами и ногами, иногда трехглавый: в сербской сказке одна голова Т. пожирает людей, другая скот, третья рыбу; видимо, жертвы Т. символизируют его связь с космическими зонами, тремя царствами и т.п. (ср. функции балтийско-славянского **Триглава**). В сербском фольклоре царь Т. — ночной демон: он навещает свою возлюбленную по ночам и покидает ее, когда кони съедают весь корм, а петухи поют на рассвете; брат любовницы Т. насыпает коням песка вместо овса, у петухов вырывает языки; Т. задерживается до рассвета, и на обратном пути его растапливает солнце.

На представления о Т., особенно о царе Т. в южнославянском фольклоре, повлиял образ римского императора Траяна (98–117 гг.); некоторыми исследователями «тропа Т.» отождествляется с памятником — трофеем Траяна в Добрудже. По другой гипотезе, представления о «веках Т.» сложились под влиянием эпоса о «Троянской войне».

Лит.: *Соколова Л.В.* Троян в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. С. 131–137 (там лит.).

В.Я. Петрухин

ТРУБА́ печная — наряду с окном, дверью, подполом, чердаком осмысляется как открытая граница, посредник между этим и потусторонним миром, место, связанное с миром мертвых.

Согласно южнославянским верованиям, через Т. пролезает в дом **вампир, вештица**, дьявол, духи болезней, духи судьбы. Восточные и западные славяне полагали, что через Т. прилетает к вдо-

вам черт в облике умершего мужа, приносит богатство летающий **змей**; чехи считали, что в Т. стонет панна Мелюзина, занесенная туда вихрем. Через Т. черти уносят душу умершего колдуна, вылетает ведьма на шабаш. Согласно русским сибирским верованиям, вештица влетает в Т. в виде сороки, чтобы вынуть плод у беременной женщины. По полесским поверьям, чтобы призвать к себе чертей, нужно три раза свистнуть в Т. Согласно украинской быличке, через Т. Параскева Пятница бросает веретена женщине, нарушившей запрет прясть по пятницам. На Русском Севере верили, что колдуны превращают участников свадьбы в волков, выпуская их через Т. Восточные славяне полагали, что около Т. находится место **домового**, а на востоке Польши считали, что там сидит **дух-обогатитель**. Чтобы демоны не могли проникнуть в дом, сербы в Т. втыкали колючки боярышника, украинцы вокруг нее обсыпали маком, а саму Т. крестили на ночь.

Т. — путь, по которому души умерших уходят в загробный мир, а души новорожденных детей появляются на свет. Белорусы верили, что душа умершего, которого забыли помянуть родственники, ветром врывается в трубу и стонет, прося поминовения; по украинским представлениям, там находятся души мертворожденных детей, а по сербским — души предков, поэтому в Сочельник хозяйка бросала остатки ужина в Т., чтобы накормить их. Украинцы полагали, что смерть, приходя за человеком, садится около Т. Чтобы не бояться покойника, придя домой после похорон, заглядывали в Т. Согласно русским, польским и македонским приметам, сова или ворон, сидящие на Т., предвещают смерть хозяина или кого-либо из членов семьи. Кашубы считали, что аист бросает в Т. детские души в виде лягушек, которые, пролетая через дымоход, превращаются в новорожденных детей. Поляки полагали, что, если аист во время свадьбы стоит на Т., это предвещает новобрачным скорое рождение детей. С Т. связывали появление на свет и приплода птицы: на Украине Т. чистили от сажи за месяц до того, как посадить гусыню на яйца, иначе яйца почернеют и гусята не выведутся.

У восточных славян широко известен обычай звать в Т. заблудившуюся скотину, выкликать имена пропавших без вести родственников. На Русском Севере во время гаданий о браке девушки открывали Т., в нее задавали вопросы, чтобы узнать о своей судьбе, а в Полесье, желая приворожить парня, в Т. произносили любовный заговор. У сербов молодая, входя в дом мужа, заглядывала в Т.

В Т. помещали предметы-обереги: белорусы туда вешали щучью голову, которую клали под ноги корове во время первого выгона на пастбище. У южных славян ритуальные действия с дымоходом совершали в «волчьи» и «медвежьи» дни: в дымоход ставили клин, чтобы волк наколол себе язык; болгары дымоход замазывали глиной или свежим навозом, чтобы замазать волку глаза, а в «медвежий день» в дымоход подбрасывали кукурузные зерна или специально испеченный хлеб в качестве жертвы для медведя.

Чтобы отогнать градовые тучи, восточные славяне закрывали в Т. вьюшки, а в Полесье на печи сжигали травы, направляя дым в Т., клали туда ухват. Во время ритуальных **бесчинств** на Рождество молодежь затыкала Т. соломой. В Полесье на третий день свадьбы, когда устраивали шуточную женитьбу отца и матери молодых, на Т. вешали свадебное деревце, а после брачной ночи мужчины обдирали побелку с Т., говоря, что ее нужно выбелить заново.

Е.Е. Левкиевская

ТУ́ЧИ, о б л а к а́ — по древним мифологическим представлениям, небесные стада говяд (коров и быков) или овец, которые водят по небу утопленники, висельники или другие «заложные» покойники (ср. **Планетники**). По верованиям жителей Драгачево (западная Сербия), градовые тучи (стада белых говяд) гонит бык; восточнее водителем туч считают св. Германа, а западнее (в восточной Боснии) — св. Савву. В других областях Сербии верят, что тучами уп-

равляют *алы*, *аждаи*, змей (см. **Хала**), **двоедушники**, **здухачи**. Кое-где на Балканах считают, что градоносными Т. предводительствует орел, живущий над облаками. Ко всем этим «облакопрогонникам» при виде надвигающейся Т. люди обращают заклинания, требования, мольбы, призывы отвести «своих говяд» от села. Нередко Т. отождествляется со своим предводителем: по болгарским поверьям, Т. — это хала, которая опускает свой хвост и потом его убирает; сербы думают, что это *ала*, у которой во время дождя хвост на земле, а голова на небе.

У восточных славян следы подобных представлений сохраняются в диалектных названиях облаков: *бык* (вологодское), *быки* (владимирское), *бычки* (ярославское, уральское), в уподоблении дождя молоку, в обычае давать коровам клички *Туча*, *Хмара* (украинцы), тушить пожар от молнии молоком черной коровы или сывороткой (Полесье), в приметах типа смоленской: «Черная корова идет впереди стада — будет дождь, светлая — будет погода», в загадках о Т. типа украинской: «Черная корова небо лижет» и т.п.

На Карпатах у украинцев и поляков предводителями Т. считаются **планетники**: во время грозы якобы можно разглядеть в Т. их руки и ноги. Поляки в районе Познани планетниками называют черные Т. У восточных славян преобладает представление, по которому грозовые (*перуновы*) Т. гонит по небу св. Илья, поэтому их нельзя отгонять **бранью** (белорусы).

Широко распространено мнение, что на Т. обитают души умерших некрещеных детей, заложных покойников; реже полагают, что там же находятся души родителей-предков. Недавно в Брянской обл. было записано заклинание, произносимое при виде Т. с целью ее отогнать: « А я етой тучи не боюся, / А я етой грозной не боюся. / А у етой туче — мой батюшка. / А у етой туче — мой родненький. / А у етой туче — моя матушка. / А у етой туче моя родная».

Мифологическая трактовка Т. проявляется в балканских и карпатских верованиях о пребывании в Т. демонов, прежде всего атмосферных, но нередко также и **вил**, в белорусских представлениях о том, что в виде Т. ходит от села к селу холера, в сказочных мотивах похищения тучей людей и втягивания их на небо.

Вологодские крестьяне думали, что Т. — это железобразная масса вроде киселя (иногда куски ее находят на земле и даже «пробуют»); часто считали, что Т. состоят из пара или дыма, а градовые Т. — из кусочков льда. Белорусы полагали, что Т. выходят из моря, когда «самая большая рыба разгуляется и всколыхнет воду». Широко распространено представление, согласно которому воду в тучи набирает **радуга** из земных водоемов; по болгарским поверьям, халы опускают свои хвосты в воду и перекачивают ее в облака. Сербы Баната считают, что воду в Т. приносят покойники или змей.

Для отгона градовых и грозовых туч использовались разнообразные магические приемы. Женщины-сербки выходили на холм и кричали изо всех сил: «Ой, Милева-утопленница, не пускай своих белых говяд на наши зеленые поля! Гони их по горам и косогорам, гони их в синее море!» Навстречу Т. бросали пасхальные яйца, размахивали пасхальной скатертью, свадебной фатой, венцом, палкой, которой разнимали змею и лягушку; крестили тучу, отгоняли ее криком и шумом, стреляли из ружей; считалось, что тучу может отогнать колокольный звон и даже просто звук трубы, а также огонь сретенской свечи. Южные славяне магически «отворачивали» тучу от села, переворачивая кверху ногами треножник или телегу, «рассекали» тучу острыми орудиями — косой, серпом, топором (этот способ известен также русским, украинцам, полякам), сербы практиковали символическое рассечение Т.: стелили на землю тряпку или холст, рубили его на мелкие куски топором и разбрасывали во все стороны. Пытались также «умилостивить» тучу, предлагая ей в виде угощения **хлеб-соль**, для чего выносили из дома трапезный столик. Восточные славяне выбрасывали во двор хлебную лопату и другую печную утварь — ухват, кочергу, а также хлебную **дежу** или крышку от нее; зажигали сретенскую («громничную») или страстную

(«четверговую») свечу, жгли троицкую зелень, ветки **вербы**; выносили во двор на лопатке горсть горящих углей и т.п.

Облачная, пасмурная погода иногда считается благоприятствующей тому или иному предприятию: «под тучу» хорошо сажать огурцы (Полесье), ставить невод (западная Белоруссия) и т.п.

Лит.: *Толстые Н.И. и С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981; *Их же.* Заметки по славянскому язычеству. 3. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982; *Толстой Н.И.* Еще раз о теме «тучи—говяда, дождь—молоко» // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994.

С.М. Толстая

У

У́ГОЛ — часть дома или другого хозяйственного строения, отделяющая «свое» (замкнутое) пространство от «чужого» (открытого, не освоенного человеком). В славянском жилище особая роль отводилась красному углу, где находились **иконы** и стоял **стол**.

В народных верованиях, языке и фольклоре внутренние У. символизируют весь **дом**, ср. выражение «иметь свой угол», а также похоронное причитание сироты, потерявшей родителей: «...к которому мне теперь углу приткнуться». При этом «свой угол» последовательно противопоставляется «чужому», соотносимому со смертью, горем, запустением, бедностью, тишиной, ср. в причитаниях: «А мы ж то с своего угла повышли. Заставил ты нас по чужим углушкам слоняться, заставил ты нас век горевать, чужие углы считать».

В русском заговоре, произносимом «для богатства дома», символически воспроизводится внутренняя организация идеального дома: «Наша изба о четыре угла, во всяком углу по ангелу стоит. Сам Христос среди полу стоит, со крестом стоит, крестом градит, хлеб и соль, скот и живот, и всю нашу семью». Напротив, в похоронных причитаниях посмертное жилище покойного описывается как дом без углов. В белорусских заговорах жилище, располагаемое в центре мира, под мировым деревом, имеет не четыре, а три, девять, «тридевять» углов.

В обрядах и верованиях внешние У. символизируют внешнюю границу дома (ср. аналогичное значение других пограничных частей дома и двора, в частности ворот и порога). В «строительной» магии при выборе места под будущий дом большое значение придавалось устойчивости этой границы: в углах будущего дома клали по камню, куску хлеба, сыпали по горсти пшеницы и т.п.; если через два–три дня после этого все предметы оставались на своих местах, считалось, что место выбрано удачно. По углам иногда ставили четыре горшка с водой: если к утру воды в них прибывало, это также рассматривалось как добрый знак (и наоборот). Нерушимость границы дома закреплялась и при начале строительства: под углы фундамента закапывали ветки вербы, освященные в Вербное воскресенье, остатки освященной пасхальной пищи. Подкладывая под углы дома монеты или хлеб, надеялись на то, что в доме не будет переводиться добро, богатство.

У. дома как пограничное пространство традиционно считался местом обитания нечистой силы и духов умерших (ср. русское представление о домовом, живущем в У., южнославянские поверья о домовой змее, обитающей под У. дома) и потому был объектом многих очистительных, апотропеических и умилостивительных ритуалов. В России на Благовещение окуривали У. изб от нечистой силы и болезней; во время родов, происходивших в бане, повитуха отколупывала от каменки четыре камушка и бросала их в четыре У. со словами: «Этот камушек в уголок, черту в лоб». Белорусы, стремясь избавиться от **домового**, портившего скот, окуривали углы дома освященным маком и говорили: «Домовой, иди домой, эта хата моя».

При первом выгоне скота на поле читали заговор и секли топором по четырем У. хлева, тем самым оберегая скот от зверей и недоброго человека; разводя первый раз в овине огонь, трижды произносили заговор от пожара в каждом У. овина.

Чтобы летом лягушки и ужи не проникли в избу, в **Страстной четверг** обливали холодной водой наружные У.; для избавления от мышей — разбрасывали по У. дома скорлупу освященных пасхальных яиц; чтобы в доме не было блох, посыпали У. снегом. Подобным же образом защищали и поля от мышей, грызунов, града, нечистой силы (закапывали по углам кости пасхального поросенка, яйца, втыкали ветки освященной вербы).

Снаружи под внешние У. дома «отправляли» все то, что могло быть опасным для живущих в нем, в частности выливали туда воду, которой обмывали умершего, сжигали на У. солому и мусор, оставшиеся после выноса покойного (в надежде, что в доме больше не будут умирать люди).

У. дома, связанный с нечистой силой и вообще — со сферой потустороннего, занимает заметное место в гаданиях и магии. В Поволжье девушки на святки отгрызали щепку от У. дома и бросали ее в колодец: если вода при этом сильно булькала, это предвещало скорое замужество. У сербов в Сочельник по углам дома разбрасывали орехи, затем собирали их и использовали для распознавания вора: клали такой орех на место, где прежде лежала украденная вещь, и раскалывали его; считалось, что вор непременно сознается в содеянном.

У. дома, фактически образуемый за счет пересечения брусьев (бревен и др.), воспринимается как аналог креста; ср. обычай хоронить детей, умерших некрещеными, под У. дома (под «крестом»).

Лит.: *Толстой Н.И.* На четыре угла изба строится // Славянский и балканский фольклор. М., 2000.

Т.А. Агапкина

У́ЗЕЛ — знак остановки, закрепления и овладения чем-либо. С помощью У. ловят, захватывают счастье, беду, болезнь, порчу, урожай, плодородие, удачу.

У. может быть оберегом, если сделан на добро, или способом наведения порчи, если при завязывании У. думали и желали злое. Как охранительный талисман против порчи и нечистой силы У. прикреплял к человеку здоровье, благополучие или Божью силу. С целью оберега носили нити (предпочтительно красные), с завязанными на них У., на руке, на пальце, на шее или на поясе под одеждой, использовали также **сеть**, на которой много У. Чтобы защитить от сглаза невесту на свадьбе, ей под одежду надевали рыболовную сеть, подпоясывали длинной ниткой, на которой делали как можно больше У., навязывали на ее поясе 40 узелков с чтением молитвы (40 «Богородиц»). Также и жених, и все поезжане опоясывались сетью или вязаным поясом, веря, что колдун не сможет им навредить, пока не распутает бесчисленных У. сети или пока ему не удастся снять с человека его **пояс**. Повсеместно распространено мнение, что пока нечистый дух (или вампир, ведьма) не распутает всех У., он не может повредить человеку.

В У. можно поймать болезнь, напавшую на человека, завязать ее и перенести в другое место. Чтобы избавиться от бородавок, надо навязать на нитке столько же узелков, сколько есть бородавок, и закопать в землю: когда сгниет нитка, вместе с нею пропадут и болячки. Прогнать болезнь можно, надев на шею У.-амулет («науз»). Этот старинный способ лечения осуждается во многих древнерусских поучениях: «...принимали... некая бесовская наюзы и носили их на себе», «немощь волжбою лечат и наузы (наузами)...», «в воспоминание страстей Христовых в пяток великий узолцы себе по числу евангелий вяжут, шесть лет да не причастятся» и др.). *Наузы* часто состояли из простой нитки с узлами (видимо, с «завязанными» в них словами заговора) или из различных привязок, надеваемых на шею: с травами, кореньями или др. магическими снадобьями (уголь, соль, змеиная головка или кусочек кожи и др.). Позже в *наузы* стали завязывать освященные предметы, молитвы, но особенно часто ладан, отчего они стали называться ладанками.

Особенно часто упоминание У. и завязывания чего-то встречается в заговорах. Например, от пули заговаривали себя: «...завяжу я, раб Божий, по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному... вы, узлы, заградите стрельцам

все пути и дороги, замкните все пищали, опутайте все луки, повяжите все ратныя оружия...» Существует множество заговоров от навета, от порчи и т.п.; ср.: «И всех завяжу в узел и не могли б рещи на меня и против меня... никакова слова со дерзновением...»

В сельскохозяйственной магии с помощью У. «привязывали» плодородие. Украинцы в Лубенском уезде при звонах колоколов на страстную службу завязывали на ниточке столько У., сколько раз бил колокол. Потом эту нить с У., символизирующими завязи плодов, завязывали себе на руку и с нею сажали тыкву.

Часто мотив завязывания У. фигурирует в магии, приуроченной к случке и к купле-продаже домашнего скота. Чтобы корова «погуляла» с первого раза, делали на веревке, на которой ее привели к быку, три У. (пол.); чтобы купленную корову «привязать» к дому, делали на веревке девять У. и вешали ее на чердак (рус.).

С помощью завязывания У. можно также остановить плодородие земли или плодовитость людей. Чтобы нанести вред урожаю, болезнь или смерть хозяевам, делали **залом** (*закрутку, завитку, завязку*), т.е. заламывали и связывали узлом жито. У., завязанный на одежде невесты, причиняет ей болезнь, наводит порчу. В Сербии враги, желающие, чтобы у новобрачных не было детей, украдкой завязывают одному из них узлы на одежде; сама невеста, если не хотела сразу иметь детей, делала на своей венчальной одежде столько У., сколько лет она не хотела рожать.

Одежду для умершего шили, не делая У., чтобы покойник не «пришел» за кем-нибудь из семьи (рус.). До сих пор верят, что У., как и пояс, затрудняет роды, поэтому во время родов на одежде роженицы и ее мужа не должно быть ни одного У.

М.М. Валенцова

УПЫ́РЬ — см. **Вампир**.

УТО́ПЛЕННИК — см. **Покойник**.

Ф

ФАРАО́НКИ, фарао́ны — в восточнославянском фольклоре существа, обитающие в воде, полурыбы-полулюди. В основе представлений о Ф. лежат апокрифические легенды (например, «Сказание о переходе Чермного моря»), известные в древнерусской книжности с XVI в. По народным поверьям, Ф. произошли из потонувшего в Чермном море «войска фараонова» или целого народа, преследовавшего евреев во время их исхода из Египта. У Ф. голова и руки человеческие, остальная часть тела рыбья. В ясную погоду они выскакивают из моря и кричат: «Царь Фараон на воде потонул!» (Новгородская губ.; ср. также излюбленный возглас водяного: «фараон!»). По украинским легендам, Ф. ночью выходят из воды и съедают людей, которые попадаются им навстречу. Черты людоедов приписываются Ф. и на Смоленщине. В рыбьем обличье им суждено быть до Страшного суда. На Вологодчине «древними людьми», «фараоновым войском» считали лягушек.

Народные верования о Ф. смыкались с представлениями о русалках, водяных, а также испытывали литературное влияние (ср. описания русалок в виде прекрасных девушек с рыбьими хвостами у писателей-романтиков XIX в.).

Ф. входят в один ряд с такими персонажами, как укр. *мелюзина, люзона, морьски люди*, пол. «мелюзина», «водные люди», словен. «морские девушки», которые также имеют книжное происхождение (трансформация сюжета об античных сиренах).

«Фараонами», «фараонками» традиционно называются изображения полулюдей-полурыб в русской деревянной резьбе.

О.В. Белова

ФА́РТУК — одна из основных частей традиционного женского костюма. Выполняет утилитарную и празднично-декоративную функцию, часто используется в магической практике и обрядах.

Фартук как украшение женского надгробия (с. Комарово Ратновского р-на Волынской обл.). 2000 г. Фото О.В. Беловой

В народных представлениях Ф. — символ женщины, женского начала (он «закрывает» женские гениталии), фертильности и плодородия. У южных славян белый Ф. и передник с яркой вышивкой носили только девушки на выданье

и замужние женщины. По положению Ф. нередко гадали: покосившийся Ф. предвещает девушке скорый брак, если Ф. развяжется, значит у какой-то женщины начались роды. Для облегчения родов акушерка ударяла роженицу Ф., приговаривая: «Я, старая, родила, а ты еще нет!» Новорожденного принимали в передник матери или бабушки, чтобы он долго жил и был здоровым. В Полесье при первом выгоне скота под порог подкладывали Ф. хозяйки, чтобы скотина была привязана к дому.

Ф. приписывалась продуцирующая сила. В Белоруссии при входе в дом мужа молодая переступала через расстеленный Ф. свекрови, чтобы быть плодовитой. У болгар, если невеста оказывалась недевственной, свекровь собирала в ее белый свадебный Ф. мусор из комнаты новобрачных и отправляла его родителям молодой. В Полесье на крестинах кум бил горшок с «бабиной кашей» и бросал черепки в Ф. молодухам, говоря: «Чтобы детки водились!». Таким образом лечили и бесплодных женщин. При первом севе хозяйка наполняла свой Ф. зерном. На Украине считали, что лен хорошо уродится, если его сеять из Ф. Болгары первые сжатые снопы пшеницы покрывали белым Ф. «для урожая», а последний сноп клали на красный Ф.

Ф. использовался во вредоносной магии для «отнимания» плодородия: ведьмы собирали Ф. росу с чужих полей и относили ее на свою ниву или в амбар, отбирая урожай.

У южных славян Ф. использовался и при отгоне градоносной тучи: женщина снимала Ф., идя навстречу туче, что было равнозначно наготе.

Е.С. Узенёва

Х

ХА́ЛА, а́ла (от турецк.-балк. «змея») — у южных славян (в сербской, болгарской и македонской традициях) дракон или змей. Х. — огромный змей (иногда многоголовый) длиной в пять-шесть шагов, толстый, как человеческая ляжка, с крыльями под коленями и лошадиными глазами, или змей с огромной головой, находящейся в облаках, и хвостом, спускающимся до земли. Иногда приобретает облик орла. У болгар есть представление, что Х. — шестикрылая с 12 хвостами. Она может пасть на землю в виде густой мглы или тумана, препятствующего созреванию хлеба. Обладает огромной силой и ненасытностью, предводительствует черными **тучами**, градоносными облаками, приводит бури и ураганы и уничтожает посевы и фруктовые сады. С Х. борются св. **Илья**, а также змеи (в представлениях восточной Сербии и западной Болгарии) и **здухачи**, охраняющие плодородие своих полей и садов. Х. дерутся за волшебный жезл и стараются поразить друг друга ледяными пулями, и тогда сверкает молния или бьет град. Раненая Х. может упасть на землю, и тогда ее следует отпаивать молоком из подойника или ведра. В некоторых локальных традициях Х., подобно змеям и здухачам, обороняют свои угодья от нападения чужих Х. Х. могут нападать на **солнце** и **луну**, заслонять их своими крыльями (тогда происходят **затмения**) или стараются их пожрать (тогда от укуса Х. солнце, обливаясь кровью, краснеет, а когда побеждена Х. — бледнеет и сияет). Х. могут, чаще всего в канун больших праздников, водить хоровод («коло»), и тогда поднимается **вихрь** (ср. представление о двух чертях в вихре). Человек, захваченный таким вихрем, может сойти с ума. Х. иногда превращаются в людей и животных, при этом видеть их может только шестипалый человек.

Близкий к Х. мифологический персонаж *ламя* известен в македонской традиции. Она алчна и кровожадна, имеет вид огромной ящерицы с собачьей головой и с крыльями, живет в пещерах и у источников и связана со стихией воды (может упасть на землю туманом, остановить воду, требуя человеческой жертвы, и т.п.) и богатством (охраняет клады).

Н.И. Толстой

ХЛЕБ — наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия. Осмысляется как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо или даже образ самого божества. Требует к себе особо почтительного и почти религиозного отношения. В быту и в обрядах часто объединяется с солью (см. **Хлеб-соль**). Х. символизирует отношения взаимного обмена между людьми и Богом, между живыми и предками. Он теснейшим образом связан с миром умерших, которые почти осязаемо участвуют в выпечке Х. и получают от него свою долю в виде горячего пара или какой-либо специально выделенной для них части.

У восточных и западных славян было принято, чтобы буханка Х. постоянно лежала на **столе** в красном углу. Х. на столе символизировал богатство дома, постоянную готовность к приему гостя, а также был знаком божественного покровительства и оберегом от враждебных сил. Люди кладут Х. перед иконами, как бы свидетельствуя этим о своей верности Господу, но и Бог, в свою очередь, кладет Х. на стол перед людьми: по общеславянскому выражению, Х. —

«дар Божий», а по русскому — «стол — ладонь Божья».

Архаический характер имеет представление о том, что Бог наделяет Х. людей, причем вместе с куском Х. человек получает и свою **долю**. На белорусской свадьбе родители молодого, как бы принимая на себя функции Бога, давали жениху Х. с солью, говоря: «Дарую тебе счасцем и долею, / Хлебом и солею, / Волами и каровами, / Ўсим добрым, што маю, / И табе тое даю».

Считалось, что сила, здоровье и удача зависят от обращения с Х. Не разрешалось, чтобы один человек доедал Х. за другим: заберешь его счастье, силу. Нельзя есть за спиной другого человека — тоже съешь его силу. Нельзя оставлять кусок Х. на столе, иначе похудеешь — «он тебя есть будет» или станет гоняться за тобой на «том свете». Не допускалось также, чтобы Х. пекла «нечистая» женщина: во время месячных, после полового акта или после родов; нельзя печь Х. в великие праздники, в воскресенье, иногда и в другие дни недели. Х. сажают в печь в молчании; пока он в печи, не разговаривают громко, не бранятся и вообще не шумят, не метут пол, в противном случае Х. «раздражается», «пугается», начинает «капризничать» и поэтому не удается. На протяжении всего процесса приготовления Х. неоднократно крестятся сами и крестят муку, тесто в **деже**, буханку перед выпечкой и после нее.

Х. широко использовали в качестве оберега: клали его в колыбель к новорожденному; брали с собой, отправляясь в дорогу, чтобы он охранял в пути; клали на место, где до этого лежал покойник, чтобы Х. победил смерть и умерший не унес с собой плодородия; выносили на улицу при приближении грозы или градовой тучи, чтобы защитить посевы; обходили с Х. загоревшееся строение или бросали его в огонь, чтобы остановить распространение пожара, и т.д.

Х. играл также роль обрядового **дара**: его брали с собой, отправляясь свататься; с Х. и солью встречали гостя, молодых по возвращении из церкви после венчания; везли Х. вместе с приданым невесты; угощали им друг друга в различных обрядовых ситуациях; оставляли как жертву в поле, в лесу и других местах. Х., наряду с медом и сыром, входил в состав древнерусских жертвоприношений рожаницам. Кормили хлебом не только живых, но и мертвых: клали его в гроб; сыпали крошки на могилу для птиц, воплощающих души; оставляли Х. на перекладине креста; предназначали мертвым пар от горячего Х. или первый из выпеченных хлебов, помеченный крестиком. Особыми свойствами наделялся Х., забытый в печи: его давали человеку, который тосковал по умершему или по любимой особе, чтобы он забыл их, использовали и как лечебное средство.

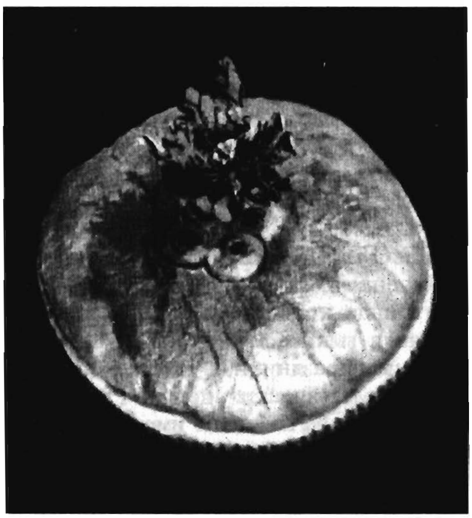
Лит.: *Лаврентьева Л.С.* Хлеб в русском свадебном обряде // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. М., 1990. Вып. 2. С. 5–66; *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990; *Страхов А.Б.* Культ хлеба у восточных славян. München, 1991; *Сумцов Н.Ф.* Хлеб в обрядах и песнях // *Сумцов Н.Ф.* Символика славянских обрядов. М., 1996. С. 158–248; Хлябът в славянската култура. София, 1997.

А.Л. Топорков

ХЛЕБ ОБРЯ́ДОВЫЙ — разного предназначения и формы хлеб (каравай, калач в виде кольца, булочки, фигурное печенье), выпекаемый в календарные и семейные праздники, а также окказионально в магических целях. Различное символическое значение имеют рисунки и украшения на Х. о., его форма, состав, ритуальные и магические действия с выпекаемым или уже готовым изделием, а также его названия.

Большой Х. круглой формы — **каравай** является символом плодородия и, как правило, занимает центральное место в системе славянских обрядовых реалий народного календаря; при рождении ребенка и особенно на свадьбе. Свадебные караваи (обильно украшенные орнаментом, изображением растений, фигурками животных, часто вместе со свадебным деревцем) символизируют рождение новой семьи, переход молодых в новый социальный статус и пр.;

см. **Брак**. Символика караваев, выпекаемых в определенные календарные праздники, чаще бывает связана с хозяйственно-бытовыми сферами жизни, что отражают рисунки и фигуры на их поверхности, ритуальные действия с ними, названия. Например, в день св. Георгия — овцеводческий праздник у балканских славян — в Болгарии выпекают большие обрядовые караваи («овечий хлеб», «чабан», «лепешка чабана» и т.п.), украшенные пластическими изображениями овец, пастуха, пастушьего посоха, сторожевой собаки и т.п.; утром в день св. Георгия этот хлеб несут в загон и отдают чабану, а верхний слой (украшения) крошат и скармливают овцам. На Пасху у сербов, македонцев, болгар известен обычай выпекать караваи с нечетным количеством пасхальных яиц (серб. *јајченик*, болг. *яйченик*).



Свадебный хлеб «меденик». Болгария

Х. в виде кольца или с небольшим отверстием насаживают на палку колядующих, столб посреди гумна («стожер»), рог вола надевают на руку невесте, **полазнику** и т.п. Через отверстие такого Х. смотрят, чтобы добиться чьего-либо расположения или навести порчу, а также с целью узнать ведьму или обезопасить себя от вредоносной магии. Защитные свойства калача обусловлены символикой замкнутого **круга**, что функционально сближает его с другими предметами, имеющими отверстие: кольцом, венком, ситом, камнем с дыркой и т.п. В день св. Георгия, когда у южных славян совершается ритуал первого доения овец, хлебец с отверстием кладут сверху на ведро и пропускают через него (иногда еще и через серебряное кольцо) первые струи молока, что должно способствовать большим надоям, защите молока от порчи, вредоносных действий ведьм и т.п. В Ловешко (Болгария) пекут Х. с дыркой в первый день сева и просеивают через него зерно, после чего его вешают в амбаре, чтобы сохранить урожай. Словаки выпекали такой калач в день св. Люции и хранили его до Сочельника, когда на праздничной мессе в костеле можно было увидеть через дырку в калаче ведьм. На свадьбе Х. в форме кольца, как и другие круглые, кольцевидные предметы (обручальное кольцо, венок), является символом бракосочетания, соединения жениха с невестой. У болгар молодожены должны посмотреть друг на друга через свадебный калач, чтобы соединиться навеки. На Украине невеста смотрит на жениха через *дивень* (большой свадебный хлеб с дыркой) после венчания; крестясь, смотрит через отверстие Х. на восток, на запад, на юг и на север перед отъездом из родительского дома к жениху.

Целью выпекания небольших круглых булочек (которые смазывают маслом, медом; украшают сверху узором) чаще всего является их раздача, одаривание, угощение участников семейных и календарных обрядов: каравайниц, родителей невесты, подруг, гостей на свадьбе, колядников, роженицы, повитухи, участников похорон и поминок, прохожих, нищих и т.д. В поминальных и похоронных обрядах часто предписывается печь нечетное число булочек или 40. Во время свадьбы парные булочки предназначались жениху и невесте. Специальные булочки выпекаются для задабривания: Господу, Богородице, персонифицированным духам болезней (Чуме, Оспе) и демонам (например, **ориснице**).

А.А. Плотникова

ХЛЕБ-СОЛЬ — сочетание хлеба и соли в быту и в обрядах; обобщенное наименование пищи; приветствие, обращенное к участникам трапезы. Хлеб символизирует полноту **доли**, **богатство** и благополучие, а соль защищает от враждебных сил. Ритуальное использование Х.-с. характерно для свадьбы, перехода на новоселье, приема гостя.

У русских в начале и в конце обеда советовали съесть для счастья кусочек хлеба с солью. Не полагалось обмакивать хлеб в солонку, ибо так поступил **Иуда** на Тайной вечере и в этот момент по руке в него вошел Сатана. Х.-с. лежали постоянно в доме на столе, символизируя божественное покровительство **дому** и постоянную готовность принять **гостя** и накормить его. При встрече гостя угощение хлебом-солью не только способствовало установлению дружеских отношений между людьми, но и придавало этим отношениям оттенок сердечной привязанности. По сообщению С. Герберштейна (XVI в.), русский государь во время обеда посылал гостям со своего стола хлеб и соль: «Таким хлебом государь выражает свою милость кому-нибудь, а солью — любовь. И он не может оказать кому-либо большей чести на своем пире, как посылая ему соль со своего стола». Угощение хлебом-солью практикуется до сих пор при встрече почетного гостя, который должен отломить кусочек хлеба, посолить его и съесть.

В «Домострое» (XVI в.) рекомендовалось напоить недруга и накормить его хлебом да солью, «ино вместо вражды дружба». Самый большой упрек, который можно сделать неблагодарному, это сказать: «Ты забыл мой хлеб да соль». «Хлебосольством» доныне называют радушие и щедрость, проявляемые при угощении гостя. Если гость отказывался от Х.-с., то это оценивалось как оскорбительный жест и ему говорили: «Как же ты так из пустой избы пойдешь!»

В начале трапезы хозяин приглашал гостей «хлеба-соли кушать, что Бог послал». Этикетной формуле «хлеб да соль» приписывалось в прошлом магическое значение. Как писал Я. Рейтенфельс (XVII в.), если русские «кого застанут за едою, то они кричат ему священные слова: „хлеб да соль“, каковым благочестивым изречением отгоняются, по их убеждению, злые духи». По сообщению А. Поссевино (XVI в.), слова «хлеб да соль» произносят в конце трапезы в знак ее окончания: «Московиты также считают, что этими словами отвращается всякое зло».

В качестве оберега в дороге Х.-с. брали с собой, выходя из дома, при этом говорили: «Как на хлеб и на соль нет врага и супостата, так чтобы на раба Божия (имя) не было врагов и супостатов» или: «Злому-лихому соли в глаз, добру человеку хлеба в рот».

Хлеб с солью несли с собой при переходе на житье в новый дом. С ними родители встречали новобрачных, приехавших домой после **венчания** в церкви; считалось, что если при встрече с хлеба упадет **соль**, то супруги будут ссориться друг с другом.

В приворотных заговорах привязанность человека к Х.-с. выступает как образ любовного чувства: «Как раба (имя) хлеб-соль любит, так же бы она любила меня, раба (имя) отныне и до века».

Лит.: *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. С. 143–144.

А.Л. Топорков

ХОРС (др.-рус. *Хърсъ*) — древнерусское божество так называемого Владимирова пантеона. Согласно наиболее ранней версии (в «Повести временных лет» под 980 г.), Х. почитался в Киеве наряду с другими богами; идол Х. стоял на холме, здесь же совершались жертвоприношения. Есть мнение, что имя Х. в этом списке было введено позже редактором летописного свода игуменом Никоном († в 1088 или 1089 г.), который узнал об этом божестве во время своего пребывания в Тмутаракани (стоящее по соседству имя Дажьбога в этом случае могло бы пониматься как пояснение имени Х.). Х. упоминается в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» («...Трояна, Хорса. Велеса, Перуна на богы обратиша»), в «Слове о полку Игореве» (в отрывке о князе Всеславе, который «...самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ

Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше»), в различных сочинениях церковной литературы, направленных против языческих пережитков (ср.: «и вѣроуютъ в Пероуна и въ Хърса...», «Слово некоего христолюбца»; «тѣмъ же богомъ требоу кладоуть... Пероуноу, Хърсу...», «Слово о том, како погани суще языци кланялися идоломъ»; «мняще богы многы, Перуна и Хорса...», «Слово и откровение св. апостол»; «два ангела громная есть: елленскій старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ», «Беседа трех святителей» и др.), а также в еще более поздних источниках. Показательны трансформации имени Х. в текстах Куликовского цикла, где Х. относят к богам, почитаемым «безбожным» Мамаем (Гурсъ, Гуркъ, Гусъ). В большинстве списков Х. соседствует с Перуном (небесные боги, соотносимые соответственно с солнцем и громом — молнией); Х. выступает также в сочетании с Дажьбогом, что также обычно интерпретируют как их принадлежность к солярным божествам. Вместе с тем существует точка зрения, согласно которой Х. связан не с солнцем, а с месяцем, в доказательство чего приводят мотив оборотничества Всеслава (связь волка с месяцем подтверждается многими примерами). За пределами Руси у других славян он неизвестен (существует ст.-сербское собственное имя Хрьсь). Несомненно восточное происхождение этого божества, попавшего на Русь через сарматские (и/или тюркские) влияния. Об иранском источнике Х. можно судить по персидскому обозначению обожествленного сияющего солнца — Xurset, в конечном счете восходящему к иранскому представлению о божественном сиянии (фарн; в связи с этим обозначением солнца упоминается его путь, что соответствует образу пути Хорса в «Слове о полку Игореве»).

Лит.: *Топоров В.Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. М., 1989; *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999.

В.В. Иванов, В.Н. Топоров

ХТОНИ́ЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА́ (от греч. «хтонос» — земля) — мифологические персонажи и животные, связанные одновременно с производительной силой земли (воды) и умерщвляющей потенцией преисподней. В славянской традиции к Х. с. относились «**гады**», прежде всего **змея** (табуистическое значение этого слова — «земной, ползающий по земле»); но в их число включались и животные, связанные со смертью и потусторонним миром, в том числе ворон, волк и др. К Х. с. принадлежал, согласно реконструируемым славянским мифам, змеевидный противник громовержца — Велес, **Волос**, божество богатства (скота) и преисподней. Двойственной природой в славянской традиции наделялись многие домашние животные — козел, конь и др.; их ритуализованная смерть (ср. **Жертва**) должна была способствовать плодородию земли и т.п.

В.П.

Ц

ЦВЕТ — признак, получающий в народной традиции символическую трактовку. Наиболее значимыми являются противопоставление белого и черного (светлого и темного), соотносимое с оппозициями хороший—плохой, жизнь—смерть, мужской—женский и др., а также триада белый—красный—черный.

Символика каждого из этих Ц. неоднозначна. Белый Ц. способен означать сакральность, чистоту, свет, плодородие и в то же время связан с представлениями о потустороннем мире («белый траур» у многих славянских народов, **смерть** в образе женщины в белых одеждах) и демонических существах (белые одежды в.-слав. русалок, лешего, пол. «страха» и др.).

Красный — Ц. жизни, огня, плодородия, здоровья и вместе с тем хтонических и демонических персонажей (красную одежду или шапку носят домовой, леший, водяной, шуликуны, черт, карлики; красные глаза, зубы, волосы у ведьмы, черта, шуликунов, русалок). Особо значимы в народных представлениях красная нить, красное полотно, красное (пасхальное) яйцо, которые наделяются защитными свойствами и используются в качестве оберега.

Наиболее конкретной и однозначной символикой обладает черный Ц., который ассоциируется с мраком, землей, смертью (выступает как знак траура; ср.: в семьях, где был траур, пасхальные яйца красили в черный или другие темные — зеленый, фиолетовый, синий — цвета). Черного Ц. обычно демонологические персонажи (появляются также в виде черного животного или предмета): черт, банник, овинник, полевой дух «удельница» (рус.). В черного коня превращается волколак (серб.), вампиры мучают людей, обратившись в черную курицу (словен.), ведьмы превращаются в черных кошку, собаку, свинью (о.-слав.). Появление черного животного после смерти чародея — свидетельство того, что из него вышел черт (серб.). В магической практике (апотропейной, любовной, лечебной) использовались предметы и жертвенные животные черного цвета, например: нож в черных ножнах как защита от испуга (серб.), от **моры** (словен.); черный терновый шип забивали мертвецу под ноготь, чтобы не ходил (серб.); кость черной собаки отпугивала **вештицу** (серб.); черную курицу обносили вокруг посевов от града (серб.); черную курицу приносили в жертву чуме в день св. Афанасия (18.I) (болг.); яйцо черной курицы, носимое при себе, помогало от куриной слепоты (бел.); молоком от черной коровы тушили пожар, зажженный молнией (полес.).

Зеленый Ц. соотносится с растительностью, изменчивостью, незрелостью, обладает продуцирующей символикой (у сербов преобладание зеленого Ц. в радуге означает урожай злаков; в Родопах вечнозеленые растения использовались на помолвках и свадьбах). В то же время зеленый Ц. — атрибут «чужого» пространства, где обитает нечистая сила: в южнославянских заговорах на «зеленую гору», «зеленую траву», «зеленое дерево» изгоняются злые духи. Зеленый Ц. характеризует персонажей народной демонологии: зеленые волосы у лешего, русалки, водяного; зеленого цвета бес, водяной; зеленые глаза имеют леший, русалки, вилы, водяные.

Желтый Ц. наделяется преимущественно негативной оценкой, часто осмысляется как символ смерти (появление желтого пятна на руке предвещает

смерть; в желтый Ц. окрашивают яйца, предназначенные для поминовения). Для мифологических персонажей характерны желтые волосы (домовой, женские лесные духи — «поветрули»); душа вештицы может превращаться в желтую бабочку. Растения с желтыми цветами (корнями, соком) и предметы желтого Ц. используются при лечении «желтых» болезней (желтуха, лихорадка). Желтый Ц. наряду с красным может выступать как заместитель **золота**.

Комбинация красный—белый противостоит сочетанию желтый—черный в значении жизнь—смерть, свет—тьма, здоровье—болезнь: в Сербии в канун Юрьева дня мать завязывает красную и белую нитку на дикую розу, чтобы наутро повязать их на шею ребенку, а на розу повязать желтую и черную нить со словами: «Оставляю желтое, беру красное, оставляю черное, беру белое».

Сочетание красный—белый характерно для амулетов (см. **Мартеница**). Свадебный хлеб украшают красной и белой шерстью, которую потом вплетают в подарок новорожденному (серб.). Крестик из черного терновника носят на груди на шнурке из белых и красных нитей (серб.). У болгар на Благовещение прокалывают девочкам уши и вешают красную шелковую нить с серебряной монетой. У сербов, когда священник разносил по домам святую воду, дьякон держал в руке красную и белую шерстинки. Согласно поверью, если у ребенка один носок белый, а другой красный, он защищен от сглаза (Герцеговина). В Гевгелии (Македония) от сглаза дети носили красную шапку, штопанную белыми нитками.

Сочетание красный—черный характерно для мифологических персонажей, преобладает в костюмах ряженых (черт на масленицу у словенцев, святочные *чуликины* на Русском Севере и др.).

В народном календаре «белые» дни — это масленичные дни у сербов и македонцев («белая неделя»); святочные дни (когда нет поста) в Сербии и Поморавье («белые дни»); Страстная неделя у украинцев и белорусов (*Білий тиждень, Біела няделя*); Страстная суббота у хорватов, словенцев, чехов и словаков («Белая суббота»).

«Красные» дни приходятся на Страстную (полес., бел. *Красна пятница, Красна субота*, серб. «Красная суббота»), пасхальную (чеш. «Красный понедельник», «Красные праздники», «Красные яйца» в значении «пасхальные праздники»), Фомину неделю (рус. *Красная горка*, полес. *Красная неделя*), Троицу (чеш. «Красные праздники» в значении «троицкие праздники»).

«Черные» дни — Тодорова неделя («Черная неделя»), вторник на Тодоровой неделе в Болгарии («Черный вторник»); первый день 40-дневного поста (среда) у чехов и словаков («Черная среда»); среда на Страстной неделе в Полесье (*Черная середá*).

«Зеленые» дни соответствуют Страстной неделе (чеш., словац. «Зеленый четверг») и пасхальным праздникам (словац. «Зеленые праздники»), Троице (рус., укр., чеш., словац., кашуб. «Зеленые святки», полес. *Зелена субота* — суббота перед Троицей, укр. *Зелений четверг* — четверг на троицкой неделе и т.п.).

О.В. Белова

Ч

ЧЕРДА́К — верхняя часть жилища, пространство, ограниченное крышей и потолком. Ч. выделился с появлением потолка, который ограничил и несколько сузил «свое» пространство дома. Ч. — периферия жилища, в связи с чем он получает отрицательные значения, приобретает семантику «чужести», полуосвоенности. Ч. использовался для хранения предметов, которые требовалось временно, по ритуальным предписаниям, удалить из дома: на период святок и после окончания прядения весной на Ч. выносили **прялку**, **веретено**, прятали на лето готовую основу, подготовленную для тканья (Полесье), и т.п. В некоторых русских областях на Ч. старики хранили приготовленные для себя гробы.

Ч. считался одним из мест обитания **домового** и **духа обогатителя**. На Ч. хозяйки оставляли для них угощение в большие календарные праздники. Накануне поста относили на Ч. кусок мяса или чашку молока. В Полесье на Ч. относили примирительную жертву для рассерженного домового: если положенный на Ч. хлеб наутро исчезал, то считалось, что домовой простил хозяев и больше не сердится. У сербов верили также, что на Ч. появляются души предков и духи судьбы — **суденицы**. В похоронной обрядности словаков специально испеченный после погребения хлеб выносили наверх, ломали на четыре части и клали по четырем **углам** Ч.

По южнославянским представлениям, на Ч. укрываются зловредные демоны: ночью туда приходит вампир; в корзине с шерстью там сидит Чума или Оспа, а на святках появляются **караконджолы**. Чтобы расположить к себе болезни, в Антоновден (17.I) или Атанасовден (18.I) болгары пекли и раздавали соседям лепешки, а одну оставляли на Ч. для Чумы. По сербским верованиям Чума, появляясь из своей земли в «этом» мире, входит в дом через Ч. или дымоход. Чтобы задобрить ее, на Ч. оставляли еду, воду, мыло и гребень. Верили также, что на Ч. прячется *баба Коризма* — олицетворение Великого поста. В восточной Мазовии на святках девушки гадали на Ч.: обежав три раза вокруг дымохода, они надеялись увидеть будущего жениха.

М.М. Валенцова

ЧЕРЕПА́ХА — животное, причисляемое в народной традиции к **«гадам»**. Мифологические представления и диалектные названия роднят ее с **лягушкой** и со **змеей**. Ряд признаков сближает Ч. также с ящерицей и **кротом**.

По народным легендам, Ч. происходит из кушанья, которым из жадности не угостили странника (Христа), мать или кума, прикрыв еду миской: из яичницы, вареников (у украинцев), из хлеба и печеной курицы (у сербов, хорватов, боснийцев). Она происходит из ведьмы, которая стирала в праздник и, чтобы ее не заметили люди, легла на скамейку и накрылась корытом (у украинцев); из молодой невестки, которая не приготовила свекру хлеб к обеду и со стыда села на хлебную доску и накрылась квашней (у болгар); из дочки, которая во время приготовления теста срослась с хлебной доской и миской в результате материнского проклятия (у болгар). В наказание за жадность вареники превратились в черепах, а хлеб с курицей или яичница срослись с миской; ведьма срослась со скамейкой и корытом, а невестка — с доской и квашней, так появилась на свет Ч.

Некоторые украинские легенды связывают происхождение Ч. с гадюкой, которая грозилась умерщвлять людей сво-

им укусом; с летающим змеем, поедающим людей. Ч. некогда летала, садилась на людей, объедала им носы и выедала глаза. В наказание Бог наградил Ч. тяжелым панцирем. Как змею и других «гадов», Ч. считают ядовитой, а укус ее смертельным.

Ч. объединяет с «гадами» ее связь с громом, дождем и градом. Чтобы не бояться грома, в Сербии едят яйца Ч.; убиение Ч. вызывает град, а ее переворачивание — дождь, поэтому в Болгарии во время засухи ее переворачивают специально. Запрет убивать Ч. македонцы объясняют тем, что она приносит счастье и просит Бога об урожае.

В болгарских космологических представлениях Ч., так же как и змея, держит на себе всю землю. Как и змея, Ч. может добыть «разрыв-траву», с помощью которой можно отмыкать без ключа любые замки (у украинцев, белорусов, сербов, далматинцев), может свистеть (у поляков), а также проникать внутрь человека, выводя в чреве человека детенышей и вызывая тем самым появление у него опухолей на шее или на колене (у поляков).

В Полесье наряду с широко распространенным представлением о ведьме в облике лягушки встречается поверье и об обращении ведьмы в Ч. В таком облике в пасхальную ночь ведьма проникает в хлев и отбирает молоко у чужих коров.

Как уж, лягушка или крот, Ч. оказывает влияние на молочность коров. На Украине считают, что у коровы будет больше жирного молока, если в молочное ведро положить Ч., что корова будет доиться густым молоком, если ей дать съесть черепашье яйцо. Подобно домовому ужу, ласке и кроту в роли покровителей скота, Ч. оказывает благотворное воздействие на свиней. Чтобы свиньи велись и тучнели, в Белоруссии живую Ч. закапывают в свинарнике; в Белоруссии, на Украине и в Болгарии держат ее в ушате, из которого кормят свиней. На Украине Ч. считают полезной и для коров и поэтому ее кладут в ушат с коровьим пойлом.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 392–396.

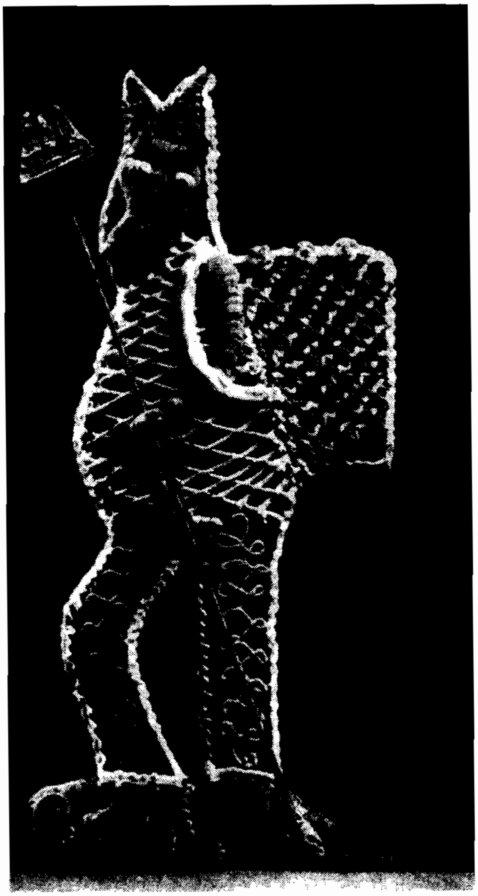
А.В. Гура

ЧЕРНОБО́Г — в балтийско-славянской мифологии злой бог, приносящий несчастье. В «Славянской хронике» автора XII в. Гельмольда описан ритуал пиршества, на котором пускали вкруговую чашу и произносили заклинания от имени двух богов — доброго и злого, «черного бога». На основе этого противопоставления реконструируется пара *Белобог* — Ч., воплощение противопоставлений «счастье — несчастье, белый — черный» и т.д. В менее достоверном источнике — древнеисландской Книтлингасаге — упомянут бог Черноголов, имевший идола с серебряными усами и связанный с воинской функцией; вероятно, Черноголов тождествен Ч. По некоторым признакам (черный цвет, гадание) Ч. связан с **Триглавом**.

В.И., В.Т.

ЧЁРТ — в восточно- и западнославянской традиции злой дух. Образ Ч. дохристианского происхождения, но христианские представления о дьяволе оказали решающее воздействие на его позднейший облик; в восточнославянском фольклоре и народных картинках Ч. — антропоморфные существа, покрытые черной шерстью, с рогами, хвостами и копытами (одним копытом), красными глазами (иногда собачьей мордой, в красных колпаках, рус., укр., с носом без ноздрей — пол. — и т.п.) — вытеснили более ранний персонаж — **беса**. В русской средневековой живописи облик Ч. отличается от человеческого остроголовостью (или волосами, стоящими дыбом, — шишом: отсюда эвфемизмы типа шиш, шишига), иногда крыльями за спиной. У восточных славян Ч. (наряду с синонимичными книжными бесом и дьяволом) — родовое понятие, часто включающее всю **нечистую силу** («нежить», «нечистиков»): водяных, леших, домовых и т.д. Само происхождение нечисти в народных легендах связывается с ветхозаветным апокрифом о падших ангелах во главе с Сатаной (дьяволом; в русских легендах Ч. — ангелы, уставшие славить Бога): сброшенные с неба, они попадали кто в воду, кто в лес, кто в поле, превратившись в духов отдельных

урочищ. В чертей могут превратиться дети, умершие некрещеными, прóклятые и т.п. Вместе с тем собственно Ч. отличаются от прочей нечисти и местами своего обитания (преисподняя, где они мучают грешников, особенно заложных покойников, болото, омуты, перекрестки и развилки дорог, заброшенные строения, мельницы, городища, куст бузины,



Черт. Раскрашенный пряник, изготовленный по технологии 30-х годов XX в. Чехия. 1981 г.

верба и т.д.), и свободой передвижения (повсюду, вплоть до церкви ночью), и способностью к оборотничеству (превращаются в черную кошку, собаку, свинью, змея, чаще в человека, странника, младенца, кузнеца, мельника, даже священника, могут принимать облик знакомого — соседа, умершего мужа и т.п.). С вездесущностью Ч. связаны запреты поминать их (прóклятый достается черту) и многочисленные эвфемизмы: *лукавый, рогатый, кривой, враг, шут, окаяшка, черный, немытик, анчутка, куцый, корнахвостик, лысой, злой, идол, ирод* и др. (в.-слав., пол.). Ч. в народных верованиях постоянно вмешиваются в жизнь людей, причиняют мелкие неприятности, принуждают к неоправданным поступкам («вводят в грех»), насылают морок, заставляют плутать пьяных, провоцируют на преступление, самоубийство (самоубийца — «черту баран» или «лошадь»), пытаются заполучить душу человека; свои души продают Ч. колдуны и ведьмы (*чертихи*). Ч. могут жить семьями, по другим поверьям, соблазняют женщин, отчего рождаются уродливые дети, упыри (сходные представления о дьяволовых женах и детях известны южным славянам), подменивают детей (см. **Подменыш**). Характерны представления о чертенятах (бесенятах — «маленьких», рус.), которые служат колдунам. Когда Ч. вселяется в человека (не ограждавшего себя крестным знамением, поминавшего Ч.), тот заболевает, начинает кликушествовать (бесноваться). Ч. могут также насылать непогоду, метель, сами превращаются в **вихрь**, срывающий крыши, приносящий болезни, уносящий проклятых детей; вихри — беснующиеся Ч., чертовы сваты («черт с ведьмой венчается»). Ч. особенно опасны в «нечистых» местах и в определенное время суток (от полночи до первых петухов, реже — в полдень) или года (на святки и в канун Ивана Купалы). В эти периоды возможно общение с нечистой силой и иным миром: тогда Ч. призывают в заговорах, во время гаданий и т.п. В быличках Ч. сторожат **клады**. Боятся грома (Громовник преследует чертей в быличках), креста («чертогона» — рус.), молитвы, пения петуха, которое расстраивает их ночные козни.

См. также **Бес, Сатанаил.**

Лит.: *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1991. Т. 1. С. 3–29.

В.Я.Петрухин

ЧЕСНО́К — один из универсальных оберегов. Его апотропейная сила обусловлена острым вкусом и специфическим запахом.

Согласно этиологическим легендам украинцев, Ч. вырос из тела Иуды, из зубов Ирода, Иуды или колдуньи после их смерти, поэтому его грех есть. Нарушившего этот запрет ангел-хранитель покидает на 12 дней. По севернорусской легенде, Ч. сотворен сатаной. Вместе с тем у болгар Ч. считается божественным растением.

По славянским поверьям, нечистая сила не выносит запах Ч., поэтому Ч. оберегает от дурного глаза, от урока и порчи, от демонов всех мастей. У болгар и македонцев существует поверье, что в чесноке заключены девять собак, которые прогоняют злые силы.

Особенно часто используют Ч. беременные женщины (носят его постоянно за пазухой или зашитым в одежде) и роженицы (носят в течение семи или сорока дней после родов). Новорожденному ребенку натирают Ч. ступни, грудь, пришивают зубок Ч. на шапочку, на платок, зашивают в пеленки, кладут в колыбель под голову — от **ночниц**, ведьм (Словения, Болгария, Сербия), привязывают его к руке, на шею или зашивают в сорочку ребенка (гуцулы). Для охраны роженицы и младенца в изголовье кровати ставят грабли с нанизанными на них чесночинами (сербы), натирают угол, где стоит кровать, чесноком (чехи, словаки). В Словакии, когда роженица после родов шла в первый раз в церковь, то брала с собой Ч., который был привязан к пологу, закрывавшему ее постель в течение шести недель, и бросала его с моста в ручей, чтобы все «зародыши» болезней ребенка вода унесла с собой. В Белоруссии перед тем, как идти в церковь, роженица жевала Ч. и дышала на ребенка, чтобы его не сглазили, а кто-нибудь из домочадцев дышал на нее.

Для оберега новобрачных Ч. вплетали вместе с цветами в свадебный венок, прикрепляли к свадебному знамени (украинцы, поляки, болгары); отправляясь к венцу, Ч. прятали под одеждой, в кармане; клали в обувь жениху и невесте. Перед первой брачной ночью в перины вкладывали Ч., хлеб и монеты (словаки).

Чтобы предотвратить превращение покойника в вампира, чтобы не было новой смерти в семье, на могиле сажали Ч.

Защитные и отгонные свойства Ч. отражены в обрядах, приуроченных к Рождеству, масленице, Юрьеву дню и др., когда особенно активизировалась нечистая сила. В эти дни в Сербии и Боснии все мазали себе шею, грудь, руки, ноги чесноком, чтобы ничто не вредило здоровью, чтобы летом не укусила змея. В щели окон, стен, дверей, в замочную скважину затыкали Ч., чертили кресты чесноком на стенах, дверях дома, конюшни, хлева, амбара. В Полесье в течение Русальной недели зубчики Ч. носили в одежде, чтобы защитить себя и скот от посягательств ведьм и русалок.

В Сочельник Ч. был обязательным атрибутом праздничного ужина. Его клали на стол под скатерть, в сено; клали по головке Ч. перед каждым членом семьи или по числу мужчин в семье (украинцы Карпат). Его запекали в рождественский хлеб **карачун** (украинцы Закарпатья и восточной Словакии). В Македонии начинали ужин, съедая по дольке Ч., «чтобы быть здоровыми, как чеснок». Ч. носили в течение святок для охраны от нечистой силы (болгары). Накануне Благовещения скот кормили чесноком, чтобы уберечь его от змей (Герцеговина). Южные славяне в первую субботу Великого поста чесноком мазали волам и коровам шею и грудь, для скота пекли специальный хлеб, на котором из теста делали подкову, а гвозди на ней — из зубков Ч.; на обрядовые хлебы клали зубки Ч. — для здоровья людей, лошадей и коров (болгары). Чтобы ведьма не отобрала молоко, над скотом в стойле вешали головки Ч. (словаки); коровам натирали Ч. вымя (гуцулы), чтобы их летом не укусила змея (сербы).

В окказиональных обрядах Ч. также выполнял роль апотропея. Ч. клали в новую одежду, за стреху строящегося дома. Чтобы оградить от порчи корову после отела, ей вешали на шею Ч. (Словакия). Русские во время падежа скота коровам, лошадям и другим домашним животным вешали на шею нанизанный на нитку Ч.

Сеявший лен человек натирал руки чесноком, лежавшим в Сочельник на столе, чтобы мошки не съели всходов (Моравия). Идя на жатву, каждая жница съедала Ч. с хлебом. На первый сжатый сноп клали головку Ч., чтобы предохранить ниву от ведьм, переманивающих зерно в свои закрома (болгары). Ч. вешали на молодые плодовые деревья от сглаза (македонцы). Отправляясь в поле, в лес, ели и натирались чесноком (гуцулы, македонцы), брали с собой Ч. (словаки), чтобы не укусила змея и не навредили демоны. Если в селе кто-нибудь умирал, каждый хозяин чертил чесноком на всех четырех стенах своего дома кресты, чтобы предотвратить смерть в этом доме (украинцы Подкарпатья).

В Чехии, Словакии, Моравии Ч. наделяли продуцирующей силой: рано утром давали домашним животным зубок Ч. на хлебе, чтобы скот был здоров и не голодал; чесноком кормили петуха, гусака, селезня, чтобы домашняя птица хорошо «велась» и размножалась. В Болгарии для сохранения плодородия семян, поля, скота Ч. помещали в мешки с зерном, привязывали на рога волам в первый день сева, на «бороду» при окончании жатвы, к молочной посуде при первом доении овец и коров в Юрьев день. В этот день сербы на каждом углу пшеничного поля оставляли Ч. для охраны и плодородия.

Съеденный в день **Сорока мучеников**, Ч. наделял здоровьем, счастьем, обеспечивал хороший урожай (серб.). Ч. использовался в любовной магии и девичьих гаданиях (южные славяне). Если хотели встретить волка, что сулило счастье и удачу, брали с собой в дорогу Ч. (белорусы).

Особую магическую силу приобретал Ч., проросший через голову змеи. Тот, кто им натирался, мог не опасаться лесных духов (гуцулы). С его помощью можно увидеть ведьму, положив зеленые перья Ч. в шапку (украинцы Закарпатья). Такой способ распознавания ведьм известен и южным славянам. На Благовещение, Пасху, в Петров день, заткнув перо или дольку чеснока за шапку, зашив в пояс, положив под язык, человек шел в церковь, чтобы увидеть ведьму, сам оставаясь невидимым (Сербия, Босния); таким же образом можно увидеть всех духов, например дьявола на рогах коров, возвращающихся с пастбища (Банат).

В качестве магического реквизита Ч. широко применялся в народной медицине при заговаривании, при лечении **«одномесячников»**. Им лечили разные недуги; ср. русскую пословицу: «Чеснок семь недугов изводит». При эпидемиях его ели в больших количествах, носили постоянно при себе, вешали на дверях и окнах домов.

В.В. Усачева

ЧЕТВЕ́РГ — день недели, трактуемый преимущественно как счастливый и благоприятный (по признакам «мужской» и «четный») для разного рода хозяйственных и семейных дел и имеющий наименьшее число запретов. У южных славян он часто приравнивается к **понедельнику**, а у восточных и западных — ко **вторнику**, лучшим дням недели. Из всех четвергов года наибольшее значение имеет **Страстной четверг** на Страстной неделе, с которым связано множество ритуалов и верований. У южных славян, кроме того, значимы последующие шесть (а кое-где восемь) Ч., когда запрещаются многие виды работ, особенно «женских», таких как стирка, мытье, шитье, прядение, вязание, во избежание **грома** и градобития. Болгары опасаются также Ч. на Тодоровой неделе — первой неделе Великого поста; сербы называют его *Тодоров четверг* и верят, что в этот день появляется главный из демонов-тодорцев (см. **Тодор**).

В Полесье Ч. на пасхальной неделе называется *Навский великдень* и считается поминальным днем; в этот день ходят на кладбище, несут на могилы крашеные яйца и другую пасхальную еду, прибирают могилы, а ночью мертвые приходят в церковь, и их можно видеть через окно; соблюдается строгий запрет на работу в поле и дома. В России и на смежных территориях Белоруссии и Украины был широко распространен обычай поминовения «заложных» покойников (самоубийц, висельников, некре-

щеных детей, мертворожденных и прочих умерших преждевременной смертью) в **Семик**, т.е. в Ч. на седьмой неделе после Пасхи. По мнению Д.К. Зеленина, этот обычай явился продолжением совершавшихся в прошлом коллективных погребений «заложных» в убогих домах. Ч. на Троицкой неделе в Полесье называют *Навской Троицей* или *Русалкиной Пасхой*, он также посвящается мертвым. Этот Ч. (иногда также Ч. перед Троицей и Ч. на пасхальной неделе) считается «сухим» днем: стараются не полоть, не окучивать картошку в поле, т.к. все посаженное может посохнуть; выносят из дома на просушку одежду; его же (а также Ч. на масленой неделе) называют «кривым»: избегают работ в огороде, чтобы овощи не «покривились».

Восточные славяне нередко на основе звуковой ассоциации связывают Ч. с червями и потому по четвергам вообще воздерживаются от посадки или уборки овощей или заготовки мяса, чтобы в них не завелись черви.

С.М. Толстая

ЧИСЛÓ — одна из важнейших категорий в мифопоэтическом образе мира; средство упорядочения и моделирования Вселенной; в народной традиции объект семантизации, символизации и оценки. Счет, перечисление часто трактуется как опасное действие, с помощью которого можно овладеть предметом счета, подчинить его своей воле. Например, запрещается пересчитывать овец в стаде (это может нанести им вред), летящих птиц в стае (их можно сбить с пути), измерять длину вытканного полотна и т.п. В заговорах всех славянских традиций в магических целях используется формула убывающего счета (9–8–7–6–5–4–3–2–1–0) как способ «сведения на нет» опасности, ср. в русском заговоре от червей: «У нашего (имя рек) 9 жен; после 9 жен 8 жен, после 8 жен 7 жен, ... после двух жен одна жена; после одной жены ни одной...» Само понятие множественности (выражаемое различными предметными символами, такими как **зерно**, песок, трава, листва деревьев, **мак**, **шерсть**, **волосы** и т.п.) ассоциируется с изобилием, **богатством**, благополучием и получает продуцирующее значение. Этот же признак множественности, неисчислимости предметов делает их препятствием на пути нечистой силы (ср. осыпание маком дома, загона для скота и т.п.).

Элементы числового ряда в своих культурных функциях неравноценны. Наиболее значимы числа 2, 3, 4, 7, 9, 12, 20, 30, 40, каждое из которых получает истолкование в зависимости от тех реалий или событий окружающего мира, с которыми оно соотносится. Число 2 символизирует парность, четность, удвоение, двойничество и получает преимущественно отрицательную оценку, считается дьявольским числом; реже оценивается положительно. Два одинаковых предмета, двойные или сдвоенные предметы могли, по поверьям, принести неудачу и даже смерть. Рождение **близнецов** часто воспринималось как несчастье; опасными считались сросшиеся плоды, яйца с двумя желтками, две одновременно горящие свечи и т.п.; не следовало вдвоем пить воду, мести пол, утираться одним полотенцем, качать колыбель и др., дважды совершать какое-либо действие (так, дурным глазом будет обладать ребенок, которого дважды отнимали от груди; магические ритуалы не поручались женщине, которая была дважды замужем, и т.п.). Чрезвычайную опасность представляли люди, обладавшие двумя душами (см. **Двоедушники**). Вместе с тем число 2 могло наделяться способностью противодействовать нечистой силе, ср. загадку о петухе: «Два раза родится, ни разу не крестится, а черт его боится». В обрядах **опахивания** села в случае мора должны были участвовать близнецы; часто нечистую силу отгоняли с помощью двух предметов или орудий (например, чесальных гребней), между которыми пропускали или помещали защищаемое существо или предмет.

Восприятие числа 2 определило отношение к признаку «чет—нечет»: парность (четность) в магической практике часто (но не всегда) оценивается негативно, а непарность (нечетность) — позитивно (например, непарным должно быть число подкладываемых под курицу яиц; число сватов в обряде сватовства

невесты и т.п.). Напротив, при гаданиях о замужестве четное число (принесенных в охапке дров, обхваченных кольев забора и т.п.) сулило скорое замужество.

Число 3 относится к наиболее значимым элементам числового ряда. Оно символизирует завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец, и чаще всего фигурирует в предписаниях трижды совершать то или иное магическое действие (обход, закрещивание, окуривание, произнесение заговора и др.). Ср. также в фольклоре: тридевятое царство, за тридевять земель, троекратное повторение сюжетных ходов и т.п.

Число 4 играет значительно меньшую роль в магических ритуалах и верованиях. Оно ассоциируется прежде всего с четырьмя сторонами света, четырьмя углами дома, четырьмя концами креста и т.п.

Числу 7 приписывается сакральное значение у многих народов; в славянской традиции оно чаще всего относится к единицам времени или к лицам (ср. в сербских заклинаниях градовых туч: семилетняя девочка, родившая семерых детей, но также и представление о семи **небесах**).

Временно́е значение имеет и число 9, воспринимаемое и как утроенное число 3. Оно часто фигурирует также в магических текстах и ритуалах (особенно лечебных), где используются 9 камешков, 9 щепок, 9 угольков, вода из 9 колодцев и т.п. Ср. сербский рецепт: «Найди 9 никогда не кошенных лугов и когда на них вырастет трава высотой в 9 пальцев, собери 9 парней, пусть они ее скосят новыми косами, а 9 девушек пусть их соберут новыми вилами, потом это сено надо варить в 9 новых чанах, этой водой помойся и тогда выздоровеешь».

Семантика числа 40 в значительной степени определяется ассоциацией с сорокадневным периодом после смерти, на протяжении которого душа умершего пребывает на земле.

В духовных стихах преобладают христианские ассоциации чисел: «Поведайте, что есть десять? — Десять Божьих заповедей; — Девять в году радостей; — Восемь кругов солнечных; — Семь чинов ангельских; — Шесть крыл херувимских; — Пять ран без вины Господь терпел; — Четыре листа Евангельских; — Три патриарха на земле; — Два тавля Исеевы; — Един Сын на Сионской горе...» (*Ляцкий Е.А.* Стихи духовные. СПб., 1912. С. 20).

Лит.: *Топоров В.Н.* О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1980. С. 58.

С.М. Толстая

ЧУ́ДО — один из распространенных мотивов славянского фольклора (сказок, легенд, заговоров, песен и др.). Конкретные виды чудес чрезвычайно многообразны. Это могут быть космические и атмосферные явления: солнце «играет» (переливается разными цветами), на небе три солнца, с неба падают камни, рыбы и т.п.; геофизические явления: земля разверзается, поглощая грешника, река отступает перед праведником, буря утихает, когда в море бросают грешника; церковь или город строятся или разрушаются сами по себе, церковь убегает от грешника, двери сами отворяются, свечи сами зажигаются, колокола сами звонят и т.п.; всевозможные метаморфозы: превращение человека в животное, птицу, змею, звезду, камень, предмет, а животных, растений и предметов — в человека; чудесное оживление умерших, излечение больных, чудесное зачатие: от дутья, плевка, запаха цветов, росы, растений; сотворение человека из дерева, камня и т.п.; необыкновенные способности животных, мертвецов и т.д.

Способность к чудесным действиям приписывается Богу, святым, демоническим существам, сказочным героям и в большинстве случаев используется в целях наказания за прегрешения или для защиты людей от злых сил и помощи им в их противоборстве с нечистой силой. Ч. может быть наказанием за **инцест** брата и сестры или средством предупреждения инцеста. Например, когда венчаются брат с сестрой, вянет лес, пересыхает вода, вода превращается в кровь, Евангелие — в камень, иконы падают и т.п.

Мотив Ч. может использоваться как

охранительное и отвращающее средство. Рассказом о Ч. (семилетняя девочка родила ребенка, его пеленками закрыла поля и угодья) сербы отгоняют градовую тучу. У восточных славян рассказ о свадьбе брата с сестрой служит оберегом от ходячего покойника или русалки. Если покойный муж ходит к жене, ей советуют сесть на порог и расчесывать волосы, дожидаясь прихода мужа. На его вопрос: «Что ты делаешь?» надо ответить: «Собираюсь на свадьбу — брат на сестре женится». Пораженный муж скажет: «Где это видано, чтобы брат на сестре женился?» А жена ответит: «А где это видано, чтобы человек умер, а потом приходил?» — и тем навсегда отвадит покойника.

Разного рода чудовища: полулюди-полуживотные, одноглазые люди, трехглавые люди, люди с песьими головами, мифические животные — **василиск**, мраволев, тигрис, троглодит и т.п. — в большинстве случаев проникли в народные верования и фольклор из текстов книжной традиции (прежде всего апокрифов). Вместе с тем мотив Ч. является составной частью христианского миропонимания и литературы, где чудеса признаются проявлением божественной силы и превосходства над природой (чудесное рождение Христа, его чудесные деяния, воскресение и т.д.). В средневековой славянской книжности чудеса широко представлены в агиографической литературе (чудо Георгия о змии, чудеса святого Николая и т.п.), в сказаниях о чудотворных иконах и др.

С.М. Толстая

Ш

ША́ПКА — головной убор мужчины, социально и ритуально значимая часть одежды (ср. сербскую пословицу: «Ш. старше головы»).

В традиционном этикете противопоставление обнаженная—покрытая голова было важнейшим, но имело разную реализацию в зависимости от возраста и семейного положения. У южных славян только парни брачного возраста получали право носить Ш. Мужчины, как правило, носили Ш. на улице и снимали в помещении, а также в церкви, перед иконой, перед человеком более высокого социального положения. При исполнении некоторых обрядов обнажение головы мужчиной имело сакральный смысл: мужчины снимали Ш. при первом севе, при покойнике и др. У южных и восточных славян отсутствие Ш. у мужчин было знаком траура, а в Сербии в этом случае носили Ш. наизнанку.

Некоторые ритуалы, напротив, требовали ношения Ш. Так, по обычаю сербов Хомолья (восточная Сербия), при объявлении имени новорожденного гости должны сидеть в Ш., пока кум не сообщит имя крестника. У южных и восточных славян независимо от времени года жених оставался в Ш., а у македонцев не снимал ее даже во время венчания. В этом случае Ш. имела апотропейную функцию.

Срывание Ш. иногда символизировало отказ от прежнего статуса. По сербскому обычаю, при выносе покойницы из дома ее муж сбрасывает Ш. и надевает новую в знак того, что он хочет вступить в новый брак. У русских на свадьбе подруги невесты крали Ш. жениха и требовали за нее выкуп. Ш. жениха надевали на невесту в знак утверждения над нею его власти и как пожелание мужского потомства. У русских срывание Ш. в послесвадебный период было одним из обрядов приема молодого в круг взрослых мужчин.

Использование головного убора, принадлежащего противоположному полу, могло быть одним из видов **ряжения** и нередко имело продуцирующий смысл. Так, в болгарской свадьбе дружка невесты надевала Ш. жениха при замешивании обрядового хлеба. Чтобы у девочки поскорее выросли груди, она должна была потереть их шапкой, взятой у парня (Полесье). В Польше невеста во время брачной ночи надевала Ш. своего мужа, а роженица не снимала ее шесть недель после родов, что должно было защитить ее от сглаза.

В целом, однако, ношение женщинами мужского головного убора осмыслялось негативно. Считалось, что девочка, надевшая Ш., потеряет волосы, станет жертвой сглаза (Украина), останется в девках (Полесье) или родит внебрачного ребенка (Словакия).

Ш. нередко использовалась в сельскохозяйственной и птицеводческой обрядности с продуцирующей целью. На Украине в Сочельник хозяйка окуривала все хозяйство, надев Ш. мужа. В Полесье и в Польше (Покутье), сажая наседку на яйца, предварительно клали их в мужскую Ш.

Ш. часто воспринимается как символ человека и может замещать его в особых случаях. У болгар на помолвке отсутствующего жениха заменял его колпак. Во время свадьбы, если желали молодым мужского потомства, то у восточных славян и в Польше подкладывали в постель новобрачным Ш., а у южных — невесту сажали на мужскую Ш. В Белоруссии над Ш. священник нарекал имя младенцу, а в Черногории епископ мог заочно прочитать молитву об исцелении

отсутствующего больного над его Ш. У восточных и южных славян покойника непременно хоронили в шапке или клали ее в гроб рядом с телом. У сербов существует поверье, согласно которому тот, кто наденет себе на голову Ш. мертвого, не сможет ее снять. У южных славян при побратимстве менялись Ш.

Показательны запреты в обращении с Ш. В Сербии считали, что «у того, кто греет Ш. на огне, заболит голова». У русских считали, что нельзя играть с Ш., вертеть ею — голова заболит, нельзя класть на стол — будет ссора. На юге России во время сева конопли запрещалось отвечать на приветствие («ломать шапки»), иначе конопля на поле будет гнуться и ломаться.

В сказках и поверьях Ш. предстает как средоточие магической силы дьявола или другого мифологического персонажа. В южнославянском фольклоре нередко отмечается, что красная и остроконечная Ш. — атрибут дьявола и мира мертвых. Известен также другой сказочный предмет — шапка-невидимка.

Е.С. Узенёва

ШЕРСТЬ, ш к у́ р а, м е х животного — в народной культуре атрибут нечеловеческого (зооморфного), потустороннего мира и одновременно символ богатства, изобилия, плодородия.

Шкура часто связана с демонической сферой. По рассказам украинцев, колдун, желая превратить кого-либо в волка, набрасывает на него с заклинаниями звериную шкуру. По русским поверьям, в виде овчины может показаться оборотень. Русские **домовой**, **леший**, **водяной** в поверьях предстают обросшими Ш., длинными волосами или мхом.

В святочный и масленичный периоды почти все ряженые, как зооморфные, так и антропоморфные, одеты в кожух или шкуры (волка, медведя), которые имеют функцию маскирования, «превращения» исполнителя в мифологический персонаж, и связанную с этим функцию запугивания.

Во многих обрядах семейного цикла шкура и Ш. символизировали богатство, обилие, счастье. Обычай надевать шубу мехом наружу участниками русской свадьбы зафиксирован историческими свидетельствами XVI–XVII вв. Устойчивое сопоставление символов «мохнатый — богатый» лежит в основе многих восточнославянских благопожелательных формул и приговоров: «Чтобы жених был богатый, как кожух волохатый» и т.п. Шуба выступала на разных этапах свадьбы в наряде жениха и невесты, их родителей и других участников свадьбы, чаще всего в ситуациях ритуальных встреч, при осыпании молодых зерном, хмелем, деньгами. Вывернутый мехом наружу кожух, надетый свекровью в момент встречи молодых, мог, однако, приобретать функцию устрашения, демонстрации «чужести» рода жениха по отношению к невесте. Сходная ситуация касалась и жениха, когда мать невесты встречала его в шубе на пороге своего дома.

Шкура или вывернутый мехом наружу кожух выступали обязательным атрибутом восточнославянских свадебных обрядов: на них расплетали невесте косу, сажали жениха и невесту за стол, укладывали и укрывали новобрачных в первую брачную ночь.

Семантика обеспечения богатства и жизненной силы отмечена в родильных и крестильных ритуалах. Например, повитуха укладывала новорожденного на шубу, «чтобы он был богат» (рус., полес., словац.), роженица впервые кормила ребенка грудью, сидя на шубе (укр. киев.). Окрещенного ребенка клали в красном углу на кожухе, чтобы у него скот водился (укр.,херсон., рус.,тульск.). На шкуре проходили также пострижины ребенка.

Шкура и кожух могли использоваться в качестве апотропея. В Белоруссии баба-повитуха встречала кумовьев с окрещенным младенцем в вывернутом шерстью наружу кожухе, чтобы уберечь дитя от сглаза. Польские гуралы-пастухи выворачивали свои тулупы мехом наружу в случае, если на выпасе их пугала нечистая сила. От проказ домового окуривали дом и двор медвежьей Ш. или обводили вокруг дома медведя (рус.), шерстью медведя или волка окуривали больного испугом (серб.). У белорусов

при первом выгоне на пастбище скот прогоняли через вывернутую мехом вверх шубу; старухи, надев вывернутую шубу, вырывали у коровы или овцы из стада клок Ш. и запихивали его в висячий замок, чтобы волки не трогали скотину.

Совмещение функции оберега и обеспечения приплода имеет место в ритуалах, связанных со скотом: у русских было принято проводить новокупленную корову через разостланную в воротах шубу; заворачивать теленка в кожух, «чтобы в спорину шел»; перегонять лошадей по разостланной шубе, если их «невзлюбил домовой».

М.М. Валенцова

ШИПÓВНИК — колючее растение-апотропей, символ здоровья, изобилия, успеха.

Как и другие колючие растения, Ш. наделяется способностью отвращать, устрашать и используется как оберег от демонов, для нейтрализации вредоносной магии, при лечении болезней. Ш. считается «нечистым» растением, он растет на границе своего и чужого мира. В то же время, по македонским поверьям, Ш. — это Божье растение. К Ш., росшему на перекрестке, носили дары, думая тем самым умилостивить самовил (см. **Вила**), ср. его македонское название *самовилски трендафил*. Под Ш. живут болезни, **богинки** (з.-слав.), поэтому запрещалось спать, сидеть под кустом Ш., срубать и ломать его без надобности. Если надо было срубить прут Ш. на древко для свадебного знамени или свадебных венков, оставляли под корнями хлеб, орехи, лили вино (южные славяне). О внезапно заболевшем говорили: «Влез (сунулся) где-то под шиповник» (Болгария, Македония). На западе Болгарии веткой Ш. измеряли усопшего, мерку бросали в могилу и закапывали, чтобы умерший не стал **волколаком**. Шипами прокалывали пятку или живот покойнику, чтобы он не превратился в вампира. Возле могилы упыря клали ветку Ш., шипы которого, цепляясь за саван, должны были воспрепятствовать его выходу из могилы (Валахия).

Ш. охранял молодоженов от действия вредоносных сил. В шапку жениха втыкали три шипа Ш., что защищало его от сглаза (Хорватия); после свадьбы фату невесты бросали на Ш., которому она девять раз кланялась.

Для оберега ребенка от ведьмы плод Ш. зашивали в его одежду, клали рядом с ним (Сербия); в Болгарии запрещали сушить пеленки новорожденного на Ш., чтобы самодивы, живущие под ним, не навредили ему. Ш. держали в доме, чтобы в него не вошла чума (Хорватия). Чтобы ведьма не отобрала молоко у коров, ветками Ш. украшали двери дома, втыкали перед входом в дом и в хлев. Сербы и хорваты это делали в Юрьев день, а чехи Ходской обл. — в канун дня свв. Филиппа и Якуба (1.V). Ш. оберегал от укуса змеи как людей, так и скот, например, поляки перед выгоном на пастбище окуривали скот и пастуха дымом от Ш.

Считали, что плоды Ш. дают плодоносную силу, поэтому Ш. в обрядах часто выступал в паре с плодовыми деревьями. В Словакии на Рождество ягодами Ш. угощали овцу-**полазника**. В рождественский хлеб запекали столько ягод Ш., сколько голов крупного рогатого скота было у хозяина: полагали, что животные не будут болеть, а коровы будут давать больше молока (Словакия, Польша). В Чехии скот кормили Ш. на Пасху.

В этиологической легенде, записанной у кубанских казаков, Ш. вырос из крови девушки, которая, не желая выходить замуж за нелюбимого, заколола себя кинжалом. Осенью этот куст одевался в наряд из красных ягод, но сорвать их мог только добрый человек. Если же к нему подходил злой человек, куст ощетинивался шипами и не давал сорвать ни одной ягоды (ср. русскую загадку о Ш.: «Цветы ангельские, когти дьявольские»). В чешской легенде (Моравия) благоухание цветущего куста Ш. объясняется тем, что Богородица сушила на нем пеленки маленького Христа.

В народной медицине проявляется хтоническая сущность Ш.: на него ссылали болезни, воду после лечения выливали под куст Ш. Вместе с тем Ш. мог дать здоровье, для чего между больным и кустом Ш. совершался обмен: больной забирал красную нитку, висевшую на Ш.

в течение ночи, а желтой ниткой, провисевшей сутки на его шее, опутывал куст и говорил: «Я тебе желтую нитку, а ты мне красную нитку». Болезнь переходила на Ш., а живительная сила Ш. — на больного. В Болгарии больного эпилепсией измеряли прутом Ш., который закапывали на том месте, где случился припадок. В благодарность знахарка вешала на Ш. красную нитку с нанизанными на нее монетами и оставляла под кустом лепешку, вино, овес и три подковы. В Сербии больной, чтобы избавиться от болезни, пролезал через расщепленный прут Ш., который потом связывали красной ниткой (см. **Пролезание**). Ш. употреблялся в обряде лечения **«одномесячников»** и **близнецов**.

Лит.: *Раденковић Љ.* Симболика света у народној магији Јужних Словена. Ниш, 1996. С. 208–209; *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама. Београд, 1985. С. 89, 269.

В.В.Усачева

ШУЛИКУНЫ́, ш и л и́ к у н ы, ш у л ю́ к у н ы, ш а л ы́ х а н ы и т.п. (возможно, от др.-слав. *шуй* — «левый, плохой, нечистый») — у северных русских сезонные демоны. Ш., связанные со стихией воды и огня, появляются в Сочельник из трубы (иногда на Игнатьев день 20.XII) и уходят назад под воду на Крещение. Бегают по улицам, часто с горячими углями на железной сковородке или железным каленым крюком в руках, которым они могут захватить людей («закрючить и сжечь»), либо ездят на конях, на тройках, на ступах или «каленых» печах. Ростом они нередко с кулачок, иногда побольше, могут иметь конские ноги и заостренную голову (ср. **Черт**), изо рта у них пылает огонь, носят белые самотканые кафтаны с кушаками и остроконечные шапки. Ш. на святки толкутся на перекрестках дорог или около прорубей, встречаются и в лесу (отсюда формула пугания детей «Не ходи в лес — Ш. пылает»), дразнят пьяных, кружат их и толкают в грязь, не причиняя при этом большого вреда, но могут заманить в прорубь и утопить в реке. Кое-где Ш. носили в клеть прялку с куделью и веретеном, чтобы те напряли шелку. Ш. способны утащить кудельку у ленивых прядильщиц, подкараулить и унести все, что положено без благословения, забраться в дома и амбары и незаметно извести или своровать припасы. По вологодским представлениям, Ш. становятся проклятые или погубленные матерями младенцы. Живут Ш. нередко в заброшенных и пустых сараях, всегда артелями, но могут забраться и в избу (если хозяйка не оградится крестом из хлеба и т.п.), и тогда их выгнать трудно. На Русском Севере Ш. — также название святочных ряженых. Ш. родственны другим славянским демонам: **караконджулам**, **кикиморам** и демонам неславянских народов Поволжья и Сибири.

Лит.: *Толстой Н.И.* Заметки по славянской демонологии: 3. Откуда название *шуликун*? // Восточные славяне: языки, история, культура. М., 1985.

Н.И. Толстой

Ю

ЮРЬЕВ ДЕНЬ — день памяти св. Георгия, отмечаемый у православных 23.IV/6.V, у католиков — 24.IV. У южных славян Ю. д. — основной календарный рубеж первой половины года. Вместе с **Дмитриевым днем** Ю. д. делит год на два полугодия — «дмитровское» и «юрьевское».

У восточных славян Ю. д. — основной скотоводческий праздник года, день первого выгона скота на пастбище, у южных славян и на Карпатах — день ритуального доения овец, первого замера молока и др. У южных славян немало магических действий Ю. д. было связано с овцой, предназначенной для первого доения: ее украшали венком из трав и цветов, отдельный венок вешали на котел, в который ее доили. В Ю. д. совершались многочисленные обряды и магические (прежде всего апотропеические) действия, направленные на то, чтобы обеспечить благополучие скота во время летнего выпаса, способствовать его плодовитости, защитить скот от ведьм и нечистой силы, от волков, от укусов змей. В ряде мест в Ю. д. чествовали пастухов. На востоке Балкан одним из основных эпизодов праздника Ю. д. было принесение в жертву ягненка (см. **Курбан**).

На Украине и в Белоруссии, а также на востоке Балкан (особенно в Болгарии) в Ю. д. имели место обрядовые выходы в поле с целью осмотра посевов. Во время этих выходов иногда совершались молебны с водосвятием, однако часто выход происходил без участия священнослужителей. Сами хозяева обходили с утра все принадлежащие семье и засеянные злаковыми культурами участки земли, устраивали на поле трапезы, по окончании которых закапывали в землю остатки пищи (скорлупу яиц, кости поросенка). Чтобы увеличить урожайность посевов, уберечь их от града или засухи, хозяева катались (кувыркались) по посевам. Иногда выгон скота и обход посевов соединялись в один обряд: скот ненадолго выгоняли на зеленеющие посевы злаковых культур: считалось, что у коров будет больше молока и в то же время это благоприятно повлияет на рост хлебов. Во время обходов предпринимались разнообразные действия для защиты посевов от града, непогоды. В поля втыкали ветки, освященные в церкви в Вербное воскресенье, специально изготовленные из этих веток крестики, освященные свечи, вертел от юрьевского ягненка; на поле молились, кропили посевы святой водой, целовали землю.

В Словении, на северо-западе Хорватии, а также в Славонии известен обряд «Зеленый Юрий». В Ю. д. по селу ходила процессия, во главе которой вели человека, с ног до головы покрытого зеленью. У сербов Славонии в ночь накануне Ю. д. мужчины плели огромную корзину из зелени, покрывали ее сплошь зеленью, венками и, перевернув днищем вверх, надевали на голову и плечи человека, который в таком виде носил корзину по селу. Процессия состояла из пеших и конных мужчин, украшенных цветами, причем некоторые из них трубили в трубы и играли на других музыкальных инструментах. Они останавливались перед каждым домом, где исполняли юрьевские песни, в которых сообщалось о прибытии «Зеленого Юрия», а хозяева в ответ награждали их и обливали водой из подойника. У хорватов ряженый в зелень персонаж назывался обычно «Юрий» или «Зеленый Юрий». У словенцев парни вели «Зеленого Юрия» к реке и бросали его в воду; по другим

данным, в воду бросали маску-корзину или же обливали водой и ряженого.

У южных славян в Ю. д. отменялись многочисленные пищевые табу. До этого дня можно было есть только старые овощи, а всю молодую зелень запрещалось даже вносить в дом. В Ю. д. также теряли свою силу запреты на молодое мясо и молочные продукты (которые не ели с начала Великого поста или с 1 марта): в этот день первый раз ели домашнюю птицу и ягнятину, пили молоко, готовили сыр и угощали им гостей и т.д. Особенно строгими были ограничения, касающиеся молока. Если у какой-либо овцы погибали ягнята, ее молоко все равно не пили, а выливали в реку, после чего обязательно мыли руки, чтобы не оскверниться молоком, которое еще не было освящено. Первое надоенное молоко, как и любые другие первые продукты, было предназначено предкам (молоко раздавали соседям на помин души, лили в воду и др.). Нарушение этого правила грозило гибелью приплода и болезнью всего стада. Наиболее последовательно запрет пить молоко до Ю. д. соблюдался женщинами, у которых умерли грудные дети. По южнославянским поверьям, на «том свете» такие дети сидят на молочном дереве и пьют молоко. Если мать умершего ребенка нарушит запрет, он отлучается от дерева, остается голодным и проклинает ее.

Во многих славянских традициях Ю. д. связан с защитой от града: болгары и словаки в этот день воздерживались от работ, ассоциирующихся с «битьем» и иным производством шума: не били белье вальками, не пользовались ручными мельничками, не ткали, а также не выносили за пределы дома молоко и не употребляли в пищу на улице молочные продукты. У сербов и болгар группа парней обходила ночью село или поле, неся с собой кожу закланного в Ю. д. ягненка, задвижку от мельничной запруды, лопату, живую курицу, а по окончании обхода закапывала все это в землю в том месте, откуда обход начался, тем самым символически запирая круг и предохраняя село или поле от града.

У южных славян Ю. д. — первый в ряду нескольких праздников, когда практиковался сбор лекарственных трав и прочих полезных и наделяемых магическими свойствами растений; эти травы хранили для лечения, ими закармливали в Ю. д. скот, украшали дома и все хозяйственные постройки в апотропеических целях (для защиты от града, засухи, насекомых-вредителей).

В обрядности южных и восточных славян Ю. д. посвящен магии, связанной с обеспечением здоровья. В этот день собирали **росу**, которую использовали для лечения, взвешивались на весах, прикрепленных на молодом дереве, чтобы весь год быть здоровыми; опоясывались по голому телу зелеными ветками, катались и кувыркались по росе и др. С этим днем связаны у южных славян многочисленные гадания по сорванной зелени: увядшие к утру стебли предвещали домочадцам болезни и смерть, а сохранившие свежесть — здоровье и долголетие.

Лит.: *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979; *Колева Т.* Гергъовден у южните славяни. София, 1981.

Т.А. Агапкина

Я

ЯБЛОКО — символ плодородия, здоровья, любви, красоты; эмблема брачного союза, здорового потомства.

Я. и ветки яблони играют важную роль в свадебных обрядах славян. Я. выступало в функции любовного знака: парень и девушка, обменявшись плодами, выражали взаимную симпатию, публично объявляли о своей любви. Я., принятое девушкой во время сватовства, — знак согласия на брак. У южных славян приглашают на свадьбу, разнося Я. по домам.

Яблоневая ветка используется при изготовлении свадебного знамени, деревца; Я. укрепляют в венке невесты. Ветки Я. втыкают в каравай (белорусы, украинцы, поляки), в запеченную свадебную курицу (русские). Идя на венчание, невеста брала с собой Я. (южные славяне); в костеле после венчания она бросала Я. за алтарь, чтобы иметь детей (лужичане). Я. давали молодоженам, чтобы у них рождалось много детей; в первую брачную ночь одно Я. клали под перину, а второе разламывали пополам, и каждый из новобрачных съедал половину. Я. — символ целомудрия невесты: его клали на брачную рубашку или вместо нее в решето. Под яблоней у южных славян совершалось обрядовое бритье жениха перед свадьбой; при смене головного убора невесты на головной убор замужней женщины покрывало с ее головы снимали яблоневой веткой и бросали его на яблоню.

В обрядах Я. связывается с комплексом положительных значений. Чтобы все были здоровы, на Рождество, Новый год умывались водой, в которой лежало Я. (западные славяне); чтобы дети были здоровыми и красивыми, беременная должна была подержаться за яблоню и посмотреть на ее ветки (зимой) или на яблоки (летом); чтобы ребенок рос здоровым, сильным, румяным, с яблоком навещали роженицу (южные славяне); повитуха на крестинах раздавала всем Я. (украинцы); воду после купания новорожденного выливали под сладкую яблоню (Моравия, Словакия). В качестве жертвы Я. бросали в источник, в колодец, реку, озеро, прежде чем набрать воды из него (западные и южные славяне). У южных славян на Рождество и в Новый год самый младший член семьи приносил ветку яблони в дом, ее втыкали в рождественский калач; яблоневым прутом ударяли всех домочадцев и скот, а потом забрасывали на яблоню.

Я. — **дар** в обрядах календарного и семейного цикла: им одаривали **полазника**, колядующих, всех приглашенных на свадьбу и крестины. В свою очередь участники обходных обрядов приносили в каждый дом Я. и отдавали его хозяевам, клали на очаг. В Сербии, Македонии, Хорватии молодая, придя в новый дом, «одаривала» очаг яблоком с воткнутой в него монетой.

Я. — воплощение плодородия: его помещали в посевное зерно, чтобы пшеница уродилась крупная, как Я. (сербы Воеводины), чтобы защитить посевы от обирания (болгары). В южной Чехии плодовые деревья в Сочельник «кормили» орехами, яблоками. Последнее Я. не срывали с дерева: его оставляли на ветке, чтобы в будущем году был урожай (см. **«Борода»**) или для птиц. В Словакии молодая, придя в новый дом, переворачивала полную яблок корзину, чтобы в хозяйстве было изобилие. Помогало от бесплодия Я., зародившееся после вторичного цветения яблони (болгары), первое на молодом дереве (сербы), долго висевшее на яблоне (украинцы).

Я. связано с миром мертвых и играет значительную роль в похоронных обря-

дах: его клали в гроб, в могилу, чтобы покойник отнес его на «тот свет» предкам. В болгарских поверьях Архангел Михаил принимал душу в рай только с Я. Я. на столе в Сочельник предназначалось для умерших, поэтому, боясь мести предков, запрещалось брать Я. с рождественского деревца (Польша). До сих пор в поминальное блюдо «*коливо*» кладут кусочки Я. (Болгария). В поминальные дни обменивались яблоками за упокой души умершего, на кладбище Я. клали на могилу, на крест или закапывали рядом с крестом.

Яблоня выступает как посредник между двумя мирами, как связующее звено в приобщении души к миру предков. Маленькую яблоню несли перед гробом, сажали на могиле (вместо креста), чтобы умершие могли через нее общаться с живыми (сербы, болгары). Полагали, что деревце находилось с покойником в пути до самого его перехода на «тот свет». Когда яблоня засыхала, это значило, что душа достигла рая и дерево должно расстаться с ней. После похорон молодого неженатого человека яблоневую ветку втыкали в потолок в помещении, где лежал умерший (болгары).

Южные славяне считали, что яблоня связана с нижним миром, т.к. ее плодами питаются самодивы, ее сажают на могилах. Другие полагали, что до Яблочного Спаса, т.е. до освящения яблок, на яблоне обитают русалки, черт (Полесье); под ней находят клады (поляки).

Я. освящали в церкви на Преображение (Яблочный Спас) и только после этого их разрешалось есть. У южных славян это совершалось в Петров день (29.VI). В украинских легендах «Святой Понедельник» во время разговления в день Преображения Господня одаривает грешников яблоками за стенами рая, а праведники в раю получают Я. из рук Господа. В христианских легендах с яблоней и ее плодом связано грехопадение Адама и Евы, которые, вкусив запретный плод, были изгнаны из рая. В украинской легенде падший ангел соблазняет их Я., сказав, что съев его, они станут богами.

В.В. Усачева

ЯЙЦÓ — по народным представлениям, начало всех начал, средоточие жизненной силы; символ возрождения и плодовитости. Мотив преодоления смерти через заключенную в Я. жизнь отражается в таких загадках о Я., как: «Живое родит мертвое, а мертвое родит живое». Оппозиция «жизнь — смерть» или «бессмертие — смертность» отмечена в славянских волшебных сказках о Кощее, смерть которого заключена в Я. Чудо воскрешения распятого Христа описывается в народных поговорках через символику зарождающейся в Я. жизни: «Христос восстал живым из гроба так же, как цыпленок вылупился из яйца» (пол.).

В космогонических поверьях (преимущественно южнославянских) Я. выступало прообразом мира. В болгарских и сербских загадках и детском фольклоре солнце изображается как «Божье яйцо», звезды — как «яйца, снесенные небесной курицей», а звездное небо — как «решето, полное яиц». В апокрифических легендах весь мир представлялся в виде огромного Я., скорлупа которого — это небо, пленка — облака, белок — вода, а желток — земля.

Символика возрождения определила использование Я. в погребально-поминальных обрядах: при похоронах куриное Я. (или его модель — деревянное, глиняное Я.) вкладывали в руки умершему, клали в гроб, бросали в могилу, закапывали в землю и т.п. Сходное значение приписывалось и пасхальным Я. Согласно западнославянским преданиям, узнав о воскресении Христа, Мария увидела чудо: яйца, хранившиеся в ее доме, стали красного цвета; она раздала их апостолам как доказательство воскресения Христа, однако «крашенки» в их руках превратились в птиц и улетели, символизируя воскресение Христа и вознесение его на небо. Окрашенные и освященные в церкви пасхальные Я. служили главной ритуальной пищей, а также использовались в земледельческой и скотоводческой магии либо как надежное лечебное средство: их клали в посевное зерно, закапывали в поле, бросали в первую борозду; подбрасывали вверх при посеве льна и конопли, разбрасывали скорлупу в огороде для урожая. На Пас-

ху люди обменивались друг с другом крашеными яйцами; одаривали ими односельчан и участников ритуальных обходов; раздавали нищим, относили на кладбище и т.п. У русских широкое распространение получил обычай «катать яйца»: всю пасхальную неделю молодежь устраивала забаву, скатывая на землю с возвышения крашеные Я. Так же катали пасхальные Я. по могилам умерших родственников, когда ходили с ними «христосоваться». В русских церковных поучениях XVII в. упоминается запрет на Пасху «биться яйцами». Этот обычай долгое время сохранялся у восточных славян.

Обычно не красили Я. в тех домах, где в течение года случилась смерть одного из членов семьи (или красили их в зеленый, в черный цвет). Иногда в подобных случаях хозяева не решались красить Я. в собственном доме, но ходили для этого к соседям. Если же за истекший год семья похоронила хозяина дома, то к Пасхе вовсе не красили яиц.

Пасхальные Я. сохраняли в доме в течение всего года как магическое средство: с таким Я. в руках обегали горящее строение и затем бросали в огонь, чтобы остановить пожар (в.-слав.); его брали с собой в лес, когда искали пропавшую корову (рус.,яpocлав.); девушки для красоты и здоровья умывались водой, в которую опускали красное Я. (в.-слав., з.-слав.); скорлупу от пасхальных Я. закапывали в муравейник, чтобы куры хорошо неслись (серб.). Часто Я. выступало в роли оберега и средства, отгонявшего зло: его подкладывали под порог хлева, вынуждая скотину переступить через него, чтобы ведьма не смогла ей навредить (в.-слав.); помещали в колыбель новорожденного как защиту от вредоносного духа **богинки** (пол.); закапывали в поле против сорняков и от порчи (з.-слав.); перебрасывали Я., снесенное черной курицей в Зеленый четверг, через крышу дома для защиты от молнии и пожара (чеш.). Первое окрашенное на Пасху Я. сербы называли «сторож», «охранитель дома» и считали одним из наиболее действенных оберегов: держа такое Я. в руках, хозяева махали им в сторону приближающейся градовой тучи, чтобы та свернула в сторону от села и не повредила бы посевам.

Использование Я. в народной магии определялось такими его свойствами, как круглая форма, наполненность содержимым, белый цвет, скрытый в Я. зародыш будущей жизни и т.п. Например, при первом выгоне скота хозяйка катала яйцом по хребту лошади и говорила: «Как яичко гладко и кругло, так моя лощадушка будь и гладка и сыта!»; для белизны лица девушки гладили яйцом по щекам; чтобы лен уродился чистым, без сорняков, в посевное зерно клали некрашеные Я.

Особое значение придавалось первому Я., снесенному молодой курицей: его использовали для гаданий; с ним пастух обходил вокруг стада, чтобы волки не задрали скотину; закапывали в основание строящегося дома; предназначали в жертву домашним или лесным духам и т.п. Чудодейственные и демонические свойства приписывались так называемому петушиному яйцу (т.е. Я. без желтка или куриному Я. необычно малого размера). Считалось, что из такого Я. можно было вырастить духа, способного обогатить своего хозяина (см. **Дух-обогатитель**). Из Я., снесенного во дворе курицей и не обнаруженного хозяевами, через определенное время рождается мифический **змей**.

В мотивах заговоров и сказок упоминается чудесное Я. (красное или золотое), которое не разбивается при падении.

Л.Н. Виноградова

ЯРОВЙТ, Геровйт — у балтийских славян бог. В латинских средневековых сочинениях отождествлялся с римским Марсом. Атрибут Я. — щит с золотыми бляхами на стене святилища в Вольгасте нельзя было сдвигать с места в мирное время; в дни войны щит несли перед войском. Культовый центр Я. во время праздника в его честь был окружен знаменами. Я. был посвящен также весенний праздник плодородия; в одном из источников приводится речь жреца Я., согласно которой Я. властвует над зеленью и плодами земли; эти функции и

имя Я. позволяют сближать его с восточнославянским **Ярилой**. Ср. также **Руевит**.

В.И., В.Т.

ЯСЕНЬ — дерево, отмеченное почтительным отношением людей. Поляки считали Я. достойным того, чтобы вешать на него образки. У восточных и западных славян Я. относился к числу деревьев, обладающих апотропеическими свойствами. Русские верили, что Я. гонит и устрашает змей: от него они якобы цепенеют. Поляки считали, что змея скорее предпочтет попасть в огонь, нежели в листву Я., поэтому часто окуривали скот дымом от сожженных веток Я. В Герцеговине в опасный (из-за активизации нечистой силы) период от Рождества до Нового года пастух погонял стадо веткой Я. В канун летнего Иванова дня поляки втыкали ветки и листья Я. в загоны со скотом, чтобы уберечь его от нечистой силы. Словаки полагали, что змеи так боятся Я., что не заползают даже в его тень. Широко было распространено представление и о том, что в Я. не бьет гром, поэтому под ним можно было прятаться во время грозы.

Южные славяне считали, что на ветках Я. обитают **вилы**, поскольку не опасаются там ничьей угрозы. С помощью Я. снимали порчу; отвар из коры Я. употребляли для лечения целого ряда болезней.

У сербов народно-этимологическая связь слов «jасен» (ясень) и «jазавац» (барсук) обусловила магический способ изгнания с поля барсуков, поедающих кукурузу: в день, когда кукуруза была посеяна, надо воткнуть в землю на поле прут Я.

Т.А. Агапкина

ЯЩЕРИЦА — животное, относимое в народной традиции к **«гадам»**; наиболее близка к **змее**.

Как и змею, Я. считают нечистой тварью. По некоторым поверьям, Я. появляется на свет из яиц черта и может сглазить и околдовать человека. Полагают, что Я. может прогрызть кожу человека и добраться до сердца, а ее ядовитый укус смертелен. По поверьям южных славян, человек не излечится от укуса Я., пока не услышит рева ишака, пока не пересчитает целой меры проса, пока не найдет девять белых кобыл и девять сестер или пока не напьется молока от девяти сестер. Украинские рассказы о Я., отравившей еду крестьянину, убившему в поле ее детенышей, аналогичны рассказам об уже и о ласке. В то же время Я. спасает человека от оказавшейся поблизости змеи: влезает спящему за пазуху и щекочет, пока он не проснется. По украинским и польским поверьям, Я. берет себе хвост от гадюки, а если у нее оторвется хвост, то он или сама Я. превращается в змею. Как и у мифической гидры, куски разрубленной Я. срастаются вновь. Аналогичную способность приписывают и змее. Если бить или иссечь Я. на куски кнутом, а потом хлестать им скот, то скот от этого будет худеть и иссохнет.

Я. часто используют для насылания порчи. Так, поляки верят, что если подмешать в еду куски Я., то из них выведутся маленькие Я., которые задушат человека, когда клубками будут выходить через горло. На Украине считают, что ведьмы сушат и стирают Я. в порошок, подмешивают его кому-нибудь в водку, и человек умирает. Отваром из истолченных Я. украинские девушки привораживают парня, но если отвар постоит хотя бы сутки, он превратится в отраву, от которой человек сходит с ума и умирает.

В Я. видят души умерших, поэтому поляки при виде Я. желают душе вечного упокоения. Убивать Я. считают грехом. Если убить Я.-самца, умрет отец, а если самку — мать (у сербов) или в наказание на том свете будешь с Я. во рту (у украинцев). Украинцы говорят, что солнце плачет, видя убитую Я. Поэтому убитую Я., как и змею, нужно зарывать в землю. На Украине в некоторых местах ритуальное убиение Я., как и других хтонических животных, совершают во время засухи для вызывания дождя. Верят также, что палочкой, которой разогнали двух Я., можно разгонять тучи.

Для изгнания из избы клопов и тараканов Я. в мешочке подвешивают к

матице (у русских). Я. не живут около человеческого жилья. Украинцы полагают, что Я. погибнет, если заглянет в окно дома. Я., лежащая вверх брюхом возле дома, предвещает в нем пожар (у поляков). В Белоруссии и в Боснии увиденную весной первую Я. перегоняют через расстеленный пояс и опоясываются им, чтобы не болела поясница. Для избавления от головной боли украинцы сажают Я. за пазуху, лужичане — в шапку, которую вместе с Я. надевают на голову. В Белоруссии больного лихорадкой окуривают кожей Я. или вешают ему на шею убитую Я., которую затем выбрасывают, и когда Я. высохнет, тогда и болезнь пройдет. В Болгарии больным и рахитичным детям дают пить воду с золой от сожженной Я. В Польше живых Я. и змей поджаривают на огне и вытопленным жиром смазывают ульи для приманивания чужих или диких пчел.

Лит.: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 358–368.

А.В. Гура

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СПИСОК СТАТЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Энциклопедическое издание

Редколлегия:

Светлана Михайловна Толстая (ответственный редактор),
Татьяна Алексеевна Агапкина, Ольга Владиславовна Белова,
Людмила Николаевна Виноградова, Владимир Яковлевич Петрухин

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Энциклопедический словарь

Редактор *И.И. Соколова.* Художественный редактор *А.С. Скороход.*
Технический редактор *Г.В. Лазарева.* Компьютерная верстка *Н.М. Коршуновой*

Лицензия серии ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.
выдана Госкомпечатью РФ

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 10.07.2001. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,6. Уч.-изд. л. 48,05. Изд. № 13-и/2000. Тираж 5000 (1-ый завод 3000) экз.
Цена договорная. Заказ № 1387.

Издательство «Международные отношения». 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20.
Тел. отдела реализации: 975-30-09

Отпечатано с оригинал-макета издательства «Международные отношения»
в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной типографии им. В.И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр. им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60, 3-14-17, 3-46-20

ISBN 5-7133-1069-8

9785713310691

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

ISBN 5-7133-1069-8
9 785713 310691